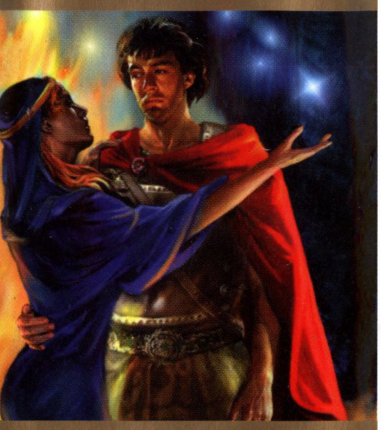
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

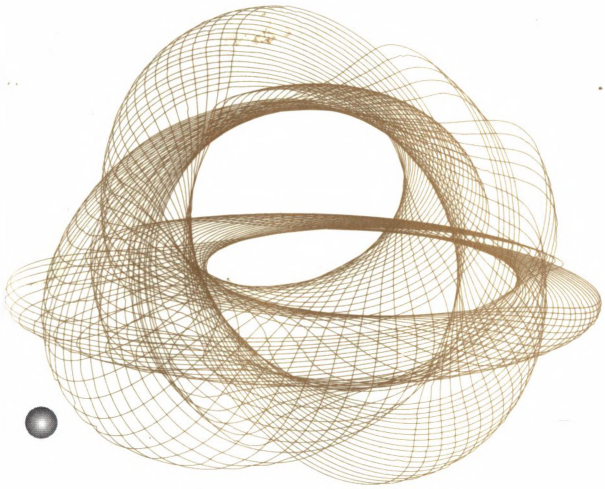


Книга о богах и людях

МИКЕНСКИЙ ЦИКЛ

ЭКСМО

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ



ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

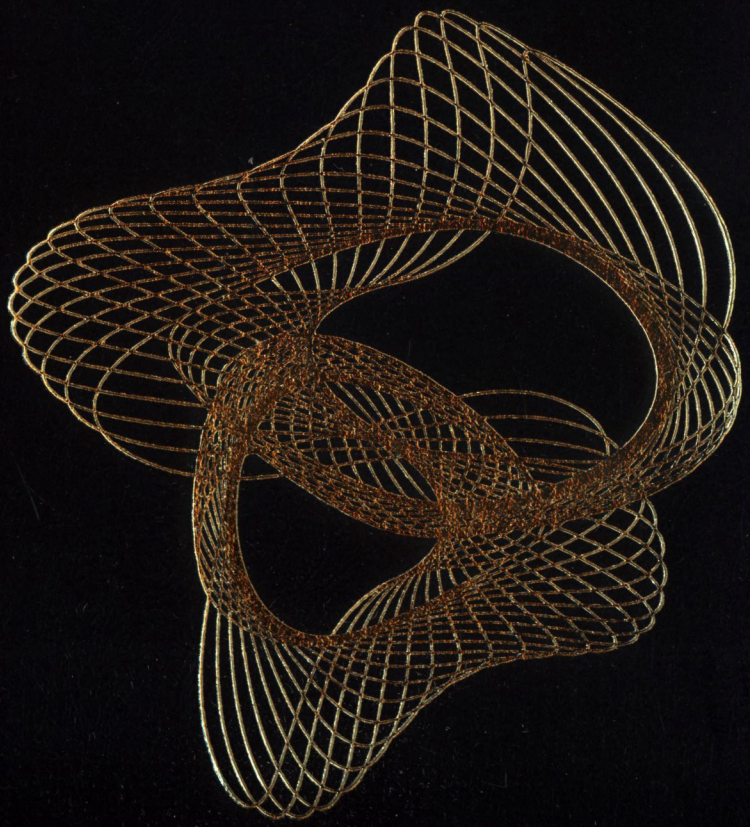
МИКЕНСКИЙ ЦИКЛ

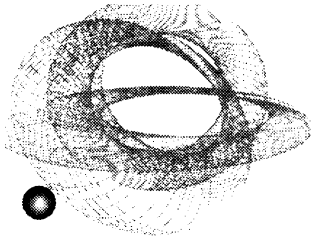
АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

МИКЕНСКИЙ
ЦИКЛ

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

МИКЕНСКИЙ
ЦИКЛ





ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

МИКЕНСКИЙ ЦИКЛ

СЕРЫЙ КОРШУН

ДИОМЕД, СЫН ТИДЕЯ

Москва, ЭКСМО
2004

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 15

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Валентинов А.
В 15 Микенский цикл: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 960 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-07472-4

Трудно ли быть царем? Самозванцу из далекого Вавилона приходится нелегко на престоле Златообильных Микен. Порою легче договориться с богами, чем с людьми; а есть еще кентавры, киклопы и многое другое, во что просвещенный вавилонянин отказывается верить. А ко всему еще и главная загадка: кто он сам, «Серый Коршун»: чужак на троне, человек с чужой памятью — или все-таки пропавший царевич?

Трудно ли быть богом? Диомед, сын Тидея, великий воитель, рад бы статься человеком, но... Троя взята, бушует в крови небесное серебро, а значит, победителям нет места на родной земле. Боги и герои плывут через Океан. Впереди неведомая страна — и первый чемпионат Италии по футболу. Странная судьба выпала герою и богу Диомеду, заглянувшему в наши дни, чтобы прочесть на плакате: «Троянской войны не было!»

Древняя Греция «от Андрея Валентинова», историка и писателя, с успехом выдержала испытание временем и взыскательными читателями.

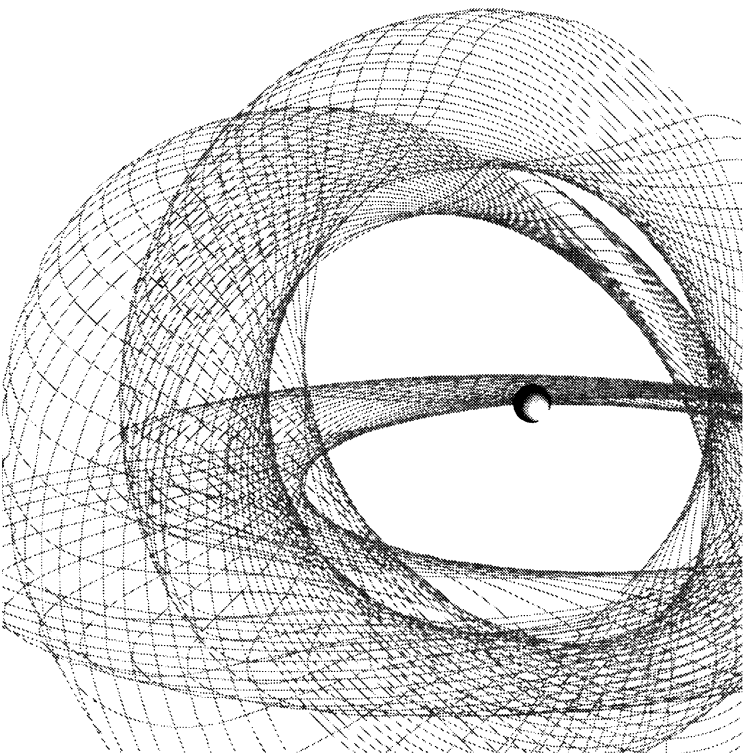
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Валентинов А., 2004
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-07472-4

СЕРЫЙ КОРШУН

РОМАН



Ибо всякой вещи есть свой срок
и приговор,
Ибо зло на совершившего тяжко ляжет;
Ибо никто не знает, что еще будет,
Ибо о том, что будет, кто ему объявит?
Нет человека, властного над ветром,
И над смертным часом нет власти,
И отпуска нет на войне.

Все из праха, и все возвратится в прах...

Книга Экклезиаст

I. ПОВЕСТЬ О ЦАРСКОМ МУШКЕНУМЕ[1]

Я — Клеотер, ванакт[2] в Ахайе, ванакт в Микенах и Аргосе, сын Главка, внук Гипполоха, потомок Дия, Отца богов.

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«Мой отец — Главк, отец Главка — Гипполох, отец Гипполоха — Арейфоой, отец Арейфооя — Главк, отец Главка — Дий. Искони мы пользуемся почетом, искони наш род был царственным. Четверо из моего рода были до меня царями. Я — пятый. Дий, Отец богов, мой бог и мой предок, дал мне царство».*

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«Царство мое было мне подвластно. Все, что я приказывал — ночью ли, днем ли, — исполнялось. В моем царстве каждого, кто был лучшим, я награждал, каждого, кто был враждебным, — строго карал. По воле Дия, Отца богов, царство следовало моим законам. Дий, Отец богов, дал мне это царство. Дий, Отец богов, помог мне, чтобы я овладел Микенами, и Аргосом, и всей Ахайей. По воле Дия, Отца богов, я владею моим царством».*

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«Вот что сделано мною для того, чтобы выполнить волю Дия, Отца богов, и стать царем...»*

---

[1] Мушкенум — царский служащий в Вавилоне.

[2] Ванакт — титул правителя в микенской Греции, условно аналогичный царскому или императорскому.

АЛЕФ[1]

«Я ПОНЯЛ»

Я понял — без драки не обойдется.

Четверо, сидевшие за соседним столом, давно уже косились в мою сторону, время от времени обмениваясь громкими фразами, — без сомнения, рассчитывая, что я услышу. Старались они зря: компания изъяснялась не на языке Хаттусили[2] и даже не на лидийском, а на чудовищном местном койне, которое я впервые услыхал только здесь, в Вилюсе[3]. Перевода, однако, не требовалось. Речь определенно шла о моей скромной персоне, причем мнение складывалось не в мою пользу. Вид у этой четверки был самый что ни на есть разбойничий — типичное отребье, которое часто попадается в портовых харчевнях: на поясе у каждого — нож, и все четверо — явно не дураки подраться.

Эта шайка — не самое страшное из того, что по воле Адада[4] пришлось повидать. Дело в другом — начнись заваруха, к ним присоединится половина всей той сволочи, что заполнила харчевню. А я был чужаком и казался законной добычей. Местные напрашивались, и я мысленно помянул Аннуаков и все милости их.

Сообразив, что я могу не понимать здешней тарабарщины, один из четверки — здоровенный детина в желтом грязном плаще — внезапно выпучил глаза и сделал рукою жест, явно изображающий бороду. Все вместе, очевидно, должно было обозначать мой портрет. Заметив, что я слежу за ним, детина поспешил удовлетворить мое законное любопытство и вновь прибег к языку жестов, изобразив нечто настолько понятное, что я вздохнул и начал не спеша приподниматься. Четверка загоготала и поспешила вскочить. Кривой коротышка, у которого, как я успел заметить, не хватало двух пальцев на руке, что-то крикнул и тоже попытался изобразить мою бороду. Получилось это не лучшим образом, но я понял. Значит, моя борода им не по душе...

---

[1] Название разделов — согласно буквам финикийского алфавита.

[2] Хаттусили — хеттская держава.

[3] Вилюса — Илион.

[4] Адад — один из богов Вавилона. Далее упоминаются также боги Аннуаки, Бел-Мардук, богиня Иштар и чудище Тиамат.

Обидно! То, что пыталось расти на подбородках моих новых знакомых, куда более достойно иронии. Своей бородой я искренне гордился, всегда стараясь, чтобы она была в порядке. Бороду я носил по-ассурски, стремясь придать ей форму не хуже, чем у гвардейцев Нина[1]. В последние годы эта мода широко распространилась в Баб-Или[2], и прежде всего среди нас, «серых коршунов». Но здесь, в Вилюсе, моды явно другие.

...Ножи были уже в руках, поблескивая темной бронзой. Шум в харчевне начал стихать, кое-кто уже вставал, предвкушая привычное зрелище. Похоже, в этой дыре поножовщина случалась каждый вечер, и я еще раз ругнул себя за дурость, заставившую на ночь глядя завернуть в этот приветливый уголок. У нас в Баб-Или подобное заведение давно бы прикрыли, и я первый побеспокоился бы об этом.

Ладно, кажется, пора...

Шакалы медленно приближались, рожи кривились наглыми ухмылками, а публика уже начала вопить, подбадривая героев. Я понял: как только они увидят кровь — мою кровь, — на меня кинется вся стая. Значит, предстоит не драка, а резня, и действовать следует так, словно передо мною не портовое отребье из славного города Вилюсы, а эламские щитоносцы. Я еще раз взглянул на тех, кому так не нравилась моя борода. Из всей четверки стоило опасаться только двоих: главаря в желтом плаще и его соседа — рыжего здоровяка, чья рожа была украшена здоровенными прыщами. Значит, они пойдут первым номером. Старое правило: вначале бей самого сильного...

Желтый плащ был уже рядом. Гнилозубая пасть ощерилась — главарь явно хотел что-то сказать, то ли мне, то ли своим товарищам. Ошибка — вторая и последняя. Первой, естественно, была та, что он вообще решил взглянуть в мою сторону — на мирного путника, зашедшего выпить здешнего мерзкого вина.

Секира, до этого стоявшая у деревянной ножки табурета, мигом очутилась у меня в руках. Было тесно, и я не стал размахиваться. Этого и не требовалось — лапа с ножом была рядом, достаточно только чуть податься вперед... Тускло сверкнула «черная бронза» — и рука с ножом, отсеченная почти у самого локтя, упала на грязный пол. Главарь пошатнулся и, вероятно, заво-

---

[1] Нин — Ниневия, столица Ассирии (Ассура).

[2] Баб-Или — «Врата бога» — Вавилон.

пил, прежде чем опуститься на колени и упасть на бок, но в такие мгновения плохо различаешь звуки. Секира уже зависла над головой прыщавого. В последний миг вспомнив, что предстоит еще разбираться со здешними властями, я чуть повернул рукоять. Тяжелый обух припечатал прыщавого по его непутевой башке. Третий удар — тоже обухом — достался коротышке, угодив ему в челюсть. Коротышке вполне хватило, и я решил заняться четвертым. Но тот уже отступал, отчаянно вопя и размахивая ножом. Разрубить ему череп не представляло ни малейшей трудности, но я вновь вспомнил, что в любой миг сюда могут зайти стражники. Я отскочил назад и прислонился к стене.

Главарь лежал в кровавой луже, пытаясь зажать обрубок левой рукой, прыщавый валялся рядом, а коротышка вместе с четвертым, которого я даже не успел как следует разглядеть, были уже у дверей. Шум в зале стих. Стая, еще миг назад готовая рвать меня на части, призадумалась. Добыча кусалась.

Теперь следовало немедленно уходить, и лучше всего — в дверь, поскольку окно, находившееся как раз за моей спиной, было слишком узким. Но у двери сгрудилось не менее дюжины мордатых ублюдков, некоторые уже успели достать ножи. Пробиться возможно, но тогда пришлось бы рубить по-настоящему, без жалости. Конечно, никакого сочувствия к здешней публике я не ощущал, но мне было жалко себя: местный суд вполне может расценить это как предумышленное убийство, а защищать меня, чужака, никто не станет.

Текли мгновения, на полу хрипел главарь, визжал коротышка, и я понял, что начинаю терять инициативу. И тут послышался резкий крик: высокий широкоплечий парень в богатом, расшитом золотом фаросе[1] встал из-за стола и что-то решительно бросил в сторону онемевших завсегдатаев.

...На фарос я обратил внимание прежде всего. Богатый плащ! У нас в Баб-Или его можно продать за десять мин — а то и за все двенадцать. Получи я такой при разделе добычи, то чувствовал бы себя вполне счастливым минимум полгода. Интересно, как такой плащ решился заглянуть в здешнюю дыру? Возможно, потому, что тут недолюбливали бородатых, а у его владельца бороды не было. Красивый парень, явно не из простых. И нездеш-

[1] Фарос — плащ.

ний — не хеттийец, не лидиец, и, конечно, не из Ассура или Баб-Или.

Впрочем, обо всем этом подумалось позже. В тот момент меня интересовало прежде всего то, что этот плащ собирается делать. Парень вновь крикнул и повелительно указал на меня. По толпе прошел шелест, публика начала нерешительно переглядываться. Тогда владелец фароса неторопливо достал из ножен, болтавшихся у расшитого золотом пояса, меч и, подойдя ко мне, стал рядом.

Итак, у меня появился союзник. Я возблагодарил великого Адада, подателя всех благ. Парень что-то сказал мне, а затем вновь повернулся к толпе. Но та уже расползалась по углам, угрюмо переглядываясь и ворча. Проход освободился. Терять время было грешно, и мы, не сговариваясь, бросились вперед. Впрочем, бежать не следовало. У порога я остановился и, повернувшись, еще раз продемонстрировал секиру. В ответ послышалось недовольное рычание, но я не стал ввязываться в спор и шагнул на темную улочку, где меня уже ждал мой новый знакомый. Я показал рукой в сторону невидимой во тьме цитадели, владелец плаща кивнул, и мы зашагали прочь от гостеприимной харчевни. Я задержался лишь на миг, чтобы обтереть лезвие и закинуть секиру за спину. Бродить по улицам с «черной бронзой» не стоило — первый же отряд стражников мог ее отобрать, польстившись на редкое в здешних местах оружие.

...Секиры было бы жаль — я честно отобрал ее у эламитского сотника, после того как проткнул ему горло копьем. Это было два года назад, в битве у ворот Баб-Или, когда наш отряд пытался спасти лугаля Апиль-Амурру. Бой мы выиграли, но на следующий день лугаль умер от полученной накануне раны, и городской совет Баб-Или предпочел открыть ворота. Того, что должно было последовать за этим, я решил не дожидаться и предпочел довериться степному ветру, который понес меня на запад, закинув в конце концов в город Вилюсу у берегов Лилового моря.

Мы шли по пустой ночной улице, вокруг стояла тишина, и я понял, что на этот раз все кончилось. Наверное, мой спутник подумал о том же, поскольку рассмеялся и что-то быстро проговорил, кивая в темноту. Слова показались знакомыми, но я не стал переспрашивать. Парень в плаще вновь засмеялся и заговорил по-хеттийски со странным придыханием. Впрочем, понять было можно:

— Хорошая секира, воин! Такой секирой можно разогнать сотню этих ублюдков. Жаль, что оружие испачкалось в их крови.

— Ей все равно, — я погладил висевшую за плечом «черную бронзу». — Спасибо, что помог.

— Не за что! — парень нетерпеливо взмахнул рукой. — Я только прикрикнул на эту сволочь, и они сразу поджали хвосты. Как тебя зовут, воин? Ты ведь не из Хаттусили?

Я уже собирался ответить и вдруг понял, почему меня так заинтересовало его произношение. Я тоже говорил по-хеттийски неправильно и точно так же глотал звуки, отчего меня далеко не всегда понимали. Еще раз окинув взглядом своего спутника, я решился:

— В Баб-Или, где я служил царским мушкенумом в войске лугаля Апиль-Амурру, меня звали Нургал-Син. Но в той земле, откуда мы оба родом, у меня было другое имя.

Я проговорил это на языке, понятном нам обоим, — на наречии Ахиявы[1]. Правда, слова пришлось подбирать: за долгие годы родная речь изрядно подзабылась.

Парень вздрогнул, взглянул в упор, а затем широко улыбнулся:

— Радуйся, земляк! Меня зовут Гелен, сын Ифтима. Мой отец был басилеем[2] неподалеку от крепкостенного Аргоса.

Он не стал спрашивать мое настоящее имя, и я мысленно поблагодарил его за чуткость. Врать этому человеку не хотелось.

— Радуйся, Гелен, сын басилея. Что привело тебя в негостеприимную Вилюсу?

Слова вспоминались не без труда. В Баб-Или не с кем было разговаривать по-ахейски.

— Поиски подходящего корабля, доблестный Нургал-Син. Я собираюсь домой, в Микены.

Мы шли прочь от моря и вскоре оказались возле цитадели. Постоялый двор, где довелось остановиться, находился рядом, но я не спешил. Давно уже не приходилось встречать земляка. К тому же повод для разговора был:

— Странно сплетаются дороги, Гелен, сын басилея. Я тоже искал в порту корабль, чтобы плыть в Ахияву.

---

[1] Ахиява (Ахайя) — в широком смысле — Греция, в узком — Микенское царство; далее упоминается Микаса (Микены) и Аргуса (Аргос).

[2] Басилей — обычно переводится как «царь». В описываемое время — царский наместник.

Ахайю я называл по-хеттийски, но Гелен понял:

— Ты тоже из Аргоса, Нургал-Син?

— Нет...

Можно было промолчать, но я все же решился:

— Я еду в город Микасу. Когда-то я жил там. Очень давно.

— Микаса? — Гелен на миг задумался. — Так ты из Микен?

Удивительно, почему он не добавил «Златообильных». Странная привычка у моих земляков — подбирать к каждому слову подходящее определение! От этого я тоже отвык — в Баб-Или говорят куда проще.

— Нет, не из Микен, благородный Гелен, сын Ифтима. Я жил в деревушке, название которой и сам теперь не упомню. Пас коз у местного басилея, а потом меня продали за море, в Тир.

— Так ты из рабов, Нургал-Син?

На этот раз он не добавил «доблестный». Впрочем, я не обиделся.

— Я был тогда не выше колеса от повозки, благородный Гелен, и меня никто не спрашивал. Родные умерли, и некому было заступиться за сироту. Пять лет я вращал мельничный жернов в Тире, пока не нашел более подходящее занятие.

— Стал воином у басилея Баб-Или, — кивнул Гелен.

— У лугаля Баб-Или, — поправил я. — Лугаль — то же, что «ванакт» по-ахейски. Я стал оруженосцем, потом воином, потом десятником, а в последний год — старшим отряда разведчиков. Я был мушкенумом, а это не так уже мало. Особенно для Баб-Или...

...Да, считаться царским мушкенумом — судьба не из худших. У меня имелся дом, было поле, был сад, десяток пленных, работавших в поле, пока я воевал. Мне платили за каждую рану, за каждый синяк, царский тамкар был обязан выкупать меня из плена, а впереди брезжила надежда, что если удастся волею Аннуаков дожить лет до сорока и добыча будет щедрой, то я смогу купить поле — свое, а не царское, — и тогда дети мои станут полноправными подданными великого лугаля Баб-Или. В общем, можно дотянуть до должности сельского старосты или того же тамкара. Хотя доживали редко, особенно после того, как проклятые эламиты стали нападать на наши границы...

Всего этого я не стал объяснять Гелену. У него — свои хлопоты. Сын басилея переплыл Лиловое море явно не от хорошей жизни.

— Если тебе, Нургал-Син, старший отряда разведчиков, жи-

лось хорошо, отчего же ты решил покинуть Баб-Или? Домой потянуло?

На этот вопрос мне часто приходилось отвечать за последние два года, пока я странствовал через Ассур, Митанни и Хаттусили. Обычно я говорил, что домой мне повелел вернуться оракул великого бога Бела Мардука, вещавший из каменной щели на верхней площадке зиккурата. На этот раз захотелось сказать иначе.

— Нет, Гелен, сын басилея. Меня не очень тянуло домой. Я жил в Финикии, в Ассуре, в Баб-Или. Это великие страны, по сравнению с ними Ахиява — не больше крысиной норы. Я ничего не видел доброго на родине. Но лугаль Апиль-Амурру погиб, проклятые эламиты захватили город, и надо было искать другое пристанище. А в Ассуре и Митанни не хотели брать на службу «серого коршуна» из Баб-Или.

Это была правда — отчасти. Меня не ждали в Ассуре, но можно было попроситься на службу к лугалю Исина или поступить в гвардию Хаттусили. Или хотя бы устроиться здесь, в Вилюсе.

— Говорят, ванакту Микен нужны опытные воины, — согласился Гелен. — Он охотно берет чужаков.

— А кто сейчас правит в Микасе? — наивно поинтересовался я.

Мы расстались с Геленом не скоро. На прощанье он посоветовал мне подстричь бороду по местной моде, я же намекнул сыну басилея, что златотканый фарос лучше спрятать до возвращения домой, поскольку он выглядел куда более вызывающе, чем моя борода.

Ночью не спалось. Я никак не мог привыкнуть к здешней грязи и, если бы не холодная погода, давно бы уже перебрался на крышу. Чем дальше на запад, тем постоялые дворы становятся грязнее, города — меньше, а дороги — хуже. А за морем — если верить тому, что мне говорили и что я помнил сам, — меня ждал истинный край света. Каменистая земля, худые козы, цари в домотканых плащах, задымленные лачуги и женщины, которые не моются неделями.

Великая Ахиява — моя родина...

...То, что я узнал от Гелена, почти в точности совпадало с уже слышанным. В Микасе правит великий ванакт Ифимедей, сын Гипполоха, рука его тверда, и меч разит без устали. Разить приходится все чаще — ванакт правит уже четверть века, и за эти годы недовольных, как водится, расплодилось немало. Посему Ифимедей охотно берет на службу чужеземцев, что вполне устраивает «серого коршуна» Нургал-Сина.

Как я и догадывался, Гелен оказался за морем не по своей воле. Его отец был басилеем на службе ванакта Главка, который, как раз четверть века тому назад, был свергнут и убит своим младшим братом — будущим великим ванактом Ифимедеем. Во время переворота погибли жена Главка и его сын, а только что родившаяся дочь была взята на воспитание дядей.

Эту историю я слыхал уже не один раз, правда, с некоторыми вариациями. Кое-кто из рассказчиков был уверен, что сын Главка спасся и в царском толосе[1] на окраине Микасы лежит то ли сын кормилицы, то ли внук привратника. Подобных историй — про перевороты и братоубийство — я немало наслышался еще в Баб-Или, и часто они оказывались правдой. Кроме чудесного спасения, конечно, — в жизни, а не в сказке могилы редко отдают то, что в них положено.

Басилей Ифтим, отец Гелена, предпочел не искушать судьбу и уехать в Хаттусили. Гелен вырос в Троасе[2], неподалеку от Вилюсы, и теперь собрался домой. Отчего — сказано не было. Может, ему тоже посоветовал оракул.

На следующее утро мы встретились с Геленом в порту. Предварительно я зашел в первую попавшуюся цирюльню и отдал бороду на растерзание. Цирюльник, насколько я понял из его чудовищного выговора, обещал подстричь ее по последней ахиявской моде, заодно посоветовав остричь волосы, поскольку в Ахияве стригутся коротко. Возражать я не стал, но внутренне содрогнулся, увидев свое отражение в начищенном медном тазике. Вместо доблестного воина с длинными волосами и завитой колечками бородой на меня глядел разбойник со стрижкой «под горшок» и короткой бороденкой, настолько нелепой, что мне захотелось ее немедленно сбрить. Цирюльник, однако, остался доволен, заявив на ломаном хеттийском, что теперь я выгляжу как настоящий ахейский принц. Оказывается, года два назад в Вилюсе был проездом какой-то мелкий энси[3] (то есть, конечно, не энси, а басилей) из Ахиявы, и цирюльник точно запомнил его стрижку. Оставалось лишь покориться судьбе и приобрести в соседней лавке приличный ахейский плащ вкупе с парой хитонов.

---

[1] Толос — подземная гробница.

[2] Троаса — Троя. Вилюса (Илион) и Троаса (Троя) — разные города, позже слившиеся в легендарную Трою Гомера.

[3] Энси — правитель города в Вавилоне.

Гелен, уже ждавший возле одного из причалов, полностью одобрил мое перевоплощение, мне же было не по себе. Переодеваться приходилось часто — в отряде разведчиков это дело обычное. Но теперь я был не на службе — я возвращался домой. Царский мушкенум из Баб-Или исчез навсегда, а на пристани Вилюсы стоял некто без имени, без предков и без всякой крыши над головой — даже соломенной.

Впрочем, виду я, надеюсь, не показал и отправился вместе с Геленом договариваться на один из кораблей. Судно именовалось «Рея» — в честь матери Дия, Отца богов. Да не обидится Дий, но, судя по кораблю, его почтенная матушка явно доживает последние дни. Однако корабельщик — крепкий толстяк совершенно пиратского вида — уверил, что его «Рея» доставит пассажиров в Навплию в целости и сохранности. Я невольно вспомнил многопарусные красавцы, которых навидался у причалов Тира и Сидона, и поспешил согласиться. В эту осеннюю погоду корабли, даже такие, как «Рея», плавали по Лиловому морю нечасто.

За переезд толстяк запросил несусветную сумму, которой наверняка хватило бы, чтобы доставить нас в страну Пунт. Гелен не стал торговаться, а я поневоле призадумался. Но тут корабельщик заметил выпирающую из-под плаща секиру и оживился. Оказывается, у него не хватало охраны, а пираты в последние годы явно обнаглели. Я сообщил, что готов охранять корабль все время плавания, и корабельщик тут же сбавил цену вполовину, пообещав бесплатную кормежку. В общем, день начался удачно.

Корабль отплывал после полудня, и я успел собрать вещи и погулять напоследок по Вилюсе. Вещей оказалось немного. Старую одежду я продал за четверть цены и остался со сменным хитоном и парой сандалий. Правда, было еще оружие: меч, кинжал и, конечно, секира, а также прекрасный митаннийский шлем и моя гордость — кольчужная рубаха старой гиксосской работы. Я купил ее в Сирии шесть лет назад, и с тех пор она не менее дюжины раз спасала мне жизнь. Конечно, это не полное вооружение, но щит и копье достать несложно, а луком я так и не научился пользоваться. Луки в Баб-Или, признаться, оставляют желать лучшего. Говорят, у тех же гиксосов они не хуже кольчуг, но для того, чтобы купить настоящий гиксосский лук, не хватит и моего годового жалованья, даже если перевести его в серебро.

Я пришел вовремя, а Гелен чуть не опоздал, чем изрядно ра-

зозлил толстяка-корабельщика. Когда он наконец появился и «Рея» под ругань на нескольких понятных и непонятных мне языках отчалила, выяснилось, что сын базилея приносил жертву в храме Ма, что в самом центре здешней цитадели, а также вопрошал прорицателя. С жертвой (кажется, он не пожалел целого теленка) задержки не было, а вот прорицателя пришлось поискать. Ответ его (стоивший еще одного теленка) изрядно заинтриговал моего нового знакомого, и он, не выдержав, поделился им со мною. Оказывается, сыну базилея пообещали нечто вроде следующего:

«То, что задумал Гелен, — все исполнится, но не Геленом».

Я бы тоже, признаться, задумался. Однако, зная эти прорицалища, особенно в таких паскудных местах, как Вилюса, поспешил успокоить своего спутника, напомнив, что боги (а также прорицатели) чаще всего предпочитают не брать на себя ответственность и выражаются крайне туманно. В целом же ответ не из самых худших: то, за чем Гелен возвращается домой, будет выполнено, причем самому ему особо трудиться не придется.

...Конечно, пророчество можно толковать и по-иному, но этого говорить, конечно же, не стоило.

Сам я не спрашивал совета, не отдавал телят на съедение прорицателям и даже не заглянул ни в один здешний храм. Наверное, местные боги здорово на меня рассердились.

Впрочем, на богов у меня своя точка зрения.

Пока «Рея», подгоняемая порывами холодного осеннего ветра, скользила по серой глади моря, отчего-то названного Лиловым, я не спеша обдумывал то, что случилось за последние сутки. Все вышло даже лучше, чем я надеялся. Но кое-что беспокоило. И прежде всего — сам Гелен.

Семья басилея бежала за море, что для жителей Ахиявы, не привыкших путешествовать, почти край света. Теперь же Гелен спешит домой. А куда ему, интересно, спешить? Ифимедей на троне и помирать вроде не собирается. Разве что Гелену позволили вернуться, но в этом случае любой разумный человек не станет рваться прямо в Микасу. Лучше пожить в той же Аргусе, присмотреться, завязать новые знакомства, возобновить старые. А между тем Гелен спешил и, кажется, очень боялся опоздать.

Далее — еще интереснее. Его семья жила бедно, но совсем недавно у Гелена появились средства — и немалые. За проезд он выложил не серебро, а золото, одежда на нем была вся новая и очень богатая. Связь между внезапным желанием вернуться в Микасу и столь же внезапным богатством казалась настолько очевидной, что не требовала особых доказательств.

Было в этом деле и еще одно любопытное обстоятельство — я сам. Благородный сын басилея воспылал симпатией к своему земляку. Всякое, конечно, возможно, особенно на чужбине. Но очевидно, что, если я стану его спутником, моя секира не останется за плечом, когда Гелену будет грозить опасность. Значит, такого спутника он искал, и в этом случае его появление в грязной харчевне, где клубится всякая шваль, вполне понятно.

И еще одна деталь — небольшая, но любопытная. Фарос! Богатый, золотого шитья фарос, который был на Гелене в тот вечер. На следующее утро сын басилея был уже в обычном плаще — вполне пристойном, но, конечно, ничуть не похожем на прежний, расшитый золотом. Гелен поступил разумно, спрятав роскошную вещь подальше, но зачем было надевать фарос вчера, да еще на ночь глядя? Не для того же, чтобы произвести впечатление на портовое отребье!

Я еще раз вспомнил фарос и завистливо вздохнул. Нет, сам я носить его не стал бы, но в той же Аргусе плащ можно продать, а на полученное серебро купить небольшой домик где-нибудь в предместье. Поле, дом, сад — то, чего я лишился, покинув Баб-Или. Впрочем, фарос интересен не только этим. Он не выглядел новым, скорее хорошо сохранился, будучи надеваем только в редких случаях. Возможно, плащ принадлежал отцу или деду Гелена, хотя мне он показался слишком богатым для сельского басилея. Но даже если и так...

Скорее всего вчерашним вечером у Гелена состоялась очень важная встреча. Настолько важная, что он решился надеть фарос. Встреча намечалась где-то в порту, и скорее всего в великой тайне, иначе Гелен не возвращался бы так поздно, не наняв охранника. И на этой встрече решалось что-то серьезное, вполне вероятно — его отъезд на родину. Сын басилея был настолько взволнован, что зашел в первую же попавшуюся харчевню, чтобы перевести дух, вмешался в драку и вдобавок был со мной достаточно откровенен. Да, возможно, так оно и было. Но, может, было и по-другому: фарос Гелен получил на самой встрече как знак чего-то важного...

Как ни крути, а выходило, что мне предстоит путешествие вместе с крайне подозрительной личностью. Похоже, враги (не друзья же!) ванакта Ифимедея что-то задумали...

...но какое до этого дело бывшему царскому мушкенуму Нургал-Сину?

БЕТ

«МЫ ПЛЫЛИ»

Мы плыли дольше, чем рассчитывали. Ветер все время отгонял «Рею» обратно к берегам Хаттусили, и мы медленно ползли от острова к острову. Признаться, плавание не оставило приятных воспоминаний — корабль был тесен и необыкновенно грязен. Но неспешное путешествие имело и свои преимущества: впереди начиналась полная неизвестность, и я был не прочь как следует еще раз все обдумать, а заодно побольше разузнать об Ахияве. Моих детских впечатлений было явно недостаточно, а перед каждой войной полезно узнать о стране, куда идешь походом. Тут могут помочь любые мелочи.

С Геленом мы разговаривали редко. Сын басилея волновался, считал дни и редко вступал в беседу. Я окончательно убедился — он спешит, причем к определенному (причем не им, а кем-то еще определенному) сроку. Навязываться я не стал, предоставив Гелена его мыслям. Зато корабельщик оказался словоохотлив. Правда, большая часть его рассуждений касалась все тех же пиратов, которые чудились ему возле каждого острова, но попутно он охотно рассказывал и об Ахияве. Сам корабельщик родился в Иолке, но бывал всюду, в том числе и в Микасе. Конечно, большая часть услышанного оказалась полной ерундой, но попадались и любопытные подробности.

Мое предположение оказалось верным: власть ванакта Ифимедея в последнее время изрядно пошатнулась. Он проиграл войну с Орхоменом, которую сам и начал, вопреки протестам собственного совета. В поражении Ифимедей обвинил лавагета[1], которого отправил в ссылку, а с остальными недовольными разделался еще круче. В Микасе все стихло, но в глубине что-то продолжало бурлить.

---

[1] Лавагет — военачальник, верховный главнокомандующий.

Ифимедею, как я понял, грозили с двух сторон. Прежде всего, был жив и здоров его дальний родственник Афикл, теоретически имевший право на престол, — потомок первого ванакта династии Главка Старого. Впрочем, корабельщик сообщил по секрету, что на самом деле Афикл — сын то ли Дия, то ли Посейдайона. Это, по логике моих земляков, делало его права на престол еще более очевидными.

...Я уже успел заметить странную привычку обитателей Ахиявы искать и находить божественных предков не только ванакту, но и каждому захудалому басилею. Если верить всем этим байкам, здешние боги весьма похотливы. О великий Адад, податель всех благ! Похоже, религия моих земляков немногим ушла от верований тех голых дикарей в низовьях Тигра, которых лет десять назад нам приходилось приводить в чувство!

С корабельщиком я спорить не стал. Итак, Афикл — потомок то ли кого-то из богов, то ли основателя династии — имеет право на трон. Он силен, как буйвол, красив и даже не так глуп — в общем, идеальный соперник. Многие чуть ли не с рождения прочили ему престол, но вышло иначе. Лет восемь назад Афикл внезапно явился в Микасу и присягнул Ифимедею, обещав служить не за страх, а за совесть. Что толкнуло его на это, я так и не понял — не иначе послушал очередного оракула, которых в Ахияве больше, чем поилок для скота. С тех пор Афикл стал мечом Микасы, расправляясь с врагами ванакта. Правда, Ифимедей его по-прежнему побаивался и, по слухам, не пускал на глаза.

Итак, претендент имелся, но не на него враги ванакта возлагали основные надежды. Во дворце Микасы воспитывалась дочь покойного Главка — Ктимена. По слухам, девушка ненавидела дядю, и тот не спешил отдавать ее замуж, дабы не получить еще и врага-зятя.

Но еще больше, чем о Ктимене, шептались о ее брате — царевиче Клеотере. Мне вновь довелось выслушать рассказ о чудом спасшемся ребенке, вместо которого был похоронен то ли его погибший сверстник, то ли деревянная кукла. Из слов корабельщика я понял, откуда такие слухи могли возникнуть. Ванакт Главк и его жена были убиты во время переворота, а царевича, которому тогда исполнилось шесть лет, отослали куда-то в деревню. Через месяц новый ванакт объявил, что Клеотер умер от укуса змеи. Змеей все тут же посчитали самого ванакта, но некоторые заявили, что из деревни во дворец привезли не мертвого царевича, а кого-то другого, тем более что похороны состоялись ночью и чуть ли не тайком.

Итак, с одной стороны Ифимедею грозил неясный призрак царевича Клеотера и его ныне здравствующая сестра, с другой — божественный отпрыск Афикл, который, как поговаривали, вовсе не смирился с ролью слуги, а лишь умело ведет какую-то свою игру.

В самой Микасе языки были прикушены, но против ванакта явно настроены не только многие из гиппетов[1], но и верховный жрец Поседайона Арейфоой, тоже дальний родственник Ифимедея, а также знаменитая прорицательница Гирто. В свое время они поддержали переворот, зато теперь первыми решили отступиться от ванакта.

Таков был расклад — ежели, конечно, верить корабельщику.

Из всего этого я мог сделать два вывода. Прежде всего, люди везде, даже в крысиной норе, остаются самими собой. Похожие ситуации мне приходилось наблюдать и в Мари, и в Митанни, и в самом Баб-Или. Второй вывод был столь же очевиден — ванакту Ифимедею нужны опытные воины-иноземцы, а для Нургал-Сина ничего более и не требовалось.

Впрочем, из долгих бесед с корабельщиком я сделал еще один и тоже полезный вывод: я не забыл родной язык, несмотря на то что с земляками в последний раз разговаривал в Сидоне лет десять назад. Многое вспомнилось, а некоторые слова пришлось заучить заново. Это тоже пригодится — в крысиной норе не найти толмача.

То, что дела обстоят хуже, чем я думал, стало ясно, как только нос «Реи» ткнулся в причал Навплии. На что Вилюса — дрянной город, но главный порт Ахиявы показался просто скопищем лачуг. Конечно, при ближайшем рассмотрении в городе удалось разглядеть нечто напоминающее улицы, лачуги порой попадались двухэтажные (хотя и с наружными лестницами), а на холме возвышалось нечто большое из камня, чем местные жители явно гордились, наверняка думая, что это крепость. Будь со мною моя полутысяча, мы очень быстро вывели бы их из этого приятного заблуждения! Такая задача сейчас передо мной не стояла, но все виденное ничуть не увеличило радость по поводу возвращения на родную землю.

---

[1] Гиппеты — «всадники», высшее сословие Микен.

...Впрочем, в Навплии я ни разу не был. Пираты, купившие меня такой же хмурой осенью двадцать три года назад, пристали прямо к обрывистому берегу недалеко от деревни, где я пас худых темноглазых коз.

Сын басилея спрыгнул на берег одним из первых и тут же поспешил в город. Я не успел выпить в портовой харчевне и двух кубков вина (ну и пойло, хуже, чем в Вилюсе!), когда Гелен появился вновь, сообщив, что договорился с хозяином небольшого каравана, который отправляется в Микасу через пару часов. Вслед за этим сын басилея поспешил в соседний храм приносить очередную жертву (на этот раз, кажется, барана), а я остался за грубо сколоченным столом не в самом лучшем настроении.

Меня не тянуло в Микасу. Навплию, правда, я не успел как следует обследовать, но, зайдя в харчевню, убедился, что пива здесь не подают, а женщины действительно моются не чаще раза в год. О мужчинах и говорить не приходилось: портовая толпа выглядела еще гнуснее, чем в Вилюсе. Итак, в Навплии скверно, и едва ли в столице Ахиявы будет чем-то лучше. По здравому рассуждению мне следовало потолкаться здесь до весны, а затем податься назад через Лиловое море и завербоваться в армию Хаттусили.

Но это по здравому размышлению. Были размышления и нездравые.

...Я не нанимался к Гелену в телохранители, однако мы договорились ехать в Микасу вместе, а я всегда выполняю обещания, если даю их добровольно. Конечно, Гелен возвращался на родину не только для того, чтобы поцеловать растрескавшиеся камни родного порога, но к опасностям мне не привыкать, а когда те, кому помогает сын басилея, выиграют, для «серого коршуна» найдется местечко получше, чем должность стражника в порту.

Итак, мы выехали в тот же день. Гелен поинтересовался, успел ли я принести жертву. Я поспешил заверить, что сумел побывать во всех портовых святилищах и в каждом вознес требуемые молитвы. По-моему, он поверил, во всяком случае, мне показалось, что Гелен вздохнул не без облегчения. Очевидно, сын басилея считал, что в покровительстве местных небожителей нуждается не только он, но и я.

Повозки не спеша двигались по узкой, раскисшей от дождей дороге. Путешествовать предстояло не менее трех дней, поскольку хозяин каравана твердо решил не спешить и двигаться только в короткие светлые часы. Если на море боялись пиратов, то здесь весьма опасались местных разбойников. Похоже, у богоравного ванакта Микасы не хватало воинов, чтобы охранять даже главную дорогу.

Что поделаешь? Крысиная нора!

Гелен вновь замкнулся, думая о чем-то своем, а я пристроился к хозяину, благо тот оказался человеком бывалым и разговорчивым. Я надеялся разузнать что-нибудь новое о делах Микасы, но купец жаловался на застой в торговле, сетовал на дороговизну морских перевозок, из-за чего товары поднялись в цене, то и дело поминая все тех же разбойников. Когда эта благодатная тема ему надоела, он немного вдохновился, пообещав, что славный герой Афикл в ближайшее время очистит дороги от грабителей.

Так мне вновь пришлось услыхать о потомке богов. Афикл, по версии нашего хозяина, пошел на службу к ванакту, дабы совершать подвиги. Он уже успел убить двух львов, лань, дюжину лошадей и одного кабана, а также разогнать несколько разбойничьих шаек. Последнее я полностью одобрил, а насчет остального впал в некоторое недоумение. Сам я за годы службы в Баб-Или убил четырех львов, в том числе исинского черного льва-людоеда, но не особо этим хвастал. Что касается лошадей, я вообще не понял, зачем убивать этих умных и полезных животных.

Купец сообщил также, что полгода назад Афикл к восторгу всей Ахиявы прикончил гидру. Гидры в Баб-Или не водились, и я попытался, как следует расспросив говорливого собеседника, представить, о чем идет речь. Купец упомянул какой-то Тартар, откуда эта тварь приплыла к здешним берегам. Наверно, он имел в виду Таршиш[1].

Что ж, в Таршише может водиться и нечто пострашнее гидры о девяти головах, изрыгающих пламя, вдобавок чуть ли не бессмертных. Конечно, такие байки можно пропустить мимо ушей, но внезапно я вспомнил рассказы моряков, плававших на остров Хумбабы[2]. Они уверяли, что в Южном море водится огром-

---

[1] Таршиш — финикийский порт в Испании.

[2] Легендарный остров в Красном море, где обитало чудище Хумбаба. Убито героем Гильгамешем.

ная тварь с десятью щупальцами, которая ловит зазевавшихся пловцов и даже нападает на корабли. Возможно, волны вынесли нечто подобное к берегам Ахиявы. Шевелящиеся щупальца со страху вполне можно принять за головы, а пламя и прочее — это уже обычные россказни.

Итак, Афикл охотился. Я понял, что ванакт Ифимедей держит своего родича подальше от Микасы, посылая его от логова к логову, дабы какой-нибудь проворный лев свернул претенденту шею. Неясно лишь, отчего Афикла считали героем. Наверное, я чего-то не понял.

В благодарность за рассказ я поведал хозяину каравана о звере Абу, которого видел в земле Та-Кемт[1], куда наш отряд сопровождал посольство лугаля. Кажется, такие звери водятся в Ливии. Не знаю, как мой собеседник, но я в свое время сам не верил, что боги могут сотворить такое: уши почти до земли, нос, похожий на змею, ноги, словно колонны, а все вместе — как два коня, поставленных один на спину другого. Впрочем, звери Сета, что водятся в Хапи и считаются в Та-Кемт священными, тоже хороши. Одни зубы чего стоят, а уж когда они начнут реветь! Да, велик мир...

В зверя Абу купец охотно поверил, и мы ехали, вполне довольные друг другом, когда внезапно (а было это под вечер первого дня) он указал куда-то вперед и резко крикнул, останавливая повозки. Я соскочил на землю, на всякий случай снимая с плеча секиру.

На ближайшей опушке стояли двое всадников. Я смог их разглядеть: крепкие бородатые парни на таких же крепких конях. В руках они держали копья, за спиной у одного висел лук, а на плечи были наброшены звериные шкуры. Я сразу же подумал о разбойниках, но тут же услыхал растерянный голос купца:

— О великий Дий! Богоравные кентавры!

— Кто? — не понял я.

— Кентавры, — повторил хозяин. — Иппоандросы...

Я посчитал, что это название какого-то племени, и не ошибся. Когда эти двое на опушке, постояв, скрылись в лесу, купец сообщил, что кентавры (естественно, «богоравные») знамениты тем, что напрямую общаются с богами. Далее он понес уже со-

[1] Та-Кемт (Черная земля) — Египет.

всем несусветную чушь о том, что иппоандросы — наполовину кони и лишь наполовину люди. Не знаю, что у него со зрением, но спорить я не стал. Похоже, купец здорово испугался, со страху же может почудиться еще и не такое.

Мне эти иппоандросы тоже чрезвычайно не понравились, и я посоветовал разжечь на ночь побольше костров и приказать страже не дремать. Гелен был также явно встревожен, а посему мы решили спать по очереди. Его меч и моя секира лежали рядом, под рукой.

Волновались мы не зря. Сквозь сон я услыхал чей-то отчаянный вопль, и тут же рука Гелена дотронулась до моего плеча. Я вскочил, хватая секиру.

— Разбойники!

Над поляной, где мы ночевали, стоял крик, стража хватала копья, окружая повозки, но вид у всех был, мягко говоря, не особо решительный. И было от чего.

На поляну выбегала толпа заросших косматых детин, вооруженных огромными дубинами. Я решил не рисковать и надел шлем. Разбойников оказалось десятка два, они быстро окружили караван, подойдя к самым кострам. В неровном свете пламени вид у них был достаточно зловещий.

Я ждал немедленной атаки, но вместо этого вперед вышел огромного роста парень, еще грязнее и отвратительнее прочих, взмахнул над головой дубиной и начал речь. Вещал детина на местном наречии, который я понимал не без труда:

— Я гр-р-р великий владыка х-р-р леса Перей. Гр-р-р! Бросайте оружие хр-р, и ваши души избегнут Аида гр-р! Иначе хр-р мы вас всех гр-р-р-р-р!

Я взглянул на нашего хозяина и понял, что он вот-вот прикажет положить оружие. Это было бы совсем ни к чему, поэтому я, еще раз прикинув обстановку, выхватил из рук опешившего стражника копье.

— О богоравный Перей, гроза леса! — запричитал купец. — Смилуйся надо мною, несчастнейшим из торговцев! Забери мои товары, забери моих людей, но отпусти меня, горемычного...

— Хр-р! — разбойник ударил себя кулаком в грудь и гордо сделал шаг вперед. — Жалкий купчишка гр-р!

Этого шага я и ждал. Копье вонзилось в горло богоравного Перея, и его следующее «хр-р» прозвучало совсем не так уверенно. Подскочив к трупу, я взмахнул секирой, краем глаза заметив, что Гелен и двое стражников посмелее последовали за

мной. Я уже прикидывал, с кого из разбойников следует начать, когда услыхал голос сына басилея.

— Ваш вожак убит, сволочи! Убирайтесь!

Разбойники попятились, один без особой решительности поднял дубину, но меч Гелена ударил его прямо в живот. Я крутанул секиру над головой ближайшего негодяя, тот пискнул и внезапно, бросив оружие, со всех ног побежал к лесу.

Тут уж не растерялись стражники, и вскоре поляна была пуста. Воинство богоравного Перея бежало со всех ног, бросив труп своего вожака. Мы вернулись к повозкам, опасаясь повторного нападения, но сквозь ночной сумрак был слышен лишь удаляющийся топот.

Пришедший в себя хозяин поспешил ко мне с упреками, обвинив в том, что я — нахальный чужеземец — подверг риску его и всех остальных. Ругаться не хотелось, и я предоставил это право Гелену, который цыкнул на труса, отчего тот окончательно сник.

Я устроился поудобнее на ближайшей повозке, но сон не шел.

— Не злись на этот мешок с отрубями, доблестный Нургал-Син, — Гелен пристроился рядом, и по лицу сына басилея промелькнула усмешка. — Поистине, эти торговцы достойны того, чтоб их грабили.

— Я не злюсь, Гелен, сын Ифтима. А если и злюсь, то на самого себя. Я всегда злюсь, когда чего-то не понимаю...

Разбойники мне не понравились. Не то чтобы эта орава была особо опасна. Подобные шайки приходилось гонять неоднократно, бояться их не стоило, но кое-что настораживало. Так разбойники не действуют. Будь богоравный Перей даже трижды дурак, то все равно можно придумать кое-что поумнее, чем лезть напролом на вооруженную стражу. Нелепые разговоры вместо быстрой и смертоносной атаки на сонную охрану! Зачем? Это походило уже не на глупость, а на нечто совсем иное.

...А что, если Перей и не собирался нас грабить? Ему могли заплатить за нечто иное — хотя бы за то, чтобы как следует осмотреть повозки и тех, кто их сопровождает. А может, не только осмотреть, а и прихватить кого-то с собой. Если так, то понятно, отчего они не спешили нападать.

В общем, все это было мне не по душе, но Гелен отнесся к моим сомнениям достаточно легкомысленно. Впрочем, мне показалось, что сын басилея не был на этот раз откровенен.

К полудню следующего дня мы миновали Тиринф, где я смог полюбоваться очередной кучей камней на холме. Крепости строить здесь определенно не умели, стараясь возместить качество устрашающим количеством. Сам город показался еще нелепее, чем Навплия: немногие каменные дома окружали даже не лачуги, а полуземлянки, откуда выглядывали лохматые дикари в грубых рубищах, а то и просто в козлиных шкурах. Такой бедности я не видел даже в разоренной войной Митанни и захолустном Урарту. К счастью, задерживаться мы не стали и двинулись дальше.

Дорога, и без того малолюдная, теперь была совершенно пуста, что понравилось мне еще меньше, чем вчерашние разбойники. Возникло знакомое чувство опасности, которое меня редко подводит. Начало казаться, что стража в тиринфских воротах рассматривала нас как-то по-особому, а базарные нищие не столько просили кусок лепешки, сколько заглядывали в лица. С хозяином каравана говорить об этом не имело смысла, я хотел побеседовать с Геленом, но передумал. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять: сын басилея волнуется, причем куда больше моего. Очевидно, он точно знал, кто и почему следит за нами.

Где-то после полудня вдали вновь показались всадники, и я услыхал знакомое: «Кентавры!». Их оказалось на этот раз четверо, в руках они держали копья, а буйные волосы были скрыты легкими кожаными шлемами. Когда эта четверка подскакала поближе, я поинтересовался у хозяина, по-прежнему ли он считает, что кентавры — полулюди-полулошади. Купец широко раскрыл утонувшие между жирных щек глаза и с ехидством заметил, что мое зрение следует лечить куриным пометом. Я хотел огрызнуться, и вдруг меня поразила странная догадка: я вижу обычных всадников, но остальные воспринимают их как сказочных чудищ. Я не стал спорить и в который раз помянул Адада, подателя всех благ. Интересно, что бы сказали об этом мудрые жрецы из храма Бела?

Кентавры не стали подъезжать слишком близко и, постояв, ускакали в лес. Мы с Геленом переглянулись и, не сговариваясь, принялись надевать шлемы. Шутки кончились: люди они или чудища, но это, без сомнения, разведка. Секира лежала наготове, но я понимал, что против двух десятков таких кентавров она не поможет.

Повозки углубились в лес, и я уже подумывал надеть кольчужную рубаху, как вдруг где-то совсем рядом хрустнули ветки.

Я резко обернулся — из зарослей выходил человек.

Вначале я принял его за очередного разбойника: бос, нечесан, бородат, на плечах — львиная шкура, в крепких руках огромная дубина, но почти сразу же понял, что ошибся. Он был, конечно, воином, причем не из новобранцев. Это заметно по всему — по походке, по чуть сгорбленным плечам, по тому, как легко он держал свое допотопное оружие. Я толкнул Гелена, но сын басилея уже спрыгнул с повозки. Остальные тоже заметили нежданного гостя. Послышались растерянные голоса, повозки остановились, и стражники начали нерешительно разбирать копья.

— Афикл! — воскликнул кто-то, остальные голоса тут же подхватили знакомое имя. Человек с дубиной на миг остановился, окинул нас странным недвижным взглядом, затем взревел — и бросился вперед.

Все произошло настолько быстро, что я впервые за много лет растерялся. И немудрено! Одного стражника словно снесло ветром, второй успел отскочить, третьему дубина пришлась по плечу, и он с воем покатился по земле. Афикл вновь взмахнул дубиной и быстро огляделся, словно кого-то выискивая. Я успел взглянуть ему прямо в глаза и похолодел: передо мной стоял безумец. Широко раскрытые голубые глаза были пусты, красивое лицо кривилось жуткой гримасой, губы шевелились, словно Афикл читал молитву. Но вместо молитвы до нас донеслось рычание. Божий потомок явно кого-то заметил, лицо исказилось подобием улыбки, дубина со свистом рассекла воздух. Не надо было оглядываться, чтобы понять: он увидел Гелена.

Стражники разбегались, хозяин уже давно сидел в канаве, возчики застыли на месте, словно окаменев. Между сыном басилея и безумным героем оставался один я.

Никогда не избегаю поединков, но без этого предпочел бы обойтись. Не знаю, чьим сыном был Афикл, но кровь у него добрая: выше меня на целую голову, широкоплеч, мускулистая грудь выпирает из-под шкуры, а о руках и говорить не приходится. Бык, вставший на задние ноги!

Гильгамеш!

Первый удар я угадал и вовремя уклонился. Большего сделать было нельзя: секира короче дубины. За первым ударом последовал второй, я уклонился снова. Послышался рев, и внезапно этот бык прыгнул. Моя секира отлетела в сторону, дубина со свистом рассекала воздух, и я упал, резко дернув его за ноги. Огромное тело рухнуло рядом.

Мы оба вскочили. Я — тяжело дыша, он — со все той же

улыбкой на безумном лице. Мускулистая грудь вздымалась мерно и ровно. Он ничуть не устал и вновь сжимал в руках дубину.

Послышалось рычание. Стало ясно: сейчас моя голова треснет, как старый орех. Я попытался поднять секиру, ухватив ее за обух, но большего сделать Афикл не позволил — дубина вновь взлетела в воздух.

...Странно, в такие моменты время словно останавливается. Я успел подумать, что отскочить не успею и в лучшем случае получу удар не по голове, а по плечу. Тут же пришла мысль о том, как нелепо закончится мой путь на родной земле. И наконец я понял, почему Афикл стал орудием ванакта Микасы. Безумцем легко управлять, особенно если знаешь причину безумия. Я закрыл глаза и, уже ни на что не надеясь, помянул Того, Кого не назову вслух.

Мгновения тянулись, но смерть медлила. Не открывая глаз, я медленно отодвинулся в сторону. Затем, сообразив, что мой час еще не пробил, резко отпрыгнул назад, сжимая секиру, но тут же понял — она не понадобится. Афикл стоял неподвижно, опустив дубину и закрыв глаза. Внезапно могучее тело содрогнулось, оружие выпало из рук, и через мгновение огромное тело с грохотом упало на влажную землю.

«Бог бьет грешника кровью его и безумием его» — вспомнились слова со старинной сумерийской таблички. Я осторожно прикоснулся к горячему лбу поверженного Гильгамеша. Великий герой отвоевался — по телу пробегали судороги, могучие руки бессильно подрагивали, а вместо рычания слышался жалобный стон. Я отбросил подальше дубину и оглянулся.

Купец все еще сидел в канаве, остальные же, почуяв, что опасность миновала, потихоньку приходили в себя. Первым опомнился Гелен. Вдвоем с сыном басилея мы попытались оттащить громадное тело поближе к повозкам, но не смогли. Пришлось звать на подмогу стражников. С их помощью мы уложили Афикла на одну из повозок, после чего сообщили хозяину, что можно вылезать. Тот не без опаски последовал нашему совету, тут же потребовав, чтобы Афикла как следует связали. Впрочем, уже было ясно, что это лишнее.

Двое стражников оказались ранены, причем один — тяжело, еще один умудрился серьезно подвернуть ногу, спасаясь бегством. Не такая уже высокая цена за знакомство с потомком богов!

Повозки двинулись дальше при полном молчании, нарушаемом лишь стонами пострадавших. Я время от времени поглядывал на Гелена, желая задать сам собой напрашивающийся во-

прос: в какую передрягу втягивает меня сын базилея? Если до знакомства с Афиклом еще могли быть сомнения, то теперь все стало ясно как день. Но спрашивать я не стал. Едва ли услышу правду, а заставлять человека лгать не хотелось.

Часа через два послышался громкий стон. Я подошел к повозке и понял, что Афикл начинает приходить в себя.

— Воды! — произнес он слабым, хриплым голосом. — Ради богов всех, воды!

Кто-то принес бурдюк, и я осторожно смазал пересохшие губы. Афикл медленно поднял руки, не открывая глаз, взял бурдюк и начал жадно пить.

— Спасибо...

Он откинулся назад и открыл глаза. Кое-кто из любопытных поспешил отойти подальше, но я уже знал, что опасаться нечего. Безумие прошло, взгляд голубых глаз стал осмысленным, полным боли и тоски.

— Где я, почтенные путники? — Божий потомок растерянно оглянулся и с силой потер лоб.

— Между Тиринфом и Аргосом, богоравный Афикл, — откликнулся Гелен.

— О боги! — простонал Гильгамеш. — За что? Почему?

...Он не помнил ничего. Последнее, что как-то зацепилось в его сознании, была встреча с вестником ванакта Ифимедея, который поручил своему родственнику разобраться с какими-то ведьмами возле Орхомена. Афикл зашел принести жертву перед походом и...

— Великий Дий! — Афикл несколько раз оглядел повозки, все еще не веря в случившееся. — Мнилось мне, будто я спал! Да, я спал, о почтенные путники. Снилось, будто дерусь насмерть я с великаном, что в давние века жил возле Осы, — с огромным, ужасного вида. Он же секиру имел — преизрядную, чуть не с оглоблю...

Пришлось рассказать правду. Афикл повертел в руках мою секиру, похвалил «черную бронзу», показав себя неплохим знатоком, и твердо пообещал выплатить достойную цену раненым и покалеченным. То, что никто не убит, явно его успокоило.

— Горе мне, путники, горе! — добавил он с глубоким вздохом. — Уж долгие годы делает эта напасть меня пугалом в землях Ахейских. Может быть, за морем сыщется лекарь иль знахарь умелый? Может, излечит меня?

Я посоветовал ему съездить в Лидию, где лечат еще и не такое, и как бы между прочим поинтересовался, начались ли

его приступы до поступления на службу к Ифимедею или после. Но мое предположение не оправдалось: безумие покрывало Афикла своей черной пеленой с самого детства. После одного из приступов он обратился к оракулу, который и направил его к Ифимедею.

Через час, немного придя в себя, Афикл распрощался и неуверенной походкой направился по лестной тропе куда-то на запад. Мы с Геленом проводили Гильгамеша до опушки и не спеша вернулись к повозкам.

— Жаль мне богоравного Афикла, — заметил сын басилея. — Поистине боги несправедливы...

— Не мне судить о богах, Гелен, — подумав, ответил я, — но, может, все обошлось и без них. Страшного помощника имеет ванакт Ифимедей!

— Ты говоришь об Афикле?

— О нем... Или о том, кто сделал его таким. Но сегодня его безумие кончилось слишком рано.

— Да, доблестный Нургал-Син. И кончилось поистине вовремя. Тебе следует возблагодарить богов. Но все равно, дивлюсь я твоей смелости — биться с самим Афиклом!

Какая уж тут смелость! Впрочем, спорить я не стал. Репутация того, кто не побоялся сразиться с божественным героем, не повредит.

Мы ехали дальше, постепенно приближаясь к Аргусе. Благополучный исход нашего знакомства с Афиклом немного успокоил, но чувство опасности все же не отпускало. Похоже, Гелен чувствовал то же самое. Наконец я не выдержал.

— Если нас так встречают здесь, — я кивнул в сторону темневшего у дороги леса, — то что же будет в Микасе?

— Не нас, — поправил сын басилея. — Меня. Похоже, за мной следили еще в Троасе. Они оказались хитрее...

Итак, разговор, которого я ждал уже не один день, начался.

— Гелену, сыну Ифтима, необязательно ехать дальше этим караваном.

— Да, — согласился он, — в Аргосе куплю коня и поеду ночью. Кентавры редко заходят в те края, а от пеших я смогу ускакать. У меня будет несколько часов, пока они увидят, что меня в караване нет.

— *Нас*, — напомнил я как можно мягче. — *Нас*, благородный Гелен.

Сын басилея нахмурился, словно не решаясь ответить, а затем улыбнулся.

— Вижу, ты любишь опасности, доблестный Нургал-Син. То, что задумали я и мои друзья, действительно опасно.

Я улыбнулся в ответ. В крысиных норах свое представление об опасностях.

— Наверное, мне надо было рассказать тебе раньше, Нургал-Син. Я позвал тебя в дальний путь. Дальний — и очень рискованный. Кем ты думал стать в Микасе? Дворцовым стражником?

— Может, десятником, — простодушно отозвался я. — Моя мечта — командовать полусотней.

Гелен рассмеялся — впервые за все время нашего знакомства.

— Извини, что не верю тебе, доблестный Нургал-Син. Но ведь и ты не верил, когда я говорил о желании повидать камни отчего дома... Если поможешь мне, я смогу пообещать нечто большее, чем начальство над полусотней...

— Быть смотрителем царских амбаров?

— Если захочешь, конечно. Но я имел в виду другое. Итак, давай поговорим откровенно...

Внезапно он замолчал, к чему-то прислушиваясь. Я быстро оглянулся — дорога казалась по-прежнему пустой, разве что вороны спустились пониже.

— Не знаю... — растерянно произнес сын басилея. — Мне что-то послышалось.

— Да, — я уже надевал шлем. — Мне, кажется, тоже...

Гелен привстал, чтобы взять свой шлем, лежавший чуть поодаль, и тут откуда-то с опушки донесся резкий свист. Я успел повернуть голову и заметить два темных силуэта, скрытых за деревьями.

...Уже потом я понял, что ошибся, — надо было, не оглядываясь, толкнуть Гелена, который привстал так не вовремя. Увы, сообразил я это поздно — две стрелы вонзились ему в грудь, и сын басилея навзничь упал на повозку.

На этот раз охрана не растерялась, но те, кто стрелял, уже растворились в лесной чаще.

Убийцы знали свое дело — стрелы вошли глубоко и точно. Подбежал хозяин с нелепыми советами, как лучше их вынуть, но я знал — это лишь ускорит конец. Гелен был еще жив, но дышал тяжело, с хрипом, из уголка рта медленно стекала струйка крови.

Веки дрогнули, на меня взглянули полные боли глаза.

— Ты...

Хрип оборвал фразу. Я склонился ниже, чтобы умирающий не напрягал голос. Лицо Гелена исказила судорога, он вновь захрипел и дернулся.

— Ты... — повторил он, — доберись до Микен. Цепь, кольцо и фарос отдай Арейфоою. Он...

— Жрец, — подсказал я. — Помню...

— Отдай тайно, — голос умирающего стал еле различим. — Золото возьми себе. Принеси жертву Поседайону...

— Не волнуйся, — я попытался улыбнуться. — Все будет сделано, Гелен.

— Клянись...

Тот, в Кого я верю, не требует клятв, но с умирающим спорить не пристало. Я поднял руку и торжественно поклялся великим Белом Мардуком, Ададом — подателем благ и непобедимой Иштар. Я хотел упомянуть и Аннуаков, но понял, что это уже ни к чему...

Я предложил отвезти тело в ближайший город, хотя бы в Аргусу, но купец заявил, что с трупом в город не пропустят, а родственников у Гелена в Аргусе нет. Толстяку явно не хотелось объясняться с властями. Будь я в Баб-Или, то, конечно, настоял бы на своем, но тут спорить было бессмысленно. Возле дороги наскоро вырыли неглубокую яму, которая приняла тело Гелена, сына Ифтима. Хозяин громко сокрушался, что у него нет ничего подходящего для жертвы подземным богам, и клялся совершить жертвоприношение в Аргусе, сразу же по приезду.

Почему-то я ему не поверил.

ГИМЕЛЬ

«К ВЕЩАМ»

К вещам Гелена уже тянулись жадные руки, но тут уж я уступать не собирался. Сын басилея назначил меня душеприказчиком, это слышали свидетели, так что я был в своем праве. На всякий случай я положил секиру поближе, после чего занялся наследством.

С пояса Гелена я снял тяжелый кошель, да и его дорожные сумки показались непривычно весомыми. Отогнав в сторону любопытных, я сперва заглянул в кошель — он оказался полон небольшими слитками серебра и мелко нарубленными золоты-

ми пластинками. Еще больше золота я нашел в одной из сумок — оно было завернуто в плотную шерстяную ткань. Другой сверток скрывал тяжелую золотую цепь с подвеской в форме орла хеттийской работы. Перстень я нашел на самом дне — большой, с белым камнем, украшенный узором из мелких листьев.

Во второй сумке оказался знакомый плащ, тот, что был на Гелене в нашу первую встречу. Похоже, он не принес удачи сыну басилея.

Итак, все становилось ясным. Враги ванакта Ифимедея готовят заговор. Его глава — жрец Арейфоой — вызвал из Троасы Гелена, чья семья хранила царские реликвии. Кто-то в Троасе передал Гелену золото, которое, конечно, тоже пригодится заговорщикам. Но главное — именно реликвии: цепь, кольцо и плащ, которые Гелен просил передать по назначению, согласившись пожертвовать золотом.

Но заговорщики недооценили ванакта — за Геленом следили, а затем нанесли удар. Разбойники и безумный Афикл оказались не на высоте, и тогда сына басилея попросту пристрелили.

Оставалось решить, что делать мне. С караваном было явно не по пути, это понял и Гелен. Следовало воспользоваться его планом, благо золота должно хватить не только на коня, но и на дюжину колесниц. Только сейчас я понял, что стал богат и мне незачем дальше тянуть нелегкую лямку наемника. Но вначале требовалось выполнить волю Гелена. Мне за это заплатили, кроме того, реликвии будут искать. Пусть ищут не у меня!

В Аргусу, очень похожую с первого взгляда на Тиринф, мы прибыли под вечер, и я, не прощаясь, соскочил с повозки, постаравшись затеряться в рыночной толпе. Кажется, мне это удалось. Схваченный за ухо босоногий мальчишка привел меня на ближайший постоялый двор, где я, не торгуясь, купил низкорослого гривастого коня и, узнав дорогу на Микасу, тут же поспешил к воротам, чтобы успеть выбраться из города до их закрытия.

Ехал я всю ночь. Дорога была совершенно пуста, только однажды я заметил костер, возле которого отдыхали какие-то путники. Пару раз из лесу доносился свист, и шальные стрелы пролетали перед самым моим носом. Но в целом особых трудностей я не встретил, если не считать, что чуть не заблудился на перекрестке. К счастью, я вовремя вспомнил, что к Микасе нужно ехать налево.

Город я увидел уже после того, как неяркое осеннее солнце поднялось над горизонтом, тут же нырнув в тяжелые низкие тучи. Вначале вдали показался огромный холм. Подъехав бли-

же, я смог разглядеть серый венец стен на вершине и скопище лачуг у подножия. Микаса, столица великой Ахиявы, была точно такой, как уже виденные мною ахейские города, разве что чуть побольше. Впрочем, рассматривать окружающие виды не было ни времени, ни желания. Меня больше интересовали воины в воротах. Узнай ванакт Ифимедей о том, что случилось на дороге в Аргусу, то неприятностей не избежать. Но я опередил преследователей. Стражи ворот в высоких рогатых шлемах с перьями и в начищенных доспехах интересовались больше купеческими повозками, чем одиноким всадником. Въезжая в город, я заметил над воротами двух каменных львиц и невольно усмехнулся: точно такие же звери украшали ворота Хаттусили. Правители Ахиявы подражали соседям даже в этом.

Теперь следовало подумать. Лучше всего отправиться к Арейфоою немедленно, но разговор предстоял тайный, а днем это сделать затруднительно. К тому же неизбежные расспросы на улице привлекут ненужное внимание. Значит, следует действовать иначе.

Я направился на постоялый двор, сняв самую лучшую комнату, дверь которой надежно запиралась. После бессонной ночи тянуло отдохнуть, но вначале следовало кое-что узнать. Поэтому я заказал обед в общем зале и довольно успешно изобразил богатого чужестранца, приехавшего повидать великий город Микасу. Денег на вино я не жалел и вскоре узнал от собеседников не только где находится храм, в котором служит Арейфоой, но и то, как лучше повидать знаменитого жреца. Рассказали мне и многое другое, в том числе об очередном подвиге великого героя Афикла, который на дороге из Аргоса в Тиринф поразил насмерть страшного великана-разбойника, вооруженного огромной секирой. Слухи разносились здесь птицами — весьма говорливыми, — что мне чрезвычайно не понравилось.

Я ждал высказываний по адресу Ифимедея, но как только разговор приближался в этой теме, собеседники замолкали и переводили беседу на Афикла. Ванакта явно побаивались. Убедившись, что больше мне ничего не узнать, я велел налить всем еще по кубку и незаметно направился к себе. Перед ночной встречей следовало все-таки выспаться.

На улицу я вышел уже в полной темноте. Удивительно, как быстро опустели улицы. Когда я подходил к громаде царского дворца, вокруг стало совершенно безлюдно, и я ощутил легкое

беспокойство. Ночных грабителей я не боялся. Секира, прикрытая плащом, на месте, под мышкой спрятан кинжал, вдобавок ко всему я надел для верности кольчужную рубаху. Ночным ворам и обирателям пьяных я был не по зубам, но оставалась еще стража, с которой встречаться не стоило. В сумке лежало то, что мне следовало отдать, вдобавок я захватил с собой золото, опасаясь оставлять его на постоялом дворе. Поэтому я шел не спеша, внимательно прислушиваясь, чтобы вовремя отреагировать на любой подозрительный звук. Один раз вдали раздался топот сандалий, и я поспешил нырнуть в маленький переулок, пропуская стражу. Меня не заметили, и я пошел дальше, огибая дворец. Прямо за ним находился храм Поседайона — верховного бога Микасы.

В эти ночные часы храм выглядел зловеще. Главный вход был закрыт, но я не стал стучаться в высокие бронзовые двери. Мои собеседники сообщили, что с обратной стороны находится другая дверь, которой пользуются жрецы и служители. Сам же Арейфоой покидает храм только под утро, что меня вполне устраивало.

Второй вход я нашел не без труда. Это оказалась не дверь, а небольшая калитка, спрятанная за высокими деревьями. Я немного выждал и уже собирался постучать, как вдруг заметил неподалеку странную тень. Кто-то стоял, прислонившись к дереву, и внимательно наблюдал за мною.

Я отошел к ограде и положил руку на древко секиры. Послышался тихий дребезжащий смешок. Тень скользнула ближе — передо мною стояла сгорбленная старуха, кутающаяся в длинную хлену[1]. Седые пряди выбивались наружу, маленькие узкие глаза, казалось, светились в темноте. В последнем я не был уверен, но руку с древка убирать не стал.

— Испугался, воин? — Голос оказался под стать смеху — скрипучий и дребезжащий. — Нехорошо пугаться бедной старой женщины, которая вышла в эту позднюю пору специально, чтобы встретить тебя!

Начало мне совершенно не понравилось.

— Радуйся, мамаша, — как можно спокойнее ответил я. — Что за нужда нам встречаться?

— Радуйся, и ты, воин. Гирто давно уже поджидает тебя.

Имя показалось знакомым. Ну как же! Гирто — местная колдунья!

---

[1] Хлена — женская накидка.

— Спешишь к Арейфоою, воин? Не спеши, встреча будет опасной. Тебе понадобится помощь. Старая Гирто может помочь.

— Прорицанием? — усмехнулся я. — Пожалуй.

Старуха засмеялась в ответ, маленькие глазки блеснули.

— Воин, пришедший из-за моря, не верит прорицаниям? Напрасно! Разве Нургал-Син, бывший слуга лугаля Апиль-Амурру, не желает знать будущее?

Я похолодел. Прорицаниям я не верил, но сразу понял, что дела мои хуже, чем казалось.

— Не удивляйся, воин! — Гирто, кажется, была довольна произведенным впечатлением. — Лучше соберись с силами и будь готов ко всему. Жрец не знает, кто ты. Не спорь с ним, но не спеши соглашаться. Тебе помогут. Прощай!

Старуха вновь хихикнула и сгинула в темноте. Я перевел дух. Калитка была рядом, но заходить в храм сразу же расхотелось. То, что разговор со жрецом предстоит нелегкий, я догадывался и сам, но Арейфоой ждет Гелена, а Гирто стерегла меня! Выходит, старуха тоже принимает участие в игре, причем не на стороне жреца? Помогает Ифимедею? Мелькнуло острое желание оставить сверток с плащом и всем прочим у калитки и бежать со всех ног, не останавливаясь, до самой Хаттусили. Но я переборол себя и, помянув Аннуаков и все милости их, оглянулся и постучал.

ДАЛЕТ

«ОТКРЫЛИ МНЕ СРАЗУ»

Открыли мне сразу. Кто-то, закутанный в плащ, долго осматривал гостя, не проронив ни слова, а затем кивнул в сторону храмовой стены, где темнела полуоткрытая дверь. Я прошел туда, оказавшись на узкой лестнице, освещенной неяркими светильниками. Провожающий шел сзади, и до меня доносилось его хриплое дыхание. Ступеньки вывели на площадку, точнее, в небольшой зал, окруженный колоннами. Навстречу шагнули четверо стражников с копьями на изготовку. Я остановился.

— У тебя есть оружие? — поинтересовался сопровождающий. — Оставь его здесь.

Наконечники копий поблескивали совсем близко, и я не стал спорить, вытащив секиру и поставив ее у стены.

— Кинжал тоже, — подсказал мой спутник. — К верховному жрецу не входят с оружием.

Глаз у него оказался наметанным, но меня больше интересовало, откуда он знает, что мне нужен именно Арейфоой?

Похоже, здесь тоже ждали гостей.

Пришлось вынуть из ножен кинжал. Внимательные глаза вновь осмотрели меня с головы до ног, после чего открылась одна из дверей, за которой тоже была лестница, на этот раз ведущая вниз. Шли мы долго, и мне начало казаться, что я очутился где-то под землей. Наконец мы вышли в узкий длинный коридор, повернули и оказались перед еще одной дверью, у которой застыли два стражника.

— Подожди!

Сопровождающий, сделав воинам какой-то знак, проскользнул внутрь, оставив меня наедине со стражей. Я успел подумать, что жреца неплохо охраняют, но тут человек в плаще появился снова и приглашающе кивнул, указывая на дверь.

За нею оказалось небольшое помещение, где стояли два кресла с высокими спинками и небольшой овальный столик, кажется, привезенный из земли Та-Кемт. В противоположную от входа стену была врезана еще одна дверь, рядом с которой стоял мрачного вида деревянный истукан. Все это слабо освещалось двумя светильниками, укрепленными на стенах. Я огляделся, подошел к одному из кресел, но садиться не стал.

Внутренняя дверь открылась, и в комнату вошли два стражника с копьями наперевес. Не взглянув на меня, они стали возле стены и, ударив древками копий в пол, застыли. Вслед за ними появился высокий худой старик в пурпурном, расшитом золотыми бляшками фаросе и с тонким золотым обручем на седой голове. Темные глаза в упор взглянули на меня...

Я щелкнул сандалиями, словно на царском смотре, подбросил вверх подбородок и отчеканил:

— Радуйся, верховный жрец! Воин, пришедший издалека, приветствует тебя!

— Говори тише, воин, — старик одобрительно улыбнулся и еле заметно кивнул в сторону стражников. — И лучше говори по-хеттийски.

Арейфоой явно был в хорошем настроении, но я знал, что сейчас оно изменится.

— Я сказал тебе «радуйся», — продолжал я на наречии Хаттусили, — однако вести мои нерадостны, жрец.

— Почему? — В темных глазах мелькнуло удивление. — Ты ведь приехал, и приехал вовремя!

Я вздохнул и мысленно помянул Адада, подателя благ.

— Я приехал, жрец, но ты ждал не меня. Ты ждал Гелена, но ему уже никогда не вернуться в Микасу.

Я достал из сумки свернутый фарос и осторожно положил его на столик. Рядом легла цепь, последним я достал кольцо.

— Он велел передать тебе эти вещи, жрец, и просил принести жертву Поседайону. Но что просить у него, сказать не успел.

Арейфоой долго молчал, глядя на тускло мерцающее в слабом свете золото. Наконец он вновь заговорил:

— Кто ты? Почему у тебя эти вещи?

Голос оставался невозмутимым, но я чувствовал, что старик растерян, и эта растерянность постепенно перерастает в гнев. Отступать было поздно. Арейфоой опустился в одно из кресел, кивнул мне на соседнее, затем тяжело откинулся назад:

— Говори, чужестранец...

Он ни разу не перебил, но я видел, что спокойствие его — напускное. Жрец еле сдерживался, заставляя себя слушать. Наконец, когда я закончил, он тяжело вздохнул.

— Ты принес поистине горестную весть, Нургал-Син. Горестную и страшную. Скажи, кто в Микенах знает о том, что случилось?

Вопрос мне чрезвычайно не понравился, но деваться было некуда.

— Никто, богоравный Арейфоой. Я хранил тайну, как и обещал Гелену.

Темные глаза впились в меня. Взгляд был недобрый, тяжелый.

— Гелену? Горе нам, и горе тебе, гонец, принесший беду! Не Гелена, сына Ифтима, сопровождал ты! Не сына басилея похоронил у дороги. Клеотером, сыном Главка, был он, законным ванактом микенским, ехавшим вернуть свой трон! Видишь — перед тобою цепь, что носил его прапрадед Главк Старый, плащ его и моего прадеда — Арейфооя и кольцо его отца, богоравного Главка. Все было готово для встречи законного ванакта, послезавтра он должен взойти на престол и — о горе! — все пошло прахом!

— Мне очень жаль, богоравный Арейфоой, — проговорил я, все еще переваривая услышанное. — Мои вести и вправду плохи.

— Плохи? — Голос жреца дрогнул. — Долгие годы на престоле Микен сидит узурпатор, убивший славного Главка и его супругу, добродетельную царицу Никтею. Все это время лучшие из гиппетов мечтали о мести и справедливости. Клеотер, сан ванакта, был спасен в последний миг и надежно укрыт за морем. Только я знал, где он скрывается. Знал — и не спеша готовил его

возвращение. И вот когда все готово, когда наконец-то боги стали к нам милостивы...

Он замолчал и отвернулся, не в силах говорить. Воцарилось страшное, тяжелое молчание. Слышно было, как потрескивает масло в светильниках, как дышат замершие у двери стражники. Я сидел, не шелохнувшись, думая не столько о дурной вести, с которой пришел сюда, сколько о себе самом. Нургал-Син, бывший царский мушкенум, был мелкой щепкой в темном лесу, но щепке, кажется, придется туго. Самое обидное, что придется расплачиваться за чужие грехи. Если бы Арейфоой побеспокоился о том, чтобы Главка-Клеотера лучше охраняли! Или хотя бы хранил тайну...

— Я должен подумать, — жрец встал. — И о том, что случилось, и о твоей судьбе. Жди здесь.

Он вышел, оставив меня наедине с охраной и моими мыслями. Последние были, признаться, не из веселых. Вспомнились слова странной старухи, поджидавшей меня у калитки. Гирто оказалась неплохой ясновидящей! Она обещала помощь, но в это верилось слабо.

Я ошибся, придя сюда. Безопаснее было направиться прямо к ванакту — Ифимедею мои новости понравились бы куда больше. Но и это не выход. На его месте я бы тут же подыскал подходящего убийцу для Гелена, а моя скромная персона вполне годится на такую роль. Убийца, да еще и грабитель — ведь золото и фарос оказались у меня!

Арейфооя не было достаточно долго. Стражники успели смениться, а молчаливый служитель дважды подливал масло в светильники. Я уже много раз прикидывал, как вырваться отсюда, но ничего подходящего в голову не приходило. Кажется, завяз я крепко.

Наконец дверь вновь отворилась, и на пороге появился Арейфоой. Он был не один — рядом нерешительно топтался невысокий человечек с чем-то странным в руке. Присмотревшись, я, к своему удивлению, узнал тазик для бритья.

— Твоя жизнь в твоих руках, воин, — резко бросил жрец, подходя ко мне и глядя прямо в глаза. — Повинуйся, и ты увидишь рассвет.

— Звучит заманчиво, — согласился я, раздумывая, не вцепиться ли ему в глотку или, что еще лучше, взять в заложники, потребовав свободного выхода.

— Стой спокойно, — Арейфоой словно читал мои мысли. —

Мои воины не промахнутся. Сейчас мы кое-что сделаем, но для начала тебя надо привести в порядок.

Пока я рассуждал над этими странными словами, человечек поспешил поставить тазик на стол и извлечь из складок плаща бритву и ножницы. Я невольно попятился.

— Не бойся, он лишь побреет и подстрижет, — губы старика скривились в подобие улыбки. — У тебя неподходящий вид.

Неподходящий — для чего? Спрашивать я не стал, равно как и сопротивляться. К счастью, бритва оказалась острой — из аласийской бронзы. Расправившись с моей бедной бородой, цирюльник занялся волосами. Окончив работу, он поклонился и поспешил исчезнуть.

— Так... — Арейфоой внимательно оглядел меня. — Уже лучше. Гораздо лучше!

Он кивнул в сторону открытой двери — и еще один молчаливый человечек в плаще осторожно поставил на столик шлем старой лидийской работы — с высоким гребнем, украшенный золотом и мелкими вставками из драгоценного железа. Я невольно залюбовался — шлем стоил целого состояния.

— Нравится? — жрец вновь понял мои мысли. — Примерь его.

Я повиновался. Затем Арейфоой кивнул на цепь. За нею последовал перстень, и наконец мне велено было накинуть на плечи фарос, который когда-то носил Гелен.

— Хорошо! — жрец вновь улыбнулся. — Отойди назад, воин. Я хочу посмотреть.

Я вновь не стал возражать, хотя чувствовал себя совершенно по-дурацки. Вдобавок смущало отсутствие бороды — без нее я ощущал себя почти что голым.

— О великие боги!

Это произнес не жрец. Заговорила статуя — один из молчаливых стражей. Другой поднес к лицу руку, словно увидел привидение. Все еще не понимая, я взглянул на Арейфооя и вдруг заметил, что высокая худая фигура склонилась в глубоком поклоне.

— Радуйся, Клеотер, сын Главка, ванакт микенский, — торжественным тоном произнес жрец не по-хеттийски, а на языке Ахиявы. — Враги ошиблись, убив гонца вместо владыки. Твой верный слуга Арейфоой, жрец могучего Поседайона, ждет твоих повелений.

Несколько мгновений я стоял, ничего не понимая, пока, наконец, все не стало на свои места. Я сорвал с головы шлем и расстегнул фибулу, снимая плащ.

— Неплохо придумано, богоравный Арейфоой! — Я говорил по-прежнему по-хеттийски. — Похоже, ты готов посадить на трон самозванца? Только самозванцу это не по душе.

— Меня не интересует душа какого-то там Нургал-Сина, — брезгливо бросил жрец. — Такого человека вообще не существует. Есть Клеотер, законный владыка Микен и всего царства Ахейского, который был спасен в детстве и переправлен в Баб-Или, где служил в войске лугаля под чужим именем. Царские драгоценности прятал друг его отца — басилей Ифтим, а после его смерти — сын Ифтима Гелен. Лазутчики узурпатора Ифимедея не смогли узнать тайну, и убийцы сразили слугу, а не господина. Надеюсь, это легко запомнить, Клеотер?

— *Царевич* Клеотер, — поправил я машинально, пытаясь найти выход из этой нелепой ситуации. Нелепой — и к тому же смертельно опасной.

— Прости, царевич, — жрец вновь поклонился. — От волнения я забыл об этикете. Итак, возможны два выхода. Или через час ты встретишься с теми, кто посадит тебя на трон, или завтра у городских ворот будет найден труп царевича Клеотера, убитого на пороге родного дома. Это тоже будет неплохо — для начала.

Я понял — так и будет. Если я не соглашусь, им послужит мой труп.

— Ты изменник, богоравный Арейфоой, — заговорил я, желая потянуть время. — Вдобавок обманщик, а в будущем, кажется, сам желаешь стать узурпатором!

Жрец чуть заметно пожал плечами.

— Свергнуть убийцу и клятвопреступника — не измена, обмануть врагов — не обман. Я не ищу венца ванакта, хотя тоже являюсь потомком Главка Старого и Великого Дия, Владыки Ясного неба.

— Зато ты желаешь править, посадив на престол «ушебти»[1].

— Ты был наемником, Клеотер, — усмехнулся старик. — Не такому, как Нургал-Син, именем коего ты звался, судить о власти. Ты воин, служивший за плату. Я предлагаю службу, а плата за нее — куда выше, чем в Баб-Или. Сейчас ты сможешь без помех обдумать все, что услышал. Надеюсь, мы договоримся, иначе мне и вправду послужит твое «ушебти».

Деваться было некуда. Обычно я презираю жрецов — наду-

---

[1] У ш е б т и — статуэтка, изображающая умершего (в Древнем Египте).

тых тупиц, набивающих брюхо жертвенным мясом. Но Арейфоой, потомок Дия, был не им чета. Такой, не моргнув, снесет тебе голову — или отдаст приказ вырезать целый город.

Судьба Нургал-Сина, бывшего царского мушкенума, была взвешена, вычислена и определена.

Меня отвели в самый конец коридора и впихнули в небольшую комнатушку без окон, освещенную двумя чадящими факелами. Кроме них и старой скамейки у стены, здесь ничего не было. С порога я почувствовал знобящую сырость и окончательно убедился, что нахожусь в подземелье.

Рядом со мной на скамейку положили драгоценный шлем и плащ. За спиною хлопнула дверь, послышался скрежет тяжелого засова. Я безнадежно оглянулся — чтобы вышибить такую дверь, требовался по меньшей мере таран.

Первым делом я скинул с себя тяжелую цепь и принялся снимать кольцо. Не удалось — палец разбух. Пришлось немало повозиться, прежде чем я понял, что реликвию придется терпеть и дальше. Это расстроило окончательно, и я помянул неблагодарную Иштар и сорок болотных лихорадок.

Приходилось бывать и в более опасных переделках, но в более глупых — никогда. За поясом спрятано золото, рядом лежат царские реликвии, вдобавок меня собираются посадить на трон. И все это за самую скромную цену — за непутевую голову «серого коршуна» из Баб-Или Нургал-Сина, имевшего глупость вернуться домой. То, что речь идет о голове, пояснений не требовало. Я немало слышал о переворотах, некоторые приходилось видеть воочию. Самозванцы редко захватывают трон, еще реже — удерживаются на нем. В лучшем случае меня ждет несколько дней во дворце ванакта, а затем неизбежное разоблачение и примерная казнь. Самозванцам не рубят голову. Обычно для них приберегают кое-что получше, и котел с кипящим асфальтом — еще не самое неприятное.

Очевидно, это понимал и богоравный Арейфоой. На котел, ожидающий меня, ему, конечно, наплевать, но собственной шкурой жрец явно дорожит. Будь я на его месте — то есть получи приказ подготовить переворот с такими мизерными шансами, то, без сомнения, избрал бы второй из предложенных вариантов: труп царевича при всех царских регалиях находят у ворот, возмущенный народ рвет на части убийцу-ванакта, а на престол — против всякого желания, конечно, — восходит благородный старец Арейфоой. Все это представилось мне настолько ре-

ально, что я невольно поежился. Вспомнилась сказка, слышанная в Баб-Или, о том, как великий Хаммураби, узнав о заговоре, велел усадить претендента на престол при всех регалиях, поклонился ему, а затем приказал прирезать, поскольку тот уже осуществил свою мечту: побывать на троне. Нечто подобное ожидало и меня, и нельзя сказать, что перспектива умереть в золоченом плаще, драгоценном шлеме и с царским перстнем на распухшем пальце сильно утешала.

Стук я услыхал не сразу — настолько он был тих. Только после того, как неизвестный ударил сильнее, я вскочил и резко повернулся. Стучали в дверь.

Я поспешил подойти поближе.

— Царевич! — послышался еле различимый шепот. — Царевич Клеотер!

Менее всего хотелось отзываться на это имя. Но ночной гость оказался настойчив:

— Царевич! Если ты здесь, ответь, во имя богов!

— Я здесь, — молчать не имело смысла. — Кто ты?

Внезапно мне показалось, что я слышу смех. Через мгновение я понял, что не ошибся, — у моего собеседника оказалось странное чувство юмора.

— Это пока не важно, — наконец отозвался он. — Тебе обещали помощь, не забыл? Ты ведь встретил у калитки юную деву, прекрасную, как Эос?

Я не знал, кто — или что — такое Эос, но согласился — точнее описать юродивую старуху трудно.

— Я видел деву. Ее красота сравнима лишь с твоим остроумием, почтеннейший.

Вновь послышался смешок.

— Лучше сравни ее красоту с честностью жреца Арейфооя, о царевич!

Тут уж стало не до смеха.

— Ты поможешь мне? — поинтересовался я без особой надежды. — Там, кажется, нет замка, только засов...

— Ты наблюдателен, царевич, но увы... Здесь нет замка, однако за поворотом стоит стража. Но я уже помог тебе. Мои люди сообщили всем, кто ждет сына ванакта Главка, что ты здесь. У богоравного Арейфооя связаны руки.

Придумано было неплохо. Как бы соглашаясь со мной, неизвестный вновь хихикнул.

— Увы, царевич, Арейфоой мудр. В этот миг он раздумыва-

ет, не выдать ли тебя и всех остальных ванакту. Весы колеблются, Клеотер. Сейчас он не сможет покинуть храм, но уже утром будет во дворце. За твою голову заплатят щедро.

Я хотел спросить: «И что же делать?» — но сдержался.

— Боги на твоей стороне, царевич, — голос за дверью внезапно стал совсем иным — густым и тяжелым. — Когда взойдешь на престол — не забудь тех, кто помог тебе.

— Не забуду, — охотно согласился я, мысленно добавив: «Если будет, кому помнить».

— Не забудь, — повторил неизвестный. Его тон стал прежним, и я услыхал знакомое хихиканье. — Дам тебе три совета, как в сказках. Во-первых, надень панцирь. Во-вторых, думай только о престоле, о богоравном Арейфоое позаботятся другие. И в-третьих — верь только Мантосу, сыну Корона. Его отец погиб за твоего отца. Прощай, и да поможет тебе Дий, Отец богов!

Я ждал, что мой гость хихикнет напоследок, но на этот раз он был серьезен...

Постояв еще немного у дверей, я вновь уселся на скамью, но, не выдержав, вскочил и начал расхаживать из угла в угол. Легче не стало, но я почувствовал смутную надежду. Богоравный Арейфоой не всесилен и не всеведущ. Что ж, советы я запомнил твердо — все три.

...И еще одна мелочь почему-то застряла в памяти. Арейфоой, жрец грозного Поседайона, называл Дия Владыкой Ясного неба. Для моего собеседника Дий был Отцом богов. Кажется, боги Ахиявы, как и люди, никак не могли договориться.

За мной пришли где-то через час. На пороге появился богоравный Арейфоой, первым делом кивнувший в сторону лежащих на скамье царских реликвий. Я не стал спорить и начал не спеша надевать цепь.

— Поскорее, царевич, — Арейфоой сделал нетерпеливый жест. — Тебя ждут.

«Живого», — мысленно добавил я, надевая шлем и застегивая фибулу плаща. За дверью топтались двое стражников, поглядывавшие на меня с плохо скрытым испугом. Жрец дал им знак, и мы пошли в сторону лестницы. Стража отстала, держась в отдалении.

— Мы, надеюсь, договорились? — Арейфоой вновь заговорил по-хеттийски, причем голос его звучал не столь уверенно, как раньше. — У тебя было время подумать, царевич.

— У тебя тоже, жрец, — спокойно заметил я и, понимая, что играть в эту игру все равно придется, вздохнул: — Согласен.

Старик еле заметно улыбнулся, как мне показалось, с явным облегчением.

— Но почему меня? — не выдержал я, все еще надеясь, что этот бред каким-то чудом кончится, не начавшись. — Неужели нельзя найти кого-то более подходящего?

— Нет времени, — жрец нахмурился. — Мы должны выступить завтра ночью. К тому же ты вполне подходишь, царевич. Разве ты не заметил?

Я вначале не понял, что имелось в виду, но затем вспомнил странное поведение стражников.

— Боги пошутили, — Арейфоой улыбнулся, на этот раз зло и даже презрительно. — Бывший царский мушкенум очень похож на покойного Главка, ванакта микенского... Особенно в его шлеме и плаще.

Последняя фраза прозвучала откровенно издевательски, но я не отреагировал. Мы поднялись по лестнице, оказавшись в узком проходе, где было совершенно темно, лишь в самом конце горел небольшой светильник.

— Сейчас тебе предстоит встреча с сестрой, — старик заговорил быстро, по-ахейски глотая звуки. — Ее зовут Ктимена, она тебя никогда не видела, но заранее полюбила.

Жрец недобро рассмеялся, и мне стало жаль царевну.

— Она ничего не помнит — ни родителей, ни того, что случилось двадцать пять лет назад. Ктимена никогда не верила в смерть брата... то есть в твою смерть, царевич. В ее глазах ты герой, пришедший отомстить за отца и мать!

Я вспомнил Гелена и пожалел беднягу. Теперь руки, похоронившие царевича, будут обнимать его сестру.

— Запомнил? — жрец остановился, резко втянув воздух сквозь стиснутые зубы. — Повтори, что я сказал!

Это была ошибка. Со мною так не смел разговаривать никто — даже тысяцкий во время боя. Резко повернувшись, я взял Арейфооя за горло. Послышался сдавленный хрип.

— Игра началась, жрец, — я постарался усмехнуться как можно обиднее, хотя в темноте это было излишне. — Отныне я — Клеотер, сын Главка, законный ванакт Микенский. Обращайся ко мне, как положено, или я придушу тебя, как изменника. О моей *сестре* говори почтительно. Понял?

Я разжал руку. Старик резко выдохнул и что-то прошептал.

— Громче, жрец! Ты говоришь с ванактом!

— Я... все понял!

В хриплом голосе слышались ненависть и страх. До этого мгновения жрец презирал меня, теперь же стал ненавидеть.

— Повтори!

— Понял! — Голос сорвался в визг.

— Понял, *ванакт*! — подсказал я.

— Да. Я все понял, ванакт!

Я еле удержался, чтобы не придушить старого скорпиона на месте. Теперь я был твердо уверен, что мерзавец предаст — и меня, и всех остальных. Арейфоой слишком умен, чтобы поверить в успех, а мертвый «царевич» пригодится ему для торга с Ифимедеем. Но я отпустил мерзавца. Мы находились в самом сердце огромного храма, где Арейфоой был хозяином. К тому же мой смешливый знакомец обещал сам позаботиться о жреце, и я почему-то верил ему.

— А теперь веди. Пойдешь первым.

Жрец скользнул в приотворенную дверь, откуда лился неяркий теплый свет. Через какой-то миг он выглянул, жестом приглашая войти. Я без особых церемоний втолкнул его обратно, чтобы умный старик не исчез в темноте, и вошел сам.

XE

«ОНА ОКАЗАЛАСЬ»

Она оказалась неожиданно высокой — чуть ниже меня — и очень худой. Длинные белокурые пряди выбивались из-под накидки. Лицо я разглядеть не успел, но поразили глаза — странные, полные боли. Так смотрит старуха. Похоже, царевна прожила свой недолгий век нелегко.

Я протянул руки, чтобы обнять ее, как и полагается при встрече, но внезапно девушка упала на колени. Худые, со вздувшимися венами руки обхватили мои колени.

— Ты... ты вернулся!.. — скорее угадал, чем понял я.

Такого я не ожидал, только сейчас сообразив, что значил брат для несчастной девушки. Брат, который лежал, наскоро присыпанный землей, у дороги на Аргусу...

Она обнимала призрак.

— Клеотер... — Голос прозвучал чуть громче. — Наш повелитель... Ты... ты здесь!

Несколько мгновений я стоял столбом, не соображая, что делать дальше. Я не помнил своих родичей, но все же постарал-

ся представить, что худая девушка с глазами старухи — моя сестра. А если не сестра, то верная подруга, которая вопреки всему ждала меня долгие месяцы, пока я воевал в пустыне. Ждала — и дождалась.

— Ктимена... — Я осторожно поднял ее и обнял, стараясь не глядеть в глаза. — Я вернулся, сестричка!

Она плакала, уткнувшись мне в плечо, а я ощущал себя последним подлецом. Скоро ей придется еще раз похоронить брата, и виноват в этом буду я. То, что старый мерзавец, придумавший все это, виновен еще больше, ничуть не утешало.

Арейфоой стоял рядом, глядя в сторону. Мне очень захотелось его ударить, и я еле сдержался.

— Не надо плакать, сестричка! — Я сжал ее лицо в ладонях, впервые взглянув ей в глаза. — Я ведь вернулся! Я живой!

Лицо ее казалось молодым, но возле глаз уже лежали первые морщины. А ведь Ктимене только двадцать пять...

Внезапно морщинки исчезли, глаза заиграли неожиданным ярким светом. Девушка засмеялась.

— Ну конечно! Зачем я плачу? Мой брат и повелитель вернулся. Ты жив, Клеотер! Боги сохранили тебя!

— Ты ведь за меня молилась? — брякнул я первое, что пришло в голову, с запозданием сообразив — это может прозвучать упреком.

— Брат! — Улыбка исчезла, сменившись испугом. — Я молилась за тебя каждый день! Я просила Поседайона, просила Дия, просила Атану! Я вышила покрывало для Реи, Матери богов...

— Мать богов, надеюсь, довольна?

Я, наконец, заставил себя улыбнуться и вдруг понял: девушка не понимает шуток, как не понимал их я, когда год за годом вращал мельничный жернов.

Я обернулся, заметив, что Арейфоой по-прежнему смотрит в сторону. Это заставило насторожиться. Жрец о чем-то размышлял, а такие люди умеют находить выход из любых положений.

Я рано начал радоваться. Надо спешить.

— Ктимена, — проговорил я как можно тверже, — у нас будет время, чтобы поговорить о том, как жила ты и где носило меня. Сейчас пора вспомнить: ты царевна, ты — сестра и дочь ванакта.

Ее глаза вновь сверкнули. Теперь они были сухими и холодными.

— Ты прав, ванакт! Сестра не подведет тебя. Приказывай!

Я быстро вспомнил то, что удалось узнать.

— Кто такой Мантос, сын Корона?

— Твой самый верный слуга, ванакт, — царевна обернулась к Арейфоою, тот, не поворачиваясь, кивнул. — Его отец погиб, защищая нашего отца и нашу мать. Мантоса воспитали во дворце, но сын Корона остался верен нашей семье. Сейчас он второй гекет[1] дворцовой стражи.

— А кто первый?

— Старый Скир — тот, кто убил нашу мать, самая верная собака Ифимедея. Но все складывается удачно — Скир болен, и Мантос командует стражей.

Я быстро соображал, наконец-то попав в знакомую стихию. Дворец рядом, верный человек командует охраной... Те, что ждали царевича, неплохо подготовились. Оставалось захватить этот — Хумбаба его возьми — престол, а там уж по возможности выбираться из Микасы. Иного пути я не видел.

Но кое-что продолжало беспокоить. Этот «кое-что», а точнее, кое-кто стоял рядом, с невозмутимым видом глядя на нас с девушкой. Арейфоой вновь стал спокоен и деловит. И его спокойствие не нравилось мне более всего.

— Пора, ванакт, — негромко напомнил он, — тебя ждут.

— Кто? — поинтересовался я, пытаясь понять, что он задумал.

— Друзья. Те, кто хочет вернуть тебе престол.

— Поспешим, брат, — кивнула Ктимена. — Пора!

Снова коридор, лестница, ведущая вверх, негромкие шаги стражи за спиной. Я мысленно перебирал все возможности. Нет, иного пути я не видел. Война научила: всегда лучше наступать, чем бежать от врага. Ванакт Ифимедей, кажется, изрядная сволочь, и мне его заранее было не жаль. Сразу не разоблачат — меня признала «сестра», да и сходство с покойным Главком должно помочь. А победителю всегда легче найти выход, чем побежденному.

Я одернул себя — о свободе думать рано. Враги Ифимедея продумали все — кроме предательства. Переворот намечен на следующую ночь, а за сутки может случиться многое.

— Брат, — прервала мои невеселые размышления девушка, — список у меня. Их сорок семь.

— Кого? — немного оторопел я.

---

[1] Гекет — командир (или заместитель командира) отдельного отряда.

— Тех, кого должен призвать к себе Гадес, — негромко подсказал жрец. — Царевна выткала их имена древними критскими знаками на покрывале.

— Для Реи, Матери богов? — брякнул я, на миг почувствовав нечто вроде омерзения. Готовилась резня. Интересно, сколько человек погибло двадцать пять лет назад?

— Да, — кивнул Арейфоой, — на покрывале Реи, Матери богов. В списке все, кто свергал богоравного ванакта Главка, и их дети. Никто не должен уйти.

— Но сначала надо убить его! — дрожащим голосом проговорила Ктимена. — Убийцу наших родителей и его проклятое отродье! Я выколю ей глаза, вырву волосы, буду жечь факелом! Отдай ее мне, брат!

Более всего испугал голос — царевна умоляла о мести так, как другие просят о самом драгоценном подарке. Я мельком взглянул на ее лицо и вздохнул. Ненависть — не та пища, которой следует питаться всю жизнь. К тому же у богоравного Арейфооя наверняка где-нибудь выткан другой список, который он в любой момент готов передать ванакту. Первым в этом списке скорее всего иду я, а второе место, без сомнения, принадлежит Ктимене.

— Брат, ты слышишь меня?! — настойчиво повторила девушка. — Ты отдашь мне ее?

— Погоди, сестричка, — я остановился, не обращая внимания на нетерпеливый жест Арейфооя. — Я вернулся в Микасу... в Микены несколько часов назад. Он — это, наверное, Ифимедей, наш дядя?

— Дядя?! — выдохнула Ктимена. — Я готова выпустить из жил всю свою кровь, чтобы не считаться его племянницей!

Последнее было явно излишним — кровопускание ожидало не ее, а ванакта.

— А она?

— Ты что, не знаешь? — Глаза блеснули ненавистью. — Его дочь! Та, что живет в комнате нашей матери, носит ее покрывала, надевает ее кольца. Я выколю ей глаза...

Девушку явно начинало водить по второму кругу. Сейчас речь пойдет о вырывании волос и о факеле. Я повернулся к жрецу.

— Дейотара, дочь ванакта, — неохотно подсказал он. — Она тоже в списке.

Неприятно, когда двоюродная сестра носит кольца твоей матери, но в этой ненависти было еще что-то — пугающее, необычное.

— Ладно, — произнес я как можно внушительнее. — Все получат по заслугам. Пошли!

Лестница закончилась. Мы были на площадке перед колоннадой, отделявшей нас от большого полутемного зала. Я обернулся к жрецу.

— Главное святилище, — кивнул он. — Там собрались наши друзья. Они ждут, ванакт.

Я еще раз вспомнил все, что могло помочь. Кольчужная рубаха на мне, так что о панцире можно не заботиться. Верить следует только Мантосу, второму геквету. Переворот намечен на завтрашнюю ночь...

Перед глазами встало лицо Гелена. Как бы повел себя он на моем месте?

— Ты принес жертву, Арейфоой? — внезапно спросил я, вспомнив предсмертную просьбу своего спутника. — Ту, о которой говорил Гелен?

Жрец недоуменно поднял брови, но я заметил, что он смущен.

— Сейчас не время... — начал он, но я был настойчив.

— Почему он велел принести жертву Поседайону, а не подземным богам? О чем он хотел просить? Молитву за удачу нашего дела мы и так догадаемся вознести.

— Он... — Арейфоой на миг заколебался. — Гелен считал, что прогневал богов одним своим... поступком и надеялся, что Великий Землевержец простит его. Но в его поступке не было греха. Забудь об этом.

Жрец говорил правду — но не всю. К тому же я знавал разных жрецов, в том числе и редких негодяев, но не один из них не отзывался так о просьбе умирающего. А ведь погибший был Клеотером, микенским царевичем!

Было о чем подумать, но времени на это не оставалось. Я поправил фарос, чуть сдвинул шлем на затылок и, еще раз припомнив все, что следует делать, кивнул. Арейфоой хотел войти первым, но я отстранил его и шагнул мимо серых колонн в Святилище.

Передо мной были ступени, а чуть ниже — огромный зал, окруженный колоннадой. Неровный свет факелов освещал огромного истукана у противоположной стены, очень похожего на уже виденного в подземелье. Отсветы пламени плясали на дереве — казалось, Владыка Поседайон угрюмо усмехается.

Между Землевержцем и лестницей стояли люди — их было много, десятка четыре. На миг вернулся страх, но я овладел со-

бой, представив, что это обычная битва, которых за плечами не счесть. Вскинув голову, я медленно подошел к лестнице и сделал первый шаг.

— Остановись, — послышался шепот жреца. — Пусть увидят!

Я послушно замер, пытаясь рассмотреть тех, кто ждал меня внизу, но слабый свет превращал собравшихся в одно сплошное темное пятно. Итак, я стоял на верхней ступеньке, рядом застыли Арейфоой и девушка, слева и справа горели факелы, и все это, наверное, выглядело достаточно эффектно, не хуже, чем на празднике Бела в Баб-Или.

Я ждал, но внизу царило мертвое, тяжелое молчание. Мелькнула мысль о том, что делать, если сейчас услышу: «Самозванец!» Но я отогнал ее, улыбнулся и медленно поднял вверх правую руку.

По толпе пронесся шепот, и чей-то резкий, испуганный голос неуверенно произнес:

— Ванакт! Ванакт Главк!

Но тут же другие голоса — сильные, уверенные, поправили его:

— Ванакт! Ванакт Клеотер, сын Главка! Богоравный Клеотер!

Теперь уже кричали все, толпа распалась, люди хлынули вперед, вверх по лестнице, но остановились посередине, не решаясь подойти.

— Радуйся, ванакт Клеотер! Ты вернулся! Боги хранят нас!

Я перевел дух. Что делать дальше, я знал — речи перед боем произносить обучен. Набрав побольше воздуха, я поведал и без того очевидную вещь: я, Клеотер Микенский, вернулся и весьма на них всех рассчитываю. В ответ раздался недружный крик, но я не стал вслушиваться. Мысли были короткими и четкими, как и полагаются в бою. Они признали меня, потому что очень ждали. И еще потому, что я похож на покойного Главка — и это облегчает дело. Но их слишком много, а среди полусотни людей обязательно найдется предатель. Значит, через час Ифимедей будет знать все...

...Через час! А ведь переворот намечен на завтра. Зачем же было созывать всех в эту ночь? Не затем ли, чтобы попросту собрать всех вместе?

Это никак не подбодрило, но я постарался не подать виду. Шум стих, я вновь поднял руку:

— Готовы ли вы идти со мной?

Они были готовы, по крайней мере на словах. Следовало

спешить. Десятки лиц — старые, молодые, благородные и простолюдины. Кто-то пришел сюда из ненависти к Ифимедею, кто-то помнит покойного Главка, а кто-нибудь уже подсчитывает серебро, которое получит от ванакта — нынешнего. Может, на это и рассчитывает Арейфоой? Но ведь в таком случае его тоже посчитают изменником?

Пора было переходить к делу. Я окинул взглядом святилище, встретился взглядом с деревянным Поседайоном и четко произнес:

— Геквет Мантос, сын Корона, мой верный слуга, приблизься!

Толпа вновь затихла. Я с любопытством ждал, и вот по ступенькам стал быстро подниматься широкоплечий парень в короткой военной хламиде, чем-то похожий на покойного Гелена. Наши глаза встретились — Мантос оказался неожиданно молод, лет на семь младше меня. Яркие губы улыбались, голубые глаза смотрели спокойно и решительно. Геквет был красив и, наверное, очень нравился здешним девицам. Но, кроме красоты, в нем чувствовалась сила, он держался прямо и ровно, как и надлежит военному. Не доходя двух шагов, он опустился на одно колено.

— Радуйся, ванакт! Мантос, сын Корона, приветствует тебя на престоле!

Пока я поднимал его с колен и обнимал, как и положено ванакту, в голове занозой ерзала подлая мысль: что, если меня обманули? Начальник дворцовой охраны — это слишком хорошо, чтобы походить на правду. Но иного выбора не оставалось.

— Радуйся, Мантос, сын Корона, — я улыбнулся и произнес то, что задумал заранее: — Радуйся, *лавагет* царства ахейского! Служи мне так, как отец твой служил моему отцу!..

Зрачки геквета за миг сузились, губы побледнели — он явно не ожидал такого. На это я и рассчитывал. Если Мантос верен — будет еще вернее, если нет — дорога назад отрезана.

— Меч, — шепнула мне Ктимена. — Дай ему меч!

Меча у меня не было, но я быстро нашелся.

— Дай мне свой меч, Мантос, сын Корона!

Он повиновался. Я мельком взглянул на незнакомую мне форму клинка, оценил качество бронзы, полюбовался удобной рукояткой — гладкой, из полированной белой кости — и вручил его геквету.

— Возвращаю его тебе, Мантос. Теперь ты — мой меч и моя правая рука!

Будь это при других обстоятельствах, я бы не стал произно-

сить подобные слова, а вместо этого выпил бы с парнем хорошего лидийского вина и поговорил по душам. Но времени не было, а высокие речи тоже иногда могут принести пользу. Я кивнул Мантосу, и он стал рядом. Те, что были внизу, зашумели, кто-то крикнул: «Радуйся, лавагет Мантос!», но я тут же махнул рукой, призывая к тишине. Требовалось немного времени, чтобы поговорить наедине с сыном Корона. Я обернулся к жрецу:

— Богоравный Арейфоой, вознеси молитву Великому Посейдайону!

...Честно говоря, я не имел представления, каков ритуал в храмах Ахиявы. Но раз жрецы существуют, должны же они обращаться к небожителям?

Мои слова покрыл слитный гул одобрения. Арейфоой бросил на меня быстрый недобрый взгляд и выступил вперед, воздев руки к освещенному факелом истукану. Подождав, пока стихнет шум, он заговорил громким, неожиданно молодым голосом:

> Славься, владыка земли и морей Поседайон!
> Землю и море бесплодное ты в колебанье приводишь...

Дальше слушать не стоило. Наклонившись к Мантосу, я быстро спросил, надеясь, что Арейфоой, занятый общением с Землевержцем, меня не услышит:

— Сколько у нас людей?

— Десять у входа в храм, — шепотом ответил он. — Еще двадцать я поставил вокруг.

— Значит, храм окружен?

— Мышь не пробежит, — улыбнулся парень. — Но эта толпа мне не нравится, ванакт. Арейфоой обещал привести самых верных...

Я прислушался к тому, что говорил жрец. Речь, как я понял, шла об укрощении диких коней. Кажется, старик завелся надолго.

— А кто эти? — я кивнул в сторону молчаливо внимавших Арейфоою слушателей.

— Кое-кто из гиппетов, ванакт. Но в основном всякие купчишки, деревенские басилеи... Не понимаю, зачем Арейфоой позвал их сюда?

Я, кажется, уже понимал. Если придется разоблачать заговор, можно одним ударом расправиться со всеми неугодными. Кроме того, добро изменников, как всем ведомо, конфискуется.

— Кто решил выступать завтра? Кто назначил срок? Арейфоой?

— Да, — кивнул Мантос. — И мне это тоже не нравится.

— Согласен. До утра тайна станет известна всему городу...

— Значит, сегодня? — Мантос улыбнулся, и я понял, что получил хорошего помощника.

— Да, сегодня. Сейчас.

Он вновь кивнул, и я почувствовал что-то, похожее на уверенность в успехе. Всегда хорошо иметь дело с теми, кто носит щит!

Слава тебе, Поседайон, объемлющий землю!
Милостив будь и помощь подай нам, блаженный!

Арейфоой выкрикнул последнюю фразу и поднял руку, желая говорить, но я опередил его:

— Час пробил! Я иду, чтобы воссесть на трон моих предков! Вы со мной?

Ответ был не особо внятный, но дружный. Иного и не требовалось.

— Но, ванакт!.. — жрец тронул меня за плечо.

— Да, богоравный Арейфоой! — спохватился я. — Кажется, я оставил у тебя свою секиру.

— Где она? — тут же заинтересовался Мантос. — В твоих покоях, жрец?

Похоже, старик был не прочь спуститься в подвал сам, но сын Корона, явно что-то сообразив, отправил за моей любимой «черной бронзой» одного из своих людей. Кто-то принес несколько копий, которые тут же разобрали собравшиеся. Впрочем, многие были с оружием, а некоторые — и в панцирях.

— Брат! — Девушка просяще прикоснулась к моему подбородку. — Разреши мне пойти с тобой! Я хочу увидеть... Я так долго мечтала...

В последнем я не сомневался, хотя и не хотел, чтобы у моей сестры — будь у меня сестра — имелись такие кровожадные мечты. Впрочем, желания Ктимены вполне совпадали с моими — отпускать ее было опасно.

— Хорошо, — я сделал вид, что это стоит мне усилий. — Пойдешь со мной.

— Клеотер! — Девушка покраснела и неожиданно потерлась щекой о мою руку, словно я обещал взять ее на весенний праздник Иштар.

Тем временем Мантос быстро разобрался с собравшейся в

храме толпой. Его усилия не пропали даром — скопище стало приобретать вид боевого отряда. Те, что помоложе, получили оружие и построились ближе к выходу. Несколько воинов, вынырнувших из полумрака, стали впереди и по бокам.

— Ванакт!

Кто-то протягивал мне секиру. Я с удовольствием сжал знакомую рукоять. Посланец проявил добросовестность, не забыв также кинжал и ножны. Теперь я был почти во всеоружии: в подобных схватках хорошо иметь щит, а его-то мне и недоставало. Я хотел обратиться с просьбой к Мантосу, но кто-то, сообразив, вручил мне нечто старинное, снятое со стены. К счастью, это оказался именно щит, а не те безделушки, которые часто вешают в храмах. Я подтянул ремень, закинул щит за спину и решил, что готов.

Остальные были тоже готовы — об этом доложил Мантос. Я окинул критическим взглядом наспех построенную колонну. Будь у меня выбор, я предпочел бы взять с собой пару десятков из тех, с кем служил в Баб-Или, но вслух, естественно, говорить этого не стал. Новый лавагет делал все, что мог. Конечно, торговцы и сельские козопасы-басилеи не Адад весть какие вояки, зато они точно знают, что в случае поражения пощады ждать нечего. Я мысленно помянул Аннуаков и все милости их и велел выступать.

Отряд вышел через главный вход на пустынную площадь перед храмом. Увы, даже этот простой маневр привел к тому, что строй распался, вновь вернувшись в исходное состояние. Воины Мантоса забегали взад и вперед, приводя козопасов в чувство, а сам лавагет распорядился снять оцепление вокруг храма, чтобы усилить отряд. Я был занят тем, что следил за Ктименой и жрецом, не отпуская их ни на шаг. Впрочем, девушка сама не собиралась отходить от меня, а что касается Арейфоя, то он держался невозмутимо, время от времени еле заметно хмурясь. Жрец волновался, но не слишком. Наш неожиданный поход не застал его врасплох.

Воины Мантоса, охранявшие храм, быстро занимали места в строю. Пора было выступать, но лавагет отвел меня в сторону. Ктимена шагнула вслед за мной. Мантос оглянулся и достал из складок плаща небольшую алебастровую табличку.

— Это хотели передать во дворец, — шепнул он, — один из младших жрецов. Еле успели перехватить.

На табличке были наскоро набросаны красной краской непонятные закорючки, похожие на детские рисунки.

— Старое критское письмо, — пояснил Мантос. — Его я не знаю.

Тут я впервые понял, что не зря взял Ктимену с собой. Девушка внимательно рассмотрела странные знаки, губы ее сжались, глаза сверкнули гневом:

— Тут написано: «Клеотер здесь. Мантос предатель. Беги, ванакт!»

— Коротко и ясно, — согласился я. — Хорошо, что перехватили.

— Я убью изменника, — прошептала девушка. — Он умрет первым, брат!

— Разберемся позже, — рассудил я. — Пошли!

— Арейфоой? — шепнул мне на ухо Мантос, и я кивнул в ответ. Табличка сказала мне многое. Измена не удивила, но то, что предатель советовал Ифимедею бежать, а не сопротивляться, изрядно порадовало. Значит, мы все-таки их опередили!

Я стал во главе отряда. Воины еще раз подровняли строй, лавагет выжидательно взглянул на меня, и я не стал медлить.

Первые же наши шаги наполнили пустую площадь грохотом и лязгом. Я поморщился — носить оружие козопасы не умели.

Дворец находился рядом, следовало лишь пересечь площадь и обойти его справа, по небольшому переулку. Будь со мною «серые коршуны» из Баб-Или, мы попросту пробежали бы это расстояние, чтобы слегка согреться перед схваткой. Однако сейчас я старался не спешить, дабы колонна не рассыпалась. Мантос между тем вполголоса излагал свой замысел. Как я понял, внешняя охрана выполнит любой его приказ. Многого от нее и не требовалось: пропустить нас и не пускать никого другого. Но личные покои ванакта охраняли иноземцы, которые подчинялись лишь Ифимедею и первому геквету Скиру. Вот тут придется поработать, поскольку большая часть наемников — шардана[1], которые скорее умрут, чем отступят.

Я понимающе кивнул. Шардана, выходцы из-за моря Мра-

[1] **Шардана** — древний народ, живший на побережье Черного моря. Шардана служили наемниками в странах Средиземноморья, в том числе в Микенах.

ка, славились верностью и умением драться. Значит, предстоит рубка.

Мы углубились в переулок. Впереди показались стражники, поспешившие взять копья на изготовку, но Мантос шагнул к ним, о чем-то коротко переговорил, и воины послушно присоединились к колонне. Сын Корона между тем сообщил, что все входы во дворец, а также подземный ход и потайная калитка перекрыты. Мы же атакуем через главный вход — ибо новый ванакт не может войти во дворец крадучись, как ночной вор.

Я не стал спорить, хотя во дворец энси Ура мы ворвались именно через потайную калитку, застав охрану врасплох. Но тогда я был просто Нургал-Сином и не думал о престоле.

Переулок уже заканчивался, и я обернулся, чтобы подождать отставших, как вдруг услышал предостерегающий возглас Ктимены, и тут же десяток воинов окружили меня, прикрывая щитами.

Поздно!

...Это был дротик, брошенный откуда-то сверху. Он попал точно в сердце, но кольчужная рубаха выручила и на этот раз.

— Брат!

Ктимена уже была рядом, но я ободряюще усмехнулся и продемонстрировал порванный край плаща.

— С крыши, — сообщил Мантос. — Их было двое.

Двое? И тут я наконец заметил, что рядом царит какая-то странная суета. Отодвинув в сторону чей-то щит, я охнул — Арейфоой, богоравный слуга Поседайона, лежал на земле, беспомощно раскинув руки. Возле него толпились люди, но я понял, что хлопоты бесполезны — второй дротик пробил старику горло.

Я склонился над ним и тут же встал — Арейфоой уже отправился в свое последнее путешествие. Кто-то подал мне плащ, и я поспешил накрыть им тело, чтобы не видеть пустого взгляда застывших темных глаз.

— Воины! — крикнул Мантос, уже пришедший в себя. — Узурпатор Ифимедей убил богоравного Арейфооя! Отомстим за святотатство! Смерть!

— Смерть! — отозвались десятки голосов, и я мысленно похвалил Мантоса за живое воображение. Из головы не выходил совет, данный моим смешливым собеседником. Панцирь! Убийцы попали мне в грудь, но дротик ударился легко, как будто его кидали от локтя. А вот жрецу повезло меньше — пущенный в полную силу дротик угодил прямо ему в незащищенное горло — для верности.

— Ванакта Клеотера спасли боги! — послышался голос Ктимены. — Граждане Микен, это — великий знак! Это знамение! Дротик отскочил от груди моего брата!

Снова дружный вопль. Что ж, мертвый Арейфоой послужит нам лучше живого. Верховного жреца Ифимедею не простят.

Несколько мгновений я стоял над неподвижным телом. Наступила полная тишина, все затаили дыхание, боясь помешать. Старого скорпиона было не жаль, но превратность судьбы в который раз поразила меня. Еще час назад жрец думал, что вершит судьбами царств, верил, что начинается лучшая часть его жизни, — и вот мертвое тело лежит на грязной мостовой у ног «ушебти», которого Арейфоой собирался посадить на залитый кровью престол. Внезапно я вспомнил о Гелене.

— Ты не принес жертву, богоравный Арейфоой, — негромко проговорил я, — воля умирающего священна, жрец. Прощай.

Наверное, со стороны казалось, что я читаю молитву.

Вернулись воины, пытавшиеся догнать убийц, но те словно растворились в ночном мраке. Иного я и не ждал. Как мне и было обещано, о верховном жреце позаботились, проделав это с немалым искусством.

— Пора!

Я вновь встал во главе отряда, Мантос и Ктимена заняли свои места, и мы двинулись дальше. Девушка что-то говорила о гекатомбе, которую она совершит в честь моего спасения от смерти, но я не слушал. Переулок кончился, впереди еще одна площадь, а там — дворец. Если Мантос не ошибся, эту часть пути мы пройдем без боя. Предстоящая схватка не страшила, но я вспомнил, что вслед за нею начнется резня. Сорок семь человек из списка Ктимены. Я хотел спросить лавагета, нельзя ли пощадить хотя бы детей, но промолчал. Отец Мантоса погиб, защищая своего владыку, а теперь его сын, оставленный в живых победителями, идет мстить.

Наконец переулок кончился. Стало немного светлее — мы вышли на площадь. Справа темнел массивный храм (Мантос успел пояснить, что это святилище Дия, Отца богов), а слева возвышалось мрачное здание с колоннадой вдоль фасада.

— Дворец, — негромко проговорила Ктимена. — Вспоминаешь, брат?

— Нет, — в такой миг врать не хотелось. — Не помню.

— Ты забыла, царевна, — вмешался Мантос, — тогда дворец был еще не достроен, вход находился с другой стороны — там, где сад.

Я мысленно поздравил себя с удачным ответом. Иногда говорить правду полезно.

Отряд вышел на середину площади и развернулся лицом ко входу. Мантос отдал короткий приказ, и его воины пробежались вдоль строя, выравнивая ряды. Геквет начал делить нас на группы, ставя каждой отдельную задачу, как вдруг замолчал, настороженно глядя на дворец.

— Огни! — с тревогой выдохнул он. — Почему там огни?

Между колонн, только что тонувших во мраке, вспыхнули факелы. Послышались крики и топот множества ног. Из дверей выбегали воины, тут же строясь в развернутую шеренгу. Тускло блистали наконечники копий, колыхались высокие перья на рогатых шлемах...

— Шардана! — крикнул кто-то, и по всему отряду пробежал испуганный шепот.

— Молчать! — рявкнул Мантос. — Первого, кто оставит строй, зарублю на месте! Копья к бою!

Наш отряд ощетинился, словно еж, но я чувствовал — настроение сразу изменилось. Легкой прогулки не будет. Я быстро прикинул число врагов: не меньше полусотни. У нас — три десятка вояк и сорок козопасов...

Пока я подсчитывал наши шансы, из-за колонн показались новые воины.

— Там все шардана, — тихо проговорил геквет, — их семь десятков. Уходи, ванакт! Я дам тебе двадцать воинов, ты сможешь уйти из города. У ворот мои люди.

Я мысленно помянул Иштар и все ее каверзы. Бежать с поля боя приходилось; победа и поражение — удел воина, но спасаться бегством, когда бой еще не начался! С другой стороны, это — шанс. Последний шанс для Нургал-Сина уйти из Микасы подобру-поздорову, с головой на плечах и золотом в поясе. Через час я буду спасен. Что из того, что семь десятков людей будут изрублены только за то, что клялись мне в верности? Ведь они клялись царевичу Клеотеру, а я — всего лишь «ушебти»...

— Перестрой отряд! — гаркнул я, отрывая Мантоса от его невеселых раздумий. — Глубина строя — пять шеренг, воинов — в первые ряды и на фланги. Царевну — назад!

Командовать по-ахейски оказалось нелегко, некоторые слова так и тянуло сказать на языке Баб-Или, но лавагет понял сразу. Пока Мантос распоряжался, а его воины пинками расставляли козопасов по местам, я напряженно всматривался в темноту. Сейчас они ударят! Они обязаны атаковать, пока я не развернул

строй! Они уже упустили несколько драгоценных мгновений, дав нам возможность опомниться. Не дураки же там! Но почему они медлят?

— Отряд перестроен, ванакт! — Мантос вновь оказался рядом. — Ты... Ты остаешься?

— Брат! — донесся голос Ктимена. — Меня не пускают к тебе! Прикажи пропустить меня!

Надо было отвечать двоим сразу, но я решил, что это излишняя роскошь. Минута решает исход боя. Адад, податель благ, не подведи!..

— У Ифимедея есть еще люди? — Я резко повернулся к Мантосу. — Отвечай, лавагет!

— Нет, — тихо вздохнул он. — Он собрал всех шардана, но остальные не выступят без моего приказа.

— Значит, нас не смогут окружить?

Гекает оглядел площадь перед дворцом и покачал головой:

— Других войск в Микенах нет. Мы позаботились. Шардана — это все, что у него осталось. Не понимаю, где я ошибся...

Меня тоже это интересовало, но заняться разбором операции можно будет позже — если уцелеем. Я усмехнулся и поудобнее взял в руки «черную бронзу».

— Мы атакуем, Мантос.

— Но...

— Отставить! — Я набрал в грудь побольше воздуха и прокричал, с ходу переводя команды с языка Баб-Или на ахейский:

— В атаку! Быстрым шагом! Расстояние между шеренгами — один шаг. Вперед!

Акцент был, конечно, ужасный, но меня поняли. Гулко ударили о брусчатку десятки сандалий, легко качнулись копья...

Мантос что-то спросил, но я не расслышал, лихорадочно прикидывая план боя. Сейчас они двинутся с места, значит, встретимся где-то через тридцать шагов. За десять шагов надо скомандовать «Бегом марш!», а до этого обязательно разглядеть их начальника. Его я зарублю первым...

— Кто там старший? — бросил я Мантосу, вглядываясь в темный строй шардана. Странно, они все еще не сдвинулись с места.

— Не вижу... Вижу, ванакт! Это Прет, сын Скира, третий гекает стражи! Вот он, в центре.

Я тоже увидел его. Высокий парень с необычным круглым щитом, в руке вместо копья — большая секира.

— Вы с ним враги?

— Друзья, — глухо ответил геквет и, вздохнув, добавил: — Были...

Что ж, бывает и такое. Секира третьего геквета вызвала уважение, но вояка он определенно плохой. Даже первогодок знает, что врага надо встречать только в движении. Неподвижный строй обречен, а нужный темп не наберешь за несколько мгновений...

И тут перья на шлеме третьего геквета колыхнулись. Прет шагнул вперед — один. Шардана остались на месте.

— Остановись, Мантос! — Прет легким движением перебросил секиру на плечо. — Ты что, затеял учения на ночь глядя?

Тон был под стать движениям — легкий и небрежный. Прет еще мгновение поиграл секирой, как будто та была из папируса, и внезапно кинул ее в сторону. Звонко прогремел металл, ударившись о брусчатку.

— Стой! — Я поднял руку, догадавшись, что боя не будет.

Прет уже был в двух шагах. Без секиры с ним разговаривать было спокойнее — он оказался выше меня на полголовы, да и в плечах шире. С таким только сцепись! Шлем был опущен, и поэтому я не мог увидеть его лица, но успел заметить на тонких губах легкую усмешку.

— Освободи дорогу! — крикнул Мантос. — Дорогу ванакту Клеотеру!

Прет, не отвечая, быстро обвел взглядом строй и шагнул ко мне. Мантос дернулся, поднимая копье, но третий геквет неожиданно опустился на одно колено, склонив голову.

— Радуйся, царевич Клеотер! Я бы отдал тебе секиру, но с нею бы меня не подпустили.

Он поднял голову и насмешливо поглядел на Мантоса.

— Встань, — велел я, на всякий случай не трогаясь с места. — Моя секира не хуже твоей, третий геквет. Ты назвал меня царевичем. Почему?

— Ванактом ты станешь, когда войдешь во дворец, — Прет легко поднялся и расправил плечи, словно потягиваясь. — У меня здесь шардана, а у отца во дворце — стража.

— Скир во дворце, — прошептал Мантос. — О боги!

Поминать богов было самое время. Стража сделает все, что прикажет первый геквет. Даже разбив шардана, мы не войдем внутрь.

— Итак, царевич, — Прет сдвинул шлем на затылок и улыбнулся, — поговорим?

Мгновение, не больше, я раздумывал. Терять драгоценное

время не хотелось, переговоры с противником во время боя — дело опасное.

— Говорить будем позже, — отрезал я, — когда займем дворец.

— Не верь ему, брат, — крикнула Ктимена, наконец-то пробравшаяся ко мне. — Они тянут время!

— Времени много, — равнодушно заметил Прет. — Ифимедей не выйдет из своих покоев — там наши воины. Мы пропустим тебя во дворец, царевич, но у нас есть условия...

— Просьбы, — поправил я. — Ванакту условий не ставят.

— Просьбы. Они вполне разумны, царевич, и у нас есть для них основания, — он с усмешкой обернулся к неподвижной шеренге шардана. — О мелочах, пожалуй, можно поговорить во дворце, но главное решим здесь. Ифимедей твой, делай с ним что угодно, как и с его дочерью. Но больше никто не будет ни убит, ни изгнан. Поклянись — и дворец ваш.

— Нет! — тут же заспешила Ктимена. — Это убийцы наших родителей! И прежде всего Скир, его отец!

Третий геквет поклонился девушке, во взгляде его я уловил легкую насмешку.

— Когда царевич взойдет на престол, он помилует их. Мой отец завтра же покинет Микены. Он уже стар и желает отдохнуть. Но крови не будет. Поклянись, *ванакт*!

Этот насмешливый парень умел вести переговоры. Наконец-то я разглядел его лицо — худое, с тонкими губами и решительными складками у рта.

— Ты назвал меня ванактом? — заметил я, пытаясь понять, верю ли я ему.

— Да, ванакт. Видишь, я уже признал тебя, значит, отрезал себе путь назад.

Тон оставался прежним, словно речь шла о легких дворцовых сплетнях. Держался он неплохо.

Это могла быть ловушка, но я поставил себя на место Ифимедея. Если мы попадем во дворец, численное преимущество уже не будет играть такой роли. Риск был, и немалый, но я уже почти решился.

— Чем ты докажешь, что нас не ждет западня? — резко проговорил молчавший все это время Мантос.

— Да ничем, дружище! — широко улыбнулся Прет. — Ванакт Клеотер знает, что я говорю правду. Ведь ему обещали помочь.

И третий геквет достаточно точно воспроизвел знакомый мне смешок.

— Хорошо, — я решительно шагнул вперед. — Клянусь, что никто не пострадает, кроме Ифимедея!..

— И этой суки! — тут же добавила Ктимена. Я невольно вздрогнул.

— И его дочери. Никто не будет убит или изгнан. А сейчас, Прет, прикажи своим шардана положить оружие и отведи их в сторону. Сам возвращайся.

— Подберите мою секиру, — бросил Прет самым небрежным тоном и, повернувшись к своим воинам, отдал короткую команду. Послышался лязг и звон — шардана положили копья и принялись снимать перевязи с мечами.

— Брат, их нельзя помиловать! Убей их! Не верь Прету! — шептала Ктимена, я же внезапно почувствовал нечто вроде облегчения. Положение «ушебти» имеет свои преимущества. Все было спланировано без меня, оставалось следовать уже готовому замыслу. Тот, чей смех Прет так точно воспроизвел, не желал резни. Здесь наши желания совпадали.

Шардана уходили, ровно печатая шаг. Прет, поглядев им вслед, не спеша подошел ко мне и встал рядом, непринужденно отодвинув в сторону Ктимену.

— Дворец твой, ванакт! — он махнул рукой в сторону колоннады и начал что-то негромко насвистывать.

— Ванакт? — Мантос вопросительно поглядел на меня. Я кивнул. Лавагет отдал команду, и мы быстро двинулись вперед. Не удержавшись, я обернулся к Прету:

— А чего желаешь ты, третий геквет?

— Разного, — послышался невозмутимый ответ. — Завтра, если боги будут к нам милостивы, тебе предстоит тяжелый день, ванакт. Все придут просить награду. Я подожду.

Чем-то этот парень мне нравился. Люблю спокойных людей.

— Ифимедей ничего не знает? — поинтересовался Мантос. Прет покачал головой:

— Он спит. Вечером он выпил слишком много лидийского вина. Наши воины следят, чтобы его не беспокоили. А где богоравный Арейфоой?

Третий геквет усмехнулся, и я понял, что ответ ему уже известен.

— Ифимедей послал к нему убийц, — сообщил я, покосившись на Прета. — Они пытались убить и меня...

— Но ты жив, хвала Дию, — мгновенно отреагировал тот, и я уже не сомневался, кто стоял за всем этим.

Мы подошли к ступеням, ведущим к главному входу. Ман-

тос, остановив отряд, отдал короткий приказ. Десяток воинов окружили нас, а остальные, вместе с козопасами, заметно повеселевшими от такого поворота дел, двинулись к дверям.

— Подожди здесь, ванакт, — Мантос усмехнулся. — Мы должны проверить.

Он первым взбежал по ступеням. Я, Ктимена и третий гекает остались внизу.

— Ты дважды предатель, Прет, — заговорила девушка. — Брат мой, не верь ему, не верь его отцу... Прикажи их убить!

— Ты кровожадна, царевна, — Прет чарующе улыбнулся. — Будь справедлива! Двадцать пять лет назад Ифимедей не тронул детей Главка. Моего друга Мантоса воспитали во дворце. В наших бедах виноват только Ифимедей, и он расплатится. Я не предатель. Разве помощь законному ванакту микенскому — измена?

— Прет, — вмешался я, — как ты меня узнал?

— По шлему, — усмехнулся он. — Кроме того, ты очень похож на отца, ванакт. Мне было лишь пять лет, но я хорошо запомнил Главка. Кстати, царевна, если тебе так сладка месть, разузнай, кто действительно убил его.

— Что?! — Девушка была уже готова броситься на Прета, и я предостерегающе поднял руку. Третий гекает вновь усмехнулся и поклонился Ктимене.

Из дворца доносился шум, но никаких признаков сражения я не уловил. В дверном проеме показался Мантос.

— Ванакт! — он быстро сбежал по ступенькам и на мгновение остановился, переводя дыхание. — Скир отвел своих людей. Путь свободен!

Я кивнул и шагнул вперед.

...Несколько ступенек, распахнутые бронзовые двери, и снова лестница, освещенная факелами. По бокам застыла стража. Увидев нас, воины дружно ударили копьями о щиты. Я махнул рукой и взбежал по ступенькам, оказавшись в широком коридоре. Здесь тоже горели факелы, стояла стража, а у дверей я заметил моих козопасов. Послышались радостные крики. Я вновь махнул рукой и пошел дальше.

Снова дверь. За нею была тьма. Я с трудом разглядел силуэты приземистых колонн.

— Тронный зал, — шепнула Ктимена, не отставшая от меня ни на шаг. — Здесь твой трон, брат...

Кто-то из козопасов принес факелы, и я наконец сумел разглядеть то, что скрывала темнота. После виденных мною двор-

цов и, конечно, после Большого дворца в Баб-Или, где я часто бывал, тронный зал микенских ванактов показался небольшим и каким-то голым. Трон стоял справа, по стенам расползались разноцветные фрески, а все это окружали уже замеченные мною колонны. Крысиная нора...

Вслух я ничего говорить не стал и, решив, что созерцание трона закончено, повернулся к Мантосу:

— Где Ифимедей?

Красивое лицо лавагета скривилось в злой усмешке, и он показал на дверь в глубине зала. Мы прошли вдоль колоннады, оказавшись в еще одном коридоре, на этот раз узком и коротком. Здесь было светлее. Стража равнодушно взглянула на нас, но кто-то крикнул: «Ванакт!» — и послышался знакомый звук: копья ударили о щиты.

В конце коридора примерно дюжина козопасов топталась у высокой запертой двери. Увидев меня, они поспешили расступиться.

— Он там! — Мантос указал на дверь наконечником копья. — Подземный ход мы перекрыли, ванакт.

Я кивнул. Пока все делалось без меня, теперь же начиналась моя работа.

— Прикажи, пусть приведут эту суку, — прошептала Ктимена. — Мы убьем их вместе!

Я поглядел на Мантоса, тот кивнул и подозвал кого-то из воинов. Возражать царевне я не мог — Ктимене и так пришлось отказаться от сорока семи голов, о которых она мечтала долгие годы. Но мысль о том, что придется убивать совершенно незнакомую девушку, не вызвала восторга. Дикие обычаи у моих земляков!

Впрочем, жалеть было поздно. Я шагнул к дверям и поудобнее взял в руки секиру. По крайней мере тут все на равных. Я — или он, и да будут Аннуаки милостивы к самому достойному!

...Первый удар легко разрубил тонкую медь, покрывавшую двери, и глубоко вошел в дерево. Створки дрогнули, но удержались на месте. Я ударил еще раз, полетела щепа, но дверь по-прежнему держалась. С запоздалым сожалением я понял, что лучше было взять обыкновенное бревно. Третий удар также не дал результата, я разозлился — и врезал от души, не жалея.

Послышался треск, я еле удержался на ногах — тяжелые створки медленно и нехотя стали растворяться.

Мой невидимый противник уже, конечно, не спал. Чуть пригнувшись, я прыгнул в темноту — и что-то просвистело со-

всем рядом, упало, со стуком покатилось по полу. Копье! К счастью, кидавший его промахнулся. Итак, драться придется всерьез — я был хорошо виден, а мой противник прятался в темном углу...

Внезапно комната осветилась — рядом со мною стояла Ктимена, держа в руках факел.

Ифимедей был в трех шагах, неподалеку от широкого ложа, устланного цветными хеттийскими покрывалами. Ванакт успел накинуть хитон, в руках его был меч, на голове блестел рогатый шлем. Он был еще не стар — крепкий мужчина чуть ниже меня ростом, широкий в плечах, без капли лишнего веса. Загорелое лицо казалось спокойным, на широких губах блуждала усмешка.

— Ага! Ты привела убийц, костлявая шлюха! — Ванакт захохотал и не спеша надел на руку щит. — Интересно, чем ты станешь им платить?

Ктимена побледнела и отшатнулась. Ифимедей скользнул по мне взглядом и вновь засмеялся:

— Ага! Самозванец! Ты вырядился в царские одежды, дурак, но от этого тебе не стать ванактом. Ну-ка поглядим, какого цвета твоя кровь!

Мои земляки любят пышные речи. Пока он изгалялся, я быстро оценил обстановку. Мужчина он крепкий, драться, кажется, умеет, но я моложе, и секира надежнее меча.

— Ну-ка, болван в царском фаросе! — Ифимедей повернулся ко мне. — Погляди на меня, прежде чем умереть!

— Это все слова! — Я отбросил ненужный щит и взял «черную бронзу» двумя руками. — Много болтаешь, старик.

В его взгляде мелькнуло удивление, и я понял, что говорю на языке Баб-Или. Ифимедей еще раз посмотрел на меня, и тут, наконец, наши глаза встретились. Повинуясь какому-то наитию, я не спеша сдвинул шлем на затылок, открывая лицо.

...Послышался легкий стук — его меч упал на пол.

— Главк... — Глаза ванакта стали пусты и бессмысленны. — Ты...

Да, боги любят шутить. Теперь я не удивлялся, почему богоравный Арейфоой так заинтересовался бывшим царским мушкенумом. Для Ифимедея эта шутка вышла не очень смешной.

— Главк... — Голос стал еще тише. — Зачем ты?.. Ведь ты должен знать...

Я шагнул вперед, но он даже не подумал закрыться щитом. Лицо побледнело, Ифимедей пошатнулся — и без звука упал навзничь, словно невидимая стрела попала ему в сердце.

«КОМНАТУ ЗАПОЛНИЛИ ВОИНЫ»

Комнату заполнили воины. Мантос склонился над неподвижным телом и тут же выпрямился.

— Гадес призвал его к себе. Это суд божий, ванакт!

— Боги поразили узурпатора! — крикнул кто-то, и комнату захлестнул дружный вопль:

— Он мертв! Ифимедей мертв! Боги поразили его!

Я все еще стоял на месте, медленно приходя в себя. Боги могут поразить человека — в этом никто не сомневался. Правда, им не требуется ни молния, ни огонь. Стоит лишь даровать врагу слабое сердце. Ифимедей увидел призрак — и этого оказалось достаточно. Интересно, что значат его слова? О чем должен был знать покойный Главк?

— Слава ванакту Клеотеру! — крик вырвался наружу, отозвавшись по всему дворцу. — Слава Клеотеру! Да живет он вечно!

— Брат! — Ктимена прижалась ко мне, ее плечи беззвучно подрагивали. — Ты победил! Наш отец отомщен!..

Я погладил ее по голове и растерянно оглянулся. Бой кончился, так и не начавшись, а что делать дальше, я совершенно не представлял.

— Пусть все соберутся в тронном зале, — послышался негромкий голос. Прет, сын Скира, стоял рядом, и лицо его на этот раз было серьезно. — Прикажи усилить караулы во дворце и у городских ворот. Пусть твой новый лавагет лично обойдет улицы и наведет порядок.

— Верно...

Я очнулся и поискал глазами Мантоса, но тот уже был рядом.

— Ванакт не нуждается в твоих советах, Прет. Я послал стражников к воротам и на улицу. Город спокоен. Скажи своему отцу, чтобы он шел домой и не показывался на глаза.

Тонкие губы Прета дернулись, но он ничего не ответил.

— В тронный зал! — крикнул кто-то, и толпа с шумом повалила из комнаты.

— Ванакт! — Голос Мантоса звучал зло. — Во дворце должен быть один начальник. Я, как лавагет, отстраняю Скира и Прета от должности. Прикажи мне разоружить их людей!

Я поглядел на третьего геквета, но тот оставался невозмутим.

— Хорошо, — кивнул я. — Действуй! Но Прет останется здесь.

Если его отец посмеет сопротивляться, то расплатится головой сына. А сейчас — в тронный зал!

И тут я заметил, что Ктимена исчезла. Обернувшись, я невольно вздрогнул — девушка стояла над трупом, в ее правой руке был окровавленный меч, а левая с трудом удерживала на весу отрезанную голову Ифимедея, ванакта микенского.

— Сестра!

Она оглянулась, и мне показалось, что губы царевны в крови. Рассмеявшись, Ктимена бросила меч и подняла мертвую голову обеими руками. Кровь лилась на хлену, пачкала пальцы, капала на пол.

— Смотри, брат! Ею можно играть, как мячом! — Она подбросила страшный груз, подставив руки, но удержать не смогла — голова Ифимедея с тяжелым стуком покатилась по полу. Я обернулся к Мантосу, но тот, поняв меня без слов, поспешил взять царевну за плечи. Она не сопротивлялась.

— Теперь я буду убивать ее! — Девушка вновь засмеялась и протянула ко мне окровавленные ладони. — Это наш день, брат! Наш самый счастливый день! Убивать! Убивать!..

— Лекарь здесь есть? — прошептал я на ухо Прету; тот медленно кивнул и вышел из комнаты.

— Мантос! Отведи царевну в ее покои и распорядись, чтобы о ней позаботились. За лекарем уже пошли.

Лавагет молча наклонил голову, но тут вмешалась Ктимена.

— Брат! — В голосе сквозило удивление. — Мы еще не убили ее! Сначала я убью эту суку! Ты же обещал...

Я уже не помнил, что обещал этой странной девушке, и на миг ощутил нечто вроде страха. Я давно разучился бояться людей — но здоровых. При виде безумца меня всегда берет оторопь, и никто не осудит за это. Хорошо, что Ктимена не моя сестра!..

И тут я понял, что ошибаюсь. В глазах Микасы и всей Ахиявы худая костлявая девица, залитая кровью собственного дяди, отныне имеет единственного родича, и этот родич — я. Вслед за этим стало ясно и другое, еще более скверное: я, как бы меня ни звали, отныне — *ванакт Микасы*.

...И тут пришел настоящий страх. Я не искал этой службы! Бывшего мушкенума Нургал-Сина завербовали против воли, всучив эту поганую работенку. Не я задумал переворот, я лишь «ушебти», но это знают немногие. Для большинства отныне этот залитый кровью дворец — мой, крысиная нора, называемая

Великой Ахиявой, — тоже моя, и отвечать за все будет один человек — богоравный ванакт Клеотер.

Да, я не искал этого, но, согласившись, потерял единственное право наемника — ни за что не отвечать. «Серый коршун» может убить жреца и поджечь храм, но в ответе тот, кто ведет войска и сидит на престоле. Нургал-Сина же — нет, Клеотера! — завербовали именно в качестве Верховного Дерьмочерпия в этом мерзком сарае...

На миг меня бросило в жар, потом в холод, но затем сработала давняя привычка, много раз спасавшая в походах. Я этого не хотел, но все же вляпался, а значит, надо выкручиваться. Как в той битве возле Урука, когда мы остались одни в чистом поле, а прямо в лоб на нас неслись эламские колесницы...

Я отстранил Мантоса и осторожно обнял девушку. Она затихла, что-то бессвязно бормоча и всхлипывая. Погладив ее по плечу, я обернулся и заметил в дверях Прета, а за ним — испуганного старичка в наскоро наброшенном гиматии. Оставалось вывести Ктимену и передать ее лекарю, но внезапно в коридоре послышался топот и звяканье оружия. Царевна дернулась, резко освободившись. Глаза ее вспыхнули.

— Брат! Это... Это она? Это ее привели?

Более всего хотелось, чтобы царевна ошиблась, но через мгновение стало ясно — она права. Стражники ввели в комнату невысокую девушку, закутанную в богатое покрывало с золотой каймой. Я не успел разглядеть ее — Ктимена, словно дикая кошка, рванулась вперед.

— Сука! Ты здесь? Это я, Ктимена!

Резким рывком она сорвала край покрывала, и я увидел лицо той, которой предстояло умереть. Вначале я заметил глаза, широко раскрытые, полные ненависти и одновременно — ужаса. Лицо девушки было белым, словно покрытым известкой, — как лик покойника после скверного бальзамирования. Я ждал, что она закричит, но Дейотара, дочь Ифимедея, не проронила ни звука.

— Видишь? — Ктимена, засмеявшись, провела по ее щеке окровавленной рукой. — Видишь, сестричка? Знаешь, чья это кровь?

Дейотара по-прежнему молчала, казалось, не замечая никого из нас.

...Судьба редко посылает гонцов. Еще час назад у этой девушки было все. Теперь осталась только жизнь — и то ненадолго.

Я думал, что Ктимена вцепится ей в волосы или ударит кинжалом, но этого не случилось.

— Брат, — обернулась она ко мне, — прикажи привести сюда нескольких стражников. Не этих, — она кивнула на стоявших у двери воинов, — шардана!

Тон у царевны был настолько деловым, что я невольно взглянул на Мантоса, готовясь переадресовать просьбу ему. Почему-то мне показалось, что царевна, одумавшись, просит взять Дейотару под стражу.

— Мы устроим это прямо здесь, — Ктимена быстро осмотрела комнату, — на царском ложе. Эту суку разложим там, а рядом поставим голову нашего дяди. Пусть смотрит!

Я все еще не понимал, и Ктимена нетерпеливо топнула ногой:

— Прикажи привести их, брат! Мы будем стоять здесь и наблюдать, а шардана станут входить по очереди. Она не скоро сдохнет, Клеотер! Вот увидишь, это будет весело!..

До меня, наконец, дошло, и я почувствовал, как по спине ползут мурашки. Мельком я заметил, что Мантос отвернулся, а Прет отвел глаза.

— Вначале она будет молчать, — продолжала Ктимена, кривя белые губы, — а потом ее проклятая гордость исчезнет, и она завопит, как базарная дєвка! Я так ждала этого, Клеотер!

Дейотара, похоже, ничего не слышала. Медленно, ни на кого не глядя, она подошла к лежавшей в луже крови голове отца и опустилась возле нее на колени.

Послышался хохот Ктимены.

— Смотри, смотри, брат! Двадцать пять лет назад наша мать так же стояла на коленях возле тела отца, а потом они убили и ее! Ну, скорее, зови сюда воинов! Мы славно повеселимся!

Я понял — ее не остановить. Как бы поступил на моем месте настоящий Клеотер?

...Пустая мысль — теперь Клеотером был я!

— Прет, — я повернулся к гєквету, — люди собрались?

— Да, ванакт, — чуть помедлив, ответил он. — Все в тронном зале. В городе уже знают, возле дворца собирается толпа...

— Хорошо... Ктимена, иди сюда!

Девушка удивленно посмотрела на меня, но послушно подошла. Я вновь погладил ее по голове и осторожно нащупал на шее нужную точку. Теперь главное — нажать не слишком сильно...

Тело царевны медленно сползло на пол. Я не стал подхватывать его и обернулся к Мантосу:

— Позаботься о ней, лавагет! Из покоев не выпускать, пока не скажу. Когда придет в себя, пусть лекарь даст ей успокоительного зелья.

Мантос кивнул, в его глазах я заметил что-то напоминающее облегчение. Я подозвал Прета и отвел его в сторону.

— Ты обещал служить мне, геквет. Посоветуй, что делать с Дейотарой.

— Убей, но не мучай, — тихо проговорил он. — Твоя двоюродная сестра не должна умереть опозоренной.

Я невольно обернулся. Дейотара по-прежнему неподвижно стояла у тела отца.

— За что Ктимена ее так ненавидит?

— Спроси у нее, ванакт, — Прет скривился и закусил губу. — Если она промолчит, промолчу и я...

— Ты хотел бы, чтоб Дейотара умерла?

Прет не ответил, и я вдруг почувствовал, что судьба дочери Ифимедея его очень волнует.

— Отвечай, Прет!

— Я не хочу, чтобы она умерла, — глаза его на миг блеснули болью. — Но ни я, ни ты не сможем спасти дочь того, кто убил твоих отца и мать.

Я кивнул и отвернулся.

— Ее могут спасти только боги...

Голос Прета прозвучал странно.

— Да, — согласился я, — только боги...

Комната опустела. Кроме нас с Претом, в ней остались только Дейотара и мертвый ванакт. Я оглянулся — в дверях никто не стоял.

— Тогда сделай так, Прет, чтобы боги захотели ее спасти!

Губы парня побелели, на миг он замер, а затем медленно кивнул. Я подошел к Дейотаре и осторожно коснулся ее плеча.

— Ванакт!

Я еле успел отшатнуться — девушка вскочила, в руке ее блеснул бронзовый нож. Я попытался отбить удар, но опоздал — клинок ткнулся в грудь, скользнув по кольчуге. Дейотара вновь замахнулась, но на этот раз я вовремя перехватил руку, резко нажав на кисть. Нож упал в кровавую лужу.

— Ванакт! — Прет одним ударом сбил девушку с ног и облегченно вздохнул. — Ты не ранен?

— Боги спасли, — усмехнулся я. — Вели ее запереть и как

следует охранять. И поинтересуйся, кто привел ее сюда, предварительно не обыскав.

Дейотара медленно встала. Теперь ее лицо уже не походило на мертвую маску. Темные глаза горели ненавистью, на щеках выступили красные пятна.

— Ты плохо умрешь, Прет, — негромко проговорила она. — Предатели не живут долго!

Геквет хотел что-то ответить, но Дейотара перебила его:

— Мой отец ошибся только в одном — двадцать пять лет назад он не казнил настоящих убийц Главка. Учти это, самозванец!

Теперь она смотрела на меня, и от этого взгляда мне стало не по себе.

— Ты, наверное, из свинопасов. Ведешь себя как тряпка — даже меня убить не смог! Или ты решил последовать советам этой подстилки Ктимены? Берегись-ка своей сестрички, ванакт-свинопас!

— Спасибо за совет, — отозвался я. — Приятно слышать, что ты называешь меня ванактом.

Девушка покачала головой:

— Радуйся, этот день твой. Пей заморское вино, кутайся в пурпур, насилуй девочек — пользуйся всем, пока не наступило завтра. Те, кто выдумал тебя, скоро избавятся от свинопаса на троне. Зря отец не решился убить Арейфоя! Я давно ему говорила...

— Дейотара, — неуверенно начал я, — ты дочь моего дяди...

— Не надо, самозванец! — девушка брезгливо скривилась. — Притворяйся перед другими, если тебе так нравится. А ты, Прет, когда стал изменником? После того, как посватался ко мне, а отец отказал? Посватайся сейчас, свинопас не откажет!

Я начинал кое-что понимать. Странные дела творились в крысиной норе!

...Впрочем, не более странные, чем в Баб-Или.

— Ты слышал приказ? — повернулся я к Прету. — Уводи ее отсюда! Встретимся в тронном зале. Слышишь?

— Слышу, ванакт, — лицо геквета вновь стало невозмутимым. — Пойдем, царевна!

— Иди, садись на трон, самозванец! — Дейотара негромко рассмеялась. — Покажись своему стаду...

Не оглядываясь, я вышел из залитой кровью комнаты. В это мгновение мне менее всего хотелось быть микенским ванактом.

«Я ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЛ»

Я понятия не имел, как восходят на престол. Впрочем, все покатилось само собой. Собравшиеся в зале козопасы встретили меня радостным ревом, воины ударили копьями о щиты, и я, стараясь особо не спешить, поднялся на возвышение, на котором стоял трон. Следовало что-то сказать, но слова Дейотары все еще звучали в ушах. Обижаться нечего: козопасы возводят на трон свинопаса. Я не обиделся, но ощутил здоровую злость. Вы хотели меня, граждане славного города Микасы? Ну что ж, вы меня получите!

Я поднял руку, призывая к молчанию, и зал затих. Справа от меня стоял Мантос. Лавагет был бледен, но яркие губы его еле заметно улыбались. Интересно, что бы он сказал, узнай, кто я на самом деле? Или он знает?

— Граждане Микен! Воины! Мои верные подданные!

Переждав крик, я хотел было продолжить, но понял, что не испытываю ни малейшего желания. Сойдет и так! Сняв с головы тяжелый шлем, я отдал его Мантосу и осторожно опустился на трон. Он был каменным, и я сразу же ощутил холод. Пока в зале вопили, пока воины гремели копьями о щиты, мне вдруг представилось, что я сажусь на трон в Зале Церемоний Большого дворца Баб-Или. Зрелище показалось настолько невероятным, что я чуть не рассмеялся. Но тут же стало не до смеха — Мантос, передав кому-то шлем, протягивал мне небольшой золотой обруч, украшенный бледными тусклыми камнями. Еще ничего не понимая, я взял его в руки и только тогда сообразил, что это царская диадема. Быстро, словно боясь передумать, я надел ее на голову и встал...

...Теперь все пути назад отрезаны. Нургал-Сина больше нет, отныне я Клеотер, сын Главка, я буду жить с этим именем и с ним же умру...

Что делать дальше, я не знал, но выручил Мантос, обратившийся к козопасам с длинной речью. Я особо не вслушивался, с тоской думая о том, что это — только начало. Дальше будет только хуже.

Я не ошибся. Покуда козопасы внимали лавагету, слева от меня неслышно возник Прет, шепнув, что возле дворца собралась толпа и мне следует выйти к ней. Я не спорил и, подождав, пока Мантос договорит, махнул рукой и направился к знакомой лестнице.

Толпа была невелика — человек двести. Их явно предупре-

дили заранее, так что мне лишь оставалось терпеливо изображать деревянного идола, выслушивая приветственные крики, половину из которых я не расслышал. Наконец Мантос легко коснулся моего локтя, и я, поклонившись верноподданным, поспешил вернуться во дворец. Внезапно дико захотелось спать, но я понимал — отдыхать рано. Царского ремесла я не знал, но что делать с захваченными дворцами, догадывался.

— Ванакт! — начал было Мантос, но я жестом остановил его и позвал Прета. Пора было наводить в крысиной норе какое-то подобие порядка.

— Стража подчиняется первому геквету? — начал я.

Мантос и Прет кивнули.

— Чей приказ выполнят шардана?

— Мой, — усмехнулся сын Скира.

— Хорошо. Отныне ты — первый геквет стражи. Через час во дворце должен быть полный порядок. Караулы удвоить. Где Дейотара?

— У себя в покоях. Ее пришлось связать. Я поставил караул.

— Позаботься о теле Ифимедея. Иди!

— Ванакт! — растерянно обратился ко мне Мантос, когда Прет удалился. — Ты назначил его...

— А у меня что, был выбор? — огрызнулся я. — Разве ты не понял, что здесь пока командуем не только мы?

Лавагет хотел возразить, но промолчал.

— Утром соберется совет, — наконец заговорил он. — Думаю, все тебя поддержат, ванакт...

— Думаешь? — удивился я. — Только думаешь? Кто из совета был связан с Арейфооем?

— Это знал лишь он. Я отвечал за дворец... Не представляю, кто предупредил Скира!..

Я мог кое-что рассказать Мантосу, но сдержался. Тот, кто так любит смеяться, должен непременно объявиться. Похоже, именно он изменил все правила, устранив Арейфооя, и направил во дворец Скира. Значит, с ним и придется договариваться...

Я велел отвести часть стражи в казармы, выставив им вина из дворцовых подвалов и пообещав награду. Есть ли в микенской казне необходимые средства, я не знал, но надеялся, что дворец отдавать на разграбление не придется. А если придется? На миг я пожалел, что Арейфоой так рано отправился к предкам. Уж он-то знал все, и мне не довелось бы выдумывать на ходу. Но затем я решил, что без богоравного жреца все же спокойнее.

В свое время мне приходилось управлять захваченными городами. Правда, города были маленькие, но и Микаса не Адад весть какая столица. Главное, удалось дожить до утра, а это уже немало для попавшего в этот омут. Еще несколько часов назад я не надеялся и на это.

Я уже начал подыскивать подходящую нору, чтобы спрятаться от всех и поспать несколько часов, но понял, что не засну. Чутье подсказывало — я не сделал что-то важное, без чего оставаться здесь опасно.

...Мантос обеспечит порядок в городе, а Прет — во дворце, я прослежу за обоими. Это уже немало, но утром предстоит заняться настоящим делом. А вот об этом самом деле я до сих пор не имел ни малейшего представления. А что последует дальше, я уже догадывался. Те, кто затеял эту заваруху, потребуют расчета. Дейотара права — им не нужен свинопас на троне. С моей помощью они сделают все, что требуется, а затем голова самозванца будет торжественно водружена возле главных ворот. Такой исход казался более чем вероятным, а выход имелся один: делать не то, что надо им, а то, что требуется мне. Но я не разбирался ни в местных делах, ни в том, как эти дела проворачивать. Мне, конечно, подскажут, но убереги Бел от таких советчиков!

И тут я вспомнил, как несколько лет назад мне приказали навести порядок в маленьком аккадском городишке, который мы взяли с налета во время войны с Ларсой. Я, как и сейчас, ничего не понимал в тамошних делах, и времени тоже было в обрез — в городе шла резня, а кое-где уже полыхало. Тогда я приказал собрать обитателей самых больших и самых богатых домов, выбрал среди них трех наиболее толстых и предложил выбор: они помогают навести порядок или остаются без головы, а семьи отправляются на невольничий рынок. Подействовало сразу — к вечеру в городе настали тишь и благодать.

Я умылся, чтобы прогнать сонную одурь, сбросил надоевший тяжелый фарос вместе с цепью и отправился по полутемным коридорам. Диадему я на всякий случай оставил — дабы не перепутала стража. Прет свое дело знал: козопасов уже отправили восвояси, а в покоях Ифимедея слуги скребли пол. Ктимена, получив успокоительного зелья, мирно почивала, и я, весьма этим довольный, направился к другой своей родственнице.

Прет постарался и тут. Дейотару охраняли извне, охраняли

изнутри, вдобавок ей скрутили руки, привязав их к резной спинке ложа. Выслав стражу, я присел рядом. Девушка открыла глаза и равнодушно отвела взгляд. Теперь, когда появилось время, я мог как следует рассмотреть ее и убедиться — дочь Ифимедея недурна собой, не в пример своей сестре. Я бы даже рискнул назвать ее красавицей, если бы не следы, оставленные на лице этой ночью. Она плакала, но при виде меня слезы тут же высохли.

Немного подумав, я достал кинжал и разрезал веревки. Девушка тихо застонала и медленно опустила руки.

— Пришел убить меня, свинопас?

Тон мне не понравился — Дейотара, кажется, действительно собралась умирать.

— Еще не знаю, — честно ответил я. — Все зависит от того, сумеем ли мы договориться, сестричка.

В глазах ее на миг вспыхнул гнев, но тут же сменился тихим безразличием.

— Не оскорбляй меня. И не обманывай — тебе не позволят оставить в живых дочь Ифимедея.

Интересно, кто не позволит? Хотелось уточнить и насчет свинопаса — все-таки этих тварей пасти не доводилось, но я сразу перешел к делу.

— Я не убивал твоего отца, царевна. Не собираюсь оправдываться, но все же знай — он умер сам.

— Знаю, — Дейотара закрыла глаза, побледневшие губы сжались. — У него было больное сердце. В последнее время отцу снилось что-то плохое, он все время вспоминал брата, не мог простить себе того, что случилось тогда. Ты, говорят, очень похож на Главка...

Вспомнился намек Прета. Что же случилось с отцом Ктимены? Но это можно было отложить на потом.

— А теперь слушай, царевна! Я могу спасти тебе жизнь. Слышишь?

— Зачем? — не открывая глаз, равнодушно откликнулась она. — Тебя попросила об этом Ктимена, чтобы я не умерла сразу? Или тебе лестно спать с царской дочерью?

Я рывком приподнял ее с ложа и приставил к горлу кинжал. Дейотара замерла — при первом же движении клинок вошел бы в тело по самую рукоять.

— Не люблю пустые разговоры! — рявкнул я. — Хочешь умереть — скажи, и покончим с этим! У меня много дел. Ну, говори!

Это подействовало. На глазах вновь проступили слезы, девушка с трудом сглотнула и что-то прошептала.

— Громче! — потребовал я.

— Не убивай...

Конечно, царевна не хотела уходить к предкам, и я это вполне понимал. Но теперь поняла и она.

— Ты будешь жить, если станешь делать то, что я скажу. Поняла? Отвечай!

— Да... — прошептала она, — да, ванакт.

— А теперь, — вздохнул я, убирая лезвие от ее горла, — слушай внимательно, царевна. Ты помогала отцу в управлении?

В ее глазах впервые мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Он доверял мне. В последнее время отец болел, многими делами занималась я...

— Хорошо, — о чем-то подобном я подозревал. — Дейотара, мне, конечно, лестно делить ложе с дочерью ванакта, но об этом поговорим в более удобное время — если, конечно, у тебя не пропадет желание. Ты мне нужна не для этого...

Или я ошибся, или в ее глазах действительно проступило что-то напоминающее обиду. Разбираться было некогда.

— Для начала расскажу тебе одну историю, царевна. Кто я — не так важно, правда, свиней, — тут я невольно усмехнулся, — пасти не доводилось. Я много лет служил наемником в Баб-Или. Мы проиграли битву, и эламиты взяли город. Я успел бежать в Исин, хотел поступить на службу к тамошнему энси...

Все это я уже рассказывал на долгом пути в Ахияву, но дальнейшее держал при себе. Впрочем, либо она мне поможет, либо мой рассказ сможет повторить лишь подземным демонам.

— В Исине меня нашел один купец из дома Мурашу. Ты знаешь дом Мурашу, царевна?

Бледные губы чуть заметно дрогнули:

— Знаю. Отец имел с ними дело.

Я невольно восхитился Мурашу и его наследниками. Они сумели построить свое царство без меча и секиры, и это царство поистине не знало границ.

— Он дал мне немного серебра и велел ехать в Ассур, где меня ждал какой-то человек. Мне было все равно, и я поехал. Это оказался старый хеттиец, который долго расспрашивал меня, а затем отвесил серебра — но уже побольше, сказав, чтобы я скрытно вернулся в Микасу. Там меня встретят и определят на важную и трудную службу, которая позволит быстро разбогатеть. Я подумал и согласился. Хеттиец дал мне половинку ожерелья из земли Та-Кемт. Вторую половину покажет мне тот, кто меня нанял.

Я достал из-за пояса кошель, развернул тряпицу и продемонстрировал свою часть ожерелья — разрубленного пополам Хора-Сокола, искусно выложенного цветной эмалью. Дейотара слушала, не пропуская ни одного слова, ее зрачки сузились, лицо сразу стало старше.

— Я согласился, думая, что ванакту Микасы нужны опытные воины. Другого тогда я предположить не мог.

Я специально сделал паузу, и девушка немедленно воспользовалась ею.

— А когда ты понял, что это не так?

— Когда встретился с неким Геленом, сыном Ифтима. Он тоже ехал в Микасу. Знаешь такого?

— Ифтим — верный слуга Главка, — кивнула Дейотара. — Его сын был нашим врагом, и отец не пустил его в Микены.

Я подумал, не сказать ли ей, кем был на самом деле Гелен, но решил промолчать.

— Остальное просто. Гелен, умирая, послал меня к Арейфоою, а тот поставил передо мной простой выбор: или я отправлюсь, как у вас говорят, к Гадесу, или становлюсь «ушебти».

Похоже, она не знала этого слова, и я процитировал по памяти то, что слыхал в земле Та-Кемт:

— «Когда мое Ка разлучится с моим Ба и отправится отвечать перед Великой Двадцаткой, сделайте статуэтку с моим лицом и моим обликом. Пусть воззовут ко мне, требуя непосильного труда: «Иди!» — и мое «ушебти» ответит: «Иду!» Душа же моя пребудет в покое».

Дейотара вновь кивнула, затем медленно проговорила:

— Месяц назад Арейфоой предупредил отца, что бывшие друзья Главка готовят заговор. Он велел не волноваться, обещая выдать всех наших врагов, но отец не верил ему. О Гелене мы узнали от наших лазутчиков...

Это я и подозревал. Богоравный жрец был опытным предателем, играя на двух досках и взвешивая шансы.

— Кто-то его опередил, царевна. Кто-то уговорил Скира, подкупил Прета и отправил к предкам Арейфоя. И вот я, бывший наемник, стал ванактом, а ты — моей двоюродной сестрой.

Она невольно поморщилась, и мне это почему-то пришлось по душе.

— У меня, конечно, есть выбор, царевна. Я могу через несколько дней, когда все уляжется, отправиться на охоту или куда-нибудь еще и бежать дорогой, захватив пару талантов золота. До весны где-нибудь спрячусь, а затем уплыву в Тир, где

когда-то вращал мельничный жернов, куплю дворец и буду жить без забот. Тебя это устраивает?

По тому, что она ответила не сразу, я понял — ее оцепенение прошло. Дейотара думала — и я невольно отметил, какими живыми и умными стали ее глаза.

— Нет, не устраивает, свинопас. На престол посадят Ктимену, выдав ее за этого безумного быка Афикла, либо басилеи начнут большую войну против Микен. В любом случае меня убьют первой.

— Давай договоримся о титулах, — усмехнулся я. — Напоминаю: свиней не пас. Пас коз, но в Микасе это, по-моему, как раз занятие для басилея. Если тебе не нравится звать меня ванактом, зови по имени.

— По имени мертвеца? — удивилась она. — Это плохая примета, самозванец. Хорошо, согласна на титул... Что ты хочешь от меня, ванакт?

— Помощи. Мне надо управлять дворцом, управлять городом, управлять всей Ахиявой. Нынче же утром ко мне прибегут десятки советчиков и еще больше — просителей. Что будет дальше, ты догадаешься сама. Через месяц я раздам все, и мои же советники преподнесут мне чашу с ядом, а потом доберутся и до тебя. Но ты знаешь, что нужно делать, и вместе мы справимся. За это я буду держать Ктимену подальше от тебя и постараюсь продлить твои, да и свои собственные, дни. Что скажешь?

Она медленно встала с ложа и с силой потерла лицо ладонью. Фигура у нее была отличная, и я невольно вздохнул. Будь я простым наемником, захватившим с налету дворец...

— Согласна, ванакт. Ты — убийца моего отца, ты самозванец и чужак, но у меня нет выбора. Но учти — я обещаю помогать, но не клянусь в верности. Ты — мой кровник, запомни!

Я видел, что она не шутит, но заставил себя рассмеяться:

— Буду держать ножи подальше от тебя, царевна, и не стану пить чашу, которую ты мне преподнесешь. Ладно, как насчет первого урока для начинающего ванакта?

— Не отдавай невыполнимых приказов, не дари чужого, не выполняй просьбу сразу и полностью, — быстро, как заученный урок, произнесла она. — Так говорил отец. Но учатся на делах, ванакт. Скоро ты соберешь твой первый совет, и у тебя начнут требовать награды...

Вспомнились слова Прета, и я согласно кивнул.

— Я расскажу, кому и в чем следует уступить. Арейфоой мертв, и это очень хорошо — для тебя. Но есть другой человек...

Она с трудом перевела дыхание и вновь опустилась на ложе. Я заметил, что лицо ее побледнело.

— Прикажу принести что-нибудь поесть, — спохватился я. — Надеюсь, повара еще не разбежались.

Она не спорила, и мне подумалось, что наличие аппетита — хороший признак. Распорядившись, я вернулся в комнату.

— Кстати, царевна, за что Ктимена так тебя ненавидит? Ведь когда был убит Главк, ты еще не родилась.

— Она не сказала? — Дейотара презрительно усмехнулась. — Ну конечно! Ей так хочется оставаться благородной скорбящей дочерью! Десять лет назад, ей тогда было всего пятнадцать, она затеяла заговор против отца. Ктимене нечего было предложить старшим охраны, и она предложила им себя. Один из любовников выдал ее, и тогда эта дрянь ударила отца кинжалом. Он хотел тайно ее задушить, но я посоветовала другое...

— Вызвала десяток шардана, — понял я, — и приказала по очереди входить к ней в комнату.

— Кажется, это были не шардана, а туски[1] или хеттийцы, — Дейотара зло усмехнулась. — Она не повесилась, хотя мы постарались, чтобы об этом узнали все. Такие, как Ктимена, любят жизнь... С тех пор каждый раз, как она пыталась показывать зубы, мы это повторяли.

Я вспомнил безумный взгляд Ктимены, ее крик, и мне стало не по себе. Чума на всю эту семью! Лучше иметь дело с бешеными волками...

— Жалеешь ее, ванакт? — рассмеялась царевна. — Первое, что должен запомнить правитель, — жалеть никого нельзя. Здесь не бывает пленных и никого не милуют. Когда-нибудь я еще выколю тебе глаза!

— Договорились, — я взял себя в руки. — А теперь поговорим о том, как мне разгрести ваше дерьмо...

Под утро все же удалось поспать, и когда меня разбудили, я чувствовал себя вполне сносно. Во дворце стояла тишина, в окна светило неяркое осеннее солнце, и я не без отвращения натянул на себя принесенные безмолвными слугами тяжелые, шитые золотом одежды. Мантос и Прет уже ждали.

— В городе спокойно, — сообщил лавагет, вытирая красные

[1] Туски — предки этрусков, жили в Малой Азии.

от недосыпа глаза. — Шардана ушли в казармы, я разрешил открыть ворота и начать торговлю на рынке.

Я кивнул. Очевидно, обитатели Златообильных Микен еще не очухались. А может, просто ждали, с чего начнет новый ванакт.

— Ифимедея никто не жалеет, — продолжал лавагет, — но...

Он неуверенно замолк, и тут же заговорил Прет:

— Гирто ходит по городу и говорит, что боги покарали Ифимедея и привели в Микены тебя, ванакт. Ночью она слышала голос Дия...

Я вспомнил хихикающую старуху, подумав, что нелепый смех служит опознавательным знаком для тех, кто подталкивал меня на трон.

— Дий велел ей передать всем, что кровь ему не угодна. Дейотара, дочь Ифимедея, должна остаться в живых.

Я чуть не сказал: «Ага!», но сдержался. Прет смотрел совершенно невозмутимо.

— Воля Дия священна, — откликнулся я, мельком взглянув на Мантоса. — Продолжай, лавагет!

— Совет соберется через два часа. Я говорил кое с кем — тебя поддержат.

Об этом я тоже догадывался.

— Надо разослать весть о твоем воцарении всем басилеям, но об этом будет разговор на совете...

— Хорошо, — заключил я. — Что с моей сестрой?

— Ей лучше, — Мантос отвел глаза. — Но ты должен поговорить с нею сам, ванакт.

Я хотел уже отпустить их, но заметил взгляд Прета и велел ему задержаться.

— Говори, — приказал я, когда мы остались одни.

Геквет замялся, и я пришел к нему на помощь.

— Те, кто послал тебя, чем-то недовольны?

— Он... они, — Прет медленно подбирал слова, — считают, что царевна слишком опасна, но решили не спорить с тобой.

— С богами, — поправил я. — А также с красоткой Гирто... Прет, я мало что понимаю в делах славного города Микасы, но поясни, почему ты, геквет дворцовой стражи, не смог защитить жизнь девушки, которая тебе небезразлична?

Прет нахмурился, по лицу промелькнула недобрая усмешка.

— Я не всесилен, ванакт. У меня был выбор — спасти отца или защитить Дейотару. У отца много врагов...

— А почему ты не разобрался со всем этим бардаком сам? — не удержался я. — Твой отец командует стражей, ты — геквет...

Прет вновь криво усмехнулся:

— Взять дворец мало. На следующий день все басилеи начали бы войну, отца привселюдно назвали цареубийцей, а Гирто призвала бы на мою голову гнев Дия, Поседайона и Матери богов Реи. Скоро сам все поймешь, ванакт...

Я кивнул, соглашаясь. Между тем Прет нерешительно замялся.

— Мой отец хочет повидаться с тобой, ванакт, — наконец выговорил он. — Я привел его во дворец — тайно. Если ты согласен...

Я вспомнил, что Скир — убийца Главка и его жены. Такая беседа, стань о ней известно, сразу вызовет вопросы, но соблазн был слишком велик. Если кто и разбирался во всей здешней кухне, то это, конечно, Скир.

— Хорошо, — решился я. — Но чтобы никто нас не увидел.

Прет провел меня полутемными коридорами в левое крыло здания, где, вероятно, жила прислуга. Сейчас здесь было пусто. Мы подошли к одной из дверей, Прет помедлил и кивнул. Я по привычке нащупал кинжал, который вновь висел под мышкой, и осторожно открыл дверь.

В комнате ничего не было, кроме двух табуретов, на одном из которых сидел высокий седой человек в темном плаще. Увидев меня, он медленно встал. Я остановился у порога. Несколько мгновений мы разглядывали друг друга, и я успел заметить, что Скир очень похож на сына — те же складки у рта, те же серые глаза, такой же немного насмешливый взгляд.

— Радуйся, ванакт, — Скир чуть заметно наклонил голову и усмехнулся. — Спасибо, что согласился встретиться со стариком.

— Радуйся, Скир, — его тон мне не особо понравился. — Интересно было повидать цареубийцу.

— Взаимно, — улыбка на миг превратилась в оскал. — Только ты распорядился своей победой удачнее. Мне не надо было сажать на престол Ифимедея. Впрочем, это уже в прошлом... Я уезжаю, ванакт, и, наверное, уже никогда не увижу Микен. Меня здесь не любят...

— Но твоя семья остается, — быстро напомнил я. — Надеюсь, ты станешь вести себя благоразумно?

Скир беззвучно рассмеялся:

— Взаимно, ванакт. Мои два сына и дочь останутся у тебя, и я буду вести себя тихо. Но и ты не забывай старого Скира. У волка еще остались зубы.

Он вновь ощерился, в самом деле став похожим на волка.

— Нас никто не слышит, ванакт, поэтому ты не обидишься на мои слова. Многие сомневаются в том, что ты — Клеотер, но немногие знают правду. Я видел мертвого царевича и сам хоронил его. Моему слову не поверят, но у меня есть доказательства. Поэтому оба мы будем благоразумны...

Я молча кивнул — лицемерить перед старым волком не имело смысла.

— Прет не знает об этом. К сожалению, Ифимедей допустил глупость, похоронив Клеотера тайно. Народ не верит в смерть царевичей. Уже тогда я предвидел, что самозванцы будут. Ты ведь не первый, ванакт, ты просто самый удачливый. Но я не в обиде... Если хочешь, дам тебе несколько советов...

Не дождавшись ответа, он покачал головой:

— Не думай о плохом, я говорю вполне искренне. Мне не хочется, чтобы в Микенах началась резня, к тому же мои дети остаются здесь... Тебя заставили помиловать всех, но оставлять в городе врагов ты не обязан. Подожди немного и избавься от некоторых — пусть едут басилеями куда-нибудь в Спарту. Не спеши начинать войну — опасно уходить из столицы, пока твоя власть еще слаба...

Он вздохнул, и я понял, что старику не хочется покидать Микасу, где он так долго был всемогущ.

— Мантос предан тебе, но еще больше предан Ктимене. Это не так плохо, но ты оставил в живых Дейотару. Если так — убей Ктимену.

— Что? — не сдержался я. — Скир, она же моя сестра!

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Ты воздвигнешь ей прекрасный толос. Рядом с толосом Мантоса — он слишком предан этой интриганке. Но Дейотаре тоже верить нельзя. Если мой сын будет к ней свататься — не соглашайся. Лучше всего выдать ее замуж за какого-нибудь козопаса, но, боюсь, и это не поможет. Постарайся избавиться от Афикла — пошли его куда-нибудь к Гесперидам за священными яблоками...

Я слушал его внимательно, все больше понимая, что отпускать этого человека опасно. Он знал много больше, чем Дейотара и даже чем покойный Арейфоой.

— Что вы сделали с Афиклом? — поинтересовался я, вспомнив безумного героя. — Кто помог ему заболеть?

— Догадался? — Скир хмыкнул. — Придумал я, Ифимедей одобрил, а распорядился всем Арейфоой. Теперь, когда их обоих нет в живых, Афикл выздоровеет, а это опасно. Он глуп,

но его любят, к тому же он следующий в очереди на наследование.

— Я вижу, ты бы с удовольствием перебил весь царский род, — заметил я. — Почему же ты не сделал этого двадцать пять лет назад?

Скир долго не отвечал, наконец пожал плечами:

— Скажу, если тебе интересно. Мне помешал Арейфоой — ему хотелось, чтобы царствовал его воспитанник.

— Ифимедей?

— Да. А новый ванакт не велел убивать Ктимену — она была тогда младенцем. Я советовал — но меня не слушали. Пощадили ее, пощадили Мантоса, пощадили Афикла. Не повторяй наших ошибок, ванакт!..

— Приятно было поговорить с тобой, Скир, — я осторожно отодвинулся к дверям, не желая поворачиваться к нему спиной.

— Мне тоже, ванакт. Я уезжаю, не решив одной загадки. Оставляю ее тебе.

— Ты о чем? — Я приоткрыл дверь.

— Почему ты так похож на Главка, ванакт? Я не верю в случайное сходство. Прощай!

Захлопнув дверь, я с облегчением прислонился к стене, переводя дух. Прет с тревогой поглядел на меня, но я молча покачал головой. Разговаривать после такой беседы не хотелось.

ХЕТ

«В ТРОННЫЙ ЗАЛ»

В тронный зал вносили кресла и наскоро подметали пол — через час должен был собраться совет. Мы с Мантосом обсуждали последние детали. Вернее, говорил он, стараясь ввести меня в курс дел славного города Микасы. Большую часть подробностей я уже знал от Дейотары, но помалкивал. Всегда полезно услышать несколько мнений, а потом уже решать самому.

Ктимена сидела рядом, спокойная и холодная. Этим утром я не без некоторого страха ждал встречи с новоявленной сестрой, но, к моему удивлению, девушка не сказала ни слова по поводу вчерашнего. Ктимена уже знала, о чем прорекли боги устами старой карги Гирто. Трудно сказать, что она чувствовала, но держалась так, как и подобает царевне. Время от времени я посматривал на ее худое бледное лицо, гадая, как они уживутся под одной крышей с дочерью Ифимедея.

Впрочем, пока забот требовал день насущный. Мне уже

было известно, с кем предстоит говорить, что обещать и чем поступиться. Я не спорил, стараясь как можно больше запомнить на будущее. Правда, это самое будущее представлялось пока крайне смутно. Мысль, случайно высказанная мною в разговоре с Дейотарой, — немного подождать и скрыться, — то и дело приходила на ум. И в самом деле! Наведу порядок, пополню совет теми, кто поумнее, — и пусть решают сами. Я не нанимался на эту службу. Кажется, в Эламе есть байка про бродягу из народа хабирру, которого случайно назначили наместником. Новоявленный наместник наелся до отвалу, украл из казны мешок с серебром и дал деру. Теперь я вполне понимал его — бродяга неплохо выкрутился.

— Перед советом тебе надо поговорить с одним человеком, ванакт, — сообщил Мантос, когда мы обсудили все дела. — Его слово много значит в Микенах. Его зовут Эриф, он верховный жрец Дия, Отца богов.

Я вздохнул, понимая, — разговора не избежать. С Дием спорить не приходилось.

— Его мало интересуют дела власти, — продолжал лавагет. — Пообещай подарить новый участок земли храму и почаще бывать там — он останется доволен.

Я поглядел на Ктимену, она кивнула:

— Эриф ни во что не вмешивался. Не спорил с Ифимедеем, но и не помогал ему. Некоторые считают, что Дий забыл его, распределяя разум.

Я представил себе благочестивого придурка, каких немало навидался в Баб-Или, и у меня заранее свело скулы. Впрочем, придурок лучше, чем Арейфоой, да будут милостивы к нему подземные демоны!

Мантос ушел звать гостя, и мы остались наедине с царевной. Она молчала, глядя куда-то в сторону.

— Ктимена, — неуверенно начал я, — жаль, что так вышло...

— Ничего, брат, — она медленно повернулась, взгляд ее был холоден и пуст. — Вчера я забыла, что власть не признает чувств, но мне вовремя напомнили. Я царевна, дочь и сестра владык микенских. Не бойся за меня и поступай, как надо...

Слова звучали спокойно, но я заметил, как дрожат ее губы. Царевна ничего не забыла и никого не простила, и теперь верить ей становилось трудно. Я осторожно погладил ее по плечу, но девушка поспешила отодвинуться. Я понял — она тоже не верила своему брату.

Мантос ввел в зал невысокого толстячка с румяной физиономией и пухлыми короткими ручонками. Фарос на Эрифе,

слуге Дия, сидел косо, а походка напоминала утиную. Я сдержал усмешку и наклонил голову в ответ на его низкий поклон. Ктимена и Мантос вышли, оставив нас вдвоем.

— Радуйся, Эриф, — начал я. — О чем ты хочешь говорить?

И тут послышался знакомый смешок. От неожиданности я резко обернулся, но тронный зал был пуст.

— Радуйся, ванакт, — Эриф вновь хихикнул и потер ладони, — неплохо вышло, правда?

Если я и растерялся, то ненадолго. Кто-то должен был стоять за всем этим: за Претом, Гирто, за меткими дротиками, попавшими в Арейфооя.

Ну что ж, будем знакомы.

Я не стал спешить с ответом. Эриф тоже молчал, по-прежнему потирая руки. Да, с виду и не скажешь, что эта утка свалила микенского ванакта. Хотя так и должно быть. Богоравный Арейфоой уж слишком походил на заговорщика — что не продлило его дни.

— Радуйся, Эриф, — повторил наконец я. — Разъясни мне, много лет жившему на чужбине, кто такой Великий Дий — Отец богов или всего лишь Владыка Ясного неба?

Кажется, попало в точку. Усмешка исчезла, глаза потемнели. Теперь передо мной стоял не придурковатый шут, а Слуга Бога.

— Ты не только смел, но и мудр, богоравный Клеотер. Почитай Дия, Верховного владыку и Отца богов, и да будет твое царствование счастливым, а жизнь — долгой...

Голос тоже звучал иначе, став густым и низким, как тогда, в подземелье.

— Да восславится Великий Дий! — Я взглянул ему прямо в глаза. — Похоже, Ифимедей так и не понял этого?

— Ну... — на пухлом лице вновь заиграла улыбка, ручки задергались. — Скорее, забыл. Конечно, Землевержец Поседайон велик, а богоравный Арейфоой мудр...

— Был, — уточнил я.

— Был. Но все же у богоравного потомка Главка не хватило терпения. Он так спешил, что решил посадить на престол самозванца...

Я вздрогнул, словно от удара. Уже второй раз за утро меня ставили на место. Интересно, какого ответа он ждет?

— Да, самозванца, — вновь улыбнулся Эриф. — Помнишь Гелена, сына Ифтима, ванакт? Арейфоой хотел выдать его за Клеотера, думал, что царские реликвии помогут посадить это чучело на трон...

— «Ушебти», — невольно проговорил я.

— Можно и так, — охотно согласился жрец — Но «ушебти» служит душе умершего, а мы искали настоящего царевича — тебя. Это было трудно, но Гирто способна видеть далеко. Это она сказала, что надо послать гонца в Ассур...

Я молчал, переваривая услышанное. Значит, Арейфоой лукавил и в этом! Гелен — самозванец! Может, именно этот грех он думал искупить жертвой Землевержцу? Но зачем они искали меня? Неужели эта ведьма знала, что где-то за морем живет царский мушкенум Нургал-Син, волею богов похожий на покойного Главка? И почему Ассур?

И тут наконец все сложилось в одну цепь. Я достал половинку разрубленного ожерелья, которую недавно показывал Дейотаре. В тот же миг в пухлой ручонке жреца появилась недостающая часть. Я сложил их — Хор-Сокол был хорош, и я невольно залюбовался тонкой работой.

— Мне обещали службу, — я вернул ожерелье жрецу, и Сокол тут же исчез в складках плаща. — Признаться, думал, что ванакту Микасы понадобились опытные наемники.

На этот раз Эриф смеялся долго. Похоже, ему действительно было весело.

— Микенским ванактам всегда недоставало чувства юмора, — наконец заявил он, вытирая слезы. — Но ты, ванакт, недаром жил в Баб-Или. Думаю, тебя полюбят в Микенах.

— Это совет? — поинтересовался я. — А каков будет следующий?

— Совет? — искренне удивился он. — По-моему, тебе не нужны советы, ванакт. Ты уже сам разбираешься в наших делах. Я уже вижу наши Микены властвующими над всеми землями, а Дия — царем над богами.

Я ждал, хихикнет ли он на этот раз, но Эриф оставался серьезен. Итак, предстояло навести порядок не только на земле, но и на небе.

— Не знаю, того ли человека вы нашли, — заметил я вполне искренне. — Стоило ли посылать гонца за море? Можно было найти кого-нибудь поближе.

— Мы не искали кого-нибудь, — покачал головой жрец. — Неужели ты до сих пор не понял, ванакт? Нам нужен был Клеотер, сын Главка, законный правитель Микенский, и мы нашли тебя. Разве ты не видишь, что это — воля богов?

Эриф по-прежнему улыбался, но глаза были серьезны. Он ждал ответа.

— Да, — кивнул наконец я, — воля богов, это уж точно!..

II. ПОВЕСТЬ О РЫЖЕЙ КОЛДУНЬЕ

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«Когда я стал ванактом в Микенах и во всей Ахайе, люди злонамеренные попытались восстать против Дия, Отца богов, разрушить храмы, потушить священный огонь на жертвенниках. Тогда я ополчился на них. Дий, Отец богов, помог мне. Я сокрушил их, пресек их замыслы, пролил их кровь и разметал их кости. Это я сделал во имя Дия, Отца богов, даровавшего мне царство...»*

ТЕТ

«ЭТИ ПАРНИ»

Эти парни имели совершенно разбойничий вид. Да они и были разбойниками. Деметрий и Ладос, вожаки одной из самых наглых шаек, доставили немало головной боли стражникам, уходя из всех ловушек и прорываясь через облавы. Поймал их Афикл: попросту скрутил, разогнав предварительно всю шайку. Теперь оба они — рыжий Деметрий и чернобородый Ладос — оказались там, где им и положено, — в дворцовом подземелье, чтобы в ближайшее время отправиться на крест.

Крест — это было мое нововведение, которое произвело неизгладимое впечатление на микенских разбойников. Даже такие головорезы, как эти двое, предпочитали покаяться, дабы избежать бронзовых гвоздей в запястья. Миловать их, однако, я не спешил — мерзавцы обещали рассказать нечто важное, но пока лишь нудно каялись в своих бесчисленных грехах.

— ...Ну, продавали мы их, — бубнил Деметрий, угрюмо глядя

на сидевшего напротив Мантоса, — людей, стало быть. И в Аргос продавали, и в Трезены, и в Пилос. И в Микены продавали...

— А каких и резали, — вздохнув, добавил Ладос, — ежели в цене не сходились.

— Ванакт, — негромко проговорила Дейотара, незаметно пристроившаяся в углу, — мерзавцы крадут твое время. Я бы их для начала кастрировала, а затем посадила на кол...

— Так продавали же! — повысил голос Деметрий, испуганно поглядев на царевну. — Многих продавали, стало быть...

— И резали, — согласился Ладос.

Я подумал, что Дейотара права — молодчики вели себя нагло.

— Так ведь кому продавали? — воззвал ко мне Деметрий, воздев грязные ручищи. Тяжелые цепи глухо звякнули. — Кто серебро давал! А кто нам серебро давал? Не тиряне, не сидонцы вонючие. Эти давали... Которые Старым поклоняются...

— И много давали, — Ладос кивнул черной бородой. — Когда серебро, а когда и золото. Очень им люди нужны.

— Кому — им? — Мантос нетерпеливо дернул плечом.

Деметрий вздохнул:

— Я же говорю, Старым которые поклоняются. Им для Старых люди нужны. Эти, которые Старые, обычных жертв не хотят. Нет, чтоб козла или там курицу...

— ...Или быка, — подсказал Ладос.

— Ну, быка. А Старым люди нужны. Вот мы людей и продавали, чтоб в жертву их, стало быть...

— Старые — это что, боги? — Мантос повысил голос. — О чем болтаешь, разбойник?

— Так ведь известно! — Деметрий испуганно отодвинулся. — Не боги они, а просто Старые. Говорят, раньше они вместо Дия и Посейдона были. А теперь их в Тартар заперли, ну и... А без жертв им нельзя. Вот мы людей и продавали. В Аргос продавали, в Навплию. Ну и в Микены...

Я слушал нудное перечисление городов и поселков, где шайка продавала взятых в плен, и думал, что в крысиной норе — и проблемы крысиные. Я ждал войны, мятежа, заговора, чумы, наконец, но беда пришла с другой стороны — начали пропадать люди. Вначале я грешил на пиратов и всерьез думал заняться укреплением флота, но затем все чаще стали доходить слухи о тайных жертвоприношениях. Вместо войны с чужими армиями пришлось бороться с богами. Хотя и, так сказать, отставными. Старыми...

А начиналось все неожиданно мирно. Меня признала вся

Ахиява, кроме Аргоса, басилей которого попытался объявить нового ванакта самозванцем. Я послал туда Мантоса с сотней воинов, велев притащить упрямца на веревке. Через три дня он вернулся — город был взят, а вместо басилея лавагет прислал его голову.

Я снизил подати, простил недоимки, выпустил колодников, подарил несколько бронзовых треножников в ближайшие храмы и решил, что смогу спокойно дожить до весны. Это казалось не таким уж сложным делом. Забот поначалу было много, но я заставил совет заседать каждый день, добавил Мантосу двух помощников-гекветов, и все достаточно быстро рассосалось. Соседи, вначале ничего не понимавшие, поспешили признать нового ванакта Микасы, а Орхомен без войны уступил то, что хотел у него забрать покойный Ифимедей. Я уж всерьез подумывал о путешествии в Навплию, чтобы сесть там на первый же финикийский корабль. Смущало лишь то, что без меня вся компания тут же передерется, а оставлять после себя пепел не хотелось.

Фактически мы правили Ахиявой вчетвером. Мантос держал в узде наемников, Дейотара отдавала приказы басилеям, а мой хихикающий друг Эриф укреплял власть Дия, Отца богов. Я оставил себе право подгонять их, когда это требовалось, а когда требовалось — придерживать.

В общем, мы справлялись.

Ктимену я видел мало. Осень она провела во дворце, почти не выходя из своих покоев, а зимой уехала ближе к морю, в Навплию, заявив, что желает в тишине и покое выткать новое покрывало в храм Атаны. Я не стал возражать — без царевны стало как-то спокойнее.

Итак, я всерьез подумывал, кому оставить престол. Впечатлений от Ахиявы хватало с избытком, а чувство долга не особо беспокоило: меня обманули, пригласив на службу, к который я не имел ни малейшей охоты. Оставалось не спеша подыскать замену и распрощаться с поднадоевшей родиной. Но тут в окрестностях Микасы были найдены первые трупы.

Разбойников здесь всегда хватало, и вначале никто особо не удивился. Правда, убивали не купцов, как раньше, а обыкновенных козопасов и горожан, зачем-то выехавших за стены. У мертвых, как правило, было перерезано горло, часто — вырвано сердце, и почти всегда неподалеку находилось нечто напоминающее грубо сложенный из камней жертвенник.

Я приказал обыскать окрестности, но толку было мало. Тем

временем убитых стали находить возле Аргоса, затем у Трезен. Народ начал шептаться, затем заговорили вслух. Я ничего не понимал, пока Эриф, слуга Дия, не объяснил мне причины беды.

Многого из его рассказа я так и не понял. Меня не интересовали споры о происхождении богов — такого довелось наслушаться еще на берегах Евфрата, — но главное все-таки уяснил. Дий, Отец богов, и брат его Поседайон почитались в Ахияве недавно. Прежде люди поклонялись кому-то другому — неведомым богам, которых, не называя конкретно (дабы не услыхали, видать), именовали теперь Старыми. Эриф достаточно занудно поведал о том, как Дий Громовержец низринул Старых в Тартар (нечто вроде «Тогу богу»[1], о котором я слыхал от хабирру), откуда поверженные не прочь вырваться. Человеческая кровь требовалась именно для этого — во всяком случае, по уверениям жреца.

Вначале не очень верилось в подобные страсти, но затем нашлись первые свидетели. И вот, наконец, эти разбойники. Оказывается, поклонники Старых скупали пленных, бросая их под жертвенный нож.

Дело становилось серьезным.

Деметрия и Ладоса, несмотря на возражения лавагета, я решил пока попридержать, отправив в ближайшую каменоломню. Ничего с такими парнями там не случится, а их показания еще могут понадобиться. Они не врали — но и не говорили всей правды.

После допроса у всех изрядно испортилось настроение. Мантос, сославшись на неотложные дела, поспешил уйти, а мы с Дейотарой не спеша направились к ней в покои. Сзади неслышно шла стража — Прет, первый геквет, не оставлял меня одного ни на час.

— Я слыхала о Старых, ванакт, — задумчиво проговорила девушка, когда мы остались вдвоем. — Не все говорят о них плохо. Отец считал, что вреда от них нет...

— При нем люди не пропадали, — возразил я.

— Было несколько случаев, — покачала головой царевна. — Очень похожих. Отец приказал провести расследование, но я не знаю, чем это кончилось.

— Стоп! — спохватился я. — Когда это было?

— Год назад... — девушка нахмурилась, — или даже меньше...

---

[1] «Тогу богу» — «пусто-пустынно», «безвидно» *(древнееврейск.)*. Название бездны, существовавшей до Творения.

Тут глаза ее остановились, она медленно подняла руку и потерла лоб.

— Ты думаешь... Из-за этого?..

Мы научились понимать друг друга с полуслова. Дейотара оказалась прекрасной помощницей, и я часто думал, что именно ей суждено править Микасой. За эти месяцы мы почти не вспоминали наше первое знакомство, но я не забыл ее обещаний и никогда не поворачивался к своей названной сестре спиной.

— Нет, — подумав, она покачала головой, — ты ошибаешься. Против отца выступил Арейфоой, а ведь он враг Старых...

О роли веселого толстячка Эрифа Дейотара или не знала, или не хотела говорить.

— Утром, перед допросом, я еще раз просмотрела донесения, — продолжала она. — Люди пропадают возле городов, и там же находят трупы. Но есть еще одно место — очень глухое. Там погибли четверо этой зимой. Именно туда год назад отец посылал стражу...

Я задумался. В большом городе убийцам спрятаться легче. Другое дело — глухомань. Если осторожно подобраться и взглянуть...

— Где это?

— Козьи Выпасы, — взглянув на одну из табличек, сообщила Дейотара. — Полдня пути от Трезен.

— Они что, в самом деле *так* называются? — безнадежно поинтересовался я. — Слушай, сестричка, в ваших Микенах есть еще что-нибудь, кроме коз?

— Не смей меня так называть! — девушка резко обернулась. — У нас в Микенах много коз, ванакт, но убийц не меньше. Запомни!

Внезапно мне стало смешно.

— Ты грозишь или остерегаешь, царевна? Кого мне больше бояться, коз или убийц? По-моему, ваши козы страшнее, если, конечно, убийц не пошлешь ко мне ты.

Она улыбнулась:

— Я ничего не забыла, самозванец! Когда-нибудь я сделаю это, но ты не успеешь испугаться.

Она не шутила, но я не стал особо волноваться. Пока мы связаны. Случись что со мною — она умрет первой.

— Ладно, царевна, что нам делать со всем этим?

Дейотара ответила не сразу.

— Я бы не спешила, — заметила она наконец. — Если все

это правда и вокруг нас орудуют фанатики, то удар надо как следует подготовить. А если нет? Если нас обманывают?

— То есть? — не понял я. — Но ведь людей убивают!

— Велика важность! Людей всегда убивали, ванакт. Вопрос лишь — зачем? Может, они целят не в невинных путников, а куда-то еще. Я бы послала Прета в эти Выпасы.

— Почему его? — вновь удивился я. — Знаешь, я не могу верить Прету.

— А Мантосу ты веришь? — девушка скривилась. — Лавагет — слишком крупная фигура, его отъезд заметят. Прета знают лишь во дворце. И еще...

Она задумалась и начала неторопливо раскладывать алебастровые таблички с донесениями.

— Здесь, — царевна кивнула на одну из стопок, поменьше, — их убивали не спеша. Вырезали сердце, делали надрезы на груди. Похоже на какой-то обряд...

Странно было слышать такое из уст красивой девушки. Ее хладнокровие порой пугало. Я представил себе Дейотару с жертвенным ножом в руке и поежился.

— А здесь, — Дейотара показала на вторую, куда большую стопку, — убивали наспех, резали горло без всяких церемоний.

— Но алтари встречались везде, — возразил я, понимая, куда она клонит. — Может, разный обряд? Или жрецы Старых в некоторых случаях спешили.

Дейотара пожала плечами. Я еще немного подождал, а затем осторожно пошел к дверям, не поворачиваясь к девушке затылком. Послышался смех.

— Не бойся, сегодня я не ударю тебя в спину!

— Спасибо, — усмехнулся я в ответ. — А завтра?

— Не знаю... Ванакт, у меня к тебе просьба.

— Да?

Такого еще не было — если, конечно, не считать нашей первой встречи. Но тогда девушка просила прикончить ее без мучений.

— Говори, сестренка! — Я поудобнее уселся в кресло, с любопытством наблюдая за нею.

На этот раз она пропустила «сестренку» мимо ушей. Тонкие пальцы сплелись узлом, глаза блеснули.

— Ванакт, ты относишься ко мне, как к престарелому басилею, который славен мудростью и опытом. А я ведь женщина, а все женщины любопытны.

— Что ты имеешь в виду? — такого я тоже еще не слыхал. —

Ты, сестренка, считаешь меня слепым? Знаешь, если бы мы встретились при других обстоятельствах...

— Представляю, — по ее лицу промелькнула презрительная усмешка. — Обнаженная девушка, а вокруг дюжина ублюдков. Когда наемники насилуют женщин, они, говорят, не снимают панцирей?

— Не снимают, — согласился я. — Панцирь не очень мешает. Желаешь попробовать?

— Скотина, — бросила она равнодушно. — Думаешь, я жажду соблазнить бродягу, которого впихнули на престол? Хотя, — на ее лице вновь появилась улыбка, весьма ядовитая, — если бы ты повалил меня прямо на пол, то стал больше похож на мужчину. Ты точно из свинопасов, самозванец. Тебе страшно подступиться к дочери ванакта. Для этого таким, как ты, требуется компания...

Представилось, как я зажимаю этой язве рот, как бросаю на ложе... Не этого ли она добивается?

— Поговорили, — проговорил я как можно спокойнее. — Так в чем твоя просьба, богоравная царевна? Я ее выполню, причем охотно.

— Мы уже полгода считаемся... родственниками. Это, конечно, мерзко, но, хотя ты дикарь и свинопас, ведешь ты себя неплохо. Знаешь, ванакт, я бы рискнула сказать, что начинаю тебя уважать...

— Спасибо, — я поклонился.

— Другой на твоем месте держал бы себя еще хуже. Будь я престарелым советником, то иного бы и не желала, но я женщина, а женщины, как тебе известно, любят чужие тайны... Кто ты, ванакт? Ты знаешь обо мне все, а я о тебе — почти ничего. Я не выдам твою тайну, тем более, — ее улыбка вновь стала ядовитой, — мне это невыгодно. Да никто и не станет слушать дочь Ифимедея.

— Ах вот оно что!..

Я немного растерялся. Вообще-то она права, что такие знания могут стоить дорого. Они могут стоить головы.

— Я уже рассказывал, — неуверенно начал я. — В детстве жил в Ахияве...

— Помню. Но ты сказал не все.

— Ну... — Я быстро прикинул, что уже успел поведать. — Меня продали в рабство, когда мне исполнилось лет семь, не больше. Что было до этого — почти не помню. Я жил в маленькой деревне, наверное, такой же, как эти Козьи Выпасы. Неда-

леко было море, я пас коз... Родителей моих уже не было на свете, я жил в доме старика, которого называл дедушкой...

— Как твое имя? — внезапно спросила она. — Настоящее?

Я вздрогнул, но заставил себя успокоиться. Дейотара начала этот разговор неспроста...

— Меня звали Лико — Волчонок. У меня был скверный характер, и я лез драться даже с теми, кто намного старше. Позже, в Тире, эту привычку из меня выбивали, но так и не выбили...

— Лико — не имя, — нетерпеливо бросила девушка. — Как тебя звали?

Проще всего было сказать: «Не помню», но, видит Адад, лгать не хотелось. И я замолчал.

— От твоего ответа, ванакт, кое-что зависит, — тихо проговорила она. — Мне не все равно, солжешь ли ты...

И тут я почувствовал — Дейотара знает. В ее темных глазах светилось плохо скрытое торжество.

Знает!

— Меня зовут Клеотер, — с трудом выговорил я. — Клеотер, сын Лая. Мой отец был воином в Микасе...

— А мать — дочерью сельского басилея, — кивнула Дейотара. — Ты родился на месяц раньше, чем твой тезка, сын ванакта Главка.

Я не помнил времени моего рождения. Красивая девица, обещавшая при случае меня зарезать, сумела узнать и это.

— Не ожидал, богоравный Клеотер? — рассмеялась она. — Теперь я могу называть тебя этим именем. Оно, как ни странно, настоящее. Знаешь, выяснить это было не так трудно. Во дворце осталось немало старых слуг, и кое-кто вспомнил, что много лет назад в охране служил какой-то Лай. Кажется, он был комавентом[1]. В одном из походов этот Лай встретился с дочерью басилея, кажется, из-под Аргоса. А знаешь, что было дальше?

— Нет.

Наверное, мой голос прозвучал не так, как обычно, поскольку Дейотара на миг умолкла.

— Извини, Клеотер. Я забыла, что простолюдины тоже умеют чувствовать. Признаться, меня это до сих пор удивляет... Ладно, скажу лишь, что они все-таки поженились...

— Но ребенок был не от Лая, да? — Я резко вскочил, с трудом удержавшись, чтобы не закричать. — Мне это говорили, когда я был еще совсем маленький! Все — соседи, их дети... Вначале я плакал, а затем стал драться...

---

[1] Комавент — младший командир, сержант или унтер-офицер.

— Я не стану с тобой драться, ванакт. Все-таки ты дикарь, хотя в твоих жилах, возможно, действительно есть наша кровь. Я не говорю о твоей матери, Клеотер, да будет к ней милостив Гадес. Но твой отец — Лай — был сыном Гипполоха, моего деда. Старик оставил немалое потомство. Не знаю, кто та, которую он осчастливил, но она наверняка не единственная. Поэтому ты и похож на его потомков...

Я осторожно присел, стараясь глядеть в сторону и чувствуя, что эта красивая девица внимательно наблюдает за мной. Несмотря ни на что, я был ей благодарен. Я похож на Главка, потому что я — внук его отца, а не из-за того, о чем шептались соседи...

— Наверное, за тобой продолжали наблюдать и после того, как ты очутился за морем, а затем вызвали в Микены. Хотела бы я знать, кто это сделал?

Я-то знал. Старой карге Гирто вовсе не требовалось быть ясновидящей!

— Выходит, мы все-таки родственники? — не удержался я, ожидая, что этот вопрос не доставит ей удовольствия. Так и случилось.

— Не задавайся, сын Лая! Потомками Гипполоха можно заселить целый город, ты просто больше походишь на его сына, чем другие. Но теперь я знаю, кто похитил у моего отца престол и кому предстоит отомстить!

— «Бог бьет грешника кровью его и безумием его», — вновь вспомнились слова с сумерийской таблички. — Боги покарали Афикла безумием, а Ифимедея — кровью. Его убил грех его отца.

— Его убил ты! — Девушка вскочила, в глазах светилась ненависть. — Ты — и те негодяи, которым он доверился! Арейфоой уже отправился к Гадесу, но он лишь протаптывает дорогу остальным...

Я понял — она никогда не простит и не успокоится, пока не отправит меня вслед за жрецом. Я должен ждать удара в спину — каждый день, каждый час. Внезапно меня охватила страшная усталость. Что я тут делаю, в этом проклятом гадючнике? Не иначе Аннуаки забыли меня...

— Ты меня убедила, царевна, — наконец-то я смог взглянуть ей в лицо. — Ты действительно женщина и дочь своего отца. И голова у тебя не только красивая, но и умная. А теперь рассуди: тебе известно, кто я и откуда, ты пригрозила меня убить. Как должен поступить самозванец, когда ему грозят разоблачением и смертью? Твоя голова мне дорога, но своя дороже.

Девушка лишь фыркнула.

— Ну конечно! Сейчас ты пообещаешь связать меня и отдать

Ктимене. Неделю назад я бы испугалась, ванакт, но сейчас ты этого не сделаешь. Моя жизнь — это и твоя жизнь. Кто ты, уже знают. Случись что со мною, вся земля Ахейская поднимется против самозванца.

Почему-то я ей не поверил. Дейотара не из тех, кто станет предупреждать об ударе или делиться тайной. И даже если все это именно так...

— А ну тебя к воронам, богоравная Дейотара! Делай, что хочешь, а через пару месяцев я кину вам царскую диадему, и вы передеретесь, как собаки за кость. С меня хватит!

Теперь не поверила она.

— Диадему снимают лишь вместе с головой, ванакт. Еще не понял?

...Не понял. Но, кажется, уже начал догадываться.

— Ладно, не будем ссориться, братец! Я лишь предупредила.

— Значит — мир?

Она покачала головой:

— Перемирие, Клеотер, и не обещаю, что заранее сообщу о начале войны. Впрочем, мы можем помириться. Отдай мне Ктимену!

Трудно сказать, шутила ли она. Похоже, шутила, но лишь отчасти.

— Ты съешь ее живьем, царевна?

— Меня от нее стошнит. Но пока ее голова на плечах, я не могу спать спокойно.

— У меня чудные родственницы, — вздохнул я. — Не думал, что мне так повезет...

— Тебе придется выбирать между нами, Клеотер. Я хотя бы не сумасшедшая... А знаешь, когда с ней забавлялись стражники, она так смешно вопила! По-моему, ей нравилось.

Я предпочел откланяться. Двоюродная сестричка не прочь как следует взять меня за горло — и это Дейотаре по силам. Сегодня она лишь показала зубы. И самое скверное, что в главном царевна права — ей и Ктимене не ужиться под одним небом...

Чтобы не думать обо всем этом, я приказал никого ко мне не пускать и вновь занялся таинственными жертвоприношениями. Вчера я долго беседовал с Эрифом. Тот казался на удивление серьезным и говорил весьма неприятные вещи. Жрец был уверен, что почитатели Старых специально нагнетают обстановку, чтобы воспользоваться паникой и совершить переворот. За всем этим, по мнению Эрифа, стоит кто-то, близкий ко дворцу или к одному из главных храмов. Переворот приведет к власти нового ванакта, а тот вернет Старых, запретив почитание Дия.

Вначале все это казалось диким, но сейчас слова жреца воспринимались по-другому. Служители богов часто путают небесные дела с политикой. В Баб-Или один ученый писец рассказывал мне про лугаля Урукагину, который пытался бороться с этими храмовыми крысами, но сложил голову. Нечто подобное было, говорят, и в земле Та-Кемт при царе Ахаяти. Здесь, в захолустной Ахияве, жрецы вели себя ничуть не лучше. Покойный Арейфоой — да будут милостивы к нему подземные демоны — собирался посадить на престол Гелена, а весельчак Эриф сделал ванактом меня. Возможно, кто-то третий готовит еще один вариант.

Самое печальное, что я не мог никому доверять до конца. Расклад очевиден: лавагет Мантос сочувствует Ктимене, а первый геквет Прет — Дейотаре. За почитателями Старых мог стоять любой их них. Эриф пока ставит на меня, но верить весельчаку тоже не стоило. Остается еще Пеней, новый верховный жрец Посейдайона, который редко показывается на глаза, делая вид, что политика его не интересует. И не он один...

Я чувствовал себя в роли старшего сотни, в которой зреет мятеж. В таких случаях следует действовать быстро и без малейших колебаний. Эриф уже намекал на то, что именно надо предпринять. Из его недомолвок вырисовывался достаточно продуманный план: привселюдно обличить преступников, поставить их вне закона и как следует перешерстить подозрительных сразу во всех городах царства. Мне показалось, что списки подозрительных у жреца уже под рукой. Да, такой сильный удар может помочь, но вероятно и другое: аресты станут сигналом к восстанию.

Я понял, что доверять можно лишь себе. Вновь вспомнился разговор с Дейотарой. Сестричка походя обронила неплохую мысль о Козьих Выпасах. В маленькой деревне легче найти убийц, чем в большом городе. Но действовать следует осторожно...

Я могу долго колебаться, но когда решение принято, действую незамедлительно. Я приказал принести донесения и еще раз перечитал их. Да, в Козьих Выпасах творится что-то неладное. Убитые, все четверо, были обработаны по всем правилам, кроме того, еще семеро сгинули без следа. Итак, следовало начинать отсюда.

Я вызвал Прета, сообщив, что уезжаю на несколько дней, о чем никто в Микасе не должен знать. Для всех я буду болен. Геквет кивнул, сказав, что тут же подготовит отряд охраны, но я отказался — лишние люди могут только помешать.

Прет долго не соглашался, и пришлось напомнить, что приказы пока еще отдаю я. Первый геквет, однако, заявил, что за

мою жизнь отвечает он, и предложил вместо отряда охраны взять с собой Афикла.

...Мысль была неплоха — потомок богов один мог заменить целое войско. Отношения у нас с ним были самые наилучшие. Через неделю после переворота он прибыл в Микасу и тут же присягнул новому ванакту. О нашей первой встрече герой ничего не помнил, а я не спешил рассказывать. Вначале я хотел отпустить беднягу домой, а еще лучше — отправить в Лидию подлечиться, но на мое предложение Афикл ответил решительным отказом. Кажется, он даже обиделся, заявив, что поклялся служить правителю Ахиявы, пока не совершит должного количества подвигов. Опасаясь за общественное спокойствие, я хотел послать его басилеем в Аргусу, но герой предпочел по-прежнему бродить по дорогам, разя чудовищ. Поскольку гидры и прочие выходцы из Тартара исчезли вместе с Ифимедеем, я отправил Афикла ловить разбойников, что оказалось удачной мыслью. Душегубам пришлось туго.

Афикл был прост и ничего не понимал в политике. Ему очень льстило, что я встречаюсь с ним лично, а не через глашатая, как покойный Ифимедей.

В общем, потомок богов мог стать полезным спутником.

Но, подумав, я решил, что поеду один. Приступы безумия уже больше полугода не посещали Афикла, но я помнил нашу первую встречу. Добродушный и славный парень мог в любой момент превратиться в безумное чудовище. Арейфоося не было в живых, но кто-то другой мог знать, как лишить разума простодушного героя.

Куда именно направляется микенский ванакт, уточнять я не стал — ни Прету, ни тем более Дейотаре, пообещав лишь, что вернусь не позже чем через пять-шесть дней. На всякий случай я приказал первому гекветy не выпускать царевну из ее покоев. Для всех моя сестричка тоже должна «заболеть».

ЙОД

«ИЗ ДВОРЦА»

Из дворца я выбрался через потайную калитку, где меня ждал заранее привязанный к дереву конь. Я вскочил в седло и отправился в путь.

На пустынных ночных улицах никто не встретился, но у ворот вышла заминка. Воины лавагета Мантоса службу знали и не спешили меня выпускать. Стараясь не выдать себя, я накинул

плащ на голову и разговаривал нарочито хриплым голосом. К счастью, заранее припасенная табличка с моей собственной печатью уладила вопрос, и я, благополучно миновав стражу, выехал на южную дорогу.

Хотя Афикл основательно разобрался с окрестными разбойниками, я предпочел надеть кольчужную рубаху и как следует вооружиться. Правда, рассчитывать приходилось больше на темноту и скрытность — одному против целой шайки можно выстоять только в том случае, если ты Афикл. Но дорога была пуста. Стук копыт далеко разносился вокруг. Я то и дело оглядывался, однако в конце концов решил, что в эту ночь разбойники отправились на покой.

Первый перекресток показался примерно через час. Придержав коня, я шагом подъехал к развилке, откуда следовало повернуть направо. Внезапно я остановился — что-то темное, большое стояло у самого перекрестка. Сердце екнуло, но через мгновение я понял, что опасаться нечего — из земли торчал деревянный идол.

Не удержавшись, я подъехал поближе. Луна еще не взошла, и в неярком свете звезд я с трудом различил три жуткие рожи, глядевшие в разные стороны. Женские ли, мужские — понять было мудрено. Поди разберись в этих идолах! Эриф (да и другие божьи слуги) неоднократно пытался просветить нового ванакта на этот счет, но каждый раз мне становилось скучно. Адад с ними, со всеми местными демонами! Едва ли они страшнее богов Баб-Или, а с теми я вполне научился ладить.

Внезапный шорох заставил резко повернуться. Кто-то — или что-то — находилось совсем рядом, возле деревянного страшилища. Это мог быть неосторожный заяц, но на всякий случай я взял в руку копье.

— Молишься Гекате, ванакт? — хриплый голос донесся, казалось, прямиком из деревянного нутра. Я дернул поводья, конь недовольно заржал, и тут же послышался знакомый смех.

— Твои молитвы услышаны, Клеотер, сын Главка...

Из-за черного столба показалась худая сгорбленная фигура, такая же черная — словно одно из трех лиц истукана решило временно покинуть своих подруг.

Я опустил копье и негромко выругался. Вновь послышался смех.

— Пришла, чтобы пожелать тебе удачи в пути, ванакт!

— Гирто! — наконец проговорил я, облегченно вздыхая. — Не спится?

Хотелось сказать «карга», но я добавил «почтенная».

— Стара я. В старости плохо спится.

Ведьма не спеша подошла ко мне, морщинистое лицо кривилось веселой усмешкой.

— Да и как может спать старая Гирто, когда богоравный ванакт собрался в опасное путешествие?

— И куда же я собрался? — Пора было поставить костлявую ведьму на место. — Ты ведь и это знаешь, почтенная Гирто?

Старуха хихикнула — кажется, в эту ночь у нее было неплохое настроение.

— Ванакт не верит старой Гирто? Может, поверишь, если скажу, куда ты направляешься?

В ясновидение я не верю, но лазутчиков привык опасаться. Слишком уж вовремя появилась здесь карга!

— И куда же я еду?

Шутки кончились. Я решил, что если услышу правильный ответ, то заколю старуху на месте. Оставлять такую за спиной опасно.

— Ты, ванакт, едешь туда, где сможешь выполнить мою просьбу.

— Ага! — ответ сразу успокоил. — Ты права, Гирто, за мной остался должок...

...После той ночи, когда пришлось надеть диадему, но удалось сохранить голову, я послал Гирто несколько мин золота, но старуха не захотела его брать. Долг оставался — она все-таки помогла мне.

— Тебе по-прежнему не нужно золота? Или ты передумала?

Гирто вновь засмеялась, и этот смех мне чрезвычайно не понравился.

— Золото дари красоткам, ванакт! Таким старухам, как я, оно уже ни к чему. Привези мне голову, и мы будем в расчете.

Я поглядел на идола, и мне показалось, что ближайшая рожа оскалилась в усмешке.

— Может, разойдемся иначе? Я не привык рассчитываться головами.

— Ты обещал! — Худая рука протянулась ко мне, костлявые пальцы дернулись. — Ты обещал, Клеотер. Я сберегла твою голову, теперь ты мне отдашь другую!

— И чью же?

И в самом деле интересно — кто из врагов старухи идет первым в ее списке?

— Того, кто первым назовет тебя по имени. Того, кто сможет узнать тебя в пути.

Ответ показался неожиданно здравым, но все же обещать такое я не мог.

— Вот что, Гирто, мне это не нравится. Если ты о чем-то знаешь, скажи!

Старуха шагнула ближе, и я еле удержался, чтобы не пришпорить коня. Скрюченные пальцы коснулись моей руки.

— Старая Гирто многое знает, ванакт. Она знает, кто ты и откуда...

Это я уже понял и был совсем не прочь как следует тряхнуть ведьму, чтобы она поделилась своими знаниями.

— Я ведаю и то, что ты не веришь в наших богов! В душе ты смеешься над простодушными микенцами. Тебя не страшит ни Дий, Отец богов, ни Землевержец Поседайон...

Гирто оказалась наблюдательной, и мне вновь захотелось оставить ее здесь в луже крови.

— Но ты, ванакт, не чтишь и тех богов, в которых должен верить Нургал-Син, воин из Баб-Или.

— Значит, я безбожник?

— Нет, — старуха снова захихикала. — Я знаю, в кого ты веришь, Клеотер. Ты думаешь, что хитрее всех в Микенах? Но я знаю твою тайну.

И тут я понял — она действительно знает.

— Ты веришь в Единого, ванакт. В Единого, чье имя...

— Молчи!

Его имя не смел произносить никто — тем более эта ведьма.

— Таких, как ты, мало в ахейской земле, но они иногда приезжают к нам из-за моря...

— Ладно! — разговор начал уже надоедать. — Твое место — в царском войске, старуха. Из тебя получится отличный соглядатай.

Я собрался уезжать, однако Гирто оказалась проворнее, ухватив коня за узду. Я хотел стряхнуть ее руку, но старуха, отпустив уздечку, вцепилась мне в пояс.

— Погоди, ванакт! Верь, в кого хочешь, но знай — этой землей правят наши боги! Без них тебе не сохранить ни царство, ни голову...

— Хорошо, — кивнул я, — давай без болтовни! Что тебе надо?

— Голову! Голову той, кого ты встретишь и кто узнает тебя!

Значит, мне предстояло ко всему еще убить женщину!

— Чем она провинилась перед тобой, Гирто? Она что, колдунья?

— Да! Ты угадал, ванакт! — В голосе ведьмы теперь слыша-

лась радость. — Она колдунья! Она приносит людей в жертву Старым. Такие, как она, убивают людей по всей стране! Убей ее, ванакт. Ты послужишь себе и поможешь мне!

Старуха не шутила. Ее крик походил на карканье, но чувствовалось — Гирто пытается меня убедить. И в самом деле, ее слова заставили задуматься. Я действительно искал убийц, и если удастся встретить кого-то из них, то рука не дрогнет.

— Назови ее имя, Гирто. Я отправлю за ней стражу.

— Нет! — Ее руки дернули меня за пояс, и я с трудом усидел в седле. — Ты должен сделать это сам! Ты встретишь ее скоро. Не верь ей! Старая Гирто хочет помочь. Привези мне ее голову!..

Наконец-то она отпустила мой пояс, и я поспешил оставить это мрачное место. В спину ударил смех, и мне почудилось, что смеется не Гирто, а деревянная Геката.

Через два дня, наутро, я был уже в Трезенах. План был прост: перекусить в ближайшей харчевне, покрутиться на базаре, где всегда узнаешь новости, осторожно расспросить про дорогу до Козьих Выпасов и после полудня направиться туда. Выполнить все задуманное оказалось не сложно — нынешним днем Трезены только и обсуждали дела, творившиеся в этой паршивой деревеньке. Не успел я войти в грязную задымленную харчевню возле базара, как мальчишка, привязывавший мою лошадь, поспешил сообщить свежую сплетню — утром возле Козьих Выпасов найдено еще два трупа.

Новость не удивила, но заставила изрядно разозлиться. Убийцы действовали нагло, не боясь ни власти, ни людей. Первым порывом было направиться к местному басилею, сунуть ему под нос табличку с печатью и устроить хорошую облаву. Но я сдержался — такое можно приказать и не выходя из дворца. К басилею я заезжать не стал и, расспросив дорогу, тут же выехал из города.

Козьи Выпасы находились в получасе езды. Местность, в отличие от того, что я уже видел, показалась неожиданно красивой. Вокруг поднимались невысокие горы, поросшие темно-зеленой сосной, что сразу же напомнило хорошо знакомый мне Северный Ассур. Впрочем, мне было не до здешних красот. Дорога оказалась скверной. Недавно прошел сильный дождь, и приходилось внимательно следить, чтобы не свалиться вместе с конем в ближайшую яму.

Козьи Выпасы прилепились к подножию горного хребта. Издали деревня напоминала кучку углей. Вблизи она выглядела не лучше — несколько десятков полуземлянок и полдюжины

более-менее приличных домов. Обычно в таком захолустье тихо, но в этот день здешние козопасы не спешили покидать деревню. Небольшая толпа месила грязь на выгоне, заменявшем площадь. Среди серых и черных плащей и набедренных повязок сверкнула начищенная бронза — двое стражников о чем-то оживленно беседовали с поселянами.

Мой приезд вызвал немалый интерес. Загорелые лица тут же повернулись в мою сторону, но никто из козопасов не сделал и шагу — народ попался осторожный. Стражники проявили большую смелость, нерешительно подойдя ко мне и поклонившись. Называть себя я не стал — богато одетый всадник на коне вполне мог рассчитывать на внимание и повиновение. Для пущей важности я ткнул им табличку с печатью. Этого оказалось достаточно, и стражники доложились по всей форме.

Басилей Трезен оказался на высоте. Узнав об очередном убийстве, он тут же направил в деревню воинов, дабы расследовать дело по свежим следам. Следы были действительно свежие — трупы нашли на рассвете. Убитые — старик и мальчик — изрезанные, с рассеченным горлом, были сброшены с обрыва. По мнению стражников, они погибли этой ночью, самое раннее — прошлым вечером.

Старший стражник — его звали Фол — оказался весьма неглуп. Первым делом он установил, что над обрывом, под которым были найдены трупы, стоит чей-то дом. Фол тут же решил отправиться туда, дабы поговорить с хозяевами, но случилась заминка. Козопасы неожиданно проявили твердость, заявив, что подниматься на гору не следует.

Я подоспел как раз к началу спора.

Разговаривать с козопасами трудно. Мой акцент никуда не делся, они же изъяснялись на таком диком наречии, что понять друг друга было почти невозможно. К тому же такая публика не любит откровенничать с посторонними. С полчаса седой старикашка в драном плаще с кривым посохом — здешний дамат[1] — уверял, что подниматься к таинственному дому опасно. Он клялся в этом Дием, Поседайоном и еще Адад весть кем, но почему именно, говорить не желал. Когда мне это надоело, я велел Фолу тряхнуть дамата как следует, дабы придать тому откровенности. Старикашка закашлялся и поспешил с объяснениями.

---

[1] Дамат — в данном случае — староста, в широком смысле — чиновник, а также — придворный.

В доме над обрывом жила ведьма. Вернее, ведьмы там жили уже на протяжении нескольких поколений. Прежняя хозяйка умерла год назад, и теперь там хозяйничала ее внучка.

Вначале я подумал, что козопасы не хотят туда идти, опасаясь злых чар, но затем сообразил — они боятся за саму ведьму. Колдунья — ее звали Тея — пользовалась немалой популярностью: лечила скот и самих козопасов, прогоняла тучи и отпугивала подземных демонов. В общем, поселяне вполне с ней ладили, но, конечно, чрезвычайно боялись ее рассердить. По-видимому, они считали, что ежели она и виновата, то поделать тут нечего — ведьма в своем праве. Наше же вмешательство казалось им совершенно излишним: окажись мы слабее, колдунья превратит нас в жаб, случись наоборот, деревня останется без защиты.

Вопрос стал ясен. Оставалось узнать, где были найдены другие трупы. Козопасы поспешили заверить, что прежде убитых находили в нескольких стадиях южнее, возле дороги. Нас явно пытались убедить, что ведьму лучше не трогать.

Фол взял дамата за ворот хитона и велел показывать дорогу. Толпа зашумела, но стражники прикрикнули, и козопасы начали уныло разбредаться. Впрочем, самые любопытные — их осталось с десяток — пошли вслед за нами, держась в безопасном отдалении.

Дом ведьмы находился выше по тропинке. Пришлось слезть с коня и вести его в поводу. Сандалии то и дело норовили соскочить с ног, утопая в свежей грязи, а кольчуга тут же набрала вес, словно ее высекли из камня. Наконец подъем окончился. Мы повернули налево и оказались на небольшой поляне.

...Слева обрыв, вокруг невысокий горный лес, а посреди — старый, почерневший от времени дом с обычной в этих местах плоской глиняной крышей. Впрочем, для Ахиявы, где многие живут в земляных норах, обиталище колдуньи выглядело сносно.

Сопровождавшие нас козопасы остались у тропы, не решаясь подходить ближе. Я на всякий случай как следует огляделся, но, не приметив ничего опасного, кивнул стражникам. Втроем мы подошли к невысокому крыльцу. Фол шагнул на ступеньки, но тут дверь с громким скрипом начала отворяться.

Наверное, разговоры о колдунье подействовали не только на меня. Стражники поспешили отступить, на всякий случай покрепче сжав в руках копья. Я прикинул, что нам делать, если из дому выскочит дюжина разбойников, но тут дверь наконец от-

крылась. На пороге стояла девушка лет пятнадцати в простом белом хитоне. Первое, что я заметил, — ее рыжие волосы. Рыжих в Баб-Или я ни разу не встречал. Девушка смотрела на нас без всякого страха и удивления, и на мгновение показалось, что мы ошиблись домом.

— Радуйся! — начал я. — Нам нужна ведьма... то есть колдунья Тея...

— Радуйся и ты, ванакт Клеотер. Я — Тея, но не ведьма и не колдунья.

Пару мгновений я приходил в себя. Старая карга Гирто не ошиблась — меня узнали. Узнала колдунья, возле дома которой были найдены трупы...

— Ванакт?!

Обернувшись, я увидел очумелые лица стражников. Пришлось коротко объясниться, а затем прикрикнуть, дабы привести их в чувство. Все это время Тея стояла неподвижно, не сказав ни слова.

Первым делом хотелось узнать у хозяйки, видела ли она меня раньше, но я решил разобраться с этим после. Пора было приступать к делу.

— Тея!

Я старался говорить без излишней суровости. Все-таки передо мною была не старая ведьма, а молоденькая девушка.

— В деревне случилось несчастье...

— Да, ванакт, — голос ее был по-прежнему спокоен. — Я слыхала. Погибли еще двое...

— Их нашли под этим обрывом. Что ты об этом знаешь?

— Я видела следы убийц и догадываюсь, откуда они пришли. Это все.

— Ясно...

Я поглядел на Фола. Стражник уже приходил в себя, и я предоставил ему возможность самому допросить девушку. Ничего нового мы не услышали. Этой ночью Тея была в лесу, собирая какие-то травы, а утром от случайного встречного узнала об убийстве.

Слова звучали убедительно, но я привык не верить словам. Трупы сброшены с этого обрыва, а значит, убийцы находились возле самого ее дома.

Стражники, очевидно, подумали о том же. Фол заявил, что должен осмотреть дом. Тея еле заметно пожала плечами, но возражать не стала.

Мы кликнули двоих оказавшихся поблизости козопасов, велев им быть свидетелями. Стражники вошли в дом, я же решил

остаться у крыльца. Предпочитаю грабить дома, а не обыскивать, к тому же Фол справится с этим делом лучше меня. Тея, побыв немного в доме, вышла во двор.

— Ты должна быть там, — напомнил я. — Таков закон.

— Ни к чему, ванакт, — на ее лице появилась невеселая улыбка. — Ночью в доме кто-то был. Я никогда не закрываю дверь...

— Соседи тебя боятся? — тут же заинтересовался я.

— Да. Меня считают ведьмой. Даже ты назвал меня так. Я не ведьма — я знахарка, лечу людей и зверей и никому не делаю зла... Ты пришел меня убить?

От неожиданности я вздрогнул. Она что, мысли читает?

— Я почувствовала. Недавно, дней десять назад... Кто-то ищет моей смерти. Не знаю, кому я стала врагом?

Я мог бы ответить на этот вопрос, но сейчас меня интересовало другое.

— Тея, как ты узнала меня?

— Узнала. Просто узнала, — ее глаза глядели удивленно и даже растерянно. — Ты же не спутаешь солнце и звезды, ванакт? Звезд много, солнце одно.

В иное время я, быть может, и возгордился, но теперь ее слова только разозлили. За кого меня тут принимают? Или она тоже ясновидящая?

— Ты поклоняешься Старым?

— Кому?! — Удивление стало еще более заметным. Если девушка и притворялась, то делала это мастерски.

— Старым богам. Тем, что были до Дия.

Внезапно Тея рассмеялась. Смех оживил ее неподвижное лицо.

— Ах, вот ты о чем! Я слыхала эти байки, но не думала, что о таких глупостях говорят в Микенах. Никаких Старых богов нет, ванакт! Им никто не поклонятся. Я верю в Дия, верю в дриад и наяд, верю в Пана и его сатиров, но я не знаю никаких Старых.

Она говорила так, что я почти поверил. Но тут послышалось негромкое покашливание. На крыльце стоял Фол.

— Ванакт...

В его руке был какой-то странный предмет. Я подошел ближе. Жертвенный нож из грубого кремня. Кровь... Серый камень уже успел почернеть...

— Там еще, ванакт...

Другой стражник вынес что-то темное, продолговатое. Небольшой деревянный идол... Еле различимая личина казалась черной — засохшая кровь покрывала дерево толстым слоем.

Из дверей выглядывали потерявшие дар речи козопасы. Я повернулся к хозяйке.

— Ты видела, Тея?

Ее лицо стало печальным. Еле заметно дрогнули кончики губ.

— Я говорила тебе, ванакт, — кто-то ищет моей смерти. Я бы никогда не стала держать эту мерзость дома. Эти вещи подкинули.

— Ведьма! — взвизгнул один из козопасов и опрометью бросился к лесу. У другого не осталось сил даже для подобного маневра. Фол нахмурился:

— Улик достаточно, ванакт...

— Да, — все с тем же спокойствием заметила девушка. — Моя смерть близко, но умру я невиновной...

Держалась она отлично, и я пожалел, что не владею какой-нибудь магией, чтобы прочитать ее мысли. Улик предостаточно — трупы, жертвенный нож, идол, ее слава колдуньи. Вдобавок меня предупреждала Гирто...

— Отвезем ее в Трезены, ванакт? — поинтересовался стражник.

— А ты как считаешь?

— По закону ее надо пытать, пока не признается. Но ванакт — высший судья. Мы можем зарубить ее прямо здесь. Еще лучше — сжечь...

А я и забыл, что ванакт — верховный судья Ахиявы. Выходит, голова, привезенная в Микены, будет отрублена согласно закону?

— Сжечь... — я отвернулся, чтобы не смотреть на девушку. — Фол, ты когда-нибудь видел, как горят люди? Живые люди?

— Ну... Самому не приходилось...

Мне приходилось, и это не относится к самым приятным воспоминаниям.

— Фол, — велел я, — отведи ее в дом и свяжи. Будете ее охранять, в дом никого не пускайте. Ждите меня.

Уходя, я вновь поглядел на Тею. Лицо ее казалось спокойным, но губы дрожали, и в глазах что-то предательски блестело. Ей было страшно, но страх мог означать что угодно. Порой виновному страшнее умирать, чем тому, на ком нет вины.

Я не собирался уходить далеко. Хотелось остаться одному, чтобы подумать без помех — а заодно и осмотреться. Я медленно двинулся по еле заметной тропке в глубь леса, но не пройдя и сотни шагов, застыл на месте. Справа от тропинки на небольшой поляне лежала груда наскоро сложенных камней.

Жертвенник.

Лужа крови еще не успела до конца застыть, над нею жужжали мухи, рядом чернели прогоревшие угли кострища...

Я присвистнул и присел прямо на траву. Еще одно полено в будущий костер юной ведьмы! Нож можно подкинуть, но жертвенник не подбросишь. Те, кто убивал, были уверены, что это место безопасно...

Улик действительно достаточно. Их хватит не на одну девушку, а на целую деревню. Все оказалось просто — очень просто. Так просто, что начинало не верится.

...Да, все факты против Теи. Любой суд, в том числе мой собственный, обязан признать ее виновной. Но я знал не только то, что пришлось увидеть сейчас. Из головы не выходила встреча с Гирто. Старая карга о чем-то догадывалась. Нет, она знала! Знала — и что я увижу, и кого встречу!

Допустим, я не прав, и Гирто действительно владеет какой-то силой. Демоны одарили ее ясновидением — пусть! Но мы встретились с ней *позавчера*, когда эти двое были еще живы. Значит, Гирто ко всему еще и будущее предвидит?!

Я отмахнулся от особо наглой мухи и тихо выругался на привычном наречии Баб-Или. Здешний язык для таких дел казался слишком пресным. Нет, ерунда! Все могло быть иначе — и куда проще.

Стражники у южных ворот видели, что я направился в сторону Трезен. Значит, в Козьих Выпасах меня могли ждать. Это первое.

Трупы находили и раньше, но убийцы были осторожны. И вдруг они действуют грубо, даже глупо, причем как раз когда трезенский басилей вовремя присылает стражников. К тому же если кого и заподозрят в убийстве, то колдунью. А Тея забывает спрятать окровавленный нож и разрешает жертвоприношение, убийство у самого дома. Это второе.

Но все же я был готов поверить в совпадение, если бы не встреча с Гирто. Старуха проговорилась. Похоже, желание прикончить рыжую девушку оказалось сильнее осторожности. Именно старая карга подвела тех, кто так все удачно спланировал. Теперь я им не верил. За всем этим крылось что-то другое.

Но мог ли я верить Тее? Юная ведьма вполне могла быть в сговоре. Просто в какой-то момент ею решили пожертвовать — еще одно жертвоприношение на алтарь неизвестных богов...

Когда я вернулся к дому, стражники и девушка сидели на бревнах возле порога. Рядом горел костер. Я заметил, что руки Теи связаны.

— Мы решили подождать здесь, ванакт, — сообщил Фол. — В жилище ведьмы может быть опасно. Я раскалил нож...

Он обернул руку краем плаща и вытащил из огня кинжал, острие которого светилось тусклым малиновым светом.

— Если хочешь, мы с ней поговорим...

Я невольно поморщился, но промолчал. Фол не спеша стал подносить раскаленный металл к связанным рукам девушки. Тея сидела неподвижно, по щекам медленно сползали две мокрые полоски.

— Тебе лучше сказать правду, — заметил я. — Убийство произошло возле твоего дома, Тея. Ты знаешь здесь каждую тропинку, каждый камень...

— Говорят, ведьмы не чувствуют боли, — второй стражник опасливо покосился на девушку.

— Враки! — Фол поднес нож к самым рукам и поглядел на меня. — Год назад пытали мы одну...

— Тея! — Я подошел поближе. — Тебе лучше признаться...

Она молчала, и я понял, что девушка ничего не скажет. Сейчас запахнет горелым мясом, в уши ударит крик...

— Фол, постой! — Я остановил его вовремя, раскаленный нож был готов отпечататься на коже. — Я поговорю с нею сам. Вы оба отойдите подальше.

Фол, с видимой неохотой положив кинжал на землю, кивнул второму стражнику. Они отошли к опушке, недоверчиво оборачиваясь и посматривая на девушку.

— Тея! — Я присел рядом с нею. — Ты ведь не убийца, правда? Ты не хотела того, что случилось? Расскажи мне все...

Она молчала. Ей было страшно, слезы текли по лицу, но что-то мешало заговорить.

— Тея, послушай! Уже полгода людей в Микенах убивает какая-то шайка. Многие думают, что это фанатики, поклоняющиеся Старым. Ты считаешь, что это не так, но кто-то ведь делает это! Разве боги требуют человеческих жертв?

Она наклонила голову, плечи стали еле заметно подрагивать.

— Я — микенский ванакт. Наверное, бывают правители получше, но я делаю, что могу. Убийства нужно остановить, и мне придется идти до конца. Тебя будут пытать, пока ты не заговоришь. Мне не хочется делать этого...

— Да, ты жалеешь меня, — голос был тих, еле слышен. — Я чувствую — ты не хочешь моей смерти, ванакт. Но ты мне не веришь. Они хотят, чтобы я умерла...

Это я уже слыхал, но не стал переспрашивать. Меня интересовала правда.

— Тея, тебе лучше все рассказать. Я знаю, что чувствует человек, когда его пытают раскаленной бронзой...

— Я тоже знаю, ванакт, — ее голос дрогнул, в нем звенела боль. — Много лет назад схватили мою мать. Ее пытали, жгли огнем. Меня тоже пытали, хотя я была еще очень маленькая. Потом мать убили, хотели убить и меня. Бабушка с трудом спасла меня и привезла сюда... Я знаю, что такое боль и смерть.

— Тогда поговорим, — я почувствовал облегчение. — Где ты была этой ночью, Тея?

— Я рассказывала! — Теперь ее голос был полон отчаяния. — Я ходила по лесу, искала травы. Эта ночь была очень хорошей, чтобы собирать травы для зелья...

Она говорила правду — но не всю. Я задумался.

— Значит, тебя здесь не было... Ты сама ушла или тебя попросили?

Тея не ответила, и я понял — мои догадки верны.

— Итак, тебя попросили уйти. Для чего? Чтобы без помех убить этих несчастных?

— Я ничего не знала об этом, не знала! — Теперь девушка говорила быстро, словно боясь опоздать. — Мне сказали, что в эту ночь надо принести великую жертву богам. Что боги разгневались на людей и послали убийц. Их надо остановить. Жертва должна помочь, ведь эта гора — священная. Я не могла присутствовать — меня еще не допускают к важным таинствам...

— Ты знала о том, кто убил остальных, — тех, кого находили раньше?

— Нет! — Тея замотала головой, рыжие волосы разметались по плечам. — Убийц никто не видел, ванакт! А кто видел — ничего не сможет рассказать. Они приходили два раза, ночью. Я видела следы... Поэтому я надеялась, что жертва поможет, боги назовут убийц...

Кажется, так оно и было. Тот, кто придумал это, подобрал подходящую жертву — рыжую девушку, что сидела рядом со мной.

— Кто он, Тея? Кто приходил к тебе?

Девушка не ответила. Несколько мгновений мы оба молчали, но я не торопил.

— Тебе велели молчать? Тебе пригрозили?

— Нет, ванакт, — на губах мелькнула невеселая улыбка. —

Что может быть страшнее раскаленного металла и огня? Но я поклялась, и эту клятву никогда не нарушу.

— Эта клятва ложная, — возразил я. — Тебя обманули!

— Да, теперь я понимаю. Но клятва не была ложной, ванакт. Я поклялась не называть того, кто приходил ко мне. Он сказал, что так требуют боги. Я дала клятву, от которой никто и ничто не сможет освободить.

— Хорошо, — кивнул я. — Это понятно. Но я все равно узнаю правду. То, что не скажешь ты, скажет твоя боль. Зачем доводить дело до этого?

Я был почти уверен, что теперь Тея заговорит, но она по-прежнему молчала. Наконец послышался тяжелый вздох, девушка подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты прав, ванакт. Я помогла убийцам, и ты обязан узнать правду. Но я дала клятву и не нарушу ее. Я ничего не скажу на пытке — я сильная. Я смогу преодолеть боль и страх...

— Ради чего, Тея? Ради тех, кто убивает невинных, а теперь хочет погубить и тебя?

— Ради того, чем я поклялась, — теперь ее голос звучал твердо, без колебаний. — Несколько дней назад я видела во сне маму, она звала меня к себе. А потом я увидела солнце — и оно сожгло меня. Все сбылось. Солнце — это ты, Клеотер Микенский, и ты сожжешь меня, как солнце сжигает траву. Ты не виноват в этом...

Странно, она как будто сочувствовала мне...

Я окончательно поверил — Тея невиновна. Суд не оправдает ее, но я могу просто отпустить эту рыжую. Я не узнаю правды — но не погублю невинного человека.

Но это не выход. Тея исчезнет, и все будут считать, что она — убийца во славу Старых. Я ничего не выиграю, а смерть по-прежнему будет витать над Ахиявой...

Внезапно представилось, что мы в походе и ко мне привели на допрос пленного. Не все говорили охотно, некоторое молчали даже под пытками. Вспомнился один случай — это было пять лет назад, на левом берегу Тигра, когда мы гнали армию проклятых эламитов...

КАФ

«ВЕЛИКИЙ БЕЛ»

...Великий Бел помог воинам Баб-Или. Наши колесницы разогнали их тяжелую пехоту, а эламитская конница не смогла вовремя прибыть на поле битвы. Враги бежали, но успели сжечь наплав-

ной мост. Лугаль приказал переправляться на надутых воздухом мехах, однако время было потеряно. Эламиты словно провалились сквозь землю.

Моя сотня шла впереди, пробираясь через болотистую низину. Нам повезло — разведчики захватили трех пленных, которые отстали от эламитского войска. Требовалось срочно узнать, куда отступают враги, и мы не стали церемониться. Пленные молчали, я приказал развести огонь.

Когда двое умерли, не сказав ни слова, третий — молоденький парнишка-первогодок упал нам в ноги, умоляя о милости. Он не мог ничего сказать — поклялся каким-то эламитским демоном — и теперь просил убить его сразу, без мучений. Обычно на войне врагов не жалеют, но паренька убивать не хотелось. И тут я, уловив какую-то еще неясную мысль, спросил, в чем именно он поклялся...

— Тея! — Девушка вздрогнула и резко обернулась. — Как звучала твоя клятва? Повтори ее слово в слово!

— Я не могу сказать, кем и чем я клялась, ванакт, — она была явно удивлена вопросом. — Но клятва звучала так: клянусь никому и никогда не говорить о том, кто ты и откуда пришел...

— Ты — это тот, что собирался приносить жертву?

Она кивнула. Я хмыкнул и, подняв с земли уже остывший нож, разрезал веревки на ее руках. Тея, все еще ничего не понимая, начала растирать затекшие запястья.

— Ты клялась *ничего не говорить*, — пояснил я. — Ты и не скажешь ни слова. Ты *отведешь* меня туда — молча. И прямо сейчас!

— Но, ванакт...

Девушка растерянно оглянулась и встала. Я тоже поднялся, весьма довольный собой.

— Теперь понятно? Ты не нарушишь клятву и поможешь мне. А заодно спасешь свою жизнь — а это немало.

И тут на лице ее появилось невыразимое облегчение. Плечи вновь дрогнули. Тея всхлипнула и закрыла лицо руками. Внезапно она упала на колени. Я невольно попятился.

— Ты что, Тея? Встань!

— Ты спас меня, ванакт! Недаром говорят, что ты мудр. Я думала, придется умереть. Я уже была готова...

Я подождал, пока она немного успокоится, затем осторожно поднял и усадил рядом. Девушка все еще плакала, и я не стал торопиться. Честно говоря, никогда не был о себе плохого мнения, но «мудрый» — это уже перебор. Я вспомнил, что Тея умудрилась вдобавок сравнить меня с солнцем, и почувствовал

себя неловко. Солнце Нургал-Син... Но тут вспомнился лугаль Апиль-Амурру, которому я служил многие годы, — толстый низенький человечек с оттопыренной нижней губой, неуклюжий, с шаркающей походкой. Но для всех нас он был лугалем великого Баб-Или, любимцем Великого Бела, его отражением на земле. Мы видели в нем бога — и он был богом. Для этой девчонки я — не просто крепкий мужчина тридцати с небольшим лет, неправильно выговаривающий ахейские слова. Я — ванакт, избранник богов, Солнце, сияющее в этой крысиной норе...

Мысли оказались не из тех, что оставляют равнодушными. Наверное, кое-кто мог из-за них спятить, мне же стало стыдно — и страшно. Для самозванца нет ничего опаснее, чем вообразить себя богом. Это приблизительно то же, как если бы новоиспеченный сотник, захватив с налету городишко с открытыми воротами, почувствовал себя великим завоевателем Шаррукином, да будет вечной слава его. В таком дурацком состоянии легче всего пропустить ответный удар, и тогда тобой будут интересоваться лишь подземные демоны...

— Когда мы пойдем, ванакт? — прервала мои размышления Тея. — Лучше всего выйти утром.

— Нет, — прикинул я. — Твой дружок может скрыться. Выйдем прямо сейчас.

Фолу я велел возвращаться в Трезены и передать местному басилею, чтобы тот известил Прета или Мантоса. Пусть знают, что ванакт жив и престол все еще занят. Тем временем девушка собрала немного еды, а я принялся подгонять вооружение. Тея сообщила, что идти придется пешком — дорога вела через горы. Не без сожаления я передал коня стражникам и еще раз прикинул, что следует взять. Моя славная секира, «черная бронза», была вновь за спиной, я захватил также кинжал аласийской работы в старинных, украшенных красными камнями ножнах и, конечно, кольчужную рубаху, без которой чувствовал себя голым. Копье пришлось оставить, зато Тея взяла с собой длинный, почти в ее рост, лук. Я не стал возражать. В походе мы пойдем рядом, и выстрелить в меня у нее просто не будет возможности.

Перед тем как выходить, девушка попросила оставить ее на несколько мгновений одну — ей хотелось помолиться. Я не возражал. У меня самого было о чем поразмышлять.

Солнце уже начало опускаться за неровную кромку гор, когда мы, оставив поляну позади, вышли на узкую горную тропу. Я ничего не спрашивал, но уже понял — придется идти всю

ночь и все утро. И тут я впервые пожалел о мягком ложе, застланном звериными шкурами и хеттийскими покрывалами. Оказывается, за эти месяцы я успел отвыкнуть от обычной жизни. Вновь, уже не впервые за этот день, мне стало стыдно. В земле Та-Кемт говорят: «Царь должен быть таким, как наемник, когда он воюет в ливийской пустыне». Наверное, их цари не имеют привычки к хеттийским покрывалам. Я сжал зубы, выровнял дыхание и начал тихо напевать нашу походную: «Мы идем землей Адада по болотам и пескам...» Настроение сразу поднялось, и мне показалось, что я вновь в сирийских горах, куда нас посылал лугаль гонять хабирру.

Тея шагала рядом, двигаясь совершенно беззвучно. На ней был серый походный плащ с капюшоном, за плечами болтался небольшой мешок, на боку — чехол со стрелами, за плечами — длинный лук, который каким-то чудом не мешал ей при ходьбе. Девушка шла босиком, и я невольно отметил, что за подобные ноги толстогубые купцы из Исина отвесят с десяток мин серебра. Впрочем, такие, как Тея, не приживаются в рабстве. Мы никогда не брали горцев в плен. Иное дело — поселяне, этих не требовалось даже связывать, а их женщины сами спешили задрать юбки. Поселян мы всегда считали стадом, и если какая-то деревенька оказывала сопротивление, это казалось настоящим чудом. Интересно, каковы в бою жители Ахиявы? Хеттийцы побаиваются Микасы, но ванакты, насколько мне было известно, обычно посылают в бой наемников. Что будет, если вооружить козопасов, я пока не представлял.

Я стал размышлять о знакомом и привычном, прикидывая, как вел войска, если бы пришлось воевать между Микасой и Аргусой. Колесницы здесь не развернешь, да они у микенцев скверные, а вот конница, особенно легкая, тут очень полезна. С запоздалым сожалением я вспомнил, что мало интересовался войском, передоверив все Мантосу. Он парень старательный, но, кроме Микасы, ничего не видел. Вдобавок следовало основательно заняться флотом. Здешние чернобокие корабли хороши лишь для пиратства, любая сидонская эскадра разнесет в щепки весь микенский флот...

Нога зацепилась о какой-то нахальный корень, я удивленно огляделся и сообразил, что уже начинает темнеть. Кажется, мы отмахали немало. Ноги, во всяком случае, уже начинали ныть с непривычки.

— Стой! — скомандовал я. — Привал.

Тея удивленно подняла брови: наречия Баб-Или она, ко-

нечно, не знала. Я улыбнулся и уже по-ахейски предложил немного передохнуть.

— Не устала? — поинтересовался я, когда мы, выпив по глотку кислого вина, поудобнее пристроились на невысоком бугре. Девушка вновь удивилась:

— Разве микенские женщины так быстро устают?

Я развеселился:

— Микенские женщины, да будет известно юной ведьме, покидают дом лишь два раза в неделю. Один раз — чтобы пойти на рынок, другой — в храм. Впрочем, часто их доставляют туда на носилках. Ты что, никогда не бывала в Микенах?

— Я бывала в Трезенах, ванакт. Один раз добралась даже до Аргоса, но это очень далеко... Мне неуютно в городе, он такой большой. А Микены, говорят, самый большой город в мире!..

Смеялся я долго, понимая, что смеяться не над чем. По сравнению с Козьими Выпасами Микаса — эта куча валунов — и впрямь столица мира. Тея удивленно глядела на меня, не понимая.

— Микаса... Микены — не очень большой город, — наконец смог пояснить я. — Есть города куда больше. Я жил в городе, который был раз в пятьдесят крупнее Микен. Его зовут городом Ста Ворот.

— Ста Ворот? — Девушка была поражена. — Но зачем так много? Сколько же там людей?

— Порядочно. Ворот, в общем, не сто. Их девяносто шесть, а с потайными калитками — сто двенадцать. Этот город называется Баб-Или, Врата Бога. Он очень красив, особенно весной...

Я задумался, почувствовав странную горечь. Я вернулся на родину, но тосковал по Баб-Или, по его чистым площадям и садам на террасах, по ровным каналам, в которых плавают утки, по величественному храму Бела, где мы часто несли караул...

— Знаешь, Тея, главный храм этого города стоит на искусственной горе. Она сделана из кирпича и повыше... — я оглянулся и указал на ближайшую скалу, возвышавшуюся над лесом, — вот этого. Представляешь?

Девушка посмотрела на меня, затем на скалу и вздохнула.

— Такая гора называется зиккурат, — продолжал я. — Это что! В земле Та-Кемт царей хоронят в каменных горах раза в три выше этой. Там царей считают богами...

Похоже, Тея была поражена. Так же был удивлен и я, когда впервые увидел Баб-Или. Но привыкаешь ко всему. Искусственные горы — не самое удивительное в мире.

— Как далеко от них боги, — неожиданно проговорила

Тея. — Им приходится громоздить камень на камень, чтобы стать поближе к ним...

Мысль мне понравилась — девушка была явно не глупа.

— Знаешь, Тея, один хабирру рассказал мне легенду, что главный зиккурат в Баб-Или прогневал богов, и они наказали людей, смешав все языки, чтобы строители не возвели зиккурат до самого неба.

Тея кивнула:

— Зачем делать это? Наши боги рядом: они в деревьях, в ручьях, в траве. Я могу говорить с ними, они слушают меня...

Я незаметно пожал плечами — так же думали дикари в низовьях Тигра, готовые падать на колени перед каждым пнем. Но споры о богах — не мое дело. Я потянулся и встал.

— Пора, о юная колдунья. Боги зовут вас в дальний путь.

Похоже, Тея обиделась.

— Я не ведьма и не колдунья, ванакт! Я же говорила...

— Ага. Ладно, сколько еще идти?

Девушка, что-то прикинув, сообщила, что идти придется всю ночь и, возможно, часть утра. Правда, можно сократить путь, если свернуть на какую-то старую тропу. Но Тея советовала этого не делать.

— Разбойники? — кивнул я понимающе, но оказалось, что разбойники тут ни при чем.

— Тропа ведет мимо горы киклопа, — сообщила Тея. — Там есть пещера...

Мы неторопливо двинулись дальше, постепенно наращивая шаг. По пути я продолжил расспросы. Кто такие киклопы, я понял не сразу. Наконец Тея смогла объяснить. Я задумался: одноглазые великаны, дети древних богов, ко всему еще — людоеды? Что еще встретишь в земле Ахиявы? Гидра, кентавры, теперь киклопы... Сама Тея этих чудищ не видела, но однажды слыхала шум их шагов.

— Пойдем мимо той горы, — решил я. — В пещере можно будет остановиться на пару часов.

— Но, ванакт... — Тея немного растерялась, — даже богоравный Афикл, говорят, не может победить киклопа!

Я вновь задумался. Кентавров видеть мне уже приходилось. Иппоандросы оказались на поверку обыкновенными всадниками. Возможно, киклопы — просто дикари скверного нрава, а подобного народа я не боялся. А вот то, что мимо горы мало кто ходит, очень понравилось — меньше чужих глаз.

— Не боишься ли ты, кудесница? — не без пафоса произнес я, надеясь свести все к шутке. Но Тея оставалась серьезной.

— Боюсь, ванакт. Одну девушку в соседней деревне киклопы похитили пару лет назад. Потом ее нашли — уже мертвую. Вернее, ее кости и голову...

Я хотел продолжить расспросы о тонкостях здешнего людоедства, но вовремя одернул себя. Рядом со мною пятнадцатилетняя деревенская девчонка, верящая во всю эту чушь. Надо помалкивать.

...Заодно разговоры о людоедах натолкнули на свежую мысль.

— У тебя есть лук, Тея. Пока не стемнело, не подумать ли нам об ужине? Пустые лепешки — не еда для путешественника.

Девушка, молча кивнув, достала из чехла лук. Я подумал, что она предложит сойти с тропы, но Тея продолжала спокойно идти дальше. Я решил понаблюдать. Девушка шла ровно, казалось, не глядя по сторонам, но я почувствовал, как она вся напряглась, вслушиваясь в лесные шорохи. Над головой в темнеющем небе несколько раз проносились какие-то птицы, но юная ведьма не обращала на них внимания. Внезапно где-то в кустах послышался легкий треск. Не сбавляя шага, Тея чуть повернула голову. Треск повторился. Дальнейшее я едва уловил. Ее рука скользнула к колчану. Резкий рывок, поворот корпуса — и короткий легкий свист. Девушка стреляла по-особому — поднося тетиву к уху. Наши лучники оттягивают тетиву только до груди...

Тея не промахнулась. Неосторожный заяц пожертвовал жизнью, чтобы послужить ужином для двух усталых путников. Добычу я сунул в мешок и попытался выразить свое восхищение стрельбой, но Тея меня вновь не поняла. В этих местах стрелять учились с самого детства.

Когда уже совсем стемнело, мы вышли к небольшому перекрестку. Тропинка, ведущая к горе киклопа, сворачивала направо. Тея вновь попыталась отговорить меня, но я уже решился и первым шагнул на узкую, ведущую на подъем тропку. Девушка вздохнула и молча последовала за мной.

Я давно не бывал в таких местах. В Баб-Или земля плоская, как лепешка, но лугаль посылал своих «серых коршунов» во все концы света. Несколько раз мы воевали в горах, и кое-какие привычки не забылись. В ночном горном лесу, конечно, неуютно, но зато начинаешь чувствовать, что жизнь не такая пресная.

Ночные шорохи рождали знакомое чувство опасности, и я вновь вообразил себя в походе, но уже не в общей колонне, где главное — не сбиться с темпа, а в разведке. Слушать я умел, и отличить человека от безвредного зверька мог даже ночью. Но сейчас лес казался совершенно безопасным. В кустах и кронах деревьев шумела всякая мелочь — ночные птицы, какие-то мелкие зверушки. Тея пояснила, что в этих местах киклопы попадаются редко, а люди — почти никогда. Последнее особо порадовало.

Взошла луна. Стало немного светлее, но зато начал чувствоваться холод. Пару раз я с сожалением вспоминал, что костер в лесу виден издалека, а без огня отдыхать не имеет смысла. Итак, мы шли дальше, почти не разговаривая и вслушиваясь в ночную тишину.

Возле одной из полян мы наткнулись на огромный ствол, перегородивший тропинку. Завалы, особенно лесные, я не люблю — всегда можно ожидать засады. Пришлось долго вслушиваться, а затем осторожно обходить старое, покрытое мхом дерево. Но все обошлось: ствол рухнул еще много лет назад. Я уже собрался идти дальше, как вдруг почувствовал легкое прикосновение. Тея приложила палец к губам, кивнув в сторону ближайших деревьев. Я выхватил «черную бронзу», но Тея улыбнулась и покачала головой. Ничего не понимая, я подошел к деревьям и осторожно огляделся.

Передо мной была поляна — большая, круглая, залитая неровным светом луны. Лунные блики падали на темные кроны деревьев, рождая странные неровные тени. Стояла звонкая напряженная тишина.

— Видишь? — послышался тихий шепот. Тея неслышно подошла ближе. — Видишь, ванакт?

Я вновь насторожился, еще раз оглядев поляну, но ничего опасного не заметил.

— Смотри! Это же дриады! А с ними сатиры. Какие они смешные!

Она не шутила — на этой поляне девушка видела что-то, недоступное мне.

— В наших местах их почти не осталось, — продолжала она. — Люди стали часто бывать в лесу...

Я вновь всмотрелся, и на миг показалось, что лунный свет сгустился, над травой проступили неясные колышущиеся контуры... Через мгновение поляна вновь была пуста.

Девушка тихо рассмеялась:

— Сейчас они пляшут, а потом начнут драться и приставать

к дриадам. Видишь того, посередине, у которого большая борода и рога? Это Пан, он хозяин всех лесов...

Правильнее всего было выйти на поляну и предложить девушке убедиться, что там нет ничего, кроме мертвого лунного света. Но я решил не спорить. У юной ведьмы оказалось чересчур живое воображение.

— Пойдем! — прошептал я. Тея еще раз взглянула на пустую поляну и неохотно вернулась на тропу.

ЛАМЕД

«ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ ЧАС»

Примерно через час лес начал редеть. Тропа шла на подъем, и я понял, что мы приближаемся к перевалу. Тея с каждым мгновением становилась все более озабоченной, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Я тоже держался начеку. Дриад и сатиров опасаться нечего, но если в пещере действительно живут какие-то дикари, осторожность не помешает. Пока все было спокойно. Тропа несколько раз вильнула, ныряя в небольшие лощины и вновь карабкаясь по склону. Наконец лес кончился. Перед нами возвышалась голая, покрытая редким кустарником вершина, увенчанная неровными зубцами серых скал.

— Пещера! — девушка указала куда-то в сторону.

Я присмотрелся — слева в толще камня темнело отверстие, хорошо заметное в лунном свете. Тропа, свернув, раздваивалась.

— В пещеру ходят, — я всмотрелся в узкую тропку, тянувшуюся к черному отверстию. — Надеюсь, сейчас там пусто...

Тея не ответила. Я повернулся к ней и вдруг понял — девушке страшно. Я осторожно погладил ее по плечу и хотел сказать что-то ободряющее по поводу отсутствия аппетита у местных людоедов, но вовремя сдержался.

Подъем был крут; мы то и дело останавливались, что давало возможность осмотреться. Склон дышал неподвижным покоем, даже цикады, звеневшие всю дорогу, смолкли. Постепенно я успокоился. Если в пещере засада, нас бы давно подстрелили. А рукопашной я не очень боялся — даже с киклопами.

Возле входа — вблизи он казался огромным, не меньше ворот Микасы — я велел Тее оставаться на месте, а сам скользнул вдоль стены, на всякий случай сжимая в руках секиру. Меня

встретила тишина и легкий запах сырости. Постояв немного и не услышав ничего подозрительного, я махнул рукой Тее и шагнул в темноту.

Никаких киклопов в пещере не оказалось, зато у самого входа я наткнулся на старое кострище и — что было самым приятным — на целую вязанку дров. Вскоре первые робкие язычки пламени отпугнули темноту. Я подбросил в костер несколько крупных поленьев и достал из мешка наш охотничий трофей.

Пока Тея занималась зайцем, я как следует осмотрелся. Пещера, несмотря на огромный вход, оказалась небольшой. Кроме кострища, здесь ничего не было, если не считать старых обглоданных костей в углу. К счастью, не человеческих.

Испеченный на вертеле заяц оказался весьма к месту. Выпив пару глотков вина, я окончательно пришел в благодушное настроение.

— Ну что, Тея? — поинтересовался я, поудобнее располагаясь у костра. — Кажется, с киклопами нам не повезло — или им с нами. Даже если какой-нибудь из них сунется, мы его сразу увидим.

— Он не станет подниматься по склону, — покачала головой девушка. — Киклопы могут спуститься сверху, со скалы.

Я прикинул высоту серых громадин и присвистнул.

— Тея, а ты уверена, что киклопы существуют?

Кажется, она была поражена вопросом. Но я не отставал.

— Знаешь, приходилось видеть всякое. Но здесь у людей какое-то странное зрение — видят то, чего нет.

— Это бывает, — кивнула девушка, — когда я болела, то видела рогатых демонов. Но киклопы...

— Ну да! — не выдержал я. — Киклопы, гидры, кентавры! Видел я этих кентавров — обыкновенные крепкие парни на конях, а вовсе не чудища. И на той поляне, Тея, ничего не было, кроме лунного света! Ничего, понимаешь?

Я хотел было добавить о дикарях с низовьев Тигра, видевших в каждой коряге злого водного демона Агу-Агу, но сдержался. Хватит и того, что сказано.

Девушка долго не отвечала, и я решил, что она обиделась. В самом деле, зря я так! Пусть себе верят в гидр, пусть видят дриад в лунном свете. Этой девочке, наверное, с детства только и говорили, что про дриад и сатиров...

— В каких богов ты веришь, ванакт?

Вопрос был настолько неожиданным, что я на миг растерялся. В голосе Теи не было обиды — она говорила спокойно и

серьезно. В этот миг девушка менее всего походила на юную дикарку из Козьих Выпасов.

— Наши боги не мешают друг другу, ванакт. Дий не сердится, если я приношу жертву Пану, а Поседайон разрешает чтить речных наяд. Но есть другие боги...

Я молчал, не решаясь заговорить. Тот, в Кого я верю, не велит быть слишком болтливым.

— Бабушка рассказывала, что за морем есть Бог, который сильнее всех остальных, — Тея вздохнула и покачала головой. — Этот Бог дает силу тем, кто в него верит. Но Он ревнив. Других богов для Него нет...

— Ты права, — кивнул я. — Других богов нет. Есть Единый. В Него я верю, и Он дает мне силы.

— Он являлся тебе? — Тея вскочила и подсела поближе, словно ребенок, слушающий сказку. — Какой Он? Ему надо приносить особые жертвы?

Я усмехнулся и покачал головой:

— У Него нет облика, Он не является людям и не требует жертв. Но я научился чувствовать Его...

...Я вспомнил Тир и старого хабирру, который впервые рассказал мне о Едином. Тогда мне, прикованному к жернову, казалось, что вызволить меня может лишь смерть.

— Когда мне было очень плохо, Бог спас меня, Тея. И с тех пор Он меня хранит. Но ты права — Он ревнив. Единый не обидится, если я упомяну Адада или Дия, но я не должен верить в них и приносить им жертвы.

Тея задумалась, по лбу пробежали морщинки.

— Но твой Бог далеко, ванакт! Здесь правят другие. Твой Бог силен за морем!

Я понимал, что объяснить такое нелегко.

— Мой Бог везде, Тея. Он слышит меня и всегда приходит на помощь. Только просить надо самое нужное и только тогда, когда сам бессилен. И Он поможет...

...Именно так учил меня когда-то старый хабирру. Просить только о самом важном — и верить. В последний раз я воззвал к Нему, когда безумный Афикл занес надо мною свою дубину.

— Теперь я поняла, ванакт, — вздохнула девушка. — Твой Бог — очень сильный, но за помощь Он требует слишком мно-

гое. Он ревнует к другим богам и не дает тебе даже увидеть их. Поэтому дриады для тебя — только лунный свет...

— Может быть, — согласился я. — Но если я их не вижу, значит, их нет, Тея. Единый сделал меня зрячим, и я могу не бояться ваших призраков.

— Не говори так! — В ее голосе послышался испуг. — Твой Бог отведет от тебя молнию Дия, но боги могут действовать через людей. Удар кинжалом в спину иногда опаснее молнии!

Я невольно почесал затылок. Да, девушка умна. Куда до нее многоречивым придуркам, которые зовут себя жрецами!

— Мне не нужен Единый, — продолжала Тея. — Я живу в мире с богами, я могу видеть их, говорить с ними... Нашей семье была дарована великая сила, она перейдет к моим детям.

— Твои дети будут рыжие, — не без злорадства констатировал я, — и ты сама — рыжая. Тебя надо выдать замуж за козопаса, ты будешь варить ему похлебку, а он будет тебя пороть по храмовым праздникам.

Похоже, у женщин Ахиявы с юмором трудности — Тея, вместо того чтобы засмеяться или огрызнуться, ответила с полнейшей серьезностью:

— Женщины нашей семьи не живут с мужьями.

— И остаются старыми девами, — еще более злорадно заметил я.

— Нет. Когда я стану женщиной, сила, дарованная мне, станет еще большей.

Передо мной открывался необозримый простор для привычных шуточек, но я понял — этот полуребенок воспринимает меня слишком серьезно. Я осторожно выглянул наружу — луна уже начинала клониться к горизонту.

— Поспим до утра, — решил я. — Завтра надо быть в полной силе.

— А киклопы? — удивилась девушка.

— Спи! — приказал я самым категоричным тоном. — И пусть тебе приснятся наяды, дриады и гидры. Впрочем, гидры — необязательно.

Тея послушно завернулась в хлену и затихла. Я сел поближе к костру, поудобнее облокотился о камень, подложил под голову походный мешок и прикрыл глаза. Спать я не собирался, но побыть немного в полудреме полезно. Секиру я положил рядом — на всякий случай.

Трудно сказать, сколько я так просидел. Наверное, не очень долго. Костер еще не успел погаснуть; время от времени я от-

крывал глаза и начинал считать угли. Их цвет напоминал рыжие волосы юной колдуньи, и я думал, что все-таки женщины в Ахияве — странные. Или мне просто попадались такие...

Шума я не услышал. Отреагировало зрение — что-то большое и темное на миг загородило вход. Вскочив, я поудобнее взял в руки секиру, запоздало соображая, что недооценил опасность. То, что стояло сейчас у входа, спустилось определенно сверху — с недоступного скального венца.

...Огромный черный силуэт — неправдоподобно высокий, плечистый, с необыкновенно длинными руками — загородил собой вход, стоя чуть согнувшись. Проем, куда мог въехать всадник, был для него низковат.

«Это мне за дриад», — успел подумать я, и тут стоявший у входа вошел в пещеру. Свет догорающего костра упал на густую черную шерсть, огромные когти, на страшную звериную морду с острыми клыками.

Зверь...

Но этот зверь стоял на задних лапах, его небольшие темные глаза смотрели на огонь без страха.

— Радуйся, — прохрипел я, осторожно кладя на землю «черную бронзу». — Мы, кажется, напросились к тебе в гости? Извини, приятель.

Звук собственного голоса немного успокоил. Впрочем, волноваться не имело смысла. Если чудище решило нас убить, никто не в силах помешать ему. Секира могла лишь разозлить ночного гостя.

Зверь чуть склонил голову — слушал, и мне показалось, что он реагирует не только на голос, но и на слова. Рядом, проснувшись, тихо ойкнула Тея.

— Не будем ссориться, правда? — как можно беззаботнее заметил я, попытавшись улыбнуться. — Зайца мы съели, но если ты не возражаешь против лепешки...

Зверь не двинулся с места, но, кажется, нападать не собирался. Я, не торопясь, раскрыл мешок и достал оттуда весь наш запас.

— Держи!

Я протянул лепешку, с интересом ожидая последствий. Зверь не боялся огня, не страшился нас. Может, и его не стоит опасаться?

Темные глаза скользнули по мне, и я невольно вздрогнул. Взгляд был спокойный, изучающий — и совсем не звериный. Чудище взглянуло на сжавшуюся в уголке Тею, а затем шагнуло

к костру. Когтистая, поросшая шерстью лапа осторожно взяла лепешку. Чудище присело на корточки, послышалось негромкое ворчание, и вдруг произошло неожиданное — гость аккуратно отделил от лепешки третью часть, а остальное вернул мне. Наши глаза встретились, и я наконец понял — передо мною *не зверь*.

— Напугал же ты меня, парень! — произнес я как можно веселее. — Тея, подсаживайся. Кажется, намечается завтрак.

Девушка, не сводя испуганных глаз с гостя, присела у огня. Я разорвал свою часть лепешки пополам, протянул кусок ей и подал волосатому чудищу бурдюк с остатками вина. Тот подержал его на весу, осторожно открыл, понюхал и, заворчав, вернул.

— Не пьешь, — понял я. — Тея, киклопы пьют вино?

Ответа я не дождался. Между тем гость принялся за лепешку. Он ел совсем как человек, отрывая маленькие кусочки. Это успокаивало более всего. Он не зверь и убивать нас не собирается.

А это — главное.

Покончив с едой, волосатый протянул лапы к огню. Я невольно отодвинулся — когти выглядели жутковато. Вновь послышалось ворчание, и мне вдруг показалось, что наш гость смеется.

— Ладно, давай знакомиться, — осмелел я. — Меня зовут Клеотер, и меня здесь считают самым главным. Ну а в этой пещере главный — конечно, ты. А это — Тея, она верит в дриад и сатиров...

Гость слушал внимательно, и вновь почудилось, что он все понимает. Темные глаза неотрывно глядели на меня. Внезапно из клыкастой пасти донесся какой-то странный звук.

— Дхр-р... — волосатый подождал немного и вновь повторил: — Дхр-р...

— Наверное, тебя зовут Дар, — решил я. — Ну что ж, будем знакомы, Дар. Трудно сказать, было ли это имя или так звались его сородичи. Меня устраивало и то и другое.

— Дар, ты здесь живешь? — меня потянуло на расспросы. — Эта пещера — твоя?

Для убедительности я обвел рукой вокруг. В ответ я услышал низкий горловой звук — когтистая лапа указала куда-то вверх.

— Не понимаю, — огорчился я. — Жаль, что я не говорю на твоем языке, Дар!

Мне представилось, что мы оба рычим, и вновь стало не по себе. Впрочем, для нашего гостя людская речь тоже наверняка казалась странной.

— Ну хорошо, Дар. Спасибо за гостеприимство. Когда вер-

нусь в Микены, издам указ, что эта гора принадлежит тебе. Никто не будет вправе заходить сюда...

Негромкое ворчание — я готов был поклясться, что Дар опять смеется.

— Да, конечно, — понял я, — гостей ты не очень боишься. Но все равно — большое спасибо.

Наступило молчание. Гость грелся у огня, глядя на гаснущие угли. Я подбросил дров. Вспыхнувшее пламя заставило его немного отодвинуться. Языки огня странно отражались в темных круглых зрачках.

Я искоса поглядел на Тею. Она уже пришла в себя, и вместо страха на ее лице я заметил любопытство. Губы девушки беззвучно шевелились. Я подумал было, что она молится, но понял — это не так. Тея словно повторяла что-то забытое, пытаясь вспомнить.

Дар вновь издал нечто среднее между рыком и ворчанием. Я развел руками, показывая, что не умудрен в его языке, и вдруг послышались странные слова, короткие, словно обрубленные, полные шипящих и хрустящих звуков. Я изумленно обернулся — говорила Тея.

— Ты чего? — начал было я, и тут произошло нечто совсем неожиданное — Дар ответил. Его глотка едва справлялась с речью, но слова были те же, что и у Теи, во всяком случае, очень похожие. Тея, подумав, вновь заговорила, тщательно произнося каждый звук. Дар встал, когтистые лапы взлетели вверх — наш гость был явно удивлен. Теперь он говорил быстро, в его речи я смог уловить знакомое «Дх-р-р» и вполне понятное: «Клетр-р» и «Тья». Девушка тоже встала, отвечая. Наконец Дар осторожно коснулся огромной лапой ее щеки, словно хотел погладить. Затем когти дотронулись до моего плеча. Я вскочил, но гость уже собирался уходить. У порога он остановился и медленно проговорил какое-то слово. Я не понял, Дар совсем по-человечески махнул лапой и попытался вновь справиться с непослушными звуками:

— Хр-р-э!

— Хайрэ! — понял я наконец. — До свиданья, Дар!

Темный силуэт еще на какой-то миг задержался у входа, а затем гость исчез. Наверное, я ошибся, но показалось, что черная тень скользнула куда-то *вверх*, словно Дар взлетел к зубцам серых скал, венчающих гору.

Несколько мгновений я стоял, не решаясь сдвинуться с мес-

та, затем потер ладонью лицо, приходя в себя, и без сил опустился на камень.

— Его зовут Рох, — послышался голос Теи. — Дары — так он называет свое племя.

— Только не говори, что он твой дядюшка, — вздохнул я. — Все равно не поверю. И вообще у него два глаза, и он не ест людей.

— Я тоже подумала вначале, что это киклоп. Знаешь, ванакт, я так испугалась! Но ты такой смелый!

Кажется, она слегка преувеличивала. Струхнул я изрядно. Будь я в лесу, обязательно попытался бы взлететь на ближайшее же дерево, но в пещере убегать некуда. Это можно назвать и смелостью.

— А потом я вспомнила, что мне рассказывала бабушка...

— Про киклопов?

— Нет, про даров. Они жили здесь еще до людей. Бабушка говорила, что дары понимали древний язык. А древний язык я немного знаю...

— Ты — полезный спутник, Тея, — констатировал я. — Благодаря тебе у нас был ужин, а сами мы ужином не стали. Хочешь, я выдам тебя замуж за басилея?

Увы, шуток она не понимала. Какой-то миг Тея размышляла, затем решительно качнула рыжей головой:

— Для меня это не подходит, ванакт. Извини, что отвергаю твою награду...

«Неблагодарная!» — хотел возопить я, но успел ухватить себя за язык.

— Ну, тебе виднее. Так что сказал тебе Дар, то есть Рох?

— Он был рад гостям и предложил нам побыть здесь еще несколько дней, обещал принести еду. Но я сказала, что нам надо идти... И он не ест людей, ванакт.

— Он ест лепешки, — кивнул я. — Это мне нравится больше. Ну, Тея, где же твои киклопы?

— Рох сказал, что киклопы ушли куда-то на север, — невозмутимо сообщила девушка. — Нам повезло.

— Еще бы! — охотно согласился я. — Иначе мы бы лепешкой не отделались. А как насчет дриад?

Мы вышли с рассветом. Тропа тянулась вдоль скального венца. Приходилось идти осторожно, чтобы не сорваться вниз. Несколько раз я порывался спросить, куда же мы все-таки идем, но каждый раз вспоминал о клятве. Все-таки странные существа

люди! Единый прав, запретив клясться. К чему это, если любое слово так легко нарушить или просто обойти?

Наконец тропа привела нас к узкой промоине, по которой мы вскарабкались наверх. Перед нами оказалось неровное каменистое плато, поросшее редкой травой. Тея оглянулась и уверенно указала куда-то влево. Я понял, что придется спускаться.

Так и вышло. Мы пересекли плато и очутились у спуска, к счастью, не очень крутого. Девушка уже собралась идти дальше, но я остановил ее.

— Кажется, мы почти пришли. Я прав?

Девушка помолчала, затем неохотно кивнула.

— Прекрасно. А теперь расскажи подробнее, что там впереди. Не люблю неожиданностей у самой цели.

Было видно, что она колеблется. Клятва все еще сдерживала ее.

— Ты прав, ванакт, — наконец вздохнула девушка. — Все равно отсюда ты сможешь добраться без меня, так что я не нарушу слова. Тропа ведет до перекрестка, где лежит камень, на котором выбита подкова. У перекрестка начинаются две тропинки. Направо — тот путь, которым мы не пошли, а нам надо налево. Тропа будет подниматься, но не очень круто. Слева и справа ты увидишь огромные скалы...

Последние слова мне не понравились, сразу запахло засадой.

— А дальше небольшая площадка и вход...

— Пещера? — понял я. — И что там?

— Это не пещера, ванакт. Вернее, не совсем пещера... Там святилище.

— Чье? Старых?

— Ванакт! — растерялась девушка. — Я и так сказала слишком много...

Я постарался успокоиться. Она боялась слов — что ж, придется увидеть все глазами.

— Пошли, — я кивнул на тропинку. — Я первый. И вот что, Тея, доставай лук. Если в нас выстрелят — бей сразу...

Вскоре я уже жалел, что оставил девушку за спиной. Что я знал о ней? Внучка и дочь колдуний, верящая во всякую нежить, умеющая разговаривать на языке, понятном волосатым чудищам... Я проник в ее тайну, заставил вести себя в какое-то неведомое святилище. А что, если она сейчас достанет стрелу?..

Я ощутил лопатками холод, даже кольчуга не вселяла бодрости — из такого лука можно пробить панцирь. В этот миг мне

было куда страшнее, чем при встрече с клыкастым Рохом из племени даров.

Впрочем, спустились мы благополучно и быстро. Камень я заметил сразу — огромный, потрескавшийся, окруженный кустарником и высокой травой. Подкова была выбита на самом верху. Точнее, рисунок лишь походил на подкову — он был слишком велик и чем-то напоминал разрубленный пополам солнечный знак, который я видел в земле Та-Кемт.

— Налево, — подсказала девушка, но я не спешил. Место мне чем-то не понравилось. Тропа, ведущая наверх, была плохо видна, ее заслоняли кустарник и высокие камни скалы, о которых я уже слышал. Такой дорогой идти опасно. В ушах раздался легкий звон, словно вокруг закружилось невидимое комарье. Опыт, чутье — все предупреждало об опасности.

— Я могу пойти сама, ванакт, — предложила Тея. — Позову этого человека...

Это не стоило даже обсуждать. Даже если она искренна, там, наверху, ей не будут рады. Хорошо, если нас еще не заметили...

— Это единственный путь? — я кивнул на тропу.

— Не знаю... — немного растерялась Тея. — Кажется, можно подняться с другой стороны...

— Кажется?..

Я ругал себя последними словами — и было за что. Вместо избушки или земляной норы передо мной был вырубленный в скале храм, похожий на виденные в Сирии и Ассуре. Там наверняка несколько помещений и, конечно же, охрана. Соваться туда через главный вход — мягко говоря, глупость. И я невольно пожалел, что не тряхнул Тею за шиворот, дабы узнать все заранее.

Бросив еще раз взгляд на уходившую вверх тропу, которая нравилась мне все меньше, я заметил на противоположном склоне подходящий валун и указал на него девушке. Она молча кивнула.

С валуном я не ошибся — камень скрыл нас, зато позволил наблюдать за тропинкой. Тут я и решил подождать — к подземным демонам спешить не следовало. У нас еще оставалась половина лепешки и немного вина, что позволило слегка перекусить. Затем, расположившись поудобнее, я принялся за расспросы.

Девушка отвечала неохотно, но кое-что уже начало вырисовываться. Итак, скальный храм: три этажа, на каждом — несколько помещений, смотровые окна, несколько световых колод-

цев, в самой середине — большой зал. По поводу охраны Тея не сообщила ничего связного, но стало ясно — незаметно не подойти.

— И кому все это принадлежит? — поинтересовался наконец я, кивая в сторону тропы.

— Богу... богам, — удивилась девушка, но уточнять не стала.

— Когда мы шли сюда, ты надеялась, что я попаду прямо к твоим дружкам?

— Но ты же ванакт! — еще более удивилась она. — Ты можешь входить в любой храм. Тебе никто не может причинить зла!

Странно, она в это действительно верила. Я хмыкнул и принялся расспрашивать дальше. Теперь меня интересовал боковой вход.

Девушка долго вспоминала (в последний раз она ходила тем путем много лет назад) и наконец заявила, что сможет найти путь. Я вновь принялся размышлять, прикидывая, не заведут ли меня прямиком в западню. Конечно, Тея вполне могла прикончить меня дорогой, но я вспомнил: личность ванакта неприкосновенна. Что ж, девушка не тронет меня даже пальцем, просто отведет к тем, у кого меньше предрассудков...

— Ванакт! — тихий шепот прервал мои мысли.

На тропе показались два всадника. Они ехали как раз тем путем, которым мы не пошли. Одного я разглядел — воин в полной выкладке, в панцире и с двумя длинными дротиками. Второй всадник кутался в длинный темный фарос и, кажется, не особо уверенно держался в седле. Возле камня оба спешились и, ведя коней в поводу, направились наверх.

Конница никогда не охраняла храмы, и я решил, что Мантос не очень внимательно следит, чем занимаются его воины. Итак, спешить не стоит. Похоже, в храме намечается большой сбор.

Пару часов ничего не происходило, я уже начал скучать, когда на тропе показались еще четверо. Первый — невысокий, сутулый — шел впереди, еще двое — дюжие парни в неопрятных набедренных повязках — несли здоровенную жердь, на которой висел четвертый — мальчик лет шести, связанный по рукам и ногам. Вся эта компания остановилась у развилки, постояла несколько мгновений, а затем уверенно направились к храму.

— Похоже, твои знакомые — людоеды, — заметил я, кивая на гостей. Тею передернуло, но отвечать она не стала. Было заметно, что девушке не по себе.

Прошло еще несколько часов, но никто больше не появил-

ся. Солнце начало склоняться к горизонту, и я прикинул, что пора рискнуть.

— Сейчас мы пойдем к боковому входу. Там можно пройти незаметно?

Тея подумала и кивнула.

— Вход охраняется?

— Наверное, нет. Он очень старый, о нем мало кто знает.

— Ладно, — решился я. — Пойдешь впереди. Не хотелось тебе говорить, но знай: случись что — умрешь первой.

Она отреагировала удивительно спокойно:

— Я не предам, ванакт. Но тебе нечего опасаться... — В последнее я не поверил, но спорить не стал. Тея осторожно выглянула из-за камня и быстро скользнула за ближайшее дерево.

МЕМ

«ПОДНИМАТЬСЯ ВВЕРХ»

Подниматься вверх сквозь заросли кустарника оказалось делом малоприятным. Я сразу исцарапал руки, а какая-то нахальная ветка больно хлестнула по лицу. К тому же приходилось спешить, чтобы не отстать от девушки, — Тея двигалась легко, неслышно, словно маленький хищный зверек в родном лесу. Я успел два раза оступиться, ударить ногу и трижды помянуть Иштар и все козни ее, прежде чем перед нами показалась высокая серая скала. Мы вышли к вершине.

Тея оказалась права — здесь давно никто не ходил. Вдоль скалы рос колючий кустарник, тропа — если она и была когда-то — полностью скрылась под густой травой. Похоже, девушка несколько растерялась, но затем, подумав, уверенно направилась к невысокому развесистому дереву, росшему у самой скалы. Осмотревшись, она обернулась и кивнула мне.

Дерево скрывало глубокую темную нишу, откуда несло стылой сыростью. В одной из стен чернел неровный четырехугольник.

— Это здесь, — Тея осторожно коснулась рукой скалы. — Но тогда тут такого не было...

Я понял — проход был наполовину заложен крупными каменными блоками, только верхняя часть оставалась открытой. То ли камня не хватило, то ли преграду успели частично разобрать. Отверстие находилось на уровне груди, но я решил не обдирать бока. Блоки стояли неровно, косо, к тому же без всякого

раствора. Я взялся поудобнее за верхний камень и без труда сбросил его на землю. Вскоре проход был свободен.

Из глубины не доносилось ни звука. Это меня вполне устраивало, но куда меньше нравилась темнота. Ничего похожего на факел мы с собой не захватили, кроме того, человек с факелом — великолепная мишень. Я присел у входа и принялся размышлять.

— Отсюда путь ведет в старое святилище и главный зал, — подсказала Тея. — Мы можем пройти незаметно.

— А где тот, к кому мы идем? — поинтересовался я. — Тот, кто приходил к тебе в гости?

— Мы... мы можем встретить его в главном зале, — неохотно сообщила девушка. — Он живет рядом.

— И не сыро ему, — произнес я не без злорадства. — А кстати, кто он?

Очевидно, девушка поняла, что отмалчиваться поздно. Она покачала головой и вздохнула:

— Я клятвопреступница, ванакт... Его зовут Соклей, он хранитель этого места...

— Жрец?

— Нет, просто хранитель. Это старый храм, здесь редко приносят жертвы.

— Старый храм... — хмыкнул я. — Значит, здесь поклоняются Старым? Вашим древним богам?

Девушка решительно помотала головой:

— Нет, ванакт! Я же говорила — Старым никто не поклоняется! Я ни разу не слыхала об их храмах. Это храм...

Она осеклась и замолчала. Я не стал торопить — куда больше меня волновала темнота. Когда я поделился своими сомнениями, девушка удивилась:

— Идти очень просто, ванакт! Дальше будут световые колодцы, кроме того, я вижу в темноте.

Я покосился на девушку, но промолчал. Все-таки, как ни крути, а она ведьма. Рыжая ведьма...

Тьма охватила нас мгновенно, словно мы попали в бездонный черный омут. Приходилось двигаться на ощупь, осторожно ставя ноги, чтобы не споткнуться о не вовремя оказавшийся на дороге камень. Впрочем, проход был ровным, и я быстро освоился. Тея шла впереди, держа меня за руку. В другое время я проявил бы мужскую гордость, но теперь это меня вполне устраивало. Темноты я не боялся, но Тея вполне могла оставить меня од-

ного, скользнув куда-нибудь в боковой проход. Несколько раз мы останавливались, но все было спокойно и тихо.

Минут через пять Тея вновь замерла, прислушалась, а затем ее волосы скользнули по моей щеке.

— Сейчас будет лестница, ванакт. За нею — святилище.

Через несколько шагов нога наткнулась на высокую ступеньку. Я поглядел вперед и различил серый четырехугольник — откуда-то сверху лился неяркий сумеречный свет. Сразу же почувствовав себя бодрее, я поднялся по ступенькам и оказался в слабо освещенном коридоре. Свет шел из глубины, проникая через видневшуюся вдалеке дверь.

Тея уже успела уйти вперед, и я поспешил следом. Вокруг по-прежнему стояла мертвая тишина, слышно было, как скрипит пыль под сандалиями. Тея ступала тихо, ее босые ноги оставляли маленькие четкие следы, и вновь почудилось, что я иду по звериной тропе.

Возле двери в конце коридора девушка остановилась. Здесь было значительно светлее, и я сразу насторожился. Тея хотела войти первой, но я отстранил ее и осторожно заглянул за порог.

Первое, что я увидел, была полоска света, падающая откуда-то сверху, где находилось маленькое неровное окошко. Святилище оказалось небольшим круглым помещением, совершенно пустым, если не считать странной формы камня, стоявшего у противоположной стены. Приглядевшись, я заметил, что поверхность стен обработана — по камню разбросаны грубо выполненные фигурки неведомых зверей, которых преследовали человечки с луками. От рисунков веяло стариной, что-то похожее я видел в Мари, в горных пещерах, где жило странное племя Иуй, умевшее разговаривать со звездами.

Я шагнул за порог, на всякий случай держа руку на рукоятке секиры, но оружие не понадобилось. Слой пыли на полу был ровен и толст. Сюда никто не входил — по крайней мере многие недели. Правда, следы все же были — неровные полоски, похожие на отпечаток длинной веревки.

Вторая дверь находилась слева. На этот раз она была настоящей, сделанной из крепкого дерева и подвешенной на бронзовых петлях. Ни замка, ни задвижки я не заметил.

Тея между тем направилась прямо к странному камню и замерла, прикрыв глаза и опустив руки. Я хотел окликнуть девушку, но понял — она молится. Не желая мешать, я принялся разглядывать фигурки на стенах. Не без труда я смог опознать диких быков, оленей с огромными рогами и нечто клыкастое,

похожее на зверя Абу, виденного мною в Та-Кемт. Итак, неведомый художник в меру своих сил пытался изобразить охоту. Оставалось узнать, что означает камень.

Я обернулся к Тее и вдруг почувствовал, как язык прилипает к нёбу, а по спине бегут мурашки. Девушка по-прежнему стояла у камня, но теперь она была не одна — две огромные черные змеи медленно подползали к Тее, оставляя в пыли знакомый неровный отпечаток. Выходит, веревки оказались ни при чем!

Я хотел крикнуть, но испугался — девушка может дернуться, и тогда эти твари кинутся на нее. Вдохнув побольше воздуха, я сжал в руке «черную бронзу» и осторожно шагнул вперед, но опоздал: одна из змей уже подползла к рыжей ведьме. Треугольная голова с серым узором коснулась босой ноги...

Я охнул, но случилось нечто совершенно неожиданное. Тея открыла глаза, оглянулась и, быстро наклонившись, погладила черную тварь. Вторая змея поспешила подползти поближе. Тея погладила и ее, а затем повернулась ко мне.

— Голодные... Жаль, мы не взяли с собой молока!

— А-а-а они, ну, это... — выдавил из себя я. — Не кусаются?

— Это священные змеи, ванакт, — спокойно пояснила девушка. — Они не ядовитые. В детстве я играла с такими...

— Счастливое у тебя было детство! — вздохнул я, не решаясь подойти ближе. Змеи, успев соскучиться в пустом святилище, тыкались в ладони Теи, длинные хвосты извивались в пыли, словно танцуя от радости.

— Надо сказать Соклею, — заметила девушка, — их нельзя обижать.

— И кто тут есть еще? — прокашлявшись, поинтересовался я. — Львы, леопарды, носороги?

— Здесь жил когда-то большой черный пес. Он был уже старый...

— Сторожевой? — Я представил, как из-за поворота беззвучно появляется пара ассурских волкодавов.

— Нет. Он был очень добрый.

— Священный, значит? — немного осмелел я.

— Да... И он, и змеи — спутники Реи.

Имя показалось знакомым. Рея — Мать богов, Мать Великого Дия!

— Так это храм Реи?

Девушка кивнула:

— Это ее святилище. Рядом — святилище Дия. Соклей его хранитель.

Становилось все непонятнее. Хранитель храма Дия организует тайное жертвоприношение Старым?

— Тея, почему Соклей приносит человеческие жертвы? Разве Дий и Рея нуждаются в них?

Вопрос казался лишним — Эриф мне обстоятельно объяснил, что Отец богов не требует человеческой крови. Долг его слуг — бороться с ритуальными убийствами, столь любимыми почитателями Старых. Но для Теи все обстояло не так просто.

— Не знаю, ванакт. Боги могут требовать *любых* жертв.

— И твои наяды с дриадами — тоже?

Кажется, Тея окончательно растерялась:

— Нет! Нет, конечно! Тот, кто живет в лесах и реках, не требует человеческой крови. Им нужны цветы, плоды... Если просишь чего-то важного, можно пожертвовать козленка... Кровавых жертв могут требовать сильные боги — те, которых почитают в городах. В этом святилище не убивали людей.

— Это было раньше, Тея. Помнишь того мальчишку? Зачем его притащили сюда?

Девушка явно не знала, что ответить.

— Может... Может, Соклей действительно почитает Старых? Может, он лишь притворяется слугой Дия?

— Возможно, — согласился я. — Ну, куда теперь?

— Там коридор и еще одно святилище, — Тея кивнула в сторону двери. — От него ведут два пути, один — в главный зал, второй — в небольшую комнату возле него.

Я подошел к двери и попытался открыть тяжелую створку. Это удалось не без труда. Девушка не ошиблась: я увидел коридор, за ним — еще одну лестницу. Издалека доносился неясный шум.

— Там кто-то есть, — сообщил я, закрывая дверь. — Здесь как, спят по ночам? Может, стоит подождать?

— Соклей ложится рано, — согласилась Тея, — он уже стар.

— А его гости?

— Они уйдут. Никто не может оставаться в святилище на ночь, кроме хранителя.

— А как же мы? — не удержался я. Тея, кажется, вновь приняла мои слова излишне серьезно.

— Я принимала посвящение. Правда, это было в детстве, очень давно... Но ты, ванакт, ты можешь бывать повсюду!

Юная ведьма была явно слишком высокого мнения о моей персоне. Рисковать я не люблю, риск наемнику просто ни к чему, и соваться в темную нору совершенно не хотелось. Разум-

нее всего было подождать до глубокий ночи, пока вся шайка заснет или разбежится, затем прижать Соклея и вытрясти из него правду.

— Ванакт, — рука девушки коснулась моего плеча.

Я обернулся.

— Если Соклей приносит жертвы Старым, то мальчишку убьют на закате.

Я кивнул, думая о другом. Меня очень интересовал тот, кто приехал в сопровождении конного воина...

— Если мы будем ждать ночи, мальчик умрет! Мы должны помешать им!

Я чуть было не брякнул: «А с какой стати?» — но вовремя спохватился. Да, мальчишку убьют, и это позволит поймать шайку на горячем, иначе Соклей и прочие могут отвертеться.

— Мы должны им помешать! — настойчиво повторила Тея. — Ты же ванакт, богоравный Клеотер!

— Назовешь еще раз богоравным, надеру уши, — буркнул я, понимая, что девушка права. Я не лазутчик, посланный выследить врага. Будь я лазутчиком, можно было бы ждать ночи и брать убийц вместе с уликами. Но ванакт не может допустить безвинного убийства... Во всяком случае, так считала Тея.

— Это, наверное, какой-нибудь раб, — я пожал плечами, понимая, что не смогу ее убедить. — Он все равно умер бы — не сегодня, так через год

— Боги не велят убивать невинных.

Я покачал головой — трудно судить о воле богов. Да есть ли им дело до нас, копошащихся в крысиной норе?

— Тея, ты никогда не видела, как берут города? Знаешь, что бывает, когда таран разбивает ворота и защитники бросают оружие?

Она удивленно помотала головой:

— Нет... На нашей земле, хвала Дию, много лет не было войны!

— Ваше счастье. Те, что живут в городе, ни в чем не виновны, но им приходится хуже всего. Мужчин обычно убивают сразу, если, конечно, воинам нет охоты покуражиться. Затем они принимаются за женщин...

— Ванакт! — Тея отшатнулась. — Зачем ты говоришь об этом?

— Для того чтобы намекнуть, сколько стоит жизнь невинного. Таких мальчишек, как этот, обычно даже не связывают. Их собирают в загоны, как овец. При войске есть обученные псы, и

они гонят мальчишек, как стадо. Выживают лишь самые крепкие, таких ведут на рынок. Кстати, очень многих оскопляют — евнухи сейчас в цене. Знаешь, как это делается?

Я заставил себя замолчать. На воспоминания потянуло явно не вовремя.

— Извини, Тея. Просто я злюсь. Не хочу рисковать из-за какого-то малолетнего козопаса.

— Но... они тебе ничего не сделают! — убежденно заявила девушка. — Ты же смелый и сильный... Ты — ванакт!

Я хотел огрызнуться, но понял — она меня не поймет. Нет, надо было брать с собой Афикла! Того уж точно хранят боги!

— Хорошо. Я пойду первым. Как у тебя со слухом?

— Что? — поразилась она. — Я... я хорошо слышу!

— Тогда слушай внимательно и не пропусти ни одного моего приказа. Нож есть?

Тея извлекла из-за пояса нечто подходящее лишь для разделки мелкой рыбешки. Я покачал головой и вручил ей кинжал.

— Готова?

— Да, ванакт... — Тея замялась, а затем все-таки решилась. — Когда ты был воином и вы брали города, ты тоже...

— Грабил? — понял я ее. — Я воин-наемник, это моя работа. Когда врываешься в горящий город, который долго не сдавался, когда у тебя убили друга или прострелили тебе плечо...

— И ты насиловал женщин? Убивал детей?

Я представил себе, что встречаю Тею где-нибудь в Ларсе или Уре, когда мы праздновали победу... Да, юной ведьме повезло, что в Микасе давно не воевали!

— Ты еще маленькая, — я слегка дернул ее за рыжую прядь. — От страшных сказок дети плачут... Ладно, пора.

Мы прошли коридором, поднялись по ступенькам и попали в большое полутемное помещение, где не оказалось даже камня. Отсюда шум слышался явственнее, можно было различить отдельные голоса. Говорили трое или четверо. Ну, это еще куда ни шло.

Я кивнул в сторону прохода. Тея нахмурилась, вспоминая:

— Прямой путь в главный зал, — наконец прошептала она. — Можно пройти иначе.

Она указала на другой проход — более узкий и низкий. Я вспомнил — он вел в какое-то помещение рядом с главным святилищем.

— Пошли!

На этот раз коридор был совсем коротким. Он упирался в

тяжелую дубовую дверь, украшенную засовом, к счастью, с нашей стороны.

Осторожно приоткрыв дверь, я вновь услышал голоса. Теперь они доносились совершенно отчетливо. Передо мной была маленькая комнатка, совершенно пустая. В стене напротив находился проем, завешенный темной тканью, рядом имелось круглое окошко, откуда падал неровный, колеблющийся свет.

Стараясь ступать как можно тише, я подошел поближе и понял — горели факелы. Первый же взгляд, брошенный украдкой, подтвердил — Тея не ошиблась, мы вышли к главному залу.

Святилище оказалось не особо крупным — куда меньше, чем в храмах Микасы. Высокие своды уходили вверх, откуда сочился неяркий вечерний свет. По стенам горели смолистые факелы, совсем близко от окошка стояла большая жаровня, в которой тлели малиновые угли. Чуть дальше находился алтарь.

— Это комната жреца, — пояснила девушка, неслышно подходя ко мне и пристраиваясь рядом.

Возле алтаря стояли двое — тот, кто приехал вместе с воином, и сгорбленный старик в богатом, шитом серебром фаросе. Чуть дальше вдоль стены расположилось полдюжины крепких парней явно разбойничьего вида. Вооружены они были неплохо: копья, дубины, даже мечи. Связанный мальчишка лежал справа от алтаря, на него пока не обращали внимания.

— Соклей! — шепнула девушка, указывая на старика в богатом плаще. — Он...

Я закрыл ее рот ладонью, еле удержавшись, чтобы не дать подзатыльник. Соклей меня не очень интересовал. Зато тот, второй...

Он тоже был одет богато. На пальцах сверкали кольца, тяжелая золотая цепь оттягивала шею, запястья украшали витые браслеты. Человек стоял спиной, но голос его сразу же показался мне знакомым.

Я прислушался.

— ...Ни к чему, ни к чему, почтеннейший Соклей! Ты поторопился, и я молю Дия, чтобы это не кончилось плохо. И прежде всего — для тебя. Как можно было оставлять ее в живых?

Я невольно покосился на Тею. Не о ней ли речь?

— Тот, кто служит Дию, должен быть верен до конца. Она, по-моему, не посвящена?

Да, этот голос я уже слышал. Не так давно, причем именно в славном городе Микасе...

— Почему трезенский басилей прислал стражников? Что им удалось найти, ты знаешь?

— Но, благородный Рексенор...

Ах, вот оно что! Странно, что я не вспомнил раньше. Благородного Рексенора мне приходилось встречать неоднократно. Жрец Дия, Отца богов, правая рука Эрифа!

Эрифа?! Ой, как интересно!

— ...Она будет молчать! Она дала клятву!

— Игла под ногтем страшнее любой клятвы! Говорят, ванакт Клеотер слишком заинтересовался этим делом.

— Но... он и должен!..

— Я сказал «слишком»! Еще рано! Куда вы все спешите?

Итак, благородный Рексенор считал, что почтеннейший Соклей, зарезав свои жертвы у Козьих Выпасов, должен был заодно прикончить и юную ведьму. А вот все прочее оставалось загадкой. Слишком рано — для чего?

— Поглядим, что скажут нам боги, благородный Рексенор.

— Посмотрим, почтеннейший Соклей. Все готово?

Очевидно, у Соклея все было приготовлено. Он махнул рукой, и двое разбойников подняли с пола мальчишку. Тот был без сознания. Повинуясь знаку жреца, они поднесли беднягу к алтарю и начали развязывать веревки.

Тея пыталась что-то сказать, но я вновь зажал ей рот.

Пора! Соклея и его благородного собеседника в расчет можно было не брать, а вот с парнями придется повозиться. Если, конечно, дойдет до драки.

Я откинул полог и шагнул в зал. В первый момент на меня не обратили внимания, но вот один из разбойников испуганно дернулся, с глухим стуком упало чье-то копье...

— Дий... — пронесся неясный шепот, — Великий Дий!

Парни начали осторожно отодвигаться к выходу, но тут послышался голос Рексенора:

— Стойте! Слепцы! Не можете отличить бога от человека?

— От ванакта, — поправил я. — Радуйся, благородный жрец! Не ожидал встретить здесь слугу Отца богов!

— Ванакт! — проскрипел голос Соклея. Старик изрядно перепугался. Разбойники, окончательно очумев, сбились в кучу, побросав копья и дубины.

— Радуйся, ванакт! — наконец выговорил Рексенор. — Что делаешь ты в священных стенах, куда допускаются лишь посвященные?

— Ищу убийц, жрец. Здесь, кажется, собрались убивать?

Не знаю, что собирался ответить он, но тут послышался голос Соклея:

— Тея! Это она! Она предала нас!

Костлявая рука указывала куда-то рядом со мной. Я мельком оглянулся — девушка стояла бледная, с закушенными губами.

— Она будет проклята! — Рексенор скривился и повернулся ко мне: — Мы поговорим с тобой, ванакт. Но после — сейчас пора заняться делом.

Он кивнул парням, и те начали нерешительно подступать к мальчишке, который, как я заметил, уже успел прийти в себя.

— Жертвоприношения Старым запрещены, жрец, — напомнил я.

Ответом была холодная улыбка:

— Никто и не думает поить кровью обитателей Тартара. Мы служим Дию, и только ему!

Рука с золотыми перстнями указала куда-то влево. Там темнел жуткий идол. На почерневшем от времени дереве странно смотрелась золотая маска.

— Дий не требует человеческой крови, — заметил я, внимательно наблюдая за разбойниками. Те приходили в себя подозрительно быстро. Кто-то, искоса поглядывая на меня, уже подбирал брошенное оружие.

— Так и должны думать непосвященные, ванакт, — презрительно бросил Рексенор. — Мы же делаем то, что велит Отец богов. Сегодняшняя жертва очень важна.

Между тем жертва оказалась куда сообразительнее, чем думали убийцы. Бросив осторожный взгляд на говорливого жреца, мальчишка вскочил и стремглав бросился к выходу. Чья-то лапища протянулась к нему, но беглец проявил немалое проворство и через мгновение был за порогом.

— Стойте! — жрец поднял руку, останавливая разбойников. — Сегодня у нас будет лучшая жертва. Сам Дий прислал ее нам!

Палец Рексенора указывал на Тею. Послышалось одобрительное ворчание — Соклей, сжимая в руке кривой нож, начал подступать к юной ведьме.

— Она предала бога, ванакт, — продолжал жрец. — Так пусть ее кровь умилостивит Дия, Отца богов!

Я поглядел на девушку. Она побелела, руки бессильно повисли, в глазах плавал ужас. Наверное, она уже видела себя на алтаре.

— Тея, — прошептал я, — очнись!

Она вздрогнула, глаза вновь стали осмысленными — кажется, ей расхотелось умирать. Я повернулся в Рексенору.

— Жертв больше не будет, жрец. А ты пойдешь со мной, чтобы ответить на суде. Повинуйся!

Какой-то миг он колебался, но затем по лицу вновь скользнула мрачная усмешка:

— Я твой подданный, ванакт, но я — слуга Дия. Дий выше царя.

Я вздохнул и положил руку на плечо, где ждала своего часа «черная бронза».

— Эй, вы! Это говорю вам я, Клеотер Микенский! Бросайте оружие и вон отсюда!.. Выполнять!

Ору я громко. Разбойники дрогнули, кто-то вновь уронил копье. Двое или трое наиболее осторожных скользнули к выходу. Однако ни Рексенор, ни Соклей не сдвинулись с места.

— Ты можешь приказывать людям, ванакт, — высокомерно бросил жрец, — но здесь хозяин — Дий! Он сам возьмет то, что принадлежит ему по праву!

При этом он вновь усмехнулся, и я понял, — все только начинается. Соклей между тем продолжал подбираться к Тее, держа в руке нож.

— Сделает еще шаг — убей, — шепнул я девушке. Та помедлила, затем кивнула. Между тем Рексенор начал осторожно отходить в сторону. Сразу же подумав о лучниках, я бросил взгляд наверх, где заметил несколько весьма подозрительных окошек.

Внезапно послышался странный звук, похожий на громкий скрип. Отчаянно закричала Тея...

Я оглянулся, ничего не понимая. Девушка держала в руке кинжал, Соклей стоял в шаге от нее, но оба они смотрели куда-то в сторону. Странный звук стал сильнее, что-то тяжелое ударило в пол, и тут девушка указала рукой куда-то влево. Я поглядел туда — и застыл. Скрипело дерево — огромный идол *двигался*.

...Я привык верить своим глазам. Иначе не получается — в бою не остается времени для сомнений. Итак, приходилось верить — деревянные ноги неуклюже переступали, медленно поднимались непропорционально длинные руки. Золотая маска оставалась неподвижной, но я заметил растянутые в улыбке губы. Дий смеялся.

Парней, и без того напуганных, как ветром сдуло. Это немного успокоило — меньше врагов под боком. Но деревянное

страшилище продолжало неторопливо приближаться, и с этим поделать я ничего не мог.

Великий Дий шел за своей добычей.

Тея прижалась спиной к стене, рот открылся в беззвучном крике. Соклей был уже рядом, и нож в его руке мне чрезвычайно не нравился. Рексенор оставался на месте, глаза его сверкали торжеством, руки тянулись вверх в священном жесте адорации. Он вызвал своего бога и теперь ждал его победы.

Опомнился я быстро — сказалась привычка к неожиданностям. Боги Микасы явили свою силу, дабы поставить на место зарвавшегося самозванца. Сейчас Великий Дий протянет свои деревянные руки, Тею убьют, и ничего поделать уже нельзя. Даже если я рубану секирой по почерневшему от времени дереву...

Мгновения стали длинными, словно время замедлило свой ход. Такое бывает в момент самой жаркой схватки — неторопливо взлетает копье, застывает гримаса на бородатой роже, стрела повисает в воздухе... Я научился пользоваться этим — пару раз такие долгие мгновения спасали жизнь.

Страх прошел. Я вспомнил далекий день, такой же теплый, весенний. Над Тиром стоял неумолкаемый гул тысяч голосов.

Праздник Баала...

НУН

«МЕДНЫЙ ИСТУКАН»

...Медный истукан неторопливо двигался по запруженному толпой двору громадного храма. Люди орали, вопили, царапали лица. Я, не в силах вымолвить ни слова, стоял у стены, побелев от ужаса. Это был единственный день, когда с нас снимали цепи и отводили в храм, дабы мы узрели силу Баала. Казалось, мои хозяева всемогущи — их бог из тяжелой меди мог сокрушить любого бунтаря. Внезапно я услыхал негромкий смех — старый хабирру, единственный, кто был добр ко мне, стоял рядом, качая головой:

— Не бойся, Лико! Не бойся. Их боги — только медь, камень и дерево. Руками созданное — руками и рушится!

Я любил старика и верил ему. Но сейчас, когда Баал гремел медными ножищами о каменные плиты...

— Смотри на того жреца! — хабирру указал на высокого тощего старика, стоявшего чуть в стороне с поднятыми к небу руками. — Он двигает Баала! Он — а не боги.

— Как? — поразился я, не видя ни веревок, ни колес, ни воротов — всего того, чем можно сдвинуть медную громаду с места.

Хабирру усмехнулся:

— Секрет стоит много золота, Лико! Ни к чему знать его — нам ведомо главное. Они считают без хозяина... Помнишь финикийские буквы?

— Да... — совсем растерялся я.

— Запомни — буква «зайн». Я делаю это для тебя, Лико, чтобы ты понял — идолы бессильны. Ну, начинай...

— Алеф, бет, гимель, — ничего не понимая, зашептал я. Хабирру выпрямился и медленно протянул руку в сторону жреца.

— Далет, хе...

Губы старика сжались и еле заметно шевельнулись.

— Зайн...

Рука хабирру дрогнула. В тот же миг тощий жрец согнулся, словно от удара. Я не успел даже удивиться — по толпе прошел растерянный гул, медный истукан застыл, еще мгновение — и двор содрогнулся от грохота. Медный Баал лежал на каменных плитах, неподвижный, мертвый, рассеченный глубокими трещинами.

— Вот так, Лико! — Худая ладонь легла мне на голову. — Никогда не бойся идолов!

До сих пор не знаю, что сделал тогда старый хабирру. Позже я слыхал, что некоторые колдуны умеют наносить удары на расстоянии. Впрочем, это и не важно. Их боги — только медь, камень и дерево. Тогда Баал двигался благодаря тощему жрецу. Сейчас же...

Истукан уже нависал над Теей. Деревянные руки со скрипом и скрежетом тянулись к безмолвной от ужаса девушке. Я заметил довольную ухмылку Соклея. Нет, этот ни при чем, он — лишь зритель.

Значит — Рексенор.

Доставать секиру не было времени, и я ударил жреца рукой, точно в «очаг солнца» на животе. Обычно второго удара не требуется — тело обвисло и начало медленно заваливаться на бок. В тот же миг я был уже около Теи. Ее рука показалась холодной, как у мертвеца. Я оттащил ее в сторону — и вовремя. Они упали одновременно — потерявший сознание жрец и занесший ногу для последнего шага идол. Эхо прокатилось по залу. Деревянная рука разломилась пополам, обломки долго катились по каменному полу...

Засмотревшись на бессильного истукана, я упустил из виду Соклея. И напрасно — рука старого негодяя дернулась. Я успел

оттолкнуть Тею в сторону, но опоздал — нож, нацеленный прямо в сердце, вонзился ей в плечо. Тея застонала и начала сползать на пол, судорожно цепляясь здоровой рукой за каменную стену.

Соклей отпрыгнул назад, пытаясь развернуться, но я не дал ему бежать. Короткий захват, рывок — и голова мерзавца бессильно повисла. Я бросил труп рядом с поверженным идолом и оглянулся. Тея сидела на полу, пытаясь зажать рану рукой, с Дием и Соклеем вопрос был решен, но вот Рексенор, кажется, приходил в себя.

— Ты решил спорить с богами, ванакт? — Его голос был хриплым, полным ненависти и боли. — Напрасно...

С запоздалым сожалением я понял, что Рексенора убивать нельзя. Он мне нужен живым, чтобы как следует разобраться в этой кровавой истории. Я решил вновь двинуть его как следует, а затем заняться Теей, как вдруг откуда-то сверху послышались быстрые шаги. Их было много — кто-то спешил к нам с верхней галереи.

— Ты не испугался дерева, ванакт, — Рексенор, кряхтя, встал, массируя живот. — Посмотрим, боишься ли ты бронзы?

Мои соплеменники любят болтать. Жрец потратил несколько лишних мгновений на пустые слова, вместо того чтобы бежать. Напрасно — я схватил его за горло и оттащил к стене. Рексенор рванулся, но я только усилил захват.

— Дернешься — задушу. Понял?

Кажется, я сказал это на языке Баб-Или, но жрец догадался и без толмача. Между тем в зал уже вбегали те, кто спешил ему на подмогу. Рексенор не напрасно упомянул о бронзе — ее оказалось предостаточно. Панцири, шлемы, наконечники копий... Не жрецы, не разбойники — воины. Шестеро — в полном вооружении, включая надвинутые на глаза шлемы. Доспехи сразу же показались знакомыми. Хеттийцы! Давно не виделись!..

— Стоять на месте! — гаркнул я на языке Хаттусили. — Иначе придушу этого ублюдка!

Рексенор что-то захрипел, но я сжал пальцы, и жрец затих. Воины остановились в нерешительности. Копья опустились.

— Тея! — позвал я. — Двигаться можешь?

— Да, ванакт, — девушка сумела встать, окровавленный нож лежал на полу. Она держалась молодцом, но я знал: если не перевязать рану, юная ведьма истечет кровью.

— Уходим!

Я кивнул на проход, ведущий в знакомую нам комнату. Тея кивнула, но в то же мгновение стало ясно, что уходить некуда —

из дверного проема вышли еще два хеттийца. Итак, нас обложили — по всем правилам.

— Ванакт Клеотер! — послышался чей-то голос. — Отпусти жреца и положи оружие. Ты наш пленник.

Я лихорадочно обвел глазами зал. Их восемь, я — один. Тея не сможет бежать.

Значит — все?

— Отпусти жреца, — повторил голос. — Мы сможем договориться.

В это я точно не верил. Двигающийся идол — одно, а хеттийские воины в центре Ахиявы — совсем другое. Это называется государственной изменой.

— Ванакт! — услышал я шепот Теи. — Есть еще один путь.

— Веди! — кивнул я. — Иди первая.

Девушка, сдерживая стон, шагнула вперед. Копья угрожающе зашевелились.

— Назад! — крикнул я. — Иначе прикончу жреца. Прикажи им!

Я дал Рексенору хорошего пинка. Он застонал.

— Ну? Я не шучу!

— Пропустите их, — прохрипел жрец. — Не мешайте!

Я не ошибся — Рексенор не собирался умирать. Тея оглянулась и кивнула на один из дверных проемов. Она двигалась медленно, зажимая рукой рану. Я шел следом, волоча за собой жреца. Пару раз он пытался дернуться, но я быстро его успокаивал.

Коридор — на этот раз широкий, освещенный факелами. Мы шли куда-то вглубь, в самое сердце горы. Хеттийцы, держа копья наперевес, не отставали, но близко подойти не решались. Пару раз приходилось останавливаться — Тея двигалась из последних сил. Я подумал, что, если девушка упадет, придется отпустить Рексенора (не живым, понятно), но тут наше путешествие кончилось. Тея, подойдя к одному из темных проемов, остановилась:

— Туда, ванакт. Осторожно, ступени!

Внутри оказалось не так уж темно — серый сумрак позволял разглядеть низкое квадратное помещение, куда вела каменная лестница. Я толкнул своего пленника, и он, не удержавшись на ногах, с криком покатился по ступеням. Хеттийцы были уже рядом, но я успел сорвать со стены факел и выхватить секиру. Здесь, в узком проходе, численный перевес не имел особого значения.

— Назад!

Рука Теи тянула меня вниз. Ничего не понимая, я отступил на пару шагов. Девушка шарила рукой по стене. В дверь уже просунулось чье-то копье, но тут послышался негромкий скрежет. Толстая каменная плита опустилась вниз, отгородив нас от преследователей.

— Все... — прошептала Тея, опускаясь на ступеньки. — Снаружи не откроют.

— Дочь греха! — послышался откуда-то снизу голос Рексенора. — Ты похоронила нас!

— Заткнись! — велел я, осторожно поднимая девушку, но жрец не умолкал:

— Отсюда нет выхода! Плиту нельзя поднять — механизм давно сломан!

— Проход... — простонала Тея. — Там, в глубине.

— Он завален! — злобно выкрикнул жрец. — Десять лет назад, когда Посейдон сотряс землю!

— Ладно! — Я положил Тею на холодный пол и огляделся. Первое впечатление не обмануло: сырое подземелье, низкие своды, в глубине — темный провал туннеля. Где-то наверху находился световой колодец, но сейчас было темно — наступала ночь.

— Держи!

Я сунул факел жрецу и сорвал с него фарос. Расстелив плащ на полу, я осторожно положил Тею и занялся раной. К счастью, полупустой бурдюк все еще был в моем мешке. Промыв рану вином, я огляделся в поисках чего-нибудь подходящего для перевязки. Выбор был невелик. Я отобрал у жреца факел, сунул его в трещину в стене и дернул Рексенора за ворот хитона.

— Снимай!

Он пытался что-то возразить, но затрещина тут же уладила спор. Ткань оказалась вполне подходящей — мягкой и относительно чистой. Я перевязал Тею, наложив тугую повязку. Девушка тихо стонала и закрыла глаза.

Укрыв ее фаросом, снятым с Рексенора, я занялся самим жрецом. Остатки хитона пошли на то, чтобы скрутить ему руки и ноги. Рексенор не сопротивлялся, и в благодарность я оттащил его в относительно сухой угол.

Воспользовавшись тем, что факел догорел не до конца, я обследовал нашу тюрьму. Увы, жрец не ошибся. Тоннель оказался засыпанным доверху, и после первых же попыток разобрать завал я признал свое поражение. Оставалась дверь. Я поднялся по ступенькам и внимательно осмотрел огромную плиту. Рексенор не соврал и здесь: механизм, когда-то поднимавший ее, был не

только сломан, но и разобран. Я прикинул толщину плиты и покачал головой: мы были заперты не хуже, чем в гробнице земли Та-Кемт.

Снаружи еле слышно доносился стук. По плите колотили, но я понял, что надеяться — или опасаться — нечего.

— И что ты намерен делать, богоравный Клеотер? — мрачно поинтересовался жрец, пытаясь поудобнее пристроиться на твердых камнях. Отсутствие плаща и хитона делало эти попытки заранее тщетными.

— Спать, — буркнул я. — Прошлой ночью пришлось общаться с киклопами. И не вздумай будить — придушу!

Он, кажется, поверил и заткнулся. Я пристроился рядом с Теей, рассчитывая, что услышу, если она проснется. Но, похоже, вымотало меня здорово. Я провалился в черную яму, и вязкая тишина сомкнулась надо мной...

— ...вечно, вечно проклята! И кости твоих предков встанут, чтобы растоптать тебя и смешать твой прах с грязью!

Я понял, что не сплю. В нашем узилище стало заметно светлее, поверх моего плаща лежала хлена Теи, а сама девушка сидела рядом, прислонившись к стене. Рексенор скорчился в своем углу, его голые телеса отливали нездоровой синевой, но пыл явно не ослаб.

— Ты предала Дия, Отца богов! За это я лишаю тебя имени и проклинаю...

— Давно это он? — поинтересовался я, вставая.

По бледным губам Теи промелькнула улыбка:

— Он хотел, чтобы я развязала его и отобрала у тебя секиру.

— Разумно, — я хлебнул вина и, не слушая заклинаний Рексенора, занялся Теей. Рана выглядела прилично, но девушка потеряла много крови. Слишком много...

— Мне лучше, ванакт! — Тея вновь улыбнулась. — Нужно еще немного полежать...

Я не стал спорить, набросил ей на плечи хлену и решил заняться делом. За ночь плита, закрывающая вход, не сдвинулась с места — значит, добраться до нас враги не смогут. Правда, в этом была лишь половина успеха. Следовало подумать, как самим выйти из этой могилы.

Я осмотрел сырые неровные стены, вновь заглянул в тоннель и безнадежно вздохнул. Да, накрыло нас крепко.

— Нам не выбраться, ванакт, — злобно заметил жрец, следивший за мною из своего угла.

— Похоже, — я подошел к нему, держа в руках секиру. — Значит, можно заняться чем-нибудь другим, благородный Рексенор. Поговорим?

— Ты... ты не посмеешь тронуть меня, ванакт! — жрец покосился на «черную бронзу». — Я — слуга Дия...

Я покрутил секиру, разминая руки. Когда-то это получалось у меня достаточно ловко. Кажется, жрец оценил мое умение.

— Вот так, — констатировал я, когда он заткнулся. — Теперь слушай меня, Рексенор. Здесь прохладно. По-моему, ты уже догадался об этом.

Взгляд, которым он меня одарил, не оставлял сомнений, что я прав.

— Нам обоим надо размяться, жрец. Итак, сыграем в игру. Называется она «мясо на ребрышках по-хеттийски».

Я вновь крутанул секиру в воздухе, ловко поймал и легким взмахом отсек ему прядь волос.

— Правила такие, жрец. Я задаю вопросы. Правильный ответ — все в порядке. Неправильный — я начинаю тебя рубить. Сначала ухо, затем другое. Потом — еще что-нибудь. Затем пальцы на ногах...

— Ты!.. — он все еще не верил. Я хотел начать с левого уха, но вовремя вспомнил о девушке.

— Тея, отвернись, пожалуйста, и заткни уши. Это зрелище не для детей.

— А можно я посмотрю, ванакт? — Тея, оказывается, была не прочь подыграть. — Никогда не видела, как рубят на куски жреца Дия.

— Хорошо, — смилостивился я. — Но только недолго. После пальцев я перейду к тому, на что тебе смотреть еще рано.

— Ты... шут! — выдохнул Рексенор. — Сын шлюхи!

Клок волос снова упал на землю, на этот раз — с куском его скальпа. Тея испуганно вскрикнула, а я заставил себя успокоиться. Мерзавец нужен мне живым.

— Ответ неправильный, жрец. Ты будешь говорить?

Все-таки он был не трус. Другие на его месте сдавались сразу.

— Хорошо, — он поморщился от боли. — Но сначала перевяжешь меня.

— Еще чего? — усмехнулся я. — Это еще придется заслужить. И учти, Рексенор, мне в свое время довелось прирезать немало жрецов. Однажды я забил насмерть жреца самого Бела-Мардука. Он, как и ты, был предателем — продался Ассуру.

— Я не предатель, ванакт. Все, что я делаю, — во имя Дия и Микен.

— А хеттийцы? — хмыкнул я. — Что-то не помню таких в моем войске.

— Это — храмовая стража. Храмы Дия имеют право набирать воинов...

Он был прав, и я решил, что по возвращении в Микасу с этим следует разобраться в первую очередь.

— Значит, Великий Дий, Отец богов, требует человеческих жертв? И с какого времени?

— Это было всегда, — пожал плечами жрец. — Главк Старый запретил приносить в жертву людей, и мы стали проводить обряды тайно. Ванакты догадывались об этом, но не мешали. Ведь помощь Дия и Поседайона нужна всем.

О, боги Аннуаки! Хотя что возьмешь с крысиной норы?

— Почему за последние месяцы убийств стало больше?

— Убийств — не знаю, — поморщился Рексенор. — Я не в ответе за разбойников. Но жертв стало больше — в этом виноват ты. Ты сверг и убил Ифимедея. Ты нарушил божественный порядок на нашей земле. Боги нуждались в жертвах, чтобы их гнев не пал на Микены.

Я задохнулся от злости. Выходит, всему виной моя скромная персона? А как же Арейфоой и Эриф?

— Ладно, жрец, с богами я разберусь. Скажи, в Козьих Выпасах была принесена жертва?

— Да, — он бросил злобный взгляд в сторону Теи. — Мы зря не принесли в жертву эту колдунью! Напрасно ты защищаешь ее, ванакт! Эти лесные ведьмы, колдуны, знахари не чтят Дия, они верят в своих демонов...

Я вспомнил наши разговоры с Теей и понял — жрец в чем-то прав.

— Они — настоящие слуги Старых! Из-за них темный народ, пахари и козопасы, до сих пор не чтят истинных богов.

— Неправда! — не выдержала Тея. — Мы...

— Потом! — прервал я ее. — Итак, благородный Рексенор, твои слуги ловят людей на дорогах, покупают пленных у разбойников и режут им глотки. Кое-кого приносят в жертву, остальных просто убивают. Так?

Он молчал, и мне вновь захотелось отрубить ему левое ухо.

— И одновременно вы распускаете слухи, что во всем виноваты слуги Старых. Зачем?

Впрочем, ответ я знал. Эриф, слуга Дия, уже несколько раз

просил объявить вне закона деревенских знахарей и колдунов, схватить тех, кто им помогает, закрыть храмы, отобрать земли и имущество...

Да, у Отца богов верные и разумные слуги!

Вслух я ничего не сказал — ни к чему. Если выберемся отсюда, тогда можно будет поговорить, но уже непосредственно с Эрифом.

— Последний вопрос, — я присел и взглянул жрецу прямо в глаза. — Ты назвал меня сыном шлюхи, Рексенор. За такие слова придется платить.

— Правда всегда стоит дорого, Клеотер Микенский, — жрец не отвел взгляда, — но царица Никтея не заслужила добрых слов.

Я оторопел и в первое мгновение ничего не понял. Никтея, жена ванакта Главка, мать Клеотера и Ктимены? Та, по которой так убивалась моя названная сестра?

— Или тебе неведомо, ванакт, из-за чего погиб твой отец?

Любопытно, как бы поступил на моем месте настоящий Клеотер? Наверное, разрубил мерзавца пополам и был бы прав. Но самозванцу не пристало безрассудство. Вспомнились слова Прета, намеки старого Скира и Дейотары. Что же случилось в богохранимой Микасе двадцать пять лет назад?

— Я слыхал всякое, жрец. Но хочу знать правду.

— Изволь, — в голосе Рексенора послышалась насмешка. — Наверное, это будет стоить мне жизни, но мы все равно не выберемся отсюда. Лучше умереть от твоей секиры, чем от голода.

— Говори! — поторопил я, думая о том, что он ошибается. Секира в умелых руках творит чудеса.

— Главк и Ифимедей были не только братьями, но и друзьями. Но Никтея, жена ванакта, влюбилась в Ифимедея. Говорят... Говорили, что царевич Клеотер — не сын Главка.

Я чуть не присвистнул от удивления, но вовремя сдержался.

— Если Клеотер... Если я — сын Ифимедея, то почему он хотел меня убить?

— Убить? — удивился жрец. — Об этом болтали на рынке, но большей глупости придумать нельзя. Тебя отослали из Микен, чтобы спасти от убийц, ванакт! Именно поэтому Ифимедей велел объявить о твоей смерти и отправил тебя за море.

У меня отвисла челюсть. О великий Адад, податель всех благ!

— Жрец, мне надоели загадки. Говори яснее!

Рексенор вновь пожал плечами:

— Главк, ванакт микенский, нажил многих врагов. С людьми ссориться опасно, с богами — еще опаснее. Он пытался умалить славу Дия и Поседайона...

— Хотел забрать храмовые земли? Запрещал жрецам вмешиваться в управление?

— Ты догадлив, ванакт. Твой отец был проклят, и боги обрушили на его голову свой гнев. Его жена полюбила другого, а когда ванакт узнал правду, то совершил еще одну ошибку, на этот раз последнюю. Он приказал Скиру, геквету стражи, убить царицу Никтею. Ее убили в царской спальне, на глазах у мужа. Потом он послал за братом, но тут вмешались боги...

— Значит, Ифимедей не убивал Главка! — поразился я.

...Вспомнились последние слова ванакта. Ифимедею казалось, что перед ним — призрак его брата.

— Не знаю... Этого — не знаю. Говорили всякое, но правду знали лишь Арейфоой и Кефей — он был верховным жрецом Дия в те годы. Проклятие пало не только на Главка, но и на его детей. Для всех ты был сыном Главка, ванакт. Но Ифимедей не хотел твоей смерти.

— Почему же Арейфоой и Эриф призвали меня на трон? Ведь я же проклят?

— Поэтому мы и приносим жертвы, — усмехнулся Рексенор. — Два года назад с тебя и твоей сестры проклятие было снято...

...Два года назад посланец вручил мне половину разрубленного ожерелья. Чем же Клеотер заслужил такую милость? Впрочем, я догадывался — Ифимедей тоже повздорил с богами. Точнее, с их слугами.

— Я рассказал тебе все, ванакт, — заключил жрец. — Теперь перевяжи меня и не забудь прикончить эту ведьму. Она слышала наш разговор.

О боги! Я совсем забыл о Тее!

Я вздохнул и неторопливо поднялся. Кажется, Рексенор поймал меня в ловушку, специально затеяв этот разговор, чтобы погубить ту, которую считал предательницей. Я обернулся и поглядел на Тею — она сидела молча, в глазах ее плавал ужас.

— Теперь ты убьешь ее, — повторил жрец. — Я не умру один.

Итак, я не ошибся. Ошибся он — не люблю, когда со мной обращаются, как с куклой.

— Чего же ты медлишь? — поторопил жрец. — Перевяжи меня! Ты же обещал!

— Я? Я лишь сказал, что это следует заслужить. А твое вранье стоит дешево, благородный Рексенор.

Кровь заливала ему лицо, текла по шее, но я видел, что ни-

чего страшного жрецу не грозит. Рана затянется, а лишнего холста для перевязки у меня нет.

Итак, я узнал, что хотел, и даже много больше. Оставался пустяк — выбраться из каменной могилы.

Когда в подземелье совсем стемнело, я спустился по ступеням и присел рядом с Теей. Несколько часов ушло на попытки разобраться с механизмом, поднимавшим плиту. Он оказался не очень сложен — рычаг, два колеса, ворот. Но рычаг был сломан, колеса исчезли, а ворот бесполезен без веревок. Впрочем, там, наверное, были даже не веревки, а бычьи жилы. Нечто подобное я видел в Баб-Или и, будь у меня нужные части, починил бы механизм без особого труда. Увы!

Мы разделили с Теей кусочек лепешки, завалявшийся на дне мешка, и я начал устраиваться на ночлег. Раненое плечо девушки начинало затягиваться, но вид ее меня серьезно беспокоил. Тея не ела уже больше суток, ее силы были на исходе.

— Завтра как следует осмотрю стены и тоннель, — сообщил я. — Мало ли?..

— Думаешь, мы выберемся отсюда? — помолчав, проговорила Тея.

— То есть? — не понял я. — Конечно, выберемся! Если ничего не получится, у нас есть еще один выход. Наш друг Рексенор неплохо управляется с деревянными идолами. Может, он сумеет сдвинуть плиту? Слышал, жрец?

Он не ответил, и я решил побеседовать с ним с утра пораньше.

— У нас не осталось вина, нам нечего есть, — прошептала девушка. — Здесь нет даже воды.

— Сожрем жреца, — я покосился на Рексенора. — Я научу тебя есть сырое мясо...

— Ванакт!..

Глаза Теи застыли, и я пожалел о своей шутке. Впрочем, на этот раз я почти не шутил.

Я долго не мог заснуть. Меня не особо взволновал рассказ о том, что случилось с ванактом Главком и его семьей. Разобраться с этим и со всем остальным еще будет время. В том, что мы выберемся из каменной ловушки, я тоже не сомневался. Но что-то не давало успокоиться, и я никак не мог понять — что именно. Может, ощущение того, что трясина, в которую я попал, приехав в Микасу, оказалась еще глубже и грязнее, чем представлялось вначале?

Вновь вспомнился Баб-Или. Конечно, хлеб наемника горек, но заработать его не так сложно. Походы, марши, сражения, возвращение в лагерь, снова походы... Все-таки проще, чем носить золотую диадему, побери ее Иштар! Успокаивало лишь то, что я — не Клеотер, сын Главка, несчастный царевич, сгинувший много лет назад. Клеотеру, сыну Лая, проще — не надо ни мстить, ни горевать. Разобраться бы с делами, а там — на корабль и в Тир.

...Я представил, как прихожу в дом мерзавца, у которого вращал мельничный жернов. Да пошлет ему Адад долгую жизнь, чтобы я отрезал ему уши! Ладно, Бел с его ушами, но к жернову его точно прикую и заставлю вращать, пока не свалится. Потом — ведро морской воды, пару ударов бичом — и снова вперед!

Рядом шевельнулась Тея. Я понял — девушка не спит.

— Холодно? — сочувственно спросил я, понимая, что ничем ей помочь не смогу. Ей нужно тепло — и, конечно, еда. Густая мясная похлебка, жареная печенка... Я сглотнул слюну и понял, что и сам голоден до невозможности.

— Мне... мне не холодно, ванакт, — прошептала девушка. — Я все боялась тебя спросить...

— Бояться вредно, — как можно жизнерадостнее откликнулся я. — Что случилось?

— Когда мы выберемся... Что будет со мной?

Наконец я понял. Бедная девочка боялась — этот мерзавец все-таки сумел ее напугать.

— Прежде всего тебя вылечат. Затем мы оба полюбуемся, как благородного Рексенора будут пригвождать к кресту, предварительно вырвав его лживый язык...

— Так он лгал? — воскликнула Тея. — Лгал о...

— Обо всем. И тебе незачем помнить его россказни. Ты поняла меня, Тея?

— Уже забыла, — мне показалось, что девушка улыбнулась.

— А чтобы его дружки не вспомнили о тебе, я поговорю с одним моим знакомым. Он очень веселый — почти как я... Ну а если ты захочешь выйти замуж за басилея...

На этот раз она промолчала. Может, идея показалась ей не такой уж плохой.

— Ванакт... Ты завтра думаешь осматривать стены?

— Да, — подтвердил я, — думаю. Ты что-то знаешь об этом дурацком погребе?

— Нет, — вздохнула девушка. — Я была здесь один раз — и, как видишь, с тех пор многое изменилось. Но вчера мне было плохо, я, кажется, бредила...

Она замолчала, словно не решаясь продолжить. Я не торопил.

— Мне показалось, что подземелье светится. Словно горит огонь — холодный, мертвый, как на старых могилах.

Я сочувственно вздохнул — в бреду можно увидеть и не такое.

— Но в одном месте свет был другим — желтоватым, теплым. Какое-то пятно, ровное, будто окошко...

— Поглядим, — охотно согласился я. — Начнем именно с него. А сейчас пора спать. Кстати, ты ведь колдунья, то есть знахарка. Как мне заснуть побыстрее?

— Закрой глаза...

Я послушался и тут же почувствовал легкое тепло — ее ладони слегка коснулись моего лица. Я еле сдержался, чтобы не рассмеяться, но вдруг почувствовал, как проваливаюсь в темноту.

САМЕХ

«ФАКЕЛЫ ГОРЯТ»

...Факелы горят ярко, разгоняя прятавшиеся по углам тени. Коридор широк, белый потолок в темных пятнах гари уходит куда-то ввысь, и люди вокруг кажутся великанами. Впрочем, они обычного роста, маленький я — царевич Клеотер Микенский, сын богоравного ванакта Главка, сына Гипполоха. Мой отец — самый сильный и самый могучий владыка в мире. Я знаю это и не удивляюсь, что те, кто выше меня в два раза, кланяются в пояс при встрече.

На мне — пурпурный фарос, застегнутый золотой фибулой, волосы охватывает легкий серебряный обруч, на поясе висит драгоценный железный кинжал. Я иду по коридору, а сзади привычно гремят шаги воинов.

Там, в большом зале, меня, Клеотера Микенского, ждут отец и мать. Я немного опаздываю, но не прибавляю шага, чтобы не бежать. Пусть я мал, но уже твердо усвоил, как должен ходить царевич, особенно когда впереди — большое торжество, такое, как сейчас. Ведь сегодня женится мой любимый дядя — первый красавец и шутник во всех Микенах, царевич Ифимедей.

В конце коридора я все-таки прибавляю шагу, и тут что-то большое и темное кидается навстречу. Я не пугаюсь — руки тонут в густой черной шерсти. Гар — молосский пес, подарок дяди. Я берусь левой рукой за золоченый ошейник, и мы вместе вступаем в зал. В глаза бьет ослепительный свет...

...Да, свет был невыносим, и я не мог даже закрыться ладонью. Каменное ложе подо мной было сырым и холодным, вокруг шептались какие-то люди, а рядом — я помнил — на таком же каменном

ложе лежит другой мальчик, худой, с исцарапанными руками, но очень похожий на меня. Темная фигура наклонилась надо мной, на лоб легла ледяная ладонь...

— А! — Я вскочил, закрывая лицо локтем — сработала многолетняя привычка. Подземелье наполнял серый сумрак. Тея спала, свернувшись в клубок, и еле слышно стонала. В стороне слышалось похрапывание жреца. Я вытер холодный пот со лба и от души ругнулся, поминая Иштар, Думмузи, сорок подземных демонов и моровую язву. Наверное, я облегчил душу слишком громко — девушка открыла глаза.

— Извини, — вздохнул я. — Боги послали дурной сон. Спи, еще рано...

— Что тебе снилось, ванакт? — встревожилась Тея. — Расскажи, я попытаюсь растолковать.

Я чуть было не поведал ей все, но в последний миг опомнился.

— Боги, наверное, перепутали, Тея. Мне приснился чужой сон. Сон о совсем другом человеке. Будто он — это я. Так бывает?

— Наверное, — девушка явно заинтересовалась. — Боги могли зачем-то рассказать тебе о нем. Возможно, ты о нем много думал...

— Еще бы! — хмыкнул я и встал, разминая плечи. — Ладно, где ты видела желтый четырехугольник?

Место, указанное Теей, ничем не отличалось от голой каменной поверхности подземелья, по крайней мере на первый взгляд. Те же потеки сырости, тот же неровный камень. Осторожно ковырнув секирой, я убедился, что зрение не обманывает — металл каждый раз ударял о твердый известняк. Сообщив эту невеселую новость девушке, я вновь направился в тоннель.

Увы, и там делать было нечего. Его заполняли огромные глыбы вперемешку с мелким щебнем. Даже откатив пару больших камней, я добьюсь обратного — завал расползется еще шире. Похоже, тоннель засыпало на немалом протяжении. Сквозь каменное крошево еле заметно сочился свежий воздух — завал не был сплошным, иначе мы бы уже начали задыхаться.

Вернувшись в подземелье, я без всякого удовольствия поглядел на проснувшегося жреца, но разговаривать с ним не стал. Едва ли он знает выход, иначе бы уже попытался договориться. Я вновь осмотрелся: плита, закрывавшая вход, черный проем тоннеля, недоступный световой колодец где-то вверху...

Взяв секиру, я вновь принялся ковырять стену там, где указала девушка. Камень... Я аккуратно очищал от грязи и плесени

пядь за пядью и вдруг сообразил, — камень имеет границы. Еще не веря, я сделал пару осторожных ударов «черной бронзой» и невольно засмеялся. Да, здесь был камень, но не сплошной. Тщательно пригнанные блоки закреплены серым раствором. Стыки за долгие годы исчезли, скрытые потеками сырости, но сомнений не оставалось — четырехугольник когда-то был чем-то вроде окошка или лаза.

Ничего не сказав Тее, я продолжил работу, аккуратно расчищая каменную поверхность. Радоваться рано — это может быть просто заделанная ниша. Вскоре я уже мог представить ее размеры — два локтя в высоту, три — в ширину. Ну что ж, пора за дело...

Будь у меня не «черная бронза», а обычная секира, возиться не имело бы смысла. Но аласийский сплав не подвел — известка крошилась, а под нею медленно проступали очертания первого камня. О чем-то спрашивала Тея, пару раз подал голос из своего угла проснувшийся Рексенор, но я не отвечал, весь уйдя в работу. Промежуток между камнями был узкий, и я боялся, что не смогу сдвинуть их с места. К счастью, раствор оказался не из тех, что используют при строительстве крепостей. В Баб-Или щели вообще залили бы асфальтом, а в этом случае я мог ковырять его целый год. Щель становилась все глубже, и я сдерживался, чтобы не попытаться расшатать первый камень. Рано, еще рано...

Работая, я вспомнил рассказ девушки. Холодное свечение стен, желтый четырехугольник... Наверное, ей помогли местные демоны, которым они так предана. Впрочем, и демоны не могут невозможного. В бреду Тея увидела холодную скалу и теплые очертания скрытого лаза. Если спрятанный ход ведет на поверхность, стена здесь действительно теплее. Девушка бредила, и демоны странно подшутили, даровав ей на миг способность видеть тепло. А может, мелькнула запоздалая догадка, Единый все-таки помог мне, позволив увидеть путь к спасению глазами юной колдуньи?

Наконец первый камень был очищен от раствора. Подождав немного, чтобы успокоиться, я просунул в щель секиру и аккуратно нажал. Раз, еще раз... Камень стоял недвижимо. Захотелось крикнуть, врезать по глыбе секирой, бить руками, кровавя костяшки пальцев... Я опустился на корточки и закрыл глаза. Спокойно, Нургал-Син, спокойно... Если камень не поддается, надо расшатать его с другой стороны. Затем — с третьей. Расшатывать, пока не сдвинется с места...

Когда я мельком оглянулся, то увидел Тею. Девушка перебралась поближе, напряженно следя за работой. Я усмехнулся

как можно беззаботнее и вновь нажал на секиру. Еще раз... еще... И тут я почувствовал — давить стало непривычно легко. Еще не веря, я удвоил усилия и наконец облегченно вздохнул — камень сдвинулся с места. Я вставил лезвие с другой стороны, повернул — и глыба с грохотом упала на каменный пол.

Хотелось кричать от радости, но я лишь перевел дыхание и осторожно просунул руку. Пальцы уткнулись во что-то твердое. Стена? Второй ряд камней? Узнать это можно лишь тогда, когда разберу всю кладку. Я помянул Аннуаков и принялся за второй камень.

Теперь дело пошло легче. Со вторым камнем, правда, еще пришлось повозиться, зато остальные сдвинулись почти сразу. Итак, первый ряд готов. Кажется, Тея о чем-то спросила, я попытался ответить, но сознание не фиксировало, занятое другим. Что дальше — второй ряд камней или мертвая стена?

Полутьма подземелья не позволяла заглянуть в образовавшуюся нишу. Оставалось ковырять секирой. Раствор! Снова раствор! Мелкие камни...

Наконец я понял — второй ряд состоял из небольших каменных осколков вперемешку с известью. В этом чувствовалась какая-то странность, но порассуждать об особенностях кладки можно было и потом. Я вновь принялся за работу. Раствор крошился, камешки падали один за другим, и вот, наконец, секира вошла в пустоту. Повеяло теплым воздухом — завал был пробит.

Теперь я работал без остановок, стараясь не бить слишком сильно, чтобы не загубить секиру. Отверстие быстро расширялось. Ни лопаты, ни совка не было, приходилось отбрасывать камни и щебень руками, и пару раз я сильно порезал ладонь. Впрочем, это были мелочи. С каждым мгновением теплый воздух все прибывал, лаз становился шире, и, наконец, ладони сбросили на пол последние крошки раствора.

Все!

Я заглянул внутрь — в проходе стояла черная тьма. Руки нащупали что-то неровное. Кажется, ступенька, еще одна...

Лаз — если это, конечно, лаз — соорудили странно. Человек мог продвигаться только ползком, цепляясь за небольшие ступени. Впрочем, в этом был свой резон. Ползти придется наверх, и без ступеней пришлось бы трудно.

Я долго счищал остатки известки с рук, затем присел рядом с Теей и обнял ее, стараясь не задеть раненое плечо. Девушка тихо всхлипнула.

— Там проход, — сообщил я. — Пролезть можно — ступеньки. Передохну — и двинем...

— Я... я не могу — рука... — Тея вновь всхлипнула, и я понял, что она права. У девушки уже не осталось сил.

— Ничего, ванакт, я останусь. Ты вызовешь людей и откроешь дверь.

Я чуть было не согласился, но представил, сколько может уйти времени. Я выйду наружу, спущусь по склону, начну кого-то искать... Но в горах можно встретить лишь моего приятеля Роха из племени даров — или дюжину хеттийских наемников, поджидающих добычу. А Тея будет умирать в подземелье, за каменной плитой...

— Плащ! — велел я. — У нас их три, одним пожертвуем.

Разодрав ткань на длинные полосы, я скрутил нечто вроде прочной веревки. Получилось не так уж плохо. Один конец я обмотал вокруг пояса, второй завязал петлей и закрепил на груди у девушки.

...Именно так поступали проклятые эламиты, привязывая пленников к своим колесницам. Петля проходит под мышками и тянет человека даже против его воли.

— Ну, все, — я еще раз осмотрел крепления, погладил девушку по щеке и встал, но тут вспомнил о жреце.

— Рексенор! Если Дий, Отец богов, будет к нам милостив, то я тебя вытащу. Ты сможешь умереть при ярком солнце.

Ответом мне был красноречивый взгляд. Два дня нагишом на холодном камне не смирили жреца. Я порадовался, что догадался как следует его связать.

— Ты умеешь двигать идолов, жрец. Можешь потренироваться и открыть дверь. Теперь это в твоих интересах.

Не дождавшись ответа и на этот раз, я пожелал ему не скучать и думать о поджидающем его кресте, после чего помянул Адада, подателя всех благ, и осторожно протиснулся в черное отверстие.

Со всех сторон был камень. Я не снимал кольчуги, и рубашка из бронзовых колец изрядно мешала, сковывая движения. Впрочем, это было терпимо. Помогали ступеньки — без них ползти наверх оказалось бы куда труднее.

Тея держалась отлично, почти не мешая. Впрочем, веревка не была лишней — пару раз девушке приходилось хвататься за нее здоровой рукой, чтобы не покатиться вниз. Но в целом мы двигались достаточно быстро. Вначале думалось, что проход не может быть длинным — коридор, откуда мы пришли, находится

рядом. Но мгновения шли, ступеньки казались бесконечными, и я заметил, что проход постепенно поворачивает вправо. Итак, он вел не в коридор, а куда-то еще. Успокаивало одно — свежий воздух. Значит, проход не замурован и мне не придется крушить лбом каменную кладку.

Несколько раз пришлось останавливаться, чтобы дать отдохнуть Тее. Я чувствовал себя уже на свободе и лихорадочно строил планы на ближайшее будущее. Если хеттийцы и прочие слуги Рексенора все еще здесь, предстояла нешуточная рубка. Перевес будет явно не на моей стороне, но подобная перспектива радовала все же больше, чем прозябание в каменной могиле.

Заодно я вспомнил о кладке. Два ряда — большие камни и щебенка с раствором. Теперь наконец я понял, что меня смутило. Отверстие заделывали с *этой* стороны — со стороны лаза. Интересно, почему так? Впрочем, едва ли найдется тот, у кого можно это узнать...

Очередная ступенька показалась какой-то странной. Я провел ладонью — пальцы наткнулись на что-то тонкое и длинное. Мелькнула и пропала мысль о брошенной в проходе вязанке хвороста. Я поднялся чуть выше и вновь провел рукой.

...Не хворост — кости. То, что когда-то было человеком, точнее, его ногами. Все остальное лежало где-то впереди.

Я осторожно отодвинул кости в сторону и поднялся чуть выше. Да, кому-то здорово не повезло. Череп с остатками волос, странный предмет, похожий на лопатку... Сзади вскрикнула Тея. Я хотел произнести нечто ободряющее, но почувствовал, что холодею. Погибший лежал лицом к выходу! Едва ли он решил остаться здесь добровольно — значит, впереди...

Я резко выдохнул, вобрал в легкие побольше воздуха и вновь выдохнул, сталась отогнать нахлынувший ужас. Этот человек пытался выбраться, имея за спиной уже забитый камнями проход. Может — я вспомнил инструмент, — он сам и заделывал его. Но выбраться ему не дали...

Что-то сказала Тея. Вначале я не понял, затем дошло: девушка спрашивала, что впереди. Кажется, она тоже сообразила, что значит наша находка. Отвечать не было сил. Я рванулся вверх, с облегчением заметив, что тьма стала редеть. Впереди брезжил серый сумрак.

Оставалось сообщить это девушке и двигаться дальше. Кольчуга и секира словно потеряли вес, я быстро одолел еще десяток ступеней. Свет! Дневной свет! Я хотел крикнуть, но замер — дорогу преграждали толстые прутья.

Решетка!

Я дотронулся рукой до неровной холодной поверхности массивного прута. Ловушка... Хорошая выдумка для тех, кто окажется слишком догадлив. Мы смогли спрятаться от убийц, найти тайный лаз — но кто-то оказался предусмотрительнее.

Я крикнул Тее, чтобы она не волновалась, и прикинул толщину прутьев. Если это обычная бронза или медь, я справлюсь. Но если не поскупились на аласийскую бронзу...

Взявшись за один из прутьев, я попытался подтянуться, но чуть не скатился вниз. Еще ничего не понимая, я долго рассматривал кусок металла, оставшийся в руке. Медь — старая, покрытая зеленой коркой. Те, кто закрывал проход, предусмотрели все, кроме времени. За десятилетия — или века — медь превратилась в труху.

Остальные прутья, оказавшиеся чуть прочнее, я выбил секирой.

Путь был свободен.

Я выглянул и, не заметив ничего опасного, выбрался наружу. Коридор — широкий, пустой, залитый дневным светом, — прямо над нами оказался световой колодец. Я глубоко вздохнул и помог выбраться Тее. Девушка совсем обессилела, пришлось усадить ее у стены и укрыть плащом.

— Где мы? — спросила она, не открывая глаз.

— В царстве живых, — я усмехнулся и принялся отряхивать прилипший к плащу мусор. — Кажется, выбрались!

Она не ответила — путешествие отняло у нее последние силы. Освободившись от веревки, я отогнал жгучее желание завопить от восторга и пройтись колесом по коридору. Рано — мы живы, но вокруг может быть немало желающих оспорить этот факт.

И словно в ответ на мои мысли послышался грохот.

Секира была уже в руках, я оглянулся, но ничего не заметил. Снова грохот — что-то тяжелое катилось по коридору. Я поднял Тею и оттащил ее в глубокую нишу, надеясь, что тень скроет ее от чужих глаз. Сам я стал на пороге, держа наготове «черную бронзу». Грохот стал слышнее — и тут мимо меня прокатился огромный камень.

Я раскрыл рот от изумления — камень с шумом двигался по коридору, то и дело подпрыгивая на ходу. Нет, такого не бывает! Камни сами не бегают, идолы не ходят, у киклопов не один глаз, а два...

Словно вновь услыхав мои мысли, глыба ударилась о стену,

отскочила и наконец замерла. Обрадоваться я не успел — в конце коридора послышались чьи-то шаги.

Я вжался в нишу, затаив дыхание. Огромная фигура на мгновение остановилась над камнем и легко, словно это был надутый воздухом бурдюк, катнула его дальше.

И вдруг я почувствовал, как меня разбирает смех. Еле сдержавшись, чтобы не расхохотаться во все горло, я поудобнее укрыл Тею плащом и, тихо ступая, двинулся следом. Гигант катил камень легко, время от времени добавляя ему скорости. Наконец оба — камень и человек — повернули за угол.

Я осторожно заглянул туда и чуть не присвистнул — места оказались знакомыми. Этим коридором мы отступали, вот и памятный вход, перекрытый тяжелой известковой плитой... Да, мы были здесь, но попали сюда с другой стороны. Значит, главный зал где-то впереди.

Гигант лихо подкатил свой груз к двери, немного постоял, переводя дыхание, а затем, легко подхватив камень, с размаху врезал им по плите. Я зажал уши, но грохот добрался до меня через подошвы сандалий. Еще удар! По плите поползли глубокие трещины...

Я понял, что третьего удара мои уши могут не выдержать.

— Богоравный Афикл! — крикнул я, стараясь не рассмеяться. — Где же твоя львиная шкура?

Спина гиганта дернулась. Афикл медленно повернулся, в полном изумлении уставившись на меня. В первый миг я решил, что он меня не узнает, но вот голубые глаза мигнули, черная борода дрогнула:

— Ванакт!

— Радуйся, Афикл! — приступ нелепого смеха внезапно кончился, и я почувствовал, что смертельно устал. — Ты не представляешь, как вовремя появился!

— Радуйся также и ты, Клеотер богоравный! — Герой окинул меня внимательным взглядом и покачал головой. — Много, я вижу, врагов сокрушить довелось тебе ныне!

Он шагнул ко мне, и я испугался, что нашему Гильгамешу захочется хлопнуть меня по плечу или — не дай Бел! — обнять. Но боги пожалели мои кости.

— Сказано мне, что в подвале был заперт ты этом, — Афикл кивнул в сторону плиты. — Вот и решил я...

— Это правильно, — я вспомнил о мерзавце Рексеноре, которого следовало распять при ярком солнце. — А теперь давай по порядку. Кто тебе сказал обо мне?

— Рея, богов наших славная мать! — Герой важно поднял

указательный палец. — О тебе, богоравном, заботясь, с вестью киклопа послала. Хоть был тот киклоп зверовиден, зраком свиреп, но, однако же, доброго нрава. Он и нашел богоравных кентавров, успевших встретить меня у Коринфа и верной дорогой направить...

Я вспомнил Роха из племени даров. Косматый парень оказался сообразительным. Впрочем, сам он едва ли сподобился бы на такое.

Тея! Она попросила Роха!

— С Теллом, вождем богоравных кентавров, сюда я добрался. Встретил разбойника мерзкого, правду глаголить заставил — все он поведал, что знал! И юнец помогал нам безвинный, коего спас ты, ванакт, от кончины напрасной и горькой...

Странная манера выражаться у моего родича!

Главное все же я понял, а остальное могло подождать. И тут я вспомнил о Тее.

— Афикл! Здесь девушка, она ранена. Нужен лекарь.

— Телл, богоравный кентавр, славен тем, что раненья врачует, — кивнул герой. — Ждет он у входа...

— К нему поспешим мы скорее, — закончил я, стараясь попасть в такт.

Тея, перевязанная, укутанная и накормленная, спала у костра. Богоравный Афикл ушел разбираться с дверью, а мы с Теллом (тоже богоравным) пили кислое вино из бурдюка и доедали подстреленного оленя. Телл, вождь кентавров, оказался о двух ногах и без копыт, и я окончательно убедился в своей правоте — и в чужой слепоте.

Вождю было за пятьдесят, он был спокоен и неулыбчив.

— Девицу оставим здесь, — Телл кивнул на спящую Тею. — Мои кентавры побудут с нею...

— Спасибо, вождь. Мне надо в Микасу... в Микены.

— Мы дадим тебе коня. Будь осторожен с ним — это конь кентавров.

Я уже успел осмотреть их коней — полудиких, злых и очень сильных.

— Постараюсь. Скажи, вождь, почему люди считают вас чудовищами?

Он даже не улыбнулся:

— Иппоандросами? Слыхал я, заклятие лежит на нашем племени. Может, и правда... А как видишь нас ты?

Я покосился на Телла. Кентавр был серьезен.

— Вы — обычные люди, — начал я осторожно. — Крепкие... С тобой, вождь, я не хотел бы соревноваться в кулачном бою.

Он наконец-то улыбнулся.

— Для многих я — иппоандрос, для тебя — человек. Ты бы удивился, ванакт, если бы узнал, какими мы видим себя сами... Но на то воля богов.

Я сглотнул, но спрашивать поостерегся. Странные дела творятся в богохранимой Ахияве!

— Ты и твои люди...

— Мои кентавры, — уже без улыбки поправил Телл.

— Твои кентавры... Вы помогли мне и спасли девушку. Будь я обычным путником — сказал бы спасибо. Но меня здесь считают ванактом...

— Тебя *видят* ванактом, — вновь уточнил вождь. — Сам же ты видишь себя кем-то другим, верно? Будь тверд, Клеотер Микенский, и станешь тем, кем тебя видят. Подарки нам не нужны. Мы — не твои подданные, мы хотим остаться свободными, но всегда готовы помочь. Я знал покойного Главка, твоего отца. И хоть ты не похож на него лицом...

Мне показалось, что я ослышался.

— Извини, вождь, но верно ли я тебя понял? Все в Микасе... в Микенах говорят другое!..

Телл внимательно взглянул на меня, и глаза его посуровели.

— Вот тебе ответ, ванакт. Но в ответе — загадка. Для всех мы — двутелые чудища с копытами, а ты считаешь нас людьми. Для микенцев ты похож на Главка, но мои глаза не лгут, и память еще не ослабела. Ты не похож на него, но в тебе есть что-то от Гипполоха, его отца. Как решить загадку, думай сам...

Часть ответа я уже знал — благодаря сестричке Дейотаре. Но с остальным была полная неясность. Хотелось порасспросить богоравного Телла, но тут послышались тяжелые шаги. Из вечернего сумрака вынырнул богоравный Афикл, с его могучего плеча свисало безжизненное тело Рексенора. Рядом с героем вприпрыжку бежал мальчишка, спасенный из-под жертвенного ножа. Я уже знал, что его зовут Брахос — Лягушонок.

— Жив он, — сообщил Гильгамеш, укладывая свою ношу у костра. — Дождется суда и заслуженной казни...

— А мы с дядей Афиклом!.. — закричал Брахос, но увидев, что Тея спит, тут же умолк. Я подозвал мальчишку и взял его за ухо.

Наглец ухмыльнулся и показал мне язык.

«В МИКАСУ»

В Микасу я прибыл после полудня. Первым, кто меня встретил, был Прет. Мое отсутствие еще скрывали, но гекват был готов завтра же начать розыски. Пришлось выслушать все, что он думает по поводу моих похождений, и твердо обещать в дальнейшем не выезжать без охраны. Наконец он несколько успокоился, предложив тут же снять охрану с покоев Дейотары. Я не возражал, но разговор с сестричкой решил отложить на потом. Мне следовало успокоиться, ей — тоже.

Прет был не прочь услышать о том, где пропадал и что поделывал микенский ванакт, но я предпочел не торопиться. Прежде всего следовало поговорить с богоравным Эрифом. Я распорядился послать за ним десяток стражников, но оказалось, что жрец уже ждет. Велев провести его в мои покои, я на всякий случай прицепил к поясу кинжал и приказал поставить у дверей дюжину шардана.

Увидев меня, богоравный Эриф расплылся в улыбке. Я решил, что первый же смешок вобью ему в глотку вместе с зубами, но жрец явно обладал неплохим чутьем.

— Радуйся, ванакт! — пухлое лицо лучилось благожелательностью. — Вижу, великий Дий, Отец богов, был к тебе милостив.

Я понял — он все знает. Неизвестно, как, откуда — но знает. Я вздохнул и мысленно сосчитал до десяти.

— Не хотелось бы ссориться, жрец...

— Ссора со мной — пустяк, — улыбка исчезла, глаза стали серьезными, лишь в глубине по-прежнему светилась насмешка. — Но с Дием, Отцом богов, тебе и вправду ссориться не с руки.

Он был явно готов к разговору.

— Убийства должны прекратиться, жрец, — я посмотрел ему прямо в глаза, заметив, как медленно гаснет его усмешка. — Храмовая стража должна быть распущена.

— Это все? — Он задумался, затем, не выдержав, хихикнул: — Ты и вправду мудр, ванакт. Когда-то твой отец в подобной же ситуации решил отправить моего предшественника в царство Гадеса.

Я вспомнил рассказ Рексенора — кажется, тот не врал.

— Людей больше не будут убивать, — повторил я. — Оставь в покое сельских знахарей и колдунов! Они — не враги Дию.

— Ошибаешься, ванакт, — жрец покачал головой. — Рексе-

нор, которого, думаю, мы скоро увидим на кресте, — дурак и вел себя по-дурацки. То, что он поднял на тебя руку, — глупость, и за нее он расплатится. Но он делал то, что нужно Микенам. Да, в Старых никто уже не верит, но знахари и колдуны слишком чтят всякую нежить, а это опасно. Чтить должны Дия, ведь он — воплощение Единого, в Которого веришь ты, и в Которого верю я.

Надеюсь, он ничего не смог прочесть на моем лице. Они убивали во имя Единого — что может быть страшнее!

— Мы оба верим в Единого, ванакт. Но толпе нужны идолы. Так пусть же они поверят в Царя над богами! Когда-нибудь они смогут принять правду. А те, которых ты защищаешь, отдаляют этот день.

— Единому не нужны аресты и казни, жрец! — не выдержал я.

— Аресты? — Его маленькие глазки удивленно моргнули. — Месяц-другой — и народ сам передушил бы всех колдунов, а заодно кое-кого из жрецов, слишком преданных своим божкам. А ты бы навел порядок и прослыл мудрым и справедливым.

— Мне не нужна такая слава, жрец. И я не хочу, чтобы людей убивали на алтарях Дия, Поседайона — или кого-нибудь еще.

Эриф покачал головой:

— И я не хочу, ванакт. Но мне нужны помощники, а многие из них, подобно Рексенору, верят в полезность кровавых жертв. Всему свое время, ванакт... Ладно, ты больше ничего не услышишь об этом.

Обещание звучало двусмысленно, но я понял — большего не добиться.

— Храмовая стража, — напомнил я.

— Ты поставишь своих гекветов, — улыбнулся Эриф. — Храмы нуждаются в охране — тут ничего не поделаешь.

Я задумался. Кое-чего я все же достиг. Убийств не будет, кровавая распря Ахияве больше не грозит. Пока по крайней мере...

— Рексенор рассказал немало интересного о гибели моего отца...

— Догадываюсь, — жрец кивнул. — Наверное, этот дурак сказал, что ты — сын Ифимедея? И что Главк велел сам убить царицу?

— Да.

Лицо Эрифа на миг стало серьезным, в уголках губ легла глубокая складка.

— Мой отец тоже погиб в те дни, ванакт. Я сам хочу узнать правду, но эта история похожа на омут. То, что рассказал Рексенор, — слухи, столь же достоверные, как и все остальные. Есть один человек, знающий правду...

— Арейфоой?

— Он знал — может быть. Но теперь он в царстве Гадеса... Есть еще кое-кто. Помнишь юную деву, что так поразила тебя своей красотой?

— Гирто? — изумился я.

— Да. Говорят, в молодости она была и вправду красива. Говорят, ее любил Гипполох, твой дед. Всякое говорят, ванакт. Поэтому она до сих пор жива — и будет жить еще долго... Кажется, она хотела, чтобы ты кого-то убил?

— Колдунью из Козьих Выпасов, — кивнул я. — Но она не умрет.

Наши глаза вновь встретились. Эриф усмехнулся:

— Тогда ей не следует быть колдуньей... Тот храм, где ты встретил Рексенора, кажется, посвящен Рее, Матери богов?

Храм был посвящен Дию, но я сообразил, что спорить не следует.

— Там нужна главная жрица.

Он улыбнулся — и я тоже.

— Жрица Реи будет не по зубам красавице Гирто? — уточнил я.

Жрец хихикнул.

— Тогда скажи мне, Эриф, как Гирто узнала, куда я еду? Что встречу эту девушку?

Он покачал головой:

— Это тоже тайна. Все годы она знала, где ты — в каком городе, в какой стране. Единый не велит верить в колдовство и магию, но Гирто — не просто деревенская ведьма. Помирись с нею, ванакт!

Спорить не приходилось. И тут я вспомнил то, о чем хотел спросить с самого начала.

— Скажи, Эриф, идолы могут двигаться?

Я ждал, что он хихикнет, но жрец лишь улыбнулся.

— Ты объяснишь?

Он покачал головой:

— Нет. Покажу.

Эриф прикрыл глаза, пару мгновений посидел неподвижно, а затем медленно протянул руку. Кресло подо мной заколыхалось, и я почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Я охнул. Жрец повел рукой, и кресло не спеша вернулось на место.

— Это нетрудно, — негромко заговорил он. — Но я не открою тайну, ванакт. И никто из нас, посвященных, не скажет тебе...

— Понятно, — усмехнулся я.

— Нет. Думаю, непонятно. Конечно, мы бережем тайну,

чтобы поражать толпу. Но не только. Если наш секрет узнают, то тут же попытаются применить его не для невинных фокусов. Представь — движением руки я разрушаю башню или сбиваю с ног целый отряд...

По спине пробежали мурашки. Жрец кивнул:

— Теперь ты понял, и я рад. Как видишь, мы не поссорились, ванакт!

Он хихикнул, я подмигнул в ответ. Мы не поссорились, но поворачиваться к нему спиной я бы не решился.

Три дня я разбирался с делами. Вернулся Мантос, ездивший в дальние гарнизоны на юге, и мы занялись храмовой стражей. Заодно требовалось подготовить суд над благородным Рексенором — тайно казнить негодяя было нельзя. За это время не произошло ни одного нового убийства, и я начал потихоньку успокаиваться.

С Дейотарой мы ни разу не встречались один на один. Ей, а также Мантосу и Прету я подробно рассказал о своей странной поездке, умолчав лишь о некоторых вещах, не понятных мне самому. Перед царевной я извинился особо, прося простить за недельный караул у ее дверей. Ответом было снисходительное пожатие плечами. Я облегченно перевел дух.

Вечером — это случилось на четвертый день после моего возвращения — я зашел к ней, желая уточнить некоторые мелочи. Девушка держалась спокойно и непривычно вежливо. Внезапно я почувствовал тревогу.

— Может, желаешь спросить еще о чем-нибудь, ванакт? — поинтересовалась Дейотара, когда я узнал все, что нужно.

Ее голос был мягок и тих. Так мурлычет львица, прежде чем ударить насмерть.

— Пожалуй... — я принял вызов. — Ты не помнишь, как звали собаку, которая была у царевича Клеотера? Большая черная псина, кажется, ассурская.

...О своем странном сне я не решался расспрашивать ни Эрифа, ни остальных. Но забыть его не мог.

— Собаку? Копаешься в костях, свинопас? — мурлыкнула девушка.

Удар был нацелен прямо в лицо, но я вовремя перехватил ее руку. Сжав пальцы, я ждал, что она закричит, но на лице Дейотары появилась лишь привычная злая усмешка.

— Можешь сломать мне кости, Нургал-Син, болванчик на троне! Вижу, ты доволен собой. Доволен, правда?

Я проглотил и это. Отпустив ее руку, я отошел подальше и присел в кресло.

— Могу еще раз извиниться, царевна.

— За семь дней с шардана у дверей? За это можешь не извиняться, свинопас. Ты вообще можешь не извиняться — ни к чему. Ты доволен, что выполнил работу, достойную простого лазутчика, — так оставайся довольным! И слепым.

Я понял — это не просто причуды ее характера.

— Все это можно было устроить, не выезжая из Микен. Ты спас сотню-другую козопасов, но проглядел главное.

Она ждала вопроса, но я молчал. Объясняться не хотелось.

— Неинтересно? — вновь усмехнулась царевна. — Пока ванакт бегает с секирой по горам на смех киклопам, его лавагет тоже кое-чем занят...

— Что?!

— Да ничего особенного, братец! Твой верный слуга проверял, не скучают ли воины неустрашимого навплийского орха[1]. Чем не занятие для лавагета?

Она была в бешенстве, но я все еще ничего не понимал. Да, Мантос ездил в Навплию, где стоят два наших орха, причем далеко не худшие. Обычная поездка...

— Еще не понял? — вздохнула она. — Он был у Ктимены. Мантос, твой лавагет, спит с этой сукой. Наверное, наставил себе синяков, пока валялся на ее ребрах!..

Ненависть порою делает нас остроумными.

— В конце концов, Дейотара, почему бы и нет?

— Что? — подскочила она. — Думаешь, я берегу ее невинность, которую она потеряла где-то в казарме еще десять лет назад? Ворона ты! Девка, да еще с ее славой, никогда не взойдет на микенский трон! Но ее сын — внук Главка. Понял?

Я невольно сглотнул.

— Она беременна?

— Да! Не знаю, от кого эта стерва забрюхатела — от Мантоса или от первого попавшегося свинопаса. Ей все равно, но мне нет! Она сможет требовать трон для своего ублюдка!

Услышанное мне не понравилось, но я оставался спокоен.

— Но почему? На троне Микасы уже, кажется, кто-то сидит?

— Там сидит самозванец! — оскалилась она. — Ты что думаешь — об этом не знают? Мантос — дурак, но ему вовремя расскажут. А Ктимена прикончит даже родного брата, чтобы отомстить

---

[1] Орх — воинское подразделение, чуть больше батальона.

мне и стать матерью ванакта. Из-за твоей глупости мне придется подыхать! Ты...

Кажется, началось... Я пожалел, что не отплыл в Тир еще месяц назад. Хотел помочь привести дела в порядок!

Помог...

— А ты в это время пьянствуешь с киклопами и лишаешь невинности грязных сопливых пастушек! Думаешь, не знаю об этой рыжей ведьме? Может, она тоже забрюхатела?

О Тее я ей не рассказывал, но это мое упущение наверстали другие.

— Царевна, — вздохнул я, — злость — плохой советчик. Эта девушка мне очень помогла...

— Скрасить время? Интересно, когда ты на ней валялся, она так же визжала, как эта шлюха Ктимена? Хороша парочка — свинопас и ведьма!

— Прекрати! — я начал терять терпение. — Оскорбление — не довод!

— Не довод?! — она задохнулась от злости. — Ну так слушай: она шлюха! Подстилка! Что, не нравится? Твоя рыжая дрянь — всего лишь подстилка для грязного свинопаса!..

Я ударил ее — надеюсь, сильно. Не позволив встать, подхватил извивающееся тело и бросил на ложе. Острые ногти царапнули по щеке, но я лишь рассмеялся:

— Тея — не подстилка. А вот ты сейчас ею станешь!

Я дернул за ворот ее хитона. Дейотара закричала, но я уже прижимал ее руки к ложу, сдирая обрывки одежды.

— Скот! Свинья! — шипела она. — Не посмеешь!

— Всю жизнь мечтал изнасиловать царскую дочь, — хмыкнул я, надавливая локтем ей на горло. — Извини, забыл надеть панцирь...

Ее рот беззвучно раскрылся. На миг я ослабил хватку, давая вздохнуть, а затем произнес, глядя прямо в глаза:

— Дернешься — придушу!

Мой локоть опять сдавил ей горло, и тут Дейотара наконец испугалась. Мелькнула мысль дать ей хорошего тумака и оставить в покое, но я понял — она мне этого не простит. Что ж, свою правоту можно доказывать по-разному.

...Она вскрикнула только один раз. Что бы я ни делал, закушенные губы больше ни разу не разжались. Я заметил капельку крови, сползавшую к подбородку. Дейотара не прикрывала глаз, и взгляд ее был взглядом загнанного в ловушку зверя. Царевне было больно и страшно, но ненависть, горящая в ее глазах, была сильнее — и боли, и страха...

Я встал и долго не мог попасть рукой в пройму хитона. Дейотара лежала, не двигаясь и не закрывая глаз. Наконец рука ее неловко шевельнулась, проведя по окровавленному бедру.

— Не думала... столько крови...

Голос был незнакомым, хриплым. Кажется, я сдавил ей горло слишком сильно.

Отступать было поздно, извиняться — нелепо. Оставалось доводить дело до конца.

— Кое-что приходится доказывать, царевна. Я сказал, что ты станешь подстилкой, и сказал правду. Ты, кажется, давно этого хотела?

— Ублюдок...

Она привстала, вновь упала на ложе и наконец сумела подняться. Я невольно вздохнул — царевна была красива. Таких женщин мне встречать еще не приходилось. Ненависть, по-прежнему горевшая в ее глазах, делала Дейотару еще более привлекательной.

Она попыталась набросить обрывки хитона, но, скривившись, отбросила их в сторону и завернулась в мой фарос.

— Не смей смотреть на меня, свинопас! Чтобы ты ни делал со мною, я останусь дочерью ванакта, а ты — грязным наемником!..

— Давай, давай! — подзадорил я. — В следующий раз все-таки надену панцирь, и тогда ты запищишь не хуже твоей сестрички!

Она не ответила, и вдруг я понял, — царевна что-то решила. По гладкому лбу промелькнули знакомые морщинки — Дейотара что-то прикидывала, словно после прочтения очередной таблички с донесением.

— Завтра ты объявишь о нашей свадьбе, — произнесла она спокойным и равнодушным голосом. — Надо запросить Дельфийский храм, но там задержек не будет. На свадьбе наденешь на меня диадему...

— Почему — диадему? — брякнул я, соображая, когда она это все придумала. Не тогда ли, когда я ее насиловал?

— Это означает, ванакт, — пояснила она все тем же равнодушным тоном, — что я буду не просто женой царя, а ванактиссой — соправительницей...

— А не много ли будет, царевна? — Я заставил себя усмехнуться, хотя чувствовал себя скверно. Ей надо было родиться мужчиной. Боги ошиблись.

— Не много, ванакт. Когда я стану соправительницей, то сохраню власть, даже если ты женишься на этой рыжей ведьме.

— А может, оставим все как есть, сестричка? Знаешь, мне понравилось!

— Если у меня будет ребенок, я его придушу — как ты хотел задушить меня! — Ее глаза вновь сверкнули огнем. — Ты сделаешь это, Клеотер Микенский! Ктимена — уже не союзник, особенно когда узнает, что ты спал со мною. Мантос сделает все, что она скажет, а Прет...

Она оскалилась, и я вспомнил — первый геквет когда-то сватался к царевне.

— А когда я стану твоей женой, то побеспокоюсь, так и быть, чтобы ты прожил лишние несколько лет — пока не расправлюсь с остальными. Несколько лет жизни — хороший выход для самозванца, правда?

И тут я понял — бежать мне не дадут. Кажется, Тир я увижу не скоро.

Очень не скоро...

— Идет! — произнес я как можно веселее. — Надеюсь, ты знаешь, какие дары нужно послать в Дельфы?

— Не беспокойся! А сейчас — убирайся вон и позови моих служанок. Пусть принесут теплой воды.

— Зайду вечером, — пообещал я, выходя. — Панцирь надевать, ванактисса?

Алебастровый сосуд со звоном разбился о стену у моего виска. Дейотара промахнулась.

...Как мне почудилось — нарочно.

III. ПОВЕСТЬ О ШАРДАНА

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«Когда я сокрушил нечестивцев, один человек, чье имя ныне проклято и забыто, восстал в Микенах. Народ он так обманывал: «Я — правитель Ахайи». Тогда микенцы взбунтовались и перешли к этому человеку. Он стал править в Микенах.*

Тогда воззвал я к Дию, Отцу богов, и направил войско в Микены. Дий, Отец богов, помог мне. По воле Дия я одержал победу. Тот, чье имя ныне проклято и забыто, связанный, был приведен ко мне. Я его умертвил, ибо он прогневал небо и осквернил землю.

Это было на второй год моего царствования, в месяце дуузи...»

ПЕ

«ДЕНЬ НАЧАЛСЯ»

День начался скверно.

Под утро приснился все тот же сон: освещенный факелами коридор, топот стражников за спиной, и я, царевич Клеотер, гладящий черную шерсть гигантского пса. В последние месяцы этот сон мне снился все чаще, но я не решался обратиться ни к прорицателям, ни к лекарям. Я не верил в призраки, иначе давно бы принес жертву душе несчастного царевича. Но Клеотер, сын Главка, давно покоился в царском толосе, а мне, живому, следовало было думать о живых.

Назавтра предстоял отъезд. Все было собрано, вдоль дороги в Фивы до самой границы выставлены посты, подарки загружены в колесницы, а Дейотара примерила полдюжины новых оде-

яний, купленных у тирских купцов. Однако ехать не хотелось. Я не верю в предсказания, но привык — научился — доверять предчувствиям. А они не радовали.

Я знал — что-то случится. И когда стражник, осторожно стукнув копьем об пол, доложил о приходе царицы, я понял — началось. Ванактисса Дейотара не посещала меня без особой нужды. Как, впрочем, и я ее.

— Радуйся, ванакт! — Царица выглядела встревоженной, и я поспешил отложить в сторону последние донесения, над которыми работал.

— Что... — начал я, но Дейотара тут же перебила:

— Прет. У него беда, ты должен принять его немедленно.

— Конечно...

Я растерянно потер лоб, пытаясь догадаться, что могло случиться. С первым гекветом мы работали дружно, и даже его характер начал казаться вполне приемлемым.

— Я побуду с тобой.

Дейотара, как обычно, не спрашивала, а ставила в известность, но на этот раз я и не думал спорить.

Прет, сын Скира, вошел тотчас за нею. Я встал, хотя строгий этикет, наконец-то мною освоенный, диктовал обратное. Геквет был бледен и небрит, что не случалось с ним ни разу.

— Радуйся, ванакт... — Голос казался бледным и безжизненным.

— Прет! — растерялся я. — Ты... Садись.

Но случилось неожиданное — первый геквет опустился на одно колено. Я оторопел — такое полагалось только при присяге. Впрочем, эту часть этикета я помнил слабо.

— Прошу справедливости, ванакт! — Голос геквета дрогнул. — Эгеон, сын Скира, мой брат...

Я чуть было не спросил: «Что с ним?» — но внезапно понял.

— Мой брат убит, ванакт! Вчера вечером его нашли на дороге в Аргос. Прошу справедливости и отмщения!..

...Эгеона, его младшего брата, я видел всего пару раз. Младший сын Скира служил вторым гекветом аргосского гарнизона. Красивый молодой парень, чемпион в беге колесниц...

Осторожно подняв Прета, я усадил его в кресло. Я знал — братья были очень близки. Что тут сказжешь?

— Как это случилось? — Мягкий голос Дейотары прозвучал очень вовремя. — Расскажи...

— Это были не разбойники! — Голос Прета плеснул бешен-

ством. — Ванакт! Его убили наши воины! Их нашли рядом — он не умер неотмщенным...

— Рядом с телом Эгеона лежали три трупа, — тихо проговорила царица. — На них были панцири и шлемы. Их опознали: все трое — из орха, что стоит у Навплии.

Да, такого я не ожидал. Геквет убит собственными воинами. Подобное бывает, особенно если назревает бунт. Но Эгеона убили воины соседнего гарнизона, которые едва ли видели его хотя бы раз.

— Им приказали, — выдохнул Прет. — Я уже узнал. Из Микен пришел приказ направить десяток воинов во главе с комавентом.

— Троих нашли, — заметил я. — Где остальные?

— Исчезли, — Прет закусил губу. — Клеотер! Кому помешал Эгеон? Я нарочно отправил его подальше от Микен, он...

И тут я понял — парень подозревает *меня*. Во всяком случае, близок к этому.

— Это страшное горе, Прет, — Дейотара вновь пришла на помощь. — И поверь, это не только твое горе.

— Мы найдем убийцу, — я сцепил зубы и мысленно помянул Бела, — клянусь тебе, Прет, найдем! Но будем откровенны — ты уверен, что приказ пришел из дворца?

Первый геквет молча кивнул.

— Тем хуже для убийцы. Между нами не должно быть неясностей, Прет. Я не приказывал убивать твоего брата. Ты знаешь меня. Если бы я хотел истребить твою семью, то действовал бы иначе...

— Да, — парень тяжело вздохнул. — В первое мгновение, когда я узнал о приказе... Но ты прав, ванакт. Клеотер Микенский не посылает тайных убийц к невиновным людям. Я верю тебе.

— Спасибо.

Я попытался улыбнуться, но понял — Прет держится из последних сил. Незаметно кивнув Дейотаре, я отступил назад. Царица подошла поближе и погладила Прета по щеке. Плечи парня дрогнули.

— Поплачь, — шепнула она. — Не стыдись слез, Прет. Ведь это был твой брат.

— Нет, — геквет тяжело поднялся, привычным движением поправляя плащ. — Прости, ванакт. Горе заставило меня забыть об обязанностях. Я должен был доложить еще вчера... Шардана волнуются.

Если бы он доложил о появлении на главной площади Микасы гидры о девяти головах, я бы удивился меньше. Шардана никогда не вызывали беспокойства. Казалось, выходцы из-за моря Мрака не способны к нарушению дисциплины. Мелькнула и пропала мысль о невыплаченном жаловании. Нет, о таких вещах не забываем ни я, ни Прет.

— Два дня назад к ним приехал их земляк, — продолжал гекает. — Он прибыл на корабле в Навплию.

— Что за корабль? — быстро спросила Дейотара.

— Корабль шардана. Они редко приплывают к нам, этот — первый за два года. Похоже, посланец принес плохие известия. Шардана очень обеспокоены, их старшины хотят встречи с тобою.

— Да, конечно, — кивнул я. — Приму их после обеда... Ты не знаешь, что там стряслось?

— Они не говорят. Хотят встречи только с ванактом.

Поездка в Фивы сразу же показалась чем-то нереальным. Боги вновь прогневались на Ахияву. Воины убивают друг друга, а шардана — самая верная часть войска — готовы взбунтоваться. Самое время для путешествия на свадьбу дочери фиванского басилея!

Меня пригласили еще три месяца назад. Звали настойчиво — и я решил ехать. Дело, конечно, не в свадьбе какой-то сопливой девчонки. В Фивы съезжались все мои соседи — и друзья, и враги. Почти ни с кем из них за эти полтора года увидеться мне не довелось. Соседи выжидали, присматривались, и вот, наконец, — приглашение. Побывать в Фивах следовало непременно, я как раз собрался туда...

Да, не вовремя... Эх, боги Аннуаки, за что?

Я отправил Прета отдыхать, велев передать командование второму гекает. Убийство Эгеона и бунтующие шардана — неизвестно, что опаснее. Оба дела требовалось решить немедленно, еще до отъезда — или вообще не ехать...

— Ванакт! Ты выслушаешь меня? — Голос Дейотары прозвучал так неожиданно, что я невольно вздрогнул:

— Да, конечно.

— Не знаю, что случилось у шардана, ванакт. Но убийство Эгеона — это удар по тебе, по нам с тобою. Тебя хотят поссорить с Претом и с его отцом. Будь осторожен!

О старом Скире я не забывал, но он все эти месяцы тихо жил при дворе фиванского басилея.

Фивы? Странное совпадение.

— Мы можем отложить отъезд на сутки, — решил я, — думаю, разберусь быстро. Приказ пришел из Микен, значит, надо увидеть этот приказ.

Дейотара покачала головой:

— Ты рассуждаешь, как мужчина. Я попытаюсь иначе.

Она вновь ставила меня в известность, и опять я не решился спорить. Царица Дейотара была рождена, чтобы править. Впрочем, со мною она обходилась честно, и мы ссорились даже меньше, чем можно было предположить. После свадьбы она ни разу не назвала меня свинопасом. Царица не подобрела, просто муж богоравной Дейотары *не мог* пасти свиней.

В общем, мы как-то уживались.

Двери своей спальни она не запирала, но спать с ней было все равно что с большой статуей Иштар в главном храме Баб-Или — царица была столь же красива и столь же холодна. Как-то Дейотара обмолвилась, что делит со мною ложе исключительно для того, чтобы по Микенам не поползли слухи о нашей ссоре.

— Быть по сему, — я встал. — Надо вызвать Мантоса.

— Я уже послала гонца, — кивнула царица, — сразу же, как встретила Прета. Вызвала и гекветов того орха, где служил Эгеон.

Я покосился на Дейотару, но ничего не сказал.

Шардана были загорелыми, широкоплечими и длинноусыми. Светлые волосы аккуратно заплетены в косицы, лица и руки покрыты шрамами. Крепкие парни — с такими не полезешь в драку, даже когда они без доспехов и оружия.

Ко мне пришли двое — Деимах и Герс, оба — комавенты, начальники полусотен. На самом деле Деимаха звали Даймигуша, а Герса — Хорсагаша, но они, как и остальные шардана, быстро привыкали к обычным для Ахиявы именам. На своей далекой родине, за морем Мрака, оба считалась вождями. Сейчас они были при полном параде — в дорогих плащах, сверкающих рогатых шлемах и с обязательным топориком на боку. Такие топорики-клевцы, богато украшенные золотом, носили все шардана.

Возможно, Деимах и Герс и волновались, но их загорелые лица оставались невозмутимыми. Впрочем, убивают они со столь же спокойным видом. Шардана есть шардана!

Стукнули деревянные подошвы сандалий, глухо прозвучало: «Радуйся, ванакт!» Я старался держаться столь же спокойно.

— Что случилось, воины? Чем недовольны мои шардана?

Деймах и Герс переглянулись. Я догадался, что говорить будет Деймах — он старше, — и не ошибся.

— Мы довольны, ванакт! Служить Микенам — высокая честь. Но у нас на родине большая беда.

Деймах говорил на языке Ахиявы правильно, с еле заметным акцентом. Он служил в Микасе почти двадцать лет.

— И что случилось за морем Мрака? — поинтересовался я.

Да, для тех, кто служит Микенам, этот день, кажется, не из самых счастливых.

— Мы называем это море Акайэша — Негостеприимное. Но за ним лежит наша земля, ванакт. Наша Орихайна...

...Я уже знал, что все разговоры о царстве Мрака, где весь год царит ледяная ночь, — обычные байки. Мне рассказывали про Орихайну — и немало. Зимой там действительно лютый холод, зато лето жаркое, на огромных просторах колосится пшеница, пасутся громадные стада, а еще дальше на север начинается лес, где охотники добывают драгоценные меха. Там живут десятки племен, но шардана — самые сильные.

— Пришел корабль из Орихайны, ванакт. Нам принесли горькие вести. Огры, наши давние враги, перешли реку Ра и разбили наше войско...

Теперь я слушал внимательно, не пропуская ни слова. Огры, кочевники на низкорослых быстрых конях, были чем-то вроде гиксосов, сокрушивших в давние годы землю Та-Кемт. Шардана много лет отбивали их натиск, но в последней битве боги отвернулись от защитников Орихайны. Погибли все кеи — военные вожди, под степной ковыль легли тысячи воинов. Огры рассыпались по степи. Они не просто грабили — кочевники согнали уцелевших и сделали их своими рабами. Над Орихайной воцарился огрский владыка — хэйкан — с непроизносимым именем Терайкаталькузи...

Имена и титулы звучали диковинно, но история была обычной. Гиксосы покорили Та-Кемт, проклятые эламиты — Баб-Или. Теперь пришел черед шардана...

— Многие бежали в леса, к нашим бывшим союзникам, — продолжал Деймах. — Огры боятся заходить туда. Но часть уцелевших удержалась на полуострове Харбай, они заняли перешеек и построили там каменную стену...

Деймах с неожиданным увлечением принялся рассказывать о сноровке своих земляков, воздвигнувших неприступные заграждения, а я между тем думал, чего они хотят от меня. Очевидно, собираются воевать дальше. Значит...

— Вы хотите вернуться домой, — заметил я, и оба шардана кивнули. — Понимаю и не держу. Вам выплатят жалованье за год и снабдят провиантом.

— Спасибо, ванакт! — Деимах замялся. — Наши воины верно служили Ахияве...

— А также Хаттусили, Фивам, Аласии и Криту, — не удержался я.

— Да. И теперь мы собираем всех, чтобы разбить проклятых огров.

Что ж, несколько сотен опытных наемников — хорошая подмога. Но я чувствовал — шардана сказали не все.

— Ванакт! — в разговор вступил Герс. — Мы соберем всех наших — их около двух тысяч. Но этого мало. Мы хотим набрать наемников — у нас есть золото, чтобы оплатить их. Мы соберем войско и посадим его на корабли...

— Корабли? — Я начал понимать. — Вам нужны корабли?

— Нам нужно двести кораблей — таких, как у вас. Мы можем помочь их построить — у нас опытные мастера. Нам нужен остров, где есть вода, чтобы собрать там войско. Помоги нам, ванакт!

Теперь я все понял. Они ждут, что я дам им корабли, позволю нанять несколько тысяч воинов и разместить их на каком-нибудь острове, чтобы без помех начать обучение. Двести кораблей — около десяти тысяч воинов! Неплохо...

— Мы просим многое, ванакт! — вновь заговорил Деимах. — Но мы сможем расплатиться. За оружие заплатим сразу, а корабли возьмем в долг. Но и это не все, ванакт...

Он помедлил и взглянул мне прямо в глаза. Я понял — сейчас он скажет главное.

— Дай нам царя, Клеотер Микенский!

Мне показалось, что я ослышался, но Деимах тут же повторил:

— Дай нам царя, ванакт! Наши вожди погибли, а тот, кто уцелел, — слаб и потерял лицо. Пусть микенский царевич правит шардана. Он отвоюет Орихайну и воцарится в ней! Наша земля станет, наконец, едина...

Я кивнул — придумано неглупо. Царевич из дальней страны — чужак. Но с ним легче смириться, чем с земляком-соперником. А если этот царевич приведет с собой двести кораблей и десять тысяч воинов...

— Вам нужна конница, — заметил я. — Если у огров конница легкая, вы должны одеть воинов в панцири. И еще вам нужна хорошая пехота с длинными копьями...

Шардана переглянулись.

— Нам не повезло, ванакт, — впервые за весь разговор усмехнулся Деймах. — Тот, кто нам нужен, уже получил свой престол...

На миг у меня захватило дух. Прочь из крысиной норы! Десять тысяч воинов, неведомые земли, опасные враги — что еще нужно наемнику? Но я овладел собой. Поздно! Дейотара права — венец микенского ванакта можно снять лишь вместе с головой.

Не убежишь...

— Вы просите многое, — осторожно начал я. — Ахиява живет в мире с соседями. Орихайна далека от нас, но Хаттусили считают южный берег моря Мрака своим. Кроме того, двести кораблей стоят очень дорого...

Я размышлял вслух, ничего не скрывая. Наемнику легко ввязаться в драку на краю света. Но микенскому ванакту приходится быть осмотрительным. Жаль шардана, они — славные парни, но риск слишком велик. Пусть обратятся в Хаттусили, там не прочь будут завести таких союзников...

— Ты прав, ванакт — и не прав одновременно, — заметил Герс. — Ты думаешь, что наша земля слишком далека и Микены ничего не выигрывают от такой помощи. Сейчас — нет, но через десять лет — да.

Я чуть не рассмеялся. «Десять лет» для наемника означает «вечность». Но для ванакта десять лет — небольшой срок.

— Ты знаешь о нашей земле не все, ванакт. Скажу тебе то, о чем мы молчали раньше. Неспроста наши кеи посылали лучших воинов служить за море. Они учились — и смотрели во все глаза...

— Вы... вы готовились к войне?.. — не удержался я. — Собирались воевать... с нами?!

— Да... Если бы не огры, наши корабли уже приставали бы к берегам Хаттусили. Через пару лет мы были бы в Микенах, врагами или союзниками — не знаю. Нас очень много, ванакт. Мы научились делать неплохое оружие и строить корабли — лучше, чем у вас. У нас есть даже железо. Железные мечи, ванакт!

Железные мечи — их имели только гвардейцы Хаттусили и еще, по слухам, халибы, жившие где-то на границах с Урарту. Кажется, огры вовремя перешли реку Ра...

— Сейчас мы разбиты, — понял меня Герс, — но огрский хэйкан имеет те же мысли. Он построит большие корабли, чтобы перевозить конницу. Ему нужно года три-четыре. Он приведет сюда огров и тех шардана, что покорились ему. Они разобьют Хаттусили, а потом обрушатся на вас.

Я поверил. Хаттусили давно уже стала тенью. Хеттийцы особенно слабы на севере, где живут их вечные враги — племена каска. Именно туда пристанут корабли хэйкана с непроизносимым именем...

— Огры на этом не остановятся, ванакт. У них хватит войск, чтобы послать их на царство Урарту и сокрушить его. Тогда перед ними не будет преград...

Он был прав и в этом. Урарту долго и несчастливо воевало с Ассуром. Удар в спину способен сокрушить горцев.

— Огры — угроза и для вас, даже если они придут сюда через полвека.

...Даже если и не придут. Удар по Хаттусили вызовет такой потоп, что Ахияву просто захлестнет.

Вслух я ничего не сказал — не время. Шардана явно приберегли что-то под конец...

— Мы отвоюем свою землю, ванакт. Нами будет править ахейский царевич, а ты получишь могучих союзников. Несколько лет уйдет на это, но затем мы приведем флот в Лиловое море. Мы вместе разобьем хеттийцев, дойдем до Сирии, до земли Та-Кемт... Если ты не поможешь нам, то помогут другие...

Итак, нашествие все равно состоится. В одном случае на нас обрушатся огры, в другом — шардана. Но землякам Деимаха понадобится для подготовки лет десять, а то и двадцать. И придут они сюда как союзники...

— У меня нет ни сыновей, ни братьев, — напомнил я.

— У многих базилеев Ахайи в жилах течет царская кровь, — пожал плечами Герс. — Выбор за тобой, ванакт.

Легко сказать! Желающие найдутся, но истосковавшихся по власти базилеев к таким делам нельзя подпускать даже на выстрел катапульты.

— Я дам вам ответ, — решился я, — через месяц. Этот месяц шардана должны продолжать службу.

Деимах и Герс коротко поклонились. Вновь щелкнули деревянные сандалии. Лица усачей оставались спокойными и невозмутимыми.

Под вечер приехал хмурый и озабоченный Мантос. Он уже все знал, более того, сумел установить кое-что важное. К этому времени и я допросил многих, имевших отношение к делу. Оно оказалось неожиданным и одновременно простым.

...Эгеон, второй геквет навплийского гарнизона, уже второй месяц гонялся за шайкой некоего Калиба. Главаря поймать не

удалось, но пару раз разбойников серьезно потрепали. Эгеон узнал, что некоторые сообщники Калиба служат в наших войсках. Под подозрением оказались многие, в том числе комавент Накс, служивший в соседнем гарнизоне.

За день до убийства начальник орха получил приказ из Микен с требованием отправить Накса с десятком воинов для заготовки провианта. Приказ был написан на обычной алебастровой табличке. Моя печать оказалась подделанной, хотя и достаточно искусно. При обыске в вещах исчезнувшего Накса был найден перстень из черной смолы — опознавательный знак шайки Калиба.

Вероятно, Калиб решил одной стрелой убить сразу двух уток — вывести из-под удара Накса и его людей, а заодно убрать излишне удачливого геквета. Расчет был прост — люди в доспехах смогут подойти к Эгеону вплотную и ударить внезапно. Правда, брат Прета сумел уложить троих убийц, но погиб и сам.

Оставалось поймать Калиба и Накса, распять их на крестах и принести поминальные жертвы душе Эгеона. Так по крайней мере считал Мантос. Прет ничего не сказал, но, кажется, не поверил.

Я, признаться, тоже.

Вечером я зашел к Дейотаре. Она выглядела весьма озабоченной, хоть и очень старалась не показывать этого. Мы уже решили, что выезжаем на следующий день. Следствие по поводу гибели Эгеона я приказал продолжить, а остальные дела могли подождать.

— Мне не нравится, что ты оставляешь здесь Мантоса, — заявила царица, когда я рассказал о своих планах.

— Но он лавагет...

— Вот именно. Отец учил — когда покидаешь царство, бери с собой всех, кому не веришь.

— Во имя Адада! — не сдержался я. — Тебе придется взять с собой всю Ахияву!

— А тебе? — огрызнулась Дейотара. — Наши головы будут торчать на копьях рядом, братец. Ты берешь Прета — это правильно. Но я бы взяла еще и Мантоса. И Ктимену тоже...

Дочь Главка три месяца назад родила сына и с тех пор безвыездно жила в своем загородном дворце. Кажется, она успокоилась и принялась за очередное покрывало, на этот раз для храма Поседайона.

— Ты заметил, ванакт, что Эгеон служил в Навплии? Ктимена живет неподалеку...

— Ну и что? — не понял я.

— Еще не знаю... Но, думаю, скоро буду знать. Не нравится мне это, ванакт! Прет считает всю историю с разбойниками выдумкой, и он прав.

Я кивнул — все слишком хорошо совпадало и подозрительно быстро выяснилось. Словно кто-то спешил спровадить меня из Микасы.

— Мы едем в Фивы, а там живет Скир. Он тоже не поверит...

Дейотара думала о том же, что и я. Ссориться с бывшим гекветом было опасно.

— Ты знаешь не все, царица, — вздохнул я, — есть еще одно дело.

И я пересказал ей беседу с шардана. Почему-то думалось, что Дейотара тут же примет какое-то решение — это в ее стиле. Но, к моему удивлению, дочь Ифимедея молчала. Кажется — впервые! — она выглядела растерянной.

— Это... Это придется решать тебе, ванакт, — наконец заметила она. — Тут я ничем не могу помочь.

— Как?!

Наверное, это прозвучало достаточно нелепо. Дейотара улыбнулась.

— Ты слабый правитель и грубый любовник, Клеотер. Я давно подумывала, чтобы править одной...

Такое я слыхал уже не первый раз и научился относиться к подобным заявлениям спокойно.

— Моей правой рукой стал бы Прет. Если уж мне суждено ублажать наемника, пусть это будет он. Прет по крайней мере видит разницу между лагерной девкой и царицей...

— Давай, — зевнул я. — Придется мне жениться на Ктимене...

Дейотара засмеялась:

— Говорят, когда-то было возможно и такое. Но сейчас жрецы запрещают подобные браки даже царям, что, конечно, неумно. Но ты опоздал — надо было выбирать раньше. Либо я — либо она. А теперь, когда у нее ребенок...

— Давай о шардана, — напомнил я.

— О шардана... Я поняла, что не смогу править одна. Прет — не помощник, он лишь меч. Я вполне справлюсь с делами в Микенах, но иногда появляется нечто, недоступное мне. Например, шардана.

— Почему? — вновь удивился я. — Твой отец...

— Отец никому не доверял таких дел. Ни я, ни Прет не бывали за морем. Я не знаю, где Хаттусили, где Урарту, где Та-Кемт. Здесь я ошибусь, Клеотер. Так что ты нужен — пока. Есть еще

одна причина, но я о ней тебе не скажу... Ладно, где список тех, кого мы берем в Фивы?

Я выбросил из головы убийц Эгеона и усатых шардана, и мы занялись списком.

В ночь перед отъездом я вновь увидел свой странный сон. Я снова шел по коридору, сзади шагала стража, и большой черный пес по имени Гар терся о мои руки. Но это продолжалось совсем недолго — всего лишь миг. Ослепительный свет — и я вновь лежу на жестком каменном ложе.

...Люди у стен — они кутаются в фаросы, словно пытаясь скрыть лица. Одного я узнаю — богоравный Арейфоой, еще не старый, лет сорока, почему-то в тяжелом пластинчатом панцире. Женщина — та, что сейчас положит мне на лоб холодную руку. Она тоже знакома — красивое, но уже тронутое временем лицо, на глазах почему-то слезы. Я слышу шепот, слова доносятся глухо, словно издалека:

— Бедный мальчик!

Кого она жалеет? Меня или того, другого, — худого, с исцарапанными руками? Вновь кажется, что мы с ним очень похожи...

— Но почему? Почему?

Кто-то, кажется Арейфоой, подходит к женщине и осторожно придерживает ее за плечи. Она плачет, затем медленно подходит ко мне. Холодная рука ложится на лоб.

— Прости, царевич...

Я проснулся в холодном поту, в сердцах помянув Иштар и все каверзы ее. Боги перепутали сны... Вновь стало страшно, как тогда в подземелье. Я накинул фарос и направился пустым коридором в спальню к Дейотаре. Мы редко ночевали в одной комнате, и в эту ночь дверь оказалась запертой. Я вышиб ее ногой и, не сказав ни слова, рухнул на ложе, накинув на голову покрывало. На этот раз боги оказались милостивы к бывшему царскому мушкенуму. Я заснул сразу, но сквозь сон чудилось, будто Дейотара молча сидит рядом, и лицо ее мне кажется странным — словно дочь Ифимедея знает, что творится со мною.

И ей тоже страшно.

Караван добирался до Фив десять дней. Приходилось везти с собой все необходимое в подобных случаях — от тирских златотканых плащей до бронзовых треножников для фиванских

храмов. Вдобавок — подарки невесте, жениху, его родне. И ко всему этому — полдюжины базилеев со свитой. Я взял с собой самых преданных — и самых ненадежных. А по бокам, впереди и сзади — полсотни усатых шардана.

Прет всю дорогу молчал. Он даже не успел справить тризну по брату и теперь был черен, как ночь. Его молчание мне чрезвычайно не нравилось. Вновь стало казаться, что парень мне не верит, считая виновным в гибели Эгеона. Я не пытался заговаривать с ним, понимая — доказать ничего не смогу. Даже Дейотара сообразила, что Прета надо оставить в покое. Поговорить с ним я смогу позже — когда найду настоящих убийц.

Дорога была знакомая, по крайней мере до Аргусы. Мы специально завернули туда, чтобы забрать с собой местного басилея. Там же меня ждал один из комавентов, занимавшийся расследованием. Увы, ничего нового о гибели Эгеона узнать не удалось. В Аргусе я думал встретить Афикла и тоже взять его в Фивы, но потомок богов оказался неуловим. По слухам, ему сообщили, что где-то на севере появились странные птицы с медными перьями, и Афикл поспешил направиться туда для полного истребления оных. Наш Гильгамеш был явно неравнодушен к тварям божьим...

Заодно я узнал, что мой приказ выполнен. Прах Гелена, сына Ифтима, перенесен в родовой толос под Лерной. Непредсказуема воля богов! Не будь случайной стрелы, Гелен, а не я ехал бы сейчас в Фивы. Интересно, как бы он управился с делами? И почему боги выбрали из двух самозванцев именно меня?

«То, что задумал Гелен, — все исполнится, но не Геленом». Боги Вилюсы не ошиблись...

Фивы показались мне весьма похожими на Микасу. Те же стены, те же храмы, те же полуземлянки у ворот. Разве что все это еще меньше, еще грязнее. Я уже привык — таких городов, как Баб-Или, мне уже не увидеть.

Крысиная нора...

На этот раз в норе было весьма оживленно. Крыс набилось без числа — одних базилеев, не считая их супруг, было до полусотни. С этими козопасами, имевшими по одному парадному фаросу, переходившему от деда к внуку, можно было особо не церемониться. Но имелись крысы и покрупнее.

Самой крупной крысой считался, конечно, я. За эти полтора года удалось с грехом пополам разобраться в здешних порядках. Ахиява чем-то походила на Хаттусили: сильный центр и рыхлые окраины, подчинявшиеся от случая к случаю. Мои бли-

жайшие соседи — Пилос и Орхомен, а также дюжина небольших островов в Лиловом море — на словах признали мою власть, однако на деле стали самостоятельными еще в незапамятные времена. Базилей Пилоса давно уже именовал себя ванактом, хотя в переписке со мной предпочитал не употреблять этого титула. С Орхоменом Микены время от времени воевали, на чем и сломал себе шею покойный Ифимедей. Островные базилеи держались вежливо, порой присылали подарки — но не более.

Такое положение было терпимым, по крайней мере пока. Сильный враг, подобный кровожадным каска, нападавшим на Хаттусили, отсутствовал. С Пилосом обычно удавалось договориться, Орхомен — точнее, его басилей — изрядно струсил, узнав о смерти Ифимедея, и старался держаться лояльно. С островными владыками я не ссорился, но постепенно увеличивал флот.

Фивы кичились своей независимостью. Лет сто назад кто-то из микенских ванактов захватил их, но фиванцы отбились и теперь всячески подчеркивали свою свободу. Фиванский басилей держал под своей рукой дюжину вождей с севера — угрюмых дикарей, постоянно ссорившихся из-за пастбищ и угнанных коров.

С прочими можно было не считаться, но оставалось еще море. Там царил ванакт Кефтиу — острова, который в Ахияве предпочитали называть Крит. Он гордился давней славой Миносов, от которых ныне не осталось даже гробниц, подкрепляя свои претензии флотом из нескольких сот чернобоких судов, вполне пригодных для боев в узких проливах между островами. Ни Тир, ни Сидон, ни Вилюса в эти воды не совались, и ванакт Крита чувствовал себя вполне уверенно.

Это — море, но была еще земля за морем. Лет сто назад одно из племен откуда-то с севера высадилось на берегах Хаттусили и отвоевало немалый кусок земли. Теперь там было царство Милаванда, наш оплот на востоке. Ванакт Милаванды ладил и с хеттийцами, и с Ахиявой, но смотрел все-таки в нашу сторону.

Таков был расклад в этой большой игре в кости. Мне предстояло познакомиться с игроками и сыграть партию-другую. Не зря же мы съехались в Семивратые Фивы!

Конечно, все приехали на свадьбу. Признаться, ни жениха, ни невесту я толком не разглядел, да и не пытался, даже не стал слушать, с кем дочка басилея успела переспать перед свадьбой. На подобные церемонии я насмотрелся еще в Баб-Или, а после роскоши Врат Бога жалкие потуги козопасов только смешили.

...Порою, впрочем, становилось не до смеха. На церемони-

ях, особенно в присутствии жен, все держались относительно пристойно, зато вечерами начинались пиры. К счастью, благодаря моему положению самой большой крысы, я имел возможность пить по желанию, пропуская бесконечные здравицы, дабы не превратиться, подобно гостям колдуньи Кирки, в свиней. Остальные охотно шли на это, облевывая столы и насилуя несчастных флейтисток прямо в пиршественной зале. Наемники тоже любят погулять, особенно после удачного похода, но до подобного мы не доходили. К тому же в Баб-Или пьют прекрасное пиво, о котором тут слыхом не слыхивали, — а здешнее вино кого угодно превратит в свиней.

Итак, крысы и свиньи еженощно обгаживали дворец. Я охотно отпускал туда своих базилеев и кое-кого из даматов. Сам же, выпив — или вылив под стол — первую чашу, отправлялся в полутемный мегарон, где собиралась совсем другая компания.

Собственно, для этого мы и приехали. Мы — это прежде всего четыре ванакта: Микен, Крита, Милаванды и Пилоса. Пятым был хозяин дворца, шестым же — Кодр, хитрый одноглазый старичок, басилей небольшого города Атаны. Его здесь очень уважали — и не зря. Он был старше нас и помнил все, вплоть до Великого Потопа.

Первым говорил, как правило, хозяин. Фиванский басилей был старше меня лет на пятнадцать, но еще крепок, силен — и очень себе на уме. У такого опасно просить в долг даже луковицу — обманет и заберет за процент и поле, и дом, и сад. Звали этого богоравного Гарп — почти как пса из моего ночного кошмара.

Но слушать Гарпа было интересно. Я быстро узнал, что подобные встречи здесь проводятся регулярно, приурочивая их к различным свадьбам, поминкам, иногда — большим охотам. На прошлой такой встрече в Пилосе (кажется, это были чьи-то поминки) покойный Ифимедей умудрился перессориться со всеми. С тем большим интересом ванакты присматривались ко мне.

Вначале я помалкивал. Не хотелось демонстрировать свой акцент, к тому же о многих обсуждаемых делах я знал слишком мало. Тем более вначале разговор пошел о проблеме, мало беспокоившей Микасу, — о лешаках.

...Это странное название я услыхал впервые еще в Хаттусили. Какие-то племена, грозившие Ахияве с севера. Хеттийцы звали их «даруша» — лесные оборотни, лешаки. Здесь предпочитали именовать дорийцами.

В Хаттусили ошибались. Микасе пока нечего было боять-

ся — лешаки жили на севере, досаждая не столько Фивам, сколько подвластным им басилеям. Дорийцев все дружно считали дикарями, одетыми в грязные шкуры, и чуть ли не людоедами. Казалось бы, фиванское войско вполне может разобраться с ними без посторонней помощи, но Гарп обратил наше внимание на некоторые интересные детали.

Прежде всего, «даруша» — не племя и даже не племена. Какие-то дикари действительно лет сто назад пришли с севера в окрестные леса, но с тех пор многое изменилось. В лес бежали те, кому не по душе оказалась власть Фив и их базилеев: рабы, дезертиры, разбойники, просто сорвиголовы. Они быстро стали своими среди лешаков, научили их воевать и повели «даруша» в бой. Беглецы прекрасно знали своих врагов, могли показать дорогу и тайный вход в крепость. Пограничным гарнизонам приходилось туго. Вдобавок в последнее время лешаки начали применять железное оружие, что повергало царские войска в трепет. По слухам, они покупали его на севере, где жили их союзники.

Гарп советовал нам крепко подумать. По его мнению, медлить было опасно. Следовало построить несколько мощных крепостей, посадить там гарнизоны наемников и готовиться к сокрушительному удару. Требовалось серебро, а еще лучше — золото. Причем очень и очень много...

Я слушал с интересом, но остальные, не раз беседовавшие на эту тему, не проявляли энтузиазма. Война с лешаками трудна, раскошелиться — и серебром, и кровью — придется всем, выиграют же прежде всего Семивратые Фивы. Конечно, будь Гарп моим верным союзником, сомнений оставалось бы меньше. Но сейчас положение совсем иное, и я был не прочь поговорить с вождями лешаков.

Быть может, их предложения будут интереснее?

Одноглазый Кодр — атанский басилей — по-видимому, так и сделал. По слухам, Атаны прекрасно ладили с «даруша» и не спешили помогать Фивам.

Худощавый мрачный Фасс, ванакт Крита, и веселый толстяк Номионь — правитель Милаванды — лишь пожимали плечами. Лешаки их совершенно не интересовали.

Зато их внимание привлекло нечто иное. Нашего хозяина ждал сюрприз. Итарай, ванакт Пилоса — низкорослый, плешивый, с большим горбом, — привез в Фивы не просто новую идею, а целый план. Об этом знали все, кроме меня и Гарпа. Нас хотели поставить перед непростым выбором — и это им удалось.

Случилось это на пятый день торжеств, когда все возможное было уже выпито и съедено. Впереди намечалась большая охота, но перед этим гостеприимный хозяин решил превзойти самого себя.

Когда я впервые услыхал о Таинстве — именно так это все называлось, — у меня свело скулы. Нелепые храмовые обряды скучны и противны, а тупая напыщенность посвящений, когда тебя то бьют топором по голове, то заставляют есть сырое мясо, всегда вызывала боязливое отвращение. Но все прочие отнеслись к Таинству с немалым энтузиазмом.

Вскоре я понял — почему.

Нас посвящали в нечто, о чем мы обязывались молчать до конца жизни. Происходило все это в небольшом храме в часе езды от Фив. Глупости со слушанием таинственных голосов в роще и лицезрением всякой пакости кончились быстро, и началось главное...

В Баб-Или мы часто имели дело со жрицами Иштар. Для таких, как мы, они и предназначались и, надо сказать, были весьма искусны. Но то, что поджидало нас после Таинства, признаться, потрясло. Особенно после года жизни с Дейотарой, которая понимает обязанности супруги весьма своеобразно. В общем, к утру я несколько очумел.

Остальные тоже изрядно размякли. Толпу базилеев отправили отсыпаться в рощу, а для крыс покрупнее отвели удобные ложа с мягкими хеттийскими покрывалами.

...С утра все началось опять и кончилось лишь на третий день.

Для базилеев, еле волочивших ноги, устроили пир, означавший завершение торжеств, а наша компания, включая хозяина и одноглазого старичка Кодра, приехавшего сюда явно лишь из любопытства, собралась в небольшом зале возле главного святилища.

Владык было не узнать. Даже вечно мрачный Фасс повеселел, услаждая наш слух сальными байками из своей пиратской молодости, а старикашка Кодр хихикал, приглашая всех в Атаны. Соль шутки я понял, лишь когда мне объяснили, что Атана, дочь Великого Дия, считается вечной девственницей. Я тоже был не прочь пошутить, прикидывая, что смогу не заглядывать в спальню к царице по крайней мере месяц.

Итак, всем было весело, но как только рабы закрыли дверь, шутки мгновенно смолкли. Кажется, хозяин устроил Таинство,

чтобы гости сочувственнее отнеслись к войне с лешаками, но слово попросил не он, а Итарай.

Плешивый горбун, над которым мы тайком подшучивали, заговорил о таких вещах, что мысли об обольстительных девах сразу же вылетели из головы. Вскоре я уже начисто забыл о том, где нахожусь. Крысиная нора впервые за многие месяцы по-настоящему удивила.

Крысы решили превратиться в волков и напасть на льва...

«Лев болен», — именно так и начал Итарай. Особых пояснений не требовалось — пилосский ванакт говорил о Хеттийском льве. Каменные львицы над воротами Микасы — память о давнем господстве. Но теперь Хаттусили больна, и больна неизлечимо.

Голос горбуна стал резок и визглив, слушать его было нелегко, но ему внимали, словно лучшей певице. Да, лев болен, его логово скоро опустеет. Гиены, шакалы, волки уже бродят вокруг, присматриваясь к будущей добыче...

...В Пилосе неплохо разбирались в делах Востока, значительно лучше, чем я мог предположить. Итарай напомнил о многом. Ашурбалит Ассурский отбросил хеттийцев от верховьев Тигра. Урарту теснят их к подножиям гор. Города юга готовы отделиться. И, наконец, каска — вечное проклятие Хаттусили. Лев уже не нападает, не думает о земле Та-Кемт или Баб-Или — а ведь хеттийцы бывали и на Евфрате, и на Хапи! Лев замкнулся в логове, на каменистых нагорьях своего полуострова, оберегая накопленную за века добычу...

Я незаметно оглянулся — ванакты слушали, затаив дыхание. По-моему, им было страшно. Козьи цари, отбивавшие дюжину коров у соседей и тем гордившиеся, замахнулись — пока еще в мыслях — на великое Царство Хеттийское. Но Итарай прав — лев болен, лев стар, к тому же враги теснят его с востока, юга и севера.

Оставался запад, а на западе — мы.

Критянин и милавандиец согласно кивали — они-то давно присматривались к близкой добыче. Гарп, как и я, был вначале удивлен, но вскоре тоже весь обратился в слух. Я его понимал: удачная война — большая добыча. С хеттийским золотом можно не бояться каких-то лешаков.

Старикашка Кодр то и дело поглядывал в мою сторону — ему было интересно, и недаром. Ведь разговор предназначался главным образом для меня. Ахиява — это прежде всего Микаса: без моего золота, воинов и кораблей о походе нечего и мечтать.

...Мне приходилось бывать на военных советах, но там речь

шла о подкопах под вражескую стену, о ночных вылазках или тайной разведке. Я не знал, как объявляют войну, как ее готовят и тем более ведут. Оставалось изображать из себя каменную статую из тех, что стоят в земле Та-Кемт, и слушать с непроницаемым лицом. Кажется, мне это удалось.

Итарай сделал паузу, явно ожидая ответа — моего ответа. Можно было промолчать или отделаться цветистой фразой о больном льве и его шкуре, которую мы начали делить слишком рано. Но разговор меня изрядно задел. Да, лев болен, однако крысам в его логове делать нечего. Удара одной лапы хватит, чтобы разметать все воинство богоравных козопасов.

Я не выдержал и рассказал то, чему был сам свидетелем, — о большом военном смотре в Хаттусили. Великое Солнце — Царь Хеттийский — собрал войско, чтобы идти на халибов. Колесницы, панцирная конница, легконогая пехота в шлемах с красными перьями и, конечно, Сыновья Солнца — гвардия с оружием из железа. Что может противопоставить этому Ахиява? Толпу свинопасов с дубинами во главе с басилеями, закованными в дедовские панцири, мешающие сделать лишний шаг? Неповоротливые колесницы, неспособные одолеть легкий подъем? Тупые мечи из скверной местной бронзы?

Я не Адад весть какой рассказчик, к тому же мне было изрядно стыдно за свой акцент. Но слушали внимательно — не меньше, чем Итарая. Слушали — и кивали. Пилосский ванакт не думал возражать и даже сочувственно качал головой, когда я говорил о том, насколько слабы крысиные зубы. Но как только я закончил, тут же встал толстяк Номион.

Стало ясно — разговор готовился заранее.

Ванакт Милаванды и не думал спорить, но выбросил из пояса беспроигрышную кость — флот, сотни чернобоких кораблей, способных высаживать войска в любой точке побережья. Хеттийский флот слаб, он почти весь занят на юге. Берега же, подвластные хеттийцам, — царьки, которые воюют не лучше нашего. Достаточно занять плацдарм — и уже оттуда удар за ударом добивать льва. И начать следует, конечно, с Вилюсы.

При этом слове ванакты стали переглядываться — о Вилюсе здесь мечтали давно. И не зря! Город, конечно, не сравним с Баб-Или, но богат — золота там побольше, чем во всей Ахияве. Огромная ярмарка, дорога на восток, наконец, проливы, ведущие в море Мрака. Взяв Вилюсу и соседние города, Троасу и Пергам, мы вцепимся в живую плоть Хаттусили.

А за первым шагом последует второй.

У присутствующих вновь заблестели глаза. Спорить не приходилось — в таком походе я и сам был готов участвовать даже простым наемником. Кодр, не выдержав, вскочил и с гневом стал припоминать какие-то давние обиды. Кажется, сын вилюсского царька украл чью-то жену или не выплатил штраф в Дельфы. Во всяком случае, поводы для войны имеются, и гнев Дия вкупе с Землевержцем Поседайоном, без сомнения, готов обрушиться на нечестивцев.

Теперь уже все шумели, и все чаще взгляды обращались на меня. Я вновь ощутил себя самозванцем. От микенского правителя ждут решения, которое я принять не могу...

...Но и отказаться невозможно. Для всех я — не старший полутысячи разведчиков, а богоравный ванакт. Моими устами говорит Ахиява.

И тут я вспомнил — шардана! В моем поясе тоже спрятана кость, способная побить все прочие. Тысячи усачей на сотнях кораблей — и об этом знаю один я...

Я не говорил, а спрашивал. Войска, корабли — сколько? Серебро — откуда? Союзники — наши и Вилюсы? И главное — тыл. Что будет в Ахияве, когда мы уйдем на восток? Гарнизоны против лешаков? Гарнизоны, охраняющие побережье? Резервы?

Мне отвечали вразнобой, затем голоса стихли. Ванакты и басилеи вновь переглядывались, но уже куда менее уверенно. Наконец Итарай развел руками, признав, что никто из них не вел большую войну. Ахиява вообще давно не воевала, если не считать стычек из-за угнанных коров. Но ванакт микенский — опытный воин...

Тут все закивали. Я понял — рассчитывали именно на меня. С Ифимедеем им, кажется, сговориться не удалось...

Я сдержал усмешку, поинтересовавшись, предоставят ли они командующему абсолютную власть. Не только над войсками, но и над всем, что есть у бодливых козопасов. Настоящая война стоит дорого...

На этом разговор, собственно, и завершился. Они решили подумать — что всегда полезно. Пусть подсчитают слитки серебра в подвалах и привыкнут к мысли, что все это вскоре будет принадлежать уже не им.

Уже уходя, я услыхал чей-то голос: «Так все-таки, сколько?» Хотелось промолчать, но я все же высказал то, что уже потихоньку прикинул: не меньше тысячи кораблей, пятьдесят тысяч воинов с хорошим вооружением и припасы с расчетом на пять-семь лет войны. И это лишь для того, чтобы зацепиться за побережье.

Рты раскрылись, подбородки отвисли. Я поглядел на компанию богоравных и вышел, подумав, что поступил правильно. Они испугались — и пусть боятся дальше! Но если все-таки они соберут армию, я ударю на Хаттусили. Того, что есть в Ахияве, хватит на Вилюсу.

А там приплывут шардана...

Я договорился с критянином Фассом встретиться позднее, чтобы поговорить подробнее. Именно с этого следовало начинать — с моря...

Во дворец, где разместились гости, мне удалось попасть лишь к вечеру. По дороге я еще раз вспомнил весь разговор, решив, что действовал верно. Теперь надо все рассказать Дейотаре...

Царица еще не ложилась. В легком цветном хитоне из тирской ткани она показалась мне как никогда соблазнительной — не иначе подействовало Таинство. Но как только наши взгляды встретились, я разом забыл и про хитон, и про то, что под хитоном, — равно как про все прочее.

— Я хотела устроить тебе сцену, — Дейотара брезгливо поморщилась, поспешив накинуть хлену. — Обычную сцену, которую устраивают жены блудливым мужьям. Мы ведь, кажется, женаты?

Я хотел отшутиться, но она перебила:

— Все-таки ты сволочь! Спишь с царской дочерью и не брезгуешь последними храмовыми шлюхами! О боги! Голые девки, обмазанные свиным салом, с выщипанными волосами на ногах и нарисованными бровями! Интересно, что ты пообещал за это Гарпу? Войну с дорийцами?

Дейотара была, как всегда, близка к истине.

— Был важный разговор, — начал я.

— У меня тоже к тебе важный разговор, ванакт, поэтому я отложу семейные дела на потом...

Она закусила губу и отвернулась.

— Между прочим, я не изменяю тебе, Клеотер Микенский, хотя ты иного не заслуживаешь. К тому же это хороший способ найти союзников — сучка Ктимена понимает толк в таких вещах...

Внезапно я почувствовал себя виноватым. Не то что я часто забавлялся с дворцовыми служанками или молоденькими жрицами, но в чем-то она была права.

— Ладно... Но сначала скажи, ты сильно надышался этой дрянью?

— О чем ты? — растерялся я.

Дейотара зло рассмеялась:

— Отец рассказывал мне про Таинство еще много лет назад. Думаешь, девки, с которыми ты спал, чем-то отличаются от других? Просто в светильники они насыпают какие-то сушеные корни, блудливые козлы, вроде тебя, вдыхают дым... Впрочем, остальное тебе известно самому...

Вспомнилось — светильник действительно горел, и дым от него был пряным, дурманящим.

Я вздохнул:

— Голова вроде ясная... Ай да богоравный Гарп!..

Мелькнула мысль, что Дейотара могла тоже не полениться и раздобыть подобные корешки. Может, мы бы и ссорились меньше.

— Был разговор о лешаках, царица. И еще один — очень важный.

— Потом...

Дейотара пододвинула кресло и заговорила совсем тихо, хотя в большой комнате мы были одни:

— Плохие новости, ванакт. Просто плохие и очень. С каких начать?

— С очень плохих, — вздохнул я.

— Я узнала, кто убил Эгеона.

— Кто?

— Подожди! — поморщилась она. — Пока ты валялся с этими сальными сучками... В общем, перед отъездом ты приказал отпустить геквета того орха, где служили убийцы. Я отменила твой приказ и велела пытать его, пока не сознается...

Меня невольно передернуло. Царица, не заметив, продолжала:

— Он молчал несколько дней, но я позвала самых опытных палачей... Сегодня утром прибыл гонец — я оставила лошадей по всей дороге, чтобы узнавать новости первой. Приказ действительно был, ванакт. Настоящий — не тот, что показали тебе. Тот — обычная подделка. А в настоящем говорилось, чтобы геквет отправил десять воинов во главе с комавентом на дорогу в Аргос, где должен был проезжать Эгеон, и прикончить его. Убийц после этого было велено убрать без следа, а в вещи комавента подбросить разбойничий перстень.

Вначале я не поверил. Геквет посылает убийц?!

— Кто... — В горле пересохло. — Кто отдал приказ?

— Я узнала еще кое-что, — не отвечая, продолжала Дейота-

ра. — Помнишь, я говорила тебе, что брат Прета служил в Навплии, рядом с дворцом этой суки? Так вот, Эгеон часто бывал у Ктимены, особенно в последний месяц. Как думаешь, кому он мог помешать?

— Мантос... — прошептал я. — Нет, не может быть!

В ответ послышался смех.

— Глупый наемник! О чем ты думал, когда убивал моего отца? Что та сволочь, которая толкает тебя в спину, — цвет Микен? Твой Мантос — предатель, он предал отца и предал тебя!

— Он... — слова давались с трудом. — Мантос мстил...

— Он ползал под подолом у этой суки! А ты не дал Ктимене ничего, кроме головы моего отца. Ей мало крови...

Вспомнился список, вытканный на священном покрывале.

— Она умна! Ты приблизил Мантоса за то, что он предал своего господина, а Ктимена уложила его в постель. Теперь Мантос будет делать все, чтобы послужить ей и своему ублюдку. Этот мальчишка, Эгеон, был нужен ей на всякий случай — если Мантос струсит. А может, через него она думала приманить Прета — ведь он тоже от тебя не в восторге...

— Это очень плохая новость, — я уже начал приходить в себя. — Какая же просто плохая?

— В Микенах на каждом углу кричат, что ты самозванец. Толпы бродят возле толоса, где похоронен Клеотер, — говорят, там видели его призрак. А ведьма Гирто вопит, что тебя оставили боги и престол должен перейти к другим потомкам Главка.

...Да, я рано успокоился, рано принялся поучать провинциальных козопасов. Адад лишил меня разума!

— Гирто... Она тоже говорит, что я самозванец?

Дейотара пожала плечами:

— Кажется, нет. Но гнев Дия на твою голову призывает достаточно громко.

— А Эриф?

Царица фыркнула:

— Заболел — не показывается ни в храме, ни на улице. Ждет... Это еще не все, ванакт. Кто-то написал Скиру, что его сын убит по твоему приказу. Он поверил.

О старом волке я не забывал, но за все эти дни мы с ним ни разу не встретились. Я еще подумал, что гостеприимный хозяин старается не пускать его на глаза гостю.

Теперь мы оба молчали. Я старался не глядеть на Дейотару, заставляя себя думать. Случилось то, чего я опасался с первого дня. Теперь остается ждать, когда моя голова украсит крепостные ворота, — или бежать. Боги Аннуаки оказались все-таки

милостивы к «серому коршуну». У меня есть несколько талантов, лошади и верные шардана. До моря недалеко, и первый же корабль унесет меня прочь от берегов негостеприимной родины. Я зря возвращался — боги посмеялись над бывшим царским мушкенумом, искавшим новую службу. Вновь вспомнилась байка про хабирру, ставшего наместником. Парень не растерялся, а я позволил сделать из себя «ушебти».

Хватит!

Я украдкой взглянул на Дейотару и вдруг понял — без меня ее скорее всего убьют. Если Ктимена победит, то не пожалеет серебра, чтобы прикончить дочь Ифимедея. Прикончить — а еще лучше взять живой и расплатиться за все. И расплачиваться будут не только с нею. Ктимена за эти месяцы выткала немало списков...

А что, если уехать в Тир не одному? Конечно, Дейотара — не та женщина, с которой станешь жить по доброй воле. Но ведь, в конце концов, я ей кое-чем обязан...

— Я виновата перед тобой, ванакт, — внезапно произнесла она.

— Ты? — поразился я.

Она кивнула:

— Я сделала то, что обычно карается смертью, — воспользовалась твоей печатью...

«Всего-то?» — чуть не брякнул я, но опомнился и нахмурил брови:

— Ты? Ты посмела? Посмела?!

Кажется, получилось весьма внушительно!

— Погоди, Клеотер, — быстро заговорила он. — Печатью ванакта не смеет распоряжаться никто, отец говорил мне об этом много раз. Но у меня не было времени...

Интересно, зачем ей печать? Отправить письмо в Хаттусили с просьбой об убежище?

— Я приказала всем шардана уйти из Микен и занять акрополь Коринфа. Их пятьдесят человек, без тебя они не удержат дворец. А Коринф рядом, мы сможем там отсидеться — а затем ударить.

Я задумался, затем кивнул — в ее словах был резон. Армия подчиняется Мантосу, ему несложно захватить Микасу. Но Коринф останется у меня.

— Я послала письмо в Дельфы жрицам оракула с просьбой дать совет. От твоего имени.

— Вот это ты зря! — искренне огорчился я. — Три безумные

старые девы — что они могут посоветовать? Если они только узнают, кто я такой...

— Уже знают. Ктимена послала к ним спросить — кто должен править в Микенах и кто тот, кого называют Клеотером? Эти старые девы, ванакт, не так глупы. Их устами вещает Гея...

— Она тебе навещает, — пообещал я, понимая — спорить с царицей бесполезно.

— Оракул признал тебя, помнишь? И благословил наш брак.

— Ну, в этом он явно ошибся! Помоги Адад, чтобы Гея ошиблась и теперь!

В тот же момент я получил по скуле — причем достаточно сильно. Дейотара, поморщившись, потерла ушибленные костяшки пальцев.

— Это за твои слова, Клеотер.

— Что с тобой, женушка? — поразился я. — С каких это пор тебе стали дороги супружеские обязанности?

— Дурак! — отрезала она. — Если бы я искала самозванца, то постаралась бы найти получше тебя. Почему я не мужчина?!

— Боги несправедливы, царица, ты тут права. Ванакт Дейотар стал бы грозой всего мира. Ладно, ванактисса, может, я расскажу тебе о беседе с несколькими богоравными любителями сальных девиц?

Она выслушала меня молча, подумала и кивнула:

— О войне с Вилюсой говорят давно. Отец был не против, но считал, что мы еще не готовы. Золото Вилюсы решит многие проблемы, к тому же вождь похода станет царем царей...

— Если победим, — уточнил я. — На подготовку уйдут годы, а Хаттусили еще может постоять за себя.

— Шардана, — кивнула она.

— Да, шардана. С ними я бы рискнул... А пока, царица, подумаем о ближайшем будущем. В Микасу, как я понимаю, можно не спешить.

Дейотара покачала головой:

— Ктимена натравит на тебя толпу, а Мантос наведет порядок и провозгласит ванактом своего сына. Поедем в Коринф и будем собирать силы. Тебе надо поговорить с Итараем и, конечно, с Гарпом.

— Завтра охота, — напомнил я, — богоравные будут гоняться за каким-то несчастным вепрем.

— Да. Постарайся поговорить, с кем нужно. Но будь осторожен, мой глупый супруг. Этим вепрем можешь стать ты... И не вздумай гоняться за лесными нимфами — те, кто имеет с ними дело, превращаются в бревна!

«ЛЕТ ПЯТЬ»

...Лет пять назад, когда мы были в Ассуре, нас пригласил наместник Нина на охоту в степь, где бродили дикие ослы. До сих пор помню свист ветра в ушах, топот копыт, рев труб — и ответный рев, когда навстречу выскочил львиный прайд, тоже вышедший поохотиться. Мы чуть не превратились в добычу — всадники падали, огромные когти впивались в тела... Настоящий бой — без пленных и пощады. Двое ассурцев заплатили жизнями, мне повезло больше — львиные зубы слегка оцарапали бедро. Огромную гривастую шкуру, доставшуюся мне после схватки, я продал в Баб-Или — и до сих пор жалею.

Здесь все было иначе. Вепрь — по слухам, посланный в Фивы какой-то разгневанной богиней — оказался один против целой толпы козопасов, не считая нескольких десятков собак. Я искренне желал ему победы и только порадовался, когда клыкастый секач, распугав псов, прорвал строй загонщиков и устремился в чащу. Да поможет ему разгневанная богиня!

Богоравные изрядно запыхались — пришлось побегать по лесу, и Гарп пригласил нас в небольшой домик посреди чащи, где, кажется, жил какой-то жрец-отшельник. Поскольку секач оставил нас с носом, для гостей зарезали безответную домашнюю свинью. Мы умылись и, предвкушая обед, расселись возле старого рассохшегося стола, где уже стояли полдюжины дорогих критских кувшинов, украшенных изображениями зеленых водорослей и мрачных осьминогов. Я заметил, что в домике собрались все те же — Гарп, Итарай, старикашка Кодр и наши гости из-за моря. Я был вместе с Претом, которого в этот день решил не отпускать от себя, а восьмым за столом оказался нежданный гость — Скир. Старый волк бросил на меня мрачный взгляд, и я почувствовал тревогу. Прет коротко поздоровался с отцом, но не подошел к нему.

Уже за столом я понял, что обед — не главное, за чем нас пригласили. Пили мало — лишь смачивали губы прекрасным критским вином. Чего-то ждали. Выглянув в окошко, я заметил на поляне невесть откуда взявшихся воинов в тяжелых рогатых шлемах и начищенных панцирях. Значит, охота здесь ни при чем.

Я кивнул Прету, он понял и закусил губу.

Обедали молча, никто не произносил здравиц. Я заметил, что соседи стараются не смотреть в мою сторону. Секиру я не взял и чувствовал себя беззащитным. Правда, у нас с Претом были мечи, но кому в случае чего придет на помощь первый геквет, было неясно.

Наконец Гарп встал. Я понял — сейчас начнется главное. Последовали обычные фразы о благоволении богов, но затем басилей бросил на меня быстрый взгляд и прокашлялся:

— Мы... Мы получили плохие вести, богоравный Клеотер. В Микенах неспокойно — чернь не желает признавать твою власть.

Они уже знали! Мы переглянулись с Претом.

— Нам ни к чему слушать болтовню темной толпы. Я верю, что ты, Клеотер, без труда наведешь порядок. Все мы поможем тебе...

Гости дружно кивнули, но я знал — благодарить еще рано.

— Но вначале следует решить один вопрос, и пусть нам поможет Великий Дий! Мы решим его сами — здесь и сейчас. Об этом не узнает никто — мы все поклянемся и исполним клятву.

— Ты говоришь загадками, богоравный Гарп, — нетерпеливо бросил старикашка Кодр.

— Отгадка проста. Мы узнали... Прости меня, Клеотер, но мы сомневаемся, что ты — законный ванакт микенский. Говорят, ты — не сын богоравного Главка, а ловкий обманщик.

Я хотел спросить: «Кто говорит?» — но поглядел на Скира и все понял.

— Если ты самозванец, ты не выйдешь отсюда живым. Для всех ты погибнешь, разорванный вепрем, посланным разгневанной Артемидой. Мы не можем признать на микенском троне самозванца — даже такого, как ты.

На миг я закрыл глаза, собираясь с силами. Еще вчера я мог бежать. О великий Бел, я опять ошибся!

— Богоравный Гарп! — вмешался Итарай. — Ванакт не обязан доказывать, что он — это он. Если есть сомнения — мы хотим их услышать.

Тон его не давал ошибиться — пилосец знал, что произойдет дальше. И действительно — по лицу Гарпа промелькнула легкая усмешка, он кивнул Скиру и поудобнее облокотился о спинку кресла, предвкушая то, что сейчас начнется.

Старый волк неторопливо встал, глаза его зло сверкнули:

— Богоравные ванакты! Я обвиняю этого человека в том, что он — самозванец, присвоивший чужой венец. Вы знаете меня —

я служил Главку и Ифимедею, я знал царевича Клеотера — настоящего...

— Отец!

Прет вскочил, но старый волк резко махнул рукой:

— Молчи! Ты не защитил своего брата и не отомстил за него!.. Богоравные ванакты! Я молчал, потому что семья моя оставалась в Микенах, и страх за сыновей затворял мои уста. Но теперь этот человек убил моего младшего сына — и я больше не стану молчать. Я видел мертвое тело царевича, когда его привезли в Микены. Я был на погребении *настоящего* Клеотера, и в том я клянусь Стиксом и Белой Скалой!

Ответом было молчание. Кажется, Скир поклялся самой страшной клятвой в Ахияве. Но пока это только слова...

— Благородный Скир, — осторожно начал Кодр. — Мы все знаем, что тело того, кого *считали* царевичем, лежит в толосе микенских ванактов. Но знаем и другое — верные люди спасли Клеотера. Ифимедей даже посылал погоню, чтобы разыскать его!

Итарай и Гарп согласно кивнули. Внезапно я ощутил смутную надежду. У Скира, кажется, нет ничего, кроме слов.

— Ифимедей всю жизнь боялся тени царевича, но не приносил ему заупокойных жертв, — заметил Итарай. — Почему? Мы верим твоей клятве, Скир, — ты думал, что хоронишь настоящего Клеотера, но ты мог и ошибиться!

По крайней мере эта компания не спешила с выводами. Кажется, разговор о походе на Вилюсу не забылся.

— Я не ошибся, — старый волк смерил меня недобрым взглядом. — И сейчас вы сами обличите самозванца. Богоравный Итарай, богоравный Кодр! Вы были на свадьбе Ифимедея. Вспомните этот день!

...Перед глазами промелькнули картины из моего странного сна. Коридор, черная тень, освещенный факелами зал...

— В тот день были состязания, и царевич Клеотер победил всех сверстников в метании диска. Ты, Итарай, вручал ему награду. Кодр, ты был рядом.

Пилосец кивнул, старикашка — тоже.

— Царевич был без хитона, в одной набедренной повязке. Вспомните, что у него было на плече? Итарай, ты тогда сказал...

— Что эта птица будет летать высоко, — пилосец вновь кивнул. — У царевича на плече была большая родинка, похожая на птицу с распростертыми крыльями.

— А вечером был пир, — продолжал Скир. — Царевич вы-

пил вина и принялся играть с кинжалом. Богоравный Кодр, вспомни...

— Он сильно порезался, — басилей бросил в мою сторону любопытный взгляд. — Кинжал рассек кожу у запястья...

— Да. И шрам должен был остаться на всю жизнь. Вы сами сказали это, богоравные ванакты! Какие доказательства еще нужны?

Я заметил, что Прет с изумлением глядит на мою руку. Но я был поражен еще больше. Боги Ахиявы вновь решили подшутить. Или это Единый не забыл меня...

— Твои слова пусты, старик, — я неторопливо поднялся, заставив себя усмехнуться. — Горе помутило твой рассудок. Знай, я не убивал Эгеона, и скоро убийцы повиснут на кресте. Ну а ты, богоравный Итарай, и ты, Кодр, идите сюда и взгляните!

Сбросив фарос, я приспустил с левого плеча хитон. Все вскочили. Я заметил, как лицо Скира начало наливаться густой кровью...

...Родинка на моем плече и в самом деле чем-то напоминала птицу. А руку я поранил лет в шесть, и деревенская знахарка долго останавливала кровь...

— Я тоже помню свадьбу дяди, — продолжал я. — Кинжал, которым я порезался, был не простым — не из меди или бронзы. Он был железным, с золотой рукоятью...

— Да... — эхом откликнулись Итарай и Корд.

— У меня была собака. Большой черный пес, его звали Гар...

— Которого подарил тебе Ифимедей, — кивнул Кодр. — Прости нас, богоравный Клеотер!

— Стойте! — закричал Скир. — Вы ошибаетесь, самозванец лжет! Родинка у Клеотера была другой — побольше и не такой формы! И порез...

— Ты точно лишился разума, Скир! — поморщился Гарп. — За эти годы царевич вырос, поэтому родинка кажется меньше. Довольно! Мы и так долго слушали тебя... Богоравный Клеотер! Надеюсь, ты простишь нас?

Я накинул фарос и вновь усмехнулся. Кто-то здорово ошибается — я, они или боги. Но об этом можно будет поразмышлять после.

— Я не сержусь на тебя, Гарп! Много лет меня не было в Микенах, и люди могли подумать всякое. Я прошу одно — не карайте Скира. Он горюет о сыне, и горе сделало его безумным...

Рядом со мною послышался тяжелый вздох — Прет, отвер-

нувшись, смотрел в сторону. Да, парню пришлось туго — может, похуже, чем мне.

— Ладно, — Гарп махнул рукой. — Старый лжец уедет подальше на север. Не будем больше о нем, ванакт! Ты — владыка Микен, и мы готовы помочь тебе. Бунтовщики расплатятся кровью!

Момент был удачный. Ничего не стоило потребовать у них несколько тысяч наемников и разделаться с Мантосом и моей сестричкой. Но что-то остановило — может, память о городах, которые приходилось брать. Править на пожарище не хотелось, кроме того, чужие войска быстро приходят, но не спешат уйти...

Я поблагодарил, но от войск отказался. Они были удивлены, но в итоге, кажется, зауважали меня еще больше. Гарп осторожно намекнул, что я могу пожить в Фивах, но я отклонил и это предложение. Хлеб изгнанника горек, к тому же после случившегося война с Мантосом казалась совершенным пустяком.

На обратном пути Прет пару раз пытался заговорить. Он ничего не знал о замысле Скира и теперь порывался благодарить за то, что я пощадил старого волка. Я рассказал ему то, что узнала Дейотара. Кажется, Прет, наконец, поверил. Странно, он доверял Мантосу даже больше, чем я...

Во дворце я узнал последнюю новость. Ктимена провозгласила своего сына микенским ванактом, а сама надела золотую диадему царицы. Я и Дейотара были объявлены вне закона, за наши головы полагалась награда.

В Микенах пролилась первая кровь...

Через два дня мы с Дейотарой были уже в Коринфе. Шардана сумели удержать его, более того, растерявшийся гекват гарнизона не выполнил приказ Мантоса и предпочел не рисковать, оставшись верным мне. Итак, у меня оставался Коринф, две сотни воинов и сотня шардана. Все остальное царство покорилось Ктимене. Басилеи и даже многие сельские даматы были смещены и заменены вояками Мантоса. В Микасе шли казни — убивали тех, кто остался верен мне, а заодно прежних сторонников Ифимедея. Мантос щедро делился с изменниками царским золотом, не скупясь на подарки храмам и, конечно, жрецам. Правда, благородный Эриф по-прежнему болел, не показываясь на людях, но остальные охотно признали новую власть.

...Заодно была отменена казнь на кресте, и микенские разбойники вздохнули с облегчением, возблагодарив новую царицу.

Первые дни я укреплял Коринф. Мне удалось захватить два соседних городка, откуда воины Мантоса просто бежали, но затем из Микен подошли свежие части. Война еще не началась, хотя у Ктимены было в двадцать раз больше войск. Возможно, она и Мантос ждали, что кто-то, польстившись на награду, вонзит мне в спину нож. Я был осторожен, полагаясь на верных шардана. Усачи не подпускали ко мне никого, и я мог спать спокойно.

Однажды утром меня позвала Дейотара. Все это время царица оставалась удивительно спокойной, словно речь шла не о ее голове. Она работала — писала письма, посылала во все стороны лазутчиков, читала донесения, давая весьма дельные советы. Большего сделать не могла даже она — силы были слишком неравны.

На столике в ее спальне меня ждало несколько табличек. Дейотара, кивнув на кресло, взяла первую из них:

— Ответ из Дельф, ванакт. Как видишь, я не ошиблась.

На табличке было начертано несколько неровных строчек. С трудом удалось разобрать первые слова. Дейотара, нетерпеливо хмыкнув, отобрала табличку и прочитала вслух:

«ШЕСТВУЙ ВПЕРЕД, КЛЕОТЕР, НО СОТРИ СВОЕ ИМЯ С МОГИЛЫ.
СЕСТРИНУ КРОВЬ НЕ ПРОЛЕЙ. ЧТИ И БОГОВ, И БОГИНЬ».

— Мудрость богов! — зевнул я. — И сколько тебе она стоила? А главное, что с ней делать?

— Ты безбожник, Клеотер, — покачала головой царица. — Но учти — скоро эти слова станут известны всей Ахайе. Главное — Дельфы тебя признали.

— Это можно понимать иначе, — усмехнулся я, вспомнив уже слышанное о пророчествах пифий. — «Шествуй вперед» может означать — «Прямиком к Гадесу».

— Может. Но можно толковать и «к победе». «Сотри имя» — не загадка. Ты оставил имя Клеотера на царском толосе, и этим воспользовались.

— Ладно, — кивнул я. — Насчет «сестриной крови» тоже ясно. Как и насчет богов...

— ...И богинь. Я еще подумаю над этим. Вторая новость похуже. Они схватили Афикла.

— Афикла?! — изумился я. — Наверное, Мантос позвал на помощь дюжину киклопов!

— Он, бедняга, ничего не понял, пришел в Микены и попытался объясниться с Ктименой. Его чем-то опоили и заперли в подземелье.

— Подземелье недолго простоит, — уверенно заявил я. — Ну что, царица, наши дела не так плохи?

Дейотара покачала головой:

— Плохи. К сожалению... Я рассчитывала на Афикла — его очень любят. Мантос не слишком умен, но эта сука неплохо во всем разбирается. Время работает на них. Многие уже переметнулись. Через месяц-другой Ктимену и ее ублюдка признают соседи.

— Я удержу Коринф!

— Возможно, но этого мало. В крайнем случае мы останемся коринфскими басилеями. Понимаешь, Клеотер, для Гарпа и остальных не имеет значения, кто будет править в Микенах — ты или Мантос. «Что тот вояка, что этот» — есть такая пословица. Мантос даже лучше — он никогда не станет ванактом, а значит, с ним разговаривать легче. Он узурпатор, ты — самозванец...

— Меня признали, — напомнил я.

— Прет рассказывал, — усмехнулась царица. — Знаешь, я даже подумала, что ты подкупил Скира. Это ерунда! Ты — внук Гипполоха и мог унаследовать родинку.

Вновь вспомнился мой странный сон.

— Мне снилось, — осторожно начал я, — давно уже снилось...

— Что ты Клеотер Микенский, — кивнула Дейотара. — Я слышала, как ты разговаривал во сне.

— Разговаривал? — удивился я.

— Да. Это было забавно — и страшновато. Бедный самозванец! Боги посылают таким, как ты, ложные сны. Не надейся — ни я, ни остальные никогда не поверим этим сказкам. Гарпу и прочим все равно — им нужен вождь, который поведет их на Вилюсу. Мантос вполне подходит.

Она была права. Богоравные ванакты дали мне срок, чтобы я разобрался с заговорщиками. «Что тот вояка, что этот». А Мантос — неплохой вояка.

— Ты отказался от чужих войск — это, пожалуй, верно. Но нам самим не справиться. Эриф ждет, но скоро признает Ктимену. Против Великого Дия не пойдет никто.

Она достала еще одну табличку и нерешительно взглянула на меня.

— Пожалуй, есть еще один выход... Мой лазутчик говорил с

Гирто. Старая ведьма согласна вновь поддержать тебя. От ее слов многое зависит...

— И чего она хочет?

Весть почему-то совсем не обрадовала...

— Голову твоей дикарки — Теи.

Я скрипнул зубами, но Дейотара не отставала:

— Надо попытаться! Неужели девка, с которой ты пару раз переспал, стоит дороже царства Ахейского?

— Я не спал с ней, и дело не только в этом, царица. Я уже сказал как-то Гирто, что не привык расплачиваться головами!

На этот раз изумилась она.

— Очнись! Ты — ванакт. За царство платят тысячами голов! У нас нет выбора, Клеотер!

Дейотара помолчала, затем усмехнулась:

— Выходит, ты не спал с нею? Вот почему ты тогда накинулся на меня! Что ж, у тебя есть вкус, самозванец, значит, ты не безнадежен... Ты сам отрубишь ей голову или мне послать моих людей?

Я начал мысленно считать до десяти. Не помогло — пришлось проделать это три раза.

— Вот что, богоравная ванактисса Дейотара, дочь Ифимедея! Иди ты к воронам вместе со своим царством Ахейским и Златообильными Микенами! Я на такую службу не нанимался! Оставляю тебе Прета, и правь себе в Коринфе. Тебе хватит!

— Иного я не ожидала, — невозмутимо отозвалась она. — В тебе слишком мало царской крови, Клеотер, чтобы ты понял, что такое *власть*. Хочешь убежать в свой Тир? Может, и меня позовешь с собою?

...Не помню, чтобы я говорил ей про Тир. Впрочем, может, и упомянул как-то — во время очередной ссоры.

— Я могла бы сказать тебе, что цари умирают на престоле, но ты не поймешь, «серый коршун». Но, может, ты вспомнишь другое? Даже наемники не бросают товарища в бою. А мы с тобой — товарищи.

Кажется, она говорила серьезно. Я пожал плечами:

— Товарищи не обещают всадить нож в спину!

— Ты злопамятен! — усмехнулась она. — А чего ты ждал от дочери того, кого сам же убил? Но мы правим вместе, и я не предавала тебя, Клеотер. К тому же есть причины — я уже, кажется, говорила. Без тебя я не справлюсь... Кроме того, есть еще кое-что. Я могла бы сообщить тебе одну новость, и мы договорились бы сразу. Но я не стану делать этого...

Похоже, в ее поясе имелась еще одна кость, но я не стал обращать на это внимания. Я сказал неправду — меня все-таки наняли на эту проклятую службу. Только наняли они не того человека...

— Чего ты хочешь, царица? — наконец спросил я.

— Я хочу, чтобы мой муж и господин Клеотер Микенский вновь стал ванактом, — твердо ответила она. — И чтобы... Впрочем, хватит и этого.

— Хорошо! — Я встал. — Месяц у нас есть, так ведь? Мне нужно две недели. Я уезжаю завтра. Через две недели ты либо возвращаешься в Микасу, либо...

— Не вздумай умирать! — перебила она меня. — Ты мне нужен живым!

— Можешь добавить: «Пока нужен», — я внезапно успокоился. — Знаешь, женушка и сестренка, раньше я видел царей лишь издалека. Наемнику ни к чему подходить ближе. А вот теперь пришлось познакомиться лично. Ну и дерьмо же вы все!

— Дурак, — Дейотара пожала плечами. — Что еще можно услышать от такого, как ты? Из тебя не получилось даже «ушебти». Деревяшка по крайней мере послушна...

— Вот именно, — согласился я. — Эти две недели сиди тихо и не вздумай меня искать. Это приказ. Ты знаешь, царица, что такое приказ?

— Знаю, — кивнула она и, помолчав, добавила: — И все-таки, Нургал-Син, у меня к тебе просьба. Хотя ты дурак и блудливая скотина, но все-таки сбереги свою глупую голову...

КАФ

«ВЕСЬ ДЕНЬ»

Весь день я проработал с Претом. Требовалось многое уточнить, причем сделать это так, чтобы геквет не догадался о моих замыслах. К счастью, мое положение позволяло отсекать лишние вопросы. Среди прочего мы договорились, как подольше скрыть мое отсутствие. Заодно я подсказал геквету кое-что из моего скромного опыта обороны крепостей, хотя для местных козопасов акрополь Коринфа был и так практически неприступен.

Вечером я вызвал во дворец главного жреца храма Поседайона. Он оказался неглупым человеком, и вскоре я узнал все, что требуется. Для пущей верности я объявил его «гостем», велев не

выпускать из дворца до моего возвращения. Лазутчики Ктимены должны потерять мой след.

Выехал я из Коринфа ночью. Пробраться через посты — и наши, и вражеские — оказалось несложно. Кое-какие из них я просто обошел, а для остальных у меня нашлась табличка с печатью Ктимены, отобранная у одного из пленных. Узнать меня было нелегко — уже неделю я не брился, к тому же надел рогатый шлем, какие носят микенские воины. Я стал похож на обычного комавента, посланного с секретным донесением.

Чтобы двигаться быстрее, я по примеру эламитов взял двух коней, чтобы ехать на них поочередно. Такой способ хорош всем, кроме одного: кони отдыхают, а сам устаешь вдвое больше. Но выбирать не приходилось.

Разговор с Претом помог. Теперь я хорошо знал дороги. Точнее, настоящих дорог на моем пути почти не встретилось, но троп и тропинок хватало, и я надеялся, что выбираю нужные. Я ехал в знакомые места, но прошлый раз добирался сюда совсем с другой стороны.

Утро застало меня на горном перевале. Я поспал немного, а затем не спеша двинулся дальше. Время подходило к полудню, когда впереди показался знакомый перекресток. Вот и валун с высеченной подковой... Меня окликнули. Я схватился за секиру, но это оказался безобидный храмовый прислужник, направлявшийся туда же, куда и я, — в храм Реи, Матери богов.

В большом зале, где когда-то стоял черный истукан с золотой маской, кое-что изменилось. Идол исчез, вместо него я увидел статую, которая, очевидно, изображала Рею. Выглядела Мать богов жутковато, и я с радостью покинул святилище. Служитель провел меня дальше — к главной жрице, служительнице Матери богов.

В первое мгновение я не узнал Тею. Рыжие волосы были скрыты под белым покрывалом, да и лицо стало другим — взрослым и очень серьезным. В прошлый раз я разговаривал с юной знахаркой из Козьих Выпасов. Теперь передо мной была жрица.

— Радуйся, богоравная Тея! — улыбнулся я. — Не узнаешь? А как же твое ясновидение?

— Ванакт! — глухо произнесла она, но тут же пришла в себя. — Радуйся, Клеотер Микенский! Ты прав — я не узнала тебя, но ясновидение тут ни при чем.

Тея улыбнулась и быстро провела рукой по моей щетине. Я засмеялся в ответ:

— Ничего, через месяц моя борода будет не хуже, чем у Ашурбалита Ассурского! Ну, как твои дриады?

Между делом я разглядывал ее покои. Они ничуть не походили на жалкую хижину, которую я видел когда-то. Дорогие пурпурные покрывала, сидонские кресла, ларцы из Та-Кемт...

— Дриады... — девушка покачала головой. — Здесь им нечего делать, ванакт. Здесь царит Рея — ты сам хотел этого. Теперь я редко бываю в лесу. Ты говорил о ясновидении? Мое ясновидение вещает, что ты очень голоден и хочешь спать.

— В цель! Благородная Тея, твое место в Дельфах! Насчет сна — можно обождать, а вот завтрак...

Стол накрыли тут же. Случайно — или вовсе не случайно — на блюде оказался заяц, и я тут же вспомнил пещеру киклопа. Не удержавшись, я поинтересовался, как поживает наш клыкастый друг.

— Рох? — Тея улыбнулась. — Он как-то приходил сюда. Знаешь, он совсем не страшный...

— Еще бы! Такой парень! Слушай, о богоравная, как ты управляешься со всем этим?

— С чем? — удивилась она.

— Ну, с храмом, жрецами, с плясками у алтаря...

— Плясками? — поразилась Тея.

— Ну да. Я как-то был в храме Ма — Великой Матери богов возле Хаттусили, и там плясали такие гм-м... ну, в общем, девицы.

— Мать богов чтят по-разному, ванакт. Обряды — это несложно. Труднее, чтобы тебе поверила Рея...

Она не шутила. Я почесал затылок.

— Ну... Надеюсь, вы нашли общий язык?

— Да. Она приняла меня, — серьезно кивнула девушка. — Теперь я могу искать у нее заступничества — и для себя, и для других.

— Это хорошо, о богоравная... — разговор свернул туда, куда мне и хотелось. — Понимаешь, я бы хотел попросить твою госпожу...

— Мать богов? — удивилась Тея. — Ты?

— Ну, не только ее, — замялся я. — Скорее тебя...

...Трудно говорить о делах царства с молоденькими девушками, особенно когда и сам не очень в этих делах разбираешься. Но порою приходится.

— Понимаешь, Тея, в Микасе... в Микенах некоторым образом переворот. Как бы тебе объяснить...

— Не надо, — девушка покачала головой. — Ванакт Клео-

тер, я уже не знахарка из Козьих Выпасов. Я — жрица Реи. Время идет...

— О, богоравная жрица! — подхватил я. — О ты, чьи слова доходят до золотых чертогов Матери богов! Будь милостива к поверженному ванакту и помоги низринуть этих, как бишь их там... богомерзких покусителей, посягнувших э-э-э...

Она смеялась долго. Странно, но у нее появилось чувство юмора. Близость к богам пошла Тее явно на пользу.

— Я помогу тебе, о богоравный, — наконец ответила она. — Но не зови меня, недостойную, так, ибо лишь верховная жрица *равна богам*.

— Да ну? — Я быстро припомнил уроки Дейотары и Эрифа. — Кажется, ты права. Но знай, о тщетно сомневающаяся в словах богоравного ванакта, что Клеотер Микенский, повелитель царства Ахейского, не тратит их впустую! Ибо с сего часа волею моей, да славлюсь я вечно, вековечно, ты — верховная жрица Реи!

— Ванакт! — В ее глазах мелькнул испуг. — Я? Верховная жрица?

— Ее место не занято уже два года, — пожал я плечами, переходя на человеческий язык. — Я дурак, что не догадался сделать этого раньше. Тея, ты в самом деле можешь мне помочь. Понимаешь, я не то чтобы очень хочу быть ванактом...

— Ты — ванакт! — серьезно проговорила девушка. — Тебя признали боги, Клеотер!

Я невольно вздохнул.

— Знаешь, Тея, мне тоже так казалось. Но боги Микен промолчали, когда моя сестричка захватила престол. Копья и мечи — сильный аргумент в разговоре с богами. Во всяком случае, с их слугами.

Девушка кивнула.

— Я не сержусь на них, но и не жду помощи. Однако я узнал... Ты-то знаешь это наверняка!.. Дий и Поседайон — боги горожан. В деревнях не очень почитают их, часто просто не знают. Там поклоняются этим твоим дриадам, наядам, сатирам, киклопам...

— Киклопам не поклоняются, ванакт, — прервала меня Тея. — Но ты прав. Великий Дий и его старший брат далеко. Но Мать богов знают везде.

— Вот! И если ты поддержишь меня да еще шепнешь своим друзьям — колдунам, ведьмам...

— Ванакт! — вздохнула девушка. — Я же говорила...

— Ну, знахарям, — поправился я. — В свое время я спас их

от серьезных неприятностей. Намекни им, что сестричка Ктимена вряд ли остановит излишне рьяных жрецов Дия. Запылают костры...

Тею передернуло.

— Да. Я уже думала об этом. Мы говорили с кентаврами, со жрицами Гекаты, с теми, кто служит Пану... Тебе верят. Во всяком случае, Клеотера Микенского боятся меньше, чем Ктимену Блудницу.

— Эк ты ее! — хмыкнул я. — Моя э-э-э... сестричка и вправду несколько...

— Ее ребенок родился больным, — бесстрастно проговорила Тея, и я невольно вздрогнул. — Наверное, она и лавагет прогневали богов. Ты не знал?

Странно, Дейотара почему-то промолчала об этом. Или Ктимена умело скрывала болезнь того, кого провозгласила микенским ванактом?

— Его назвали Главком, а это плохое имя. Твой отец, говорят, поссорился с Дием. Ребенок никогда не станет взрослым...

Я помотал головой, пытаясь понять. Покойный Главк и вправду повздорил со жрецами — благородный Рексенор, чей скелет давно растащили по косточкам вороны, поведал мне целую историю. Зря Ктимена поспешила дать сыну царское имя!..

— Об этом скоро узнают все, — продолжала девушка, — и увидят в этом знак, посланный богами. Узурпаторы неугодны небу.

«Ты рассуждаешь, как моя женушка», — чуть не ляпнул я.

Да, Тея изменилась — главная жрица мало походила на простодушную знахарку.

— Ты знаешь, какой ответ дала пифия Ктимене?

— А? — очнулся я. — Понятия не имею. Наверное, Ктимена не пожалела золота...

Тея улыбнулась:

— Ты уверен, что волю богов так легко купить, ванакт?

— Трудно! Золота требуется очень много.

Она вновь засмеялась:

— Ты не изменился, Клеотер Микенский! Ищешь помощи богов и не веришь в них... Твоя сестра спросила Гею, кто ты и кто будет править в Микенах.

Она открыла белый, украшенный позолотой ларь и достала небольшую табличку:

— Вот. Извини, читать я еще не научилась...

Я повертел табличку в руках и принялся разбирать непривычные значки. Да подскажет Адад моим землякам ввести понятную и такую удобную клинопись! Наконец что-то стало проясняться:

— *«Имя его — Клеотер,* — медленно прочитал я, — *и он будет ванактом микенским».*

— Гея не солгала, — усмехнулась девушка.

— Дейотара не поскупилась, — невозмутимо парировал я. Впрочем, пифия сказала чистую правду — я, как ни крути, Клеотер и, возможно, вновь стану править в этой крысиной норе.

— Об этом тоже узнают все, — продолжала Тея. — Я передам от твоего имени, что ванакт Клеотер не станет запрещать деревенские святилища, тайные обряды лесным богам...

— Ни за что! Да раздерут мой зад подземные демоны, да проглотит меня Иштар!..

— Ванакт! — укоризненно вздохнула девушка.

— Ой! — спохватился я. — Простите меня, наяды, дриады и киклоп Рох. Последний — особенно.

— И ты пообещаешь также, что не станешь передавать храмы других богов жрецам Дия... Знаешь, почему меня так быстро признали? Меня, деревенскую девушку?

— Потому что ты рыжая! — догадался я. — У хеттийцев есть песенка. Если перевести, будет где-то так: «Рыжий — очень опасный человек, его волосы как пламя, он поджег великий дворец».

Тея развела руками:

— Ванакт! Я пытаюсь заниматься государственными делами! Наверное, получается очень смешно, правда? Но ты сам просил...

Я обругал себя последними словами. Девочка пытается мне помочь, а я веду себя, как наемник в харчевне. Хорошо еще, не начал пороть жеребятину!

— Извини, великая жрица. Дриады обиделись и напустили на меня этого, как его... Мамасу...

— Мома, — поправила Тея. — Мое ясновидение говорит другое: ты просто давно не смеялся, Клеотер... Ладно, попытаюсь и я стать серьезной. Меня признали потому, что ты вернул этот храм Рее. Ее и раньше почитали здесь, но Ифимедей передал святилище жрецам Дия.

Странно — эту мысль подсказал мне богоравный Эриф, слуга Отца богов. Не жалко было чужого? Или толстяк умнее, чем хочет показаться?

— Я пошлю за Теллом и его кентаврами. Он поможет.

Я встрепенулся:

— Еще бы! Такая конная разведка. Ты — умница, Тея!

Она вздохнула и, кажется, хотела щелкнуть меня по носу, но все же удержалась.

— Клеотер! Ну стань серьезным! Кентавры — любимцы богов, а Телл — сын самого Крона.

Я вновь полез чесать затылок. Крон, кажется, батюшка Дия... Неплохое родство у иппоандроса!

— Его слово весит больше, чем заклинания всех жрецов Микен. Поговори с ним... И постарайся быть серьезным.

— Буду, — пообещал я. — Но не сейчас, о богоравная! Ты права, я Адад весть сколько не смеялся, не пил от души и даже... То есть и все прочее приходилось делать исключительно из этих... Как это по-ахейски?.. Государственных соображений. Наемником быть куда веселее.

Тея покачала головой:

— Говорят, наемники — грубые и жестокие люди. Ты не похож на них, ванакт.

Я покосился на Тею — она говорила серьезно. Да простят меня боги Аннуаки! Я вновь порадовался, что не повстречал девушку при штурме города или на марше через чужую страну. А ведь тогда мне встречались другие, и уж они-то засвидетельствуют, что бородатый Нургал-Син — кость от кости славного братства «серых коршунов». Неужели в этой крысиной норе я так изменился?

— *«Благородная дева стоит на улице,* — проговорил я на языке Баб-Или, — *масло и сладкие сливки она, телица могучей Инанны — она, кладовая богатая Энки — она. Если подойдет — яблонею цветет, ляжет — радость взорам дает, кедров прохладой тенистой влечет. К ней прикован мой лик — лик влюбленный...»*[1]

— Это заклинание твоему богу? — негромко спросила девушка.

Я улыбнулся:

— Нет, всего лишь стихи. Про одного робкого юношу, который повстречал на улице девицу... гм-м... служительницу Иштар...

— Стихи? — удивилась Тея. — У нас стихи сочиняют лишь в честь богов. И еще в честь героев.

— Да уж, — скривился я. — Слушал я тут одного. Слепой, но нахальный — дальше некуда. Зовут как-то по-хеттийски: Гимеру, Кимер... Как бишь он пел? «Впился зубами врагу он в могучую ляжку; хлынула кровь — и взгремели на павшем доспехи!»

— Тебе не нравятся наши аэды, — вздохнула девушка. — Ты

---

[1] Перевод В. А. Афанасьевой.

не веришь в наших богов, смеешься над нашей землей... И надо мной, глупой девчонкой, которую для смеха сделал жрицей...

Я уже открыл рот, чтобы признаться в великой любви к родной Ахияве, но невольно задумался. Тея умна, очень умна. И еще она умеет понимать то, что за словами.

— Понимаешь, Тея, я много лет не был дома. Я жил в нормальных странах. Пусть мне было плохо, даже очень плохо, — но это нормальные страны, там живут нормальные люди, там чистые города, мощеные дороги и вежливые трактирщики. К такому привыкаешь...

— Но ты можешь сделать наши Микены такими! — воскликнула она. — Ты же ванакт!

— Я? Разве что выпишу из Баб-Или корчемницу, чтобы научить вас варить пиво... Нет, Тея, это будет не скоро. И дело не в том, что нет дорог — дороги-то я построю. У вас убивают людей — не на войне, не за разбой. Любой басилейчик, вшивая деревенщина, может снести голову первому встречному! А ваши жрецы — просто какие-то людоеды...

Я вновь вспомнил Эрифа, и меня передернуло. Тоже мне, верящий в Единого! Многотерпелив Господь!

— А ваши боги... Ладно, ты хотела правды? Я сделал тебя жрицей по совету одного неглупого пройдохи, чтобы рыжую колдунью не прирезали дружки Рексенора. Нашла на меня этакая блажь — не захотелось, чтобы черви грызли юную ведьму из Козьих Выпасов — или чтобы к твоим рукам прикладывали раскаленную бронзу! Как ты думаешь, такое бывает? Или в вашей богоспасаемой Ахияве все проще?

Тея задумалась, затем по лицу ее промелькнула грустная усмешка.

— У нас проще. Если рыжая ведьма приглянется ванакту, он приказывает своим воинам держать ее за руки, а сам насилует — раз, другой, пока не надоест. Потом отдает ее воинам, ну а если он и вправду добр, оставляет в живых. У нас жестокая земля, Клеотер!.. А я не могла понять, почему ты не убил меня тогда? И почему не хочешь послать мою голову старой Гирто и получить назад свой трон?

— Ты и об этом знаешь? — вскинулся я. — Да пошла бы эта Гирто к воронам! Тоже мне, великая колдунья! Мразь базарная!

— Она — великая колдунья, ванакт! — отрезала девушка. — И она знает, что просить у тебя. Сейчас я — ничто и никто, девчонка из Козьих Выпасов, которая может заговорить боль или вылечить захворавшую корову. Когда-то и она была такой...

— Угу, — кивнул я. — И явился к ней сам Бел-Мардук верхом на Повелительнице Преисподней Тиамат...

— Нет. Ты не веришь, но я все же скажу. В ней — как и во мне сейчас — была скрыта великая сила. Но сила эта могла высвободиться, лишь когда она станет женщиной...

Я еле удержался, чтобы не крякнуть. Эх, великая Ахиява! Демоны Агу-Агу, пляски вокруг куста...

— Но просто мужчина лишь разрушил бы все. Она должна была встретиться с Солнцем! Понимаешь, ванакт? Ее первый мужчина должен быть Солнцем!

— Кажется, понимаю, — кивнул я. — «Мое Солнце повелело...» То есть нашей красавице Гирто надо было переспать с царем?

Тея серьезно кивнула:

— Она была действительно красива, и Солнце снизошло к ней. Но теперь она стара. Ее держит на земле лишь то, что у нее нет соперниц. Но она узнала...

— Что есть такая рыжая в Козьих Выпасах, — подхватил я. — Ну, вредная бабка! Если она такая ведьма, наколдовала бы себе здоровья, что ли...

— Ты не понимаешь...

— Не понимаю, — вздохнул я. — Я многого не понимаю...

По-видимому, насчет старой карги Тея попала в цель. Интересно, верит ли она сама в эту байку? Не иначе верит. Давненько меня не соблазняли, да еще таким оригинальным образом! «Мое солнце!»

— Тея... — нерешительно начал я. — Ну а если бы я был обыкновенным воином...

— А я не была бы жрицей... Тогда я, наверное, стала бы тебе верной женой, ванакт. Если, конечно, «серым коршунам» нужны жены... Но ты — владыка Микен, а я — жрица...

Я невесело усмехнулся и начал медленно читать вслух когда-то слышанное в земле Та-Кемт, с трудом переводя на корявый ахейский:

— «Меня смущает прелесть водоема. Как лотос нераскрывшийся, уста сестры моей, а груди — померанцы. Нет сил разжать объятий этих рук... Ее точеный лоб меня пленил, подобно западне из кипариса. Приманкой были кудри, и я, как дикий гусь, попал в ловушку...»[1]

---

[1] Перевод В. Потаповой.

Тея молча слушала, а я боялся взглянуть ей в лицо. Наконец я заставил себя очнуться. Рыжая не виновата. Деревенская девочка поверила в сказку...

— Тея... Все это... Я не Солнце, и вообще людей обманывать противно, а тебя в особенности...

И я рассказал ей все.

Поздно вечером мы незаметно выбрались через уже знакомый тайный ход из храма. Под горой горел небольшой костерок, вокруг которого собралась дюжина неприметных старичков и старушек. Я представлял себе их иначе: верховных жрецов и жриц, чье слово весило куда больше моего в этих лесах. Геката, Пан, Загрей — об этих богах я почти ничего не знал.

К счастью, обошлось без гимнов, молитв и священных плясок. Мы просто поговорили и хорошо поняли друг друга.

Старички были напуганы. Они мало понимали в делах Микасы, но видели, как год за годом жрецы Дия, которого они запросто называли «Младшим», твердой рукой берут власть, запрещая служить привычным богам, отбирая храмы и обкладывая податью. Их тоже пугала кровь, льющаяся на тайных жертвенниках. И еще они очень боялись войны. Жаль, что я не встретился с ними сразу, когда надел дурацкую диадему! Коварство Арейфооя, хитрость Эрифа — вот все, что я знал о жрецах Ахиявы. Впрочем, и в далеком Баб-Или мы, воины лугаля, охотно грабили богатые храмы, но не трогали деревенских святилищ.

Мы договорились. Странно, но они поверили моим обещаниям, не требуя ни клятв, ни залогов. Вначале я отнес это за счет деревенской простоты, но затем понял: старички и старушки научились распознавать правду и ложь.

Гости исчезли, растворившись в ночном сумраке. Я подбросил в костер несколько поленьев и поудобнее устроился у огня. Тея сидела чуть в сторонке, и на лице ее лежала черная тень.

— Не хватает лишь жареного зайца, — я потянулся и закинул голову, глядя на равнодушные звезды. — И, конечно, нашего друга-киклопа...

— Они помогут тебе, — тень шевельнулась, девушка подсела ближе. — Но я так и не поняла, что ты задумал.

— Мой первый начальник, сотник Лу-Нанна, говорил, что, если о его замыслах узнает борода, он ее тотчас сбреет... Ничего

особенно придумать нельзя, Тея. Постараюсь, чтобы чужие войска не пришли в Микены и чтобы обошлось без большой крови. Наверное, так и поступил бы настоящий Клеотер...

Звезды внезапно показались мне ледяными. Я перевел взгляд на костер — горячий живой огонь успокоил.

— Почему ты считаешь, что ты ненастоящий? — внезапно спросила девушка. — Ты же говорил, что видишь сны...

Я зевнул.

— Моя сестричка и достойная супруга, богоравная Дейотара, ванактисса микенская, доходчиво объяснила все по поводу ложных снов, которые посылают боги. Шутка старины Дия...

— Ты же не веришь в наших богов, ванакт!

— Тем меньше оснований верить снам, о богоравная жрица!

Тея зябко передернула плечами. Я поспешил снять фарос и накинуть ей на плечи.

— Не знаю, говорить ли тебе... Когда ты спал, Клеотер, я сидела рядом. Просто хотелось поглядеть на тебя... И тут я вспомнила, что со спящими можно разговаривать. Спящие не лгут, они могут вспомнить то, что забыли наяву: детство, родителей... Бабушка научила меня этому...

Я осторожно взглянул на Тею и мысленно помянул Инанну, хранительницу наших душ.

— И ты... И мы с тобой говорили?

Тея кивнула:

— Я решилась... Ведь это важно — для тебя.

«А для тебя?» — чуть не спросил я, но укусил себя за язык.

— Я говорила с маленьким мальчиком по прозвищу Лико. Он рассказал мне, что его обижают соседские мальчишки, но пообещал разбить им всем носы. К тому же сообщил, что не дружит с девчонками...

Я хмыкнул.

— Но потом Лико куда-то исчез, и со мной говорил кто-то другой. Его тоже звали Клеотер, но он хвастался своим железным кинжалом и рассказал, что победил сына орхоменского басилея в соревнованиях по бегу...

Я еле сдержался, чтобы усидеть на месте. Спокойно, Нургал-Син, боги опять шутят. Или девушка что-то напутала...

— А потом исчез и он. А тот, кто остался, не помнил ничего... Тебя заставили забыть обо всем, что было до того, как ты оказался в Тире, ванакт. Остались лишь какие-то обрывки, но я не уверена, что эти воспоминания — твои... Может, ты Лико,

сын воина Лая, может, Клеотер, сын Главка. Но, может, кто-то третий...

Я глубоко вздохнул и принялся считать до десяти. Не помогло, и я начал мысленно писать свое имя иероглифами земли Та-Кемт. На третьем значке — кажется, это был гусь с волнистой чертой внизу — я наконец успокоился.

— Спасибо, великая жрица, — я медленно встал и придвинулся ближе к костру (почему-то стало очень холодно). — Как говорят ассурцы, счастье хорошо, а правда лучше... Или они говорят совсем наоборот?

Рука девушки осторожно коснулась моего плеча.

— Извини... Вначале я испугалась, но потом подумала... Память можно потерять — из-за болезни или какого-то горя. Но чужая память... Для этого нужен сильный колдун, умеющий разговаривать с душами и приманивать их. Зачем такому колдуну деревенский мальчишка? Зачем возиться с сыном козопаса или простого воина?

— Тебе так хочется, чтобы я оказался настоящим Клеотером? — Я заставил себя усмехнуться. — Законным ванактом микенским?

— А ты и есть настоящий, — спокойно ответила Тея. — Тайну твоего детства скрыли боги. Но они же привели тебя на престол...

— А диадему снимают только вместе с головой, — вздохнул я. — Где-то я уже слышал подобное... Да, о богоравная Тея, недаром я всю жизнь побаивался колдуний!..

Внезапно откуда-то из леса донесся тихий свист. В тот же миг я выкинул из головы всю эту ерунду и начал быстро шарить по траве в поисках секиры. Но «черная бронза» осталась в храме. Тея покачала головой:

— Это не враги, ванакт. Тебе предстоит еще один разговор.

— Ну, ты сегодня главный дамат церемоний, тебе виднее, — я вынул кинжал, который догадался захватить с собой, и положил рядом. — Какая-нибудь старушка-знахарка?

— Очень дряхлая, — согласилась девушка. — Не обижай ее, о великий ванакт!

Из-за деревьев медленно проступила огромная черная тень. Кто-то широкоплечий, громадного роста, осторожно вышел на поляну, осмотрелся и шагнул к нам.

— А вот и старушка, — пробормотал я, но кинжал брать не стал, почувствовав немалое любопытство. Кого еще могла позвать Тея к нашему костру?

...Здоровенный детина — почти с Афикла ростом, курчавая

борода, веселые смеющиеся глаза. За поясом — хеттийский меч, ноги босые, но плащ дорогой, сидонский, явно с чужого плеча.

— Радуйся, ванакт!

Голос — под стать взгляду, насмешливый, уверенный.

— Говорят, полагается падать пред тобой на колени, так ты уж объясни, как именно...

— Можешь упасть на собственную задницу, — предложил я, и детина послушно присел у костра. — Радуйся и ты, незнакомец...

— Калиб, вожак вольных людей, — тихо подсказала Тея.

Я присвистнул, детина ухмыльнулся.

— Точно. Калиб я, сын Тмола...

— Бывший наемник, — уверенно заявил я. — Служил у хеттийцев, скорее всего на севере...

— В точку! — обрадовался разбойник. — Граница с каска, будь они, гады, прокляты! Ну, один вояка другого всегда признает. Десять лет тянул лямку у хеттийцев. А чего — отличные ребята!

— А как же ты стал разбойником? — не удержался я.

— Да так же, как ты ванактом. Кому чего по душе...

Мы помолчали, разглядывая друг друга. Наконец Калиб вздохнул и проговорил уже серьезно:

— Вот чего, Клеотер Микенский! Скажу сразу — ни я, ни мои мальчики не убивали того парня — Эгеона. Его порешили твои вояки.

— Знаю, — кивнул я.

— Я бы схватился с ним в открытую, один на один — но в засаду заманивать? Нет, у меня свой кураж! Я тебе, ванакт, честно скажу: чихал я на твоих гекветов! Они и драться-то не умеют, деревенщина! Вот Афикл — другое дело. Это парень что надо, даром что богоравный! Ну и ты, вроде... В Баб-Или служил? Лугалю?

— Точно.

— Пехота, колесницы?

— Пешая разведка. Полусотня, сотня, полутысяча, — не без гордости сообщил я. Калиб покачал головой:

— А я выше десятка не пошел. Вот почему ты — ванакт, а я — разбойник.

В его словах была своя правда. И вообще парень мне понравился.

— Ты почему не воспользовался амнистией, Калиб?

— Я? — удивился он. — Так ведь мои ребята — почти все из беглых. Ну, рабы которые. А ты ведь чего обещал — всем про-

щение и возвращение домой. А куда им возвращаться? Снова хомут таскать?

Да, этого я не предусмотрел. Как и многого другого...

— Ну, и мне тоже, конечно... Так я — сам себе хозяин, да еще две сотни под рукой. А вернусь — куда? В деревенские стражники?

Тут мне в голову пришла неожиданная мысль:

— Калиб, а хочешь настоящую работенку?

— Это в Микенах-то? — скривился он.

— Нет, не в Микенах! В далекой стране за морем. Золото, женщины — и полно врагов. Наберешь тысячу воинов. Будет мало — десять тысяч!

Он присвистнул:

— Если не шутишь — соглашусь! Давно делом заняться хотелось... Ну а сейчас чего, ванакт?

Я усмехнулся:

— Называешь меня ванактом? Значит, не признаешь тех, кто в Микенах?

Он явно хотел сплюнуть, но покосился на Тею и ограничился тем, что скривил рожу:

— Да где это видано? Баба и пеленочник — ванакты? И еще вояка твой — Мантос? Ну их к воронам!

— Тогда есть дело...

Я изложил ему кое-что из своих замыслов. Вначале он растерялся, затем задумался и наконец согласился. По-моему, ему даже понравилось.

— Когда все кончится, приходи в Микасу, — заключил я. — Поговорим про работенку.

— Не-а, — ухмыльнулся он. — В Микены не сунусь. Ты сам приходи, вот и поговорим. Да, еще вот чего...

Он смерил меня достаточно выразительным взглядом, затем покосился на Тею:

— Ты, конечно, этот... богоравный и все такое, но знаю я нашего брата-наемника... Не вздумай девочку обидеть — голову оторву!

Я обомлел, затем перешел в атаку:

— Какая она тебе девочка, балбес? Богоравная Тея — великая жрица! А ну повтори!

Кажется, подействовало. Детина сглотнул:

— Ну конечно... Богоравная... Да только, как ни крути, ванакт, она — племяшка моя...

— Калиб — мой дядя, — улыбнулась девушка. — Мамин брат...

Я вновь растерялся, а затем хмыкнул:

— А я-то думаю, откуда у великой жрицы такие знакомые? Будь спокоен, Калиб, сын Тмола, я никогда не обижу твою племянницу.

— Ты спас ее от пытки и костра, — кивнул разбойник. — Так что я за тебя, сам понимаешь, кому угодно... Да только, ванакт, она еще дурочка, вбила себе в голову...

— Дядя! — вскрикнула Тея.

Разбойник смутился и принялся чесать затылок.

...Поляна была вновь пуста. Я грелся у огня — ночь выдалась неожиданно прохладной. Тея, завернувшись в хлену, сидела рядом.

— Больше гостей не будет, о богоравная?

Она покачала головой:

— Завтра ты поговоришь с Теллом. Мне тоже придется кое с кем побеседовать...

Я обнял ее, Тея положила голову мне на плечо и вздохнула:

— Ты снова уедешь, Клеотер...

— Да. Жаль, что я не простой наемник. Женился бы на тебе и пошел помощником к твоему дядюшке. Вдвоем с ним мы бы разнесли всю вашу вшивую Ахияву!

Я шутил, она ответила серьезно:

— Я не хочу, чтобы ты стал разбойником. Боги сделали тебя ванактом.

— Это что — лучше?

— Это труднее... Мне тоже не хотелось быть жрицей Реи.

Она встала и поправила хлену.

— Мы войдем через главный вход, ванакт. Все должны видеть, что со мной рядом — Солнце!

— Ты...

Ее взгляд заставил меня замолчать.

— Мы можем больше не встретиться, Клеотер.

— Встретимся! — тут же возразил я. — Первую же дорогу я проложу между Микасой и твоим храмом!

...Мы шли по лесной тропинке. Впереди тускло светились огни. За этот год дорожка, ведущая к главному входу, стала шире. Когда показались бронзовые ворота, мы остановились.

— Ну что, — заметил я, — Солнце и верховная жрица вступают в чертог Реи? Мои сослуживцы сказали бы проще: «Ну и девочку оторвал себе, борода!»

Тея тихо ответила:

— А в Козьих Выпасах сказали бы: «Ну, рыжая! Такого парня подцепила!»

И мы оба рассмеялись.

...Проснулся я с рассветом — сработала многолетняя привычка. В небольшое окошко просачивались первые солнечные лучи. Тея спала, отбросив в сторону покрывало. Я осторожно укрыл ее и бесшумно встал, поспешно натягивая хитон.

Мне было немного не по себе. Всю жизнь я покупал женщин — или просто брал их, когда дотягивалась рука. Бедная девочка, она заслужила кое-что получше, чем такой грубый обормот, как я! Не к месту вспомнилась Дейотара, ее ненавидящий взгляд... Впрочем, сейчас дочь Ифимедея меня бы вполне одобрила. Поддержка самой верховной жрицы Реи, как же! Да еще за такую плевую цену!

А если бы я не был ванактом? Не носил проклятый венец? Если бы другого называли Солнцем?

Стало совсем кисло...

— Уже утро, да? — Тея проснулась, протирая глаза и удивленно глядя вокруг. — О Великая Рея! Я пропустила утренний обряд!

— Она недавно забегала, — сообщил я. — Мать богов, в смысле. Смутилась и обещала тебя не беспокоить дней десять.

— Всего лишь? — Тея рассмеялась. — Иди ко мне...

Я рухнул на ложе, закинул руки за голову и стал глядеть в потолок. Тея вздохнула:

— Я тебе уже надоела? Так быстро?

— Это я себе надоел. Как ты еще можешь смотреть на меня? Меня только к скотине пускать...

— Глупый...

— Все верно — дурак. Ну почему так, Тея? Почему ни я, ни ты не можем послать все к воронам, махнуть куда-нибудь...

— О чем ты думаешь, Клеотер? — Ее лицо оказалось рядом, губы скользнули по моей щетине. — Ты меня всю исколол... Все очень хорошо, мой ванакт! У нас еще есть несколько дней. А потом ты построишь дорогу...

— Это будет самая широкая дорога в Ахияве, — пообещал я. — Нет, в мире... На каждой станции будут ждать митанийские кони...

— Но пока они нам не нужны, — прошептала она и вновь оказалась права...

«МАТЬ БОГОВ»

Мать богов не дала мне десяти дней. Она отпустила лишь четыре дня и три ночи. И все эти дни, а порой и ночи приходилось встречаться с людьми, что-то обещать, уговаривать, иногда — пугать.

Тея была все время рядом, и это помогало сосредоточиться на том, о чем не очень хотелось думать. Но большая игра уже началась. Клеотер, ванакт Микенский, и Тея, верховная жрица Реи, обязаны были продумывать каждый разговор, каждое слово, потому что выигрышем был престол, а проигрышем — наши головы, торчащие на копьях.

Четвертую ночь я встретил у камня с выбитой подковой. Горели костры. Вокруг расположились молчаливые крепкие парни — богоравные кентавры, сопровождавшие своего вождя. Сам Телл, одетый по такому случаю в старинный, шитый золотом фарос с изображением диковинных птиц, сидел рядом со мной у костра. В седых волосах тускло светилась диадема. Кентавр был спокоен и суров.

— Мы договорились, ванакт, — подытожил он. — Но учти: только ради тебя мы согласились вмешаться в дела людей.

— И ради того, чтобы чужие войска не пришли в Микены, — заметил я.

— Да.

К костру подошла Тея. Сегодня на ней была тяжелая темно-синяя хлена, рыжие волосы охватывал золотой обруч, и она менее всего походила на деревенскую девчонку, которую я когда-то встретил в Козьих Выпасах.

При виде ее кентавр встал:

— Все готово, великая Тея...

Я уже заметил — в последние дни к верховной жрице окружающие стали испытывать необыкновенное почтение, порой даже — страх.

Тея встретилась с Солнцем...

— Да, — кивнула она. — Мы можем начинать.

— Что вы задумали? — заинтересовался я. — Мы же договорились...

— Договорились, — согласился Телл. — Тебя проводят в Микены, а я сделаю то, что ты просил. Но есть еще одно дело...

Он взглянул на Тею.

— Ванакт! — помолчав, начала она. — Тебе предстоит вернуть престол, а потом править — долго и счастливо. Тебе нужна помощь наших богов.

Я хотел ответить, но она перебила.

— *Наших* богов, ванакт! Тех, о которых ты забыл и которые забыли тебя. Твой Бог не поможет.

Я кивнул, соглашаясь. Единому нет дела до царства Ахейского. Он хранит тех, кто в Него верит, остальное же оставляет рукам человеческим...

— Тебе будет трудно, ванакт. Твой ревнивый Бог сделал тебя слепым...

Я вновь хотел возразить, но Тея, шагнув ближе, положила мне руку на плечо:

— Закрой глаза, ванакт, а затем открой их снова.

Я повиновался. Вначале я увидел Тею, затем костер, а после...

Я чуть не попятился. Вместо Телла у огня пристроилось жуткое чудище — получеловек-полуконь с людским торсом и лошадиным телом.

Иппоандрос...

Я взглянул на остальных кентавров и помотал головой. О, боги Аннуаки!..

— Посмотри туда!

Между костров, где только что не было ничего, кроме высокой травы, медленно проступала огромная женская фигура в тяжелом пеплосе. На миг показалось, что у нее очень знакомое лицо.

Всмотреться я не успел — Тея убрала руку, и все приняло прежний вид.

Я перевел дух. Телл и его кентавры снова казались обычными людьми, между горящих костров стало пусто...

— Ты видел? — нетерпеливо спросила Тея. — Ты видел, ванакт?

— Д-да, — еле выдавил я. — Что...

— Я открыла тебе глаза, Клеотер. Таков наш мир на самом деле. Мир, который ты не видишь. Твой Бог ревнив...

— Там была женщина, — я кивнул на пустую поляну. — У нее твое лицо...

— Рея, — улыбнулась она. — Мать богов пришла, чтобы встретить тебя.

— Вернись в наш мир, ванакт, — вмешался Телл. — В свой мир!

Я нерешительно оглянулся. Иппоандросы, киклопы, наяды с дриадами... Что это? Безумный бред дикарей — или настоя-

щий мир, который не позволяет увидеть Тот, в Кого я верю? Но мне жить в этом мире...

— Ты должен принести жертву, — продолжала Тея. — Я уже все приготовила. Потом ты пройдешь между священных огней...

— И тогда ты сможешь править этой землей, — добавил кентавр.

— Погодите...

Я отошел в сторону и закрыл лицо руками. Они правы, на этой земле свои боги и свой мир. Я не могу быть слепым. Но Единый ревнив...

— Он терпелив, — тихо проговорил я. — Он терпит мою божбу, терпит, когда я посещаю чужие храмы. Он стерпел даже Таинство, будь оно трижды... Он терпит, потому что знает — в душе я верен Ему...

— Здесь наша земля, — услышал меня Телл. — Твой Бог далеко...

— Если это Ему не по душе, — добавила Тея, — почему Он не даст тебе знак?

— Ты не понимаешь! — заторопился я. — Тея, нельзя так говорить о Нем!

— Почему? — удивилась она. — Я — верховная жрица!

Тея подняла вверх правую руку и негромко, но внятно проговорила:

— Бог, в которого верит Клеотер Микенский! К тебе обращаюсь я, жрица Реи, Матери богов...

— Нет! — крикнул я. — Нет!..

Поздно!

Звезды погасли, словно на поляну упал тяжелый холодный туман. Порыв ледяного ветра задул костры, разметав бессильно гаснущие искры по приникшей к земле траве. Что-то крикнул Телл, но новый, еще более беспощадный удар пришедшей ниоткуда бури заглушил его голос. Я оглянулся, ища глазами Тею, и заметил, что туман начал сгущаться. Его частички стали видимыми, засветились ярким, ослепительно-белым огнем. Гигантский купол начал быстро вращаться, сужаясь к центру.

— Единый... — прошептал я. — Нет, только не ее...

...Купол превратился в смерч. Пахнуло жаром, трава в центре поляны вспыхнула. Испуганно заржали кони. Я замер — бешено вращавшийся огненный столб неторопливо качнулся, приближаясь к Тее...

Я закрыл глаза, не в силах смотреть на Его гнев. Мы хрупки, как стекло, перед Его страшной яростью...

Но почему она, Единый? Она же не ведала...

— Клеотер...

Тихий, еле различимый шепот... Я открыл глаза.

У моих ног горела трава. Туман исчез, равнодушные холодные звезды смотрели на разметанные погасшие костры, на сбившихся в кучу, испуганных — может, впервые в жизни! — кентавров, на замершего с поднятой рукой Телла. В центре поляны чернел ровный выгоревший круг. Сгорела не только трава — оплавилась земля, превратившись в сухой ломкий камень. А дальше... Я боялся увидеть...

— Клеотер...

Тея стояла в самом центре того, что только миг назад горело и плавилось. Вокруг нее, на маленьком пятачке, трава оставалась прежней — зеленой и нетронутой. Еще не веря, я бросился вперед, чувствуя жар под деревянными подметками тяжелых сандалий. В центре страшного оплавленного круга я остановился. Даже в темноте, в неясном свете далеких холодных звезд я заметил, как побелело ее лицо.

— Ты...

Она попыталась улыбнуться, покачнулась и упала. Я успел подхватить ее и, не чувствуя веса, понес Тею прочь от места, где бушевал Его гнев. На краю поляны я осторожно уложил девушку на траву. Жива! Хвала Единому, жива...

— Твой Бог — страшный Бог, ванакт! — Телл незаметно подошел к нам, и я вздрогнул от его негромкого хриплого голоса.

— Нет, — я уже начал приходить в себя. — Он — справедливый Бог.

Тея глубоко вздохнула и открыла глаза. Я присел рядом и осторожно погладил ее по щеке.

...Маленький костерок горел неярко, словно вполсилы. Еле слышно потрескивали дрова. Тея, завернувшись в тяжелые складки хлены, сидела молча, глядя куда-то вдаль. Говорили мы с Теллом — тихо, стараясь не повышать голоса.

— Мы знали о Едином, ванакт. Давно уже среди тех, кто допущен к высшему посвящению, ходит молва, что все наши боги — лишь искры одного огня. Это знание пока скрыто...

Я кивнул, вспомнив Эрифа и Гирто. Они знают — и молчат, по-прежнему поклоняясь истуканам.

— Некоторые считают, что Единый — лишь фантазия, сказка для мудрецов. Другие — что Его время еще не пришло...

— Не знаю, Телл... Далеко отсюда живет небольшой народ — хабирру. Они первые поверили в Единого, но вообразили, что Он — лишь их Бог. Это еще смешнее, чем ваши идолы...

— Идолы — лишь знак, — покачал седой головой кентавр. — Посвященные ведают — боги имеют другой облик. Когда-нибудь люди воздвигнут кумиры даже Единому — если придет Его час...

— Не мне судить, — я встал и повел плечами, сбрасывая внезапную усталость. — Придется мне смотреть на ваш мир Его глазами, богоравный Телл. Честное слово, в человеческом обличье ты мне больше по душе!

— Странно... — тихо проговорила Тея, не поднимая глаз. — На миг я успела увидеть мир совсем другим. Кентавры стали обычными людьми, а у тебя, ванакт, было иное лицо... Наверное, твой Бог тоже решил открыть мне глаза...

Мы с кентавром переглянулись, вспомнив о давнем разговоре. Мое лицо — даже оно может казаться разным.

— Пора, — я запахнул фарос и поправил висевшую за плечами «черную бронзу». — Ехать далеко...

Телл, кивнув, отошел в сторону. Тея медленно встала и с силой провела ладонью по лицу.

— Огонь... Он до сих пор у меня перед глазами... Почему твой Бог не убил меня, Клеотер?

Я хотел ответить: «Не знаю», но вдруг вспомнил то, что рассказывал старый хабирру.

— Мой Бог ревнив, но не жесток. Ты спросила Его — и Он дал ответ. Но мертвым ответ не нужен.

— А я подумала, что твой Бог меня просто пожалел, — улыбнулась она. — Из-за тебя...

Я обнял ее, но Тея отстранилась и поправила золотую диадему. Теперь передо мной вновь была верховная жрица.

— Счастливого пути, ванакт! Да хранит тебя Единый, и да помогут тебе боги Ахайи!

— И тебе счастливо, богоравная Тея!

Я хотел добавить что-нибудь по поводу дороги, которую начну строить, как только разберусь со своими родственничками, но ничего путного в голову так и не пришло.

Я попрощался с Теллом и направился к скале с подковой, где меня уже ждали двое кентавров и мои лошади, которых держал под уздцы какой-то паренек, сразу показавшийся знакомым. Он ухмыльнулся, и я тут же вспомнил.

— Радуйся, Брахос, Лягушонок из-под жертвенного ножа!

Он шмыгнул носом, довольный, что его узнали.

— Радуйся, дядя Клеотер! А здорово шарахнуло!

— Что шарахнуло? — не понял я.

— Молния Дия! Что же еще? — Он цокнул языком. — Расскажу — не поверят!

— Поверят! — Я бросил взгляд на почерневшую поляну и вскочил на коня, поправляя поводья. Кентавры были уже в седле. Я кивнул, и мы поскакали прочь по узкой тропинке, ведущей в далекую Микасу.

Все оказалось проще, чем я думал. Не понадобилась даже табличка с печатью Ктимены. Редкие путники молча шарахались в стороны, только завидев кентавров. Я представил, как выгляжу со стороны — ванакт, возвращающийся в свою столицу в сопровождении суровых иппоандросов. Впрочем, мы ехали ночью, на голове у меня был шлем, и никто скорее всего так и не узнал Клеотера Микенского. Можно было ехать и днем, но я понимал — береженого и Адад бережет, а посему предпочел выждать в густом лесу и лишь вечером отправиться дальше.

Около полуночи мы увидели вдали еле заметные огоньки — факелы на стенах спящей столицы.

Я распрощался с кентаврами и в город поехал уже один. Бронзовые ворота с хеттийскими львицами были, конечно, заперты, но я не собирался искушать судьбу. Можно было зайти через потайную калитку, но стражники, изнывающие от ночной скуки, наверняка проявили бы излишнее любопытство. Поэтому я оставил лошадей неподалеку от дороги, а сам неторопливо прошелся вдоль серого скопища валунов, которое здесь считалось стеной. Если посланец Теи добрался вовремя...

Он добрался вовремя. В условленном месте со стены свисала надежная веревка с узлами. Я подтянулся и полез наверх, шепотом поминая всех богов Баб-Или по очереди, — за эти месяцы я успел потерять прежнюю сноровку. Подъем стоил мне двух изрядных водянок и нескольких мгновений страха, когда стена, на которую я опирался, ушла из-под ног.

Оказавшись наверху, я поспешил отвязать веревку и спустился в темный пустой переулок. Микаса встречала меня тишиной и ночным холодом.

Почти сразу же мне встретилась стража — четверо здоровенных лбов при полном параде. Я сунул под нос бородатому комавенту табличку с печатью, велев провести меня в храм Поседайона. Теперь я был спокоен — первая часть задуманного выполнена.

Храмовая стража тоже не узнала ванакта. Я прошел знакомыми коридорами и спустился в подземелье, где когда-то богоравный Арейфоой беседовал с царским мушкенумом Нургал-Сином. Но теперь меня ждал не он, а всего лишь Пеней — бледная тень покойного интригана. Суетящийся старик, растерянный, с испуганными глазами. Кажется, его только что разбудили.

— Что... что хочет от меня ванактисса?

Он не смотрел в лицо, все еще принимая меня за посланца Ктимены.

Я огляделся — да, именно здесь мы разговаривали с Арейфооем. Идол все так же усмехался, тараща пустые глаза, горел огонь в небольшом трехногом жертвеннике. Именно тут бывшему царскому мушкенуму повелели стать мертвецом...

— Радуйся, богоравный Пеней, — вздохнул я, усаживаясь в знакомое кресло. — Извини, что потревожил тебя среди ночи.

— Ванакт... — Его голос дрогнул, но усталое лицо осталось прежним. — Зачем ты здесь?

Я хотел выдать цветистую фразу по поводу своих чувств к Поседайону-Землевержцу, но понял — ни к чему. Пеней не глуп и все понимает не хуже меня.

— Я тут один, жрец. Пока — один. Через несколько дней сюда подойдут мои шардана.

— Знаю, — кивнул он. — Твои люди взяли Тиринф.

Я не удержался, чтобы не хмыкнуть. Калиб, дядюшка рыжей колдуньи, сдержал слово. Интересно, как это ему удалось? Если его посланец не опоздал, то моя женушка уже в пути...

— Будет война, жрец. Я возьму город.

Он вновь кивнул, все понимая. Если шардана выломают Львиные ворота, никто — даже я — не удержит их. Как говорят в Ассуре, полетят клочья по закоулкам...

— Что я могу сделать, ванакт? — наконец поинтересовался он.

— Когда мое войско подойдет к Микенам, ты и твои жрецы прикажете открыть ворота...

— Меня не послушают.

Я вздохнул — старика как-то слишком быстро запугали. Арейфоой на его месте вел бы себя иначе.

— Послушают, жрец! Если не будет приказа из дворца.

— Если не будет приказа из дворца, — повторил он. — Если Мантос и твоя сестра сами не поднимутся на стены...

— Да. Тогда тебя послушают. Дельфийское пророчество уже известно?

Впервые он улыбнулся, впрочем, тоже невесело.

— Да, ванакт. Его пытались скрыть, но кто-то постарался

рассказать о нем всем, кто хотел слушать. По-моему, тут не обошлось без Эрифа...

Я задумался. Похоже, толстый весельчак начал выздоравливать. Но рисковать не хотелось.

— Он, кажется, болеет, богоравный Пеней? Не будем его тревожить.

Жрец вновь усмехнулся.

— Ктимена обещала очень многое — и ему, и мне. Я ответил честно — Поседайон молчит. Эриф, — он покачал головой, — Эриф обещал дать ответ через месяц.

Вспомнились слова Дейотары. Выходит, царица не зря говорила об этом сроке! Что ж, Эриф поступил мудро — если за месяц я не верну себе престол, значит, великий Дий и вправду отвернулся от Клеотера Микенского!

— Боги за тебя, ванакт, — вздохнул Пеней. — Но твоя сестра не боится богов. Она не боится ничего — даже того, что Микены превратятся в кучу пепла.

— Пожалуй, — согласился я. — Но я все же попытаюсь...

— Если она сама возглавит оборону... — жрец покачал головой.

— Я поговорю с ней.

— Ты?! — поразился Пеней.

— Да, — я встал. — И немедленно.

К темной громаде дворца меня проводила храмовая стража. Мантос позаботился об охране, но потайная дверь в стене, выходящей в старый сад, не была известна даже ему. Это был секрет Дейотары, которым она поделилась со мной совсем недавно. Механизм оказался старым, изношенным, и я долго ждал, пока каменная обшивка со скрежетом и скрипом отойдет в сторону.

Коридор... Я вспомнил: налево — тронный зал, мои покои — направо. Интересно, где сейчас моя сестренка?

Далеко пройти не удалось. За углом меня встретили стражники, и я, сняв шлем и полюбовавшись их очумелыми рожами, велел отвести меня прямо к Мантосу. Мы пошли вдоль по коридору, и я сообразил, что лавагет сейчас в покоях Ктимены. Что ж, так даже лучше...

Караульные у дверей долго не могли прийти в себя, а затем загрохотали кулаками по высоким дубовым створкам. Прошло несколько мгновений, и вот дверь приоткрылась. На пороге стоял Мантос в небрежно наброшенном фаросе. Рука сжимала меч, в другой был щит — тот самый, что когда-то вручили мне в храме Поседайона.

— Радуйся, лавагет! — хмыкнул я, подходя поближе. — Ну и нагнал же ты страху! И прежде всего — на самого себя!

— А-а! Т-ты?

Его глаза застыли, словно сын Корона увидел призрак.

Не ожидая, покуда Мантос придет в себя, я отодвинул его плечом и вошел в комнату. Ктимена уже проснулась. Она сидела на ложе, держа в руках большой странный сверток. Я не сразу понял, что это, но царевна повернулась, и я заметил маленькое красноватое личико.

Племянничек...

Что-то в этой сцене показалось мне необычным, и лишь потом я сообразил — ребенок молчал, хотя наверняка проснулся...

Я захлопнул дверь и задвинул засов. Надо было решать быстро, пока они не очухались. Но Ктимена опередила меня:

— Убей его! Скорее, пока он не начал говорить!

Мантоса дернуло, но я не двинулся с места. Лавагет был без кольчуги, с коротким мечом, я мог зарубить его в любой момент. Но тогда придется убить Ктимену, а в этом случае весь мой замысел ничего не стоил.

— Убей!

Ее рука скользнула по стене, где висел еще один меч — побольше, в тяжелых кожаных ножнах, но внезапно послышался странный звук. Кто-то хрипел. Я еле удержался, чтобы не оглянуться в поисках того, кого решили придушить прямо в покоях царевны.

Ктимена отшатнулась, и тут я понял — ребенок! Он не мог кричать, и его искаженный рот заходился в хрипе. Над головой приподнялась маленькая ручонка, и я подумал, что мой племянник уже слишком велик для пеленок. Ктимена зря его кутает...

Царевна нерешительно обернулась, лицо дернулось болью.

— Подойди к ребенку, — велел я, и Ктимена молча повиновалась.

— Ну, в общем, так, ребята, — я поудобнее уселся в кресло, скинув на пол чей-то синий хитон тонкой тирской ткани. — Извините, что помешал, но вы продули...

Мантос неуверенно поглядел на царевну, но та была слишком занята сыном. Я вздохнул:

— Лавагет, очнись! Я говорю прежде всего для тебя. Ты военный и можешь рассудить здраво. Про Тиринф ты уже знаешь, но это только начало...

Выигрышными костями у меня был забит пояс, и я швырял их, не глядя.

— Через несколько часов вы узнаете про Немею и Навплию. А завтра будет Лерна. От моря я вас уже отрезал...

За Немею мне ручался Телл, которому тамошний геквет приходился не то родичем, не то близким другом, Навплия была не так далеко от Тиринфа, и я понадеялся на Калиба, а Лерну просто приплел для солидности.

— Соседи вам не помогут. Они ждут моей победы — и, как видите, не зря. Дельфы меня поддержали. Даже тут, в Микасе, Эриф и Пеней молчат — и это не в вашу пользу. Кстати, дорогу к Аргосу я уже перерезал, и на Сикион — тоже...

Последнее я выдумал, но, в общем, прозвучало убедительно.

— Но это все мелочи... — Я выждал несколько мгновений, приберегая главное. — У вас по-прежнему тысячи воинов, у меня — лишь сотни. Но, ребята, это уже не имеет значения...

Следовало убедить Мантоса — он вояка, привык считать большими числами. Но такое поймет даже он.

— Вся Ахиява, кроме тех мест, где стоят гарнизоны, уже не ваша. Богоравные козопасы в шкурах поднялись на защиту своих богов — и заодно законного ванакта. Мать Рея позвала своих сыновей...

— Хватит! — Ктимена выпрямилась, не обращая внимания на хрип, доносившийся из свертка. — Мантос! Не слушай его!

— Слушай, слушай, лавагет! — перебил я. — У тебя есть день — не больше. Бери две колесницы, в одну грузи ее и сына, в другую — что хочешь из сокровищницы — и кати отсюда к ближайшей границе. Если вы поселитесь где-нибудь на Крите или в Милаванде, я закрою глаза...

Мантос молчал. Он понял — должен понять. Микенская армия, разбросанная по трем десяткам гарнизонов, превратилась в маленький архипелаг среди враждебного моря. А ведь большинство воинов — такие же козопасы, только в рогатых шлемах...

— Мантос! Очнись! — Царевна шагнула вперед, ее глаза на бледном, с красными пятнами лице недобро блеснули. — Он лжет! Иначе он просто бы убил и тебя, и меня, и его...

Она кивнула на ложе, где заходился в хрипе Главк-младший, в недобрый час провозглашенный ванактом микенским.

— Я никого не хочу убивать, — вздохнул я. — Мантос, решай!

Убивать их и в самом деле не имело смысла. И не только по-

тому, что ошалевшие от ужаса даматы и стражники успеют прикончить меня самого, прежде чем сообразят, что дело проиграно. И даже не из-за пророчества старой девы в Дельфийском святилище...

— Первое предательство еще можно считать подвигом, — на миг мне стало жаль парня. — Но второе — предательство без оговорок...

— Да! Да! — Ктимена, оттолкнув Мантоса, шагнула ко мне. — Он предал Ифимедея, а затем — тебя! Предал — потому что так велела я! Понятно тебе, мой самозванный братец? И теперь он сделает то, что я скажу...

Губы лавагета шевельнулись, но он смолчал. Внезапно я понял — Ктимена права, а я, кажется, здорово просчитался.

— Сейчас я открою дверь, — продолжала она. — Можешь убить меня, самозванец!

Она подошла к засову и начала его отодвигать. Тяжелая щеколда поддавалась с трудом, но я спокойно ждал. Наконец дверь приоткрылась, и сразу же в комнату ворвались стражники — много, больше десятка. Копья в такой тесноте бесполезны, и возле моего лица сверкнули лезвия тяжелых бронзовых мечей.

— А теперь послушай меня, Клеотер, — Ктимена оскалилась, и я на миг удивился тому, что Мантос до сих пор не бежал от нее на край света. — Будь ты действительно моим братом, толковать нам было бы не о чем. Но ты всего лишь самозванец, и мы можем поговорить.

— О чем, царевна? — удивился я. — Сначала скажи о моем самозванстве всем соседям, скажи дельфийским жрицам...

Она хрипло рассмеялась:

— Эти дураки в Фивах признали тебя — значит, признают и меня! А пророчество можно читать по-разному. Ты действительно Клеотер — сын комавента Лая. Пифия сказала именно это!

...Она тоже знала — наверное, Скир постарался и здесь. Но не это испугало. Мантос! Почему он молчит?

— Да, ты Клеотер, и ты будешь ванактом — на один миг. Завтра тебя посадят на трон, и я первая поклонюсь тебе. А потом...

Остроумно — хотя и не оригинально. (Хамураби проделал такое еще несколько веков тому назад.) Потом самозванного ванакта можно прибить бронзовыми гвоздями к кресту. Правда, гвозди они отменили...

— А потом тебя разрубят на части — медленно, кусок за куском...

Я кивнул — идея для матери несчастного больного ребенка не так уж плоха.

И тут наконец заговорил Мантос:

— Царица! Он не искал нашей смерти...

Увы, это было все, на что он решился. О боги Аннуаки, почему вы допускаете шлюху Иштар к мужским делам!

— Дурак! Лучше забери у него секиру!

Я дернулся, словно меня ударили. Главнокомандующего титулуют дураком при воинах! И кто — глава государства!

Все, конец! И ей, и ему, и, вероятно, мне. Хоть бы по-хеттийски ругались...

Мантос нерешительно отодвинул молчаливых стражников и протянул руку. Я сплюнул и бросил секиру на пол.

— Далеко не прячь, о мужественный лавагет! И помни — ты забрал мой щит.

Меч я бросил рядом, а небольшой кинжал, укрепленный под мышкой, решил оставить. В этом бабском царстве пройдет и не такое...

— Сейчас тебя как следует запрут, Клеотер, — царевна зло усмехнулась. — Завтра утром я поговорю с тобой в последний раз. Ты выйдешь на площадь, при всех признаешься в самозванстве и передашь мне диадему. Если ты сделаешь это — посмотрим... Иначе я на часок-другой воображу, что ты — мой настоящий брат, предавший сестру ради этой поганой суки, ради этой подстилки, этой...

Странно, у царевен богохранимой Микасы на диво однообразный лексикон. Правда, Дейотара никогда не унизила бы мужа перед чужими. Хотя будь на моем месте Прет, кто знает...

Я надеялся, что лавагет опомнится, но тщетно — Мантос молчал, глядя куда-то в сторону.

Все — я проиграл! Проиграл, недооценив обаяние костистых прелестей своей сестрицы. О Адад, нельзя мерить противника по себе, как я мог забыть об этом?

Можно было еще попытаться. Напомнить, что они забыли о сестричке Дейотаре, которая охотно превратит Микасу в пепел, особенно после убийства законного ванакта. И что соседи в тот же час перейдут границы... Но я понял — бесполезно. Ктимена не видит ничего — даже исказившегося в муке лица своего несчастного ребенка. Мантос видит все, но будет молчать...

Я ждал, рискнут ли обыскать ванакта, хотя бы и бывшего. Обошлось — просто подтолкнули в спину и потащили все тем же коридором налево, где начиналась лестница, ведущая в подземелье.

Сестрица обещала как следует запереть меня, но не сдержала слова. В подземной темнице, как и в других узилищах Микасы, замков не предусматривалось. Вместо этого имелись чудовищной толщины дверь и громадный засов, роль которого выполняло средних размеров бревно. С подобной практикой я столкнулся в первую же ночь, когда навестил богоравного Арейфооя. В дворцовых подвалах все было устроено не хуже, чем в подземельях храма Землевержца, только двери потолще, а камни стен — покрупнее. Окошек, естественно, не имелось, зато полагался факел, который горел приблизительно полчаса, после чего можно смело ложиться спать — до прихода стражи ничего нового произойти не могло.

Первым делом я пожалел, что в свое время не приказал поставить в узилище что-нибудь вроде деревянного ложа. Камни пола были холодны и жестки. Я завернулся в плащ и сел в угол, стараясь не прислоняться к ледяной стене. Все, Нургал-Син, приплыли...

Признаться, расстроился я изрядно. И не только из-за обещания превратить меня в груду мясных объедков. Впервые пришлось воевать по-крупному — и я проиграл быстро и успешно, даже не потеряв ни единого человека. А ведь все это я придумал не сам. Дейотара, Прет, богоравный Телл, Калиб, Тея, наконец, — люди неглупые и уж, во всяком случае, поумнее этой костлявой истерички. Но Ктимена победила — просто потому, что мы готовились воевать с умными людьми. Тупое бабское упорство, нелепое «Ни за что!» — и она победила. Конечно, ее победа — всего на час. Дейотара и Прет вскроют Львиные ворота, как амфору с критским вином, но тогда начнется резня — именно то, чего мы хотели избежать. К тому же я имел все шансы не увидеть даже этого...

Почему-то мысль договориться с Ктименой ни разу не пришла в голову. И вовсе не потому, что после отречения меня не пощадят. Моя сестрица дура, но не настолько же! Пощадить можно настоящего царевича, но не наглого самозванца. Просто сработала давняя привычка наемника — драться до конца. Нас, «серых коршунов», считают оборотнями. Сегодня служим хеттийскому Солнцу, завтра — царю Ассура, а после — Великому Дому Та-Кемт. Верно, но мы дослуживаем свой срок до последнего часа, и если попадаем в плен, то не предаем своих хозяев. В этом нет героизма, это — правило, иначе никто бы не позвал нас на службу. Нургал-Син, бывший царский мушкенум, получил дурацкую работенку в этой крысиной норе. Работенка была мне

не по душе с первого часа, но я делаю, что могу, и не собираюсь дезертировать. Настоящему Клеотеру, наверное, было бы легче. Сунул в зубы этой костлявой диадему — и дай Бел-Мардук ноги до самого Южного моря!

...Нет, поганая диадема снимается только с головой — тут моя супруга, пожалуй, права...

Я быстро успокоился. Что поделаешь, победа и поражение — удел воина. Остались лишь усталость и злость на дурака Мантоса. Нас, вояк, обвиняют в том, что мы вечно путаемся со шлюхами. Верно — так и должно быть! Шлюхам ничего не нужно, кроме огрызка серебра. Лучше валяться на подстилке с последней храмовой рабыней из святилища Иштар, чем позволять, чтобы богоравная сука титуловала тебя дураком перед собственными воинами!

Впрочем, я злился не на него, а на себя. Я поверил Мантосу — и ошибся. Затем вновь поверил — но уже не в его верность, а просто в здравый смысл. И вновь просчитался — костлявые ключицы застили ему свет. Тем хуже для Мантоса — и тем хуже для меня...

Все-таки удалось уснуть — помогла давняя привычка. Проснулся я уже в полной темноте. Факел давным-давно догорел, а сквозь тяжелые двери могла просочиться лишь тьма подземного коридора. Но я не мог ошибиться — там, наверху, уже утро. Ктимена обещала навестить меня, но, похоже, забыла.

Забыла?

Я быстро прикинул обстановку. Ее шансы малы, попросту — никакие. Дурацкая идейка с разрубанием на куски моей скромной персоны — единственное, что пришло ей в голову. Правда, еще можно поторговаться, поманить самозванца надеждой на жизнь... Но каждый час дорог. Прет уже ведет своих шардана на столицу, кентавры и братья-разбойнички перекрывают дороги, а Ктимена... А моя сестричка начисто забывает о своей последней кости, хотя и не выигрышной! Почему? Из-за Мантоса? Я фыркнул — такие, как она (впрочем, как и моя женушка), лежа под мужем, думают о небеленом потолке. Ребенок? Такая потащит ребенка даже под стрелы. Значит, что-то другое...

Время шло, коридор за дубовой дверью словно вымер, и я начинал догадываться. Только одно могло отвлечь мою сестричку от ее нелепых планов. У ворот Златообильных Микен уже кто-то стоит! Прет, Калиб, а может, и моя супруга собственной персо-

ной решили поспешить. Итак, у ворот уже кто-то стоит... и моя сестрица потянула Мантоса на стену! Значит, у меня появилось время, и я напрасно замерзаю в этом дурацком подземелье...

Темнота не помешала мне внимательно обследовать дверь. Нет, тут не пройти. Будь у меня «черная бронза», я бы попытался — с условием, что коридор пуст. Но кинжал, оставленный растяпами-стражниками, годился лишь на то, чтобы отрезать кому-нибудь ухо. С ним я провожусь год — если предварительно не умру от скуки. Стены... Я всмотрелся в непроглядный сумрак и покачал головой. В храме Дия еще могут встретиться тайные ходы или замаскированные тоннели, но в дворцовом подземелье такие подарки исключены. Иначе что за цена этим подземельям?..

Я прошелся вдоль стены, ощупывая рукой шероховатый камень. В Микасе не мелочились — каждая глыба оказалась размером с ларнак[1]. Не иначе строители пригласили в помощь моего приятеля Роха с его соплеменниками-киклопами!

Потолок... Я взглянул вверх, ничего не разглядев в темноте, но вспомнил — до него не достать. Оставался пол, но под ногами были все те же каменные блоки, еще крупнее и неподъемнее.

Что ж, придется подождать, пока дверь откроют, и ударить первого же стражника в не защищенную панцирем шею. Потом — вырвать меч, толкнуть обвисшее тело на того, кто рядом, — и в коридор. Правда, далеко я не убегу, да и стражники едва ли позволят себя резать — сам же учил...

Вот если сюда первой войдет Ктимена!.. Нет, на это рассчитывать нельзя. Такую глупость не сделает даже она.

...Первый толчок я пропустил. Затем почудилось, что Посейдон-Землевержец добрался-таки до Микасы, решив перевернуть здесь все вверх дном. Я отскочил подальше от двери, соображая, что делать, если начнет рушиться потолок. До конца решить эту несложную задачу не удалось — новый толчок заставил успокоиться и одновременно — изумиться. Землевержец пока не добрался до богохранимых Микен. Земля оставалась на месте, зато шевелились стены. Вернее, одна из них — та, что слева от входа. Кто-то невидимый удар за ударом расшатывал громадные блоки.

---

[1] Ларнак — гроб (глиняный или каменный).

В темноте что-то хрустнуло, заскрипело — кажется, один из камней уже не выдержал.

Я присел на пол, позабыв вернуть на место отвисшую челюсть. Гидры, кентавры, дриады — это еще можно стерпеть. Но такие глыбы не сдвинуть никому на свете! Разве что в соседнем узилище заперли парочку соскучившихся по свободе киклопов...

Скрежет усилился, что-то скрипнуло, и подземелье дрогнуло — первая глыба с грохотом ткнулась в пол. Я отскочил к противоположной стене, прикинув, что невидимые киклопы того и гляди захотят сыграть со мной в веселую игру «а ну-ка, поймай» — с помощью парочки подходящих камней. Но все было тихо. Затем где-то совсем близко послышался вздох — тяжелый, полный глубокой печали. Я решил, что одному из киклопов искренне жаль разрушенную стену.

Дальнейшее последовало быстро. С жалобным скрипом камни покидали свои места, глухо ударяясь об пол. Темнота мешала разглядеть детали, но я подсчитал, что мои соседи вывернули четыре глыбы. Значит, сквозь пролом уже можно пройти — даже киклопу.

Наступило молчание, затем вновь — грустный, тоскливый вздох, а потом глубокий низкий голос негромко произнес:

— Кто ты, сосед мой, сидящий в узилище этом?

Челюсть вновь отвисла, а затем я поспешно зажал рот рукой, чтобы не захохотать во все горло.

Ну почему при встрече с этим солидным серьезным человеком порой становится так весело?

Вспомнилась старая ассурская хохма:

— О богоравный Афикл! Ну зачем ты бьешься головой о стену? Скажи, ради богов, что ты будешь делать в соседнем узилище?

И опять — грустный вздох:

— Бился плечом я, содравши его преизрядно...

Подземелье вновь вздрогнуло — что-то громадное протискивалось сквозь пролом. Я возблагодарил Аннуаков и все милости их за темноту. При свете мой родственник наверняка кинулся бы обниматься. А в этом случае никакой костоправ не выручит.

— Ты ли окликнул меня, родич мой, Клеотер богоравный? — грустно поинтересовался герой, оказавшись по эту сторону порушенной преграды. — Ибо к тебе я стремлюсь и уж третью стену сокрушаю, чтобы увидеться нам!

— А з-зачем сокрушать? — брякнул я первое, что пришло в голову. — Не проще ли через дверь?

— Нет, то не проще отнюдь, родич мой, Клеотер-повелитель. Клялся сестре я твоей, что не трону засовы дверные. Клятве ж я верен, ты знаешь...

— Правдиво гласишь, о могучий... — только и вздохнул я.

Об Афикле, признаться, я совсем забыл. Выходит — зря. Подземелья Микасы действительно простояли недолго.

— Рассказывай, Афикл! — Я осторожно приблизился к шумно вздыхавшему Гильгамешу. Что-то темное и громадное врезалось в мою спину, едва не сбив с ног. Кажется, герой хотел слегка хлопнуть меня по плечу в знак приветствия.

— Дней уже с десять сижу... — грустно начал он. — И поистине грустно мне думать, о богоравный мой друг Клеотер, что сижу я, увы, по заслугам в этом узилище мрачном, столь сходном с Аидом бездонным...

— По заслугам? — поразился я. — Тебя? Да за что?

Он объяснял долго, и постепенно я начал понимать. Сестричка Ктимена оказалась неглупа. Когда Афикл, победив каких-то не вовремя встреченных им чудищ, вернулся в столицу, его пригласили на пир. Ктимена осторожно расспросила о том, поддержит ли он новую власть. Растерявшийся герой начал ссылаться на свою очередную клятву — на этот раз мне, — и тут ему поднесли чашу аласийского вина. Он выпил — и очнулся в подземелье. Гильгамешу было сказано, что на него накатил очередной приступ безумия, и теперь ему велено сидеть, не подходя к двери, чтобы кара богов не привела к многочисленным человеческим жертвам. Афикл долго терпел, но затем подобное надоело даже ему, и он, не в силах нарушить клятвы, занялся стенами.

— Ибо узнал я, мой царственный родич и мой повелитель, — пояснил он, — что и тебе место здесь. И решил испросить я совета...

Узнал он это от Ктимены. Оказывается, отправив меня сюда, царевна поспешила прямиком к Гильгамешу.

— Понял, поссорились вы, — с грустью заметил он. — И поистине это печально, о Клеотер, что безделица стала причиной спора — того, что с Ктименой рассорил тебя. Брат с сестрою враждуют! О бо̀ги!..

Я почесал затылок. Вообще-то он прав. Трон в крысиной норе — поистине безделица перед лицом богов. Как говаривал мой учитель хабирру: маета и ловля ветра!

— Дивные речи вела, о ванакт, дочерь Главка! Венец предлагала — мне предлагала! Зачем? Не иначе, она невзлюбила храб-

рого Мантоса. Стыд! И на ложе меня зазывала, ибо иное желает потомство. Ведь хворым сын народился ее. Невзлюбили несчастную боги!..

— Бедняга, — посочувствовал я богоравному герою.

...Оказывается, у моей сестрички имелась-таки выигрышная кость! На стены Микасы восходит не дважды предатель Мантос, а сам богоравный Афикл. Козопасы боготворят моего родича, соседи — откровенно побаиваются, а шардана — уважают.

— Так и не понял, признаться, не в шутку ль те речи мне говорила Ктимена? И впрямь небылица — мужа оставить и встать мятежом на ванакта, на брата! Небывное дело!

— Небывное, — охотно согласился я. — Вот что, Афикл, ты спрашивал совета, вот тебе совет первый...

Я задумался. Объяснить простодушному герою происходящее не так просто.

— Прежде всего — никакого безумия у тебя нет и не было. Боги тут совершенно ни при чем. Три мерзавца — Скир, Арейфоой и Ифимедей — накачивали тебя какой-то дрянью, и ты терял память. Помнишь, я тебе рассказывал? В детстве ты поехал в Микасу, подошел к алтарю и вдохнул дыма. И началось. Как только ты приезжал сюда...

— Увы мне, всех — и людей, и богов прогневившему! — вздохнул Афикл.

— Тебя хотели сделать живой молнией для врагов Ахиявы. А моя сестричка тебя просто опоила. Так что никакого безумия у тебя нет. Можешь смело подойти к двери и выломать ее. Я разрешаю.

Герой задумался. Думал он шумно — наверное, так дышит гидра, если вытянуть ее на берег.

— Дюжину подвигов мне повелел совершить на микенское благо оракул. Только один и остался. Свершу его — город покину, в дальние земли уеду, туда, где в краю Акарнанском родичи живы мои. И не стану страшить человеков видом своим преужасным... Скорей бы свершить этот подвиг!

— Подвиг? — В голове что-то блеснуло — наверное, Бел просветил мой разум. — Афикл! Ты прав — впереди у тебя подвиг! Да еще какой!

— Чудище буду разить, что из Тартара вышло... — равнодушно откликнулся он.

— Нет! То есть да! Тебе надо поехать за море Мрака. Там есть земля, она называется Орихайна. Там живут мирные и доб-

рые шардана, которых обижают жуткие чудища. Каждый день жрут, представляешь?

— Гидры, наверное, — со знанием дела предположил Афикл.

— Гм-м... Не исключено... Там вообще полно чудищ. Там есть такие... Туловища, как у льва, а головы — орлиные. И еще имеются песьеглавцы, волки-оборотни и прыгуны на одной ноге...

Кажется, весь запас сказок, слышанных в детстве, я исчерпал. Впрочем, не зря — Афикл явно заинтересовался, особенно львами с головами орлов. Пришлось выдумывать дальше — будто каждая такая тварь сидит на куче золота, а одноглазые пигмеи это золото воруют.

— В общем, в Орихайне надо навести порядок, — заключил я. — Для этого тебе придется стать царем...

— Увы мне... — горько повторил Афикл.

— Заранее сочувствую, но подвиг есть подвиг. Станешь царем, поразишь чудовищ, а заодно поможешь разобраться с шайкой негодяев, которые зовутся оградами. Ну, на них не обращай внимания, я с тобой пошлю одного парня, его зовут Калиб, он этим и займется...

Я ждал возражений, но Афикл покорно молчал. Может, задание пришлось ему по душе, а может, он просто готовился отработать нелегкую службу. Бедняга! Наверное, если бы я предложил ему часок-другой поддержать Свод Небесный, он бы тоже согласился.

— Тяжкую службу ты мне поручил, о ванакт! — наконец констатировал он. — Но, однако же, дело есть дело. Путь укажи мне туда да поведай, как долго придется до Орихайны идти и насколько то море глубоко...

— Завтра, — пообещал я. — Сначала займемся дверью...

К этому времени я уже принял решение. Хорошо бы дождаться, пока Ктимена сунет сюда свой нос, но каждый час дорог. Если мои ребята у ворот, то может завариться крутая каша. А это совершенно ни к чему.

Афикл все еще колебался — клятва не пускала его к засову. Пришлось сослаться на волю Дия, Поседайона и Матери богов Реи. Наконец я его уговорил. Герой шумно поднялся и, тяжело ступая, направился туда, где находилась невидимая в темноте дверь. Я слышал, как Афикл возится, очевидно, примериваясь, где лучше приложиться. Внезапно он замер.

— Ванакт! Ты не убьешь ее? Ее и ребенка?

Я вздрогнул. Оказывается, мой мечтательный родич куда больше понимал в происходящем, чем могло показаться.

Зря я отсылаю его к шардана! А потом какие-нибудь умники обязательно ляпнут, что я отправил его подальше, опасаясь за свой трон! Славный парень, ему бы на этом троне и сидеть...

— Нет, Афикл. Они останутся живы.

— Ты клянешься?

— Клянусь!

Он удовлетворенно вздохнул и навалился на дубовую створку...

В коридоре, освещенном единственным умирающим факелом, было совершенно пусто. Стража то ли забыла про службу, то ли разбежалась, услышав, как мой Гильгамеш сокрушает дверь.

Мы взглянули друг на друга. Небритый Афикл в грязной львиной шкуре с всклокоченными волосами способен напугать целое войско. Мой вид, вероятно, был не лучше. Я хлопнул его по плечу и, спасаясь от ответного толчка, быстро направился к лестнице, ведущей наверх.

Стражу мы встретили только на первом этаже. Какой-то комавент, выглянув из-за угла, возопил дурным голосом и бросился бежать, уронив свой рогатый шлем. Я поддал шлем ногой и направился следом. Дворец был пуст — челядь попряталась, а даматы отсиживались дома, ожидая, пока кончится заваруха. Стало скучно, захотелось умыться, поесть и поваляться часок-другой на мягких покрывалах. Я одернул себя, приказав не расслабляться, и, подождав Афикла, свернул к тяжелым серым колоннам, за которыми находился тронный зал.

Охрана была на месте. Не четверо, как обычно, а целый десяток. Увидев меня и Афикла, стражники молча попятились, а затем стали ровно, как на смотре. Я подошел к возвышению, но не стал подниматься к пустому трону, а присел прямо на ступеньки.

— Старшего, — бросил я, ни к кому не обращаясь.

Один из воинов, ударив об пол древком копья, поспешил ко мне. Имени его я не помнил — какой-то хеттийец в ранге комавента. Я приказал послать за вторым гекветом Теспротом, которого, как я и подозревал, Ктимена отправила в подземелье, и выслушал нескладный рапорт об обстановке в городе. Хеттиец сообщил, что с утра Львиные ворота заперты, а Ктимена и Мантос отправились на стену, оставив во дворце два десятка стражников.

Все оказалось проще, чем я думал. Когда появился Теспрот — небритый, злой и совершенно сбитый с толку, я велел ему усилить караулы и послать гонца к верховному жрецу Поседайона богоравному Пенею. Вслед за этим оставалось найти кого-нибудь из спрятавшихся слуг и приказать им доставить нам с Афиклом по куску жареного мяса и кувшину вина.

Брать власть натощак как-то не хотелось.

Но поесть нам не дали. Появился Теспрот, успевший каким-то чудом побриться, и шепотом сообщил, что во дворец прибыл лавагет Мантос. Задержать его не решились — для стражников он все еще оставался главнокомандующим.

Он стоял в коридоре, воины держались поодаль, но по лицу лавагета было ясно — он уже все понял. Я не взял с собой оружия, да оно и не понадобилось. Мантос невесело улыбнулся и бросил на пол меч.

— Мой щит, — напомнил я. — И секира...

— Твоя секира в покоях царицы, — Мантос снял с руки щит и положил его рядом с мечом.

— Где Ктимена?

— На главной башне.

— Зачем же ты вернулся? — удивился я.

Он вновь усмехнулся — так же невесело.

— Чтобы убить тебя, Клеотер. Она приказала...

Рядом шумно вздохнул Афикл. Я махнул рукой, и воины повели лавагета — уже бывшего — в хорошо знакомое мне подземелье. Ничего сделать уже было нельзя: Мантос, сын Корона, сам выбрал свою судьбу.

— Сам ли пойдешь ты к воротам, ванакт? — поинтересовался Афикл.

— Да, — вздохнул я. — Надо. Пора со всем этим кончать.

— Не пойти ли туда мне? — предложил он. — Было однажды: ворота открыл я один, без подмоги, — руками.

— Там Ктимена, — напомнил я. — И несколько сот стражников.

— Я их не трону! — загорячился Афикл. — Клянусь! И другим закажу! А иначе город в опасности наш...

Похоже, Гильгамеш боялся того же, что и я, — резни.

Я поручил ему открыть ворота, позаботиться о Ктимене и показать кулак тем, кто подошел к городу, дабы вели себя пристойно. Мне уже приходилось брать столицы, но ни один штурм не показался столь скучным и обыденным.

Все выяснилось через пару часов. Никакого штурма и не было. У ворот стояли четыре колесницы и два десятка всадников — разведка, посланная Претом. Каким-то чудом о моем возвращении стража уже знала, поэтому появление Афикла вместе с посланцами Пенея все тут же решило. Ворота открыли (не понадобилось даже взывать к стражникам от имени Землевержца и прочих богов), после чего Ктимену вместе с ребенком — она, как я и думал, умудрилась взять несчастного малыша с собою — отправили обратно во дворец и заперли в ее покоях. Я приказал направить гонцов в Коринф и вновь запереть ворота. Богохранимый град Микаса мог вздохнуть с облегчением и приняться за повседневные дела.

Царская игра в кости закончилась...

ШИН

«ДЕЙОТАРА ПРИМЧАЛАСЬ»

Дейотара примчалась в город к полудню следующего дня. Гонец застал ее в дороге — шардана под командованием Прета беглым маршем шли на столицу. Дочь Ифимедея сошла с колесницы, оттолкнув мою руку, которую я попытался подать, и, не сказав даже «Радуйся!», направилась во дворец.

У меня нашлись неотложные дела. Прет, выполнявший теперь обязанности лавагета, должен был позаботиться о подчинении нескольких особо упрямых гарнизонов, кроме того, мои пилосские соседи зачем-то придвинули к границе два отборных орха. Когда я, наконец, смог заглянуть к супруге, то нашел ее за обычным занятием: Дейотара что-то писала на алебастровой табличке. Моя печать и изящная терракотовая баночка для краски находились рядом.

— Не возражаешь? — она кивнула на печать. — Дела не могут ждать, пока ванакт развлекается...

Будь это кто-то другой, я бы, наверное, возмутился, но к ее манере я уже успел привыкнуть.

— Ты мог бы не спешить давать своей рыжей сан верховной жрицы, — продолжала она. — Представляю, что скажут в Дельфах!

Ах, вот оно что! Стало весело, и я поудобнее развалился на аккуратно застеленном ложе — это ее особенно раздражало.

— А в Дельфах уже высказались, о ванактисса! Вспомни пророчество: «Чти и богов, и богинь»!

— И ты почтил, — согласилась она. — Интересно, какие

травки твоя ведьма сыпала в светильник? Наверное, для тебя понадобилась целая охапка!

— Громадная, — согласился я. — Только на Таинстве были не травки, а корешки.

— Травки тоже годятся, — она вздохнула, и я вдруг понял — моя высеченная из базальта супруга вот-вот вспыхнет. На всякий случай я отодвинулся подальше, но царица продолжала невозмутимо водить кисточкой по табличке. Наконец она ловко, не замочив пальцев (что для меня всегда оставалось проблемой), окунула печать в краску и быстрым движением оттиснула на табличке мой знак.

— Кому?.. — начал было я.

— В Фивы... — Она отложила табличку в сторону и вдруг резко повернулась: — Послушай! Жена ванакта может стерпеть, если ее муженек задирает хитон какой-нибудь сопливой пастушке! Но если это верховная жрица... Имей в виду, соперницу возле трона я не потерплю! Пойми хоть это...

По-моему, она хотела добавить «скотина», но почему-то сдержалась.

— Тея нам помогла, — напомнил я. — И очень помогла!

— Не смей называть ее имени! — Царица вскочила, и я с изумлением заметил в ее глазах что-то странным образом напоминающее слезы. — Не смей! Я зарежу твою рыжую! Я...

— Очнись! — Я сжал ее руку, и Дейотара умолкла. — Ванактисса не может угрожать убить верховную жрицу Реи... И учти, сестричка, если с ней хоть что-то случится, я тебя убью. Сам, лично... А если ты прикончишь и меня, то я позабочусь, чтобы тебя зарезали возле моего толоса. И хватит об этом...

Она обмякла, а затем проговорила странно спокойным голосом:

— Хорошо... Я не трону ее. И ее приплод тоже... Но пусть она никогда не попадается мне на глаза! Ни она, ни ваши дети! Слышишь?

Странно, у моей женушки оказалось очень живое воображение. Сначала — травка в светильнике, теперь — дети...

— Ну почему ванактом стал именно ты? — внезапно прошептала она. — О боги, за что?

Такой я ее еще не видел и невольно встревожился.

— Ты что, не выспалась? Дейотара, да что с тобой?

Она отвернулась, помолчала, а затем вздохнула:

— Ты прав, ванакт. Извини...

С силой проведя ладонью по глазам, царица повернулась ко мне.

— Я послала гонца к Эрифу, но ответа нет. Наверное, он хочет видеть тебя.

— Я прикажу притащить толстяка на веревке...

Мне представилось это великолепное зрелище, и я невольно зажмурился от удовольствия.

— Нет. Сходи к нему. Говорят, он действительно болеет. Но верховный жрец нужен нам сегодня вечером. Торжественное жертвоприношение по случаю возвращения в Микены законного ванакта, как же без него? Сходи.

Дейотара была, как всегда, права. Я кликнул пяток шардана — береженого и Адад бережет — и направился в дому Эрифа.

Больше всего на свете мне хотелось врезать толстяку с двух рук — за папашу Дия и мамашу Рею. Мне живо представилось, как от первого удара он влипает в стену, я поднимаю его с пола (причем ворот хитона непременно лопается) и бью снова — в челюсть, вышибая зубы. Богоравная скотина умудрилась благополучно отмолчаться все эти дни, проявив редкое благоразумие, — а за такое полагается награда!

...Но уже входя в его дом мимо побледневшей челяди, я знал — ничего подобного, к сожалению, не будет. Мы поздороваемся — крайне вежливо и почтительно — и начнем чинную беседу, как и надлежит правителю Микен и верховному жрецу.

— Радуйся, ванакт!

Эриф встретил меня, сидя в кресле, чем-то странно напоминающем мой трон. Толстяк попытался приподняться, но внезапно по его лицу пробежала судорога боли. Я заметил — ноги его укутаны во что-то теплое.

— Радуйся, жрец...

Я присел на табурет, с интересом глядя на всегда жизнерадостного слугу Дия. На этот раз его веселья заметно поубавилось.

— Болею, — понял он. — Ноги... Как видишь, даже не понадобилось ничего выдумывать, чтобы не являться к твоей сестре...

— И ко мне, — напомнил я, ничуть не подобрев.

— Я буду сегодня вечером.

Я все ждал, что он наконец-то хихикнет, но в этот день жрец был странно серьезен. Мне вдруг показалось, что он здорово постарел.

— Ждешь оправданий, Клеотер? — поинтересовался он чуть погодя.

Я пожал плечами:

— Не знаю, Эриф. Мне казалось, что ты должен был вести себя как-то иначе. Ктимена захватила престол, а ты просто отмолчался. Молчание — знак согласия, жрец!..

Он кивнул, по лицу вновь пробежала судорога боли.

— Понимаю. Ты ждал, что верховный жрец Дия, Отца богов, приползет в тронный зал, при всех будет обличать узурпаторов и героически умрет под копьями стражи.

— Это бы помогло, — согласился я, обдумав такой вариант.

Наконец-то он хихикнул, но как-то неуверенно.

— Ктимена это тоже сообразила. Поставила стражу у моих дверей и ждала, пока я не сдамся... Что я мог еще?

— Написать мне, — вздохнул я. — Написать в Фивы, в Дельфы, пообещать моей сестричке божий гнев, а мне — поддержку. Авось бы не зарезали!..

Эриф покачал головой:

— Нет. Представь, что все-таки победила Ктимена. Как быть с гневом Дия? Ведь я говорю от его имени, ванакт! Я могу ошибиться, он — нет. Но Царю богов незачем вмешиваться самому. У него есть слуги. Ты ведь получил ответ из Дельф? И Ктимена тоже получила — совсем не такой, на какой рассчитывала. А ведь она не пожалела золота!

— Так это ты? — поразился я. — Я думал, пифия...

Он хихикнул и потер руки — совсем как в прежние дни.

— Конечно, конечно... Кто может повлиять на слуг великой Геи? Но ведь Дий — Отец богов, и его голос тоже что-то значит. Скажем так, ко мне прислушались...

— «Сестрину кровь не пролей», — напомнил я.

— «Чти и богов, и богинь», — подхватил Эриф. — Ты понял правильно, ванакт. Как видишь, Мать Рея, Землевержец Посейдон и даже, кажется, киклопы охотно тебе помогли. Но разве они могли что-то сделать без воли Дия?

— Да ну? А я-то думал, ты маялся хворью, о хитроумный Эриф!

— Маялся, — вздохнул он. — Но для того, чтобы слухи о пророчестве распространились по городу, необязательно выходить из дому. А к кому, думаешь, побежал богоравный Пеней после вашей встречи? Кто шепнул воинам у ворот, чтобы они вовремя разбежались?..

Толстяк был доволен и явно ждал, что его услуги оценят. Трудно сказать, говорил ли он правду. Я хмыкнул:

— Темна воля богов, жрец. Кое-кто может подсказать другое: в город мое войско ввел Поседайон, ему и быть Царем богов...

— Поздно, — покачал головой Эриф. — Дий уже царит на небе. Пошатнешь его престол — разрушишь свой. И, кроме того, ванакт, Дий — это тот, кто предшествует Единому. Поверят в него — поверят и в Бога Истинного...

Мне вновь захотелось опробовать прочность его челюсти. Кажется, он понял и улыбнулся:

— Из-за чего ты поссорился с Ним, ванакт? Хотел принести жертву Рее? Говорят, Он был очень гневен!

Жрец знал даже это.

— Я тоже посвящен, ванакт, ты знаешь. Но меня, недостойного, Он прощает, хотя я каждый день стою у чужого алтаря. Единому виднее, что служит Его славе...

Может, хитроумный толстяк был и прав, но верить в такое не хотелось. Эриф покрутил толстыми пальчиками, хихикнул и вновь стал серьезен.

— У меня к тебе просьба, ванакт. Гирто умирает. Она хочет видеть тебя.

— Гирто? — поразился я. — А что с ней?

Признаться, я успел забыть о старой ведьме. А она обо мне, выходит, нет.

— Гирто очень гневалась — ты знаешь, за что. Из-за нее все и началось, именно она подтолкнула твою сестру к мятежу. Правда, старуха ни разу не обвинила тебя в самозванстве, хотя Ктимене этого очень хотелось... Но Гирто была опасна. Не знаю, смог бы ты так легко вернуться...

— И что с нею случилось? — Я начал постепенно понимать.

— Воля богов, ванакт! Они прогневались, что старуха из-за ненависти к тебе и к той, что заняла ее место, оспорила их волю. Три дня назад Гирто зачем-то пошла на рынок — не иначе, в очередной раз призвать на твою голову божий гнев. Увы, она оказалась неосторожна — ее толкнули, а тут какая-то телега... Очень неудачно вышло!..

Он довольно улыбнулся и даже причмокнул. Я поморщился:

— Я не просил о такой услуге, жрец!

— Просил? — удивился он. — Да ты и не должен ничего просить, Клеотер Микенский! Разве не я послал тебе половинку ожерелья в Ассур? Разве не мы с Гирто задумали твое возвращение еще несколько лет назад? Старая ведьма посмела предать, а

боги предательства не прощают. Хотя я ее понимаю: столько лет считаться провидицей, внушать страх, любовь, почтение... А тут какая-то девчонка из Козьих Выпасов!.. Кстати, ванакт, ты сделал правильный выбор, назначив новую верховную жрицу Реи.

— Она не будет вмешиваться в дела царства?

— Я же говорил: ты мудр, Клеотер! Опасно, когда жрецы вмешиваются в правление...

— Стоит взглянуть на тебя, — охотно поддакнул я.

— Вот-вот, — он довольно улыбнулся. — Да поможет Дий богоравной Тее!.. И все-таки не ссорься с царицей, ванакт! Она поистине достойна венца, и ты был трижды прав, когда спас ее от безумной Ктимены... Извини, я начинаю давать советы, а цари, — послышался ехидный смешок, — цари, как известно, не любят советов, хотя и нуждаются в них. От этого все беды... Ты уже уходишь?

— Не стоит так долго тревожить больного, — рассудил я, опасаясь, что все-таки врежу ему на прощанье. — Увидимся вечером во дворце, о богоравный!

— Сколь желанная эта встреча, о ванакт! — пухлая физиономия расплылась в улыбке. — Ты не забудешь о Гирто? Она в моем доме — тебя проводят. Не мог же я оставить умирать на улице такую красотку?

Я поспешил уйти — еще одно слово, и я бы все-таки ему врезал.

Вначале я не узнал ее. Морщинистое лицо превратилось в маску, глаза погасли, тонкие губы побелели. Странно, мне вдруг стало казаться, что из-под этого, уже почти неживого, лика проступает другой — тоже знакомый. Лицо женщины, виденной во сне, — той, что стояла у моего изголовья и плакала. «Бедный мальчик!» Кого жалела Гирто в тот день, много лет назад?

— Радуйся! — проговорил я, как никогда ощущая нелепость этого приветствия.

— Ты... — равнодушно проговорила она. — Поздно, Клеотер Микенский. Ты опоздал — я не могу уже проклясть тебя, как ты того заслуживаешь. Моей силы больше нет...

— За что тебе проклинать меня, Гирто? За то, что я не принес тебе голову невинного человека?

Белые губы искривились гримасой — то ли смеха, то ли ненависти.

— И за это тоже. Моя сила ушла к другой — по твоей вине, ванакт. По вине того, кого я возвела на трон! Эта обида уйдет вместе

со мною. Но ты совершил то, что переживет и меня, и тебя. Ты принес к нам Чужого Бога! Благодаря тебе Он ступил на нашу землю — и это тебе не простится...

Не тянуло спорить с умирающей, но я не хотел, чтобы она ушла озлобленной.

— Единый никому не принесет зла, Гирто. Он откроет глаза людям и освободит их!

Ее глаза сверкнули злобой:

— Он не Единый! Он лишь сильнее и беспощаднее прочих. Но без своих слуг Ему никогда не прийти на нашу землю. Ты пустил Чужого Бога, ты, Клеотер! Жаль, мое проклятие уже не имеет силы...

Она молчала, а я не знал, что ответить. Спорить нелепо, спорить, оправдываясь, — тем более. Да я и не считал себя виновным.

— Я расскажу тебе одну историю, — вновь заговорила Гирто. — Это все, что мне осталось, ванакт. История имеет начало и конец, но не имеет середины. Конец — это умирающая старуха на ложе и ванакт Клеотер в золотой диадеме. А начало было таким...

Она на миг умолкла, затем продолжила, причем голос ее, до этого еле слышный, окреп и налился силой:

— Я тоже была молода и красива, Клеотер! Меня любил твой дед, ванакт Гипполох Микенский. И, видят боги, сладка была его любовь...

Я кивнул — это уже не было тайной.

— Знаешь! — поняла она. — Но ты не слыхал, что у меня был сын. Лай, сын Гипполоха, — мой единственный ребенок...

Вначале я не поверил, но затем понял — все сходится. Вот оно даже как...

— Я помогала ему. Он стал комавентом дворцовой стражи. Он женился на дочери басилея — я помогла ему и в этом. Но боги завистливы — мой сын погиб в битве с фиванцами, а затем умерла его жена, оставив мне внука — маленького Клеотера...

Странно, я ничего не чувствовал — ни радости, ни печали. Умирающая ведьма по странной воле богов — мать моего отца, которого я никогда не знал...

— Клеотер жил далеко отсюда — я боялась пускать внука в Микены. Здесь не любили незаконнорожденных царевичей. Я надеялась, что когда-нибудь... Но вышло иначе...

Она вздохнула, худая дрожащая рука медленно потерла лоб.

— Ванакт Главк был в ссоре с верховным жрецом Дия — богоравным Кефеем. Он надеялся на поддержку Эвсора, жреца

Поседайона, но тот умер, а на его место пришел Арейфоой. Ванакт узнал о кровавых жертвах богам и хотел казнить Кефея...

Об этом я тоже знал. Мелькнула мысль, что Эриф послал меня именно за этим — узнать правду о гибели Главка и его семьи.

— Кефей сговорился с Арейфооем, и Главк был обречен. Его любило войско, но он просмотрел то, что происходит под дворцовой крышей. Его жена — царица Никтея — любила мужа, но кое-кто сумел убедить ванакта, что она предпочла его брата — царевича Ифимедея. Ванакт поверил — и не он один. Говорили даже, что Клеотер — не сын Главка, но это ложь. Ложь, которая убила всех — и ванакта, и его семью, а через много лет — и его брата...

...Выходит, Эриф прав — болтовня мерзавца Рексенора была лишь отзвуком давней лжи. Крест, на который я его отправил, Рексенор заработал честно.

— Я пыталась открыть глаза ванакту, но он не слушал. Впрочем, мне было все равно — что Главк, что Ифимедей. Я не любила их — сыновей Гипполоха, которые жили, в то время как мой Лай лежал в земле... Однажды ванакт обвинил брата в измене. Началась ссора, Главк обнажил меч. Ифимедей, защищаясь, убил его — и, говорят, до конца дней не мог простить себе смерти брата...

Вспомнилось застывшее лицо Ифимедея, его бессвязное: «Главк! Ведь ты должен знать...»

Призрак брата убил его — невиновного...

— В ту же ночь царица Никтея была убита. Говорят, Ифимедей не приказывал Скиру поднимать меч на вдову брата. Говорят, так велела новая царица — жена Ифимедея. Всякое говорят... Осталась Ктимена, которой не было и полугода, и Клеотер — законный наследник трона...

— Его отослали в деревню, — не выдержал я, — чтобы убить...

— Убить, — кивнула она. — Так решили Кефей и Арейфоой. Но Ифимедей не хотел смерти племянника. Он сделал так, чтобы Клеотера отправили в ту же деревню, где жил мой внук. Понимаешь, ванакт?

Я кивнул — что-то подобное говорил и Рексенор.

— Они были похожи. И в царском толосе решили похоронить сына Лая.

Белые губы искривились в подобие улыбки:

— Так говорят... На самом деле они не были на одно лицо, хотя сходство имелось — тот же рост, та же родинка на плече.

Ифимедей приказал мне сделать их *одинаковыми* — не только лицом, но и голосом, и даже памятью. Убийцы хорошо знали царевича...

Вспомнился Скир. Старый волк клялся Стиксом, что сын Главка мертв. Похоже, он не только хоронил мальчишку, но и сделал все, чтобы эти похороны состоялись.

— Гирто, — не выдержал я, — людей можно сделать похожими, но не настолько. Ктимена и Дейотара тоже двоюродные сестры...

— Не перебивай, трудно говорить... Я была великой колдуньей, ванакт, — не забывай этого. Я могла сделать так, чтобы всем *казалось*, будто мальчики одинаковы. Не навсегда, конечно... Когда я встретила тебя у храма Поседайона, то решила пошутить — и ты стал похож на покойного Главка. Хорошо получилось, правда? Ифимедей, как ты помнишь, оценил...

Ах, вот оно что! Кентавр Телл не ошибся...

Я невольно дотронулся ладонью до лица. Старуха покачала головой:

— Это уже проходит — медленно и незаметно. Скоро ты станешь прежним, но люди уже привыкнут к тебе... Но тогда, двадцать пять лет назад, надо было сделать так, чтобы мой внук был не только похож, но и помнил то же, что и царевич, так же говорил... Понимаешь, ванакт? Они хотели убить моего маленького внука, чтобы спасти отродье Главка!

Вновь вспомнился мой странный сон:

— Гирто, что случилось в храме, где ты была вместе с Арейфооем? Туда привели обоих мальчиков, уложили на каменные скамьи, ты плакала...

Она медленно качнула головой:

— Нет... Не скажу... Но ты и сам понимаешь — это была часть задуманного. Задуманного — ими... Но я решила спасти сына моего Лая — поменять детей местами. Не так уж трудно заставить ребенка забыть, кто он, подарить чужую память... Я хотела просить Арейфооя — тогда мы были дружны...

Она умолкла, я терпеливо ждал. Странно, об обоих мальчиках Гирто говорила как о совершенно посторонних, будто один из них не сидел рядом с нею.

...Почему-то я был совершенно спокоен, лишь к горлу подкатывало что-то, напоминающее омерзение. Столько хлопот, столько труда, чтобы замучить шестилетнего мальчишку! Да поберет их всех чума, этих мудрых мужей и всемогущих колдуний!

Старуха закрыла глаза и долго лежала недвижно. Мне пока-

залось, что она дремлет, но вот веки дрогнули. Злой, ненавидящий взгляд обжег меня:

— Ты ждешь, о всемогущий ванакт? Я рассказала конец истории, поведала и начало. Середины не будет! Я — последняя, кто знает, что именно случилось тогда, кто из детей умер и похоронен в царском толосе. И я не скажу тебе этого, Клеотер! Ты никогда — слышишь! — никогда не узнаешь, кто ты такой! И это будет моя месть...

Ее глаза впились в мое лицо, и что-то пришлось старухе явно не по душе. Она заспешила:

— Да! Да! Ты не узнаешь! С каждым годом тебе будет все хуже, это станет безумием более страшным, чем у бедняги Афикла. Даже после смерти, в царстве Гадеса, твоя тень не найдет покоя!

Я отвел глаза. Безумие, которым она грозила мне, уже начало овладевать ею самой.

— Я даже не обвинила тебя в самозванстве, ванакт! Я никогда не лгала и не собираюсь лгать! Назови я тебя самозванцем, ты бы понял, кто ты! Я промолчала и буду молчать до смерти. Уже скоро... Но почему молчишь ты, ванакт? Умоляй, проси! Может, я передумаю...

— Прощай, Гирто... — Я встал, с жалостью глядя на страшное, подернутое желтизной лицо. — Да простят тебя твои боги! И пусть тебя простит тень убитого мальчика, когда встретит тебя в царстве Гадеса...

Она приподнялась с ложа, дрожащая рука сжалась в кулак:

— Будь проклят! Ты такой, как твой дед, как твой отец! Считаешь, что можешь прощать? А кто простит тебя? Жалеешь мальчишку? А кто пожалеет сына Ктимены?

Я похолодел — взгляд умирающей был полон злобного торжества. Тут же вспомнилось: Дейотара во дворце одна — вместе с Ктименой и ее ребенком. Царица услала меня к Эрифу, хотя можно было обойтись обычным гонцом...

Я выбежал из комнаты, и в спину мне ударил хриплый, нечеловеческий хохот.

.

Покои Ктимены были пусты. Исчезла стража. Дверь осталась полураспахнутой, на ложе валялись смятые пеленки.

Я оставил сестер наедине... Как же я забыл?

Дейотара спала, свернувшись под небрежно наброшенным покрывалом. Я присел рядом, не решаясь разбудить и узнать правду. Но она услышала.

— Ты? — Голос был совершенно обычным, словно она и не говорила сквозь сон. — Эриф придет?

— Придет.

Что-то в моем голосе ей не понравилось. Из-под покрывала выглянуло удивленное лицо.

— Решила немного поспать — устала с дороги... Что-то не так?

— Где Ктимена? Где ее ребенок?

— Ах, вот ты о чем!..

Дейотара села на ложе и потерла ладонью глаза:

— Ты на редкость чуткий супруг. Я была в дороге всю ночь, а теперь ты не даешь мне отдохнуть из-за этой костлявой твари. Может, ты и с нею успел переспать?

Я еле сдержался, чтобы не ударить ее.

— Дейотара, я не шучу! Где они?

По ее лицу промелькнула усмешка:

— Решил ее спасти? Поздно! Она хотела убить меня — а потом и тебя. Или ты уже забыл, муженек?

— Не забыл, — я стиснул зубы. — Но, надеюсь, не забыла и ты. Оракул...

— «Сестрину кровь не пролей», — зевнула она. — Это и не понадобилось. Твоя Ктимена спятила.

— Как?!

— Весьма основательно. Теперь она безумнее Афикла. Я велела связать ее и отобрать ребенка — она его чуть не придушила...

Я перевел дух — кажется, царевна и ее сын живы. Старая ведьма на этот раз ошиблась — хвала богам!

— Так ты беспокоился о ней? Конечно, мне хотелось отвести душу, — Дейотара улыбнулась. — Увы, нельзя. Я отправлю ее в деревню и приставлю стражу. Пусть воет на луну!

— Почему она сошла с ума?

— Спроси ее! — Дейотара не спеша встала и потянулась. — Хотя это будет трудно... Я ничего не сделала ей, о мой жалостливый муж. Разве что приказала зарезать предателя Мантоса на ее глазах...

— Мантоса? — Я вздрогнул. — Как ты посмела...

— Посмела? — Ее брови удивленно приподнялись. — Ну, знаешь! А что ты хотел сделать с этим дважды изменником? Хорошо было бы распять его на кресте — на площади возле дворца, но публичная казнь лавагета вызовет лишние толки. Он умер легко...

Спорить поздно, упрекать — нелепо. Для меня Мантос — дурак, запутавшийся в подоле моей сестрицы. Для Дейотары — один из тех, кто убил ее отца...

— А Главк? Сын Ктимены?

Она внимательно поглядела на меня. Взгляд был странным — насмешливым и одновременно полным злобы.

— Жалеешь ублюдка, ванакт? Неужели «серые коршуны» такие тряпки? Успокойся! Он болен и никогда не выздоровеет — боги наказали Ктимену. Я оставлю его здесь, во дворце. Пусть себе живет. Он внук Главка и правнук Гипполоха, но это уже не имеет значения...

— О чем ты?

Она невесело усмехнулась, и вдруг ее лицо странным образом изменилось. Казалось, моя каменная супруга вот-вот заплачет.

— Ну какая же ты все-таки скотина, Клеотер! Думаешь о ком угодно — даже об этом полудохлом щенке! Хоть бы подумал...

— О чем? — изумился я.

Она обреченно вздохнула:

— Ну конечно! Наверное, это уже заметили все — кроме тебя! У меня будет ребенок! Понял, бесчувственное дерево, дубина? Твой ребенок! Я молю богов только об одном — чтобы он ни в чем не походил на тебя! Во всяком случае, я воспитаю его именно таким...

То, что я был изумлен, — слишком мягко сказано. У каменной статуи не может быть детей! Не к месту вспомнилось ее давнее обещание — придушить моего наследника...

— Так это та новость, о которой ты грозилась сообщить? И та причина...

— Да, — она уже успокоилась, лицо вновь стало прежним, взгляд сверкнул насмешкой. — Чего же ты не веселишься, о богоравный? Не пляшешь от радости?

— Радуюсь... — промямлил я.

— Чему? — хмыкнула она. — Что твои чресла еще что-то могут? Ну кто посадил на трон Микен такого дурака? Не тому ты должен радоваться, самозванец. Ведь теперь тебе обеспечена долгая жизнь, которую ты совершенно не заслужил!

Наверное, я и вправду зря нанялся на эту службу. Дейотара вздохнула и покачала головой:

— Не понял? Ведь ты мне уже не нужен — после того как я прикончила Мантоса и разобралась с этой сукой. Теперь я могу править сама! Через год я бы поднатаскала Прета в том, что знаешь ты, и тогда...

Наконец до меня дошло. О боги, ну и работенку вы мне подыскали!

— Понял наконец? Я бы вспомнила тебе все — и то, что ты сделал с отцом и что сделал со мной. Но тебе повезло, наемник! Я никогда не позволю, чтобы мой сын...

— Или *наша* дочь, — вставил я.

— *Мой* сын, — упрямо повторила Дейотара, делая ударение на первом слове. — Мой сын не должен расти сиротой. У него должен быть отец — и не похотливый козел с замашками ночного громилы, а великий ванакт, который передаст ему царство Ахейское — первое среди царств. Мне придется терпеть тебя, Клеотер-самозванец...

— Сочувствую, — буркнул я. — Кстати, о самозванцах. Я говорил с Гирто — она умирает...

— Давно пора... И чем порадовала тебя старая карга? Сказала, что ты — истинный Клеотер?

Я изумленно взглянул на Дейотару. Да, она умела удивить.

— Нет. Но и такое возможно.

Я в двух словах передал ей рассказ старухи. Дейотара задумалась.

— Я что-то слыхала от отца... Не знаю, может быть, стоило ее как следует потрясти перед смертью?.. Хотя, знаешь, Клеотер, оставайся лучше самозванцем!

Она усмехнулась — но не зло, а скорее снисходительно.

— Я уже привыкла к тебе. А если случится чудо и выяснится, что ты — сын Главка, я возненавижу тебя до конца дней. Одно дело, если меня изнасиловал наемник, которого я, простив, пригрела у трона, другое дело — брат Ктимены. Его я никогда не прощу!

— Так ты меня простила? — удивился я.

В ответ она презрительно хмыкнула:

— Да какое тебе дело? Радуйся жизни, сын Лая, хотя ты заслужил совсем другое... И не забудь сбрить свою дурацкую бороду! Мой муж не может походить на лесного сатира!

Я провел рукой по подбородку. О, моя борода!

— Усы можешь оставить, — Дейотара окинула меня насмешливым взглядом. — Такие, как носят шардана. С ними у тебя будет более серьезный вид... Кстати, ты уже приказал выбросить кости?

— Кости?!

Почему-то подумалось об игральных костях — тех, какими мы разыгрывали престол богоспасаемой Микасы.

— Забыл — оракул? «Сотри свое имя с могилы!» Кости моего братца, Клеотера. Завтра их не должно быть в царском толосе!

Да, я совсем забыл об этом. Она помнила — как и обо всем остальном.

— Зачем тревожить кости, царица? Я прикажу стереть надпись...

— Нет! Снова появится какой-нибудь призрак, начнутся слухи...

Дейотара не ведала сомнений. А ведь в царском толосе лежал ее брат!

— Не будем спешить, — рассудил я. — Тревожить прах тоже опасно. Пойдут разговоры о неприкаянной душе, потом кто-то эти кости соберет...

Дейотара удивленно взглянула на меня:

— Пожалуй... Порой ты рассуждаешь здраво, ванакт. Но что делать?

— Поговорю с Эрифом, царица. Думаю, он знает.

— Поговори, — кивнула она. — Но сначала побрейся. О великий Дий! И этот человек — микенский ванакт!

Дромос уже расчистили, и от темного покоя гробницы нас отделяли только тяжелые створки потемневших от времени дверей. Царские толосы уходили в недра огромного холма, в глубине которого истлевали останки ванактов Ахиявы. Но для царевича Клеотера не нашлось отдельной могилы. Его хоронили наскоро — в толосе его деда, богоравного Гипполоха.

Моего деда...

Мы с Афиклом переглянулись. Покидать теплый ясный день ради мрака могилы не хотелось. Но дело следовало завершить. Надписью у входа уже занимались каменотесы, а нам предстояло снять золотую маску с лица давно умершего мальчика.

Именно это посоветовал Эриф. Маска — золотой отпечаток лица, отпечаток души. Без нее кости станут просто прахом, без имени и судьбы. Никто уже не скажет, что во мраке толоса покоится царевич Клеотер. Маску принесут в храм, торжественно расплавят — и боги подтвердят, что Клеотер Микенский жив...

Афикл выглядел угрюмым, и я невольно посочувствовал богоравному герою. У нас с ним выдалось хлопотливое утро. Ванакт микенский представлял шардана их нового царя.

...Деимах и Герс, несмотря на всю свою невозмутимость, были поражены: богоравный Афикл всегда вызывал у шардана не только уважение, но и трепет. Герой хмурил густые брови, принимая присягу на верность, и имел истинно царственный вид. Если бы они знали, сколько пришлось его уговаривать! В последний момент мой Гильгамеш начал сомневаться, просил

послать его за гидрой, за львом, за Кербером, за яблоками Гесперид — лишь бы не надевать на голову золотой венец. Я все-таки убедил его, но — великий Адад! — чего мне это стоило!

Я ничем его не связывал и ничего не просил — кроме одного. Шардана никогда не придут в Ахияву как враги. Он обещал — и я поверил.

Славный он парень, богоравный Афикл.

Он сам предложил мне помощь, чтобы вместе войти во мрак могилы. Можно было послать рабов, но древний обычай требовал моего присутствия. Я сам снимаю маску — мою маску — и возвращаюсь в царство живых...

Афикл вздохнул и взял из рук стражника зажженный факел. Пора. Я остановился в нерешительности.

— Понимаю тебя, о богоравный Клеотер, — сочувственно проговорил Афикл. — Страшно живому входить во мрак могилы!

Да, страшно. Особенно своей собственной.

— Да пребудут с нами боги, Клеотер. Да хранят они нас!

Да. Пусть хранит нас Единый! Не сговариваясь, мы сделали первый шаг, и каменный свод дромоса сомкнулся над нами.

Дверь оказалась запертой, но Афикл легко толкнул дубовые створки, освобождая путь.

...Высокий порог, слева и справа — серые приземистые колонны. Свет факела упал на низкие своды, сходившиеся в центре небольшого круглого зала. Пахнуло сыростью — и холодом. Истинно могильным холодом...

Я уже знал, что ждет нас внутри. Гипполоха хоронили по всем давним обрядам — в неглубокой яме, наглухо перекрытой тяжелой плитой. Вот она, в самом центре зала... Слева — ниша; неровный свет упал на груду присыпанных каменной пылью золотых кубков, кинжалов в драгоценных ножнах, на маленьких каменных идолов, стоявших по краям.

Но меня не интересовали сокровища мертвецов. То, что нам нужно, находилось справа.

Царевича хоронили в спешке. Никто не рыл яму, не обкладывал ее плитами. Не понадобился даже глиняный ларнак — последнее убежище воина или дамата. Просто невысокая лежанка, на которой застыли в каменной пыли детские кости.

Маска сползла набок, открывая треснувший череп. Я взглянул в пустые равнодушные глазницы. Там не было ничего — только тьма...

— Кто он, ванакт? — Голос Афикла прозвучал неожиданно тихо и несмело. Но я понимал его.

— Говорят... — горло внезапно перехватило, но я справился

и ответил твердо: — Его звали Клеотер. Клеотер, сын Лая, внук ванакта Гипполоха и Гирто.

Да, на каменной лежанке был *я*. Еще одна шутка богов — самая страшная. Не каждому приходится стоять возле собственного рассыпавшегося праха!..

— Его убили, чтобы спасти тебя? Чтобы ты стал ванактом?

— Да.

Я коснулся золотой маски. Она была холодна, но мне почудилось, что золото обжигает руки.

Прости, Клеотер! Я никогда не узнаю, кем ты был. И никогда не узнаю, кто я — безвестный сын воина или микенский царевич. Это страшно, но еще страшнее, наверное, знать. Гирто ошиблась — и хвала Единому!

— Бедный мальчик, — вздохнул Афикл. — Ванакт, мы оставим его здесь?

— Конечно, — кивнул я. — Я велю похоронить себя рядом и выбить оба наших имени. Пусть боги рассудят сами...

— Да не будут твои мысли столь печальны, ванакт! Пойдем.

Я вздохнул, взял маску, осторожно стряхнув пыль, и передал ее Афиклу.

Все.

Скелет лежал недвижно, уже без имени и судьбы. Просто мертвый мальчик...

— *«Всякой вещи есть свой срок и приговор,* — вспомнились давно слышанные слова. — *Ибо зло на совершившего тяжко ляжет; ибо никто не знает, что еще будет, ибо о том, что будет, кто ему объявит? Нет человека, властного над ветром, и над смертным часом нет власти, и отпуска нет на войне... Все из праха, и все возвратится в прах...»*[1]

— О чем ты, ванакт? — осторожно поинтересовался Афикл, и я сообразил, что говорю на языке хабирру.

— О разном... — я, как мог, перевел сказанное на язык Ахиявы.

Мы покинули зал и вновь оказались в полумраке дромоса. Афикл вздохнул:

— Поистине, сии слова мудры... Завидую я тебе, о мой богоравный родич! Ибо неведомо мне ни одно наречие, кроме ахейского!

---

[1] Перевод И. Дьяконова.

— Ну, это тебе еще предстоит, — улыбнулся я. — Первым делом ты выучишь язык шардана...

— Ванакт! — изумился он. — О двенадцати подвигах было повеление оракула, а этот — тринадцатый — не по силам мне!

Я хлопнул его по плечу, и мы пошли туда, где ярко светило летнее солнце, прочь из могильной тьмы...

ТАВ

«ГОВОРИТ КЛЕОТЕР»

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«По воле Дия, Отца богов, я правлю в Ахайе. Дела мои ведомы — и людям, и богам. Для правдивого я друг, для несправедливого я — недруг. Не таково мое желание, чтобы слабый терпел несправедливость ради сильного, а сильный — ради слабого. Мое желание — справедливость».*

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«Я не вспыльчив. Когда я во гневе, я твердо держу это в своей душе, я твердо властвую над собой. Человека, который вредит, я наказываю в меру причиненного им вреда. Я не верю ложным доносам и не слушаю их. По воле Дия, Отца богов, я даровал Ахайе законы, и эти законы справедливы».*

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«Как воин — я хороший воин. Мои руки и ноги сильны. Как всадник — я хороший всадник; как стрелок — я хороший стрелок, как колесничий — я хороший колесничий. Я не горяч и не спешу с решениями. Мои враги знают это и страшатся, ибо на моей стороне Дий, Отец богов».*

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: *«По воле Дия, Отца богов, вот надпись, которую я сделал. Все это было написано и зачитано передо мной. После этого я повелел разослать эти надписи повсюду. Народ был доволен, ибо это совершено по воле Дия, Отца богов, которому я служу».*

Я отложил последнюю табличку, аккуратно выровняв внушительную стопку. Пока все это выглядело невинно — десять табличек, заполненных красивым почерком Дейотары. Но если я поставлю печать, все сие будет выбито в камне на трех языках в четырех концах царства Ахейского. Смета необходимых расходов лежала тут же, на столике. Я быстро проглядел ее и невольно скривился.

Конечно, все это выдумала не сама царица. Не обошлось без Эрифа — толстяк давно уже намекал, что двадцатипятилетие моего правления следует отметить достойно.

Уже двадцать пять лет, о боги!

Эриф, старый мерзавец, верен себе — имя Отца богов поминается тут чаще, чем мое. Он уже стар, ноги давно отказали, и верховного жреца приходится носить в кресле. Впрочем, Эриф все так же весел, и порой от его веселья становится не по себе.

...В последний раз мы разругались с ним год назад. Слуга Дия решил воздвигнуть храм Единому — первый в Ахияве. Тут уж я не мог смолчать — Единый не требует храмов, не требует жертв. Чего хочет Эриф — сделать Его одним из божков Микасы? Мы все-таки сумели договориться, и теперь возле камня с подковой, где мы с Теей когда-то увидели огненный смерч, стоит небольшой храмик, посвященный Неведомому Богу.

Пусть так — может, Эрифу и виднее.

В этом храме служит веселый жрец, гордящийся тем, что лично видел Его приход. Он доволен жизнью, здоровяк Брахос, и огорчается только из-за своего лягушачьего имени...

...Проще всего оставить эти таблички на столике, а завтра потихоньку сплавить в архив, где уже имеются целые залежи подобного хлама. Но тогда придется объясняться с Дейотарой. Она-то хочет, чтобы эта смесь лжи и бахвальства обязательно украсила окрестные скалы. С ней трудно спорить, с моей богоравной супругой. Годы хранят Дейотару: она так же красива и столь же твердо правит царством Ахейским. Мы привыкли друг к другу и научились уступать. Впрочем, чаще уступаю я...

Не удержавшись, я вновь взглянул на последнюю табличку. Хитрец Эриф постарался: сказал о войне, но ничего — о завоеваниях. И это правда. За все годы я присоединил лишь Орхомен, и то без всякой войны. После смерти тамошнего басилея орхоменцы пригласили на престол Гипполоха, моего сына. Пока они считаются самостоятельными, чтобы потом, когда Гипполох станет микенским ванактом...

Ну, это еще подождет, я пока здоров и в гости к Гадесу не собираюсь!

Гипполоха вырастила Дейотара, постаравшись, чтобы я видел сына как можно реже. Теперь я вообще встречаюсь с ним раз в три месяца — Орхомен хоть и близко, но каждый день не станешь закладывать колесницу. И вот результат: в наши редкие встречи мальчик смотрит на меня широко раскрытыми глазами и ловит каждое слово, а с матерью холоден. Дейотара злится и

даже иногда плачет. Недавно — невиданное дело! — она просила меня поговорить об этом с сыном.

Других детей у нас нет, и царица как-то пожалела об этом, весьма меня удивив. Правда, у нее есть Главк — наш несчастный племянник. Мальчик так и не выучился говорить и до сих пор — ему сейчас двадцать три — держится, как двухлетний малыш. Он очень любит Дейотару, и она относится к нему, как к родному сыну.

Странно рассудили боги...

Ктимена еще жива. В последние месяцы разум стал возвращаться к моей бедной сестре. Она живет недалеко, возле Аргоса, и я собираюсь как-нибудь ее проведать.

Жив и Прет. И не только жив — он отец огромного семейства и самый богатый гиппет в Микасе. Я даровал ему немало новых земель, но так и не сделал лавагетом. Эта должность остается незанятой с тех пор, как погиб бедняга Мантос. Покойный Ифимедей был прав — от вояк при власти одни неприятности. Но Прет доволен и этим. Он сильно изменился и теперь очень похож на старого волка — своего отца.

...Удивительно, но Скир, по слухам, тоже жив-здоров и служит какому-то дорийскому басилею далеко на севере...

Я вновь начал не спеша пересматривать таблички. Великий Бел ведает, как поступить! Хорошо бы посоветоваться с Гипполохом — парень уже совсем взрослый. Но, боюсь, он сразу одобрит и велит звать каменотесов. Еще бы! Мать с детства убедила мальчика, что его отец — самый великий царь в мире. Боюсь, в дальнейшем это начнет ему мешать. Он славный парень, но несколько лет службы в войске Баб-Или или хотя бы у хеттийцев пошли бы ему на пользу.

Увы, ванактов воспитывают иначе.

Впрочем, за Гипполоха особо волноваться не приходится. Другое дело Телл, мой рыжий Телл, наш с Теей первенец. Я помнил предупреждение Дейотары и отправил его подальше — к кентаврам. Его воспитывал вождь Телл, в честь которого я и назвал сына, а когда моему рыжему исполнилось восемь, я послал его на Крит, к старому пирату Фассу. С десяти лет мальчик ушел в море, и теперь его корабль «Серый коршун» — один из лучших на всей Великой Зелени: от Сидона до Таршиша. Телл бывал всюду — и в Сидоне, и в Таршише, и у шардана, а недавно вернулся из плавания к берегам Океана. Там, где наше море вливается в окружающий Землю бесконечный поток, он открыл две гигантские скалы, назвав их Столбами Афикла в честь своего великого родича.

Тея очень волнуется за Телла, я — тоже. Особенно сейчас, когда его корабль ушел в Океан. Мальчик узнал, что где-то там находится легендарная земля Атланта, о которой ему рассказали в Та-Кемт.

Да поможет ему Единый!

Наши дочки — Электо и Тея — не доставляют хлопот. Старшая второй год служит жрицей в Атанах, а младшая, очень похожая на мать, живет пока с нею. Тея уверена, что именно младшая дочь унаследует ее великие способности.

Да, знахарка из Козьих Выпасов уже многие годы считается знаменитой на всю Ахияву пророчицей и колдуньей. Но пусть это интересует Мать богов Рею или кого угодно еще. Когда мы видимся с Теей, нам, клянусь всеми богами, не до этого.

Что ж, все эти годы я делал, что мог. Строил дороги — и не только ту, что ведет в храм Реи; превращал толпу козопасов в подобие правильного войска, а кучи валунов — в пристойные крепости, увеличивал флот, пополняя его кораблями, способными плавать в открытом море, сдерживал алчность гиппетов и честолюбие базилеев. Это было не так трудно, куда сложнее оказалось объяснить хранимой богами Ахияве, что жизнь человеческая стоит больше, чем удар копья. Я даже приказал перевести кое-что из законов великого лугаля Хаммураби и отправил копии во все города царства.

Конечно, этого мало. Ехидный Эриф как-то заметил, что, сберегая людские жизни, мне приходится проливать немало крови. В чем-то он прав и здесь...

В общем, я делал свою работенку по мере возможности, и великим мое царствование может быть лишь в воображении Дейотары. Все-таки Ахиява, как ни крути, — изрядная крысиная нора, и я много раз завидовал Афиклу, жалея, что не оставил его здесь, а сам не уехал вместо него в далекую Орихайну.

Афикл...

Нет, не так: Величайший из Героев, Богоравный Афикл, Великий Кей Орихайны, много лет справедливо правит своими усатыми подданными. Он разбил огров — бедняга Калиб погиб в решающей битве — и поразил множество чудищ, список которых растет с каждым днем. Недавно я услыхал, что герой пленил страшного лохматого зверя с огромными клыками, похожего на Абу из земли Та-Кемт, и теперь ездит, восседая на его спине.

Шардана считают его богом. Афикл в письмах жалуется (каждое послание он диктует несколько дней, и таблички при-

ходится укладывать в большой сундук), что подданные сделали его имя священным и непроизносимым, даровав ему новое, которое он никак не может запомнить. Оно означает Кей, Покоривший Реку Ра, и звучит и вправду чудовищно — «Кейракшулосис», а ежели совсем коротко — «Кейракл».

Бедняга!

Самое интересное, его не забыли и в Микенах. Напротив, слава о его подвигах, дополняемая смутными вестями из Орихайны, постоянно растет. Эриф как-то в шутку заявил, что нашего добряка Афикла следует причислить к богам. Мы с Дейотарой посмеялись, но месяц назад мне пришлось запретить сооружение могильного памятника герою, как выяснилось — уже второго! Но тот же Эриф — уже без всяких шуток — заметил, что если я возбраню строить Афиклу герооны, тут же родится легенда, будто герой вознесся на небеса. Попытки тех, кто хорошо знал Афикла, объяснить, что он жив, здоров, в меру счастлив и не собирается возноситься, встречаются угрюмо.

Кажется, Афикл уже стал богом и в Ахияве.

Недавно толки о великом герое получили новое подтверждение. По Микасе прошел слух, что Афикл спустился с небес, такой же молодой и красивый, как четверть века назад. Отчасти это правда — Скит, сын Афикла, действительно очень похож на отца, за исключением длинных усов. Он гостит у меня, и завтра мы вместе собираемся в Фивы. Большие крысы снова сходятся вместе.

За последние годы мы встречались часто. Вначале готовили войну — большую войну с Вилюсой, о которой я впервые услыхал от уже покойного Итарая. Я собрал тысячу кораблей — даже больше, тысячу двести пятьдесят три, и почти закончил формирование войска. Но война, которую так долго готовили, так ждали и уже начали воспевать (наглый слепец Кимер удосужился сочинить о ней нечто жуткое и невообразимо кровавое), — эта война так и не состоялась.

Зато произошло многое другое.

Я уже отдал приказ собирать флот в Авлиде, готовя бросок через море, когда пришла нежданная весть. Землевержец Посейдон ударил своим трезубцем о землю Вилюсы. Великий город погиб в пламени. Беда не приходит одна: вифины, выходцы с далекого севера, пройдя сквозь земли фраков и переправившись через пролив, обрушились на беззащитное царство. Ванакт Вилюсы воззвал к нам, обещая за помощь все, что мы хотим и что у него осталось.

К счастью, мы не стали медлить. Вилюсу спасать было поздно,

но мы отбили вифинов от Троасы и Пергама, отбросив их на север. Но это было лишь начало. Вифины соединились с каска, и теперь нам пришлось оборонять не только земли Вилюсы, но и Милаванду. Война шла пять лет. Мы победили и успокоились. Как выяснилось, зря.

Вифины ударили снова, а по их дороге, с севера, из этой утробы народов, шли все новые и новые племена. Главный удар пришелся по Хаттусили. Мы же обороняли Троасу и Милаванду, слишком поздно заметив, как усиливались «даруша», подступавшие теперь к самым Фивам. Пришлось воевать и с ними, но победа дала немного. Вожди лешаков честно признавались мне, что будут наступать и дальше — с севера нажимают неведомые враги, и у «даруша» нет пути назад.

Итак, мы держали оборону, а северные племена продолжали добивать Хеттийского льва. Мы ничего не могли сделать, и враги постепенно уходили все дальше на восток, оставляя нас в глубоком тылу. Еще несколько лет, и они дойдут до гор Урарту и до верховьев Евфрата. Мы огрызались, строили крепости и всерьез собирались громоздить стену у Истма, чтобы в случае беды отсидеться на окруженной морем Апии[1].

Но теперь все изменилось, и появилась надежда. Ее принес Скит — шардана уже в пути...

Я отодвинул таблички подальше, но затем в голову пришла удачная мысль. Ссориться с Дейотарой ни к чему. Все равно, когда начнется большая война, каменотесы будут заняты на строительстве крепостей и на подобные глупости в казне не останется ни единого огрызка серебра.

Я хмыкнул, обмакнул печать в краску, умудрившись запачкать большой палец, и приложил к табличке. Получилось удачно. Знаки смотрелись красиво и ровно:

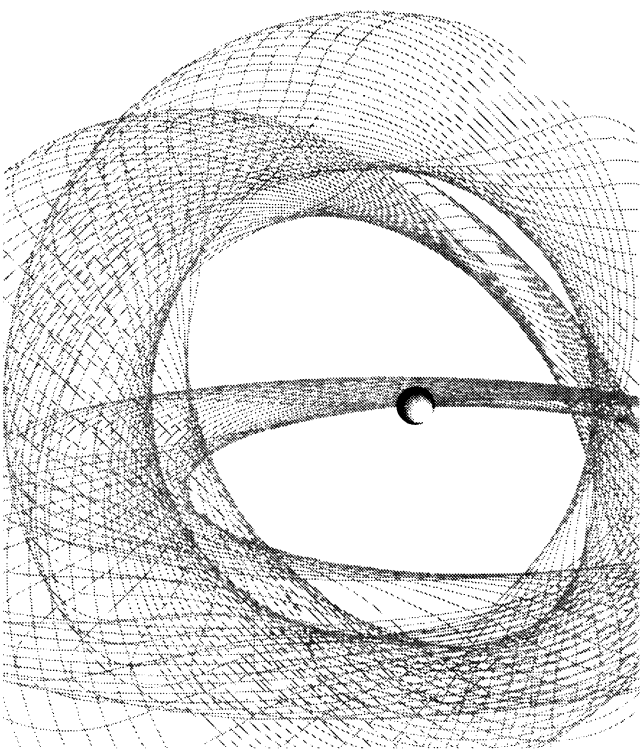
«Я — Клеотер, ванакт...»

---

[1] Апия — полуостров Пелопоннес.

ДИОМЕД, СЫН ТИДЕЯ

РОМАН



В остром копье у меня замешен
мой хлеб.
И в копье же из-под Исмара
вино.
Пью, опершись на копье!

Архилох

Ни очага, ни закона,
ни фратрии тот не имеет,
Кто межусобную любит войну,
столь ужасную людям.

Гомер. Илиада, Песнь IX

Книга 1

Я — НЕ ВЕРНУСЬ

НАВПЛИЯ

(Кифаредический ном[1])

Я понял — возвращаться незачем.

Незачем — и некуда.

Он лежал посреди шатра, густой ворс ковра жадно впитывал кровь.

— Этот?

— Этот, ванакт...[2]

Пальцы еще жили, цепляли воздух, словно пытаясь ухватить что-то невидимое, уходящее навсегда. Жили — но из пустых глазниц, равнодушных, холодных, на меня уже смотрел Танат Жестокосердный. Ярость ушла, и на мертвом окровавленном лице не осталось ничего, кроме этого взгляда. Я с трудом заставил себя смотреть, не отворачиваться. Рыжий бородач показался знакомым, я уже где-то видел этого верзилу...

---

[1] Кифаредический ном — повествование, сопровождаемое игрой на кифаре.

[2] Ванакт — дословно господин, владыка — титул, условно аналогичный императорскому.

В Аргосе? В Микенах? В Калидоне?

Недвижные глаза — маленькие пустые зеркальца — притягивали, не давали думать. Танат не спешит. В этот раз он промахнулся. Но будет следующий, затем еще, еще...

Рядом нетерпеливо вздохнули. Мантос, старший гетайр[1], недоуменно скреб бороду — такую же лохматую, как у мертвеца, но только черную. Старшой охраны не понимал, зачем ванакт так долго разглядывает мертвеца. Живые смотрят в глаза живым. Покойникам же нет части в этом мире.

Я очнулся. Нет, этого рыжего я видел впервые. Просто он был похож. Очень похож — лохматый, заросший бородой, в одной набедренной повязке — старой, потертой. И даже его кинжал, казалось, вышел из одной кузни с теми, другими. Дорогой кинжал, не в Аргосе отливали. И не в Микенах. Хеттийский? Да, кажется...

— Кто еще знает?

Старшой покачал головой — тратить слова на такой ответ не полагалось. Итак, не знают. Убийцу пытались перехватить у самого шатра — как раз после заката. Он был ловок и смел, посланец Таната Жестокосердного. Городские ворота, где стража из местных, лагерные, где уже стоят мои парни, — прошел, проскользнул, прополз. Или, может быть, морем? Но у берега тоже стража.

В шатер он все-таки ворвался — умирающий, залитый кровью.

Ему не хватило нескольких шагов.

Рука уже не дрожала. Пальцы застыли, так и не разжавшись...

— Уберите. И чтобы никто не видел.

На этот раз гетайр даже не стал кивать. Закапывать не станут — море рядом, привяжут к ногам пару камней побольше да потяжелее...

Неупокоенные, кому не досталось жертвенной крови, блуждают безлунными ночами вдоль дорог, подстерегая нас — тех, у кого кровь еще горяча. Этому придется тревожить дно морское...

Я хотел поблагодарить, но вовремя спохватился. За такое не благодарят. Гетайры просто не поймут. Ведь они охраняют не ванакта, не богоравного правителя Аргоса, а родича. Родича, которому грозит беда.

---

[1] Гетайр — дословно «друг», в данном случае — телохранитель.

Когда в Калидоне мне попытались навязать охрану, я удивился. Удивился, затем возмутился...

Хотелось вновь заглянуть в мертвые глаза, но я уже знал, что там: ледяная усмешка Таната и его неслышное «жди». Он терпелив, посланец и бог Смерти. Я тоже должен быть терпеливым. Не вышло в этот раз — выйдет в следующий...

* * *

За пологом шатра меня встретил ветер. В лицо ударил свежий дух смолы и знакомый с детства запах гниющих водорослей. Я огляделся. Костры уже догорели. Кто должен спать — спит, кому стоять в карауле — стоит. К морю? Пожалуй, там сейчас лучше всего.

Странно, с детства не любил моря! Не любил, боялся — а теперь вроде бы и идти больше некуда. Одна у меня дорога — туда, за влажный горизонт.

Две тени неслышно заскользили рядом. Гетайры не отставали. Я даже не знал, сколько их пошло со мной — двое, четверо. Еще недавно это раздражало, чуть ли не сводило с ума. Отец выходил один на дюжину, один на два десятка. Без щита, без панциря. Тидею Непрощенному не нужна была охрана!

...Но он не был ванактом аргосским. Непризнанным ванактом. Почти самозванцем. А если и не самозванцем, то все равно — не первым.

(Не первым — вторым, как и было сказано тому четырнадцать... Нет, уже пятнадцать. Уже пятнадцать лет! Боги, боги!)

Да, не первый.

Второй.

Год назад, когда меня впервые попытались зарезать — прямо на Глубокой, прямо на потрескавшихся ступенях храма Трубы, в полусотне шагов от нашего старого дома, — я растерялся. Как и сегодня, убийцу не смогли взять живым, и я долго гадал, кому довелось перейти дорогу...

И сейчас гадаю. Хотя зачем гадать? Это мог быть кто угодно.

И я не выдержал — рассказал Агамемнону. Одни боги знают, зачем. Рассказал — и услыхал в ответ спокойное, равнодушное: «В первый раз? Меня пытались зарезать уже трижды. Привыкнешь, Тидид». Трижды! Тогда мне это показалось диким, невозможным. Прошел год — и этот рыжий с пустыми глазами — уже четвертый.

...Это мог быть кто-то из уцелевшей челяди Заячьей Губы — моего любезного братца Алкмеончика. Ему, изгнаннику, проклятому, терять нечего. А может, кто-нибудь из мертвоглазых выкормышей Фиеста — кого не придушили добрые микенцы и не прирезали Атридовы[1] стражники. Говорят, уцелевшие бежали в самую глушь Аркадии, где среди лесов спрятано какое-то древнее капище.

Это мог быть привет от калидонских родичей, от тех, кто не простил ни деда — Ойнея Живоглота, ни отца, ни меня самого. Кровь прилипает к рукам — и передается детям. Не все смирились.

Это мог быть (чем Гадес с Психопомпом[2] не шутят!) посланец от Приама Трусливого. Мы отплываем на рассвете, а я — второй воевода в войске Атрида.

У Агамемнона прекрасная охрана. Хризосакосы — Золотые Щиты. А я еще не понимал вначале, зачем ему хеттийцы-наемники? Неужели царю приходится дрожать от страха в собственной спальне? А ведь Атрид не трус! И я подумал было, что его хризосакосы нужны для пущей царственности. И вправду красиво: шлемоблещущий ванакт на колеснице, пурпурный плащ, белый с золотом скипетр (у него он из слоновой кости, говорят, самого Пелопса память), а вокруг — горящий огонь огромных, высоких, словно башни, щитов...

(Как тогда, в воротах Лариссы. Окружили, стали на колени, ощетинились длинными копьями. Странно, они были готовы умереть за своего царя. Наемники, чужестранцы!)

Впрочем, мои не хуже. Хоть и без золотых щитов. Родичи! Каждый поклялся, каждый смешал свою кровь с пеплом.

Но и это не всегда помогает. Двадцать раз смерть обходила Атрея Великого. Обходила — чтобы взглянуть в лицо глазами родного брата.

Дерзкая волна лизнула ногу, и я наконец сообразил, что вот-вот отправлюсь прямо в гости к Поседайону. Море! То самое, где водятся гидры, страшные гидры...

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул — и на миг захлебнулся

---

[1] Атрид — сын Атрея, отчество (Атреевич). Соответственно: Диомед Тидид (сын Тидея).

[2] Гадес — Аид; Психопомп (а также Киллений, Гермий) — Гермес.

терпкой солью. Хорошо! Хорошо, что мы скоро отплываем! И вновь подумалось, что эта ночь — последняя на земле Ахайи[1].

Последняя!

Я не вернусь.

...И это мог быть кто-то из своих. Самое скверное — и самое вероятное. О таком не хотелось даже думать, но мысли уже не отпускали, цеплялись одна за другую...

Нас слишком много в крепкостенном Аргосе! Нас — молодых, сильных, с царской кровью в жилах. Мы не умеем бояться, не умеем жалеть, даже любить не умеем. Слишком долго мы жили под железной рукой деда Адраста, Адраста Злосчастного. Слишком долго ждали...

Дождались! Сначала дядя Эгиалей, затем Алкмеон Губа Заячья. Я — следующий.

А если свои, то кто? Эвриал, Промах, Полидор, Амфилох...

Или даже?..

Нет! Не верю! Сфенел — никогда! Никогда! Но ведь в очереди на трон его место — передо мной. И кто знает...

Бог Танат вновь взглянул прямо в глаза, и я проклял его, проклял тяжелый, литого золота, скипетр, от которого леденеет, становится треснутым камнем ладонь, проклял пурпур, свинцом давящий на плечи. Я не хотел! Я, Диомед, сын Тидея, не хотел этого!

Не хотел — и не хочу!

Не хотел?

Ветер вновь коснулся щек. Легко, еле заметно, но мне стало легче. Все уже позади. Ночь уходит, последняя ночь на земле, так и не ставшей мне родной, ночь, когда Танат вновь промахнулся. Я жив, я доживу до рассвета, ступлю на черный борт «Калидона».

И не вернусь! Хорошо, что в эту последнюю ночь я один, возле чужого темного моря, где никто не мешает, и только ветер...

...Ветер, огни, на губах — соль. В детстве я все спрашивал, отчего это море соленое? Как-то мама сказала, что морская вода — кровь Океана. Соленая холодная кровь, соленая холодная плоть...

Я еще здесь, я еще не ступил на скрипящие сходни...

---

[1] Ахайя (земля ахейцев) — в описываемое время юг Греции (Эллады), полуостров Пелопоннес.

...А двенадцать пентеконтер[1] Эвриала уже у Милаванды. Все эти дни море оставалось тихим, ветер (не зря жертвы приносили!) гнал легкую рябь на восток, кормчие опытные, ходят между островами не первый год. Значит, Смуглый должен был прибыть на место уже позавчера. Вчера — в крайнем случае.

А Полидор со своими лернийцами сейчас где-то между Паросом и Наксосом. У него, толстяка, самые опытные моряки, поэтому корабли (двутаранные дипроры, лучшей постройки) могут плыть даже ночью. Значит, через два дня он будет уже у Самоса. Впрочем, острова уже наши — давно, еще с осени.

Вот так! Приам, старый трус, ждет, пока все мы соберемся у Авлиды. Ну и пусть ждет! Наша с Атридом наживка сработала.

Клюнул!

Странно, я, кажется, успокоился. Всегда успокаиваюсь, когда начинаю думать о войне. На войне все просто и ясно. Здесь — свои, там — чужие. Арей бьет копьем в грудь, а не кинжалом под лопатку.

...Интересно, отчего Приама считают старым? Только и слышишь: старик, богоравный старец (или «старец козловидный», попросту говоря — старый козел). Но — старый. А ведь он немногим старше моего отца. Тому сейчас было бы сорок два, Приаму же, козлу старому, едва-едва сорок шесть — сорок восемь.

Ничего! Познакомимся — спрошу. Хотя... Полсотни детей, дюжина жен, наложниц не считая...

Поистаскался!

Итак, старый козел ждет, пока мы все соберемся у Авлиды. Ну что ж, его соглядатаи могут увидеть там Промаха Тиринфца, Промаха Дылду с десятком кораблей. На главном — «Гиперионе» — я приказал повесить свой щит и при каждом удобном (а тем паче неудобном) случае орать «Кабан! Кабан!». Клич нашего рода, конечно же, знают в Илионе.

А мы со Сфенелом и Амфилохом отплываем завтра. То есть уже сегодня. Прямиком к Трое, к устью Скамандра. Интересно, какой вид будет у старого козла?

Даже если не получится, даже если они успеют запереться в городе, главное будет достигнуто. Наш флот — у Милаванды, у Самоса, у Геллеспонта. И у Крита тоже. Значит, море мы уже выиграли! А на суше...

---

[1] Пентеконтера — пятидесятивесельный двухмачтовый корабль.

— Ванакт!

Я обернулся. Кто-то высокий, широкоплечий...

...Не «кто-то». Фремонид Одноглазый, старый знакомый, еще с фиванского похода. Кажется, в эту ночь его очередь охранять покой ванакта. Вообще-то говоря, охранять — не значит мешать. Впрочем, рассвет уже близко, а я... А я действительно успокоился.

— Тут эта пьяная собака, ванакт. С кифарой. Прогнать?

На миг представился налакавшийся неразбавленного вина пес (видел такое однажды, бедная псина!). Ковыляет, мотает мордой... И кифара — тяжелая, черепаховой кости, в зубах.

Так ведь не потянет, бедняга!

— Давайте сюда!

Интересно, отчего это слово «собака» считается оскорблением? Вот и меня в детстве звали Собакой. И не просто, а Дурной. Диомед Дурная Собака! А я не обижался (почти). Люблю собак! Я люблю, а мои куреты отчего-то не любят. И если уж хотят кого-нибудь оскорбить, то вечно безвинных псов поминают.

— Р-радуйся, ванакт!

Пьяная собака проковыляла к берегу, пошатнулась. Рухнула. Левый сандалий слетел — прямиком в воду.

Да-а-а!

Наверное, Фремонид просто не выносит пьяниц. Как и все куреты, да и калидонцы тоже. Недаром у моего деда было столько неприятностей с Загреем[1], Зевесовым сыном!

— Радуйся, Эриний! Кифару не разбил?

Ответом меня не удостоили. Впрочем, я уже успел заметить, что сумка с кифарой каким-то чудом успела переместиться из-за спины на живот. Значит, уцелела. Значит, еще наслушаемся...

...Если, конечно, сама собака не окочурится. От простуды, например.

— Эй, Эриний, вставай! Холодно!

На этот раз мне ответили. Вначале — тяжелым вздохом. Затем...

— Пал я в сражении с Вакхом, певец Аполлона.
Пусть я во прахе лежу, Феб отомстит за меня!

Ну конечно!

Сей певец Аполлона увязался за нами еще в Аргосе. Прогонять не стали — пусть себе! Тем более поет — заслушаешься. Если трезвый, само собой.

---

[1] Загрей — Дионис.

— Вставай, вставай!

Поднимая аэда за ворот, я еще раз убедился, что парень — не из простых. Даже ночью, на ощупь, пальцы легко различили дорогое шитье фароса. Правда, при дневном свете его плащ больше похож на грязную тряпку, но когда-то... Как и он сам. Грязен, голоден — а подаяния не просит. Пришлось зачислить на довольствие и даже ложку выдать, ибо своей у Эриния не оказалось. Как, впрочем, и миски.

Теперь мы оба сидели — на моем плаще. Я невольно пожалел, что не догадался надеть тот самый — пурпурный. А хорошо бы расстелить этакое на сыром песке, взять амфору да пару вяленых рыбок...

...И мой скипетр — орехи колоть.

— Слушай, Эриний...

Сказал — и чуть не поперхнулся. Ну и имечком наградили парня, никакой клички не надо. В лагере уже смеются: наша, мол, Эриния. Прицепилась — не отстанет.

...А может быть, все-таки кличка? Или прозвище? Ведь отчества он так и не назвал! Такое бывает, особенно если раб или сын раба, но рабы не носят фарос серебряного шитья!

— Слушаю, ванакт, слушаю.

Голова поникла, длинные руки свесились. Сейчас снова брякнется!

— Хотел тебя в-воспеть, а ты все ходишь где-то, ходишь...

И не поймешь — шутит или нет. По-моему, шутит. Или попросту издевается.

— Агамемнона воспой, — не выдержал я. — Он это любит!

— Любит, — покорно кивнула пьяная голова. — Я и его могу! «Брани и мужа пою, Агамемнона, сына Атрея, славного битвами воина, сильнейшего всех брaноносца...»

Эриний икнул, попытался махнуть рукой, качнулся.

Усидел.

— Да только у него, я слыхал, уже трое. Воспевают. Куда мне! Я лучше тебя это... воспою.

Я представил, как все это выглядит со стороны. Ванакт Диомед, повелитель Аргоса, Тиринфа, Трезен и Лерны, второй воевода Великого Войска, точит лясы с каким-то пьяницей. И когда! Перед самым походом!..

...Вместо того чтобы напиться самому. Но тут промашка. Не пью. Вина, по крайней мере. А если и пью, то все-таки не так.

— Винопийца ты, Эриний, — наставительно заметил я. — И человек псообразный.

— Это хорошо, — согласился винопийца. — Красиво звучит. Сам придумал, ванакт?

Придумал, конечно, не я. Эриний явно не из Аргоса, иначе знал бы эту старую игру — обругать, но так, чтобы «красиво звучало». Потому и говорят, что аргивянам не нужно бритвы — языком обреются.

Я, конечно, не аргивянин. Не аргивянин, не этолиец.

Чужак!

Чужак, подхвативший пурпурный плащ, упавший с плеч полубезумного убийцы. Чужак, который не может сделать даже шагу без охраны...

Я заставил себя не думать.

Хватит!

Атриду, законному владыке микенскому, не легче. И Менелаю. И Нестору. У каждого — охрана. У каждого — смерть за спиной. Да и раньше надо было думать, раньше! Еще в Калидоне, когда Амфилох привез алебастровую табличку с шестью печатями, а я все еще мог выбирать. Если бы я остался в Этолии. Если бы согласился править в Калидоне Козьем...

Хотя кто знает? Может, случись такое, я тоже собирал бы сейчас войско. Превеликое воинство лохматых козопасов на дюжине кораблей о шести веслах каждый. Как Любимчик. И был бы не вторым воеводой, а третьим гекветом[1] запасной обозной стражи...

...И все равно плохо спал бы по ночам! И все равно охотились бы за мной, точили хеттийские кинжалы. Каменный трон Аргоса, нетесаная скамья, покрытая бараньей шкурой, в калидонском дворце...

Власть!

Все равно найдется тот, кто захочет сесть повыше, как раз на баранью шкуру, на золоченый трон...

— Ну так как, ванакт, будем, это... воспеваться?

Пьяная рожа пододвинулась, дохнула перегаром. Я задержал дыхание.

Отодвинулась. Хвала богам!

Стражу кликнуть? Чтоб искупали обормота да у костра высушили? Так этакого в море окунать — Амфитрида обидится.

— Воспевай! — вздохнул я. — Как бишь там? «Славу, богиня, воспой Диомеда Тидеева сына, мужа, воительством славного, первого средь брагоносцев...»

---

[1] Гекает — командир.

Внезапно он хихикнул. Понравилось?

— И ты, ванакт, хотел бы, чтобы о тебе такое пели? Так ведь не будут петь. Скучно!

Странно, его голос внезапно показался куда более трезвым, чем вид!

Я встал, вновь подошел к самому берегу, подождал, пока вода чуть коснется сандалий, оглянулся. Огонек! Маленький, еле заметный, словно кто-то зажег светильник на самом гребне волны. Еще один, еще!

...Как тогда, когда мы пошли охотиться за гидрой...

— Ты плавал по морю, Эриний? Говорят, ночью весла светятся...

— Иногда, ванакт. А если буря, то светятся даже мачты.

Я невольно вздрогнул. Великие боги! Ночью плавать еще не доводилось. Только на рассвете, когда мы с дядей Эгиалеем переправлялись через Калидонский залив. Тогда стоял туман... Нет, я, конечно, не боялся. Ну а ежели и побаивался, то не очень.

(Или это мне сейчас так кажется?)

— Говорят, люди делятся на тех, кто жив, кто мертв, и тех, кто плывет по морю?

— А тех, кто плывет, отделяет от Аида только толщина доски, — охотно отозвался он.

Странно, псообразный винопийца явно трезвел. Ага, вот и за кифару взялся. Ну, сейчас воспоет!

Кифара долго не хотела вылезать из сумки. Наконец звякнула струна, затем другая.

— Твое войско впервые выходит в море, ванакт? Теперь ясно, о чем придется петь. Слыхал такую?

Струны вновь звякнули. Нет, уже не звякнули — запели, чисто, красиво. Вот Дий Подземный! Ведь может, пьяница!

— Пойми, кто может, буйную дурь ветров!
Валы катятся — этот отсюда, тот
Оттуда... В их мятежной свалке
Носимся мы с кораблем смоленым.

Зачем страшиться моря? Как морок злой,
Пройдет морозный холод предутренний,
Нам бы на борт взойти скорее —
В руки кормило, подпоры вырвать.

И от причала прочь повернуть корабль
Навстречу ветру. С легкой душой тогда
Мы предавались бы веселью, —
То-то бы пить и гулять на славу!

Струна нерешительно застонала... Умолкла...

Здорово поет! Странно, только что и лыка не вязал!

— Это пойдет, — усмехнулся я. — Как буря начнется, запоем хором. А меня воспевать не надо. Договорились?

Отвернулся, долго возился с кифарой.

Выпрямился.

— Нет, ванакт. Не договорились. Воспевать тебя, так и быть, не стану, а вот спеть о тебе... Это придется. Ведь дело не в тебе самом.

Тут уж я задумался. Не во мне? Да, пожалуй. Не во мне. И даже не в Агамемноне с его мечтой о Великом Царстве от песков эфиопских до льдов гиперборейских.

— Ты хочешь сказать, Эриний, что наш поход изменит мир?

Он ответил не сразу. Наверное, тоже думал.

— Уже изменил, ванакт Диомед! С чем бы вы ни вернулись, жизнь больше не будет прежней.

Я кивнул, соглашаясь, и внезапно понял: мы оба с ним трезвы.

* * *

— Кто ты, Эриний?

— Изгнанник. Как твой отец. Как и ты сам.

Дальше спрашивать не стоило. Дорогой, шитый серебром фарос, сбитые сандалии — и гордость, не позволяющая просить подаяние. Наверное, таким был мой отец, когда вошел в Микенские ворота славного города Аргоса. Хотя нет, отец был в доспехах. Во всяком случае, таким его запомнил дядя Эгиалей. И другие запомнили.

— И все-таки, — не удержался я. — Почему ты стал аэдом?

— А ты бы пошел в наемники, ванакт?

Странно, мне казалось, что рассвет уже близко. Но время тянулось, волны одна за другой накатывались на равнодушный песок, пахло смолой и водорослями.

Какая долгая ночь!

— Наверное, — вздохнул я. — Это единственное, что я умею. И что умел отец.

Эриний кивнул. Конечно, он помнил, кто таков Тидей Непрощенный. Жаль, что я не знаю, откуда взялся Эриний Таинственный.

Из темноты донесся знакомый смешок.

— Аэдом быть нетрудно. Надо только не ссориться с кифарой и помнить об оторванной руке.

— К-как? — поразился я.

— О руке, ванакт. Оторванной. Или глазе. Выколотом, естественно.

Внезапно мне показалось, что я вновь мальчишка-первогодок, только-только взявший в руку деревянный меч. Удар слева, удар справа, копье над головой...

Он, кажется, понял.

— В каждом деле свои хитрости, ванакт. Если я, скажем, начну... хм-м-м... воспевать Агамемнона с того, как он могуч и силен, сколько у него, э-э-э-э, быков круторогих и телиц млечных, а затем перечислю всех его предков, начиная с Пелопса и Тантала, как думаешь, станут меня слушать?

— Агамемнон станет, — усмехнулся я.

— Разве что. А вот от всех прочих я не получу даже обгрызенной кости. А вот если иначе...

Он на миг задумался, рука коснулась сумки с кифарой. Коснулась, отдернулась.

— Черная весть принеслась из Микен, крепкостенного града,
Славного града, великого, первого в землях Ахейских,
Страшная весть: спит во гробе Атрей богоравный,
Братом родимым убитый — безбожным, распутным Фиестом.
Царскою кровью залиты ступени высокого трона,
Скиптр окровавленный пальцы злодея сжимают...

На этот раз он не пел — просто проговорил, не спеша, нараспев.

— Помню, — вздохнул я, — помню...

Мы были тогда в одном переходе от Аргоса. Меня разбудили, и я долго не мог понять, почему гонец с трудом выдавливает слова, почему заикается...

...и белым как смерть было лицо Агамемнона, когда шагнул он мне навстречу в воротах Лариссы.

— Я тебя понял, аэд, — наконец проговорил я. — Оторванная рука — значит, следует начать с чего-нибудь плохого, чтобы вызвать у слушателей сочувствие, так? Только ты скверно выразился, Эриний. Очень скверно!

А если бы он решил спеть обо мне? С чего бы начал? Наверное, с элевесинского огня, с отчаянного, смертного крика тети Эвадны, с запаха тлена, сменившегося тяжелым духом горящей людской плоти.

Да, с элевсинского огня. Герою следует оторвать руку...

— Скверно, — откуда-то издалека донесся его спокойный голос. — А что ты говоришь своим воякам, ванакт, когда посылаешь их в бой? «Славу в веках завоюйте, о грозные воины!»? Или попросту: «Выпустим этим сукам кишки!»?

Он был прав. В каждом ремесле своя хитрость. Со стороны на такое лучше не смотреть. И не слушать.

— А что еще надо помнить, Эриний? Кроме руки?

— Аэду? — В голосе его промелькнула насмешка. — Ну, не так уж и много. Ты когда-нибудь ел слоеный пирог, ванакт? Сверху свинина, под ней — жареные дрозды, внизу, скажем, осьминоги. Так и в песне. Сначала о боях, затем — о чем-нибудь веселом, чтобы слушатели отдохнули. Ну а потом что-нибудь умное. О богах, например. И — все сначала.

— Значит, пирог, — хмыкнул я. — А боги — это вареные осьминоги?

Заступаться за Олимпийцев я не собирался. Но уж больно самоуверенным был этот как-то слишком быстро протрезвевший бродяга.

— Богов надо чтить, — скучным голосом отозвался он. — Боги всесильны, а посему воздадим им хвалу. И ныне, и присно.

Он, кажется, снова издевался. Но удивляться я не стал.

— Видел я одного аэда, о многомудрый Эриний. Он пришел в Лерну и пытался спеть о том, как Гефест поймал Афродиту вместе с Ареем и сковал золотой цепью. Подробно пел, признаться! Он не знал, что Пеннорожденную в Лерне очень любят...

— Сильно били? — тут же откликнулся он.

— Сильно. А потом взяли овечьи ножницы...

Последнего, правда, я не видел. Но слышал. Полидор-толстяк рассказывал.

— Вот я и говорю, ванакт, — богов надо чтить. И бояться...

«...Бойся богов, Диомед! Бойся!»

Я сцепил зубы. Этот наглец слишком много себе позволяет. Ведь не над Олимпийцами смеется. И не просто смеется...

— Мы ведь оба с тобой верим, ванакт, что боги создали мир, что они направляют каждый наш шаг...

И тут я понял. Мне не намекали — подсказывали. Неужели?

— У одного... аэда я услыхал такую строчку. Не подскажешь, как там дальше, Эриний?

Я оглянулся. Мокрый песок, еле заметные в темноте гребешки волн. Пусто! Впрочем, если ОНИ захотят подслушать...

— «Мнится нам плоской земля, меднокованым кажется небо»...

— «Номос и Космос — одно», — Вестник сказал дураку, — негромко отозвался он, и я понял, что не ошибся.

Сияющий!

Все три слова на месте: «Номос», «Космос» и «Вестник». Сияющий Третьего Шага! Я сделал только Второй. Знать, что стоит за «Вестником», мне не положено. Пока, во всяком случае. Но хорош! Даже тут умудрился вставить «дурака». И не боится! Впрочем, тому, кто сделал Третий Шаг, бояться уже нечего...

Но как же это? Третий Шаг? Ведь Чужедушец говорил: третий шаг — это...

Я прошелся по мокрому песку, поежился от предутреннего холода, вспомнил о брошенном на землю плаще.

Обернулся.

— Зачем ты пришел, Эриний?

То, что не пьяные ноги занесли его на этот берег, я понял уже давно. Как и то, что Эриний Таинственный был не пьянее меня. Умылся вином, наверное. Умылся, рот прополоскал.

...И вновь показалось, что мне в глаза смотрит Танат Жестокосердный.

— Поговорить, — еле слышно донеслось из темноты. — Поговорить, ванакт...

Я не поверил, но не стал переспрашивать. Кто пришел ко мне этой долгой ночью? Любопытствующий аэд, желающий воспеть аргосского ванакта? Сияющий? Или...

Меч был у бедра, но я знал — не поможет. И гетайры не успеют вмешаться.

Я огляделся, но никого не увидел. Холод накатил, сдавил сердце...

— Где ты?

Спросил, хотя и понимал: на такие вопросы не отвечают. А если и отвечают, то не словами.

Я ждал, но тьма молчала. И каждый раз, когда волна накатывала на мокрый песок...

— Прощай...

Я резко повернулся, пытаясь угадать, откуда донесся голос.

— Прощай, сын Тидея! Прощай...

Я шагнул вперед, наугад, надеясь догнать, остановить. И замер.

Рукоять!

Знакомая бронзовая рукоять торчала прямо из песка. Почему-то она показалась мне неимоверно горячей, словно хеттий-

ский мастер только что достал знакомый кинжал из литейной формы...

— Ванакт! Ванакт!

Наверное, я крикнул. Или просто повысил голос. Во всяком случае, меня услыхали.

— Послать погоню, ванакт? Эй, парни!..

— Не надо, Фремонид! — вздохнул я. — Не надо...

Черные крылья Танатоса легки, не слышна его поступь. И никогда не знаешь, откуда повеет холодом. Смерть не медлит. Но все же она промедлила этой ночью! Танат опустил руку, и до рассвета, до близкого весеннего рассвета, до первого крика трубы мне осталось гадать, что вырвало из его рук хеттийский кинжал.

Может быть, все-таки ОНИ? Те, в кого мы, Сияющие, так плохо верим? Не верим, ибо знаем...

Знаем — но, похоже, не все.

На волнах вновь горели огоньки — как в ту ночь, когда мы ловили гидру. Незадолго перед тем Жестокосердный тоже отпустил меня. Отпустил, хотя никто уже не верил...

...Сначала — оторвать руку. Или выколоть глаз. Или — все сразу. А потом начинять пирог: драки, веселье, боги. Пожалуй, ты прав, Эриний Неизвестный, посланец Таната. Так оно и есть. Разве что веселья в моей жизни было маловато.

Или это мне так сегодня кажется? Кажется, потому что я понял: мне некуда возвращаться.

Некуда — и незачем.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

ЭЛЕВСИНСКИЙ ОГОНЬ

СТРОФА-I[1]

— Мне жарко, мама! Жарко!

— Сейчас, сынок, сейчас, маленький...

На лоб ложится холодное полотенце. Мамина рука легко касается щеки.

---

[1] Песнь делилась на СТРОФЫ и АНТИСТРОФЫ (отдельные повествования), чередующиеся между собой. Завершалась песнь заключением — ЭПОДОМ.

— Сейчас, Диомед. Тебе будет легче...

В горнице темно. В углу догорает светильник, тяжкий чад горелого масла не дает дышать. Я хочу пожаловаться маме, но гордость мешает. Я уже почти взрослый. Мне шесть лет! Я не должен жаловаться, не должен плакать!

В углу спит рабыня — та, что должна сидеть возле меня всю ночь. Она хорошая, но иногда говорит плохие слова. Днем, когда я спал... Нет, это она думала, что я сплю, я не спал, я просто не открывал глаза... Она сказала, что я сиротка. Бедный сиротка, который растет без мамки. Это неправда, мама здесь, она со мной!

Меня часто так называют — сироткой. Или даже — сиротой. Мама говорит, чтобы я не обижался.

Жарко! Может быть, уже лето? Ведь я лежу в этой горнице очень давно, наверное, лето уже настало!..

Рабыню не надо будить. Пусть спит. Ведь пришла мама, а об этом никто не должен знать. Никто-никто!

Это наша тайна. Моя — и мамина.

Ее рука ложится на лоб, скользит по волосам.

— Они думают, что я умру. Я ведь не умру, мама, правда?

— Ну что ты, сынок! Сейчас ты заснешь, а утром проснешься здоровым, совсем здоровым.

— И смогу выйти на улицу?

Я там давно не был, на нашей Глубокой улице, в нашем царстве-государстве, что раскинулось от Трезенских ворот до ступеней храма Афины Трубы. А это плохо. Там сейчас наверняка всем заправляют Алкмеон с Амфилохом. Опять, поди, привели своих пеласгов! Без меня Сфенелу с ними не справиться. Может, прямо сейчас наши дерутся... То есть, нет, конечно, сейчас ведь ночь...

— Смогу, мама?

— Конечно, сможешь!

— И на площадь? К храму Трубы?

— Сможешь, сынок.

Я верю. Я не могу не верить маме. Верю, хотя слышал то, о чем сегодня говорил жрец-знахарь с папой. Он шептал по-хеттийски, думал, что я не понимаю...

...И дедушка Адраст тоже говорил с папой по-хеттийски. Я еще удивился — дедушка никогда не приходит к нам домой. А тут пришел, посидел возле моей постели, погладил по лбу. И дядя Капаней, и дядя Полиник... Все они говорят шепотом, никто

не улыбается, не смеется — даже дядя Капаней. И Сфенела ко мне не пускают, и Ферсандра. И жарко, жарко!

Хорошо, что вечером пришла мама!

— Они все думают, что я умру? Да? Потому и жертву в храм понесли?

Мама смеется, и мне сразу же становится легче. Если мама смеется, значит, все будет в порядке.

— Жертву не несут, Диомед. Жертву приносят. Люди думают, что это поможет.

Я хочу спросить у мамы, когда жертва помогает, а когда нет и почему она так называется — «жертва», но не успеваю. Жар накатывает, мешает дышать. Видеть. Слышать...

...Темная горница, светильник в углу, у спящей рабыни смешно приоткрыт рот. Постель — низкое ложе, на которое легко запрыгивать. Мальчик с мокрой повязкой на лбу, струйка воды течет по щеке, глаза закрыты. Я уже видел этого мальчика!

— Мама!

Почему-то кажется, что меня никто не слышит...

Ее рука сжимает мою ладонь. Или это мне тоже кажется?

— Тише, сынок, тише! Иначе услышит ОН...

Мамин голос... У мамы никогда не было такого голоса! И кто это ОН? И тут мне становится страшно. Я не могу смотреть на мальчика с повязкой. Такого знакомого мальчика...

Темно! Почему погас светильник? Как хорошо, что мама рядом! Как хорошо...

— Уйди! Ты не возьмешь его! Не возьмешь! Слышишь?

Почему мама кричит? Мама никогда не кричит. И почему я не вижу мальчика? Этот мальчик очень похож... Похож на кого-то...

Слова — чужие, непонятные, страшные. Или это ночной ветер бьется о ставни?

— Уйди! Это говорю тебе я — Сова!

С кем это разговаривает мама? Разве ее зовут Сова? Сова — это птица, а маму зовут...

Темно, темно, холодно.

...И пустые зеркальца чужих глаз — равнодушные, мертвые. Взгляд Того, Кто пришел за мной.

Мама! Мама...

* * *

— Спи, спи, хороший господин! Тебе спать надо. Спи, а то не выздоровеешь.

«Хороший господин» — это тоже я. Так называет меня рабыня, та самая, что заснула, сидя на скамье и смешно приоткрыв рот. Заснула — потому что пришла мама, а маму никто не должен видеть...

Мама!

В глаза бьет свет — яркий, дневной. Уже день? К губам прикасается что-то холодное. Не задумываясь, я делаю глоток.

Горько!

— Выпил? Ну и славно, хороший господин, ну и славно. Ты спи, спи. Ты спать должен, иначе не выздоровеешь. Тебя боги отпустили нам всем на радость. И господин Тидей рад, и господин Полиник, и господин Капаней. И ванакт наш, дедушка твой, о тебе справлялся...

Я не слушаю. Я уже понял — мама ушла. Мама ушла, а я так хотел, чтобы она осталась подольше! Мама всегда уходит...

Раз в год мы с папой, дядей Полиником и тетей Дипилой ходим за Микенские ворота к Полю Камней. Там хорошо и красиво, но никто почему-то не смеется, не улыбается. Там даже не играют, хотя за камнями очень удобно прятаться, особенно вечером. Возле одного из камней мы льем на землю вино и крошим лепешку. Это для тети Аргеи. Папа говорит, что она болела и ушла к Гадесу.

Я знаю — тетя Аргея умерла.

Мне ее жалко. Папа говорит, что она была совсем молодой.

В этом году мы встретились на Поле Камней с дедушкой Адрастом. Тетя Аргея — его дочка. И тетя Дипила — его дочка. Тетя Дипила всегда плачет, когда мы льем вино. Она называет меня «бедным мальчиком». Это потому, что она думает, будто тетя Аргея — моя мама.

Дедушка не плачет. Он никогда не плачет.

Мне жалко тетю Аргею, но я не бедный мальчик и не сиротка. Моя мама здесь, только ее никто не должен видеть. Даже дядя Полиник. Даже дедушка. Даже Сфенел.

Я хочу рассказать Сфенелу о маме, потому что он мой лучший друг. Мама сказала, что я смогу рассказать о ней, но позже. Не сейчас.

А папа почему-то не хочет говорить со мной о маме!

* * *

Под правым глазом у Сфенела — синяк, ухо напухло. И нос — репкой.

Нос у него всегда репкой, как у его папы Капанея. А вот синяк...

— ...Они, Тидид, опять приходили. Алкмеон с Амфилохом свою агелу привели. И еще тех, с Форонейской улицы.

(Агела — это стая. У нас стаи нет. Для нее нужен вожак. А вожаком только взрослый может быть.)

Сфенел сопит, отворачивается.

— Я Алкмеону сказал, что он пеласг.

Мне стыдно. Пока я тут отлеживаюсь, прячусь за темными ставнями, мой друг защищает нашу улицу, наше маленькое царство-государство! Сфенел, конечно, самый сильный из нас. И ростом выше. И вообще, он видом совсем-совсем взрослый, прямо-таки восьмилетний.

Но ведь тех — целая стая!

— И Ферсандра побили. Его в живот ударили. Алкмеоновы пеласги ударили...

Сказать нечего. Сегодня утром я попросил у папы разрешения выйти на улицу. Да где там! Только и позволил, что увидеться со Сфенелом. И то ненадолго.

— Ничего, Капанид, — улыбаюсь я. — Скоро встану!..

Он кивает, но по-прежнему сопит. Мы оба знаем — дела плохи. Амфилоху, сыну дяди Амфиарая, четырнадцать лет, а его старшему брату Алкмеону — целых шестнадцать.Обычно они с нами не дерутся, зато приводят целую ватагу сопляков с Пеласгийской улицы. И с Форонейской. И от Зевса Дождевика. Стаю! Приходят — и начинают играть в бабки прямо у храма Трубы.

Чтобы нас обидеть.

Дядя Амфиарай, который Алкмеону и Амфилоху папа, не любит моего папу. Дядя Амфиарай — лавагет, он над всеми войсками самый-самый главный. Он никогда не бывает у нас. Ни он, ни тетя Эрифила (она моего дедушки Адраста сестра младшая). Дядю Амфиарая многие боятся, говорят, что он «Вещий». Что он слышит, как разговаривают боги. Поэтому с Алкмеоном и Амфилохом никто из нас не хочет дружить. И с их приятеля-

ми тоже. Мы их зовем пеласгами[1]. Пусть обижаются! Все знают — пеласги были очень глупые. Они даже не умывались.

— Алкмеон сказал, что ты все равно помрешь, — хмурится друг Капанид. — Сказал, что твою нить Парки перерезали. Я ему в ухо дам. Вот подрасту — и дам!

Хорошо, когда у тебя есть друзья!

— Наговорились, драчуны?

Это тетя Эвадна — мама Сфенела. Все говорят, что она очень красивая. Поэтому дядя Капаней — «счастливчик».

— И вовсе мы не наговорились! — возмущается Сфенел, но тетя Эвадна уже берет его за руку. Капанид потирает разодранное ухо.

— Я скоро встану, — повторяю я. — Мы им всем дадим! Так и передай этому Алкмеону. И пусть не ходят к нашему храму. И в бабки там не играют!

Сфенел хмурится, и я понимаю, что синяк под его глазом — не последний.

* * *

Я сплю. В горнице темно, даже светильник погас. Мне снится мама. Мне снится ее голос.

— Я сделала, что могла, Ойнид. С ним все будет в порядке.

С кем она говорит? Ойнид — это мой папа. Он Ойнид, потому что его папа — Ойней. Так называют друг друга взрослые.

(Взрослые — и мы со Сфенелом. Поэтому он — Капанид, а я — Тидид. Когда старшие это слышат, то смеются. Ну и пусть смеются!)

— Я могу забрать его отсюда. На Пелион или на один из островов. Если хочешь — и тебя тоже. Там нам не нужно будет скрываться...

Где же папа? Почему я не слышу его голоса? Ах да, я же сплю! Мне просто снится мама.

— Зачем тебе этот город, Ойнид? Думаешь, Адраст поможет тебе вернуться в Калидон? Поможет отомстить? Кому? Твоему же отцу? Уедем отсюда!

Я не хочу уезжать. И папа, кажется, тоже. А мама... Неужели

---

[1] Пеласги — древнейшие обитатели Греции, по преданию, жили в Золотом Веке.

она плачет? Моя мама никогда не плачет!

— Ты ничего не сможешь сделать, Ойнид! Семья... Семья помнит обо всех — обо всех таких, как наш мальчик. Боюсь, ОНИ уже догадались. Отец... МОЙ отец не хочет, чтобы в Номосе остался хотя бы один человек с НАШЕЙ кровью в жилах...

Мне становится страшно. Зачем мама говорит такое? Зачем мне это снится?

— Ты ведь знаешь, Ойнид, что МОЙ отец никого не прощает!

Выходит, у моей мамы тоже есть папа? Значит, он мне дедушка? Но почему тогда?..

— Да, и Акаст погиб. И Орфей. И Дедал. И Ясон. А Геракл собирается воевать с Авгием. И вы тоже собираетесь воевать! Понимаешь, Ойнид? Скоро в Номосе не останется никого. Отец сказал, что вы уже не нужны. И наш мальчик...

Мамин голос становится тише, тише...

Умолкает.

Я засыпаю уже по-настоящему, но даже во сне — глубоком, без сновидений — продолжаю удивляться. Почему молчал папа? Что такое Номос? Что за Семья такая у мамы?

И почему мамин папа хочет убить меня?

* * *

Они все-таки переступили границу!

— Феласги! Феласги! Феласги идут!

Ферсандр скатился вниз, едва не упал, ухватился рукой за кривой ствол кизила, глотнул горячий летний воздух.

Выдохнул.

— Алкмеон своих фривел! Их там десять... Твенадцать!

«Твенадцать» — это «двенадцать». А «фривел», понятное дело, «привел». Это он по-беотийски, потому что дядя Полиник, его папа, из Беотии. А по-ихнему — из «Виофии».

Ну а «феласги» — это пеласги. Те самые.

Ферсандру страшно. Он совсем маленький, даже ниже меня. И дерется плохо. И еще он очень худой. Как его папа. У дяди Полиника есть еще два мальчика. Их зовут Адраст и Тимей. Они вместе родились, поэтому их называют «близнецы». Но они еще драться не могут. Им всего по два годика.

Значит, пеласги!

Мы со Сфенелом переглядываемся. Сегодня меня впервые выпустили на улицу. Выходит, вовремя. Граница нарушена! Враг уже на ступенях храма Трубы. Они уже ворвались, они уже здесь!..

От Трезенских ворот до храма Афины. Мимо могилы Арга, мимо маленького храмика Елены, мимо старого Царского дома — пустого, заколоченного старыми трухлявыми досками, мимо черного провала Палат Данаи, мимо дома, где живем мы с папой, мимо соседнего, где живет дядя Полиник, и дальше, к дому дяди Капанея...

Она невелика, наша улица, наша Глубокая. По ней не очень удобно ходить: она действительно глубокая, узкая, похожая на овраг. К каждому дому — и к моему, и к дому Капанида — приходится подниматься по ступенькам, а это очень неудобно, особенно в дождь. Но эта улица — наша. Наше царство-государство, куда нет хода врагам, а особенно пеласгам, этим неумытым дикарям, которые нападают только стаей и только шестеро на одного. Нападают — и спешат спрятаться за взрослыми спинами, как только мы начинаем их бить!

Трое на шестерых, трое на девятерых, трое на дюжину. Это — ничего, но сегодня они привели взрослых. Взрослые не должны драться! Это не по правилам. Но они все равно пришли. Амфилох выше Сфенела на целую голову, а Капанид— самый высокий из нас троих.

...И его папа тоже самый высокий. Потом идет дядя Полиник, а потом уже — мой папа. Зато у папы плечи шире. И кулаки больше!..

И еще Алкмеон. С этим не справиться — даже если на подмогу придут все наши приятели. Но они не придут. Они прячутся. Они боятся пеласгов.

Мы — не боимся!

Не боится Сфенел, не боюсь я. Ферсандр... Он маленький и худой, он, конечно, боится. Но он все равно с нами!

Вперед!

Мы бежим плечо к плечу — мимо нашего дома, мимо дома дяди Полиника, мимо дома дяди Капанея. Только бы не заметили, только бы не увели домой...

Папа говорит, что спуску нельзя давать никому. Даже взрослым. Только с богами нельзя драться. А дядя Капаней смеется и говорит, что драться можно и с богами. Когда мы вырастем, он нас научит.

Дядя Капаней смеется, а тетя Эвадна почему-то пугается.

Вот они! Как раз на ступенях храма. Вся стая вместе: сопляки-пеласги, неумытые дикари с грязными носами, Амфилох... Алкмеон!

Ого!

— Меч! — шепчет Сфенел. — Гляди — меч!

В руках у Алкмеона — меч. Деревянный, конечно, не иначе из гимнасия притащил. Мне становится завидно. Завидно — и страшновато. Если такой деревяшкой угадать по затылку!.. Проверено!

Останавливаемся. Переглядываемся. Они... Они тоже переглядываются. Скалятся... Ферсандр пятится назад, я хватаю его за плечо. Капанид смотрит на меня.

Пора!

— Эй, да тут Дурная Собака! Дурная Собака! Дурна-а-а-я Собака-а-а!

Дурная Собака — это я. Это они меня обижают.

— А ну, чешите отсюда, сопляки!

У, Дий Подземный! Они первыми начали ругаться. А в драке, как и в бою: кто начал, тот и победил. Тоже проверено!

Ладно! Пора и нам. Я вновь смотрю на Сфенела, он — на меня. Тяну носом воздух.

— Воняет что-то, а, Капанид? Навоз не убрали, что ли?

Сфенел недоуменно оглядывается.

— Угу. Вон, куча целая!

— Кте феласги — там навоз. В тень съедают целый воз!

Это уже Ферсандр.

(«Кте» — это «где». Ну а «тень», понятно — «день».)

Сейчас кинутся! Но нет, Алкмеон не спешит. На лице — снисходительная ухмылка. Лучше бы не улыбался! У него верхняя губа — пополам. «Заячья» называется. Это ему боги такое сделали.

Меч — в руке. Р-раз! Р-раз! Деревяшка со свистом рассекает воздух.

— Пеласги, чтобы вы знали (р-раз!) — соплячье глупое, — были любимцами богов (р-раз!). Поняли? Они в Серебряном веке жили (р-раз! р-раз!). К ним сам Крон в гости приходил (р-раз!). А за навоз сейчас получите (р-раз! р-раз! р-раз!).

Если он думал нас своей деревяшкой удивить, то напрасно. Я и сам так могу. И Сфенел может. Ну, не так, конечно...

Зато мне папа настоящий меч давал покрутить. Острый! Из аласийской бронзы. А насчет пеласгов...

— Пеласги были дураки. Такие дураки, что боги не захотели на них больше смотреть...

— ...Воняли сильно!

(Это — Капанид.)

— Пришлось богам потоп устроить и всех пеласгов утопить. Как крыс! Вонючих красноглазых крыс! А после потопа навоз остался, его на вашу улицу и занесло...

— И ты его на зафтрак ешь!

(Молодец, Ферсандр!)

— Ах, сучата!

— Бей!

Ну, наконец! Я кричу «Кабан!», Ферсандр вопит «Спарты!», Сфенел, ясное дело, «Уноси тепленького!».

Боевые кличи отцов и дедов. Их надо орать изо всех сил, до хрипа, до боли в ушах.

Кабан! Кабан! Кабан!!!

Когда по праздникам папа и дядя Полиник выпьют (дядя Полиник целую чашу, а папа — чуть-чуть), то всегда вспоминают одно и то же. Давным-давно, целых восемь лет назад, они оба приехали сюда, в Аргос. Ворота Лариссы, нашего акрополя, оказались заперты, а в калитку мог пройти только один. Там они и столкнулись. Тогда папа выхватил меч...

...Мелюзгу — в стороны. Их много, но дерутся не лучше девчонок. Разве что вопить горазды. И кусаться...

Вот тебе! Вот!

С ними просто. Сфенел — тараном — в центре. Я — справа, Ферсандр — слева. И — молоти от души!

Кабан!!!

...Папа тогда тоже кричал «Кабан!». На нем был шлем с кабаньей головой — старый, еще прадедушки Портаона. Сейчас этот шлем в оружейной лежит, на самом видном месте. А папа носит другой, с тремя гребнями и с дырками для глаз.

Эге, эти покрепче! Спина к спине — ученые. Да только спина к спине — это для обороны, а в бою надо наступать, наступать!.. И бить, бить, бить! Потом можно посчитать синяки, подергать шатающийся зуб...

Кабан!!!

...А у дяди Полиника на плечах была львиная шкура. (Как у моего дяди Геракла. Я, правда, не видел, но все говорят — большая шкура.) Вот потом и стали рассказывать, что возле ворот подрались Кабан со Львом. А дедушка Адраст решил их помирить и отдать за них своих дочек. Говорят, оракул велел.

А мой папа все равно победил бы дядю Полиника!

Ступени! Мы уже на ступенях. Мы победили!..

— Ну а со мной, этолийский ублюдок?

Толчок в грудь. Амфилох щерится, скалится щербатым ртом. (Говорят, ему передний зуб дядя Эгиалей выбил. Дядя Эгиалей молодец!)

Останавливаюсь — на миг, всего на один миг. Амфилох не должен драться, он взрослый. Он может драться, если бы с нами тоже были взрослые, хотя бы один.

— Что, хитон намочил? Ну, ударь меня, Диомедик, ударь! Ударь, Собака этолийская!

Дурная Собака — это обидно. А этолийская — еще хуже. За такое полагается обижаться. Обижаться — и морду бить!

Меня тянут за руку. Сфенел? Да, это он. Капанид помнит правило: взрослый не может тронуть маленького. Не может — если тот не начнет первый. А вот тогда...

Смех — презрительный, обидный. Алкмеон смотрит прямо на меня, дергает губой своей заячьей (во урод!), рука подбрасывает меч...

Р-раз!

— Плюнь на этого засранца, брат! Что он, что его отец!..

Чернота плещет в глаза. Они... Они не смеют говорить о папе!

Амфилох тоже смеется — еще гаже, еще обидней. Смеется, щерится.

— Эти этолийские недоноски только коз могут портить! Что, Диомедик, твой папочка небось всех козлов в Калидоне разом заменял? Потому и мамочка твоя не выдержала — сдохла?

Мама!!!

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

— Держите! Держите!

Кого держать?

Рука сама собой сжалась в кулак, дернулась — наугад, не глядя...

— Тидид!!!

Остановил не голос — глаза. Никогда у моего друга Сфенела Капанида не было такого взгляда.

— Тидид... Ты... Не надо!

И тут я опомнился. Опомнился, удивился. И сразу же захотелось спросить: «Почему?». И не одно «почему» — много.

Почему так болит рука? И палец?..

Почему Капанид держит меня — и не за локоть, не за плечо — за горло, боевым захватом, который нам обоим показал дядя Эгиалей? Почему Ферсандр... Ну, это я потом узнаю. Но вот почему Амфилох?..

— Ж-жив? Он ж-жив?

Странно, я никогда не слышал, чтобы зазнайка Алкмеон заикался! Я никогда не видел...

...Видел! Такое лицо было у соседского мальчика, которого в прошлом году взял к себе Гадес. Мальчика звали Эгиох...

— Т-ты! Этолийская сволочь! Ты убил его! Убил!

Кто убил? Кого? Я настолько удивляюсь, что даже забываю обидеться.

— Да позовите кого-нибудь, позовите! Эй, сюда! Отец! Папа-а-а!

АНТИСТРОФА-I

Я не понимаю. Я ничего не понимаю.

Когда они собираются вместе — папа, дядя Капаней и дядя Полиник, — горница (большая, на стенах рисунки — птички красные и желтые) сразу же становится маленькой. Дядя Полиник садится в левое кресло, папа — в правое, а дядя Капаней — на скамью. Обычно он смеется и говорит, что подходящее кресло для него еще не сработали. Но сегодня он не смеется.

Не смеется и дядя Эгиалей. Он — четвертый. Кресла ему не досталось, скамьи — тоже. Это неправильно! Дядя Эгиалей — сын дедушки Адраста. Мой дедушка — ванакт, а дядя — будущий ва-

накт. Когда он приходит, ему уступают лучшее кресло. И ковер стелют. Но сегодня он не сидит, а стоит. Стоит — и ходит, от двери к окошку, назад, снова к двери. И почему-то не обижается, что все сидят!

Я — пятый, тоже сижу. В уголке, прямо на старой шкуре. Волчьей. Она сыпется, ее, наверно, скоро выбросят...

Говорит папа. Нехотя, словно у него что-то болит. Говорит — ни на кого не смотрит.

— Его оскорбили. Я убивал за меньшее...

«Его» — это меня. Я молчу. Мне... страшно? Нет, не страшно. Но...

— Ты же знаешь Амфиарая, Ойнид! Отец с ним и так на ножах, — негромко бросает дядя Эгиалей, отворачиваясь к окошку.

Интересно, что он там увидел?

— Если его мальчишка умрет...

«Мальчишка» — это Амфилох. Он лежит дома. Он умирает. Это сказал дядя Эгиалей.

— Ну и Кербер с ним! — Отец встает, машет рукой: — Уедем отсюда к хароньей бабушке!

— Ойнид!

У дяди Капанея очень громкий голос. У дядя Капанея очень широкая ладонь. Широкая, тяжелая. Когда он кладет мне ее на плечо, я едва стою на ногах. Но папа — сильный. Ему ладонь дяди Капанея нипочем.

Правда, харонью бабушку он больше не поминает. А я и не знал, что у Харона есть бабушка. Старая, наверное.

— Та ладно вам! Ну, потрались...

Дядя Полиник всегда говорит очень тихо. Он всегда грустный. Я знаю, почему он грустный! Его выгнал из дому собственный брат. Он плохой. Его зовут Этеокл. А дядю Полиника его папа проклял (его папу Эдипом зовут, он тоже очень плохой — так все говорят). Но это ничего. Мой дедушка Ойней тоже проклял папу. И папа не огорчается. То есть не очень огорчается.

Дедушка Ойней плохой! Он даже не хочет пригласить меня в гости. И видеть не хочет!

Внезапно в горнице гремит гром. Почти как настоящий. Но я знаю — это не гром. Это дядя Капаней смеется.

— Подрались! Три ребра, рука и еще печенка. Шестилетний малец! Ну, ребята, я вам скажу! Прямо Геракл какой-то!

Когда дядя Капаней хохочет, горница становится совсем маленькой. Это потому, что дядя Капаней очень большой и высокий. И еще он очень шумный. Как гидра.

— Не сравнивай, — папино лицо почему-то дергается. — Не дай Зевс, чтобы мальчик стал таким же!

Я не понимаю. Я ничего не понимаю. Папа почему-то не любит говорить о Геракле. А ведь Геракл женился на папиной сестре. У взрослых это называется «зять». Папе он зять, мне — дядя. А папа не хочет о нем даже вспоминать!

— Если он умрет, вы уедете в Тиринф, — негромко говорит дядя Эгиалей. — Так решил отец. Но... Будем надеяться.

— Лучше бы твой мальчишка Амфиарая ударил! — смеется дядя Капаней. — Нет, ну надо же, а? Шестилетний! Четырнадцатилетнего оболтуса! Геракл бы точно сказал: «Маленьких обижают!» Помните, как он орал? Ма-а-аленьких обижаю-ю-ют!

Не знаю, громко ли кричал дядя Геракл, но уж не громче дяди Капанея. Все улыбаются — даже папа. Даже дядя Полиник. То есть не улыбается, но... почти.

— Парня учить надо, — роняет дядя Эгиалей. — По-настоящему учить. И не только войне. Есть тут одна задумка...

Учить? Я снова удивляюсь. Я и так учусь. Уже полгода я хожу в гимнасий, там все бегают, прыгают. Я даже на колеснице ездил! Не сам, конечно.

— Ладно, пойду. Если что... Попытаюсь уговорить отца.

Дядя Эгиалей подходит ко мне, кладет руку на плечо (как дядя Капаней папе!).

— Выше нос, Тидид. Выше, еще выше!

Он улыбается. Я краснею. Я удивляюсь. Почему-то я думал, что меня станут ругать. Сильно ругать. А меня никто не выругал. Даже папа! Мне даже показалось, что папа испугался. И не за Амфилоха — за меня.

А зачем за меня пугаться? Я ведь не болен!

— У него то же, что и у меня, ребята. Понимаете?

«У него» — это у меня. Дядя Эгиалей ушел, а меня, кажется, просто забыли выставить за дверь.

— Он говорит, что ничего не помнит. Что он видел реку. И — все...

Дядя Полиник кивает, дядя Капаней — тоже. И снова я ничего не понимаю. Неужели папа болен? Но он не болен, он очень сильный! Его только дядя Капаней побороть может. Он — и, конечно, дядя Геракл.

...Когда папа был таким, как дядя Эгиалей, на него напали враги. В Этолии, где он жил. Папа их всех убил. Он молодец! А дедушка Ойней на него почему-то обиделся. Обиделся — и проклял.

— Мне это стоило очень дорого. Очень!.. Я думал, все кончится на мне...

Почему папа говорит так, будто я болен? И почему никто с ним не спорит?

— Мы, ребята, становимся опасны. Понимаете? Просто опасны.

— Конечно, опасны! — гудит дядя Капаней. — Пусть только кто сунется!

— Я не о том, — отец морщится, зачем-то трет щеку. — Мы все — я, ты, Полиник, Адраст, Тезей, Геракл — потомки богов. Так?

— Та какой я фотомок! — откликается дядя Полиник. — Сетьмая вода на финоградном сусле...

— Все равно. Нас даже называют героями. А какие мы герои? В каждом поколении — безумцы, калеки, просто больные...

Я совсем не понимаю папу. Да, мы все — потомки богов. И Сфенел, и Ферсандр, и даже Алкмеон с Амфилохом. Это — хорошо. Мы — герои!

— Какое-то... ядовитое семя. Геракл... Нет, не Геракл. Иолай, его племянник, сказал, что мы опасны для богов. Ладно, для богов — мы для людей опасны! Я думал, хотя бы Диомед...

— Нато бы к оракулу, — неуверенно предлагает дядя Полиник. — Жаль, Асклефий умер!

— Да иди ты со своими оракулами! — басит дядя Капаней. — Ни приапа собачьего...

— Эй, здесь ребенок! (Это папа.)

— М-м-м... Ни пса они там не знают! Сидят у жертвенников, морды наели и каркают: «Воля богов! Воля богов!» Я бы всех этих пифий разложил бы на полянке и...

— Эй! (Это уже дядя Полиник.)

— М-м-м... И выпорол бы, чтобы людей не дурили. А все идолы бы в костер кинул! Какие они боги? Засранцы приапо...

— Капаней!!!

(Это они оба — и папа, и дядя Полиник.)

— А пусть слушает! Слышишь, Диомед? Боги — они не боги! Они что, мир создавали? Человека создавали? Пришли на готовенькое, расположились, как разбойники в чужом доме, и корми их! И деревяшкам кланяйся! А им все мало, проглотам. Овец мало — быков подавай! Быков мало — людей режь! Что, не так?

Глаза закрыты. Сейчас Зевс кинет молнию...

Сейчас!..

— А все потому, что мы их боимся. А чего их бояться?

— Потому что они сильнее!

Это папа. Я раскрываю глаза. Кажется, обошлось. Добрый Зевс не кинул молнию.

— Они сильнее. А если враг сильнее, ему надо платить дань. Что поделаешь...

И это папа?! Мой папа, который ничего не боится? На миг мне становится обидно за папу.

— Да не сильнее! — огромная ладонь дяди Капанея рассекает воздух. — Это мы — слабее. Вот Геракл. Взял Аполлона — и скрутил. И Таната скрутил! И Аида!

— Это сказки! — качает головой дядя Полиник. — Я его, Геракла, сфрашивал, когда он еще пыл... Ну, вы понимаете. С Аидом он не трался. Никто не может бороться с Гадесом.

— Потому что все мы — каждый за себя. А объединиться бы всем, таким, как ты, Ойнид. И я. И ты, Полиник. И даже Амфиарай. И Геракл. Да мы им!..

Молнии все нет. Кажется, Зевс простил дядю Капанея. Или просто не слышит? А может — испугался?

— Да ладно, чего скисли? — смеется дядя Капаней. — Все в порядке, только трусить не надо. А твой мальчишка, Ойнид, первым воином будет. Во всем Аргосе! Лучше тебя. И лучше меня!

Я снова краснею. Не каждый день такое услышишь. Сам дядя Капаней сказал!

И почему папа не рад?

— Как гофорит Эгиалей, латно, — дядя Полиник встает, почему-то смотрит на дверь. — Уедете в Тиринф — не страшно. Что Тиринф, что Аргос... А не офсудить ли нам, ребята, кое-что пофажнее? Фчера я получил фисьмо... письмо из Коринфа...

И меня выгоняют. Я снова удивляюсь — наверное, в сотый раз за этот вечер. Что они такого собрались обсуждать? Про дядю Амфиарая мне слушать можно, про оракулы можно. И про богов — тоже можно.

А про что нельзя?

* * *

Дядя Капаней часто ругает богов. И дядя Амфиарай тоже. Я, правда, не слыхал, и Сфенел не слыхал, но об этом все говорят. Только ругают по-разному. Дядя Капаней всех богов плохими словами называет, а дядя Амфиарай ругает Зевса. Из-за этого дядю Амфиарая никто не любит, хотя он Вещий. А дядю Капанея все любят — кроме дяди Амфиарая.

Почему так?

Папа не хочет мне объяснить. А маму я еще не спрашивал. Она так редко приходит! В следующий раз я ее обязательно спрошу.

Папа богов чтит. Не так, как дядя Полиник, но чтит. И я хожу в храмы. И жертвы приношу. И Сфенел тоже ходит, хотя его папа богов ругает. У нас в Аргосе полным-полно храмов! Только на нашей улице их четыре: храм Трубы (это мы его так называем, а вообще-то он храм Афины Победоносной), храм Тихи-Счастья, маленький храмик Арга и храм Елены.

Храм Елены — самый лучший. Елена — золотая. Она очень красивая.

Папа сказал, что он знает богиню Елену. Что богиня Елена живет в городе Спарте. Что там она еще красивее, чем в храме.

Папа еще сказал, что дядя Капаней знает богиню Елену лучше, чем он. Совсем хорошо знает. Я как-то спросил дядю Капанея об этом, а он взял меня за ухо и велел сказать, кто мне об этом сообщил. Но я папу не выдал! А дядя Капаней почему-то покраснел. А потом извинился (за мое ухо) и сказал, что это все неправда, будто он знает ее, Елену, «совсем хорошо». Он богиню Елену просто знает. Он был в Спарте и молился ей. В храме.

За ухо я не обиделся, но так и не понял, отчего это дядя Капаней краснеет?

А еще у нас на улице есть Медный Дом. Его так называют, но это не дом, а подвал. Над ним раньше Палаты Данаи стояли. Я там не был. И папа не был. Говорят, там очень темно и страшно. В этом подвале родился ванакт Персей. Потом его в море бросили, а он Медузу Горгону убил.

Медуза тоже у нас похоронена. Только не на улице Глубокой, а за Лариссой, возле агоры. В городе очень-очень много могил. Я думал, что так и надо, но папа сказал, что могилы есть только в Аргосе. Во всех городах тех, кто умер, относят в некрополь, за стены. И в Микенах, и в Фивах, и в папином Калидоне. У нас тоже есть Поле Камней, но многих оставляют в городе. У нас даже есть могила, где лежат целых сорок человек сразу. То есть не человек, а голов. Ее так и называют — Сорокаголовая. Там лежат головы сыновей басилея Египта[1]. А все остальное похоронено в Лерне, возле гидры.

Гидра живет в море. Некоторые говорят, что ее убил дядя Геракл, но у нас в городе все знают, что он убил маленькую гид-

[1] Египт (Эгипт) — брат Данаи, дядя Персея.

ру, а большая жива-здорова, и ее все боятся. Полидор, сын дяди Гиппомедонта, ее сам видел. Говорит, страшная.

Вот бы ее убить!

А богов все-таки ругать не надо. Вдруг услышат?

* * *

— Ты, Тидид, меня извини! Я... Я не хотел тебя обидеть...

Амфилох не умер. Он даже болел не сильно. Просто полежал неделю — и встал. И теперь мы снова стоим на ступеньках храма Трубы. Но не деремся.

Миримся.

— Твой папа очень хороший. И смелый. И мама... Она очень хорошая была. Извини!

Я думал, что извиняться придется мне, но Амфилох решил сам извиниться. А Алкмеон почему-то не пришел. И никто больше не пришел — только Амфилох.

— Просто вы все закричали. Ты про кабана, Ферсандр — про спартов...

— Ну мы же дрались! — удивился я. — Так полагается!

— Ругать врагов тоже полагается, Диомед. Чтобы разозлить, из себя вывести. Вот я и... Но я не должен был так говорить, извини!

И вдруг я начинаю понимать, что Амфилох говорит со мной как со взрослым. Как с совсем взрослым. Я хочу сказать: «Да ладно!», но вдруг понимаю, что надо ответить иначе.

— Ты меня тоже извини, Амфиарид. Я... Я не хотел. И насчет пеласгов, и насчет... Я просто реку увидел.

— Знаю.

Амфилох морщится, поглаживает бок. Я тут же вспоминаю — у него же ребро сломано! Правда, не три — одно, но все же.

Мне немножечко стыдно. Ребра ломать нельзя. Ведь мы же не враги. Мы — родичи, дядя Амфиарай — брат дедушки Адраста. Двоюродный, но все же брат.

— Знаю. Мне отец объяснил. У тебя это, как у Геракла. И как у твоего отца.

— А что у них такое?

Папа мне так и не объяснил. И дядя Полиник не объяснил.

Амфилох медлит, зачем-то оглядывается.

— А ты... А ты не обидешься?

Я задумываюсь, наконец качаю головой.

— Не обижусь. Ведь ты мне расскажешь, чтобы я знал, а не чтобы обижался.

Мы поднимаемся выше, садимся на неровные, теплые от солнца ступени. Амфилох не спешит.

— Понимаешь, Тидид, — наконец начинает он. — Человек... Он не виноват, если болен. А особенно, если болезнь послали боги.

Я киваю. Не виноват, конечно. Вот дядя Эмвел, брат дяди Эгиалея, так больным и родился. Но он очень хороший, его любят. Даже больше, чем дядю Капанея.

— Говорят, Геракла преследует Гера. Она насылает безумие. Ты слыхал, Геракл ведь детей своих убил? И племянников...

— Врешь!

«Врешь!» — это я просто так. Почему-то я верю Амфилоху. Но как же такое может быть?

— А сейчас он, говорят, совсем из ума выжил. Никого не узнает, с даймонами разговаривает...

«Я его, Геракла, сфрашивал, когда он еще пыл... Ну, вы понимаете».

«Не сравнивай. Не дай Зевес, чтобы мальчик стал таким же!»

Вот о чем говорили папа и дядя Полиник!

— Но... Но мой папа... Он не такой. Не такой! Не такой!

Это все неправда. Папа не убивает детей!

— А ты знаешь, за что его изгнали из Калидона?

Любопытство щекочет ноздри. А действительно, за что? Плохие родичи напали на моего папу, он защищался...

А как же дедушка Ойней? Почему?

Нет, не хочу. Лучше сам у папы спрошу!

— Изгнали — и изгнали. — Я отворачиваюсь, смотрю в сторону. — Ну, ладно, Амфиарид, мир?

— Мир!

Жмем руки — тоже по-взрослому.

— А своим пеласгам... то есть скажи своим, что на нашу улицу они могут приходить, но пусть сначала спрашивают. И в бабки пусть у храма не играют! А драться будем по правилам. Как полагается.

— Драться? — Голос Амфилоха звучит как-то странно. — А вот насчет драться...

— Он сказал, что со мной драться больше никто не будет. Никто! Родители запретили. И дедушка Адраст запретил. Если драка, я должен стоять в стороне — как взрослый, а иначе будет не по правилам.

Сфенел не отвечает. Сопит.

Думает.

— Выходит, мы победили, а, Тидид?

Не хочется огорчать друга, но...

— Так теперь же вы двое будете против всех!

— Верно...

Безопасность нашей любимой улицы под угрозой. Если со мной не станут драться, Алкмеон приведет своих пеласгов...

— Правда, мы с Амфилохом ну... помирились. Он сказал, что драться будут теперь на равных. Вас двое — их двое. Кто кого побьет — тот и победил.

Капанид снова думает.

— А если он не придет? С Алкмеоном ты не мирился?

С ним я не мирился. Старший сын дяди Амфиарая не пожелал жать руку какой-то мелюзге. У-у, Губа Заячья! Ну, тогда...

— Тогда я все равно драться буду. Если Алкмеон придет. Или если пеласги толпой нападут. У них свои правила — у нас свои. Правильно?

Капанид ухмыляется, кивает. Военный план готов, да только он пока бесполезен. Вот уже неделя, как на нашу улицу чужаки не приходят. А если и приходят, то по одному. И в бабки не играют.

А когда нас видят — разрешения просят.

— Я вот чего подумал, Тидид, — внезапно изрекает Сфенел. — Ты Амфилоха побил — и вы с ним помирились. И даже подружились!

Я с уважением смотрю на друга. Странно, о таком я даже не подумал. А ведь действительно: побил — и подружились.

А если бы я Алкмеона побил?

* * *

— Хорошо. Расскажу...

Папа долго молчит, наконец качает головой.

— Думал, потом. Ну ладно. Тебе все равно расскажут... У меня такое с детства. Только вижу я не реку, а огонь. Если разозлюсь — себя не помню. Говорят, я очень храбрый...

— Ты храбрый! — перебиваю я. — Ты самый храбрый, папа!

Его рука ерошит мои волосы.

— Может быть. Но когда начинается бой, я вижу только огонь. Словно дерусь не я, а... Даже не знаю кто. Мне нельзя сердиться, нельзя ни с кем ссориться. Ты видел, в гимнасии мы

боремся только с Капанеем. И на копьях, и на мечах. И просто так.

Да, действительно. По праздникам дедушка Адраст всегда устраивает агоны — соревнования. То за кубок, то за новую колесницу. А папа...

— Мы с Капанеем друзья, я не могу на него сердиться, понимаешь? Даже с Полиником... боюсь. А в Калидоне...

Сегодня папа согласился рассказать. Он не хотел, но я очень просил.

— У отца был двоюродный брат — Мелан. Он курет, из западной Этолии. Ты помнишь, я тебе говорил...

Это я помню. На папиной родине живут калидонцы и куреты. Одни на востоке, другие — на западе, в горах. Калидонцы еще ничего, а куреты — совсем дикие. В шкурах ходят.

Как волки.

— Мелан со своими сыновьями и братом Афареем хотели убить отца и захватить престол. Их было восемь человек, они напали на отца в храме Артемиды...

— И... И ты их убил?

Я замираю — от страха и одновременно восторга. Восемь человек! На одного моего папу!

— Убил, — в его голосе не слышно радости. И гордости не слышно. — Даже не помню, как это было. Плеснуло в глаза — все... А потом меня обвинили в нечестии. Будто бы в храме нельзя убивать.

— Но они же напали! — возмущаюсь я.

— Вот и я так думал, сынок. А получилось... Обвинил меня Алкатой, твой двоюродный дед, отцов брат. Теперь-то я понимаю — он тоже хотел править в Калидоне, наследовать отцу, ведь я — единственный сын. Он был хитрый, понял, что со мной. Понял, что мне нельзя сердиться. Обвинил при всех, на совете. Назвал нечестивцем, оскорбил...

— И ты...

— Его охраняли пять человек, — отец качает головой. — Думал за спины спрятаться. Не спрятался... Ну а убийство родича прямо на совете... Меня никто не решился очистить от скверны. И до сих пор не решается.

Я знаю. Папу так и зовут — Тидей Нечестивец. Или Непрощенный. За глаза, конечно. Шепотом.

— Но ведь ты не виноват, папа!

Его рука вновь гладит меня по голове.

— Кто знает, Диомед, кто знает... Поэтому я ни с кем стара-

юсь не ссориться. И вина почти не пью. Говорят, это наказание богов. Не знаю...

— Боги плохие! — решаю я. — Они злые. Дядя Капаней прав — с ними нужно драться. Собраться вместе — и...

Папа не отвечает. Молчит, молчит, молчит. Мне даже становится страшно.

— Нет... Нельзя. Бойся богов, Диомед! Бойся!

* * *

Сегодня я впервые пошел в гимнасий.

Впервые — после болезни. И Капанид пошел. И Ферсандр. Сначала мы бегали, потом метали диск, а потом дрались копьями.

Папа говорит, что копьем не дерутся, а «работают». Но мы все равно дрались. На нас были полотняные панцири и тяжелые шлемы, поэтому можно бить со всей силы.

Но на этот раз я со всей силы не бью. Только по мишени. У мишени нет ребер. Поэтому Сфенел сегодня меня побеждает.

Днем, когда солнышко совсем пригрело, в гимнасий зашли папа, дядя Капаней и дядя Эгиалей. Дядя Эгиалей и папа спорили, что лучше: лук или копье. Дядя Эгиалей сказал, что лук лучше. Только тетиву надо тянуть не от груди, а от уха.

Он показал. Он попал. Дядя Эгиалей лучше всех стреляет. Говорят, он учился луку у бога Эрота. Я его спросил, а он сказал, что учился у Эрота, но не этому. А папа сказал «Гм-м».

Зато папа лучший на копьях. Его никто не может победить. И он меня учит! Я тоже буду лучшим.

А дядя Капаней говорит, что лучше всего не копье, а дубина. И смеется.

А потом мы снова бегали, а дяди и папа спорили о железе. Я так и не понял, почему. Из железа делают украшения. У тети Эрефилы есть железное кольцо. А у тети Эвадны — браслет.

Папа сказал: «Вот бы мне сотню парней в железе!» Зачем ему столько мальчиков с украшениями?

Потом мы обедали, и папа сказал, что после обеда я не буду больше бегать, а пойду вместе с дядей Эгиалеем к дяде Эвмелу. Я спросил, пойдут ли с нами Сфенел и Ферсандр, а папа сказал, что нет.

Я очень огорчился. Сегодня я не смогу победить Капанида на копьях. Он мой друг, но я не хочу, чтобы меня побеждали!

* * *

У дяди Эгиалея длинные ноги, поэтому он быстро ходит. Я так быстро не умею, а он смеется и говорит: «Догоняй!»

Я догоняю.

Сначала я догонял его у могилы Форонея (который огонь людям принес), но не догнал. Потом мы пошли к Критериону, где стоит большое каменное кресло. На это кресло иногда садится мой дедушка и судит разбойников.

Я спешил. Но все равно не догнал!

Тогда мы пошли к воротам Лариссы, где живет дедушка Адраст, но подниматься не стали, а свернули к Аполлону Волчьему. Там я почти догнал дядю, но он все равно меня опередил и первым пришел к голове Медузы.

Эта голова — настоящая. Саму Медузу у агоры похоронили, а голову тут на память оставили, когда злой Персей ее убил. Медуза была хорошая. Она охраняла Аргос, а Персей был разбойником. Это он потом ванактом стал. И все равно его изгнали. За Медузу. Медуза, между прочим, — моя прапрапрабабушка (три раза «пра»!).

Про Персея и Медузу у нас каждый мальчишка знает. А те, кто приезжает, думают наоборот и удивляются.

Папа говорит, что у Персея все дети — разбойники. И внуки. И даже правнуки. Один Геракл хороший. А дядя Амфиарай говорит, что и Геракл плохой. Что ему надо было в колыбели умереть.

Я сам слышал!

Возле головы Медузы я догнал дядю, но оказалось, что мы уже пришли. Пришли, так как дом, где живет дядя Эвмел, стоит совсем рядом.

Я это совсем забыл, потому что редко здесь бываю. Тут чужие мальчишки. Они злые и никого не пускают. Их много, с ними даже втроем не справиться. Поэтому я хожу сюда только на дни рождения дяди Эвмела. Сам он к нам не приходит — не любит выходить из дому.

Дядя Эвмел — очень старый, ему, наверное, сто лет. У него белые брови и совсем нет волос на голове. Некоторые мальчишки его боятся, но я знаю: дядя Эвмел очень добрый и хороший. Только больной.

Говорят, он таким и родился. Он — младший брат дяди Эги-

алея. Только дяде Эгиалею двадцать пять лет, а дяде Эвмелу — сто.

Или сто двадцать.

— Ты мне его на обед привел, братишка? Давненько человечинки не пробовал!

Мне не страшно. Дядя Эвмел шутит. Он не ест людей. И мяса не ест. Только овощи — вареные.

Дом у дяди Эвмела очень большой. Даже не один дом, а два, сверху и снизу. Это называется «этажи». Раньше я бывал только в нижнем доме, а теперь мы сразу же поднялись в верхний. То есть не «в», а «на» — на этаж. Второй.

Поднялись — а там!..

— Ну, смотри, смотри!

Я стал смотреть. То есть вначале думал убежать, но потом мне стало стыдно. Я не должен убегать, даже если прямо за дверью сидит гидра.

Настоящая!

Одно хорошо — дохлая. И не вся, а только кости и кожа. И даже не кости, а что-то другое, но этого слова я не знаю.

Про кости мне потом дядя Эвмел рассказал. Когда гидру убили, с нее сняли шкуру, высушили и опилками набили. Это называется «чучело». А все равно — страшновато.

И если бы только гидра!

— Это маленькая гидра, Тидид. Гидреныш. Та, которую Геракл убил, была втрое больше. Но и она — не самая большая.

— Ты его не пугай! (Это дядя Эгиалей.)

— А я не боюсь! (Это я — очень громко.)

— А это зуб Кронова быка. Их уже нет — вымерли. Они до потопа жили. Большой зуб, правда? А это Сетов зверь из страны Кеми[1]. Не бойся, не кусается!

— А я не бо... Ой-й-й!

(Это я руку в пасть засунул. А там — зубы. И острые!)

— Хорош, а? А это...

«Этим» была заставлена вся горница. И на стенах висело, и на полу лежало. Кости, головы, щупальца сушеные, снова кости...

А гидра — все равно самая страшная!

— Дядя Эвмел, это ты гидру убил? Как дядя Геракл?

И что я такого смешного спросил?

---

[1] Кеми (Черная Земля) — Египет.

— Ну, братишка, оставляю тебе этого юного героя. На съедение.

Дядя Эгиалей уходит, а я остаюсь. И мне не страшно. То есть почти не страшно. Интересно, зачем он меня сюда привел? Гидру показать?

— Ну пойдем, Тидид!

Оказывается, эта горница — первая. А за ней — вторая. Еще больше первой.

Я думал, у дяди Эвмела во второй горнице тоже кости, а там оказались не кости, а камни. И дерево. И не просто камни, а идолы. Некоторых я узнал сразу. И Зевса, и Аполлона, и Гекату (у нее три лица, даже в темноте не спутаешь). А еще там были камни круглые и камни с ровными краями.

На один такой камень я сел. А дядя Эвмел сел на треножник. У треножника тонкие ноги, но дядя Эвмел очень худой, поэтому он не упадет.

— Ну вот, герой. Мы с твоим папой поговорили, и он согласился. Будешь учиться. Утром — в гимнасий, а после обеда — сюда.

Такие слова следует обдумать. Я думаю.

Долго.

— Дядя Эвмел, я ведь и так учусь. В гимнасии. И еще меня папа дома учит. И дядя Капаней.

— Учатся разному, Диомед.

Я снова думаю. Мама говорила...

— А я еще значки знаю. Которыми пишут. Не все, правда... Хочешь, дядя, покажу?

— Хочу.

Табличка, кисточка... Вечно я краской мажусь!

— Это — «алеф», это — «бейт», это — «гимель». Правильно?

— Правильно, Тидид! А откуда они взялись?

Он снова улыбается — хитро. Думает, не знаю.

— Эти значки сидонские. Сидон — это город такой за морем. А страна называется Финикия. Там эти значки придумали, а мы их себе взяли. Чтобы писать. В Сидоне еще пурпур делают. Из лягушек.

Почему дядя уже не улыбается? Я что-то не то сказал?

— А ты действительно молодец, парень! Эгиалей был прав. Ну пойдем.

Оказывается, за второй горницей есть еще третья!

В третьей горнице — снова камни. Но другие. Гладкие, с рисунками и значками. И доски — тоже гладкие и тоже с рисунками. И свитки — один на другом.

Наверное, дядя каждый день письма получает!

— Знаешь, что это?

«Что это» на столе. Большое, из бронзы. Круглое.

Щит?

Я уже хотел сказать про щит, но не стал. Щит слишком большой. И неровный. На нем что-то нарисовано. Даже не нарисовано — из бронзы вылито.

На щитах всякое рисуют. У моего папы на щите — звезды и луна. Папа называет луну Глаз Ночи. У дяди Капанея на щите — воин с факелом. А у дяди Полиника на щите богиня Афина и он сам. Его богиня за руку держит. Только у дяди Амфиарая на щите ничего нет. Черный — и все.

У меня тоже есть щит, но еще не настоящий — маленький. На нем кабан нарисован. Это папа так решил.

Только этот щит какой-то непонятный. Таких щитов не бывает! Может, это щит киклопа? Какой-нибудь киклоп потерял, пока нашу Лариссу строил?

Наклонился я, пальцами до бронзы дотронулся. Ага! Кажется, понял. Это вроде как гора, это — река.

А это — море. Вот и кораблик.

А это что? Тоже гора. И домик. А вот еще домик!

— Это наш мир, мальчик. Точнее, Номос.

СТРОФА-II

— А еще дядя Эвмел мне про богов рассказывать будет. И про героев. И про потоп расскажет. И про то, что до потопа было!

Сфенел морщится, хмурится...

(Точно как дядя Капаней! Только у Сфенела бороды нет, чтобы ее на пальцы накручивать. У дяди Капанея борода — черная. У папы тоже черная, но короткая. А у дяди Полиника — светлая, почти белая.)

— А папа говорит, что воину это все знать не надо. От такого жуки в голове заводятся.

Я осторожно трогаю голову — на всякий случай. В глубине души я почти согласен с Капанидом. Копье — понятно, и колесница — понятно. И как прятаться — тоже понятно. Без такого и

вправду не повоюешь. А боги-герои, да еще значки для письма в придачу...

— Так папа решил, — вздыхаю я. — Значит, нужно.

Сфенел оглядывается (незачем — пуста наша Глубокая, никого, только взрослые), шепчет баском:

— А мой папа сказал, что тебя хотят царем сделать. Ну, басилеем[1]. Потому и к дяде Эвмелу послали. Папа тебя жалеет, говорит, что басилеем быть плохо.

Тут уж и спорить не приходится. Дедушка Адраст даже не басилей — ванакт, а значит, всем царям — царь. Поэтому из дому, из дворца то есть, почти не выходит — все на троне сидит.

Думает.

И еще царю одному ходить не положено. И самому колесницей править — тоже. И еще его все ругают. Скукота! Дядя Капаней умный. Его дядя тоже басилеем был, а он взял и отказался. И правильно сделал.

И я откажусь!

— А мы в гости уезжаем, — внезапно сообщает Сфенел. — В Лерну, к дяде Гиппомедонту.

От зависти я не могу даже сказать «Ух ты!». Наконец вздыхаю...

— Ух ты! А когда?

— Послезавтра вроде.

Да, завидовать нехорошо. Тем более лучшему другу. И в особенности Капаниду. Это я понимаю, но...

Мне уже шесть лет, скоро совсем взрослым стану, а почти еще ничего не видел. В Тиринфе гостил однажды, в Трезенах — и все. Впрочем, в Трезенах не считается. Мне тогда всего два года было.

А все потому, что папа все время куда-то ездит. Ездит — а меня с собой не берет. Даже в Тиринф, хоть это и рядом совсем. А не берет он меня из-за кровников. Кровники — плохие, они могут зарезать из-за угла. Даже маленького мальчика. И девочку тоже.

На папу пять раз нападали, но он всех их убил!

— Ну, ты там это, Капанид, — я отворачиваюсь, делая вид, что смотрю на знакомую черепичную кровлю храма Трубы (ста-

---

[1] Басилей — обычно переводится как «царь». Правильнее — вождь, иногда — наместник. Может быть сравним со средневековым графом или герцогом.

рая черепица, под ногами лопается), — гидру увидишь, запомни какая. Хорошо?

Сфенел-то запомнит. А я?

* * *

— Ойнид, ну послушай меня! Хоть однажды в жизни послушай!

На этот раз точно — не сон.

Мама!

Кричать нельзя, о маме никто не должен знать. В моей спальне никого, значит, она в большой горнице за дверью...

— ОНИ что-то задумали. Семья... Это все так похоже на выдумки моего отца. ЕГО — и этого негодяя Психопомпа. Не набегался еще в Гадес! Собрать побольше, а еще лучше — всех вместе. Собрать — и в ножи. А еще лучше — натравить друг на друга!

Странно, я опять не слышу папу. Нет, слышу, надо только ухо к двери прижать...

Ой как плохо подслушивать! Но я немножко, совсем немножечко.

— Так что же, мне всю жизнь сидеть на чужих харчах? Кем мальчик вырастет — сыном изгнанника?

— Лучше сыном изгнанника, чем сиротой. Ты ведь знаешь — я не всегда смогу его защитить. Особенно от МОИХ.

У мамы такой голос... О чем это она? Меня защищать не нужно, со мной даже Алкмеон драться не хочет!

— Ну, ты прямо как Амфиарай! Заладил Вещий-Зловещий: «Боги не велят! Боги не велят!» Да какое им дело до Фив? Мы же не совались на Флегры![1]

— Ошибаешься, Ойнид, ошибаешься...

Ничего не понимаю! И не пытаюсь пока. Почему-то становится страшно. Словно я опять болен и вижу знакомого мальчика с мокрой повязкой на лбу.

— Уедем, Ойнид! Если хочешь — вообще из этого Номоса. Я уеду с тобой и с маленьким...

— Ты?!

Папа спрашивает так, что мне становится обидно. За маму.

— Ты думаешь, если я... — Ее голос становится тихим-тихим, еле слышным. — Если я... такая... Я никого не любила, Ти-

---

[1] На Флеграх была битва между богами и гигантами, в которой участвовал Геракл.

дей! Никого — только тебя. Я уже похоронила одного сына, нашего — не хочу. Я понимаю, что я некрасивая, Ойнид, я грубая, со мной тебе скучно. Не спорь, я знаю...

Дальше подслушивать нельзя!

Нельзя!

* * *

Элек натис энки да
Нори люко тане фо.
Эгис ране зала те
Ону вадис карину.

Мама поет колыбельную. Колыбельную эту я помню с детства. Помню — хоть и не понимаю ни единого слова. Она — на мамином языке.

Адо элек токани
Зайни геро умифо.
Тойно гале арита
Велу рато тане фо.

Раньше, когда я совсем маленький был, я под нее сразу засыпал. Тогда и мама приходила чаще. Теперь я засыпаю сам, сразу, особенно если набегаюсь, но...

Как хорошо, что мама рядом! И жаль, ни о чем ее не спросишь. Ведь я подслушивал. А подслушивать — плохо!

И все равно — мама самая красивая. И самая лучшая!

* * *

— Ну что, Диомед, собрался?

Я уже собрался. И собираться-то было нечего. Одежку — новый хитон и фарос — рабыни сами сложили, а все остальное...

Да зачем его брать — остальное?

— Ну, тогда пошли! И шляпу не забудь — от солнца.

Шляпа — широкополая, на самый нос налазит — и вправду нужна. Солнце горячее, наверное, там у себя наверху Гелиос весну с летом перепутал. Но это — ерунда, главное, мы едем!

В Лерну едем. Гидру смотреть.

Две повозки — одна с подарками, другая для слуг. И колесница — для папы. Я, конечно, должен ехать в повозке, но попрошусь к папе на колесницу. Хотя бы за городом. Ведь он обещал дать мне вожжи подержать!

— Отря-я-яд! Перебежками!.. Первая линия — копья вперед, вторая — подтянись! Луки-пращи-дротики!..

Это папа шутит. Значит — пора ехать. И еще значит, что у папы — очень хорошее настроение.

— Папа, а мы через Диркские ворота поедем?

— Через Диркские.

Через Диркские — это значит мимо провала Никострата, через который в Гадес попасть можно, мимо могилы Пеласга, того, что вначале изгнали, а потом обратно в Аргос пустили, мимо храма Деметры Печальной и храма Геры Анфии...

— А вожжи подержать дашь, папа?

— Вот за город выедем, подъедем к Ликон-горе, где храм Орфии...

Хейя-а-а!

Конечно, мы не за гидрой едем. Едем в гости. К дяде Гиппомедонту, тому, что в Лерне живет. То есть не в самой Лерне, а рядом, у моря. Так что зря я Капаниду завидовал. А едем потому, что дядя Гиппомедонт жертву должен принести в храме Афины Сантиды. Его дедушка этот храм построил и велел каждый год особые жертвы приносить. Вот дядя Гиппомедонт папу и позвал. И дядю Капанея позвал. И нас со Сфенелом.

Жалко только, он впервые об этой жертве вспомнил. Мог бы нас и в прошлом году пригласить. И в позапрошлом тоже!

Я называю дядю Гиппомедонта дядей, хотя он мне не дядя, а двоюродный дедушка, дедушке Адрасту брат — тоже двоюродный. Но он на дедушку не похож. Он еще не седой и не старый, поэтому он не дедушка, а дядя. А Полидор, его сын, мне вроде бы как брат. Троюродный. Иначе он мне дядей считаться должен, а какой Полидор дядя? Только на два года меня старше!

Правда, и дедушка Адраст еще не очень старый и не очень седой. У него только виски белые. Но он уж точно — дедушка.

А гидру я все равно посмотрю!

* * *

Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Коц-коц-коц...

Это не я, это колесница так стучит.

А когда камень под колесо попадет, то «бух-бух».

Колесницей править трудно. Даже если дорога ровная. А уж если под уклон... Правда, когда под уклон, папа сам вожжи берет.

— Спину ровнее, сынок. Ровнее! Не сжимайся — расслабься. И на дорогу смотри, на дорогу!

На дорогу смотреть трудно. И спину держать трудно. Вожжи тянут вперед, дергают, словно кони наши решили меня вниз скинуть...

(Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Коц-коц-коц... Бух!)

— А теперь — чуть дерни. Вверх-вниз! Вот так! Видишь, сразу быстрее пошли!

Куда уж быстрее? Мы и так стрелой мчимся, словно нас из лука дяди Эгиалея выпустили. Посмотреть бы, где повозки, наверное, еще за Ликон-гору не повернули...

Нельзя! Вперед смотреть надо! А в глазах уже все мелькает, мелькает...

(Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Коц-коц-коц...)

— Ну хватит! Меняемся. Ну что, сынок, тяжело?

Я только вздыхаю. Как это папа может целый день ехать? Да так, что кони устают, а он — нет?

— Папа, а это боевая колесница?

Папа смеется, треплет меня за волосы (а вожжи — в одной руке!).

— Нет, конечно. Обычная. Боевая — она тяжелая. Да и толку с нее мало.

— То есть как это? — поражаюсь я. — Воевать на колесницах надо!

Это я с детства знаю. Война — это когда царь (или лавагет, или, например, мой папа) садится на колесницу и едет искать врага. Враг тоже на колеснице, а вокруг — слуги с копьями. Они меж собой дерутся, а те, кто на колесницах, — между собой. На то и война.

— Колесницы — это древность, Диомед! Так еще до потопа сражались. Мы в Ахайе, честно говоря, и воевать-то толком не умеем. Да и что за войны? Там двух коров угнали, там амбар сожгли... Любой сотник из Баб-Или[1] или Кеми разнесет всех наших героев — даже если мы объединимся...

Странно, кажется, папино хорошее настроение куда-то делось. Из-за чего? Из-за какого сотника из Баб-Или?

...А я знаю, где этот Баб-Или! Мне дядя Эвмел на щите медном показал. Там все дяди бороды колечками завивают. И Кеми показал — а я запомнил. С первого раза! У них там все боги — со звериными головами, страшные!

(Бух-бух-бух! Сразу три камня попались!)

— Ты думаешь, сынок, чем воевать надо? Копьем? Мечом?

---

[1] Баб-Или (Врата Бога) — Вавилон.

— Или палицей, — подхватываю я, вспомнив дядю Капанея. — А еще — секирой, лабрисом...

(Лабрис — это топор такой, с двумя лезвиями. Критский. Я его тоже у дяди Эвмела видел. Даже в руках держал.)

— ...и еще луком, как дядя Эгиалей!

— Эх, ты! — Папина рука вновь ерошит мои волосы. — Головой воевать надо. Головой! Эх, если бы Адраст это понимал!..

Дедушка Адраст? А при чем здесь...

(Коц-коц-коц. Ток-ток-ток. Бух-бух-бух-бух!)

— Ну и дорога! Я бы здешнему басилею уши отрезал! Может, сынок, в повозку пересядешь?

Я соплю в ответ. Я что — маленький? То есть маленький, конечно. И в повозке не так трясет...

— Нет, папа, я с тобой до самой Лерны доеду.

(Бух! Бух! Ай!)

— Ну давай! А может, еще ходу прибавим?

Хорошо, что папа шутит! А интересно, почему это он о войне заговорил? Папа не любит о войне разговаривать!

* * *

— Славную петь начинаю Сантиду-Афину,
С хитро искусным умом, светлоокую, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион...

Жрец думает, что его слушают. А его никто не слушает. Даже разговаривают. И папа разговаривает, и дядя Гиппомедонт, и дядя Капаней, и дядя Полиник...

...Он тоже к дяде Гиппомедонту приехал. И Ферсандра привез. И не только он — дядя Мекистий тоже здесь. И Эвриал, его сын, тоже приехал.

Дядя Мекистий очень похож на дядю Эгиалея. Такой же длинноногий. А Эвриал — коричневый. Это он в маму. Его мама — коричневая. Ее из-за моря привезли.

Правда, папа говорит, что не «коричневая», а «смуглая». А по-моему, все равно — коричневая.

— Микены? С Эврисфеем лучше не разговаривать...

— Атрей, лис старый, не захочет...

— Через Кофрея. Он там фсем крутит, таром что глашатай!..

— ...Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных...

Интересно, Сантида не обидится? Наверное, нет, ведь жертву ей принесли, и еще какую! Быка, телку, трех баранов. И вина — пифос целый. До сих пор запах стоит.

...Дядя Мекистий тоже брат дедушки (не двоюродный — родной). И тоже не старый. А его сыну всего шесть лет. Как и мне. Только я не коричневый.

— Я поеду, Полиник. Не удастся через Копрея, попытаюсь через Фиеста.

— Ты, Ойнид, острожнее. Фиест такая сволочь!

— Зато продажная!

— Тише, о богоравные басилеи!

— Сам ты богоравный басилей!

— ...Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула наземь она из главы его вечной,
Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
Заколебался великий Олимп, застонали ужасно...

А храм здесь тесный. Правда, и народу полно. Папа, дяди, их тети... Все приехали. Только мамы нет!

...Да еще мы — Капанид, Ферсандр, Эвриал, Полидор. Ну и я, конечно.

И еще жрецы. И слуги. И еще кто-то...

И все равно храм тесный! И стены давно не красили. И в потолке — дырка. И как только Сантида не обижается? Я бы обиделся!

— Партенопей согласен. Остается Амфиарай. Без него Адраст не решится.

— Трус этот Вещий!

— Тише, тише, Капаней! Он не трус, он просто ждет, пока Адраст к Гадесу...

— Эй, не поминайте! С Амфиараем, ребята, мы вот что сделаем...

— ...Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней...

Жаль, нам, маленьким, разговаривать нельзя! Ничего, с Полидором мы уже договорились. Пир начнется, по первой выпьют, флейтисток позовут, нас выгонят...

И Полидор нам гидру покажет!

Полидор очень толстый — как и дядя Гиппомедонт. Зато у него есть серебряный обруч. Он его в волосах носит. Такой обруч есть и у дедушки Адраста. Но не серебряный — золотой.

Потому что дедушка — ванакт!

— Тумаешь, она согласится?

— Эрифила? Да она за твое, Полиник, ожерелье сама ножки разведет. Каждому по очереди...

— Тише! Дети тут! Эрифила-то согласится, но нам же не ножки нужны. Ножки ее, хе-хе, как у сороконожки...

— Мекистий!

— Да ну вас, завели! Ладно, так и сделаем. Как говорит в Аиде мой прадедушка Тантал: «Попытка — не пытка».

— Эй, богоравные, давайте-ка споем! Зря, что ли, жертву приносили? Сейчас, когда он про «радуйся» начнет.

— Капаней, пасть на ширину колчана!

— И-и-и раз!

— Р-р-радуйся мно-о-ого, о до-о-очерь эгидодержавного Зевса-а-а-а-а!!!

Ой, мои уши! Сейчас оглохну. И жрец оглохнет. И тети оглохнут!

— Ныне ж те-е-ебя помяну-у-ув, к тр-р-ра-а-а-апезе мы-ы-ы пр-р-риступа-а-а-а-а-а-аем!!!

Ну вот, и жрец не выдержал — за голову схватился. А крыша? Не развалилась? Не иначе, сама Сантида поддержала!

Смеются — все смеются. Мой папа, дядя Капаней (ух, раскраснелся!), дядя Полиник, дядя Мекистий... И мы смеемся. И даже жрец.

А может, мой папа — еще маленький? И остальные — тоже?

Ну ладно. Пора и к трапезе (к тр-р-ра-а-а-апезе!!!) приступать.

Проголодался!

* * *

Флейтисток не звали и не пили даже.

Зато нас выгнали — почти сразу. Вот только барана доели. У дяди Гиппомедонта самые толстые бараны в Ахайе. И сам он самый толстый.

(Это я шучу. Дядя Гиппомедонт — хороший.)

В общем, выгнали. Выгнали — и даже двери заперли. И всех теть выгнали. То есть не выгнали — их тетя Клея, дядина жена, ковры смотреть пригласила.

И хорошо. А мы пошли гидру искать!

Дом дяди Гиппомедонта на холме стоит. Почти рядом с храмом Сантиды. С холма даже море видно. Море — направо, а прямо — болото. Алкиония называется. Вот мы туда и пошли.

Про Алкионию нам Полидор рассказал. Он тут все знает. И я бы знал, если б вырос здесь. А интересно! Если к морю идти — прямо на могилу попадешь. Безголовую. Там сыновья басилея Египта лежат — те, чьи головы у нас в Аргосе похоронены. Стоило так далеко головы везти! А еще тут рек много — и Фрикс, и Понтин, и... В общем, еще две, я их и не запомнил. Правда, мелкие все. Как ручейки.

Полидор сказал, что надо поспешить, потому что скоро стемнеет. Сказал — а сам спешить не может. Толстый потому что. И щеки у него большие. Большие — и шевелятся. За обедом, наверное, не докушал.

С холма идти легко. Даже если не по тропинке. А за холмом лес. Правда, Полидор сказал, что это не лес, а роща. И растут там платаны. Священные. И в этой роще громко разговаривать нельзя. Мы и не разговаривали. Мы просто шли. А потом нас Полидор на полянку вывел. На полянке тоже платан — один. Очень-очень высокий. А за поляной — дырка в земле.

Темная.

Мы хотели дальше пойти, но Полидор сказал, что мы должны тут остановиться. Потому что это не просто платан, а Тот Самый.

Тот Самый!

Под этим платаном дядя Геракл...

Ух ты-ы-ы!

Долго мы платан этот смотрели. Оказывается, под ним гидра лежала, а дядя Геракл с дядей Ификлом и Иолаем-племянником подкрались... А гидра в пещеру убежала.

А они за ней!

Мы и в пещеру слазили, но тут же обратно вылезли. Темно! И гидры там давно нет. Ее дядя Геракл убил.

Пока мы платан и пещеру смотрели, солнце уже вниз пошло. За холмы. И Полидор сказал, что нам поспешить нужно. Потому что тут живых гидр нет, они только в болоте живут. В Алкионии.

Алкиония — за лесом. Тут, оказывается, два болота есть. Алкиония — Дионисово болото. Он, Дионис, через него в Гадес спускается. Там какой-то «дромос» есть. А еще дальше за Зимним ручьем (Хеймарром — по-здешнему) — Аидово болото. Там тоже «дромос», но уже самого Аида-Гадеса Подземного. Полидор сказал, что туда лучше не ходить. Особенно вечером.

Что ходить не надо — это понятно. А вот «дромос»...

(Полидор признался, что про «дромос» ему папа рассказал. Рассказал — и велел никому не передавать. Это — тайна.)

Мы с Капанидом ничего не сказали, но подумали. Если бы нам папы молчать велели, мы ни за что бы не проболтались. А Эвриал сказал, что «дромос» — это вход в гробницу. Он такое в Микенах видел. И у нас в Аргосе тоже. Когда его тетю хоронили.

Ну, тогда все понятно! Гадес — это гробница и есть. Для всех сразу. И нам сразу же дальше идти расхотелось.

Но — пошли!

— Только тихо! Пригнитесь!

Это — Полидор. Приказы отдает.

— Дальше не ходите — ноги промочите. Все! Ждем!

«Дальше» — это уже в болото. Мы на краю. Здесь мокро, под сандалиями чавкает. И воняет — в смысле, плохо пахнет.

— А когда?..

(Это Эвриал — который коричневый.)

— Тихо, говорю! Скоро. Сейчас!

И действительно...

— Ой! (Ферсандр, кажется. А может, и Эвриал.)

— Где?!! (Это мы все.)

— Тихо! Да вот же! Гидра!

Гидра?! Маленькая черная змейка... А вот и еще одна! И еще!

— Это что — гидра?

— Вот мелюзга глупая! Конечно, гидра! Они все такие.

Мы так огорчены, что даже не обижаемся на «мелюзгу». И это — гидры? Да это же просто змеи, у нас их возле Аргоса в каждом болоте навалом! Мелюзга, в общем.

Да как же так?

Смотреть дальше не захотелось. Тогда Полидор сказал, что пора назад идти. Мы и пошли.

Только сначала Полидор отдышался — он ведь толстый. Отдышался — и рассказал, что гидры тут, в Алкионии, водятся.

Маленькие.

Оказывается, гидры — почти как змеи. Только змеи расти не умеют. А гидры умеют. Но они не всегда растут, а только если в море попадают. А в море они попадают, когда сильные дожди бывают и болото разливается — до речки Фрикс. А речка в море впадает. Какие гидры до моря доплывают, те и растут.

А та гидра, что дядя Геракл убил, из моря выползла. Она по ночам ползала и овец кушала. И коз, и людей — кого встретит. Вот дядя Геракл ее и убил.

Значит, большие гидры все-таки есть?

Полидор сказал, что есть. В море. Если по берегу Фрикса идти, то как раз к морю выйдешь. А там — скала, на конскую голову похожая. Вот к той скале гидры и выплывают. Ночью. Иногда.

Они-то выплывают, но мы туда не пойдем. А не пойдем, потому что поздно. Поздно — и дядя Гиппомедонт запрещает. И вообще, к той скале ночью ходить нельзя.

И днем — тоже.

* * *

Тихо. Темно. За дверями — тоже тихо...

— Ну чего, Капанид, сбегаем?

Молчит, сопит.

Думает.

— Угу...

Это здесь тихо, а в зале до сих пор пируют. Но пируют как-то не так. И вина туда не носят, и флейтисток нет... И дядя Капаней не поет. Если бы пел — слышно было бы. До самой Лерны слышно!

— А тебе страшно?

Ну, как на такое отвечать, всем понятно!

— Да ни капельки!

— А Ферсандра возьмем?

Тут уж думать приходится вдвоем. Ферсандр — друг, но без папиного (в смысле, дяди Полиника) разрешения он и шагу не сделает.

— А мы... Мы только посмотрим. А если чего увидим — и его позовем.

— А дорогу ты помнишь?

Дорогу-то и я помню — вниз с холма, через священную рощу (это где платан Гидры) — а там вдоль берега Фрикса. До моря. Но странное дело, мне что-то не хочется идти. Живот, что ли, заболел?

— Ну пошли, Тидид?

Ой, заболел. Бурчит! Но... Делать нечего — сам напросился.

— Пошли!

В сенях — темно. И во дворе темно. У сарая...

— Тихо!..

У сарая кто-то охает. И ахает. В два голоса.

— Гы! (Это, понятно, Сфенел.)

Я тоже понимаю, что «гы». Наверное, рабыня с каким-нибудь пастухом. Видел я такое! Наши рабыни тоже...

Фу, противно! И еще попы голые!

Ворота открыты, тропинка сама стелется под ноги...

— Побежали!

Ветер в ушах — прохладный, пахнущий близким морем. Бежать легко, тропинка ведет вниз, под гору, луна уже взошла...

Хорошо!

Вниз, вниз, мимо вековых платанов, мимо полуразрушенных алтарей, где уже давно не приносят жертвы, мимо темной пещеры, мимо старых уродливых камней, которые кто-то вкопал прямо в землю...

Дальше, дальше!

Бежать легко, мы оба хорошо бегаем, только ветер свистит, только Селена-луна с небес смотрит...

...Почему мне вдруг кажется, что лучше уже не будет? Что добрые боги послали эту ночь...

Странная мысль уносится ночным ветром — прочь, прочь, прочь. Все хорошо, все отлично, а дальше будет еще лучше...

Вниз, вниз, вниз...

* * *

Скала и вправду походила на коня. Огромного, с большой тяжелой гривой. И сам конь — огромный. Стоит себе на дне, только голову из моря выставил.

А на море — огоньки.

Всюду — на волнах, на мокрых камешках и даже в глубине, где зеленые нереиды живут...

Ух ты!

То есть это потом «ух ты», а вначале даже страшно стало. Моря-то я почти не видел. Зато слыхал! В море опасно. Там живет страшный Поседайон, он еще и землю трясет, и в коня обращается... А скала-то — голова конская. Вот сейчас ка-а-ак двинется, ка-а-ак заржет! Ой, лучше не думать! А то меня Капанид за труса примет!

— Сели?

— Сели!

Ждем.

Ждем — а огоньков все больше, светятся, дрожат...

— А чего они флейтисток не позвали?

(Это я так, чтобы не молчать.)

Сопит Сфенел. Думает.

— Это потому, что мамы наши тут. То есть не наши... Ты, Тидид, извини...

Жаль, что я не могу рассказать Капаниду о маме. Он считает, что моя мама на Каменном Поле. Но я ему обязательно расскажу! Когда мама разрешит.

— И не потому, — возражаю я. — Помнишь, день рождения дяди Полиника был? Тогда все пришли, но флейтисток все равно позвали. Только их к столам не подпускали. И танцовщиц тоже позвали...

А на море — волны. И огоньки, огоньки...

...И черный конь. Вот сейчас заржет, подпрыгнет, ударит копытами прямо по белым барашкам, по огонькам!..

— А я знаю, почему, — вдруг заявляет Сфенел. — Они о войне говорят. Война будет, Тидид!

Да, будет. Я хоть и маленький еще, а понял. Недаром папа о войне заговорил!

— Они с Фивами воевать хотят. Чтобы дядя Полиник басилеем стал. А потом — с Калидоном. Чтобы твой дедушка твоего папу простил.

Почему мне вдруг не хочется, чтобы папа шел на войну? И чтобы дядя Капаней шел? И все остальные? Ведь война — это победа, это добыча, это — слава! А мой папа — самый сильный!

— Смотри!

Все забыто. Гидра! Перед самой скалой! Темная, горбатая, толстая...

— Да это же лодка! Рыбаки!

Фу ты!

Действительно лодка. Даже голоса слышны. Плеснули по

воде весла (а на них — тоже огоньки!), и снова — тихо. Только волны.

— А кого на войну возьмут?

Нас — не возьмут, это понятно. А дядю Эгиалея? А Алкмеона? Ведь у него губа заячья!

Капанид снова начинает сопеть. Молчит.

— Мама плачет, — наконец вздыхает он. — А папа то кричит на нее, то целует. Мама говорит, что боится. Что ей сны плохие снятся.

Хочу сказать что-то ободряющее — и не могу. Моя мама...

«Лучше сыном изгнанника, чем сиротой...»

— Они победят! — говорю я упрямо. — Они всех побьют! Правда, Капанид?

— Угу...

Не нравится мне это его «угу». Ну никак не нравится!

— А дядя Амфиарай... — вновь начинает Сфенел.

— Тихо!

Это я. Шепчу. Шепчу потому, что темное...

...Гибкое, узкое, длинное! Прямо под самой скалой. И луна блестит. Прямо на этом самом!

— Видишь?

— Вижу!

А это самое уже не под скалой — плывет прямо к берегу. Быстро, бесшумно. По гребням волн, между огоньков...

— Сюда! Сюда плывет!

Ответить я не решаюсь. Это самое совсем близко. Уже и кожу разглядеть можно — гладкая, словно липкая. И плавник. То есть не плавник, а вроде как гребень...

— А вдруг она на берег...

— Да тише ты! Услышит!

Почему-то вдруг вспоминается, что наш храм, храм Трубы, назван в честь трубы, которая поход играет. И наступление, и если назад бежать надо (быстро-быстро!), тоже играет...

А вдруг это не гидра? Может, просто рыба такая? Вроде угря?

Плеск. Что-то тяжелое падает на песок. Нет, не падает! Прыгает! Прыгает, бьет тугими кольцами...

— Мама-а-а-а!

Только на миг я увидел? Или не увидел? Почудилось?

...Пасть — огромная, зубастая, с клочьями тины между клыков. И не только тины! Глаза...

— Ма-а-ама-а-а-а-а-а!

Орем оба — ни о чем не думая, ничего не соображая. А страшная голова — громадная, как конь, как целый бык, — уже совсем рядом, упругие кольца скребут по песку...

— Ходу! Ходу-у-у!

...Песок на зубах. Хорошо, что Сфенел подхватил, рывком поставил на ноги... Сильный он! Почти как дядя Капаней. Почти как мой папа!

...А сзади — шипение. Или это ветер в ушах?

Почему так трудно бежать? Нога? Да, кажется, лодыжка. Ничего, добегу! Наверное, уже можно остановиться, передохнуть...

А вдруг ОНА все еще сзади? Все еще ползет?

А вдали — или тоже чудится? — конское ржание. И будто бы — топот копыт...

Мы никому не расскажем! Даже папе, даже дяде Капанею. Даже Ферсандру. Мы лучше сначала вырастем, станем сильными, как наши папы, и гидру убьем. Убьем — а потом все расскажем. Все-все! Но про коня я рассказывать не буду, даже когда вырасту. Потому что бог Посейдон может обидеться. А богов надо бояться.

Так папа сказал!

А когда мы вернулись домой, началась война.

АНТИСТРОФА-II

Папа говорил, что, когда война близко, из Тартара вылезает злая Кера. Она не богиня, она хуже. Кера всюду летает и всех ссорит, чтобы дрались лучше. А затем с Олимпа идет Арей.

Вот тогда все драться и начинают!

Керу я не видел. Наверное, она летала, пока мы из Лерны возвращались. Зато уехал папа. Он не сказал, куда, но Капанид узнал от своего папы, что он уехал в Микены, к ванакту Эврисфею. Он попросит большое войско. А чем больше войско, тем лучше.

И еще папа велел мне переселиться к Сфенелу. Это тетя Эвадна предложила, Сфенелова мама. Она говорит, что ребенка и покормить некому. Ребенок — это я. То есть я уже не ребенок, но

тетя Эвадна так думает. Она очень добрая, но у нее глаза больные. С тех пор, как война началась.

А дядя Капаней смеяться перестал. Он домой поздно приходит, потому что войско гонять надо. И не просто гонять, а как Дионисовых козлов. Это дядя Капаней так сказал.

И еще у нас на улице плачут. И на соседней плачут. И не маленькие, а взрослые тети.

Мне тоже почему-то хочется плакать. Но я не плачу.

В доме дяди Капанея много интересного. Дядя Капаней прапраправнук (на самом деле там «пра» еще больше, но я не запомнил) царя Анаксагора. А царь Анаксагор правил Аргосом сразу же после потопа. И Микенами правил. И Коринфом. Поэтому у дяди Капанея на стене висит большой щит — потрескавшийся, старый. И еще — жезл из золота. Но жезл не висит на стене, а лежит возле алтаря.

А тетя Эвадна сказала, что лучше бы все это сквозь землю провалилось. Прямо в Гадес.

* * *

Дядю Эгиалея не берут на войну. Он это сам сказал, когда в гости зашел. Дядя Эгиалей будет городом править вместо дедушки Адраста. Потому что дедушка Адраст сам войско возглавит.

Дядя Эгиалей грустный. Это потому, что его на войну не берут. И еще он говорит, что пусть лучше войско ведет один козел, чем десять львов. Дядя, наверное, шутит, но почему-то не улыбается.

А дядя Капаней сказал, что папа скоро вернется. Что папе ванакт Эврисфей обещал большое войско. Папа — молодец!

А мамы все нет. Мне без нее очень скучно.

* * *

— Уже начали?

— Нет, они дядю Амфиарая ждут...

Сфенел хмурится, морщит лоб. Прямо как дядя Капаней. Это значит, что он волнуется. Я лоб не морщу, но тоже волнуюсь.

— Без него начинать нельзя, он — лавагет. Вот они и ждут...

Они — это наши папы. Дядя Капаней, дядя Полиник, дядя Гиппомедонт, дядя Мекистий. И дядя Патренопей, который в

Тиринфе живет. Его я в первый раз вижу, потому что он в Аргос редко приезжает. А вот сегодня приехал. И еще тут Этеокл. Это — не брат дяди Полиника, это его родич. Он из Беотии на большой колеснице прикатил.

И дедушка Адраст здесь. На нем сегодня красный фарос. То есть не красный, а пурпурный. И еще золотой венец.

И на папе тоже — венец, но серебряный. Я даже не знал, что у папы такой есть. Папа сказал, что это венец из Калидона. Папа — сын дедушки Ойнея, а значит — калидонский наследник. Хотя дедушка Ойней его и не любит.

Наши папы впереди. Мы — сзади. Тут все, даже Алкмеон с Амфилохом, даже близнецы дяди Полиника. Они маленькие, хотят спать, но их не отпускают.

Потому что сегодня будет клятва.

Тут мы не бываем. Это не наша улица. Здесь — пеласги.

«Здесь» — это у жертвенника Дождевику.

Это мы его так зовем, а на самом деле его называют не Дождевик, а Зевс Листий. Этот жертвенник — особый. Если на нем что-то попросить, то Зевс обязательно услышит. Или поклясться — он тоже услышит.

Папа приехал сегодня утром, но даже к дяде Капанею не зашел, а сразу поехал в Лариссу к дедушке. А потом вернулся, поцеловал меня и пошел говорить с дядей Капанеем.

А вечером мы все пошли клясться.

Мы молчим. И все молчат. Уже темно, поэтому принесли факелы. У дедушки Адраста темное лицо. Наверное, это из-за факелов. А может, не из-за факелов, а из-за дяди Амфиарая.

Ферсандр рассказал, что дядя Амфиарай очень громко ругался. Он не хочет воевать. Он всех пугает богами. Но дядя Полиник сказал, что дядя Амфиарай все равно приедет.

Дядя Полиник улыбается. Это потому, что он скоро дома будет. Ему войско ворота откроет, и он снова в Фивах сможет жить.

Только почему-то никто больше не улыбается.

Мы все ждем, уже темно, Адраст (не дедушка, а сын дяди Полиника) плачет — домой хочет. А его братик спит. Я тоже хочу спать, но я уже большой, и я потерплю.

— Слышите? (Это Эвриал, который коричневый.) Колесница!

— Ага! (Это мы все — вразнобой.)

Колесница — это дядя Амфиарай едет. Значит, сейчас начнут. Мне очень интересно, и всем интересно.

А тетя Эвадна почему-то плачет.

На дяде Амфиарае — черный плащ. У дяди Амфиарая — черное лицо. Из-за факелов, наверное.

И еще он никому не говорит: «Радуйся!» Даже дедушке Адрасту.

А вот уже и огонь горит! Дрова сухие, дождей давно не было...

...Хотя Зевс и Дождевик!

Странный огонь — какой-то темный, как лицо дяди Амфиарая, как этот вечер. Темный, низкий, холодный. То есть это мне кажется, что он холодный, потому что мне почему-то холодно. И Капаниду тоже холодно — иначе бы зубами не стучал.

— Мечи!

Это дедушка Адраст. Сейчас они вынут мечи...

Вынули.

Все сразу — красиво!

А пламя горит, оно все выше — и все темнее. Или это вокруг темнеет? Надо спросить у Сфенела, но сейчас нельзя, сейчас будет клятва...

Начали!

— Я, Адраст, сын Талая...
— Я, Амфиарай, сын Оикла...
— Я, Гиппомедонт, сын Сфера...
— Я, Тидей, сын Энея...

Папа волнуется, потому и говорит «Энея», а не «Ойнея». Это он по-этолийски.

— Я, Мекистий, сын Талая...
— Я, Партенопей, сын Талая...
— Я, Этеокл, сын Пройта...

Я знаю, о чем они будут клясться. Они будут клясться, что вернут дядю Полиника домой в Фивы. Вернут — или погибнут. Но они не погибнут. Ведь там же папа, а папа — самый сильный, самый смелый! И дядя Капаней сильный! И все остальные.

Но почему мне все кажется, что огонь на жертвеннике темный? Нет, он уже черный! Черный, ледяной...

— На этом камне, пред ликом владыки нашего Зевса Величайшего, Повелителя Ясного Неба, царя богов и царя мира, мы, Семеро, клянемся честью, кровью и жизнью своей...

Почему мне так холодно? Почему?..

* * *

— Это ловушка, Ойнид! Теперь я точно знаю. Это все отец. Он, Психопомп и Тюрайос![1] Моя Семья... Семейка... Они даже название придумали — «Гекатомба»[2]. Понимаешь? Отец говорит, что, если получится сейчас, в следующий раз он соберет всех — чтобы никто не ушел... Не ходи с ними, Тидей! Не ходи! Даже я тебе помочь не смогу. Понимаешь, даже я!

Мне опять снится мама. Но сегодня — очень плохой сон. Плохой — и страшный. Мама плачет. Мама кричит. А ведь мама никогда не кричит!

Поэтому сон — очень плохой.

— Я могу всех убить, Ойнид! Всех! Думаешь, только у отца есть молнии? Я могу сделать так, что от Фив останется черная плешь. Черная, блестящая... Но я никого не смогу спасти. Даже тебя. И никто не сможет! Понимаешь?

Если бы я мог, я закричал. Если бы я мог, я бросился бы к маме. Мама не должна плакать! Почему папа не сделает так, чтобы мама не плакала?

Хорошо, что это — сон!

* * *

Мне больно. Тетя Эвадна слишком сильно сжимает мою руку. Сфенелу тоже больно, он морщится, но молчит. И я молчу.

Тетя Эвадна волнуется. Она очень сильно волнуется, потому и руки нам сильно жмет.

Они уходят.

Дедушка Адраст уже за городом, и дядя Полиник уже за городом, и колесницы. Много колесниц! А сейчас уедет папа. И дядя Капаней уедет.

---

[1] Тюрайос — Аполлон.

[2] Гекатомба — жертва ста голов, обычно имелось в виду — скота.

И все уедут.

Мы стоим у дверей и смотрим на улицу. Когда появятся их колесницы, мы сразу увидим. Они должны из-за угла выехать, там, где храм Золотой Елены — той, которую дядя Капаней хорошо знает.

На тете Эвадне — яркое покрывало. Она говорит, что яркий цвет отпугивает Керу. Примета такая.

Мы ждем. Сейчас они заедут сказать «до свидания». Папа хочет, чтобы мы не ходили за город. Это — тоже примета.

Вот колесница... Две... Три...

А почему три?

Ага, в первой — дядя Капаней, у него на щите — воин с факелом, во второй — папа (с Глазом Ночи на щите)...

...Да я их издалека и без щитов узнаю! Папа ниже, зато в плечах очень широкий. И еще на папе шлем — с тремя гребнями и с дырками для глаз. А дядя Капаней высокий и чуть-чуть сутулится...

А в третьей колеснице... Черный щит, четырехугольный, как башня... Дядя Амфиарай?

Вещий!

— Мама, а почему?..

Сфенел тоже удивляется, но тетя Эвадна только качает головой — отвечать не хочет. Сегодня она очень красивая! Только глаза больные.

Первая колесница остановилась, вторая...

— Давайте, только скорее!

Это дядя Амфиарай. У него недовольный голос. Дядя Амфиарай не хочет идти на войну. Он всем говорит, что Зевс плохой и не даст нам победу. Это потому, что дядя Зевса не любит! Но на войну пойдет — его тетя Эрифила заставила.

(Про тетю Эрифилу мне Ферсандр сказал. А ему — его папа.)

Тетя Эвадна отпускает мою руку. Но я стою на месте. Жду. Бежать к папе нельзя, потому что он с дядей Амфиараем. А при нем я должен вести себя как взрослый.

— Веди их сюда!

Это опять дядя Амфиарай. Он хмурится и трет рукой бороду. Мне... страшно?

Ну, не то чтобы страшно...

Дядя Капаней берет нас со Сфенелом за руки, ведет к дяде Амфиараю. Сейчас нужно сказать «радуйся»...

Папа стоит в сторонке. Я знаю почему: его дядя Амфиарай не любит.

Меня подводят к дяде. Я уже хочу поздороваться...

— Не первый. Второй!

Я так и не успеваю сказать «радуйся». Наверное, первым должен поздороваться Капанид. Капанид — первым, а я — вторым. А вот и он...

— Тяжело будет — сыну отдай!

Кому это он? Дяде Капанею? Нет, Сфенелу. Но почему?..

И вдруг я понимаю. Дядя Амфиарай — Вещий. Он слышит, как боги разговаривают. И он знает, что с кем будет.

— А Диомед?

Это дядя Капаней. Ну, конечно, Сфенелу уже сказали. А мне?..

Дядя Амфиарай не отвечает. Даже не смотрит. Он идет к колеснице.

Дядя Капаней недоволен. Он, кажется, не очень верит дяде Амфиараю.

— Ну ты слыхал, Ойнид? Пифия, понимаешь! Ты, Сфенел, его не слушай. Тяжело будет — сам тащи!

Капанид кивает. И я киваю. Киваю — потому что согласен.

А все-таки жаль, что мне ничего не сказали!

А вот и папа.

— Ну, мальчики!..

От папиной бороды пахнет пылью. И немножечко — благовониями. Это он с утра ванну принимал.

Я хватаю папу за шею, хватаю крепко, прижимаюсь лицом... Только бы не заплакать! Мне нельзя плакать, я уже почти взрослый!

* * *

Крон — это бог такой. Мне про него дядя Эвмел рассказал. Дядя Эвмел все про богов знает. И про зверей. И про все другое тоже знает.

Я теперь у него каждый день бываю — как папа уехал. Даже вечером. Потому что мне не хочется домой возвращаться. Дома пусто, только служанки. Они грустные, иногда даже плачут. И к Сфенелу идти не хочется. Там тетя Эвадна. Она стала совсем больная. Сфенел все время около нее сидит.

А дядя Эвмел мне про богов рассказывает. Так вот, Крон был Зевсу папа. А потом он Зевса съесть хотел, а Зевс его в Тартаре запер.

(Правда, дядя Эвмел говорит, что это не совсем так. А как — он мне расскажет. Но потом. Когда я вырасту.)

А Крон хоть и в Тартаре, но все равно — самый главный. Са-

мый главный, потому что он — Время. А Времени все подвластны. Захочет Крон — время быстро пойдет. Захочет — медленно. И боги ничего сделать не могут. Даже Зевс!

А я все понять не могу, быстро сейчас время идет или медленно. Когда быстро, а когда и ползет. Как улитка! Война уже целый месяц идет, а все кажется, что папа только вчера уехал!

...А когда гонец долго не приезжает, время вообще останавливается. Мы с Капанидом возле Микенских ворот сидим — ждем. Если его мама отпускает. А если нет, я один сижу.

Папа молодец! Он уже совершил много подвигов. Он подвиги каждый день совершает — как Геракл! Он в Фивы один пошел — требовать, чтобы басилей Этеокл дядю Полиника в город пустил. А басилей Этеокл не стал папу слушать и велел своим воинам его на поединок вызвать.

А папа их всех победил!

А потом на него фиванцы напали — когда он в лагерь дедушки Адраста возвращался. А он их снова победил! Теперь войско дедушки Адраста эти Фивы со всех сторон осадило, а папа со своими воинами стоит возле каких-то Пройтидских ворот. Я спросил у Ферсандра, что это за ворота, но он не знает.

А ванакт Эврисфей, к которому папа ездил, моего папу обманул. Обещал войско — и не дал. Говорят, ему Зевс запретил. А дядя Эгиалей говорит: «Чего еще ждать от этой сволочи?» Это он, конечно, про ванакта Эврисфея, а не про Зевса.

Ну ничего! Папа и без Эврисфея справится. Папа самый сильный. И самый смелый! Только бы Крон сделал так, чтобы время быстрее пошло. Чтобы папа домой вернулся.

И чтобы все вернулись!

* * *

Прилетела ласточка
С ясною погодою,
С ясною весною,
С веточкой зеленой.
Грудка ее белая,
Спинка ее черная...

Это тетя Эвадна поет. Она очень красиво поет. Но сегодня она какая-то совсем больная. Даже не слышит, когда мы с Капанидом ее о чем-то спрашиваем.

Что ж ты ягод не даешь
Из дому богатого?
Дашь ли в чашке ей вина,

Сыру ли на блюдечке?
И от каши ласточка
Тоже не откажется...

Эту песню я знаю. Ее девчонки поют — весной, когда ласточки прилетают. Наверное, тетя Эвадна тоже когда-то пела, а сегодня вдруг вспомнила.

Хотя уже не весна, а лето!

Открой, открой дверцу
Ласточке, ласточке,
Тебя просят девочки,
Маленькие девочки...

А Сфенел сказал, что ему за дядю Капанея страшно. Я ему ответил, что бояться не надо, что скоро наши папы всех победят, а он вдруг заплакал. Я даже испугался. Мой друг Капанид никогда не плачет! Даже если его побьют!

* * *

Мама гладит меня по щеке, мама меня целует...

Мама! Мама!!!

Теперь уже не снится! Теперь мама и вправду здесь!

— Мама! Мамочка! Я... Тут столько случилось! Я... Я тебе рассказать должен...

Почему мама не отвечает? Почему она молчит?

— Мама!

Мама меня снова целует... Почему у нее такие холодные губы? Холодные, мокрые...

— Мамочка! Что? Что слу...

И вдруг я понимаю — что.

Понимаю сразу, хотя мама молчит. Молчит, ничего не говорит. И от этого молчания мне еще страшнее, мне хочется кричать, хочется убежать из темной горницы, убежать от того страшного...

Но я уже знаю — убегать нельзя. Потому что маме плохо. Потому что Я ПОНЯЛ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ.

ЭПОД

И снова горит огонь. Но уже не у Дождевика. И не в городе — просто в поле. Зато там было сухо, а здесь идет дождь. Правда, маленький. Капает только.

Кап... Кап... Кап... Кап...

Мы ехали сюда две недели. Сюда — это в Элевсин. Мы приехали, чтобы похоронить папу.

Папа сейчас там, на костре, под красным покрывалом. Мне на него смотреть нельзя, потому что папа давно умер, а на тех, кто давно умер, смотреть не полагается.

Боги запрещают. Особенно маленьким.

Из-за дождя костер хотели зажечь не сегодня, а завтра, но потом дядя Тезей, он тут басилевс, решил, что дождь не помешает.

Потому что это и не дождь. Просто капает.

Кап... Кап... Кап... Кап...

Сфенел тоже приехал. Приехал — потому что его папа тоже на костре, рядом с моим. И дядя Гиппомедонт там, и дядя Мекистий, и дядя Партенопей.

А Ферсандр не приехал. Не приехал, потому что его папу не хоронят. Его папу фиванцы не отдают. Они и моего папу не отдавали, и остальных, но дядя Тезей послал войско, и их всех отдали — кроме дяди Полиника.

Дядю Полиника не хотят хоронить, потому что он убил Этеокла. Не того, что сын Пройта (тот здесь же, рядом с папой), а другого, который его в город не пускал. Своего брата. Он его убил, а Этеокл — его.

И дяди Амфиарая тут нет. Говорят, его земля поглотила. А другие говорят, что его просто не нашли. Потому что там все погибли. Все — кроме дедушки Адраста. Дедушка на коне ускакал. У него, говорят, конь волшебный есть.

Дедушка тоже здесь. Это он уговорил дядю Тезея войско послать. Дедушка теперь весь седой. Весь — даже брови. Его теперь называют Злосчастный. Адраст Злосчастный. А почему он злосчастный? Ведь это папа погиб, а не дедушка.

Жаль, у папы коня волшебного не было!

Костер уже долго горит. Два часа. Или три. Я хотел ближе подойти, а меня не пускают. И Сфенела. И тетю Эвадну. Ее две рабыни под руки держат, потому что она совсем больная. Никого не видит и песню поет. Ту самую, про ласточку.

А дождь капает, капает.

Кап... Кап... Кап... Кап...

Я спросил у дяди Тезея, можно ли нам плакать. Дядя Тезей мне руку на плечо положил (как взрослому!) и сказал, что можно.

Потому что папа умер. А у погребального костра даже герои плачут.

Сфенел тоже плачет. И все остальные. Даже дядя Тезей. А костер все горит, он огромный, от него пахнет сосной и вином. Вначале очень плохо пахло, а теперь — хорошо. Вино туда целыми амфорами лили. И благовония. Чтобы папе и всем остальным по дороге в Гадес хорошо было.

А когда мы уезжали, Ферсандр сказал, что отомстит за дядю Полиника. Он Фивам — всему городу отомстит. Вот только вырастет. А мне мстить вроде бы и не надо. Моего папу какой-то Меланипп убил, а папа его тоже убил. А еще про папу всякое плохое говорят, но я не слушаю. Папа — герой. И погиб, как герой. Он все равно — самый лучший! Я за него отомщу! Фивам отомщу — вместе с Ферсандром.

А Сфенелу и мстить некому. Некому, потому что дядю Капанея сам Зевс убил. Молнией. Никто из людей дядю Капанея убить не мог!

Выходит, Зевс все-таки слышал, когда дядя Капаней богов ругал?

Костер все никак не погаснет. Даже, кажется, больше стал. А дождь все капает, капает...

Кап... Кап... Кап... Кап...

А тете Эвадне совсем плохо. Она все хочет ближе к костру подойти. Ее не пускают, а она все равно хочет. Наконец ее пускают поближе...

Кап... Кап... Кап... Кап...

Я не знаю, здесь ли мама. Наверное, здесь, просто ее никто не замечает. Даже я. Мама сказала, что нам теперь видеться опасно. То есть и раньше было опасно, а теперь еще опаснее. Потому что если ОНИ узнают, то могут убить меня. И ее тоже.

Кто такие ОНИ, мама не говорит. Но я уже догадался.

ОНИ — это...

— Мама! Мама!

Почему Капанид кричит? Почему?..

— Тетя Эвадна! Тетя!..

Я бросаюсь вперед, и Сфенел бросается, и дядя Тезей, и все остальные. Но тетя Эвадна уже горит, вся горит — и волосы, и гиматий, и руки...

Горит — потому что она на костре. Рядом с дядей Капанеем.

Живая — горит.

Вся!

— Мама-а-а-а-а! Ма-а-ма-а-а-а! А-а-а-а!..

Хорошо, что я успеваю схватить Капанида за плечи! Хорошо, что дядя Тезей тоже успевает — стать между костром, где горит тетя Эвадна, и Сфенелом. Хорошо, что кто-то догадывается расцепить Капаниду зубы, потому что он весь синий, а глаза — такие же, как у его мамы...

А костер все горит, и дождь все идет...

Кап... Кап... Кап... Кап...

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СТРИЖКА ВОЛОС

СТРОФА-I

Это что-то маленькое было. То ли кратер, то ли амфора на ножке (критская, с осьминогами). Как раз посреди прохода.

— Тр-р-р-ах!

Ну, Капанид!

Теперь замереть, застыть. Вдруг не услышат? Стражник далеко, у входа, да только дверь-то открыта! (Они, стражники то есть, дверь в этот подвал не запирают. Потому как за вином сюда ходят. На то и весь расчет был.)

— Эй, кто там? Эй!

Услыхали! У-у, Дий Подземный!

— Это я... Сандалий развязался. Ремешок! — виновато бубнит Сфенел.

Шептать он не умеет. Голос такой.

— Да это крысы, господин десятник!

— Крысы? А ну, Ликоний, задница ленивая, проверь!

Попались!

Попались? Ну уж нет!

Из окошка, что на задний двор ведет (узкое, еле пролезли), не свет — полумрак. Луна-Селена вот-вот за холмы нырнет, утро скоро...

— Слева пифос. Прячься!

— А-а... А ты?

Отвечать нет времени. Дверь скрипит, в щель огонь факельный рвется... Только бы Капанид в горловину пролез. Вырос он за последний год! Ему, как и мне, тринадцать, а на все шестнадцать выглядит. Во всяком случае, на пятнадцать — точно. Я тоже

подрос, но, конечно, не так. Поэтому в горловину (второй пифос, такой же, справа оказался) пролезаю сразу. Теперь дыхание затаить.

Замереть...

Шаги — тяжелые, грузные. Совсем рядом, близко. В глаза — неровный свет. Только бы не заглянул! Психопомп-покровитель, только бы не заглянул!

— Да никого, господин десятник. Крысы проклятые килик[1] разбили!

Так, значит, это был килик!

По коридору — наверх. Сандалии — в руках. Это чтобы не стучали — и ремешки чтобы не лопались. На лестнице стражи нет, у дверей — нет...

Она и у входа стоять не должна, но дядя Эгиалей словно чувствовал — распорядился. А вообще-то Пелопсовы Палаты не охраняют. Вот дедушкин дворец (который Новый) — другое дело. Ну и стража у главных ворот. А также на стенах. И на башнях. И еще — собаки.

С собаками нам, между прочим, просто повезло. Капанид, конечно, захватил кусок вяленого мяса, но они тут злые. Злые — и ученые. Еще бы! Ларисса — наш акрополь. Твердыня Аргоса! Ну, ничего. Твердыня твердыней, а мы уже здесь!

«Здесь» — это у высоких двустворчатых дверей. За ними — спальня дяди Эгиалея. Он всегда тут ночует, когда в Ларисе остается. Жена его, тетя Алея, и маленький Киантипп, понятное дело, у нас на Глубокой, в Доме Адраста (в том, что рядом с Царским). А ночует он здесь, потому что дядя Эгиалей — лавагет. Сюда, в Пелопсовы Палаты, ему донесения военные присылают.

— Стучим?

Это Капанид — баском. Он уже басить начинает — как его папа. Только бас часто на писк срывается. Как сейчас, например.

Я на всякий случай оглядываюсь. Как там в коридоре? Пусто в коридоре.

А неплохо все-таки! И ворота городские охраняются, и акрополь, и Пелопсовы Палаты...

— Стучим!

---

[1] Килик — небольшой сосуд для вина.

Подношу руку в старому дереву с медными цацками. Примериваюсь, чтобы по этим цацкам не попасть (острые!)...

Дверь открывается.

Сама.

— Крысы, значит? Килик разбили?

На дяде Эгиалее — короткий плащ поверх хитона. Серый, какой воины в походе носят. И диадема серебряная. И сандалии красные.

Ждал?

— Ну заходите, разбойники!

Мы переглядываемся. Ждал! Но все равно — пришли!

— Радуйся, лавагет! — запоздало рапортую я. — Эфебы Диомед и Сфенел прибыли согласно приказу... Ай!

«Ай!» — это потому, что дядя меня за ухо схватил. А у него пальцы крепкие!

Вообще-то эфебов за уши таскать не положено. Эфебы — будущие воины. А мы с Капанидом не просто так эфебы, а эфебы на задании. Но как поспоришь, когда ухо...

— Ой-ой!

И мое ухо, и Сфенела тоже. Приходится входить в дядины покои без всякого достоинства воинского. Не шагом строевым, а бегом за собственными ушами.

— Ах вы, щенята! Да вы хоть знаете, чего натворили?

Мое ухо наконец свободно, Капанида, кажется, тоже. Во всяком случае, его «Гы!» звучит вполне уверенно.

— А если война из-за вас, негодников, начнется?

Дядя уже улыбается. Значит, мы все сделали правильно.

— Никак нет, господин лавагет, — чеканю я. — Не начнется!

И действительно, какая война? Ну, украли Палладий. Плохо, конечно. Из самого храма Афины-на-Лариссе украли! И куда только стража смотрела? Палладий ведь — святыня из святынь, его нашему Аргосу сама Афина Градодержательница подарила. А украли его двое каких-то святотатцев. Видели их, негодяев, — один повыше, лет пятнадцати, второй пониже, зато в плечах широкий. Лет двенадцать ему. Или тринадцать.

Погнались — не догнали. И теперь по всем дорогам ищут. А за Палладий дедушка награду назначил. Десять талантов!

— Нельзя было что-нибудь попроще взять? — укоризненно вздыхает дядя. — Кубок золотой или жезл какой-нибудь.

— Дедушкин? — самым невинным тоном интересуюсь я. — С которым он на троне сидит?

Сейчас подзатыльник получу! Нет, обошлось! И с Палладием обошлось. Его во всех городах наших, которые Аргосу подвластны, искали. И не только у нас. В Микенах искали. И в Коринфе. И в Афинах тоже искали. А нашли в Дельфах. Прямо у золотого треножника, на котором пифия сидит. Утром двери отворили, зашли — а он там.

— А если Дельфы его не отдадут? А, ребята? И что нам тогда делать? И вообще, эфебы Диомед и Сфенел, вам не кажется, что это святотатство?

— Никак нет, — сообщаю я. — Не святотатство. Нам боги разрешили!..

Ну, не боги, конечно. Мама разрешила. И мне, и Капаниду. Разрешила и сказала...

— Дельфы, господин лавагет, Палладий отдадут, — подхватывает Сфенел. — Потому как им знамение будет. То есть было уже.

Вчера было. Когда мы из Тиринфа вышли...

...Не вышли — выбежали. Всю дорогу бежать приходилось. Да еще ночью. Иначе бы не успели никак. Ведь приказано было — вернуться к лавагету, к дяде то есть, на двадцатый день до рассвета. Едва добежали!

А про знамение мне мама точно сказала. И земля в этих Дельфах затрясется, и треножник засветится, и Палладий заговорит.

— Знамение, значит? Отдадут, значит?

Кажется, дядя жалеет о том, что не дал мне подзатыльник. И даже не мне, а нам обоим. И напрасно! Мы приказ точно выполнили. Сказано ведь: ценную вещь, охраняемую, в Дельфы — и вернуться. И все — за двадцать дней.

Мы-то в чем виноваты?

— Ладно, — вздыхает дядя. — Эфебы Диомед и Сфенел!..

Мы застываем. Стойка «смирно» — плечи развернуть, руки на бедра. Жаль, мечей нет!

— Летнее задание вам зачитывается. А теперь — пошли вон! Не спишь тут из-за вас. А если бы поймали?

— Нас? — искренне удивляется Капанид.

Баском.

Теперь можно домой, на Глубокую. Зайти, упасть прямо у порога, заснуть...

Нет, нельзя. Мы ведь эфебы! Не упасть, а помыться ледяной водой, жертву Гермесу Психопомпу принести... Нет, жертву можно и вечером, но помыться — обязательно.

И спать, спать, спать, спать... Неделя отпуска — как здорово!

Одно интересно — что еще в городе пропало? Ведь Ферсандр тоже летнее испытание сдает. И не он один. Вечно у нас в Аргосе с началом лета что-нибудь случается. Палладий — еще ничего, а было дело — у дедушки Адраста венец украли!..

(Это когда дядя Эгиалей летнее испытание сдавал.)

И еще интересно — когда нам наконец волосы остригут?

* * *

Они были уже здесь.

Алкмеон Заячья Губа, Амфилох Щербатый, ну и, понятное дело, пеласги.

Пеласги! Уже у самого Медного Дома!

Ну вот, а мы только-только из храма! Хитоны чистые, помыслы чистые, волосы помытые маслом смазаны. И настроение жертвенное.

(Век бы я этому Психопомпу жертвы не приносил! Не люблю — из-за мамы не люблю. Но что делать, если именно он всем ворам, торговцам и путешественникам помогает? Мы, правда, не торговцы, а вот все остальное...)

— А, С-собака Дурная! И Сфенел, Сфенел! Глядите, ребята!

Алкмеон уже хорош. То есть ничуть он не хорош, это так говорить принято. Небось опять неразбавленное лакал! И Амфилох хорош. И ведь обещал же мне! Клялся даже — все тем же Психопомпом.

— Ла-а-адно! Добрые мы сегодня. Катитесь отсюда, недомерки! Живо!

Катиться? С нашей Глубокой? Недомерки? Эх, хитона жаль. Новый совсем!

Я долго понять не мог, с чего это детишки покойного дяди Амфиарая до сих пор по улицам прохожих пугают да по ставням колотят? Алкмеону двадцать два уже исполнилось, Щербатый его всего на полтора года младше, а пеласгам неумытым ничуть не меньше нашего. И ведь не в эфебах. Понятное дело, в эфебы только добровольцы идут, но все-таки! Здоровые обалдуи по улицам шляются да вино хлещут. И к девицам пристают, само собой.

Я удивлялся, а потом мне объяснили. Вполголоса. Дедушка Адраст все чаще болеет. А ведь по традиции Аргосом должны править потомки Мелампода и Бианта. Вместе должны. Потомки

Бианта — это дедушка и дядя Эгиалей. А потомки Мелампода... Да вот они, красавчики!

— Ты, Собака Дурная, не понял, что ли? Катись, а то зубов недосчитаешься!

— Собака, собака! Диомед — собака! Сфенел — Приап вместо носа! Приап вместо носа!

Капанид вздыхает — кажется, ему тоже жалко новый хитон. А по поводу приапа — это они промахнулись. У моего друга нос репкой. Как у дяди Капанея. Видать, из-за неразбавленного они уже приап от репки отличить не могут!

— А-а! — радуюсь я. — Глянь, Капанид, братцы Диоскурвы! И диоскурвики с ними!

— Не-а, — опровергает меня Сфенел. — Это гекатонприапы!

Ближайший пеласг-гекатонприап (конопатый, с шлемом-дыроглазом на башке) так и застывает с раскрытым ртом. То-то! Ты бы еще полный катафракт надел, обалдуй. Это с нами-то ругаться!

И с этакими гетайрами Алкмеон хочет ванактом стать!

— Драться по одному! — деловито замечает Амфилох. — А ты, Диомед, отойди.

Кажется, он не так и пьян. Во всяком случае, правила помнит. Я не дерусь. Нельзя мне. И пить нельзя. И еще много чего нельзя.

Послушно отхожу в сторону. Если все по правилам будет (один на один, до первой крови, ногами и лежачего не бить), так и придется проскучать до полной победы. Но на душе все равно ласки скребут. Капанид один, а пеласгов — туча целая. Хоть бы Ферсандр с нами был!

(Про Ферсандра мы уже все знаем. Возле храма Времен Года, где мы жертву Психопомпу приносили, глашатай орет-надрывается про то, что из казны тиринфской некий злодей два таланта золота утащил. А лет тому злодею тринадцать будет, а росту он малого, сложения — худого, говорит по-беотийски, несет же золото краденое прямиком в Аргос.

И что самое обидное — никто его, злодея, там не видел. Как и нас с Капанидом в храме Афины. Это дядя Эгиалей приметы сообщил — чтобы нам всем не так легко было.

Два таланта! Да Ферсандр их и не поднимет. Он же еще не вырос совсем!)

— Чего? Испугался, с-собака этолийская?

Это — мне. Все тот же, в шлеме-дыроглазе. Отворачиваюсь. А за «этолийскую» уже можно и схлопотать! Пару лет назад меня уже накрыло бы. Сейчас ничего — научился. Не накроет.

— Эй, прекрати! — это Амфилох. — Он не дерется!

Ну, сейчас ему Сфенел пропишет гекатомбу! Но нет, не спешит дыроглаз. За чужие спины прячется.

— Что, Диомед-мозгоед? Тоже мозги жрешь, как твой папаша? Мозгоед-мозгоклюй! А твой папаша сдох, сдох, сдох!..

— Заткнись! Заткнись, дурак!

Амфилох все понимает. И остальные понимают. И я. Но — поздно.

Накрыло!

...Река шумела совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

— Тидид! Тидид!

Боль в плече. Ну, конечно, у Амфилоха клешни здоровые! А рука Сфенела, как обычно, на моем горле. Боевым захватом.

— Все, ребята! Уже! Отпустите!

Не говорю — хриплю. Здорово Капанид сдавил! Ничего, все живы!

Живы?

Как только хватка разжалась, встаю. У Медного Дома — пусто. Хвала Дию Ясному! В последнее время больше всего боюсь, что увижу жмурика. Дохляка то есть. Но — пока обходилось.

На лице Амфилоха — что-то непонятое. То ли красное, то ли сизое.

— Тидид, ты как?

Ого, да он, кажется, протрезвел!

— Чем? — Я киваю на красно-сизое под его левым глазом. — Не кулаком?

— Локтем,— щербатый рот дергается. — Да ничего, выживу. Ты, Диомед, меня извини.

— Тебя-то за что?

Да, зря этот дыроглазый дурак про папу ляпнул! Ведь не маленький уже, не сопляк безмозглый. А если бы такое про его отца рассказали?

...Перед смертью папа сошел с ума. Так говорят. Я не верю. Не хочу верить!..

— Тебя-то за что? — повторяю я. — Ты же не виноват!

С Амфилохом мы, в общем-то, друзья. Хотя он и ходит с пеласгами. Но куда ему деться от брата? Правда, с Алкмеоном он не очень и ладит. Из-за их мамы — тети Эрифилы. Алкмеон ее в смерти дяди Амфиарая винит. Будто бы тетя Эрифила от дяди Полиника ожерелье взяла (волшебное, самой Гармонии, жены Кадма Фиванского) и за это приказала мужу на войну идти. А дядя Амфиарай поклялся жену слушаться. И пошел — хоть и не хотел.

Алкмеон даже дом стенкой перегородил. Слева он живет, а справа — мама его с Амфилохом и дурочкой Айгиалой. Айгиала — это их сестра — старшая. Конопатая, косая, страшная. И пришепетывает.

Во достанется же кому-то, уродина!

Итак, вокруг пусто. И возле Медного Дома, и дальше. Только у ступеней какие-то осколки лежат. Медные. Да это же шлем-дыроглаз! Бывший шлем то есть.

Ого!

— Это ты камнем, — подсказывает Капанид. — Во-о-он тем!

Нагибаюсь. Камешек — с яйцо воробьиное. И этим я!..

На душе — мерзко. Другой бы, наверное, радовался. А чему тут радоваться? А если бы у того болвана шлема не было?

— Тебя проводить? — Амфилох гладит пятно под глазом (уже синеет!), морщится. — У-у, Гадес, ведь не хотел же пить!

Говорит — словно извиняться продолжает. Перед старшим. Передо мною то есть. Хотел я ему сказать, что от Бромия[1] одни неприятности (это еще мой дедушка Ойней понял), да не стал. Амфилоху уже двадцать один, а мне еще... Ха-ха, мне еще... И так мы с ним, как взрослые, разговариваем.

— Совсем выросли вы, парни! Когда вас стричь-то будут?

Переглядываемся. Не иначе, Амфилох у папы своего мысли читать научился.

---

[1] Бромий — прозвище Диониса. Ойней, басилей калидонский, получил в дар от Диониса виноградную лозу, что привело к повальному пьянству во всей Этолии.

— Скоро, наверное, — неуверенно замечает Капанид. — Может, на солнцестояние — на Гиперионов день.

— А меня сам Эврисфей постриг. Вместе с Атреем.

Это я помню. Амфилоха в Микенах постригли, а наш дедушка за это постриг Агамемнона — Атреева сыночка. Ух, и не понравился же мне он! Нос до небес — на трех рос, одному ему достался.

И гордый — не кивнул даже. А ведь я первым поздоровался, как и положено.

— Вот постригут вас, — итожит Амфилох, — и пойдем, ребята, по девочкам. Я вас с такой дулькой познакомлю!

Сфенел сопит. Краснеет. А мне — мне хоть бы хны. Не нужны мне эти дульки! И вообще девчонки не нужны. И без них хорошо. А вот волосы состричь — самое время!

Длинные волосы — значит, мальчишка еще. А постригут — сразу взрослым станешь. Ведь чего Амфилох про дулек этих самых заговорил (про иеродул[1] то есть, которые при храме Афродиты)? Они на тех, у кого волосы длинные, и не смотрят. Запрещает богиня! Ну, дульки — это для Амфилоха, зато меч... Постригут — сразу же меч носить можно. Потому как взрослый!

Меч у меня есть — прадедов, старый, без ножен. Папин-то пропал.

И вообще — сколько можно быть маленьким?

* * *

— Пошли ко мне, Тидид. Чего тебе одному дома делать?

Тут Сфенел прав. Пусто у нас в доме. Давно пусто. Из тех слуг, что с папой пошли, никто не вернулся. Нянька умерла, и еще одна служанка тоже умерла. А одна убежала — я ее искать даже не стал.

Конечно, те, что остались, и подметают, и обед готовят, а дедушка помогает — мясо к празднику присылает. И вина всякие присылает, хоть мне и пить нельзя.

Да только пусто в доме. И страшновато даже. Особенно если мама долго не приходит.

(А я про маму Капаниду все-таки рассказал. Только не сказал, кто она. Он мне, кажется, не верил, пока я его с мамой не

---

[1] Иеродулы — храмовые рабы и рабыни. Иеродулы Афродиты занимались священной проституцией.

познакомил. Тогда он даже испугался. Немножечко, но испугался. Ну и зря! Мама — она очень добрая.)

— Так пошли?

— Не-а. У тебя там родичи.

Сфенел вздыхает. Кивает — соглашается, значит. Родичи — это тяжело, особенно Сфенеловы. Все — козопасы, от всех сыром несвежим пахнет. И все — богоравные. Только и знают про дедушку Зевса да про бабушку Гестию толковать. А мы слушать должны. Потому что — родичи!

Одно хорошо. Пока толковали (в прошлом году это было, когда очередной набег козопасов случился), выяснилось вдруг, что мы с Капанидом тоже родичи — через его дедушку Гиппоноя. Этот дедушка моему дедушке Ойнею кем-то там приходится. А еще мы, конечно, родичи через дедушку Адраста, потому как его, дедушкин, дедушка женился на дочери Сфенелова прапра... В общем, какого-то там «пра». Это хорошо! А впрочем, мы и без всяких «пра» — лучшие друзья. На всю жизнь!

— Пойду к дяде Эвмелу, — решаю я. — Он мне велел сразу прийти, как мы в Аргос вернемся.

Капанид не отвечает. К родичам ему идти не хочется, а дядю Эвмела он, кажется, слегка побаивается. Как и моей мамы.

Вот чудак репконосый!

* * *

Могила Форонея, ворота Лариссы, Аполлон Волчий, голова Медузы... Знакомая дорога! Вот уже семь лет я тут хожу — чуть ли не каждый день.

К дяде Эвмелу!

Поначалу здешние мальчишки мне прохода не давали. Бить хотели. А теперь не хотят. Здороваются. В общем, они хорошими оказались. А сейчас трое из них в нашем десятке — тоже эфебы, как и мы.

Да, теперь я каждый камешек здесь знаю. И даже больше. Вот, например, Форонеева могила. Раньше думал — могила и могила, Фороней и Фороней. Бог — и все тут. Мало ли богов? А теперь я все знаю. Фороней — одно из имен Прометея. Некоторые думают, что это разные боги (в смысле, не боги — титаны, да все равно), а это только имена разные. И даже не имена — прозвища. Потому что Имя никто не знает (то есть почти никто). А прозвищ у каждого бога — хоть гидрой ешь. В Аргосе он Фороней, в Афинах — Прометей, а на Кавказе, где Руно Золотое

украли, — Амиран. И еще одно прозвище у него есть — на «лы» (на значок «ламед», значит). Но оно очень плохое.

И «Аполлон» это тоже прозвище, и «Артемида», и даже «Зевс»... Но об этом — тс-с-с! Дядя Эвмел так и говорит: «Тс-с-с!»

А про Медузу я такое знаю! То есть не про Медузу, а про Медуз. Но об этом тоже «тс-с-с». А еще я знаю, почему дядя Амфиарай Зевса не любил. Но это не просто «Тс-с-с!» — это «Тс-с-с-с-с-с-с-с!».

А еще дядя Эвмел обещает рассказать... Ага, вот и пришел. Как-то быстро очень.

Так я же бежал всю дорогу!

Привычка!

* * *

— Эфеб Диомед после выполнения летнего задания...

— Не после, а для, — сурово перебивает дядя. — Думаешь, пифию напугал, пол-Ахайи сна лишил — и отдыхать? Нет, юноша, бегать — это еще не все.

Дядя Эвмел знает о Палладии. Я не удивляюсь — он все знает.

— Итак, эфеб, вопрос первый: отец Кадма?..

Тоже мне, вопрос! Это для маленьких. Но делать нечего. Стойка «смирно», руки на бедрах:

— ...Агенор, наставник.

— Сыновья Эллина?..

Мы с дядей, как всегда, на втором этаже, в той горнице, где камни со значками. Камни и папирусы. И еще таблички из глины. Дядя сидит на круглом камне, который называется «омфал». Его из Лерны привезли.

— Первый потоп был...

Это уже сложнее — считать нужно. Первый — это Огигов потоп, он был за двести шестьдесят лет до Девкалионова, а тот...

— ...Пятьсот тридцать два года назад, наставник.

— Медленно, эфеб! — дядя Эвмел качает головой. — А теперь — все предки Беллерофонта...

Последние два года дядя ходит с палочкой. Он совсем старенький, а ведь ему только тридцать лет! Мне его очень жалко, ведь он такой умный. И добрый! А дядя Эгиалей говорит, что Эвмелу и надо править в Аргосе. Но — нельзя. Эвмел — младший брат, да и править может лишь тот, кто войско водить умеет.

Обычай такой. Дядя Эгиалей говорит, что этот обычай — глупый. И дикий.

— Ладно! — дядя наконец улыбается. — Гильгамеш приручил Энкиду с помощью...

Ага, это уже про Баб-Или (где у всех бороды — колечками). Но тоже просто.

— Дульки, наставник!

— Кого-о?

Ой!

— Виноват! басилей Гильгамеш приручил дикого волосатого человека Энкиду с помощью храмовой рабыни — иеродулы.

И что это я такое сморозил? Это все Амфилох. Дульку ему подавай!

Дядя Эвмел кряхтит. Кряхтит, головой качает. И смотрит странно.

— Про дулек, значит, думаем, эфеб Диомед? Ну-ну! Ладно, садись.

Я так и знал. Сейчас начнется! Про богов да про героев — это все закуска была. Лиру настраивали, как дядя говорит.

Сажусь прямо на пол. На ковер. Ноги скрещиваю, взгляд вперед. Застыл.

Готов!

Дядя вновь головой качает. Дядя встает. Дядя сундук открывает. Самый большой — с бляшками на боках.

— Ну-ка, выскажись!

В моих руках — диск. Почти такой же, как мы на стадионе метаем. То есть не совсем такой. И даже совсем не такой...

...Потрескавшаяся глина, неровные края. Значки! Ага, вот в чем дело! Значки! Критские — змейкой идут, от краев к центру.

— Табличка для письма, — осторожно начинаю я. — Круглая. Критская... Старая очень.

Только бы читать не заставил! Лучше сто раз отжаться, лучше с камнями за спиной прыгать!..

— Ну так читай, эфеб!

Пропал! Ведь табличка не просто критская. Она на Древнем языке. В Древнем и новом (тот, что на Крите сейчас) языках значки одинаковые, а вот слова...

— Сакава... Сакави... Сакавипити куави, — безнадежно вздыхаю я. — Ку... Куноси мина... Куноси минане... Саяпасм Саанори куави Тиллиси...

Древний язык я учить не хотел. Хеттийский — ладно, его папа знал. И еще на нем слов про войну много. А кому Древний

нужен? На нем уже и не говорит никто, даже на Крите. Я так дяде и сказал. А он и не спорил. Просто как-то предложил (где-то через полгода, когда я все позабыть успел) никакие языки не учить, а свой язык выдумать. Тайный. Чтобы никто не понимал.

Ну и выдумали. Сначала — слова, потом значки. Красивые! Выдумали — а этот язык Древним оказался.

— ...Ираата тона... тонаси.

Все? Я перевернул диск, а там... Дий Подземный, там тоже значки!

— Хватит пока, — дядя милостиво кивает. — А теперь переводи.

Хорошо, что я, пока мы с Капанидом из Дельф бежали, все эти «куноси» да «танаси» повторял. Бежал — и повторял. И устаешь меньше, и польза.

— Сакавипити, правитель, царь в Куноси... в Кноссе то есть, собрал и освятил власть Саанори, правителя в Амнисе...

Дядя кивает — кажется, доволен. И я доволен — не забыл. Не забыл и даже вспомнил, кто такой этот Сакавипити. Это же Минос Пятый! А всего Миносов было девять. Это у аэдов, что на торге голосят, Минос один-одинешенек. А на самом деле...

— ...И Яситона, правителя, царя Минои. И повелел Сакавипити, правитель, царь в Кноссе, богам жертву принести... воздать, и сказал... изрек слова...

А чего он изрек — уже на второй стороне диска. И хвала богам! Тем, которым Минос Пятый жертву приносил.

(«Минос», между прочим, не имя, а титул. Потому и путаница.)

— Эфеб Диомед!

Встаю. Отдаю диск. Руки на бедрах.

— Молодец, мальчик! Молодец! Ты хоть обедал?

Дядя Эвмел меня тоже жалеет, думает, что я — круглый сирота. Про маму я ему не рассказывал. Я бы рассказал, но мама запретила. Я так и не понял, почему.

Пообедать, конечно, можно. Но сначала...

— Дядя, а почему тем, кто взрослым становится, волосы стригут?

— А не передние зубы вырывают? — подхватывает он.

— Зу... Зубы? — Я невольно вспоминаю Амфилоха Щербатого. — А почему — зубы?

* * *

— А я бы иначе сделал, — Капанид хмурит лоб, репку свою чешет (это он думает так). — Я бы в девчонку переоделся. Ферсандр — он маленький. И красивый — как девчонка. Переоделся бы — и повозку нанял. Золото — в бочонок...

— Найдут, если в бочонке, — не соглашаюсь я. — Стражники — тоже не дураки.

— Тогда бы быка купил. А еще лучше — оленя. Ну, тушу копченую. А золото — в брюхо...

От родичей Капанид все-таки сбежал. Допекли! А чем именно — не говорит. Просто пришел ко мне, как стемнело, и сопеть стал. Ну я уж его знаю! С родичами ругаться не захотел — и сбежал.

Спрашивать что да как я не стал. Сам расскажет, если захочет. А пока можно и про Ферсандра поговорить. Про то, как ему лучше золото в Аргос доставить.

— И глухонемым притвориться — чтобы по речи не опознали. А еще лучше — такие слова говорить, где бы «пы» не было. И «ды» тоже...

— Можно, — задумываюсь я. — А можно иначе.

Да, можно и по-другому. Я об этом сразу подумал, как глашатая услыхал.

— Я бы к Промаху пошел и договорился. Дылда ведь теперь басилей Тиринфа, так? Он бы мне стражу выделил — и вестника. Стража бы меня охраняла, а вестник кричал, что везут вора пойманного. Вместе с золотом. Так бы и приехали.

Капанид удивленно мигает. Репку свою чешет. Молчит.

— Нельзя, — наконец вздыхает он. — Никому постороннему рассказывать нельзя.

— А ты приказ вспомни! — усмехаюсь я. — Там про это ничего не было. Украсть — и доставить. А как — это уже наше дело.

— Гм-м-м... А чего ж мы тогда из Дельф бежали?

А бежали мы из Дельф потому, что там Промах Дылда Длинная не живет. Тамошнего басилея мы не знаем. Промах — он наш. Совсем наш.

Мы почти никогда не встречаемся все вместе — дети Семерых. Промах живет в Тиринфе, толстяк Полидор — в Лерне, Эвриал Смуглый — в Навплии. Все они теперь — басилеи, у них забот много (правят, понятно, дедушкины советники, но все-таки!),

поэтому в Аргосе они только по праздникам бывают. Но все равно — мы вместе. Мы — Эпигоны. Потомки.

Наследники.

И нам есть что наследовать!

— А меня женить хотят! — внезапно сообщает Капанид.

Челюсть уже отвисает... Отвисла... Висит... Нет, быть не может! Это я критских значков перечитал.

— Женить хотят, — срывающимся баском повторяет Сфенел. — Вот постригут — и женят. На девчонке. Может, не сразу, но года через два — точно. Они, родичи, говорят, что я последний Анаксагорид[1], и если я погибну, то род прервется. Поэтому я должен с девчонкой жениться...

Такое надо переварить. Такое надо обдумать. Одно ясно — отчего Капанид из дому сбежал. Сбежишь тут!

— Мужчина жениться хочет, — наконец вздыхаю я. — Хочет, а любовь — козел.

На этот раз челюсть начинает отвисать у Сфенела. Да так, что бедняга даже не может выговорить «чего?».

— Это папа так говорил, — поясняю. — Шутил. Пословица есть хеттийская, если ее перевести слово в слово, то так и будет. А по-нашему: стерпится — слюбится.

— Угу...

Да-а, Капаниду и вправду не до шуток. Ну что тут сделаешь?

— Они еще много чего говорят, Тидид. Ванакта нашего ругают — дедушку твоего. Говорят, он престол захватил. Аргосом трое править должны — потомок этого... Бианта, затем Мелампода, ну и Анаксагора. Так ванакт Пройт завещал, у которого дочки в коров превратились...

...Потому и называют их потомков — Коровьи дети. Шепотом, конечно. Эту сказку я знаю. У ванакта Пройта дочки спятили и себя коровами вообразили. А Мелампод их вылечил. За это

---

[1] Анаксагорид — потомок Анаксагора. Знатных ахейцев называли не только по отчеству, но и по имени предка, то есть по родовому прозвищу (фамилии). Соответственно: Сфенел Анаксагорид (полностью: Сфенел Капанид Анаксагорид). Диомед, Амфиарай, Амфилох и Алкмеон — Амифаониды, потомки героя Амифаона, отца Мелампода и Бианта. Анаксагориды и Амифаониды правили в Аргосе.

и царем вместе с братом Биантом сделали. Только не так это было. То есть не совсем так.

(Но это — тоже «тс-с-с!».)

— И еще говорят, что никакой Адраст не Злосчастный. Он хитрый очень. Он нарочно так воевал, чтобы папы наши погибли. Они погибли — а он сам царствует. Один! А теперь хочет, чтобы мы тоже на Фивы пошли. И погибли. Тогда Эгиалей сам править будет. А после него Киантипп. У нас ведь детей еще нет, погибнем — и все!

Странно, где-то я уже это слышал. Не про дедушку, правда.

«Это ловушка, Ойнид! Теперь я точно знаю. Это все отец. Он, Психопомп и Тюрайос! Моя Семья... Семейка... Они даже название придумали — «Гекатомба». Понимаешь? Отец говорит, что, если получится сейчас, в следующий раз он соберет всех — чтобы никто не ушел...»

Мама говорила не о дедушке, не об Адрасте Злосчастном. Мама говорила о НИХ.

— Поэтому мне на Фивы идти нельзя, а нужно жениться и мальчиков делать. Побольше...

Посмеяться бы над сопящим Капанидом. То есть не над, а вместе с ним. Но моему другу не до смеха. И мне тоже.

На Фивы мы пойдем. Обязательно пойдем, иначе и быть не может! Но вот все остальное...

— А давай сделаем так, чтобы нас постригли не в Аргосе. Пока вернемся, пока то да се, осень настанет. Твои родичи разъедутся...

— Гм-м-м...

— И вообще, — вдохновляюсь я. — Если нас в Аргосе постригут, это будет неправильно. Понарошку. Ведь как у нас делают? Собираются, жертву Зевсу Трехглазому приносят, который на акрополе, потом дедушка нож берет. И все! А я вот у дяди Эвмела спрашивал...

Дядя Эвмел все знает! И про это самое пострижение тоже. Оказывается, это обычай еще допотопный. Он и у пеласгов был (настоящих, а не тех, что с Алкмеоном ходят), и у первых людей, что до пеласгов жили. Тогда взрослым стать было трудно, не то что сейчас. Брали, например, мальчика и голым в лес пускали.

Без всего — даже ножа не давали. А тело краской разрисовывали — липкой, так что не смыть. А тогда в лесу всякое было. И львы, и чудища, и гидры, конечно. Вот пока краска не сойдет, он в лесу и прячется. Выживет — постригут. Или с тем же львом драться заставляли — кто кого. Или опять-таки в лес загонят и облаву устроят.

Вот это и вправду — пострижение. Это уже не шутки! Правда, тогда не только стригли. У пеласгов мальчикам передние зубы вырывали. А на Крите — эти же зубы надпиливали и краской закрашивали (вот почему дядя про зубы сказал!).

Зубы — это, конечно, плохо. Зато тогда кто попало взрослым не становился. А если уж взрослый — так не понарошку. Уважать станут. Ведь это вам не жертву Трехглазому приносить!

Про зубы я Капаниду говорить не стал, но и прочего хватило. Он снова сопеть принялся (задумался!), а потом мы вдвоем думать начали. И в самом деле, вот бы придумать чего! Чтобы и нас уважать стали. Тогда и жениться не смогут заставить, и вообще. Потому как мы не просто так, мальчишки стриженые.

Мы — взрослые!

АНТИСТРОФА-I

— Слева! Справа! Справа! Выше! Еще выше! Еще раз! Еще!

Щит гудит — да так, что руке больно. Щит тяжелый, настоящий, а меч хоть и деревянный, но тоже тяжелый. Из дуба. Такой не расшибешь!

— Диомед, резче! Еще! Быстрее! Быстрее!

Быстрее не получается. Я все делаю правильно, но Эматион все равно успевает отбить. Успевает — и сам бьет. Он — самый лучший на мечах. И самый быстрый.

— Шаг вперед! Слева! Щит вправо! Диомед, быстрее! Быстрее!

На мечах у меня плохо получается. То ли дело копье! Но копье было вчера, а сегодня — меч. Я, конечно, стараюсь, но...

— Шаг назад! Отдыхать! Диомед, иди сюда!

Мне стыдно. И вообще стыдно (ни разу Эматиона достать не смог!), а в особенности стыдно, что это все дядя Эгиалей видит. Он у нас сегодня вместо наставника. Специально в наш лагерь приехал — поглядеть, как мы, эфебы, учимся. И на Капанида посмотреть. И на меня.

Да, мечом работать — не Палладий красть!

Отпуск быстро прошел. Только и успели отоспаться да пеласгов погонять. Ну, я еще таблички критские почитал у дяди Эвмела. И все — пора! Дорога на Тиринф, алтарь Реи — и налево, в лес. Туда, где наш лагерь.

— Тидид, постарайся двигаться быстрее. Ты все правильно делаешь, но — медленно. Понимаешь? Движения у тебя хорошие и удар точный, но в бою тебя просто убьют. Надо быстрее!

Я киваю — дядя Эгиалей прав. Конечно, Эматион меня старше, у него уже на подбородке волосы растут, но кто в бою будет возрастом мериться? Все верно, но только не получается у меня!

— Разозлись на него, что ли?

Я только вздыхаю. Вздыхаю, по сторонам смотрю. Вон, Капанид с Ферсандром рубятся — любо-дорого! Сфенел на голову выше и посильнее, зато Полиникид верткий — не достать. Молодцы!

(А золото Ферсандр и вправду на повозке привез. Только в девчонку переодеваться не стал. Договорился с каким-то козопасом, тот его за сына выдал.)

— Нельзя мне злиться, дядя Эгиалей! Ты же знаешь. Никак нельзя!

В том-то и беда. По-настоящему я только с Капанидом драться могу (как мой папа — с его папой). Ну, на мечах Сфенел меня сильнее, а на копье, конечно, я. А с остальными — страшно. А если сорвусь? Увижу опять реку, нырну — и не вынырну.

Как папа.

Папа, когда его ранили, говорят, с ума сошел. Да так, что череп врагу разбил (тому самому Меланиппу-фиванцу) и стал его мозг есть. А еще говорят, что сама богиня Афина моего папу спасти хотела — вылечить и бессмертным сделать, но испугалась. Страшный папа был. Очень страшный.

Про бессмертие — это все вранье, конечно. Мама сказала, что бессмертным просто так человека сделать нельзя. Хоть нектар пей, хоть амброзию глотай — не поможет. А вот все остальное — правда. Хоть и верить не хочется.

Вот я и боюсь.

Дядя Эгиалей хмурится, головой качает.

— Ты не должен бояться, Тидид! Хуже всего — себя бояться. Пойми, это не болезнь, это — дар богов. У дорийцев такие, как ты, самые лучшие воины. Их ареидами называют — одержимыми Ареем. Попробуй — по-настоящему, как на войне!

Пожимаю плечами. Можно, конечно, да только не получится. Я все о папе думать буду. О папе — и о шлеме-дыроглазе. Ведь драться придется не с врагами, не с пеласгами даже, а со своими ребятами. С друзьями! Дядя должен понять!

— Я...

— Отставить! — В голосе лавагета звенит аласийская бронза. — Эфеб Диомед! Стойку принять!

Уф! Щит — к груди, меч вперед...

Дядя Эгиалей смотрит. Внимательно смотрит. Кивает. Подзывает Эматиона. И еще двоих — постарше. Один даже не эфеб — настоящий воин.

— Бейте! Без жалости!

Бьют!..

— Вставай!

Рука болит, подбородок тоже, меч — на траве валяется. Стыдно! Ой стыдно! Перед всеми!

— Диомед! — это уже Эматион (сочувственно так). — Не ушиб?

Ох, и плохо мне от его сочувствия стало! Даже отвечать не хочется. А дядя хмурится, ребят к себе подзывает, шепчет что-то.

— Еще раз!

На этот раз они не спешат. Подходят, скалятся. Прямо как Алкмеон.

— Ну ты, сопляк! Удар не выдержишь, мы тебя высечем, понял? Всю задницу раскровяним!

Это тот, воин который. А второй, его я и не знаю, под ноги плюет. Мне под ноги.

— Защищайся, слабак!

Надо драться, надо!.. А я все шлем тот дурацкий вижу. Сейчас сорвусь... Нет, нельзя! А Эматион уже пальцы к носу моему подносит. Щелкает.

— Ну что, обделался, этолийский недоносок?

Ах ты!..

...Река шумела совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

...И как всегда — рука Капанида на горле. Боевым захватом.

— Зачем?

Спросил, даже головы не подняв. Не хотелось смотреть.

— Затем! — это дядя. — Эфеб Диомед, смирно!

Щит к груди, меч... А где меч? Одна рукоятка! И то — не моя. Моя полированная была, старая...

Меч я на траве увидел. Свой. Точнее — щепки (дубовые!). И еще щепки — от второго меча. А чуть дальше...

Тот, который воин, на траве лежит. И щит его лежит — треснутый. То есть кожа, конечно, лопнула, а дерево — треснуло. И еще один щит — с ремнем порванным. Это Эматионов. А вот и он сам! Эге, а что с его панцирем?

Дядя подходит, шлем мой поправляет. Улыбается.

— Так и драться, эфеб! И не бояться. Понял?

Понять-то я понял...

Потом Эматион извинялся (за недоноска). И тот, третий, извинялся (за то, что под ноги мне плюнул). Ну, понятно, разозлить хотели, я и не обижаюсь. А еще Эматион сказал, что они хотели посмотреть, не забываю ли я все, чему учился, когда... Ну, в общем, тогда. Не забываю, оказывается. И от ударов правильно уклонялся, и меч чужой вырвал, когда свой о щит разбил, а когда и второй в щепки разнес — щитом по панцирю врезал. Хвалили меня и советы давали, да только мне от того легче не стало. Это у дорийцев такие, как я, в почете. А тут я — Дурная Собака. Спустят на врага, чтобы глотки перегрызть, а потом — на цепь.

Самое место!

* * *

Вокруг тьма, деревья шепчутся, шумят кронами, словно ближе подобраться хотят.

Ночь...

— А ты... это, ну, вынырнуть не можешь?

Капанид про реку знает. Я ему давно рассказал — еще после первого раза. Знает — и помочь пытается.

— Ты, Тидид, попробуй сквозь эту реку чего-нибудь увидеть. Постарайся!

Легко сказать! Папа, наверное, тоже пытался. Только у него не река была — огонь...

...Как тот, в Элевсине, на котором папа сгорел.

Костер и сейчас горит. Маленький, правда. Пора спать, но нам со Сфенелом разрешили у огня посидеть.

— Попытаюсь, Капанид, попытаюсь...

Говорю — и себе не очень верю. Да, дорийцам легче! Они ведь воюют почти каждый день. А не воюют — скот чужой угоняют или женщин крадут. Там такие, как я, и нужны.

(И все равно — не всегда. Слыхал я про этих ареидов, слыхал! Они, если войны нет, отдельно ото всех живут — чтоб не зашибить кого ненароком. Только на битву и приходят. А еще они мухоморы лопают — чтобы дурнее быть. А мне и мухоморов не надо.)

Костерок уже гаснет. Тени подползают — ближе, ближе...

Люблю ночной лес. Другие боятся — а я люблю. И в самом деле, чего боятся? Ни львов у нас под Аргосом, ни волков (был один лев, так того дядя Геракл убил). Дриад и тех не встретишь. Попрятались, говорят.

— Слушай, Капанид, ну его! Давай про другое.

— Давай! — охотно откликается Сфенел. — А знаешь, Ферсандр у дяди Эгилея отпуск попросил. На месяц.

— И куда это он собрался? — удивляюсь я.

«Куда» — это в смысле «без нас».

— А никому не скажешь?

Кажется, самое время обижаться. Это кому я когда что разболтал?

— В Фивы. На могилу дяди Полиника. Он тайно поедет. Узнают его там — убьют.

Такую новость следует обдумать. А молодец Полиникид! Ведь действительно — убьют. Помнят там его папу. До сих пор помнят!

Дядю Полиника и хоронить в этих Фивах не хотели. Его сестра похоронила — Антигона. А ее за это в гробнице замуровали. Живую! Так что все эти годы Ферсандр и жертву на папиной могиле принести не мог.

Нам со Сфенелом все же легче. Папин пепел сейчас рядом с тетей Аргеей на Поле Камней. А дядю Капанея в Элевсине похоронили, потому что его сам Зевс молнией убил. Сфенел туда каждый год ездит — весной на день Теофании — Деметрова Та-

инства. Там, в Элевсине, дяде Капанею алтарь построили. И даже жертвы приносят.

— Так поехали с ним! — предлагаю я, но тут же понимаю — нельзя. Один Ферсандр проскользнет — научился. А нас троих приметят. Говорят, фиванский басилей немало серебра платит, чтобы за нами всеми приглядывали. Помнит.

И мы не забыли!

— А давай, Тидид, на Олимп взберемся!

— Че... Чего? Уж не навернули ли Капанида мечом по бестолковке? Меч хоть и деревянный, а все же!

— На Олимп! — охотно повторяет он. — Ну, ты сам же говорил, что раньше, ну, до потопа, надо было испытание пройти. Чтоб волосы постригли. Вот мы и... На Олимпе ведь богов нет, правильно?

Ох, зря я ему это сказал! Предупреждала ведь мама. Но кто ж знал?

— Богов там нет, — соглашаюсь я (шепотом, шепотом!). — Но там другое есть. Сунешься — костей не соберешь!

...Дромос там — самого Дия-Зевса дромос. Самый главный. Лет сто назад От с братом Эфиальтом хотели туда пробраться. Так от них и костей не осталось. А ведь они Зевсу племянниками приходились — самого Поседайона Черногривого сыновья! И Беллерофонт пытался — на крылатом Пегасе. Безумцем умер в земле чужой. А он лучшим из лучших был, Беллерофонт Главкид!

«Бойся богов, Диомед! Бойся!»

— Ну, тогда... — разочарованно вздыхает Капанид. — Может, к дядьке твоему сходим? К Гераклу. Он нам задание даст, мы его выполним...

К Гераклу?!

* * *

— Почему ты приходишь только во сне, мама?

— Иначе опасно, мой маленький. Ты же знаешь!

— Я не маленький! Я уже...

Мама смеется. Она так редко смеется после того, как папы не стало!

— Ты всегда для меня будешь маленьким, Диомед. Ну что, к Гераклу собрались?

Мама всегда все знает. Почти как дядя Эвмел.

— Понимаешь, сынок, Геракл сейчас живет в Калидоне. Это родина твоего папы...

— Правильно, мама! — подхватываю я. — А то дразнят меня этолийцем, дразнят, а я еще ни разу в Этолии не был!

Мама молчит. Но я уже знаю — что-то не так.

— Тидей... Твой папа... Он ведь Непрощенный. Кровник. Значит, станут мстить и тебе. А я буду далеко — не в нашем Номосе. Я могу тебя не услышать и не успеть...

— Не надо меня слышать! — негодую я. — И помогать не надо! Я туда тайно поеду — как Ферсандр. И не один, а с Капанидом. А вдвоем мы кого угодно!..

Мама снова смеется, и мне становится обидно. Ну, точно, совсем за малолетку меня считает!

— Я все равно поеду! Все равно!

— Поедешь, — мама уже не смеется. — Конечно, поедешь. Ты ведь сын Тидея! Только... Береги себя, мальчик!

Почему мне вдруг так не хочется никуда ехать?

* * *

Этой дорогой нам идти не советовали. Отговаривали. Пугали даже. Само собой, мы пошли именно ею.

И не потому, что мальчишки всегда поперек взрослых решают. Как же, слыхал! И такие мы, и этакие, и старших не слушаем. Да только что понимают эти старшие (двое козопасов, которых мы встретили на перекрестке)? Ведь чем пугали? Если бы разбойниками или стражниками какого-нибудь здешнего басилея (такого же вонючего козопаса) — еще ладно. Этих, особенно стражников, и в самом деле поберечься следует. А то заладили — даймоны, эмпузы! И еще — наяды с дриадами.

Кусучие они тут!

«Тут» — это в Аркадии.

Ну и страна! Людей мало, городов вообще нет. Одни козы. Ну и, конечно, леса. Густые, вроде того, через который дорога ведет. А ведет она прямиком к морю, к Калидонскому заливу.

Этот путь самым удобным оказался. Чтобы из Аргоса в Калидон попасть, обычно через Коринф едут. Там и дороги лучше,

и харчевни в каждом селе. Удобный — да не для нас. Из Коринфа дорога прямиком в Фивы ведет. А зачем нам это? В темницу не посадят, но шум будет. А вдруг и Ферсандра заметят? Нет, через Аркадию лучше. К морю, там — в лодку, и вот тебе Этолия.

Через море (даже через залив) я еще не плавал, и Сфенел не плавал. Боязно, конечно! Да еще пираты. Дядя Эгиалей рассказывал: обложили все берега, людей хватают, в рабство сидонцам продают, мореходов «пенный сбор» платить заставляют. А вертит всем какой-то басилеишка с Итаки, Лаэртом зовут.

У-у, нет на них всех Геракла! То есть он есть, да что-то давно из Калидона не выезжал.

В общем, решили мы с Капанидом через море махнуть. А к морю этот путь — самый удобный. И разбойников нет. Ну а против ламий с эмпузами и прочих страшилищ у нас со Сфенелом амулеты-змеевики имеются. Да такие, что и не подходи!

Так что зря нас пугали!

* * *

— Спать как, по очереди будем? Как думаешь, Тидид?

Я привстал на локте, осмотрелся. Можно было и не осматриваться. Полянка маленькая, уютная, кострище посередине, не иначе какие-нибудь козопасы оставили. Поперек поляны тропинки крестом идут. Тихо, мирно. И спать хочется.

— Не будем, — решил я. — Если что — услышим.

— Угу.

Оставалось расстелить плащ, завернуться... Нет, сначала лепешку дожевать. Зачерствеет — зубы сломаю.

— А если эти, а-а-а-у-у-у, ламии придут?

(А-а-а-у-у-у — это Капанид зевнул.)

— Какие ламии? — поразился я. — Они же около кладбищ ходят. И эмпузы тоже. А тут — лес!

— А сатиры?

На такое я и отвечать не стал. Сатиров испугался! Сатиры только за сельскими девками бегать горазды. Да и пугливые они теперь. Только в какой-нибудь Аркадии их и встретишь.

...Да и не одних сатиров. Дядя Эвмел сказал, что уже много лет Олимпийцы на землю не ступают. То есть в своем виде не ступают. Если и придут, то вроде как странники или чужеземцы. Приказ у них по Олимпу такой вышел. А которые боги местные, речные да лесные, те тихо сидят.

Так кто кого боится? Мы ИХ — или ОНИ нас?

— А если он гидру нам велит поймать?

Я только и моргнул.

— Кто?!

— А-а-а-у-у-у! Геракл. Скажет, мол, пока гидру не поймаете, волосы не острижете.

Да, не забыл Капанид гидру! И я не забыл. Да вот только поймать... Пытались уже!

— Я чего, а-а-а-у-у-у, придумал? Возле берега мяса накидаем — до самой пещеры. Гидра, а-а-а-у-у-у, туда заползет...

Спит! Уже посапывает. А мне почему-то спать расхотелось. Красиво тут! Луна-Селена через ветки светит, каждую травинку видать. Словно серебром затянуло. Люблю лес! А вот море... Ведь через залив плыть придется! А если волны?

От таких мыслей бедняга Морфей убежал без оглядки. Оставалось вновь накинуть плащ, встать, вдохнуть холодный вкусный воздух...

Хорошо!

А, говорят, в Этолии леса совсем не такие. Деревья там маленькие, кора черная, а ветки без листьев почти. И горы другие. Не с гладкими макушками, как у нас, а острые, высокие, на вершинах даже лес не растет...

И сам не заметил, как на краю поляны оказался. Обернулся, на малиновые угли поглядел. Назад?

Я сделал шаг и вдруг услышал...

Нет, не услышал! Словно ветер сзади подул. Легкий, почти незаметный. Только не ветер это. Листья не шелохнутся, травинки не дрожат...

— Янаанааа-а-а-а! Янаанааа-а-а-а!

Далеко? Нет, близко, только тихо!

Рука уже легла на рукоять ножа. Хороший нож, хеттийский. Не меч, конечно...

— Янаанааа-а-а-а!!

По затылку вроде как муравьи пробежали. Пробежали — сгинули.

Испугался, герой?

Ну поют, ну и что? Тем более голос женский. Даже не женский. Вроде как девчонка пищит.

— Янаанааа-а-а-а! Янаанааа-а-а-а!

Нет, не девчонка. Девчонки!

Первая мысль: Капанида будить. Вторая: было б из-за чего! Какие-то босоногие пастушки вышли в лес побегать. Они же

тут, в Аркадии, каждому кусту кланяются. Наверное, решили у какого-нибудь пня-коряги песни попеть, голышом побегать... Голышом?

Ух ты!

Первое дело на войне что? Правильно, голодным не оказаться. А второе? А второе — разведка. Если голышом — точно Сфенела разбужу!

Я ошибся. Пели не близко, а очень близко. Прямо за деревьями, и дюжины шагов не будет — еще одна поляна. Тоже круглая, но побольше. На той стороне — дерево поваленное. Старое.

И — огоньки!

Огоньки я уже лежа наблюдал — в траве. Мало ли? Тем более никаких девчонок...

— Янаанааа-а-а-а!!

Да, огоньки! Над самой травой огоньки. Вроде светляков, только поярче. И движутся!

Мне бы испугаться, конечно. Да вот не испугался — до того интересно стало. Слыхал о таком! Сначала движутся, потом туманом пойдут...

Есть! Заспешили, закружились мотыльками. Быстрее, быстрее!..

— Янаанааа-а-а-а! Янаанааа-а-а-а!

Вот они!

Сквозь нестойкий призрачный огонь, сквозь светящийся туман...

Я не ошибся — девчонки. Маленькие совсем. И голышом. Да только непростые девчонки. Вроде как сами из тумана вылеплены. И волосы светятся, и лица. Серебром светятся..

Пора Капанида будить. Дриады! Когда еще их увидишь? Тем более и бояться нечего. Зато будет что дома рассказать!

— Хейя-я-я!

Замерли! Замерли, в кружок собрались... Эх, и уходить не хочется!

— Хелихелина! Хелихелина!

Я чуть не рассмеялся, но вовремя рот рукой закрыл. Девчонки — всегда девчонки, даже если они не девчонки, а дриады. Сейчас играть будут — в хелихелину. В черепаху то есть. Мудреная игра — одна бежит, другая догоняет. Догонит — и сама убегает...

— Черепаха-пряха, что творишь в кругу?
— Из шафрана яркого пеплос новый тку!

Поймали! И снова ловят!

— Куда делся, нам открой, друг сердечный твой?
— Сел на бела он коня, да и в озеро — плашмя! Ай-й-й!

«Ай-й-й!» — это не по игре. Это они меня увидели. Поднял голову, дурень! Засмотрелся!

— Светлая! Светлая! Помоги-и-и!

И вдруг я понял — пора удирать. Взаправду. И быстро.

...Ударила ветка по лицу...

Ой!

Вместо прохода — ствол дубовый. Старый, не обхватить. Рядом... Тоже ствол. Да как же?.. Ах ты, Дий Подземный! Колючки!

Стена! И слева, и справа. Словно деревья плечи сомкнули. Сомкнули, сучьями ощетинились.

Фаланга!

А если через поляну? Успею?

Обернулся...

Ни огоньков, ни девчонок. А вместо ствола поваленного — серебряный... костер? Нет, но похоже. Дрожит, движется...

— Тебе не уйти, мальчик!

Спокойно звучал Ее голос. С насмешкой. И я понял — не уйти.

Ближе, ближе. Серебро расплывается, рассыпается искрами...

— Не уйти!..

Эх, раньше нужно было деру давать! Дриады не обидят, а вот Та, что над ними всеми хозяйка...

Словно вихрь над поляной пронесся. Дрогнули деревья, шумнули кронами. Мотыльками разлетелись искры.

Она!

Серебряные волосы падали на грудь, серебром горела диадема, серебром светилась кожа...

Воздух застрял в горле. Не от страха, нет. Она была... Она была...

— И тебе не страшно, мальчик?

В голосе — насмешка. В глазах — искорки смеха. Серебряные.

— Не страшно! — прохрипел я. — Радуйся, Светлая!

— Радуйся и ты, — в голосе мелькнуло любопытство (краешком, краешком). — Кто ты, мальчик?

Мальчик?

Руки на бедра, подбородок — вперед.

— Я — это я! И я не мальчик, Светлая!

— Ты — это ты?

Теперь Она и в самом деле удивилась. По-настоящему.

— Кто научил тебя так отвечать? А-а, вижу! Твоя кровь! Она светится. Но ведь ты не бог?

Вот еще! Страх куда-то делся, осталась... Обида? С чего это мне на Нее обижаться?

— Я — Диомед, сын Тидея! А кто Ты, Светлая?

Смех — легкий, серебристый.

— Глупый мальчишка! Почему ты не боишься смерти? Ведь я не выпущу тебя отсюда!

«Еще чего!» — хотел рубануть я, открыл рот...

— Потому что Ты — красивая. Ты — самая красивая!

Дий Ясное Небо, Психопомп Ворюга! Кто это сказал? Я?!

Рука — тонкая, гладкая — протянулась вперед, легко коснулась щеки. Я ждал холода, но теплыми были Ее пальцы. Теплыми — как дыхание.

— Я красивая, верно. А кто ты такой, Диомед, наглый мальчишка, посмевший зайти сюда? Я не позволяю говорить такое даже богам! Здесь всюду — я. И тебе не поможет даже та, чья кровь светится в твоих жилах.

И почему мне почудилась, что Она не сердится?

— Я не мальчишка! — упрямо повторил я. — А Ты — самая красивая. А теперь делай со мной что хочешь, Светлая!

Сказал — и только вздохнул. А если Она меня съесть решит?

— Что хочу? Мне не нужно для этого твоего разрешения, Диомед, сын Тидея! Я вижу, ты не очень говорлив. В моем лесу есть скворцы, они любят повторять одно и то же.

Ей было смешно. Мальчишка посмел сказать...

Скворец, значит?

— *Одна несравненная дева желаннее всех для меня, — та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года. Лучится ее красота, и светится кожа ее...*

А ведь я смеялся, пока эту табличку хеттийскую у дяди Эвмела переводил! Даже не смеялся — хихикал.

— *Горделивая шея у нее над сверкающей грудью. Кудри ее — лазурит неподдельный. Золота лучше — округлые руки ее. С венчиком лотоса могут сравниться пальцы...*

Я посмотрел Ей прямо в глаза. Смешно? Нет! Не смешно!

— *Поступь ее благородна, глубоко и таинственно лоно, и стройные бедра словно ведут на ходу спор о ее красоте...*

— Замолчи! — Ее голос ударил, как бич. — Я вырву тебе язык, наглец!

— Рви!

Она помолчала, качнула головой:

— Я превращу тебя в ветер! В туман над болотом. В ночное зарево!.. Сядь!

От неожиданности я не сел — бухнулся в траву. Она поджала губы, постояла... присела рядом.

...Странно, Она уже не была серебряной. То есть была, конечно, но какой-то не такой. Может, потому, что мы сидели совсем близко?

— Вот ты какой!.. Да, ты не похож на скворца. Хорошо, оставим это! Кто бы ты ни был, это мой лес! Ты напугал моих девочек, Диомед. Люди... Они добираются даже сюда. Скоро придется уходить. Жаль...

Я вздохнул. И действительно, нехорошо вышло.

— Извини, что напугал Твоих девчонок, Светлая!

— Девчонок? — Ее глаза (уже не серебряные — темные, как ночное небо) удивленно блеснули. — Ты не любишь девчонок, Диомед?

Вопросик! Пусть на такие вопросы Амфилох отвечает.

— Ну... Они такие, Светлая... Глупые. И вопят все время. И мамам жалуются.

Задумалась. Дрогнули губы (не серебряные, живые!), строгими стали глаза.

— Я тебя отпущу, Диомед. Но ты пообещаешь... Поклянешься именем своим и кровью своей, что никогда... никогда — слышишь? — не обидишь женщину. Не ударишь, не оскорбишь, не надругаешься. Никогда!

Я сглотнул. Ну, это понятно. Герои не обижают девчонок! Или она имела в виду что-то другое?

— Клянусь! — выдохнул я.

— Повтори!

— Клянусь! Именем своим и кровью!

Так я еще никогда не клялся. На миг вернулся страх. Что я Ей пообещал? Но поздно, слова уже сказаны...

— Хорошо! — Ее глаза оставались строгими. — Иди!

Фу-у-у-у! Не съедят! Вскочить, прямиком сквозь кусты...

— Не хочу! — отрезал я, не сдвинувшись с места.

— Не хочешь, дерзкий мальчик? — Ее лицо оказалось совсем рядом. — Не хочешь? А чего же ты хочешь?

Я молчал. Упрямо, не разжимая губ. Не хочу уходить! И все тут!

И вдруг Она улыбнулась. Улыбнулась, покачала головой:

— Ты, кажется, разрешил делать с тобой все, что угодно, Диомед, сын Тидея?.. А может, все-таки уйдешь?

Ее волосы чуть коснулись моего лица. Словно легкий ветер...

— Ни за что! — прошептал я. — Ни за что!

— Тогда... — улыбка исчезла с губ, темным огнем блеснули глаза. — Тогда ты будешь искать меня всю жизнь. В каждой женщине, понимаешь? Искать — и не находить. Лучше уйди, Диомед, глупый наглый мальчишка...

Я коснулся Ее руки — живой, теплой. Под пальцами еле заметно ударила кровь. Быстро-быстро...

— Не уйду, — повторил я. — И ты не уйдешь, Светлая!

— Уйди! — повторила Она. — Ты станешь несчастным — на всю жизнь. Не хочу, уйди!

— Пусть! — Я усмехнулся, наклонился к Ее лицу. — Пусть! Ты заставила меня клясться, Светлая. А у меня есть заклинание — для тебя!

...Тоже с таблички. Не с хеттийской — с критской. Богов и даймонов, как известно, заклинают. А богинь?

— Возжелай тела моего, ног!
Возжелай глаз, возжелай бедер!
Глаза твои, ко мне вожделеющие,
Да увянут от страсти!
Льнущей к дланям моим я тебя делаю,
Делаю к сердцу льнущей...

— Замолчи! — прошептала Она. — Не смей, глупый, наглый, самоуверенный мальчишка. Не смей, не смей! Мальчишка, мальчиш...

Не договорила. Ее губы... Наши губы...

...И вновь — серебряные искры. Закружились, закружили, унесли. Я исчез, меня не стало, я умчался ветром, растекся серебристым туманом — над травой, над старыми кронами, над тихим ночным лесом...

...лучится красота Ее... искать... всю жизнь... возжелай... льнущей к ладоням моим... искать Тебя! глаза Твои... искать... стройные бедра ведут спор... всю жизнь! всю мою жизнь! таинственно лоно... искать Тебя... та, что блистает... блистает...

* * *

— И где тебя гарпии носили? — осведомился Капанид, протирая глаза. — Ночью встал, чтобы отлить, а тебя нет!

А действительно, где меня носило?

— Ламий гонял. Чтоб тебя не съели.

Кажется, он поперхнулся.

— Э-это к-каких? Настоящих?

— Точно, — согласился я. — Настоящих. С ослиными ногами которые.

СТРОФА-II

Полгода назад был я в Элиде у тамошнего басилея. Дедушка Адраст послал — у него (у басилея, не у дедушки) сын родился, а я поздравления передавал — как дедушкин внук. Басилей этот (Финеем его зовут, толстый, вроде дяди Гиппомедонта) показывал мне скотный двор Авгия, которого дядя Геракл убил. Так вот, тамошний свинарник...

— Эней, сын Портаона, басилей калидонский и всей Этолии Приречной, устами моими передает, что ему нет дела до пришлецов, именующих себя Диомедом, сыном Тидея, и Сфенелом...

...все-таки получше дворца моего дедушки Ойнея Портаонида (Энея — по-здешнему). Пахнет так же, а вид попристойней. Зато глашатай дворцовый — точно свинья. И рожа, и голос...

— ...сыном Капанея. И тех пришлецов в дворец наш пускать отнюдь не велено, и в Калидоне нашем причин им находиться нет...

Да-а, сходили в гости! Дернул меня Дий Подземный к дедушке Ойнею заглянуть. Правда, его тут больше Живоглотом зовут.

— А посему Эней, сын Портаона, басилей Калидона и всей Этолии Приречной, повелевает упомянутым пришлецам из Калидона вон идти, куда их воля будет, не позднее заката дня следующего...

Добрый дедушка мой! Мог бы и сейчас в шею из города вытолкать!

Ворота — хлоп-хлоп, стражники (панцири-то времен Девкалиона) — топ-топ, и остались мы с Капанидом одни-одинешеньки прямо на главной площади богохранимого Калидона.

(Акрополя тут нет, через стены городские курица перескочит, да и сам город с две наших Глубоких улицы.)

Ну и ладно!

— Ну чего, Тидид, пошли к Гераклу? — невозмутимо предложил Сфенел, почесав свою репку. — Ну их!

И вправду, ну их!

Я оглянулся. Пуста площадь, и улица пуста. Зато пыли полно. Это потому, что тут деревьев нет. А у нас, в Аргосе...

...У нас? Но ведь Калидон — мой город! Папа наследником здешним был! А теперь наследник — вроде как я!

Обидно!

— Пошли! — вздохнул я. — Раз уж приехали.

— Эй, ребята! Эй!

Это нас?

Оказалось, что нас. Ворота закрыты, зато сквозь калитку, которая сбоку, торчит длинный нос. В прыщах. Он-то и позвал. Нос.

— Ты Диомед, да? Сынок Тидея? Как же, как же, похож! Ну, радуйся!

— Радуйся! — кивнул я носу, слегка обидевшись на «сынка». То, что было за носом, слегка напоминало медный тазик. Нечищеный.

— А я твой дядюшка, хи-хи, дядюшка. Терсит я, сын Агрия. Наверное, голоден, племянничек? И ночевать негде, правда?

Спрошено было так, что захотелось послать нос вместе с тазиком прямиком в эмпузову задницу. Хоть и нехорошо так говорить.

— Заходи вечерком с дружком своим в мой дом. У ворот, стало быть, направо. На поварню заходи, накормят. А ночевать — извини, не пущу, хи-хи, не пущу. Держи!

Кроме носа с тазиком за калиткой оказалась еще рука с длинными желтыми ногтями.

— Держи, держи, Диомед. Я, хи-хи, родичей почитаю!

На моей ладони оказался маленький серый слиточек серебра, слегка обрезанный с краев. Ответить я не успел. Калитка скрипнула...

— Выбрось, — посоветовал Сфенел. — Тоже мне, дядюшка!

Я хотел последовать его совету, как вдруг...

...Собственно, не «вдруг». Конский топот я давно слышал. Кто-то по улице ехал от городских ворот. И даже не «кто-то», а целых трое. Верхами.

У нас в Аргосе все больше на колесницах ездят. А тут, в Этолии, колесниц и нет. Кладут на конскую спину попону — и вперед. Оно и удобно — по здешним горным дорогам. Точнее, по тому, что здесь дорогами называют.

В общем, трое. Таких мы уже видели. Бородатые, в меховых плащах (в такую-то жару!), луки — у седла, дротики — за спиной, мечи — у пояса. Тут так все ездят — иначе без головы остать-

ся можно. Веселый край — моя Этолия! Этолийцы — еще покруче дорийцев. Что ни день, скот воруют — и у соседей, и у своих. И людей воруют. И просто режут. Особенно куреты, которые за рекой живут. Эге, да это они и есть!

Спешились, переглянулись. Который постарше, с бородищей до пояса, лошадей в сторонку отвел. Второй, тоже постарше, у лошадей остался. А вот третий...

— Он чего, к нам? — Капанид на всякий случай погладил рукоять кинжала. — Глянь, диадема!

Диадему-то и я заметил. Серебряную, как у дяди Эгиалея. Только дяде сейчас тридцать пять, а этому, что шел к нам, не больше пятнадцати. Мальчишка еще. Правда, волосы короткие. Постригли!

На щеках — пушок темный, зубы белые, крепкие — хоть мрамор кусай...

— Радуйтесь, путники!

Не знаю почему, но я не обрадовался. Хотя и ответил. Мы — люди вежливые.

— Не могу ли я поговорить с сыном Тидея Энеида наедине?

Он тоже, оказывается, вежливый. Даже поклонился — слегка.

— Не ходи! — баском буркнул Капанид, но я только плечом дернул. Не украдет же он меня прямо на главной площади!

Отошли. Постояли. Парень губой дернул.

— Радуйся, Диомед Тидид! Я — Фоас сын, Андремона. Ты — мой кровник.

Кто-о?

Говорил он тихо, брезгливо даже. И на меня не глядел.

— Твой отец убил моего деда, басилея Афарея. А я убью тебя. Сегодня к восходу луны приходи на мост, что за городом. За мостом — наша земля, там правит мой отец, басилей Куретии Плевронской. Придешь — я убью тебя, как мужчину, в грудь. А нет — зарежем, как овцу. Из Калидона не выпустим.

Тут он впервые на меня посмотрел — спокойно, равнодушно. Словно перед ним и вправду овца связанная лежала.

— Твоего друга мы не тронем. Не побоишься прийти, похороню тебя, как сына вождя. Не придешь — выкинем твой труп собакам. Прощай!

Кивнул. Нет, даже поклонился!

А вокруг все каким-то ненастоящим стало. Словно и не со мной это происходит. Словно кто-то другой стоит столбом по щиколотку в пыли на этой дурацкой площади. Другой — не я!

Это кого-то другого резать станут. Меня — нет, меня не могут, не могут...

— Прощай! — выдохнул я. — Приду.

И вновь — словно не я сказал. Не мог я такое сказать! Ничего себе — прямо к Танату-Смерти в гости идти!

А я-то уже решил, что никому здесь не нужен! Выходит, нужен, и даже очень. Когда папа про родичей своих рассказывал, мне казалось, что это все — вроде страшной сказки. И мама предупреждала.

Мама! Надо позвать маму. Она поможет!

— И чего он хотел, Тидид?

— А?

Очнулся — там, где и стоял столбом. А вокруг — никого. Значит, уже уехали чернобородые. Я даже и не заметил.

— Ничего, — наконец проговорил я. — Это мой родич Фоас. Поздоровался.

* * *

В этот дом мы уже стучались с опаской. Не любят гостей в Калидоне Этолийском! Если уж дедушка меня на порог не пустил!

...А о дяде Геракле всякое говорят. Будто и не безумен он. Просто думает много. Вспоминает. И действительно, есть о чем! Хорошо, если так, ведь он — тоже мой родич. Его можно о помощи попросить. Родичам не отказывают!..

(Капаниду я так ничего и не сказал. Еще не хватало!)

— Вы чего, к Гераклу?

В дверях — здоровенный дядька. Бородатый. В глазах — скука смертная. Стоит, к стене прислонившись. И под ногтями чистит.

— Мы... — начал было я.

— Катитесь отсюда! Ходят, ходят...

И так вздохнул! Будто надоели мы ему хуже репы вяленой. Будто ходим сюда каждый день — по четыре раза.

— Геракл ни с кем сейчас не разговаривает. Занят он. А вы — катитесь!

И все ногти в порядок приводит!

Так я и знал! То есть не знал, конечно. Я-то, честно говоря, совсем на другое рассчитывал.

Поглядел на Капанида — словно друг мой помочь мог. Да чем тут поможешь?

— А мы не к нему! — внезапно брякнул Сфенел (басом! басом!). — Мы к тете Деянире. Я ее племянника привел.

А ведь действительно — помог!

— Кушайте, мальчики, кушайте! Может, вина налить? Немного?

Я только головой покачал (рот занят был), а Сфенел...

— Спасибо, тетя Деянира. Мне — немножко!

(И снова — басом!)

Наливает тетя!

Без Капанида я бы точно пропал. Потому как тетя Деянира уж больно грозной оказалась. Рост — повыше Сфенелова, плечи (и кулаки!) — как у того дядьки, что ногти чистил (Лихасом его зовут). И басом говорит. Правда, красивая, ничего не скажешь. Большая!

(А еще, говорят, она копьем хорошо работает. Вот бы поглядеть!)

А Сфенел — молодец. Я-то молчал больше, а он и про папу рассказал, и про дядю Капанея, и всех родичей вспомнил. Капанид тете Деянире тоже кем-то приходится. А тетя...

— Вы, мальчики, Лихаса нашего извините. Сами понимаете, кто ни приедет — сразу к Гераклу. Сейчас еще ничего, а как праздник какой...

Говорит (басит!) и все на Сфенела смотрит. А Капанид — молодец! Чашу поднял, Дионису-Бромию плеснул, как положено, здравицу хозяевам провозгласил. Я даже пожалел, что не пью.

— Ну, рассказывайте! Как там в Аргосе?

Рассказывать, само собой, Сфенелу выпало. И хорошо! Капанид — парень основательный, как и его папа. Ничего не забудет, не упустит. И все — басом, басом. Правда, порой петуха пускает, но — ничего.

Сфенел басит, тетя Деянира басит, я косулю жареную кушаю, водой со снегом запиваю.

Хорошо!

Потом и тетя кой-чего рассказала. Спокойно тут у них, в Калидоне Этолийском. Раньше куреты из-за реки скот воровали, но с дядей Гераклом сразу притихли (еще бы!). У дяди Геракла стад много, и быки, и козы, и овцы. И кони тоже есть. Может, и не столько, как у покойного Авгия Элидского, но — хватает.

Странное дело — про детей своих моя тетя куда меньше говорила. Да и что говорить? Сыновья — все четверо — при стадах, и дочка, Макария, там же. Не иначе, доить учится.

(А с дедушкой Живоглотом тетя Деянира даже не видится. А ведь она — его младшая дочь!)

В общем, про стада тетя долго рассказывала. С чувством. Капанид и тут не подкачал. Он ведь не то что я. Я — изгнанник, чужак. А Сфенел — самого Анаксагора потомок, его темен (владение то есть) — чуть ли не самый большой в Арголиде. Так что и у него всяких стад хватает.

Тетя Деянира про стада Сфенеловы услыхала — и совсем растаяла, как снег у меня в чаше. Улыбалась, кивала, про быков переспрашивала (ба-а-асом, ба-а-асом). В общем, поняли они друг друга.

А я косулю доковырял, воды хлебнул. Задумался.

И в самом деле, делать чего?

Что маму звать не буду — это я уже решил. И не потому, что она сейчас далеко и может не услышать. Мое это дело. Папа под Фивами тоже мог маму позвать. Ведь его там убивали! Но — не позвал ведь.

Я — кровник куретам. Не мама!

А дяде Гераклу, похоже, не до меня. Вспоминает он — так тетя Деянира сказала. В покоях своих сидит, шкуру на плечи накинул (ту самую, от льва Немейского) и вспоминает. Может, про льва, может, про гидру. В общем, не узнает никого.

А даже если бы и узнавал. Куреты — это не лев и не гидра. Заступится за меня дядя, а они ему стада перережут. Или тетю Деяниру убьют. И не посмотрят, что дядя — сын самого Зевса и первый во всей Элладе герой. Куреты никого не боятся. Геракла они, конечно, уважают и не трогают (потому и через реку переходить перестали). Но если он в кровную вражду вмешается — все!

А ведь дядя Геракл не тутошний. Изгнанник, как и я. Куда ему потом ехать?

Думаю, а сам за окно гляжу. Скоро темнеть станет. А там... Ой, страшно! То есть не страшно, я ведь ничего не боюсь!..

...как овцу! Кинут на землю, голову вверх задерут — и тупым ножом по горлу!..

Ну почему я маму не послушал! Ведь говорила же.

А если... Меч бы достать! Настоящий! Один на один я бы с этим Фоасом схватился. Он ведь не знает, что я, когда злюсь, реку вижу! Да только где меч достанешь? И не поможет это. Его

убью — другой меня убивать станет. Потому что в кровной мести правил нет, это не война...

...как овцу! Это если я не приду. А если приду...

— Лихас, ты... Дай мне меч! Я потом тебе отдам.

Скривился, на ногти посмотрел. Сейчас сплюнет!

— Еще чего?

Ясно... Хорошо хоть не плюнул!

* * *

К Гераклу меня все-таки пустили. На чуть-чуть. Поздороваться. Одного пустили — без Капанида. Потому как я — племянник. Да и не любит дядя Геракл, когда к нему больше чем один заходит. Вспылить может.

Это все мне тетя Деянира рассказала. Шепотом. Рассказала, к двери высокой подтолкнула. Я за ручку медную (под гроздь виноградную сделана) взялся...

Страшно?

Да нет, по сравнению с тем, что ночью будет, не очень. Просто — Геракл!

...То есть не «просто». Геракл! Великий! Величайший! Тот, кто небо на плечах держал!

(Правда, дядя Эвмел говорит, что с небом все иначе было. Но это тоже «тс-с-с!».)

Одно слово — ГЕРАКЛ!

Ладно...

В покоях — темно. Светильник в углу чадит, еще один — у окна. А окно чем-то тяжелым завешено. Посреди же — не поймешь. То ли ложе, то ли кресло. Под креслом (или ложем?) дубина лежит — с меня ростом.

Ой!

И — шум. Словно гидра сюда заглянула. Вдо-о-ох! Вы-ы-ыдох!

А как глаза к полутьме привыкли, я и увидел, что это не гидра. Это дядя Геракл. На ложе сидит, бородищу кулаком подпер, локтем о шкуру львиную (ту самую!) оперся...

Вспоминает!

И дышит громко. Вдо-о-ох! Вы-ы-ыдох!

Если бы не светильники эти дрянные, я бы его лучше рассмотрел. А так — что увидишь? Большой он очень. И руки волосатые, и грудь. Лицо тоже большое, особенно брови. Хмурое лицо.

Кашлянул я, да только без толку. Не видит меня дядя Геракл. Не смотрит. На покрывало красное смотрит или на шкуру, не разберешь. И губами шевелит.

Огляделся я немного. В углу треножник, на нем лежит чего-то, еще дальше — колчан (тоже с меня ростом). Думал лук его знаменитый увидеть, но не увидел. Спрятали, наверное, лук.

Пора здороваться. А то «чуть-чуть», на которое меня пустили, кончится.

— Радуйся, Геракл Амфитрионид. Я Диомед из Аргоса, твой племянник.

Эх, мне бы Капанидов басок! Не сказал — прочирикал.

...Или проблеял. Как овца под ножом!

Вначале — ничего. Дышит только. Но вот дрогнул кулак, на котором бородища лежала. Медленно-медленно приподнялась голова.

— Ди-о-мед?

Так и сказал — по слогам. Словно значками на табличке написал.

— Ди-о-мед... Кони... Кони.. Где Абдер? Брат, ищи Абдера! Кони... Кони...

А дальше — и не понять. Громко — а не понять. Вроде бы тоже что-то про коней. А меня уже — за локоть. Это тетя Деянира подошла. Кончилось мое «чуть-чуть».

* * *

Тихо. Темно. Душно.

Это ложе, наверное, для дяди Геракла делали. На него можно десять таких, как я, уложить. Но уложили меня одного — в гостевом покое. Капанида тетя Деянира к себе позвала. Должно быть, про быков поговорить.

Оно и лучше. Не в смысле, что про быков, а то, что я один остался. Тем более уже ночь, часа через два и луна взойдет...

А до моста — чуть меньше часу ходу. Через ворота (закрыты они, но через стену перемахнуть — нечего делать), по дороге — и к реке. Перед мостом — герма старая. А за мостом — уже Куретия.

Про герму мне Лихас рассказал — после того, как меч дать отказался. Рассказал — и впервые не на ногти посмотрел, а на меня. Странно так посмотрел!

Душно тут! Хорошо хоть ставни открыты! Окошко во двор выходит, на дворе сарай какой-то...

...А дверь, что на двор ведет, изнутри закрывается. На щеколду. Это я уже проверил.

Ну все! Пора идти. Только бы Сфенел не вернулся, а то объясняться придется!

Думал я вначале просто убежать. Один. Конечно, куреты тут все тропинки знают (и, поди, стерегут!), да я и без тропинок могу. Учили! Небось, как мы с Капанидом в Дельфы пробирались, стражи побольше было. Убежать — и все, ищи Борея в море! А Сфенела они не тронут, он им не сделал ничего.

Стыдно? Да какое стыдно, я ведь мальчишка еще. Один — против всей Куретии. Тоже мне доблесть — под ножами ихними помирать!

В общем, думал — но не убежал. А теперь уже поздно.

И сам даже не понимаю, почему не убежал? Папа, конечно, так не поступил бы, остался, но ведь он взрослым был!

Эх, придется нам у кого-то другого задание просить, чтобы волосы состричь! То есть не нам — Капаниду. Ничего, разберется!

Убежать — не убежал, маму звать нельзя, дядя Геракл не поможет...

...А я понял, про что он говорил! Он другого Диомеда вспомнил, у которого кони людей ели. Тогда он с братом Ификлом этого Диомеда убил. За то, что тот дядиного мальчика Абдера коням своим кинул. Вот дядя Геракл всех их и вспомнил — разом.

Да, дядя Геракл не поможет, дядюшка Терсит... Да чтоб он в Тартар провалился, этот дядюшка Терсит! Вместе с дедушкой Живоглотом!

Тихо. Темно. Душно.

Надо идти.

А интересно, вспомнит ли меня Светлая? Только ошиблась Она — некому искать Ее будет. Жалко, я бы искал. Всю жизнь...

Пора!

— Ой!

Это не я «ой!» сказал — Сфенел. И не басом — просто так. Это когда мы с ним в коридоре столкнулись. Вышел я из спальни, дверь тихонечко прикрыл — а тут он.

Странно, «ой!» от него я слышу впервые!

— Я... Это... Ну...

Я так удивился (чего это с ним?), что даже на миг забыл, куда иду. И действительно — красный он, Капанид, волосы дыбом (как у Горгоны!), хитон на плечо съехал...

Побили, что ли?

— Я это... Это...

Взгляд такой — словно и взаправду побили. На щеке — пятно красное. И на шее.

— Я, Тидид, не хотел. Не хотел! Это она, тетя Деянира! Она заставила! И второй раз — тоже...

Вот-вот заплачет. Это Капанид-то! Жаль, нет времени расспросить! И чего это тетя его заставляла делать? Всех быков с козами по кличкам перечислять?

— Пойду, — киваю я. — Ты... Оставайся. Спи!

Вообще-то попрощаться надо. Полагается. Все-таки мы друзья! Лучшие друзья — с детства самого. Но... Нельзя!

— А-а ты куда?

Ну вот! Спросил!

Не отвечаю, иду. Быстро иду. А Сфенел....

— Ты... Ты что, обиделся? Ну да, она тебе, конечно, тетя, но я... Но она...

Ох, тетя тут при чем? Поссорились они с Капанидом, что ли? Ничего, помирятся!

Дверь! Щеколду — в сторону. Ох, и скрипит! Не услышал бы кто...

— Да куда ты?! Хорошо на дворе! Воздух холодный, вкусный. Почти как в лесу.

— Куда?..

Куда-куда? Туда!

— Гулять! А ты спать иди, понял, да? Иди! Понял? Спать иди!

Зря я так! Никогда на Сфенела не орал. Мы же друзья! Но... Как еще скажешь?

Он будто о чем-то догадался. Мигнул, репку свою почесал, затем вроде как за бороду дернул (не выросла еще, это он папе своему подражает).

— Ты... Я сейчас!

Куда это он? Ах да, там же пифос с водой! Никак умыться решил? Вот и хорошо! А я в ворота! Заперты? Ничего, перескочу...

...Догнал он меня уже на улице.

АНТИСТРОФА-II

За воротами — не дядиными, городскими — еще свежее стало. Я даже пожалел, что плащ не надел — в одном хитоне выбежал. А над лесом близким — уже полоска светлая серебрится. Скоро с Селеной встретимся!

И не только с нею...

— Значит, без меня идти решил? — обиженно басит Сфенел. — Без меня, значит? Небось, папа твой без моего никуда бы не пошел!

Рассказал я ему все. Не хотел, но пришлось. Друзья ведь!

А дорога под ногами так и стелется. Узкая, чуть под уклон. Так бежать и приглашает...

...На одной табличке было — из тех, что я у дяди Эвмела читал. Самая, мол, удобная дорога — которая в Гадес ведет. Ровная, гладкая, не заблудишься...

— Так ты с ним что, драться решил? — не отстает Капанид. — С этим, в шкуре?

— Решил...

— Ну и правильно! Ты его враз положишь. А если кто еще полезет, того я скручу! — А сам ручку кинжала поглаживает. Эх, Капанид! Даже если чудо, если мы вдвоем, как Геракл с Ификлом, все куретское воинство разгоним, все равно ведь уйти не дадут. Достанут!

Кровник — это навсегда. Врага можно пожалеть, простить. И помириться можно. А со мной мириться они не могут. Боги не простят потому что. И души убитых папой тоже не простят. Из самого Гадеса придут! Капанид просто не знает, у нас... у них в Аргосе давно не мстят. Очистят поросячьей кровью у алтаря — и все. А у нас...

...А дорога все под уклон, под уклон. Легко, легко идти!

Хорошо, что Сфенел так думает! Его, наверное, не тронут. У него волосы длинные, не стриженные еще, таких трогать сам Зевс-Гостеприимец не велит. И меня бы не тронули, если бы, скажем, война.

Кровника — тронут. Ну и ладно! Главное, чтобы не как овцу!

...А вокруг уже лес, дорога вверх пошла, но все равно, идти легко, ноги сами несут, словно на сандалиях крылышки выросли, как у Психопомпа-Килления...

...А может, и не вспомнит меня Светлая. Кто я ей? Обидно, если не вспомнит — хотя бы разок.

...та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года. Лучится ее красота, и светится кожа ее...

— А вот и речка. Смотри, Тидид, герма!

Голос у Сфенела такой, словно он и рад. Ну еще бы, подраться можно!

Над лесом острый серп вынырнул. Вынырнул, засветился. Успели!

— Пойдем, что ли?

Я вздохнул, на Луну-Селену поглядел (серп серебряный — это, говорят, ее диадема: красивая!). А потом на мост взглянул. Вот он, старый, с краев камни свалились, под ним речка шумит... Шагов двадцать — и мы там. В Куретии.

Мост, речка, за речкой — лес, перед мостом — герма. Старая, по уши в землю вросла.

Герма?

— Эти слова на твоем языке, мама? Как и колыбельная?

— Да, сынок, на моем. Их легко запомнить, правда? Но главное — кровь. Когда не будет выхода, порежь себе руку. Ты ведь не испугаешься, если будет немного больно?

— Мама!

— Ладно, ладно, ты уже взрослый, знаю! Крови много не надо, всего несколько капель...

— А почему он должен помогать? Ведь ты его не любишь? А вдруг не захочет?

— МЫ — не люди, сынок. НАС можно заклясть. Это — как отравленная стрела. Много бы дал Психопомп, чтобы мы с тобой забыли эти слова!

— Мама, а ты... Неужели и тебя так можно...

— Заклясть? Можно, мальчик. Да вот только никто не знает, как. И не узнает. Никогда!

От каменного лика уцелел только нос. Вместо глаз — источенные ветром и дождями выемки. Рот... Нет его, в землю ушел.

Ну и пусть себе!

Я обернулся. Сфенел беззвучно шевелил губами — не иначе Килления о помощи молил. Самое время! Вот и я сейчас его попрошу. И много слов мне не надо, пяти вполне хватит. Пяти слов — и вот этого!

Кинжал бесшумно покинул ножны. Лезвие острое, сам точил! Даже боли не почувствую. Просто плеснет кровь на старый камень, просто вспыхнут красным огнем глаза-выемки...

...Или по-другому будет. Но — будет!

Ну что, Фоас, сын Андремона, наследник куретский, не ожидал?

Бронза дрогнула, едва коснувшись кожи. Мой родич мог ударить ножом в спину. Полное право имел! И дротик бросить. И стрелой отравленной угостить.

Мог!

А вместо этого...

— Эй, Тидид! Ты...

В голосе Сфенела — тревога. Он не понимает, зачем его друг стоит у старой гермы с кинжалом в руках. Хвала богам, не понимает!

Мне нечего бояться! Смерть легко вызвать. Кровь да пяток слов, которые так легко запомнить!

— Тидид!

— Да, — кивнул я. — Пойдем.

Кинжал — в ножны. Ненадолго. Но это будет мой бой!

Мой!

Я — человек, и мне не нужны даймоны. Я — человек, меня нельзя заклясть, как эту каменную башку.

Я — человек!

Темно за мостом. Словно там уже — Тартар. Словно не речушку безымянную нам переходить, а Коцит с Флегетоном...

— Эфеб Сфенел Капанид!

— Здесь!

— В Куретию Заречную... строевым... репку вверх, под ноги не глядеть, идти бодро-весело-хорошо!.. Походную, про Геракла... запе-е-вай!

* * *

Возрадуйся, о царь Геракл!
Тепелла-пелла-пей!
А с ним копейщик Иолай!
Тепелла-пелла-пей!
А с ним Ификл — Железный Меч!
Тепелла-пелла-пей!
И вождь вождей Амфитрион!
Тепелла-пелла-пей!
И пусть подохнут все враги!
Тепелла-пелла-пей!

* * *

Про врагов мы как раз вовремя допели. Уже за мостом — в Куретии. Допели, сандалиями по пыли шлепнули.

Знай наших!

А как допели, как глотнули теплой пыли, так даже легче стало. Вот и все, Тидид! И бояться не надо, и убегать не надо, и Психопомпов всяких на помощь из Гадеса кликать — тоже не надо. А что нужно? Песню спели, самое время — поорать.

Кинжал из ножен, темную бронзу — вверх, к холодному лику Селены. И-и раз!

— Кабан! Каба-а-ан! Ка-а-аба-ан! Уноси тепленького-о-о-о-о!

И — вместе, до хрипоты, до звона в ушах, чтобы всем все ясно стало:

— Аргос! Аргос! Аргос! Арго-о-ос!

Теперь — вздохнуть, плечи расправить, хитон — одернуть...

— Кур-р-р-р-р! Кур-р-р-р-р! Кур-р-р-р-р!

Ответили!

Сперва негромко, протяжно, с диким чудным распевом, затем все сильнее, в полный голос, до самого черного неба, до сияющего венца Селены...

— Кур-р-р-р-р! Кур-р-р-р-р!

Летняя ночь дохнула холодом. Заледенели пальцы, победное «Аргос!» замерзло в горле.

Куреты!

Беспощадные, бесстрашные, неодолимые. Так же, в давние годы, кричали они, охраняя в колыбели на далеком Крите самого Дия-Зевса. Тогда их вожди не побоялись встать против всевластного Крона, Крона-Времени. Встали — и победили!

— Кур-р-р-р-р!

Я зажмурился. Вот и кончился твой поход в Заречье, глупый хвастунишка Тидид! Овцу свяжут, бросят на землю...

Ледяная рука Капанида вцепилась в мои пальцы. Со стороны — смешно, наверное. Двое перепуганных мальчишек...

Открыть глаза! Кинжал — в ножны. Успею еще вынуть — напоследок.

А темнота сгустилась, распадаясь черными пятнами, дыша шорохами, звуком негромких шагов. Со всех сторон, со всех боков.

— Радуйтесь!

Глубокий низкий голос, словно из самого Тартара. Кто-то черный, широкоплечий, огромного роста...

— Вас двое. Нам один нужен.

В его словах не было гнева, и злости не было. Так мог говорить ветер. Так могла говорить буря.

— Радуйся! — хрип из горла. — Тебе нужен я. Я — Диомед, сын Тидея!

Неверный свет Селены скользнул по меховому плащу. За кожаным поясом — короткий меч, в руке — секира...

...Или не секира? Просто жезл, тяжелый, с узорным навершием?..

И золотая диадема в густых черных волосах. И белый блеск зубов в бороде — такой же черной.

— Я — Андремон, сын Афарея, басилей Куретии Плевронской. Твой друг может уйти...

— Прогони-ка меня, басилей!

На этот раз Сфенелу не хватило баса. Не бас — писк какой-то. Но странное дело! Почудилось отчего-то, что я слышу голос дяди Капанея.

Белые зубы блеснули, чуть дрогнул тяжелый жезл.

— Вы сами выбрали. Идемте!

* * *

Кровь хлынула на лицо — теплая, душистая, соленая. На лицо, на руки, на пропитанный потом хитон...

— *Темная Геката, этой ночи правительница! Селене Серебряной ты сестра, Аиду Глубокому ты падчерица, всесильная, всевидящая, вездесущая, из темных глубин приходящая, от корней подземных, от гробов безгласных...*

Я не двинулся с места. Только глаза закрыл. На веках — тоже кровь. И на губах. И на шее.

— *...Селена на небе, мертвец в земле, мертвецу тоскливо, мертвецу холодно, он зовет тебя, Темная Геката, мы не зовем, нет нас здесь, и родичей наших нет, и скота нет, и не слышишь ты нас, и не видишь...*

Мертвая овца упала на старые каменные плиты. Кровь еще лилась, еле заметно дергались веки.

— *...Мертвец позвал тебя, мертвец говорит, мертвец просит. И той просьбе покорна будь, Темная Геката, ибо заклята ты кровью, а та кровь тебя сильнее, и твоих слуг сильнее, и даймонов подземных, и душ неупокоенных...*

Глухо звучали слова — и тишина была ответом. Даже птицы ночные смолкли, словно чуя Ее приход.

— ...Мертвец к солнцу хочет, к теплу хочет, пальцами землю скребет, корни гложет, гроб трясет...

Худая старческая рука еле заметно коснулась моего плеча. Я понял и осторожно опустился на колени — на теплый камень, на теплую кровь.

— ...А мы ему поможем, кровью напоим, мясом накормим, и то мясо вокруг костей белых отрастет, плотью станет. А с той плотью и жизнь вернется, и встанет мертвец, и глаза откроет, и вдохнет, и слово скажет...

И вновь — тишина, глухая, мертвая. Словно те, кто стоял вокруг старого алтаря, лишились дыхания, сгинули, превратились в прах, в ветхий камень...

Я открыл глаза. Передо мной — залитые кровью плиты. Передо мной — высокий каменный трон...

...И тонкая, почти бесплотная рука. Худые старушечьи пальцы коснулись волос.

— Жизнь за жизнь, кровь за кровь, и семя за семя. Отныне вражда кончена. Афарей, сын Портаона! Да упокоится душа твоя вечно, вековечно в Аиде Глубоком, и да не вернется она более к нам — ни для мести, ни для смерти. Диомед, сын Тидея, отныне займет твое место у очага, твое место в строю, и место на ложе, и дом, и поле, и сад. Иссякнет кровь, и настанет мир! Во имя Гекаты Темной, во имя предков-пращуров!..

То ли почудилось, то ли в самом деле, но в тот миг, когда мое лицо коснулось ее ладоней, дрогнули старые камни, и словно стон — еле слышный, протяжный, пронесся на холмом...

— Встань, Диомед, наш родич!

На бесцветных старушечьих губах — улыбка. Сестра Афарея, когда-то убитого моим отцом, Тидеем Непрощенным, принимает меня, сына убийцы, в свой осиротевший род.

...Жизнь за жизнь, кровь за кровь, и семя за семя.

Теперь на моих плечах — меховой плащ. Такой же, как на Капаниде. Сфенел отныне — ксен, гость рода, и никто из куретов никогда не поднимет на него руку.

В деревянной чаше не вино — кислое молоко. Злое — как здесь говорят. Холодное, пьяняшее. Чаша идет по кругу, пустея с каждым глотком.

— Осторожно, ребята! — Басилей Андремон смеется, блестит белыми зубами. — Два глотка — на коня не сядешь, три глотка — меч не поднимешь!

И вправду — острый серп Селены начинает двоиться, рас-

плываться серебристой радугой. Но я не боюсь. Сегодня бездонная река плещется где-то вдали, не здесь, не у этого холма.

— А я знал, что ты придешь, — на лице Фоаса, сына Андремона, нет улыбки. — Ты — курет! Ты — мужчина. Когда я пойду на войну, ты возглавишь правое крыло.

Я вспоминаю герму — и мне стыдно. Хорошо, что я вовремя отдернул кинжал!

— Ну-ну, вояки! — Рука басилея тяжело опускается на плечо сына. — Мир, мир, мир! Этолийцы друг с другом не должны воевать, с врагом должны воевать, вместе воевать...

...Иначе кости Ойнея, моего деда, давно бы растащили вороны. Я уже понял, как ненавидят в Этолии Живоглота. И куреты, и калидонцы.

Но сейчас — мир.

— Завтра поговорим, Диомед, — теперь басилей смотрит на меня. — О том поговорим, об этом поговорим. Как думаешь, найдется о чем?

Его губы улыбаются, но глаза — нет. Я догадываюсь — о чем. Живоглот не вечен, кто-то должен наследовать Калидон. Сейчас у трона толпятся жадные родичи, которых тут любят не больше самого Ойнея.

Но это — завтра. Сегодня мы пьем кислое молоко, а вокруг горят костры, я жив, и пролитая когда-то кровь наконец остыла.

Внезапно я ловлю на себе взгляд басилея — недоуменный, полный удивления. Андремон смотрит на меня, затем на Капанида, потом — снова на меня.

Или я плащ не так надел?

— Эй, сюда! Все сюда!

Разговоры стихают, кто-то роняет чашу прямо на землю. Миг — и вокруг нас крепкие чернобородые парни в меховых плащах. Мечи — за поясом, белые зубы сверкают.

Родичи!

— Почему обычай нарушаем, мужи куретские? Почему мальчишки злое молоко пьют, у ночного костра стоят, мужские беседы ведут?

Белозубые переглядываются, смотрят на нас.

— Обычай! Обычай! Мальчишки! Мальчишки!

Смеются все — кроме нас с Капанидом. Чего уж тут смешного? Ясное дело — мальчишки. Не успели гидру убить!

— Что делать будем, мужи куретские, а? Взашей от костров прогоним? Из круга нашего прогоним? К женщинам прогоним?

Весельчаки в мохнатых плащах переглядываются, чешут затылки.

— А может, пострижем их, басилей?

...И тут я начинаю понимать.

— Пострижем! Пострижем! Эй, у кого нож острее? Пострижем!

— Куреты! — Огромная рука взлетает к черному небу. — Вы, мои родичи, свидетели того, как эти двое мальчишек пришли сюда сами. Пришли, не зная, что ждет их — жизнь или смерть. Значит, они — не мальчишки!

Он уже не смеется. И гаснут вокруг белозубые улыбки.

— Только мужчина рискнет жизнью ради чести. Только мужчина может взглянуть в глаза Танату. Они — мужчины! Дайте нож. Каменный, тот, что на алтаре!

Мы со Сфенелом переглядываемся. А здорово вышло! Только обидно, ведь и не сделали мы ничего такого. Ну, пришли. Так как было не прийти?

Андремон пробует пальцем кремневое острие, поднимает нож...

...Свист. Легкий ветерок. И стрела — огромная, хищная. В земле — прямо между мной и басилеем.

Дрожит!

— Хейя-я-я-я-я-я! Хейя-я-я-я-я-я!

Уже не ветерок — ураган. Воздух толкает в грудь, отбрасывает в стороны растерянных бородачей.

Ураган! А следом — гром!

— Надеюсь, с моим племянником все в порядке, басилей?

Гром звенит насмешкой, переливается силой. Кто-то огромный, тяжелый, страшный расшвыривает толпу. Налево! Направо! Налево! Направо!

Дрожит земля. Неровный свет костра падает на старую потертую шкуру.

Львиную.

Вот он!

— Примешь ли гостя, Андремон Курет?

Дядя Геракл смеется. Дядя Геракл подходит ко мне. Дядя Геракл поднимает тяжелую ладонь.

— А ты храбрец, как я погляжу! Ну что, Андремон, постри-жем молодцов?

Ладонь рушится мне на плечо.

Ой!

Падаю.

Трихонида — это танец такой.

Его очень легко танцевать. Главное — голову вверх, руки — в стороны (и тоже чуть вверх)...

— Косса-косса-косса-хай! Косса-косса-косса-хай!

...И еще сандалии снять надо. Трихониду только босыми танцуют. Пятками — в траву, да посильнее, посильнее!

— Косса-косса-косса-хай!

...А что за «косса» такая, никто и не знает. Даже дядя Андремон. Да и в «коссе» ли дело? Главное — руки выше, подбородок вверх, и пятками, пятками...

— Косса-косса-косса-хай! Косса-косса-косса-хай!

...Сфенел слева, дядя Геракл — справа (топнет — холм качается). Круг протанцевали — меняемся. Теперь справа Фоас, а слева — Лихас. Пришел-таки!

— Косса! Хай!

Три круга — и к костру. А там уже чаша со злым молоком. Ждет!

— Отец не хочет, чтобы в Этолию приходили чужие войска. Мы не любим ахейцев. И эпиротов не любим. Мы сами добудем тебе престол.

— Но ведь сейчас мир, Фоас!

— Мы скоро с тобой вырастем, родич Диомед. Вырастем, взрослыми станем, воинами станем. Мы вырастем, а мир состарится!

...И снова — в круг! Голову выше, выше руки. А где-то совсем рядом звенит медь, мечи бьют о щиты, как когда-то на Крите, когда маленький Зевс плакал. Куреты не признают музыки, не держат флейт и лир, они любят только звон меди, боевой меди...

— Косса-косса-косса-хай! Косса-косса-косса-хай!

В лицо смеется Селена, и я вспоминаю Светлую. Увидела бы она меня сейчас! Теперь я уже — не мальчишка.

Я — взрослый!

Злое молоко растекается горячим огнем, в ушах гремит медь, а ночь все не кончается, не кончается....

— У тебя бывают приступы, племянник? Огонь перед глазами? Или вода?

— Вода, дядя Геракл. Вроде как река. Но откуда ты?..

— Знаю. И, к сожалению, слишком хорошо... Я научу тебя, что делать. Болезнь не уйдет, останется с тобой, но ты ее победишь. Это будет трудная битва. Может быть, самая трудная в твоей жизни...

...Все кружится — и мы кружимся, и Луна-Селена, и холм с алтарем, и бородатые белозубые лица. Кружится, кружится, кружится...

— Косса-косса-косса-хай! Косса-косса-косса-хай!

А у Сфенела его репка еще больше стала! Это потому, что волосы срезали. И еще у него борода выросла. Молочная.

— А я, Тидид, вот чего сделаю. Я родичам скажу, что не буду на девчонке жениться. Ну ее! Вот Фивы возьмем — тогда и женюсь. Правильно?

— Правильно! Слушай, Капанид, а чего это у тебя с тетей Деянирой было?

— Косса! Хай!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

ЭПИГОНИЯ

СТРОФА-I

Есть! Сделал! Эвриала сделал! Теперь — ходу! Голову ниже, руки чуть расслабить... Чуть-чуть!

Ходу!

Позади — Ферсандр и Эвриал, впереди — Эматион, он самый лучший, и кони у него прекрасные, фессалийские, но я его легче, и колесница легче, и я все равно выиграю, выиграю, выиграю, я его сделаю!

Ходу! Поседайон Конегривый, ходу!

Еще два круга, стадион совсем маленький, не стадион — полянка, ось на повороте так и рвется зацепиться за что-нибудь, и пыль, пыль, пыль! А ведь землю поливали всего час назад! Жаркая в этом году осень!

Ходу!

Колесницы летят... Нет, колесницы застыли — недвижно, грузно. Моя стоит, Эматионова стоит, летит земля, летит пыль, и зеваки вокруг — тоже летят... Ну да, почти обе наши сотни здесь, Эматион старший эфеб, и я — старший, он начальник сотни, и я... буду. В следующем году.

Ходу!

Руки, руки! Проклятые вожжи сами рвутся вперед, но нагибать спину нельзя, это еще папа говорил, он был самый лучший на колесницах, и я буду, буду, буду! Ферсандр, я тебя сделал, обошел на третьем круге, ты меня извинишь, ведь мы друзья, мы с тобой братья!.. И это тебе за лук! Выиграл, понимаешь, беотиец! Беотиец-виофиец!

Ходу!

А Эматион все там же, впереди, недвижно, а ведь сейчас поворот, последний круг... Нет, кажется, ближе! Дядя Эгиалей нарочно сводит нас с Эматионом, и на копьях, и в учебном бою, и сейчас, потому что мы — самые лучшие, но он старше, а мне только пятнадцать...

Дий Подземный! Какие еще пятнадцать! Шестнадцать! Неделю назад исполнилось, никак не привыкну.

Ходу!

Р-р-р-р-раз! Уф, чуть не выкинуло! Последний поворот! Сейчас я его догоню, догоню, догоню, я его сделаю, сделаю! Я сделал Ферсандра, и Эвриала сделал, Эвриала Смуглого, этого зазнайку, небось у тебя в Трезенах тебе все первое место уступают, басилей-винолей...

Ходу! Ходу! Ходу! Боги, все сразу, все вместе, это я, Диомед, я! Помогите!

Уже почти рядом, почти! Я твой затылок вижу, друг Эматион, и родинку на затылке, и как ленточки на конских хвостах завязаны... Эх, Капанида нет, отсыпается, гнал из Микен, а все равно не успел. Хотел бы я знать, что за письмо он деду привез? И почему к Эврисфею послали его? Я бы и сам съездил...

Ходу!

Прямая! Теперь — не думать! Гнать, гнать, гнать! Где ты, Эматион? Нет, не смотреть, просто гнать, и дышать, дышать! Собьюсь с дыхания — все! Лучше всего песню вспомнить, чтобы каждый слог — долгий. Слог — удар сердца, строчка — вдох, строчка — выдох. Как там? «Зевс, ты всех дел — верх...»

Не вижу! Пот, проклятый пот, и пыль, пыль! Кажется, вровень, кажется...

«Зевс, ты всех дел — верх!.. Зевс, ты всех дел вождь!.. Ты будь сих слов царь... Ты правь наш гимн...»

Все!

Сделал! Сделал!!!

Бедные конячки! Ничего, сейчас распряжем, по кругу поводим, и не здесь, на солнцепеке (ну и осень!), а в сторонке, где платаны растут, там тень. Поводим, долго поводим, потом напоим, пот с боков сотрем...

А как кричат-то, а? В двести глоток! То-то!

Неужели я их всех сделал? Интересно, видит ли мама?

* * *

— Старший эфеб Диомед...

— Молодец! — Эматион улыбается, ладонь протягивает, но в глазах...

Обидно?

Еще бы ему не обидно! Все-таки сотник, уже и борода выросла, а у меня на подбородке четыре волосинки гоняются с дубинкой. Друг за другом.

Обиделся!

— Ферсандр, ты почему упряжь не проверил? У тебя же левая чуть не убежала! Эвриал, зачем наклонялся? А если бы на повороте выпал?

Да, обиделся сотник! Распекает! Ферсандр, бедняга, губы надул, Эвриал... Да ему хоть бы хны, этому Эвриалу! Усмехается, басилей коричневый!

— Все! Диомед, Ферсандр! Мыться, одеваться — и в Ларису! Лавагет ждет. А тебе, басилей, просили напомнить, что вечером в храме Латоны...

Плохо быть басилеем! Только приехал в гости — и сразу что-то надо. Во дворец, в храм, снова в храм. И вечером не погуляешь вволю. Список, с кем пировать, поди, еще за месяц составили!

Переглядываемся. Эвриал морщится, руками разводит (сами, мол, видите, каково диадему носить!). Ничего, после храма соберемся. Глядишь, и Капанид к тому времени проснется!

* * *

— Сфенела фослали, потому что он Анаксакорид. Фонимаешь, Диомед? В Микенах Эфрисфей прафит, но он там не клафный, там Атрей клафный, но Атрей не такого тревнего рода, он Фелопид. Дед хотел намекнуть Атрею...

Ферсандр все знает. Конечно, не совсем все, но в делах дворцовых понимает круто. Кого куда отправили, кого назначили, кому где на пиру сидеть.

...А Фелопид — это, понятное дело, Пелопид, Пелопсов потомок. Пелопиды, как ни крути, чужаки, азийцы из-под Трои. Хоть и давно у нас живут, и правят, и богатства выше крыши, и Апию нашу все чаще Пелопоннесом зовут, но все равно — чужаки!

И Аргос — это вам не какие-то там Микены!

Кстати, мы как раз в Пелопсовых Палатах.

Ждем.

Ферсандр ждет, я жду, и еще четверо ребят из соседней сотни. Все мы — старшие эфебы, всем сейчас задание дадут. Для того и позвали.

— Как тумаешь, Тидид, что нам брать притется?

— Лариссу, конечно!

— Та ну, скажешь!

Лариссу нам брать, само собой, не прикажут. И ничего другого тоже. Во всяком случае, большинству. Тут правила такие...

Ага, уже зовут!

— Внимание, эфебы! Сейчас каждый подойдет к столу и возьмет остракон. На обратной стороне — название города или села...

На дяде Эгиалее — военный плащ, в волосах — диадема. Он — лавагет. В войске нашем главный, и над нами, эфебами, старший.

А остраконы — это черепки такие. Гладкие, чтобы писать удобно было.

— ...Задача: съездить на место, оглядеться и составить план взятия. Расчет сил — исходя из реального. Сообщать кому-либо название запрещается. Рассказывать о плане запрещается. Если нельзя в нужное место съездить, следует использовать зарисовки местности. Можно расспрашивать тех, кто там жил, но осторожно — чтобы не догадались. Самый удачный план разыграем, как и обычно. Срок — пять дней. Вопросы?

Вопросов нет, все ясно. В прошлом году мы все вместе Тавропей — Бычий Брод — брали. Под Лерной это, неподалеку от гидры. Тогда лучший план Феогнид составил, он теперь уже не эфеб — воин.

Лихо мы этот Брод захватили! Правда, дядя Эгиалей потом

сказал, что все мы убиты. Стрелами нас побили. Ну ничего! Взяли все-таки.

— Вопросов нет? Хорошо. Тогда начали. Первый!..

Первый — это не я. Первый — тот, кто слева. А я — справа, потому что ниже всех ростом. Даже Ферсандра. То есть не вообще всех, конечно, но...

Ничего, папа мой тоже не с ясень Пелионский был!

— Следующий!

Следующий подходит, а первый уже остракон переворачивает. В сторонке — чтобы никто не видел. Интересно, что там? Большие города нам брать еще рано, село, наверное, какой-нибудь Брод. Козий, например.

— Следующий!

Следующий? Так ведь это же я!

Голову выше, плечи шире, глядеть весело...

(А странно как-то дядя смотрит! Или фибула на плаще у меня косо заколота? Так нет вроде.)

Ладно, пора. Черепков целых три, возьму левый... Нет, правый! Нет, все-таки левый...

— Старший эфеб Диомед! Отставить!

Что-о?!

— Всем выйти, старшему эфебу Диомеду остаться!

Вот тебе раз — сказала Даная, когда ее дождичком побрызгало!

Дверь — хлоп! Сейчас братцы-эфебы небось уши отращивают. Хотя нет, стража в коридоре, неудобно подслушивать. Просто стоят — угорают. От любопытства.

А дядя Эгиалей...

Ага, у него, оказывается, еще один черепок есть. Большой! Это, наверное, потому, что я — маленький. Черепок, а вот и кисточка...

— Прочитать — и отдать мне!

Ну вот, и он палец в краске запачкал, и я! Он — указательный, я — средний. А интересно, что за Брод такой он мне написал? Гидрий, в смысле, Гидрячий?

Ну, читаю!

Читаю... Чита...

Нет! Быть не может! Да как же?.. Как же это?!

Кажется, у меня подбородок отвис. Смешно смотреть! Но дядя даже не улыбнулся.

* * *

— Поедешь, Ферсандр?

— Та-а... Это не очень плизко. Сегодня поеду. Жаль, с Эвриалом не покуляем! И родич должен зафтра ко мне приехать, он как раз в Виофии пыл. Я его рассфросить фодробно хотел!

— И чего там сейчас у вас в Беотии?

* * *

Хорошо у нас на Глубокой! Особенно поздним вечером, когда вокруг никого, ставни закрыты, за ставнями добродетельные аргивяне сон вкушают вкупе с добродетельными аргивянками, никто не кричит, не бегает, не прохаживается даже.

Кроме нас с Капанидом, понятно. Эвриал с остальными куда-то подались (знаю, знаю, куда, гулены!), а мы тут остались. Тут как-то лучше.

Вверх — от Трезенских ворот к храму Трубы. Вниз — от храма к воротам. Тихо, спокойно, на деревьях листья желтеют.

Почти как в лесу!

А пройтись самое время. Хоть и немного выпил, а все равно — шумит голова. И ведь разбавлял, и глотнул всего ничего! Хорошо Сфенелу! Экий вымахал, почти что с дядю Капанея. Такому хоть пифос целый наливай. Впрочем, и он в рабы к Бромию-Дионису не спешит. Мы же не пеласги!

Улица тянется вверх, можно не спешить, дышать прохладным воздухом. Хорошо хоть к вечеру жара спала!

— Лысый он, Эврисфей, — гудит Сфенел. — И зубов нет — плямкает. Совсем старый! А ведь он в один день с Гераклом родился!

...Даже на полдня раньше — Гера подстроила, чтобы он, Эврисфей, ванактом микенским стал, а не дядя Геракл. Ну, да это все знают!

— У него и дети больные, у Эврисфея. Два сына и дочь, за тридцать каждому, а их и к людям не пускают. Говорят, не ходят даже — ползают. Представляешь, Тидид?

Фу ты! Не представляю — и представлять не хочу. А ведь Эврисфей — тоже божий потомок. Герой!

...Ядовитое семя! Прав ты был, папа, прав!

А Капанид басит себе дальше. Теперь ему и стараться не нужно, голос точь-в-точь как у его отца. И плечи! Вот только

борода подгуляла — три волосины, почти как у меня. Сфенел их еще и на палец крутит — все хочет на дядю Капанея походить!

А кстати, о чем это он?

— Значит, наследовать Атрей будет. Или Фиест. Они сейчас вроде как Эврисфею дядьки, только меж собой никак разобраться не могут...

— Ну их! — решаю я. — К Елене зайдем?

Зайдем! Тем более мы как раз возле храма.

Смешно сказать, храм этот запирать стали. Конечно, никто Елену Золотую не украдет — побоится. Елена — первая из богинь. Не на небе — на земле. С тех пор как она родилась, у нас на Пелопоннесе, в Апии в смысле, ни одного неурожая не было. И дети здоровыми рождаются (это я не про себя). Поэтому в каждом городе Елену чтут, и в селах чтут, и храмы строят. Елена — всей земле нашей вроде как талисман-оберег.

Не украдут, да только люди всякие бывают. Забрался год назад в наш храм один чудик-приезжий и всю ночь бедную Елену... Ну, в общем, любил. Статую ее, понятно. Потом три дня очищали-обкуривали! Вот храм и запирают с тех пор. Но сегодня нам повезло. Не заперли.

Зашли. Поклонились. Постояли.

— Атрид сказал, что Елену замуж выдать надо, — внезапно брякает Капанид. — Потому что ее муж владыкой всей Ахайи станет. И всей Эллады.

— Замуж? — поражаюсь я. — Богиню?

— Ну и что? — удивленно гудит Сфенел. — Говорят, было уже такое. А здорово бы, Тидид, с этой Еленой, гм-м, познакомиться. Поближе!

Говорит — и не краснеет. Его папа хоть краснел!

— Услышит! — на всякий случай киваю в сторону золотой статуи.

— Ну и пусть! — не сдается Сфенел. — Пусть слышит! Ей даже приятно будет, потому как она не мужняя жена, а богиня. Где она с кем, ну, это самое, познакомится, тому краю счастье привалит, урожай хороший!

Эка его разобрало! А что? Пошлют Капанида к Тиндарею в Спарту. В гости. А он — парень видный, ему не только девицы — жены добродетельные аргивянские глазки строят.

Что это я, никак завидую?

— Ну ладно, Капанид, пошли! Елене спать пора.

Мой друг неохотно вздыхает (размечтался, видать!), поворачивается — так же нехотя...

— Тащи ее! Тащи! Да не упирайся, дулька дурная! Куда-а? Мы сейчас тебе хоровод устроим!

Это, понятно, не мы. Но голоса знакомые. И совсем рядом! Голоса — и плач. Плач женский, не поймешь, чей, а вот голоса...

— Вот так вот! Ставь ее, ребята! На четыре кости!

Хохот. Плач. Снова хохот.

— Пеласги! — ахает Капанид. — Ах они, гарпии!..

— Где-то близко, — вслушиваюсь я. — У Медного Дома! Пошли!

— Побежали! — басом поправляет Сфенел.

Давно с пеласгами не дрались! Оно вроде и драться не с руки. Все уже мечи носим, кое-кто и бороды бреет, а у некоторых и детишки пищат.

А ведь не разбежалась Алкмеонова стая! Даже больше стала. У него в доме собираются, пьют, почти не разбавляя, а потом по улицам шляются — людей пугают. К нам заглядывают редко — чтобы не цепляться. Видать, сегодня неразбавленное пили — зашли!

Хорошо хоть Амфилох с ними уже не ходит. Он и с братом почти и не разговаривает. Это из-за их мамы, тети Эрифилы. Алкмеон-дурак, Губа Заячья, на каждом перекрестке вопит, что ее зарежет. Это мать-то родную! Айгиала, сестра Алкмеонова, чудище конопатое, так та вообще из дому ушла, теперь у дяди Эгиалея живет. Он ее даже усыновить хочет. Удочерить в смысле.

А дядя Эгиалей хмурится. Ничего не говорит, но хмурится. И верно, в агеле Алкмеона уже с десятка три будет. А если свистнет, то и сотня набежит!

* * *

У Медного Дома (который — Палаты Данаи) — пусто. У Медного Дома — камни вповалку. Пару лет назад начали разбирать — бросили. И яма — тот самый погреб, где Даная скучала. Глубокая! Свалишься, костей не соберешь!

Где они? Ага, за камнями!

Хохот, нет, даже гогот. Плач. Снова гогот.

— И — раз! И — раз! Подмахивай, сучонка, подмахивай, а то

в гости к Данае отправим! На самое донышко! Будешь там Зевса дожидаться! И — раз!

Гогот. Плач.

— Пятеро, — шепчет Сфенел (басом шепчет, понятно).

— Шестеро, — уточняю я. — Пошли!

Пятеро, шестеро, все равно — нечего им на нашей улице делать!

Камни под ногами, на руках — пыль, на хитоне — пыль. Ничего, сейчас мы им!..

Вот!

У самой ямы Данаевой — площадка. Посреди — каменюка четырехугольный. А рядом с ним...

— Тьфу ты! — морщится Сфенел.

И действительно, «тьфу ты!».

...Девчонку животом на камень положили — голую, только браслеты на руках оставили, один жеребцом сверху пристроился, другие кругом стали. Стали — гогочут. Ну и морды, понятное дело, дионисийские. Вакханты, понимаешь!

— И — раз, и — раз, и — раз! Да поживее, подстилка храмовая!

Теперь ясно, кто плачет. Кто — и почему. Наверное, иеродула из храма Афродиты Горы. Не из самого храма, эти за ворота не выходят, а из тех, что за стенами, из рабынь — или из подкидышей-вскормленников...

— Эрот! Эрот, ребята! Эро-о-о-т!

Это жеребец который. Отвалился, себя по приапу поглаживает. Зевс-Лебедь нашелся! Не тот, что летает, а тот, что заборы...

— Пошли отсюда, — вздыхает Сфенел. — Ну его, на срамотищу этакую смотреть!

Действительно! И связываться не хочется.

А девчонка все плачет, а эти все гогочут. Один (знаю я его, Кипсей, первый Алкмеонов подпевала!) вперед выходит.

— Чур я! Я следующий! Я! А ты, дрянь, подмахивай, а то высечем!

— Господа! Господа! Пожалейте! Пожалейте!

Это девчонка. Не плачет даже — пищит. Понятное дело — рабыня, потому и «господа». Тоже мне, господа нашлись! Господа в Микенах!

— Пожалейте! Не могу уже! Больно... Пожалейте!

Сползает с камня — прямо животом на землю, видать, ноги уже не держат...

— К-куда, куколка? Назад! — это Кипсей.

Медленно, словно нехотя, поднимает ногу (сандалий тяжелый, с медной подошвой). Поднимает, примеривается...

— Стоять!!!

А это уже я.

Стоят!

Сгрудились, псами-спартаками[1] ощерились, кто-то за рукоять взялся. Эге, у двоих вроде как кинжалы, а у жеребца... Да, точно — меч в ножнах с земли поднимает! Тоже мне, Арей-Ярый нашелся, с мечом по Аргосу ходит, болван!

— Сказано, стоять! (Сфенел — басищем.)

Ага, отдернул руку!

— Да вы кто такие, Химера вас!..

Переглядываемся с Капанидом. Ну и набромились, не узнают!

— Так это же Дурная Собака! И Сфенел с ним!

Хвала богам! Узнали! Узнали, захихикали.

— Чего, тоже захотелось? В очередь, ребята, в очередь! Мы эту дульку выиграли — честно выиграли, как полагается. А ты — назад!

Последнее — уже девчонке. Она как раз убежать хотела. То есть не убежать, конечно. Уползти.

— Валите отсюда, — предлагаю я как можно спокойнее. Нет охоты драться! Мне не драться, мне над заданием дяди Эгиалея думать нужно. О том, что краской на остраконе написано.

— Извини, Тидид! Мы думали, тут поспокойней будет. Но если хочешь, уйдем. Тут ребята эту дульку заловили, попользовались всласть, а потом мы ее в кости, понимаешь, выиграли!

Кипсел лениво тыкает девчонку в бок. Сандалием.

— Уходим, ребята! Эй, Аристилл, Стобей, тащите ее!

Что-то он вежливый сегодня! И Алкмеон, как встретимся, первый кланяется. Неспроста! А не потому ли, что дедушка Адраст скоро месяц как с ложа не встает? Небось Заячья Губа уже и венец примеряет?

Пеласги ворчат, смотрят голубками Стимфалидами, но начинают собираться. Девчонку подхватывают под руки.

— Пожалейте...

Тихо так сказала, безнадежно. Не сказала — простонала.

На миг я прикрыл глаза. Не мое это дело, таким, как она, Пеннорожденная всех мужчин любить велит, не разбирая, никому не отказывая. А мне ведь и после дедушки Адраста в Аргосе жить!

---

[1] Спартак — злобный пес из свиты Артемиды.

— Пошли, ну их! — шепчет Сфенел. Ему тоже не по себе, но не связываться же с этими из-за дульки! Тем более все по правилам. Мы попросили — они уходят. Жалко девчонку, но...

...блеснуло перед глазами колдовское ночное серебро.

«...Пообещаешь... Поклянешься именем своим и кровью своей... никогда... не ударишь, не оскорбишь, не надругаешься...»

Я не бил и не оскорблял ее, Светлая. И не я надругался над этой бедняжкой! Но ты права...

Открыл глаза. Выдохнул.

— Ее оставьте! Поняли?

И снова рычат, щерятся, кто-то, особо надионисившийся, уже и нож достал. И подступают — ближе, ближе...

А голоса! Не говорят — подвывают.

А я и не слушаю. На ножи смотрю. Мы-то свои не взяли. Еще не хватало по Глубокой с кинжалами хеттийскими разгуливать!

— Катитесь отсюда, афедрониды! — предлагает Сфенел, подкидывая на ладони камешек (с мою голову камешек!).

— Не надо! — шепчу я. — Убьем ведь!

И никто, даже Капанид, не знает, как мне сейчас страшно. Не ножей их дурацких. Себя! Отец лишился дома и очага, а ведь он за деда заступился. За басилея законного! А что обо мне говорить будут? Еще шажок, и станет Дурная Собака — Собакой Кровавой.

И что тогда?

— Уйдите, — говорю сквозь зубы, глядя прямо в их глаза — одуревшие, в пьяной поволоке. — Хуже будет, болваны!

— Собака этолийская! — Жеребец выскакивает вперед, в руке — меч его дурацкий. — Собака этоли...

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Выныриваю! Ищу руками берег. В себе зацепку ищу. Дядя Ге-

ракл говорил — главное, твердое нащупать. Вокруг. Или в себе самом. Ухватиться, задержаться, не дать захлестнуть с головой...

Тщетно! Берега нет, и меня больше нет, есть только река...

Плещет, плещет...

...И рука Капанида на горле — боевым захватом. В крови рука.

— Сильно? — выдыхаю. — Ранен... сильно?

Глаза уже шарят вокруг. Крови много, но пореза не видно.

— Да царапнули! — Сфенел морщится. — Только не меня — тебя.

Только сейчас понимаю, почему ноет левая рука. Ладонь разрезана — поперек. Конечно, это можно и царапиной назвать...

— Это ты за меч схватился, — гудит Сфенел. — Я и сообразить не успел, а ты уже мечом...

Встаю, мотаю головой, прогоняя обрывки безумия. Вокруг... Пусто вокруг! То есть не совсем, но трупов, кажется, нет.

— А меч где, Капанид?

— Там! — палец тычется прямо в Данаев погреб. — Ты их сначала погнал, потом меч кинул, вот я и решил, пора тебя...

— ...Взнуздывать, — я поморщился. — Вот гарпии, вечер испортили! Пошли отсюда к воронам!

— А... А она?

Девчонка — грязная, замученная, голая — там же, у камня, где ее бросили. Спутанные волосы падают на лицо. В темных глазах — ужас. Моргнула, попыталась встать на четвереньки.

Упала.

— Тут я хитон с одного снял, — невозмутимо замечает Капанид. — Может, подойдет?

Представляю себе голого пеласга — и начинаю приходить в себя. Молодец, Сфенел! А в следующий раз — вообще семь шкур со всех них спустим и голыми в Ливию гулять пошлем!

— Ее надо одеть, — предлагает мой друг. — И помыть. То есть сначала помыть... Гм-м...

.

Мыть ее пришлось у меня дома — предварительно под руки приташив. К Сфенелу ближе идти, но у него, как всегда, родичи гостят (опять про свадьбу говорить приехали!). Все козами благоухают, и бороды козлиные, и голоса. Увидят дульку — заведут рулады, козопасы-козлодои!

А у меня дома — покой и тишь. И разгром, как после куретского налета. Всего две служанки и осталось, и те больше к конюхам на соседнюю улицу бегают. Одну, правда, удалось изловить и приставить к делу.

Девица что-то пыталась говорить, но слушать ее я не стал. Во-первых, хотелось еще с Капанидом на улице чуток посидеть, потолковать, а перед этим, понятно, повязку на руку наложить. А во-вторых... Во-вторых, самое время к Горгоне пробежаться. Хорошо, что дядя Эвмел поздно спать ложится!

АНТИСТРОФА-I

Я не ошибся — дядя еще не спал. Как всегда, в третьей горнице, верхом на треножнике, как всегда, все светильники зажег, и глиняные, и бронзовые. И глаза портит, тоже как всегда, — папирус со значками разноцветными разбирает. В левой глазнице — хрусталь полированный, чтобы видеть лучше. Взглянешь — страшно, огромный глаз, как у гидры!

— По дулькам бегал, старший эфеб? Это они тебе ладонь-то прокусили?

Сказал — и хрусталем блеснул. Поминает мне он этих «дулек»! Уже три года поминает — не забыл!

— По очень странному стечению обстоятельств, именно так, — согласился я. — Дядя, давай с тобой в игру сыграем!

Это уже я ему напомнил — про то, как мы Древний язык учили.

— А правила такие, дядя. Сегодня вопросы задает только старший эфеб Диомед. А мудрый наставник Эвмел отвечает. Пока не надоест. Годится?

Папирус он сворачивал с явной неохотой. Сложил, покрутил, словно не зная, куда деть.

— Годится, о наглейший из старших эфебов. Только брось сначала эту древнюю мудрость куда-нибудь под кресло.

Сказано — сделано. Прошелестел папирус через всю горницу. В яблочко!

— Ну, племянник, — хрусталь снова блеснул, причем весьма ехидно. — Изреки слово златое, потешь мою душу!

— Душу, дядя, ты мне тешить будешь, — не согласился я. — А первый вопрос такой...

Хотел уже спросить то, что и наметил на первое, но тут не к месту Алкмеонову стаю вспомнил. И деда, Адраста Злосчастного, — тоже.

Стоит ли? Стоит!

— Дядя, кто должен править в Аргосе? На самом деле?

Думал, он сердиться начнет, ругаться. Или хотя бы размышлять — долго. Да и вообще, что за вопрос? Ведь дядя Эвмел — сын законного владыки, Адраста Талида! Да только он и думать не стал.

— Тот, кто сильнее, Диомед. И тот, кого поддержат гиппеты[1].

Вот те раз!

— Ты ведь сам все знаешь, мальчик! Законы, обычаи, Миносово право — все это для слабых. Для сильного законов нет. Сто лет назад Микены были жалким городишкой, а теперь их ванакт считает нас своими данниками. А что изменилось? Зевс молниями грянул?

Тихо говорил дядя, невесело. Даже хрусталь под веком блестеть перестал.

— Мы уже с тобой разговаривали об этом. Пелопс, которого Аргос изгнал, а Микены приняли, сумел построить флот. Не такой, как у сидонцев или у критян, но все же... На торговле и пиратстве Микены быстро разбогатели, и уже брат Пелопса назвал себя ванактом. А Эврисфей, его племянник, не признал власти ванакта Аргоса. Мы теперь для Микен — обычные басилеи. А у нас... Когда при ванакте Пройте началась эпидемия безумства, братья-разбойники Мелампод и Биант захватили престол. Говорят даже, что они сами наслали безумие на Арголиду. Кто знает, я уже ничему не удивлюсь... А потом потомков Пройта тихо оттеснили в сторону, и теперь твой друг Сфенел — обычный гиппет...

Дядя покачал головой, усмехнулся — но как-то печально. Спорить я не стал, да только Капанид — не просто гиппет-козопас. Стоит его родичей послушать! Всех предков вспомнят, до самого Анаксагора-ванакта! А потом за дедушку Адраста примутся. И за его папу. И за дедушкиного дедушку.

Не забыли!

— И мой отец не сразу стал ванактом. Сначала престол захватил Амфиарай, потом решили править вместе, а после выяснилось, что правит только отец. Почему? Прежде всего, он сколотил войско. Небольшое, но очень хорошее. Из таких, как ты, Диомед!..

Я кивнул — с войском ясно. Недаром дядя Эгиалей эфебов сам отбирает, сам учит. А его когда-то дедушка Адраст учил, не ленился. Дядя Амфиарай покойный лавагетом считался, но де-

---

[1] Гиппет — богатый землевладелец, очень условно — боярин.

душкино войско только его, дедушку, и слушало. Теперь-то я знаю!

— Ну и главное — гиппеты, владельцы земли, самые богатые. Это и есть хозяева Аргоса. Кто им больше предложит, больше уступит, больше пообещает...

— ...Или напугает! — не удержался я.

— Или напугает. Того они и поддержат. И это не только в Аргосе. Сейчас мой отец спорит с Микенами — за первенство в Ахайе и всей Элладе. И тоже ищет поддержку. И у гиппетов, и у других правителей, и даже у пиратских главарей. А законы? Всегда появится какой-нибудь прорицатель, или камень заговорит, или на стене персты огненные слова всякие напишут...

Дядя замолчал, в темное окошко взглянул. Совсем старым он мне в миг этот показался! Хотел я спросить, сами ли камни говорят и персты пишут, но решил, что пока хватит. Потом спрошу! А сейчас...

— Дядя, расскажи мне про какую-нибудь... битву. Большую — чтобы победили... полностью...

Даже не договорил. Не договорил, потому что плохо начал. То-то дядя вновь заулыбался!

— Как же, как же, старший эфеб! Ну, стало быть, муза, воспой... Сперва спустилась с небес розоперстая Эос. Следом грозная Кера вылетела с криком зловестным...

Кажется, вид у меня совсем несчастным сделался, поскольку про Керу (равно как и про Фобоса с Деймосом) он продолжать не стал. Приподнялся, палочку свою нащупал. В окошко поглядел.

— Самая крупная из битв, какую я знаю, была у Мегиддо, недалеко от границ Кеми. Это место еще называют Ар-Магеддон. Если хочешь, расскажу, у меня есть две таблички из Баб-Или...

— Нет, погоди, дядя Эвмел...

Все-таки он мне подсказал. Не битва мне нужна! А вот Кеми он к месту помянул. Черную Землю, где поклоняются богам со звериными головами...

— Дядя, я имею в виду не битву — войну. Большую войну. Ну, ты мне говорил про Кеми. Ведь это царство тысячи лет никто не мог захватить! А гиксосы — смогли. Почему?

Долго дядя молчал. Наконец кивнул, палочку свою поудобнее перехватил.

— Хорошо, расскажу, как сам понимаю. Пойдем!

Идти далеко не пришлось. Знакомый стол, на нем щит медный, а на щите — горы, домики, реки, маленький кораблик...

Наш мир.

Номос!

Служанка, наверное, думала, что я до утра не вернусь, и привела своего конюха прямо к нам. Дверь, что она щеколдой изнутри закрыла, я вышиб (тоже мне дверь!), на конюха и смотреть не стал — он и сам в окошко выпрыгнул, голозадый, а у служанки, как она заикаться чуть поменьше стала, поинтересовался лишь, все ли с девушкой в порядке. Оказалось, в п-п-порядке. П-п-помылась. П-п-поела самую малость. П-п-попила. Сп-п-пит.

Ну и пусть себе спит! Я тоже додремал до утра, затем плащ прихватил, велел дверь починить и убежал.

В лес.

А Сфенел говорит, что всех моих служанок вместе с привратником и поваром надо повесить — на потолочных балках.

Может, и вправду?

* * *

Почему многие леса боятся? Года два назад погнали нас, эфебов, в самую глушь — за реку Инах, к Немее. Конечно, это для Арголиды глушь, а для Аркадии или для моей Этолии — чуть ли не двор проходной. Хотя это еще как посмотреть. Там ведь, у Немеи, еще лет тридцать тому львы жили! Пока дядя Геракл не пожаловал.

Задание простое было — неделю в лесу просидеть, костры не жечь, себя не выдавать. И не попасться — другие эфебы по лесу ходят, следы ищут. Поймают — вздуют от души. Кое-кого поймали — вздули. Ферсандра поймать не смогли, зато потом искали два дня. Нашли — а он зеленый, как дриада какая-нибудь. Зеленый — и молчит. То ли от голода (это в лесу-то голодать!), то ли от самого леса. Вот чудик!

А я бы в том лесу и месяц просидел! Только без костров холодно.

И действительно, где еще подумать можно, чтобы не мешал никто? Ни пеласги, ни друзья-приятели, ни стража ночная, что прямо в полночь орать начинает: «Спи-и-и-те спокойно-о-о-о,

жители сла-а-авного Аргоса-а-а!» А в лесу — благодать! Тем более и костры жечь можно, не запрещает никто.

А таблички с папирусами мне в лесу не нужны. Память хорошая, могу прямо на земле всю нашу Ахайю нарисовать — и реки, и города, и берег морской, и горы.

С этого я и начал.

Ночь. Костерок погас, и даже угли уже не светят. Хорошо, что осень теплая, а то я сгоряча не тот плащ захватил. Надо было пастуший брать, из шкур козьих, а я обычный взял — серый, эфебский.

Ночь...

— Мама, тогда под Фивами... Папу нельзя было спасти? Я уже тебя спрашивал, а ты так и не сказала... Мама!

— Он был смертельно ранен, сынок. Ни один знахарь не помог бы. Даже Асклепий...

— Асклепий? А ты, мама? Я знаю — нельзя, но ведь... Ты его любила, мама! Мама, почему ты молчишь? Ведь ты же ИХ не боишься?

— ИХ, сынок? Не их, НАС... Не боюсь. И не люблю. МЫ, Семья и все остальные — не люди, Диомед...

— Знаю, мама.

— Люди могут ненавидеть, могут любить. МЫ тоже можем любить, но не друг друга. Вначале кое-кто из Семьи пытался, как и люди, жениться, детей заводить. Дети-то заводились, а любви не было. А потом поняли — МЫ не любим своих. У отца полно детей, но они либо от людей, как у нас говорят, от «земных» женщин, либо он просто брал НАШИХ женщин силой. Или обманом. И не только он... Знаешь, у тебя был брат, Диомед. Я тебе еще не говорила...

— Б-брат?! Мама! Но почему?..

— Он давно умер. Давно-давно, за много лет до того, как мы познакомились с твоим папой. Его звали Эрихтоний, он родился в Аттике, и я его очень любила. Его — но не его отца.

— Тебя... тебя на нем женили? На этом отце?

— Сынок, сынок! Не женили, а выдали замуж. Только меня не выдавали. Отец запретил, ему предсказали, что мой сын станет сильнее отца. А если отец — из НАШИХ, представляешь, что может быть? Поэтому я — Дева. Мне просто нельзя выходить замуж. А тогда меня изнасиловали...

— Мама-а-а! Я... Я его...

— Не надо, сынок! Я с ним сама потом рассчиталась. Теперь он хромой, уродливый... и детей у него уже не будет. А тогда... Я была совсем девчонкой, а он — мой родич, старший родич, я ему доверяла. Он просто набросился на меня, как мерзавцы, которых ты разогнал, на ту бедную девочку. За меня некому было заступиться... Сын мой родился страшным: наполовину человек, наполовину — дракон. Он не стал НАШИМ, хотя и мог бы, ведь он НАШ ребенок. Отец — МОЙ отец — не позволил. Но я очень любила моего Эрихтония, он стал царем, басилеем Афин, все его очень любили, а когда умер — долго плакали...

— Я... Я не знаю... Значит, ВАШ сын — не обязательно такой, как ВЫ? Как же так?

— Потом, сынок, потом... Расскажу как-нибудь. Дети Семьи — не всегда НАШИ, а дети людей не обязательно уходят к Гадесу. Особенно те, у кого есть НАША кровь...

— Но папа...

— Хочешь правду, Диомед? Тидея можно было спасти. И даже, может быть, сделать НАШИМ. Но не его — его безумие. Понимаешь?

— Значит, правда? Он... Он сошел с ума?

— Его безумие все-таки вырвалось — как зверь из бронзовой клетки. Вырвалось — и само стало Тидеем. Он так и не смог прорваться через огонь. Я знаю, ты пытаешься... Будь сильным, сынок! Отец хотел, чтобы бессмертным стал ты...

— Не хочу! Не хочу! Не хочу быть таким, как ВЫ! ВЫ! Дядя Капаней был прав, прав!..

— Не плачь, маленький, не плачь...

— Я не плачу! Не плачу. Но, мама, почему?..

Костер давно погас, на востоке, над недвижными кронами старых грабов, уже белеет.

Не сплю.

Ночь...

* * *

Домой я вернулся вовремя, как раз чтобы столкнуться возле дверей (починили-таки двери!) с гонцом от дяди Эгиалея. Вот чудеса! Зачем гонец, я и сам все знаю. На пятый день, в полдень, в Пелопсовых Палатах. Хитон, серый плащ, меч при поясе. Ну и то, что я придумал, само собой.

Как бы не так!

Не серый плащ, а фарос. И не меч — кинжал парадный, в золоте который. И диадема.

Диадема?

Пока я моргал, гонец дальше побежал, а я у дверей починенных остался. С открытым ртом.

Фарос я сразу нашел — отцовский. Хорошо хоть я его раз в год надеваю, поэтому стирать не надо. И кинжал есть — с ножнами в золоте. Дрянь ножик, от лезвия труха одна осталась, зато рукоять тем же золотом сверкает. Это еще прадеда — Портаона. Того, от которого мне и меч достался.

А вот диадема... Отцова — серебряная, давно в храме Афины-на-Лариссе лежит. Да и зачем мне она? Даже по праздникам не надеваю.

Ладно!

Пока я вепрем эрифманским по дому метался, мне служанка пыталась про кого-то что-то объяснить. Мол, три дня полежала, поплакала, молока козьего попила, потом ушла. И все благодарила, все обещала богов за «господина» молить. Только уже на улице понял, про кого речь была. Понял — и забыл почти сразу. Отлежалась девчонка — и хорошо. А что богов молить станет, так тоже неплохо. Всегда приятно, когда за тебя богов молят!

А ведь ей ВСЕХ мужчин любить положено! Как же это можно, чтобы ВСЕХ?

* * *

— Радуйся, ванакт Адраст, богоравного Талая сын, Аргоса владыка богоравный! Диомед, сын Тидея, по божественному повелению твоему к стопам твоим припадает! Да будет власть твоя вечной, вековечной!

Уф, не перепутал! Во всяком случае, если и перепутал (то ли «вековечной», то ли «на все века»), то дед и виду не подал. Он вообще виду не подал — и бровью не двинул. Я даже позавидовал. Ведь трон каменный, жесткий, каково сидеть на таком? А дед может часами не двигаться — сам видел! Сидит в золотом венце, в пурпурном фаросе, жезл (тоже золотой — тяжелый!) в деснице зажал — и царствует. Не каждый день, понятно — по праздникам, когда в Новый Дворец все приходят. Поздравлять. Или в храм собираются — к Зевсу Трехглазому. Там тоже трон имеется.

Теперь в Тронном зале пусто, и факелов всего два — по бокам, и стражников в латах золоченых — тоже двое. Ну и мы, ясное дело. Я и дядя Эгиалей.

Вот почему фарос был нужен вкупе с диадемой! То есть с диадемой я так и не понял. Зачем мне она?

(Диадему я у Капанида взял. Его самого не застал — в гимнасии Капанид, так я управляющего, который над домом главный, попросил. Тот мне вначале золотую совал — самого Анаксагора-ванакта, но я вовремя вспомнил, что мне серебряная требуется. А если бы не сообразил и в золотой пришел? Вот смех!)

Я ждал. Каменной статуей молчал царь Адраст. Наконец...

Тихий вздох. Бледные губы чуть дрогнули.

— Радуйся и ты, Диомед, сын Тидея, наследник калидонский, мой любимый внук...

Наследник калидонский? Диадема! Ах, вот оно что! В первый раз дед меня так назвал. Впрочем, говорим мы с ним редко. Раз в год.

— Докладывай! — это дядя Эгиалей. Шепотом.

Хорошо, что он успел предупредить. И что в Тронный зал пойдем, и что дед сам мой план послушать захотел. А то бы я точно подумал, что дед о Калидоне спрашивать станет.

(Наследник калидонский? Да что случилось-то?)

А вот и столик несут. Это уже для меня. На столике доска каменная, а на доске той — рисунок знакомый. Не весь Номос, правда, а только наша Ахайя. А рядом — часы песочные. Они — тоже для меня, чтобы времени не тратил зря и все доложить успел.

— Приступай...

Это тоже дядя. Говорит, а сам часы переворачивает.

Эх, если бы я с самого начала знал, где говорить придется! Если...

Все! Время пошло!

— Богоравный ванакт! Старший эфеб Диомед получил задание подготовить план захвата Фив Беотийских, называемых также Семивратыми...

Боги! Что я подумал, когда значки на остраконе разобрал! Еще до конца не дочитал, а столько всего вспомнить успел! Столько всего...

Фивы!

«— Я, Адраст, сын Талая...
— Я, Амфиарай, сын Оикла...
— Я, Гиппомедонт, сын Сфера...
— Я, Тидей, сын Энея...»

«— На этом камне, пред ликом владыки нашего Зевса Величайшего, Повелителя Ясного Неба, царя богов и царя мира, мы, Семеро, клянемся честью, кровью и жизнью своей...»

«— Это ловушка, Ойнид!..»

...Сначала о том, кто и как в Фивах правит. Недаром я Ферсандра расспрашивал! Басилей Лаодамант: характер, привычки, способности. Потом — Тиресий-прорицатель, слепец-скопец, без которого в Фивах и вороны не каркают. Затем — басилеево войско, Серебряные Палицы, дружины гиппетов, эфебы, укрепления. Ну а за всем этим — ошибки Семерых: медленное выдвижение, разделение на отряды, беспорядочный приступ...

И тут я похолодел. Про ошибки я должен был дяде Эгиалею рассказывать! Ему, а не деду! Ведь кто тогда войско вел? Кто папу и всех остальных погубил?

Холодны были глаза Адраста Злосчастного, и не было в них ничего — ни интереса, ни гнева. Но я знал: дед помнит! Помнит, не должен забыть! И кто ему сейчас про Фивы эти проклятые рассказывать будет? Мальчишка, которому на войне и десятком калек командовать не поручат? Наследник неизвестно чего с чужим венцом на голове?

А песок сыплется, сыплется...

Эх, пропадай, Собака Дурная!

* * *

— Капанид! Эй, Капанид!

Пахнет сеном, конским потом и почему-то благовониями — чуть-чуть. Тихо, кони сеном заняты, в маленьких окошках сумрак вечерний...

Дома Сфенела не оказалось. Собственно, я забежал венец управляющему отдать, а потом понял — надо с Капанидом поговорить. Просто так, ни о чем. Или даже выпить — чуть-чуть...

...Ничего не ответил мне дед, ванакт Адраст Злосчастный. Выслушал, ни о чем не спросил, кивнул.

Все!

— Капани-и-ид!

Здесь он где-то! Управляющий точно сказал: лошадей пошел смотреть. Ведь завтра Сфенелу колесницу гонять! И дядя Эгиалей там будет, и все будут.

...А с дядей мы потом долго говорили. Долго! И не зря! Понял я...

— Сфенел, даймоны тебя!..

Конь, тот, что рядом стоял — вороной красавец с длинной гривой, — удивленно покосился, мотнул головой, снова в сено уткнулся. И действительно, ходят тут всякие, голос повышают!..

Тут никого, а там, у окна...

— Здесь я, Тидид! Я...

Отозвался!

— Ой!.. — это уже я (отворачиваясь).

— Ай! — это она.

Да-а-а... Как говорит дядя Эвмел, муза, воспой! Муза, воспой Капанида Сфенела, гиппета из первых знатных мужей аргивянских, божественной крови владыку! Много имеет он стад, много тучных полей и угодий. Всем он велик, многомощен — но с дулькой сбежал на конюшню. Горниц, видать, не хватило в именье его многошумном...

И это же какая муза такое должна воспеть?

— А я... А я думал, ты позже...

Хитон он уже накинул — в отличие от нее. Опять — только браслеты на руках!

Ну, Капанид!

— Мы... Мы вот...

— Радуйся, богоравный Диомед!

Хоть бы не пищала так! А хитон, кажется, она и надевать не собирается. Да и где тот хитон? Неужели такой и пришла? В браслетах?

— Ничего, Капанид, просто погулять думал.

— Так погуляем! — почему-то с облегчением отзывается мой друг (ба-а-асом). — Мы просто... А ты не?..

А при чем тут, интересно, я?

На этот раз наша Глубокая пуста. То есть не совсем, конечно. Еще рано, открыты ставни, соседская рабыня кувшин с водой от колодца несет. Зато пеласгов нет, и драться не надо, можно просто гулять — сначала от Трезенских ворот к храму Трубы, потом от Трубы к воротам. Гулять, болтать о пустяках...

...А план войны у дяди Эгиалея давно готов! Прямо он не сказал — но намекнул. И план этот чем-то на мой похож. А чем-то и нет. А чем именно — не у дяди же спрашивать!

Тайна!

А еще он сказал, что венец, тот, что я у Сфенела взял, — не зря. Будущий басилей калидонский должен не только мечом махать и на колесницах гонять. Вот и решили меня проверить.

Обидно? Обидно, конечно. Но с другой стороны, на что я рассчитывал?

Ах да, замечтался! О чем это Капанид? Неужели о дульке?

— Она, понимаешь, в храм возвращаться боится. Там главным жрецом Стрепсиад, злой, как собака... То есть я имел в виду...

— Понял, — кивнул я. — Как дурная этолийская собака.

Смутился, бедняга. Неужели думает, что я обижусь? Ладно, пусть смущается, это ему за дульку! Ишь, Приап Конегривый!

...И ведь что интересно? Мы с дядей о дорогах немного поговорили — тех, что в Фивы ведут. Когда я (лавагетишка сопливый!) свой план измышлял, то исходил из того, что война начнется сейчас, осенью-зимой. Потому и дороги проходимые выбирал. А дядя... Он те же дороги выбрал! Значит, осень и зима? Но ведь осень уже началась!

И кто мне скажет, почему в храме Афродиты Горы главным жрецом какой-то Стрепсиад? Мужчина, в смысле. Афродит нашелся, понимаешь!

* * *

Думал, война приснится. Зря, что ли, я четыре дня только об этих Фивах и размышлял? А если не война, то все премудрости, мою бедную голову забившие. И что же? Вместо Фив, вместо семи ворот, вместо Серебряных Палиц (лучшая сотня басилеева!) дорог, крепостей приграничных, Тиресия Боговидца (вот бы с кем поговорить!), приснилась мне дулька.

Та самая, в браслетах.

Будто лежу я в горнице, светильник в углу чадит-помирает, а она входит и голосишком своим писклявым...

— Радуйся, богоравный!..

— ...Радуйся, богоравный!

Что за Танат? И во сне эхо?

— Господин Диомед, я...

Пока глаза продирал, пока пальцы знаком-оберегом складывал, понял — не сон. Вот светильник догорает, а вот и...

— Сгинь!

Не сказал — подумал. В окошко взглянул — темно. На дульку посмотрел — на ней хитон тканый, в серебре (уж не из Капанидовых ли сундуков?). А как звякнули ее браслеты, так я и проснулся.

Окончательно.

— Ты... Ты чего?

И увиделась мне веревка. Та, на которой я служанок вкупе с привратником повешу. Прав Сфенел, надо! И действительно, спит себе господин Диомед, от трудов праведных, Ареевых, отдых вкушает...

— Я... Я пришла любить тебя, господин...

Фу ты!

— К Капаниду иди! — буркнул я, на левый бок поворачиваясь. — К богоравному Сфенелу. На конюшню. В стойло...

Ох, узнаю, кто ей двери ночью открыл!

Лег, покрывало на голову накинул... Что такое? Неужели плачет?

Плачет!

Почти так же, как когда пеласги-ублюдки ее насиловали. Я даже испугался.

— Ты... Не надо! Не надо!

Пока усадил, пока воды принес вкупе с полотенцем, пока себе водой в лицо плеснул...

— Я... Я пришла любить тебя, богоравный господин Диомед! Я должна любить тебя! Я — рабыня Афродиты Пеннорожденной, мне так приказали...

Бормочет, слезы полотенцем утирает — и на меня смотрит. Мне даже не по себе стало. Или я ей не то брякнул спросонья? А ведь точно! Зря это я стойло помянул!

— Как тебя зовут?

— Амикла, господин Диомед! — сказала и потянулась — ближе, ближе. — Меня из Амикл сюда продали, поэтому и зовут так. Я — иеродула, раба Киприды[1], я должна любить всех мужчин...

И вдруг почудилось — не то эта девочка сказать хочет. Совсем не то! Будто рот одно говорит, а глаза — другое совсем.

— Я... Я красивая, господин Диомед. Я умею мужчин любить! Я все умею!..

А хитон уже на полу! Когда только успела? Улыбнулась сквозь слезы, вновь вперед подалась.

---

[1] Киприда (а также Пеннорожденная) — Афродита.

...А я стою себе столбом. И не потому, что не знаю, чего с дульками этими делать. Ночуют у меня порой — и дульки, и свободнорожденные (и богоравные — иногда). Да только...

— Я все умею, господин! Я все умею...

...Не все! Не засветится ее кожа, не унесет меня ночным ветром над безмолвным лесом, не плеснет в глаза кипящим серебром...

Потому и не задерживается здесь никто. Уходят! И уже слушок ползет-извивается: Диомед, Собака Этолийская, лошадей только любит. А о девчонок сандалии вытирает.

Но ведь неправда это!

— Я... красивая...

Тихо так сказала, безнадежно. Как в тот миг, когда пеласгов умоляла.

И уже не знаю, кого винить? Закляли меня, что ли? Ведь красивая девчонка, таких не на каждой улице встретишь! Другой лишь заметит — на колени упадет. А я... Груди вижу (маленькие, обвислые немного, на левой — родинка), синяки на ногах, на щеке — царапина, еще не зажила. И пупырышки на животе...

— Я... Я и танцевать могу! Я хорошо танцую...

— Сядь!

Понял — ничего с собой не сделаю. Ни-че-го! И она ничем не поможет. Ведь что осталось от тех девчонок, что ко мне приходили? Помню только: одна пыхтит, другая вертится, у третьей изо рта пахнет...

Думал сперва — просто так Светлая сказала. Просто так...

«...Ты будешь искать меня всю жизнь. В каждой женщине, понимаешь? Искать — и не находить».

— Слушай, Амикла, а чего ты в храм боишься возвращаться?

Шморгнула носом (нос короткий, маленький, куда там Капанидову!), плечиками дернула:

— Не хочу, чтобы высекли! Я ведь повеление Пеннорожденной нарушила. Нам всех мужчин любить приказано, понимаешь? Всех! А те господа, ну, которые тогда...

— Те ублюдки, — с удовольствием поправил я.

— Я их всех любила! Честно! А они... они не очень меня любили. Они силой заставляли, били. Силой нельзя — ведь это же любовь! Плохие они!.. Но все равно, я должна их любить!

— Ну и богиня! — вновь не утерпел я. — Сама бы попробовала!

— Ты не понимаешь! — Амикла вскинулась, вновь шмыгнула носом. — Когда я их люблю, я и есть Афродита! Настоящая! Это она любит — ну, и я немножко... А я их не смогла больше любить. И еще я не принесла серебра богине, а я должна каждый вечер серебро в храм приносить, которое мне за любовь дают. Много серебра... Поэтому я обязана рассказать это господину Стрепсиаду, а он должен высечь меня перед алтарем. Больно высечь! А я не хочу! А хочу господина Сфенела любить. И тебя тоже! Только тебя больше...

Я прикрыл глаза — на миг, всего на миг. Нет, не блеснет серебро, не засветится, не унесет над ночным лесом. Просто девчонка, исцарапанная, в синяках, с родинкой на левой груди. И я — истукан деревянный.

— Я... Я всех люблю, господин Диомед. А тебя... А тебя тоже люблю... Ты... Ты не делай ничего, ладно? Просто ложись, я тебя любить буду...

Потянулась ко мне, коснулась губами плеча... шеи... груди... повязки на руке...

Афродита! Бедная маленькая Афродита с пупырышками на коже. Богиня, которая боится, что ее высекут...

СТРОФА-II

— Завтра на рассвете — у алтаря Реи. Оттуда — бегом, в полном вооружении, затем — учебный бой... Старший эфеб Диомед, ко мне!

Сегодня занятие ведет Эматион. Правда, занятием это и не назовешь. Копье, лук (опять промахнулся!), подгонка панциря. А вот завтра!.. Мне же сотню дядя Эгиалей обещал! Моя сотня против... Интересно, против кого?

— Тидид, ты остаешься в городе.

Что-о-о-о?

— Приказ лавагета. Из города не выезжать, ночью оставаться дома. Повторить!

Повторяю. Повторяю — а сам еле на ногах стою. Да как же это? Ведь мы готовились, столько готовились! Мне же сотню обещали!

— Р-р-разойдись!

Хвала богам! Теперь хоть спросить можно. Да что толку? Эматион только руками разводит.

— Сам не понимаю, Тидид! Мы же должны были друг с другом воевать — моя сотня против твоей. Мы с твоим дядей три дня по лесу ходили, рубежи намечали! Может, из-за того, что ты руку порезал?

Я не знаю, он не знает. Кого спросить? Дядю Эгиалея? Так он как раз этим утром уехал.

Вот не везет!

...И ничего я не запомнил после той ночи. Только родинку и то, что дышала эта девчонка быстро-быстро. А груди — вверх-вниз, вверх-вниз. А потом стонала — тихо так...

Не запомнил — и не почувствовал.

Наверное, она поняла. Утром ушла, даже не простилась...

* * *

— Тельхины и гелиады...

На этот раз дядя Эвмел устроился не на привычном треножнике, а в кресле. Здоровенное такое кресло, прямо как трон дедушки Адраста. Только деревянное. А вместо ножек — лапы с когтями.

— Тельхины... — я задумался. — Тельхины — темные, дети подземных богов. Гелиады — дети солнца. Это названия двух племен, которые до людей жили. До нынешних людей. Считается, что они погибли еще в Золотом Веке. Они очень много знали, а тельхины умели делать самодвижущиеся вещи. Такие вещи называли «автоматами». В легендах говорится, что автоматы придумал Гефест, но это не так...

...Четыре дня в городе. Нет, я и раньше подолгу из Аргоса не выезжал, но одно дело по своей воле дома сидеть, совсем другое — по приказу. Так и хочется разбежаться — и лбом в ворота. А потом — в лес.

Тоска!

— Достаточно, мальчик! Теперь о Номосе. Сначала — о нашем.

А дядя Эвмел как почувствовал. Каждый день к себе зовет, папирусы с табличками глиняными в нос тычет. А вот сегодня решил испытание устроить. За все годы сразу.

Недаром о Номосе спросил!

— Номос — название части мира, дядя. Считается, что весь мир состоит из трех... Нет, не из частей! Мир имеет три... состояния. Первое — Космос, это все Номосы, похожие на наш. В них живут люди — или могут жить. Второе состояние — Номосы богов, их еще называют «тонкими» Номосами, или «эфиром». Но слово «эфир» неправильное. И есть еще третье, о нем я ничего не знаю.

Кивает дядя, но на меня не смотрит. Что это с ним? Или обидел кто?

— Наш Номос — небольшой, почти круглый, его можно пересечь пешком за... полгода. Если бы морей не было.

— Бегом, — наконец-то улыбается дядя.

— Бегом, — соглашаюсь я. — Номос имеет два прохода в соседние. Первый — на севере, за землями фракийцев. Оттуда восемьсот лет назад в Элладу пришли ахейцы. Они называли себя Детьми Солнечной Колесницы. У пеласгов не было лошадей, и ахейцы их покорили. А второй проход появился триста лет назад, когда Девкалионов потоп был. Этот проход на востоке, он образовался между островами в Лиловом море, которое сейчас Эгейским зовут. Там тоже море было, но вода выше стояла, поэтому потоп и начался...

Слушает дядя, кивает. Кивает — и хмурится. Странно, я ведь все правильно рассказываю! Проход этот в очень большой Номос ведет, в тот, где и Кеми, и Баб-Или, и Финикия...

(Кеми, где боги со звериными головами, Баб-Или, где у всех бороды колечками, и Финикия, откуда пурпур привозят.)

— Еще один Номос находится на западе, возле острова Сицилия, но постоянного прохода там нет. Говорят, туда все же попасть можно, но не всегда...

(Дедалу удалось, когда он от Миноса убегал. А сыну его, Икару, не повезло.)

— Хватит...

Про Дедала я сказать не успел. Но почему дядя сердится? Ведь я все правильно рассказал! Четыре Номоса: Северный, Восточный и Западный. И наш, само собой...

— Хорошо, Диомед... Очень хорошо.

(А сам брови свои седые насупливает!)

— Дядя, да что с тобой?

Помолчал, палочку нащупал, встал.

— Ничего, мальчик. Просто я с отцом поговорил. Плохо

очень поговорил... Он... Он даже перед смертью хочет крови! Ему мало твоего отца, Капанея, Амфиарая, остальных...

Я только рот раскрыл. А потом подумал — и закрыл.

— Он всю жизнь хотел одного — первенствовать в Элладе. Чтобы Аргос вновь стал великим царством. Сначала — посадить своего басилея в Фивы, затем в Этолию, потом захватить Спарту и Аттику, сокрушить Микены... Все мои друзья уже погибли, теперь ему нужна твоя кровь. Твоя — и твоих друзей...

Хотел я дяде ответить, про месть сказать и про то, что Ферсандра надо в Фивы вернуть (родина все-таки!). Да только не стал. Не любит дядя войну. Это я давно уже понял.

— Ладно... Может, боги сохранят вас, ведь вы еще совсем мальчишки... Я хотел научить тебя тому, что знаю сам, Диомед. Кое-что я все-таки успел. Ты сделал первый Шаг. Теперь ты — Сияющий. Запомни слова: «Плоской нам мнится земля, меднокованым кажется небо». Если тебе это скажут, ты должен ответить так, чтобы в ответе твоем было слово «Номос». Тогда тот, кто спрашивает, поймет, что ты тоже Сияющий. Повтори-ка!

Ух ты! Тайна! У дяди Эгиалея тайна, и у дяди Эвмела!

Здорово!

Повторил, еще раз повторил. Потом — еще раз...

— Дядя, а почему я Сияющий?

* * *

Домой пришел — а там разбойники. Двое. На головах — колпаки шерстяные и плащи шерстяные, бороды черные — торчком, пояса красные, за поясами — ножи бронзой сверкают.

Сидят — меня ждут.

Думал, увидят — резать станут. Не стали. Поклонились, колпаки свои сняли...

Оказалось, не разбойники — торговцы. То есть, может быть, и разбойники (их и не разберешь порой!), но в Аргос как купцы приехали. Приехали — и мне подарок привезли.

Не только у Капанида родичи есть. И у меня есть! И даже подарки присылают. Вот дядя Андремон два бурдюка передал — с молоком. Тем самым — злым.

Ну как тут Сфенела не позвать?

Эти дни я Капанида и не видал. Как спросишь — на конюшню ушел. Лошадей смотреть. Ну, пусть смотрит!

(А с колесницами плохо вышло. Капанид обычно вторым приходит — после меня. Или третьим — после меня и Эматиона.

Меня на этот раз не было, Эматиона — тоже, а он последним пришел. Не иначе, на лошадей засмотрелся!)

А молоко-то злое! Свежее! А пахнет!

Позвал я его.

Пришел. Не один, понятно.

Увидел Сфенел бурдюки — обрадовался. Любит он злое молоко! Любит — и раз в год в Калидон ездит. И вместе со мной, и сам. Его там злым молоком тетя Деянира угощает.

А девочка эта, Амикла которая, злое молоко и не пробовала. Ведь она, кроме Амикл своих и Аргоса, нигде и не бывала. Вовремя мне дядя Андремон подарок прислал, как раз под настроение. Вина-то я не пью почти, боюсь, а молоко злое — сколько угодно.

Ка-а-ак налили, ка-а-ак выпили!

Оглянуться не успел, у Сфенела репка его покраснела, у Амиклы глазенки засверкали (а вначале и пить не хотела, еле уговорили!). Хорошо-о-о! По новой налили — еще лучше стало. Амикла, как они пришли, грустная была — наверное, из-за того, что меня, чурбана бесчувственного, увидела. А тут повеселела, бубен взяла (у меня в кладовой нашли), звякнула браслетами и как пошла плясать!

Здорово!

Хитон скинула (не любит она хитоны носить!), в волосах — ленты красные, на поясе — тоже лента. А бубен «дзинь-дзинь-дзинь», а браслеты «динь-динь»...

А мы со Сфенелом ей помогаем — по кувшину пустому лупим. Чтобы в такт было. А Амикла менадой по горнице носится, смеется, бубном звенит.

...А потом запела она. И ведь что интересно, когда Амикла поет, то уже и не пищит вроде. Взрослый такой голос, сильный.

А затем и мы подпевать стали.

— Я это... пойду. Домо... Домой...

Договорить Капанид все же смог — с трудом. И даже встать. И даже плащ накинуть.

Бурдюк пуст, второй мы куда-то запрятали (от беды подальше!), Амиклу на скамью уложили, моим плащом укрыли.

— По... Пойду!

Мне легче — все-таки этолиец! Я не только на ногах стою, но даже соображаю. Домой-то он дойдет, близко, а вот...

— Давай я ее отнесу. Или позову кого — чтоб помогли.

Сфенел — на Амиклу (спит она, улыбается). Смотрит долго, головой качает:

— Не-а. Пусть она тут... У тебя. И завтра тоже. И послезавтра... И вообще...

— Ты чего? — поразился я.

А Капанид вновь на Амиклу поглядел, башкой мотнул:

— Того! Потому что она тебя лю... любит, понял? Тебя! А ты ду... дурак, ду... дубина, собака ду... дурная! Понял? А жрецу, Стрепсиаду этому, мы разобьем мо... мо...

На этот раз договорить мой друг не сумел.

* * *

А теперь и я третий день из дому не выхожу!

* * *

— Ты не вини себя, господин Диомед! Ты не виноват, просто ты меня пока увидеть не можешь. Смотришь, а не видишь. А я тебя вижу, потому что я тебя люблю, понимаешь? Но ты меня увидишь, обязательно увидишь, любовь — сильная, она даже смерти сильнее! А я тебя любить буду — пока ты меня не полюбишь! Или не прогонишь. Ты меня не прогонишь, господин Диомед?

* * *

Ночью за мной пришли. Амикла заснула, калачиком на ложе свернулась, а я не спал. Лежал, руки за голову, и в потолок смотрел.

Думал.

И о ней думал, и о себе, и о Светлой, и о том, что жрецу нужно морду набить. О всяком, в общем.

Вот тут они и пришли. Вошли, не постучали. Шлемы с хвостами конскими, панцири золотом сверкают. Дедова охрана!

— Собирайся!

Собирайся — это значит фарос, сандалии новые, диадема. А где я ее, диадему, возьму? Так и пошел — без диадемы.

А Амикла и не проснулась.

Темно было в покоях, даже факел не горел — чадил только. И от того дедово лицо совсем мертвым показалось. Каменным каким-то. Только глаза живые.

— Подойдите ближе!

Это он нам — мне, Ферсандру, братишкам его, близнецам, маленькому Киантиппу и, конечно, дяде Эгиалею. Дядя, оказывается, уже приехать успел. Приехать успел, а переодеться — нет. Так в плаще дорожном и пришел.

— Ближе!

Твердо звучала речь ванакта Адраста Злосчастного. Хоть и не сидел он на троне — лежал. Покрывало до подбородка, из-под покрывала рука свесилась — худая, недвижная.

— Говори!

Это дед, конечно, дяде Эгиалею. Тот ближе шагнул, руку, ту, что свесилась, поправил.

— Отец, Микены нам не помогут. Эврисфей сказал, что не даст войска. И наше войско не пропустит.

(Вот куда дядя Эгиалей ездил!)

Серые губы дернулись. Странно, мне вдруг почудилось, что дед смеется. Смеется?

— Говори ты, Диомед!

Я вздрогнул. Как начать? «Ванакт»? «Богоравный»?

— Дедушка! Дядя Андремон... басилей Андремон поможет, но он сначала хочет поговорить с тобой или с дядей Эгиалеем. Он может приехать...

(Купцы, которые на разбойников похожи, мне не только молоко злое передали. Но и на словах кое-что.)

И вновь дернулись губы Адраста Злосчастного.

— Нет... Иначе сделаем. Я сказал — ближе подойдите!

Подходим. И страшно почему-то. Ферсандру своих братишек даже подталкивать пришлось. А у Киантиппа губы задрожали.

— Я, Адраст, сын Талая, ухожу из нашего мира. Я не могу завещать вам великого царства, поэтому я завещаю вам, сыну и внукам моим, мечту...

Твердо говорил мой дед и прямо смотрели его глаза.

— Ты, Ферсандр, со своими братьями воцаришься в Фивах. Ты, Диомед, станешь владыкой Калидона, а потом и всей Этолии. И вместе вы сокрушите проклятый дом Пелопса!..

И вдруг я понял — что-то не так! Дед сказал «сыну»? Одному! А как же дядя Эвмел? Почему его не позвали?

— Аргос вновь станет первым городом Эллады. Вы сделаете это, иначе душа моя не даст покоя никому из вас. И если надо

будет пролить кровь — свою или чужую, — вы ее прольете! Мечта дороже крови...

Да, дядю Эвмела не позвали. И я уже не удивлялся.

— Начнем сейчас, когда все наши враги уверены, что вы плачете у моего смертного ложа. Не смейте плакать! Это — удел женщин, а вы справите тризну по мне в Фивах и Калидоне. И да будет так! Клянитесь!

— Клянусь! — это дядя Эгиалей. — Клянусь, отец!

— Клянусь... клянусь... клянусь... клянусь... — это мы, вразнобой, негромко.

И вновь вспыхнул перед глазами темный огонь — пламя Зевса Листия...

«...Мы, Семеро, клянемся честью, кровью и жизнью своей...»

И другой огонь — элевсинский. И крик тети Эвадны...

— Ты, сын, едешь к куретам — завтра же! Не бойся, я не умру, пока ты не вернешься! А если умру, мою смерть скроют. Ты, Ферсандр, сам знаешь, что делать...

Ферсандр побелел весь, губы ниточкой сжал. Кивнул. И дядя кивнул. И я. Ведь ясно, не один он к куретам поедет!

— И еще... — Лицо деда дернулось, исказилось каменной маской. — Если... Если выродки Амфиарая — или кто-то еще — попытаются вам мешать, вы их всех! До седьмого колена, всех! Всех...

Дрогнуло покрывало. Худая, дрожащая рука поднялась, сжалась в кулак.

Упала.

— Всех...

Дохнуло холодом. И вдруг почудилось мне, что не дед, не Адраст Злосчастный, говорит с нами. Будто взглянул мне в глаза сам Танат Жестокосердный...

* * *

И снова, как когда-то в детстве, Крон Всемогущий раскрутил свое хрустальное колесо, что простерлось под всеми мирами, невидимое, неслышное. Быстрее, быстрее, быстрее!.. Время помчалось бешеным конем, зимним ветром, колесницей под уклон, не разбирая, не давая оглянуться...

— Да ты чего, Тидид? Ведь ванакт... дед твой... помирает! Куда ж уезжать?

— Я... Скоро узнаешь, Капанид. Ты... Пусть Амикла у меня дома живет, ты посмотри, чтобы все в порядке было. А жрец этот, Стрепсиад...

— А я ему морду набью! Не, я лучше ему браслет золотой дам, чтобы отстал. А знаешь, что говорят? Будто Стрепсиад этот — не мужчина и не женщина. То есть когда-то мужчиной был, а теперь вроде как совсем наоборот. Вот смехота!

— Я не судья тебе, мальчик. Не судья... Ты молод, силен, у тебя все впереди, а я калека, старик в тридцать лет. И мой отец не погиб под Фивами...

— Дядя Эвмел...

— Нет-нет, Тидид, не надо меня спрашивать. Решай сам, ты уже совсем взрослый. Только... «Ни очага, ни закона, ни фратрии тот не имеет, кто межусобную любит войну, столь ужасную людям». Так сказал один аэд. Может, прав он, может — мой брат...

— Дядя! Я ведь и так изгнанник. Если дома нет, его надо завоевать!

— В завоеванных домах плохо спится, Тидид!.. Выживи, мой мальчик! Главное — выживи!

— Если хочешь, я уйду, господин Диомед! Ведь я рабыня, ты — богоравный. Знаешь, мне кажется, что это не Афродита тебя любит, а только я. Это плохо, я не смею любить сама, ведь я лишь служанка Пеннорожденной. Меня накажут, выгонят, отправят в каменоломню...

— Ты будешь жить здесь, Амикла, глупая девчонка, и если кто-то тебя посмеет тронуть, Капанид его придушит. А я вернусь, скоро вернусь. И не смей меня больше называть господином. И богоравным — тоже!

— Как прикажешь, богоравный господин Диомед... Ты сказал, что я могу жить в твоем доме, сказал, что меня никто не обидит. Но ты так и не сказал, что любишь меня...

* * *

А потом было море.

Холодное осеннее море, утренний туман, негромкий плеск весел, хмурые лица рыбаков (а может, и пиратов, кто их тут раз-

берет?). Калидонский залив, два часа по темной, покрытой мелкой рябью воде...

Ветер, барашки по волнам...

— Дядя Эгиалей, а почему мы так и не построили флот? Почему Микены смогли, а мы — нет?

Дядя кутается в серый военный плащ, зябко дергает плечом. Холодно! И ему, и мне. Холодно — и сыро.

— Не знаю, Тидид. Наверное, тогда, сто лет назад, мы в Аргосе были слишком сильны. Не поверили Пелопсу, а ведь он предупреждал, что будущее — на море. У нас и гавани порядочной нет, разве что Лерна... А Микены Пелопсу поверили. Знаешь, Диомед, мне кажется, наши предки думали, что мир очень маленький. А он оказался большим...

Нас пятеро. Мы с дядей — и трое молодых воинов, вчерашних эфебов. Мы тут, в черной пиратской лодке посреди Калидонского залива, — просто путники, никем не узнанные, не замеченные. Никто и не знает, что уже сегодня мы будем в Этолии. Молодец дядя! Глашатаи охрипли, возвещая, что Эгиалей Адрастид, наследник Аргосский, едет с посольством в Калидон, дабы помирить Ойнея Портаонида с его внуком, Диомедом Тидидом. Из Аргоса мы выехали при полном параде — на колесницах, с охраной и дюжиной повозок. Выехали — и уже через час пересели на низкорослых этолийских лошадей.

И — ходу! На восток, по узким лесным тропинкам безлюдной Аркадии — к туманному морю. Не один я знаю этот путь!

Хорошо, что я научился ездить верхом! Не так, как дядя, конечно, не так, как мои родичи-куреты. Но все-таки достаточно, чтобы не оплошать. Посольство катит себе к Микенам, к Коринфу и Фивам, а мы уже здесь, и завтра будем в Калидоне. И пусть все гадают, куда подевался наследник Аргоса! Поймут — поздно будет.

— Дядя, а кто самый сильный на море?

Меня учили воевать с пяти лет — копью, мечу, луку. И колеснице учили, и как строить фалангу тоже. Но о море я почти ничего не знаю — как в ту ночь, когда мы с Капанидом ловили гидру. А ведь на море — своя война. Для большого боя — пентеконтеры и дипроры (те, что с двумя таранами), для высадки — кимбы, а еще есть эйксоры, гиппагоги...

Не упомнишь даже! А ежели воевать придется?

— Сильный? — Дядя качает головой, думает. — Самый сильный — это ванакт Кеми. Ему подчиняются сидонцы и басилеи Аласии — Кипра. Затем — Троя. Потом — пираты Лаэрта...

— Эти? — я осторожно киваю на мрачных перевозчиков.

— Эти, Тидид, — дядя Эгиалей негромко смеется. — Тихие они сегодня, правда? Но и над ними есть хозяин. Дом Мурашу из Баб-Или, не слыхал?

Не слыхал. Наверно, такие же, как и те торговцы, что к нам в Лерну иногда приплывают. Толстые, важные — и бороды, понятное дело, колечками...

— Когда-то это были обычные купцы, вроде сидонцев. Но теперь наследники Мурашу сильнее любого ванакта — и у нас, и на востоке. Они дают серебро всем — Сидону, Трое, хеттийцам. У них хватит серебра, чтобы заполнить все моря кораблями. Даже Кеми не спорит с Домом Мурашу.

Туман клубится, подступает ближе, сыростью ползет под плащ...

Как мало я знаю! Хорошо, что ванактом станет дядя Эгиалей! Кто еще сможет править Аргосом после деда? Заячья Губа с его пеласгами? Мы с Капанидом? Смешно!

Дед умирает... Всю дорогу мы говорили о чем угодно — но не об этом. Не хочется даже думать, каково сейчас дяде Эгиалею, когда Адраст Талид, его отец, стоит на черном пороге Гадеса! Мне все-таки легче...

Люблю ли я деда? Ведь мы и виделись-то с ним только по праздникам!

— Эврисфей хочет царить не только в Апии, но и на Лиловом — Эгейском море. Но для этого ему придется сокрушить Трою.

— Подумаешь, Троя! — удивляюсь я. — Дядя Геракл ее с налета взял!

— И так же отдал, — улыбается дядя. — Самая большая ошибка Эврисфея! Этот недоумок посылал Геракла за львами, гидрами, Гесперидовыми яблоками — и проморгал Трою. Такие удачи не повторяются, Тидид. Троя — ключ! Нет, Троя — дверь на восток, к хеттийцам, Ассуру, урартам, митанийцам, к Баб-Или. И пока эта дверь у Приама, Микены могут только топтаться в прихожей.

Дядя Эгиалей умолкает, зябко кутается в плащ. Вот и кончилось тепло! Скоро дожди...

...И половина беотийских дорог станет непроходимыми! Даже для конницы, не говоря уже о колесницах. Но две все-таки остаются — те, что наметили мы с дядей. Правда, колесницы по ним все-таки не пройдут — увязнут.

А зачем нам колесницы?

...Много веков назад гиксосы подступили к границам Кеми, страны, где властвуют зверобоги, Великого Кеми, чье войско не знало поражений. Еще не остыли трупы на поле у Ар-Магеддона, где Великий Дом, ванакт Кеми, сокрушил врагов. Кемийцы казались непобедимыми.

И тогда вожди гиксосов послали гонцов к ливийцам...

Туман густеет, берег Аркадии уже сгинул за спиной, а впереди тоже туман, и мне почему-то страшно...

— Я бы не отпускал тебя в Калидон, — дядя всматривается в серую пелену, качает головой. — Ну и утречко, как раз для высадки! Десять кораблей вперед, еще три — ко входу в залив... Ты мне, Тидид, в Аргосе нужен будешь. Отец никому не верит, поэтому сделал лавагетом меня. А мне кого назначить?

Если бы не туман, не сырость, пробирающая до костей, не страх, непонятный, нелепый, я бы уже смеялся. Да куда там смеялся — хохотал бы во все горло. Ну, шутник дядя! Лавагет Диомед!

Ха-ха!

— Мне только шестнадцать, дядя Эгиалей. И я чужак. Сын изгнанника.

Я не смеюсь, смеется дядя.

— Время идет, Тидид! Вот увидишь, к двадцати годам ты уже три войны выиграешь! А то, что ты чужак... Извини, а зачем мне какой-нибудь богоравный с кучей родни и стадами, которые требуется охранять нашим же войском? Да еще с правами на престол? Отец давно хотел разоружить все дружины гиппетов. Не успел — придется мне. Знать — самый опасный враг, Тидид! Опаснее Микен!..

Да, не быть мне ванактом! Я бы Капанида тут же лавагетом сделал. А ведь он — потомок Анаксагора! Набегут его родичи-козопасы, затрясут бородами...

Фу ты! И думать не хочу!

И вдруг почудилось, что я вновь слышу голос деда — голос Таната Жестокосердного. «До седьмого колена, всех! Всех...»

Хвала богам — не ванакт. И не буду!

— Да и какой же ты чужак, Тидид? Это в Калидоне ты чужой. Боюсь, не все тебе будут там рады. И не только Ойней...

Вот уж точно! Кто бы спорил, а я не стану.

А серая пелена ползет, густеет, подступает... сомкнулась. Говорят, такой же туман стоит над Летой, и челн Харона так же бесшумно скользит к невидимому берегу — к Белому Утесу, к полям асфоделей...

Я закрыл глаза. Еще не хватало, чтобы дядя понял, как страшно будущему (ха-ха!) лавагету. Не думать! Не думать о море, о сером тумане, о черной воде, тихо плещущей рядом — только протяни руку. Лучше я буду думать о гиксосах, о том, как они здорово обманули ванакта Кеми. Они — на востоке, ливийцы — на западе. Два войска, и в Кеми не знали, откуда ждать удара. Пришлось посылать войска на все рубежи... и вот тут-то гиксосы и врезали! И боги со звериными головами не помогли!

А то, что у ливийцев войска было с воробьиный клюв — так у страха глаза велики. А ведь можно еще хитрее придумать. Микены наше войско не пропустят, а если и пропустят, то совсем немного — как раз с воробьиный клюв. Маленький такой клювик у маленького воробышка...

Открыл глаза — и вздрогнул. Ничего не видать! Дядя совсем рядом сидит, а все равно — не разберешь. Черная тень — не человек...

...И чего это я все время о воробьях этих дурацких думаю? Может, потому, что они не просто пичуги, они — гонцы Психопомпа-Килления, стража душ, уходящих в Аид? Их тоже зовут психопомпами...

Стоять! Ничего себе мысли посреди моря! Недаром говорят, что люди делятся на живых, мертвых и тех...

— Дядя! А-а... А если дед, в смысле басилей Ойней, войско у границ выставит?

Пустое спросил (не мое это дело — пока!), просто так, чтобы дядин голос услышать. Услышать — и самого себя убедить, что мы еще здесь, а не посреди Леты.

— Тогда ты меня со своим дядюшкой познакомишь, — сквозь туман донесся негромкий смешок. — Как бишь его зовут? Терсит, кажется?

— Терсит...

Хорошо, что я не лавагет и мне не надо думать, зачем нам мой калидонский дядюшка. Конечно, на войне все пригодится, но из него уж точно — наконечник стрелы не вылепишь.

Зато поскользнуться можно!

В лицо ударил ветер — брызгами, солью, знакомым запахом водорослей. Туман дрогнул, отступил, пошел клочьями...

Хвала богам!

Скоро берег, а там — Калидон, и там мне придется думать о войне, а пока я вспомню совсем другое — тоже туман, но серебристый, поляну в лесу...

...Уговорил я дядю! Сделали крюк, заехали, постояли у старого мертвого дерева, возле которого я когда-то увидел Ее. Постояли — и поехали. Теперь там вырубка, совсем рядом, углежоги ямы свои смрадные роют...

«Люди... Они добираются даже сюда. Скоро придется уходить. Жаль...»

И ты ушла, Светлая! И я уже никогда... Нет! Неправда! Я увижу Тебя, найду, пусть даже не сейчас, а когда-нибудь. Ведь жизнь длинная, очень длинная...

...А может, и не очень. Папе тридцать с небольшим было, мне — шестнадцать.

— Старший эфеб Диомед! К высадке!

Вот дела! Да мы уже приплыли! Вот и берег рядом, весь в водорослях, сейчас лодка носом ткнется... ткнулась.

— Твоя земля, Диомед Калидонский! — Дядя встает, поправляет фибулу на плече. — Ты — первый!

Шутит? Нет, не шутит. Улыбается — но не шутит. Первый, значит? Ну ладно!

К высадке, Диомед Калидонский!

Прошел вперед, примерился, как прыгнуть точнее (кому охота ноги мочить!), оглянулся...

(Сам не знаю, чего оглянулся. Словно позвали. Словно сзади что-то важное осталось — такое, что и не вернуть. Так ведь нет там ничего, кроме моря! Море, над ним — туман клочьями. И все равно — не так что-то. Будто забыл. Или потерял. Или потеряю.)

...И уже земля под ногами (калидонская!), а я все думал, что не так? Может, дядино лицо не понравилось? То есть понрави-

лось, да только странное оно какое-то. Улыбается дядя — а лицо... такое. Серое, неживое — как у деда Адраста. Словно мы и вправду по Лете плыли.

Да нет, ерунда все это! Просто я моря... не боюсь, понятно, но не очень это море люблю. Так себе. Чуть-чуть.

* * *

А я-то понять не мог, чего это тетя Деянира у меня спросить хочет? И так подходит, и этак, и намекает вроде (ба-а-асом, ба-а-асом!).

— А твой друг почему не приехал? Как его?.. Сориск, Сефей...

Ну да, как же! Забыла она Сфенела Капанида!

Ай, тетя!

Пришлось пояснить: не смог. Занят потому что. Женится.

Помрачнела!

А в общем, молодец тетя! Мускулы из-под хитона буграми выпирают, да и не только мускулы, губы, словно охрой помазаны — горят! И в доме все горит — блестит то есть. Тазы медные — хоть сейчас вместо доспеха пристраивай. И тарелки блестят, и миски (серебряные!). И стад, говорят, прибавилось.

Ну, за стада — это дяде Гераклу спасибо. Дедушка Ойней, пращур мой Живоглотный, уже несколько раз на войну его посылал. Да какая там война! Вокруг и городов нет, а в селах, как про Геракла заслышат, сразу откуп на телеги грузят. Ну и стада, понятно, гонят. И побольше, побольше!

Повздыхала тетя, повспоминала (не только дяде Гераклу есть что вспомнить!), а потом и мною занялась.

— А ты сам, племянник, надолго ли? А то я одна, понимаешь, осталась. Страшно одной-то! А ты вот какой крепыш вырос, защитишь, ежели что!

А у самой — хитон с плеча (этак незаметно, незаметно!)... И язычок по ее алым губам — р-р-р-раз!

Облизнулась!

Я от тети к окошку отошел, за ставню потянул (тоже — незаметно, незаметно!). Если что — выпрыгну! Быстро бегаю — не догонит!

И ведь что интересно? Целый год дядя Геракл из дома носу не казал. А стоило мне весточку в Калидон прислать, что буду, и не один, а с другом (это я про дядю Эгиалея, понятно), так тут же оракул листьями прошелестел: пора богоравному герою в Додону съездить — овцу перед Диевым дубом заколоть. И не од-

ному, а с чадами. Вот и поехал дядя. А Додона-то — в Эпире, не ближний свет! А из Эпира решил он к друзьям-кентаврам заехать (ни разу не видел я кентавров этих, обидно даже!). Ну а тетя Деянира, понятное дело, осталась — за стадами присматривать.

Вот и не верь после этого в божье всевидение!

А тетя между тем... Все, пора в окошко прыгать!

Не выпрыгнул — дядя Эгиалей в дверь постучал. Спас!

В Калидон мы тихо въехали. Парней, что с нами прибыли, за воротами оставили вместе со всем оружием, дядя сразу же во дворец, к Живоглоту (тоже мне, дворец!), а я лошадей за повод — и сюда. К тете. Хитрые мы, ой хитрые! Нет, это не я так думаю, это в Фивах подумают. Туда уже небось гонец летит-задыхается: прибыли! тайно! без колесниц и повозок! Плохо им спаться будет, в этих Фивах!

— Простил? — это я.

— Ха! — это дядя Эгиалей.

Ясно! Как же, простит меня Живоглот! Простит — наследником придется признать. А тут без меня их — фратрия целая. Наследников.

Да и не обо мне у них разговор шел. То есть и обо мне тоже, но так — краешком.

Все! Можно дядю на растерзание оставлять (пусть про стада тете Деянире рассказывает!), а самому чуток прогуляться. Только теперь и в самом деле посматривать придется. Потому как дядюшка Терсит...

...убил бы! А дядя Эгиалей говорит, что убить можно, но потом. Попозже. А пока дядюшка всем хорош: жаден, труслив, страшен, как гарпия, — и дедулю моего ненавидит. Тут во дворце целая шайка собралась — родичей. Собралась, ключи от сундуков с кладовыми к рукам прибрала, а дядю Терсита прочь выставила. В общем, наконечник стрелы из него не получится — но кое-кому придется поскользнуться.

Тот слиточек серебряный я ему так и не отдал. Из принципа. Небось до сих пор жалеет, что потратился. И пусть жалеет! А пообещать ему есть чего — за полмины удавится!

Люблю родичей!

* * *

— А если я не соглашусь, племянничек?

— Так мы без спросу, дядюшка Терсит!

— Узнают, узнают, хи-хи, не выйдет ничего!

— Не выйдет — у тебя, дядюшка, добычу наберем. Куретам, знаешь, все равно, чьи стада угонять. Ха-ха!

— Шутник же ты племянничек, хи-хи!

— Ха-ха, дядюшка!

* * *

Вернулся к тете Деянире, а на улице уже сумерки. Сумерки, дождик мелкий, ветерок с гор (Борей, по-здешнему — Дориец). Хорошо! Самое время гулять!

Про гулянье мы с дядей Эгиалеем и поговорили — после того, как я его из-за стола вытащил (сидят дядя с тетей, на головах — венки из цветов каких-то лиловых, от обоих — дух благовонный, дядя чашу к потолку тянет). Вытащил, про «Ганимеда» рассказал, где и как встретиться им с дядей Эгиалеем. Рассказал, он мне: «Кур-р-р-р-р!». Похоже так!

(«Ганимедом» мы, понятное дело, решили меж собой в Калидоне Терсита называть, потому как красив больно. И привычки, говорят, вполне Ганимедовы. Вслух называть — на всякий случай. Ну а «Кур-р-р-р!» — еще понятнее. Пора мне за реку. Из Этолии Калидонской в Этолию Плевронскую.)

Спросил я, когда его самого ждать. Потому как, если ночью, то хорошо бы у моста десяток родичей моих белозубых в дозор выставить. Тоже на всякий случай. А то знаем мы эти места!

Задумался дядя Эгиалей, на меня поглядел, потом на тетю Деяниру, венок на голове поправил... В общем, поутру решил ехать.

Ай, дядя! Ай, тетя!

АНТИСТРОФА-II

А потом начался пир. Да такой пир, что и на самом Олимпе не бывало. Всем пирам пир! Всюду не поспеть, аэду не воспеть. На всю Куретию Плевронскую!

Пируем!

Полетели гонцы по дорожкам да тропинкам под редким дождичком — мужей куретских на поле Плевронское звать. На том поле уже и шатры стоят, и баранов с козами режут, и злое молоко наливают. Потому как радость великая — к Андремону-басилею, всей Куретии владыке, сын его приемный, Диомед Тидид, в гости пожаловал.

Хейя-я-я-я!

(Дядю Эгиалея они не заметили почему-то. Будто не было наследника Аргосского. Даже странно как-то! Я так удивлялся!)

— Поеду, Тидид! Может, еще застану отца. Если застану — скажу, что ты — молодец...

Дядя Эгиалей усмехается, по плечу меня хлопает. А мне не по себе почему-то. И не из-за деда, ванакта Адраста, — из-за дяди. Вновь проклятый туман над морем вспомнился...

— Договорились, значит? Ты помнишь...

— Танагра, — киваю я, — ровно через семь дней, в полдень. Я успею, дядя!

Он кивает в ответ, берется за повод...

Почему не хочется, чтобы он уезжал? Почему не хочется, чтобы все начиналось?

— Дядя, а нельзя все это... как-то иначе?

— Поздно, — в его глазах тоже что-то странное, будто и он жалеет. — Мы готовились десять лет. Это — мечта отца...

И я понимаю — поздно. Кера уже вырвалась из Тартара, вот-вот вздрогнет мир от ее крика.

— Ну, мальчик!..

Обнял, снова по плечу хлопнул, вскочил на коня. Ударили в мокрую землю копыта...

...А я папу почему-то вспомнил — как он с нами прощался...

А на пир уже, считай, треть Куретии собралась. Белозубые, чернобородые, в плащах меховых. Ну и, понятно, оружие не забыли. И не потому, что воевать собрались (Какая война, понимаешь? Гость дорогой приехал!), просто, что за мужчина без оружия? Женщина — не мужчина!

Кричат бараны в ужасе предсмертном, гремят медные щиты, моросит дождик на Плевронском поле. И костры горят...

Пируем! Хейя-я-я-я!

А ветер Дориец с гор дует, вести во все стороны разносит. И возвращаются вести эхом, да таким, что ушам больно. Ойней Живоглот стада в ущелья дальние угоняет, добро из дворца вывозит — о пире услыхал. И уже поговаривают в землях дальних — неспроста пир этот. Видать, решил Адраст Злосчастный перед смертью слово свое исполнить, внуков на престолы вернуть. Только теперь не с Фив решил начать — с Калидона. Иначе зачем Диомеду на Плевронском поле с родичами гулять-веселиться?

А мы себе пируем. Хейя-я-я-я-я!

А гости — один за другим, баранов гонят, подарки везут. Басилею — отдельно, сыну его Фоасу — отдельно, и Диомеду-родичу, само собой. Один панцирь медный привез, другой — копье, третий — щит, четвертый — поножи. И шлем, и лук. Странно как-то: сам собой у меня полный доспех сложился.

Да чего странного? Обычай тут такой — оружие дарить.

Днем пируем, ночью пируем, утром тоже пируем...

У Фоаса борода — до ушей. Как у его отца. И зубы — гвозди бронзовые кусать можно.

— Пять сотен на запад послали. Еще две готовят. Думают, умные очень, понимаешь!

И зубы скалит. Смешно ему, Фоасу! И мне смешно: мы тут пируем, а фиванцы войска с востока на запад передвигают. И чего им бояться? Будто гуляют здесь титаны с главным титаном Диомедом во главе, все с сосну корабельную ростом, скалы плечом передвигают. Ведь далеко мы, чтобы в Беотию попасть, надо земли калидонские пройти, а потом и Локриду. А ведь все знают — не пропустит Живоглот куретское войско. Костьми своими живоглотскими ляжет!

Смешно!

— Помнишь, Фоас, ты сказал, что мы вырастем, а мир — состарится?

Смеется мой родич. Помнит!

А когда народу на все поле набилось — кто в шатре, кто просто у костра, — самое интересное начали. Это у ахейцев-неженок на пир флейтисток с танцовщицами кличут. А у куретов вместо музыки — звон медный, вместо танцев женских-девичьих — игрища военные. Прутья в землю воткнули — стрелами с сотни шагов сбивать, щиты вкопали — это для копий, дорогу под горой расчистили — на конях длинногривых гонять.

Пируем!

А ветер Дориец все дует, вести разносит, а ему навстречу — эхо. И вот однажды дрогнули горы, камешками мелкими вниз покатились. Потому что горькая весть — как гром. Стоишь, оглушенный, и что делать, не знаешь.

В Аргосе, за стенами Лариссы Неприступной, умер ванакт

Адраст Талид, роду Амифаонидов, прозванный среди людей Злосчастным...

Тихо умер — не так, как жил.

Прощай, дед! Легкой тебе дороги!
Хайре!

Замерло поле, понурили головы бородачи. Ведь радоваться приехали, не печалиться! А тут горе такое! Потянулись толпами к шатру моему (мне и шатер подарили), головами качали, а затем камни собирать принялись. И вырос среди поля алтарь-гора, и вновь заревели бараны, и быки заревели, и вознесся к серым небесам жертвенный дым...

И еще пуще народ на поле наше повалил. Если радость, то и дома посидеть можно. А тут — беда, горе, ведь родич умер (сразу вспомнили, что дед мой Андремону-басилею — дядя троюродный)! И снова пир начался, но уже поминальный. А на поминальном пиру все должно быть: и бой с оружием, и пляски в броне полной, и многое, многое еще...

Поминаем деда Адраста!

А дождь все капает, а эхо вести несет — нежданные, удивительные. Будто бы у погребального костра Адраста-ванакта поклялись его родичи дедово обещание выполнить, внуков его в их царства водворить. И что собрались они в Элевсин, чтобы там помянуть Семерых, потому как сам Адраст перед смертью о том просил.

И Эгиалей, ванакт новый, собрался, и все сыновья-эпигоны, кто оружие носить может. И Сфенел, грозного Капанея сын, и Амфиараиды — Алкмеон Заячья Губа и Амфилох Щербатый, и Полидор Толстяк, и Эвриал Смуглый, и Промах Дылда. Все, вот только Диомед не с ними. В Этолии Диомед Тидид, на Плевронском поле деда поминает. Ему до Фив дела нет.

Собрались — и пошли. Воинов мало взяли, чуток (с клюв воробьиный), чтобы разбойники дорогой дары в храм Элевсинский не растащили. И дивится вся Эллада — что это? Для войска — мало, для посольства — многовато.

В Микенах стражу дополнительную выставили, в Фивах басилей Лаодамант смотр своим Серебряным Палицам устроил. А Тиресий-прорицатель сказал: «Пускай!» «Пускай!» — и все.

Вот и думают в Фивах, затылки чешут. Чешут, а войскам на всякий случай на месте стоять велят. Потому как Элевсин — на востоке, а Диомед — на западе.

Вот так и в Кеми затылки чесали!

А на поле Плевронском уже не море — Океан! Новые гости за речкой шатры разбивают — места нет. А в центре, у алтаря еще теплого, главное начинается. Воина не слезами — доблестью поминают. Копьями постучали, мечами позвенели, настала пора для «трагедии», а по-простому — козлодрания.

Расчистили поле. По краям — полсотни удальцов верхами. Посреди — козел, огромный, седой, испугаться можно. Приготовились, ждут. Зрители ждут, всадники — и козел ждет. И вот ударила медь...

Ха-а-а-ай!!!

Рванули, дороги не разбирая, сшибая друг друга на мокрую землю. Мемекнул козел, за шерсть седую схваченный. И вот уже тащат... перехватили... снова тащат... и вновь перехватили!

Ха-а-а-ай!!!

А выиграет в трагедии-козлодрании тот, кто козла к шатру басилееву бросит. Да только непросто это! Падают, кричат, в шерсть козлиную вцепляются, от морд конских уворачиваются, от копыт — кто на землю свалился...

...А эхо не спит, вести несет. Из Элевсина повернули эпигоны прямиком к рубежам беотийским. Потому как велела сама Деметра, Элевсинской рощи хозяйка, дядю Амфиарая помянуть, что возле Фив навеки в землю ушел. А в Фивах уже войско готовят, басилеи местные дружины сзывают, да только опаска есть. С мальчишками-эпигонами две сотни всего воинов, а на западе Диомед Тидид со своими куретами пирует — деда Адраста поминает. А еще слушок появился: неспроста это. Пошлет Лаодамант, басилей фиванский, войска на запад, к Этолии ближе, а тут из Аттики эпигонам подмога подоспеет.

И чему верить? Разве что Тиресия-боговидца спросить, так ведь он свое уже сказал.

Пускай!

Упал у шатра козел, мемекнул в последний раз и в Гадес свой козлиный отправился.

Допереживался!

Вот и победитель — грязный, в земле мокрой, одни зубы белеют. Так это же Фоас! Ну, молодец, родич! Над полем Плевронским крик, над полем Плевронским рев, басилей Андремон сына целует, а вот и быка ведут с рогами золочеными и бубенцами на шее — серебряными. Победителю! Увидели куреты быка — замерли. Замерли — рты открыли.

Красавец!

Пока быком любовались, по шерсти мокрой гладили, на приап его бычий смотрели (у-у-у-у-ух!), эхо свое несет. Не выдержал басилей Лаодамант! Послал своих Серебряных Палиц на запад, к Этолии, и сам велел колесницу закладывать. Понятное дело! На востоке мальчишки, горстка невеликая (хоть и с самим Эгиалеем-ванактом). Хитрят, внимание отвлекают. А с Диомедом вся Куретия пирует. С оружием, при конях. Пирует, дух боевой до небес играми-ристаниями поднимает!

Пошептало эхо мне на ухо. И Андремону-басилею пошептало. Переглянулись мы с ним. Переглянулись, пошли быка смотреть.

Краса-а-авец!

* * *

— Сегодня, мама? Сейчас?

— Да, сынок. Сейчас тебя разбудят...

— Мама, я...

— Ничего не говори! Ты победишь, Диомед. Ты уже победил!

* * *

— Просыпайся, Тидид!

В руке у дяди Андремона — факел. Трещит, смолой свежей пахнет.

— Эгиалей взял Танагру. Три дня назад. Фивы сняли с запада все войска.

Протер я глаза, оглянулся.

Ночь, на поле — грязь растоптанная. Спят у костров мужи куретские. Спят-досыпают — недолго осталось.

Кончилась козлиная трагедия. Настоящая впереди.

— Начинаем?

— Начинаем, дядя!

Начинаем, потому что Эгиалей, ванакт Аргосский, с горст-

кой мальчишек уже взял Танагру, ключ к Семивратым Фивам. Взял три дня назад (не было там войск, не было, на запад ушли!), значит, сегодня, в эту ночь, он уже на три перехода ближе к столице. Начинаем, потому что Лаодамант Этеоклид Зевесовой молнией мчится спасать город, гонит войска по размокшим дорогам. Он думает, что догадался, понял, в чем наша хитрость...

Ванакт Кеми тоже думал — и на копье попал!

...А может, и не думает — страх его торопит, глаза слепит, ведь эпигоны, сыновья Семерых, не смилуются, не пощадят — ни города, ни жителей. Десять лет фиванцы праздновали победу над нашими отцами — веселились, гостей звали. Теперь — наше веселье. И пока Лаодамант уводит дружины с запада, чтобы раздавить, растереть в кровавую грязь горстку наглецов-недорослков, пока узкие дороги забиты его войском...

...Семь дней! Я должен быть под Фивами через семь дней после Танагры. Три прошло, осталось четыре.

— Аре-е-е-й!

Крик — громовой, тяжелый — обрушился на спящее поле. И отозвался, отразился тысячью голосов.

— Аре-е-е-ей! Аре-е-ей! Это-о-олия!

И над всем этим грозное, страшное:

— Кур-р-р-р-р-р-р!

По коням! Арей! По коням!

Куретам не нужно объяснять, куретов не нужно уговаривать. Арей пришел! Могучий Эниалий, из богов бог, без которого жизнь — не жизнь, а бабье прозябание. Долго ждали, соскучились, от тишины надоевшей оглохли!..

Арей! На Фивы! Диомед Тидид, наш брат, наш вождь, веди!

Кур-р-р-р-р-р-р!

* * *

Бьют копыта по грязи.

Бьют!

По грязи, лужам, по узким лесным дорогам, через холодные, вздувшиеся от дождей, реки, мимо почерневших герм, равнодушно пялящих пустые глаза...

Скорей!

Куретия позади, и Калидон тоже позади, вокруг — Локрида, мокрый пустой лес, невысокие горы, острые зубцы скал.

Скорей!

Много ли увидишь на войне?

Раньше думал — все увидишь. Вот фаланга строится, вот конники в атаку рвутся — слева и справа, чтобы с боков не обошли. Перед строем — лучники с пращниками врагов на бой вызывают, ну а в центре, понятно, — колесницы. Можно и по-другому, конечно; например, фалангу клином построить — в пятьдесят рядов. В общем, красота — первая колонна марширует, вторая разворачивается...

А тут — только конская грива. И еще хвост впереди, тоже конский. И грязь под ногами. Под копытами то есть. День грива перед глазами, два, три. Вечером падаешь с коня прямо к костру, ешь и пьешь, не задумываясь, что в бурдюке и в миске, спишь, уткнувшись лицом в конский потник...

А в башке только одно — успеть! И когда мчишься, едкий конский пот вдыхая, и когда ешь, и спишь когда. На другое и времени нет. Умыться бы! Когда я в последний раз умывался?

Вот такая война оказалась. А ведь я не обозник какой-нибудь — воевода! Койрат, как меня тут называют. Прямо-таки лавагет!

— Что впереди, Фоас?

— Опунт, койрат. Оилей Локриец войско вывел. Сотни три.

— Ладно.

Ладно — потому что с локрами договорился еще покойный дед. Здесь нас пропустят. И тех, кто по северной дороге скачет, и тех, кто по южной...

Скорей!

Раньше думал, на войне главное — меч. И копье, само собой, и лук, и дротик. Увидел врага — и рази, чтобы в глаз вошло, а из затылка вышло. Потом, когда по лесам нашим побегал в полном доспехе, понял: меч — полдела. Даже четверть. Порой ноги важнее. И копыта конские. А прежде всего — башка. Как говорил папа, головой воевать надо!

...И снова — лес, маленькое село (землянки под тесом — ну и дичь!), опять речка, мелкая, кони даже ход не замедляют, только брызги из-под копыт.

Скорей!..

Правда, моя башка и не понадобилась. С локрами, чья земля как раз между Этолией и Беотией, дед договорился, а с Терситом (убил бы!) — дядя Эгиалей. То есть и я немножко, но именно он придумал через Терситовы владения пройти. Ойней Живоглот войска вдоль рубежей растянул, небось до сих пор нас выглядывает — а мы уже тут!

Недешево дядюшка Терсит стоил! Зато без боя прошли, без войны, ни на час не задержались. А каждый час — на вес золота, и каждый миг — на вес золота, потому что мои друзья уже к Фивам подходят, и я обязан успеть, успеть, успеть...

Скорей!

— Откуда колесница, Фоас?

— Локры подарили. Удачи пожелали. Победы пожелали.

— Ладно.

Колесниц у нас нет. И пехоты нет — только конница. Правда, конница не простая — куретская. К полю боя — верхами, вихрем, молнией, а там видно будет. Одно плохо — доспехи легкие, кожаные, против сомкнутого строя не повоюешь. А мы и не будем. Наше дело — переполох учинить, до Фив первыми добраться, Лаодамантово воинство от города отсечь...

...А вот и городок вдали, маленький, а ворота — в полстены городской. Эй, мужи локрийские, ворота закройте, а то город убежит!

Скорей!

Граница близко, за перевалом, за сырым холодным лесом. Там нас не ждут, потому что дядя Эгиалей уже под Фивами, и Капанид мой там, и Ферсандр, и все остальные. Дядя все предусмотрел, все учел, и теперь мое дело — успеть, домчаться, доскакать, чтобы куретский молот не в пустоту ударил, а по звонкой наковальне...

Конская грива перед глазами, конский хвост впереди, пот глаза заливает, и мы мчимся, мчимся, мчимся...

Скорей!

Много лет назад дядя Эгиалей это придумал: не с востока — с запада Фивы брать. Потому что не ждут, потому что крепостей мало, потому что гиппеты местные свои владения спасать побегут, забыв о столице. Здорово придумал! Я, когда в лесу

сидел и план свой обмозговывал, тоже с запада наступать хотел, но разве у меня план? Мыслишка просто! А у дяди все рассчитано, по полочкам разложено: до границы по двум дорогам, потом — веером по Беотии, чтобы ужас навести, потом — на Фивы. Не забыть бы чего! И успеть! Главное — успеть!

— Койрат, у границы пусто, стражи нет!
— Ладно!

Бьют копыта по грязи.
Скорей!

* * *

И все-таки мы опоздали.

Я это понял, когда увидел... Нет, когда только услышал...

На четвертый день случилось это, поутру. Мы почти дошли — почти. Уже и Фивы вдали показались — огромные, больше Аргоса, и огни на стенах, и птицы черные над полем. Один бросок остался, только коням отдохнуть надо. Да и людям — трое суток, считай, с конских спин не слезали, а впереди — бой.

— Койрат, к тебе какой-то чужак! Говорит, Эвриалом зовут. Пропустить?

О чем это они? О ком? Койрат — это я. А Эвриал...

Эвриал?

Какой Эвриал? Смуглый? Но почему? Ведь ему тут делать нечего, он должен быть с остальными, возле города, где дядя лагерь разбил! В том-то и задумка — они наковальня, я — молот!..

И вот тут я понял...

Подошел он, Смуглый, головой мотнул, пошатнулся. Ранен? Нет вроде, только панцирь помят.

— Тидид...

Только и сказал. Сказал — и рукой своей длинной махнул. Я и не узнал его поначалу. Он же коричневый, Эвриал Мекистид, черный почти, а тут белым показался. Белым — как брюхо рыбье!

— Тидид, ванакт... Ванакт погиб! Пропало! Все пропало!

Что?! О ком он? О деде? Но Адраст Злосчастный просто умер, сам умер...

— Эгиалей! Убили!.. Дядю Эгиалея!..

Нет!..

Белым казалось лицо Эвриала Смуглого, даже губы побелели, даже глаза. А я все не верил, не верил, не верил...

— Там... Каша сейчас там, Тидид!.. Каша! Пропало все!

...Мы плывем с дядей через черную Лету, и туман клубится, и темнобородые Хароны неслышно работают веслами. А берег все ближе, ближе, и уже слышен приторный дух асфоделей...

— Тидид!

Очнулся. Все еще не веря, надеясь на чудо, на ошибку, на... на что-нибудь...

— Тидид! — Эвриал вновь пошатнулся, белое лицо дернулось. — Я не знаю!.. Мы не знаем... Там... у лагеря... Там!..

— Отставить!

Не крикнул — прошептал. И не ему — себе. Отставить! Потом, все потом. Сейчас — Фивы! Сейчас...

Я посмотрел на Фивы, на ненавистный город, проклятый город, отнявший у меня тех, кого я любил, кто любил меня...

— Фоас! Конницу — двумя крыльями. Ты — к воротам, я — к лагерю. Мне — колесницу. При атаке кричать: «Кабан!» Вперед! И — не щадить! Никого! Никого!

...Арей Эниалий, кровавый бог, бог резни и убийства, ненавистный людям, стань мной, а я стану тобой, и мы выпьем крови, крови, крови!..

Кабан!!!

* * *

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Почему я боялся? Боялся захлебнуться, исчезнуть, пропасть навсегда? Боялся — себя, Дурной Собаки, способной убить в нелепой стычке, в мальчишеской драке...

Теперь — не боюсь! Я, Диомед, я, Арей Эниалий, безумный, беспощадный, несущий смерть!

Плещет, плещет...

Ферсандр плакал. Маленький, смешной в своем огромном, не по росту, заляпанном грязью панцире, в съехавшем на ухо гривастом шлеме. Слезы текли, он вытирал их рукой — тоже грязной, в крови...

— Я не хотел, Тидид! Я не хотел! Не хотел, чтобы так! Не хотел!..

Еще один Ферсандр лежал на земле — мертвый. Труп. Как и сотни других на этом страшном поле. Два Ферсандра, даже панцири похожи, только у второго, мертвого, не было шлема. Потерял, а может, и сняли уже. Высшая доблесть — содрать доспехи с теплого трупа! А вот они — трупы. Много! На всех хватит!

...А Капанид ранен, легко, правда, в руку, и Промах Дылда ранен, и толстяк Полидор, и Амфилох. И дяди Эгиалея больше нет...

А я жив. И даже не помню того, кого убил первым!

— Он же... Диомед, может, мы... Может, не так надо было?

Он не ждет ответа, маленький Ферсандр, Ферсандр Победитель, отвоевавший отчий престол. Тому, второму Ферсандру, трон уже ни к чему. Он мертв, Лаодамант Этеоклид, еще час назад бывший басилеем фиванским, а мертвым уже ничего не нужно в этом мире.

...А я и не думал, что двоюродные братья могут быть так похожи! Как две капли. Как два окровавленных трупа.

— Ферсандр!

Я положил руку на его холодный грязный наплечник, тряхнул, подождал, пока он вытрет — размажет — слезы по лицу.

— Я приказал передать в Фивы, чтобы все уходили. Ночью — тайно. Мои куреты отойдут от Бореадских ворот.

Он кивнул. Это — все, что мы можем сделать. Иначе — резня. Иначе — снова трупы. Даже если откроют ворота — пощады не будет. Слишком дорого стоила нам победа.

Победа?

Я оглянулся. Трупы, трупы, трупы — по всему полю, до самых стен...

...Ни очага, ни закона, ни фратрии тот не имеет, кто межусобную любит войну, столь ужасную людям...

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВАНАКТ

СТРОФА-I

Дележ добычи — почти свадьба. Удовольствия столько же, а церемоний даже побольше. Сначала по кучам разложить, да не как-нибудь, а поровну, потом жребий кинуть, потом — меняться начинать (ну зачем мне, к примеру, пять женских гиматиев?).

Мои куреты, правда, в этой игре участвовать не стали — взяли что хотели и в сторонку отошли. Да и не в Фивах их добыча. Сейчас несколько сотен чернобородых по всей Беотии стада к границе сгоняют. Вот их и поделят — но уже дома.

А кучи вышли изрядные. Если не до небес каждая, то выше крыши — точно. Фиванцы ночью уходили, с ручным скарбом. Много ли унесешь? Так что не все даже в кучи влезло. Кони не влезли, например. И люди. Людей, правда, в городе мало осталось, и те старцы со старухами. Но прихватили и кое-кого помоложе. Их вкупе с конями пришлось к колышкам привязывать — рядом с каждой кучей.

А делить, чтобы по справедливости, Капанида выбрали. Потому как парень основательный, хозяин, можно сказать, и глаз у него — хризолит. Пришлось бедняге побегать: колесницу налево, столик резной сидонской работы — направо, треножник бронзовый, хитроукрашенный — тоже направо...

...А у меня ладони горели. Уже второй день. Горели — помнили пепельный жар. Горячий был пепел дяди Эгиалея, когда я его в урну перекладывал. Вином заливали, а все равно — горячий.

Прощай, дядя! Легкой тебе дороги!
Хайре!

Хотел я уйти, на кучи эти проклятые не смотреть, сесть у костра, выпить неразбавленного да и забыть все — хотя бы на полдня. Но — нельзя, потому как — обычай...

— Ну чего? — Сфенел, потный, запыхавшийся, отошел в сторонку, к нам повернулся. — Годится?

В его басе так и слышалась гордость. Еще бы! Этакую добычищу на равные доли разложить!

Переглянулись. Решили — годится.

Мы все тут же стояли — те, кто стоять мог. Полидор, бедняга, например, только лежать способен был. Его прямо на ложе сюда принесли, толстяка. А Промах Дылда Длинная стоял, хоть и на палочку опирался, прямо как дядя Эвмел. Ну и мы все стояли: Заячья Губа с Амфилохом, Ферсандр с Эвриалом (хорошо, говорят, дрался Смуглый!) и мы с Фоасом. Чуть в сторонке.

...Да и не только в обычае дело. Подарки надо отдаривать? Надо! А приношения в храмы? А дядюшке Терситу за его любовь родственную? Да и...

В общем, не ушел. Хоть и хотелось.

— Во! — Капанид поглядел на меня, поморщился, руку раненую погладил. — Видал?

Чего ж тут спорить? Видал.

— А ту, в накидке, видал?

И ее видал. Женщина, лет сорока, босая, в темном гиматии. Ее, правда, привязывать не стали, даже на треножник усадили.

— Тиресия дочка! Манто. Не ушла. Говорят, тоже того, с богами знается...

Последние слова мой друг прошептал — на всякий случай. Мало ли что? Вдруг действительно знается?

...А Тиресия мне показали. Ночью, когда я возле Бореадских ворот стоял — смотрел, чтобы всех выпустили. На носилках лежал Тиресий — длинный, худой, страшный.

Подходить я не стал. Ну его, еще пророчет что-нибудь этакое! Ведь не зря он сказал: «Пускай!» Видел, незрячий, что не устоять Семивратым!

Смотрел я на него, и странная мыслишка в голове шевелилась. Тогда, десять лет назад... Может, не просто так дядя Амфиарай меня в сторону отодвинул. «Не первый — второй»? А что, если — не просто так?

Не первый — второй...

А вот и жребий! Начинаем? Эге, а что это?

— На одну больше! На одну больше! Еще одну!

И кто же это такие? Ах да, пеласги! Да-а-авно не виделись!

— Одиннадцать долей! Одиннадцать долей! На одну больше!

Тьфу ты, пропасть! И тут они!

...И если бы только тут! Из-за них все и случилось. Алкмеон с собой в поход всю стаю взял. Пошли, не побоялись, целая сотня — не меньше. А когда Лаодамант войско из ворот вывел, они первыми из лагеря кинулись — геройствовать. Кинулись, хоть и приказал дядя Эгиалей из-за ограды не выходить. Зачем выходить, ведь куреты уже совсем рядом были!

Выбежали — и попались. Пришлось дяде Эгиалею на выручку идти, остальных выводить. Вот тут и его убили — в самой куче. С двух сторон — копьями.

Говорят, пьяными пеласги были — как обычно. Может, и вправду, да только сам Алкмеон мне очень трезвым показался.

— Одиннадцать долей! На ванакта! На ванакта! Ванакту — его долю!

Орут! Да как орут! Раскраснелись, за мечи хватаются. Знакомо!

— Ванакту! По обычаю! По обычаю! Ванакту!

Ванакту? Какому ванакту? Куч десять, на нас всех, на Фоаса (положено — басилеев сын!) и на Киантиппа — отцову долю. А ванакта нет еще, его в Аргосе изберем, так и решили.

— Ванакту! Ванакту Алкмеону! Алкмеон Амфиарид — ванакт! Ва-а-ана-а-а-кт!

И тут я все понял...

А пеласги уже и слева, и справа, и оружие в руках, а впереди Кипсей (как же, помню!), а вот и жеребец, тот, что Амиклу насиловал. Тогда он «Эро-о-от!» орал, а сейчас...

— Алкмеон — потомок Меламподa! Меламподa — старший брат! На царство, на царство! Алкмеон битву выиграл, Фивы взял!..

— Убить их, что ли? — задумчиво проговорил Сфенел. — А, Тидид?

— Позвать? — это уже Фоас, шепотом. — Наших позвать?

Позвать — и что? Натравить куретов на аргивян?

— Алкмеон победил! Он Лаодаманта убил! Убил! Алкмеон — победитель! Ванакт! Ванакт!

...Басилея фиванского уже девятеро убили — если им верить. Так что Заячья Губа десятым будет. Да где же он сам?

Ах, вот он! Стоит, в небо серое поглядывает, будто и не про него кричат. И Амфилох рядом. Но не кричит почему-то. Под ноги смотрит.

— Эй! Эй! Ванакта в Аргосе выберем! — это Промах.

— Править трое должны — Анаксагорид и Амифаониды! — это Полидор, с ложа.

— Алкмеон, какого Гадеса, скажи им, чтобы заткнулись! — это уже Смуглый.

— Алкмеон!!! — это мы все.

А Заячья Губа, кажись, только этого и ждал. Брови сдвинул, плечи расправил, на Кипсея поглядел (стихли пеласги, онемели словно). Поднял руку — правую.

— Мужи аргивяне! Мужи куреты! С победой вас! С великой победой! Пали Фивы!

— Ха-а-а-а-й! Ха-а-а-а-ай!

Это не мы. Пеласги это. Кричат — аж жилы рвутся.

— Клятва исполнена! Хай!

— Ха-а-а-а-а-ай!

— Да чего это он? — бормочет Капанид. — Мы что, сами не знаем?

Не отвечаю — на пеласгов смотрю. Они в броне, мы все — нет. Они оружия набрали, а у нас мечи только.

Да и не это главное...

— Вечная слава Эгиалею, великому ванакту, и да будет легким его путь в Гадес! Но престол не должен пустовать!

— Ха-а-а-а-а-ай! Ванакт Алкмео-о-он!

— Ты прав, Полидор, басилей лернийский. Трое должны править Аргосом. Трое — не один! Ведь так? Так?

Переглядываемся. Эка завернул, Губа Заячья! Переглядываемся — но молчим. И действительно, что тут скажешь?

«— Дядя, кто должен править в Аргосе? На самом деле?

— Тот, кто сильнее, Диомед. И тот, кого поддержат гиппеты...»

«— До седьмого колена, всех! Всех... Всех!»

Сильнее всех — я. Пеласгов сотня, куретов — вдесятеро больше. И что? До седьмого колена? Диомед Дурная Собака, сын этолийского забродыги, убивает потомка Мелампода?

— Трое будут править землей Аргивской! Трое! Первый — Эгиалид Киантипп, внук Адраста. Правильно?

— Правильно... правильно... Киантипп должен...

Нестройно отвечают, неуверенно. Я молчу. Сыну дяди Эгиалея шесть лет, как и мне было, когда папа погиб...

— А Сфенел? Сфенел! Он же Анаксагорид!

Молодец, Смуглый!

— Сфенел! Сфене-е-е-л! Анаксагори-и-ид!

Здорово рявкнули! От души. Даже пеласги попятились. Что скажешь, Алкмеончик?

Заячья Губа улыбается (ух, рожа страшная!), Заячья Губа к нам подходит. Заячья Губа Капанида за руку берет. У Капанида глаза на лоб лезут.

— Мой брат Сфенел, сын славного Капанея, будет басилеем Аргоса! Хай!

— Ха-а-а-а-а-ай!!!

Вот, значит, как! Басилеем! Киантипп и Сфенел — басилеи, а Алкмеон — ванакт. Царь царей! Не зря пеласги вопят!

— Эй, а Диомед? Он — внук Адраста!

— Ха-а-а..

Взлетел крик к небесам — оборвался. Смолкли пеласги. И мы молчим. Кто сказал? Неужели Амфилох?

Он! Щербатый!

— Он внук Адраста. Внуки Адраста должны править!

Говорит, а сам в землю смотрит.

— Диомед! Диомед!

Ферсандр! Вперед выскочил, шлем гривастый поправляет. Когда только надеть успел?

— Правильно! Это Тидид Фивы взял! Без него бы нас всех покрошили! Тидид!!!

Ну а это, понятно, Сфенел. Ба-а-а-асом!

— Диомед? Чего молчишь?

Молчу. А на душе плохо-плохо. А на душе — гадко-гадко. Во что вы меня, ребята, втравливаете? Собрались мальчишки, играют в «царя горы». Кто же в Аргосе меня, чужака, примет? А может, куретов в Арголиду послать? Лодками — через залив, потом — по аркадским дорогам...

Этого хотите?

— Диомед! Скажи! Скажи!

Молчу. А вот Заячья Губа не молчит. Подходит, улыбается, хочет за руку меня взять...

...Смотрю на него — молча смотрю. Опускается его рука.

— Мой, а-а-а, брат Диомед, сын Тидея, будет править на отчем престоле, в Калидоне. Я сам поведу туда войско!

— Попробуй, ахеец!.. — это Фоас, шепотом.

— А от своей доли добычи, мужи аргивяне, я отказываюсь! Поровну делим! Поровну!

— Ха-а-а-а-а-ай!

А Кипсей уже тут как тут, пурпурный плащ Заячьей Губе на плечи накидывает. Еще кто-то — золотую диадему надевает. Великовата, на ухо слезает, как шлем у Ферсандра...

...Дедова диадема! Где только взяли? Неужели из Аргоса захватили?

— Смотрите — орел! Орел! Знамение! Знамение!

Это жеребец. Тянется, рукой машет. А в небе — пятнышко темное. То ли ворона, то ли действительно — орел.

Зато — справа. Как и положено.

— Знамение! В добрый час! В добрый час!

Зашумело, по толпе покатилось. Алкмеон нос вправо повернул, губу свою заячью оттопырил. Затем — Кипсею рукой знак подал.

А Кипсей тут как тут:

— Боги за ванакта! Боги одобряют! А теперь — добыча! Ванакт Алкмеон сказал — поровну. Жеребьевка!

И хор в ответ. Пеласгийский:

— Жеребьевка! Поровну! Добыча! Добыча!

Набежали, смешались, толкаются, кубком с черепками подписанными трясут. Значит, все!

Богоравный Алкмеон Амфиарид — ванакт Аргоса! Хай!

— Диомед, ты должен...

— Тидид, ты...

— Диомед, мы все с тобой, решайся...

Ночь, догорают костры. Возле меня — Капанид. И Ферсандр. И Эвриал с Дылдой Тиринфской.

— Мы их всех перережем! Править должны Сфенел и ты. Вы будете опекунами Киантиппа, пока он не вырастет. Решайся, Диомед! Решайся!

Молчу. Прав был Амфиарай Вещий. Я — не первый.

Я — второй.

Молчу.

* * *

— Куреты — мужчины. Ахейцы — женщины. Одеваются, как бабы, ссорятся, как бабы. Зачем тебе они? Ты — этолиец, ты — мужчина!

Скалит крепкие зубы Фоас, сын Андремона. Весело курету!

— К нам поедешь, в Калидон поедешь. Вместе править будем, ты — в Калидоне, мы с отцом — в Куретии. В походы ходить будем, пить будем, гулять будем, женщин любить будем. Как братья жить будем!

Может, он и прав. Да только в Калидоне я тоже — чужой.

— Зачем грустишь, родич? Вот смотри, кого тебе привели! Подарок тебе, койрат! От всех нас подарок!

Смеется в черную бороду, рукой машет. Двое в плащах меховых мешок большой несут.

— За городом поймали, в лесу пряталась. Дриада, понимаешь!

Мешок — на траву падает. Дергается мешок. Плачет.

— Покажите!

Девчонка — лет двенадцати. Голая — только на шее ожерелье из медяшек. В глазах... Темный ужас в глазах.

— Пожалейте... пожалуйста! Пожалуйста...

Теперь уже все смеются — и Фоас, и те, что мешок приволокли. Знатная добыча! Как раз для койрата!

Отказаться? Обида смертная! Отпустить? Куда? Вокруг лагеря — стража, и у леса стража, и возле ворот городских.

— Не смотри, что худая, койрат Диомед! Крепкая! За коровами ходить будет, шить будет, детей рожать будет...

— Пожалейте...

Груди свои маленькие рукой прикрыла, лоно прикрыла, а на лоне — волоски светлые...

Хохочут куреты — весело им. Они хохочут, а я все Медный Дом вспоминаю. Тогда мы со Сфенелом за Амиклу вступились. А за эту кто вступится? Ведь я клялся Светлой!..

...Клялся — но всех не пожалеешь. Не спасешь. Не заступишься. А на душе — злость черная. После всего, что было, жалеть? А кто дядю Эгиалея пожалел? И всех остальных? И моего папу?

Теперь победитель я. А победителям — все!

Фоас подмигивает, и его парни подмигивают...

...Легла, глаза ладонями закрыла, закусила губы. А когда я на нее навалился, забилась, завыла, все колени пыталась сжать. Царапаться стала, кусаться — пока я ей горло не сдавил. Захрипела тогда, обмякла. А когда меня в себе почувствовала — закричала, страшно так. Потом еще раз крикнула — и умолкла. Не стонала, не плакала, только один раз и прошептала:

— Польно...

По-беотийски прошептала. «Польно» — больно.

Лежала — и кровью пахла. И оба мы с нею в крови, словно убили друг друга. А когда я заснул — убежала. Как и была — голая.

«...*Не ударишь, не оскорбишь, не надругаешься. Никогда!*»

Зачем ты отпустила меня, Светлая? Почему не превратила в зарево, в ночной ветер, в туман над поляной?

* * *

— Ведь чего выходит, Тидид? Присягнул я ему, Алкмеону этому, и все наши присягнули. Деваться-то куда? А ты уезжаешь... хоть бы с собой взял, а еще друг называется! Обидно даже! Да знаю, знаю, не любят у тебя там в Калидоне чужаков, а тебе с дедом разбираться... Может, все же вдвоем поедем, а? Вдвоем мы их всех враз! Да понял я, Тидид, понял. Нельзя... А в Аргосе? Чего я без тебя буду в Аргосе делать? Ну какой из меня к Моему-Дурню басилей! Родичи еще! Завопят: пришел час, Сфенел богоравный, права наши вернуть! И права вернуть, и стада вернуть, и села вернуть, и чего не было — тоже вернуть. Такое начнется! И теперь уж точно — женят. Буду род наш продолжать — Анаксагоридиков плодить. Ровно бык, честное слово! А ты бы ее, Тидид, видел, эту невесту! Не к ночи вспоминать... Ладно, за домом твоим пригляжу, и за Амиклой пригляжу, а то пропадет девчонка. И... вот чего! Я тебе, Тидид, подарок приготовил. Не-не, не смотри сразу. Тут такое дело было — менялись мы. Щербатый, Амфилох который, у брата женщину выменял — Манто, Тиресиева дочка, помнишь? Выменял — и отпустить хотел, к отцу. А она говорит, что помер Тиресий, почуяла она. Вот ведь, не пережил Семивратые старик! Жалко, мудрый был, говорят! Это я, Тидид, вот к чему. Амфилоховы ребята храм обнесли. Много чего набрали, ну и среди всякого прочего щит прихватили — висел там. Приметный! Он по жребию Щербатому и достался. А я увидел...

Узнаешь?

Только не смей благодарить, понял? Не смей, Тидид, обижусь! Да так обижусь!

...Черная кожа, полустертые белые звезды, Селена-Луна посреди. Селена — Глаз Ночи.

Папа!

* * *

И снова бьют копыта в сырую землю, и грива конская перед глазами, а вокруг — локрийский лес...

Эй, куреты! Закололи беотийскую свинью?
Закололи, хоть визжала! А теперь — домой пора!
Хо-о-о-о! Хой!
Много ль вы добра набрали, женщин, стад и серебра?
Мы всего везем без счету, внукам хватит на сто лет!
Хо-о-о-о! Хой!
Кто же в бой вас вел, куреты? Кто прославил отчий край?
Диомед, Тидея отпрыск, подарил победу нам!
Хо-о-о-о! Хой!
Как же так? Ведь он — мальчишка, ростом мал и безбород?
Борода козла украсит — нам он люб без бороды!
Хо-о-о-о! Хой!

Все то же, только теперь мы не спешим, никуда не гоним. Можно вволю смотреть по сторонам, останавливаться, где душа пожелает, пить злое молоко у ночного костра, долго лежать на земле, глядя в низкое осеннее небо...

Все можно — да вот только ничего не хочется. И даже не поймешь, почему...

АНТИСТРОФА-I

Глашатая не было, стражи у дверей не было, и сами двери оказались распахнуты. Только на ступеньках сиротливо лежал чей-то забытый сандалий. Быстро, видать, убегали!

Три года назад меня сюда не пустили. А сегодня я и спрашивать не стану.

Сам войду!

Рядом — Фоас, рядом — мои куреты, им тоже интересно: переглядываются, языками щелкают. Еще бы! Мало кто переступал порог этого дворца, так похожего на старый свинарник. Нелюдимо живет мой дедушка, Ойней Живоглот!

Он бы и сейчас нас не пустил, и во дворец, и в город. Даже стражу выставил, даже дружину свою из соседних сел кликнул.

Да только дружина подзадержалась почему-то, а ворота нам открыли. Дядюшка Терсит открыл. Верил ему мой дед! Верил — и поскользнулся. Вступил, так сказать, — в дядюшку Терсита.

Оружие спрятано, даже доспехи надевать ни к чему. Некому Живоглота защищать! Поднимайся по старым ступеням — и бери басилея за жабры.

Скучно даже!

Много я чего передумал, пока сюда ехал. Обо всем думал, но все больше о деде. Ведь не всегда таким он был. Стариков послушать (самому не довелось, да Фоас рассказал), так первым храбрецом слыл Живоглот, героем. Еще бы, Беллерофонтов побратим! Самого Беллерофонта, шутка ль? Говорят даже, что не один Главкид Беллерофонт Химеру Огнезевную убивал, а с дедом. Странно даже, а как подумаешь, чего же тут странного? Ведь Ойней Партаонид — самого Мелеагра-героя, дяди моего сводного, отец. Он же папин папа!

Вот ведь как случается! Был героем — Живоглотом стал.

Я смотрю на Фоаса, он — на меня. Кажется, и моему чернобородому родичу не по себе в этих стенах. Всякое о дворце дедушкином говорят. Будто и не дворец это, а пещера с дюжиной Химер. И с Гидрой в придачу.

— Ты... Ты... Ненавижу! Ненавижу!

Думал, он на грифа похож, дед мой Живоглот. На злого грифа, что сидит в каменных палатах на троне каменном. Сидит, глазами круглыми вращает, ищет — кого бы склевать. А он рыбой оказался. Старой рыбой с выпученными глазками и отвисшей челюстью. Не говорит — булькает.

— Чего... Чего тебе надо? Моего... моего добра? Не получишь, не получишь!

Я ждал, пока он добулькает, да по сторонам смотрел. Только смотреть тут не на что. Стены в побелке осыпавшейся, вместо трона — скамейка, бараньей шкурой покрытая, а за скамейкой — полдюжины перепуганных старичков, дедовых даматов[1]. На окнах ставни, гвоздями заколоченные. Не удержался — первым делом ставни открыл. Никудышные гвозди оказались!

— Уйди! Уйди, сын греха! Уйди, я тебя ненавижу, и твоего отца ненавижу! Почему ты не в Гадесе, как он?

Булькает! А даматы стоят столбами, пустыми глазами све-

[1] Дамат — придворный, чиновник.

тят. Страшно им! И то, всю Этолию Калидонскую ограбили. Ни стыда, ни совести — последнюю козу готовы забрать! И предпоследнюю — тоже (это я про дядюшку Терсита). Правда, главных лиходеев тут нет. Бежали они, Онхест, Келевтор и Ликопей, дедовы племянники, те самые, что себя наследниками Калидона считали. Бежали — басилея бросили!

— Никогда! Слышишь, никогда! Добулькал? Кажется, да. Сглотнул, щеками белыми, обвислыми дернул.

— Будь ты!.. Будь ты!.. Хорошо, хорошо, я согласен, только уйди, не хочу тебя видеть, не хочу!..

Я поглядел на Фоаса. Понял мой родич, взял за ушко ближайшего из даматов, того, у которого баночка с краской у пояса висела. Тот тоже сообразил — достал табличку для письма вместе с кисточкой.

— Я... Я, Эней, сын Портаона, басилей Этолии Каледонской... Я... признаю этого... этого... Диомеда, сына... сына... Не хочу говорить, сам имя впиши! Своим внуком и... и единственным наследником царства моего... Все! Все! Оставьте меня... в покое! в покое! Оставьте меня!..

На спинку кресла откинулся, глаза свои рыбьи закатил. Все? Нет, не все, еще печать. Вот она, у дамата, того, что в углу — тоже за поясом.

— Теперь уходи... сын... сын греха!..

А мне вдруг его жалко стало.

За скрипящей дверью гинекея — маленькая горница. Окошко, ложе простым покрывалом застелено. Рядом с ложем — станок ткацкий, а на нем — тоже покрывало, но только цветное, с головой Медузы. Глаза вытканы, грозно смотрят, а рта еще нет.

У станка — девушка. Моих лет, только худая, бледная. Нас с Фоасом увидела — встала.

— Радуйтесь!

А в голосе — ничего, ни радости, ни страха, ни удивления. Пустой какой-то голос.

Я себя назвал, Фоас — себя. Поклонился даже.

— А я Горго, внучка Ойнея, дочь Горго, его дочери. Радуйтесь, родичи!

Сказала — и вновь за станок села. Переглянулись мы, вышли, дверь осторожно закрыли.

— Ай, красивая девушка, понимаешь! — мечтательно вздохнул курет.

Красивая? Как только заметил? По мне, ни рыба ни мясо. Но вот что интересно, имя матери она назвала, а отцовское — нет.

Как же так?

* * *

А на площади (той, что больше на выгон похожа) — толпа. Когда только собраться успели, добрые калидонцы? Толпа немалая — с полсотни. По-здешнему — сонмище целое.

Ждут. Нас ждут.

А мы и готовы были, дамата вперед вытолкнули, того, что с табличкой. Прочирикал дамат, печать показал. Выслушали — молча выслушали. Переглядываться стали.

И — ничего.

Молчат!

Мы ведь чего думали? Собрались горожане басилея законного защищать. Хоть и Живоглот он, а все же Портаону наследник, вольными голосами кликнутый. Тут ведь не Аргос, тут каждого басилея на этом самом выгоне и выбирают. Этолия — страна свободная. Потому и не тронули мы Живоглота. Даматы-лиходеи одно, а царь — совсем иное.

Да только молчали добрые калидонцы. Плохо так молчали. На меня смотрели — и молчали. И было в их взглядах одно, простое и понятное.

Чужак!

И от взглядов этих сразу же стена между нами выросла, да такая, что не перескочить. Хотел я сказать о правах своих, о том, что теперь подати снизят, а захваченное не по обычаю вернут, но понял — бесполезно. Я — чужой. И в Аргосе. И здесь.

Так и стояли — молча. А потом расходиться стали.

* * *

— А почему ты, дядюшка Терсит? Не боишься, что повесят? За то, что ворота нам открыл?

— Не повесят, хи-хи, не повесят! Потому как свой я, племянничек, а ты — чужак. Деда твоего тут не любят, и отца не любили, за что тебя любить-то? А я тут все знаю, каждый закоулочек, каждый уголочек, так что некого, кроме меня, за верховного дамата оставить. Кто же Калидоном управлять будет? Не

ты ведь? Только я могу, хи-хи! А если хочешь, Онхеста с Келевтором позови. С Ликопеем в придачу. Придут, хи-хи, прискачут!

— Только смотри, дядюшка! Лишку возьмешь или обидишь кого — повешу. Даже если яйцо куриное на дорогу выкатится, ты мимо пройдешь, смотреть не станешь!

— Яйцо? А зачем мне яйцо без курицы? Ладно, ладно, я же не Живоглот. Я справедливым буду, хи-хи! Честным!

— Смотри, дядя Терсит!

— И ты посматривай, племянничек. Не любят тут ваш род, хи-хи, ох не любят! Хи-хи!

— Ха-ха, дядюшка!

* * *

— Богоравный... Богоравный Диомед! Богоравный...

Я уже и на колесницу вскочил, и вожжи в руки взял — подальше от дворца ехать. И вдруг...

— Богоравный... богоравный Диомед! Можно мне...

Оглянулся — рыжий! Совсем рыжий! Как Гелиос на закате.

— Если можно, богоравный Диомед, я бы хотел поприветствовать... познакомиться!

Да, рыжий! Рыжий, на лице — веснушки, меня помладше, босой, в драном плаще. А плащ серебром заткан. Вот диво!

— Радуйся! — улыбнулся я Гелиосу. — Я — Диомед. Только — не богоравный. Просто — Диомед.

— А я... Я Одиссей. Одиссей, сын Лаэрта, с Итаки. Я сын басилея Лаэрта...

Вот почему его выговор мне сразу же нездешним показался!

Спрыгнул я с колесницы, руку Гелиосу протянул...

— Ой!

Это не он, это я сказал. Потому что рука у него...

— Извини, богоравный... Извини, Диомед! Я... Больно?

Это еще слабо сказано. Парню еле-еле четырнадцать, а лапища! В мозолях вся, в шрамах старых, с две мои будет. Да и плечи, если приглядеться...

— Понимаешь, я лучник. Лучник. Поэтому рука...

Вот почему шрамы! Тетива иссекла!

Вот тут я его и зауважал.

— Дому этому, и хозяину с хозяйкой, и всем чадам с домочадцами — богов Олимпийских благоволение! Дионис, Зевс, Гестия! Хай!

Привстал, из чаши на стол капнул, улыбнулся.

Я только моргнул. Эка заворачивает, итакиец! А тетя Деянира, понятное дело, млеет. Этакий гость — молоденький, сладенький, да еще ко всему языкатый.

К тете Деянире я Одиссея и привел. А куда еще вести было? Не во дворец же. Гелиос мой, как услыхал, куда идем, чуть не присел (к ГЕРАКЛУ!!!). Но быстро оправился. Да и не вернулся еще дядя Геракл, у кентавров он. Зато тетя, как водится, — на посту.

— Кушайте, кушайте, мальчики! Хотите, прикажу овцу заколоть? Мяска нажарим, с луком, с чесноком...

Мы и кушаем. Я-то больше из вежливости, а Гелиос знай себе наворачивает! За обе щеки. Изглодался, бедняга! Кто же его, басилеева сына, босиком с Итаки отпустил?

...И не просто басилеева сына! Самого Лаэрта Итакийца, Лаэрта Пирата, того, чей флот с троянским спорит, кому все мореходы «пенный сбор» платят.

Ай, интересно!

Млеет тетя, улыбается. А я все вспоминаю, как мы со Сфенелом сюда впервые завернули. Не меняется тетя!

Эх, Капанид-басилей, как ты там?

— Кушайте, кушайте! Диомед, ты, как обычно, молоко?

Рыжий удивленно смотрит на меня. Сам-то он сразу за вино принялся. А тут такой взрослый дядя — и молочко пьет! Ведь тетя не пояснила, что молоко не простое — злое.

— Выпьем за путешествующих! — предлагаю я. — За Гермия-Килления, что всем дорогам хозяин, за привалы спокойные, за ноги здоровые, за то, чтобы разбойники спали — не просыпались. Хай!

Знай наших! И мы красно говорить умеем!

(Надо было мне еще и про пиратов добавить, про волны морские, но не стал. Еще решит мой Гелиос, что намекаю.)

А тетя... Ой, тетя!

— А я, понимаешь, Диомед, бежал. Из дому бежал.

— Бежал? — поражаюсь я. — Зачем? И куда?

Вечер, знакомая горница, знакомое ложе, то, что само себя шире. Оно — для гостя, для Одиссея Лаэртида. Сам-то я ночевать за реку еду, к Фоасу, а Гелиоса нашего тетя у себя оставила. Я намекнул было, что парню надо и Куретию показать, так она ка-а-ак взглянет! Ка-а-ак рыкнет!

— Бежал, — вздыхает Гелиос. — Я, в общем-то, к тебе бежал, Диомед. Под Фивы.

— К-куда?!

Вот так! Жил себе паренек на Итаке Козьей, на море смотрел, на чернобокие корабли, что за горизонт уходят...

— Мне ведь четырнадцать уже! Целых четырнадцать! Меня постригли даже... А я и не видел ничего! Ничегошеньки! Геракл-то в мои годы!.. Я как услышал, что ты в Куретии пируешь, так и понял — война будет!

Понял? Ого!

— Так ведь Фивы с запада брать удобнее! — смеется Гелиос. — Это каждому понятно! Твои друзья, эпигоны которые, на востоке, внимание отвлекают, а ты — с запада. Наковальня и молот. Правильно?

Улыбается Гелиос, а мне не до смеха. Непростой парень. Ой непростой!

— Я на корабль — и сюда. Да только опоздал. И ограбили дорогой — вещи забрали, серебро, сандалии даже. Хорошие были, на медной подошве... Эх, хотел стать, как ты. Героем! Чтобы битва, чтобы враги впереди! Не получилось!

Вздыхает Одиссей Лаэртид. Обидно ему, что героем не стал. Хотел рассказать я про Фивы, про трупы на поле, про то, как Ферсандр плакал. Хотел — да не стал. Скоро вырастет — и сам поймет.

— Так ты, значит, лучник, Одиссей? А я, знаешь, так и не научился. Копье — да, а вот лук...

Привстал Гелиос. Глаза загорелись — карие, яркие.

— А ты, Диомед, как тетиву натягиваешь — от груди или от уха? А лук у тебя какой?

В общем, славный парень оказался. Даже жалко стало его в этом доме оставлять — тете Деянире на растерзание. Ну, ничего, про стада ей отцовские расскажет. Много стад у Лаэрта Пирата!

А насчет лука... Ну, что тут говорить, завидно!

* * *

— Мама! Мама, ты!

— Тише, маленький, тише!

Мама! Не во сне, не дальним тихим голосом — живая! Здесь!

— Мамочка!

Ткнулся в плечо, как когда-то в детстве, замер, все еще не веря. Мама! Как хорошо!

На маме — серый плащ, глубокий капюшон лицо закрывает. Я знаю — ей опасно приходить даже сюда, в куретскую глушь, к лесному костру. На всякий случай оборачиваюсь...

— Они спят, — смеется мама. — Пусть спят! У нас с Морфеем дружба!

— Мама! Я... Ты...

Слова мешаются, мешаются мысли. Столько надо рассказать, о стольком спросить! Конечно, мама обо всем знает, она всегда все знает, но все-таки...

— Мы победили, мама! Победили! А дядя Эгиалей погиб! И другие погибли, их очень много было...

— Знаю, сынок.

Мама сбрасывает капюшон, проводит тонкой рукой по лицу. Какая она у меня красивая! Почему у меня не такие же глаза, как у нее, — синие, огромные?

— Вот ты и выиграл свою первую войну, Диомед! А тебе только шестнадцать. Видел бы наш папа!

Комок подкатывает в горлу. Папа! Неужели никогда? Никогда больше...

— У меня его щит, мама! Капанид подарил. Я приказал его починить, ремень новый поставить!..

— Знаю... Я ему подсказала. Тихо — на ушко. Он и не догадался, что это я.

Да, мама есть мама! Ну что тут скажешь?

— Я очень боялась, мальчик! Нет, не фиванцев. Боялась, что вмешается Семья. МЫ вмешаемся... А потом поняла. Отец... МОЙ отец, он умный, очень умный. Если бы вы погибли, как и ваши отцы, люди бы догадались. Догадались — и стали бы осторожнее. Поэтому отец решил не вмешиваться — пока. Не вмешиваться — и готовить что-то большее...

Тихо говорит мама. Тихо говорит — но страшно слушать ее негромкий голос. И самое ужасное — я понимаю. Что-то большее — для того, чтобы всех сразу...

Гекатомба!

— Мы, ВАШИ родичи, должны погибнуть, да, мама? Все, у кого хотя бы капля ВАШЕЙ крови?

Молчит мама, кивает только. Кивает, на меня не смотрит.

— Я... Я предлагала твоему папе уехать. В другой мир, в другой... Номос. Ты ведь знаешь, что такое Номос, сынок?

Ну еще бы! Ведь я уже сделал Первый Шаг!

— Плоской нам мнится земля, меднокованым кажется небо... Так, мама?

— Знает про «Номос» мой сын. Значит — Сияющий он.

Мама негромко смеется, и я смеюсь, словно ничего не было сказано, и мне ничего не грозит, и маме не грозит, и дед — мой НАСТОЯЩИЙ дед, мамин папа, не готовит гибель нам всем...

Не хочу больше об этом! Лучше о другом, ведь мама все знает.

— Почему Ойней меня ненавидит? Ведь он и не видел меня ни разу! Это из-за папы? Или он болен? Как мы все: дядя Геракл, Эвмел, папа? Как я?

Да все мы, отравленные ИХ кровью. Ядовитое семя...

Мамина рука гладит меня по голове. Словно я опять маленький. Маленький мальчик, которому надо спеть колыбельную на незнакомом (мамином!) языке.

— Он болен, сынок. Если, конечно, любовь — это болезнь.

Любовь?!

— Он полюбил... то, что любить нельзя. И теперь ненавидит — папу, тебя, но сильнее всего — себя. Не стоит об этом, сынок! Когда-то Ойней, сын Партаона, был лучшим из лучших...

— Как Беллерофонт? — вспоминаю я.

— Да... Иногда надо умирать вовремя... Не хочу о смерти! У тебя новый друг, правда?

— Друг? — поражаюсь я. О чем это мама? Ах да! Рыжий Гелиос! Сын Лаэрта Пирата!

— Он еще совсем мальчишка. Ты помоги ему, сынок! Хорошо?

Самая пора обижаться. И за себя, и за Одиссея-лучника.

— Мама! Он... Он не маленький! И неужели ты думаешь, что я сам...

— Ну конечно, вы оба — взрослые мальчики. Совсем взрослые!

Странно говорит мама. Так странно, что мне уже не хочется обижаться.

— Он... В детстве думали, что Одиссей вырастет безумным. Его имя, заметил?

— А что тут замечать? — вновь удивляюсь я. — Одиссей — Богов Сердящий! А я — Богов Превосходящий, так?

— Так... Постарайтесь стать друзьями. Может, когда-нибудь это спасет жизнь — вам обоим. Может быть... Герой не должен быть один, Диомед!

Друзьями стать? Но у меня есть друзья! Разве с Капанидом мы пропадем? И с Ферсандром? И даже со Смуглым? Или мама имеет в виду что-то другое? Вот уж не думал, что Гелиос — мамин любимчик!

Точно!

Не Гелиос — Любимчик!

— Прощай, мальчик! НАМ запрещают смотреть в будущее, но для матери нет запретов. Может случиться всякое. Не бойся меня позвать. Против НАС нужны МЫ...

Случиться? Но что? Хочу переспросить, но вдруг понимаю — нельзя. Потому что я — человек, а мама нет, и то, что знает она, может убить, искалечить...

Ну почему так? Чем провинились мы с мамой? Ведь каждый имеет право жить! Жизнь и без того такая короткая!

— Мама! Ты... спой колыбельную. Как когда-то!

— Хорошо, мой взрослый мальчик. Я спою, а ты засни...

Элек натис энки да
Нори люко тане фо.
Эгис ране зала те
Ону вадис карину...

— Мама?

Ее голос еще слышен, но мамы уже нет, словно я и вправду спал на этой холодной осенней поляне возле умирающего костра. Спал — и видел сон.

Сон о моей маме.

СТРОФА-II

Дивные дела! Дожди кончились, солнышко выглянуло, холодок лужи подморозил, деревья огнем горят (рыжие — как башка у Одиссея!). Красотища! Ходи, сапожками меховыми по льду поскрипывай!

А мой дядя Андремон отчего-то мрачен.

С утра мрачен. Даже лучников смотреть не пошел, на пригорке возле шатра остался, меня рядом с собой посадил. Не любят в Куретии кресел. Да и зачем они? Кинул конский потник прямо на траву пожухлую, ноги поджал — и сиди. Вот и сидим мы с дядей Андремоном.

Молча.

А внизу, на поляне — толпа. А внизу, на поляне — крик. Лучники там на поляне. Жаль, отсюда мало что понять можно. То есть главное все-таки понятно. Вон прутья в землю вкопаны, вон парни шеренгой редкой выстроились, а вон и башка рыжая среди них огнем горит. Значит, Одиссей Любимчик тоже там — готовится.

А в сторонке бык топчется. Всем быкам бык! Это — для победителя, понятно.

Смотрю на дядю — молчит дядя. Хмурится. И я молчу. Мужчинам болтать лишнее ни к чему. Позвал басилей, посадил рядом с собой — значит, сиди.

Сижу.

Сижу, а самому вниз хочется. Целую неделю лучники готовились. И Одиссей готовился. Сначала лук выбирал (два дня выбирал!). Потом с этим луком стоял. Целый день! Лук поудобнее ухватил, лапищу свою вытянул, губы сжал — и стоял. И только потом стрелять принялся.

Вот и стреляет. А я тут сижу. Молчу.

— А-а-а-а-а-ах!

Есть! Первая мишень!

На поляне «ах!» и я «ах!» — только тихо. Ничего не видать! Первая мишень (как обычно, прутья, в землю вкопанные) она, в общем, легкая, пятьдесят шагов. Как раз для меня.

На дядю покосился — молчит дядя Андремон. Не улыбается, на поляну не смотрит. А там лучники уже к мишеням бегут.

А ведь дядя должен быть там, на поляне. Басилей! Но не пошел — Фоаса послал.

Та-а-а-ак, кажется, снова строятся. Теперь уже стрелков поменьше осталось. Как там рыжий? Все в порядке, есть рыжий!

— А-а-а-а-ах!

Я уж подумал, не случилось ли чего? У нас или в Калидоне (все не привыкну, что Калидон тоже — «у нас»). Так нет вроде. Куреты стада на пастбища зимние отгоняют, и калидонцы отгоняют, дядя Терсит обиженным дедовыми даматами скот, тот, что не по обычаю забрали, возвращает (зубами своими гнилыми небось скрипит!), в селах свадьбы играют. Спокойно у нас в Этолии!

Есть! Вторая мишень! Она потруднее — сто шагов. Побежали, поглядели... А толпа кричит! Еще бы! К третьей мишени немногие дойдут. Хоть и сто шагов, а прутик то-о-оненький!

А дядя Андремон бороду на пальцы накручивает — прямо как Сфенелов папа! Что это с ним? Может, не знаю я чего?

Еще новость — дядя Геракл гонца прислал. Возвращается дядя. Он у кентавров загостился. Там праздник был — Гиллу, его старшему, волосы стригли.

(Эх, хоть бы одного кентавра увидеть! Да где их здесь увидишь?)

Снова строятся. Четверо? Нет, пятеро. Где Любимчик? Там он, там! Молодец!

Третья мишень — двести шагов. А прутик тонкий — не видать его почти!

Одиссей, когда лук выбирали, сказал, что луки здешние — так себе, не луки. Вот у него дома лук — царь-лук! Перед тем как Любимчику волосы остригли, он из этого лука стрелой двенадцать колец пронзил, не зацепил ни одного.

Ох, и позавидовал же я! Интересно, могу я так же, но с копьем? Вообще-то, если постараться...

— А-а-а-а-ах!

Чуть не вскочил, чуть не бросился вниз. Нельзя! Дядя сидит, и я сидеть должен. Дядя молчит...

— Что делать, не знаю, Тидид!

А он и не молчит уже. Да только...

— Ты мне сын, Фоасу брат, нашим куретам — вождь. Твоя кровь — наша кровь, твоя беда — наша беда...

Что-о-о-о?

— Курета обидят — все вступятся. Вождя обидят — сто лет мстить будут. Двести лет мстить будут. В Аид Темный попадут — и там мстить будут.

— А-а-а-а-а-ах!!!

Это на поляне. А я даже головы не повернул — на дядю глядел. Дий Подземный, Гестия-Заступница, о чем это он? Мстить — кому мстить?

— Не мальчик ты, Диомед, мужчина! Поэтому слушай как мужчина. Дом твой в Аргосе сожгли. Дом сожгли, слуг убили, все, что в доме было, унесли. Сегодня утром гонец был — рассказал.

Закрыл я глаза...

— Ты им не кровник, не чужак, ты им — родич. Ты ванакта Алкмеона под Фивами спас, остальных спас, а они тебе такую обиду нанести посмели!..

Обиду? Прав, конечно, дядя. Отцов дом, отцовы слуги. Ведь родился я там, в этом проклятом Аргосе! Глубокая, моя улица, мое детское царство...

...Амикла!!!

Как же я не подумал о ней? Почему не попросил Сфенела?..

«— Ты не вини себя, господин Диомед! Ты не виноват, просто ты меня пока увидеть не можешь. Смотришь, а не видишь. А я тебя вижу, потому что я тебя люблю, понимаешь?»

Дурак я, ой дурак! А еще Светлой клялся, обещал ей!..

Смотрю на поляну, где лучники, — и не вижу ничего. Дядя Андремон говорит — не слышу. То есть слышу, конечно, да только кажется, будто дядя с гор Кавказских шепчет.

— Что делать мне, скажи? Куретов поднимать? Калидонцев поднимать? На Аргос идти? Большая война будет, со всей Ахайей война. А не пойдем — позор вечный, родича в беде бросим, вождя бросим! Ты сразу не говори, подумай сначала, пусть боль пройдет...

Теперь уже я молчу. Но только не думаю — на поляну смотрю. Просто так, не видя ничего...

...А я над ее пупырышками смеялся! Теми, что на животе. Афродита с пупырышками! Смешно!

И груди ее маленькие — вверх-вниз, вверх-вниз...

Крик! Да такой, что даже я очнулся. Двое! Двое осталось! Кто-то высокий, не увидеть отсюда, и... Любимчик! Сейчас самое главное, сейчас особая мишень будет, уж не знаю, какая. То ли голубку на нитку привяжут и в небо пустят (шагов за четыреста, не меньше!), а может, ленту красную на дальнем дереве между ветвей растянут.

Не подкачай, Лаэртид!

...«Кур-р-р-р-р!» Мчится конница через Микенские ворота. И через Диркские, и через Трезенские. Стучат копыта — гореть проклятому Аргосу!..

Очнулся, головой мотнул. Кто знает, не для того ли дом мой жгли? Ванакт Заячья Губа не прочь еще одну войну выиграть. Небось уже и с Микенами договорился, и с Пилосом, и с Коринфом.

А хорошо бы их всех! За Амиклу!

— К Алкмеону-ванакту гонца пошлем, дядя. Пусть ответит. Пусть виновных накажет. Извинится пусть. Если не ответит, в Дельфы пошлем, пускай Тюрайос рассудит. И в Микены, к Эврисфею. Нельзя сейчас воевать. Они нарочно нас выманивают. Нельзя поддаваться...

Молчит дядя, кивает, бороду черную треплет.

— Нельзя... Пойдем, сынок, поглядим. Сейчас награждать

станут. Ты улыбайся, и я улыбаться буду. Виду не покажем. Пока...

А на поляне... На поляне!..

Ну, молодец, Любимчик! Мо-ло-дец!

Одиссей смеется, Фоас улыбается, мы с дядей улыбаемся (ой, трудно улыбаться!). Остальные... Рты раскрыли остальные, глаза выпучили. Четырнадцатилетний парень всех обставил! Когда же было такое?

А вот и быка ведут. Ух, хорош!

— Я думал, твой друг — мальчик. А он не мальчик — мужчина!

Улыбается дядя, на меня смотрит. Держись, мол, Тидид!

Держусь!

* * *

А дяде Гераклу совсем плохо!

Мы с Фоасом к нему поздороваться зашли, поприветствовать. Не сами — с Одиссеем (напросился!). Решили — вчера приехал, сегодня заглянуть следует. Родич ведь!

Заглянули...

— Плохо ему, Диомед! Совсем плохо! Ночью закричал, биться стал. А Лихас наш, как назло, к локрам уехал... Сделай что-нибудь, помоги!

У тети Деяниры — слезы на глазах. У тети Деяниры губы трясутся. Никогда такой ее не видел! Гилл, дяди Геракла старшенький, весь белый стоит, кулаки сжимает. Остальные, которые помладше, в кучу сбились, дрожат. Макария, дочка, голосит, пискляво так...

А по всему дому — рев. Да что там по дому — на улице слышно. Ходуном дом ходит!

— О-о-о-о-о-о-о-о! О-о-о-о-о-о-о!

И удары — «бух!», «бух!» Словно тараном — в ворота!

— Он... детей требовать стал. Детей... Понимаешь, Диомед? Детей!..

Не понимаю. Одно вижу — плохо.

Переглянулись мы с Фоасом. И с Любимчиком переглянулись. Переглянулись — пошли. Хоть и страшно. А что делать?

Идем, а нам навстречу:

— О-о-о-о-о-о-о-о! О-о-о-о-о-о-о!

Мы к двери знакомой — нет двери! С шипов снесена! В горнице все вверх дном, ставни сорваны, вместо кресла — щепки горой...

— Де-е-е-ети-и-и-и! О-о-о-о-о!

Дядя Геракл на полу сидит. Голый совсем. Сидит, огромный такой, страшный, голову руками обхватил...

— Де-е-ет-и-и-и! Убей меня, брат! Убей! О-о-о-о-о!

Брата вспомнил! А ведь брат его, почитай, уже лет восемь, как мертвый!

Фоас головой качает, Одиссей столбом застыл (еще бы!), а я не знаю, что и делать. Все говорят — безумие у дяди Геракла. Гера-Волоокая насылает — до сих пор мужу своему Гераклову маму простить не может. А мне вот кажется...

— Де-е-ети-и-и! Терима-а-а-ах! Деико-о-о-онт! Креонтиа-а-ад!... Убей меня, брат, убей! О-о-о-о-о-о-о!

— Может, зелье какое? — это Любимчик, одними губами.

— Какие дети, Тидид? — поражается Фоас. — Не так его детей зовут!

— О-о-о-о-о-о!

Упал дядя Геракл, лицом о ковер ударился. Упал, телом всем затрясся, а по дому гул пошел.

— Убейте! Не должен я жить! Не должен! Брат, брат, что же ты смотришь? О-о-о-о-о!

Плачет дядя Геракл, плечами дрожит. На плечах, среди волос черных, жилы набухли, посинели...

— Убейте! О-о-о-о-о!

...не безумие это! Просто не здесь сейчас дядя, не в Калидоне. В Фивах он, в тот год, когда своих детей от Мегары, жены первой, убил. Теримах, Деикоонт, Креонтиад...

Заблудился дядя Геракл в палатах Крона Всесильного. Или сам, или ОНИ помогли...

— Дядя! Дядя Геракл! Это я, Диомед. Не который с конями, а Тидид, твой племянник!

Горячим было дядино плечо — как тот огонь, в котором дети его сгорели. Как пепел дяди Эгиалея. Я слева подошел, Фоас — справа, Лаэртид не побоялся, воды принес...

Лилась вода по седой бороде (эх, дядя, уже и седой ты стал!), по губам — черным, до крови закушенным...

— Дядя, ты же меня сам учил! Надо бороться! Надо выныривать! Зацепись за что-нибудь, за себя зацепись...

Не слышит дядя Геракл. Плачет.

Так и оставили его. Только укрыли.

Из дома вышли — словно у погребального костра побывали.

Любимчик молчит, слова вымолвить не может, и я молчу, а Фоас...

— Эх, знать бы, какой бог проклятый над таким человеком издевается! Убил бы, не посмотрел, что бог. Хоть Зевс это, хоть Гера! Убил бы!

Сказал, глазами темными блеснул. А я дядю Капанея вспомнил.

Потом, когда в шатре сидели да злое молоко пили, я все о маминых словах думал. Может, мой НАСТОЯЩИЙ дед и вся его Семья-Семейка, которую мама поминает, правы? Опасны мы, люди, с ИХ, нелюдской, кровью! И для НИХ, и для себя. Больные, безумцы, убийцы, вечно проклятые и проклинаемые. Может, и вправду стоит собрать всех!..

...И девчонка, та, что в Фивах, вспоминалась. Выходят, и я иных не лучше! Клялся — клятвы не сдержал. А теперь Амикла пропала. Вроде как наказали меня боги. Да меня-то ладно! А ее за что? Эх, лучше бы я сгинул под проклятыми Фивами вместо дяди Эгиалея! Всем бы легче стало. Кто я такой? Чужак, изгнанник, сын изгнанника, Дурная Собака...

...Ядовитое семя! Что тут скажешь? Всех бы нас — да на один костер!

Но ведь мы не виноваты, что такими родились! Мы — живые, мы хотим жить! Эх, дядя Капаней! Не успел ты войско собрать, чтобы с НИМИ разобраться.

Нет, и это бы не помогло!

«Бойся богов, Диомед! Бойся!»

* * *

Двое. Дорогие плащи, золотые фибулы, мечи у пояса. А глаза одинаковые — цепкие, колючие.

— Радуйся, богоравный Диомед! Лаэрт, басилей Итакийский, и Антиклея, богоравная его супруга, прислали нас за сыном.

Вот и пора тебе домой, Любимчик! Погулял, мир поглядел. А что не повоевал, так и хвала богам!

Навоюешься еще!

— Басилей Лаэрт просит передать, что он — твой должник. Его дом — твой дом, его корабли — твои корабли!..

...А его пираты — мои пираты.

— Спасибо! — смеюсь. — Запомню. Буду по Калидонскому заливу плавать — бесплатно перевезете.

Не улыбнулись даже.

— Перевезем. И тебя. И твоих людей. И конницу тоже.

О боги! Я ведь шутил!

До встречи, Лучник!

* * *

А как снег выпал (впервые увидел — здорово!), застучали по замерзшей земле копыта.

— От богоравного Эврисфея, ванакта Микен и всей Ахайи, к Диомеду, наследнику Калидонскому...

— От богоравного Алкмеона, ванакта Аргоса и всей Ахайи, к его брату Диомеду, наследнику Калидонскому...

— От богоравного Сфенела, басилея Аргоса...

Из Микен какого-то сотника прислали. Кланялся сотник, слова Эврисфеевы передавая. Сочувствовал своему племяннику Эврисфей-ванакт (еще один дядя на мою голову!). Сочувствовал, но дома оставаться советовал, в Этолии то есть. Потому как микенские войска нашу конницу не пропустят и другим не разрешат. А с домом моим, который в Аргосе, — уладится как-нибудь с домом. Как-нибудь — да когда-нибудь.

А из Аргоса Кипсей-пеласг приехал. Тот самый. Только не пеласг он уже — геквет, над тремя сотнями начальник. Почти лавагет! Фарос золотом шит, в золоте меч, на сандалиях бляшки — тоже золотые.

Морда, правда, прежней осталась. Улыбалась мне морда, подмигивала. Все, мол, в порядке, Диомед-калидонец! И в Аргосе в порядке, и в Ахайе тоже. А с домом беда, так в том Алкмеона-ванакта вины нет. Лихие люди по Аргосу шастают, горожан мирных грабят. Вот и на Глубокую налетели. Стража, на беду, у ворот задержалась, а горожане попрятались, подмоги не оказали. А ванакт Алкмеон за брата своего Диомеда душой болеет. И злодеев неведомых поймать обещает, и добро вернуть, и дом отстроить. А до того Диомеду-калидонцу в Аргос ехать резону нет, потому как жить негде. Лихие люди, опять же — шастают!

Мог бы и не пояснять, Кипсей-геквет! Сразу я понял, как о

доме услыхал. Подал мне знак Алкмеон Губа Заячья: не возвращайся, Диомедик! Незачем — и некуда!

Усмехнулся мне Кипсей в лицо, подмигнул — и уехал. Спокойно уехал, знал, пеласг, что посланцев боги трогать не велят!

А от Сфенела родичи прибыли — целых трое. С обозом о полудюжине повозок. В повозках — подарки всякие, да только не до подарков мне стало, когда родичи Капанидовы речи повели.

Не только дом мой сожгли — и его, Сфенелов, тоже. Уехал Капанид в Лерну, к Полидору-толстяку, а ночью — налетели. Кто да откуда, одни боги знают, потому как людей, что их видели, в Гадесе искать придется. Так что сожгли нас с Капанидом да пограбили. У меня хоть щит отцовский остался (починили, как новенький!), а у него и вовсе — пропало все.

Сфенел тоже понял — в Аргос не вернулся. Так и гостит в Лерне. Потому и свадьба его все никак не состоится, ведь негоже богоравному Анаксагориду супругу свою богоравную под чужую крышу вводить!

(Родичи мне об этом с кислющей миной сообщали. Жаль, самого Капанида не расспросишь!)

А в Аргосе Заячья Губа порядки наводит. Пеласгов своих дематами да гекветами сделал, а дедовых слуг — кого в темницу, кого из города вон. Мать свою, тетю Эрифилу, в Пелопсовых Палатах запер, брата на глаза не пускает, а к дяде Эвмелу стражу приставил.

Весело, одним словом!

Капанид, бедняга, целый месяц Амиклу искал. Искал — не нашел. То ли убили, то ли в огне сгорела.

Вот так!

* * *

Ну почему все аэды — пьяницы? Вроде бы не Бромию служат, Аполлону. Им бы не песни петь — на врагов перегаром дышать. Чтобы насмерть!

Вот и этот — забрел прямо к шатрам, завыл, заголосил, будто режут его:

— Гермес Килленский, Майи сын, Гермий милый!
Услышь аэда! Весь в дырах мой плащ, дрогну.
Дай одежонку какую, дай обувь!
Насыпь серебра слитков десять — веских!
А то не дал ты мне хламиды шерстяной, теплой
В подарок перед стужей, ни сандалий прочных;
И полуголый, мерзну я зимой лютой!

В общем, подайте двоим-троим, у порога сидим, от вас не убудет, а Зевс не забудет!

Куреты лир с кифарами на дых не переносят (из Калидона этого голосильщика уже попросили), но как гостя прогнать? А как накормили да злого молока налили, встрепенулся пьяница, лиру из рваной сумы достал...

...А глаза хитрые-хитрые! Туда смотрит, сюда смотрит, прислушивается. Чего бы, мол, спеть, чтоб еще перепало? А мне и самому интересно стало. Не любят тут про богов да героев слушать. Про богов — потому что негоже о небожителях языком зря трепать. А герои — какие у ахейцев герои? Смех — не герои!

Ага, сообразил, кажется. Носом шмыгнул, лиру поудобнее перехватил, пальцем по струнам провел. А струны: «Дзе-е-ень! Дре-е-е-е-ень!»

— Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:
Одну из хрюшки он щетинистой слепил,
Все в доме у нее валяется в грязи.
Другую из лисы коварной создал бог —
Все в толк берет, сметлива, хоть куда.
Иной передала собака верткий нрав,
Проныра — все бы ей разведать, разузнать,
Иной дал нрав осел, облезлый от плетей...

Не выдержали куреты — грохнули, за животы схватились. Я вновь удивился. Не поймешь моих родичей! То перед женщиной на колени падают, царицей-басилиссой всякую пастушку величают, то брови хмурят: молчи, мол, такая-сякая, когда мужчины разговаривают!

А пьяница успех почуял, и снова «Дзе-е-ень! Дре-е-е-ень!»:

— Да это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —
Хозяин от жены без меры терпит зло.
От зла такого войнам скоро быть,
И брани быть, и городам гореть,
И женщины вина, а не богов,
Что сгинут и герои, и вожди.
Не жить богов потомкам на земле!
Такое зло из зол зиждитель создал, Зевс!

Посмеялись, еще налили, плащ старый кинули, а пьяница лиру подхватил — и нет его. Оглянулись — пусто. Что за притча?

А когда отсмеялись, Фоас сказал, что песня — неправильная. Не то чтобы совсем, но воевать из-за женщин — дело пустое. Мужчины за добычу воюют, за честь свою воюют, за дом

свой воюют. А чтобы из-за женщины города горели? Враг у тебя жену украл — а ты у него укради. Воевать-то зачем?

А я все строчку про себя повторял, одну и ту же: «Не жить богов потомкам на земле!» Ой, знакомое что-то!

А потом мы узнали, что аэд эту песню и в Калидоне пел, и в Ламии, и в Анфеле. И у локров тоже пел. И что разговоры уже идут — неспроста это! Быть скоро войне — большой войне из-за женщины.

И каждый на свою жену поглядывать начал — не из-за нее ли?

Смешно? Смешно, конечно. Мы и посмеялись, у костра сидя. А потом почему-то невесело стало.

* * *

— Просыпайся, сынок! Просыпайся! Умойся, новый фарос надень — тот, что тебе в Фивах по жребию достался. И причешись. Хочу, чтобы ты был красивый!

— Мама? Что случилось? Мама!..

За пологом шатра — поздний зимний рассвет. За пологом — снег на желтой траве.

Ой, холодно!

Ледяная вода в лицо (бр-р-р-р!), полотенце, гребень... Никогда меня еще мама так не будила! Война? Тогда зачем фарос? Ни разу мне еще в Куретии фарос надевать не приходилось! Может, еще и фибулу золотую? И в зеркало хеттийское посмотреться?

Всем хорош! Еще бы только жезл басилеев — в зубы!

Ну, мама!

Ого, а ведь скачут! Двое? Нет, трое! И прямо сюда! Точно, трое! На двоих панцири серебром горят, на третьем плащ темный, голова капюшоном закрыта...

...А панцири-то знакомые! И шлемы. Видел я их, совсем недавно видел! Так это же!..

Серебряные Палицы. Фивы!

Фивы!

Но почему? Мы же их победили! Видать, ошиблась мама! Не фарос — латы надевать надо было. Но откуда?!

Первый спешился, второй тоже, третий, тот, что в плаще, едва с коня не свалился. Поддержали, слезть помогли...

— От богоравного Ферсандра Полиникида, басилея Фив и всей Виофии, к его брату Диомеду, наследнику Калитонскому...

Чуть не рассмеялся. Как же я забыл? Маленький Ферсандр, мой братец двоюродный, отныне басилей Фиванский. Ему теперь свои Серебряные Палицы положены!

Тот, что первый, ближе подошел, рукой о панцирь серебряный ударил.

— Ратуйся, богоравный Диомед Тидид! Твой брат, басилей Ферсандр, шлет прифет и фелит перетать: «Тержи!»

Лихо так сказал — я даже рот расскрыл. «Тержи!», ясное дело, «Держи!». Но чего держать-то?

А тут и остальные приблизились. Тот, что не в панцире... Нет, та, что не в панцире!..

Темный плащ скользнул на землю...

...Критское платье было на ней — тяжелое, золотой узорчатой парчи, с синими камнями — россыпью, брызгами теплого моря. Тускло светилось золото старинного ожерелья, и такое же золото было на тонких худых руках.

Ахнули куреты — те, кто проснуться успел и к шатру моему подойти.

Царица!

— Радуйся, Амикла, — выдохнул я. — Радуйся, Пеннорожденная! Да будут благословенны боги, приведшие тебя сюда!

Шагнула вперед, пошатнулась — едва подхватить успел. Ткнулась мокрым лицом в грудь...

— Радуйся, богоравный господин Диомед... богоравный... богоравный... богоравный...

— ...Богоравный Ферсандр... он такой добрый, он ведь меня не знал совсем, мы в Аргосе и не встречались, но он сразу помог, накормил, Фивы мне показал, а потом коня подарил... я еще два дня ездить училась, а платье это его бабушки, настоящее, с Крита, и ожерелье с Крита, я говорю, что нельзя мне, что я рабыня, а он смеется: «Рабыня, значит, повинуйся!» Он так смешно говорит, и все в Фивах смешно говорят...

До Фив она добралась сама. Уж не знаю, как.

— А когда на дом напали, меня Афродита спасла. Это те напали, плохие, которые меня мучили. Они в шлемах были, но я их сразу узнала! А они меня не узнали, не увидели даже, они служанок убивать стали, и привратника убили, и повара, а меня не заметили, я убежала, и потом кто-то ворота городские открыл, хоть и ночь была. Я знаю, это Киприда, ведь я ее жрица.

правда, я совсем плохая жрица, потому что я всех должна любить, а люблю только тебя, господин Диомед, но я тебе больше не буду говорить, что люблю, ведь я теперь не Афродита, я просто рабыня беглая, а рабыни господ не имеют права любить... если только господин сам не полюбит... Но все равно, это она меня спасла!

Не спорю. Пусть думает девочка, что Афродита ее выручила.

Спасибо, мама!

* * *

— Ай, Диомед, какая к тебе девушка приехала! Басилисса! Богиня! Не показывай ее мне, тебя зарежу, себя зарежу, ее зарежу! Ай, Тидид, ай, счастливчик!

* * *

Светильники горят ярко, ночная тьма убежала за толстый полог шатра, на ярком покрывале — недопитая серебряная чаша. Синие камешки на платье Амиклы пылают, светятся. Как и ее глаза.

Маленькая Афродита уже не плачет. Больше никогда она не будет плакать!

— Ты — не рабыня, Амикла, а я — не богоравный. Ты — самая красивая девушка в мире, а я болван, у которого вместо головы медный шлем — пустой, с дырками.

Она смеется, подходит ближе. Негромко звенят браслеты.

— Тогда я вызову тебя на бой, воин! Начну войну без предупреждения, без посольств и гонцов, войну страшную, безжалостную. На бой, воин, на сильный бой! А я тебе не уступлю, не дрогну, спины не покажу! Если ты муж — атакуй с фронта, нападай с жаром, отражай удары и к смерти готов будь. Потому что сегодняшняя битва — без пощады!

— Нанесла ты удар прямо в грудь, — улыбаюсь я в ответ. — Да только я боец сильный, боя не боюсь, вызов твой принимаю и удары твои отобью! Зовут меня копьеносцем, вот и попробуешь ты моего копья, и поражу я тебя за дерзость твою тем копьем не раз и не два. Будешь о жизни молить, но копье мое жалости не ведает, и ты ее не отведаешь, а отведаешь иного!

Смеется Амикла. Падает критское платье на покрывало. Сползает тяжелое ожерелье с тонкой шеи...

— Не нужен мне доспех, чтобы сражаться с тобой, копьеносец! Рази, да знай, что, обессилевший, на землю упадешь, пощады запросишь, потому что копьецо твое маленькое, копьецо твое кривенькое, а я боя не боюсь, насквозь проткнешь — не испугаюсь... Рази!

Показалось или нет, но блеснуло перед глазами не золото критское — серебро. И словно дальний ветер лесной — налетел, унес меня, развеял туманом над ночной поляной...

«...Одна несравненная дева желаннее всех для меня, — та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года. Лучится ее красота, и светится кожа ее...»

— Что с тобой, Амикла? Ведь все хорошо! Все хорошо!

— Все хорошо, господин мой Диомед. Хорошо, что ты смог увидеть меня. Все-таки смог! Но я — раба Киприды, беглая раба! А боги мстят.

— Боги? Но ведь Киприда — это Любовь! Она — добрая! А твоего жреца я куплю вместе с храмом. Он тебе руки лизать станет!

— Жреца купишь, волю богини — нет. Боги не бывают добрыми, они мстят, они не прощают. Но мне уже все равно, мой Диомед, все равно. Ты тут, ты во мне... За это — не жалко. Пусть накажут, пусть убьют!..

«...Горделивая шея у нее над сверкающей грудью. Кудри ее — лазурит неподдельный. Золота лучше — округлые руки ее. С венчиком лотоса могут сравниться пальцы...»

А когда она заснула, я все лежал, руки за голову закинув, слушал, как она дышит (быстро-быстро!), и все думал, думал... А мне-то что надо? Что мне еще нужно? Родина, дом, друзья, Амикла...

Чего еще желать?

Мы лежали рядом, она уткнулась в мое плечо, а я вдруг вспомнил совсем другое, забытое. Тогда, десять лет назад, когда папа был жив, и все были живы...

Ветер в ушах — прохладный, пахнущий близким морем. Бежать легко, тропинка ведет вниз, под гору, луна уже взошла...

Хорошо!

Вниз, вниз, мимо вековых платанов, мимо полуразрушенных алтарей, где уже давно не приносят жертвы, мимо темной пещеры, мимо старых уродливых камней, которые кто-то вкопал прямо в землю...

Дальше, дальше!

Бежать легко, мы оба хорошо бегаем, только ветер свистит, только Селена-Луна с небес смотрит...

...Почему мне вдруг кажется, что лучше уже не будет? Что добрые боги послали эту ночь...

Добрые боги послали эту ночь...

АНТИСТРОФА-II

Никогда еще не сидел на троне. Не сидел, да и не собирался. Даже если трон — и не трон вовсе, а несколько холодных камней, и такая же холодная плита за спиной.

Но все-таки — трон. Сейчас он — настоящий. Как и фарос, как и венец на голове, и золотой жезл.

Мертвая желтая трава, костры, слева и справа — молчаливые куреты...

— Я, Амфилох Амифаонид, сын Амфиарая Вещего, прошу у тебя, богоравный Диомед, сын Тидея, наследник Калидонский, защиты и милости...

Амфилох Щербатый падает на колени, склоняет голову. Хочется вскочить, схватить за плечи, поднять...

Нельзя!

Можно лишь брови насупить, плечи расправить.

— Радуйся, брат мой, Амфилох Амфиарид! Радуйся — и в благоволении нашем уверен будь. Моя земля — крепость, и в той крепости найдешь ты покой и защиту...

Дядя Андремон (рядом сидит, тоже в венце, тоже с жезлом) кивает, и Фоас кивает, а Щербатый все так и стоит на коленях.

— Поднимите его, — повелеваю я. — Поднимите и окажите милость...

Жезл в правой руке свинцовым кажется. Впрочем, золото, говорят, тяжелее свинца...

— Она... Она долго умирала, Тидид! Он окна все камнем заложил, дверь заложил, только окошко возле двери оставил. И каждый день приходил — слушать, как она умирает. А она... Она только воды просила, воды глоток, всего один глоток! Тогда дожди шли, вода сквозь камни сочилась, она камни лизать пыталась...

Плачет Амфилох, Амфилох Щербатый. Плачет, кулаком слезы вытирает. И мне не по себе. Тети Эрифилы, его мамы, больше нет...

— А она все жила, Тидид, все не умирала. Ей служанка кувшин воды передала — в окошко просунула, и лепешку передала... А он каждый день приходил, слушал, ждал, потом приказал камни раскидать, взял меч...

Плачет Щербатый...

— А мама все еще жива была, Тидид! Все не умирала. И плакала... Кровь по лицу льется, а она плачет. Он маму приказал у ворот бросить, стражу поставил, чтобы мы похоронить ее не смогли. Она долго лежала, черная стала, птицы глаза выклевали...

Заячья Губа отомстил матери. Запер, морил голодом, но не дождался — перерезал горло...

Как бы ты ни провинилась, тетя Эрифила, что бы ни сделала...

За что же тебя так?

— А потом объявить велел, что мама убить его хотела. И что тогда, десять лет назад, она нарочно отца погубила, за ожерелье, которое ей дядя Полиник дал. И что все в Аргосе праздновать должны мамину смерть и жертвы богам принести...

Щербатый бежал. Бежал, за ним гнались, стрелы вдогон пускали.

Ушел!..

— Тидид! Ты... Ты внук дяди Адраста! Ты — последний! Кроме тебя — никого больше, понимаешь? Мы все... Все тебя ждем. Приходи! Возвращайся!

В руках у Щербатого — алебастровая табличка. Внизу — знакомые оттиски красной краски. Все поставили печати — и Сфенел, и толстяк Полидор, и Эвриал Смуглый, и Промах Тиринфец, и дядя Эвмел. И даже маленький Киантипп.

Шесть печатей — одна на другую налазят. А выше знакомое слово: «Возвращайся!»

— Твоей печати нет, Амфилох, — замечаю я.

А на душе... Одни боги ведают, что на душе. И думать не хочется!

— Ты прав, Тидид, моей печати здесь нет...

Щербатый рвет фибулу, лезет рукой за пазуху. Вот и печать — резного камня, на прочном шнурке. Шнурок не поддается, Амфилох вынимает нож...

— Краска... Нет, не надо!

Острая бронза режет руку. Щербатый морщится, долго мажет кровью камень.

— Вот...

Кровь расползается по табличке, капает на землю.

— Моя кровь... Кровь Амифаонидов, кровь потомков Мелампода. Я один теперь остался! Тот, кто был моим братом, отныне вне рода, вне фратрии, он больше — не человек. Убийце матери нет прощения, Тидид! Если ты не придешь, я убью его сам. Погибну — но убью. Но есть еще Аргос...

Да, Аргос... Алкмеон заперся за древними стенами Лариссы, окружил себя пьяным зверьем, его пеласги хватают людей прямо на улицах...

— Есть Сфенел, — напоминаю я. — Он — басилей Аргоса, он — Анаксагорид...

— Нет, — Амфилох мотает головой, снова морщится. — Сфенел не будет ванактом, мы не допустим. Анаксагориды слишком сильные, слишком гордые...

Щербатый не договаривает, но я понимаю. Капанид свой, я — чужак. Чужак — и внук Адраста Злосчастного. Я удобен, настолько удобен, что на мне сошлись все.

«— Дядя, кто должен править в Аргосе? На самом деле?

— Тот, кто сильнее, Диомед. И тот, кого поддержат гиппеты».

И теперь им нужна Дурная Собака. Дурная Собака — против Алкмеона Убийцы...

— Я должен подумать, Амфилох, подумать...

— Нет! — Щербатый скалится, в глазах — ночная тьма. — Нельзя думать, надо начинать войну! Надо убить его, убить, убить, убить, убить! У тебя есть конница, у тебя много воинов, поспеши, Тидид!..

— Подумаю, — повторяю я. — Подумаю...

А самому бежать хочется. Да только не в Аргос, а куда подальше. К гипербореям, к хеттийцам, в Кеми...

...«Кур-р-р-р-р!» Мчится конница через Микенские ворота. И через Диркские, и через Трезенские. Стучат копыта — гореть проклятому Аргосу!..

Нет, нет, нет!

* * *

— Э-э, о чем думаешь, брат мой Тидид? Что горюешь? Ты — вождь, ты — койрат. Фивы взяли, Аргос возьмем!

— Помолчи, Фоас! Помолчи! Тебе кажется, Диомед, что ты вернешься домой завоевателем? С чужим войском?

— Да, дядя Андремон...

— Ты изгнанник, в Аргосе у тебя ни земли, ни скота, ты чужак, а тебе придется карать, бросать в темницу, изгонять?

— Да, дядя.

— И ты станешь хуже Алкмеона, потому что тот, кто сидит на чужом престоле, должен каждый день, каждый час доказывать, что именно он — ванакт?..

— Да...

— Ты прав, Диомед, ты прав. Но подумай, что будет, если ты откажешься? Если останешься здесь? Что ты почувствуешь через год? Через десять лет? Ты станешь седым, старым — что ты скажешь перед смертью своим друзьям, которые звали тебя на помощь? Что?

— Не знаю, дядя Андремон... Не знаю!

* * *

Дяде Гераклу холодно. На дяде Геракле фарос, сверху — хеттийское покрывало, но ему все равно холодно, хотя рядом стоит жаровня, и еще одна — в углу...

— Почему ты спрашиваешь меня, Диомед? Разве я — ванакт? Разве я царь?

— Ты — Геракл! — повторяю я упрямо.

...Наверное, в пятый раз повторяю. Хвала богам, сегодня Кронос милостив к моему великому родичу. Он здесь, а не в неведомой дали, где только тени и прах.

— Мы ведь похожи, дядя! Наши отцы — изгнанники, мы выросли на чужбине, живем на чужбине, ты — сын Зевса, я...

Замолкаю. Даже дяде нельзя говорить о маме! Даже ему!

— Только я — не Геракл.

— Геракл? — Дядя качает седой головой, медленно проводит по лицу огромной ладонью. — Геракл, сын Громовержца-Крониона, потомок бога и сам в будущем Олимпиец? Так?

Киваю. Так и есть.

— Геракл... Дурное имя! Никогда мне не нравилось! Геракл, Славящий Геру, Геро-слав... Когда-то меня звали иначе, Диомед! У меня было имя — мое, настоящее, была судьба — моя собственная... Но ты не поймешь. Я — прошлое, ты — будущее.

— Почему? — удивляюсь я. — Я тоже...

— Полубог? — грустно улыбается дядя. — Вижу! У тебя ихор в крови, серебристый, легкий. Увы, это вижу не один я... Ты из последнего поколения, племянник. За вами — пустота, черная ночь...

Переспрашивать не надо. Я понимаю, о чем говорит мой родич, Великий Геракл Амфитрионид. «Не жить богов потомкам на земле!»

Гекатомба!

Да, мы — последние. И черная ночь впереди!

— Мы... Мы совсем иными были, Диомед. И хотели иного... Знаешь, племянник, надо мной уже смеются, песни веселые поют. Дескать, ходил дурак здоровенный, бедных зверушек истреблял... И хорошо, что поют! Значит, мы свое сделали, значит, вам на земле уже нечего бояться. Только людей...

— И богов, — не выдерживаю я.

— И богов, — соглашается дядя. — Странно, сейчас, когда ОНИ ушли, ИХ стали ненавидеть. Я говорил одному... одному моему другу, что уходить нельзя, ведь люди неблагодарны... Как и боги. А ведь еще недавно мы могли дружить. Мы и ОНИ...

Дядя Геракл кутается в покрывало, протягивает к огню огромные ладони. Ему холодно, он никак не может согреться.

— Нас называли Мусорщиками, Диомед! Мусорщиками — потому что мы чистили матушку-Гею. Ты уже не помнишь... Хвала богам, что не помнишь! А ведь еще недавно, совсем недавно, людям приходилось драться, чтобы выжить на земле. Насмерть драться! И самое страшное, что вся эта нежить — Гидры, Химеры, железные вепри с бронзовыми лисицами, — они тоже хотели остаться! Понимаешь? Разумные, сильные, жестокие... Мы — или они, люди — или нелюди! Это и было то, зачем я жил. Мы, Тезей, Мелеагр, Беллерофонт, твой дед, я — хотели очистить землю, спасти людей от чудищ... Не смейся, это не сказка!

Что тут спорить? Не сказка. Пока еще...

— Я не смеюсь, дядя. Я видел Гидру. Только... Только гидры сейчас никого не едят...

— А в Апии... на Пелопоннесе не осталось львов и кентавров. Не осталось, потому что их перебил злой Геракл... Да, дети не понимают отцов, отцы — детей... Я не судья тебе, племянник. Ты уничтожил Фивы, мой город, но я не могу гневаться, потому что сейчас другое время, ты другой, и твои друзья — другие. Совсем другие! И в этом новом времени тебе придется думать самому, Диомед! Думать — и решать, чего ты хочешь. Решать — самому!

Самому? Почему-то казалось, что дядя Геракл отсоветует, отговорит...

— Пусть так, дядя. Но меня зовут в Аргос. Тебя тоже звали править, и не раз. Ты ведь мог бы стать фиванским басилеем, правда? И микенским ванактом, вместо Эврисфея...

— Но не стал. Хвала богам, что не стал! Ну какой из меня ванакт? Только не пытайся идти за мною след в след. У меня было что делать и без золотого скипетра. А у тебя?

У меня? А что у меня?

— Я не хочу взойти на Олимп, дядя. Я хочу войти в Трезенские ворота Аргоса! Но я боюсь...

— Не бойся!..

Покрывало скользнуло на пол. Я вскочил, замер. Передо мною стоял ГЕРАКЛ.

— Чего бояться, Диомед? Чего?

На миг показалось, что дядя — совсем еще молодой. Даже моложе меня. Моложе — потому что я знал ответ.

— Себя бояться. И еще — богов.

— Не бойся...

Усмешка погасла, дядя ссутулился, отвернулся. Отвернулся — всего на миг. Выпрямился, блеснул глазами:

— Я... Я тоже так думал. Почти всю жизнь. А потом понял: страх — худшее, что у нас есть. Люди боятся богов, боги боятся людей, ты боишься самого себя...

— Но как? — не выдержал я. — Что нам делать? Дядя Капаней не боялся богов — и погиб, и мой папа погиб, и другие погибли! Мы даже не люди, мы — выродки, полукровки, которых боги истребляют, как чудищ. Ты был нужен, ты служил и людям, и богам, а у нас одна цель — выжить! Просто выжить. Понимаешь, выжить!..

— Не выжить — победить...

Тихо ответил дядя Геракл, так тихо, что я едва услышал. Ответил, седатой головой качнул, подошел к жаровне, вновь протянул ладони.

— Победить, Диомед! Ты не сможешь всю жизнь прятаться, и твои друзья — тоже. Вы — последние, и битва, которая вам предстоит, — тоже последняя. Ну и что? И боги не вечны... Слабого судьба тащит на веревке, того, кто сильнее, — за руку ведет, а самый сильный сам судьбой становится. Иди, не бойся! Я пошлю с тобой в Аргос своего старшего, Гилла. Ему тоже пора взрослеть. Мне... недолго уже. Может, еще успею проснуться. Напоследок... Иди, Диомед!

Над жаровней взметнулось желтое пламя, лизнуло дядину ладонь, но Геракл даже не пошевелился. Словно огонь, жадно вцепившийся в его руку, был тем самым, последним...

Дядя, дядя, неужели и ты?..

* * *

А мама мне так и не ответила. Впервые — не ответила.

* * *

— Зачем ты меня спрашиваешь, господин мой Диомед? Разве женщин спрашивают, когда идут на войну? Ты решил, значит, так и будет. Что изменят мои слова? Я лишь знаю, что здесь, в Куретии, я — подруга вождя. А в Аргосе — просто рабыня! Но сегодня... Ты не уйдешь, господин мой Диомед? Хотя бы сегодня?

* * *

В холоде никнет зима, отмечая пернатыми время...

Гадать, волю богов выведывать, везде принято. Да только по-разному. В Этолии лопатки бараньи на огне жгут, в Аттике пепел шевелят, в Локриде воск льют, в Аргосе — жребий мечут, за морем звезды слушают. А в Эпире, говорят, все больше птиц вопрошают.

...Горит костер, сучьями сухими потрескивает, холод прогоняет. Горит, горит...

Зима!

Пел один аэд (не тот пьяница, что приходил да сгинул, а другой, потрезвее). Дескать, каждое время года хвалить должно, и весна хороша, и лето...

Диво-дары, пробудившись, весна обрывает у розы.
Знойное лето ликует, плодов изобилие видя.
Осени знак — голова, что увита лозой виноградной.
В холоде никнет зима, отмечая пернатыми время...

Вот и никнет зима, даже у костра зябко!

«— Дядя, расскажи мне про какую-нибудь... битву.

— Как же, как же, старший эфеб! Ну, стало быть, муза, воспой... Сперва спустилась с небес розоперстая Эос. Следом грозная Кера вылетела с криком зловестным...»

Да, именно так. Сперва — Кера, затем Фобос-Страх с Деймосом-Ужасом...

Нет, не хочу о войне! Лучше о гадании...

— Фоас, что говорят?

— То и говорят, Тидид. Ушел в ущелье, говорят, никого не подпускает, говорят. Гадает, круг начертил, муку насыпал...

А интересно получается! Про муку да про круг — это уже сороки на хвосте принесли. Выходит, если здесь, в Куретии, уже про муку заговорили, то в Аргосе еще и яму с кровью приплетут вкупе с душами неупокоенными. Некию, скажут, Диомед Калидонский затеял, в Аид спустился!

А что, тоже способ!

Некия да яма кровавая мне ни к чему, и мука вокруг костра ни к чему. По птицам я гадаю. По этим самым сорокам. Сороки болтают, а я слушаю.

А хорошо тут! Почти как в лесу. Нет никого, куреты-родичи входы в ущелье стерегут, дрова подносят. Сиди, в плащ меховой завернувшись, мясо на углях жарь, лепешки пресные пеки...

...А я еще понять не мог, почему зима пернатыми время отмечает. Улетают за море потому что? А здесь рассказали мне, что в холода гибнут птицы — падают, застывают среди мертвой травы...

Это же какой холод должен быть? Так и река замерзнуть может, и даже море! Вот ужас!

Но сейчас, хвала Деметре Теплой, еще не холод — холодок. Сиди у костра — и думай.

Вот я и думаю. Только о войне не хочется. Лучше о дядюшке Терсите. Так и чешутся руки петлю на его шее затянуть, да так, чтобы кадык лопнул! Кланяется, хихикает, на табличках все чин-чином — а повесить все-таки надо. И ведь не один я так считаю!

— Что говорят, Фоас?

— Говорят, у богов помощи просишь, чтобы Аргос завоевать. Крепко просишь, говорят!

— Амфилох тут?

— Ночью уехал, тихо уехал. Мы смотрим — нет его!

Ай, нехорошо! Уехал Щербатый, не попрощался. И куда это, интересно?

А костер горит, и сучья трещат, и мясом горелым пахнет. Сиди — и только дрова подкладывай.

В холоде никнет зима, отмечая пернатыми время...

Хорошо тут думается! Никто не мешает, не пристает со всякими глупостями: когда, мол, войско собирать, какими дорогами идти. Какое войско? Какие дороги? Зима сейчас, никто зимой не воюет!

...А интересно, женился ли бедолага Капанид? Послушать (его послушать!), так невеста Сфенелова страшнее Химеры — той, что Беллерофонт, дедов побратим, убил. Ноги короткие, нос длинный, из ушей волосы растут. Горгона — не девушка! А ведь женят. Никуда он не денется, будет Анаксагордиков плодить.

А костер все горит, а сучья трещат...

— А где Фоас?

— Уехал Фоас. Говорят, рыбу ловить собрался. В Калидонском заливе. Три сотни наших взял — и поехал.

— Всюду говорят?

— Понятное дело, всюду, койрат! И у нас, и у локров, и в Беотии. Уехал рыбу ловить, хе!

Действительно, хе! Какая рыба? В Этолии рыбу не едят — брезгуют. Чтобы басилеев сын поехал рыбачить, и куда — в Калидонский залив! Зимой!

Чушь какая!

Разве такому поверят? Диомед у костра гадает, а названый брат его уже у Калидонского залива, там, где переправа. Да еще с тремя сотнями куретов!

Потрудитесь, сороки, потрясите хвостами!

А ночами тут холодно, не то что в Арголиде. Даже плащ не помогает, даже костер. Но что делать? Терплю, потому что надо. Гадание — дело серьезное! Да, недаром пел аэд про пернатых, которыми зима время отмечает! Вот и я отмечаю — по сорокам, что вести разносят.

...А в Аргосе худо. Совсем худо! Озверела Алкмеонова стая, средь бела дня грабит, насилует, убивает даже. Сам Алкмеон в Лариссе заперся, от Эриний-Мстительниц прячется. Говорит, приходили уже они — страшные, с мертвыми глазами, с пучком змей в руках...

Нет покоя Убийце Матери!

А мы тесто ладонями похлопаем, камешком раскатаем и на другой камешек, тот, что из костра, положим. Подгорит — не беда!

— И о чем сороки трещат?

— Э-э, о чем им трещать, койрат? Говорят, не гадаешь ты — войско ждешь. А войско Фоас уже переправляет — через Калидонский залив. Будто бы пираты Лаэрта Итакийца корабли туда послали!

Вот, значит, Кера уже и вылетела! Вылетела, заорала как резаная. А ведь глупости это! В Калидонском заливе сейчас волны горой, корабельщики суда по гаваням прячут. Кто же войском рисковать станет?

И вообще, разве зимой воюют?

Да и нет охоты воевать! После Фив, после всего... Эх, опоздал я родиться! Мне бы на полвека раньше в мир этот заглянуть да с дядей Гераклом на чудищ всяких поохотиться. Хорошо он сказал: мы — или они! Только вот что странно: Горгона Медуза (уж точно — не человек) наш Аргос от врагов защищала, а Персей-заброда ее и убил! Медузу у нас до сих пор чтут, а Персея ненавидят.

Нет, дядя Геракл, не все так просто было!

...Да-а, холодно здесь! Надо бы винца хлебнуть, неразбавленного, густого, лучшей лозы. В такой холод — можно. Словно бы крови горячей в жилы плеснули...

Осени знак — голова, что увита лозой виноградной...

...как у Бромия-Диониса. Говорят, дед мой Живоглот в молодости с ним встречался. За одним столом сидели, песни пели, вакханки их цветами закидывали. А сейчас?

ОНИ ушли, мы остались. Мы — наедине с собой. И кто скажет, лучше ли стало?

...А в Аргосе следует со жрецом этим, Стрепсиад который, познакомиться. Амикла — иеродула, служанка богини, таких на волю не отпускают. Но жрицы разные бывают. Одно дело — на улице серебро во славу Киприде с прохожих собирать, совсем другое — в храме Горы благовония у алтаря курить.

А не согласится Стрепсиад, то — по завету Сфенелову — прямым в челюсть. Да согласится он, куда денется, скопец!

...Хорошо бы еще дровишек! Этак и замерзнуть можно. Тяжелое это дело — по птицам гадать!

— Э-э, койрат, тут такое сороки наплели! Будто Алкмеон-ванакт пять сотен к границе с Аркадией послал с Кипсеем-гекветом. И к Тиринфу войска послал, и к Лаконии. Со всех сторон врагов ждет!

Померзни, померзни, Кипсей-пеласг, в аркадских лесах. Холодно там зимой! Людей нет, одни кабаны. И остальные пусть померзнут, зубами постучат. Глядишь, и дурь в головах их пеласгийских понемногу вымерзнет! Сейчас там не знойное лето ликует, не весна диво-дары обрывает у розы!

И что еще сороки скажут? Ведь уже столько дней у костра сижу, пора и волю богов узнать. У пифий, что на треножнике в Дельфах (там, где мы с Капанидом Палладий поставили) дымом ядовитым дышат, хорошо иногда получается. Иди, мол, путем своим и получишь, что заслужил. Понятно излагают!

Да что там сороки молчат? И вино кончилось, и мясо подгорелое в горло не лезет...

— Койрат! Фоас через Калидонский залив переправился! Алкмеон-ванакт приказал басилеям дружины собирать!

Вот дела! Напугала Заячью Губу эта самая Кера! Ну, раз она пролетела, самое время Фобосу с Деймосом появиться. То есть Фоас-Фобос уже в Аркадии, значит, теперь и Диомеду-Деймосу

в поход пора! Грязь замерзла, зима в холоде никнет, пернатые время отметили...

Точно отметили!

Услышал я волю богов, услышал! Не зря у костра сидел, мерз. Надо бы в Аргос съездить, волю эту Алкмеону Губе Заячьей сообщить.

Шепотом — на самое ушко!

* * *

— Мама! Ты не отвечаешь мне, но я знаю, ты слышишь, все слышишь! Мама, я не хотел этого, то есть хотел, хотел, но не так!.. Но ведь уже ничего не изменить, мама! Если я испугаюсь, откажусь, будет еще хуже! Ведь правда? Почему ты молчишь, мама?

* * *

— А почему дорийцы?

— За ними будущее, дядя Диомед! Ахейцы — закат, они восход.

Красиво говорит Гилл, сын Геракла. Заслушаешься!

Теперь уже не сучья трещат — колесница скрипит. Та самая, что мне локры подарили. Старая, как ни чини, быстро не поедет. А мы и не спешим. Едем, по сторонам поглядываем, вожжи друг другу передаем.

Едем — и о дорийцах разговариваем, не торопимся. А впереди нас Деймос-Ужас летит, горло дерет, вещает каждому встречному-поперечному. Берегитесь, мол! Идет!

ДИОМЕД ИДЕТ!

— Да ты, дядя, на города наши посмотри! Ну, Калидон, ладно, маленький он. А Микены, а Спарта, да и Аргос? Басилеи и даматы с тиретами в сидонских фаросах и критских накидках разгуливают, благовониями натираются, а люди в землянках живут, как звери!

— А мы все возьмем, а мы все поделим, — смеюсь я. — Тебе полфароса, мне полнакидки.

— Да не делить надо! — горячится Гилл. — Просто люди не должны голодать, потому что тогда страна слабеет, ее кто угодно голыми руками возьмет! Кто такую страну защищать станет? Басилей на колеснице один, а у пастухов только палки и топоры каменные!

Толковый парень, Гилл Гераклид! Да и вымахал уже — на полголовы меня выше, хоть и пятнадцати еще нет. Это он в отца. А лицом — точно в тетю Деяниру.

Только не басит еще!

А Деймос-Ужас летит, и запирают басилеи ворота, и Эврисфей-ванакт колесницы к перешейку Коринфскому двинул. А чего бояться? Мало ли кто по зимним дорогам путешествует? Правда, после Фив Диомед Калидонский уже не просто «мало ли кто»...

Так и летит Деймос впереди нас. По Локриде и Фокиде, по Беотии и Мегариде. А всего ужаса — мы с Гиллом на старой колеснице, да четыре повозки, да дюжина моих родичей-куретов. Тоже мне войско! Как раз повозки охранять.

(И то, навязал мне этих парней дядя Андремон! Дескать, охрана требуется. И не наемники, а настоящие друзья — гетайры. Родичи! Да от кого охрана? Еду себе, никого не трогаю. А на разбойничков-недоумков и нас с Гиллом хватит.)

А Деймос-Ужас уже над Аргосом, над черепичными крышами Лариссы, над Пелопсовыми Палатами, над Новым дворцом...

ДИОМЕД ИДЕТ!

— У дорийцев — добычу поровну делят. У дорийцев голодных нет, у них соплеменников не обращают в рабство, не продают за море. И еще у них — железо. Представляешь, дядя Диомед, железные мечи! А их дикарями считают!

Горячится Гилл, сын великого Геракла, стучит-скрипит старая колесница. Далеко стук слышен! Выглядывают из-за стен басилеи-козопасы, бородами козловидными трясут: «И Гилл Гераклид тоже с ним? Ясно, ясно, скоро и сам Геракл пожалует!» Так что — от беды подальше. Войска нет — значит, спрятано войско! Фоас-курет (все, все слышали!) в Аркадии, выходит, и конница там, и пехота. Знаем, знаем этого Диомеда! Сам торной дорогой едет, а куреты его вот-вот с запада, через леса аркадские, пожалуют. Хитрый он, Диомед, да мы хитрее!

В общем, спасайся, кто может!

ДИОМЕД ИДЕТ!

— Меня отец с детства к ним посылал, к дорийцам. Говорит, учись у них, своим там стань. Меня уже и во фратрию приняли, и в святилище пускают. Они отца очень любят!

Слушаю я Гилла, вожжами шевелю, а мыслишки всякие в голове так пчелами лесными, кусучими, и роятся. Нет мира в

Ахайе! Аргос против Фив, Микены против Аргоса, Мегары против Афин...

...А на севере дорийцы с железными мечами. Да не сами — с сыном Геракла Амфитрионида. Вот возьмут и выберут через пару лет Гераклида вождем. И что тогда? Тут уже не о микенском престоле речь пойдет!

(Железные мечи, подумать только! Папа мечтал о сотне парней в железе. А дорийцев не сотня, не тысяча. Больше!)

Замолчал Гилл, видать, устал дорийцев славить. А я себе по сторонам поглядываю. Только ничего не видать вокруг. Поле черное, вспаханное, вдали село — землянки под гнилой дранкой (прав парень!), а вот и лес, пустой, неприветливый...

Герма! Радуйся, Психопомп, люблю я тебя! Хоть не спорю — хранишь! Дважды уже напасть пытались. Только куреты-гетайры мои начеку, и я начеку, да и Киллению сколько положено перед отъездом отмерили. Вот и бережет!

А Гилл про дорийцев своих додумал, на меня теперь поглядывает.

— Дядя Диомед, можно спросить? А где ты... Где ты войско свое спрятал? Я никому не скажу!

Спросил, а у самого глаза так и горят (тети Деяниры глаза). Ну еще бы! Первая война!

Только какая тут война? Еду себе в Аргос, за всяких сорок белобоких не отвечаю, а за Деймоса-Страшилу и подавно.

— Нет у меня войска, дориец Гераклид! — смеюсь. — Вот все мое войско, с тобой да с Мантосом-старшим во главе. Это у Эврисфея войско — под Микенами стоит ждет. И у Алкмеона войско, по всем границам, по всем крепостям!

...Громко Кера кричала! Так громко, что Заячья Губа басилеям зов кинул. Все они сейчас воинов по городам и селам собирают — Диомеда-супостата бить. И Полидор-толстяк, и Эвриал Смуглый, и Промах Тиринфец. И Капанид собирает...

Да только лучшие войска Алкмеон на запад послал, к границе Аркадской. И пеласгов своих послал. Ну еще бы! Там ведь, в Аркадии...

— А дядя Фоас с куретами? Дядя Диомед, я... я поклянусь! Я никому не скажу!

Чуть ли не слезы на глазах! Гаркнуть? Так ведь четырнадцать лет парню, даром что дориец!

— Войска у меня нет, Гилл! Фоас на свадьбу к родичу поехал. С ним двадцать человек всего. Но не волнуйся — будет войско. А главными воинами у меня — два крепких парня. Да ты их

знаешь — одного Фобосом зовут, другого — Деймосом... И еще один — Пан с дочкой своей Паникой.

Тяжелый вздох. Обиделся, дориец!

Вот так и едем, так и беседуем. Через Амфелу и Опунт, через Элатею и Хароней, через Феспий и Платеи. А впереди, над полями черными, над лесами пустыми, над крышами черепичными, несется-гремит по всей Элладе.

ДИОМЕД ИДЕТ!

* * *

Летело эхо, летело — от стен микенских отразилось. От Золотых Ворот, от золотых щитов...

— Дядя Диомед, это что? Это против... Против нас?

Бедняга Гилл! Ехали-ехали, а тут — войско поперек дороги. Тяжеловооруженные фалангой, лучники с пращниками вразброс, колесницы копьями ощетинились. А главное — щиты! Золотые Щиты — хризосакосы! Неужели сам Эврисфей? Вот и шатер в сторонке стоит, красный, огромный...

...Гелиос-Солнышко как раз из-за туч выглянул. Красиво! Золотом по золоту...

— Ничего, Гераклид, — смеюсь. — Сейчас на прорыв пойдем!

Нас уже возле Коринфа остановить пытались. Но только кого останавливать, кого колесницами давить да копытами топтать? Едет себе наследник Калидонский по собственной надобности, с обозом да охраной (смех, не охрана!). Хвала богам, Куретия с Микенами не воюет.

А геквет, над колесницами старший, признался, когда мы амфору самосского с ним распивали, что все в Микенах об заклад бьются, где войско превеликое Диомедово прячется. То ли в лесах Аркадских, то ли в долинах Мессенских, то ли на кораблях чернобоких — к высадке готовится.

А насчет кораблей — ха-а-арошая мысль! Только не зимой.

Ага, вот они! Щиты золотом горят, шлемы на самые бороды опущены, копья — лесом.

— Спокойно! — это я гетайрам. А то останется ванакт микенский без охраны!

— Радуйтесь!

Еще один золотой. На колеснице, зато без шлема. Эге, а нос знакомый!

Агамемнон!

— Богоравный Эврисфей, сын Сфенела, ванакт Микен и всей Ахайи, велит передать тебе, Диомед Тидид, наследник Калидонский, что войско твое пропущено отнюдь быть не может. Тебе же и людям твоим — проезд вольный, как и водится между соседями.

Уф, выговорил! Выговорил, венец серебряный в волосах темных поправил, на меня посмотрел... Нет, не посмотрел — воззрился!

— Понял ли ты, Диомед Тидид...

— Понял, понял, — поспешил я. — Не надо мое войско пропускать. Только ты, богоравный Атрид, крепко дорогу стереги, войско большое, страшное!

(Ух, и посмотрел! Не люблю его, Атреева первенца!)

А я, между тем, на Гилла киваю.

— Знакомься, Атрид! Тут кое-кто на микенский трон поглядеть хочет. Хотя бы одним глазком. Покажешь?

(А на Гераклиде — хитончик старый, а на Гераклиде — плащик домотканый).

Дернулся длинный нос, нижняя губа вперед тараном выпятилась.

— Твой... оруженосец?

(Хотел «слуга» сказать — не решился!)

— Радуйся, сын богоравного Атрея! — подхватывает Гилл. — Прав ты, роду мы сирого, роду мы бедного. В Калидоне мой отец на чужих хлебах живет, Гераклом его кличут...

Хорошо, что хризосакосы рядом стояли — подхватили богоравного!

* * *

— Радуйся, Диомед Тидид!

Он сидел не на троне, просто на невысокой скамье, и это казалось странным, даже обидным. Как и тонкий серебряный (не золотой!) обруч в темных, с легкой проседью, волосах. Этому человеку к лицу была власть.

— Радуйся и ты, Атрей Пелопид!

...Короткая бородка, тоже с брызгами проседи, яркие полные губы — и огромные голубые глаза на загорелом, без единой морщины, лице. Если бы не седина, микенскому правителю нельзя было дать и сорока. А ведь он старше дяди Геракла, старше Эврисфея! И, говорят, намного.

Он и ждал меня в шатре, Атрей, сын Пелопса, истинный, а не кажущийся владыка Златообильных Микен. Богоравному Эврисфею, сыну Сфенела, досталось лишь держать скипетр. Он и держит его, да вот руки уже трясутся.

Слуга поставил такую же точно скамью — для меня, неслышно скользнул к выходу. Я не спешил. Мы с Атреем, кажется, на равных. Он — наследник Микенский, я... А кто я?

— Садись, Тидид. Я не задержу тебя надолго. Мы не в тронном зале, поэтому обойдемся без «богоравных».

Он подождал, пока я сяду, помолчал, зачем-то скользнул широкой ладонью по железной, в золотой оправе, фибуле, по роскошой лиловой ткани затканного золотом фароса. Словно пыль отряхивал. Волнуется? С чего бы это всесильному Атрею, Атрею Великому, волноваться?

— Тидид! Микены готовы признать Диомеда Калидонского басилеем Аргоса. Микены готовы дружить с ним. Готовы помочь. Но *ванакта* Диомеда мы не признаем никогда.

Вот оно что! Давний спор — кому первенствовать в Ахайе. Новая Столица против Древней.

— Скажу больше, Тидид. Для тебя слово «ванакт» и слово «война» означают одно и то же...

Теперь он смотрел прямо на меня — холодно, без тени улыбки. В голубых глазах горел отблеск кованого железа.

— Ванакт должен быть один. Он — царь царей. Ахайя должна стать единой, тогда следующая война будет такой, как я хочу, а не иной. Ахайя, нет, Эллада завоюет весь наш Номос — объединенная, могучая, страшная для врагов. Добычи и славы хватит для всех, и власти хватит. Иначе... Иначе мы начнем резать друг друга. Микены все равно победят, но я не хочу такой победы!

...Номос — знакомое слово! Спросить о меднокованом небе? Нет, не время.

— Это моя мечта, Диомед! Это — мечта Пелопса. Мечта стоит крови. Выбирай!

Странно, мне вдруг почудилось, что я вновь слышу голос деда, голос Адраста Злосчастного. У деда тоже была мечта — очень похожая.

— Аргос не боится войны, Пелопид!

Он ждал другого. Поморщился, покачал головой.

— Мы тоже не боимся, Тидид! Не боимся — и не хотим. Но иначе не выйдет. Ты знаешь, что в Ахайе уже не хватает пашен и пастбищ? Что через несколько лет нам придется ввозить хлеб и даже скот? Что на севере дорийцы, а море вот-вот захватят пи-

раты Лаэрта и этого мерзавца Приама? Только единая страна может защитить себя и завоевать новые земли. И не пустоши Эпира, не фракийские скалы! Земли за морем — богатые, почти беззащитные, оставленные богами. Оставленные — нам!

О чем это он? Оставленные богами — почему? Но я знал — и об этом спрашивать не ко времени.

— Я не рвусь к золотому венцу, Пелопид! Но Аргосом искони правили ванакты. Этого хотят гиппеты.

Странно, получается, что я оправдываюсь!

— Гиппеты погубят нашу землю, Диомед! Их жадность, их тупость, их близорукость... Смелость не в том, чтобы начинать межоусобицу на радость внешним врагам, сын Тидея. Подумай, еще есть время!

Я оправдывался; он, кажется, начал уговаривать...

— Прощай, Пелопид! — Я встал, коротко поклонился. — Подумать обещаю, но — не больше.

— Прощай и ты.

Атрей приподнялся, оглянулся неуверенно:

— Тидид! Нас тут никто не слышит... Куда ты все-таки войско спрятал? Мы с Фиестом, с братом, поспорили...

Возле колесницы, окруженной Золотыми Щитами, меня догнал кто-то высокий, худой, белокурый.

— Богоравный... Богоравный Диомед!..

Я оглянулся. Длинноносый, совсем юный, узкоплечий, в дорогом фаросе...

— Я бы хотел приветствовать тебя... познакомиться! Я Менелай, Менелай, сын Атрея!

Что-то мне это напомнило!

— Я... Я восхищаюсь тобой! Ты — настоящий герой, богоравный Диомед! Ты возьмешь меня на войну? Мне запрещают, мне даже меч брать в руки запрещают, а я уже взрослый!..

...Знакомый (Агамемнов!) нос, голубые (Атреевы!) глаза. Не люблю Пелопидов! Но парень смотрел так жалобно...

— Радуйся, Менелай Атрид! — Я улыбнулся, протянул руку. — Если будет война — повоюем вместе, обещаю!

Его ладонь я пожимал с великой опаской. Любимчик мне тоже мальчишкой показался!

— Ой! — это не я сказал, это Менелай.

Не зря ему меч в руки не дают!

* * *

Пана-владыку, великого бога, восславить хочу я...

Пана-владыку, великого бога, восславить хочу я.
С нимфами светлыми он — козлоногий, двурогий, шумливый —
Бродит по горным дубравам, под темною сенью деревьев.
Нимфы с верхушек скалистых обрывов его призывают,
Пана они призывают с курчавою грязною шерстью,
Бога веселого пастбищ. В удел отданы ему скалы,
Снежных гор главы, тропинки кремнистых утесов,
Бродит и здесь он, и там, продираясь сквозь частый кустарник;
То приютится над краем журчащего нежно потока,
То со скалы на скалу понесется, все выше и выше...

Радуйся, Пан, веселый бог, хозяин лесов и скал! Безобиднейший из богов, смешной, добрый. Мы с тобой похожи, не удивляйся! Я тоже еду в Аргос один, и надо мною тоже можно смеяться. Один, с тринадцатью спутниками — против всего воинства Алкмеонова! Пусть смеется, кто пожелает, как смеялись над тобой, Пан, Пан Всесильный, когда ты родился у Дриопы, прекрасноволосой и стройной нимфы. И отец твой, Психопомп-Ворюга, смеялся, и родичи Олимпийцы хохотали...

Сел Психопомп перед Зевсом, меж прочими сел он богами
И показал им дитя. Покатилися со смеху боги...

Я тоже неказист, Пан, мой родич! Какой-нибудь Агамемнон, жердь длинная, косится на меня свысока: не вышел я ростом, ликом не вышел, да и родом, честно говоря, не очень. Я тоже жил среди лесов и скал дикой Этолии, где коз больше, чем людей, и басилеи носят плащи из овечьих шкур. Пусть посмеются над нами, Пан, посмеются — в последний раз!

Горе, однако, тому, кто рассердит добрейшего бога!
Мощный, он брови насупит, в глазах полыхнет его пламя.
Крикнет — и крик его, громом над миром ударив,
В бегство постыдное целые воинства гонит!
Лютая Паника-дочь над испуганным людом несется,
Створки ворот открывая и с воинов срывая доспехи.
Кто устоит перед ней, кто потщится бороться с всесильной?
Страшен он, Пан разъяренный, и даже могучие боги
Прячутся в горних чертогах, на землю взирать не рискуя.

Кричи, Пан! Кричи!

* * *

Я думал, будет война.

Короткая, почти без крови — но война. И я был готов, и мое войско готово, и мои гекветы уже выполняли приказ, тот, что я отправил с Амфилохом Щербатым. Мне не требовалось прятать свои дружины. Они стояли у всех на виду, там, где и должны стоять: Промахова — у Лерны, перекрывая путь к морю, Полидора — в Тиринфе, Эвриала Смуглого — у Трезен, а Капанидова — на запад от Аргоса. А в самом городе меня ждали воины Щербатого, чтобы обезоружить стражу и открыть ворота.

Я не прятал войска, да и негде мне было их прятать. Заячья Губа, ошалевший от крика Керы, от Фобосова страха и Деймосова ужаса, сам призвал к оружию басилеев.

Сам!

А те, кто ему еще верил, кто был готов умереть за ванакта-нечестивца, бесполезно мерзли в Аркадии, ожидая куретскую конницу.

Зимой не воюют, Алкмеончик!

Поэтому, как только у пограничного камня вокруг моей колесницы сомкнулась сверкающая медь тиринфской дружины (не опоздал, Дылда Длинная!), я был готов к бою.

Но тут крикнул Пан...

...И рухнули высокие, кованные медью ворота, и разбежались очумевшие от ужаса стражники, и льдом застыла печень у Алкмеоновых даматов, а лютая Паника-дочь уже парила над красными черепичными крышами Лариссы...

И не выдержал Алкмеон-ванакт, Алкмеон Заячья Губа, чей разум уже помутили Эринии, перед чьим взглядом стоял окровавленный призрак убитой матери...

Так и кончилась моя вторая война. Война, которой не было.

ЭПОД

— Только ванактом, Тидид! — Эвриал Смуглый дернул щекой, легко пристукнул ладонью по резному подлокотнику. — И пусть кто посмеет пасть раскрыть! Мы — Аргос!

— Мы — Аргос! — Толстяк Полидор даже привстал, пухлая рука сжалась в кулак. — Мы — Аргос, Диомед! Ты — ванакт!

— Ванакт! — Промах Тиринфец.

— Ванакт! — Амфилох Щербатый.

— Папа... Отец... Он очень любил тебя, дядя Диомед. Он говорил, что ты — самый лучший. Ты должен стать ванактом вместо папы!

Маленький Киантипп — басилей Киантипп Эгиалид — говорит тихо, но каждое его слово гулко звучит под высокими сводами. И мне вдруг кажется, что я вновь слышу голос дяди Эгиалея...

Эх, дядя, дядя!

Утро, сквозь щели в ставнях — неверный зимний рассвет. Тронный зал пуст, и трон пока еще пуст. Мой трон... Мы сидим в сторонке, мы — эпигоны, братья, разделившие поровну все — и боль, и кровь, и победу. Мы пока одни. Только у трона, у дверей, у закрытых ставнями окон, — мои гетайры. Теперь куреты всюду со мной, не отходят ни на шаг. Но они молчат. Решать — нам.

И мы решаем.

Решаем, потому что сейчас этот зал наполнится людьми — перепуганными людьми, радостными людьми, растерянными людьми. Два дня они прятались, придворные, гиппеты, служилые даматы, жрецы. Прятались, все еще боясь — или надеясь, — что Заячья Губа вернется. А теперь, когда все стало ясно, сбежались сюда, в Лариссу, под черепичную крышу Нового Дворца.

Алкмеон не вернется. Он в Аркадии со своими пеласгами, полубезумный, гонимый беспощадными Эриниями, навечно запятнанный кровью. Теперь не мой отец, не я — он изгнанник, ему просить милости и приюта у басилеев-козопасов в глухих селеньях, где еще не слышен крик беспощадных Мстительниц. Он не вернется. Добрые аргивяне терпеливы, но Убийцу Матери они не простят. Призрак Эрифилы, дочери Талая, отныне навсегда встанет между Коровьими детьми и троном Аргоса.

Четверо уже сказали. Двое молчат. Молчат, хотя их слова для меня — главные.

— Капанид?

Мой друг смотрит в сторону, сопит, дергает волосинки на подбородке.

— Понимаешь, Тидид... Они... Мои родичи... Они вроде как... А, ну их!

Широкая ладонь взлетает вверх, рубит холодный зимний воздух:

— К воронам их всех! Ты — ванакт! Да, ребята, о чем мы тут болтаем?

— О троне, Сфенел, — негромко отвечает толстяк Полидор. — О троне. И об Аргосе.

Он прав. Великий Атрей не шутит. Слово «ванакт» и слово «война» теперь для нас — одно и то же.

— Дядя Эвмел?

Дядя Эвмел — старший. Дядя Эвмел — сын Адраста Злосчастного. Его слово — главное.

Дядя не спешит. Молчит, на меня не смотрит. Вниз смотрит — на холодные каменные плиты.

— Дело не в титуле, Тидид, — наконец вздыхает он. — Атрей все равно начнет войну. Он прав, над Ахайей должен быть владыка — единый, всевластный. Только мне кажется, время у нас еще есть. Пока жив Эврисфей...

Дядя замолкает, худые пальцы сжимают навершие тонкой трости.

— Оступать поздно, Диомед! Ты — ванакт! Мы за тебя, гиппеты — тоже... Ты — ванакт!

Все сказано. Пора махнуть рукой, впустить толпящееся у дверей стадо, надеть пурпурный плащ, застегнуть золотую фибулу... Вот и венец — на серебряном треножнике, у самого трона, ждет...

— Я, Диомед, сын Тидея, ванакт Аргоса, Арголиды и всей Ахайи, повелитель Тиринфа, Трезен, Лерны, Гермионы, Азины, Эйона, Эпидавра, Масеты и Эгины Апийской...

От приоткрытого окна несет холодом. Внизу — пустая, безлюдная площадь, мокрые от ночного дождя каменные плиты...

— Мама!

Не говорю — шепчу, еле двигая губами. Почему она не отвечает? Почему не слышит?

— Мама! Что мне делать? Еще не поздно, скажи? Мне не надо этого, я не хотел, никогда не хотел!

— Хотел...

Чей это голос? Ее? Или просто — дальнее эхо?

Все! Пора!

Пора!

— Ну что, богоравные, начнем?

— Сам ты богоравный! — охотно откликается кто-то.

И уже ничего не изменить, не исправить, сейчас я накину пурпурный фарос, надену венец, сяду на каменный трон. На мой трон...

Нет, неправда! Это не мой трон! Это трон Адраста Злосчастного, трон дяди Эгиалея, трон Киантиппа, который просто не успел вырасти. Я — случай, меня кликнули, как зовут стражника, чтобы выгнать вора, забравшегося в дом.

...И над всем — над тронным залом, над Лариссой, над спящим Аргосом — тяжелая, железная тень всесильных Микен. Они не признают. Никогда!

Я — не первый.

Я — второй!

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

ИГРА АТРЕЯ

СТРОФА-I

Острые ногти скользнули по животу, врезались в кожу, оставляя ровные красные полоски. Не ногти — звериные когти. И пахло от нее зверем — маленьким хищным зверьком, привыкшим к крови и парному мясу. Не стонала, не кричала, не открывала глаз — и не отпускала, цепляясь когтями за мои плечи, за руки, за спину. Коротконогая, крепкая, губастая, плоскогрудая, с широкими мужскими плечами, с густым черным волосом на ненасытном лоне...

Наконец когти разжались: меня выпускали на свободу. Я облегченно перевел дух, потянулся к хитону...

— Богоравный ванакт разрешит мне засвидетельствовать свое уважение богоравному басилею Сфенелу?

Спросила, все еще лежа, даже глаз не открыв, колен вместе не сведя.

Я восхитился.

Басилисса какого-то городишки из элидской глуши, дальняя родственница Промаха Дылды, гостила у него в Тиринфе, заехала на денек в Аргос. А я еще удивлялся, когда она попросила о встрече!

С гостями-басилеями легче — выпьешь с ними чашу-другую-третью (четвертую!), и свободен.

...А на животе, правее пупка — пять красных полосок.

Звериная метка!

Править надо, сидя лицом к югу.

Это не я придумал — на одной хеттийской табличке было. Долго я понять не мог, почему именно к югу? Не к востоку, не к северу. А потом сообразил. Дело не в том, куда лицом. Просто править следует, не суетясь. Сидишь — а дела сами делаются. В этом и секрет. Мудрый правитель со своих плеч бремя снимет, на чужие возложит, а самому только поглядывать остается.

Дед мой, Адраст Злосчастный, так и делал. А я еще удивлялся, отчего это он из Лариссы носа не кажет. А зачем? Все и так шло, как должно.

Увы, за два года я так и не научился. Лицом к югу не получалось, и к востоку тоже. Ванакт Диомед правил, как челнок в ткацком станке.

Одеваться она не спешила, так и стояла у ложа — нагая, пахнущая лесом и терпким потом. Стояла, на меня поглядывала, словно жалея, что отпустила. Я заранее посочувствовал бедолаге Капаниду...

— Ванакт!

Спасен! В дверях — чернобородый Мантос, старшой охраны. На гостью даже не поглядел — привык и не к такому.

— Пора, ванакт!

Хорошо, что пора! Хорошо, что можно накинуть хитон, фарос, золотой венец... убежать.

Даже спиной я чувствовал ее улыбку — довольную, сытую, чуть снисходительную...

Ванакт-челнок помчался править дальше.

* * *

Теперь пора на колесницу. Самое время — Сфенел уже ждет, и Киантипп ждет, и кони бьют копытами по каменным плитам. День Геры Анфии, покровительницы славного Аргоса; значит, самое время ехать в храм — через весь город, торжественно, при венцах и свите. Добрые аргивяне с раннего утра возле ворот собрались — ждут.

— Я вожжи возьму! — это Капанид, басом.

— Я! Дядя Диомед, я! Ты же обещал! Дядя Сфенел, ты все время правишь!

Это Киантипп. Восемь лет парню, а характер — не подступись. Я бы и сам прокатился-промчался квадригой по аргосским улицам, но после звериной охоты (кто на кого охотился?) мне лучше вожжи не доверять.

— Туда — басилей Сфенел, обратно — басилей Киантипп... и басилей Сфенел.

— А почему только обратно, дядя?

Трудно блюсти мир в Арголиде!

За воротами Лариссы — толпа. Нечасто увидишь нас троих вместе, да еще на колеснице, в венцах и фаросах. Сотен пять собралось, еще столько же вдоль Деметровой улицы, по которой нам ехать, стоят.

Ну, сейчас начнется!

— Басилей Сфенел! Богоравный Сфенел!

— Киантипп Эгиалид! Киантипп! Киантипп!

— Сфенел! Анаксагориды! Анаксагориды-ы-ы! Анаксагориды — Аргос!

Обычай такой — приветствовать. Приветствовать, а заодно высказываться. От всей души.

— Сфенел Капанид! Сфенел Капанид! Ар-гос! Ар-гос!

Пока колесница у ворот стоит, пока охрана путь расчищает, нам следует улыбаться, кивать...

— Сфенел — ванакт! Сфенел — вана-а-акт!

Ну вот, началось! То ли родичи Капанидовы в город заехали, то ли и без них обошлось. Любят Анаксагоридов в славном Аргосе!

— Сфенел — вана-а-а-акт!

Самое время хватать Капанида за локоть. Что толку гонять крикунов? Накричатся — умолкнут...

Они не смирились — Анаксагориды, царствующий род. Не смирились — и не молчат. Вот уже два года, то тут, то там: «Сфенел Капанид — ванакт!» Я для них — случайный заброда на троне. Но Анаксагориды — не самое опасное. Они не скрываются, не точат кинжалы. А вот Амифаониды затаились. Алкмеон далеко, прячется где-то в аркадской глуши, Амфилох Щербатый навечно отрекся от венца (не Айгиалу же, их сестричку, дурочку конопатую, на трон сажать!), но их род не забыл и не простил.

И я уже не жалею о куретской охране, не отпускающей меня одного ни на шаг...

— Киантипп, быстрее вырастай! Киантипп, жениться пора! Киантипп — Аргос!

Улыбается маленький Киантипп. Приятно! А когда же про меня скажут? Впрочем, про меня больше поют. Вот сейчас затянут: «Диомед теперь наш главный...»

Ага, уже поют!

— Диомед теперь наш главный, Диомед над всем царит,
Все лежит на Диомеде, Диомеда слушай все!
Диомед над войском правит, он над Аргосом старшой.
Диомед, тебя мы любим! Отправляйся в Калидон!

Хорошо спели! Дружно!

— Тидид! Да чего ж это они? — басит Сфенел. — Да я их!..

Так и не привык, бедняга! Это еще ничего, иногда поют не «отправляйся», а «убирайся».

Чужак! Два года на престоле, и все равно — чужак. И ничего тут не поделать. Любят Сфенела, любят маленького Эгиалида, кое-кто еще вздыхает об Алкмеоне. Меня — только терпят.

Ну вот, можно ехать. Путь свободен, крикуны дух переводят, Капанид уже вожжами шевелит...

— Дядя Диомед! Дядя! — Киантипп обиженно шморгает носом. — А когда про меня тоже петь станут? Когда я вырасту?

Вот и правь, сидя лицом к югу, после всего этого!

А вначале думалось, что будет не так и трудно. Почти как в сказках, где ванакт все больше пирует, за кабанами скачет и врагов, что ни день, сокрушает. В сказки я и два года назад не очень верил, но после Куретии казалось, что дел будет не слишком много. Дяде Андремону — басилею Андремону — венец шибко голову не натирал. Война — понятно, басилей первый в бою. Еще суд — тоже понятно. Ну, и жертвы богам, само собой. А чего еще делать? С остальным народ сам разберется. Еще не хватало указывать, когда стада на зимние пастбища перегонять или как ячмень сеять!

Думалось — да иначе вышло.

Сначала понял — день слишком короткий. Потом — что и ночи не хватает. Затем — что мое время отныне не мое, а чье угодно — гонца, заезжего басилея (или басилиссы, как сегодня!), дамата-виночерпия, дамата-хлебодара, родичей (ой, сколько же их!). А еще войско, а еще ремонт храма Зевса Трехглазого, а ко

всему — десятки табличек, которые следовало прочитать еще вчера. Арголида — не Куретия. К сожалению.

Я бы, конечно, пропал. Я и так почти пропал, но все же не всеконечно. А не пропал потому, что все время об этом самом юге помнил. Много тут, конечно, не придумаешь, но кое-что...

Дядя Эвмел теперь — глава совета гиппетов. Долго я его уговаривал, умолял, кланялся. Умолил! И все полчища табличек (глиняных, алебастровых, деревянных) — тоже на нем. И то, кто еще так обычаи наши знает! Для гиппетов же почет — сам Эвмел Адрастид дрязги их гиппетские улаживает!

А Капанид коров считает. Кто же его знал, что царских земель в Арголиде нашей — за год не объехать? Пришлось Сфенелу богоравному нашими стадами и пашнями заняться. Тем более мы с ним оба — опекуны Киантиппа, так что дел у Капанида — решать не перерешать.

С войском тоже удачно вышло. Лавагетом теперь Эматион, Эматион Пандионид. А кого еще было ставить? Он — из учеников дяди Эгиалея лучший. Шептали мне на ушко иные имена, да я слова дядины не забыл. Зачем мне богоравный лавагет с кучей родичей и мечтою о золотом венце?

Так и правим. А мне самые мелочи остались: на троне сидеть, щеки надувая, в храмах дымом жертвенным дышать, гостей встречать, провожать, ублажать (как сегодня, например), да еще остались в моем ведении соседи, ближние, дальние, заморские: Пилос, Спарта, Аркадия, Мессения, Аттика, Беотия, Дельфы, Эвбея, Крит, Самос, Милаванда. И моя Этолия осталась.

А еще — Микены! И в первую очередь — Микены!

...Вот и доехали до храма! Тут тоже толпа, хоть и поменьше. Значит, опять улыбаться, про Сфенела-ванакта слушать, затем — столбом у алтаря стоять, гнусавящему жрецу внимая. А потом... Потом самое время исчезнуть. Для того в храме подземный ход имеется — под улицей идет, под дома подныривает. Далеко — до самой городской стены. А там, у Диркских ворот, домик маленький стоит, желтой черепицей покрытый. А в домике том ставни заколочены и дверь никогда не открывается...

* * *

— ...Богоравный Атрей приказал казнить начальника колесниц. Тайно казнить. А еще приказал объявить, что скоро покинет город. Не сам — с сыновьями...

Купец-лазутчик говорит шепотом, то и дело оглядываясь, словно всесильный Атрей даже тут имеет соглядатаев. Честно говоря, я бы не удивился, хотя у дверей закрытых — мои гетайры, и у подземного хода они же, а в горнице нас трое: мы с разговорчивым торговцем и дядя Эвмел. Я слушаю, вопросы задаю. Дядя Эвмел на нас не смотрит, таблички на столике перекладывает.

— Отъезд будет представлен как бегство. Якобы богоравный Атрей вынужден покинуть город из-за брата...

Я только вздохнул. Один Дий Подземный знает, что за игру ведут там, в Микенах! С Эврисфеем понятно — в трон корнями врос, никого к себе не пускает, даже с родичами чаще всего через Копрея-глашатая общается. Правят же Пелопиды — Атрей с братом Фиестом. Почти полвека вместе правят — ссорятся, мирятся, играют в ссоры и снова играют — уже в примирение. Поди разберись! То золотой жезл Пелопсов поделить не могут, то из-за жены чьей-нибудь ругаются, то друг друга изгоняют — и снова мирятся, снова вместе правят.

(А еще болтают, будто Атрей Фиестовых сыновей убил и папаше скормил за обедом под гороховой подливой. А тот его жене яду подсыпал. Интересно, кто эти слухи сочиняет? Не удивлюсь, если они сами — Атрей с Фиестом.

Игра у них такая!)

— Богоравный Атрей послал также тайных гонцов в Дельфы и Афины. И в Калидон...

...Уж не к дядюшке ли Терситу? Хотел же удавить мерзавца, хотел! Даже веревку припас! Да вот не сложилось.

— И еще, ванакт... Богоравный Атрей с Эврисфеем говорил. О чем — неизвестно, но в конце сказал: «Скоро!..»

Лазутчик облегченно вздыхает. Все! Можно брать серебро и исчезать — все тем же подземным ходом. Но не всех этот ход спасал. За два последних года три лазутчика сгинули. Двое — без следа, третьего у Львиных ворот бронзовыми гвоздями к дереву прибили.

Тяжела длань микенская!

— И что скажешь, дядя?

Теперь нас в горнице двое. Но дядя Эвмел не спешит. Молчит, таблички алебастровые перекладывает. Налево — направо, налево — направо...

— Понимаешь, Тидид, Пелопиды ссорятся тогда, когда хотят всех убедить, будто в Микенах плохо. Соседи облегченно вздыхают, поворачиваются спиной...

Дядя прав. Пролетел слух о съеденных сыновьях Фиестовых, пролетел-прогремел, всех в столбняк вгоняя. А микенская армия уже у Орхомена стоит: открывай ворота!.. Заговорили о баране волшебном, который в сундуке Атреевом хранился (баран! в сундуке!) и Фиестом-злокозненным исхищен был, а микенские колесницы уже по коринфским улицам колесами стучат!

— Значит, война, дядя? С нами?

А что же еще? Недаром Атрей сказал: «Скоро!»

Не спешит дядя Эвмел, таблички перекладывает. Налево — направо, налево — направо.

— Еще нет, Тидид, еще нет... Затылок у них чешется.

И вновь он прав. Два года мы ждали войны. С того самого дня, как я надел венец, с того самого часа, как гонец Эврисфея привез поздравления новому *басилею* Аргоса. Поэтому и езжу я каждый год в Фивы и Калидон, поэтому и гощу у чернобородых родичей-куретов. Чешется затылок у владык микенских! Боязно повернуться им лицом к Аргосу!

Пока еще — боязно.

Но кто знает, может быть, и решились братья Пелопиды мне укорот дать. Фивы после разгрома не город уже — городишко, Ферсандру, братцу моему двоюродному, большого войска не собрать. А Этолия далеко — за горами, за морем. Решились бы — если б не дядя Геракл.

Вот уж не знаешь, что беда, что благо! Месяцев через восемь после нашей последней встречи пришлось дяде Гераклу из Калидона уехать. Дурость какая-то случилась. На пиру у Ойнея (нашел дядя к кому на пир ходить — к Живоглоту!) зашиб он какого-то сопляка из Живоглотовых родичей. Хлипок сопляк оказался — одна затрещина, и сразу — на костер.

Я уже вступиться хотел, и не я один. Да только дядя не послушал — собрал добро и распрощался. Вся Ахайя думала, куда теперь вечного скитальца занесет?

А занесло его аккурат к дорийцам. Вот тут-то я наши с Гиллом разговоры и вспомнил!

А когда дядя легко, словно и не шестой десяток ему пошел, разнес-разметал воинство Корона-лапифа, что на дорийцев вздумал войной пойти, когда разгромил Лаогора Дриопского, ясно всем стало — проснулся Великий Геракл. Отоспался в тихом Калидоне — и вновь ГЕРАКЛОМ стал!

И — дрогнула Эллада!

А потом еще весть пришла: Эгимний, дорийский вождь,

Гилла Гераклида усыновил и наследником сделал. Все удивлялись — да только не я.

И в Микенах не удивлялись. Не надо Атреем-многомудрым быть, чтобы понять: на юге Аргос, на западе Фивы и Этолия, а на севере дядя Геракл с дорийцами. Сидит в своих Трахинах, дубину в руках сжимает и на Микены поглядывает.

Нет, не забыл Великий Геракл Эврисфея, не забыл, как его унижаться перед этим недоделком заставляли. И Пелопидовой гордыни не забыл. Слишком рано его в детскую сказку скучать отправили. Не зря он мне о последней битве говорил!

Вот и приходится Атрею затылок чесать, о железных дорийских мечах думать. И Гераклову дубину вспоминать.

Трещать чьим-то ребрам!

Но Атрей сказал: «Скоро!» А ведь Атрей...

— Атрей — не загадка...

Дядя наконец отложил таблички, вздохнул, лицо потер.

— С Атреем все ясно, Тидид. Ты правильно говорил: он, как и Адраст, мой покойный отец. Чего хочет — понятно. Власть — настоящая, не кажущаяся, великая держава, поход за море... Это не ново, не он такое выдумал. С Эврисфеем тоже ясно — болванчик на троне, злобный, всего боящийся... А вот Фиест...

И снова дядя не ошибся. О Фиесте мы почти ничего не знаем. Он редко покидает Микены, ни с кем не встречается, не выходит из тени. Все, что говорят о нем, — всего лишь слухи. Будто бы Атрею он не просто брат, а брат-близнец, не отличить, будто бы Олимпийцев не чтит, а поклоняется то ли даймонам, то ли призракам из Гадеса. И будто бы слуги у него есть — не думающие, не рассуждающие, только ему покорные. Не слуги даже — мертвецы ходячие.

Хочешь — верь, хочешь — на себе испытай!

— Я понимаю так, Тидид. Фиест хитрее. Все эти годы он брату поддакивал, подыгрывал, в сторонке держался. Как бы в сторонке... Атрей правит, Атрей повелевает, а Фиест... Фиест ждет. А вот чего? Он — не наследник пока, наследник — Атрей; может, в этом дело?

— Есть еще один наследник микенский, — усмехнулся я. — Гераклом зовут.

И не я один так считаю — вся Ахайя, вся Эллада. Ведь именно своему сыну Дий-Зевс Микены предназначил! Не пришел ли час волю Отца богов выполнить?

— И это тоже, Тидид...

Дядя Эвмел нащупал палочку, с трудом приподнялся. Бедный дядя! Уже и не ходит почти, и на колеснице не ездит. Толь-

ко и осталось — на носилках путешествовать. А ведь ему и сорока нет! Да какое там сорок — тридцать с небольшим!

...Ядовитое семя! Все мы, в чьих жилах — ИХ кровь!

— Ох, Тидид, не понравилось мне это Атреево — «Скоро!»...

И мне не понравилось. Поэтому прямо тут, на этом столе, где горой навалены тайные таблички, я сейчас напишу приказ Эматиону-лавагету, и Амфилоху Щербатому напишу, он сейчас как раз в Тиринфе, рядом с микенской границей, а еще Промаху и Полидору...

Скоро! Что — скоро?

* * *

— Тебя совсем замучили, господин мой Диомед! Мужчины и... женщины тоже!

Рука Амиклы касается звериной метки на животе. Я виновато отворачиваюсь.

...Ее хитон на полу, и гиматий на полу, и сандалии, и мой фарос вкупе с хитоном тоже. И венец золотой там же. Так сюда в венце и пришел — не было времени переодеться.

— Мы так редко видимся с тобой, господин мой Диомед, а когда видимся, тебя уже другие выпили, копье твое уже не копье, уколешь — не почувствую...

— Еще как почувствуешь! — возмущаюсь я, прижимаясь лицом к ее животу, к лону, к бедрам. А ее губы уже скользят по моей коже, вызывая привычную терпкую дрожь, я трогаю рукой ее грудь, сжимаю...

— И не почувствую, не почувствую, — шепчет она, почти не отрывая губ. — Ты не ванакт, ты, как и я, служитель Киприды, только я должна любить всех мужчин, а ты — женщин, бедной Амикле остается только тебя съесть, съесть, съесть!.. И я тебя съем, господин мой Диомед, а потом найду ту девку, грязную вонючую девку с кривыми ногами, которая посмела тебя украсть, и буду жечь ее горячей бронзой, а потом пойду на улицу и стану любить мужчин, всех подряд, много мужчин, с крепкими копьями, не то что у тебя...

— Ах ты!..

...И нас уже нет, мы стали ночным ветром, заревом, туманом над лесной поляной. Только серебристый свет перед глазами... Поступь ее благородна... глубоко и таинственно лоно... стройные бедра словно ведут на ходу спор о ее красоте... о ее красоте...

В храмовые дела я не вмешиваюсь. Боги сами о себе позаботятся! Только один раз и пришлось. Амикле, старшей жрице храма Афродиты Горы, уже не нужно бродить по аргосским улицам, собирая серебро для многолюбивой богини. Стрепсиад-скопец, услыхав мое повеление, только кланялся, кланялся, кланялся... Амикла живет в нашем доме на Глубокой — новом, отстроенном, и все хорошо у нас, то есть почти все...

Почти все...

— Но почему, Амикла? Может, к знахарю, к гадателю?

Она качает головой, кусает губы. Вот-вот заплачет! Я обнимаю ее худые плечи, глажу по голове...

— Я... Я была у знахаря, господин мой Диомед. Была... Только к чему он? Все и так понятно. Слишком многих мужчин я любила — до тебя. С десяти лет я при храме... У таких, как я, редко бывают дети...

Не помогает ничего — ни травы, ни молитвы, ни жертвы Гере Анфии. Казалось, что проще? Вон, у Капанида сынок уже басом отцовским ревет, кормилиц пугает! А маленького Ферсандра дочери уже второй год пошел...

— Я к оракулу пошлю, в Дельфы! К Зевсу Додонскому...

Заплакала — тихо, беззвучно. Пора уходить, ночевать лучше за стенами Лариссы, потому что с рассветом у ванакта-челнока новые дела, горы дел, моря, некогда не только сидеть лицом к югу, даже утешить любимую времени не хватает...

— Останься, господин мой Диомед! Когда ты рядом, то все хорошо... Останься!

И я послал все к воронам, к Гадесу, к Дию Подземному, я обнял ее дрожащие плечи, прижался губами к ее мокрой от слез щеке...

* * *

— Боги завистливы, сынок! МЫ завистливы. Не желай большего!

— Но почему, мама?

Мы редко теперь разговариваем. А видимся — еще реже. Только во сне или, как сейчас, среди ночного мрака. Мама боится, ведь я уже взрослый, а ОНИ завистливы, и маме все еще кажется, что ее маленького Диомеда можно спрятать, уберечь...

От чего, мама? От Гекатомбы? От последней битвы?

Не спрятаться мне, мама!..

— Пожалей эту девочку, сынок! Пусть все будет, как есть. НАША кровь... Она не приносит счастья.

— Но разве дети — это плохо?

Мама молчит. Странно, ее голос рядом, а она сама — где-то далеко. Хотел бы я знать, где!..

— Моя мать погибла, чтобы дать мне жизнь. Аргея, жена твоего папы, умерла, рожая девочку. Я хотела их спасти — не смогла...

Тетя Аргея лежит рядом с папой на Поле Камней. Она умерла, и девочка ее умерла, поэтому все думают, что я — ее сын. Иногда мне снится сестра — та, которая так и не смогла сделать первый вздох. Ей бы уже было, как и мне, восемнадцать...

— Я не хотела, чтобы ты становился ванактом, Диомед! Не хотела, поэтому не отвечала, когда ты спрашивал. Ты сам решил — решил именно так! Но учти: ванакт — солнце, а солнце сжигает тех, кто стоит слишком близко. Пожалей эту девочку, спрячь ее, увези!

— Зачем? Почему, мама?

Мама молчит, в горнице тихо, еле слышно дышит Амикла, ее рука все еще обнимает меня за плечи...

— Тидид!

Глаз можно не открывать. Сфенелов бас я узнаю сразу, да и не пропустят мои куреты в дом никого, кроме Капанида. Костьми лягут — не пропустят.

Приказ!

— Тидид! Тут... это...

Вечно какое-нибудь «это» — и всегда среди ночи! Ну, что еще там?

— Капанид, если тебе нужен венец, он на полу валяется! Бери — и дай поспать!

— Радуйся... радуйся, Сфенел!

Ну вот, Амикла проснулась!

— Тидид!!!

Я понял — глаза придется открыть. Открыть, привстать...

— Тидид, беда! Беда, понимаешь?

И тут я проснулся.

...Желтое пламя светильника, черные тени по углам. В гла-

зах у моего друга — ужас. В глазах у моего друга — боль. Невыносимая, страшная.

— Геракл... Гонец только что прискакал... Геракл...

Нет, нет, нет!

НЕТ!!!

* * *

От дыма першило в горле, запах горелого мяса впивался в ноздри, золотой венец на голове словно раскалили добела...

— *...Зевсова сына Геракла пою... пою, меж людей земноро... земнородных лучшего... в Фивах его родила славных... хороводами славных...*

Гимн только что сочинили, жрец путал слова, испуганно косясь на темный лик Зевса Трехглазого. А может, не путал — просто плакал. Как и мы все...

— *С Зевсом-Кронидом в любви... в любви сочетавшись, царица Алкмена... Некогда, тяжко... тяжко трудяся на службе... службе царю Эврисфею...*

Мы плакали, хоть нам приказали радоваться. Сам Отец богов, Зевс-Кронион, возвестил, чтобы по всем храмам, по всей Элладе вознесли молитвы новому богу-Олимпийцу, богу Гераклу...

Прощай, дядя Геракл! Легкой тебе дороги, куда бы ты ни шел!

Хайре!

— *...По бесконечной земле он... и по морю скитался... Страшного много и сам совершил, да и вынес немало...*

Рядом сопит Сфенел, рядом рыдает маленький Киантипп. А ведь он даже не был знаком с тем, кто стал новым богом!..

...И тети Деяниры больше нет. И Лихаса нет. Все погибли! Их тоже — на небо? Ответь, Трехглазый! Сам ТЫ руку приложил? Послал кого-то из НИХ? Или просто шепнул на ухо кому-то очень понятливому?

«Скоро!» — сказал Атрей Великий. Вот оно — «скоро!»...

Молчит Трехглазый Зевс, кривит надменные губы. Хочется крикнуть прямо в темный бородатый лик, ударить кулаком по старому дереву...

— ...Ныне, однако, в прекрасном... прекрасном жилище на снежном Олимпе в счастье живет...

Ну конечно! Дядя Геракл на снежном Олимпе, в счастье живет, а в Микенах уже думают, когда (и куда!) посылать колесницы, но даже не это главное, не война, которая теперь непременно начнется...

Без Геракла... Как мы все — без Геракла? Пока он жил, мы все были выше на целую голову — на его седую голову...

— Помянем, — шепчу я Сфенелу. — Кончится это... козлодрание, помянем. Его — и тетю Деяниру...

Мой друг молча кивает. А я вдруг понимаю, что все это — только начало, все это — только крик Керы, а самое главное (страшное?) впереди...

...Далеко-далеко, под всеми мирами, под черной громадой Космоса, Крон-Время вновь закрутил свое колесо. Сначала медленно, не спеша, потом все быстрее, быстрее...

«...Ты не сможешь всю жизнь прятаться, и твои друзья — тоже. Вы — последние, и битва, которая вам предстоит, — тоже последняя. Ну и что? И боги не вечны... Слабого судьба тащит на веревке, того, кто сильнее, — за руку ведет, а самый сильный сам судьбой становится...»

* * *

— Что же будет, мама? Что случится?

— Почему будет, сынок? Уже есть, уже случилось...

АНТИСТРОФА-I

Значки на деревянной табличке никак не хотели складываться в слова. Расползались тараканами, убегали за края...

— Дядя Эвмел! — жалобно позвал я. — Тут... Тут чего-то!..

— На Древнем языке? — невозмутимо отозвался он.

— Если бы на Древнем, — вздохнул я. — Дядя, а разве богинь замуж выдают?

На этот раз мы собрались не в домике у Диркских ворот, а в Палате Печатей. Печатей тут как раз и нет, а вот табличек — полные полки. Под самый потолок. Здесь можно найти любую с Девкалионовых времен (кроме самых тайных, конечно).

Чтобы дяде не вставать, я отнес табличку с непослушными

значками сам. Дядя Эвмел вздохнул, приладил сверкающий хрусталь под веко.

— Ну-ка, ну-ка... «Атрей в Спарте, сватает Елену за Агамемнона...» Елену? Гм-м...

То, что Атрей в Спарте, я, конечно, знал. С Тиндареем Спартанским они давно дружат (если, конечно, находится, против кого). Теперь, когда Атрея в очередной раз изгнали (изгнали?), он решил наведаться на берега Эврота, прихватив с собой наследников — носатого и белокурого. Сейчас меня куда больше интересовал не он, а Эврисфей. Надо же, воевать собрался, развалина! И с кем? С Афинами! Приютили, видите ли, родичей Геракла!

(Вот она — война! Пока еще — не с нами. В Аттике после смерти Тезея неспокойно, Афины кажутся легкой добычей.)

Эврисфей на колеснице — упасть можно. От смеха. Но микенское войско — это не смешно. И тут — Елена!

Дий Подземный разберет эти микенские игры!

— А что, Тидид? — Дядя задумался, забарабанил пальцами по столику. — Неглупо, неглупо, совсем неглупо...

— Но ведь Елена — богиня!

— Вот именно, Тидид, вот именно...

Мы все привыкли, что где-то рядом, неподалеку живет богиня. Елена, дочь Зевса, — последняя, кто еще не покинул землю. Золотоволосая, прекрасная, нестареющая, несущая счастье, дарующая добрый урожай, красивых детей. Словно там, в Спарте, все еще продолжается Золотой Век — счастливый век, когда боги и люди еще жили вместе. Ей строили храмы, ей возносили молитвы. Да, все мы привыкли, что Елена, Прекрасная Елена, тут, с нами, к ней можно съездить в гости, познакомиться, потолковать о жизни...

— Трон Геракла опустел, Тидид...

— Какой трон, дядя? — поразился я. — Ведь Геракл не был ванактом, не был даже басилеем!

— Не понимаешь? — Дядя грустно улыбнулся, вынул сверкающий хрусталь из-под века. — Ему не нужен был золотой венец. Его трон стоял выше микенского. Пока Геракл жил с нами, он был ПЕРВЫМ. И никто, никакой Эврисфей — да что там Эврисфей! — не мог стать с ним вровень. А теперь Геракла нет...

— ...И в Микенах решили, — подхватил я, начиная понимать, — то есть Атрей решил...

— ...Что место Геракла должен занять другой. Не бродяга, не вечный изгнанник, а ЦАРЬ ЦАРЕЙ. Титул ванакта — еще не все, а вот если над Элладой воцарится муж богини...

— Бог Агамемнон, — хмыкнул я. — Агамемнон Носатый, Агамемнон Зазнайка...

— Не смейся, мальчик! Я тебе уже говорил: придумано ловко. Атрей сейчас (якобы!) изгнанник. Кто упрекнет Тиндарея, что он выдал дочь (пусть и не *свою* дочь!) за сына друга, попавшего в беду? К тому же свадьбу сыграют быстро, без лишнего шума. А Эврисфей тем временем идет на войну — на глупую войну, ненужную войну. Больной, боящийся всего старик! А наследуют ему, если что случится, не его дети, а...

— ...А Пелопиды, — кивнул я. — У Атрея-ванакта будет невестка-богиня. И внуки-боженята... Сначала будут говорить, что в Микенах правят потомки богов, а потом скажут просто...

— ...Боги, — кивнул дядя Эвмел. — Великим Царством будут править боги. Вот так, Тидид! Но знаешь, мне куда интереснее даже не это. Что придумал Атрей — ясно, а вот что замыслил Фиест...

Но я уже не слушал. Фиест, что бы он ни замыслил, — потом! Сейчас — Атрей. Атрей и Елена! Нет, не так, Атрей, Елена и Агамемнон!

Я вскочил, подбежал к окну, рванул ставень, вдохнул горячий летний воздух.

...Надо!...

А что — надо? Если бы... Да, точно! Обычай! Кажется, есть такой обычай...

— Тидид! — позвал дядя, но я только отмахнулся.

...Кто сейчас из наших в городе? Сфенел и... Амфилох! Оба женатые... А, ерунда, пусть хоть дважды женатые! Главное, есть обычай, давний обычай сватовства, святой, нерушимый. Если один сватается, то и другие могут приехать. И все они — желанные гости, от всех примут дары, всех выслушают. Всех!

— Эй!

Я редко кричу. Сержусь — еще реже. Боюсь — река, невидимая река совсем рядом. Последние два года боги хранили, не давали сорваться...

— Эй!!! Сюда!

Дамат-придворный из дневной череды вбежал, застыл, стараясь не моргать.

— Гонцов! Во все города, всем басилеям! Сообщить: Елена — богиня Елена, дочь Кроиона — выходит замуж! Тиндарей принимает сватов. Быстро! Гонцам — лучших лошадей! Да чего стоишь, скорее!

И что ты теперь придумаешь, хитромудрый Атрей?

* * *

— Выезжаем завтра, ребята! Лучшая одежда, лучшее оружие, лучшие кони. И даров — побольше! Мы — Аргос, не забыли? И чтобы все сверкало, как у гекатонхейра...

— ...уши, — вздохнул Амфилох. — Тидид, а что мне жене сказать?

Капанид и на это не сподобился. Только рот раскрыл — на ширину колчана. Бедняга!

— А женам скажете, что Аргос в опасности! — отрубил я. — Все! В поход! В Спарту! К Елене! Свататься!

* * *

Бьют о камень копыта, трясут темными гривами кони...

Хей!

Дороги у нас такие, что по ним не колесницей ездить — верхом пробираться. И то — на кентавре. Им, говорят, любые колдобины нипочем. А вот от Селассии до Спарты не дорога — стадион: ровная, широкая, плиты каменные встык подогнаны. Кто построил, когда — уже и забыли. До потопа еще, наверное. Если так, спасибо тельхинам с гелиадами!

Мчимся — рвутся вожжи из рук.

Копыта стучат, поскрипывает сухим деревом колесница. Кровные кони так и рвутся — соскучились, постромки разрывают, словно в полет просятся.

Гони! Хей!

И — только ветер в ушах!

Обоз отстал, и свита отстала, только гетайры впереди (эти не потеряются!) и мы втроем...

— Капанид, догоняй! Хей!

— Вы куда-а-а-а?

Обогнали! Слева Амфилох, я справа, морда к морде идут

кони. Щербатый усмехается, щерится, в правой руке — вожжи, в левой — кнут. Крепок — одной рукой правит!

— Хей! Хей!

Мы уже не мчимся — летим, стучат копыта, развеваются гривы. Еще миг — и в воздух птицами воспарим!

Хей!

Амфилох кнутом поигрывает, на меня поглядывает, но не спешит коней подгонять. С кнутом каждый сможет, кнут — дурное дело. Коней бить — друзей бить!

Летим!

Морда к морде, колесо к колесу. Горячий воздух в лицо бьет, пот глаза заливает, с неба Гелиос-Солнце огнем пышет. Хорошо! А сзади грохот — это Сфенел догоняет.

— Елену замуж мы возьмем! — ору я.

— Тепелла-пелла-пей! — хохочет Щербатый.

— Ее мы в Аргос привезем!

— Тепелла-пелла-пей! — Капанид сзади (ба-а-асом!).

— И будет нам она жена!
Тепелла-пелла-пей!
На всех троих всего одна!
Тепелла-пелла-пей!
Нам Зевс-Кронион будет тесть.
Тепелла-пелла-пей!
На золоте мы станем есть.
Тепелла-пелла-пей!..

Летим! И только копыта стучат. Громко стучат, по всему Пелопоннесу слышно, по всей Элладе. Проснулись богоравные баси. И не богоравные — тоже проснулись. Елену замуж отдают! Все в Спарту! Кто быстрее?

Хей! Хей! Хей!

— А Гера тещей будет нам!
Тепелла-пелла-пей!
Ее отправим жить к врагам!
Тепелла-пелла-пей!

Отовсюду мчат женихи, коней гонят. Не отдадим Елену Прекрасную, нашу богиню, заносчивым микенцам! Покрутись, Атрей! Одного — напугать можно, двоих-троих — подкупить, а если ВСЕ приедут?

Смеется Амфилох, похохатывает Капанид, летят колесницы, щиплет глаза горячий пот...

Хей!

— Микенам нас не обойти!
Тепелла-пелла-пей!
Пусть убираются с пути!
Тепелла-пелла-пей!
Нас, Агамемнон, не согнуть!
Тепелла-пелла-пей!
Ты о Елене позабудь!
Тепелла-пелла-пей!

Старое правило — ввяжемся в бой, видно будет. Напрасно мама боится, напрасно обратно советует повернуть. Ловушка, думает. Да какая ловушка? Да-а-авно хотелось горделивым Атридам нос натянуть! И нам хотелось, и всем остальным. Вот и настал час.

А даже если ловушка — прорвемся!

Гони, Щербатый, не отставай, Сфенел, стучите копыта!

К Елене! Хей!

Летим!

* * *

Думали, первыми приедем. А оказалось — чуть ли не сотыми. Шум возле Тиндареева дворца многоголосый, беготня, весенняя ярмарка. Очумелые слуги угрями на углях мечутся, не знают, чьих коней первыми распрягать. Серебро блестит, золото сверкает...

— Диомед! Радуйся, Диомед!

Ну надо же! Любимчик! Одиссей Лаэртид! Раньше нас успел!

— Слушай, Диомед, я так рад! Тут такое! Такое!..

— Такое! — согласился я, с колесницы спрыгивая и руку ему с великой опаской подавая (ой, лапища!). — Ну чего, женимся?

Смутился, за три волосины, что под подбородком выросли, дернул. А повзрослел Любимчик! Плечи — в двери не пройти, скулы камнем затвердели, от веснушек следа не осталось. И фарос новый, в золотых нитях, и венец на рыжей башке.

Жених!

— Тут такое, Диомед! Я тебе сейчас расскажу...

* * *

— Радуйтесь, мои дорогие гости! Радуйтесь, богоравные! Великое счастье пришло в мой дом! Счастье!..

Задохнулся воздухом Тиндарей Ойбалид, басилей Спартан-

ский, закашлялся. От счастья, видать. Долго кашлял, глаза вытирал, по седой бороденке сухими пальцами водил. (Сколько же ему годков, развалине? Под сто — не меньше!)

— Настал час выдать замуж мою... э-э-э, Елену, Елену Прекрасную, гордость земли нашей...

Снова кашляет. Кашляет — и на нас, у крыльца дворцового собравшихся, глазами совиными смотрит. А в глазах радость плещет, переливается. До ужаса рад нам всем Тиндарей Спартанский. До смертного ужаса!

А мы — внизу, полукольцом, толпой богоравной. Ой, и сколько же нас здесь!

Все приехали! ВСЕ!

Ни запомнить сразу, ни взглядом окинуть. Фаросы, критские накидки, сидонские плащи. И венцы, венцы, венцы!

На том, что слева от меня, — венец серебряный. Патрокл Менетид из северной Фтии. Моих лет парень, а на висках уже волосы снегом белеют. О нем я слыхал — изгнанник, как и мой папа. Бедняга! А справа — здоровяк, Капанида в плечах пошире. Лицо красное, кровью налитое, словно с перепою, венец золотой в лоб бычий впился. Аякс, сын Теламона, дяди Геракла давнего друга.

Атриды, понятное дело, в первом ряду. Насупились, носы свои длинные выставили. А вот Атрея самого не видать! Спрятался, Великий!

— И теперь, в честном соревновании, как и велит ахейский обычай, вы изберете того, кто станет моим... э-э-э, дорогим зятем и мужем...

Обычай! То-то!

От рукопожатий ладонь болит, от приветствий в ушах звон. И каждый второй интересуется, как это я Фивы взять сумел? Это каждый второй. А каждый первый — про Аргос спрашивает. Удивлялся я вначале, а потом понял. Они ведь и не воевали почти, все эти богоравные! Тихо в нашей Ахайе в последние годы. Если и сражаются — то из-за трех коров. Только мы, эпигоны, и прогремели (если Геракла с дорийцами, конечно, не считать).

— Сейчас же прошу вас, моих дорогих гостей, на славный... славный...

Снова кашляет! Кашляет, скипетром золотым трясет. Вот-вот уронит!

Капанид и Амфилох сзади, в затылок мне дышат. А вот Любимчик исчез. И есть он, и нет его, а в общем, всюду он, Лаэр-

тид Итакиец. То слева его рыжая башка вынырнет, то справа. Со всеми уже знаком, всем уже друг...

— ...На славный пи-и-ир!

Высказался, хвала богам! Это же сколько овец ему зарезать сегодня придется? Боком Тиндарею сватовство наше выйдет!

А вокруг уже — крик, а вокруг уже — рев. Раскраснелись лица, загорелись глаза. Попируем, богоравные, хлебнем самосского, зря, что ли, ехали, коням подковы стирали!..

И вдруг — смолкло! Разом, словно кто невидимый мокрой тряпкой голоса вытер. Те, что ближе стояли, колоннами застыли, кто подальше — шею вытянули и тоже замерли...

...Маленькая женщина в легком голубом гиматии стояла на ступенях. Ветер играл золотистыми волосами...

Раскрылись рты, выстрелили жарким потом ладони, звякнул о камень чей-то венец, с головы соскользнувший.

...Маленькая женщина улыбнулась, кивнула, чуть поправила золотые пряди...

— А-а-а-а-а-а-а-а-ах!!!

Единым вздохом толпа выдохнула. Выдохнула — вдохнуть не решилась.

Елена!

* * *

— Да чтобы такую Агамемнону отдать? Да никогда!

— Костьми ляжем, не отдадим!

— Не отдадим! Стеной встанем!

Кружится голова, и ноги вот-вот в танец пойдут. Крепко выпить пришлось с богоравными! Увы, здесь злого молока не знают, да и разбавлять не любят.

— Скажем, чтобы все по обычаю было!

— На колесницах бега!

— И на копьях, и на копьях чтобы! И лук!..

Темно в саду дворцовом. Даже Луна-Селена за тучи спряталась. Допоздна гуляли, кое-кто и догуливает еще.

— И чтобы все вместе, заодно! Чтобы по обычаю было!

— По обычаю, по обычаю!

Кричат, друг друга переорать стараются. Полипойт, Пиритоя-богоборца сын, Агапенор Анкеит, Талпий Ойхалиец, наследник Эврита-лучника, близнецы Схедий и Эпистроф, два Аякса: большой Теламонид — лобастый и маленький — Оилид Эвбеец...

Мне и слова сказать не дали. А я и не рвусь. Пусть орут, пусть кулаками машут. Не сдюжить тебе, Атрей, со всей Элладой!

— Богоравные, а тут я вам скажу, служаночки! Козочки! Телочки!

— Так неудобно, Талпий, мы вроде как эти... женихи!

— И ничего неудобного, Филоктет! Это тоже обычай. А то застоимся в чреслах-то! Перед невестой опозоримся!

— Гы-гы! Га-га-га-га!

— Богоравные! А я знаю, как в дом пройти, где людская!

— Веди-и-и-и!

Гогот, топот — и я уже один. Только цикады трещат-стараются, в пляску зовут. А вот и Селена из-за туч выглянула! Правильно, что пряталась, с этой оравой и богине туго придется!

Эх, если бы еще голова не кружилась!

— Ты этого хотел, Диомед?

Обернулся.

Протрезвел.

Мама!

...Худенькая, в гиматии темном, на голове накидка, лицо совсем юное, незнакомое.

Ну так я маму всегда узнаю!

— Мама! Ты... Почему?

Не ответила, вдаль посмотрела. Туда, куда орава пьяная убежала.

— Думаешь, это ты придумал, сынок? Собрать всех разом, натравить на Микены, на Атрея, на Агамемнона? Знаешь, что бывает, когда гончие упустят добычу?

— Новую найдут, — улыбнулся я.

— Или друг друга рвать станут. Я здесь из-за тебя, мальчик. Слишком много глупостей ты наделал.

— О чем ты, мама? — возмутился я. — При чем здесь...

— Молчи! — крикнула она, и я похолодел от ЕЕ голоса. — Отец... МОЙ отец все никак не мог решить, как всех вас лучше собрать? Чтобы всех сразу! Не забыл?

— Но ведь это не война! — пробормотал я. — Это не война, мама!

А у самого кончики пальцев заледенели.

Гекатомба! Всех вместе, всех сразу!..

— Пока еще не война, сынок! Пока... Думаешь, Атрей не выкрутится? Да ведь ему тоже вас всех стравить — слаще меда! Еще не понял?

Не понял. Но уже начал понимать.

— Надо уезжать. Дары вручить — и уезжать. Но, боюсь, уже...

— Диомед! Эй, Диомед!

Фу ты! Заговорились!

Любимчик! Подбежал, фарос нараспашку, волосы рыжие торчком...

— С кем это ты? Радуйся, красивая!

Я замер. Обмер. В истукана превратился. Жалко Лаэртида! Останутся сейчас от него одни сандалии. И то едва ли.

Расплавятся!

— Ой! — это мама. Мама?!!

— Не бойся, красивая! Я Одиссей, с Итаки. А ты откуда?

И улыбается! А мама...

— Я Арсиноя, Тидида сестра. Троюродная, из Куретии. Ой, Одиссей, а где это — Итака? Это далеко?

Плохо мне стало...

* * *

Звон, крик, уханье, стук, гогот, стоны. Копья — в щепки, щиты бронзовые гулом гудят. В самом разгаре потеха. Богоравные герои удаль показывать изволят!

А я в сторонке сижу, травку жую. Вроде как ни при чем. Горькая травинка попалась!

— Эй, Подалирий, выходи! Щас сделаю тебя!

Кто там такой страшный? Ну конечно, Аякс Теламонид, здоровило бычелобое. Покраснел, пыхтит, копье в лапище сжимает. Плохо сейчас Подалирию придется, хоть и Асклепиев он сын!

— Диомед, а может, мы с тобой на мечах? Деревянных?

Эге, длинный нос, кудри белокурые...

— Тебе все еще на бронзовых нельзя, Менелай Атрид?

Плечами дернул, рядом со мной на траву бухнулся. Травинку сорвал...

— Мне все можно, Тидид! Кровь только...

— Пелопсова? — восхитился я. — Благородная больно?

(А Теламонид-то молодец! Сделал Подалирия, теперь сразу двумя занялся. Ну, бычок!)

— Гнилая, — вздыхает белокурый. — Царапина если — неделю не заживает. А поглубже — вся вытечет. Слыхал о таком?

Посмотрел на него — не поверил даже. Потом еще раз взглянул...

— Ты что, Менелай? Правда?

Отвернулся белокурый, губы ниточкой сжал...

(А Теламонид уже целыми тремя занялся! Ну и грохот!)

— Такие, как я, и не выживают обычно, Тидид. И дети у нас больные. Если мальчики. А если девочки — ничего вроде. Ихор — кровь богов, слыхал? Танталово проклятие, говорят. Брат-то ничего, хвала богам. А вот у дяди Фиеста и у дяди Эврисфея...

И вновь плохо мне стало. Что же это ОНИ с нами делают? Белокурого-то за что?

— Давай на деревянных, — кивнул я. — А если хочешь, на бронзовых. Покажу тебе, как без царапин обходиться...

— Эй, Диомедик!

Поначалу и оборачиваться не хотелось. Был уже один такой, Диомедиком меня кликал. Где он сейчас, Губа Заячья?

— Чего в сторонке сидишь? — смеется Аякс Теламонид. — Ты, говорят, у себя на копьях первый? Ну, так я тебя сделаю! Давай на боевых. Чтоб по-настоящему было!

Пыхтит бычок, ухмыляется. А вокруг — стая целая. Битая стая. Всех Теламонид победил, теперь им на меня полюбоваться хочется. Как я на травке валяться буду.

— Давай, давай, коротышка! — хохочет Аякс. — Тут тебе не Аргос!..

...Плеснуло в глаза, в ушах зашумело. Удержался на самом краю. Нельзя! Нельзя!

— На деревянных, — сквозь зубы процедил. — Хватит с тебя и дерева...

— Боишься, сморчок?

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Вынырнуть! Вынырнуть! Вынырнуть!

Тихо-тихо.

Тихо...

Вижу!!!

Вижу его! Будто сквозь туман — но вижу его, Аякса! Все вижу! И рожу красную, и капли пота на лбу его бычьем. Я вижу — а он меня нет! Слепо глядят глаза...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Вот, значит, как? Он такой же! Такой же, как я! Только я сумел вынырнуть, он — нет!

Плещет, плещет...

— Держи их! Держи!

Очнулся. Четверо на руках висят, один в плечи вцепился. Эх, Капанида куда-то гарпии унесли! За горло хватать меня надо, ребята, за горло!

— Ты чего, Диомед? Мы же не на войне!

...А в руках — деревянный обломок вместо копья. Хоть крови-то нет? Нет вроде...

— Все! Хватит! Хватит, говорю!

У кого это голос такой? А-а, Патрокл Менетид! Вовремя подоспел! А бычок-то где? Жив?

— Эй, богоравные, может, воды? Хрипит ведь!

Вначале удивился, потом понял. Не я хриплю — Аякс хрипит. Лежит на травке, голову закинул — и хрипит. Не иначе по горлу ему попало, там, где доспеха нет!

Водой я сам его отпаивал. Отпаивал, подняться помогал. Тяжелый он, Теламонид! Хвала богам, очнулся наконец!

— Извини!

— Да ладно!

Хрипло так сказал. Не сказал — буркнул. Буркнул, отвернулся. Хотел я его про реку спросить, но не решился. И так все ясно.

(А я все-таки вынырнул! Вынырнул, вынырнул, вынырнул! В первый раз — вынырнул!)

— Этих двоих вместе не сводить! Поняли? Иначе сам вам, дуракам богоравным, шею сломаю!

Все верно, Патрокл, все верно...

И снова вдвоем сидим, снова травку жуем. Я жую — и белокурый со мной.

— Теперь ты на ней женишься!

— На ком? — поражаюсь я. — На Елене?

Дергает плечами Атрид, губами тонкими дергает.

— Ведь ясно, или ты, или мой брат. А ведь он... Он ее не любит даже!

Хотел посмеяться — не стал. Не шутит Менелай Атрид!

— Я ведь все понимаю, Диомед! Я — мальчишка, слабак. Даже не наследник. Отец ради меня и пальцем не шевельнет. Только я... Как взгляну на нее, на Елену, и — словно золото в глазах. Словно ветром уносит... Извини, болтаю много!..

— Пошли, — вздохнул я. — Драться будем. На деревянных. Потом — на бронзовых. Пока ты меня не побьешь!

* * *

— И что скажете, мужи аргивянские?

— Сам ты муж аргивянский... А получается так: если Тиндарей Агамемнона выберет, все волками кинутся. И если кого другого — тоже кинутся. Знаешь, Тидид, не нравится мне это!

— Понял, Амфилох... А ты что думаешь, Капанид?

— Думаю, думаю... Дурак я, что женился, Тидид! Елена, она... Эх!

— Ладно, богоравные, выше носы!

— Сам ты богоравный!

* * *

Хотел встать — вскочил. Вскочил, фарос зачем-то поправлять стал.

— Спасибо за дары, Диомед! Только кому ты дарил их — богине или мне?

Она улыбалась, Елена, Елена Прекрасная. А я все на ее лицо смотрел. Говорят ведь, будто каждый лицо ее по-своему видит. Ведь у каждого красота — своя...

— У нас на улице твой храм, Прекрасная. Я туда с детства забегал...

— Храм...

Вздохнула, отвернулась, а мне вдруг не по себе стало. Словно обидел ее чем-то.

— Я не хотела быть богиней, Тидид! Я не виновата, что у меня ИХ кровь. И ты не виноват...

Она видела. Впрочем, чему тут удивляться? Богиня!

— Агамемнон... Он ведь не любит меня, правда? И ты не любишь. Я для всех, как Золотое Руно, так?

А я не понимал, о чем Прекрасная со мной говорить хотела? Вот, значит, о чем!

— Я вас всех старше, Диомед! Мои братья, Кастор и Полидевк, они уже на Олимпе. А я все такая же молодая... Знаешь, хочу быть старой! Хочу сидеть у очага, и чтобы рядом возились внуки... Плохо быть бессмертной! И вечно молодой — плохо. Может, тем, кто на Олимпе, легче?

Отвечать нечего. Прекрасная говорила не со мной. И не мне было понять ее.

— Отец... Мой земной отец, Тиндарей... Я для него тоже что-то вроде Золотого Руна... Женщине — просто женщине, без

ихора в жилах, иногда везет. Иногда ее любят. Это так мало — и так много!.. А меня просто хотят продать, Диомед! И нет никого, кто бы заступился. Не за богиню — за женщину...

А мне опять не по себе стало. Словно я виноват во всем. Словно я это сватовство затеял. А ведь и правда! Сцепились богоравные за Золотое Руно!

— Есть парень, — улыбнулся я. — Когда он на тебя смотрит, Прекрасная, у него — золото перед глазами. Но не то, на которое быков покупают. Знаешь, что такое, когда тебя ветром ночным над лесом уносит?

— Ветром... — тихо повторила она. — Ночным ветром... Завидую той, кого ты любишь, Диомед! Но... Я попросила тебя прийти не для разговора о любви. Не знаю, какую нить плетут Парки, но я долго жила на земле среди людей. Очень долго... Может случиться беда! То, что придумал отец, очень плохо кончится. Постарайся, чтобы не было крови, Диомед!

Теплые золотистые пальцы на миг прикоснулись к моей щеке. Давний знак просьбы, даже не просьбы — мольбы...

Я молча поклонился, пытаясь понять, о каком отце говорит Прекрасная? О земном или о НАСТОЯЩЕМ?

* * *

— Фанори кироси ама Миноси каатавити тумо апаса...

Слушаю. Киваю. Киваю — уроки дяди Эвмела вспоминаю. Те самые «танаси» и «куноси». Сам виноват — заговорил с этим парнем на Древнем языке!

...Ладонь — как корабельная доска: широкая, крепкая. И смоленая, с вечными мозолями. И сам он — весь просмоленный, обожженный чужим, ненашим солнцем. В светлых глазах — Океанская зелень. И высокий, словно сосна корабельная. Завидно даже..

Вот уж кто моря не боится!

— Миносе та? — удивляюсь. — Миносе акате но?

А как не удивиться? Оказывается «Минос» — не имя, как думают все у нас, не титул, как рассказывал дядя Эвмел, а что-то среднее. Вроде как степень посвящения. Растет себе царевич, царем становится, а после уже — Миносом.

— А ты... ты тоже Минос? — спрашиваю осторожно. Уже не на Древнем (Дий Критский с ним!) — на нашем, общепонятном.

— Нет, — на смуглом, загорелом дочерна лице (привет Эв-

риалу!) еле приметная усмешка. — Мой дед был последним. Отец не успел...

Я киваю — слышал. Идоменею, басилею Крита, последнему из династии Миносов, было, как и мне, шесть, когда погиб его отец, Девкалион Миносид. И царства великого Критского больше нет, и Кносс, древняя столица, уже в руинах. Но все равно...

Говорим о пустяках — как и положено при первом знакомстве. О серьезном — после. За широкой спиной критского басилея — пять сотен кораблей, наследство Великих Миносов. С таким союзником никакие Микены не страшны! Но это потом, сейчас — просто болтаем. Но и это интересно. Да еще как интересно!

— А те куреты, что на Крите жили, — не отстаю я. — Они из Этолии? Или наши, этолийские, с Крита?

Теперь он уже не улыбается — смеется. Смеется, длинными жилистыми руками разводит:

— Ну ты и спросил, Тидид! Тебе бы с моим дядей покойным поговорить, с Астерием. Он-то все знал! А я с семи лет в море. Сегодня — Таршиш, завтра — Кеми. Какие уж тут куреты!

— С Астерием? — удивляюсь я, вспоминая уроки дяди Эвмела. — Но твой дядя...

— Его еще Минотавром звали, — охотно поясняет Идоменей Критский. — Дядя Минотавр тебе бы всю эту древность вмиг разъяснил!

Шутит? Нет, не шутит, моряк! Да-а! А хорошо звучит: мой дядя Минотавр, моя бабушка Гидра...

Впрочем, и я — Медузы Горгоны праправнук!

* * *

И снова богоравные на поле толпятся, снова орут, снова руками машут. Но на этот раз не копейщики по доспехам гремят — лучники мастерством хвалятся.

— У-у-у-у-у-ух! А-а-а-а-а-а-ах!

Это, конечно, Любимчик. Три стрелы, одна за другой — и три голубя, одурев от нежданной свободы, взлетают в жаркое белесое небо. Срезаны нитки — как раз посередине каждая.

— Э-э-э-э-э-э-эх!

Улыбается Лаэртид, от удовольствия нос морщит. Всех победил, даже Аякса Оилида, даже Тевкра. А ведь тот лучшим считался!

(Ну, лук-то понятно. А вот вчера Любимчик даже меня уди-

вил — на мечах всех обставил. И ростом вроде бы не вышел, и статью, и двигается, словно краб по песку, — а поди ж ты!..)

А я на рыжего смотрю — и все диву даюсь, маму вспоминая. Нет, он действительно Любимчик! Пожалела его мама! А ведь могла бы и в паука превратить. Говорят, это у нее хорошо получается! А как она по-куретски щебетала! Смех, да и только! Интересно, о чем это они так долго разговаривали?

Но как нос дерет, Любимчик! Прямо Агамемнон какой-то!

— Радуйся, Диомед!

Засмотрелся! А если в бою сзади подойдут?

— Радуйся!

Киваю, а сам вспомнить его не могу. Немолод уже, хоть и не стар, морщинки в уголках губ, на висках седина, как у Патрокла, а глаза... Ой, непростые глаза!

— Я — Протесилай из Филаки.

Точно! Какой-то родич тамошнего басилея, кажется.

— У нас много общих знакомых, Диомед Тидид.

Сказал — и странно так взглянул. Словно я догадаться должен.

— Бывает, — согласился я. — Ты мне, случаем, не дядя?

Чуть дрогнули губы. Смеется? Смеется! Словно дедушка над неразумным внуком.

— Не дядя, Тидид, хотя мой дядя, говорят, очень любил тебя. А вот твоя мать меня не любит. Боюсь, это взаимно.

А в глазах... Словно кто-то другой на меня смотрит. Страшно даже!

— Моя мать...

— Я не имею в виду Аргею, дочь Адраста. Прощай, Диомед. Если буду тебе нужен, приезжай в Филаку.

Вновь дрогнул губами, поклонился. А я с трудом сумел собственную челюсть поймать — руками. Отвалилась челюсть.

Любимчик меня по плечу своей лапищей хлопает, смеется, головой рыжей качает.

— Видел, как я их всех? Видел? Пошли выпьем, а? По чаше, не больше!

— Пошли, — вздыхаю я, а сам о Протесилае Филакском думаю. Ничего себе, намеки! Да кто он такой, Протесилай этот?

А Одиссей меня к поварне дворцовой тащит, не отпускает. Ну, лапищи у парня!

— Сделал я их, сделал! И Тевкра сделал, и Оилида! Эх, жалко, сестра твоя не видела!

Чуть не спросил «какая?», да вовремя язык прикусил.

— И угораздило ее замуж так рано выйти! Такая девушка, я тебе скажу, куда там Елене! Прямо здесь бы и женился, Афиной клянусь! Как у нее кожа пахнет! А губы!.. Эй, ты чего, Диомед? Ты не падай!

Упадешь тут!..

* * *

— Человек о богах
Должен говорить только доброе,
И на нем не будет вины.
Пелопс, сын Тантала!
Я скажу о тебе иное, чем предки...

Впервые вижу толстого аэда! Щеки лепешками свисают, а брюхо такое, что лиру ставить можно. Зато голос и вправду — всем голосам голос!

— Я скажу, что некогда твой отец,
Созывая богов на милый Сипил,
Благозаконно
Воздавал им пиром за пир...

Впрочем, голос голосом, а слушать его, кажется, никто и не собирается. И то, песен про Пелопса нам не пели, что ли? Сидят у нас всех эти Пелопиды костью в горле!

«У нас» — потому, что все мы здесь, у дворцового портика. Всех собрал Тиндарей. Слева от меня Эврипил, сын Эвемона (козопас — и борода козлиная!), справа Асклепиады — Подалирий и Махаон, Капанид с Амфилохом — чуть сзади, Атриды же, как водится, впереди — носы копьями выставили.

— И когда-то сверкающий трезубцем бог
Схватил тебя и унес,
Ибо страсть придавила его сердце.
На золотых конях
Он вознес тебя к Зевсу
В небесный широкославный чертог...

Ревет аэд, Пелопса прославляя. А мы меж собою тихо так: «Шу-шу-шу! Шу-шу-шу!» Знаем, не зря собрали! Неужто сегодня скажут? Пора вроде!

Напировались!

Неужели все-таки Агамемнон? Не разорвали бы его прямо здесь, на месте! За эти дни точно решили: «Кто угодно — но не он!»

— Ты исчез,
И люди искали, но не нашли тебя для матери;
А завистник-сосед
Стал, таясь, рассказывал людям,
Как в воду, кипящую на огне,
Острым изрубленное ножом,
Падало тело твое...

Елены нет, Атрея нет (ни разу его не видел!), а Тиндарей сидит на троне, глаза закрыл — то ли спит, то ли аэду внимает.

— Эй, богоравные, а ведь не зря нам про Пелопса поют!

(Кто-то сзади. Кажется, белобрысый Пенелей Гиппалкид.)

— Пусть поют! Мы этого носатого... как Пелопса. В воду, кипящую на огне!

(Слева! Аякс Теламонид!)

— Нет!
Я не смею назвать людоедами богов!
Слишком часто кара настигала богохульников...

А богоравные уже — в полный голос:

— Если Агамемнон — все встанем! Не позволим!

— Не позволим, не позволим, не позволим...

Катится по рядам камнепадом, ширится. А мне не по себе почему-то. Вроде для того и ехал сюда, для того и коней торопил...

— А когда расцвели его годы,
Когда первый пух отметил его щеки,
Он задумался о брачной добыче,
О славной Гипподамии, дочери писейского отца.
Выйдя к берегу серого моря,
Он один в ночи
Воззвал к богу, носителю трезубца-а-а-а!..

Старается аэд, не горлом уже поет — брюхом. Да что нам эти Пелопсовы страдания! Не о Гипподамии сейчас речь идет...

— Пилос, Алиба, Мизы, Итома, Феры! Вместе, вместе, вместе!

— Дулихий, Саламин, Гиестия! Вместе!

— Аргос! Аргос! Аргос!

— Да чего мы молчим, богоравные? Встанем, скажем... Эй, а чего это?

А действительно, чего?

Смолк аэд, про свадьбу Пелопсову не допев, Тиндарей с места вскочил... и другие вскочили!

— Кто это?

— Где?

...Высокий, худой, долговязый, в простом черном плаще, с мечом у пояса, с золотым венцом на голове. Идет, на нас не смотрит. На Тиндарея смотрит. Подошел... поклонился... сел...

— Это же Менестей! Менестей Афинский! Эврисфей! Эврисфей убит! Эврисфей убит, богоравные! Слышали, Эврисфей, ванакт Микенский, убит! Уби-и-ит!

А я не на Менестея смотрел — на Агамемнона. Вернее, на то место, где он только что сидел.

Сгинул Атрид, словно и не было его!

* * *

— Слышали? Слышали? Слышали? Ведь как было? Афиняне их у Элевсина встретили, а Эврисфей приказал колесницы развернуть. Вот я и говорю, какие там колесницы на Элевсине? Поле неровное, кустарник, а Менестей велел там еще и ям нарыть — с кольями. Ну, и привет Танталу, ясное дело! Эврисфея, говорят, родичи Геракла в плен взяли, взяли — а до Афин не довели. И еще болтают, будто Алкмена, Гераклова матушка, ему, Эврисфею, глаза спицами выколола. Вот я и говорю, какая Алкмена? Ее и в живых уже, рассказывают, нет. Да самое интересное не это. Гадес с ним, с Эврисфеем, а вот Атрей! Мы-то думали, он здесь, в Спарте, изгнанник, у алтаря Геры Волоокой о заступничестве молит, а он давно в Микенах! Ну, хитрец! А сейчас и Агамемнона к себе вызвал. Ясное дело, Атрей — ванакт, а носатый — наследник законный. Так что не до Елены им, власть брать надо. Как задумано, а? Мы тут, они — в Микенах, никто Пелопидам этим и помешать не сможет, за Эврисфеевых детишек не вступится! Во дела какие!

Но что с Еленой-то будет, богоравные? Если не Агамемнон, то кто? Может быть, я? А почему бы и не я? У меня, между прочим, сам Посейдон Черногривый в родичах! Не-е-ет, теперь я своего не упущу!

* * *

В темном покое — неровный огонек светильника. Дрожит, колеблется, вот-вот погаснет.

Душно.

Ночь.

— Теламонид кричит, что каждого убьет...

— Подалирий с охраной ходит, с хеттийцами...

— Да все мы с охраной ходим! Дожили!..

— Идоменей, говорят, своих пиратов уже кликнул. Он ведь Атрею свояк...

— Тиндарей со мной говорил. Трясется, весь белый. Что делать, спрашивает. А что делать? Завтра возьмут его за грудки, он назовет зятя — вот тут и начнется!

— Да чего там начнется! Уже началось!

— Так что Тиндарею сказать?

Пятеро нас: Патрокл Менетид — он вроде как старший, мы с Капанидом, Антилох Несторид из Пилоса. И Любимчик — в углу спрятался, в тени черной.

Думаем. Да только думается плохо.

Только что Патрокл был у Тиндарея. Надеялись, сообразит что-нибудь старик, а выходит, он сам от нас помощи ждет!

— А если... это, ну... сказать, что Елена заболела? — Капанид, баском. — Чтобы, мол, через месяц приезжали?

— Богиня-то заболела? — Антилох Пилосский головой качает. — Да и не поможет. Разнесут тут все!

— А может, уедем? Прямо сейчас? Ну их всех!

Это Любимчик — из угла.

Переглядываемся. Плечами пожимаем.

— Поздно, — решает Патрокл. — Поздно...

...Да, поздно. Игра Атрея в разгаре. Понял, хитрец, что встанет против него вся Эллада! Понял, подождал, пока страсти разгорятся, и...

(Хотел бы я знать, как это с Менестеем Афинским так удачно вышло? И колесницы микенские не на том месте развернулись, и приехал афинянин миг в миг, лучше и не придумать. Ах, Атрей, Атрей!)

А теперь вокруг — звери. Волки! Вот-вот в горло друг другу вцепятся. Только уже не друг другу — враг врагу! Угадала мама — потеряли гончие дичь. И теперь в Микенах смеяться будут, хохотать, глядя, как их недруги резню начнут. А там и колесницы выкатить можно!

Да и только ли в Микенах? Как и задумано — все вместе, всех сразу. Вот она, Гекатомба!

Умирает светильник. Дернулось пламя, мигнуло. Погасло.

Тьма!

— Мы на шаг от войны. От всеахейской войны! Всеэллинской, понимаете? Каждый — за себя, один Зевс за всех!

Тихо звучит голос Патрокла. Мы не спорим, хотя мне есть что сказать. Не ЗА всех, Менетид. ПРОТИВ всех!

...И брани быть, и городам гореть,
И женщины вина, а не богов,
Что сгинут и герои, и вожди...

И ты не прав, пьяница-аэд!

— Если... Если мы сейчас, прямо сейчас, что-нибудь не придумаем...

— А я придумал. Войны не будет.

Кто это сказал? Неужели опять Любимчик?

— Сбежать, что ли? — хмыкает Сфенел. — Слышали уже!

— Нет, не сбежать! — смеется Лаэртид. — Я лучше придумал! Каждый за себя, значит? Вот и славно! Как думаете, Тиндарей не спит еще?

— Да какое там спит! — откликается из черной тьмы Антилох. — Небось подвал ищет, какой поглубже. С засовами из кипрской бронзы. Да только не поможет это...

— И не надо! — хохочет Одиссей. — Вот увидите, все будет хорошо... Ну, я побежал?

Зашевелился, за скамью ногой задел, ойкнул.

Хлопнула дверь.

— Резвый мальчик, — негромко роняет кто-то.

Не отвечаем. Молчим.

Тьма.

* * *

Не фаросы, не венцы — панцири и шлемы. Мечи пока в ножнах. Пока...

— Если что, Аякса на себя беру, — шепчу я. — Ты, Капанид, — его брата, Тевкра...

— Угу!

Улыбается Сфенел, бой чуя. Скалится, Капанеева кровь!

— Амфилох, спину прикрываешь!

— Не бойся, ванакт! — смеется Щербатый. — Мы — Аргос!

Да, мы — Аргос. А рядом — Пилос, Дулихий, Саламин, Гиестия, Мизы, Итома, Феры.

И каждый за себя!

Никто не сидит — стоим. Шепчемся. Слева от нас — Патрокл с Антилохом, эти пока не нападут, можно даже спиной обернуться...

Вот и первый союз! Оборонительный покуда. А справа — Любимчик лук свой поглаживает. Тоже союз — но уже наступательный.

Охрана близко, но ей к началу не успеть. Сперва сами богоравные схватятся. Потом между гетайрами рубка пойдет. А кто уцелеет, домой поспешит — дружины собирать.

Съездили, называется, посватались!

— Богоравные! Мужи ахейские!

Дребезжит голос Тиндарея Спартанца. Дрожат худые руки.

— С радостью... С радостью великою обращаюсь я к вам, благородные герои. Ибо дочь моя Елена, Елена Прекрасная, Елена Прекраснейшая, сделала свой выбор...

Гул над толпой. Негромкий, недобрый. Кое-кто уже за меч схватился...

— Хорошо все будет, Диомед! — шепчет Любимчик. — Вот увидишь, хорошо все будет!

Шепчет, а лук не прячет. И Оилид Аякс с луком, и Махаон Асклепиад. А бычок Теламонид уже шлем на глаза надвинул, копье ручищей сжал.

— Все мы здесь друзья, богоравные басилеи, все мы здесь братья! Верю, порадуетесь вы сейчас за мою дочь и за избранника ее! Знаю, все вы достойны, все равны...

Кто-то засмеялся. Вспорхнул над толпой смешок, взлетел... сгинул. Бедняга Тиндарей! Скоро по всей Элладе аэды петь станут про Тиндарея Войны Зачинателя!

— А посему поклянемся согласно обычаю, что никто не поднимет оружия на мужа дочери моей, но придет на помощь ему в трудный час, не жалея сил, крови и самой жизни!..

— Чего это он? — не понял Капанид. — Это, значит, Аякса выберут, а мы ему помогай?

— Именно, — хмыкнул я. — А если тебя?..

А если меня? А если Любимчика?

Хлопнул я себя по лбу, по шлему медному, хлопнул, ладонь отбил.

— Лаэртид, ты придумал?

Смеется рыжий, нос от удовольствия морщит. А вокруг — шум, а вокруг крики:

— Правильно, правильно!

— Поможем, крови не пожалеем!

— Клятва, богоравные! Клятва!

Ишь, переменились! То есть не переменились, прежними остались, просто...

...просто каждый о СЕБЕ подумал! О себе самом! Даже самый распоследний басилейчик-козопас в этот миг задумался. А вдруг ЕГО выберут? Его, любимого?

Ну, Одиссей!

— Клятва! Клятва! На коне, на крови! По обычаю!

— Клятва! Клятва-а-а! Клятва-а-а-а!

А у Тиндарея все готово. Вот и коня, красавца вороного, ведут. Вот и секира взметнулась...

Не ржание — крик человеческий!

(Не могу смотреть, когда коней убивают! Не могу!)

— Кля-я-я-я-ят! Ва-а-а-а-а-а-а!

Теплая кровь на камне, теплая кровь на сандалиях...

— Мы, герои Ахайи, герои Эллады, богоравные потомки Олимпийцев...

На всех нас — кровь! Спешили, заляпались...

— *...клянемся Зевсом, Посейдоном, Геей, Гелиосом и Афиной, богами и богинями Олимпийскими, которые владеют нашими городами и землей нашей...*

Мертвые конские глаза прямо на меня смотрят. Огромные, темные...

— *...с сего дня и навеки быть единомыслены в защите Елены, богини нашей, и мужа, которого она избрать соизволит, и потомства их, и добра их, и городов их, и царства...*

Мне бы радоваться: Хорошо все кончилось! Вместо войны — союз, да еще какой — кровный, нерушимый! И Атрей-хитрец не выиграл — проиграл!

— *...и враги их нашими врагами станут, друзья же — друзьями, а братья — братьями. И да укрепит нас в клятве этой великий Кронион и боги Олимпийцы! Навечно! Навечно! Навечно!*

Да, мне бы радоваться, но я не радуюсь. Может, из-за крови — слишком много ее. Не кровные мы братья — кровавые! Не обошлись мы без крови, Елена! Не человеческой, правда. Пока еще...

А может, другая клятва вспомнилась. Вспомнилась — не забывалась никогда...

«— ...На этом камне, пред ликом владыки нашего Зевса Величайшего, Повелителя Ясного Неба, царя богов и царя мира, мы, Семеро, клянемся честью, кровью и жизнью своей...»

Ты тоже клялся, папа!

СТРОФА-II

Два есть бога-огненосца: Аполлон и Дионис.
Оба в пламени повиты, дух в обоих огневой.
Оба жар приносят людям: тот лучами, тот вином.
Этот гонит сумрак ночи, этот — сумерки души.

Вот и гоним — чашу за чашей...

— Еще!.. Еще одну — и все! За новобрачных! Гера, Гестия, хай!

— Ха-а-ай!

Пьян Любимчик, вино проливает, со скамьи валится. Да и мы все не трезвее. Словно после боя — отпускает. Понемногу, понемногу...

— За Елену! За Менелая! Ха-а-ай!

...Белым было лицо Менелая Атрида, когда Прекрасная надела ему на голову венок. Белым — одни глаза жили. Упал на колено, прижался к ее руке...

Неужели она мои мысли прочитала? Или не нужно ей это, сама все поняла?

Богиня!

— Слушай, Дио... Диомед! — Любимчик навалился, задышал на ухо. — А мне Тиндарей девушку одну сосватает! Вроде бы как в награду. Пенелопа, дочь Икария. Познакомили уже — красивая! И хозяйственная, шить умеет.

— Поздравляю! — смеюсь я. — Чтобы лучник да без добычи уехал!

— Э-э-эх! — взлетает вверх иссеченная тетивой ладонь. — Пенелопа — хорошо, конечно... Ну скажи, Диомед, чего твоя сестра замуж так рано вышла? Я бы... Она такая!.. Обнимешь, губами кожи коснешься... Да ты чего?

Убить его, рыжего, что ли?

Ох, мама, мама!

— Выпьем! — Тевкр Теламонид вскакивает, опрокидывает гидрию прямо на пол...

...Тр-р-ра-ах!

— На счастье! На счастье! — вопит пьяный хор.

— Выпьем! — не сдается саламинец. — За наш союз! За наше братство! Братство лучших! Братство героев! Братство Елены!

— Ха-а-а-а-ай!

— И если что, мы все, как один... Все, как один, бронзовой... железной рукой!..

— Ха-а-а-а-а-а-а-ай!

— Сразу видно — братья, — шепчу я грустному Капаниду, за весь этой пьяный вечер не проронившему даже слова. — Друзей обычно выбирают.

— Жа-а-алко! — вздыхает Сфенел. — Елену — замуж! Жалко... Я, знаешь, думал... Нет, Тидид, я все понимаю, но все-таки!.. Думал...

Вздыхает, бедняга! Что тут скажешь? Наверное, каждый из нас об этом думал — хотя бы на миг краткий. Тонкие золотистые руки, невесомая тяжесть венка из роз на голове...

Будь счастлива, Прекрасная!

— А выпьем еще за!..

Не договорил Тевкр — со скатертью поцеловался.

То-то!

А Любимчик на кратер критский, осьминогами расписанный, покосился, чашу в сторону отодвинул:

— В-все! Дионис, хайре! Слушай, Диомед, ты меня с собой на войну возьмешь? Ты же обещал!

Я только моргнул. Видать, не только Дионис ему пригрезился, но и сам Арей Эниалий!

— На какую войну, Лаэртид?

— На такую! — твердо ответствовал рыжий.

Еще и война ему! Хорошо Одиссею, ему с невестой об овцах и козах итакийских толковать (ведь хозяйственная!), на свадьбах гулять — Менелаевой и своей... и о войне мечтать («Колесницы-ы-ы-ы впере-е-е-ед!»). А нам домой пора! Ванакту-челноку самое время мчаться в Аргос, потому что Атрей уже сидит на микенском престоле, игра продолжается, вот-вот снова выбросят кости...

...А я так соскучился по Амикле! Так соскучился!

Ничего, маленькая! Скоро буду!

Скоро!

«...Ванакт — солнце, а солнце сжигает тех, кто стоит слишком близко. Пожалей эту девочку, спрячь ее, увези!..»

Зачем, мама, ты это сказала?

* * *

...Близкой грозой дышала туча — громадная, непроницаемо-черная, клубящаяся скрытым огнем. Я замер, застыл, превратился в камешек на речном берегу, в тающую ледышку...

— Радуйся, внук! — пророкотал гром. — Радуйся!

— Радуйся и ТЫ, — с трудом выдохнул я. — Кем бы ТЫ ни был...

Громыхнуло. Острая молния унеслась куда-то в близкую бездну.

— Я — это Я!

Закрыть глаза, замереть, исчезнуть... Не могу! Да и есть ли у меня сейчас глаза? Я камешек, я ледышка...

— И я — это Я, ДЕД! Каждый из нас это — Я.

— Узнаю свою кровь, Диомед! — захохотал гром. — Слушай, внук! Ты сделал то, что нужно было МНЕ, — и Я подарю тебе великую славу. Ты ведь этого хочешь?

И снова молния — еще ближе, еще страшнее. Горячая боль опекла лицо...

— Мне... Мне не это нужно, ДЕД!

Гром обрушился со всех сторон — сверху, снизу, отовсюду. Туча клубилась, горячий ветер открывал клочья, уносил прочь.

— Остальное завоюй себе сам, мой нахальный внук! Открою тебе секрет: покорностью от НАС ничего не добьешься. Мне было не легче твоего, Диомед! Мой отец тоже был сумасшедшим. Дерись! Сражайся, пока не победишь — или не погибнешь!

— С кем? — проорал я прямо в черную тьму. — С кем драться? С ВАМИ? С вашей Семьей? С ТОБОЙ?

Мир замер. На миг почудилось: сквозь темную пелену на меня смотрит ЕГО Лик. Холодно, надмирно, безразлично. Но вот что-то живое вспыхнуло в ярких, как утреннее небо, глазах.

— А хоть и со МНОЮ, мальчик. Если бы Я боялся, то до сих пор прозябал бы в чужой утробе. Вам, людям, легче — вам нечего терять! Кем лучше быть — овечьим стадом или львиной стаей? Я не стану помогать, Я превращу тебя в серый пепел, если станешь мешать МНЕ. Но все равно — сражайся! Иначе ты — не МОЙ внук!

Полыхнуло, закрутилось огнем, желтым, невыносимо жарким пламенем, я сгинул, исчез, провалился в Тартар, в безвидность, в никуда...

— Сражайся! — все еще грохотало в ушах. — Сражайся!

...Пот струился по лицу, и не было сил даже привстать, даже провести ладонью по лбу. Нет, неправда! Этого не было! Просто сон, страшный сон, такие иногда снятся перед рассветом...

«Покорностью от НАС ничего не добьешься!
Сражайся!»

* * *

Я так и понял — случилось!

Понял, когда в чуткой вечерней тишине простучали возле окон копыта, когда засуетились куреты, когда хлопнула дверь, и Мантос, старшой гетайров, быстро поклонившись, взглянул мне прямо в глаза...

Тегея — маленький пыльный городишко среди гор. Даже не городишко — полтора дома на холме. Мы как раз собирались ужинать, и Любимчик начал рассказывать одну из своих бесконечных баек...

(Увязался-таки со мной рыжий! До Гереи Аркадской проводить вызвался. Стада Лэртовы, оказывается, возле той Гереи пасутся, пригляда требуют. Хозяйственный парень!)

— Из Калидона, ванакт. Война!

В темных глазах курета — темный огонь. Соскучился по Арею, чернобородый!

А я на Одиссея покосился. Ведь ляпнул он перед отъездом о войне! Спьяну, конечно, но все-таки! Накаркал — или угадал?

— Гонца сюда!

А в голове уже мысли в строй становятся, латами звенят. Локры напали? Пираты? Мятеж? Но почему сейчас? Только-только Атрей венец золотой надел...

Подмигнул Капаниду, Щербатому подмигнул. Ничего, прорвемся.

Мы — Аргос!

Оказалось, не локры, и не пираты. Мятеж! Старые знакомые, дедовы племянники — Онхест, Келевтор и Ликопей. Собрали разбойников, ночью взломали ворота...

Дед в темнице, в цепи закован, и дядюшка Терсит в темнице...

...Дий Подземный! Откуда в Калидоне темница?

А в Калидоне — грабеж и бабий вой. Гуляют разбойнички, душеньки тешат.

Ясно! Одно непонятно — почему сейчас?

— Капанид! Амфилох! Вы — в Аргос, верхами, не останавли-

ваясь. Ворота на замок, все войска, что у нас есть, — к Тиринфу. Нападет Атрей — только обороняться, без меня вперед — ни шагу. Что бы ни случилось! Ясно?

— Да, ванакт.

— Всем нашим — тревога. Дружины поднять, но из городов не выходить — пока я не прикажу.

— Да, ванакт!

— Я — в Калидон, за месяц, думаю, управлюсь.

— Счастливой охоты, Тидид!

— А я? Диомед, ты же обещал!

Возле коновязи догнал меня Лаэртид. Коней уже оседлали, осталось в седло взлететь — и ходу, южным Зефиром через Аркадию, через Калидонский залив...

Сопит (прямо как Сфенел!), в глазах обида плещется.

— Ты же обещал, Диомед! Если война... Обещал! Я тебе пригожусь! Я ведь лучник! Я... Я корабельщиков знаю, помогу войска перевезти!..

Поглядел я на него...

— Но ведь ты обещал!!!

Я понял — парень еще ни разу не был на войне. Парень хочет быть взрослым.

— Ладно! Верхами ездить умеешь?

Просиял! Как мало человеку нужно!

— Кстати, — хмыкнул я, — почему ты тогда, в Спарте, про войну спрашивал? Сон тебе был, что ли?

— Почему сон? — удивленно моргнул Лаэртид. — Ведь ясно — Атрей на престоле, значит, сейчас начнется!

Ну, Любимчик!

* * *

Ветер в ушах, ветер! Не тот, легкий, серебристый, что над ночным лесом вдаль уносит. Другой — горячий, яростный, терзающий листья, ломающий ветки, вырывающий с корнем столетние дубы...

Я — ветер! Не остановить меня, не задержать. ТЫ обещал мне славу, дед, мой НАСТОЯЩИЙ дед, но мне не нужна слава, я просто хочу быть ветром, бурей, ураганом. ТЫ меня поймешь, ТЫ сам Молния, ТЫ знаешь, что такое нестись навстречу врагу, неудержимо, беспощадно...

Я — ветер! И в ушах моих — ветер!

* * *

Не ушел никто. Да и некуда им уходить! Дядя Андремон своих куретов у всех дорог расставил, стены заставами окружил, а у ворот калидонских — мы с Фоасом, да его дружина, да мои гетайры в придачу.

И Любимчик — чтобы страшнее было.

Лаэртид главного и срезал — прямо в лоб, навскидку. Они как раз ворота открыли, толпой орущей вывалили — на прорыв. За плечами — мешки с добром, в руках — дубины, на рожах бородатых — злоба и ужас. Впереди — громадный детина, почти голый, на чреслах — пояс золотой (из дедовой сокровищницы, поди!). Вот его Одиссей и срезал. Спокойненько так, будто по мишени стрелял. А потом лук опустил, рассмеялся...

Я даже позавидовал. Первый убитый все-таки! Из кипрской бронзы печень у парня!

Ну а затем пошла резня.

А пока мы разбойников этих добивали, пока ловили да на деревьях развешивали, пока добро награбленное собирали, я никак понять не мог. Все как-то не так было. Ну, решили дедовы племянники, Онхест со товарищи, отомстить. Они отомстить, разбойники — добром Живоглотовым разжиться. Ну так режь, грабь, жги — и ноги уноси. Так нет же, в городе сидели! В винные подвалы провалились, что ли? Или... Или подмогу им обещали? Да такую подмогу, что рискнуть стоило?

Жаль, спросить некого! Разбойнички — те только мычать и умели, Келевтору башку мечом снесли, а Онхеста и Ликопея сами добрые калидонцы и придушили. Спрятаться хотели, душегубы! Да куда спрячешься, Калидон — городишко маленький!

Город почти и не пострадал. Только дедовых даматов пограбили да храмовое серебро утащили. А вот дворцу досталось. Двери — вдребезги, столы-табуретки — вдребезги, в сокровищнице — ветер гуляет, трон дедов (скамья то есть) на боку лежит. А по всему дворцу рабыни ревом ревут — простоволосые, в синяках. Потешились с ними лихие люди, ни одну не пропустили, даже старух не помиловали.

Ну, пусть теперь висят, головорезы, босыми пятками сверкают!

А деда Ойнея в подвале нашли (и вправду, откуда в Калидоне темница?). Умирал дед — кто-то, убегая, не забыл, мечом полоснул...

На белых рыбьих губах — кровавая пена. В пустых глазах — боль.

— Увезите! Не хочу... В Калидоне... не хочу! Ненавижу! Ненавижу!

Мы с Фоасом переглянулись. Ойней не бредил. Не бредил — и все еще ненавидел. Даже на черном пороге Гадеса.

— К алтарю Телефа... Там... Там... Там мы поклялись в вечной дружбе... с Беллерофонтом. Он... Кубок, найдите кубок!.. Беллерофонт... ненавижу... Почему он успел умереть? Вовремя... Вовремя...

«Иногда надо умирать вовремя», — сказала когда-то мама.

Я отвернулся.

— Это за городом, — прошептал Фоас. — Только не довезем, Тидид! Плох старик, ай плох, совсем плох!

— Алтарь... Алтарь Телефа! — упрямо прошептали губы. — Туда!

Рядом толпились придворные — такие же белые от ужаса. Только дядюшка Терсит сиял полной луной. Сиял — улыбался, зубами редкими светил. Еще бы! Его тоже в подвале нашли, но — живого. Забыли в спешке, видать!

Горго, дедова внучка, стояла в стороне. Пустым было ее лицо — как Ойнеевы глаза. Словно не ее дед умирал на старой истоптанной подстилке. Фоас перехватил мой взгляд, вздохнул...

И что в ней мой родич нашел?

— Хорошо, — кивнул я. — Перевезите. Тугую повязку на грудь, конные носилки...

Эх, дед, дед!

* * *

— А вот он, кубок, племянничек, вот он! Не пропал, хи-хи, не пропал! Беллерофонтов кубок — он, Главкид, деду твоему в знак побратимства подарил. Тяжеленький, хи-хи! Я и все прочее собрать приказал вроде, не пропало ничего. Не успели унести, хи-хи, пожадничали! Теперь это все твое, племянничек, ты ведь наследник! Диомед, басилей Калидонский, хи-хи!

— Ха-ха, дядюшка Терсит! Да только я не басилей!

* * *

Я не басилей.

И не только потому, что Танат не спешит и дед все еще ды-

шит — редко, захлебываясь мокротой и кровью. Я не басилей, потому что молчит толпа на площади, знакомо молчит...

Чужак!

Гетайры мои в сторонке стоят, и Фоас с Одиссеем в сторонке. Негоже им, куретам да прочим пришлецам, в чужие дела вмешиваться. Самому мне с добрыми калидонцами объясняться. Да только что им объяснить?

— Дед умирает, — тихо проговорил я. — Умирает...

Услышали? Кажется, да. Кое-кто переглядываться стал, но большинство все так же на меня смотрело. На меня, на чужака. И я понял — не признают. Внуку Ойнея Живоглота, сыну Тидея Непрощенного, последней поросли проклятого рода, не место на калидонском престоле.

В Аргосе испугались Алкмеона. Этим уже нечего бояться.

Я — не нужен!

— Дед умирает! — крикнул я. — Престол не должен пустовать! Горго, его внучка, будет править вами!

Ага, проснулись!

Проснулись, зашумели бурным морем, вперед подались. Только бы не улыбнуться!

— Диомед! Тидид! Диомед! Нельзя ее! Нельзя! Девчонка она еще! Девчонка! Дай нам царя!

Теперь — молчать! Пусть покричат, этолийцы-гордецы. Я не нравлюсь? И не надо!

...А мне что надо? Калидоном все равно не править — далеко он от Аргоса. Наместника тут не потерпят, чужака — тоже.

— Царя! Царя! Диомед, дай нам басилея! Царя! Не отдавай нас девчонке! Не хотим внучку Живоглота! Не хотим его род! Диомед! Диомед!

То-то! Меня не хотят — и меня же просят. Вот так и правят — лицом к югу.

Я огляделся. Гетайры, Фоас с Одиссеем... Курет в сторону смотрит — привык к этолийской волюшке, а итакиец, раскрыв рот, слушает. Интересно, как там у Лаэрта Пирата с демократией?

— Царя?! — гаркнул я так, что площадь дрогнула. — Я дам вам царя, калидонцы!

Чужака они не потерпят. А если не совсем чужака?

— Согласно обычаю дочь или внучка басилея выходит замуж, дабы муж ее правил царством. Не отступим от обычая! Фоас Курет женится на Горго, внучке Энея Партаонида. Куреты и калидонцы — братья! Фоас Андремонид — ваш басилей!

Тишина — заслушаться можно! Долгая, мертвая. Но вот дрогнуло, покатилось:

— А-а-а-а-а-а-ах!

И тут я наконец улыбнулся.

* * *

— Что делаешь, Тидид? Твое царство, твой престол, твой Калидон! Зачем отдаешь, зачем уступаешь? За сестру твою, за Горго, спасибо, век помнить буду, век братом твоим буду, а Калидон не возьму. Твое царство, ты наследник!

Горячится Фоас, мой родич, а сам бороду треплет — смущается. Вроде бы не согласен. Вроде бы...

— Я Куретии наследник, отца своего наследник, ты — деда наследник...

Поглядел на меня — умолк. Тоже обычай — отказываться. Раз отказался, два отказался...

— Этолия должна быть единой, Фоас! Она и станет единой.

— Хм-м-м...

А я в небо белесое, жаркое поглядываю. Не все ты еще слышал, братец мой названый!

— Ты присягнешь мне, Фоас. Как своему ванакту. Как царю царей. Ты получишь Калидон из моих рук.

Сейчас кричать станет. Чтобы он, вольный курет!..

— Эй, Диомед, что говоришь? Чтобы я, вольный курет, присягал? Режь меня, убивай — никому не присягну! Отцу присягал, деду присягал — тебе не стану!

Кричит! А сам бороду черную треплет. Треплет — на меня поглядывает. Сейчас о дани говорить будет. Сколько быков в год, сколько овец...

— За кого меня считаешь, родич? Думаешь, дань платить стану? Сто быков в год платить стану? Сто быков, тысячу овец? И десяти не заплачу!..

А Любимчик рядом стоит, глазами лупает. Учись, рыжий!

* * *

— Так ты чего, Диомед, царство ему отдал?

— Не отдал, Лаэртид! Не отдал. Приобрел! Править надо, сидя лицом к югу.

— А-а... А почему к югу?

* * *

От алтаря только камни остались. Развалили алтарь! Камни, молодая трава сквозь трещины тянется... И никто не скажет даже, какому Телефу алтарь возводили. Слыхал об одном, так он жив еще, за морем где-то правит.

А здесь — только камни среди травы.

Забылось!

Возле камней и положили его — деда Ойнея. Положили, покрывалом красным накрыли. Горго, внучка, золотой венец принесла, на голову надела, вытерла кровь с бледных губ...

Все собрались. И мы с Фоасом, и Лаэртид, и старшины калидонские, и куреты. Уходит басилей! Каким бы он ни был, Ойней Живоглот, но все-таки полвека жезл золотой держал. Всех пережил, всех похоронил — детей, друзей, врагов. И вот теперь сам уходит.

— Дед! Это я, Тидид! Может, воды тебе дать?

Молчал Ойней Живоглот. Только горлом хрипел — тихо, бессильно. И все так же глаза светились — ненавистью.

Зачем уходить, ненавидя? Зачем, дед?

— Прочь!..

Медленно поднялась рука, сжались в кулак худые пальцы...

(А я вдруг деда Адраста вспомнил. Только Злосчастному легче было. Он завещал нам мечту. Мечту — а не ненависть!)

— Прочь, сын греха!..

— Но почему, дед? — не выдержал я. — За что? Ты ненавидел отца, ненавидишь меня, всех ненавидишь! За что?

Захрипел, дернулся...

— Пусть... Пусть уйдут все. Тебе... скажу...

Я оглянулся. Так ведь нет никого, одни мы с дедом! Остальные в сторонке стоят — ждут. Даже Горго не подошла.

— Мне... Мне больно... Пусть и тебе будет больно, сын греха! Сын греха...

А мне вдруг его жалко стало — как когда-то.

— Я... Я должен был умереть раньше... с Беллерофонтом, с остальными... Но я остался. Остался, хотя и знал... Мы все прокляты, все! Мы, недобоги...

Я вздрогнул. Недобоги! Все, в чьих жилах ИХ кровь!

— Беллерофонт... он сошел с ума, но успел... Успел уйти. А я... Я полюбил. Полюбил то, что нельзя любить!

«— Почему Ойней меня ненавидит? Ведь он и не видел меня ни разу! Это из-за папы? Или он болен? Как мы все: дядя Геракл, Эвмел, папа? Как я?

— Он болен, сынок. Если, конечно, любовь — это болезнь».

— Я полюбил... Полюбил свою кровь!

— О чем ты, дед? — поразился я. — Свою кровь?

— Свою кровь! — упрямо прохрипел он. — Твой отец... Он не сын Перибеи, моей жены. Он... Его мать — Горго, моя дочь!.. Я любил свою кровь, свою дочь! Твой отец... И Горго, внучка...

Пустые бесцветные глаза смотрели в упор, и я понимал — это правда. Мой отец... И эта девочка, назвавшая только имя матери!..

— Я... Я презирал себя, ненавидел, но все равно — любил. Любил — и ненавидел! Всех, всех! А потом Горго умерла, и я полюбил ее дочь... мою внучку. Мою кровь...

Странно, я не чувствовал ничего — ни боли, ни ужаса. Словно не об отце, не обо мне шла речь. Только жалость чувствовал — к Горго, к этой несчастной девочке.

А если бы знал раньше? Убил бы его?

Кто знает?

— Я проклят, и ты... проклят, и отец... твой отец!.. Я ухожу, а ты остаешься... И теперь ты будешь... ненавидеть... Это мое... мое наследство...

Вздох... Окрасились кровью губы.

— Ненавидеть...

Медленно закрылись пустые глаза...

И снова — знакомый страшный треск догорающих дров, горячий пепел на ладонях, жертвенная кровь на сером известняке, горькое вино на губах...

Прощай, дед Ойней! Я не возьму твоего наследства!

Хайре!

* * *

— Я, Диомед, сын Тидея, ванакт Аргоса, Арголиды и всей Ахайи, повелитель Тиринфа, Трезен, Лерны, Гермионы, Азины, Эйона, Эпидавра, Масеты, Эгины Апийской и Калидона, вручаю Фоасу Андремониду, моему брату, наследнику Куретии Плевронской, город Калидон и все земли Этолии Калидонской,

с тем чтобы он правил городом и землями в согласии с волей моей и желанием моим, и платил дань, и посылал войска, и был верен мне и наследникам моим...

— Я, Фоас, сын Андремона, наследник Куретии Плевронской, басилей Калидона и всей Этолии Калидонской, по доброй воле и по желанию доброму присягаю Диомеду Тидиду, моему брату, ванакту Аргоса, Арголиды и всей Ахайи...

* * *

Плохо спится в старом дворце! Все кажется — беда рядом. Подкрадывается, за углом дышит...

Я бы и не ночевал здесь, в Живоглотовых палатах, да ночевать в Калидоне больше негде. Дом дяди Геракла давно продан, а в гости идти не к кому. Вот и пришлось остаться здесь, в пустых мертвых покоях, где даже днем чудятся призраки.

Тихо-тихо!

Так тихо, что даже слышно, как меняется стража у крыльца, как звенит оружие. А вот и шаги за дверью — то ли служанка, то ли и в самом деле призрак...

Не спится!

Мне уже рассказали: у деда тоже была бессонница. Только он не лежал, глядя в потрескавшийся потолок, — бродил по дворцу, проверял печати на дверях кладовых, пересчитывал амфоры в подвале... И в гинекей заходил — к своей внучке. К Горго.

...Снова шаги — но уже далеко, рядом с поварней. Не иначе, кто-то тоже решил амфоры пересчитать. И заглянуть в них заодно.

Я вдруг представил, как встаю, накидываю хитон, спускаюсь по лестнице, открываю скрипящую дверь... Ждала ли она его, своего любовника-деда? Встречала ли у порога? Или просто лежала на покрывале — безразличная, покорная? Наверное, даже глаза закрывала, чтобы его не видеть. Закрывала, дышала тяжело, исходила терпким потом...

Тьфу ты! Ну и мысли! Впрочем, чему удивляться? В этих-то стенах!..

Ага! Конский топот! Странно, городские ворота закрыты...

Почему мне кажется, что беда рядом?

Лучше не думать! Лучше просто лежать, руки за голову, нос кверху, Амиклу вспоминать. Подмигивали мне тут рабыни, да только ну их! Еще от разбойничьих лап не отмылись!

Дверь! Шаги!

Меч!

Впервые с мечом у изголовья ночевать приходится. Хоть и охрана, хоть и тихо вокруг...

Нет, уже не тихо! Бегут по лестнице, сюда бегут!

Почему мне кажется?..

— Ванакт! Ванакт!

Нет, не кажется.

Беда!

АНТИСТРОФА-II

В первый миг я даже не узнал его — Промаха Партенопида, Промаха Тиринфца. Словно он ростом меньше стал, Дылда Длинная, словно постарел...

— Что?!

На меня не посмотрел, сжал губы, отвернулся.

— Радуйся, Тидид! Хотя радоваться и нечему. Агамемнон взял Аргос. Сфенел ранен, в плену, и Киантипп в плену, и Полидор...

Я повторил все слово в слово — про себя, шевеля губами: «Агамемнон... взял... Аргос...»

Аргос? Аргос!!!

— А почему жив ты? — заорал я, слыша, как плещется незримая река — рядом, совсем рядом. — Почему не убит? Почему здесь? Почему не в Тиринфе?

Отшатнулся — словно ударил я его. Медленно-медленно поднял взгляд. Помолчал.

— Потому что... Потому что меня послал к тебе Амфилох. Потому что ты должен знать. Потому что...

— Ладно! — выдохнул я. — Рассказывай!

— Сейчас...

Промах с силой провел ладонью по лицу, мотнул головой. Я вдруг понял, что он смертельно устал. Гнал коней, спал по часу в сутки...

— Они с моря высадились, у Лерны. Полидора обманом взяли, сказали, что посольство, он ворота открыл. Восемь кораблей, триста человек...

Вот так! Мы ждали микенцев с суши, а они пришли с моря. Мы привыкли к микенским колесницам, а они сели на коней...

Игра Атрея! Вот, значит, кто подталкивал в спину калидонских разбойничков!

Ловко!

Но самое страшное даже не это. Триста человек — не сила. И ничего бы Агамемнону не добиться, ни с кораблями, ни с конницей, если бы...

— Им ворота открыли, Тидид! Диркские ворота! В Аргосе у нас войска мало, только стража, Сфенела сразу ранили... А потом... А потом им указали ход в Лариссу. Подземный ход, понимаешь?

Понимаю! Ворота может открыть любой караульщик, а вот о подземном ходе, что ведет в акрополь от храма Деметры Пеласгийской, знали только свои. И своих этих даже не дюжина — меньше. А я-то думал, что среди нас изменников нет!

Зря, выходит, думал!

— Киантиппа они при себе держат, Агамемнон заявил, что теперь Киантипп городом править будет — от имени Атрея. Эматион-лавагет хотел сразу войско из-под Тиринфа двинуть, но ты запретил. Амфилох сейчас у нас старший, он послал меня...

Хвала богам! Хоть это сделано правильно. Главный удар все равно будет у Тиринфа, некуда Атрею деваться, значит, подставлять спину нельзя, и дробить войско тоже нельзя, а микенцы обязательно ударят, их больше, у них конница, у них колесницы, у них Аргос... Дий Подземный! Никак поверить не могу! Аргос!..

Игра Атрея! Кости брошены. На моих — «пусто»!

* * *

И снова над Плевронским полем грозное, неодолимое: «Кур-р-р-р-р-р!»

Горят костры, бьют копытами гривастые невысокие кони, скалятся чернобородые куреты, чуя бронзовую поступь Эниалия.

Кур-р-р-р-р-р!

— Фоас?

— Двенадцать сотен, койрат. Если надо, отец еще...

— Хватит!

Теперь я снова койрат — вождь. Басилей на троне сидит, ванакты только в сказках бывают. Койрат ведет в бой!

— Лаэртид?

— Лодки уже в заливе, Диомед. Большие — быстро перевезут. И кимбы, и гиппагоги — для лошадей. Вот видишь, и я тебе пригодился! А можно я...

— Нет!

В Аргос Любимчика я не беру. Пусть едет домой, на Итаку, к Лаэрту Пирату, пусть договаривается о союзе, мне так нужны корабли — настоящие, морские! К Идоменею я уже послал гон-

ца, хоть критянин — Пелопидам родич. Но вдруг! И пусть Лаэртид напомнит по дороге всем, кого встретит из наших, из клявшихся на конской крови. Поглядим, исполнят ли обет.

(Я тоже гонцов послал, да вот ответа пока не дождался. И дождусь ли?)

— Промах?

— Они еще не выступили. Все там же стоят, у Тиринфа.

— Ясно!

И ничего мне не ясно! Уснули они там в этих Микенах, что ли? Почему их войско стоит у границы? Ведь надо бить сейчас, пока у них больше сил, пока я в Этолии, а не возле Аргоса!

Проклятый Атрей! Какую игру он придумал на этот раз?

А над огромным полем, над конскими спинами, над бронзовыми шлемами, над остриями копий, над дымом костров:

— Кур-р-р-р-р-р-р!

Веди нас, койрат! Веди!

* * *

...почему они стоят, почему ждут, чего ждут, ведь я не иду — лечу, дороги сухие, пустые, коней много — заводных взяли, а они все ждут, Атрей все ждет, ведь это глупость, глупость, глупость, я просто задавлю носатого с его сотнями в Аргосе, обложу в Лариссе, закидаю из катапульт горящей смолой, Дий Подземный с дворцами и с храмом Трехглазого — тоже Дий Подземный, а Атрей все ждет, не выступает, а я все ближе, и Аякс Теламомид гонца прислал, что обязательно поможет, кто бы подумать мог, что бычок сподобится, экий молодец, и Асклепиады помогут, а микенцы все стоят у Тиринфа, ждут, Атрей, наверное, спятил, ведь он тоже недобог, как и мы все, спятил — и бросил сына под куретские мечи, нет, нет, нет, тут что-то не так, не понимаю, проклятый Атрей, проклятая игра, он умнее, он старше, он уже дважды провел меня и теперь хочет снова, знать бы, кто предатель, неужели из нас, из нас, эпигонов, но кто, Дылда, Амфилох, толстяк Полидор, нет, нет, не верю, а если с Капанидом что-нибудь случится, я всех Пелопидов на куски разрублю, как Тантал Пелопса, разрублю, в котел кину и собакам скормлю, почему они стоят, почему стоят, почему стоят, Амикла не должна попасть им в руки, не должна, мама, ты все видишь, ты все можешь, спаси ее, мне помогать не надо, я взрослый, сам справлюсь, только я никак не пойму этого Атрея, этой проклятой игры,

сейчас засну прямо в седле, нельзя спать, нельзя, мама, помоги ей, помоги, если бы они выступили, мне было бы легче, мне было бы совсем легко, не пойму, не пойму, не спать, не спать, не пойму, Тиресия бы сюда, жаль, умер, не пойму, не пойму, почему они...

* * *

Я понял это в одном переходе от Аргоса. Орхомен был уже позади, и граница уже позади, враг близко, и я был готов ко всему, то есть мне казалось, что ко всему...

Ко всему — но не к такому.

— Богоравный Фиест Пелопид, ванакт Микенский и всей Ахайи, своему брату и другу богоравному ванакту Диомеду Тидиду, повелителю Аргоса, — радуйся!..

Гонец затвердил речь слово в слово, наизусть (хоть и заикался слегка!), но слова скользили мимо, отскакивали, как скверные стрелы от халибского панциря.

— Радуйся, ванакт Диомед, ибо вражды между Микенами и Аргосом отнюдь нет, и войны между ними отнюдь нет, войска же от границы отведены будут...

Рядом ошалело переглядывались мои гекветы. А я слушал, пытаясь понять, какая игра идет на этот раз, новая игра, но такая же хитрая, такая же подлая, меня даже назвали ванактом!..

— Что касаемо шайки, беззаконно захватившей Аргос в твое отсутствие, то богоравный ванакт Фиест передать велит, что шайка эта в твоей власти и погибели всеконечной их, разбойников этих, он, ванакт Фиест Пелопид, искренне рад будет и в том удачи тебе желает...

Гонец даже заикаться перестал, ухмыльнулся — и я понял.

Атрей Великий МЕРТВ.

Уже через час я узнал, что не ошибся. Богоравный Атрей Пелопид не успел еще раз бросить кости. Его игра кончилась. Кончилась в тот миг, когда мертвоглазые убийцы набросились на охрану, на хризосакосов, набросились внезапно, у входа в храм, и устлали трупами дорогу, по которой прошел Эгисф Фиестид[1], сын двух отцов, любивший одного и ненавидивший другого. Прошел — чтобы ударить Атрея Великого критским кинжалом в сердце.

[1] Эгисф был сыном Фиеста, но воспитывался в семье Атрея.

Игра кончилась, ибо Атрей думал, будто играет со мной. Фиест Пелопид считал иначе — и выиграл.

Братья наконец-то свели давние счеты...

Прощай, Атрей, Великий Атрей, желавший покорить мир. Ты был страшным врагом!

Хайре!

* * *

...Черная весть принеслась из Микен, крепкостенного града,
Славного града, великого, первого в землях Ахейских,
Страшная весть: спит во гробе Атрей богоравный,
Братом родимым убитый — безбожным, распутным Фиестом.
Царскою кровью залиты ступени высокого трона,
Скиптр окровавленный пальцы злодея сжимают...

* * *

Сфенела я встретил прямо у Трезенских ворот — одного. Стражи, ни нашей, ни микенской, не было и в помине, но Капанид и сам мог заменить целое войско. По крайней мере, с виду. Он восседал на колеснице, еще одна, перевернутая, стояла рядом, а вокруг сверкала бронзовая гора — шлемы, щиты, поножи, копья, мечи...

Ну Арей!

Арей был грустен. Может, из-за окровавленной повязки, налезшей на самый нос-репку, может, из-за того, что обошлось без битвы и Кера на этот раз прокричала зря.

— Радуйся! — гаркнул я, соскакивая с седла. — Всех победил? Уноси тепленького!

— Уноси... — вздохнул Капанид (ба-а-асом!). — Да они сами оружие бросили! Бросили и домой попросились. Я и отпустил...

Это я уже знал. Наемники ушли, не дожидаясь нас, не приняв боя. Город был пуст. Город — но не акрополь.

— Агамемнон наверху, в Лариссе, — кивнул Сфенел. — Заперся. Слушай, Тидид, да объясни мне, чего происходит? Ни Гадеса понять не могу!

Я поглядел в сторону холма, на красные черепичные крыши дворцов, на золоченую кровлю храма Зевса Трехглазого. «Шайка эта в твоей власти, и погибели всеконечной их, разбойников

этих, он, ванакт Фиест Пелопид, искренне рад будет...» Фиест убил отца, мне предстояло покончить с сыном.

Игра Фиеста. Мой титул в обмен на голову носатого.

— Киантипп с ними, — снова вздохнул мой друг. — А Полидор вроде как дома уже — отпустили. Так что, правда, Атрей убит? Чего они там, в Микенах, с ума посходили?

И снова — знакомый золотой блеск щитов. Их было мало — царских хризосакосов, не больше десятка, но никто не ушел, не скрылся. Остались — чтобы умереть вместе с повелителем. Короткая команда по-хеттийски — и золотая, ощетинившаяся копьями стена выросла между нами и тем, кто стоял в воротах акрополя.

— Отойдите! Опустите оружие!

Повиновались нехотя, оглядываясь, злобно скалясь.

Псы!

— Я здесь, Диомед!

Агамемнон был без шлема и поножей, в одном золоченом панцире. На недвижном лице — ни кровинки. Он тоже был готов умереть, гордый Атрид.

— Ты лучший на копьях, я — на мечах, Диомед. Впрочем, все равно. Нападай!

Он ждал, я — тоже. И не только из уважения к его отчаянной последней храбрости. Престол, титул, венец — все это можно завоевать. А можно ли купить? Один титул — за одну голову. За эту носатую голову в тонком серебряном венце...

Я отдал стоявшему рядом гетайру отцовский щит, положил на землю копье, расстегнул ремень шлема.

— Поговорим!

— О чем? — поморщился он. — Я захватил твой город, но мне не в чем извиняться. Так приказал ванакт Атрей. И пусть нас всех рассудит Минос!

— Фиест ошибся, — усмехнулся я. — Причем дважды.

Я не спеша подошел ближе, пытаясь найти верные слова. Да где их найдешь, верные? У носатого только что убили отца, его самого бросили на заклание, как ягненка у алтаря...

— Фиест ошибся, Атрид. Он мерит всех по себе. Признал меня ванактом, думая, что я признаю его, братоубийцу. Это первое. А второе — войска от границы не следовало уводить. Путь на Микены открыт, Агамемнон! Тебе дать моих куретов или

сам справишься? Можешь крикнуть: «Диомед идет!» Иногда помогает.

Теперь не спешил он. На бледном лице жили только глаза — как у его брата, когда белокурый склонился перед Еленой.

— Мне не нужны твои куреты, Тидид! Но... Дядя мог признать тебя ванактом. Я — никогда. Лучше умереть.

— Еще успеем, — хмыкнул я. — Когда на могиле Фиеста дуб вырастет!

— Дядя! Дядя Диомед!

Кто-то маленький, в коротком ярком фаросе, выбежал из ворот, подскочил, повис, уцепившись руками за шею.

Киантипп!

— Дядя Диомед! Дядя Диомед! Я им не присягнул! Не присягнул! Я сказал, что ванакт — это ты!..

— Молодец!

Я осторожно опустил мальчишку на землю, погладил по растрепавшимся длинным волосам. Этак скоро стричь парня придется!

— Видишь, Атрид? А ты надеялся со всем Аргосом справиться!

Он подумал, кивнул.

— Хорошо... Когда я изгоню убийцу из Микен, то возмещу все, что мы разграбили и разрушили. Но мира не обещаю, слышишь, Тидид? Не обещаю! А сейчас — возьми!

Щит — тяжелый, круглый, сверкающий старым золотом.

— Зачем? — поразился я. — У меня свой есть!

— Возьми, — упрямо повторил он. — В храме повесишь.

— Но почему?

— Потому что... — Агамемнон замялся, дернул щекой. — Потому что ты... ты победил!

* * *

— Это тебе за Елену! За Елену! За Елену!

Маленькие кулачки молотили по спине — Амикла развоевалась не на шутку. Я прижался к ее плечу, закрыл глаза, вдохнул сводящий с ума запах ее пота, прикоснулся губами к знакомой родинке на груди...

— Сейчас ты хочешь меня, господин мой Диомед, потому что тебе не досталась Елена, эта старуха, старуха, старуха!..

Я подхватил ее на руки, опустил на ложе. Кулачки разжались.

— Стару-уха-а...

— ...Ты сегодня сумасшедший, господин мой Диомед, и я тоже сумасшедшая, потому что соскучилась, я так хотела тебя, с ума сходила, а ты ездил к этой Елене, а потом еще куда-то, а теперь все говорят, что ты женишься...

— Что-о?!

Амикла привстала, невесело улыбнулась.

— Не слыхал еще, господин мой Диомед? Говорят, цари узнают новости последними. И то если им расскажут любовницы...

— Погоди! — простонал я. — Женюсь? Зачем? На ком?

Она подползла ближе, положила голову мне на колени, сжала зубами кожу.

— Я хочу тебя съесть, мой Диомед, закусать до смерти, пока тебя не съела эта Айгиала...

— Кто-о-о-о?!

Самое время хохотать — до упаду, до икоты. Айгиала! Сестричка Заячьей Губы, конопатая дура-перестарок? Да я и не видел ее больше года! Айгиала! Ну, выдумали!

— Говорят, Аргосом должны править два рода. Анаксагориды и...

— ...Амифаониды, — вздохнул я. — Алкмеон изгнан, Амфилох отрекся от своих прав...

— Значит, править должна их сестра!

И тут мне стало не до смеха.

— Ванакты не выбирают жен — им выбирают. Ты женишься на этой старой худющей уродине, а она велит выгнать меня. И тогда я умру, господин мой Диомед, потому что мне незачем будет жить...

Ее руки обхватили меня за плечи, дрогнули, застыли, а я молчал, вновь не зная, какие слова найти.

...Серебристый свет, легкий ветер над ночным лесом...

— Ты будешь со мной, Амикла! Всегда! Тебя... Тебя мне послали боги! Боги, понимаешь?

— Бо-о-оги? — протянула она. — Боги ревнивы, господин мой Диомед! Они меня и заберут. Я знаю — заберут!..

Как трудно иногда бывает улыбнуться! Улыбнуться, когда на сердце — лед.

«...Ванакт — солнце, а солнце сжигает тех, кто стоит слишком близко...»

Что же мне делать, мама?

Кто из них? Сфенел, Полидор, Промах, Амфилох, Эвриал, дядя Эвмел...

Кто?

Пора было начинать, впускать в тронный зал толпу козлобородых гиппетов, садится на трон, брать в руки золотой скипетр, но я все медлил, медлил, медлил... И они не спешили — словно чувствовали.

За окнами — знакомая площадь, серые известняковые плиты. Два года я уже здесь, два года! Я здесь, потому что они, те, что сейчас собрались вокруг меня, захотели этого. Они помогали мне, дрались за меня. Мы были братьями.

И все-таки кто-то предал!..

Надо было сказать — прямо в лицо, спросить, не скрывая. Но я уже знал — промолчу. И сейчас, и завтра, и потом...

— Тут еще одно дело, Тидид, — нерешительно проговорил дядя Эвмел. — Прежде, чем мы начнем...

Я лишь плечами пожал. Еще одно? Кажется, все обговорили. Бегство Фиеста, воцарение носатого (только сегодня получили его послание — с благодарностью басилею Диомеду), строительство новой гавани в Лерне...

Что там еще? Неужели об этом?

Я ждал, что заговорит дядя, но начал почему-то Капанид. Неуверенно, словно нехотя.

— Тут это, Тидид... Такое дело... Такое!..

Снял венец, повертел в руках. Отречься вздумал, что ли?

— Такое... Эвриал, скажи!

Еще и Смуглый! Ну, Трезенец за словом в мешок не полезет.

— В Аргосе неспокойно, Диомед! То, что случилось... Надо сплотиться! Амифаониды...

Что?!

— Мои родичи... Их не уговорить, — это уже Щербатый. — Амифаониды должны править, таков обычай, не обижайся. Ты Амифаонид только по деду, ты потомок Бианта, а наследники Мелампода считаются старшими...

И тут я по́нял...

— Мы тут поговорили, — это уже толстяк Полидор. — Раз с Еленой не вышло... Да Кронион с ней, с Еленой! Надо покончить с... этим. Потомки Амифаона и Анаксагора должны править вместе! Тогда нас никто не пошатнет!

Я обреченно вздохнул. Сговорились! Конопатый призрак

Айгиалы соткался из горячего воздуха, взмахнул костлявыми руками, захохотал, скорчил рожу.

— Ну, ты понимаешь, Тидид? Понимаешь? — В голосе Сфенела звучало отчаяние (даже басить перестал!). Бедняга! Он-то знал, на своей шкуре прочувствовал, Анаксагорид, что такое женитьба богоравного!

Я был глух. Я был слеп. Я сел на трон, сжал в руке тяжелый скипетр...

Сейчас будут уговаривать, упрашивать, убеждать. Долго, по очереди, потом — все вместе. Они еще не понимают, что и это не поможет, даже если меня отдадут на съедение перезрелой, засидевшейся в девках дуре, даже если она станет меня насиловать пять раз за ночь и трижды — за день...

Женитьба ничего не изменит. Атрей и Фиест были родными братьями. И мы все здесь — братья! И все-таки один из нас — враг...

— В общем, мы решили, что ты... — это снова дядя Эвмел. — Понимаешь?

Не понимаю! Не хочу! Взялись уговаривать — уговаривайте, мучайтесь. А я послушаю!

Нахмурился, перехватил поудобнее скипетр, откинулся на спинку трона...

Править надо, сидя лицом к югу!

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

ПОЛЕМОДИЦЕЯ[1]

СТРОФА-I

Наверное, здесь решили, что началась война. В смысле, началась — и уже кончилась. Богоравный Диомед, ванакт Аргоса и всей Ахайи, в милости своей соизволил захватить город Филаку. Ну еще бы! Колесница, дюжина всадников! Как тут не убежать, как не нырнуть с головой в винный пифос или рыбозасолочный чан?

Спасайся, кто может! Диомед идет!

Спаслись все — вымерла вымытая весенним дождем Филака. Все, кроме одного. Именно того, кто был мне нужен.

---

[1] Полемодицея — оправдание войны.

Протесилай, сын Ификла, ждал меня возле дубовой, в бронзовых бляхах, калитки, врезанной в глухую стену неказистого дома. В таких у нас в Аргосе торговцы средней руки живут, но для Филаки это не дом — настоящий дворец. Как раз для басилеева родича.

— Радуйся!

Я соскочил с колесницы, делая знак гетайрам, чтобы спешились и на месте оставались (дабы не напугать здешний народ всеконечно).

Он ответил не сразу. Не улыбнулся. Странный, чужой взгляд был недвижен, холоден...

— Не ходи! Не ходи к Чужедушцу! — кричала пифия. — Не смей! Не смей! Чужедушец! Чужедушец!

— Радуйся, Диомед! — шевельнулись губы. — Ты долго не ехал.

— Всего два года! — усмехнулся я. — Даже чуток меньше...

За эти годы он не изменился, разве что седина на висках чуть заметнее стала. А глаза все те же — страшноватые. Чужие.

— Чужедушец! Чужедушец! Не ходи к нему! Не ходи!

В Дельфы я случайно завернул — из Фив, от братца Ферсандра возвращался. И дернул меня Дий Подземный у пифии спросить: ехать ли мне к Протесилаю из Филаки?

Жрицы дельфийские с открытыми ртами стояли. Редко такое от провидицы услышишь! Ведь не она это кричит — сам Аполлон Тюрайос!

Чужедушец!

И вправду, словно кто-то другой смотрел на меня его глазами. Старыми глазами на молодом (нет, не молодом — без всякого возраста!) лице.

— Хорошо, — кивнул он. — Заходи, Диомед!

* * *

Теперь уже не спешил я. Налить чашу, плеснуть Отцу Богов, Бромию плеснуть... всем остальным.

— И зачем тебе понадобился Протесилай Филакский, великий ванакт?

Он улыбался, но взгляд оставался прежним. Меня изучали — спокойно, неторопливо.

— Мне не нужен Протесилай, родич филакского басилея, — осторожно начал я. — Мне нужен тот, кого когда-то звали не Протесилаем, не Иолаем-Первым, а просто Иолаем. Иолаем, сыном Ификла, племянником великого Алкида Геракла.

— Вот как?

Когда мне рассказали, кто таков на самом деле Протесилай Филакский, я вначале не поверил. Иолай! Иолай Копейщик! Тот самый!

Оказалось — тот самый. Живет себе тихо, торгует помаленьку, о себе песни слушает. Молчит...

— Я приехал за помощью, Иолай!

Он кивнул, еле заметно дрогнул лицом.

— А почему ты думаешь, что я могу тебе помочь?

Меня испытывали. Впрочем, этот вопрос не был труден.

— Меня послал к тебе богоравный Эвмел Адрастид, мой дядя. Мы все втроем живем под меднокованым небом...

Снова кивнул. Помолчал. Отхлебнул из чаши.

— А почему ты думаешь, Диомед, что я захочу помочь тебе? Разве ты не мог найти кого-нибудь другого в нашем Номосе? Или в нашем Космосе?

Все верно! Сияющий Второго Шага! Как и я, как и дядя Эвмел.

Сияние — древнее знание, еще от первых людей — от тельхинов, гелиадов и тех, от кого даже имен не осталось. Знание о Едином.

Три состояния имеет мир, наша Ойкумена. Два из них: Космос, земные Номосы и Эфир, Номос богов. Третье же состояние — Единый, сотворивший мир из Себя. И те, кого мы зовем богами, — только его Вестники.

Второй Шаг... Страшно подумать, что знают сделавшие Третий! Те, что отвечают тремя словами: Номос, Космос, Вестник...

— Захочешь или нет, решать тебе, Иолай Копейщик. Может, и захочешь, когда узнаешь, что говорят оракулы о войне и мире.

Наконец-то он удивился!

Удобная вещь — папирус! Вместо двух дюжин табличек, ко-

торых только в сундуке таскать — один-единственный свиток. Сунул под плащ — и все. Недавно из Кеми целый корабль с папирусом этим пригнали. Дорогой, однако!

— Это за последние два года, — я развернул желтоватый хрустящий свиток, пододвинул ближе. — Дельфы, Додона, Элевсин, Истм, а также все известные прорицатели. Их часто спрашивают, воевать или нет. Мы же всегда воюем, Иолай! И вот... Все прорицания — за мир! Только за мир! Аполлон, Деметра, Посейдон, сам Кронион. Мир! Понимаешь?

— Пока еще нет, Тидид.

Он осторожно взял в руки папирус, скользнул по строчкам цепким острым взглядом...

— Пока еще нет. Но, кажется, ты приехал не зря!

Впрочем, прорицания — это только начало. Мелочь, в общем. Мало ли, что велят боги? Но за эти два неполных года, с тех пор как Агамемнон воцарился в Микенах, а Фиест-братоубийца навсегда сгинул где-то в аркадских лесах, в Ахайе не случилось ни одной войны. Ни единой! Да что там в Ахайе! Во всей Элладе! На островах, в Эпире, в Милаванде Заморской. Даже дорийцы — и те притихли. Гилл Гераклид совсем уже собрался за Эврисфеевым наследством в поход идти, железные мечи наточил. И что же? Остановили! Велел оракул дожидаться «третьего плода». Вот и думают дорийцы, чего именно? Третьего урожая — или правнуков? Думают — ждут.

Конечно, не только оракулы Арея Эниалия сдерживают. Братство Елены — живет братство! Кто бы подумать мог? И даже из Микен Златообильных мирные песни слышны. Под кифару. Словно Агамемнон Носатый — не Атреев сын!

Эллада не воюет! Да когда же такое было?

— Что еще?

От его невозмутимости не осталось и следа. В чужих глазах — холодный огонь. Мне даже не по себе стало. Кто он такой, этот Иолай? С дядей Гераклом все понятно было...

— Еще... — Я задумался. — Еще — урожаи. Каждый год зерно сыпать некуда. Скот чуть ли не даром отдают. Даже в самом маленьком городишке приморском гавани кораблями забиты. Строимся, дороги мостим, детей рожаем...

— И ни одной эпидемии, — тихо добавил он. — Ни единой! Даже лихорадки болотной!

— Да...

Иолай встал, дернул плечом, отвернулся, долго глядел на догорающий очаг. Прохладная весна в этом году, дождливая. Говорят, дожди день в день пошли — как раз к хорошему урожаю. И травы на пастбищах — хоть быков Критских выпасай!

— О Золотом Веке слыхал?

— Слыхал, — кивнул я. — Прорицатели говорят, что свадьба Елены — благословение для Эллады. Новый Золотой Век! Особенно после того, как у них с Менелаем дочка родилась. Божье знамение!

— И боги снова сойдут на землю, и подружатся с нами, и лев будет возлежать рядом с агнцем, питаясь травой...

Страшно было слушать его голос, хоть и звучал он спокойно, равнодушно даже.

— Ты рассказал мне об оракулах, сын Тидея. Я тоже кое-что слыхал... Дромосы закрыты, знаешь? Все!

— Все? — поразился я. — Но ведь дромосы — пути богов! Этими путями они...

— Закрыты. Даже главный — на Олимпе. Отрезали! А вот кого? Нас? ИХ? Семья-то и без дромосов обойтись может! Дальше... В Западный Номос больше нет пути — ни на Сицилию, ни на Сардинию. Еще год назад можно было, теперь — нет. Наши, ахейские поселения остались за гранью, что в них — никто не знает. И Северный Номос тоже — наглухо. Нас просто заперли!..

— Зато Восточный... — перебил я.

— Зато Восточный, — согласился Иолай. — Зато Восточный...

Последние два года только и разговоров у нас, что о Востоке. Все торгуют. И не просто торгуют! Уже и на Кипре поселенцы высадились, и в Киликии, и даже в земле филистимлян. Мирно, спокойно, без войны. Местные царьки сами приглашают! С Домом Мурашу — дружба, пираты Лаэртовы вкупе с молодцами Идоменея, Минотаврова племяника, мечи с копьями спрятали, товары возят. И вправду, зачем воевать? Приам Троянский, на что из пиратов пират и всем пиратам отец родной, и тот посольство прислал с Энеем-племянником во главе — договариваться.

Не к Агамемнону, не ко мне — к Менелаю в Спарту. Визит якобы родственный.

Неужто и в самом деле — Золотой Век?

— А еще — свадьба, — внезапно усмехнулся Копейщик. — Слыхал? Фетида Глубинная вышла замуж за Пелея Эакида. Богиня за человека! Не Елена — настоящая богиня, из титанид! И все боги на свадьбе гуляли, и нектар за счастье всеобщее пили...

— Золотой Век, — вздохнул я. — Мы и ОНИ — снова братья навек!

— Именно... А вот мы почему-то с тобой не рады, Диомед, сын Тидея!

В очаге умирали красные угли. Да, холодная весна, а ведь уже скоро Равноденствие. День Антесфорий — праздник Деметры. Говорят, она тоже была на Пелеевой свадьбе...

— Что же выходит, Диомед? Новый Золотой Век, благоденствие, богатство, мир. Мир на земле, привыкшей воевать. Мир среди людей, даже спящих с оружием. Оракулы успокаивают, боги снова сходят на землю... А что говорит твоя мать?

Я вздрогнул. Еще тогда, в Спарте, я понял — знает! Знает, Чужедушец! Но как я могу говорить о маме? С чужим! С тем, кому еще рано верить!

— Нас не слышат, — он понял, улыбнулся. — Здесь ОНИ не услышат!

— Хорошо, — вздохнул я. — Она не понимает. Она думает... надеется, что ДЕД отказался от Гекатомбы...

— По-жа-лел?

Так и сказал — по слогам. Словно выплюнул.

— Нет. Не пожалел. Восточный Номос — мы нужны там.

— Грибница?

Я ждал пояснений, но Иолай Копейщик вновь замолчал. Переспрашивать я не стал, узнаю. Просто надо запомнить — Грибница...

— Что будет, если пьянице долго не давать вина? Кормить, ублажать — но не подпускать к чаше? Как думаешь, Диомед?

Я не стал отвечать, но Иолай Первый и не нуждался в ответе. И так ясно — не выдержит пьяница, сорвется. Дверь с шипов, мордой в пифос — и вволю! До смерти!..

— Нам не дают воевать, хотя мы не можем не воевать. Нас

не приучают к миру — нас заставляют жить мирно. Растут мальчишки, которым снится война, стареют воины — те, кто недовоевал. Достаточно толчка. Я видел, что бывает в таких случаях с человеком. А если не с человеком — со всем народом? Со всем нашим Номосом?

Тяжело звучали его слова. И вновь показалось, что со мною говорит кто-то другой. Старый, все повидавший. Тот, для кого рубежи Номосов — не рубежи, ворота без створок...

— И еще — Восток. Нас к нему приваживают, как к хорошему вину. Мы торгуем, основываем поселения. А если это все отрезать? Одним ударом? Котел кипит, закроем крышку...

Замолчал Иолай, Иолай Копейщик, Иолай Чужедушец. Может, и права была пифия? Проще не знать, проще верить в Золотой Век...

— И чем помочь, не знаю. Я не бог, Диомед, и боги меня не послушают. Ты ванакт, тебе смотреть. Говорят, дядя... Геракл, он верил в тебя. Знаешь, он считал, что вы очень похожи!

Другой бы после таких слов возгордился. Да что там возгордился! На Олимп бы вознесся без всякого Пегаса!

Другой — не я.

— Похожи, Ификлид? Чем? Тем, что оба... больные?

— И этим тоже, — его голос прозвучал спокойно, без тени сочувствия. — Мой... дядя много лет не мог с этим справиться. Тебе все-таки легче, ванакт, ты, кажется, сумел. Когда ему... Алкиду было плохо, его спасал брат, Ификл. Дядя заметил, что твой друг...

— Сфенел, — усмехнулся я. — Богоравный из богоравных Сфенел Капанид. Когда один богоравный превращается в Дурную Собаку, другой слегка сдавливает ему горло. Помогает!

— Не в этом дело, — негромко возразил Чужедушец. — Просто твой друг оказывается рядом. Ты еще не понимаешь... Поймешь! Потом...

Спорить не хотелось. Может, Копейщик и прав. Может, и пойму...

Пора было уходить. Я встал, помедлил.

— Как мне сделать Третий Шаг, Иолай? Может, тогда я смогу...

Он качнул головой — медленно, не глядя на меня.

— Третий Шаг — это Шаг богов. Вернее, тех, кто называет себя богами. Попробуй!

Уже у порога я обернулся. Странно, с Гераклом было легче. Мне даже иногда казалось, что мы с дядей — сверстники.

— Когда мне было шесть лет, Иолай, мы с другом решили убить гидру. В Лерне, у моря...

— Ну и как?

Хотелось просто пошутить, но он даже не улыбнулся. Я развел руками:

— Убежали!

— Мне было тогда двенадцать, — холодно бросил он. — Я не бежал. Мы ее убили.

* * *

Если не хочется возвращаться...

Мокрая дорога под колесами, топот копыт, мелкий дождик в лицо. Славно! Так бы и ехал — до края земли и дальше, за край, к гипербореям, к Гесперидам. За край — а потом обратно. А может, и не надо будет обратно! Ведь говорят, мир наш вроде шара большого, и если бы не границы, что между Номосами легли, кругом объехать можно. Сначала один раз, затем другой...

Хорошо!

Особенно если не хочется возвращаться домой...

* * *

— Как тебе мое новое ожерелье, ванакт? Камни ничего, но работа все-таки не критская. Надо бы с торговца шкуру спустить, чтобы не врал! Застежка! Ну разве это критская застежка?

Кроме ожерелья, на моей супруге больше ничего не было. В гинекее она так и ходит — голой. Даже зимой. Вначале я надеялся — простудится, сляжет. Да где там!

— Мне надо в Пелопсовы Палаты...

— Успеешь!..

Богоравная Айгиала сняла ожерелье, аккуратно уложила его в алебастровый ларец, качнула худыми бедрами.

— Я, кажется, еще не вдова!

Я застонал — мысленно, конечно. Увы, она не вдова, а я — не вдовец. А я еще думал когда-то, для кого боги эту страхолюду сотворили? Оказалось, для меня. Худая, ребра кожу рвут, конопатая, левый глаз в сторону смотрит. И хорошо, если в сторону.

Но сегодня в мою богоравную в очередной раз вселились даймоны. Это бывает — когда я на несколько дней уезжаю. И когда в Палате Печатей задерживаюсь. И по храмовым праздникам. И по полнолуниям. И просто так.

И тогда Айгиала, дочь Амфиарая Вещего, вспоминает, что она еще не вдова.

Не накинулась, неспешно подошла. Знала — никуда не денусь. Так же аккуратно, как только что ожерелье, расстегнула фибулу на моем фаросе, хищно дернула губой...

— Я еще не вдова, ванакт!

...Вначале она попыталась называть меня «Диомедиком» — по примеру братца Заячьей Губы. «Диомедика» я пресек. Это была первая победа — и последняя.

— Не вдова!..

Каждый раз, когда я ложусь на нее, опасаюсь, что ребра моей богоравной супруги прошьют меня насквозь. Но это было бы не самой большой бедой.

(А еще у нее изо рта пахнет! Благовония сидонские бочками покупает, а изо рта — как из поварни, когда там котлы моют.)

— Ну, что стоишь? Иди! Иди сюда, быстро!

Все! Пропал! Костлявые руки — засовом на спине, худые, в рыжих волосах ноги бока сжимают...

— Ты... мой супруг! Богами... богами данный! Ясно? А я — не вдова! Не вдова-а-а!..

Задергалась, зашипела, завыла. И мне выть захотелось...

Но даже не это — самое скверное. И даже не то, что ей больше по нраву женщины, а не мужчины (в добрый час, женушка!). Я думал, она дура, конопатая сестричка Алкмеона.

Зря думал!

— Не спеши! Еще успеешь... к своей!

Оскалилась, медленно провела ладонью по мокрому лону, лизнула палец, затем другой.

— Я не оставлю твоей Амикле и капли! Понял? Ты будешь сеять только в меня! Я — твоя жена. Твое семя — мое!

— Вот как? — огрызнулся я. — А что же ты, богоравная, всех рабынь во дворце перелюбила?

— Завидуешь, муженек? Завидуешь?

Ее пальцы легли на мои колени, поползли — выше, выше...

— А давай договор заключим! Ты свою рабыню бросишь, а я

тебе любую женщину приведу. Прямо сюда! Хочешь Креусу, жену Полидора? Она толстенькая, щипать приятно...

Я попытался отстраниться, да где там! Держит, не отпускает. Сколько же даймонов в нее вселилось на этот раз? А может, и без них обошлось. Просто шепнула какая-нибудь гарпия, где я по вечерам бываю. Много тут гарпий, в Новом Дворце!

— Я не против, если ты задерешь кому-нибудь юбку, ванакт! Мне даже интересно поглядеть будет. Люблю смотреть! Но я не потерплю соперницы у трона! Понял? Не потерплю! С рабынями можно спать, но не любить их! А сейчас ты будешь любить меня! Я тебя высушу, муженек, высушу! Высушу! Ничего ей не оставлю!

Ее пальцы — опытные, гибкие — уже взялись за работу. Богоравной Айгиале было двадцать семь, когда боги (ух, боги!) наконец нашли ей мужа. Эти годы она не потратила зря. Как-то призналась, что первым у нее был младший брат — Алкмеон. Я даже не удивился.

— А твою рабыню я достану, достану, достану! Она слишком много возомнила о себе, храмовая подстилка! Молчи, я — твоя жена, молчи!

Губы скользили по телу умело, расчетливо, пальцы знали свое дело, и я вдруг понял, что сейчас, в этот миг, я хочу эту некрасивую, не любящую меня женщину, хочу, чтобы она выла, царапалась, дышала мне в лицо...

— Вот так! А теперь подумай, как ты меня ненавидишь! Как я ненавижу тебя! Как я сейчас закричу, потому что ты умеешь делать больно, больно, больно!.. У меня было много мужчин, они так же лежали на мне, они были во мне, и я их ласкала, ртом, губами, руками, я глотала их семя...

Я ненавидел ее. Ненавидел — и хотел. И это было самым страшным.

* * *

В Лерне — порядок, в Трезенах — порядок, в Тиринфе — порядок. И в Аргосе тоже — порядок. Хоть табличек с донесениями не читай!

Я и не читаю. Дядя Эвмел читает. Читает — откладывает. Налево — направо, налево — направо.

Вечер, мягкий сумрак за окнами, Палата Печатей. Мы с дядей вдвоем. Ему домой неохота — и мне неохота. Собственно, я

дома, за стенами Лариссы Неприступной, в Новом Дворце. Уже четыре года как дома! Но... никак не привыкну. Все хочется на Глубокую, но там сейчас пусто, да и дом уже не тот — новый, чужой.

То ли дело Капанид! Придет к себе, в обитель богоравных Анаксагоридов, посадит на шею богоравного Комета Сфенелида, а тот его за бороду — хвать! (Выросла-таки у Сфенела бородища! Не то что у меня — смех на подбородке.) Капанид — басом, и Сфенелид — басом. Завидно даже! И у Промаха сын (Дылдид, стало быть), и у Полидора. А у Эвриала — дочка. Коричневая, вся в папу...

— От Менелая, Тидид! Он о посольстве пишет.

Ах да, замечтался!

— Мы с тобой ошиблись. Главный в посольстве не Эней, а Парис. Парис Приамид.

— Кто? — лениво удивился я. — Это от какой жены?

Упомнить всех сыновей Приама Троянца не может никто. По одним спискам их сорок восемь. По другим — пятьдесят два. Вот кого жены высушили! Ему, Лаомедонтиду, и пятидесяти нет, а, говорят, хуже дяди Эвмела выглядит.

— Представь себе, от старшей, Гекубы. Вырос с пастухами, недавно взят ко двору, жена до сих пор коз пасет...

— Чушь какая-то! — отмахнулся я, разом потеряв всякий интерес к неведомому мне козопасу Парису. — Да что нам за разница?

— Уровень! — Дядя наставительно поднял палец. — Одно дело — во главе посольства опальный родич, такой, как Эней Анхизид, совсем другое — сын от старшей жены. Кажется, Троя действительно желает договориться.

Я пожал плечами. И тут — всеобщий мир, торговля и грядущее благоденствие. Скоро и вправду можно будет править, сидя лицом к югу!

...Если бы не Иолай! Если бы не отчаянный крик пифии! Если бы не предчувствие — давящее, не дающее спать по ночам. Слишком все хорошо в богоспасаемой Элладе! Слишком все хорошо!

...Пьяница, которому не дают пить. Кипящий котел под закрытой крышкой...

— Грибница, — вспомнил я. — Иолай сказал «Грибница», дядя! Вернее, он сказал: «Восточный Номос — Грибница». Это что-то важное?

Дядя отложил табличку с письмом из Спарты, вынул из-под века хрусталь.

— В общем, нет. Во всяком случае, ничего нам не объясняет. Если хочешь, расскажу...

Вечер, мягкий сумрак за окнами, легкое потрескивание светильников. В Аргосе все спокойно. Нам с дядей никуда не хочется идти...

* * *

...Вот даже как? Выходит, без нас ОНИ — просто призраки? Выходит, мы сами пустили ИХ, эту Семейку, в наш Номос? Без Грибницы — храмов, жертвенников, идолов, герм (радуйся, Ворюга, люблю тебя!) — ИМ не ступить на нашу землю, не услышать, не увидеть нас. Без нас ОНИ просто умрут с голоду, как покрытый паршой нищий в зимнюю ночь! Вот почему нас заставляют строить храмы, алтари, воздвигать кумиры — то, что связывает ИХ с нашим миром! Не первый век строим! И теперь Грибницы опутывают всю Элладу, но Им этого, кажется, уже мало, и теперь нам придется тянуть ИХ Грибницы дальше — на восток, в чужой опустевший Номос.

А впрочем, чему удивляться? Это для нас они — боги, а на самом деле вся эта Семейка — просто Вестники, Вестники Единого. Вестники, забывшие передать Весть...

Как все просто! Да только Грибницу можно и ножичком — острым, аласийской бронзы. А можно и просто — с корнями...

Ох, интересно получается!

* * *

— Все кончается, господин мой Диомед! Все когда-нибудь кончается!

— Нет, маленькая, нет...

На Амикле — критское платье. То самое, в котором она приехала ко мне в Куретию. Давний подарок братца Ферсандра! Почему она надела его сегодня?

— Все кончается, мой Диомед! Ты уже взрослый, и тебе уже не нужна глупая девчонка, которая умеет только одно — любить тебя...

— Мне только двадцать! Тебе и восемнадцати нет. Но ты не глупая девчонка!

Ее ладонь легко касается мой щеки — как когда-то.

— Мы выросли, господин мой! Ты уже не тот мальчишка, что мог любить меня, забыв обо всем, а я не глупая девчонка, которая имела наглость прекословить богине. Мы оба стали взрослыми...

— Погоди!

— Выслушай! — Ладонь ложится мне на губы. — Все-таки я немного Киприда, я научила тебя любви. Но сейчас я тебе уже не нужна.

— Прекрати! Сейчас же прекрати!

Я сжал ее плечи, вдохнул такой знакомый запах — запах ее кожи, прижался губами к губам. Она не двинулась с места. Ждала.

Я отстранился — недоумевая, в растерянности. Что-то не так! Почему я не вижу серебряного пламени, не слышу ночного ветра? Богиня исчезла, осталась женщина. Очень красивая женщина в дорогом старинном платье...

Да, что-то не так. И не сегодня это началось, не вчера...

— Дело не в твоей жене, Диомед! С ней все как-то устроится, уляжется. Дело в нас с тобой. Разве я не вижу? Ты заставляешь себя спать со мной! Ты даже глаза закрываешь! Разве можно так, насильно!

— О чем ты? — поразился я.

— О нас. О нас, господин мой Диомед. Нельзя любить память. И в благодарность любить — тоже нельзя. Любят просто — как и умирают. Может, если бы у меня были дети... Говорят, только ребенок может вернуть любовь. Но боги рассудили именно так. Прощай!

— Ты что? Ты!..

Она медленно встала, улыбнулась.

— Помнишь это платье? Когда ты обнял меня там, у шатра, я вдруг поняла, что лучше уже никогда не будет. Никогда! Знаешь, я боялась гнева богини, думала, что Пеннорожденная отомстит... Но она добра, я вернусь к ней. Не ищи меня, господин мой! Мы никогда не забудем друг друга, но — не ищи!..

Я замер, застыл, окаменел. Словно все это было не с нами. Словно не Амикла уходила от меня. Словно не мне надо немедленно что-то сказать, придумать, сделать...

В последний раз прошелестела тяжелая критская ткань...

Я так и остался стоять, не понимая. Все еще не понимая. Не желая понимать!..

* * *

— Тидид? Да ты чего? Ночью, один, без гетайров?

— Пошли они все к воронам, о богоравный басилевс Сфенел! К Гадесу! В Ехиднин афедрон! К Кроновой бабушке!

— Гм-м-м... А может, выпьешь? Сейчас принесут, мне недавно кипрского прислали. Да что случилось-то? Не с Амиклой?

— Капанид, ты... Больше никогда... никогда не произноси ее имени! Понял, ты, богоравный? Понял? Понял, ванакт недовенчанный?!

— М-м-м... Тебе разбавить? Знаешь, первую лучше не разбавлять. По-фракийски.

— Думаешь, поможет?

— М-м-м... А про других женщин можно... это... произносить? Слыхал, Елену украли?

— Золотую? Из храма на Глубокой?

— Не-а, настоящую, из Спарты. Служанка с торга прибежала, кричит...

— Да не мели ерунды, Капанид! Давай и в самом деле... По-фракийски.

* * *

— Нет-нет, украли, ее действительно украли, Айгиалочка! Эней ее украл, Приама Троянского родич! В мешок посадил, на корабль притащил... Менелай-то, бедняжка, как раз на Крит перед этим уехал, деда хоронить!

— Да что ты говоришь, милочка?

На этот раз моя супруга изволила надеть хитон. Правда, очень короткий. Такой же, как на Креусе, жене Полидора.

— Погнались за ними, да куда там! Эней ведь, говорят, самой Киприды сын, вот она ветры и послала...

На меня, хвала богам, внимания пока не обратили. Заняты — моя богоравная супруга Креусу по плечику пухлому гладит, та ее — по коленке.

Я бы сюда, в свои (мои, ха!) покои и не заходил, но надо же фарос сменить. Больно фракийский у него вид после вчерашнего!

— Ой, Тидид! А я вот Айгиалочке рассказываю...

Посмотрела на меня. Умолкла.

— Ну, я побежала! Мне еще в храм надо, к Гере Анфии, мы с

Полидориком жертву приносим за нашего маленького. Ой, где мой гиматий? Ты знаешь, Тидид, здесь так жарко, так жарко, хоть голой ходи... Ой!

Я проводил ее взглядом и побрел к себе, не желая ни видеть, ни слышать, а уж разговаривать — тем более. Но куда там!

— Еще и пьянствуешь? Хорош, ванакт аргосский!

— Алкмеон был лучше, — буркнул я, не оглядываясь. — Поезжай к нему, он, говорят, сейчас в Акарнании...

— Я с тобой разговариваю!

Обернулся. Рядышком уже она, моя богоравная! Губы поджала, глазами сверкает.

— Я не желаю, слышишь, не желаю, чтобы мой муж, ванакт Аргоса, шлялся по ночам неизвестно где! Я не желаю, чтобы об этом болтали на торге!..

Зря это она! Даже зайца не следует загонять в угол. Говорят, заяц от отчаяния орла убить может. А я, в общем-то, не совсем заяц.

— Если ты не одумаешься, я обращусь к совету гиппетов, я...

— Угу, — кивнул я.

Посмотрела мне в глаза. Осеклась.

— Мне — новый фарос. Подбери получше. И хитон.

— Я тебе не служан... — дернулись губы. — Сейчас, ванакт!..

— И еще! — перебил я. — Мы, кажется, кое о чем договаривались, богоравная. Я расстался с Амиклой...

— Расстаются с женами! — прошипела она. — Блудливых рабынь гонят взашей!

Оставалось улыбнуться.

— Я расстался с Амиклой, о моя богоравная супруга. Поэтому сегодня позовем служанку, а лучше двух. Ты ведь говорила, что любишь смотреть?

— Ты!.. Ты не посме... — выдохнула она, скривилась... смолчала.

— И так будет каждый вечер — пока я хочу. Поняла?

Первый раз за два года мне было приятно смотреть на собственную жену.

АНТИСТРОФА-I

— К сожалению, это правда, — вздохнул дядя Эвмел. — К сожалению...

Давно в Палате Печатей не было столько народу! Сфенел,

Амфилох, Киантипп, Полидор (даже к Гере Анфии не пошел, толстяк!). Ну и мы с дядей.

Маленький свиток папируса лег на столик. Дядины пальцы развернули его... свернули.

— Пока известно вот что... Париса в посольство включили в последний миг, должен был ехать один Эней. Говорят, Парис сам настоял, хотя Гелен и кое-кто еще из старших Приамидов были против. Переговоры вел Эней, речь шла о гарантиях судоходства на море... В общем, ничего необычного. Но тут его, Менелая, пригласили на Крит. Там годовщину справляли — по Катрею, его деду по матери...

Мы переглянулись, все еще не веря. Каждый из нас слышал — на улице, на торге, от собственной жены. Слышал — и отмахнулся поначалу. А, выходит, зря!

— Через два дня после его отъезда Елена приказала погрузить на корабль все свои сокровища. Сказала якобы, что это ее богатство, а не мужа. На корабль села сама, взяла с собой служанок... Дочку оставила...

— Сука! — негромко бросил Амфилох.

Мне казалось — возразят, возмутятся. Ведь это же Елена!

Смолчали.

— Когда уезжала, велела сказать, что отныне — она супруга Париса Приамида...

— А мне сказали — Энея! — встрял Полидор.

(Знаю, знаю, толстяк, кто тебе это сказал!)

— Пока трудно понять, — дернул плечами дядя Эвмел. — В общем, Менелай послал корабли в погоню, но никого не нашел. Говорят, их на юге видели, у Сидона. Вот и все!

— Ничего себе, все! — не выдержал я. — Даже если Елена с ума сошла...

— Сука она! — это уже Полидор.

— ...Куда Эней смотрел? Ведь он-то — не козопас, не мальчишка! Ведь им двоим Приам головы оторвет!

— А может, и нет...

Дядина рука нащупала палочку. Киантипп подбежал, помог.

— А может, и нет, мальчики...

Дядя медленно прошел к окну, поглядел в низкое, затянутое тучами небо.

— Первое, что в голову приходит, — Гесиона. Помните? Лет двадцать назад Теламон вот так же гостил в Трое и увез с собою дочь Приама. Мерой за меру...

И вновь мы переглянулись. Было дело! Теламон Эакид, папаша бычелобого Аякса! А его брат Тевкр — сын Гесионы!

— А может, мальчики, и того хуже. Парис говорил, что Елену ему подарили боги. Трепал языком, наверное. А если нет?

— Но ведь Елена — богиня! — В голосе маленького Киантиппа звенел ужас. — Разве богиню подарить можно? Дядя Эвмел, дядя Диомед, объясните!..

Кто-то выругался — негромко, зло.

От души.

* * *

— Сама не понимаю, сынок! Ничего не понимаю! И никто из НАС не понимает.

— Почти никто, мама! Почти! Ведь кто-то из ВАС это придумал?

— Не знаю... Болтают о каком-то яблоке...

— Яблоке?!

— Представь себе, Диомед! Будто бы на свадьбе у Пелея кто-то кинул золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей»...

— Так эта надпись на яблоке бы не вместилась, мама! Там же столько значков! Может, это репа была?

— Вот-вот, и я о том... И будто бы из-за яблока МЫ поссорились, кому, мол, достанется. Волоокая[1]*, Киприда и я отправились к Парису на Иду, чтобы он рассудил...*

— Что за бред?

— Не бред, сынок! Не так глупо и придумано — для козопасов, которые представляют нас ничуть не лучше своих немытых жен. Парис якобы вручил яблоко Киприде...

— А она сосватала Парису Елену... Да-а!.. А что на самом деле?

— Я же тебе говорю — не понимаю! НАШИ, те, у кого в Восточном Номосе уже есть Грибницы, очень волнуются, да и другие тоже. Ведь может быть... Может быть война, сынок!

— Да что ты, мама! Мой родич Фоас как-то сказал, что из-за женщин нельзя начинать войну. У тебя жену украли, а ты у врага укради! Воевать-то зачем? Елену вернут, Париса сошлют к гипербореям...

— Если бы... Если бы, сынок!..

---

[1] Волоокая — Гера.

* * *

— Сука! Елена — сука!

— Су-у-ука-а-а!

Золотой истукан качнулся — раз, другой. Рухнул...

— Сука! Предала! Всех нас предала! Сука!

Теперь по золоту молотили — камнями, дубинами, ногами, чем попало. Молотили, плющили, уродовали лик...

Толпа пришла сюда, на Глубокую, еще с рассветом. Стояли, окружив знакомый мне с детства храмик, шептались, потом стали кричать. Стражников не трогали, просто в сторону отодвигали. На нас с Капанидом и не смотрели. Будто бы не аргосские владыки у гибнущего храма стоят.

— А мы ей молились! Этой суке молились! Поджигай! Храм поджигай!

— Тидид! — Голос Сфенела дрожит. — Нельзя! Нельзя, чтобы так! Храм ведь!

— А как? — вздыхаю я.

Мне тоже жаль, до боли жаль Золотую Елену, богиню нашего детства, нашего маленького царства-государства на Глубокой. Сколько раз забегали сюда, молились, говорили о Ней! Но — поздно. По всей Ахайе, по всей Элладе громят храмы, разбивают статуи, оскверняют алтари...

Уже не богиня — сука!

— Предала! Предала! За Парисов приап предала! Заглотнула — понравился! Су-у-ука! Жги! Жги-и-и!

Вот и хворост с соломой несут. Стража догадалась, к соседним домам отступила. А там готовятся — пифосы с водой выкатывают, чтобы огонь не перекинулся...

— Кол ей вогнать! Чтобы изо рта вышел! А Парису приап его вонючий оторвать! Оторвать! Оторва-а-ать!

— Жги-и-и-и!

Занялось! Сперва неохотно (мокроват хворост!), затем все сильнее, сильнее. А стражники уже сами солому подкидывают...

И ничего не помогает! По всем храмам жрецы орут-надрываются, что не бежала Прекрасная — похитили. И нет ее вины, один Парис-богохульник, обычаи гостеприимства предавший, за все в ответе. И Тиндарей с Менелаем о том привселюдно заявили, и я объяснить пытался...

Да где там!

— Как же теперь, а? — вздыхает Капанид, а у самого — глаза мокрые. — Ведь Елена! Она... Эх!

А храм горит, горит сказка нашего детства, горит мечта о Зо-

лотом Веке. По всем городам, по всем селениям, по всей земле. Прощай, Елена, прощай богиня наша!

Горит!

Жарко пылает! Отступила толпа, затихла. Но ненадолго.

— Различно женщин нрав сложил вначале Зевс.
Одну из хрюшки он щетинистой слепил.
Все в доме у нее валяется в грязи!

Поют? Да быть не может! Поют! Вразнобой, друг друга перебивая. И ведь что-то знакомое!

— Другую из лисы коварной создал бог —
Все в толк берет, сметлива, хоть куда.
Иной передала собака верткий нрав,
Проныра — все бы ей разведать, разузнать,
Иной дал нрав осел, облезлый от плетей...

Поют! Только тогда, в Куретии, смешной песня казалась. Смешной — и глупой. А вот теперь...

— Да это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —
Хозяин от жены без меры терпит зло.
От зла такого войнам скоро быть,
И брани быть, и городам гореть...

Да что за чушь! Какая война? С кем? С Парисом?

А они уже и за руки взялись, вот-вот танцевать пойдут! И вдруг я понимаю, что это. Ареева пляска — древняя, почти забытая. Сперва за руки схватиться, затем притопнуть, потом — по кругу — сначала медленно, потом быстрее, быстрее. Ее в доспехах пляшут, но можно и так...

Есть! Пошли!

— И женщины вина, а не богов,
Что сгинут и герои, и вожди.
Не жить богов потомкам на земле!
Такое зло из зол зиждитель создал, Зевс!

Горит храм, гремит песня, бьют сандалии в мокрую от дождя землю. Ареева пляска — по всему Аргосу, по всей Ахайе!

...И женщины вина, а не богов, что сгинут и герои, и вожди!..

* * *

...А Кронос-Время вновь крутит свое хрустальное колесо, и не оглянуться, не остановиться. За дождями — жара, за набухшими почками — зеленое буйство, но некогда подумать о близ-

ком лете, о тихой красоте дубового леса, где мы часто гуляли с Амиклой, о Плевронском поле, куда дядя Андремон собирает бородачей на лихие куретские игры. Даже к эфебам съездить некогда, без меня им придется выполнять летнее задание (ох, шуму будет!). Некогда, некогда! Кронос-Время спешит, отбивает такт топотом конских копыт, гоня задыхающихся гонцов по пыльным дорогам. Растет гора табличек в Палате Печатей — глиняных, деревянных, алебастровых. Словно крепость строим — без ворот, без калитки. Камень за камнем, кирпич за кирпичом...

«От Аякса, сына Теламона, басилея Саламинского, его брату Диомеду, ванакту Аргоса.

Радуйся, Диомед! Настало время вспомнить о клятве. Я готов, а ты?»

«От Антилоха, сына Нестора, наследника Пилосского, богоравному Диомеду, ванакту Аргоса и всей Ахайи.

Радуйся, богоравный Диомед! Парис-троянец безбожно поглумился над нами. Стерпим ли? Пилос готов, что скажешь ты?»

«Менестей, басилей Афинский, своему брату, ванакту Диомеду Аргивянскому, желает радоваться!

Наглость троянских пиратов должна быть покарана. Мы готовы. Почему ты не с нами?»

От Пенелея, сына Гиппалкима, от Поликсена, сына Агастена, от Амфимаха, сына Ктеата, от Полипойта Пиритоида, от Асклепиадов Подалирия и Махаона, от эвбейцев Схелия и Эпистрофа, от Патрокла (от Патрокла!)...

...готовы, мы готовы, готовы, готовы, готовы...

«Ванакту Диомеду, куретy этолийскому, от басилея Идоменея, курета критского. Долго еще будете думать? Мои корабли уже в море. Если хочешь, подброшу до Троады, возьму полцены!»

Минотавров племянник шутит. Он уже все решил, загорелый дочерна критянин. Ну еще бы, троянский флот для него — кость в горле!

Шутит — да только мне не смешно.

А Протесилай Чужедушец молчит. Но кому интересен родич филакского басилея? Микены тоже молчат — настороженно, угрюмо. Менелай сейчас там, у брата, и, говорят, не он один...

«От Эврипила, сына Эвемона богоравному Диомеду, ванакту Аргоса.

Радуйся, Диомед! Клятвенная кровь взывает! Мы готовы...»

И этот готов! К чему? В Трое ничего не знают (не знают?), Приам руками трясущимися разводит: нет их, не приплывали, возмущен, ищите, сам искать буду!.. А чернобокие корабли плывут по волнам, по виноцветному морю, и в трюмах у них — не бочки, не пифосы с амфорами, не зерно — слухи. В Кеми Елена, в Сидоне, в Аскалоне Филистимлянском, в Ершалаиме, в Тарсе... Разберись, кто хочет! Да только некогда разбираться. Клятвенная кровь взывает, и мы уже готовы, и троянских купцов уже не пускают в Навплию, и снова зашевелились Лаэртовы удальцы — Елену на каждом синебоком[1] корабле искать...

Кстати, о Лаэрте. Уж не с Итаки ли этот папирус? Всем папирусам папирус — гладкий, ярко-желтый, хрустит приятно. За такой и десять овец отдать можно!

«Богоравному Диомеду, сыну Тидея, от Одиссея Лаэртида, басилея Итакийского...»

Любимчик?! Объявился-таки! Но почему басилей?

«Радуйся, Диомед! Отец отрекся, я теперь правлю. Мне — Итака, отцу — все остальное. Пенелопа снова в тягости, оракул говорит — мальчик родится. Помолись со мною, чтобы на этот раз все в порядке было! Торговля удачная, у овец хороший приплод...»

Хоть один нормальный попался! И как не позавидовать Лаэртиду? Жена, маленький остров, свой, не чужой, у овец приплод

[1] Троянские корабли были окрашены в синий цвет, ахейские — в черный.

хороший. И никакой Трои с Парисом и Еленой в придачу! Жаль, нет времени в гости съездить, из лука пострелять (обещал ведь научить, обещал!), с хлопотуньей Пенелопой познакомиться...

Некогда! Крутит Крон-Время хрустальное колесо, мечется челноком ванакт Аргоса, и не править ему больше лицом к югу, а править лицом к востоку. Там, у берегов желтого Скамандра, на высоком холме громоздится Троя, Крепкостенная Троя, где за стенами неприступного Пергама-акрополя спрятался старый хитрец Приам, у которого своя игра, свой умысел...

Никто не говорит о войне. Вслух. Пока. О Парисе кричат, о Елене, о троянских пиратах. Не о войне. Но розоперстая Эос уже встала, и вот-вот из самых глубин черного Тартара вылетит Кера с криком зловестным...

* * *

Ночь, руки за головой, из открытого окна — яблоневый дух. Давно эти яблони в Лариссе посадили, говорят, еще сам Пелопс саженцы из Трои привез...

Троя! Даже тут — Троя!

— Поедешь в Микены, ванакт?

— Придется...

Моя богоравная — рядом. Тихо лежит, тихо спрашивает. И вообще, присмирела она, Айгиала, дочь Амфиарая Вещего. То ли запал прошел, то ли даймоны в отлучке, то ли поняла ванактисса: меня дразнить — волка за хвост дергать. Особенно сейчас.

— Диомед, так не годится!

Ну вот! Уже и «Диомед»?

— Не ешь, ночами не спишь, черный весь...

— Это Эвриал черный, — улыбаюсь я одними губами. — Коричневый. Не годится, говоришь? А как годится?

Молчит. Дышит.

— Может... Служанку позову?

— Которая пыхтит? — подхватываю я. — Или которая спрашивает, ложиться ей или собачкой встать?

Молчит. Да, присмирела. Недолго учить пришлось!

— Я... Я, наверное, плохая жена, ванакт. И детей боги нам не посылают... Может, к оракулу?

Лучше бы и дальше молчала! К оракулу... Амикла тоже думала, что дело в ней, и тоже богов спрашивать собиралась. А дело, кажется, во мне.

Ядовитое семя! А мое еще и бесплодное... Да пошлет Гера

Анфия Любимчику сына! У его Пенелопы первая тягость сорвалась, как раз год назад, она ведь еще совсем девчонка, пятнадцати не исполнилось. И сейчас они с Лаэртидом, наверное, места не находят, волнуются, все жертвенники обходят на своей козьей Итаке...

А здорово там жить! Все равно делами старик Лаэрт вертит, а Любимчику только забот — овечий приплод подсчитывать. Ну, еще козий.

А как он из лука стреляет!

— Не спишь?

— Не сплю...

Яблочный дух за окном, яблочный дух в спальне. Вовсю цветет, белой кипенью. Говорят, к холодам это, к осенним ветрам. Трудно будет войска через море перебрасывать, если уже этим летом...

Стоять! О чем это я? Тоже с ума сходить начинаю, как и все?

— Диомед, ты... Если эта рабыня... Амикла так тебе дорога...

— Молчи!..

Молчит. Умная она, ванактисса Айгиала. Призналась недавно, что ей самой замуж за меня хуже смерти идти было. Из-за брата, из-за Заячьей Губы. Как ни считай, а враг я ему, смертный враг. Вот и тешилась! Я-то ей совсем мальчишкой кажусь, не сын, так младший брат — точно. Шкодливый недоросток, охочий до смазливых рабынь...

— Ну хорошо, я виновата! Я виновата, Диомед! Найди ее, пусть все по-прежнему будет, может, хоть по ночам станешь спать!

— Не будет...

Амиклу не надо искать. Все там же она, в храме Афродиты Горы. Сотни глаз у ванакта Аргосского, сотни ушей. Не спрашивал, не намекал даже — все равно рассказали. Упала Амикла перед мраморным алтарем и целые сутки лежала — как мертвая. К ней и подходить боялись. И сейчас не подходят. Служит она, ладан заморский в кадильницы подкладывает и — ни слова. Никому. Так и зовут ее — Немая Киприда...

Как-то Фремонид-гетайр не выдержал — намекнул. Великое ли дело — рабыню из храма выманить да на ложе ванактово доставить? Хорошо еще, сдержался я, не стал отвечать. А сам ту девочку в Фивах вспомнил. Столько лет не вспоминал, а тут...

Не будет! Ничего не будет! Даже если вернуть, если уговорить. Не блеснет перед глазами неверное колдовское серебро, не унесет меня ночным ветром. Ты снова ушла от меня, Светлая!..

— Может, я сама...

— Молчи! Спи лучше!

Пусть спит! Я-то точно не усну, так и буду лежать до рассвета всю эту яблоневую ночь. Днем свалюсь — после полудня. А сейчас надо глаза закрыть, представить, что рядом Амикла...

Нет, нельзя! Нельзя вспоминать, только хуже станет! И о войне нельзя думать, будь она проклята! И о богах... Вот ведь притча! Взвыли оракулы, по всей Ахайе взвыли, да только на разные голоса. Тюрайос в Дельфах, Поседайон Черногривый на Эвбее, Артемида в Орхомене и даже Эниалий (сам Арей!) на Крите — нет, нет, нет! Никакой войны, мир! А остальные — хоть и не о войне, зато о мести. Не должно, мол, оскорбление такое сносить! Ну дела! Словно там, на снежном Олимпе, ОНИ переругались!..

Не выдержал, встал, к окну подошел. Здорово яблони пахнут! Хоть что-то хорошее от Пелопса осталось!

...А может, и вправду — переругалась Семья-Семейка? Ведь кого в Трое, в Мисии, в Лидии чтут? ИХ и чтут — Аполлона с Ареем, Артемиду с Черногривым. У НИХ и Грибницы готовы — храмы, алтари, кумиры. Дым жертвенный дымится, овцы в ужасе предсмертном блеют. ОНИ уже там, в Восточном Номосе. Ведь кто стены Трои строить помогал? Опять же — Поседайон с Тюрайосом! Там ОНИ! А остальные?

— Диомед, может, хоть вина выпьешь?

— Не хочу...

Не спит богоравная! А ведь упрись я тогда, два года назад, кто знает? Так ведь насели, в горло вцепились: мир в Аргосе, Амифаониды править должны, долг ванакта! Вот и портим мы с Айгиалой друг другу жизнь! Согласно долгу. Может, если бы не это, то и Амикла...

Назад! Я закрыл глаза, глубоко вдохнул напоенный яблочным духом воздух. Не о ней! И не о НИХ тоже! Вот и не сплю по ночам — от таких мыслей! Эх, знать бы точно, что у НИХ там раздрай! Правильно хабирру[1] говорят: дом, надвое расколовшийся, не устоит. И Олимп, будь он хоть трижды снежный, не устоит! Войско бы собрать — из тех, кто не боится. Как покойный дядя Капаней. Грибницы ИХ проклятые — под корень, а затем...

Худые ладони легли мне на плечи, и я невольно вздрогнул. Ей бы в засаду, моей супруге! Подкралась — не заметил. И как хитон сбросила — тоже не заметил.

— Пойдем!..

Хотел рыкнуть, поглядел на нее и вдруг понял — пойду.

И кто же из нас кого приручил?

---

[1] Хабирру — иудеи.

* * *

Отмашка правой, кулак — на середину панциря.

— Радуйся, ванакт!

— Радуйся, Эматион! — слегка растерялся я. — Что случилось?

На этот раз удивился он, мой лавагет. А Эматиона нелегко удивить!

— Но... Прибыл доложить, ванакт. Состояние войска...

Я помотал головой. В глазах все еще рябили значки: наши, критские, хеттийские. Груда табличек на столике угрожала вот-вот рухнуть. Кое-какие из них приходилось читать самому. Увы, даже дяде Эвмелу одному с ними не справиться. Раньше в день две-три приносили, а сейчас — по два десятка. А тут еще в Микены ехать...

— Докладывай!

А в руках Эматиона — еще одна табличка, с полщита размером.

— На сегодняшний день, ванакт...

Слушал я, что у нас с войском на этот самый сегодняшний день, и все понять не мог. Все это я без всякой таблички помнил: гарнизоны, запасы оружия, колесницы, корабли. Служба у меня такая — все помнить. А ведь лавагет зря не явится! Стой, стой, а о чем это он?

— ...Без угрозы для безопасности страны мы можем полностью вооружить, обеспечить припасами и направить: из Тиринфа — полторы тысячи человек и сто лошадей, из Лерны — пятьсот человек и пятьдесят лошадей... — Слушал я, запоминал по привычке — и понемногу дурел. Куда направить? Зачем? Пять тысяч семьсот человек, четыреста двадцать лошадей, сорок колесниц...

— Основная трудность — корабли, ванакт. С теми, что у нас имеются, мы можем перебросить только треть. Поэтому желательно договориться...

— С кем? — не выдержал я. — С кем договориться, Эматион? Что с тобой?

Замолчал, моргнул изумленно:

— Так ведь... Ты же едешь в Микены, Тидид. К Агамемнону! На всякий случай ты должен знать! Если война...

И тут я все понял. Вот ведь как получается! Никто ни на кого не напал, даже не пытался, посольств с угрозами не присылал, городов и сел не жег, не палил... а мы уже войска считаем!

С кораблями! В Аргосе считаем, и наверняка в Пилосе тоже. И в Спарте, и в Афинах, и в Фивах, и, конечно, в Микенах...

А я все жду, пока Кера крикнет! Да она уже здесь, во все горло орет!

— Ты прав, Эматион, продолжай...

— Есть, ванакт! Трудностей с припасами не будет. Урожаи последних лет позволяют обеспечить войско приблизительно на полгода вперед. Кроме того, возможен большой приток добровольцев. Мы не воевали, не несли потерь, в селах много молодежи...

Я только вздохнул. И припасов хватает, и людей. Еще бы, ведь у нас на дворе — Золотой Век!

СТРОФА-II

Дождь нагнал нас уже за Тиринфом, как раз на микенской границе. Даже не дождь — ливень. Кромешный, ни неба, ни земли не видать. Не поймешь даже, на своей мы земле или уже к соседям перебрались. Туча, черная, пузатая, над самой травой ползет, а вот уже и молнии поблескивают...

— Туда, ванакт!

Хвала Гермию Дорожному — не забыл о нас! Харчевня, навес для лошадей...

— Туда!

А под навесом — не протолкнуться. И в харчевне (маленькая, из кирпича-сырца, под черной деревянной крышей) — не протолкнуться. Не одни мы от Зевесова буйства прячемся!

— Тебе лучше побыть тут, ванакт. Там... не очень.

Если Мантос, старшой гетайров, говорит «не очень», значит, лучше послушаться. Но уж больно навес плох — в дюжине мест протекает.

— А что там? Чьи-то воины? Стража?

Покрутил головой, бороду черную потрепал...

— Воинов-то ихних нам бояться нечего, ванакт. Кентавр там...

Кто-о? .

Кентавра я поначалу не разглядел. А как разглядишь — толпа в харчевню набилась: и торговцы, и местные козопасы, и стражники, и просто бродяги, перекати-поле. Гул, крики, стук чаш. Гуляй, Дионис, радуйся дождю! Спасибо гетайрам — проложили улочку в дальний угол. А там...

Поначалу я даже не понял, что там. Сидят четверо за сто-

дом: один, в драном плаще, носом в грязные доски уткнулся, трое других вино в кратере разбавляют. Двое — козопасы в шерстяных накидках (это летом-то!), третий — плечистый дядька с седатой бородой. Пригляделся я к этому седатому — и вдруг сообразил. Те трое на скамье сидят, а этот...

Дий Подземный!

Кентавр! Как в сказках! Из-под стола хвост гнедой выглядывает, а вот и копыта... И смог же уместиться, стол не опрокинуть!

А гетайры уже табурет несут — для меня. Из-под кого только вынули?

— Радуйтесь, почтенные!

Кивнули — не обернулись. Заняты. Дионисом заняты — и спором заняты. Громко спорят. Мне даже не по себе стало. Всем известно: пьяный кентавр хуже трезвой гидры. Натерпелся дядя Геракл от таких. Впрочем, как и они от него.

— А я говорю — Хирон! Хирон, точно!

Это один из козопасов. Горячится, вино на стол проливает.

— Помер, — вздыхает седатый кентавр. — Помер Хирон. И Фол помер. И Несс помер. И все померли...

Грустно так говорит, словно на поминках. Мне даже жалко его стало.

— А я говорю — Хирон, — не отстает козопас. — Хирон его, Лигирона, воспитывает. Геракла воспитывал — а теперь его, Лигирона. Потому что Лигирон — это Геракл сегодня! То есть, э-э-э, завтра!

Второй козопас икнул, явно соглашаясь. А мне уже интересно стало. Это где же новый Геракл объявился?

— Помер Хирон, — вздыхает кентавр. — Пусто на Пелионе... Помер!

Вздыхает — даже хвост его гнедой подрагивает. Но козопаса не пронять.

— Не помер, говорю! Он это... прячется. По воле богов. Вот боги к нему Лигирона и привели, чтоб не хужей Геракла воспитал. Потому что мамаша ево... евойная сжечь его, Лигерона нашего, хотела! На жертвеннике! Насилу папаша отбил!

— Ик! — охотно подтвердил второй. — Отбил! Только (ик!) не сжечь хотела, а богом сделать. Если амброзией натереть да на огонь положить, то плоть людская сгорит, а божественная (ик!) останется. А еще можно нектар пить, но это дольше. Да и опасно — нектар если. Тантал (ик!) пил (ик!) — допился!

Я оглянулся — рядом беззвучно скалили зубы мои куреты.

А я уже пожалел, что зашел. Что за радость пьяный бред слушать? Если бы кентавр что рассказал!

— Помер Хирон! — вновь сообщил седатый. — Помер...

— А я говорю... — начал было первый козопас, но раздумал. — Ну и ладно! Значит, кто другой воспитывает. Потому как Лигирон должен к самой войне поспеть. Он полгода назад родился, а ему уже вроде как пять лет. А через полгода — десять будет. А еще через полгода...

Я поморщился. Бред бредом, а все о том же — о войне. Лигирона-выростка им подавай! За полгода — пять лет, а за год — десять. Да он же помрет, до десяти лет не дожив!

Ну и чушь!

Я встал, решив вернуться под навес. Пусть капает, зато голова чистая!

— ...Это потому, что он Фетиды сын. А Фетида — богиня, из первых богиня! Она эта... титанида! Папаша — Пелей, человек, значит, а мамаша — строго богиня!

Я так и сел. Дий Подземный, а ведь я о чем-то таком уже слышал!

— Так что, теперь он уже почти что бог! А может, и вообще — бог! Его даже мамаша молоком не кормила, рос быстро, потому и прозвали его — Лигерон Ахилл, Лигерон Невскормленный то есть...

— Ик! — согласился сосед.

— Помер он, — гнул свое кентавр. — И Фол помер, и Несс помер. И мы помрем...

— Не помрем! — помотал головой козопас. — Не помрем, а выпьем! За Лигерона Ахилла! За него — и за Трою! Чтобы сгорела!

— Ик!

А мне не по себе стало. Хорошие же здравицы в микенских харчевнях провозглашают!

Пока пили, пока по усам-бородам текло да на стол попадало, я все понять не мог. Конечно, все это чушь — и про амброзию, и про нектар. Хоть пей, хоть натирайся — богом не станешь. Но откуда такие байки? Ведь не ленится кто-то, распускает! Для этих Троя уже, почитай, взята...

— Эй, ты! Тебе говорят!

Думал — меня. Оказалось — нет, другого. Того, что нос в доски уткнул.

— Выпить хочешь?

Дивное диво — кивнул, голову от стола не отрывая!

— А-а, хочешь! — козопасы, в два голоса. — Ну, тогда спой! Спо-о-ой! Про баб! А мы нальем!

Так это же аэд! Сразу надо было догадаться! Кто же еще так напивается?

— О-о-о-ох!

Долго-долго голову поднимал, долго-долго лиру из сумы, что под столом стояла, вытаскивал...

— Про баб! Про баб! Как Зевс баб из свиней сотворил!

Зна-а-акомая песня!

— О-о-о-о-ох-х!

Я понял — конец лире. Сейчас как рванет струну!..

— Про баб! — уже втроем, с кентавром вместе. — Про ба-а-а-аб!

— Тре-е-ень...

И вдруг что-то изменилось. Поначалу показалось — струна лопнула (да как ей не лопнуть-то было?). Или все струны сразу. Или крыша на нас свалилась.

Нет, не крыша! Тишина! Замерла толпа, застыла, словно кто-то всем пьяные их глотки запечатал.

А пьяница-аэд уже не сидит — стоит, и лира в руках, и пальцы не трясутся...

— Медью воинской весь дом блестит,
Весь оружием полон дом —
Арею в честь!

Тут шеломы как жар горят,
И колышутся белые
На них хвосты...

Еле смог оглянуться, от пальцев его, что по струнам неспешно ходили, взгляд оторвать. Слушают! И как слушают!

— Там медные поножи
На гвоздях поразвешаны,
Кольчуги там.

Вот и панцири из холста;
Вот полные, круглые
Лежат щиты.

Есть палицы халкидские,
Есть и пояс, и перевязь,
Готово все!..

Странное дело! Песня как песня, военная, у нас ее каждый эфеб знает. Правда, порою важно не что поют, а как. Ну и голосина у этого оборванца! Мороз по коже!

— Ничего не забыто здесь;
Не забудем и мы, друзья,
За что взялись!

Трое проклятой скоро гореть!
И возьмет ее с нами вместе
Бог Ахилл!

Эй, микенцы, острите мечи!
Ждет нас море, ждет нас поход,
Победа ждет!

Тишина... Мертвая, глухая, только слышно, как дождь по крыше стучит. И наконец единое, дружное:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!

А что аэд? Да вот он — снова носом в стол уткнулся! Странное дело, словно бы видел я его уже! И лицо незнакомое, и голос...

А все-таки встречались!

* * *

Первым, кого я за Львиными воротами встретил (они для козопасов Львиные, а вообще-то ворота Солнечных Львиц), оказался... Любимчик! Собственной богоравной особой! Я на него посмотрел, он — на меня...

— Диомед! Ну, знаешь!

И — лапищами. Хотел убежать — да куда там!

Ой!

Слушаю, как кости мои бедные трещат, а сам глазам не верю. Он, Лаэртид! На подбородке — две волосины (почти как у меня), на плечах — плащ шерстяной, пастуший, вместо сандалий — сапожки, тоже пастушьи. Но все равно — он!

— Лаэртид! Ты же на Итаке! Ты же приплод считаешь!

Погрустнел, вздохнул, волосину рыжую на подбородке дернул.

— Да тут такое дело, Диомед...

В общем, в Палаты Пелопсовы (в Микенах они тоже — Пелопсовы) мы вместе направились. Тем более у рыжего и колесницы не было. Верхами примчался. Удалец!

— На один день в Герею заехал! Всего на один день! Там стада наши, я с сидонцами договорился кое-что продать, а тут — гонец! От Атрида! Приезжай, мол, срочно. Ты чего-нибудь понимаешь, Диомед?

Понимать-то я понимал. Но не все. Зачем Агамемнону я по-

надобился, догадаться можно. Аргос Микен не слабее, по крайней мере, на суше. А вот зачем Любимчик? Или без превеликого воинства итакийского Парис Елену не отдаст?

А во дворе Палат Пелопсовых — суета. А во дворе — слуги толпятся, колесницы с повозками разгружают. Начал я считать — сбился. Ба-а-альшой заезд богоравных нынче! Это кто же пожаловал в Златообильные? Колесницы серебром-золотом блестят, кони — прямо с Олимпа, на нас, сирых, даже глаз не косят.

— А ведь война будет, — вновь вздохнул Любимчик. — Точно будет, Диомед! Только я им в этом деле не помощник!

Поглядел я на Лаэртида — ничего не ответил.

* * *

— Богоравного басилея Диомеда, сына Тидея, просят пожаловать...

Скрипнул я зубами (сами вы — басилеи!), но делать нечего — пожаловал. Мимо хризосакосов в доспехах сверкающих — прямиком в тронный зал. Под красные своды, что колоннами золочеными, с каймой пурпурной, подпираемы. Говорят, этот дворец Пелопс не просто так строил. Велел он, Танталид, себе точное подобие Дворца Миносов в Кноссе, что ныне в руинах лежит, воздвигнуть. И зал, как у Миноса, и колонны, и фрески, и трон...

Выше туч нос задирал Пелопс! Длинный был у него нос, говорят, подлиннее, чем у его богоравных потомков!

А вот и трон. Вокруг него, как водится, даматы с теретами[1] столбами стоят. А на троне — само собой, нос. Длинный, естественно. Над носом — венец золотой, под носом — бороденка козлиная (отрастил-таки!). А к носу — все, что полагается: скипетр кости слоновой, фарос пурпурный, сандалии красные. Все вместе сложить — ну точно, Зевс Додонский!

— Радуйся, богоравный Диомед, басилей Аргоса, брат наш...

Увы, это не Зевс. Это всего лишь Агамемнон.

— ...Приветствую тебя в Микенах наших и во всяком нашем благоволении заверить спешу...

---

[1] Терет — чиновник, чаще всего — военный.

А я стою — котлом медным закипаю. За кого он меня принимает, этот носатый? За вшивую деревенщину, что сандалий красных не видела? Нужно мне его благоволение, как кентаврам колеса!

А даматы с теретами щеки, охрой намазанные, надувают, на меня не смотрят. Ждут. Вот сейчас аргосский басилеишка на колени хлопнется, на живот брякнется...

Раскинул я руки пошире, ухмыльнулся радостно:

— Атридик! Сколько лет, сколько зим! Дай-ка я тебя поцелую, душка! У-у, ты мой бородатенький!

И — полез лобызаться. Прямо на трон.

— Ну извини, Тидид! Извини! Сам понимаешь, церемонии эти... Насели даматы, кричат, мол, лица терять нельзя, Микены с Аргосом равнять...

— Ладно!

Свиту прогнали, теперь сидим. Не на троне — на ступеньках. Оно и удобнее, и проще. Когда не на троне и без скипетра, Агамемнон даже на человека походить начинает. Не то чтобы совсем...

— Менелай приехал. И Нестор из Пилоса. Знаком?

Нестор? Ах да, папаша Антилоха. Еще один ванакт!

— Познакомимся. Я тут Одиссея Итакийца встретил...

— Он уже здесь? — дернулся длинный нос. — Это хорошо, Тидид! Мне Менелай говорил, что этот Одиссей кого угодно уговорить может...

— Это точно, — улыбнулся я. — А кого уговаривать будем?

— Приама, — вздохнул Атрид. — Елена в Трое, Диомед! Десять дней назад корабль пришел, рассказали. В Трое Елена! Приам признал ее женой Париса...

Нехорошо свистеть в тронном зале. Но я все-таки присвистнул.

Ну и дела!

* * *

— Обряд в Лаомедонтовом дворце провели. Все были, все Приамиды — Гектор, Арет, Гиппофоой, Кебрион, Деифоб — все. Эней с сыновьями тоже был. Кассандра только не пришла, отказалась...

Этого длинного, с плоским носом и совиными глазами, я

видел впервые. Зато слыхать и раньше приходилось. Калхант-троянец, смертный враг Приама, а заодно — прорицатель. Поговаривают, именно он помог в давние годы Гесиону из Трои увезти. С тех пор тут, в Микенах, кормится.

— Приам ее, Елену, обнял, в щеки расцеловал, дочерью назвал...

Тихий стон — жалобный, полный боли. Бедняга Менелай! Сидит рядом со мною, головой белокурой мотает, ни на кого не смотрит...

А я смотрю. Смотрю — и удивляюсь. Семеро тут нас, в маленькой горнице, что за парадными покоями спряталась. Мы тоже спрятались, чтоб не мешал никто. Хвала богам, трона тут нет, на лавках сидим. У окна — Агамемнон нос в грудь уткнул, одесную от него Нестор Сивая Борода (бородища!), ошуюю — Менелай, рядом с белокурым — я. Любимчик у дверей пристроился, Калхант-троянец посреди стоит (негоже ему сидеть!). А рядом с Лаэртидом кто?

Вот этот «кто» меня и занимал. Низенький, толстенький, улыбчивый, борода светлая кудряшками. Сидит жмурится, словно ему светильник глаза режет. На пухлых пальцах — перстни, фибула камнями белыми светится...

Зачем мы здесь — понятно. Зачем Калхант — тоже (кого же еще по такому делу советчиком звать?). А пухлый для чего?

— В Трое праздник начался — целый месяц продлится. Игры, пиры... Соседи съезжаются — из Мисии, из Карии, из Лидии...

Это все я уже знал — Атрид поведал. Разве что про соседей не сказал. Выходит, вся Азия на свадьбу пожаловала!

— Это вызов, господа мои! — вздыхает Нестор Сивая Борода. — Вызов нам всем! Всей Элладе!

Никто не спорит. Вызов, конечно. А я-то надеялся, что Приам образумит сынка-козопаса!

— Продолжай, Калхант! — негромко бросает Агамемнон.

— Да, ванакт, — кивает троянец. — Хочу напомнить, что со всеми соседями у Приама — военный союз. Но не это главное. Приам — данник Тиллусия, хеттийского ванакта. По сведениям лазутчиков, хеттийские войска перебрасываются с севера, где они воевали с каска, на запад, к Геллеспонту. Сыновья Солнца, личная стража Тиллусия, покинули столицу и тоже идут на запад. Якобы на учения. Хочу напомнить: у хеттийцев — железные мечи...

А это уже не просто вызов. На ловушку смахивает!

(А хорош прорицатель! С такими лазутчиками и волю богов угадывать не требуется!)

Хмурится Агамемнон, носом дергает, бороду свою козлиную на палец наворачивает.

— Что нам делать?

Тихо так спросил. Словно пожаловался.

Переглядываемся. А и в самом деле — что делать?

— Посольство направить, — вздыхает Сивая Борода. — Потребовать, к богам воззвать... Да только поможет ли?

— Закрыть все гавани! Схватить троянских купцов, задержать товары. Наши корабли — на море! Ни одной их лодки не пропускать!

Ого! Молодец, Менелай! А я думал, он только вздыхать да стонать будет!

— Диомед?

А что — Диомед? Куретов я своих через море направлю, что ли? Верхом на нереидах...

— Посольство надо, — задумался я. — И не только к Приаму. Следует написать ванакту Хаттусили. Но не прямо, а через кого-нибудь из ахейцев, его данников. Через Телефа Гераклида, например, того, что в Мисии правит. Думаю, хеттийцы не захотят войны. На севере у них каска-людоеды, на востоке — урарты. Скорее всего, можно будет сторговаться. И еще...

Говорить? Пожалуй, стоит. Надо!

— Следует прекратить этот крик о войне! Заткнуть глотки! Иначе не мы решать будем, и даже не те дураки, что в харчевнях орут. Эллада просто взорвется. Как котел с закрытой крышкой!

...Прав Протесилай Чужедушец! Кипит по всей земле, кипит! Пьяницам дали понюхать вина...

— Одиссей?

Встал Любимчик, ухо почесал. Ну, чего скажешь, рыжий?

— Посольство... Можно посольство. Только купцов хватать я бы не спешил. Тут иначе нужно...

А сам мне подмигивает. Сейчас выдам, мол!

— Сначала нужно написать на Кипр, Исин-Мардуку, представителю Дома Мурашу. Вся торговля на Лиловом, то есть Эгейском море, ведется на их серебро. Войны они не захотят. А Приам им две тысячи талантов должен. И в Трое кое с кем поговорить можно, из тех, что с нами торгуют. Отец там знает некоторых...

— Возьмешься?

Повеселел Агамемнон, нос копьем выставил. Да и мне легче

стало. Хитер Любимчик, нечего сказать! А главное, никто из нас о войне не заговорил. И вправду, одно дело аэдам-винопийцам внимать и про Лигерона-поджаренного языками молоть, другое — со всей Азией сцепиться!

— Возьмусь, — вздыхает Лаэртид. — Только побыстрее бы мне! Домой, на Итаку, нужно...

— Я... Я тоже поеду! — Вскочил белокурый, шеей худой дернул. — Ее... ее увижу, поговорю!

Бедняга Менелай!

— Паламед?

Какой такой Паламед? Ах да, пухлый! Ну-ка, изреки слово золотое!

Встал толстячок, пальчиками повертел, стер улыбку с лица.

— Война! И только — война!

АНТИСТРОФА-II

Может, я не прав, мама? Ведь люди всегда воевали, папа воевал, все мои родичи, друзья, их родичи. Да и я сам! С шестнадцати лет — четыре войны, а мне ведь только двадцать! Но тут что-то не так. Не так! И дело даже не в нас, недобогах, выродках с ИХ кровью. Верно сказал дядя Геракл — чего нам бояться? Все равно жизнь известно чем заканчивается, куда мы все от Гадеса денемся? Но сейчас — зачем? Бросить Элладу на Трою, Европу на Азию — и что дальше? Уйдут тысячи, десятки тысяч, а сколько вернется? Атридова мечта о Великом Царстве — бред, мы не удержим даже Троаду, сил не хватит, а на севере еще Гилл с дорийцами, которые только и ждут, пока мы повернемся спиной. Воюют за землю — свою и чужую, за добычу, за многое еще, и не вспомнить даже. Но эта война — за что? За Елену? В такое только добрые микенцы, что в харчевнях Диониса славят, поверить могут. Ну и еще Менелай, конечно. Только белокурому не война нужна — Елена ему нужна! А нам? Что нам нужно?

Но ведь слушали этого пухлого! И еще как слушали! И про Великое Царство, и про хеттийскую слабость, которая нам всем на руку, и про то, что флот наш лучше, и про раздоры на Востоке — иди торной дорожкой хоть до самого Кеми да трофеи подбирай! Туда, быть может, и дойдем (если зверобоги кемийские пустят), дури хватит. А обратно?

Ах да! Слава еще! В веках слава! Воспоют аэды, и подтянет-подпоет всяк сущий-ведающий ахейский язык песнь про нас, героев-разгероев! Только не верится что-то! Наломаем

дров, погубим людей, а уцелевшие затянут чего-нибудь этакое: «К вам, о друзья, я пришел с достославной войны, что затеял дурак-рогоносец!..» Этого хотим?

Папа не прятался. И я прятаться не буду. Но ведь не о моей дурной этолийской башке сейчас речь!

Может, я не прав? Может, правы они?

Мама! Почему ты молчишь, мама?

* * *

— С Эвбеи Паламед этот, сын Навплия-басилея, — вздохнул всезнайка Любимчик. — Навплий, он... Как и мой батюшка он, добычу вместе делят. Мы, в общем, родичи. А Паламед...

— Навплия Эвбейского сын? — удивился я. — Так это же наш проксен. Он в Аргосе храм Аполлона Волчьего построил!

— Хорошо еще, что не маяк, — невпопад бросил рыжий.

Хотел переспросить (то ли шутит Одиссей, то ли намекает на что-то), да только не стал. Лаэртиду было явно не до толстячка с Эвбеи. Повозки уже грузились — с шумом, с толчеей, с бестолковщиной. Посольство снаряжали на скорую руку, и перепуганная челядь полосатыми осами носилась вдоль вытянувшегося возле городских стен обоза. Менелай еще поутру уехал в Коринф, чтобы к сроку подготовить корабли.

Любимчик тоже торопился, надеясь успеть — вернуться на Итаку к рождению наследника — обязательно наследника! Почему-то он был уверен, что Пенелопа подарит ему непременно сына. Даже имя придумал — Телемах, Далеко Разящий. Ну еще бы, сын лучника!

Я не спорил — оракулам виднее. Интересно, рыжим ли будет Лаэртов внук? Ой, рыжим!

— Говорят, умный он, Паламед, — продолжал Любимчик, рассеянно поглядывая на суетящихся слуг, грузивших на повозку какие-то неподъемные кули из рогожи. — Предложил, например, серебро с печатью отливать.

— С печатью? — невольно заинтересовался я. — Зачем?

Лаэртид усмехнулся — весьма-а-а снисходительно! И вправду, откуда мне купеческую премудрость ведать?

— Ну, понимаешь, Диомед... Сейчас мы серебро в слитках возим, каждый раз взвешивать приходится, на части рубить. А если сразу отливать — определенного веса? И с печатью царской, чтобы сомнений не было? Здорово, правда? Говорят, в Азии уже кто-то пробовал. А еще Паламед предложил новые значки для

письма, вместо сидонских. Чтоб проще запоминались. Серьезные люди его, Паламеда, знают. Под его слово Дом Мурашу сотню талантов отвалит!

— Ну и занимался бы своими значками! — озлился я. — Чего это он про войну распелся? Дом Мурашу серебра отвалил?

Одиссей задумался, качнул головой:

— Мурашу? Это вряд ли, тут иная игра... Ладно, приеду в Трою, разберусь. С Еленой-то несложно будет, а вот все остальное...

Переспрашивать я не стал. Одно ясно — задумал что-то рыжий. И хорошо, если так. Вдруг повезет? Утрем нос пухлому!

— Да что мы все о нем? — махнул лапищей Любимчик. — Ты-то как? Не поговорили даже с этой запаркой! Про жену не спрашиваю...

— И не надо! — подхватил я. — Про нее, богоравную, не стоит!..

— А твоя Амикла? Ты рассказывал...

Он поглядел на меня — и не стал договаривать. Видать, все у меня на лице написано было. Паламедовыми значками.

— Та-а-ак! А ну, выкладывай!

Я оглянулся, поморщился. Ко времени ли? Вот-вот обоз тронется.

— Выкладывай, говорю!

Я и выложил.

Слушал не перебивая, отвернувшись даже, только головой рыжей качал. Наконец почесал нос, на меня взглянуть изволил:

— Дурак ты!

Отворил я рот на ширину горита[1], набрал в грудь воздуха. Поразмышлял. Потом еще поразмышлял — уже основательнее. И рот сам собою затворился.

Дурак и есть!

— Беги к ней, на колени падай, на брюхе ползай, умоляй! Думаешь, если ты ванакт...

Ох и плохо мне стало!

— Да ничего я не думаю, Одиссей! Ничего я не думаю!..

— А зря! — отрезал он. — Это и царю царей иногда полезно. Любил, разлюбил!.. Любовь — это тебе не война, не копьем с перепою куда попало тыкать! Думаешь, любовь — она как добыча достается? Отбил, притащил — и счастлив всю жизнь? Да тут не

[1] Горит — футляр для лука.

слов, не крови даже — души жалеть нельзя! Знаешь, проба в таких делах есть, вроде как для серебра...

Я вздрогнул. Серебро... Неверный колдовской свет над лесной поляной...

Что я наделал, Светлая? Что я наделал?

— Ответь — не мне, не вслух, себе ответь: она бы за тебя умерла? А ты за нее?

Мне бы возмутиться, мне бы крик поднять. Мальчишка безбородый меня учит! А ведь учит! Только я не возмущался, я на вопрос отвечал.

Как она сказала? «Любят просто — как и умирают...»

А я даже не окликнул, когда она уходила! Ведь для того и уходила, чтобы позвал!

Ой, дурак!

— Осознал? — вздохнул Любимчик. — Нет, не осознал еще, потом поймешь. Если только не поздно будет... Все, пора, поеду за Еленой! Привет передавать?

Я даже не ответил — только лапищу его, тетивой иссеченную, пожал. Дурная мысль в голове бронзовым гвоздем засела. Все мы толпой, орущим стадом, на Прекрасную накинулись, прокляли ее, богиню нашу, за то, что от мужа ушла. А меня вот Амикла бросила — и правильно бросила меня, дурака!

А может, Менелай ее тоже не окликнул?

* * *

Закат над Микенами, закат... Над приземистыми серыми башнями, над дальними, зеленеющими редким лесом холмами, над плоскими черепичными крышами, над белыми куполами гробниц, где вечным сном спят давние владыки Златообильных...

Закат, закат...

Под ногами — глыбы, неровные, вытертые и выбитые за долгие-долгие века. Микенские стены — страшные, неприступные. Поглядишь — и дух захватывает. Кто же этакое наворотить мог?

На стену нас сам Агамемнон привел — похвастаться. Даже не привел — на колеснице привез. Прошла по стене колесница и камешка не зацепила. Поглядел на нас Атрид, нос к небу задрал. То-то, мол!

Мы и не спорили. Головами покрутили и назад пошли. А я остался — закатом полюбоваться.

Красиво!

Про эти стены (как и про наши, аргосские) мне дядя Эвмел

как-то рассказывал. Конечно, не киклопы одноглазые их громоздили. Дурные они, киклопы, камень на камень пристроить не могут. Есть легенда, что это гелиады, дети Солнца, руку приложили — когда над нашей землей правили. Их нет, а стены остались. Читал я на одной табличке, будто в Океане, что все наши Номосы бесконечной рекой обтекает, был когда-то громадный остров. Там и стояла их, гелиадов, столица — пока Посейдайон Землевержец трезубцем не ударил. И острова уже нет, и гелиадов. Последние из них, говорят, по дальним лесам живут, одичали, лик зверовидный приняли. А может, и зря болтают!..

...Ну вот, размечтался! Ушло солнце за холмы, а я даже не заметил. До завтра, Гелиос Гиперионид!

Хайре!

— А красиво тут!

Я замер. Застыл. Словно в засаде, когда враг рядом и уже не спрятаться, даже мертвым не притвориться...

— Стены-то какие! Говорят, гелиады их строили. Слыхал о гелиадах, Диомед?

Паламед Эвбеец стоял рядом. Улыбался. Подмигивал. Ручки свои пухлые потирал.

— Я тебя не убедил.

— Нет.

— Могу спросить, почему?

— Не можешь...

Друг на друга мы не смотрели — вниз смотрели. На черную ночную тень, ползущую к дальним холмам, за которыми умер Солнцеликий.

— Если хочешь, могу повторить еще раз...

— Не хочу!

Я знал — надо уходить, повернуться спиной к этому непонятному человеку, но что-то сдерживало, не пускало. Будто бы я снова с Протесилаем, с Иолаем Чужедушцем, говорю. Разные они, совсем разные, ничем вроде бы и не похожие, но... Но все-таки похожие!

— Если мы не будем воевать в Азии, то будем воевать в собственном доме. Аргос против Микен, Фивы против Афин...

— Слышал!

— У нас не хватает земли, скоро не будет хватать хлеба...

— Угу...

— Если мы не нападем, нападут они. У хеттийцев такие же беды, как и у нас...

— Кому ты служишь, Паламед?

Не выдержал — повернулся. Улыбался Паламед Навплид! Щурился, руки свои пухлые тер-потирал — словно грязь отмыть не мог.

— А ты, Диомед?

Я понял: вот-вот — и нырну. Захлестнет прозрачная река, унесет, закружит... Давно уже такого не было, считай, года два!

Дернул головой, снова вниз посмотрел — чтобы улыбки его паскудной не замечать. Сцепил зубы. Еще не хватало — из-за такого сорваться!

Он, кажется, понял. Даже на шаг отступил.

— Диомед... Что мне сделать, чтобы ты меня выслушал?

«Губы не растягивать!» — едва не рявкнул я, но все-таки сдержался. Если умный — догадается!

— Хорошо. Попробую иначе... Але тона киу котага ак? Доко тин та?

Он уже не улыбался. Твердо говорил, сурово даже. По-хеттийски? На Древнем? Нет вроде. Странный язык, незнакомый... и знакомый!

— Не понимаю, — вздохнул я. — Переведи!

— Понимаешь...

Эвбеец задумался, близоруко прищурил глаза:

— Сейчас точно поймешь... Элек натис энки да... нори люко тане фо... эгис ране зала те...

Я хотел вновь переспросить, хотел — замер. Камнем застыл.

Мама! Мамина колыбельная!

— Не... Не смей! — выдохнул, захлебнулся словами. — Не смей, ты! Ты!..

— Значит, я не ошибся...

Паламед покачал головой, поглядел вниз.

— Вот я и говорю, мощные стены! Гелиады строили! Это, Диомед, гелиадский язык — Солнечное наречие. Сейчас на нем разговаривают только ОНИ — и мы... Сияющие Третьего Шага не поминают между собой меднокованое небо. Солнечное наречие — сразу поймешь, свой или нет!

— Третий Шаг? — растерялся я. — Но... Но ведь ты... Ты не бог?

— Пока еще нет! — рассмеялся Эвбеец. — Пока еще нет! Извини, ты, кажется, не любишь, когда я улыбаюсь...

Я не знал, что сказать. Не знал, что подумать. Дядя Эвмел уверен, что в Ахайе сейчас не осталось тех, кому по силам Третий Шаг. И Чужедушец думает сходно...

— Я хочу, чтобы ты меня выслушал, Диомед. Просто выслушал. А потом сказал, согласен или нет. Впрочем, можешь перебивать, мне все равно... Лет двадцать назад, после Флегр, после гибели Салмонеева братства, твой дед... Вернее, наши с тобою НАСТОЯЩИЕ деды решили очистить Гею от нас, полукровок. Геракл должен был стать последним Героем... Так?

Что ответить? Смолчать? Солгать? А зачем?

— Это так, Паламед!

— Кое-кого убили под Фивами, как твоего отца, кое-кого загубили в мелких сварах. Геракла тоже... вознесли на Олимп. Деды и сыновья погибли, остались мы, внуки. И знаешь, не могу ИХ осуждать, наших родичей! Один аэд как-то спел: «Чего не портит пагубный бег времен? Мы хуже наших отцов, наше будет потомство еще порочней!» По сути, мы — выродки! Мы — опасны. И для себя — и для других.

— Это так, Паламед...

Жутко было слушать этого улыбчивого, но странное дело — с каждым его словом мне становилось легче. Все, что я передумал за долгие годы, все, чего страшился, как дети боятся теней в углу спальни, становилось понятным и ясным. Словно блеск вражеских панцирей перед атакой!

— Но мы хотим жить, Диомед! Мы не люди, не боги — но хотим жить! И Семья пошла нам навстречу, все-таки своя кровь. Восток! Восточный Номос! Слыхал?

— Мы должны построить ИМ Грибницы? — усмехнулся я. — Чтобы ОНИ могли вволю вдыхать дым жертвенных туков? Не наелись еще?

— Не наелись! — засмеялся Эвбеец. — Эллада уже ИМИ поделена, каждый город, каждая гора, каждый лес, каждая речушка. А ИХ свора прожорливей волчьей! И тут — такая удача! Лет четыреста назад что-то случилось там, на Востоке. Наши Номосы соединились, а ТЕ, кто там раньше правил, — ушли. Куда, почему — не знаю. Восточный Номос теперь без хозяев, Диомед! Без НАСТОЯЩИХ хозяев. А ведь не только Атрей мечтал о Великом Царстве! Кое-кто из НИХ поспешил закрепиться — в той же Трое...

— Тюрайос, Черногривый, Киприда, — кивнул я.

— Именно. Мой ДЕД успел — прочим на зависть. Ну а остальные, так сказать, жаждут. А кто им поможет, как не мы? Но, увы, ОНИ не договорились. Пошла грызня!..

Я вновь кивнул. И тут наши мысли совпали. Умен, пухлый!

— Поэтому твой ДЕД решил направить нас на Восток через

Трою. ОНИ решили делить все заново — с нашей помощью. Вот и все!

Я посмотрел вниз. Темно, ничего не видать! Ночь пала на Златообильные. И такая же ночь ждет всех нас. Прав дядя Геракл! Мы — последние. За нами тьма...

— И ты решил слегка помочь нашим родичам, о премудрый Паламед! Собрать нас побыстрее — и под Трою. Чтобы меньше мучились!

— Слегка помочь, — охотно отозвался он. — Только не ИМ — нам! Восточный Номос пуст, без Грибниц ОНИ — лишь тени. А если мы просто уйдем? Уйдем подальше, в самую глушь, к Океану, — и забудем о Грибницах?

— Что?!

Я даже отшатнулся — настолько простыми и страшными показались мне его слова. Бойся богов, Диомед! Бойся — они сильнее!

Сильнее! Сильнее? За счет наших молитв, наших сил, нашего добра, нашей крови!

А если?..

— Паламед!

— Я все сказал! — отрезал он. — Все! Сияющему — достаточно! Думай!

Достаточно? ОНИ — не всесильны...

Да! ОНИ — НЕ ВСЕСИЛЬНЫ!

Хотелось крикнуть, заорать прямо в темное ночное небо, в бесконечный простор, в звездное марево Космоса...

И вдруг...

Вспомнилось — перед глазами встало. Агамемнон! Его лицо, когда вчера этот же сладкоголосый ему, Атриду, про Царство Великое пел — Державу Пелопидов от снегов гиперборейских до песков эфиопских. Как слушал! Как рот открывал!

А я? Просто для меня иная песня понадобилась, на другой мотив, да на другой струне. Все вроде учел добрая душа Паламед! Да вот о прочих душах забыл — тех, кого мы с собой на Восток поведем. Сотни, тысячи! Они-то, небогоравные, просто люди, за что должны гибнуть? За нас? За НИХ?

Папа говорил о Гекатомбе. Вот она — НАСТОЯЩАЯ Гекатомба! Не сотня выродков, искалеченных, безумных, несчастных — а вся Эллада! Тысячи и тысячи!

— Подумаю, — бросил я, стараясь не глядеть на его улыбающееся лицо. — Подумаю, Паламед!

...А здорово накручено! Здорово! Еще бы немного — и поверил!

— Пойдем? — как ни в чем не бывало предложил Эвбеец. — Холодает уже. После такого разговора я бы и Диониса помянул!

— Угу, — согласился я. — Помянем... Ты говорил о Салмонеевом братстве, Паламед. Салмоней — это басилевс Элиды, тот, что себя Кронионом вообразил? А его братство? Тоже Сияющие, как и ты?

Кажется, смутился. Смутился, кашлянул.

— Между Сияющими... Между Сияющими не принято спрашивать, если ты не ученик... Ладно, скажу. Салмонеи — смелые люди, которые попытались спихнуть наших ДЕДОВ с Олимпа. Ты должен был знать двоих — Ойнея Калидонского, твоего деда по отцу, и Амфиарая Талида...

...Дядю Амфиарая? Того, что так не любил Зевса? Как же, помню! Говорил мне дядя Эвмел!..

— Не вышло, жаль! Думаешь, ОНИ сами Салмонеев остановили? Да ничего подобного! Нас же натравили, полукровок! Шепнули этому безумцу Гераклу, что Салмонеи людей, видите ли, в жертву приносят...

...И дядю Геракла Амфиарай Вещий не любил! Теперь ясно, за что!

— Да только не сказали, скольких в ИХ честь каждый год убивают. Режут, на алтарях жгут. ИМ можно — нам нельзя!

Горячо говорил Паламед, сын Навплия, искренне. Так горячо, что уверился я — обман. И тут обман! Не врет — но и всей правды не говорит, сладкоголосый! К чему умному лгать? Умный правду жертвенным ножичком разделает, на огоньке подпалит и на блюде подаст — по частям. Ешь! А он ведь умный, Паламед, серебро с царской печатью выдумал!

Вдохнул я прохладный ночной воздух, глубоко вдохнул и проговорил, тихо-тихо, одними губами, чтобы и самому не слышать:

— Обман!

* * *

Чего я не ожидал — так это толпы. Высыпали к Микенским воротам, за стены выбежали, дорогу запрудили. В фаросах, плащах, драных хитонах, меховых накидках (это летом-то!), просто в повязках набедренных:

— Ванакт Диомед! Диомед! Ди-о-мед! Ди-о-ме-е-ед!

Ощетинились мои куреты, подобрались, за копья взялись. Я и сам диву дался: с чего бы это? Почти каждый месяц куда-нибудь езжу, и хоть бы раз кто ванакта, богами над Арголидой поставленного, вышел встретить. А тут! Мятеж, что ли? Или возлюбили меня в сердцах своих, пока я в отсутствии пребывал? И опять-таки, с чего?

— Диомед! Ди-о-мед! Ванакт! Ванакт! Хай! Ха-а-ай!

Окружили, руками потянулись. Вот и работенка у гетайров появилась. А то заскучали они в нашем Аргосе!

— Ва-а-ана-а-а-акт! Ха-а-а-ай!

А тут я и Капанида узрел — на колеснице золоченой, в фаросе, в венце. Да не одного, с Киантиппом...

— Ха-а-а-ай! Аргос! Аргос! Арго-о-о-с!

...Фу ты, гарпии с ламиями! Дионис-Бромий к нам заглянул, что ли? Слыхал я, бывали тут в старину вакханалии, весь город дрожал!..

— Тидид! Тиди-и-ид!

Хвала богам, Сфенел! Сейчас объяснит!

— Дядя Диомед! Дядя Диомед!

Ну, Эгиалид! Хорошо еще, гетайры подхватить успели, а то брякнулся бы на землю, басилей богоравный!

— Да чего тут у вас, Капанид?

Удивился, моргнул, бороду огладил.

— Ну так ведь... Народ! Ты послушай!

— Дядя Диомед, дядя Диомед, тебя любят, тебя все встречать пришли! А ты говорил...

Погладил я Киантиппа по нестриженым волосам (пора, пора стричь!), поправил венец золотой, что на ухо ему съехал...

Послушать?

— Троя! Троя! Тро-я! Диомед! Диомед! Тро-о-оя-я-я!

Ах, вот оно что!

— Веди нас на Трою, ванакт! На Трою! На Тро-о-о-ю-ю-ю! Не нужны нам микенцы, ты веди! Веди-и-и!

Ясно...

— И давно она пролетала?

— К-кто? — опешил богоравный Анаксогорид. — К-куда пролетала?

— Как кто? — вздохнул я. — Кера, понятно!

Оказалось — давно, почти сразу же после моего отъезда. Сначала на агоре закричали, потом — по улицам шум пошел. Сперва Елену с Парисом кляли, потом подвигами дедов-прадедов хвалились (Персея Горгоноубийцу — и того не забыли!).

А затем к Лариссе пошли — оружия требовать. Наши, аргосские, пошли, а следом из Тиринфа прибежали, из Лерны, из Трезен — отовсюду. Кто-то уже таблички завел, списки пишет — героев-добровольцев...

— На Трою! На Тро-о-ою-ю-ю-ю!

Вот вам и Золотой Век! Сами на Гекатомбу спешат! Хорошо еще, не Этолия здесь — криком дела не решаются.

— Дядя Диомед! Дядя Диомед! А ты меня под Трою возьмешь?

Волнуется Киантипп, на колеснице подпрыгивает. Ну, он-то ладно. Я в его годы тоже геройствовать рвался. Но остальные вроде как постарше будут!

Да-а, громко Кера прокричала! И похоже, не только она...

— Капанид, стражу на улицу! Всех — по домам! Вежливо! Вежливо! Уговаривать! Но чтобы через час пусто было!

Чешет Сфенел свою репку, снова моргает — изумленно этак:

— А зачем, Тидид? Ведь Троя!.. Ты послушай, послушай!

Да чего тут слушать, Капанид? Или блеяния овечьего перед алтарем не слыхали? Овцы блеют — а жрецы ножик бронзовый вострят. Или каменный — как у моих куретов!..

Эге, уже не блеют! Поют!

— Диомед теперь наш главный, Диомед над всем царит,
Все лежит на Диомеде, Диомеда слушай все!
Диомед над войском правит, он над Аргосом старшой.
Диомед, тебя мы любим! Ты на Трою нас веди!

И следом — дружно, в сотню голосов:

— Медью воинской весь дом блестит,
Весь оружием полон дом —
Арею в честь!

Трое проклятой скоро гореть!
И возьмет ее с нами вместе
Царь Диомед!

Эй, аргивяне, острите мечи!
Ждет нас море, ждет нас поход,
Победа ждет!

Капанид улыбается — доволен, простая душа, и Киантипп улыбается. Почему же мне невесело?

* * *

— Мантос! Нужно найти одну женщину. Жрицу...

— Э-э, ванакт Диомед! Зачем слова тратить, зачем объяснять? Сейчас привезем твою госпожу, оглянуться не успеешь, моргнуть не успеешь — госпожа Амикла здесь будет!

— Ты!.. Не смей! Просто найди ее и скажи... Нет, ничего не говори, просто найди. Я... Я сам!..

* * *

— Это по всей Ахайе, Тидид! — Дядя Эвмел отложил в сторону папирусный свиток (аж с Кипра!), устало потер глаза. — Знаешь, такого никогда еще не случалось. Если начнется война — это будет первая всеахейская война. Может быть, Елена, сама того не желая, объединит нашу землю. Или погубит, не знаю... Но мы уже не останемся прежними...

Я пожал плечами. Меньше всего хотелось думать о войне. Если Мантос поспешит, он вернется скоро, очень скоро... Что я ей скажу? Про серебристый свет, про ветер над лесом? Про то, что все теперь будет иначе? А как — иначе? Наши обычаи несокрушимее Трои, будь она трижды...

— Дядя Эвмел, но ведь Троя тоже хочет войны!

Он усмехнулся тонкими бесцветными губами (эх, дядя, совсем ты плох стал!), худые пальцы ударили в столешницу:

— Там то же самое, мой мальчик. Азия против Европы! Это тоже впервые. Знаешь, недавно услыхал новое словечко — «варвары». Это те, чья речь нам непонятна: «вар-вар» — и все. Мы начинаем осознавать себя, Тидид! Вместо рода, племени, фратрии — народ, единый язык...

— Все это нужно живым! — перебил я. — Живым, дядя! Если мы погубим нашу молодежь под Троей, сами сгинем — кому к воронам собачьим будет нужен этот единый язык! Я не о поражении говорю. Но иногда победы — хуже поражений!

Дядя не ответил. Нащупал палочку, с трудом привстал, зацепил локтем одну из табличек...

Тр-р-ресь!

— Ох ты! Кентавр в посудной лавке! Представляешь, Тидид, я уже и наклоняться не могу. Надо кого-нибудь позвать...

— Не надо, я сам!

Табличка разбилась ровно на пять частей. Первая, вторая... пятая.

— О чем это, дядя? — поразился я. — «Лигерон Пелид на Скиросе»? Какой еще Лигерон? Которого матушка на алтаре жарила?

А я-то думал, что все это — пьяные байки! Лигерон Ахилл — победитель Трои, Геракл — сегодня. И завтра. Но не послезавтра — помрет!

— Лигерон, сын Фетиды, — кивнул дядя Эвмел. — Сейчас о нем много говорят...

— Ну как же! — подхватил я. — Тот, кто в пеленках воевать пойдет! С кормилицей на колеснице!

— Смешно, — согласился он. — А ты слыхал, мальчик, что такое Кронов Котел?

Еще одна байка? Я заранее улыбнулся...

— Ванакт!

Хвала богам, Мантос! К гарпиям всех этих Лигеронов!

— Ну, где она?

Темным было лицо старшего гетайра. Даже глаза потухли. Даже голос...

— Ее нет, ванакт!

— В храме нет? — не понял я. — Ну, так...

— Нет ее, — еле слышно проговорил курет. — Ее больше нет, родич...

Уродливый кривоногий коротышка не стоял — висел, сжатый ручищами гетайров. Намазанное охрой лицо кривилось ужасом, в глазах... Ничего не было в его глазах — пусто.

— Тебе лучше сказать, Стрепсиад, — вздохнул я. — Может, тогда я убью тебя сразу...

В храме Афродиты Горы — пусто. Разбежались! Только его и поймали куреты — Стрепсиада-кастрата, главного жреца.

Того самого.

— Знаю! — прохрипел (прошипел? пропищал?) он. — Знаю, ванакт! Я умру! Но я — только раб Пеннорожденной... Я лишь раб! Я... я покажу тебе!

Дернулся, засучил ножками.

— Хорошо, — кивнул я. — Отпустите!

Бухнулся на четвереньки, привстал, резко побежал к алтарю...

— Я только ЕЕ раб! Раб! Смотри, ванакт!

Ручонка с длинными, ярко накрашенными ногтями указывала прямо на белый мрамор. Надпись? Все еще не понимая, подошел ближе, вгляделся...

АМИКЛА

Красным по белому. Нет, кровавым по белому!

— Поскреби ножом... Поскреби...

Я поглядел на Мантоса. Тот кивнул, достал из-за пояса кинжал.

Мраморная крошка сыпалась, падала на гладкий скользкий пол. Но из-под камня, из самой глубины, все так же проступало ее имя.

АМИКЛА

Я понял — это не писали. Вернее, писали не люди...

— Воля богини! Воля богини, ванакт! Раз в несколько лет мы приносим жертву... Кровавую жертву. Только по жребию, только тех, кто сам согласится...

Слова скользили мимо, не задевая, не оставляя следов. Я уже понял.

«— Жреца купишь, волю богини — нет. Боги не бывают добрыми, они мстят, они не прощают. Но мне уже все равно, мой Диомед, все равно...»

Да, теперь тебе уже все равно, Амикла...

— Пять... Нет, шесть дней назад мы увидели... Вначале не поверили, думали — краска. Но потом... Это ЕЕ воля, ванакт! ЕЕ воля! Госпожа Амикла согласилась, сама легла на алтарь...

Звякнула острая бронза, ударившись о гладкие мраморные плиты.

Нет...

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Знакомое лицо совсем рядом. В светлых глазах — боль.

— Я ничего не могла сделать, мой мальчик. Ничего!

— Выходит, это правда, мама? — одними губами шепчу я. — Правда? ВЫ просто — людоеды! Мы для ВАС — овечье стадо,

туши на алтаре! Тебе тоже приносят жертвы, да? По жребию — или сама выбираешь?

— Ванакт — солнце! — тихо отвечает она. — Солнце сжигает тех, кто рядом, сынок...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

— Ванакт?..

Очнулся. Кровавая надпись ударила по глазам...

— Кинжал! — ни на кого не глядя, выдохнул я. — Кинжал, быстро!

Теплая рукоять легла в ладонь. Все так же, не глядя, провел пальцем по острию. Хорош!

— Прочь! Все прочь!

Резанул по запястью — наискосок, от края до края. Тебе нужна наша кровь, Киприда Пеннорожденная, владычица Любви?

Н-на!!!

Кровь потекла по алтарю, по белому в синеватых прожилках мрамору, по ее имени... ТЫ убила мою Амиклу, нелюдь, попробуй и моей крови, тварь. Попробуй — и запомни, ибо клятва кровью — свята, она — навсегда, навечно, пока оба мы живы — ТЫ и я.

— Этой кровью... Своей кровью клянусь ТЕБЕ, Пеннорожденная, что не успокоюсь, не прощу и не умру, пока не попробую ТВОЕЙ крови! ТЫ будешь страдать, как страдала моя Амикла! ТЕБЕ будет так же страшно, как было страшно ей! Отныне я — ТВОЙ кровник! Нет, не твой — ВАШ! ВАШЕГО проклятого рода! Дед, мой НАСТОЯЩИЙ дед, велел мне сражаться. И я буду сражаться — с ВАМИ!

Не проговорил — одними губами прошептал. Услышат?

Беззвучно вздрогнула земля, вздыбились каменные плиты, качнулся алтарь.

Услышали...

«— Ты не вини себя, господин Диомед! Ты не виноват, просто ты меня пока увидеть не можешь. Смотришь, а не видишь. А я тебя вижу, потому что я тебя люблю, понимаешь? Но ты меня увидишь, обязательно увидишь, любовь — сильная, она даже смерти сильнее! А я тебя любить буду — пока ты меня не полюбишь! Или не прогонишь. Ты меня не прогонишь, господин Диомед?»

* * *

Белый потолок над головой — низкий, как своды гробницы. Давит, давит...

— Ты... Надо чего-то делать, Тидид! Наши собрались, все собрались... Ты нужен!

Сопит Сфенел, по табурету ерзает. Вздыхает.

Капанид — слева, моя богоравная — справа. Стоит помалкивает. Я между — на ложе. Руки за голову, глаза — в потолок. Лежу. Давно лежу. День, неделю, а может, и месяц. Или год.

Лежу — мертвый.

— Если бы ты знал, чего творится! Тут из Микен...

Не договорил, снова сопеть стал. Наверное, он один понимает, что со мною. Понимает — и разбудить пытается. Оживить...

— Так нельзя, Диомед! — богоравная Айгиала качает головой. — Ты — ванакт! Отомсти, вырви им сердце — и правь дальше. Ты — ванакт, пойми! Ты... Ты хоть поешь, воды выпей!

Я понимаю. Я все понимаю. Я — ванакт, мертвый ванакт. Мертвый ванакт в гробнице.

Давит белый потолок, давит. Гробница, царский толос, недвижный труп на каменной лежанке. Мстить? Да, я хотел мстить, мстить ИМ, проклятым людоедам! Но трупы не мстят...

— Они... Они Одиссея схватили! — в отчаянии кричит Сфенел. — В Трое! Его и Менелая, понимаешь? Теперь уже точно — война!

Понимаю. Война. Бедняга рыжий!

— Ты должен!..

Нет, не должен. Никому я ничего не должен, друг мой репконосый! Никому. Ничего.

Ни-че-го!

Проклятая гробница! Не встать, даже рукой не пошевелить. Меня убили, меня бросили на алтарь, резанули по горлу ножом. Мое имя — на белом камне, на гладком полированном мраморе с еле заметными синеватыми прожилками...

Любить надо просто — как и умирать. Я умер, Амикла!

Хайре!

Белый потолок, холодный камень, ледяная сырость подземелья.

Давит...

— И все-таки придется жить, Диомед!

Седые виски, на гладком, без примет возраста лице — старые, словно Вечность, глаза.

— Смерть — не спасение, мальчик! Смерть — еще худшая боль...

Я почему-то не удивляюсь. Ни тому, что Протесилай Филакский здесь, ни тому, как он говорит, ни тому — что...

— Умереть — это навсегда. Даже если ты сможешь вернуться — это будешь уже не ты. Смерть — плен. Что тебе делать в плену, Тидид?

— А здесь? — спрашиваю, с трудом разлепляя непослушные губы. — Что делать мне здесь, Чужедушец? Я проиграл. И мы проиграли.

Иолай Копейщик качает головой, и мне вновь кажется, что он стар, старше всех, кто еще живет на нашей земле.

— Пока живы — нет! Я мог бы сказать, что ты нужен другим, Тидид, но я скажу иначе. Ты нужен себе самому. Иногда приходится жить не только за себя, но и за тех, кого уже нет...

Никогда не думал, что так трудно приподняться, опереться на локоть, вдохнуть полной грудью жаркий летний воздух.

— Может быть, ты и прав, Ификлид! Но если ты тут, значит, я нужен тебе?

— Нам, — холодно, без улыбки, бросает он. — Мы ждали грозу. Гроза пришла. Ты нужен.

Все-таки я сумел встать. Встать, накинуть фарос, подойти к окну. Вместо яблоневого цвета — зеленая завязь, на белесом жарком небе — беспощадный сияющий Лик...

— Агамемнон объявил войну Трое. Гекатомба началась, Диомед!

И вновь я не удивляюсь, откуда Чужедушец знает о Гекатомбе. Знает! И о ней, и обо мне, и о всех нас.

— Отец думал, что Гекатомба — это очистка Геи от полукровок, от всех, в ком есть хоть капля ИХ крови, — не оборачиваясь, отвечаю я. — И мама так думала. Но все страшнее, Ификлид! ИМ нужна не только наша кровь!..

— Знаю... — тихо откликается он.

— Им нужны жизни тысяч и тысяч, чтобы вымостить дорогу на Восток, чтобы их кровью подпитать новые Грибницы...

— Знаю...

— Для дураков на площадях и в харчевнях — это месть за Елену. Для Агамемнона — завоевание Великого Царства. А для них — Великое Заклание. Овец заперли в загоне, затем открыли калитку, позвали мясника...

— Мы не овцы, Диомед! Мы — люди!

Повернулся, заставил себя взглянуть в его глаза...

На меня смотрела Вечность.

— Есть такой человек, Паламед Эвбеец. Он думает...

— Он так не думает! — резко перебил Иолай. — Он так говорит! Для тебя. И для других, кто поумнее. Но он прав, и те, кто послал его, тоже правы. Это не наша война, это ИХ война, но у нас есть только один выход — победить. Тогда еще есть надежда. Тогда посмотрим, кто кого. Мы не овцы, мы — люди! Слабого судьба тащит на веревке, того, кто сильнее, — за руку ведет...

— ...А самый сильный сам судьбой становится! — кивнул я. — Так говорил Геракл!

— Да, так говорил Геракл...

Вечность глядела мне в глаза. Я вздохнул и вдруг понял — жив! Я жив. Все еще. Снова. Жив!

— Кто ты, Чужедушец?

Он улыбнулся — впервые за весь разговор. Улыбнулся, покачал головой.

— Убей гидру, мальчик! Убей!

* * *

— Я, Диомед, сын Тидея, ванакт Аргоса, Арголиды и всей Ахайи, повелитель Тиринфа, Трезен, Лерны, Гермионы, Азины, Эйона, Эпидавра, Масеты, Эгины Апийской и Калидона, заявляю вам, моим верноподданным, что с сего дня держава наша вместе с союзниками и друзьями нашими поднимает меч на вероломного Приама, именующего себя ванактом Трои, и будет вести войну на земле и на море, покуда враг не сдастся на милость нашу или не погибнет. И не пожалеем мы жизни нашей и добра нашего ради победы над врагами. Да помогут нам боги Олимпийские, что землей нашей владеют, и да будет жить наш Аргос вечно, вековечно! Я же клянусь вам, что не положу оружия, покуда последний враг не будет повержен. К оружию, аргивяне! К оружию, мой народ! К оружию!

* * *

Время табличек кончилось, настал час гонцов. Конские копыта отбивают дробь, стучат обитые медью сандалии. Скорее, скорее! Война не ждет!

Золотой панцирь, сияющий шлем, неровная сбивающаяся речь. Хризосакос-хеттийец. Как теперь говорят — варвар.

— Диомед! Агамемнон спрашивает, когда посылать отряды

на острова. Агамемнон спрашивает, когда лучше отплывать главному войску. Агамемнон спрашивает, хватит ли восьмисот кораблей. Агамемнон спрашивает, начинать ли с Трои.

Война! И мы уже не препираемся о том, кто из нас Ахейский ванакт. Потом разберемся — в Трое. Или там, где тлеют бледные асфодели.

Гонец ждет, ждет свежий конь у дворцовой коновязи. Надо отвечать.

— Передай Агамемнону: сейчас, весной, после штормов, нужна тысяча, начинать не с Трои — с моря. Повтори!

Повторил, кивнул, повернулся. Простучали по лестнице бронзовые сандалии.

Атрид — первый воевода. Я — второй (не первый, ха!). Но именно мне составлять план. Даже не один — два плана: настоящий для нас и... совсем как настоящий — для Приама. Война не ждет!

Вместо золота — серебро. Вместо меча — тяжелая палица.

— Ратуйся, ванакт! Ферсандр, басилей Фив и всей Виофии, желает тепе здрафствовать и говорит: мы готовы. Шесть тысяч, тысяча конных. Нужны корапли.

— Передай — будут!

А рука уже тянется к кисточке. Маленькому Ферсандру нужны корабли. Сорок... Нет, больше — пятьдесят, и то если по сто двадцать человек размещать. Хватит ли тысячи? Ой, не хватит! Даже с Идоменеевыми кораблями (пригодились!) — не хватит! А еще — высадка на острова, ведь война не ждет!

Высокий, в кожаном панцире, в легком, до бровей, шлеме.

— Радуйся, ванакт! Аякс, сын Теламона, говорит: мы готовы. Двенадцать кораблей, тысяча человек. Нет колесниц.

Небогато! Зато у бычелобого есть корабли, значит, именно его можно послать первым к Авлиде. Война не ждет!

— Э-э, койрат! Радуйся, койрат! Сто лет живи, койрат! Двести лет живи!

Меховая накидка, черная борода... Все ясно!

— Басилей Андремон говорит: радуйся, сынок! Басилей Фоас говорит: радуйся, брат Диомед! Заварушка у вас, говорят. Поможем, говорят. Сорок кораблей пошлем, говорят. Только объясни нам, кто такая Елена и почему из-за нее такая заварушка, говорят. Почему из-за какой-то женщины, понимаешь, такая война случилась?

Да-а-а! Вот и объясняй! А война не ждет!

Дорогой плащ, золотая фибула, цепкий острый взгляд... Да мы уже, кажется, встречались! Только не здесь — в Калидоне.

— Радуйся, ванакт! От Одиссея, басилея Итаки...

Любимчик? Жив!

На дорогом папирусе — неровные кривые строчки. Сам небось писал, грамотей! Это тебе, Лаэртид, не из лука стрелять!

«Радуйся, Диомед! Я дома, на Итаке. Пенелопа родила мальчика. Рыжего! Гуляем...»

Все еще ничего не понимая, я взглянул на невозмутимого посланца. Как же так? Ведь Одиссей в Трое, схвачен, в темнице!

«...Нас обманули, Диомед! Нас всех обманули! Мы с Приамом договорились, он согласился. А потом нам сказали, что Агамемнон объявил войну...»

Вот оно что! Ловко! И поздно спрашивать, поздно узнавать, кто все это придумал. Война не ждет! Бедняга Любимчик, зря старался. Хотя... Почему зря? Мы тут воюем, он гуляет. Завидно! Ага, тут еще что-то!

«Ты не представляешь, Диомед! Елена постарела — даже смотреть страшно...»

Елена!..

ЭПОД

...На месте храма — черная плешь. Все выжгла ненависть, ничего не оставила! Ни стен, ни крыши, ни золотого кумира. Даже камни фундамента вывернуты, в сторону отброшены. А сквозь пепел уже трава молодая пробилась.

Забвение!

Нет больше нашей богини, нет Елены Прекрасной! Где-то далеко, за морем, стареет женщина, слишком долго бывшая молодой...

«Знаешь, хочу быть старой! Хочу сидеть у очага, и чтобы рядом возились внуки... Плохо быть бессмертной! И вечно молодой — плохо...»

Неужели ты хотела этого, Прекрасная? Грибница срезана, ты уже не бессмертна, но доведется ли тебе нянчить внуков, когда на месте Трои останется такая же черная гарь?

Я отвернулся. Пуста Глубокая! Вечер. Словно в детстве, когда мы гуляли с Капанидом и Ферсандром, нас звали домой ужинать и я рассказывал папе об очередной славной победе над злыми пеласгами. «Феласгами» — как говорил маленький Полиникид...

Сегодня я один. Ферсандр Полиникид собирает своих Серебряных Палиц на войну, Сфенел еще не вернулся из Тиринфа — тоже войска собирает. А я... А я попросту сбежал. Сюда, на Глубокую, в страну детства, к нашему пустому дому с заколоченными окнами, к опустевшему дому дяди Капанея, к черной проплешине на месте храма Елены...

Вверх, вверх, от Трезенских ворот, к храму Афины Трубы, не спеша, никуда не торопясь...

Хорошо, что вечер, хорошо, что пусто. Днем по улицам не пройти — добрые аргивяне проходу не дают. Полюбился им чужак-этолиец! Души не чают!

...Медный дом, чуть дальше — Царский, дом дяди Эгиалея. И там пусто! Словно я на Поле Камней, где нет живых, где только тени. Опустело наше царство-государство — навсегда. Навсегда...

Я посмотрел вверх, на темнеющее небо, на уходящее за черепичные крыши солнце, и внезапно пожалел, что пришел сюда. Поле Камней! И я — последний. Надо возвращаться в Лариссу, за высокие стены, к нелюбимой женщине. Там я тоже не дома, тоже чужак. Чужак, которого позвали, предали, а теперь полюбили...

Я усмехнулся, поддал ногой камешек, покачал головой. Полюбили! Да ни Гадеса меня не полюбили! Я снова нужен, как тогда, после смерти дяди Эгиалея. Наемника зовут воевать. Далеко — за море. Наемник скоро уйдет. Я уйду...

Уйду! Так стоит ли возвращаться?

Странная, дикая мысль заставила остановиться, замереть на месте. Что за чушь! Здесь — мой дом, мое царство...

Мой дом? Мое царство?

Я вновь усмехнулся, но уже горько, одними губами. Вот оно, мое царство — черная обугленная плешь, оплавленные камни...

Хватит!

Я поднял взгляд и понял, что улица кончилась. Серые ступени, плоская черепичная крыша, приземистые колонны. Храм Афины Сальпинги Победоносной — Афины Трубы.

Радуйся, мама! Хорошо, что ТЫ есть...

Я взбежал по ступеням, прикоснулся к теплому старому камню...

— Ванакт!

Гетайры! Налетели, окружили со всех сторон.

— Держи! Держи! Вот он!

А я даже не успел испугаться...

— Подобраться хотел, понимаешь! — Фремонид Одноглазый презрительно сощурился, оттолкнул ногой лежавший на земле кинжал. — Думал, ванакт, один ты тут!

Да, я не один. Поэтому еще жив.

— Где он?

Гетайры расступились. Тот, кто так и не успел вонзить мне в сердце хеттийскую бронзу, лежал на ступенях, широко раскинув руки. Пальцы еще жили, цепляли воздух, словно пытаясь ухватить что-то невидимое, уходящее навсегда. Жили — но из пустых глазниц, равнодушных, холодных, на меня уже смотрел Танат Жестокосердный...

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

(ПРОСОДИЙ[1])

Эй-а, море!

Черный смоленый нос «Калидона» рассекал волны. Серые чайки носились над палубой, а над мачтой, над огромным белым парусом с пурпурной каймой, горел золотой лик Гелиоса. Бог был в силе — день выдался жарким, и даже морской ветер едва мог смягчить льющийся с небес огонь.

Эй-а, море! Я здесь!

Берег скрылся вдали. Только море — бесконечное, бездонное, рассеченное острыми гребешками волн. Лиловая вода — белая пена...

Раньше я боялся тебя, море! Теперь — не боюсь. Принимай гостя! Эй-а!

Весла раз за разом опускаются вглубь, под белую пену, под лиловую воду. Опускаются, вновь взлетают к золотому сиянию Гиперионида. «Эй-а!» — поют гребцы. «Эй-а!» — шепчу я в ответ.

---

[1] Просодий — гимн, исполняемый в дороге.

— Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Моря бескрайнего бог, улыбаясь безоблачным ликом,
Гладь широко распростер, успокоив неистовство бури,
И, усмиренные, спят неспокойно тяжелые волны.
— Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!

Я смеюсь: ну и песня! Какое же эхо в море? Этой нимфе нечего делать среди белых гребешков. Она осталась там, в Аркадских лесах, средь Калидонских гор. Хайре, Эхо, когда-нибудь встретимся!

— Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Пусть заскользит, встрепенувшись, корабль под ударами весел.
Море смеется само и в согласии с небом дарует
Нам дуновенье ветров, чтоб наполнить стремительный парус.
— Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!

Море смеется... А хорошо сказано!

Черный нос рассекает волны, соленый ветер наполняет тяжелый парус, берег уже далеко...

Прощай, Аргос! Прощай, Эллада!

Хайре!

Поле Камней, я оставляю тебя! Прощай, папа, прощай, дядя Эгиалей, прощай, Великий Геракл, прощай, Амикла! Вы все равно будете со мной, вам нечего делать там, среди призраков! И остальные — друзья и враги — прощайте!

Хайре!

И ты, Эриний, аэд-пьяница в шитом серебром фаросе, прощай! Не с добром ты искал меня, но все равно — прощай!

...Его труп нашли на рассвете — возле лагерного частокола, чуть присыпанный серым морским песком. Эриния узнали с трудом — по плащу и по разбитой кифаре. Аэд был мертв, и мертв давно, не день и не два. Тление исказило черты, а неспокойная душа уже прошла свой последний путь к асфоделевым лугам. Острый хеттийский кинжал — такой же, как я нашел на берегу, торчал из груди.

Значит, не ты, Эриний, пел мне про буйную дурь ветров? Не ты рассказывал о хитростях своего ремесла? Да ты и не стал бы этого делать, ты пришел ради совсем иного...

Кто же тогда?

Я оглянулся, пытаясь за лиловой далью разглядеть черную полоску исчезающего берега. Поздно! Все уже позади!

«Пойми, кто может, буйную дурь ветров! — одними губами прошептал я. — Валы катятся — этот отсюда, тот оттуда...»

— В их мятежной свалке носимся мы с кораблем смоленым! — весело откликнулся знакомый голос.

Я оглянулся. Тот, кто называл себя Эринием-изгнанником, бродячим певцом, стоял рядом. В таком же точно фаросе, с тяжелой сумкой для кифары, в старых сандалиях.

— Радуйся, аэд Оторванная Рука, — вздохнул я. — Радуйся!

Мы стояли рядом, волны мчались навстречу, а ветер толкал в спину, гоня чернобокий корабль прочь от исчезнувшей за лиловой далью земли.

— Кажется, мне следует сказать спасибо, — наконец усмехнулся я. — И даже жертву принести?

— Кажется, — согласился он, но уже без улыбки. — Хотя мы с тобой... кажется... не очень любим друг друга, племянник! Один раз ты чуть не заклял меня. Помнишь, возле Калидона?

— Помню, — я внимательно поглядел на его бесстрастное, вечно юное лицо, на тяжелую кифару, выглядывающую из потертой сумки. На миг почудилось — только почудилось! — будто нестойкое лживое марево исчезло, и вместо аэда в грязном фаросе передо мною беззвучно вырос смерч — огромный, темный, попирающий волны, тянущийся к самым небесам...

Почудилось?

— Помню! И Плеворнское поле помню, и харчевню на микенской границе. Хорошо поешь, аэд! А песни подбираешь еще лучше!

— Подбираю? — удивился он. — Не обижай меня, племянник! Я их сочиняю, и, говорят, неплохо сочиняю. Рассказывают, что и кифару я придумал. Может, и правда, как считаешь?

— Тебе виднее, Психопомп!

— Можешь называть меня как и раньше — Ворюгой! — рассмеялся он. — Не обижусь! Когда-то друзья называли меня Пустышкой. Мне нравилось!

Я вновь оглянулся. Странное дело, никто на корабле не слышал нашего разговора. Впрочем, такое ли уж странное?

— У тебя были друзья, Пустышка? Друзья среди нас, людей? Это было что, в Золотом Веке?

Словно тень упала на ЕГО лицо. Словно где-то рядом неслышно прошелестело черное крыло Таната.

— Совсем недавно, племянник... Страшно дружить с людьми! Они уходят — навсегда. Их жалеешь... Но тебя, кажется, не нужно жалеть, Диомед?

— Меня — не нужно! — оскалился я. — И своим передай, всем ИМ — не нужно! Понял?

— Ты поклялся, знаю, — негромко ответил ОН. — Поклялся кровью. А я спас твою жизнь этой ночью! МНЕ не приказывали — просто спас. Ты не прав, когда судишь о НАС. МЫ и вы, люди,

одно целое. МЫ — не людоеды, пойми! НАМ нужна ваша вера, ваша искренность, ваша кровь — да, кровь! Но МЫ создали этот мир, этот Номос, МЫ и есть мир! МЫ сделали вас людьми! Не творили, да! Но без НАС вы, люди, были бы хуже зверей...

Я не стал отвечать. С НИМИ трудно спорить. Но к чему спорить, все и так понятно!

— Не понятно! — отрезал он, и я невольно вздрогнул. — Ты винишь НАС за эту войну, Диомед! Но ведь вы, люди, хотели ее больше нашего! Да неужели ты думаешь, что у НАС не было другого способа истребить таких, как ты, полубогов?

— Недобогов! — перебил я. — Уродов с отравленной кровью! Что, больно смотреть на свой грех?

— Вот ты как! — присвистнул он. — Грех! А разве твоя мать не любила Тидея Непрощенного? А разве тогда, на лесной поляне в Аркадии, ты думал о грехе? Мы слишком похожи, МЫ и вы...

И вновь я не стал отвечать. Да, похожи! Мы слишком похожи...

— Вы, люди, не стадо, а МЫ — не пастухи с ножами. МЫ — пастыри. И сейчас МЫ показываем вам дорогу в новый мир, в новый Номос. Не только для вас, но и для ваших правнуков — на века, на тысячелетия. Потомки, те, кто увидит солнце через столетия, будут считать вас героями — великими, величайшими! Что тебе еще нужно, Диомед? Выжить? Ты знаешь — выживают, побеждая. Победишь — и пойдешь дальше! Хоть к Океану, хоть на край Земли, хоть в Космос! Дорога начинается с первого шага, сделай его!

Он замолчал, усмехнулся, поглядел вверх, на сверкающий Лик Гелиоса.

— Разыгрался старик сегодня... Я не убедил тебя, племянник?

— Не знаю, — задумался я. — Не знаю... Нет...

— И все-таки подумай! А мне пора. Мой долг выполнен, я проводил тебя, как и полагается Покровителю Путей...

— Погоди! — встрепенулся я. — Тот человек, Эриний... Кем он был?

И вновь показалось, что крыло Таната прошелестело совсем рядом.

— Его звали иначе, — медленно проговорил Психопомп. — Он из Беотии, поэтому ему было очень трудно скрывать акцент... Несколько лет назад его сестру, она была совсем еще ребенком, изнасиловал один молодой, опьяненный победой воин. Не знаешь, кто это был, Диомед?

В глаза плеснула тьма. Воздух в горле показался камнем.

А я еще говорил о грехе!

— Она... — Слова рождались с трудом, застревали во рту. — С нею... что?

— Узнай сам, если хочешь, — донеслось из черной дали. — Как и то, кто посылает к тебе убийц, кто открыл ворота врагу, кто уже много лет мечтает отправить тебя к моему дядюшке Гадесу. На войне как на войне, племянник. Сражайся!

Я очнулся, глубоко вдохнул соленый воздух, повернул голову...

Никого не было рядом! Никого...

— До встречи! — Голос звучал тихо, словно шелест ветра. — А на прощанье — маленький подарок. Две строчки, их еще не спели, их пропоют только через много веков, но они как раз о тебе!..

Негромко зазвучали струны, голос кифары сливался с шумом волн...

— В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье!

Нос «Калидона» внезапно рухнул вниз, в соленую пучину, тысячи брызг ударили в лицо...

Пусть так! Я, Диомед Копьеносец, изгнанник, чужак, наемник на троне. Пусть!

Чернобокий корабль мчался вперед, к неведомому вражьему берегу, весла раз за разом взлетали к солнцу, ветер надувал белый парус с пурпурной каймой...

Пусть будет так! Я — это я!

Весла вновь ударили в неровную хлябь, врезались в лиловую воду, рассекая морскую плоть.

Эй-а! Эй-а!

— Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
К Трое надменной плывем; так воскликнем же громкое: эй-а!
Вызов бросаем врагу, пусть он слышит победное: эй-а!
Азии берег, ты рядом уже. Мы, Эллада, идем! Жди нас! Эй-а!

Эй-а, море! Эй-а, боги! Я здесь! Я, Диомед, сын Тидея!..

В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье!

В такие времена побег — единственное средство, чтобы выжить и по-прежнему мечтать.

Анри Лабори

К вам я пришел, о друзья,
с достославной войны,
Что затеял дурак-рогоносец...

Лайош Мештерхази

Книга 2
ВЕРНУСЬ НЕ Я

ДИОМЕДОВЫ ОСТРОВА[1]
(Кеосский ном)[2]

Я понял — прощаться незачем.

Я уже попрощался.

Белая птица села на протянутую ладонь, укоризненно поглядела в глаза. Да, конечно, я не простился с тобой. Извини, птица! Извини — и прощай.

Хайре!

Почему-то в последние дни — в мои последние дни — я перестал видеть во сне людей. Только море, скалы, леса, пустыню — все, что довелось пройти. Винноцветные волны, бьющие в черный борт корабля, желтую степь по дороге в Хаттусу, заросшие кедром склоны Антиливана, песок у Аскалонских стен, окровавленную траву Фимбрийской равнины, зеленые рощи Лация...

Но чаще всего снился Океан — серое безвидное небо, туман над седой водой, вечный несмолкаемый гул равнодушных волн. Даже сейчас, сквозь неверную пелену летнего рассвета, я чувст-

---

[1] Диомедовы острова — три небольших острова около западного побережья Италии.

[2] Кеосский ном — песня, исполнявшаяся в кругу друзей перед добровольным уходом из жизни (согласно обычаю жителей острова Кеос, отсюда и название).

вовал его равнодушное дыхание. И только совсем недавно понял — это не зря.

Пора?

...Серый камень надгробия, еле заметные критские значки, идущие справа налево...

«Времени много создал Уранид[1],
Только много не значит — бессчетно.
Жизни положен предел.
И Время подходит к концу».

Тогда, на острове Эола, я прочитал эту надпись вслух. Идоменей, стоявший рядом, сжал губы, еле заметно передернул плечами, словно над Полем Камней подул зимний ветер.

Я не прощался с тобой, загорелый дочерна критянин, последний Минос! Мы встретимся в Океане — там, куда нет дороги Крону-Времени, Крону-мертвецу, и наши призраки когда-нибудь обнимутся среди вечной пучины. И с тобой, Одиссей Любимчик, ведь, говорят, ты тоже где-то за безвидной серой гранью. Не зря ты набрал Океанской воды в последний день перед тем, как мы увидели Италию!

Пора!

Я поглядел назад, на спящий в ранних рассветных лучах город, мой Аргос Гиппион, Аргос Конеславный[2], на зеленый берег моей Италии. С тобой я тоже не прощаюсь, Италия-Этолия, Земля Телят! Прав был Протесилай Чужедушец, кончается все, даже Смерть, и когда-нибудь я снова пройдусь по серому прибрежному песку.

Нет, не я! Не я-прежний. Вернется кто-то другой, непохожий. Так всегда бывало, всю мою жизнь — такую долгую. Такую короткую...

— Ты — последний, Тидид! Последний из нас, кто был под Троей. Я скоро уйду, ты останешься. Наверное, страшно быть последним?

— Я не последний, Гелен! Может, еще кто-то в Элладе, на Востоке...

— Нет... Я ведь Прорицатель, не забыл? В Трое меня никто не слушал — как и мою сестру Кассандру. Но это я вижу... Ты останешься один, среди наших могил.

---

[1] Уранид — сын Неба-Урана, в данном случае — Крон-Время.

[2] Аргос Гиппион (в наши дни — Сипонт) — город, основанный Диомедом на Адриатическом побережье. Возможно, древнейший город Италии из ныне существующих.

— Когда ты уйдешь, Гелен, уйду и я...

Гелен Прорицатель, сын Приама Троянца, когда-то чудом уцелевший в страшной резне на Фимбрийской равнине, ушел несколько недель назад. Мне долго не хотели сообщать, боялись, что старик — это я-то старик? — расстроится, станет плакать...

Я не плакал, Гелен, мой бывший враг, мой последний друг. Ведь мы с тобой тоже встретимся! И с тобою, Главк-побратим, когда-то протянувший мне руку возле желтого Скамандра, и с тобою, Эней Плакса, и с тобой, малыш Лигерон, и с тобою, Эвриал Смуглый! И со всеми остальными, кто ждет меня под стенами Трои...

Встретимся! Обнимемся у Ватиейского холма!

Папа, дядя Эгиалей, дядя Эвмел, Амикла... С вами я не прощаюсь — даже сейчас. Ведь вы всегда были со мною — и теперь вы тоже здесь. И Ты, Светлая, чья красота блистала подобно Новогодней звезде над всей моей жизнью!..

...Мама! Все эти долгие годы я так надеялся, что мы все-таки увидимся. Твой сын уходит без Тебя, мама!

Белая птица не спешила прощаться — все летала рядом, заглядывала в лицо. Я улыбнулся, помахал ей рукой. Когда я уйду, останется сказка — сказка о старике, жившем на маленьком острове в окружении дивных птиц, которые не боялись людей. Уже сейчас поговаривают, что неспроста так часто бывает на этих островах Диомед Маурус, регус Великое Копье. Ибо там, среди голых скал, слетаются не птицы — собираются его друзья, когда-то бывшие людьми. Потому они так приветливы, потому так часто встречают корабли, идущие из Эллады.

...Не из Эллады, конечно. Из той земли, что когда-то была Элладой.

— Аргоса больше нет, Тидид. Волки воют на руинах Лариссы. Микены... Микен тоже нет. И Пилоса... И Спарты... Ты разрешишь мне умереть здесь, в Италии? Ведь твой город тоже называется Аргос...

— Зачем тебе умирать, Сфенел?

— Время... Я пережил мой Аргос, Диомед. Наш с тобой Аргос! Мне нельзя было оставаться там, но я всю жизнь хотел стать ванактом! Не ты был всегда вторым, Диомед... Но ты прав, Тидид, — проклят этот венец! И все без толку... Помнишь, дядя Амфиарай говорил, что я отдам тяжкую ношу сыну? Отдал... Мой Комет погиб у Трезенских ворот, когда дорийцы пошли на при-

ступ. А я... А я все еще жив... Ты меня простишь? Хотя бы сейчас, перед смертью?

Простил ли я Капанида, моего бывшего друга? Когда мою душу станут расспрашивать у Белого Утеса, тогда я скажу правду.

Птица была уже не одна. Налетели со всех сторон, окружили, подняли крик — жалобный, отчаянный...

Не плачьте, птицы! Может, люди правы, и вы — действительно те, с кем я уже давно попрощался? Тогда вам незачем плакать! Не грусти, птица-Подалирий, не зови богов, птица-Калхант, не тревожься за своего ванакта, птица-Ром!..

Скажи, птица-Грес, волки тоже умеют летать?

Я подошел к самой кромке скалы. Море дышало рядом — тихое, безмятежное. Почему-то думалось, что все так и будет: раннее-раннее утро, море в розовой крови восхода, одинокий старик на черной скале. Все сделано, все сказано...

Все ли? Еще недавно казалось, что остановиться нельзя. Еще один город, еще одна дорога, еще один мирный договор, еще один корабль из Эллады с черными от горя беженцами. Но сейчас понял — пора! Сделанное — сделано, хорошо ли, плохо — пусть другие рассудят. Как любят повторять лохматые и нахальные римляне: кто может, пусть сделает лучше.

Почему сейчас так часто стали говорить о Риме? Может, прав бородатый пророк из Аласии, когда-то передавший мне слова Элохи-пастыря, и этот городишко на желтом Тибре действительно будущий Вечный Город?

...Смешно, но римляне уже начали спорить, кто именно провел деревянным плугом борозду на Авентинском холме и заложил первый камень. То ли Эней, то ли Маурус-Квирин, то ли Одиссей-странник. А ведь и века еще не прошло! Что они придумают через тысячу лет?

Придешь ли Ты сюда, на землю зеленой Италии, Элохи-пастырь?

Да, пора! Челнок легко покачивается на розовой воде. Весел нет, да они и не нужны. Океан рядом, только шагни со скалы, только посмотри вдаль...

— Не умирай, Кора! Не уходи! Что я стану делать без тебя?

— То, что и прежде, Тидид. Ты пойдешь дальше. Я же вижу, как ты смотришь на море! Я... Я была тебе хорошей женой, Дамед-ванака?

— Зачем ты спрашиваешь, Кора?.. Не надо... Не надо!..

— Не плачь, глупый Тидид! Ты ведь сам говорил: куреты не плачут...

— Кора! Светлая! Не уходи, не бросай! Я же останусь один, совсем один!..

— Ты никогда не останешься один, Диомед... Прощай! Все будет хорошо, мой ванакт. Все будет хорошо...

Ты права, Кора! Даже сейчас я не один, со мною белые птицы, птицы-друзья, которые никак не хотят отпускать, кружатся, задевают крыльями... Не волнуйтесь за меня, друзья. Когда-нибудь встретимся снова!

Я обернулся назад, улыбнулся уходящей от меня навсегда земле...

Легко качнулся невесомый челнок.

Все!

Диомед, сын Тидея, Дамед бар-Тадай, Маурус Великое Копье, все, кем был Я, все, чем Я был...

Хайре!

...Почему-то страха не было. Даже когда вокруг заклубился знакомый седой туман, когда в лицо плеснула ледяная волна-призрак... Разве этим ТЫ напугаешь меня, Океан-Ограничитель? ТЫ не страшнее грозы посреди закатного моря, когда молнии рвут серое небо, когда черный гром...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

СОБАЧЬЯ ЗВЕЗДА

СТРОФА-I

Тр-роя! Тр-р-роя! Тр-р-р-р-ро-оя-я-я!!!

Ранние сумерки, серое безвидное небо, клочья тумана, уже почти незаметные, исчезающие за темной кормой...

— Тр-р-р-р-р-р-ро-оя-я-я-я-я!!!

Белый огонь, черный гром.

— Тр-р-роя! Тр-р-р-р-роя! Пр-р-р-р-риходите!..

Над замершими на неспокойной ряби моря кораблями, над тревожно дрожащими полотнами парусов, над застывшими в ужасе людьми — еще живыми, еще верящими, что переживут этот бесконечный вечер, эту близкую страшную ночь...

— Тр-р-р-р-р-роя-я-я-я! А-ха-ха-ха-ха!

Серое — нет, уже черное — небо смеялось. Хохотало. Гоготало. Давилось весельем.

— А-ха-ха-ха-ха-ха! Гер-р-р-р-рои! А-ха-ха-ха-ха-ха!

Я застыл, не чуя окаменевших пальцев, мертво вцепившихся в мокрую холодную доску борта. Ту самую, что отделяла всех нас, еще живых, от черной пучины. Не доска — яичная скорлупа. А молнии все били, разрывая небо на части, и белые барашки неслышно проступали на острых гребнях волн. Не было сил даже зажмуриться, даже шевельнуть губами — как в ту ночь, когда ОН, мой НАСТОЯЩИЙ Дед, пришел, чтобы пообещать мне великую славу.

— Тр-р-р-р-р-роя! Пр-р-р-риходите, гер-р-р-рои-и! А-ха-ха-ха-ха-ха!

Ты прав, Дед, вот она — слава. Взбесившееся небо, обезумевшее море — и бессильные люди между. Есть над чем посмеяться, Великий Дий, Теос Патар, Всемогущий Громовик, мой остроумный предок! Отчего же не смеется твой Черногривый братец, Поседайон Землевержец? Почему так угрюм владыка Лилового моря, ставшего в этот вечер Черным? Ведь ОН тоже мой родич, ЕМУ тоже время смеяться!

...Или еще не время? Вот когда яичная скорлупа борта треснет...

«...Бойся богов, Диомед! Бойся!»

Снова молния — на этот раз совсем рядом, прямо перед черным носом «Калидона». Острый резкий дух ударил в ноздри, невыносимо яркий свет — по глазницам...

— Тр-р-р-р-р-ро-оя-я-я! Гр-р-р-р-р-ребите-е, гер-р-р-р-рои-и!

Я заставил себя отвернуться, не смотреть на ИХ торжество, на ИХ пиршество. Мы еще живы, и я жив, и «Калидон» все еще плывет, нет, мчится по неверным волнам к Трое, к проклятой Трое, навстречу Гекатомбе. И пока я, Диомед Тидид, ванакт Аргоса, жив, пока яичная скорлупа еще отделяет меня от Гадеса, страх — не для меня и ужас близкой гибели — тоже не для меня, я должен думать не о богах, не о проклятой Семье — о людях...

Как они?

Вначале хватило сил осмотреться. Затем — провести рукой по мокрым от холодной соленой пыли волосам. Потом — улыбнуться. Неуверенно, силой растягивая непослушные губы.

Живы!

Почти исчезнувшие в черноте сумерек, неподвижно замершие у мачты, у невысоких бортов, возле огромного весла-кормила, в узких корзинах «вороньих гнезд». Моряки из Лерны, воины из Аргоса, гетайры из Куретии Заречной. Живы! Никто не кричит, не суетится, не вздымает руки к обезумевшим молниям, к разорванному в клочья небу. Живы — и каждый делает то, что должно; никто, кажется, не догадывается, как страшно их повелителю, ванакту, ни разу не попадавшему в грозу посреди безумного чужого моря.

Вдохнул, выдохнул, снова улыбнулся — уже увереннее.

Гроза, подумаешь!

— Э-э, ванакт! — смеется в ответ Мантос, старшой гетайров. — Нравится, да? Прямо как у нас, в горах, понимаешь. Хорошее знамение, ванакт! Боги за нас, да?

— Да...

Шевельнул губами, но горло молчало. Снова вздохнул, на миг прикрыл глаза, до боли сжал слегка потеплевшие пальцы...

— Боги! Ты прав, Мантос, мой родич! Боги — за нас!

Боги были за нас. Не оставляли. Напоминали. Подбадривали. Знамения, бормотание пифий, уверенный бас прорицателей, раздувающийся от важности Калхант-изменник. Печень с ровными долями, жертвенный дым, устремившийся к самому зениту, змея, лопающая беспомощных птенцов под одобрительный гогот толпы. За нас! ОНИ — за нас, а значит, Троя уже почти наша, нет, она уже наша, надо только доплыть, ткнуться черными корабельными носами в серый песок Троады...

Я не удивлялся. Гекатомба! Все так и должно быть. Зачем отпугивать, зачем будить Панику, страшную дочь доброго неуклюжего Пана? Агнцы... Нет, просто бараны должны сами — сами! — прибыть к алтарю. Поспешите, бараны, ибо боги за вас, Снежный Олимп дарует вам победу, а сама Паллада, дочь Дия Ясного, распростерла грохочущую эгиду над великим воинством...

...И ты тоже, мама! Зачем?

Не спросишь, не упрекнешь. Мама молчит, я устал ее звать, у меня нет больше сил, нет надежды. Ты с НИМИ, мама.

ТЫ — не со мной. ТЫ — с НИМИ!

Зато не молчит Любимчик. Как всегда, он всюду, со всеми друг, со всеми кум-приятель. А я еще удивлялся, зачем это рыжий полгода метался по всей Ахайе от Фессалии Равнинной до Малеи Штормовой, зачем базилеев ахейских, всех этих козопасов-козопсов на бойню сманивал. Какое дело сыну Лаэрта Пирата до бестолковой мечты Агамемнона о Великом Царстве Пело-

пидов? Или Паламед-шурин барыш пообещал? Или папаша, итакийский затворник Лаэрт Пират, лишнее серебро подзаработать решил?

Теперь — понял. К сожалению. А ведь мы дружили, Одиссей, сын Лаэрта!

— Ванакт!

Очнулся, помотал головой. Потом, все потом...

— Слева, ванакт! От Сфенела-басилея.

Повернулся.

Сквозь черно-серую мглу, между белых молний — желтый огонек. Неяркий, неровный. Мигнул, мигнул...

— Сфенел-басилей сигнал шлет, ванакт. Все в порядке у него, ванакт.

Мог бы и не пояснять, Мантос-курет, мой чернобородый родич. И так ясно. Все в порядке у богоравного Капанида. Да только знает мой друг, как страшно Диомеду Дурной Собаке в море. Вот и сигналит — подбадривает.

— Смотри, ванакт! Справа, ванакт! Амфилох Амфиараид сигнал подает...

Спасибо, ребята!

Эпигоны, сыновья Семерых, снова в походе. Мы вместе, и это единственное, что еще заставляет верить в удачу. Верить, забывая о хеттийских кинжалах, нацеленных в мою печень, о давней измене, червем гложущей душу. Не хочу думать! Не хочу!..

— Э-э-э, ванакт! Да ты светишься, ванакт! И я свечусь, ванакт! Красиво, да?

Тебя ничем не напугаешь, курет!

...На кончиках пальцев — холодный зеленоватый огонь. И на сандалиях. И на верхушке мачты. И на бородатых лицах. Безболезненный, бесшумный. Мертвый... И это — тоже сигнал. Мне.

— Ты плавал по морю, Эриний? Говорят, ночью весла светятся...

— Иногда, ванакт. А если буря, то светятся даже мачты.

.

Я не забыл, Дядюшка, Лже-Эриний, Психопомп-Ворюга. Мертвый огонь Гадеса, куда ТЫ отведешь мою душу. Говорят, те, что уходят туда, к Белому Утесу, к блеклым асфоделям, не могут даже плакать, они лишь пищат, словно летучие мыши.

Я не буду плакать, Психопомп. И писка ТЫ тоже не услышишь. У меня не хватит сил победить ВАС. Но на это — хватит!

— Как думаешь, Мантос, в Трое сейчас тоже гроза?

— Э-э, ванакт! Хорошо бы, ванакт! Гремит, грохочет, неба нет, земли нет, ничего нет, да? А тут мы в гости к Приаму-ванакту, понимаешь!

Смеемся. Смеемся, хотя смеяться не над чем. Гроза не поможет, даже если небо и вправду разорвется в ошметья, и земля вскипит, словно море...

— ...Не поможет, Атрид! Не поможет.

Микенские стены, рассвет, из-за холмов уже виден блистающий венец Гелиоса-титана. Зябко, даже плащи не помогают.

Всю ночь проспорили...

— Но почему, Диомед? Смотри: с осени мы занимаем острова, так? Закрываем проливы, так? Посылаем корабли к Аласии, так? Мы всюду, Приам не сможет собрать союзников, они будут бояться за свои земли. А потом мы двинем отряд с юга, от Милаванды, все решат, что мы вначале хотим захватить побережье, и тут...

— Не поможет...

Вечером богоравный Агамемнон кричал. Ночью — ругался. Сейчас только нос свой чешет. Длинный нос, Пелопсов. Как только шлем на башку налезает? Ведь он, шлем, у Атрида старинный, с личиной.

Я не спешил с ответом. Куда спешить? Венец Солнцеликого еще только показался из-за серых холмов, первые лучи вот-вот коснутся Поля Камней.

...Где-то там, среди старых могил, толос Атрея Великого. В то утро я впервые пожалел, что мой страшный враг мертв. Пелопид бы понял, ему, сокрушителю царств, посылавшему колесницы во все концы богохранимой Ахайи, не пришлось бы все пояснять на пальцах, как этому длинноносому. Ничего, я упорный.

Поспорим!

— Зачем ты начинаешь эту войну, Атрид?

Растерялся, снова нос чешет. А действительно, зачем?

— Рвань в харчевнях хочет оторвать Парису его блудливый приап. Твой брат — вернуть жену. А ты?

Хмурится богоравный Агамемнон. Хмурится, отвечать не хочет.

— Великое Царство, Атрид! Держава Пелопидов от снегов гиперборейских до Океана и эфиопских песков! Иначе зачем нам столько людей и кораблей? Зачем звать к копью всю Элладу? Или я что-то не так понимаю?

Молчит носатый. Ну, молчи, молчи!

— А Великое Царство — это не Троя, ванакт Агамемнон! Не Троя, не Троада и не Дарданские скалы. Это — Азия, Восточный Номос — от Милаванды до Урарту. Или даже до Кеми?

Супит брови Атрид. Видать, мало я пообещал. Никак он и красно-белый венец ванактов Черной Земли примеривает?

— Никого не обидят, Тидид! Никого! Ты тоже получишь свое царство, оно будет в десять... в двадцать раз больше Аргоса. Но эти владения нужно охранять, поэтому мы будем вместе. Какая разница, кто станет Верховным Ванактом — я, ты, Менелай?..

Нехотя отвечает, будто словами давится. Видать, самому врать противно. Его отец хотя бы не кривил душой!..

«...Ванакт должен быть один. Он — царь царей. Ахайя должна стать единой, тогда следующая война будет такой, как я хочу, а не иной. Ахайя, нет, Эллада завоюет весь наш Номос — объединенная, могучая, страшная для врагов. Добычи и славы хватит для всех, и власти хватит. Иначе... Иначе мы начнем резать друг друга. Микены все равно победят, но я не хочу такой победы!»

Да, с тобой было бы легче, Великий Атрей! Тебе не требовалось бы объяснять...

— Восточным Номосом правит не Приам, не его соседи-козопасы, не басилеи Аласии-Кипра и даже не Дом Мурашу. Ты считаешь без хозяина, Атрид! А ведь у нас мало времени — не забывай, что совсем рядом, в Фессалии, дорийцы. Они только и ждут, что мы сломаем себе шеи. Нужна победа — быстрая. Настоящая! Но даже если мы возьмем Трою, нас выкинут оттуда через три дня — сандалием под афедрон. Подсказать, кто?

Ответ не один, их два, но длинноносому бесполезно рассказывать о Гекатомбе, о Грибницах в Восточном Номосе, сохнущих без нашей крови. Он согласен на Гекатомбу, сын Атрея и внук Пелопса. Призрак Великого Царства слишком прекрасен — как ламия на перекрестке ночных дорог для пьяного гуляки. Поэтому я намекаю не на НИХ, не на Семью-Семейку. Есть второй ответ, он проще, его поймет даже Агамемнон.

Острый, нестерпимо яркий диск Гелиоса, Златого Колесничего, вынырнул из-за холмов. Я усмехнулся — вовремя! Вот он, ответ!

Солнце вставало над Микенами. Солнце, не заходящее над

Азией. Великое Солнце — Суппилулиумас Тиллусий, ванакт Хаттусили, непобедимого Царства Хеттийского.

Суппилулиумас — владыка Востока.

— Э-э, ванакт! Ты смотри, кончилась гроза. Я думал, до утра греметь будет, понимаешь!

В голосе чернобородого — тень обиды. Недогремел Дий Громовержец, пожалел молнии!

Сначала покосился на пальцы — сгинул мертвый огонь. Потом на мачту, на неровный пузырь паруса, и лишь после — на небо.

...Вечерняя синева, несмелые огоньки первых звезд, обрывки туч, уходящие к почти исчезнувшему в сумраке горизонту. Сомкнулась поднебесная твердь, словно и не было ничего.

Сомкнулась — надолго ли?

— Мантос, прикажи, чтобы осмотрелись, как там...

Не договорил — ни к чему. Все понял старшой.

— Смотрели уже, ванакт. С мачты смотрели, с кормы смотрели. Все плывут, все живы. И Фоас-басилей плывет, и Сфенел-басилей плывет, и Менелай-басилей, и Одиссей...

Ну конечно! Рыжий не отстанет, не повернет вспять! Неужели я прав, и это мама — мама! — вкупе со всей Семейкой заставила Любимчика гнать нас, людишек-хлебоедов[1], к Троаде под железные мечи ванакта Хаттусили? Выходит, именно рыжему быть Верховным Жрецом при Гекатомбе?

Удостоили!

На Скиросе я поднял копье, чтобы прикончить выродка-Лигерона. Ошибся! Не того убивать следовало!

Хватит! Не сейчас...

— Говоришь, все плывут, родич? Агамемнон тоже?

Хорошо смеются куреты! Сразу видно — душа чиста.

— Э-э, Фремонид, погляди, не плывет ли с нами ванакт великий Агамемнон? Не обогнал ли? Может, он уже в Трое, да?

— Э-э, Мантос! Левым глазом гляжу — не вижу. А вот правым гляжу — все вижу. Плывет ванакт великий Агамемнон, носом волны рассекает, буруны до небес, понимаешь! Эх, быстро плывет, самый смелый, наверно!

И снова корчатся от хохота мои гетайры. Правый глаз Фре-

[1] Хлебоеды — согласно греческой мифологии, так называли людей боги-Олимпийцы. Слово имело уничижительный смысл.

мониду вышибли еще много лет назад, когда он угонял очередное стадо у моего деда, Ойнея Живоглота.

Агамемнон еще в Авлиде. И вовсе не потому, что трус. Просто таков план. Настоящий — а не тот, который сейчас изучают в Трое. Тогда, ранним летним утром, на еще холодных камнях микенских стен, я все-таки убедил его. Смог! Поэтому со мною только половина войска. Поэтому Атрид в Авлиде вместе со своими хризосакосами, и афинянин Менестей там, и Асклепиады, и большая половина войска, и все наши колесницы. Поэтому мы все делаем правильно. Но...

Но как не посмеяться над носатым? Особенно после такой грозы, особенно когда у ванакта Аргоса до сих пор ноет в животе от страха.

Эх, папа! Ты бы точно не испугался!

...Правда, и Тидей Непрощенный никогда не воевал на море. Почему я так не люблю Атрида? Ведь не давняя рознь между Старой и Новой столицами, между Аргосом Неприступным и Микенами Златообильными тому виной. Завидую? Чему? Мы оба сироты, но Агамемнон несчастливее меня, все-таки папа погиб в бою, в честной схватке, а не от руки брата-предателя, как Атрей Великий. А его, Атридова, Клитемнестра, говорят, ничуть не хуже (ха-ха!) богоравной ванактисы Айгиалы.

...Стравить бы обеих! Химеру с Горгоной, Ехидну с Гарпией. Моя бы точно Атридову загрызла, талант ставлю!

В общем, не такой уж он плохой парень, носатый, — особенно ежели не на троне сидит. И хотим мы разного, он, Агамемнон, — править Великим Царством, а я...

Снова хохот — нежданный, оглушительный, словно запоздавший к буйству грозы гром. Но на этот раз его никто не слышит — кроме меня.

Агамемнон хочет править Великим Царством, а я...

А я?

Не ТЫ ли хохочешь, Дед, мой НАСТОЯЩИЙ Дед? Ведь для ТЕБЯ нет тайн под Ясным Небом, которому ТЫ владыка. ТЫ манил меня славой, великой славой, а я все тужился возразить, отказаться... Смейся, Дед, хохочи!

...Хорошо, что не все мысли можно додумывать до конца. Хорошо, что у ванакта аргосского всегда полно забот — даже поздним вечером, даже посреди моря...

— Кто? Повтори!

— Кормчий, ванакт. Дядюшка Антиген. Кличет тебя, понимаешь...

Ванакта не кличут. К нему приходят сами — и то ежели позовет. Все — кроме богов, любимой женщины — и кормчего. Особенно когда вокруг море.

— Иду!

Все в порядке. В полном порядке! Гроза прошла, море стихло, меня зовет дядюшка Антиген...

Хотел бы знать, зачем? Хотя что за вопрос? Пойду — узнаю.

...И не надо пустых мыслей, Диомед Дурная Собака! Кто сказал, что у царя на войне должно быть не больше сомнений, что у простого копейщика? Кемийцы, кажется...

Хорошо им там, в Кеми!

...Между носом и кормой — узкие доски настила. Между носом и кормой — народу, как в храме Зевса Трехглазого по большим праздникам. Тесно у нас на «Калидоне» — прямо как в Калидоне настоящем! Хоть и не мал кораблик, хоть и плачено за него ежели не втрое, то вдвое (все тот же Любимчик и сосватал: переманил, дескать, его папаша пиратствующий некоего корабела-троянца, чудодей — не корабел!), а все одно — и тесно, и неудобно, и спим прямо на палубе. Хотели мне на корме хоромы возвести с ложем цельносрубленным двуспальным, но я, понятно, запретил. Лучше лишние полдюжины воинов на борт взять. Так что до кормы еще добраться надо. Хорошо хоть, не качает! Да и народ при деле: воины, как положено, у бортов да у катапульты, моряки...

— Яй-яй-яй-я-яй-я-яй-яй-яй-я-я-а-а-а-а-а!

А моряки кого-то лупят!

— Яй-яй-яй-я-я-а-а-а!

Дружно лупят! Толпой сгрудились, фалангой обступили — не пройти, не обойти.

— Ах-ты-осьминог-критский-протей-тебе-в-печенку!..

Да-а-а!

—...и-амфитрида-в-глотку-и-рапан-родосский-в-афедрон!!!

— Яй-яй-яй-я-я-а-а-а!

Полюбовался, подождал, пока подустанут, пока меня заметят.

— А, ванакт? Извини, ванакт! Проходи, ванакт!

— Яй-яй-я-а-а-а!

Кто-то не утерпел — напоследок ногой бедолагу пнул. Я уже

понял — раб. Кажется, видел его — маленький такой, плюгавый, в бородавках. То ли лидиец, то ли кариец, их, варваров, не разберешь.

— Чуть корабль не спалил, осьминог критский! Где ж такое видано — в шторм да в качку огонь разводить? Ах ты!..

— Не палила! Не палила! Я жертву приносила! Жертву приносила — гроза проходила! Яй-яй-я!

Я махнул рукой — что с варвара возьмешь?

— Жертву приносила! Дамеду просила, Дамеда грозу отводила!

Про «Дамеду» я уже возле самой кормы услыхал. Услыхал — не выдержал. Не выдержал — обернулся:

— К-кому?!

— Дамеда великий! — обрадовался лидиец-кариец. — Не сердись на меня, Дамеда-бог, мало тебе жертву приносила, голубя приносила, завтра еще принесу! Ты, Дамеда, сильный бог, страшный бог!..

Думал — рассмеются моряки. И воины, что рядышком стояли, — тоже рассмеются. Тогда и я похохочу.

Да только не смеялся никто.

* * *

Коряги, как известно, не говорливы. Деревья — эти могут. Сам, правда, не слышал...

— Становись рядом, маленький ванакт. Сюда, слева.

А вот чтобы коряги! Правда, у черного весла-кормила не коряга пристроилась, а сам дядюшка Антиген, Антиген Лерниец, лучший наш кормчий — во всей Арголиде лучший. Но похож! Ежели в темноте, как сейчас, да еще чуток зажмуриться...

— Звал, дядюшка?

— Звал, маленький ванакт, звал. Постой пока рядом, оглядись.

В море кормчий — царь. А кормчий головной пентеконтеры — царь царей, не меньше. Богоравный владыка Корягиос... С таким не поспоришь! Ка-а-ак двинет корневищем!

Итак, стою. Смотрю. Налево смотрю, направо, а все больше — вверх. И на корягу тоже — исподтишка. Вцепилась коряга в кормило, корнями вросла, а каждый корень чуть не с меня толщиной. Замерла, сопит только. С присвистом.

...Болтают, будто звали дядюшку Антигена аргонавты главным кормчим. Да только отказалась коряга: баловство, мол, за

одной шкурой бараньей корабль в Колхиду гонять. Несерьезно как-то. Пусть, мол, Тифий-мальчонка с вами сходит, а я лучше на Запад поплыву, к Океану, там у меня дела поважнее имеются.

А Тифию-то тогда уже за шестьдесят было! Сколько же коряге лет? Подумать страшно!

— Поглядел, маленький ванакт? — сипит между тем коряга.

— Так точно, дядюшка Антиген, — вздыхаю в ответ. — Доложить, чего увидел?

— Доложишь, доложишь!..

Раньше сипела, теперь скрипит. Громко так скрипит! Выходит, коряги даже смеяться умеют?

— Вот чего, маленький ванакт! Ты просил напомнить, когда Лесбос пройдем...

Хлопнул я себя по лбу. А ведь точно! Не иначе гроза из башки моей этолийской все напрочь вышибла.

— Так вот, мы его и прошли. Только что. Да ты, видать, не заметил. Все влево смотрел да вверх, а Лесбос-то по правому борту был...

Да-а, не быть мне моряком!

— Виноват! — вновь вздохнул я. — Значит, уже прошли? А я думал, еще целый день плыть...

И в самом деле! Даже я знаю, что от Навплии до Лесбоса — два дня пути с хвостиком. И то при хорошем ветре. А нас ветер не баловал, только сейчас Зефир Полуденный плечо подставил.

— То-то и оно...

Просипела коряга — и вновь смолкла. Смолкла, тьмой вечерней окуталась, в доски палубные вгрузла. Чего-то не так с корягой! Оглянулся я, вправо поглядел, где во тьме Лесбос спрятался, вверх посмотрел...

— Не спеши, маленький ванакт. Вместе на звезды поглазеем. Слушай пока...

Хотел вновь сказать «так точно» — раздумал. Не шутит кормчий!

— Ты, маленький ванакт, умный мальчик. И батюшка покойный твой умным мальчонкой был. Все со мной сходить просился — не успел, бедняга...

А я и не знал! Молодец, папа!

— Потому не буду тебе глупости всякие городить, что, мол, сон мне был, и другим сон был, и Ориона-Охотника в море видели...

— Вправду видели? — не утерпел я.

Засопела коряга, насупилась.

— Видели, не видели — не в том сила. А вот что мы на день раньше к Лесбосу пришли... Смекаешь? Ветерок хилый, гребли средственно, не гнали. Это ж чьими такими молитвами, а?

Окатило меня холодом — до кончиков ногтей. Не от вопроса — от ответа. Только не прав ты, Антиген, великий кормчий, коряга старая. Без молитв обошлось! Видать, изголодались там, на Снежном Олимпе!

Спешат!

— Всяко бывает, маленький ванакт. Да только не все это. Хотел ты на звезды поглядеть. Так погляди! Головой можешь не крутить, туда и смотри, на север, куда плывем...

— А мы не на север плывем, дядюшка, — не утерпел я. — Мы плывем между севером и востоком ближе к северу на одну шестую долю. Так?

Знай наших, коряга! Зря, что ли, я у дяди Эгиалея лучшим учеником был?

Думал, засмеется, заскрипит то есть. Или возмутится.

Смолчал. Смолчал, набычился.

— Смотри!

Взглянули мне звезды в глаза — маленькие, острые...

...Медведицы: Каллисто-нимфа с Идой-кормилицей, одна под другой, под ними Кефей, батюшка Андромеды Смуглой, которую Персею Горгоноубийце спасать довелось. Ну, притча: собственную дочь чудищу отдал, Кефей этот, — и все равно на небо попал! Вот он, сияет, а справа, как и полагается, супруга, Кассиопея-царица, из-за которой и вся беда случилась, нечего красотой своей эфиопской перед нереидами хвалиться!..

Странно, еще не ночь, а звезды такие яркие. Словно мы на корабле под самое меднокованое небо вознеслись!

А правее... Я только вздохнул. Когда нас, эфебов, учили все эти Кассиопеи с Кефеями различать, созвездие, то, что сейчас Каллисто-Медведицы правее (огромное, о двадцати звездах!), Борцом называли. Борец — и все тут. А недавно узнал — иначе эти звезды теперь именуют. Не Борец уже — Геракл![1]

...Радуйся, дядя! Верю, что даже если ты сейчас ТАМ — ты не с НИМИ!

ТЫ — не с НИМИ!

Ну а еще правее, к востоку ближе...

— То, где девять звезд, — засопело рядом. — Их сейчас Близнецами кличут...

---

[1] Расположение звезд и планет соответствует весне 1119 года до Р. Х.

И вправду кличут — после того, как сгинули Кастор с Полидевком, братья Елены. Вовремя сгинули! Братья — на небе, заняты, нет им возможности за сестру вступиться, лад в семейке навести.

Да, все верно, девять звезд, как и сказано... То есть совсем не девять! Больше — и намного!

— Понял ли, маленький ванакт?

На миг показалось, что я снова эфеб, и не старший — первогодок. Когда нас с Капанидом в первый раз в учебный лагерь отправили (тот, что в лесу, за алтарем Реи), мы все больше меч мечтали в руках повертеть. И не деревянный — настоящий, бронзы аласийской. А нас, заставив побегать да поотжиматься от травы, завели на ночь глядя в самую глушь. Завели — бросили. Вот небо, вот звезды, тучек нет. Выбирайтесь, эфебы! Лагерь как раз на юге — идите, не заблудитесь. А там и поспать можно будет!

Впрочем, лишние звезды — не загадка. А ежели и загадка, то самая простая. Для эфебов-первогодков.

— Бродяги, дядя Антиген. Блуждающие звезды. Сейчас весна, Антисфории — Дни Равноденствия — недавно прошли. Так и должно...

— Сосчитай!

Сипит коряга, сопит. Недоволен дядюшка Антиген, великий кормчий, аргивянским ванактом.

Делать нечего. Пожал плечами, считать принялся. Все верно, большие, разноцветные... блуждающие... Оранжевый — Зевс, бледно-желтый — Крон... Дий Подземный! Но ведь бродяги, блуждающие (их еще «планетами» кличут) — это же... Это же и есть — ОНИ!

ОНИ!

Всесильные, всевидящие, равнодушно взирающие на нас, хлебоедов, с меднокованого неба!

— Эх, маленький ванакт! Знаешь, был я в Эфиопии, золотишко да кость Абу-зверя торговал, так там, в Эфиопии этой, царь прежде всего в звездах должен разбираться, а уж опосля — в копьях да мечах! Ведь сколько этих, блуждающих, сейчас в Близнецах должно быть? Два всего — Арей да Крон. Один вверху, второй — ниже. А что ты видишь?

Не стал отвечать — незачем. Только усмехнулся. Даже не усмехнулся — губами дернул. Не править тебе Эфиопией, Тидид!

...ОНИ все были здесь. Все! Красный Арей внизу, над ним — еле заметный белесый Гермий, сияющая злым огнем Афродита,

оранжевый Зевс... И Крон! На самом верху, выше всех, выше сына-Громовержца, выше внука-Эниалия!

Как только из Тартара выбрался, старик?

А ТЫ, мама? ТЫ — тоже там? Там, рядом с Кастором и Полидевком, божественными Близнецами, ТВОИМИ братьями? Там, между севером и востоком, как раз над Троей, проклятой Троей, куда несет нас могучая длань Поседайона Конегривого?

Да, ОНИ были там, где и должно, — над Троей. ОНИ спешили. Ждали.

Жаждали!

Я смотрел в холодное, не по-вечернему темное небо, в бесстрастные глазницы звезд, ловил ИХ острый взгляд, и вдруг почудилось (почудилось?), что купол небес медленно, бесшумно опрокидывается, и вот уже нет моря, исчезли волны, а мы мчимся вниз, прямо по звездам, словно по стенкам гигантского котла. А впереди нет ничего, кроме безвидной бездны, и лишь старик-Крон подмигивает нам желтоватым оком.

Ладонь на глаза... Отпустило, хвала Деметре Теплой!

— И это не все, маленький ванакт. Погляди на запад, где Орионов Пес. Тот, что Большой...

На Пса я уже смотрел без всякого удивления. Пес и Пес, справа от Ориона, как и положено. А слева Арго, тот, на котором коряга плыть не пожелала...

— Собака! Собачья Звезда![1] Она же сейчас в море должна нырнуть, она же...

Привычное имя заставило улыбнуться. Интересно, кличут ли в Небесах Собачью Звезду — Дурной Собакой?

— Она же на восток идет, Диомед! Не на запад — на восток!

Я лишь плечами пожал. С чего это коряга волнуется? А ведь волнуется, впервые меня по имени назвала! После того, как ОНИ словно на смотр выстроились, чему уж удивляться? Ладно, запомним, Собачья Звезда, Дурная Собака, спешит на восток. Ну и ладно!

Другое с толку сбивало. Отчего это мне котел привиделся? Бездонный, черный — с желтым Кроновым глазом над безвидной бездной? Может, потому, что слыхал я уже. Не так давно, год с небольшим назад...

«А ты знаешь, мальчик, что такое Кронов Котел?»

---

[1] Собачья Звезда — Сириус.

Мы тогда с дядей Эвмелом о Лигероне-выростке говорили, о том, что Крон-Время не торопится, но и отставать не любит. То есть это я так считал, а дядя... Эх, дядя Эвмел, не дослушал я тебя! Дурак — и башка у меня этолийская. Дурная!

Ладно, и об этом — после!

— Дядюшка Антиген! Значит, Лесбос прошли?

— Ну?

Я усмехнулся. Сейчас будет этой коряге «ну?».

— Поворачиваем. Всем кораблям — вправо! На восток, к берегу!

Впервые я увидел, как кормчий растерялся. Да так, что на миг короткий из коряги снова в человека превратился. Удивленного, с толку сбитого.

Старого.

— Но... Маленький ванакт... Диомед... Тидид! До Трои еще...

— А кто сказал, что мы плывем в Трою, дядюшка Корягиос?

Переспорил я все-таки Агамемнона! Он-то как раз с Трои начать хотел. Не жалко ему головы его длинноносой!

В нашем, ахейском наречии — двадцать два значка для письма (это без тех, что Паламед Пухлый придумал). И в финикийском — столько же. А вот в Древнем — шестьдесят три. Но это что! В Кеми, говорят, значков с три сотни. А вот у моряков их всего пять — белый, желтый, красный, синий, зеленый. Днем — флажками над мачтами, ночью — огнем в лампах бронзовых.

Пять значков — легко выучить. Белый — внимание. Красный — тревога. И синий — тайный.

Белый, красный, синий! К берегу! На восток! За Собачьей Звездой!

АНТИСТРОФА-I

Пленных сгоняли к берегу Каика — грубо, безжалостно, тычками, еле сдерживаясь, чтобы не повернуть копья бронзовыми жалами. Оно бы и без тычков обошлось, но я вовремя сообразил — велел прокричать по строю, дабы сдавшихся щадили. Кое-кто все же послушался...

— Старшего! — бросил я, не оглядываясь. — Сотника или гекveта.

Двое гетайров, кивнув, скользнули к растерянной окровавленной толпе. Старшего найти легко. Тут, в Азии, каждый де-

сятник норовит золотую бляху на панцирь нацепить. А уж сотник!.. А панцири-то паршивые! Тоже мне, вояки!

Злость не исчезала, не уходила, черным морским раком вцепившись в печень. Я ждал всякого: долгих переговоров, закрытых, заваленных камнями ворот, но чтобы так! С ходу, не спрашивая, в упор!

...Нет, ждал! Потому и приказал зажечь красный огонь на мачте «Калидона». Но ведь был еще синий!

— Вот, ванакт! Сотник. Зовут...

Имя скользнуло мимо, не задев, не запомнившись. Какое мне дело, как кличут этого варвара в золоченом панцире с бронзовой юбкой до колен? И на лицо смотреть не стал — еще озверею...

— Синий огонь! — вздохнул я, отвернувшись и глядя на поле — страшное поле в молодой зеленой траве, покрытое трупами. Нашими. Чужими. Мы выиграли эту битву — нежданную, ненужную...

— Синий огонь! — сдерживаясь из последних сил, повторил я. — Вы видели синий огонь на мачтах?

— Не понимай! Ахейски не понима-ай-й-й!

По тому, как он взвизгнул, стало ясно — по ребрам. И хорошо врезали, не иначе — рукоятью меча.

— Синий...

— Видела, видела! — разом обрел язык варвар (чудо, не иначе!). — Огонь видела, тревогу поднимала, к берегу войска бежала, басилея Телеф войска посылала!..

— Но почему? — не выдержал я, не в силах оторвать взгляд от мертвого, залитого кровью поля. — Мы же союзники! Я же сам писал басилею Телефу! Синий огонь — условный знак!

...Писал — но не верил. Поэтому и приказал повернуть на восток, к берегам Мисии. А ежели бы я Агамемнона послушал, да прямо к Трое поспешил? На севере, у Геллеспонта, — хеттийцы, на юге — Телеф-союзничек. Капкан! Скилла с Харибдой! Не верил, но все-таки надеялся. Потому и синий огонь зажег. Мне так был нужен союзник на этом берегу! Мне так нужен был хотя бы клочок земли, где можно беспрепятственно высадить войско...

— Почему?!

— Басилея Телеф! Басилея! — отчаянно возопил сотник-варвар. — Басилея сказала: синий плохо. басилея сказала: синий — трояна. Корабли трояна синий, огонь трояна тоже синий...

Вот даже как? Я поглядел вперед, на приземистые, неуклю-

жие, неладно слепленные стены Пергама Мисийского. Ворота они все же успели захлопнуть, значит, «басилея Телеф» где-то там. Неужели правда? Но ведь это глупость! Зачем нападающим заранее сигнальные огни зажигать? Впрочем, что взять с варваров? Такие, как этот болван в бронзовой юбке, поверят еще и не в такое...

— Басилея Телеф говорила...

Я дернул бровью, и болван-сотник сгинул. Все стало ясно, оставалось одно: разъяснить самому «басилею Телефу». Союзничек!

Впрочем, я снова ошибся. Разобраться с кучей валунов на холме, по недоразумению именуемой славным городом Пергамом Мисийским, — даже не полдела. И даже не четверть с осьмушкой...

— Диомед! Диомед!

Ну вот, только его здесь не хватало. Любимчик!

Я сделал вид, будто не слышу, — пусть попрыгает рыжий, пытаясь пробраться через кольцо гетайров — или хотя бы внимание мое привлечь. Куреты — народ вежливый, никто басилея итакийского локтями не пихает... но и пропускать не спешит. А росточку-то мы ма-а-аленького, гетайрам-здоровякам как раз по плечо. Попрыгай, попрыгай, хитромудрый Одиссей, жаба ты рыжая!

— Диомед!!!

— Пропустите богоравного! — усмехнулся я. — Надорвется ведь!

— Как же так, Тидид? Это не Троя! Не Троя, понимаешь? Но ведь мы же в Трою приплыли! Я сам видел — берег знакомый, вал — тот, что еще Геракл вырыл, дорога камня серого, что на холм ведет! И Скейские ворота видел, и эти... вторые, забыл, как их называют. И я видел, и все видели. И Гектор на стене стоял, я его сразу узнал, я ведь совсем недавно в этой Трое был! А потом гляжу: и стены другие, и город другой, и не Гектор это, а дядька какой-то... Мы же в Мисии, Тидид! Нам просто голову заморочили, нам глаза отвели. Мы же на союзников напали! Это ты ошибся, да? Твой кормчий ошибся? Я же тебе говорил, надо было на «Калидон» твой нашего кормчего взять, с Итаки... Но что же теперь делать? Что делать, Диомед? Мы же войну проиграли!!!

А беда была рядом, совсем рядом, возле самого уха, возле самого сердца. Я это знал, чуял, но боялся обернуться, взглянуть ей прямо в глаза. И пока я объяснялся с ополоумевшим от объятий Паники-дочки рыжим («Э-э, брат Одиссей! Проигра-

ли, подумаешь! Одну войну проиграем, другую выиграем, да?»), пока посылал своих аргивян вместе со спартанцами Менелая к городским воротам, пока объяснялся с самим Менелаем, но уже всерьез (неглуп белокурый, сразу все понял!)...

Знал — рядом. И когда они подошли все сразу...

...Все сразу — Сфенел, Амфилох, Дылда Длинная с Полидором, Эвриал-трезенец. Плечом к плечу, молча, не глядя мне в глаза, вниз глядя, на истоптанную, изувеченную траву... Пришли — вместе. Словно мы, эпигоны, сыновья Семерых, снова под Фивами.

Мы — все. То есть почти все...

— Тидид! Тут, понимаешь...

Эвриал... Дрожит голос Смуглого, и лицо опять белое, как тогда, возле Семивратных.

— Диомед! — это уже Амфилох. — Нам только что сказали...

Мертв голос Щербатого, каждое слово — непогребенный труп.

«Кто?» — хочу спросить я, но голос не слушается, да и незачем спрашивать, ибо я уже понял, сразу понял. Почти все мы тут. Почти...

— Ферсандр! — отчаянно кричит Сфенел. — Ферсандр, твой брат! Эти сволочи убили Ферсандра! Эти сволочи!.. Ты слышишь, Тидид?

Не слышу...

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Река совсем близко, только шагни, только вдохни поглубже свежий прозрачный воздух...

Плещет, плещет...

Медленно, медленно, невыносимо долго сквозь бесцветное марево начинают проступать знакомые лица, сквозь проклятый плеск доносятся голоса...

— ...слышишь, Тидид?

Надо бы удивиться, почему они не заметили, ведь мы знакомы с детства, все знают, что Диомед Дурная Собака безумен, что его надо скрутить, сжать горло боевым захватом... Но я не удивляюсь. Не заметили. И я не вынырнул. Река плещет совсем рядом, только плеск стал чуть потише, я могу думать, могу даже говорить...

Усталой чайкой мелькнула мыслишка — маленькая, страшненькая. А если это...

...НАВСЕГДА?

Мелькнула — не испугала. И я вновь почему-то не удивился.

...Ферсандр плакал. Маленький, смешной в своем огромном, не по росту, заляпанном грязью панцире, в съехавшем на ухо гривастом шлеме. Слезы текли, он вытирал их рукой — тоже грязной, в крови. Еще один Ферсандр лежал на земле — мертвый. Труп. Как и сотни других на этом страшном поле...

Нет, не так. Это было раньше, под Фивами, когда мы встретились с моим двоюродным братом у Пройтидских ворот, над трупом басилея Лаодаманта.

Сейчас по-другому. Маленький Ферсандр не плакал, он улыбался последней улыбкой, застывшей на посиневших губах. И не он — я стоял на коленях возле трупа, но тоже не плакал и снова не понимал, почему...

«Я не хотел, Тидид! Я не хотел! Не хотел, чтобы так! Не хотел!..»

И я не хотел этого, брат мой, храбрый Ферсандр Полиникид, первый из нас, эпигонов, прошедший свой путь до конца.

Я любил тебя, брат!

Хайре!

Проклятая река не отпускала, плеск то становился тише, то вновь захлестывал прибойной волной.

Плещет, плещет...

Но мне было уже все равно. Я исчез, растворился в светлых волнах безумия, и уже не я, а кто-то другой отдавал приказы, выслушивал соболезнования, морщился, когда докладывали о потерях, распоряжался о погребальных кострах, готовился к штурму проклятого Пергама, дурацкой кучи валунов на холме, забравшей у меня друга и брата...

Всего однажды дрогнул я-прежний, дернулся ламией в глиняном ларнаке, когда какой-то дурак-пустомеля в помятом

шлеме ляпнул, будто убит Протесилай, родич филакского басилея. Жаль, не успел вырвать ему язык, мерзавцу. Жив оказался Чужедушец, ранили только — бок копьем пропороли.

И хвала богам! И снова вместо меня-прежнего — кто-то другой.

А может, и не так — или не совсем так. Не «кто-то» — сам я стал иным. Река, страшная река осталась позади, я все-таки вынырнул, вцепился руками в осклизлый берег, выполз, ткнулся лицом в мокрый, остро пахнущий ил... Вынырнул, выбрался. Но уже не я.

Не я...

* * *

— За что? За что? Мы же союзники! Союзники!..

На невысокой приземистой стене, увенчанной полуобвалившимися зубцами, здоровенный детина в шитой золотом накидке. На голове — шлем с тремя гребнями, на левой ноге — окровавленная повязка.

— За что? Это ошибка! Ошибка! Мне сказали, что плывут троянцы... сам Гектор, его видели! Мне сказали, что троянцы проведали о сигнале, о синем огне. Это ошибка, ошибка! За что?

Хороший вопрос, Телеф, басилей мисийский!

У ворот — таких же невысоких, обитых позеленевшей медью, острая стена копий. Спартанцы Менелая готовы. И мои аргивяне готовы. И куреты. И критяне Идоменея. И муравьи-мирмидонцы[1] малыша Лигерона.

Ну, что еще скажешь, Телеф?

— Я согласен... Согласен, если вы заплатите пеню и немедленно уплывете... Согласен простить, не воевать!..

— Э-э, Телеф-мисиец! — не выдерживает черный от злости Фоас («Твой брат — мой брат, Диомед! Не прощу, не пожалею!»). — Мама у тебя есть, да? Зарежу твою маму! Собака у тебя есть? И собаку зарежу! Выходи, если мужчина! А если не мужчина, я тебя моим куретам отдам — как женщину!

— Прикажи мне, Тидид! — дергает губами белокурый Менелай. — Я этого варвара!..

---

[1] По преданию, жители Фтии произошли от муравьев, отсюда и название: м и р м е к с — муравей *(греч.)*.

— Мне, мне, дядя Диомед! — вопит малыш Лигерон. — Я его за дядю Ферсандра! Я его!..

Странное дело! За эти дни Ферсандр и сын Пелея успели сдружиться. Даже на одном корабле плыли от самого Скироса. Может, потому что оба — маленькие?.. А здорово он дрался, выродок, Ахилл-Невскормленный! Повязка на ноге Телефа — его заслуга. Зауважал я малыша после этой ночи!

Мы, эпигоны, молчим. Нам слов не нужно.

— Диомед! Диомед! Так нельзя! Он же союзник! Нам надо под Трою! Под Трою!

Это кто же тут такой умный? Рыжий, кто же еще?!

— Нас всех обманули! Это затмение, нам глаза отвели. Надо выплатить... помириться. Нам нужно под Трою!

Рыжему не отвечают. И я молчу, хоть и есть что сказать.

...Что, Жрец Верховный, заминка с Гекатомбой?

— Ворота! — выдыхаю я. — Открывай ворота, Телеф!

— Я сын Геракла! — вопят в ответ. — Я твой двоюродный брат, Диомед! Я твой брат!!!

Лучше бы молчал, колченогий!

— Брат, да? — вновь не выдерживает Фоас. — Маму свою вспомнил, да? Геракл Великий всех любил, да? Потаскух вонючих любил, коз любил, овец любил, да? Врешь ты все, козий выблядок, а еще про Геракла слово скажешь...

Заскрипели ворота. Бессильно, покорно.

* * *

— Искусство войны — искусство богов, Менелай!

— Отец говорил мне это. Я долго не понимал, почему.

На пергамских стенах — пусто. Незачем охранять, незачем ладить катапульты и готовить котлы со смолой. Пал Пергам Мисийский, и некому махать кулаками после драки. Оружие брошено, стражники связаны, в городе — плач и вой. Одни мы на стене с Менелаем Атридом.

— А теперь, кажется, понял. Боги вершат судьбы людей, так? И тот, кто ведет в бой войско, тоже...

— Да.

А за стеной — холмы в молодой весенней траве. Море осталось вдалеке, перед нами — Азия, неровная земля до самого горизонта. Восточный Номос...

— У тебя убили брата, Тидид, а ты даже не плачешь над ним.

— Да.

Я не плачу. Искусство войны — искусство богов. Бог Дамед не может плакать. Он должен думать о войне.

...Дамед! Именно так назвал меня раб-варвар на корабле. Именно так обращались ко мне перепуганные до смертной икоты мисийцы: «Дамеда! Дамед! Не убивай! Пожалей, бог Дамед!» На «бога» я даже не обиделся — да и внимания не обратил. Чего только не скажешь, когда у горла — бронзовый клинок?

— Наши все уверены, что мы пристали сюда по ошибке, что кормчие сбились с пути, а боги отвели нам глаза. Но ведь это не ошибка, Тидид? Ты так и...

— Да.

А повзрослел Менелай Атрид, повзрослел! В Спарте, когда Прекрасная возложила на его голову венок, совсем еще мальчишкой был белокурый. А теперь — седая прядь на виске. Еле заметная, но все же...

— Ты отослал всех и оставил меня, Диомед. Это потому, что я брат Агамемнона? Что я третий воевода?

— Да. Погляди, Атрид, что ты видишь? Что это?

Я кивнул вдаль, где неровная цепочка зеленых холмов смыкалась с горизонтом. Сейчас они зеленые, а через месяц-полтора, когда с небес рухнет жара, все подернется желтизной, и высохшие улитки замрут на мертвых стеблях...

Что мог ответить мне Менелай Атрид, больной несчастный мальчишка с гнилой кровью, невольный виновник этой проклятой войны, Гекатомбы, Последней Битвы?

— Азия, Тидид! Земля Востока, земля Асов.

Менелай, басилей спартанский, не знал слова «Номос», но ответил он правильно.

Теперь мы оба молчали, глядя вдаль, и зеленые холмы расступались, бледнели, исчезали утренним туманом... И Азия, земля Светлых Асов, распростерлась пред нами! Огромная, желто-зеленая, в ярко-синих стрелках рек. На западе — море Лиловое, на севере — море Мрака, на юге...

— Великое Царство, Тидид? То, которое хочет завоевать мой брат?

— Да.

...На юге — море Зеленое, в котором сонной рыбой плавает Аласия — Медный остров, Кипр, родина той, что убила мою Амиклу.

...Будь ТЫ проклята, косоглазая тварь! Я не забыл, я еще попробую ТВОЕЙ крови!

А дальше, на восток, за царством Хеттийским,— каменный лабиринт гор, среди которых спрятались десятки стран, десятки племен: Паххува, Цухма, Ишува, Араванна — не упомнить всех, не пересчитать. А за Зеленым морем — земля Мукиш, которую у нас зовут Сирией, а еще дальше многокорабельная Финикия...

— Моя жена... Елена — только предлог? И для брата, и для тебя?

— Да.

Бесконечна Азия, Земля Асов, земля светлых богов. И наша Европа, Темный Эреб, гнездилище Семьи-Семейки (эх, мама, мама!), кажется перед нею грудой мелких камешков...

— Значит, ты не будешь брать Трою, Тидид? Это и есть настоящий план? Сначала хеттийцы...

— Да.

Вырос белокурый Атрид, вырос! Не спорит, не возмущается, не зовет меня ткнуться лбом в троянские стены.

...Это Любимчик все не успокоится. И Пергам грабить не след, и Телефа-предателя обижать не след, а должно хитоны подоткнуть и вприпрыжку мчаться к Скейским воротам — под Гекторово копье, под железные хеттийские мечи. Обидно рыжему! Все Семейка просчитала, все продумала: хеттийцы на севере, Телеф на юге, и молот готов, и наковальня.

...И вновь, как и прошлой ночью, почудилось, будто призрачная твердь, но уже не морская — земная, исчезает, выгибается стенками гигантского, черного, бездонного котла, и желтый глаз Крона, Крона-Времени...

Чудится? А если нет? Что ОНИ задумали? Что? А ежели задумали, то сказали ли Любимчику? Едва ли, он — сошка мелкая, Одиссей-басилей, сын Лаэрта Пирата, мой бывший друг. Его дело маленькое — нас под Трою гнать... Да, не везет тебе, Лаэртид! И под Фивы не поспел, и под Трою не пускают. Интересно, что тебе ОНИ за службу пообещали? Пифос варенья да корзину печенья?

— Этот ваш план — твой и брата... Ты мне расскажешь, Тидид?

— Да.

Поэтому мы с белокурым здесь, на пустых пергамских стенах. Впрочем, все нужное и так делается — без нас. Амфилох вместе с Идоменеем грузят корабли, Лигерон со своими муравьями зачищает округу, богоравный Капанид выгребает золото-серебро из пергамских закромов (хозяйственный парень!), Фоас... Он тоже при деле, мой чернобородый родич.

— Слушай, Атрид! Главный враг для нас — не Приам с его союзниками. Это козопасы — в шкурах и с дубинами. Главный враг — хеттийцы. У ванакта Суппилулиумаса — войско с железными мечами. Нам его не разбить, из наших воинов почти никто не воевал, из вождей тоже...

Да, собрал Агамемнон воинство превеликое — громадную толпищу мальчишек, в первый раз взявших в руки копья. И над ними — тоже мальчишки. Кто из нас сражался — по-настоящему, не из-за трех коров? Я? Мы, эпигоны? Фивы и те взяли только благодаря дяде Эгиалею.

...И нам нельзя проиграть! Дорийцы на севере! Дикари — тоже с железными мечами! — под предводительством Гилла, сына дяди Геракла. Ждут — устали ждать. Почему никто не хочет о них помнить?

— Но нам повезло. Уже много лет Суппилулиумас воюет — и на севере, и на юге, и на востоке. На севере, возле Геллеспонта, с фракийцами и шардана[1]. На юге — с тусками[2]. На востоке — с каска и урартами[3]. Поэтому его войско сейчас разделено на четыре части. Сам он вместе с лучшими воинами — Сыновьями Солнца — совсем рядом, в земле Ассува, это в трех переходах от Трои...

Кое о чем я узнал еще в Аргосе (спасибо Идоменею и его друзьям из Дома Мурашу — тем, у которых бороды колечками). А о главном мне рассказали тут. Телеф, козий выблядок, поначалу отмалчивался, но когда я отдал его Фремониду Одноглазому... Ох, и запела же «басилея»! Без всякой лиры-кифары запела!

— Я понял, — кивнул белокурый, подумав. — Отец говорил о таком. Нужна гирька.

— К-как? — поразился я.

— Гирька, — улыбнулся Менелай. — Маленькая такая. На весах — равновесие, но достаточно кинуть гирьку. В нужное время да в нужное место... Так?

— Именно так, Атрид!

Я вновь поглядел на бесконечную гряду зеленых холмов.

---

[1] Шардана — народ, участвовавший в так называемом походе Народов Моря против царства хеттов (хеттийцев) и Египта (Кеми). Вероятнее всего, выходцы из Причерноморья.

[2] Туски — обитатели запада Малой Азии (совр. Турции), предполагаемые предки этрусков.

[3] Каска и урарты — жили на востоке Малой Азии, постоянные враги хеттов.

Старое правило: перед сражением командир всегда должен осмотреть место боя. Всегда заметишь что-нибудь этакое. Да только что тут увидишь, если место боя — вся Азия, бесконечный Восточный Номос, и эти холмы — даже не ступеньки, а так, камешек у ворот?.. Молодец Менелай! А я его за мальчишку-недоростка держал. Да и не один я.

— Именно так, Атрид. На хеттийских весах — равновесие. Достаточно колыхнуть их — и даже железные мечи не помогут Суппилулиумасу. Но с Трои начинать нельзя, хеттийский ванакт недаром заключил перемирие — тут, на севере. Он ждет... Ну и пусть ждет!

Я улыбнулся, белокурый усмехнулся в ответ... помрачнел.

— Я думал, ты совсем другой, Тидид!

— Другой? — изумился я. — Почему?

...Но в памяти уже всплыло. Другой... Не я... Из проклятой реки на скользкий ил выплыл уже не я.

Другой.

...Плещет, плещет...

— Понимаешь... Мой брат... Агамемнон... Он тебя побаивается. Ну, да это не тайна, сам знаешь! Но, когда мы говорили с ним в последний раз, он, брат, сказал, что у каждого есть своя цена. И у тебя тоже, Диомед. Просто такому, как ты, нужно пообещать много. Очень много, очень! И тогда ты станешь служить — даже Агамемнону! Я думал...

— Что Диомед, ванакт Аргоса и всей Ахайи, пошлет носатого с его мечтой о Царстве Великом прямиком в Гадес? — понял я.

— Вроде того, — Менелай встал, зябко дернул плечами. — Разве я хотел войны? Разве мне нужны руины Трои?

Скривился белокурый, махнул рукой. Не договорил. Да и зачем? И так все ясно... Зачем ты выбрала этого парня, Елена, Елена Прекрасная? Что он тебе сделал плохого?

Теперь мы молчали, и я понимал, что разговор пора заканчивать, я просто должен отдать приказ спартанскому басилею, третьему воеводе Великого Войска. Он обязан ответить: «Слушаюсь!»

— У Тихи, богини Удачи, одна прядь волос на голове, Атрид. Все дается в жизни только однажды — не ухватишь, станет поздно. Один раз можно полюбить так, что любовь станет дороже собственной души...

Я боялся взглянуть ему в лицо. Боялся увидеть собственное отражение — как в серебряном сидонском зеркале...

...Та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года. Лучится ее красота, и светится кожа ее...

И все-таки ты счастливее моего, белокурый сын Атрея! Из Трои возвращаются. Из темного Гадеса — нет. Почему ты не отпускаешь мою душу, Амикла? Но ты права — не отпускай!

— Один раз можно стать ванактом Аргоса. Один раз можно победить Царство Хеттийское. Один раз можно завоевать Азию. А Великое Царство... Пусть им правит твой брат! Я не вернусь в Аргос, Менелай! Может, на Востоке, в чужой земле, я стану счастливее...

Я говорил странные, чужие слова, но понимал — все это правда. Диомед Дурная Собака, сын изгнанника, ванакт на чужом троне, никому не нужен в земле Ахейской. Никому! Ему нечего делать на Поле Камней! Так пусть же ведет меня сорвавшийся с цепи Пес — Собачья Звезда!

* * *

Ночь над Азией, ночь...

Темный Эреб навалился брюхом на обитель Светлых Асов — грузно, недвижно. Не скоро Солнцеликий Гелиос, которого в этой земле называют Истанус, наберется сил и прогонит тьму, пришедшую с Запада.

Мы — тьма. И я — тьма.

Ночь...

— Мама! Почему ты молчишь, мама? Ведь мы расстаемся, ты уходишь, и я ухожу... Нет, хуже, мама, хуже! Со мной что-то случилось, это уже не я, разве я смог бы заболеть войной, полюбить ее, наслаждаться каждым ее мигом? Разве можно любить войну? Войну любят боги... Меня уже так назвали: «Бог Дамед». Из твоего сына получится плохой бог, мама! Помнишь, я был еще маленький, и папа был жив, и все были живы, ты просила его, папу, уехать — подальше, прочь от вашей проклятой Семейки. Ведь ты хотела этого, мама.

ТЫ хотела!

А сейчас... ТЫ с НИМИ, с моим Дедом, моим НАСТОЯЩИМ Дедом, с ЕГО братьями, с ТВОИМИ братьями. С НИМИ — не со мной. Ведь я — человек, я жил, как человек, любил, как человек... Зачем ТЫ спасла меня, мама, в ту ночь, когда Танат Жестокосердный пришел за мною, за твоим маленьким сыном? Я бы ушел —

ушел, зная, что меня любят, что ни у кого — ни у кого, ни в одном из миров! — нет такого папы и такой мамы, я был бы счастлив даже там, среди бледных асфоделей...

А когда не любят... Когда не любишь сам... Когда тех, кого ты любил, уже нет... Тогда срываешься с цепи — как Пес, как Собачья Звезда. Разве тот, кто любит, захочет завоевать мир? Зачем ему мир?

Иногда мне видится самое страшное; ВЫ против нас, лицом к лицу, копьем к копью. Отцы — против детей, деды — против внуков. Мы же ВАШИ дети — несчастные, безумные, с отравленной — ВАМИ отравленной! — кровью. Разве можно убивать детей?

Почему ТЫ молчишь, мама? Почему?

Ночь над Азией, ночь...

Мы — тьма. И я — тьма.

* * *

Искусство войны — искусство богов. Боги повелевают людьми...

— Менелай, басилей спартанский! Все ли понятно?

— Все, ванакт!

— Промах, басилей тиринфский! Полидор, басилей лернийский!

— Не подведем, Тидид! Ты сказал, через три года?

— Через три года, ребята. Помните: мы — Аргос!

— Мы — Аргос, ванакт!

— Лигерон! Из твоей доли добычи мне нужно...

— Знаю, дядя Диомед, знаю! Тебе нужно все золото и серебро, да? Я знаю, все уже отдали. Зачем ты спрашиваешь, дядя Диомед? Я ведь не жадина! Это для войны, да? А разве золотом воюют?

— Еще как воюют, Пелид!

— Ой, ты меня впервые Пелидом назвал! Как взрослого!

— Как взрослого, Лигерон Пелид, наследник мирмидонский.

— Курет Идоменей! Миносе то этаной?

— Миносе то этаной! Станем Миносами, курет Диомед!

— Богоравный Амфилох! Богоравный басилей Сфенел!

— Сам ты богоравный! Да не волнуйся, Тидид, дело простое. Ты-то будь поосторожнее!

— Капанид?

— Что — Капанид? Капанид, Капанид... Небось меня с собой не берешь! Собака ты после этого, Тидид! Дурная Собака! Этолийская... Мы же с тобой с самого детства друзья! А берешь с собой Эвриала. Он чего, лучше друг, чем я?

— А я беру с собой не друга, ванакт ты недовенчанный! Я беру с собой Эвриала, трезенского басилея. Понял?

— Не понял! А вот что ты Собака Дурная — понял! А если ты там себе шею сломаешь — и не появляйся. Я тебе сам ее доломаю!

— Фоас?

— Э-э, брат Диомед! Зачем спрашиваешь, брат Диомед? Ты сказал — я сделал. Люди готовы, кони готовы. Кони подкованы, люди в эмбатах[1], новых, хороших. Куда ехать, не говори, скажи только — далеко ли? Сколько припасу грузить, скажи, да!

— Да как от Калидона до Фив. Только в десять раз дальше. Или в двенадцать.

— Ва-а-ах!

— Диомед! Что ты задумал, Диомед, расскажи! Мы в Авлиду вернемся, да? Или все-таки под Трою? А то ты всем чего-то говоришь, а мне — нет. Мы же с тобой друзья! Расскажи, мне интересно, мне очень интересно, я все знать хочу, я должен все знать! Ты ведь знаешь, я обязан вернуться, у меня жена, сын у меня... А когда мы выступаем? Завтра утром? Когда?

— басилей итакийский Одиссей Лаэртид! Неужели ты не услышишь, когда заиграет труба?

Боги повелевают людьми. Искусство войны — искусство богов...

* * *

Трубы молчали.

Я лгал моему другу, моему бывшему другу Одиссею Лаэртиду. Его дело — отслужить свой пифос с вареньем и корзину с пе-

[1] Эмбаты — боевые сапоги на толстой, подбитой гвоздями подошве, с массивным и низким каблуком.

ченьем, мое... Мое — поднять куретов и аргивян еще до рассвета, тихо, неслышно. Поднять, вывести из лагеря.

Возле первого холма, где дорога — надежная хеттийская дорога, вымощенная рыжеватым камнем, начинала взбираться вверх, я оглянулся. Кажется, удалось! Никто не видел, не слышал. Спят! Спят вояки, досыпают предутренние сны бок о бок с добродетельными женами и девами пергамскими. То есть бывшими добродетельными, конечно. Ох, и прибавится же подданных у Телефа-изменника! И в его семье прибавление будет — и у жены, и у дочек... Критяне Идоменея обещали расстараться, сил не пожалеть.

За все надо платить, предатель! И за моего брата — тоже!

Я старался думать о всякой ерунде, о том, как вопили Телефовы дочки, прощаясь с невинностью, как пищали жрецы-кастраты, когда суровый Капанид валил наземь золотых и серебряных идолов, как возмущенно ржали кровные мисийские кони, отъевшие бока в здешних стойлах. Отощаете, дайте срок!

Я думал о чем угодно — только не о том, что лежало в походной суме. То, что я не решился выбросить, хотя ни к чему хранить такое и помнить — тоже ни к чему.

...Знакомая бронзовая рукоять, острое лезвие. Кинжал, хеттийский смертоносный кинжал, родной брат тех, что цéлили в мою печень. Но и на этот раз бронзовое жало не хлебнуло крови. Досталось папирусу — небольшому желтоватому обрывку, приколотому к земле прямо у входа в мой шатер.

Письмо. И кинжал — вместо печати. По желтому папирусу — неровные черные значки. Всего одно слово...

— Тидид!

Очнулся. Да, пора! Фоас уже на коне, на гривастом куретском иноходце, и Эвриал Смуглый уже на коне (из конюшни все того же Телефа), а первые всадники уже перевалили за вершину холма...

Я обернулся, поглядел на темнеющее в неясном предутреннем мареве недвижное пятно, так непохожее сейчас на море...

Хайре! Европа, Темный Эреб, мой родной Номос...

Прощай!

Вернусь ли? Но если и вернусь — то уже не я. Не я-прежний...

— Вперед!

Не сказал — прошептал. И так же тихо ударили копыта по омытому ночным дождем камню...

...По желтому папирусу — неровные черные значки. Всего одно слово: «Прости!» Прости!

И я простил. Простил, потому что сам прощался — и просил прощения у всего, что оставляю: у людей, у стен, у дорожных камней. У себя-прежнего...

Я поглядел вверх, в бледнеющее утреннее небо. Поглядел — усмехнулся. Сорвавшаяся с цепи Собачья Звезда, Дурная Собака Небес, рвалась на восток.

СТРОФА-II

Лес, редкий, невысокий, почти как наш, этолийский, расступился — и в глаза плеснуло красным. Скалы — огромные, неправдоподобно яркие, с еле заметными зелеными пятнышками чудом уцепившихся за камни деревьев. Река шумела где-то внизу, между каменных стен, пока еще не видимая, но уже слышная. Сакарья[1] — узкая голубая полоска между красных громад.

Что хуже, когда ведешь войско по чужой стране, — чащоба, где за каждым стволом жди засады, — или горы, где засада может притаиться за первым же камнем? Ну что тут ответишь? Все плохо! И река по пути — тоже плохо. Особенно такая...

— Как ты говоришь, Тидид? Ехидна?

Эвриал Смуглый уже спешился и нетерпеливо поглядывал вперед, откуда должна была вернуться разведка. Едва ли нас тут ждут, но... Но береженых, как известно, боги берегут, а иных-прочих в Аиде стерегут. Особенно если ты не где-нибудь, а посреди Царства Хеттийского. То есть еще не посреди, конечно...

— Ехидна, — кивнул я. — Она самая.

...Только мы трое — Эвриал, Фоас и я — знаем, куда держит путь наше маленькое войско. Знаем, но даже между собой не называем имен. Просто договорились: река — чудище, и гора — чудище, и город, само собой. Правда, городов у нас на пути, считай, и нет. Один только — зато именно он нам и нужен. Его мы Briареем прозвали. Чтобы страшнее было.

Видать, не наигрались мы в детстве в Геракла!

Гидру, правда, и на этот раз убить не довелось. Обошли мы Гидру — ночью, на цыпочках. Гидра — предгорья Ассувы.

---

[1] Сакарья (ныне — Сангарий) — река на западе современной Турции, впадает в Черное море.

Где-то там, за невысоким лесом — войско Великого Солнца Суппилулиумаса, владыки Хаттусили. Повезло нам — только один разъезд хеттийский и встретился. Но тут уж Фоасовы куреты не подвели — без звука вырезали. А еще повезло в том, что хеттийцы на запад смотрят, на Трою. Или на юго-запад, на Пергам Мисийский. А мы уже тут, на юге! Проморгали, Сыновья Солнца, ушами прохлопали!

Так что Гидра уже позади. А вот Ехидна, узкая переправа через Сакарью, тут, под самым носом. Ждет. За Ехидной — Химера, за Химерой — Медуза...

Одно хорошо — не опередят. Всего две дороги идут через Азию, а без дорог тут делать нечего: сначала леса да холмы, после — горы. Но южный путь далеко, по нему не поспеть, не выслать гонца. А на северной дороге — мы, три тысячи куретов верхами да четыре тысячи моих аргивян. Потому и высаживался я в Пергаме Мисийском (в Питассе, ежели по-хеттийски), ибо идет северная дорога прямиком из Пергама в... К Бриарею, в общем. К тому же едем мы тихо, никого не трогаем, за все золотом платим (учись, Пелид, это тебе не копьем махать!). А спрашивают — глаза лупим и на корявом хеттийском поясняем, что-де по повелению Великого Солнца спешим. К морю Мрака спешим. Бить каска проклятых спешим. Шибко спешим, однако! И — золотишко в лапы! Пока сходило. Войска тут нет, а стражникам-лежебокам с нами вязаться не с руки.

...Верно мне дядя Эвмел рассказывал. Все у хеттийцев продается, все покупается! Глядишь, на пергамском золотишке мы прямиком к Бриарею проскользим.

Но Бриарей еще далеко. Пока что — Ехидна. Где же Фоас? Не удержался, курет чернобородый, лично в дозор поехал. Что-то долго... Ага, вот и он!

— Чего-то не так, Тидид! — мрачнеет Смуглый. — Точно говорю!

Не спорю. Сам вижу. Не так.

Ну что тут сказать? Ехидна!

— Переправа есть, Диомед, да. Мост есть, маленький, на веревках висит, гнилых, черных, дрянь мостик, хилый, гадкий, плохой совсем — но есть. Да только стерегут его, понимаешь! Крепко стерегут! И не хеттийцы, другие. Такие, знаешь, суровые, страшные даже, с усами...

Страшные? С усами?!

А вот мост — это хорошо!

Молодцы хеттийцы! Ежели строят, так на века, чтобы будущим тельхинам с гелиадами за своих предков стыдно не стало. Вот и сейчас — пока вниз, к Сакарье-реке, спускались, иззавидовался. Хороши, конечно, стены нашего Аргоса, микенские — еще краше, но чтобы так! Скала словно ножом бронзы аласийской срезана, спуск ровный, гладкий, хоть на повозке груженой катись. А что мост на веревках гнилых — тоже удобно. Подъедет к переправе, к примеру, Дурная Собака, заброда этолийский, а стража по веревкам топориками — бац! И скучай, Собака, над обрывом, речкой любуйся.

Об усатых и страшных почему-то не думалось. Скоро сам увижу.

Увидел!

То есть вначале не их увидел. Частокол! Густой, заостренными концами бревен ощетинившийся. А вот и ворота: тоже бревна, но крест-накрест. А вот за воротами... Впрочем, и перед воротами тоже.

...Усы. Кольчужные рубахи с бляхами бронзовыми. Косицы до самых плеч. Шрамы на загорелых лицах ровными полосками (видать, не в бою, сами расстарались для пущего виду!). Штаны мехом наружу, вроде как у фракийцев, пошире только. Под короткими хитонами мышцы бугрятся-переливаются — Минотавру-Астерию впору. А глаза — хитрые-хитрые, а глаза веселые-веселые!

И, само собой, копья, и, само собой, мечи, дротики, луки, топорики-лабрисы, булавы, молоты боевые. А у самого хитрого да веселого, что нам навстречу вышел, — секира. Всем секирам секира — железная, синего блеска. Да-а-а!

Не только секира. На груди кольчужной, посреди бляшек золоченых — птица хищная хитрой работы. Тоже золотая. То ли коршун, то ли орел...

Переглянулись мы с Эвриалом. И с Фоасом переглянулись. Переглянулись, с коней слезли.

— Или заблудились вы, люди добрые? Или путь-дорожку вам показать? Так мы покажем!

Улыбался усач с секирой — ласково, радостно. Улыбался, рукоять полированную, резьбой повитую, гладил. Видать, рад был нам дорогу показать! Посмотрел я на Смуглого: давай, говорун, начинай.

...А речь-то хеттийская, только не очень правильная. Вроде как у нас — но чуть по-иному.

— Так мы дорогу знаем, добрый человек! — усмехнулся темными губами трезенец. — Знаем — и тебе показать можем!

Грянул смех из-за частокола. Колыхнулись копья.

— Ой, глядите! Ой, красивый какой! Да любезный, да обходительный! Ой, душа-парень!

На этот раз уже не по-хеттийски, но все равно понятно. Видать, родичи. Еще шире улыбнулся Смуглый:

— А не жаркий ли денек сегодня? А не искупаться ли вам всем? Вон речка-то рядом!

— Га-га-га-га-га-га! Ой, насмешил, ой, уморил!

Пока хохотали, пока усами да косицами трясли, пока слезы кулачищами вытирали, я на мостик глядел. Хоть и дрянь мостик, прав Фоас, а конница пройдет — ежели по одному и без спеху.

...И не только на мостик. Слева, у камня красного, что лбом в речку влез, — лодки. Дивные лодки! Не из досок, из целых стволов дубовых вытесаны. Говорят, делали такие на Крите еще при Миносах. Откуда же путь держат эти усатые?

— Вот чего, люди добрые, прохожие! — внезапно нахмурился секирщик. — Мы ванаке хеттийскому не слуги. И иным прочим — не слуги. Земля эта уже наша! И река наша. Так что поворачивайте-ка восвояси!

Я чуть не присвистнул. Вот это да! Приплыли, переправу перехватили, Царство Хеттийское чуть не пополам перерезали.

Кто же это?

— Так дело обычное, — пожал плечами Эвриал Трезенский. — Была ваша, стала наша!

Не принял шутки усач, еще пуще брови сдвинул. Дернул рукой Фоас-курет — к дротику поближе, колыхнулись копья за оградой.

— Мы шардана! — встопорщились чудо-усы. — Была земля хеттийской — нашей стала! А правит нами Таргатай-кей, и от его имени велю я вам...

— Нам? — поразился трезенец.

А дротик — уже у Фоаса в руке. Да и мое копье...

— А ты не перебивай, парень! — грозно рыкнул усач. — А то мы и сами кой-кого... перебьем.

Все! За его спиной — частокол, за нашей — мои аргивяне с копьями наперевес...

— Перебьете? — поразился Эвриал Мекистид. — Перебьете — если перепьете!

Горой каменной тишина повисла. А после — грянул хохот. Качнулось небо.

— Эй, гряди, Дионис благой!
Эй-я! Эй-я!
В храм Элеи да в храм святой!
Эй-я! Эй-я!
Эй, гряди да веди харит!
Эй-я! Эй-я!
Ярый Бромий с бычьей ногой!
Эй-я! Эй-я!

Велик мир, бесконечны Номосы, в каждом народов и племен, что песчинок в Лиловом море...

...А пьют всюду сходно! Даже спорить не пришлось. Сначала мы песню поем. Чуток пропоем — к бурдюкам мохнатым прикладываемся. Потом снова поем, вино по жилам разгоняем. И — снова к бурдюкам. А потом — их очередь.

— Добрый бык, принеси лозу!
Эй-я! Эй-я!
Эй, начнем да великий бой!
Эй-я! Эй-я!

К бурдюкам, доблестные аргивяне! К бурдюкам, храбрые куреты! Не посрамим Элладу!

Расположились тут же, у реки. На камни плащи да попоны кинули, а как стемнело — костры зажгли.

Гряди, Бромий-Ярый!

Поначалу смеялись усачи. Вам-де, ахейцы («ахиява» по-здешнему), только добро переводить, вино доброе водой глупой разбавлять-портить. Первый бурдюк еще выпьете, от второго — в речку свалитесь. А мы, шардана, вино с детского писка пьем, вином умываемся, вином коней поим!

Потом затылки чесать принялись, косицы на пальцы мотать. Затем свои бурдюки выставили. Потом кто-то усатый не выдержал — носом в попону, вином залитую, ткнулся.

То-то! Знай «ахияву»!
— Ты, лоза, не жалей вина!
Эй-я! Эй-я!
Ты, вино, да теки рекой!
Эй-я! Эй-я!

Раскраснелись лица зарей вечерней, побледнел Эвриал Смуглый, басилей-винолей (ну, молодец, трезенец!), охрипли глотки... Не сдадимся, не уступим!

Лишь двое не пьют: я да усач с орлом-коршуном на кольчужной рубахе. На плаще меховом куретском сидим, на дионисомахию посматриваем. Переговариваемся — негромко, чтобы прочим не мешать.

А ведь слыхал я уже об этих шардана! За морем Мрака они живут, в Номосе Северном, в Гиперборее. Но не сидится усатым дома. Сначала море на своих лодках-долбленках переплыли, потом в берег хеттийский вгрызлись — не отодрать. А теперь и дальше пошли — на юг. С ванактом хеттийским у них то ли союз, то ли перемирие, да только, видать, конец этому союзу-перемирию нынче настал.

Что я о них слыхал — ладно (все знает дядя Эвмел!). А вот что усатые о нас знают, удивило вначале. Аргос, правда, они Аргусой величают, Микены — Микасой, меня — Дамедом-ванакой (а как же еще?). Но ведь знают!

...Ага, допели! Допели, допили, новые бурдюки волокут — мохнатые, огромные, киклопам впору. Не сдается «ахиява». И усатые не сдаются!

И о Пергаме взятом здесь уже знают. Не иначе, живет в этой земле нимфы Эхо сестра старшая. Да голосистая такая!

— Ой, и лихое же ты дело задумал, Дамед-ванака! — качает косицами усач. — Ой, лихое! Ой, непростой ты парень!

Рассказал я ему все. Понял — нужно.

— А выгорит если? — щурит глаза хитрован. — Докуда дойдем, как думаешь?

— А это уж как от вас, людей добрых, зависит, — щурюсь в ответ. — От вас, от фракийцев, от каска, от тусков, что на юге. Если все вместе да в час единый.

Задумался, ус принялся крутить — левый...

— Оно можно. И гонцов послать, и дороги поделить, чтоб локтями не пихаться сдуру. Да только сполох нужен, ой нужен! Чтобы гром грянул да молния огнем сверкнула. Понял ли, о чем говорю, Дамед-ванака?

Понял ли я? Гром да молния — этим мой Дед, мой НАСТОЯЩИЙ Дед славен, да только не станешь же ЕГО просить! Да и нет ЕМУ власти тут, в Азии, в Номосе Восточном. А какой из меня, из Дурной Собаки, громовержец?

Хотя...

Ну все, теперь очередь шардана петь! Жаль, их наречие, хоть и с хеттийским сходное, все же не прозрачнее Древнего языка.

А хорошо бы послушать, о чем усачи петь станут. Вон как серьезно к делу приступают! Брови сдвинули, кружком сели, вздохнули.

Выдохнули.

— То не черная туча вставала! Туча!
То не буйные ветры шумели! Ветры!
Едет полем раздольным Великий Змей.
Змей Великий, огню отец!

Что за притча? А ведь понимаю! Словно из-под тонкого осеннего льда рыбками-красноперками всплывают слова...

— А навстречу грядет кей Кавад! Грядет!
А в руках держит молот-смерть. Молот!
Не гулять тебе больше, Змей!
Не палить тебе наших нив!

Жаль, нет времени вслушиваться (чего, интересно, с этим Змеем дальше сталось?). Сполох, гром с молнией... Чтобы все увидели да услыхали, все — от моря Лилового до моря Мрака, от гиперборейских льдов до эфиопских песков.

— Сполох, говоришь? Будет вам сполох!

...А под утро, когда Гелиос Гиперионид (то есть, конечно, не он — Истанус, сын Сиусумми-Света) из-за красных скал выглянул, принялись мы с усачом павших считать. Да не досчитали, бросили. Пали шардана и аргивяне, куреты — все, до бойца последнего. Пали — но с честью, носами к бурдюкам пустым. Вздохнули мы, вытащил усач бурдюк последний, заветный, вынул пробку деревянную...

Пали воины — вожди в бой идут.

* * *

Зеленый весенний лес позади, и красные скалы позади, и голубая лента Сакарьи-реки. Далеко остались горы, за горизонт неровный ушли. Холмы — желтые, в редкой выцветшей траве, с неяркими пятнами чудом выживших кустов. Земля Пала, каменистая равнина в пупырышках холмов, пустыня, где каждому дереву кланяешься, как земляку. А вдоль дороги вместо герм лупоглазых (прощай, Психопомп, не скоро встретимся!) — львицы каменные с женскими ликами. Молчат, смотрят — спокойно, невозмутимо. И не такое видели, поди!

Горит в небесах Солнцеликий Истанус, белеет от весенней

жары хеттийское небо, обиталище Светлоокой Ханнаханас, а дорога ведет все дальше, на восток, к самому сердцу Земли Асов, в средоточие Восточного Номоса...

— Радуйся, родина наша далекая!
Хей-я! Хей-я!
Радуйся, Аргос, богами хранимый!
Хей-я! Хей-я!

— Эх, заехали мы с тобой, брат Диомед, подумать страшно, сказать даже страшно! Дома расскажу — не поверят. Поклянусь — не поверят. Землю с кровью съем — не поверят, да!

— Поверят, брат Фоас, поверят!..

Пуста, безлюдна желтохолмная Пала. Лишь в редких селеньицах, спрятавшихся за глинобитные белые стены, можно прикупить пресные ячменные лепешки да худых, брыкающихся коз. Стражники в льняных плащах, с копьями чуть ли не тростниковыми на нас и не смотрят — на обрезки золота смотрят, что мы в их ладони загребущие суем. Но расслабляться рано, и победу праздновать тоже рано...

— Днем о тебе вспоминается сладко!
Хей-я! Хей-я!
Ночью лишь ты нам, отечество, снишься!
Хей-я! Хей-я!

— Не ясно мне все же, Тидид. Поясни!

— Понимаешь, Смуглый, Хеттийское царство слишком большое. Никакого войска не хватит, чтобы поставить всюду гарнизоны. Поэтому Суппилулиумас размещает отряды в самых важных точках...

— Которые Гидры с Ехиднами?

— Которые. Переправы, главные крепости, перекрестки. Дорог здесь мало, но они очень хорошие, удобные. А у хеттийцев — конница и легкие колесницы. Стоит поднять тревогу...

— Так что там впереди? Гарпия?

А по ночам (тепло здесь спать, хоть без плаща на землю падай!) — звездный огонь с черных глубоких небес. Лежи, руки за голову закинув, считай огоньки под меднокованой твердью.

...Чем дальше от Ахайи, от Лилового моря, от родного Номоса — тем спокойнее на душе. Словно и вправду я-прежний, сирота с Глубокой улицы, ванакт-наемник на чужом троне, остался где-то там, у нелепых пергамских стен. Ушла боль, растворилась среди желтого простора, и даже Амиклу можно вспо-

минать без грусти, даже маму. Словно не со мною это было, словно случилось все в века допотопные, в чужой чьей-то жизни — славной, хорошей, но чужой. И будто нет уже Диомеда Тидида, а по ровной хеттийской дороге, по земле Светлых Асов, едет Дамед-ванака, Дамед-бог...

— Горек глоток из чужого колодца!
Хей-я! Хей-я!
Тленом разит запах хлеба чужого!
Хей-я! Хей-я!

...И вправду, наше Эхо, пугливая нимфа, здешнему даже не сестра младшая. Хоть и быстро едем, никого вперед не пропускаем, а хеттийское Эхо начеку. Узнают! Узнают, кланяются, иногда на колени бухаются. «Дамед-ванака! Дамеда-давус!» А ведь «давус» по-хеттийски «бог» и есть!

Одно плохо: не угнаться нам за здешним Эхом. А ведь впереди — Гарпия, перекресток, самый важный, самый опасный. Перекресток — и крепость на холме.

— Солнце чужое огнем обжигает!
Хей-я! Хей-я!
Небо чужое — могильные плиты!
Хей-я! Хей-я!

— Мантос?

— Все понимаю, Диомед-родич, все вижу. Ночью пойду, да. Сам пойду, ванакт! Сам пойду, Фремонида возьму, брата своего возьму, племянника возьму. Не подведем, ванакт Диомед! Тихо резать будем, тихо душить будем, зарежем, задушим — ворота откроем. Не пойдем даже — поползем, змеями поползем, ящерицами...

Змеи и ящерицы ползут в ночь...

Искусство войны — искусство богов. Боги повелевают людьми. Боги посылают людей на смерть...

* * *

Эй, куреты! Провожаем в дальний путь свою родню!
Пусть дорога будет легкой из чужбины в отчий край!
Хо-о-о-о! Хой!
Как же им домой добраться, как их душам путь найти?
Мы польем вином дорогу, кровью вражеской польем!
Хо-о-о-о! Хой!
Плохо гибнуть на чужбине, от родных огней вдали!
Еще хуже киснуть дома да без славы помереть!

Хо-о-о-о! Хой!
Что же им сказать в Аиде, нашим пращурам сказать?
Пусть гордятся нами предки, пусть к себе с победой ждут!
Хо-о-о-о! Хой!

* * *

— Э-э, ванакт! Там такое, ванакт! На коня садись, поехали, посмотреть тебе надо, да!

Пора выступать, погребальные костры залиты вином, серой гарью дымит мертвая крепость, дорога пуста... Да только вид у Мантоса-старшого уж больно странный. Вроде бы ехал себе, ехал чернобородый (по южной дороге, что к морю Зеленому ведет, я его направил — для пущего бережения), а у дороги той — гора золотая. И радость (гора! золотая!), и жалко, сотой доли не унести.

— Не хеттийцы? — поинтересовался я на всякий случай, на конскую спину садясь.

— Э-э-э-э! Зачем хеттийцы, ванакт? Тебе нужны хеттийцы? Мне нужны хеттийцы? Нам нужны хеттийцы? Поспеши, ванакт, поспеши, родич! Ай, поспеши!

А в черной бороде — широкая улыбка. Видать, велика та гора золотая!

Ну, если «ай!»...

Я не ошибся — гора. Не золотая, конечно. И даже не красная — обычная, серая, в негустом кустарнике, словно у нас в Этолии. К горе дорога ведет, за камни цепляется, а в горе — дыра черная, перед дырой вроде как площадка ровная, гладкая. Хотел спросить — не успел. Подмигнул мне старшой — и остальные гетайры, что со мною увязались, подмигнули, языками прицокнули.

— Ай, не скажем! Ай, сам посмотри, родич!

Крут подъем, да невелик, вот уже и площадку видать, и каменные личины, что в скальную плоть врезаны (то ли все те же львицы, то ли кто еще, не разобрать), и колонны по бокам. Видать, храм! Видел я уже такие — и у нас, и тут, у хеттийцев...

Тогда почему «ай»? Хотел переспросить, вновь вперед поглядел. Раздумал.

Понял.

Девчонки. Девочки. Девушки. Девицы...

Ай!

...В белых накидках, в золотых ожерельях, в блистающих

цветными каменьями браслетах, в диадемах серебряных. И просто так тоже — без всего этого, лишь в венках из цветов. На личиках юных, белых, смуглых, курносых, губастых, тонкогубых — улыбки. Никак рады?

Ай!

Протер я глаза, себе не веря, а мои гетайры уже с коней слезли, тоже улыбаются, бороды свои черные оглаживают. Не испугались девчонки, ближе подошли, руки в браслетах к небу жаркому подняли. Запели — весело, дружно. Да так запели, что тут же подпевать захотелось. Сверкнул Фремонид-гетайр уцелевшим глазом, шлем кожаный снял, к самой высокой да красивой подошел, поклон отдал. Звякнули браслеты, протянули тонкие руки венок — прямо на Фремонидову буйную голову.

Тут только и очнулся я. Очнулся, байку, которую мне когда-то Любимчик поведал, вспомнил. Мол, живут в Океане чудо-девы, Сирены-Певуньи, да только опасно возле тех Сирен даже мимо проплывать...

— Храм это, родич, понимаешь! — жарко зашептал мне в ухо Мантос. — Бог тут такой хороший, девочек собирает, самых красивых, самых добрых, самых...

Не договорил. Облизнулся. Сглотнул.

А девчонки допели, ближе подошли, вновь браслетами звякнули.

— Ма-Инарас! Ма-Инарас! Ма! Ма! Ма!

Понял я — худо дело. Еще раз запоют — и останусь я без моих гетайров.

Что должен делать воевода, когда войско в бегство ударилось? Правильно — вместе с ними бежать, «Заманивай, братцы!» кричать... Шагнул я вперед, улыбнулся.

— Радуйтесь, красивые! Великое Солнце!

(«Радуйтесь» — это по-нашему, а «Солнце», понятное дело, по-хеттийски.)

— Солнце, Великое Солнце! — заулыбались в ответ. — Ма! Ма-Инарас!

А вот и венок! Пора шлем снимать...

— Спасибо, красивые! А вы куда? Наз-з-зад!

Последние слова, ясное дело, уже по-этолийски. И не красавицам.

— Назад, говорю! Поклониться! Улыбнуться! И — вниз!

Стон к небесам вознесся. Тяжелый, протяжный...

— Э-э, ванакт! Э-э, родич! Э-э, Диомед!

— Отставить! — выдохнул я, не оборачиваясь и девчонкам

улыбаясь. — Только вас тут не хватало, обормотов! Ишь, когти распустили, орлы плевронские! Девчонок не обижать!

— Так по согласию же, родич! По согласию!

Я только рыкнул (негромко, дабы красавиц не испугать). Знаю я это куретское «по согласию»!

И снова — стон к небесам. Хотел я повернуться, чтобы ясность полную навести, — да опоздал. Самая красивая, в диадеме да в ожерелье, уже рядом. Улыбается.

— Радуйся, Дамед-ванака! Не прогоняй своих друзей. В доме Ма-Инарас всегда гостям рады!

(А за спиной моей уже не стон, вздох радостный.)

— Спешим, уважаемая, — пожал я плечами. — Мои... э-э-э... друзья хотят лишь поклониться твоему великому богу, спасибо сказать да удачи попросить.

— Моему богу? — В глазах под длинными ресницами — изумление. — Ма-Инарас богиня, а не бог, и не наша — ваша, из земли Ахиява. Десять лет назад ОНА сюда пришла, собрала нас всех, ОНА самая лучшая, самая добрая. Вы ЕЕ любите, мы ЕЕ любим. И ОНА всех нас любит!

...Плеснула невидимая река, черным крылом Таната зашелестела — рядом, совсем рядом.

— Кто? Кто ОНА?

— Она? — удивленно дрогнули длинные ресницы. — Великая Киприда! Великая Атроди... Афродита! Пенно... Пеннорожденная! Ма-Инарас!

...Мраморная крошка сыпалась, падала на гладкий скользкий пол. Но из-под камня, из самой глубины, все так же проступало ее имя.

АМИКЛА

Я понял — это не писали. Вернее, писали не люди...

— Воля богини! Воля богини, ванакт! Раз в несколько лет мы приносим жертву... Кровавую жертву. Только по жребию, только тех, кто сам согласится...

Я открыл глаза и посмотрел в небо, в белесое хеттийское небо, безоблачное, ясное. Значит, ТЫ уже здесь, Косоглазая Убийца?[1] ТВОЯ Грибница — даже тут, посреди Азии? Здесь то-

[1] По представлениям греков, Афродита была косоглазой.

же — по жребию? Или всех подряд — на алтарь, на кровавый мрамор? Ведь ТЫ же ВСЕХ любишь, правда?

Что-то говорила жрица — испуганно, быстро, что-то шептал на ухо Мантос, но я уже не слышал, не понимал, не хотел понимать, чужие слова скользили мимо, мимо...

Помнишь мою клятву, Пеннорожденная? Помнишь мою кровь? Амикле уже все равно, зато не все равно мне, Диомеду Тидиду, Дамеду-ванаке. Дамеду-богу!

МНЕ!

— Где? Где ОНА? Веди!

Золотой лик улыбался, золотые руки тянулись ко мне, золотые груди топорщились острыми сосками. Я отступил на шаг, сцепил зубы, всмотрелся.

...Идол на невысоком белом камне, за ним — украшенный цветами алтарь, по бокам — тоже идолы, только совсем маленькие, на каменных стенах узорные фрески, по углам — бронзовые светильники горячим маслом дышат, стараются. Хорошо устроилась, Киприда, богиня Любви, кровавая убийца! Удобно! Думаешь, здесь, в сердце горы, до тебя не доберутся?

Я не доберусь?

Чуть сзади удивленно дышали мои гетайры. Перепуганные девчонки столпились у стены. Они не догадывались, все еще не догадывались... Я поглядел прямо в мертвые золотые глаза, оскалился, обернулся.

— Фремонид! Секиру!

...Секиру нам подарили шардана — тяжелую, густой черной бронзы. Вовремя!

Недоумевающий гетайр моргнул единственным глазом, шагнул ближе. Мои пальцы сжали плотное полированное дерево...

— Нет! Не-е-е-ет! Не-е-е-е-е-е-ет!

Крик — отчаянный, полный ужаса. Крик, слезы на глазах. Девчонки бросились вперед — ко мне, к своей богине...

— Дамеда! Дамеда-ванака! Не надо! Ма-Инарас добрая! Добрая, хорошая! Не надо! Нет! Не-е-ет!

Я сжал секиру, отступил еще на полшага...

— Не смей! Не смей! Она добрая! Не на-а-а...

Нахмурились гетайры, ближе ко мне подступили. Легли пальцы на рукояти мечей.

Не успели...

— Не трогай ЕЕ, злой Дамед-бог!

Девочка — самая маленькая, босоногая, в венке из горных цветов.

— Злой! Злой!

В неярком свете горящего масла блеснуло лезвие — тонкое лезвие хеттийского кинжала в тонкой детской ручонке.

— Злой!..

Опустил Мантос-гетайр меч. Тихо стало вокруг. Как на Поле Камней. Как в могиле.

...Под моими пальцами — теплая кровь. Под моими пальцами — теплая кожа. Теплая, холодеющая с каждым мигом. Жилочка на шее уже не билась...

Встал, поглядел в гаснущие, полные ужаса детские глаза. Поклонился.

Прости!

Отвернулся.

— Мантос! Все здесь уничтожить! Все! Ты понял меня? Понял?!

Думал, переспросит, возразит. Смолчал. Не стал спорить со своим родичем. С ванактом. С Дамедом-богом.

Со МНОЮ.

...И никто не стал. Даже ОНА, косоглазая тварь, золотая уродина. Лишь в пустых глазницах — странный отблеск. Страха? Гнева?

Дамед-бог презирал ЕЕ страх. Дамед-бог смеялся над ЕЕ гневом. Секира ударила прямо по глазам. По ЕЕ глазам...

Плещет, плещет...

— Эй, Тидид, что случилось-то? Ты же черный весь! Ты же меня чернее!

— Басилей Эвриал Трезенский! Какие чудища впереди?

— Но, Тидид... ванакт... Медуза впереди, а за нею — Бриарей, да только...

— Отставить, басилей! Выступаем! Немедленно!

— Э-э, брат Диомед! Не грусти, брат Диомед! Лучше скажи, почему так выдумал? Медуза, понимаешь, Бриарей, понимаешь! Сильно страшно чтобы было, да?

— Медуза, Фоас, — это и вправду страшно. Мост через Марасантию[1] — если не прорвемся, сгинем, там ведь горы вокруг. А Бриарей...

— Хе! Знаю! Сто рук, сто ног, все хватает, всех душит, да?

---

[1] Марасантия (ныне — Кызыл-Ирмак) — река на территории современной Турции, делит ее на западную и восточную части. Впадает в Черное море.

— Точно! Так и хеттийцы — сотни лет в сто рук хватали. А мы их по рукам ка-а-ак!..

— Ва-а-ах!

Бриарей — Хаттуса, столица Царства Хеттийского.

Хаттуса!

АНТИСТРОФА-II

Солнцеликий Истанус, сын Сиусумми-Света, в это утро был робок. Не бог — соглядатай.

Золотое Око так и норовило спрятаться за невесть откуда взявшиеся тучки, словно бог боялся ступить на белесое хеттийское небо в славе своей, бросить яркие лучи на плоские черепичные крыши, на золоченые колонны храмов, на высокие зубчатые стены. Прятался бог, всесильный, всемогущий Истанус, громоздил облачный щит и только изредка выглядывал-поглядывал, все еще не веря, но уже страшась.

Мы удивили ТЕБЯ, Солнцеликий? Напугали? Так прячься, Истанус, закрывай всевидящее Око, ТЕБЕ уже не помочь ТВОИМ сыновьям, не вступиться за них. Поздно перепоясывать чресла, копить оружие, идти в бой...

— Ванакт! Он говорит...

— Слышу.

Опускать глаза не хотелось. Еще успею! Успею увидеть золотой огонь бессильно распахнутых ворот, изумленные глаза каменных львиц, перепуганные взгляды очумелых стражников. Успею!

Львиные ворота. Почти как в Микенах, в далекой Микасе, когда-то склонившей выю перед мечами Сыновей Солнца. Далеко протянула лапу хеттийская Львица! Знала ли она, впиваясь когтями в плоть Ахиявы, что наступит этот день, наступит это утро...

— Переведи: я клянусь, что не трону никого, если воины бросят оружие. На раздумья времени не даю. Пусть сдаются!

Все это лишнее. И разговор с перепуганным тысячником — верзилой в надетом набекрень высоком шлеме, полуголым, в одном цветастом фартуке с бронзовыми бляхами — тоже лишний. Аргивяне и куреты уже за воротами, над узкими улицами, над плоскими черепичными крышами разносится победное «Кур-р-р-р-р! Арго-о-о-ос! Кур-р-р-р-р-р!».

...Повезло — и на этот раз. Сонная стража обманулась зна-

комыми хеттийскими шлемами, которыми прикрыли свои черные кудри всадники Фоаса. Много этих шлемов досталось нам после резни на берегу Марасантии. На всех хватило бы!

— Он говорит, что согласен сдать город, но не понимает, отчего ванакт Аргоса напал на Хаттусу, ведь наши царства не воюют, мы — друзья...

Отвечать не стал, лишь рукой махнул. Поймет — потом, может быть. А не поймет — что мне за горе? Встречай нас, Хаттуса! Падай на колени, хеттийский Бриарей!

— Ай, брат Диомед, какой город, какой город! Дома какие, стены какие, девушки какие! Давай уезжать не будем, здесь жить будем, овец пасти будем, вокруг трава хорошая, вода хорошая, я на одном холме шатер поставлю, ты — на другом! А в город ездить станем, к девушкам ездить станем, да? Ай, какой город!

Колонны, колонны, колонны — много, не охватишь взглядом. Над колоннами — золоченая крыша, над нею, чуть дальше — зубчатое острие огромной белой башни. Пусто, тихо... Вот я и у тебя дома, Великое Солнце, Суппилулиумас Тиллусий, ванакт хеттийский!

Не ждал?

Пуст дворец, брошен — как палаты моего деда Ойнея Живоглота в тот день, когда я вернулся из-под Фив. Пока мои куреты искали дорогу в лабиринте узких улочек, пока поднимались по пологому склону к дворцовым вратам — разбежалась челядь, и стража царская разбежалась. Ходи, голову задирай, на потолки расписанные глазей, на идолов пучеглазых, на окна высокие, слюдой запечатанные. Скучно, тоскливо даже. Бродят по пустым залам, по безлюдным покоям мои гетайры, по сторонам поглядывают, языками цокают...

Да и в городе тихо. Эвриал Смуглый аргивян по всем стенам и башням расставляет, ворота (ой, много же их тут!), какие лишние, камнями закладывает, Фоас со своими куретами на улицах порядок блюдет, золотишко-серебришко подбирает. Все поняли жители славного города Хаттусы, сами добро из домов выносят, сами под конские копыта кладут.

Страшно! Ни разу еще чужаки в ворота Солнечных Львиц не входили!

Почему-то казалось, что будет иначе. Особенно после боя

на переправе, где мы впервые встали с хеттийцами грудь к груди, копье к копью. Здорово дрались Сыновья Солнца! И я уже видел, как мы выбиваем ворота Хаттусы тяжелым тараном, как режемся на улицах, как с боем врываемся во дворец... Обошлось! И даже жалко, что обошлось. Будто не победители мы — воры ночные, что в дом забрались, пока хозяин в отлучке.

Как поживаешь, Эхо? Не подведи, постарайся, неси во все концы неслыханные вести — по всему Номосу, по всей земле Светлых Асов. Пала Хаттуса, неприступная столица, логовище Золотых Львиц, город, грозивший когда-то великому Баб-Или, сломивший гордых ассурцев, наводивший страх даже на всемогущую Кеми.

Я вновь поглядел наверх, где за серыми тучами прятал свое горящее Око Истанус. Не видать тебя, Пес, Собачья Звезда, но я знаю, ты там, вольный, сбросивший цепи. Ты привела меня сюда, Дурная Собака Небес! Так веди же меня дальше, Пес!

Веди!

В огромном зале — огромный стол. Не из дерева — из бронзы. Пустой, гладкий, лишь посредине — что-то знакомое, уже виденное. Круглое.

Подошел, осторожно коснулся пальцем. Усмехнулся.

Номос!

Маленькие медные горы, застывшие капли островов посреди гладкого моря, ровная дуга Океана вокруг. Будто я снова у дяди Эвмела, в первый раз, и он спрашивает у меня...

«Это наш мир, мальчик. Точнее, Номос».

Нет! Не так что-то!

Всмотрелся, головой покачал. Ну, конечно, у дяди Эвмела *наш* Номос из бронзы вылит — Европа, Эреб, обитель Тьмы. Здесь же — Восточный, земля Светлых Асов. Вот и реки знакомые, и мешанина гор на востоке, и чудо-рыба остров Кипр...

И все равно — не так! Вновь поглядел. Понял.

И удивился — еще пуще.

— Э-э, ванакт! Скажи, ванакт...

Гетайры! Видать, насмотрелись уже. Налюбовались!

— Скажи, ванакт, грабить будем, а? Жалко грабить, понимаешь, красиво очень, будто на Олимп попали, к Дию Ясному в

гости попали! Пусть остается все, люди ходить будут, смотреть будут, радоваться будут...

Смущены чернобородые, словно и вправду на Олимп по ошибке на конях своих гривастых залетели. Не первый раз я сегодня такое слышу. Не первый, не второй. А чему удивляться-то? Для куретов и пещера моего деда Ойнея — дворец. А тут!

Вздохнул я, по сторонам огляделся. И вправду — здорово! Не один век, поди, украшали, старались. Жалко...

— Не будем грабить. Оглядитесь только, в каждый угол загляните.

А на сердце — рак черный, морской. Клешнями вцепился, не отпускает. Все верно мы с Агамемноном решили, все рассчитали... А все равно — жалко! Будь я и вправду Дамедом-богом...

Странная мысль заставила остановиться, каменной колонной застыть посреди пустого дворца. Что-то слишком часто я стал называть себя этим самым «давусом». В шутку, конечно... Но ведь называю же я себя Дурной Собакой! И ничего, не залаял пока!

И хвост не вырос.

А вот почему в Номосе, не в настоящем, а в том, что хеттийские умельцы из меди сотворили, не хватает...

— Держи-и-и-и-и!

Оглянулся. Не тут, но где-то рядом. А пальцы уже — на рукояти меча.

— Держи-и-и-и! Вот та-а-ак! Э-э, зачем бежишь?

Ну вот, выходит, не пуст дворец!

Рядом с залом Номоса — горница невеликая. Даже не горница, а вроде как кладовка. Сундуки, ларцы расписные (из Кеми, по всему видать).

...Раскрытые, перевернутые.

— Куда бежишь? Зачем бежишь? Сюда иди, да!

А посреди хаоса, посреди всякой ерунды, что из сундуков-ларцов тех выпала...

— Э-э, хорошая какая! Кулаками не маши, да. Не кусайся, да. Скажи: по согласию!

Я только вздохнул. Кому что, а Данаидам — бочки. Ну а моим чернобородым...

— По согласию, да? Ну, скажи, хорошая!

Ясное дело — девушка. Поди, в сундуке пряталась. Да только от куретов и в Океане не укроешься.

— По согласию, да?

Всмотрелся, снова вздохнул. Не девушка — девчонка со-

всем. Худая, ребра кожу раздирают, рот губастый до ушей — и ноги костлявые от тех самых ушей растут. Ну и страшненькая! Прямо как моя богоравная супружница лет этак двадцать назад... И поясок яркий с каменьями вокруг пояса. И серьги серебряные в ушах. Видать, не рабыня.

А здорово дерется! Кулачки худые так по носам куретским и гуляют! Да только моих гетайров теми кулачками не напугаешь. И ведь молча дерется! Правда, кого тут на помощь звать?

...А мне Амикла вспомнилась. Куснул рак морской сердце...

— Э-э, какая горячая! Какая хорошая, да! Ну скажи, что по согласию!

Сорвала куретская лапа повязку набедренную, льняную с бедер худых. А другая уже девчонку на сундук валит.

— Ванакт! Ванакт Диомед Тидид!

Дернуло меня от ее голоса. Не сразу понял, что позвала она меня не по-хеттийски.

— Ванакт! Я тебе нужна! Я тебе пригожусь!

По-ахейски позвала девчонка.

Дрогнули куретские лапы. Отдернулись. Вскочила — голая, лишь в пояске золотом и серьгах. Ко мне рванулась.

— Я тебе нужна буду, ванакт аргивянский!

Загоготали чернобородые. Мол, нужна, конечно, нужна! И ванакту нужна, и нам нужна, и кто мимо пройдет — тоже нужна.

— Я все наречия знаю! Тебе понадобится толмач! Тебе понадобится...

Странное дело, вроде как даже не страшно ей. С характером, видать, губастая! А вот насчет толмача...

— Все наречия? — удивился я. — Такого не бывает.

Не просто так удивился — на языке Древнем. Чтобы сразу понять.

— Этоноси куса атори те кефтиу...

Поймал я рукой челюсть, головой мотнул. Да-а-а...

Гетайры тоже что-то поняли. Посторонились. Поморщилась девчонка, ладошкой по плечу провела, словно след от пальцев куретских стирала.

— Я — Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Мой отец, да будет тепло ему в царства Телепина, умер в прошлом году. Ты знаешь хеттийский, ванакт Диомед, но этого мало...

Кивнул я, соглашаясь. Мало, конечно.

— А наречие Кеми тебе знакомо, Цулияс, дочь Шаррума? И Баб-Или?

— Конечно, — дернулись худые плечи. — Только, ванакт, в Баб-Или нет своего наречия. Раньше там разговаривали по-суммерийски, сейчас — на касситском, но в последние годы в войске лугаля стали говорить на языке халдеев...

— И ты все знаешь? — поразился я, все еще не веря.

— Ну, не все, — слегка смутилась она. — По-суммерийски только читаю, но на нем сейчас никто не разговаривает, как и на старом наречии кефтиу, на котором ты ко мне обратился...

Поглядел я на эту худобу костлявую, губастую. Подумал чуток.

— Хитон, плащ, эмбаты, дорожную шляпу.

Засуетились гетайры. Вот уже кто-то хитон с плеч сдирать стал, кто-то — эмбаты с ног стягивать.

— Надеть!

Полюбовался я на то, что вышло, усмехнулся.

— Ну, мужи куретские, кто это?

Открыл рот Фремонид Одноглазый. Закрыл. Снова открыл.

— Я спрашиваю, кто это?

— Мальчик это, ванакт! — послышался чей-то неуверенный голос.

— Не мальчик! — отрезал я. — Это мой гетайр-толмач, ваш товарищ. А зовут его... Курос[1]. Поняли? А теперь поздоровайтесь!

— Э-э-э-э-э...

— Я сказал — поздоровайтесь!

— Радуйся, друг Курос! — пробормотал Одноглазый, с трудом языком ворочая.

— Радуйся, друг Курос! Радуйся! — послышалось со всех сторон.

— Радуйтесь, мужи куретские! — сверкнул глазенками толмач Курос. — Хорошо, когда друзья рядом!

— Ты хочешь о чем-то спросить, Смуглый?

— Ванакту не задают вопросов, Тидид. Особенно на войне.

— Не обижайся, Мекистид! Тогда... тогда я в самом деле... вроде как спятил, что ли... Извини!

— Да ладно! А насчет вопросов... Сам понимаешь, влетели мы в эту Хаттусу по-наглому...

— А хеттийское войско уже сюда спешит? Одно с запада, другое — с востока, да?

---

[1] Курос — юноша, молодой мужчина *(греч.)*.

— Я понимаю, на севере фракийцы вместе с этими усатыми, на востоке — каска и урарту, на юге — туски. Они, да еще вместе с нами, разнесут хеттийцев за месяц. Но это если все вместе. Но ведь Суппилулиумас может заключить с ними перемирие. Пока все эти туска сообразят, пока затылки почешут...

— Поэтому надо дать им знак. Сполох! Чтобы гром грянул, молния блеснула, чтобы всем ясно стало — нет больше великого Царства Хеттийского. Рви его на части, громи, разноси в щепки... А мы пойдем на юг, к Зеленому морю. Знаешь, где сейчас Щербатый с Капанидом?

— Дай догадаюсь, Тидид... На Кипре, поди? И в этой, как ее... Киликии[1]? А я сразу подумал, когда ты с ними Идоменея-критянина послал. Ведь там, на Кипре, у Амфилоха родичей — половина острова! Слушай, а что за этот... сполох такой?

— Сполох?

Последний день — яркий, солнечный, теплый. Белесое небо над головой, белесые камни под ногами... Последний день в славном городе Хаттусе. Последний — для нас.

...И не только для нас.

Все уже сделано, все готово. И кони готовы, и повозки, добычей груженные, и проводники, что поведут войско на юг, к Зеленому морю, где ожидает критский флот Идоменея, где ждут нас Капанид со Щербатым. Нечего нам делать тут, в пустынной Азии. А вот на юге, где плещет море, где снулой рыбой плавает Медный Остров... Молодец, Смуглый, сообразил! Не зря я его с собой взял.

Все готово. И время еще есть — до сумерек, до ночи. Пусть распрощается с нами Солнцеликий Истанус!

...И не только с нами.

А пока делай что хочешь, броди по улицам, на дома смотри, на народец поглядывай...

А ведь очухались хеттийцы! Уже торгуют, уже в харчевнях пиво светлое пьют. (Тоже мне пойло, издевательство одно, не Бромий — Бром[2]!) Вроде и бояться им нечего. Сгребли злобные «ахиява» золотишко с серебришком, по храмам пробежались,

---

[1] Киликия (Киццувадна) — область на юго-западе современной Турции, на побережье Средиземного моря.

[2] Игра слов. «Бромий» — прозвище Диониса, бога вина. «Бром» — «вонь» *(греч.)*. Греки пиво не любили!

по дворцам. В дома и заглядывать не стали. Так что торгуй, пиво потягивай.

Пока...

Белесое небо над головой, белесый камень под ногами...

— Что такое, парни?

— Э-э, ванакт! Хеттийцы пленные с цепи сорвались, ванакт! Дерутся, друг друга колотят. Совсем озверели, понимаешь!

Не понимаю. Добро бы еще с нашими дрались, со стражей куретской.

— Пошли!

Темницы в славном городе Хаттусе не нашлось. Да и к чему ее, проклятую, искать? Загнали мы воинов, которые оружие бросили, во двор храма, что рядом с дворцом. Большой такой храм (бога Тешшуба, который тут дождями ведает), и двор большой — на всех хватило. Думали, подержим пленных денек-другой, а как уходить будем — отпустим. Не к Зеленому же морю их волочь!

...И не в рабство продавать! Подкатывались тут ко мне купчишки бородатые из Ассура, так я их в тычки прогнать приказал.

И с чего им, хеттийцам, драться?

Дрались прямо во дворе. С шумом, с криком. Стенка на стенку. То есть не все дрались. Толпа кружком стала, плечи сомкнула, а посреди...

— Те-ле-пин! Те-ле-пин! Те-ле-пин!

Стенка на стенку (в одной стенке вроде как дюжина, в другой — тоже дюжина, все босые, в одних повязках набедренных), ноги в ноги лупят... Ноги? А руки?

— Те-ле-пин! Те! Ле! Пин!

Странно, однако: бегают, по ногам лупят, друг друга обгоняют, а руки вроде как не при деле.

А что это под ногами? Круглое такое?

— Те-ле-пин! А-а-а-а-ах!

Так это они не по ногам лупят! По круглому они лупят, а это круглое так и летает. Налево — туда, где две палки в щели между камнями воткнуты, потом направо, где тоже две палки...

— Иллу-у-у-у-у!

Ага, никак это самое круглое («иллу» — «голова» по-хеттийски!) аккурат между двумя палками и влетело?

— Иллу-у-у-у-у! А-а-а-а-а-ах!

Те, что круглое (голову?) между палок закинули, обнимают-

ся, по плечам друг друга лупят. А толпа ревет, руками машет... Так ведь не драка это! Это же...

— Козлодрание, понимаешь! — сообщает мне какой-то чернобородый. — Только козла у них нет, репа эта кожаная есть, они ее, ванакт, ногами бьют, они, понимаешь, ее с края до края гоняют, да?

Да, козлодрание, точно как в Куретии Заречной. Только там каждый сам за себя, а тут вроде два войска собрались. И не козла таскают — репу... Репу? Не похоже? Хоть и далеко, и спины мешают, а все же понять можно — не репа. И побольше, и вроде как... с глазами? Нарисованными, конечно, но все же... Никак и вправду — «голова»?

— Телепин! Телепин! Те-ле-пин!

Ну вот, снова забегали. А куреты с аргивянами, те, что посообразительнее, тоже кричать принялись, подбадривать. И в самом деле, куда в следующий раз это круглое с глазами залетит?

— Мантос! Видишь?

— Да, ванакт, вижу, ванакт. Хорошо бегают, понимаешь!

— Когда набегаются, расспросишь, что к чему. Пусть нас научат. А мы их за это на свободу выпустим!

— Э-э, Диомед-родич. Когда репу эту гонять станем, я первым пойду, тем, кто впереди бежит!..

Целый день впереди. Последний... Можно бродить по улицам, глазеть по сторонам, даже улыбаться. Еще есть время до вечера, до того мига, когда уйдет за холмы Солнцеликий Истанус, и воины побегут по улицам, собирая народ на главную площадь, и откроются ворота, и поднимется крик до самых темнеющих небес.

Последний день — яркий, солнечный, теплый. Белесое небо над головой, белесые камни под ногами... Последний день в славном городе Хаттусе. Последний — для нас.

...И не только для нас.

— Что ты задумал, брат Диомед? Что задумал, а? Зачем? Почему? За что? Они нам враги, да? Они нам кровники, да? Собаку нашу убили, да? Сестру убили, да? Маму убили, да? Люди хорошие, город хороший, девушки хорошие. За что, брат Диомед?

— Это мой приказ, Фоас, басилей калидонский!

— Я, Диомед, сын Тидея, ванакт Аргоса, Арголиды и всей Ахайи, повелитель Тиринфа, Трезен, Лерны, Гермионы, Азины, Эйона, Эпидавра, Масеты, Эгины Апийской и Калидона, волю

свою изъявляю: город Хаттусу, столицу врага моего, Суппилулиумаса, ванакта хеттийского, огнем сжечь и до основания разрушить. И пусть уверятся все, что буду я вести войну без жалости, без пощады, покуда Царство Хеттийское вконец не сокрушу, как ныне сокрушаю я город Хаттусу. Пленных же, что оружие добровольно сдали, на волю отпускаю, жителям же города Хаттусы велю из города уходить с добром, какое кто унести сможет, время же на то даю до полуночи. И с тем пусть увидят гнев мой все земли окрестные и земли дальние, и да смилостивятся боги страны этой над народом своим...

Не смотреть в глаза... Не смотреть... В небо смотреть, туда, где Пес, Дурная Собака Небес, встает над горизонтом.

Не в глаза. Не в глаза...

ЭПОД

Молчали.

Сумрачные куреты, растерянные аргивяне. Даже кони не ржали, гривастые головы опустив, словно чувствуя, словно понимая... Темно вокруг, тихо.

Тьма.

Мы — тьма, и я — тьма.

Здесь тихо, крик там, вдали, где к черному небу, к острым холодным звездам рвутся рыжие языки огня. Горит Хаттуса, великий город, кричат люди, из узких ворот вырываясь, падая, друг друга топча.

Не все ушли. Да и как уйти? Велик город, огромен. А много ли времени до полуночи? Мало дал сроку беспощадный Дамед, Дамед-ванака, Дамед-давус...

Рядом сопит Фоас. Не по себе курету — молчит, слова не скажет. И Эвриалу, басилею трезенскому, не по себе, хоть и бодрится Смуглый, губы темные улыбкой кривит. Не было еще такого. Мы, эпигоны, не сжигали Фивы, носатый Агамемнон не тронул Аргос. И в мертвом молчании слышен вопрос, горький, безнадежный:

— За что, Тидид? Что они тебе сделали, Дурная Собака?

Я прикрыл глаза, чтобы не видеть рыжее пламя, не видеть гибнущий город, гибнущих людей... Я-прежний, сирота с Глубокой улицы, никогда бы не подумал о таком. Но я не прежний. Я — другой.

Не-я!

И этот другой, этот не-я, видит то, что недоступно прочим, что встает черной тенью над гибнущей столицей. Сполох! Гром и молния над Азией, над землей Светлых Асов. От моря Лилового до моря Мрака, от урартийских гор до границ Кеми.

Сполох!

Нет больше Царства Хеттийского, погибло логовище Золотых Львиц, и все враги, до этого опасливо жавшиеся к морскому побережью, к горным склонам, уже препоясывают чресла, уже сжимают в руках мечи и секиры. Фракийцы, усатые шардана, туска, урарты, каска... И рухнут они на замершую в ужасе Азию, и растекутся потопом.

...А с запада, из Европы, из тьмы Эреба, помчатся пентеконтеры с воинством носатого Агамемнона. Помчатся, ткнутся носами в азийскую землю. На юге, у Милаванды, которую мы заняли еще зимой, на севере, в Пергаме Мисийском, где ждет брата белокурый Менелай. Тьма, вышедшая из Эреба, падет на Азию.

Мы — тьма. И я — тьма.

Вот оно, твое Великое Царство, сын Атрея!

Твое ли? Увидим! Еще увидим, носатый!

Я открыл глаза — и рыжий огонь плеснул мне в лицо. Хоть и далеко, но почудилось, будто пламя лизнуло губы, затрещало в волосах...

Молчали куреты, и аргивяне молчали, но вот кто-то снял шлем, поднял вверх руку.

— Хайре!

И тут же слитным хором, сквозь хрипящее горло:

— Хайре! Хайре! Хайре!

Как на похоронах, когда пламя рвется над погребальным костром. Как в Элевсине, когда мы хоронили папу...

Хайре, великая Хаттуса!

Я вновь поглядел вверх, туда, где прятали свои глаза испуганные звезды, — и губы дернулись нежданной усмешкой. Не ожидал, Дед? И ТЫ, Дядя? И ТЫ, Мама? И вся ВАША Семья-Семейка? Не ожидали? Бараны не пошли на Гекатомбу, бараны оказались волками, и горе теперь ВАМ! Я, Диомед, сын Тидея, я, Дурная Собака, выжгу все ваши Грибницы, вырву с корнем, и ВАМ, жаждущим нашей крови, не будет ходу в Восточный Номос. Прав Паламед Эвбеец, прав!

ОНИ не всесильны! ВЫ — не всесильны! Так веди же меня, Звездный Пес, Дурная Собака Небес, моя звезда!

Веди!

Призрак Великой Державы вставал над гибнущим городом, над Восточным Номосом, над землей Светлых Асов.

Над миром.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

ВЕЛИКОЕ ЦАРСТВО

СТРОФА-I

Пророка ловили всем базаром.

Смуглые щекастые сирийцы, бледнокожие ассурцы, пышнобородые купцы из Баб-Или, худые бритые кемийцы, юркие, пронырливые финикияне, ахейцы, туски, шардана... На дюжине наречий, хрипло, картаво, протяжно, звонко, с присвистом, с придыханием:

— Хвата-а-а-а-ай! Держи-и-и-и-и!

Я уже не удивлялся — привык. И к тому, что на каждом базаре — свой пророк, и к тому, что тут, на славном Востоке, их отчего-то недолюбливают.

— Держи-и-и-и-и! Вяжи-и-и-и-и-и!

Толпа колыхалась, бурлила, сшибая белые торговые палатки, топча босыми ногами разбросанный по земле товар. Ржали перепуганные кони, ослиный рев рвался к небесам.

— Вяжи-и-и-и-и! Не уйде-е-е-ешь!

Я покосился на Капанида. Тот пожал плечами, почесал свой нос-репку. И он привык! Вечно здесь кого-нибудь ловят, а ежели не ловят — просто орут. А если не орут — болтать начинают. Последнее, пожалуй, хуже всего.

Азия!

А ведь тут, в славном городе Аласии, где на высокой скале воздвиг свои палаты богоравный Амфилох Амфиараид, басилей Кипра («— Ну ты прямо орел, Щербатый! — Сам ты орел!»), все-таки почти половина народу — ахейцы. Потише здесь. А уж как попадешь в Библ или Беруту...

— Хва-а-а-ата-а-а-ай!!!

Колыхнулось людское море штормом осенним. Замерло.

— Поймали, видать! — вздохнул добряк Капанид. — Как бы не убили беднягу!

Это он, положим, зря. Здешним Тиресиям и Калахантам за

жизнь беспокоиться не стоит. Ну, дадут по шее, ну, водой отольют...

— Поглядим, Тидид?

А отчего ж не поглядеть? Спешить некуда, тем более богоравный Амфилох тоже не торопится нас встретить, хоть я и гонца послал, и еще одного — для верности. Загордился Щербатый — ладно. А ежели, не попусти Асклепий, захворал? В прошлую встречу совсем кислый он был, басилей кипрский.

Ввек бы нам через толпу не протолкнуться, если б не гетайры. Не мои — Сфенеловы. Куреты, что ни говори, народ вежливый, а Капанид своих в Келесирии Горной набрал (по-здешнему — в стране Амка). Эти чуть что — кулаком. И хорошо, если только кулаком! Вот и сейчас: сомкнули плечи кольчужные, построились «вепрем», кулачищи выставили... А над толпой, над белыми повязками, над бритыми головами, над шерстяными колпаками, над шапками меховыми:

— Горе вам! Горе! Горе-е!

И вновь мы со Сфенелом переглянулись. Где горе-то? В Аласии, хвала богам, ни мора, ни глада, ни беспутства народного, Щербатого едва ли не на руках носят, чуть ли не за Миноса почитают.

— Горе! Ибо пришли дни последние, и станут они первых хуже, ежели не покаетесь вы, аласийцы, народ жестоковый-ный!..

Никак пророк голосит? Точно!

Расступилась-разлетелась толпа, плечами да кулаками гетайров образумленная, прошли мы по улочке меж накидок и хитонов. Прошли — на площадь вступили. Невелика площадь, как раз на одного пророка. Лежит, бедолага, в хламиде рваной, на локоть оперся, глазами безумными вращает, бороду черную топорщит:

— Отцов ваших казнили плетьми, вас же будут казнить «скорпионами»[1], и не найдете вы пощады, когда небо обрушится и станет земля водой, и побежите вы от гнева, но утонут стопы ваши в болоте...

Вот за это пророков здесь и не любят. Пришел народ торговый, товарец разложил, пивка ячменного хлебнул, барыш предвкушая. А тут тебе такое...

— Был я таким же грешником, как и вы, аласийцы, и не ду-

---

[1] «Скорпион» — палка с шипами, использовалась погонщиками скота.

мал я о закате, когда наступал час восхода, и не склонял головы пред Господом, и кадил ладан перед богами каменными и золотыми...

Впрочем, на этот раз базар весьма благодушен. Перед тем как связать да водой отлить, дали высказаться крикуну.

— Но воззвал ко мне Ахве, Господь Единый, Бог Истинный, и наполнил меня светом, и пробудил ото сна, и послал к вам, аласийцы, народ жестоковыйный, дабы покаялись вы, и узрели истину, и вкусили хлеба небесного... Кайтесь! Кайтесь!

Вскочил пророк, бороду вперед выставил, грудью на толпу пошел. Не выдержал народ — назад подался. Уж больно громко кричал бедняга, уж больно убедительно.

— Где Хаттуса, Логовище Львиц, где князья ее, где обитатели ее? Разлетелись, как саранча под ветром, как мошкара перед пламенем! Привел на них Господь Единый народ из-за моря, народ страшный, пощады не ведающий. Колчан его — как отверстый гроб, все они — люди сильные! Ведет их Дамед, владыка жестокий, пощады не дарующий. Сокрушил он Царство Хеттийское, и в землю Киццувадна пятой вступил, и в страну Мукиш, и в страну Амка, и в землю финикийцев. Тяжко его бремя, из железа халибского рука его, и под ногами его — кровь!..

— Да чего это он? — обиженно засопел Капанид. — Какая кровь, Тидид? Они ж сами сдаются!

Пожал я плечами. Чего с пророка взять?

— Где Библ, где Берута, где Сидон, где Ашход? Покорил их Дамед, ступил пятой на выю, и стены их сокрушил, и владык их увел!

Тут уж я не выдержал — усмехнулся. Вот это точно! А неплохо все-таки, и трех лет не прошло, как мы в Пергаме Мисийском высадились! И вот уже и Сирия наша, и Финикия...

— Или жители Хаттусы были грешнее вашего? Нет, но сгинули они! И вы погибнете, аласийцы, если не отринете богов своих и не вознесете хвалу Богу Единому Ахве!..

— Да сколько можно? — вновь не вытерпел простая душа Капанид. — Ахве и Ахве, в ушах уже звенит... Пошли отсюда!

Меня и самого порою коробило. Для нас, Сияющих, Единый был высшей тайной, недоступной, тревожащей душу. А тут об Ахве-Едином по базарам орут.

Дядю Эвмела бы спросить. А еще лучше — Чужедушца...

— Пошли, — согласился я. — Ну его, в самом...

Не договорил. Не успел. Крутнулся пророк на месте, полами хламиды своей рваной в воздухе махнул.

— А ты, Дамед, владыка жестокий, до неба вознесшийся!..

Узнал! Нахмурились гетайры, рядом встали. А пророк уже тут, руку грязную вперед тычет, глазами безумными светит.

— ...до ада низвергнешься, ежели не выслушаешь слово, что было мне от Ахве-Господа! Ибо мнишь ты себя сильным, но ты лишь песок под ногами Его, лишь пыль в устах Его, хрупок ты, как слюда, перед Его страшной яростью!..

Придержал я за плечо ближайшего гетайра, уже за меч схватившегося. Наслушался я пророков за эти годы (на каждом базаре — по пророку!), но вот меня они пока стороной обходили. Интересно даже стало.

— Слушай, Дамед, владыка жестокий! Сокрушил ты хеттийцев, и сирийцев сокрушил, и многие племена покорил, ибо дал тебе силы Единый. Ты — лишь рука Его, ты лишь промысел Его, ибо настали дни последние для земли нашей, и меняется уже мир, и войдет в этот мир Господь Единый Ахве в славе своей. А посему, Дамед, владыка жестокий, велю тебе идти в землю Ездралеон[1] к Гилгалу-камню, и жертву там принести, и воззвать к Господу. И узнаешь ты Его волю, и той воле ты, Дамед, владыка жестокий, покорен будь, и тогда помилует тебя Ахве, Бог Единый. А до этого не смей воевать с царем Кеми, и войска свои останови, и коней стреножь, и паруса корабельные сверни, и меч вложи в ножны!..

Страшно глядели безумные глаза, дрожали пальцы, к моей груди протянутые, пеной застыла слюна на губах...

— А откуда он про Кеми узнать мог? — подивился Капанид, когда мы из толпы выбирались. — Мы же только вчера об этом говорили!

И вновь оставалось плечами пожать. То ли земля слухом полнится, то ли соглядатай непрошеный пособил, то ли... То ли — что? Земля Ездралеон, Гилгал-камень...

Можно ли верить безумцу?

* * *

В покоях Амфилоха — тишь и покой. Царство сонное, беспробудное. Клюют носом стражники, слуги черепахами морскими ползают. Ни голоса громкого, ни звона медного, ни топота гулкого. Царствует Амфилох Амфиараид, на боку лежа.

Это на первый взгляд, само собой.

---

[1] Ездралеон — Палестина.

Всегда знал, что Щербатый будет отличным правителем. Получше моего — уж точно. И вот пожалуйста! Меня, Дамеда-ванаку, прямо в лицо «жестоким» величают, а Щербатому, когда он изволит из палат в город выбраться, цветами дорожку устилают. А все почему?

— Басилей у себя?

— Да, ванака Дамед. Просил извинить. Просил пожаловать.

А все потому, что править надо лицом к югу — как дед Адраст делал. Возложи бремя неподъемное на плечи чужие и сиди, поглядывай, не суетись. И покойно, и безопасно. Если обидят кого слуги твои ретивые, с них и спрос, им и ответ держать. А ты сидишь себе, добрый, безгрешный, — только глазом полуоткрытым по сторонам поглядываешь. Про юг этот и я знал (и даже пытался деду подражать, ха-ха!), но одно дело знать, совсем другое — уметь.

— Письма из Аргоса были?

— Были, ванака Дамед. Позавчера корабль критский пришел. Басилею Амфилоху письмо, и тебе письмо, и басилею Сфенелу письмо...

Сообразил Щербатый, что делать надо! Сразу понял, как только его пентеконтеры к берегам кипрским пристали. Первым делом со жрецами здешними дружбу свел. Еще бы! Помнят тут его отца, Амфиарая Вещего, крепко помнят, в храмах поминают, на алтарях жертвы приносят. А во-вторых, договорился Щербатый с хитрым старичком по имени Исин-Мардук...

— Ванака Дамед! Погоди, ванака..

Что такое? Давно ли меня перестали в покои Амфилоха пускать? Хотел уже рыкнуть на стражника-обалдуя, да поглядел на него внимательнее...

— Что случилось?

Случилось! Не в себе парень, губы кусает, глаза отводит. Шепчет...

— Ванака! Ванака Дамед! Плохо басилею Амфилоху. Совсем плохо. Знахарей звали — не пускает. Лекарей звали — не пускает. Заперся один, не открывает...

Что-о-о?!

Пока соображал, пока глазами моргал, богоравный Сфенел уже двери вышиб.

Таран — не человек!

— Ребята...

Черная глухая ткань на окнах, черные глухие тени по углам. Догорает светильник, умирает, фитилем черным чадит.

— Оставьте меня, ребята! Оставьте!

Черным кулем лежал на полу богоравный Амфилох Амфиараид, басилей кипрский. На лицо плащ накинут, руки-клешни в ковер вцепились.

— Оставьте!..

— Сейчас, — пообещал я. — Дуришь, богоравный?

— Сам ты, Тидид... богоравный. Не надо, оставьте!

Поднатужились мы с Капанидом, подвиг Гераклов совершили, подняли Амфилоха (ух, тяжелющий он, мой родич!), на ложе пристроили, подголовник кемийский под затылок приладили.

— Басилей Сфенел Капанид! — вздохнул я. — За лекарем, за знахарем, за колдуном, за ведьмой, за кем угодно — бего-о-о-ом!..

— Есть!

Протопали тяжелые эмбаты. Остались мы вдвоем с шурином, со Щербатым Амфилохом.

...Ну Аласия, ну городишко! Сперва — пророк на базаре, теперь — басилей. Или здешнее безумие заразно, вроде чумы?

— Дуришь, богоравный? — повторил я. — Спятил, что ли?

— Да, Тидид, спятил...

И от такого ответа опустились руки, холод по спине пробежал. Ведь шутил я!.. А невидимая река, неотступная, неотвратимая, уже подступила, уже совсем рядом.

Плещет, плещет...

— Твой отец, Диомед, ты сам, Геракл, мой отец, брат... Теперь я...

Пустыми были глаза Щербатого, и Тартар чернел в них — безвидный, бездонный. И — седина на висках. А ведь Амфилох всего на восемь лет меня старше! Мне — двадцать три, ему только-только тридцать один стукнуло.

— Знаешь, когда мы с Алкмеоном были маленькие, то очень гордились, что наш отец — Вещий. Гордились — и все ждали, когда сами Вещими станем. Каждый сон запоминали, завидовали друг другу, старые свитки читали...

— Не надо, Амфилох, — попросил я. — Зачем об этом?

— Надо, — бессильно шевельнулись губы. — Мой брат... будь он проклят, мой брат! — сошел с ума. И тогда я понял, что это не дар — проклятие. И я надеялся, что мне... Зря надеялся, Диомед! Накрыло...

Сжал я кулаки, прикрыл на миг глаза. Будьте ВЫ прокляты,

людоеды Олимпийские, поделившиеся с нами ВАШЕЙ кровью, ихором, ненавистным серебром, несущим безумие и гибель. Будьте ВЫ!..

Плещет, плещет...

— Накрыло, Тидид! Я... Я вижу. Нет, не так...

Медленно вставал он, на кулаки бессильные опираясь, словно мертвец, колдуном-некромантом разбуженный. Да только не встал — обратно на ложе рухнул.

— Ты ведь Сияющий, Тидид? Плоской нам мнится земля, меднокованым...

— Номос и Космос — ответ, — вздохнул я. — Полно, очнись Амфилох!

— Второй Шаг, — дрогнули губы. — Да, конечно. Ты и дядя Эвмел... Слушай, Тидид! Титаномахия! Новая Титаномахия! Мы... Наш Номос... Мы все как тельхины с гелиадами... Эти, на Олимпе, не ведают, что творят! Нельзя! Надо что-то...

Страшно было смотреть на Амфилоха Амфиараида, моего родича. Пусто было в его глазах, и чужими казались жуткие слова. Словно кто-то другой, незнакомый, лежал передо мною.

...А я вновь пророка-безумца вспомнил. Другими словами говорил он, да все о том же. Небо обрушится, и станет земля водой...

— Ты о Гекатомбе? — не выдержал я. — О том, что ОНИ решили всех нас, своих детей...

Страшен был его смех. Черен.

— Ерунда! ОНИ — недоумки! Жадные, трусливые недоумки, Тидид! Возомнили себя хозяевами, не зная, не догадываясь. Крон... ОН тоже пытался... Дурак!

Умолк Щербатый, глаза мертвые закрыл. И вновь почудилось мне, что над головой — холодный купол толоса, а передо мною — каменная лежанка...

— Эй, сюда! А ну, шевели ногами!

Хвала богам! Капанид! Привел воинство превеликое, перепуганное. Бороды набок, языки на плече, в руках — узелки с травами-зельями. А вот и отвар в чаше медной дымится...

Вздохнул я, головой покачал. Поможет ли? Бедного дядю Геракла тоже пытались травами отхаживать. А чего делать-то?

— Басилей Сфенел Капанид!

— Здесь!

— Оставаться тут! Лечить! Очнется — накормить. Поест — баб привести! И плясунов, и музыкантов. А не поможет — сам пляши, понял?

А на душе... Дий Подземный ведает, что на душе! Ужасно безумие, хуже чумы, хуже проказы!.. А если не безумие это? Если прав Щербатый? Если?..

Титаномахия... Крон... Желтое око над бездонным Котлом...

«Горе! Ибо пришли дни последние, и станут они первых хуже, ежели не покаетесь вы!..»

Одно хорошо — мне самому с ума уж точно не сойти. Во-первых, я и так Собака Дурная. А во-вторых, некогда. Это Амфилох-бедняга лежа на боку правит, лицом к югу сидит. Хоть и не мала Аласия, Кипр-Медный, но все же не так и велика. А Дамеду-ванаке, повелителю половины Востока, на боку лежать не с руки и на юг смотреть не с руки. Мечется Дамед-ванака челноком ткацким от Адании Киликийской до Ершалаима Филистимлянского. Хорошо хоть, часок отдохнуть можно — письма из дому почитать.

— Никого не пускать! Даже басилея Сфенела!

— Да, ванакт!

Ошибся геквет Амфилохов — не письмо мне прислали. Сундук целый привезли писем. А в сундуке том — таблички, свитки кожаные, папирусы...

Что там сверху?

«Богоравному ванакту Диомеду, сыну Тидея, от богоравной ванактисы Айгиалы, дочери Амфиарая...»

Ну, это успеется!

«Богоравному Диомеду, великому ванакту, повелителю Аргоса, от Стесихора, верховного жреца храма Дия Трехглазого, что на Лариссе...»

Тем более успеется! Небось опять станет серебра просить!

«От Промаха Партенопида, басилея Тиринфа...»

Ага!

«Ванакт!

В Арголиде порядок. Нужное делается. Успеем. Эвмел Адрастид плох».

Не любит он многословия, Дылда Длинная. Прямо спартанец какой-то! Зато если пишет, что порядок, то можно спать спокойно. Не зря я его, Дылду, в Аргосе наместником назначил.

...Эх, дядя Эвмел! Сколько бы лет жизни я отдал, чтобы тебя проклятая хворь отпустила! Да как тут поможешь?

«От Эматиона, лавагета Аргоса...»

Ого! Не шутит Эматион-лавагет, целых восемь табличек прислал! Ну, это успеется, вечером разберу. Где же?..

Вот!

«От Эвмела Адрастида...»

Дядя, дядя! Еще год назад сам писал, а теперь диктовать только может. Значки чужие, незнакомые...

«Ты молодец, мальчик! Но хвалу тебе петь не стану, у тебя там своих певунов хватает...»

Хватает, дядя, ох, хватает! Да только я их не слушаю, я же не Агамемнон какой-нибудь!

«...Ты просил написать, где стоит остановить войска. Я не вояка, Тидид (какой из калеки вояка?), да только кажется мне, что на Кеми идти рано. Да и надо ли? Помнишь, ты прислал мне рисунок медного Номоса из Хаттусы? Думаю, мастер не ошибся, ошибались мы с тобой. Не спеши, мальчик! Ведь мы до сих пор не знаем, куда пропал Агамемнон со всем войском, тут все думают, что он вместе с тобою, на Востоке...»

Дий Подземный!

Отложил табличку, вздохнул.

Ну и чушь выходит! Сгинул носатый, да не сам — со всеми прочими вместе. И Менелай исчез, нет его в Пергаме Мисийском. Пропало Великое Войско, словно в Гадес, в Бездну Вихрей, провалилось. Обшарили мои лазутчики (тихо, чтобы Паники-дочку не будить) всю Азию, на острова, что море Лиловое усеяли, заглянули, по Фракии Чубатой пробежались... Нет Агамемнона!

Вначале думал — испугался носатый. Махнул рукой на Царство Великое, на Диомеда Собаку рукой махнул, с Приамом мир заключил.

...Нырнули мои лазутчики в Скейские ворота, в Приамов дворец проползли. Ничего не знают в Крепкостенной Трое! Не знают, не ведают...

Значит?

«...У нас же все спокойно, словно и вправду Золотой Век на дворе. Да только не нравится мне этот покой, мальчик! Недавно по всей Ахайе стали возводить жертвенники Крону. У нас, в Аргосе, ЕМУ построили храм прямо возле главных ворот Лариссы. И никто не объяснит, почему. Болтают, конечно, всякое, даже говорят, что Семья помиловала Старых, и теперь Крон вместе с

братьями уже не в Тартаре, а на Островах Блаженных. Не знаю, так ли это, но плохо, когда мертвецы возвращаются...»

...Желтый немигающий глаз над безвидной бездной, над бездонным черным Котлом. Зачем ты вернулся, Крон-мертвец?

«...И еще раз повторю, мальчик. Мы все родичи, мы все — твои друзья. Но друзья бывают у Диомеда Тидида, а не у ванакта Аргоса и не у завоевателя Азии. Никогда не отпускай от себя Эвриала! Никогда!»

Я отложил табличку, понял, что ее придется перечитать еще раз (а то и три), осторожно прикрыл крышку сундука.

Помню, дядя! Поэтому, когда я шел на Хаттусу, со мною был Смуглый, а не Капанид. Поэтому он и сейчас рядом, здесь, в Аласии, поэтому я никогда не дам ему войско, даже самое маленькое.

А я беру с собой не друга, ванакт ты недовенчанный! Я беру с собой Эвриала, трезенского басилея. Понял?

Ничего-то ты не понял, Капанид, побратим мой репконосый! И не понимай пока...

Я покосился на сундук, понял, что все восемь Эматионовых табличек надо прочесть не вечером, а сейчас, потому что лавагет пишет о войске, а это теперь — самое главное, война не ждет.

Что такое? Я же велел никого не...

Ясно!

Пока Дамед-ванака изволил глаза портить, значки финикийские разбирать, его гетайры в очередной раз расстарались. То-то Мантос раньше меня в город убежал, ванакта своего Капанидовой страже доверил!

...Высокая, смуглая, полногрудая, в легком, дунь — улетит, покрывале, на широких бедрах — золотой поясок, в темных глазах — ужас. Красивая? Пожалуй...

Да только не по себе красивой. Точно попала она в клетку со львом. Сидит в той клетке страшный ванака Дамед, зубы оскалил...

Шагнула ближе, попыталась улыбнуться.

Удивляется Мантос, старшой гетайр, обижается даже. Каких только красавиц Диомеду-родичу не приводят, ни одна не задерживается. Словно съедает их страшный Дамед-ванака, глотает с хрустом...

Руку к плечу поднесла, где покрывало заколкой серебряной скреплено. И — ни слова. Все объяснил этой смуглой Мантос: при ванакте — молчать, терпеть, шуток не шутить, не петь, не плясать...

Поглядел я вновь на сундук, потом на смуглую, вздохнул. И ведь не прогонишь, обидятся родичи чернобородые!

Поманил пальцем...

Да, страшно красивой! Хоть и натерлась благовониями, а все равно острым потом дышит. Ни с чем не спутать этот запах — запах страха. А ведь не ко льву попала — к чурбану бесчувственному. На одно лицо для Дамеда-чурбана все женщины, как бы ни старался дружище Мантос, кого бы ни приводил.

Ты ушла от меня, Светлая! Навсегда! И ничего уже не сделать...

Кивнул я на сундук. Поняла смуглая, заторопилась, дрожащими пальцами застежку-фибулу расстегнула, наклонилась, локтями о сундук оперлась. Замерла.

Содрал я с плеч хитон, грудь ее смуглую в горсти сжал, сосок холодный пальцами сдавил.

Дернулась, смолчала.

...Навалился.

Задвигалась — покорно, привычно. Закрыла глаза, губу закусила. Знает: не хочу ее слышать. Не любит Дамед-ванака женского голоса — не застонешь, не закричишь ни от боли, ни от страсти. Молчание он любит, чурбан бесчувственный, покорность любит, страх, острый запах холодного пота.

Собака я! И любовь у меня собачья!

— Плохо ему, Тидид! В себя пришел, но не говорит почти, даже глаз не открывает, только воду пьет. Один колдун, лысый такой, страшный, хотел сплясать, чтобы, значит, даймона из Щербатого выгнать, так я этого чудилу шуганул вместе с его бубном. Сейчас там Эвриал, а вечером я подбегу. Вот бедняга Амфилох! Да, он еще сказал, что, мол, когда «телепина» гонять станем, его бы хоть с ложем вместе тащили, поглядеть хочет. Так что оклемается, думаю, раз про «телепина» вспомнил. А я к этим побегу, в шкурах которые... Да помню, помню, Тидид, обещать ничего не буду и рассказывать не буду, песни буду петь. Если бы еще не пиво это поганое! Ну почему в этой Азии так пиво любят?

* * *

Нет дома у Дамеда-ванаки. Азия, земля Светлых Асов, его дом. Ночует Дамед-ванака где придется, куда Собачья Звезда приведет, благо плащ-хлена всегда с собой: завернулся, упал рядом с друзьями-гетайрами — и к Морфею в плен. Дворец, крепостная стена, чистое поле, горный склон — какая разница?

Дома нет. А вот Палата Свитков есть.

И этому научил меня дед, Адраст Злосчастный. Ванакт, настоящий, а не тот, который в сказках, он вроде паука. А паутина хоть и затейлива, хоть и беспорядочной кажется, а все равно в одной точке увязана. Мала эта точка, но без нее все рассыпется, распадется серебристыми прядями...

Когда мы с Эвриалом на Кипре-Медном высадились, хотел Амфилох мне целый дворец подарить. Да только к чему мне дворец? Одной башни достаточно, только бы башня эта неприступной была да подальше от глаз чужих, ненужных стояла. Нашлась такая. Громоздится башня на горе, что над Аласией-столицей нависла. А в той башне — Палата Свитков.

Паучье гнездо.

— Докладывай!

— Да, ванакт! — Щелкнул сандалиями Курос, дамат верховный, плечи узкие распрямил, глазенками нахальными сверкнул...

Сколько раз я этой губастой хотел уши надрать! Вроде бы все по наряду воинскому, не подкопаешься. А все равно уши драть надо! Глумится над владыкой своим Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Каблуками щелкает, дурака валяет...

Ох и норовистая девчонка мой верховный дамат! Первое время подкатывались к ней рукастые гетайры («Э-э, брат Курос! Говорят, мальчик ты, брат Курос? А мы мальчиков любим, брат Курос!»). Да только как подкатывались — так и откатывались. Крепко по рукам лупил губастый гетайр! А как Курос-толмач из гетайров верховным даматом стал, так все языки и прикусили. Потому как нахмурится Курос-дамат, слугам своим, головорезам, мигнет...

Пора, пора уши драть! Хоть и жалко. Хорошо служит девчонка, без нее осиротеет паучье гнездо, пустой станет Палата Свитков. Письма-таблички — ее забота, и гонцы тайные — ее забота, и много чего еще тоже на ее плечах худых.

А вот без толмача я уже и обойтись могу. Кое-что из наречий чужих за эти годы запомнилось, а кое-что само собой пони-

мается — рыбками под тонким льдом. Вначале удивлялся, потом привык...

— Когда тебе настроение испортить, ванакт? Сразу — или потом?

Ах ты!

— В городе Халеб освятили храм Дамеда-бога. Я приказал назвать его храмом Удачи Дамеда-ванаки...

Да-а-а...

И ничего сделать нельзя. Строят храмы Дамеду-богу, Дамеду-давусу, курят ладан на алтарях, режут безвинных баранов. Только и осталось — имена менять. Не Дамеду-богу, а Победам Дамеда, Милости Дамеда, Мощи Дамеда. Или Удачи.

Знал, с чего начинать, нахал Курос!

Усмехнулась мне Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Видать, довольна осталась. Попортила кровь Дамеду-ванаке!

Приходила мне порою мыслишка: нагнуть моего верховного дамата прямо над бронзовым столом, который я из Хаттусы вместе с Номосом медным вывез. Нагнуть, закинуть хитон на голову... Один раз попытался. Рассмеялся Курос-нахал: «Ванакт Диомед полюбил мальчиков? Как басилей Сфенел?»

Плюнул я, заставил наглого дамата двадцать раз отжаться, чтобы гадости про Капанида не повторял. (Не мальчиков, а одного мальчика. И не полюбил — подружился!) Тем все и кончилось.

— Ливия, ванакт. Басилей Шабак согласен начать войну с Кеми...

Ага!

— Наши лазутчики сообщают, что Шабак хочет сам стать ванактом Кеми. Он пишет, что не прочь с тобою встретиться, но сам приехать не сможет, в гости зовет. Думаю, верить ему нельзя. Пять лет назад он убил собственного брата, чтобы занять престол...

Кивнул я, соглашаясь. Верить нельзя никому (тем более какой-то Шабаке!), а вот попробовать надо. Удалось же когда-то гиксосам! Если ливийцы ударят вовремя, когда мои войска подойдут к Газе...

— Хеттийцы?

— Все там же, ванакт. Две недели назад Суппилулиумас разбил басилея Лидии.

— Ясно...

То есть не совсем ясно, конечно. Суппилулиумас Тиллусий

с остатками войска все там же, в горной Ассуве. Когда взметнулось рыжее пламя над Хаттусой, когда девкалионовым потопом обрушились на Царство Хеттийское его враги, когда фракийцы, шардана, туски, каска, урартийцы разнесли в клочья хеттийские войска на юге и востоке, когда в битве с каска погиб наследник Великого Солнца, никто не думал, не верил, что Суппилулиумас устоит.

Устоял ванакт хеттийский! Сберег свое войско, своих Сыновей Солнца, спрятал среди гор Ассувы. И теперь шаг за шагом отвоевывает потерянное царство. И ничего не сделать, не помешать. Мои войска далеко, на юге, а Агамемнон...

— Лазутчики вернулись от каска. Там ничего не слыхали про войско Агамемнона. В море Мрака его корабли не заходили.

— Ясно.

Ясно, что Агамемнон пропал. Сгинул носатый со всем воинством своим превеликим! Рухнул наш план, не править Атриду в Азии, не быть Великому Царству Пелопидов. Кипр я удержу, и Сирию удержу, и Финикию, но хеттийцы отпали, и Суппилулиумас скоро вновь вернется в разоренную Хаттусу.

Не иначе заманили хеттийцы Атрида в ловушку, куда-нибудь в горное ущелье, закидали камнями, забросали стрелами, а потом темной ночью сожгли беззащитные корабли...

Тихо погиб Агамемнон, незадачливый сын Атрея Великого. Найдут через век желтые кости и позеленевшие доспехи.

Хайре, носатый! Хайре, белокурый! Глупо все вышло...

— Вожди фракийцев и шардана вчера приплыли в Аласию. Будут требовать похода на Кеми.

— Ясно!

А вот это действительно ясно. Ненасытны мои союзнички! Мало им Киликии, мало земли Мукиш, Саянны, Ямхада, Финикии. Саранчой идут по Азии, строят глинобитные крепости, занимают города, устраиваются, как дома. Но мало, мало! И вот уже покрылось море кораблями-камаррами[1], и бородатые вожди, даже не переварив проглоченного, косятся на Кеми, на Черную Землю. Потому и поспешили сюда, в Аласию, — меня звать-уговаривать (их-то Капанид сейчас песнями и тешит). Веди, мол, нас, Дамед-ванака, Дамед-бог, на Кеми веди, хотим зачерпнуть шлемом желтую воду реки Итеру — великого Нила...

А ведь заманчиво! На двух столпах стояла Азия: Царство

[1] Камарра — низкобортный гребной корабль для прибрежного плавания.

Хеттийское и Кеми, Черная Земля. Подрубил Дамед-ванака хеттийский столп, почему бы не занести секиру над Кеми?

...Если бы не медный Номос! Вот он, трофей из Хаттусы, посреди стола. Неспроста он тут, не зря. Медный Номос, маленькая медная Азия, где есть все, нет только...

И дядя предупреждает. И у самого — рак морской на сердце.

— Было еще полсотни писем, ванакт, о всякой ерунде. Жрецы пишут, городские старшины, торговцы. Я сам ответил, но еще не отсылал. Показать?

Улыбнулся наглец Курос, прямо в лицо мне, владыке своему, усмехнулся. Знает дамат верховный, наглая девчонка Цулияс, дочь Шаррума, что нет времени у Дамеда-ванаки все горы табличек ворошить. Так и управляется царство — вроде бы само собой.

...Само собой, как же! Однако верно решает Курос-дамат, правильные письма во все концы земли посылает. И мзды не берет, чуть что — кулачишкой в нос. Проверено!

— И еще, ванакт. Исин-Мардук, представитель Дома Мурашу...

— Малоизвестный Исин-Мардук велел осведомиться: не соблаговолит ли досточтимый ванакт Диомед Тидид посетить малоизвестного в его уединении? — хмыкнул я.

— В его печальном уединении, — без улыбки поправил меня Курос.

От таких приглашений не отказываются. Всемогущему Дамеду-ванаке, повелителю половины Азии, опасно сердить маленького колченогого старикашку, красящего завитую бороду сирийской хной и не любящего мяса.

— Разговор пойдет, вероятно, о торговых правах Дома Мурашу в Сирии и Финикии. Недавно у Исин-Мардука гостил один купец из Библа, наш лазутчик подслушал кое-что интересное... Вот свиток, ванакт.

А молодец-таки Курос! Вначале кое-кто хмыкал, плечами пожимал. Девчонка-толмач еще ладно, но чтобы верховным даматом? Теперь уже не хмыкают — сообразили. Одно непонятно, зачем это ей? Ведь не рабыня уже, не пленница. Предложил я как-то своему дамату верховному корабль добром нагрузить да домой отправиться. Сжал губы Курос — отказался. Сжег ты, сказал, Диомед-ванакт, мой город, и дом мой сжег, некуда мне возвращаться. А раз ты мой дом сжег, в твоем, ванакт, поживу.

И что тут ответишь, когда у самого рыжий огонь перед глазами? Посочувствуешь? Не поверит девчонка, умна! Три года

назад, когда заревело пламя над Логовищем Львиц, у самого сердце ныло. Теперь — не ноет.

Привык!

Привык — и понял: нельзя иначе. Нельзя! Не ошибся я тогда, угадал. Не милостью, не добром рождается держава. Несет ветром черный пепел Хаттусы, над всей Азией несет, над всей землей. Поздно жалеть, да и ни к чему. Страшно строится Царство Великое — на руинах, на трупах. Мое царство!

МОЕ!

«А ты, Дамед, владыка жестокий, до неба вознесшийся!..»

Кстати!

— Верховный дамат Курос! В земле Ездралеон есть камень под названием Гилгал. Узнать все о нем — и доложить...

— Я слыхал об этом камне, ванакт. Он находится неподалеку от города Бетиля. Гилгал, собственно, не камень, а жертвенник одного пастушеского племени. Эти пастухи считают, что Гилгал построен на месте, на которое когда-то ступил их бог. Они зовут своего бога Ахве-Единый...

Ну, молодец, губастая! Молодец, хозяйка паучьего гнезда!

«...до ада низвергнешься!»

АНТИСТРОФА-I

Вторая линия готова, я, как обычно, в центре... Первая... Эх, жаль, Амфилох плох! Плох, плох Амфилох, Капанида на его место, он ведь у нас таран. Смуглого в «крепость» — и пусть не морщится басилей-винолей, бегает он так себе, зато прыгать горазд... А народу-то сколько, считай, вся Аласия собралась! И то, не каждый день Аргос Неприступный против Куретии Заречной бой ведет! А кто у моих родичей в первой линии? Фремонид? Ой-ей-ей, он не таран, он два тарана, даром что с одним глазом!

Готовы? Готовы! Ну!!!

...Телепин, сын Тару-Грома, из героев был герой. Побеждал врагов без счету — и опять стремился в бой. Как-то с Цигу-великаном меч скрестил отважный дух. Завязался бой кровавый на границе царствий двух. Дрались долго исполины, говорят, что целый век. Победил герой злодея — вражью голову отсек...

— Телепин! Те-ле-пин! Те-ле-пин!!! Аргос! Арго-о-ос! Кур-р-р-р-р-р!

Ах ты, Мантос-злодей! Ванакта, богоравного родича, — и по ногам! Ну, я тебя! Где «голова»? «Голова»! Вечно я на ноги смотрю, а надо на... Ой, Фремонид! Да как же вы, парни, проморга-

ли? Он же... Он же!.. Фу ты, ну молодец Смуглый! Взял! Один на один — взял! Взял!!!

...А вот и те самые, в шкурах, как сказал Капанид. Ну, шкур, положим, и нет, а вот все остальное... Фракийцы чубатые, усачи-шардана, туски ушастые. И дарданы пожаловали! Скучно им, видать, под Троей, жребий кинули, кому выпал — те сюда пришли, чуть ли не с братом самого Энея во главе...

Вот так, парни! Я тоже по ногам лупить умею! Вперед, Капанид, вперед, недовенчанный! Жми!!!

...Голова упала точно, где граничный камень спал. Поглядели хлебоеды, страх на них тотчас напал. Больно жуток Цигу мертвый, голова — что твой котел. «Пусть соседям достается!» — каждый речи тут повел. Быстро войска набежали — ну башку к соседям гнать. А соседи не сдаются — и башку скорее вспять...

— Аргос! Арго-о-о-ос! Те-ле-пин! Сфене-е-е-ел! Ка-пани-и-и-ид!!! А-а-а-а-ах!!!

Точно, что «а-а-ах!». Срезали беднягу, все Мантос-злодей, хорошо, что хоть Фоаса нет, под Аскалоном Фоас, тот вообще — дракон кадмейский... Не-а, не пущу! И «голову» не отдам! И я влево... И я вправо! Раз! Ай! Вот больно-то! Капанид, держи! Жми-и!

...А подступят эти самые, в шкурах, про Кеми — молчать. Аскалон! Пусть туда идут! Молчать, но намекнуть. Аскалон, он рядом с Газой, а это уже Кеми... Ливия... А ведь придется сплавать к этому Шабаку. Ну и имечко какое! Шабак!

А шардана обещали свое «войско» выставить. Им «телепин» тоже по душе. Ну чего, и шардана раскатаем!

Ну что же ты, Капани-и-ид! Вперед!!!

...А поскольку страшно люду, бьет их дрожь, вот-вот помрут, то руками не хватают, только ноги в ход идут. Вот одни бегут к воротам, чтоб соседям дар вернуть. Закатили им подарок — и бегом в обратный путь. Только те башку достали, снова катят страшный дар... Телепин стонал от смеха, гоготал и хохотал...

— Кур-р-р-р-р-р-р! Фремонид, да-а-а-а-ва-а-а-ай! А-а-а-а-й-й-й-й-й!.. Аргос! Аргос! Те-ле-пин!

То-то! Скисли, куреты? Всего-то вас и хватает на пару штурмов. Теперь «голову» возле границы поводим, подождем, пока братцы-аргивяне сбегутся... А вот и не отдам! Моя «голова»! Моя! Страшненькая такая, кожаная, с глазками, с зубками... Пора!

...Ничего бедняга Амфилох не помнит! А жалко, мне бы про эту самую Титаномахию побольше узнать. Эх ты, шурин мой Вещий! Ничего, мы тебя вылечим, мы тебе баб приведем. А ведь

интересно получилось! Никто из нас жен сюда так и не привез. Я-то ладно... А где Капанидов друг сладкий? Да вот он, подпрыгивает, глазки богоравному строит! Хоть бы постеснялся!

...Но кое-что Амфилох все-таки рассказал. Неужели правда? Соглядатаи у Щербатого хороши, каждый жрец на него старается, каждый знахарь сельский. Неужели все эти годы хеттийцы...

Все! Вперед-е-е-е-ед! Арго-о-о-о-ос!

...Мы прапрадедов смелее, что нам Цигу-дуролом? Собираем быстро войско — и в атаку, напролом. Гоним «голову» без страха, бьем ногами от души. Ну, держитесь вы, соседи! Налетай! Лупи! Круши! Не прорваться им к воротам, не увидеть наших спин. Наше войско всех сильнее! Ну-ка громче: «Те-ле-пин!!!»

— «Голова»! Аргос! Аргоо-о-о-о-ос! «Голова» в «крепости»! В ворота-а-ах! Сфене-е-е-ел! «Го-о-оло-о-о-о-ова-а-а-а»! «Го-о-о-о-о-о-о-ол!..»

То-то! Знай Аргос! Арго-о-о-о-ос!

...А если Амфилох прав и среди нас — хеттийский лазутчик, то плохи же мои дела!

* * *

— Серебро, серебро! Зачем только боги его сотворили? Почему-то в последнее время от несчастного Исин-Мардука все хотят только это. Никто не придет, чтобы сказать: «Уважаемый! У меня родился сын! Я зову тебя на обряд дарования имени!» Или: «Дорогой брат мой! Хочешь, я подарю тебе новый плащ?!» Изредка, когда по ночам мучает бессонница, горемычному Исин-Мардуку кажется: мы живем не только в зыбком, но и в весьма корыстном мире...

В этот день горемычный Исин-Мардук, всесильный представитель всесильного Дома Мурашу, был в ударе. Не говорил — пел. Глазки свои, щелочки, прищурил, улыбочку на губах пухлых сотворил...

На коврике (на нем и сидим, какие кресла? какие ложа?) — две мисочки глиняные с вареной полбой. Одна для него, другая — для меня. И кувшин с пивом ячменным. Скромен Исин-Мардук, ничего-то ему от жизни не нужно. Даже мяса, даже рыбы! Разве что...

— Может быть, несчастный Исин-Мардук, если отдаст в заклад своих жен, своих детей и внуков, своих друзей (ой, как мало их у горемычного Исин-Мардука!), все-таки наскребет горстку серебра для всемогущего ванакта Диомеда. Но пусть

всемогущий ванакт Диомед не очень надеется, ведь у бедного Исин-Мардука мало серебра, мало друзей, но очень много врагов. И разве только у него? У всех нас, бескорыстных купцов из Баб-Или, которые возят товары исключительно себе в убыток и разоряются, ссужая серебро под ничтожную лихву, враги в каждом городе! Да-да, я о них, о проклятых купцах из Ассура, которые не имеют совести, зато имеют много нахальства и очень много злобы против беззащитного Исин-Мардука! Каждую ночь падает он на лицо свое и осыпает прахом старую седую голову, ибо нет Исин-Мардуку защиты, нет спасения!..

Крутят пальцы в золотых перстнях крашенную хной бороду, за колечки подергивают. Мало серебра у Дома Мурашу! Сколько ни гребут — все мало! И мое войско они, ничтожные-бескорыстные, уже третий год снабжают, и торгуют беспошлинно во всех моих землях — а все мало! Теперь им нужна кровь — кровь таких же бескорыстных из Ассура, давних соперников, давних врагов. Из Кипра-Медного ассурцев уже выжили, и из Киликии выжили...

— Ничтожный Исин-Мардук даже подумать не может, чтобы доблестные воины ванакта Диомеда, которому так нужно серебро (ох, кому оно только не нужно?) будут резать несчастных ассурцев, которые так не любят мой родной Баб-Или, великий город Ста Ворот. Но ведь на войне всякое бывает, и великий ванакт знает это лучше, чем горемычный Исин-Мардук. Когда Яффа и Гезер откроют непобедимому ванакту Диомеду ворота (я об этом не сказал? Неужели не сказал? Ох, старость, старость!), ванакт может (случайно! случайно!) на миг закрыть глаза, и эти страшные фракийцы, эти беспощадные живорезы-тускиразве удержатся, чтобы не погрузить свои мечи в ненасытное брюхо какого-нибудь очень-очень плохого ростовщика из проклятого Ассура? Добрый Исин-Мардук будет очень плакать, узнав об этом (да! да! да!), очень горевать, но на все воля богов, а разве человек может спорить с богами?

Ячменное пиво кажется соленым, словно в него с избытком плеснули крови. Иногда мне очень хочется схватить этого несчастного за ухоженную бороду, встряхнуть... голову оторвать. Нельзя! Невидима держава Мурашу, нет у нее границ — и невозможного для нее тоже нет. Какому ванакту не нужно серебро? Какая крепость устоит против мешка золота?

Честный обмен. Как говорят в Тире, баш на баш. Его баш — открытые ворота городов, к которым подступает мое войско, серебро, на которое я это войско содержу. Мой баш — царская

жизнь несчастных, бедных, горемычных торговцев из Баб-Или, безнаказанная, беспошлинная. И — кровь. Много крови!

Не лезет в горло пиво! Думал ли я три года назад, что стану поить кровью этого жирного паука?

Но разве я сам — не паук?

— Но глупому, ничего в державных делах не понимающему Исин-Мардуку почему-то кажется, что мудрый ванакт Диомед (да продлят боги его дни!) говорит не о самом главном. Городом больше, городом меньше в его державе, какая разница? Уверен, что могучий Диомед-воитель победит и на этот раз, но... Но славный своим разумом ванакт, конечно же, понимает, что державу строят не только мечом. Ну, например... У ванакта Диомеда много союзников, без них он мало чего смог бы достичь. Все эти фракийцы, шардана, туски... А теперь еще и дарданы, кажется? Что они будут делать, когда кончится война? Вэй, да разве они перестанут грабить, убивать, насиловать? Разве война с ними вообще когда-нибудь прекратится?

Хитрые глазки уже не прятались за черепашьими веками — в упор смотрели. Так, наверное, смотрела прабабушка моя, Горгона Медуза. Персею легче было, он мог в щит свой глядеть, глаза отводить...

— Однако мудрый ванакт Диомед знает и другое — все эти варвары жадны и глупы. А глупые, увы, часто сердят богов. Сейчас жадные глупцы хотят покорить одну очень большую страну. Мне кажется, что великий ванакт не очень жаждет воевать с этой страной...

Я затаил дыхание. Кеми! Черная Земля!

— Так пусть не спешит великий ванакт воевать! Пусть идут сами! Сами! Если они победят — хорошо. А если нет... Если нет, то у славного ванакта Диомеда будет на нескольких буйных союзников меньше! Великий ванакт, конечно, посыплет голову пеплом, узнав, что его друзья не вернулись из этого глупого похода, но что поделать? Воля богов, с нею не поспоришь!

Закрылись глаза Медузы, вновь за веки набухшие спрятались. Сидит передо мною жалкий несчастный старичок, смешной старичок с крашеной бородой...

А как орали все эти туски-шардана, как чубами трясли, как усы топорщили! Веди нас, мол, Дамед-ванака, на Кеми, веди, не то сами пойдем... И ведь пойдут!

Неужели мудрость так омерзительна?

— Глупый и невежливый Исин-Мардук, кажется, утомил своего могущественного гостя. О горе, горе бедному Исин-Мар-

дуку! Разве захочет великий, величайший ванакт Диомед, покоритель Азии, выслушать еще один глупый совет ничтожного вздорного купчишки? Очень глупый совет! Даже не совет, просто... Просто ничего не знающему Исин-Мардуку кажется, что ванакт Дамед слишком хорошо думает о людях. Увы, увы! Люди, к сожалению, даже хуже, чем мы оба можем себе вообразить. Разве понимают они доброту? Разве понимают они милосердие? Увы, люди понимают лишь железный посох, верят лишь в тяжесть ярма, которое лежит на их плечах. Города сдаются славному ванакту Дамеду, но что в душах этих людей? Верность? Любовь? Будь добрый и доверчивый Исин-Мардук моложе, он бы охотно поверил этому... Дошло до меня, что и Аскалон (не сразу! не сразу!) тоже захочет открыть ворота непобедимому войску ванакта Диомеда. Но мало ли что захотят эти неразумные аскалонцы? Ворота! Кому нужны их ворота?..

Не спешит старичок, в миске с полбой вареной ковыряется. Прилипает полба к бороде, к смешным колечкам-завиткам прилипает...

Интересно, а если бы Персей с Медузой сговорился, кто бы сейчас миром правил?

* * *

Дорогой Миносов...

Невидимой дорогой по винноцветной волне Зеленого моря. Вечной дорогой, которой нет конца.

Черный борт «Калидона», белый парус с золотым ликом Гелиоса над головой, теплые брызги от пенящих морскую плоть весел... Почему я боялся моря? Почему страшился ступить на дощатую твердь палубы?

Впрочем, не так. Моря боялся кто-то другой, мальчишка с Глубокой улицы, когда-то бежавший от страшной гидры. Кто-то другой, не я! Не я, нынешний, избороздивший это море, Великую Зелень, неровную податливую твердь, от критских утесов до финикийских гор, от зеленых склонов Киликии до ливийских песков. Нет дома у Дамеда-ванаки, у Дамеда-бога, наступившего подошвой истертой эмбаты на выю гордой Азии.

Нет?

Я вдохнул горячий терпкий воздух, смахнул со щеки каплю соленой морской крови...

Есть!

Вот он, мой дом, привычный борт верного «Калидона», вот

он, мой дом, — бескрайняя Великая Зелень! Здесь нечего бояться, здесь незачем спешить. Летит «Калидон», пенят весла послушную воду, а слева и справа — разно-цветные паруса критских пентеконтер, моих морских гетайров, не отстающих ни на шаг, ни на один взмах весла. Смеялся Идоменей Критянин, загорелый дочерна моряк, когда мы распивали с ним бурдюк самосского на рейде Феста. Смеялся, по плечу хлопал: «Что, уже не боишься моря, Диомед-курет?»

Не боюсь! Здесь нет измены, здесь все честно, и даже если рухнет под тобой неверная морская твердь, даже если ударит в лицо волна...

Не в спину — в лицо!

...Лазутчики бедняги Амфилоха не зря едят свой хлеб с пивом. Видел я таблички, убедился. Отрастил Суппилулиумас, ванакт хеттийский, глаза, все видит, обо всем знает!

Почему мне всегда казалось, что предают только чужие? Чужие точат бронзовые хеттийские кинжалы, чужие целят в печень аргивянского ванакта, чужие выдают его секреты врагу. Чужие — мерзкие человечишки в грязных хитонах с серебришком за поясом и золотыми перстнями на дрожащих от страха пальцах...

И не хочется думать, что предатели не они, предатели — лучшие друзья с веселой улыбкой на лице, надежные товарищи, крепко жмущие твою руку, искренние, верные...

Море честнее. Море не предает.

Лети, чернобокий «Калидон», раздувайся, белый парус с золотым ликом, пеньте, весла, морскую плоть! А впереди Ливия, пышущие жаром пески, но об этом не хочется вспоминать, хочется просто стоять у борта, вдыхать сквозь стиснутые зубы морскую соль...

Вечной дорогой, которой нет конца. Невидимой дорогой по винноцветной волне Зеленого моря.

Дорогой Миносов...

* * *

Иногда веришь людям с первого взгляда, с первого слова. Иногда присмотреться приходится (как к тому же малоизвестному Исин-Мардуку), подумать. А иногда сразу понимаешь — врет!

Все врет!

— О, благословенны будут боги, приведшие дорогого гостя под мой скромный кров! О, простелется морская вода драгоцен-

ным ковром, куда бы ни понес парус моего друга и брата ванакта Дамеда!..

Не понравился мне берег ливийский. И дворец, салом горелым пропахший, не понравился. И слуги, глаза прячущие, не понравились. А пуще всего не понравилась гора сальная — богоравный басилей ливийский Шабак бен Шабак.

— О, благословенна будь удача друга и брата моего, великого ванакта Дамеда, покорителя Азии...

Булькает гора сальная, пыхтит, чашу золотую к балкам потолочным черным тянет. Так тянет, так жилы на шее неохватной напрягает, что скорее помрешь, чем из его чаши выпьешь!

...А мы и не пьем. Еще на борту, как только показались на горизонте серые стены Бахарии Пустынной, нахмурился Мантос-старшой, покачал бородой черной. Не станем, сказал, Диомед-родич, вино ихнее пить, лучше уж крови их выпить! А пока свое вино возьмем, в свои чаши наливать станем...

А я и не спорил. А уж потом, как только Шабака-басилея узрел, как только он губами мокрыми моей щеки коснулся...

Бр-р-р-р!

— О, пошлют нам великие боги победу над супостатом нашим, Великим Домом Кеми Мернептахом Мериамоном, Владыкой Двух Царств, Носителем Двух Венцов! Да не будет ему ни жизни, ни здоровья, ни силы![1]

Врет! Все врет гора сальная — и когда в дружбе клянется, и когда ванакта Кеми проклинает.

Врет!

А вокруг, за столом, среди плошек, салом чадящих, все такие же толстые, глаза прячущие... И девчонка — тоже толстенькая, щекастенькая, в переднике золотом, в браслетах, в диадеме с каменьями. Я бы и не приметил ее, богоравную царевну Уастис, сальной горы дочь единственную, — не до того! Но — вот притча! — все эти бурдюки, жиром залитые, на меня не смотрят (и Шабак-басилей не смотрит!), а девчонка взгляд не отводит. И такое что-то странное в ее глазах. Вроде бы ей меня... жалко?

— Да укрепят боги мышцу нашу, и вложат силу в десницу нашу, и даруют резвость коням нашим!..

Понял я уже — зря приехал. Все обещает мне Шабак-басилей, гора сальная, через каждое второе слово в верности-дружбе клянется...

---

[1] К имени царя Египта (Великого Дома, фараона) требовалось обязательно добавлять «жизнь, здоровье и сила».

Врет!

Покосился я на куретов — им тоже не по себе, чернобородым. Возле кресла моего фалангой сомкнулись, сгрудились. Вот-вот мечи выхватят... А горе сальной — хоть бы хны! А как у столов танцовщицы в бусах и браслетах забегали-задергались (тоже, поди, салом намазанные!), захрюкала от удовольствия гора, подмигивать мне стала, мол, выбирай, гость дорогой, богоравный, ту, на которой сала побольше!

Хмурятся гетайры, на девок сальных даже не смотрят, я на всякий случай расстояние глазами меряю до ближайшей двери (прорубимся, ежели что, не впервой), богоравные да почтенные мужи ливийские гогочут, танцовщиц прямо на столы опрокидывают...

— Дамеда-бог! Дамеда бог великий!

— Ванакт! Тс-с-с-с!

Редко когда от моего Мантоса «тс-с-с-с!» услышишь. Но это еще ладно, а кто меня «Дамедой» обозвал?

— Дамеда-бог! Дамеда-Осирис! Сет! Сет! Сет!

Поворачиваться не стал (ведь «тс-с-с-с!»), просто глаза скосил. Стоит между гетайров богоравная царевна Уастис, богоравной сальной горы дочь.

Понял Мантос-курет, что нечисто дело. Понял — пропустил девчонку. Да вот только...

— Дамеда-Осирис! Сет! Иалу! Иалу! Сет!

Стоит, шепчет, смотрит... Ой и смотрит же, толстушка! Будто я уже на погребальном ложе.

— Сет! Дамеда-Осирис!

И нет ее! А богоравный Шабак бен Шабак уже новую чашу к потолку закопченному тянет.

Ну вот, теперь уже и Осирисом обругали!

Не уехали все же — до утра остались. Обещала гора сальная назавтра всех вождей собрать — о походе на Кеми потолковать. После пира — какой разговор? Вот проблюются богоравные...

Низкий потолок, на стенах чудища звероголовые зубы скалят, у окошка маленького ложе под покрывалом цветастым, тоже низкое, резное, не иначе мастера из Кеми расстарались. Дерево позолотой сверкает, по углам — девушки крылатые и на подголовнике кости белой — такие же девы-осы. Поглядишь и не сообразишь сразу — то ли для ночного сна ложе такое, то ли для вечного.

Бросил я плащ-хлену прямо на пол каменный.

Задумался.

Ежели не врет басилей Шабак (врет! врет! врет!), здорово получиться может, не хуже, чем у гиксосов. Ливийцы пустыню как пазуху своей жены знают, а у Мернептаха, ванакта Кеми, войска на севере собраны. Пройдут ливийские стрелки пустыней прямо к берегам Итеру-Нила, наведут шороху возле Фив и Мемфиса, а тут и я пожалую — от Газы и Аскалона.

Но почему Осирис? И Сет почему? Осирис, он вроде бы в Кеми первый бог...

— Тс-с-с-с-с-с!

Мог бы и не прикладывать палец к губам Мантос-курет. Сам заметил: и как дрогнуло пламя в светильниках чадящих, и как неслышно провернулась плита в стене — как раз та, на которой самое страшное чудище нарисовано.

...Рассказывали, будто в Микенах, в Пелопсовых палатах, тоже есть такое. Вроде бы стенка, а за стенкой...

А за стенкой Уастис, богоравная царевна ливийская.

На куретов даже не взглянула, ко мне шагнула, склонила голову... на колени стала.

— Дамеда-бог великий! Дамеда-бог прекрасный! Дамеда-бог любимый! Дамеда-бог, беги!

Моргнул я только, подобное услыхав. Даже не сообразил девчонку с коленей поднять.

— Отец мой — Сет. Ты — Осирис великий. Отец мой Кеми посылать, Кеми сообщать. Кеми корабли посылать. Отец войско собирать! Сет! Сет!

Поглядела на меня толстушка, да так, что вспомнил я наконец, кто такие Сет с Осирисом[1], боги великого Кеми...

— Диомед-Осирис, беги! Меня, меня бери, бог Дамеда! Служить, любить!..

Хотел я ответить, хотел успокоить, но зашелестело что-то в углу, еле слышно, словно крылья Таната.

...Вместо ложа резного — яма черная. Сгинуло ложе, словно в Тартар провалилось!

А гетайры уже вещи собрали, уже и мечи в руках.

— Бери Уастис, Дамеда-бог великий. Уастис не жить, Уастис к богу Дамеду уходить!

...Не догадался я, свинья, собака неблагодарная, даже спасибо девчонке сказать. Схватили меня под локти чернобородые

---

[1] Осирис и Сет — в египетской мифологии — боги-братья. Сет из зависти убил Осириса. Поля Иалу — царство мертвых.

родичи, потащили... Так и осталась стоять на коленях Уастис, царевна ливийская. Только мне вслед успела посмотреть.

Жаль, не сумел отвернуться!..

До самого Крита гнались за нами красные корабли ванакта Мернептаха Мериамона. Чудом ушел «Калидон» — ладно строят кемийские корабельщики, из цельного кедра, так, чтобы киль сам скользил по волнам. Только возле Феста пуст стал горизонт, исчезли короткие мачты с желтыми парусами.

Не сгубил злой Сет Осириса! А ведь узнай я об измене часом позже...

Не сгубил. Да только мало радости на душе у Дамеда-бога. Опять измена! За каждым углом, в каждой чаше на пиру, в каждой усмешке дружеской.

А может, этим и платят за Великое Царство?

* * *

В эту ночь я словно чувствовал что-то. Слишком близко подступил шелест невидимой реки, такой привычный, такой неотвратимый.

Плещет, плещет... Все ближе и ближе, уже не плеск — грохот...

Не спалось. Не думалось. Выпадала из рук чаша с тягучим критским вином.

Плещет, плещет...

И словно толкнуло, словно повлекло, словно подхватило речной водой. Из тишины мегарона — под яркие весенние звезды, под острый блеск Медведиц, под знакомый огонь Собачьей Звезды. Успел еще удивиться, успел подумать, что...

...Река шумит совсем рядом, тихая, спокойная. Странно, я не могу ее увидеть. Только плеск — и легкий теплый ветерок.

Тихо-тихо.

Тихо...

Нет, не тихо уже! Грохочет морской прибой, молниями мечутся белые волны, захлестывают, топят меня-прежнего, человека по имени Диомед Тидид. И вот меня уже нет, ибо поднялись воды до души моей, и вот уже сгинула в темной бездне

душа. И нет души у того, кто не вынырнул — плечами раздвинул реку безумия!

Не я — ОН.

ОН — бог Дамед, бог сильный, бог могучий.

И я засмеялся...

Нет, не я!

И засмеялся Дамед-бог, и подивился страху СВОЕМУ прежнему, и поглядел в близкое небо, и длань СВОЮ протянул — к самой тверди, к самому блеску звезд. И обозрел ОН мир СВОЙ и вновь рассмеялся, ибо стало все понятно ЕМУ.

На восток поглядел ОН и землю Асов узрел, и весело ЕМУ стало, ибо под рукой ЕГО был тот край. И не было ЕМУ равного в Восточном Номосе, ведь ни люди, ни кумиры, золотые и каменные, не смогли заградить ЕМУ путь. И рассмеялся Дамед-бог смехом громким, и дрогнула земля Светлых Асов.

Поглядел на север Дамед-бог, туда, где утонула во тьме Европа, ЕГО прежний Номос, — и вновь рассмеялся, порадовавшись силе СВОЕЙ. И от того смеха стали кости водой у владык Олимпийских, ибо подобна скале была мышца Дамеда-бога, и ничто не могло укрыться от ЕГО копья. И вспомнил СВОЮ клятву Дамед-бог и новую клятву к прежней приложил, и страшен был ЕГО глас для богов Темного Эреба, и поняли ОНИ, что кончается время ИХ.

Тогда поглядел Дамед-бог на юг — снова загремел смех ЕГО, и понял ОН то, что недоступно было человеку Диомеду Тидиду. И подивился бог близорукости людской, и нахмурился, и сдвинул брови, ибо наконец-то увидел врага, равного СЕБЕ, врага могучего, ступающего мощно. И понял Дамед-бог, что страшной будет битва меж НИМИ, и возгорелся гневом великим, и протянул СВОЮ руку...

Как больно возвращаться! Как больно снова жить! Как больно снова стать человеком!..

Как больно...

— Мантос! Я все понял! Понял! Кеми — тоже Номос, понимаешь? Мы с дядей Эвмелом думали, что Черная Земля — часть Азии, часть Восточного Номоса, а потом мы нашли в Хаттусе медное изображение, где почему-то не было Кеми...

— Э-э, ванакт Диомед! Не говори, не волнуйся, воды выпей, злого молока выпей. Андремон-басилей корабль прислал, злое молоко для тебя прислал...

— Нет, это важно, очень важно! Номос Кеми неприступен,

ванакт Мернептах — не человек, ОН бог, ОН способен закрыть Номос, поэтому туда нельзя посылать войска, все погибнут, погибнут!..

— Какой ты непослушный, родич, понимаешь! Мы тут горюем, мы тут плачем: лежит брат наш Диомед, белый, страшный, мертвый почти. День лежит, три дня лежит. Ай, какая плохая земля! Сначала басилей Амфилох захворал, потом ты захворал. Кто будет править, а?

— А кто?..

— Не волнуйся, родич! Зачем волнуешься? Пошутил я, конечно. Амфилох-басилей здоровый стал, он и правит, и Сфенел-басилей правит, и Эвриал-басилей правит, и Фоас-басилей правит. Возле тебя сидели, о делах говорили. Все хорошо, родич, войска готовы, корабли готовы, Сфенел-басилей и Фоас-басилей уже под Аскалон войска повели. Всех разобьем, сказали. Аскалон возьмем, сказали. А потом ливийцев-предателей накажем, сказали. Да, ванакт, знаешь, что случилось? Ай, не поверишь! Девочка та, Уастис-царевна, тоже, бедная, с ума сошла. Убила себя, понимаешь, глупая! Огонь зажгла, в огонь бросилась. Сказала, что жертву Дамеду-богу приносит, понимаешь. Ай, бедная, ай, глупая!..

— Нет... Зачем?.. Когда?!

— Два дня назад, четыре дня... Точно скажу, ванакт. В ту самую ночь, когда тебе плохо стало, ванакт...

— Понял...

— И я понял — глупая очень. А отец ее — собака, и все ливийцы...

— Вот, значит, почему... Человеческая жертва! НАСТОЯЩАЯ жертва! НАСТОЯЩАЯ! Так ОНИ стали богами... ОНИ, эта Семейка людоедов! Ненавижу, ненавижу!..

— Ай, зачем сказал, опять ты, родич, совсем белый! Ай, глупый я курет, зачем рассказал, зачем тебе глупости всякие говорю! Эй, не умирай, родич, не умирай, слышишь? Не умирай!

Плещет, плещет...

Кто первый залил кровью ТВОЙ алтарь, мама?

Теперь я понял, все понял!

Помнишь, ты говорила, что не всякий ВАШ ребенок становится одним из ВАС? Как мой брат Эрихтоний, басилей афин-

ский. Одной ВАШЕЙ крови, ВАШЕГО проклятого ихора мало. Нужна наша кровь. Наша кровь — на ВАШИХ алтарях.

Дядя Эвмел рассказывал мне, что есть легенда, будто ВЫ — Посланцы Единого, забывшие ЕГО волю и захватившие наш Номос. Но ВЫ не всесильны, ВЫ — не хозяева. И чтобы править, ВАМ нужна кровь.

Как просто, мама!

Знаешь, все вокруг думают, что я умру. Мне не страшно, мама! Мне надо было умереть раньше, сдохнуть, словно дурная собака, пока я не стал Собакой Кровавой.

А вот ведь стал! Не по своей вине — но стал.

Мне повезло, мама! Мне очень повезло. Не хватило шага, не хватило самого «чуть-чуть», чтобы твой сын навсегда перестал быть человеком. Как хорошо, что я не знаю, какой это шаг, сколько этого «чуть-чуть»...

Я не Дамед-бог! Как хорошо, мама!

Почему ты молчишь? Ведь я умираю, правда? Ведь я так любил тебя, мама!..

Плещет, плещет...

Как больно...

Как больно возвращаться! Как больно снова жить! Как больно снова стать человеком!..

СТРОФА-II

Мы шли к Аскалону. Яффа, Ашход, Мегиддо. Мы шли дорогой войны.

...Желтый обелиск посреди серой пустыни. Желтый камень у дороги. Издалека виден — не обойти, не свернуть.

Желтый камень, серый песок.

Не на годы воздвигали обелиск — на века, на тысячелетия, навсегда. Выветрилась алая киноварь священного письма, но желтый камень стоит, и гордая надпись все еще молчаливо славит давнюю победу...

«Благой бог, равный Ра, сын Амона, воссевший на престол отца Своего, Его Величество Тутмос, Владыка Двух Венцов, Владыка Двух Царств, одаренный жизнью навеки, эту надпись повелел выбить в месте этом, дабы ведали все о великих победах Его. Амон создал Его могущественным и сильным, сильнее, чем все Его

предки бывали, сотворил подобным Монту-Воителю, богу в сверкающих доспехах. Его лик суров, словно лик Губительницы Сохмет, словно лик Сутеха Жестокого в час гнева его. Он — лев свирепый, за добычей в пустыне рыщущий. Разбил Его Величество врагов Своих под Мегиддо...»

Мегиддо... Ар-Магадд... Армагеддон...

«...и сокрушил лук Его страны окрестные, и наступила пята Его на землю эту. Ликует сердце Его, когда зрит Он врагов поверженных, десницей Его обезглавленных, с содранной кожей и выколотыми глазами. Ибо подобен гнев Его гневу Сета Убийцы, когда ступает Он по красному песку...»

Они не знали пощады, владыки Черной Земли, цари Кеми. И стал Армагеддон Последней Битвой для их врагов.

«...На 22-м году царствования Своего воссиял Его Величество царь-бог Тутмос, восстал на врагов, что возле города Мегиддо собрались, выступил из города Ихема с доблестью, силой, мощью и торжеством, чтобы повергнуть жалких противников власти Его. И собрал Он вокруг себя владетелей всех стран, что Кеми покорными были, их коней, их воинов, их колесницы. Разбил Он стан у Мегиддо, утром же 21-го числа Первого месяца Засухи повелел Он двинуть войска на жалких врагов...»

Ликуют молчаливые значки с уцелевшими крошками красной киновари. Ликуют! Ведь победителей при Армагеддоне не судят.

«...И отправился Он, Тутмос, царь-бог, на золотой колеснице, подобный богу Гору, сильный рукой, как Монт-Воитель, ибо отец Амон укрепил Его мышцу и защитил Его от врагов. И увидели жалкие враги, что Его Величество одолевает, и бежали стремглав в Мегиддо с лицами, полными страха. Бросили они своих лошадей и свои колесницы золотые и серебряные, и заперлись в городе, и завалили камнем ворота. Но Его Величество Тутмос, царь-бог, подошел к воротам Мегиддо...»

Спорят песчинки с желтым камнем. Завидуют. Засыпают подножие, скрывают затейливые значки. Но неколебимо стоит обелиск давней победы, давнего ужаса. Обелиск Армагеддону.

Желтый камень, серый песок.

Мы шли к Аскалону. Яффа, Ашход, Мегиддо... Мы шли дорогой Армагеддона.

Дорогой Последней Битвы.

— Радуйся, родина наша далекая!
Хей-я! Хей-я!
Радуйся, Аргос, богами хранимый!

Хей-я! Хей-я!
Днем о тебе вспоминается сладко!
Хей-я! Хей-я!
Ночью лишь ты нам, отечество, снишься!
Хей-я! Хей-я!

* * *

— Эвриал?

— Лазутчики вернулись, Тидид. Тут такое дело... Суфеты Аскалона против сдачи города, но многие в Совете за. Они еще думают, дураки!

— Фоас?

— Все в порядке, брат Диомед! Обложили город, мышь не пробежит, птица не пролетит...

— Сфенел?

— Все, как ты сказал, Тидид. Башню осадную строим, Амфилох мастеров прислал. Я приказал наверху бычью голову сделать, чтоб страшнее было...

— Башня «Бык», значит?

— Ага! Большой такой «Бык»! Ну и, понятное дело, шумим побольше. А подкопы ночью роем, тихо. Думаю, не догадаются. Дней за пять управимся, а потом ка-а-ак...

— Тидид! Ребята! Да зачем эти подкопы? За эти пять дней мы их так напугаем, что они сами ворота откроют!

— Басилей Эвриал Мекистид! А зачем нам их ворота?

— Говорят, ты плакал, Курос, верховный дамат?

Дернула худыми плечами Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Дернула, отвернулась.

— Таков обычай, ванакт. Когда царь умирает, все обязаны плакать. Считай, что это входит в мои обязанности.

— Спасибо.

Не ответила, даже не повернулась, не взглянула. Ох, с характером же девчонка!

— Есть такая легенда, ванакт Диомед. Некий злой человек после смерти был схвачен демонами-аху и брошен в Темный Предел, в царство Вурусему Безжалостной. Но взмолился этот человек, стал просить у Светлых Асов защиты. И сказали ему Асы: «Если сделал ты хоть одно доброе дело в жизни своей, заступимся за тебя». И вспомнил злой человек, что когда-то накормил нищего репой со своего поля. И обрадовались Светлые Асы, про-

тянули с Небес эту репу, а человек схватился за зеленую ботву и взлетел к самым Небесам...

— Ясно, — усмехнулся я.

— Когда-то ты, ванакт, не позволил одной беззащитной девушке стать подстилкой под твоими воинами. Эта девушка не забыла, и когда все думали, что ты уходишь, она хотела проводить тебя слезами... Не будем о пустом, ванакт Диомед! Ванакт Кеми Мернептах Мериамон шлет посольство...

Поглядел я на нее, губастую, поглядел, залюбовался. Откуда у этой девчонки такая выдержка, такой разум державный? Ей бы не даматом быть — царем! И не из худших. Жаль, страшненькая очень. Но ведь владыкам красота ни к чему...

— Послов двое, оба — приемные сыновья Мернептаха. Старший — Месу, воевода Птаха. Младший — Мемносе, воевода Ра[1].

— Вот как?

Забеспокоился Великий Дом, Владыка Двух Венцов. Еще бы! Обложили мои войска Аскалон, а там и до Газы рукой подать. А ведь Газа — это уже Кеми! Рассказывают, в прежние века владыки кемийские имели силу не пускать чужеземцев в свой Номос. Говорят, и сейчас это так.

...И не только говорят. Видел это Дамед-бог, видел Мернептаха-бога в силе ЕГО! Но кто знает? У гиксосов же получилось! И если снова проснется Дамед-бог, если вновь протянет СВОЮ руку...

— Как думаешь, Курос, стоит идти на Кеми?

И вновь дернулись худые плечи под льняным хитоном.

— Тебе решать, ванакт. Но Кеми — большая страна, чужая страна. Чтобы править Черной Землей, надо стать там своим...

«...богом», — мысленно добавил я.

— Но остановиться тоже трудно. Только новые победы укрепляют царство. Города Азии открывают тебе ворота, но кто знает, к чему лежит их сердце? Стоит уйти твоим войскам...

Знакомые слова! Будто я снова пью пиво с малоизвестным Исин-Мардуком. Ой, умна губастая!

— Победы — это не все, верховный дамат Курос. Я могу не идти на Кеми, могу остановиться в Аскалоне, но остановиться

---

[1] Армия Египта (Кеми) была разделена на три войска (корпуса): Ра, Амона и Птаха.

так, что Азия надолго забудет о непокорности. Ты понял меня, верховный дамат?

И снова ничего не ответила Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Но я знал — поняла. Все поняла!

Страх сильнее славы, сильнее милости. На пепле Хаттусы я начал строить Великое Царство. Пеплом Аскалона я воздвигну ему стропила. И смешается пепел с кровью, и застынет гранитом...

Горе тебе, Аскалон, город великий, ибо стоишь ты на дороге в Армагеддон!

* * *

...Только спустилась с небес розоперстая Эос, следом и Кера явилася с криком зловестным.

Я оказался прав: аскалонские ворота нам пока ни к чему. Зато самим аскалонцам они не без надобности. Видать, доспорили там, за стенами, доспорили — решили.

Решились...

— Эге, богоравные, никак у них зубы чешутся?

— По места-ам! К бою-ю-ю-ю!

— Тидид, а ты куда? Да мы сами! Ты же вроде как ванакт!

— Так чего, Капанид, мне теперь только «телепина» гонять?

— Арго-о-ос! Кур-р-р-р-р-р!

Бой, о богиня, воспой возле стен Аскалона-твердыни.
Страшный, немало исторгнувший душ достославных ахеян,
Что из-за моря пришли, совершив дел великих премного.
Начали бой аскалонцы, гордынею страшной ведомы,
Дети Астарты Великой, чей храм златостенный воздвигся
Стогнов среди городских. Лишь поднялася Эос над миром,
Керы послышался глас: то отверзлись врата городские,
Тяжкие, медью покрытые. К бою, сыны Аскалона!
Мерною поступью по полю движутся рати.
Вот броненосцы грядут в медно-звонких халебских доспехах.
Вот колесницы несутся, конями борзыми влекомы.
Страшные! Серп остролезвый колесные оси украсил.
Лучники всех впереди, и свистят медножальные стрелы.
Грозно идет Аскалон, но ахеи готовы к сраженью.
Исстари люб им Арей! Ополчились на битву герои.
Словно ко брегу гремучему быстрые волны морские
Идут, гряда за грядой, клубимые ветром-Зефиром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
С громом о берег дробятся ужасным, и выше утесов

Волны понурые плещут и брызжут соленую пену, —
Так непрестанно, толпа за толпою, ахейцев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:
Столько народа идущего в персях имеют ли голос?
Вои молчат, почитая начальников. Пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Их враг, словно овцы, богатого мужа в овчарне,
Стоя тмочисленно, млеком наполнив дойницы,
Все беспрестанно блеют, отвечая блеянию агнцев, —
Крик же такой аскалонцев гремел по их рати великой.
Их возбуждает Астарта, ахеев же — боги родные.
Молча на битву грядет воевода Тидид-бранолюбец,
На колеснице вздымаясь, с ним рядом Сфенел, Капанея,
Мужа великого, сын, сам же славы отцовской достойный.
Хмурится он, Диомед же, напротив, смеется:
Люб брауоносцу Арей — и сам он Арею подобен,
Богу ужасному, что ненавистен всем смертным,
Ниже бессмертным. Душа его к битве влекома.
Рати, одна на другую идущие, чуть соступились.
Разом сразилися кони, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных, выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
Вместе смешались победные крики и стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,
Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;
Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит, —
Так от сразившихся воинств и гром разлиялся, и ужас.
Грозно взглянув на врагов, воскипел Диомед благородный
Гневом великим: «Ужель не нужна им пощада?
Смерти-Таната они, что на крыльях летает железных,
Жаждут? Ну что ж, устремимся — и вспомним кипящую
храбрость!»
Рек — и с высот колесницы с оружием прянул на землю.
Страшно медь зазвучала вкруг персей царя Диомеда,
В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.
Глянули боги на землю, и слово родилось златое:
«Горе тебе, Аскалон! И мужам аскалонским всем — горе!»

— Ну мы им и дали, Тидид! Ох, дали! Прямо как под Фивами, да?

— Горек глоток из чужого колодца!
Хей-я! Хей-я!
Тленом разит запах хлеба чужого!

Хей-я! Хей-я!
Солнце чужое огнем обжигает!
Хей-я! Хей-я!
Небо чужое — могильные плиты!
Хей-я! Хей-я!

Горе тебе, Аскалон!

Велик ты, город славный, город посреди пустыни, город на двугорбом холме. Высоки твои стены, крепки башни, и муравьями кажутся люди, суетящиеся у их подножий.

Славен ты, Аскалон, город Астарты, город Асторет Неистовой, чей храм ярым золотом горит на самой вершине. Но не поможет тебе, Аскалон, твоя многолюбивая богиня, и башни не помогут, и стены не спасут. Прогрызут муравьи камень, и рухнет твердыня, и рыжее пламя взметнется к самому небу, к обители Светлых Асов. Мне не нужна твоя покорность, Аскалон, город Астарты, не нужно золото твоих храмов и невинность твоих дев. Ничего от тебя не нужно Диомеду Тидиду, Дамеду-ванаке — кроме гибели твоей. Погибни, Аскалон, во имя славы моей, во имя страха, во имя Великого Царства.

Горе тебе, Аскалон! Горе! Призрак Армагеддона встает над тобой.

* * *

Пять дней попросил Сфенел, басилей Аргоса, сын Капанея Исполина, на то, чтобы подготовить смерть города. Послы Великого Дома, Владыки Двух Венцов Мернептаха Мериамона, ванакта Кеми, прибыли на третий.

Чуяли, видать!

И когда красный корабль под желтым парусом ткнулся носом в скалистый берег, я уже знал, что услышу. Не смог погубить Мернептах своего врага в Ливии, не сумел остановить в сирийской пустыне, не напугал стенами Аскалона.

...А может, не только Дамед-бог увидел в ту ночь красно-белое мерцание над Номосом-Кеми? Может, и Мернептах, бог-хранитель Черной Земли, увидел ЕГО? Увидел — понял: ОН может войти в Номос-Кеми.

ОН МОЖЕТ!

Значит — мир? Значит, граница Великого Царства ляжет меж двумя Номосами? Собачья Звезда замрет над Аскалоном? Впрочем, к чему спешить? Весы еще колеблются, пряжа Мойр

еще прядется, и наши судьбы, и судьбы миров — на коленях у богов[1].

Не исчислено, не взвешено, не разделено.

Даматом церемоний я так и не обзавелся. Может быть, оттого, что так и не привык к этим самым церемониям. Да и к чему? Это для какого-нибудь басилеишки, владыки полутора деревень, важно чести не уронить, восседая на троне и щеки надувая. Ну и, разве что, еще для Агамемнона, конечно.

...Неужели в самом деле сгинул носатый? Жалко? Ну, не то чтобы жалко...

А Дамеду-ванаке, владыке жестокому, можно и на камешке посидеть, послам внимая. Особенно когда за спиной — не евнухи придворные, не вельможи толстопузые, а воинство превеликое в силе своей да еще осадная башня виду ужасного (расстарался Капанид, выстроил чудище!).

Убедительно!

А еще можно вождей-союзников усатых да чубатых пригласить — прямо с булавами да секирами. Еще убедительней будет! Добро пожаловать, гости дорогие, долгожданные!

Камешек быстро нашелся — как раз у подножия башни-«Быка». А усатые-чубатые сами прибежали — на послов кемийских поглазеть. Надо же знать им, кого рубить-резать предстоит!

Итак...

— Великий Дом, Владыка Двух Царств, Владыка Двух Венцов Государь-Бог Мернептах Мериамон, жизнь, здоровье и сила, шлет привет младшему брату своему Диомеду-ванакту и о его здоровье спрашивает...

Лихо переводит Курос-дамат, слово в слово успевает. Впрочем, пока можно не слушать, обычно все... Разве что насчет «младшего брата» интересно. Все-таки «брат»!

А вот поглядеть стоит. Есть на что!

— ...и здоровья тебе, Диомед-ванакт, всяческого желает...

Эфиоп — черный, как ночь безлунная (куда там Эвриалу!), губы темные навыворот, зубы мрамором проконесским белеют, плечи в ворота не пройдут. На груди — Гор-Сокол золотом сияет, на чреслах передник — тоже в золоте. Хорош сынок у Владыки Двух Венцов! Впрочем, оба хороши. Знал ванакт Черной Зем-

[1] Пословица, смысл которой: еще ничего не решено.

ли, кого послами направить. Смотри мол, Дамед-ванака, на моих лучших воевод, на сыновей моих. Смотри — думай!

Эфиоп — младший, потому и говорит первым. Мемносе это, воевода Ра. Молодой, меня не старше. Улыбается... Или просто зубы скалит? Ладно, ответим.

— Приветствую послов брата моего, Великого Дома, Владыки Двух Царств...

...Брата, гости дорогие, брата! А кто старший, кто младший, еще увидим!

Переводит Курос-дамат, языком прищелкивает, слова мудреные кемийские словно орешки раскалывает. А я на второго посла смотрю — главного. На Месу, воеводу Птаха. Этот не о здоровье — о деле говорить станет. Мрачен Месу, старший посол, ой, мрачен!..

— ...А тем, что здоровье брата моего, Великого Дома, Владыки Двух Царств, Государя-Бога Мернептаха Мериамона, жизнь, здоровье и сила, отменно, счастлив весьма...

Лет сорок этому Месу. Под кожей загорелой мышцы бронзой набухли, поперек рта — шрам рваный, и на плече шрам, и на шее. Тот еще волчина, видать! Ну, Гор-Сокол на груди — это понятно, по чину положено, а вот лицо... Мемносе — эфиоп, а этот кто? Сириец? Финикиец?

Ох и мрачен!

—...От себя же скажу тебе, Диомед-ванакт, что за честь почту с твоим воинством на бой выйти, ибо воины твои — воины храбрые, сам же ты — лев отважный. Проломил ты чресла царю хеттийскому, чего от века не бывало. Но не о войне будет речь наша — о мире!

Прошелестело вокруг, переглянулись чубатые да усатые, союзники мои кровожадные, недоуменно этак переглянулись. За тем ли сюда шли? Улыбнулся мне Мемносе-эфиоп, воевода Ра, поклонился. И я улыбнулся белозубому. Ишь, завернул, приятно даже!

...А слово-то сказано. «Мир»! Не «война»!..

Отошел назад Мемносе, место старшему уступая. Шагнул ко мне сириец-финикиец Месу.

— Ты... ты...

В первый раз сбился Курос-дамат, голосом дрогнул. То ли от того, что трудно рождались слова посольские, через рот рассеченный пробиваясь, то ли от иного чего.

— Ты, собака ахейская, вожак стаи шелудивых псов, радуйся! Ибо отец мой, Великий Дом, Владыка Двух Царств, Владыка

Двух Венцов Государь-Бог Мернептах Мериамон, жизнь, здоровье и сила, согласен даровать тебе, собаке, мир!..

Замер я, ушам не веря. Кто сошел с ума? Курос, я, посол-воевода? А вокруг уже не шелест — гул. Недобрый, зловещий...

— ...Но мир этот получишь ты, собака ахейская, когда приползешь на брюхе своем к подножию трона Владыки Двух Царств, и прах под ногами его облобызаешь, и принесешь дань тяжелую, и обязуешься служить ему, как пес служит своему хозяину. Ибо ты — блевотина грязная, ибо ты — мерзость под солнцем, а твои союзники — вши в шерсти собачьей...

Взглянул мне в глаза Месу, воевода Птаха. И Тартар был в его взгляде.

Взметнулись секиры, рванулись вперед фракийцы и шардана, сомкнулась стена гетайров, посла неразумного спасая, бросился вперед черный Мемносе, рот товарищу своему зажимая:

— Нет, нет! Отец хочет мира! Отец хочет мира!..

Поздно!

— На Кеми! На Кеми! На Кеми! Смерть послам-ублюдкам! Смерть Мернептаху-собаке! Смерть! На Кеми! Веди нас, Дамед! На Ке-е-еми-и-и!!!

— Теперь их не удержать, ванакт. Даже если ты откажешься, они пойдут на Кеми сами...

Спокойно лилась речь Куроса, верховного дамата. Только в глазах... Что-то странное было в глазах Цулияс, дочери Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Все годы прямо смотрела она, теперь же...

— Шардана, туски и фракийцы поклялись на крови отомстить за оскорбление. Дарданы тоже. Твои воины...

— За моих не волнуйся, Курос, верховный дамат! — не выдержал я. — Они знают, что такое приказ!

...Хоть и пришлось у Фоаса, братца моего куретского, копье из рук вырывать. Все рвался с Месу переведаться.

— А что ты скажешь, дамат верховный?

Не сразу ответила Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Дернула губами пухлыми, поглядела странно.

— Если бы меньше знала тебя, ванакт Диомед, то решила бы, что ты подкупил посла...

Что-о?

— ...Но это не так, хотя, может быть, тебе и стоило это сделать. Я говорила с Мемносе, воеводой Ра...

«Говорила»! Не иначе, надоело девчонке играть в Куроса-дамата. Или не о том сейчас ее мысли.

— Мемносе в ужасе. Великий Дом приказал договориться с тобой, ванакт, предложил самые выгодные условия. Кеми хочет мира!

— Но почему?.. — не выдержал я.

— Месу — изменник. Я узнавала — он приемный сын Рамзеса, отца Мернептаха, родом из народа хабирру, которые уже много веков живут в Кеми. Недавно он поссорился с Великим Домом. Кажется, речь шла о том, что кемийцы обижают его соплеменников, заставляют их строить каналы и лепить кирпичи. Месу не смог ничем им помочь...

— И решил отомстить Мернептаху, — понял я. — Спустить на него шелудивого пса Диомеда. Неплохо!

И ты, Великий Дом, Владыка Двух Царств, ведаешь, что такое измена! Измена — вечная супруга царей...

— Но почему ты сказал... сказала, что я должен был подкупить этого хабирру?

Дернула плечами, в сторону отвернулась, словно там, на красной шатровой ткани, ответ написан. Все годы прямо смотрела Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми, мой верный дамат Курос.

Не смотрит уже.

— Тебе не захочется слушать меня, ванакт Диомед. Тебе и так наговорили сегодня...

Не выдержал. Встал, за плечи девчонку взял. Повернул.

— Сядь!

Присела на скамейку резную, финикийскую, губы пухлые щелочками сжала.

— Говори!

Подняла взгляд, улыбнулась грустно.

— Тебе помогают боги, ванакт Диомед. Или демоны. Или ты сам — демон.

— Не о том, — вздохнул я, уже ничему не удивляясь. — Я должен был подкупить посла...

— Чтобы он нарушил приказ и разжег войну. Все просто, ванакт Диомед, сын Тидея! Твое войско послушно приказу, твои союзники — нет. Да они тебе уже не нужны, они опасны. А теперь, когда кровь ударила им в печень, все эти шардана и туски пойдут на Кеми — под стрелы Мернептаха. Великий Дом ока-

жет тебе великую услугу — избавит от беспокойных друзей. А ты возьмешь Аскалон, разрушишь его до основания, чтобы вся Азия содрогнулась, потом заключишь выгодный мир с Кеми... Вот оно, твое Великое Царство, правда?

— Правда, — кивнул я. — Это правда, Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. И это Великое Царство построили мы с тобою, верховный дамат!

Дрогнуло ее лицо — на миг единый, на малую капельку воды в клепсидре[1].

— За эти годы я хорошо узнала тебя, ванакт Диомед. Ты — не мудрый правитель, не тот, кто возводит царства. Ты — воин, ты — разрушитель. Но боги за тебя, тебе не приходится даже стараться! Знаешь, я уверена, что даже если ты сейчас все-таки начнешь войну с Кеми, то все равно победишь. Мернептах воюет на севере и на юге, за порогами Нила, момент очень удачный... Как тогда, когда ты сжег мою Хаттусу, ванакт!

Побелели ее темные глаза, блеснули светлым железом.

Не забыла. Не простила.

...Почему-то вспомнился хеттийский кинжал, тот, что нашли на трупе Эриния-аэда.

— Демоны хранят тебя, демоны защищают, демоны даруют удачу... Я не буду больше служить тебе, ванакт Диомед!

Вот как? Я протянул руку, сжал пальцы на ее подбородке, подождал, пока в темных глазах блеснут слезы.

— Будешь! Ты будешь служить мне, Курос, верховный дамат, пока я хочу этого! Пока я не построю Великое Царство! Мое Царство!

— Но зачем? Зачем?

Дернулась, отбросила мою руку, вскочила.

— Даже царю, даже ванакту, даже владыке мира нужен свой дом, свой сад, женщина, которую он обнимает ночью! Ведь он тоже человек! А где твой дом, Диомед, сын Тидея? Где твой сад? Где твоя женщина? У тебя нет ничего, кроме пепла и крови под ногами! Ничего — потому что тебе иного и не надо. Так зачем тебе царство? Скажи, зачем? Скажи, ты еще человек?

Крикнула — как ударила.

Не ответил я, хоть и прост был ответ.

...Дом — чужбина, сад — Поле Камней, женщина — в Темном Аиде... Хоть я еще и человек.

---

[1] Клепсидра — водяные часы.

Человек? Демон? Или просто тьма из Эреба, гнев Божий над Азией?

Кто я?

«...А ты, Дамед, владыка жестокий, до неба вознесшийся, — до ада низвергнешься, ежели не выслушаешь слово, что было мне от Ахве-Господа! Ибо мнишь ты себя сильным, но ты лишь песок под ногами Его, лишь пыль в устах Его, хрупок ты, как слюда, перед Его страшной яростью!.. А посему, Дамед, владыка жестокий, велю тебе идти в землю Ездралеон, к Гилгалу-камню...»

* * *

— Ну ладно, Тидид, как скажешь, подождем еще несколько деньков, погодим стены крушить. Но почему?

— Это приказ, богоравный Сфенел Капанид, басилей Аргоса!

— Еще и обзываешься...

— Доблестные фракийцы! Храбрые шардана! Мужественные туски! Великие воители-дарданы! Знаю я, как велик гнев ваш против Кеми, против Мернептаха-царя, чей грязноязыкий посол дерзнул оскорбить нас всех. Но война — искусство богов, победа — в их руках. А боги завистливы. Знайте же, что завистливые боги развязали грязный язык послу Великого Дома. Сильны боги Кеми, в их воле погубить каждого, кто без их дозволения попытается вступить в Черную Землю. А потому я, Диомед, сын Тидея, Дамед-ванака, ваш друг и союзник, прошу и требую: ждите! Час близок! Но пока — ждите!..

— Мне некогда, Фоас. Вернусь дня через три, поговорим.

— Э-э, брат Диомед! Тут такое дело, брат Диомед, такое дело интересное, понимаешь! Амфилох-басилей человечка прислал, да. Такого хитрого, да. Этот человечек гонца хеттийского в лицо знает, да. Гонец приедет, предателя, что нас врагу продает, искать станет, чтобы все тайны от него, негодяя, узнать. А мы тихо пойдем, а мы тихо поползем, все увидим, все приметим, предателя к тебе на веревке приташим...

Но мне уже все равно. Почти все равно. Дорога на Армагеддон осталась за спиной.

Земля Ездралеон, камень Гилгал...

Хорошо, когда незачем спешить! Хорошо, когда торопишься не ты, а дорога, и не тебе — дороге отмеривать долгие часы дневных переходов, указывать места привалов и ночевок. От колодца к колодцу, мимо пастушьих шатров, мимо лохматых овец, дремлющих под беспощадным солнцем, мимо злых худых коз, не щадящих последние травинки между пыльных камней...

Ездралеон — каменистая пустыня. Ездралеон — пастушье царство.

— Почти Этолия, ванакт! Гор, правда, нет, и леса нет, и рек нет, и ничего нет. А так очень похоже, понимаешь! А почему похоже? Овцы есть, молоко кислое есть, городов, чтоб они пропали, нет...

А по ночам — белые огромные звезды, молчаливые, близкие. Опустилось меднокованое небо вниз, в вершины холмов уперлось. Не упадет! Прочно стоит земля Ездралеон, древняя пастушья держава. Отражаются звезды в кремнистых скалах, рассыпая огонь дробными искрами. Тихий шепот ветра, тихий шепот дороги, тихий шепот звезд...

— Смотри, Мантос, а созвездия-то не такие, как у нас! И Медведица ниже, и Кефей не виден. А все равно — здорово!

В темных полотняных шатрах — молчаливые люди. Им не о чем говорить со случайным путником. Разве что налить ему воды, насыпать в миску вареной чечевицы, нацедить кислого молока. Бедны цари пустыни, владыки каменистой земли Ездралеон, но не страшна им чужая пята, ибо нечего делать гордым завоевателям здесь, в пастушьем царстве. Поэтому молчат гордые пастыри овец — неулыбчиво, спокойно. Только когда очень попросишь, только когда выпьешь холодного овечьего молока...

— За теми холмами Гилгал-камень, о чужеземец. На высоком холме стоит, не спутаешь. Поставил его там праотец наш Абрагам бар-Фарра, когда приехал сюда из земли Уц, из Ура Халдейского...

Ездралеон. Пастушье царство. Что делать Диомеду Дурной Собаке у камня Гилгал, воздвигнутого Абрагамом из земли Уц?

«...А посему, Дамед, владыка жестокий, велю тебе идти в землю Ездралеон...»

Зачем я Ему?

* * *

Жертву приносят кремневым ножом. Не бронзовым, не медным. И резать горло нужно ровно, не наискось, и кровь должна литься на камень, а не на землю.

Опустила голову худая овца, молчит, бедная.

Чует...

Почему-то думалось, что сюда меня не пустят. Почему-то думалось, что придется повернуть назад...

Уже дорогой я понял, что ошибся пророк, обличавший меня на базаре в Аласии. Ошибся — или не разобрал того, что услышал в грезах своих. Стоит Гилгал-камень посреди земли Ездралеон, на высоком холме у дороги стоит. Но...

Но кто мне ответит? Чей алтарь вкусит крови овцы-бедолаги? Племенной божок, владыка каменистой пустыни? Разве он — Единый? Разве он — Тот, Кем сотворены все Номосы, все миры? Тот, Кто и есть мир? Собираются раз в год у Гилгала-камня пастухи окрестные, кропят алтарь кровью, о поголовье обильном просят. О чем еще просить им? Не о Великом Царстве, не о судьбах Азии! Они и слов таких не слыхали, ни к чему здесь такие слова.

А этот их бог — слыхал? Знает? Бог бродячих пастухов, покровитель шатров и овец. А то, что зовут его Ахве-Единый, то просто понять. Не видели пастухи здешние другой земли, единственная она для них. И они сами — единственные, забытые временем среди этих холмов. Так откуда иным богам взяться? Одна земля, одно племя, один бог. А может, в далеком Уре Халдейском услыхал праотец Абрагам сын Фарры про Единого, услыхал, соплеменникам поведал.

Странно глядели на меня пастухи, неподалеку от Гилгала шатер разбившие. Не осуждали, дивились скорее. Что, мол, ты ищешь, о чужеземец, возле нашего камня, у нашего бога? Свой у тебя бог, к нему иди, у него проси. Но пустили все же. Даже кремневый нож дали, даже про то, как горло овце несчастной резать, объяснили. Я — гость, гость их шатра, гость их бога...

Уходить поздно, я уже здесь. Что же ты скажешь мне, пастуший бог?

Пастуший бог молчал.

Да и кому говорить? Холм, венец густых кустов на вершине, узкая тропа, исчезающая среди темной зелени, за нею — груда камней, поросших желтоватой травой. Еще один камень, плос-

кий, грубо околотый чьей-то неумелой рукой, в землю врыт — алтарь, не иначе.

Гилгал. И Диомед Дурная Собака, Дамед-ванака у груды камней.

Один.

Увязались за мною было верные гетайры, да только я и слушать не стал. Чем они помогут? Разве что подивятся вволю. Чудит, мол, Диомед-родич, тысяча богов вокруг, а он зачем-то к тысяча первому поехал, понимаешь!

Молчал Гилгал, груда камней на вершине. Молчал пастуший бог. Я вздохнул, поглядел в темнеющее закатное небо.

Здесь ли Ты, Единый?

Острым был кремневый нож. Прямо на камень хлынула темная кровь. Прямо к первым звездам вознесся горьковатый жертвенный дым...

— Я здесь, Единый! Я, Диомед, сын Тидея, я, Сияющий, знающий о Тебе, я, покоритель Востока, здесь! И если Ты тоже здесь, ответь!..

Почему-то пересохло горло. Почему-то дрогнули пальцы. Ничего не изменилось, все так же молчат камни, все так же тихо шелестит кустарник вокруг.

— Я здесь, Единый! Я, Диомед, сын Тидея. Ты звал меня, Ахве, я пришел...

Тихо, пусто... Но почему так страшно? Почему ладони...

— Я здесь...

Сухо затрещали ветки. Затрещали, дрогнули, выстрелили нежданным огнем. Рыжим было пламя, как то, в котором погибла Хаттуса...

Услышал.

Ответил.

И пламя — слова Его!

Я обернулся, пытаясь найти выход. Поздно! Не уйти, не скрыться. Огненный венец вокруг Гилгала. Огненный венец вокруг меня. Все сильнее пламя, все выше. Опалил жар веки, но не закрывались глаза — как в ту ночь, когда мой НАСТОЯЩИЙ Дед пообещал мне великую славу...

— Долго ты шел ко Мне, раб Мой Диомед!..

Кто это говорит? Огонь? Я сам? Или кто-то Другой шевелит моими губами?

...А пламя все выше, под самыми небесами, и вот уже огненный шатер сомкнулся над вершиной, закрутился вихрем, обжег кожу сухим жаром.

— Или забыл ты, Диомед, владыка жестокий, неблагодарный, что ты лишь пыль в устах Моих, лишь пепел под стопою Моею? Услышь же волю Мою от слова до слова, дабы исполнить ее под угрозой гнева Моего тяжкого, ибо так повелеваю Я, АХВЕ-СУЩИЙ, Я, БОГ ЕДИНЫЙ!..

Загудел рыжий огонь, языками палящими ко мне метнулся... Но страх уже исчез, сгорел в первых искрах нежданного пламени.

И это Единый? И это Творец миров? И это Тот, Кто и есть мир? Разве Он станет грозить и сердиться?

— И бойся, Диомед, нарушить волю Мою, ибо Я — Бог ревнивый, немилосердный...

И словно пропало все — ревущий огонь, горячие камни, запекшаяся кровь на алтаре. Где Он? Разве Он говорит со мною? Одуревший от скуки пастушеский божок решил напугать случайного гостя, словно племенной вождь, ведущий в бой дюжину грязных козопасов. Пламя, молния, морская волна... Божки грозят, пугают гневом, ибо знают, что Человек может распрямиться...

— Слушай же Меня, Диомед, раб Мой! В рабстве у царя Кеми сейчас Мой народ, в рабстве жестоком, немилосердном. Ведаешь ты об этом, но не желаешь помочь, не желаешь споспешествовать ему. Но теперь это Моя воля! Помоги народу Моему, сделай так, чтобы познал он свободу, чтобы из рабства сам вышел, чтобы пошел туда, куда Я велю...

Хорошо ли смеяться пред ликом божьим? Может, и плохо, но как удержаться? Обрадовался божок пастушеский, повелитель шатров и овец, что забрел к нему Дамед-ванака. Ну как не порадеть за народец свой? Сослужи, мол, службу, гость, поспособствуй. А не то Я тебя!..

...А что это за народ такой, о котором я знаю? Уже не хабиру ли, за которых Месу-изменник, посол грязноязыкий, вступался? Те, что в Кеми каналы роют и кирпичи лепят?

— А если выполнишь ты волю Мою, если поможешь народу Моему, то наполню Я твой шатер богатством, и приумножатся стада твои, и жены твои, и заполнят твои потомки землю...

Пожал я плечами, про жен да стада услышав. Чего еще ждать от пастуха? Что он еще может пообещать?

Странное дело, вроде как горло отпустило?

— Ведома мне теперь воля Твоя, Ахве, пастуший бог, — вздохнул я. — Выполню я ее, нет — не ведаю еще. Но только не нужна мне Твоя награда, ибо нет у меня стад, и потомков нет, и родной

земли. А гнев Твой — пустой, пастуший бог! Сто раз обходила меня смерть, а если в сто первый не обойдет, что с того? Человек — смертник, чем его напугаешь? Ты не страшнее Таната!..

Не договорил. Не договорил, ибо понял — некому меня слушать. Вместо огненного шатра, вместо рыжего пламени — тихое вечернее небо. Холоден камень, и недвижно стоят вокруг Гилгала зеленые кусты... Ушел. Меня не дослушал.

Не поладили мы с пастушьим богом!

Костру я не удивился. Мало ли кто забредет переночевать у подножия холма? Темноте удивился, из которой огонек желтый светил. Сколько я у Гилгала пробыл? Полчаса? Час? А ведь уже ночь!..

Коня я оставил у ближайших шатров, где стали лагерем мои гетайры, идти пешком по неровному камню не хотелось... Да и не спешил я никуда. Пусто было на душе, холодно. Словно обманули меня, солгали...

Зачем я шел сюда, к пастушьему богу?

А костер горел так ярко, а огонь пылал так близко...

— Мир тебе, путник!

Немолодой, но и не старый, в темной бороде — легкая изморозь седины, на плечах плащ серой шерсти, на голове — талаф, витым шнурком перетянутый. Пастух. Обычный пастух.

...Разве что руки приметные — крепкие, сильные, в тяжелых мозолях.

— Мир тебе, — кивнул я. — Мое имя — Диомед, сын Тидея, а в этих местах меня зовут Дамед...

Дамед — кто? Ванака? Бог?

— Дамед бар-Тадай, — усмехнулся пастух. — Садись, бар-Тадай, мой гость, к огню. Ночи холодные, ни к чему блуждать между холмов...

Я протянул ладони к желтому пламени, огляделся незаметно.

...Нехорошо вышло! Вроде как напросился к человеку в гости, будто у него иных забот мало. Здешние пастухи — народ вежливый, не откажут, последним куском поделятся. И серебра не возьмут. А ведь бедны — беднее наших этолийцев.

— Меня зовут Элохи-пастух, иногда — Элохи-пастырь. Племя поручило мне следить за Гилгалом, встречать гостей...

— Ясно, — вновь кивнул я. — Рад с тобой познакомиться, многоуважаемый Элохи-пастырь. Но... где же твои овцы?

И действительно — ни овец, ни шатра. Даже собаки нет. Просто человек у огня.

— Мои овцы близко, — улыбнулись утонувшие в темной бороде губы. — И далеко тоже... Преломим хлеб, мой гость, Дамед бар-Тадай!

Огромная ладонь протянула мне лепешку. Теплую, чуть подгорелую с левого бока. Хрустнула толстая корка, покачал головой Элохи-пастырь.

— Много лет я провел возле Гилгала. Много лет слышал Его голос... Ты, кажется, не поладил с Ним, гость мой бар-Тадай?

Почему-то я не удивился вопросу.

— Не поладил, многоуважаемый Элохи-пастырь. Что поделать? Я шел к Ахве, к Богу Единому...

— А нашел гневливого племенного божка, который обещал приумножить твоих жен и твои стада?

И вновь я не удивился. Наверное, не мне первому пришлось возвращаться ни с чем.

— Я из далекой земли, многоуважаемый Элохи-пастырь, из другого... Номоса...

Слово, неведомое в этих краях, тут же показалось чужим, лишним. Но тот, кто сидел у огня, кажется, понял. Или это мне только почудилось?

— Из другого... мира. Там знание о Едином — великая тайна. Здесь, на Востоке, в Азии, о Нем знает почти каждый, но что толку? Его святилище — всего лишь алтарь бога здешних пастухов.

Сказал — и тут же пожалел. Но не обиделся Элохи-пастырь. Задумался.

— Ты видел разные... миры, гость мой Дамед бар-Тадай. Поэтому для тебя Он — Бог всех миров. Пастухи в Ездралеоне даже не знают, что есть иные земли за этими холмами. Значит, для них Он тоже — Единый.

Вздрогнул я, свои же мысли вспомнив. Неглуп, видать, Элохи-пастырь!

— Значит, ты пришел куда нужно, гость мой бар-Тадай. И зря ты обиделся на Него! Ведь чего желают люди? Все того же — много овец, много жен, много добра... Он предложил тебе то, что нужно всем.

Тихо шелестел ночной ветер. Тихо горел огонь. Тихо звучали слова Элохи-пастыря.

— Но если ты хочешь иного, почему бы тебе не сказать Ему? Ведь ты для этого и пришел.

Развел я руками, ближе к огню подсел. Поздно об этом. Я не услышал Его, Он — меня...

— Ты знаешь, многоуважаемый Элохи-пастырь, о хабирру, что ныне живут в земле Кеми?

И вновь задумался тот, кто сидел у костра. Задумался — кивнул.

— Слыхал. Хабирру — часть нашего народа. Во времена гиксосов Иосиф, правнук праотца Абрагама, увел свое племя в страну Черной Земли. Он был очень гордым, Иосиф бар-Иакоб, думал, что избран Им и что народ его тоже избран. Хабирру — гордецы, жестоковыйные люди, собирающие там, где не сеяли, не верящие пророкам... но, говорят, и вправду избранные для великого дела.

— Почему? — поразился я. — Если они эти... жестоковыйные?

Ровно горел огонь, тихо светили звезды над нами. Никто не спешил — ни я, ни он.

— Жестоковыйные? — усмехнулся Элохи-пастырь. — Видишь ли, Дамед бар-Тадай, мой гость, в этих краях верят, что люди созданы Им по Его образу и подобию. Только люди сами определяют свою судьбу. А значит, приказывать им нет смысла и пугать тоже бесполезно, они подчинятся лишь телом, не душой. Нужно убедить, и не всех — каждого. Так отчего же не начать с самых упорных? Остальные сами придут к Нему...

Я так и не понял, шутит ли он, Элохи-пастух, Элохи-пастырь. Жестоковыйные хабирру страждут в кемийском рабстве. Я, единственный, кто способен сокрушить Великий Дом Кеми, должен вывести их оттуда, спасти...

Или нет?

«Помоги народу Моему, сделай так, чтобы познал он свободу, чтобы из рабства сам вышел, чтобы пошел туда, куда Я велю...»

«Познал свободу... сам... сам...»

— Я слыхал, в этих краях любят сказки, многоуважаемый Элохи-пастырь, — усмехнулся я. — Не рассказать ли тебе одну? Ночь такая долгая...

— Ночь долгая, — согласился тот, кто сидел у огня. — Рад буду услышать твою сказку, о Дамед бар-Тадай, мой гость.

Странное дело, вновь почудилось мне, что шутит Элохи-пастырь. Но не зло, по-доброму. Словно забрел к его костру маленький мальчишка из далекого Аргоса, которому страшно в ночной пустыне.

— А сказка такая... Жил некий владыка жестокий, любящий собирать там, где не сеял. Много покорил он стран, много взял городов. И возгордился он в сердце своем, сказав: «Пойду я в

царство на Великой Реке, и огнем его сожгу, и пленю его людей, и наступлю на выю стране этой...»

Я поглядел на Элохи-пастыря. Кивнул мне он: продолжай, мол, гость. И вновь мелькнула усмешка в темной, посеребренной седине бороде.

— Но вошло сомнение в сердце его, ибо нет счастья в том, чтобы покорить еще одну страну, и в том, чтобы завоевать мир, тоже нет счастья. И поехал он к Тому, Кто создал все миры, Кто правит ими, и спросил Его, как жить дальше, ибо тошно быть владыкой жестоким. Спросил — но темен был ответ. И сел владыка жестокий у ночного огня, и сомнение стояло за спиной его...

Короткая вышла сказка. Короткая, без конца. Но не удивился Элохи-пастырь.

— Долг платежом красен, гость мой, бар-Тадай. Расскажу и я...

Ближе к огню подсел он, сцепил пальцы над пламенем. И почудилось мне, будто отступило пламя, к углям красным прижалось.

— Моя сказка такая... Был день, когда пришли сыны Божии, что в дальних землях сами слывут богами, к Господу, дабы предстать пред Ним. И Противоречащий пришел с ними. И вопросил Господь Противоречащего: «Не с земли ли пришел ты? Видел ли ты там народ Мой, что избран Мною для дел великих?» И ответствовал Господу Противоречащий, и сказал: «В рабстве народ Твой, в царстве на Великой Реке. Телом рабы они, и духом рабы они. Пасет их царь этой земли жезлом железным. Слабы они, не освободятся сами. Повели же, Господь, некоему владыке жестокому сокрушить царство, словно сосуд горшечника, и рабов этих, народ Твой, сделать свободным». И ответил Господь Противоречащему, сказав: «Поведай Мне, слуга лукавый, когда раб становится свободным?..» Ночь над землей Ездралеон, над древним пастушьим царством. Тих костер, негромок голос Элохи-пастуха, Элохи-пастыря...

Когда раб становится свободным?

* * *

— Ну, Тидид, ты если уедешь, так уедешь! Тут такое было! Эти, из Аскалона, еще раз сунулись, колесницы выкатили. А мы снова им дали, ох, дали! Ногу, правда, мне подранили-попортили, оглоеды... А вчера правители ихние, суфеты которые, сюда пришли, у твоего шатра на колени, чудики, бухнулись. До сих пор стоят, бедолаги! Сдаются они, Тидид! Просят только жизнь

людям сохранить... Ты чего, Диомед, вроде как и не рад? А эти, фракийцы-туски всякие, поссорились, пополам поделились. Половина на Кеми собралась, тебя не послушалась. Да, еще из Аргоса письмо, Промах Дылда прислал...

— Э-э, погоди, брат Сфенел, не главное говоришь! Слушай, брат Диомед, внимательно слушай, да. Все мы сделали, все увидели, все узнали. Проследили гонца хеттийского. Думал он, что хитрый очень, понимаешь! В общем, нашли мы предателя, нашли этого негодяя. В цепях он теперь, как собака последняя. Э-э-э... Не так сказал, не он в цепях...

Аскалон, предатель, письмо...

Что важнее?

«Диомеду Тидиду, ванакту Аргоса, от Промаха, басилея тиринфского.

Пишу тайно, пока только тебе. Эвмел Адрастид умер. Спорим, кому быть главой совета гиппетов. Тебе лучше вернуться. Перед смертью Эвмел Адрастид велел передать: «Кронов Котел — Котел Времени, ловушка. Они — часть Номоса, убивать нельзя». Не понимаю. Возвращайся, Тидид. Ты нужен».

Эх, дядя! Ну почему ты — мудрый, добрый, верный? Почему ты, почему сейчас? И куда мне теперь возвращаться? На Поле Камней?

Прощай, дядя Эвмел, мой второй отец!

Хайре!

* * *

Теперь на ней не было ничего, как тогда, в Хаттусе, в пустом, брошенном дворце. Только цепи — тяжелые, бронзовые. Расстарался гневный Фоас-курет. Ведь для этолийца нет ничего хуже измены!

Голая худая девчонка, избитая, изувеченная... Голая худая измена...

Шевельнулись запекшиеся черной кровью губы:

— Удачно ли съездил в землю Ездралеон, ванакт Диомед?

— Не очень, — вздохнул я. — Зато понял, что человек может стать свободным, если освободится сам. А иначе он просто раб без цепей... Удачно ли вершатся дела, Курос, мой верный дамат?

— Удачно! — злым вызовом сверкнули глаза. — Аскалон согласен сдаться, самые горячие из твоих союзников скоро сложат

голову в Кеми... И, кажется, слуги ванакта наконец-то поймали хеттийского лазутчика?

Она ни о чем не жалела, Цулияс, дочь Шаррума, жреца Света-Сиусумми. Даже сейчас, когда не я — Танат Жестокосердный смотрел ей в глаза.

— Но почему ты? — не выдержал я. — Почему? Эвриал Смуглый сразу заподозрил тебя, но я не верил! Ты не рабыня, тебе много раз предлагали вернуться домой...

— На руины моего дома, — перебила она, дернулась, рванулась ко мне. — На пепелище Хаттусы, на развалины моей страны! Ничего-то ты не понял, Диомед Кровавый, убийца народа моего! Впрочем... Сейчас тебе станет понятнее... Тогда, в Хаттусе, твои гетайры хотели позабавиться не с дочерью жреца. Я скрыла имя отца, и меня не выдали. Я — Цулияс, царевна хеттийская, дочь Великого Солнца Суппилулиумаса Тиллусия. Я служила своему отцу и своей стране!

Если я и удивился, то не очень. Удивляться надо было раньше, раньше следовало подумать, откуда дочь жреца ведает, как вершатся дела царства.

Верховный дамат Курос, моя правая рука...

Я вновь поглядел на нее — избитую, окровавленную... не покорившуюся.

— Ты хорошо служила своей стране, Цулияс, царевна хеттийская. Ты умрешь, как мужчина...

— Я, Диомед, сын Тидея, ванакт Аргоса, Арголиды и всей Ахайи, повелитель Тиринфа, Трезен, Лерны, Гермионы, Азины, Эйона, Эпидавра, Масеты, Эгины Апийской и Калидона, владыка Земли Светлых Асов, волю свою изъявляю: город Аскалон, руке моей противившийся, сжечь дотла и жителей его перебить, никого не щадя, дабы содрогнулись недруги мои и соседи мои, чтобы поняли все, что твердо я буду править землей этой...

Нет папы, нет дяди Эгиалея, нет дяди Геркала, нет Амиклы, нет маленького Ферсандра, нет дяди Эвмела. И мамы тоже нет.

Есть Великое Царство.

МОЕ царство.

...Они пришли все вместе, без доспехов, без оружия. Пришли, подошли, окружили.

Сфенел, басилей Аргоса, Фоас, басилей Калидона, Эвриал, басилей Трезены, мои друзья-эфебы, мои гетайры, аргивяне, этолийцы...

— Если ты уничтожишь Аскалон, мы не станем тебе больше служить, Тидид! Мы не хотим служить ДАМЕДУ...

Кто это сказал? Не важно. ОНИ сказали.

— Мы люди, не звери. Мы — ахейцы. Мы — эллины.

Со мной говорила Эллада.

— Мы не поднимем на тебя меч, Тидид. Мы уйдем. Ты можешь набрать себе новое войско, набрать новых друзей, если тебе еще нужны друзья...

Нужны ли друзья повелителю Великого Царства?

Теперь они молчали, и я понимал — бесполезно. Бесполезно уговаривать, объяснять, что моя власть утечет, словно вода в песок, если не напугать, не засыпать аскалонским пеплом Азию. Что Великое Царство не только мое, но их тоже, что добычи, славы и власти хватит на всех...

Эллада не хотела ТАКОЙ добычи. Эллада не хотела ТАКОЙ славы. Эллада не хотела ТАКОЙ власти.

Мне предлагали остаться Диомедом, сыном Тидея, эллином — или стать Дамедом, владыкой Великого Царства.

Молчали. И так же разошлись — молча.

И никто не остался со мной...

Испуганные Медведицы бежали от Волопаса, в смертельной схватке сошлись Змей и Змееносец, грозно возносил свою палицу дядя Геракл, а над всеми ими, в черном средоточии меднокованого неба изготовился к прыжку Дракон.

И в небесах не было мира!

И желтым огнем горел Крон, совсем близко, рядом, над черными неровными холмами — черными, как тот бездонный котел, который привиделся мне три года назад. «Кронов Котел — Котел Времени, ловушка». Что ты задумал, Крон-Время, воскресший мертвец?

Я лег на теплый песок, закинул руки за голову, поискал глазами Пса...

Сгинула Дурная Собака небес, спряталась, меня бросила! Да и чем мне поможет моя звезда, сорвавшаяся с цепи бездомная, бездонная ненависть?

Ждало небо, ждала земля, ждали коленопреклоненные суфеты возле моего шатра, ждал обреченный Аскалон. Ждала Азия, ждала Эллада... Решайся, Тидид! Решайся, Дамед-ванака!

Дамед-ванака посмотрел в тихое, безмолвное небо.

Улыбнулся.

Он уже все решил, покоритель Азии. Он понял волю Едино-

го. Кеми подождет, пусть сначала сложат головы самые горячие из усатых-чубатых, пусть поймет судьбу свою жестоковыйный народ хабирру...

Когда раб становится свободным?

Дамед-ванака остановится тут, в этих песках. В пепле Аскалона, в криках гибнущих людей родится Великое Царство. А те, кто не понимает этого, пусть уходят! Найдется новое войско, и новые друзья найдутся.

Что мог ответить на это Диомед Тидид, мальчишка с Глубокой улицы? Что Элохи-пастырь говорил не только о жестоковыйных хабирру, но и о своем госте, который тоже раб — раб Великого Царства, раб своей власти и своей славы?

Когда раб становится свободным?

Но разве поймет такие слова Дамед-ванака, тот, кто уже БЫЛ богом, тот, кто знает, как сокрушать Номосы?

Тихое черное небо, тихие белые звезды...

Решайся, Тидид! Решайся, Дамед-ванака!

— Ты! — еле слышно, одними губами, прошептал я. — Ты, Кого я не пожелал выслушать, не пожелал понять... Подскажи, ведь я человек, я хочу остаться человеком!.. Элохи-пастырь, преломивший со мною хлеб у ночного костра, подскажи!

Мертвым огнем горели звезды. Мертвая тишь стояла над землей...

— Ванакт!

Ну конечно! Разве оставят меня в покое?

— Донесение. Срочное. Тайное.

Странно, я никогда не видел этого воина. А может, и видел, но сейчас на его лице — бронзовое забрало.

Встал, отряхнул нахальные песчинки.

— Агамемнон в Авлиде вместе со всем войском. Агамемнон отплывает в Трою.

Ну, ясное дело!

Ясное... то есть не ясное...

Мотнул головой. Дошло... Значит, Агамемнон... Значит, отплывает...

...Куда отплывает?! Кто отплывает?! Воскресший носатый дурак с воскресшим войском, появившимся невесть откуда, из Тартара, из Бездны Вихрей, решил погибнуть вновь, но уже всеконечно, угодить прямо на горящие угли Гекатомбы? Ведь ОНИ только и ждут, когда мы придем под Трою!

Я поглядел вверх, в изумленные глаза звезд...

— Откуда? Кто сообщил?

Нет ответа. Никого. Исчез странный посланец.

Я рванулся вниз, по пологому склону холма... Остановился. Понял...

Нет, не понял! Почувствовал — они погибнут. Все! Все, кроме хитрого Дамеда-ванаки, который послушался совета Паламеда Эвбейца и сбежал из обреченного Номоса, чтобы укрыться за кровавой скорлупой Великого Царства. ОНИ оказались сильнее, ОНИ все-таки заманили нас под Трою!

Подмигнул мне желтый глаз Крона-мертвеца, выходца из Тартара. И ты хочешь в МОЙ котел, Дурная Собака? Беги, прячься, еще есть время!

Когда раб становится свободным?

ЭПОД

Черный нос «Калидона» рассекал винноцветные волны. Поддавалась морская плоть, разлеталась мелкими брызгами. Ярым огнем горел Солнцеликий Гелиос...

— Впервые я не понимаю тебя, ванакт Диомед, — сказала Цулияс, царевна хеттийская, дочь Великого Солнца Суппилулиумаса. — Не понимаю тебя, Тидид!

Я поглядел на губастую (ой, отделали же ее, до сих пор синяки не сошли!), покачал головой:

— Все просто, царевна. Я иду под Трою.

— Но почему? — поразилась она. — Ты пощадил Аскалон, чтобы не поссориться со своими друзьями, и это мудро. Ты не пошел на Кеми — и это тоже мудро...

— И отпускаю на волю наглую смелую девчонку, — рассмеялся я. — Это тоже мудро, царевна, ведь войско твоего отца рядом с Троей!

Не улыбнулась. Странно посмотрела.

— Может быть, я смогла бы полюбить тебя, ванакт Диомед. Если бы не пепел Хаттусы. Если бы не пепел в твоем сердце...

Отвернулась, вдохнула горячий соленый воздух...

Я погладил ее по щеке, на которой еще не зарубцевалась глубокая рана... Когда ее пытались схватить, губастая выхватила кинжал.

— Представь себе, царевна, что кто-то подлый, жестокий, кровожадный хочет погубить твоих друзей, погубить людей, виновных лишь в том, что они люди. А под Троей это случится или где-нибудь еще, так ли важно?

— Не понимаю...

Покачала головой Цулияс, царевна хеттийская, дочь Суппилулиумаса Тиллусия. Вздохнула. На солнце поглядела.

...И почему-то захотелось упасть в ноги Крону-мертвецу, воскурить жертвенный дым прямо в его жадные ноздри, чтобы задержалось хрустальное колесо под всеми мирами, чтобы застыл черный «Калидон» посреди горячего моря...

— В земле Тегарама есть оракул. Самый известный оракул в Азии, ванакт. Отец послал туда, чтобы спросить о твоей судьбе...

Хотел вновь рассмеяться. Не смог. Странно смотрела Цулияс, царевна хеттийская.

— Оракул сказал, что ты сокрушишь один мир, спасешь другой и построишь третий. Может быть, ты все-таки бог?

— Не бог, — наконец улыбнулся я. — К счастью, не бог. Еще... Уже...

— Не пойму, Тидид, — вновь повторила она. — Ты хороший полководец, ты неплохой правитель. В Трое готовы. У ванакта Приама было время собрать союзников из половины Азии. Даже если вы победите, то все равно изойдете кровью. Ты же сам сколько раз говорил мне о дорийцах!.. А войско моего отца рядом.

Я поглядел на нее, на серьезную не по годам губастую девчонку, которая могла бы полюбить меня...

— Это ты хороший полководец и неплохой правитель, Цулияс, царевна хеттийская. Но есть вещи более важные, чем победа.

— Может быть, — согласилась она. — Знаешь, ванакт, я помню одну старую песню. Нашу, хеттийскую. Песню про бога Улликумми. Там есть такие слова:

Уж не тот ли прислужник плох,
Что поставил трон,
Раз ты не хочешь сесть?
Уж не тот ли кравчий плох,
Что чашу тебе предложил,
Раз ты не хочешь пить?

Ее рука коснулась моей — на какой-то миг, словно чайка задела крылом.

— Ты решил выпить свою чашу, Тидид?

Черный нос «Калидона» рассекал винноцветную плоть, ярым огнем горел Солнцеликий Гелиос.

Раб стал свободным. Свободный человек спешил выпить свою чашу.

Троя!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

КИНОТЕОМАХИЯ[1]

СТРОФА-I

Насиловали...

Жестоко, беспощадно — прямо на смоленых досках палубы. С хрипом, визгом, подвыванием, с каплями густой слюны, с каплями густого семени, размазанного по лицу, по губам. Долго, раз за разом, без устали, без милости.

Насиловали — меня.

Шершавые доски вгрызались в спину, острые зубы рвали плечо, острые ногти терзали мою плоть...

Ванакт Аргоса терпел молча. Мужчины не кричат, даже когда их насилуют — особенно если насилует собственная жена.

— Ублюдок! Ублюдок! Похотливый козел! Я перевяжу твой уд веревкой, канатом, я тебя оскоплю, я-а-а...

Богоравная ванактиса Айгиала, дочь Амфиарая Вещего, жадно сглотнула семя, зажмурилась, застонала. На какой-то миг смертельная хватка ослабла.

— Это тебе за всех твоих девок, ванакт! За всех твоих...

Можно было вырваться, прокатиться угрем по палубе (учил меня такому дядя Эгиалей на случай, ежели в бою с ног собьют!). Да только куда бежать? Море кругом!

Корабли толстяка Полидора ждали нас, где и велено было — возле острова Гидрия. С самого начала мне это названьице не понравилось. Как чуял! А когда небольшая юркая кимба нагло ткнулась о борт «Калидона», когда бухнулась доска между палубами, когда на нее ступила богоравная ванактиса, понял — не зря чуял. Даже поздороваться не изволила государыня аргивянская, даже в мою сторону поглядеть. Оскалилась, головой в золотом венце мотнула:

— В воду! Все в воду!

Только и пошел плеск над Миртойским морем[2], до самых Киклад слышно. Под шумок я тоже к дельфинам сбежать пытался. Да где там!

— Не смей уходить! Я твоя жена, ванакт! Я тебе напомню, что я твоя жена...

---

[1] Кинотеомахия — борьба собаки с богами *(греч.)*.

[2] Миртойское море — западная часть Эгейского моря.

Я покорился, с тоской глядя на повисшее в белом горячем небе светило. То-то нынче смеху Гелиосу Златоликому!

— Я тебе напомню, похотливый козел...

Сжали худые пальцы мою плоть истерзанную, искусанную... отпустили. И насильники, видать, устают!

...Интересно, это кто из нас похотливый козел?

А за бортом — плеск. Наслаждаются мужи аргивянские теплым морем. Смеются? Нет вроде. Не иначе — сочувствуют.

— Полидор привел сорок кораблей. Еще двадцать придут прямо в Авлиду через два дня...

Державными делами богоравная ванактиса занималась тут же, на палубе, на моем плаще сидя. Голая, в одном венце золотом.

...И с брызгами семени на губах.

— Почти пять тысяч человек, двести лошадей, колесницы...

— Ясно.

Я поглядел на белые паруса, заполнившие залив, принялся было считать, бросил. Ванактиса не ошибается.

А молодцы Толстяк с Дылдой! Большое войско за эти три года подготовили. Правда, сразу в бой его не поведешь — мальчишки еще. Думал я новых воинов в Азии по горным перевалам погонять, в мелких стычках закалить, да вот не успел.

Авлида! Что там делал носатый Агамемнон эти три года? С ума сойти можно!

— Я привезла кучу табличек, ванакт... но это успеется. Есть несколько дел. Важных...

Встала, как и была, голая, задумалась.

...А вроде как пополнела моя богоравная, плотью взялась! Уже и ребра не разглядишь, и бедра на бедра похожи стали. Вот кому эти годы на пользу пошли!

Ну и мыслишки же у меня! Это после всего! Завела она меня, супруга моя верная, кто бы подумать мог?

— Ты должен назначить нового главу совета гиппетов, ванакт. Мы решили, что это буду я.

— Ты?!

Вообще-то от ванактисы аргивянской можно ожидать всякого. Но такого!..

— Я! Полидор отказывается, Киантиппу Эгиалиду только тринадцать, Комету — восемь, а Промаха в Аргосе не очень любят. Не забывай, я дочь Амфиарая, сейчас я старшая в семье. Эвмел Адрастид в последний год не вставал, делами все равно пришлось заниматься мне.

Голая рука как бы невзначай поправила золотой венец в волосах... Я только вздохнул. Промах, конечно, не промах, и Полидор — тот еще подарок[1], но куда им до этой костлявой!

...То есть не такой уже и костлявой! Да-а-а...

— Про твои дела в Азии можешь не рассказывать, наслышана. Жаль, не вышло с Кеми...

И вновь вздыхать пришлось. Чуть ли не до зубцов крепостных завалили мы Аргос добычей. Видать, все мало!

Богоравная вновь присела, потянула меня за руку. Бухнулся я на доски шершавые голым афедроном. Никак вновь насиловать станут?

— А теперь слушай. Большая часть войска Агамемнона действительно в Авлиде, остальные плывут туда с востока. «Пенелопу», корабль Одиссея, видели у Наксоса...

— Да где они, Дий Подземный, шлялись все эти годы? — не выдержал я. — Где их носило, недоумков?

— Спросишь, — равнодушно бросила она. — Да и не это важно. Сейчас надо думать об Аргосе. Если Агамемнон действительно хочет идти на Трою — пусть. Нечего ему делать на Востоке, там уже наши владения. Жаль, с Кеми не вышло!

У-у, руки загребущие, глаза завидущие!

— Пусть бьется лбом в Скейские ворота! Троя для Аргоса — подарок богов. Надеюсь, у тебя хватит ума, ванакт, не подставлять лишний раз аргивян под троянские стрелы? Пусть микенцы хоронят воинов, пусть Агамемнон ссорится с войском, ведь он плохой воевода, правда? Аргос уже богаче, уже сильнее, а если Микены в этой дурацкой войне еще и потеряют лицо...

Да, кому война — кому и мать родная! Куда там Одиссею-кознодею до богоравной Айгиалы!

— В Микенах уже и так недовольны. Три года — ни побед, ни добычи. Еще годик, и носатого отправят на свидание с Атреем. А когда у них начнется смута, то мы сможем договориться с дорийцами...

Замолкла ванактиса. Замерла, руки мои на бедрах почуяв. На бедрах, на лоне — мокром, ненасытном... А как ее еще замолчать заставишь?

— Ты... Я же о делах... важных!..

Но покорилась, на колени стала, руками в доски палубные уперлась. Долг платежом красен, богоравная. Сперва ты меня сильничала... Поглядел я на ее бедра, на все, что к бедрам прилагается. А ничего! Ну, копья к бою!

---

[1] Имя «Полидор» можно перевести как «Великий Дар».

Взвизгнула, задергалась взад-вперед, зашипела. Вонзил я ногти в ее кожу — поглубже, побольнее. И мы когтить умеем.

— Ты... ты... эту... хеттийскую царевну... подстилку... так же?.. тут же? Как пес — суку... вонючую?..

Уже доложили! Или моя богоравная личным прорицателем обзавелась? Хорошо, что Цулияс мы еще в Милаванде на берег высадили.

Так кто сейчас — сука вонючая?

...— Нет, Тидид, не слышал, Промах слышал, а я тогда в Лерне был. Узнал, что дядя Эвмел умирает, на колесницу сразу, но вот — не поспел. Промах мне его слова пересказал, да только он, Дылда Тиринфская, ничего не понял. А насчет Крона и в самом деле странно. Амнистии — Дни Прощения[1] — ЕМУ справляют, на городских праздниках первому хвалу воздают, словно ОН теперь на Олимпе главный. Да Дий с ним, с Кроном этим! Гм-м... Дий с Кроном...

— Ясно, Полидор. А под Трою я тебя не возьму. Раз богоравная Айгиала будет теперь верховодить в совете гиппетов, ты мне в Аргосе нужен. Ты и Промах. А если что, помни: войско подчиняется не моей жене, а лавагету Эматиону.

— Да о чем ты, Диомед? У нас же не Микены какие-то. А жаль, что заехать не хочешь!.. Слушай, ты бы Киантиппа видел. Ну, вырос парень, вылитый теперь дядя Эгиалей! Все к тебе на войну рвался, насилу удержали...

Что ты задумал, Крон-Время, Крон-мертвец? Котел, ловушка... Ведь это только в сказках (да еще, наверное, в детстве) время может остановиться, пойти вспять, замереть. Крутится хрустальное колесо под всеми мирами, неостановимо, неотвратимо. Вот уже сын дяди Эгиалея рвется на войну, как когда-то рвался я. Какая это у меня война по счету? Седьмая? Восьмая? Последняя?

* * *

Никогда не думал, что буду говорить с выходцем из Тартара. Впрочем, не думал — и не говорю. Это он говорит.

— Знаешь, Диомед, я вначале на тебя разозлился, обиделся даже. Это же твой план был! А я тебя предупреждал, предупреж-

[1] Амнистия — *греч.* «прощение, забвение».

дал, что не выйдет ничего! А тут докладывают: возвращаются аргивяне, и все остальные возвращаются...

Выходец из Тартара богоравный Агамемнон Атрид изволил хмурить брови. Не слишком — вроде нашего Зевса Трехглазого, что на Лариссе.

— Ну, может, оно и к лучшему так... Но что теперь войску объяснишь? Вон Одиссей бегает, вопит, что кормчие у тебя плохие, в Мисию вместо Троады свернули...

А я все еще не верил. Не верил, себя за ладонь щипал — незаметно, дабы Атрид не узрел. Три года с лишком прошло, как погиб маленький Ферсандр, как взяли мы проклятый Пергам. Для меня, для всех, для мира — три года.

А для носатого — три дня! Или четыре. Или пять.

— Ладно, так и скажем — ошиблись кормчие, морского пути в Трою не знали. Но теперь, Тидид, все по-моему будет! Никаких хеттийцев — прямо на Трою идем. Войско уже и так волнуется...

Щипаю я себя за ладонь, синяки ставлю. А может, не в Тартаре Атрид просидел эти годы? Тартар-то не забудешь! А, к примеру, сбежала из Гадеса прабабка моя, Горгона Медуза, завернула на денек в Авлиду, глянула в глаза всему воинству ахейскому... Да только слаба старушка стала, поистратила силы. Всего-то ее взгляда на три года и хватило.

— В общем, все! Готовь корабли, поведешь передовой отряд. На Трою! Понял, Тидид? На Трою!

Ого, эка брови сдвинул носатый! Сейчас молнией ударит!

— Понял?!

Ничего-то я не понял!

Бродят тени по Авлиде-Тартару. Бродят, рыщут, смеются. Поют.

— Эй, гуляй по кругу фляга!
Диомед ослеп, бедняга.
Эвона! Эвона!
В бой с врагами мы ходили —
Чуть своих не перебили!
Эвона! Эвона!
К Трое плыли мы, старались,
А в Пергаме оказались!
Эвона! Эвона!
На Приама меч острили,
А Телефу кровь пустили!
Эвона! Эвона!

Эй, плесни чуток Борею —
Завтра плыть к гипербореям!
Эвона! Эвона-а-а!

Хорошая песня! Мне, во всяком случае, понравилась. Вот гетайры мои отчего-то все за мечи хватались... А зачем за мечи хвататься? Ни к чему мечи в богоспасаемой Авлиде. Не Арей-Ярый — Дионис-Бромий тут в чести. Пей, гуляй, про Диомеда-слепца пой! Хорошо! По душе воинству такая служба — сидячая да лежачая. Вот только ноздри лучше бы паклей заткнуть — загадили Авлиду, ступить негде. Поэтому я в первый же день Фоаса и Эвриала с Капанидом-басилеем во главе за дальние холмы отправил лагерь разбивать. И от благовоний здешних подальше, и от болтовни тоже, и от Бромиевой потехи. А то загуляют мои аргивяне с куретами, лови их потом по берегу!

...И что интересно, не один я такой умный. Там, за холмами, Любимчик окопался. Думал я навестить рыжего... раздумал, Эвриала к нему направил.

В общем, все при деле, один я уже второй день по Авлиде благовонной брожу. Брожу, все еще не верю. Три года! Дий Подземный, три года! Три года — и три дня. Ну, пусть пять, пусть даже неделя! Эх, Медуза-прабабка, горазда ты шутки шутить!

Конечно, ванакт аргивянский не просто так, от шатра к шатру, по Авлиде слоняется. Ведь скоро доведется этих гуляк через море волочь, прямиком к Крепкостенной! Ну и запустил Атрид воинство! А ежели разбегаться начнут?

— Эй, гуляй по кругу чаша!
Здесь, в Авлиде, Троя наша!
Эвона! Эвона!

Ну вот!

* * *

В первый же день, когда носатый молниями отгремел, бросился я вепрем Эрифманским к Менелаеву шатру. Да только пуст шатер оказался. Лишь вечером корабли белокурого в песок загаженный ткнулись. Не утерпел я, не стал ждать, пока сходни сбросят, за борт черный схватился, подтянулся, на доски смоленые палубные животом упал...

Весь последний месяц я думал, что я Менелаю скажу. И как

скажу! Ведь доверял я ему, белокурому. Ведь не мальчишка он — третий воевода! Как же он мог приказ мой не выполнить, Пергам Мисийский бросить? Ну ладно, провалился в Тартар его братец носатый, но он-то, Менелай, что делал эти три года?

Оказалось, не три года — тоже три дня. Три дня назад Менелай из Пергама ушел. И не я лишился языка — он, когда ванакта аргивянского, Диомеда Дурную Собаку, в Авлиде узрел. Ведь Дурная Собака должна к Хаттусе рваться, к сердцу царства Хеттийского...

Вот так. Три дня.

А в общем, все просто оказалось. Утром, когда в Пергаме увидели, что пропал Диомед, сгинул невесть куда, прилетела на легких крыльях Паника-дочка. Кто-то (уж не Любимчик ли?) заорал, что боги покарают ахейцев за язву безневинного Телефа Гераклида, потом пошло обычное: «Предали! Окружают!»...

Почернел белокурый. Стыдно парню — не справился. Да сквозь стыд иное проступает, недоуменное. Ты-то, мол, Диомед, чего здесь делаешь? Где же твоя Хаттуса, Диомед-хвастун? Где же твой план победный, Диомед-воевода?

И что расскажешь в ответ? Про Аскалон, про Кеми байку сплетешь? Прошел-де я, великий Дамед-ванака, всю Азию за два дня, а на третий сюда вернулся? Не сказал, понятно. Промолчал. Бродить ушел по Авлиде-Тартару. Бродить, песенки про Диомеда-слепца слушать, сочувственным речам внимать, что, мол, плохи у тебя, Тидид, оказались кормчие, морского пути в Трою не знают...

— Да не виноват ты, Тидид, не горюй! Кормчий твой виноват, да еще темно было. Мне тоже Троя померещилась...

Ну, уважил Любимчик! Посочувствовал!

Не хотел я с Одиссем Лаэртидом, верховным жрецом Гекатомбы, видеться. А уж говорить совсем не хотел. Но куда денешься? Нос к носу столкнулись. Налетел на меня рыжий, волосы торчком, язык на плече... Забегался! Не сидится ему!

— Я... Когда брат твой погиб, не успел сказать... Жалко Ферсандра! Хороший он парень был! Жалко... Знаешь, и Протесилай погиб, сразу при высадке...

— Угу...

Хоронили уже три года назад Иолая-Копейщика, как раз в Пергаме. Видать, решил Одиссей его еще раз на костер отправить. Ну чем ему не угодил Чужедушец?

— Ты... Ты... Ты какой-то не такой, Диомед! Неласковый...

На это и отвечать не стал. Неласковый, ласковый — дулька я

ему, что ли? Поглядел я рыжему-бесстыжему прямо в глаза, хотел все как есть рубануть, от души. И кто он такой, и кому служит, и про пифос варенья и корзину печенья. Хотел — да не сказал. Что толку? Был у меня когда-то друг...

Бродят по Авлиде-Тартару знакомые тени, улыбаются, хмурятся, языки чешут, языки вином полощут. Видать, обвалился Белый Утес, иссохла Лета, не теряют больше души память, с ними она, память, и кажется им, что только миг прошел, как прошелестели крылья Таната Жестокосердного.

Бродят тени...

— Долго буду жить! Ох, долго!

Смеется Протесилай Чужедушец, по песку горячему ерзает. Смеется, бок ногтями дерет, там, где рана пергамская коркой запеклась. Смеется, да только мне не смешно. Да только прежними остаются глаза — холодными, неулыбчивыми.

Чужими.

— А знаешь, только сейчас сообразил, — невпопад замечаю я. — Мы же с тобой вроде как братья двоюродные. Или троюродные...

Словно тряпкой смахнули смех с его губ. Блеснули чужие глаза.

— Ты прав, Диомед, сын Тидея Непрощенного, племянник Деяниры Удавленницы. Иолай Ификлид — твой троюродный брат.

Так сказал, что даже переспрашивать расхотелось. А надо бы! Иолай Ификлид — мой троюродный брат... А Чужедушец, простите, кто?

И вновь почудилось, что на меня смотрит Вечность...

— Значит, Гекатомба состоится? — говорю я Вечности.

— Значит... — откликается эхо в Тартаре.

— Но ведь что-то сделать можно?

— Можно... — соглашается эхо.

Равнодушно-чужедушно соглашается. Что ему мы, людишки-хлебоеды, этому эху, этой Вечности?

Встал я, песок с хитона отряхнул...

— Погоди, Тидид! Кое-что сделать можно. ОНИ не решатся сразу встать с нами лицом к лицу. ОНИ будут воевать чужими руками, человеческими. И пока это так, мы почти на равных.

Иным стал его голос, загустел, силой налился. И будто уже не Вечность говорит со мной, а кто-то другой, знакомый.

— Но ОНИ нетерпеливы, ОНИ жаждут, ИХ Грибницы сох-

нут. Настанет день, когда ОНИ сами начнут убивать нас. И тогда начнется последний бой, последняя битва...

Чужим, не своим голосом говорил Чужедушец — дяди Геракла голосом...

«Вы — последние, и битва, которая вам предстоит, — тоже последняя. Ну и что? И боги не вечны... Слабого судьба тащит на веревке, того, кто сильнее, — за руку ведет, а самый сильный сам судьбой становится. Иди, не бойся!..»

— Последняя битва, — повторил я. — Армагеддон...

— Армагеддон, — согласился голос дяди Геракла. — Троя — наш Армагеддон, мальчик.

Бродят тени по Авлиде-Тартару. Бродит меж ними тень-Диомед. Хуже! Даже тени не осталось от прежнего Диомеда, и ошибаются встречные, когда поклон отдают или поцелуем щеку слюнявят. В Аргосе, на Поле Камней, Диомед. Возле Фив, на окровавленной пустоши Диомед. На пепелище Хаттусы. У ворот Аскалона. Нет уже мальчишки с Глубокой улицы, нет эпигона-победителя, нет Дамеда-ванаки. Вернулся уже не я, кто-то иной, незнакомый. Спросить бы, да только у кого такое спросишь?

А если все-таки...

Он стоял на самом берегу, один, в съехавшем на одно плечо черном плаще. Стоял, не оглядывался. Смотрел. Вперед смотрел, где за морской зеленью лежала неровная серая тень.

— Эвбея, — не повернув головы, заметил он, когда я коснулся его плеча. — Родина. Так близко...

Сегодня он не улыбался, Паламед Навплид. Исчезла дурацкая маска, съехала, упала с лица. Хотелось пошутить — три дня, мол, дома не был, а уже тоскуешь, пухлый? Хотелось... расхотелось...

— Сколько времени прошло, Диомед? На самом деле?

Я не удивился. Сияющий Третьего Шага. Третий Шаг — Шаг богов.

Он слушал молча, даже не кивал. Наконец повернулся.

— Агамемнон служит ИМ, даже не понимая этого. Мой родич Одиссей назвал цену, и его купили. Я думал, что с НИМИ можно иначе... на равных. Я был дураком, Тидид. Мы умрем. Я не вернусь...

И вновь хотелось пошутить, ободрить, ведь последнее

дело — думать о смерти перед походом. Да только не шутилось. Совсем рядом, за неширокой морской зеленью, лежала его страна. Наверное, так еще страшнее, чем если родина — за тридевять земель.

— Третий Шаг, — вздохнул я. — Ты должен помочь мне сделать Третий Шаг, Сияющий! Тогда, быть может, мы будем с НИМИ на равных.

Долго молчал Паламед Эвбеец. Наконец дернулось плечо под черным плащом.

— Ты его уже сделал, Тидид. Давно...

Бродят по Авлиде-Тартару тени. Бродит меж ними тень-Диомед. Милосердна нынче Лета, ледяная река. Не отбивает память, бодрит только. И кажется теням, что бесконечен день этот, безначален. А о том, что будет завтра, не думается, ибо не будет у теней этого «завтра», поэтому не спешат тени, не торопятся. Здесь их Троя, здесь их битва. Откупоривай пифосы, отбивай горлышки у амфор, вынимай кленовые пробки из бурдюков!.. Так и воюем, так и бродим. День, другой... пятый.

Впрочем, бродят не все.

Сфенела Капанида, басилея Аргоса, я нашел под худосочной оливой. Так себе деревце, только до пояса богоравного Анаксагорида тенью покрыть сподобилось. Но все равно — хорошо. Особенно ежели глаза зажмуришь. Особенно ежели рот разззявишь. Разззявишь — а тебя орешками кормят.

Лесными.

Жрет Капанид орешки, жмурится, а юнец толстозадый (ох, знакомый юнец!) знай себе старается. Скорлупу лущит, богоравного тешит...

— Еще, Деипил, — басит богоравный. — Еще, голубчик!

И тут словно упала пелена. Сгинул Тартар, налились плотью тени.

Очнулся.

Очнулся, по сторонам посмотрел, на лагерь благовонный, на могилу войска бестолковую, дураком Агамемноном вырытую. Какая война, какая Троя? Если уже такие, как Капанид...

— Басилей Сфенел, встать!!!

Разлетелись по грязному песку орехи лесные, несъеденные...

— На Остров Блаженных попал, басилей? Блажишь, значит? С голубчиками голубятню устроил?!!

Никогда я так на друга своего лучшего не орал. А что поделаешь?

— А... А делать чего? — моргает в ответ Сфенел-голубятник. — Тут же нечего делать, Тидид!

— Нечего? — взъярился я. — Яму вырыть! Собственным приапом! Вырыть — потом зарыть. И так — сорок раз, понял?!

— Есть...

Оглянулся Капанид, края ямы будущей намечая. Пискнул испуганно толстозадый Деипил-голубчик. Покачал я головой:

— Ладно, басилей. Яму пока отставить. Собери всех, кого трезвым найдешь. В моем шатре. Сейчас!

* * *

Аяксы — Теламонид и Оилид, Асклепиады — Махаон и Подалирий, Патрокл с малышом Лигероном. Ну, и мои богоравные басилеи, конечно... Мало трезвых оказалось!

Жарко в шатре. Душно. И не от зноя полуденного — от разговора.

— Да понимаю я, ребята! — гудит Аякс-Большой. — Рассобачились все, сам вижу. Я к Агамемнону ходил, так меня даже не пустили. Занят, говорят, Агамемнон. Думает сильно...

— Каждый вечер думает, — кривит узкий рот Оилид Локриец. — А с утра похмеляется, богоравный! Так что ты, Тидид, к нему сейчас не ходи — без толку.

— В лагере уже болеют, — негромко замечает Махаон Асклепиад. — Чего удивляться, если такая грязь вокруг? Скоро мы все перемрем без всякой Трои.

Переглянулись братья-целители, вздохнули, на меня поглядели. А что я? Хотел всей толпой к носатому заявиться, так ведь он занят... думает.

— Ребят надо взбодрить, — предлагает невозмутимый Патрокл.

— Яму вырыть, — соглашаюсь я, на смущенного Капанида поглядывая.

— Почему — яму? — удивляется Аякс-Большой. — Давай, Тидид, я твой лагерь штурмом возьму! А потом ты — мой. А потом — все по очереди! С деревянными мечами, понятно...

Неплохая мысль у бычка! На день-другой поможет. А потом?

— Все-таки поговорю с Агамемноном, — решаю я. — Пьян будет — похмелю на месте. Надо уже завтра отправлять корабли...

— А завтра не получится, дядя Диомед! — весело перебивает меня малыш Лигерон. — Не получится! Не получится! И знаешь, почему? Не знаешь? И вы не знаете?

Радуется малыш — озадачил дядей. Даже Патрокл удивленно глядит.

— А потому не получится, — важно сообщает Лигерон, — что я жениться буду. На девчонке жениться — на дочке Носача. За ней сейчас дядя Одиссей поехал. Вот я женюсь — и поплывем!..

Тишина в шатре — пришибленная такая. Словно каждому из нас на голове амфору разбили. Пустую.

— По Авлиде слух прошел, — наконец вздыхает кто-то. — Наш Атрид с ума сошел.

— Всей Авлиде пропадать — будем свадебку играть, — соглашаются с ним.

Золотой стеной стояли хризосакосы — как тогда, у ворот Лариссы. Не пройдешь, не пробьешься.

— Не велено! Не велено пускать!

Я все-таки прошел — и не такие крепости брали. Красный шатер Агамемнона — не Хаттуса, не Аскалон.

— Не велено...

Это в спину — тупой стрелой по панцирю.

— Кого там гарпии?!.

А вот это уже в грудь. Но тоже — скользящим.

— Я же приказал никого не!..

Громыхнул гром — недогремел. Вместо грома — вздох тяжелый. Замогильный, затартарный.

— Тидид, ты? Слушай, давай выпьем!..

...Пустые бурдюки, полупустые, полные, кратер перевернутый, на полу чаша золотая, рядом — амфора критская с осьминогами, еще одна чаша на скамье — серебряная. Крепко думает богоравный ванакт микенский. Даже не разбавляет!

— Давай вып...

Похмелить? По-аргивянски — правой в челюсть, а после по-куретски — левой в ухо? Так не затем вроде шел...

— Наливай, — вздохнул я. — Только разбавить не забудь!

— Они... Они сказали, что нас не выпустят, понимаешь, Тидид? Не выпустят из Авлиды! Мы здесь все передохнем, перемрем, перережем друг друга. Понимаешь?

Не понимаю. То есть, что все перемрем-передохнем, это, конечно, ясно, а вот все остальное... А главное, свадьба-то при чем? Чтобы на свадьбе все и передрались?

— Не выпустят... Калхант трижды спрашивал, печень мне показывал, и птицы еще...

Никогда таким Атрида-Зевса не видел. Пьян? Пьян, конечно,

но не в этом дело. Словно болит у него, у Атрида, все нутро. Болит, огнем горит.

...А ведь права богоравная Айгиала, ванактиса аргивянская! Если так дальше пойдет, недолго Агамемнону, зазнайке носатому, над войском начальствовать. Да только если в Авлиде начнется мор (а то и резня!), Аргосу тоже не поздоровится. Слишком долго мы эту войну готовили, чтобы так бесславно сгинуть! Дорийцы-дикари только и ждут...

— Они не выпустят... Они требуют...

— Свадьба, — осторожно напомнил я. — Твоя дочь и малыш Лигерон. Зачем, Атрид? Завтра же поднимем войско, в море искупаем, на корабли посадим. А свадьба...

— Свадьба?

Застонал Агамемнон, зимним медведем со скамьи слез.

— Свадьба?! Вот свадьба! Вот! Вот! Вот!!!

Критскую амфору — вдребезги! Кратер — тоже вдребезги. Не подалась только чаша серебряная.

...Врезала тяжелая подошва по чаше.

— Это не свадьба, Тидид! Я соврал! Всем соврал: жене, Лигерону, Одиссею — всем! Они требуют мою дочь, мою Ифигению! В жертву требуют, понял? Понял?!

Похолодели пальцы. Понял... И раньше бы понял, просто слушал плохо.

ОНИ не выпустят. ОНИ требуют.

Кронов Котел, Кронова ловушка. Три года — три дня. И нас не выпустят из Авлиды.

...Черный Котел — бездонный, безвидный. Желтый глаз над бездной. Шутка Крона-мертвеца. Мы в Котле — бессильные, беспомощные. Но ИМ этого мало, нас, людишек-хлебоедов, надо сделать еще слабее, еще беспомощнее, унизить, поставить на место. А еще ОНИ хотят нашей крови — много крови, много!

ОНИ жаждут...

— Я ничего не могу сделать, Тидид! Ничего! Ничего!..

Я понял — правда. Ничего не сделать. ОНИ сильнее.

«...Бойся богов, Диомед! Бойся!»

Ударил в глаза горький от перегара воздух. Зашумела где-то рядом невидимая река.

Плещет, плещет...

— Тидид, да ты чего? Ты чего молчишь? Что случилось-то? Ты же синий весь. Черный, как Эвриал! Что тебе Агамемнон сказал? Вы чего, поругались, да? Да не молчи ты, Тидид!..

Плещет, плещет...

* * *

— Ведайте, мужи ахейские, волю Олимпа!
Страшную волю богов! И воле вы той не перечьте,
Смертные, пища Аида, ибо песчинкам подобны
Вы под стопою богов, что ступают землей нашей мощно.
Нету хотенья у НИХ, как бывало доныне,
Воню вдыхать, что от жертвенных туков восходит
К медному небу, где ИХ воспарили престолы.
Агнца иного желают ОНИ, чтоб гортань его медью
Острой, жестокогубящей рассечь и чтоб кровью алтарь напитался.
Выполним волю, явленную нам во знаменьях,
Ибо разумно отдать одного из народа,
Чем погубить весь народ. В том вы будьте покорны, ахейцы,
Если хотите достичь Крепкостенной вы Трои.
Так вознесем же хвалу непоборным богам Олимпийским!

Охрип от усердия глашатай, осип, гладкие словеса повторяя. Гладкие, скользкие, липкие. «Разумно отдать одного из народа...» И все хвалит, хвалит «непоборных». Хоть бы глотка у него, козлоголосого, лопнула! Да где там...

— Э-э, брат Диомед! Пусть режет! Дочку режет, да! Маму режет, да! Жену, да! Своя семья, хочу — режу, да?!

Девочка в белом пеплосе шагнула к алтарю... И ничего уже не сделать. Я пытался. И другие пытались.

Девочка в белом пеплосе...

ОНИ вновь показали, что сильнее. ОНИ вновь взяли нас за горло. И мы хрипим, хрипим — от гнева, от пьяного (жертвенного!) восторга. Какая разница? Сейчас жрец возьмет кремневый нож.

Девочка в белом...

А если бы у алтаря стояла моя дочь? А если бы Амикла?

Девочка...

Нет, не могу смотреть!..

— Боги! Великие боги! Ее забрала Артемида!

— Афина!

— Зевс-Громовержец, отец благой, внемли с высот эфира...

— Жертва принята!!!

— Знамение!

— Вперед, на Трою!..

Плещет река, отдается дальним хохотом. ИМ весело. ОНИ сыты. Первая кровь Гекатомбы.

На Трою!

Так вознесем же хвалу непоборным богам Олимпийским!

АНТИСТРОФА-I

— На брюхо, богоравный! — прошептал я. — На брюхо! Ишь отъел!

Засопел Капанид, брюхо свое среди травы пристраивая. А ведь отъел-таки! То ли дело Фоас! Нырнул в траву ужом, затаился, не видать его, не слыхать. Курет!

Лежат богоравные в траве на равнине Фимбрийской, у самых стен Трои Крепкостенной, на солнышке утреннем греются. А иначе нельзя.

Разведка!

Хорошая вещь — перемирие! Полезная... А еще более полезная вещь — мой шлем с нащечниками и забралом. Нарядил я в него Эвриала, а заодно свой старый панцирь надеть заставил. Хороший Диомед получился! Смуглый, правда, но — ничего!

— Капанид, что видишь?

— Ну-у... Ворота, стало быть, эти... Скейские. Стены, вдоль стен дорога, левее и ближе — курган...

Ведет Диомед Смуглый переговоры с самим Гектором-лавагетом, вождем троянским. О том о сем, неспешно, серьезно. На силу нашу намекает (ведь все-таки высадились мы в Сигейской бухте! с первого раза!), на миролюбие опять же (отдай, Приамид, Елену, все прощу!).

— ...Стены в... три роста, с зубцами, пять башен...

А мы тут, в траве. Возле самой Трои, возле белых скал Идских предгорий. Можно было, конечно, в открытую подойти — перемирие все-таки. Только вот в открытую все не посмотришь, не дураки же они там, в этой Трое!

— Фоас?

— Э-э, брат Диомед! Умно эту Трою строили, умно стенами обносили. И не обойдешь — слева гора, справа гора, подъем крутой, понимаешь. Колесницы не пройдут, в панцирях тоже не пройдут, только наши куреты и пройдут...

Прав мой родич чернобородый — умно строили. Не окру-

жить Крепкостенную, не отрезать. Только тут, на Фимбрийской равнине, от мыса Ройтейон до отрогов Иды, можно развернуться. Да и то с оглядкой — река, желтый Скамандр, да еще холмы. Так что вся война — вдоль дороги, той самой, что из Скейских ворот выползает. Беги по ней, мчись, шмякайся рожей о стены! Но дело даже не в стенах — и не такие проламывали...

— А народу-то сколько! Целую Азию нагнали, понимаешь!

Вот об этом-то вся и песня...

Пылью пахнет трава, кровью пахнет. Дорого далась нам высадка, дорого заплатили мы за первый день. Близка Крепкостенная — да не достать!

— Месяц работы, а, Тидид?

— Чуть побольше, — прикидываю я. — Если повезет. Много их, ребята. Это будет не осада, запомните! Будем резаться в поле, пока не прогоним, не оттесним всю эту толпу к стенам. А потом я вам Трою за три дня возьму!

Только в сказках чудо-герои с ходу, с разбегу вышибают крепостные ворота ударом эмбаты. На войне, не в сказке, чудо-герои порой и на брюхе лежат. Вот и лежим мы на брюхе. Смотрим.

Разведка!..

Хорошо, когда можно ни о чем не думать — только о войне. Песчаный берег Сигея, черные туши кораблей, словно выброшенные на берег дельфины, стук топоров по всему огромному лагерю. Летит душистая щепа, острятся колья, режут лопаты послушную твердь. А завтра — новый бой...

— Эй, аргивяне, племя отважных!
Азия нас вызывает на битву.
Но от Олимпа до вод Океана
Всех аргивянский Арей побеждает!
Аргос — Победа!
Аргос — Победа!

Вражеских полчищ не сосчитаем,
Все тут — от каров до эфиопов.
Но от Олимпа до вод Океана
Всех аргивянский Арей побеждает!
Аргос — Победа!
Аргос — Победа!

Быстро песню сложили!..

Люблю войну. Не за кровь, не за груды трупов — за ясность! Вот он, враг, на холме, у серых башен Крепкостенной, честный

враг, бьющий в грудь, не в спину. И не надо сомневаться, не надо выбирать. Строй лагерь, врывай в землю частокол, готовь оружие, ори песню.

Война не лучше мира — проще.

Знай, Пафлагония, Ликия, ведай —
Вы не страшнее стаи вороньей!
Ведь от Олимпа до вод Океана
Всех аргивянский Арей побеждает!
Аргос — Победа!
Аргос — Победа!

Хорошо, когда можно ни о чем не думать — только о войне. О честной войне, правильной войне, благородной войне. Но не выходит не думать.

Не бывает честной войны...

— ...Поэтому вновь повторяю и приказываю: бить по вождям! По вождям! Безжалостно, беспощадно. Без вождей варвары — просто толпа. Бить! Вырубим деревья — останется трава, а чем гуще трава, тем легче косить!

— А я? А я, дядя Диомед? Мне что делать? Я же теперь лавагет, самый главный, меня Носач назначил! А если я самый главный, ты мне обязательно скажи, что мне делать!

— Ты убьешь Гектора, лавагет Лигерон Пелид!

— Хей-я-я-я! Я убью Гектора! Слышали? Сам дядя Диомед сказал! Сам дядя Диомед!..

— Тидид, извини, но это неправильно! Мы же еще вчера Трою взять могли. Кто же так воюет? Надо нанести удар с левого крыла, где Идские предгорья...

— Угу.

— Да! Меня сам дядя Алким учил, он все про войну знал, и как Фивы брать мне объяснил, и...

— Мудр ты, о Одиссей Лаэртид, муж, преисполненный... Чего это ты там преисполненный, Любимчик?

— А ты-то откуда, дядюшка Терсит? Какими судьбами?

— Не ожидал, хи-хи, племянничек, не ожидал? Критяне подбросили, хи-хи, уважили. А как же иначе, племянничек? Дру-

гие, значит, подвиги совершают, добычей весь Калидон завалили, золотишка-серебришка девать некуда, а ты о дяде своем родном даже и не вспомнил. Нет, хи-хи, теперь я своего не упущу!

— Только, дядюшка, смотри не надорвись.

— Не надорвусь, не надорвусь, хи-хи!

— Ха-ха, дядюшка!

— Э-э-э, брат Диомед, Диомед-родич! Э-э-э-э!

— Нет, брат Фоас, тебе пока в поле делать нечего. Ты своих куретов по всем окрестностям разошли, по горам, по всем стежкам-дорожкам — до самой Иды. Пусть смотрят, пусть обозы перехватывают, пусть режут по ночам!

— Ва-а-ах! Всех перехватим, всех перережем!

* * *

Только спустилась с небес розоперстая Эос, следом и Кера явилася с криком зловестным...

А все-таки странный он парень, Эвриал Мекистид, басилей трезенский! Когда тихо, когда нужно таблички с донесениями разбирать и просителей-зануд выслушивать, тосковать начинает. А как в бой — козликом прыгает. Завидно даже! Вот и сейчас...

— Тучка, тучка, дай ответ: кто сегодня Диомед? Если ты не дашь ответ, будет Смуглый Диомед!

Скалит белые зубы басилей трезенский. Ему сегодня Диомедом быть. Так мы и договорились — по очереди, пока одного не ранят. Не ранят или... Нет, просто не ранят!

— Заберу я панцирь твой, Диомед, большой герой! Шлем я тоже заберу и в том шлеме не помру!

Тут уж и я не выдерживаю — хохочу. Смех перед боем — лучшая примета.

...Туман уползает от Скейских ворот. Первые лучи Гелиоса Гиперионида осторожно скользят по сияющей бронзе, по темным плащам, по высоким меховым шапкам.

Вот они!

Там, на Востоке, у Тира и Аскалона, мы били их поодиночке, на выбор. Теперь настал их час. Их, чубатых, усатых, с хитро заплетенными косицами, с лицами, намазанными охрой. Их — варваров.

Азия! Земля Светлых Асов наносит ответный удар.

...А Капанид мрачен. Хоть бы слово сказал с утра! Или со своим Деипилом толстозадым поругался?

— Вот чего, Тидид! Ты мне отдельный отряд не давай. С Эвриалом пойду, на твоей колеснице...

Ну вот, сказал, называется! И хромает больше обычного, сильно его все-таки под Аскалоном подрезали.

...А толпища уже валит вниз, к желтой ленте Скамандра, неисчислимая, необозримая. Уже слышен многоголосый крик, разноголосый вой. Хитер Приам, козел старый, за спины всей Азии спрятался! Загородили поле, стали в двадцать рядов (больше! больше!), бок о бок, локоть к локтю. Вожди в шлемах с гребнями да перьями на колесницах древних (гиксосских еще!), понятное дело, впереди, путь указывают. Вояки! Хотя... Взгляд, конечно, очень варварский — но верный.

Как это Любимчик советовал? Левым крылом к Идским предгорьям? Чтобы расступились, пропустили, а после возле этих самых предгорий по камешкам размазали? Шутник был, видать, этот дядя Алким!

...А если нас разобьют? Если растопчут, разнесут по косточкам? Остановит ли этих чубатых да усатых море? Ведь до ближайшего нашего берега — два дня пути. А Гилл со своими дорийцами только этого и ждет!

— Ребята готовы, Тидид. Как ты и сказал — треть...

Да, треть. Нас мало, очень мало, но всех вести в бой нельзя, да и просто не хватит места на поле. Треть в бою, треть наготове, на всякий потопный случай, треть отдыхает. И в каждой трети десятниками те, кого я привел с Востока. Иначе нельзя, молодых ребят надо приучить к бою, приучить к крови, к победе...

— Труба!

Всегда вздрагиваешь, когда поет труба перед боем. Наша, аргосская, старого чеканного серебра. Поет труба — чисто, грозно, и уже ничего не изменить, не повернуть назад. Вот откликнулись другие трубы — серебряные, медные, бронзовые, золотые, электровые... Спартанские, локрийские, афинские, пилосские, аркадские... По всему лагерю, от мыса Ройтейон до неровного изгиба Сигейской бухты. Поют трубы!

...Наша Глубокая улица, мое детское царство-государство, храм Афины Сальпинги Победоносной — Афины Трубы... Мама! Неужели ты сейчас там, среди этих?

Нет, не думать!

— басилей Эвриал! Трубу слышал? Басилей Сфенел!..

Колыхнулись клочья тумана, дрогнули. Мерно ударили в троянскую землю тяжелые эмбаты на медной подошве... Темный Эреб идет навстречу Земле Светлых Асов. Давай, Эвриал, давай, Диомед Смуглый, не подкачай! А завтра и я, Диомед Собака, не подкачаю!

Поет труба, гремят эмбаты...

Только спустилась с небес розоперстая Эос, следом и Кера явилася с криком зловестным...

* * *

— Мужи-аргивяне! Мужи-куреты! Наши предки говорили: гробница доблестных — вся земля. И у этого скорбного костра клянусь вам, живым, клянусь вам, погибшим вдали от родины — но за родину, что я, Диомед, сын Тидея, ваш вождь и товарищ...

— Агафокл, сын Лина! Хайре!..
— Феофраст, сын Спесиппа! Хайре!..
— Газурий, сын Митрадора! Хайре!..
— Никомед, сын Каллистрата! Хайре!..
— Лаконий, сын Теодота!..
— Андреос, сын...
— Тимей...
Хайре! Хайре! Хайре!

* * *

— Значит, Протесилай убит?

— Да. Сколько от Таната ни убегай...

Горячие азийские звезды, морской песок, легкий шелест волн, черные дельфины-корабли вдоль берега. День позади, позади хрип битвы, позади плач у погребальных костров...

— Знаешь, Паламед, я его немного побаивался, Протесилая.

— Я тоже. Словно у него была... чужая душа, что ли?

— И тебе тоже так казалось?

Гетайры отстали, лагерь спит, двое нас с Паламедом Эвбейцем на морском берегу. Двое нас, Сияющих, у стен Крепкостенной Трои под черным меднокованым небом. Было больше, но Протесилай Филакский, Иолай-Первый, мой троюродный брат, все-таки встретил своего Таната.

Прощай, Чужедушец, спутник Великого Геркала! Когда-то ты приказал мне убить гидру. Смогу ли теперь — без тебя?

Хайре!

— Помнишь Микены, Диомед? Ты тогда не хотел этой войны...

— И сейчас не хочу, Навплид. Но ее все равно начали. Такие, как Одиссей. Такие, как ты! А если начали — надо победить.

Он по-прежнему мрачен, пухлый Паламед. И говорит иначе. Раньше словами булькал, теперь еле цедит. Идет, под ноги на мокрый песок смотрит. Хоть бы на звезды разок поглядел, они тут такие яркие!

...А где Пес? Вот ты где, Дурная Собака Небес, над самой Троей! Ну, радуйся, встретились наконец!

Я думал, мы с НИМИ договоримся. По-честному, мы же все-таки ИХ дети. Азия — ИМ, а мы уйдем дальше, уцелеем. А потом ОНИ спустили на нас Крона...

Он тоже догадался о Кроновом Котле, о Кроновой ловушке, умница Паламед, изобретатель клейменых слитков. Просто и надежно: запереть нас, хлебоедов, в Котле, где год становится днем. Потому и не дождался я Агамемнона, потому и не сбылась мечта Пелопса о Великом Царстве. Замуровали носатого в Авлиде, и все мои победы просочились водой сквозь песок Азии. Нам не дали уйти — уйти от Гекатомбы...

— Как думаешь, Паламед, мы и сейчас... в Котле?

Он наконец поднял голову, взглянул на небо, на знакомую россыпь созвездий. Не срываются звезды с мест, не чудят планеты-бродяги. Но ведь и в Авлиде небо было таким же... правильным.

— Боюсь, что да, Тидид. Ты послал мирмидонцев малыша Лигерона захватить города на побережье, а первую добычу прислали уже на следующий день...

— Умно придумано! — усмехнулся я. — Пока мы в Котле, к Приаму успеет собраться вся Азия! Сто на одного!..

Усмехнулся, хоть и не до смеха. Да и не прав я. Не успеет — уже успела.

— Это не самое страшное, Диомед. Мы бросили нашу родину, не на месяцы — на годы. Что там сейчас? Ведь ты сам говорил мне о дорийцах... Но Котел — только начало. Когда ОНИ увидят, что мы все-таки побеждаем, то сами выйдут на бой. И тогда...

— И тогда...

Теплый ветерок, дующий с моря, внезапно становится ледяным Бореем. Холод страха. Холод ненависти. Холод бессилия.

«...Бойся богов, Диомед! Бойся!»

— Но... Если мы вдвоем — против НИХ?.. Мы оба Сияющие, Паламед! Сияющие Третьего Шага! Я понял, Третий Шаг — Шаг богов, Третий Шаг — это значит почувствовать, что значит БЫТЬ богом!

— И тебе бы хотелось этого, Тидид?

Холод внезапно начинает жечь огнем. Страшным огнем жертвенного костра... Что же ты наделала, Уастис, царевна ливийская, бедная глупая девочка? Ведь теперь я знаю, КАК перестать быть человеком!

— Нет... Не хочу, Паламед. Но если ОНИ придут сюда, чтобы убивать нас!..

...Первого же пленного троянца — по горлу, наискось. *«Я приношу тебя в жертву непобедимому богу Дамеду!..»* Наверное, так и становятся богами — те, кто правит в Азии. Смертные боги, покупающие могущество ценой чужой крови.

...А ВЫ, бессмертные Олимпийцы, иную цену платите?

Теплый морской песок, черные дельфины-корабли на деревянных подпорках, тихий шум спящего лагеря. И неслышный шелест — шелест железных крыльев Таната Жестокосердного...

— Я не вернусь, Тидид. ОНИ не простят. Меня убьют в спину, убьют тихо. Ведь у НИХ тут много слуг...

Еле слышным стал голос Паламеда Эвбейца. Мертвым.

— Если выживешь — беги, Диомед! Но не на Восток, ОНИ уже там, достанут. На Запад, на Север, к гипербореям, за Океан, куда-нибудь... Беги! Собери тех, кто уцелеет, кто не погибнет. Иногда бегство — единственный выход, чтобы остаться человеком!

И вновь я заставил себя улыбнуться... оскалиться.

— Иногда смерть — тоже выход, Паламед. Но пусть нам обоим не придется искать этот путь!

— Смерть — тоже выход, — равнодушно соглашается мертвый голос. — Но можно не успеть. Что ты будешь делать, если не успеешь, Тидид?

Тихий морской берег, сонный лагерь, окровавленное поле вдали, Бешеный Пес Небес над троянскими башнями...

Что я буду делать, если НЕ УСПЕЮ умереть?

Я не знаю ответа на этот страшный вопрос. Не знаю. Не хочу знать...

Завтра бой — и это хорошо, это замечательно! В бою, на честной войне, можно ни о чем не думать — кроме войны. Но не выходит не думать.

Не бывает честной войны...

* * *

Только... Нет, не так. Не только — снова.

...Снова спустилась с небес розоперстая Эос, следом и Кера явилася с криком зловестным.

Вот растворились ворота, из оных зареяли рати,
Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.
Храбрых троян шлемоблещущий Гектор великий
Всех предводил; превосходные множеством, мужеством духа,
С ним ополчились мужи, копейщики, бурные в битве.
Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый Анхизов,
Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита.
В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,
Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаонид,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.
Гиппофоой предводил племена копьеборных пеласгов,
Храбрый Эвфем ополчал племена ратоборцев-киконов,
Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов, далеко
Живших в стране Амидона, где катится Аксий широкий.
Вождь Пилемен пафлагонцам предшествовал, храброе сердце.
Рать гализонов Годий с Эпистрофом вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.
Много народов союзных в Приамовом граде великом.
Много!..

— Э-э, ванакт, э-э, Диомед-родич! Какой ты, понимаешь, горячий! Зачем от нас убежал, от Мантоса-родича убежал, зачем без меня этого пеона-собаку резал, да? А если бы панцирь пробили? Ты лежи, лежи, воды сейчас принесем, доспехи снимем, вина принесем... А ты, Сфенел-басилей, куда смотрел? Мало ли что тебе друг твой говорит, а если он тебе в Гадес колесницу гнать прикажет, а? Ты сиди, Сфенел-басилей, мы тебе сейчас тоже воды принесем. Не из Скамандра воды, красная там вода, всех вы там порезали, всех в реку кинули, не вода — кровь чистая...

Грязная, мутная вода, чистая алая кровь...

Не бывает честной войны.

* * *

Когда бьют в грудь копьем — плохо. И когда палицей по шлему навернут — тоже плохо.

...Как этот Пирхем, пеон-собака, меня навернул!

Но в спину — хуже всего. Особенно если не ждешь. Да и кто ждет? Для того и бьют в спину.

И я не ждал...

Когда горизонт покрылся белыми парусами, когда весь лагерь радостно заголосил, встречая подмогу, я и сам был готов вопить от радости. Вовремя! Вовремя ведешь микенцев, Агамемнон Атрид! В самую точку, стрелой в яблочко. Мы их уже напугали, оттеснили за Скамандр, мы залили реку их кровью, и теперь пришло время ударить по-настоящему, сжатым кулаком, насмерть!..

Голова еще ныла (ох и врезали!), но я лишь рыкнул на гетайров, пытавшихся отправить меня на ложе.

Меня — на ложе? Ха!

Новый плащ надеть? Алый, победный, с серебряной тирской фибулой? А, ладно, какой есть сойду, ведь из боя — не с пира. Нам стыдиться нечего. Четыре дня, а мы уже наступаем, мы их давим, мы их гоним!..

Лихо шлепнули эмбаты по мокрому песку. Усмехнулся я, улыбнулись мужи-ахейцы у меня за спиной. Молодец Менелай, молодцы Аяксы, молодцы Асклепиады, молодец Паламед Эвбеец! И даже ты, Лаэртид-Любимчик, — молодец!

Все молодцы!

Сверкнули в лучах закатного солнца золотые щиты. Пурпурный плащ, белый с золотым навершием жезл...

С приездом, носатый!

— Радуйся, ванакт Агамемнон Атрид! Докладывает второй воевода ванакт Диомед...

— ...за год! за год!! за целый год!!! Один несчастный городишко взять не смогли! Ров они выкопали — сатирам на смех! Вал они насыпали, труженики! Где добыча, я тебя спрашиваю?! Где жена моего брата?! Пока мы... в жестоких боях... все западное побережье... А вы тут... что вы тут?! Диомед, я не с молокососа Пелида спрошу! Я с тебя, красавца, спрошу! Уже спрашиваю!.. Все! Ты — не второй воевода, ты больше здесь никому не приказываешь! Ты — никто, понял?!

Били слова, словно пощечины. Били, разум туманили. За что? При всех?!

...И только дальним эхом, неверным, тихим: «...за год! за год!! за целый год!!!» Не ошибся ты, Паламед, увы.

Плещет невидимая река, плещет. Река безумия в Кроновом Котле. И что ответить носатому дураку? Вбить его крик обратно в глотку?

— Хоть ты и вождь вождей, Атрид, да только...

Горой Гаргаром надвинулся на Агамемнона белый от гнева Капанид. Еле успел ухватить за плечо его, богоравного. Но только не всех за плечи ухватишь!

— Да у тебя, дружище, видать, в пути голову напекло! — ревет Аякс-Большой. — Окунись в море, остынь! Попробуй-ка сам за... за четыре дня Трою взять! Ты их стены видел, Атрид?! И хватит заливать: в жестоких, понимаешь, боях! Небось островок вшивый по дороге разграбили...

— У меня голову напекло?! — дурной кровью наливается богоподобный лик Агамемнона-Зевса. — У меня?!! Что, с девочками загуляли, вояки, приапы свои блудливые тешили? Ну, ничего, я вам покажу! Я вам не какой-нибудь хвастун из Аргоса!

Я понял — все. Ни к чему больше слушать этот лай.

...А ведь мы с носатым почти друзьями стали. Когда он над Ифигенией-бедняжкой убивался, у меня самого горло болью запеклось. Жалко! Вместе с микенцами мы бы под Троей за месяц управились. А теперь — все, конец. Дураки под предводительством дурака в Кроновом Котле. Мясо для Гекатомбы...

Повернулся через левое плечо — по-эфебски, четко.

— Капанид, пошли!

— К-куда?

— Как куда? «Телепина» гонять. Самое время!

* * *

Телепин, сын Тару-Грома, из героев был герой. Побеждал врагов без счету — и опять стремился в бой...

...И не то страшно, что на меня наорали, словно на мальчишку, что выгнали взашей, будто проворовавшегося слугу. Если так можно со вторым воеводой, с тем, у кого сотня кораблей за спиной, то как этот носатый дурак будет обращаться с остальными? Да все же просто разбегутся! А оскорбит он, к примеру, малыша Лигерона?

— Телепин! Те-ле-пин! Те! Ле! Пин!

Дрались долго исполины, говорят, что целый век. Победил герой злодея — вражью голову отсек...

...А может, он спятил, этот Агамемнон? Атрид ведь такой же полубог-недобог! Ударил ихор в носатую голову, вообразил он себя Дием Громовержцем, как Салмоней-безумец.

— ...Назад, ребята, назад! Капанид, обводи, обводи... Деипил, куда лезешь? Мне! Мне «голову»! Фремонид слева! Не пускай! Слева-а! Лупи!

Голова упала точно, где граничный камень спал. Поглядели хлебоеды, страх на них тотчас напал...

....А если он так же в бою верховодить начнет? Пошлет толпу к воротам под троянские копья? Ну нет, тут я ему не помощник, пусть своих губит, пусть сам без головы носатой остается, Агамемнон Анацефал!...[1]

— Те-ле-пин! Аргос! Кур-р-р-р!

Закатили им подарок — и бегом в обратный путь. Только те башку достали, снова катят страшный дар...

...Атрей! Атрей Великий! Как мне тебя не хватает, мой самый страшный враг, и на Востоке, и сейчас! Может, и тебя погубили ОНИ, подтолкнули завистника Фиеста под руку. С тобой бы мы не до Кеми — до земли эфиопов дошли, как Персей Горгоноубийца...

— Вот та-а-а-ак! А теперь — вперед! Вперед, Сфенел, вперед! Бей! Бей!!! «Го-о-о-о-о-о-о-ол»!..

Не прорваться им к воротам, не увидеть наших спин. Наше войско всех сильнее! Ну-ка громче: «Те-ле-пин!!!»...

...И что теперь делать? По совету моей женушки — поссорить носатого с войском, собрать недовольных, как тогда, в Спарте, подтолкнуть, самому постоять в сторонке?.. Но ведь я Дурная Собака, а не Подлый Хорек!

— «Го-ло-ва-а-а»! Не считается! «Го-о-о-ол»!.. Судью в Тартар!..

* * *

Поутру извинились. Не сам Агамемнон, конечно. Глашатая прислал, Талфибия медноголосого. Разобрался, видать, носатый, где год, а где четыре дня.

Я только плечами пожал. Что толку? Дураки под предводительством дурака в Кроновом Котле...

— И чего это он делает, Тидид, а? Этот П-п-п... Пелопид Атрид драный? Приказал перемирие заключить — а из-за чего? Добычу заново переделить вздумал. Долю ему, видишь ли, вовремя не отвесили, пленницу сисястую в шатер не привели! Хризосакосов своих послал добычу во всех шатрах пересчиты-

[1] Анацефал — *греч.* Безголовый.

вать. А завтра, сказал, всех на поле выведу, всех вас, больных-хромых-увечных, на Трою поведу! Сам войско построю, сам всем приказы отдам. А потом план свой, умник, сообщил. Да это же твой план, Диомед, только с руганью пополам! И орет, орет, как будто ему приап клещами зажали! Даже не орет — вещает, словно Зевс какой-то. Мол, половина из вас эти... вьюноши, скорбные главою, а половина — лазутчики Приамовы. Я, орет-вещает, всех вас, лазутчиков, на чистую воду выведу и в этой воде утоплю!.. Да что же это за война у нас такая будет, а, Тидид?

— Ой, плох, плох, плох
Ты, Зевс Эгиох!
Ой-ей-ей-ей!
Ой, прислал ты к нам зря
Агамемнона-царя!
Ой-ей-ей-ей!

— Диомед! Тидид! Мы... Мы все знаем, зря тебя Атрид обидел! И я тоже знаю — и про год, и про четыре дня... Я с тобой, Тидид!

— Покорнейше благодарю, Одиссей Лаэртид, басилей итакийский! Отслужу! Оправдаю!

— Ну какой ты, Диомед...

— ...Неласковый? Гадесу мои ласки нужны, Любимчик! А ты, раз ты этот... муж, преисполненный... Чем ты там преисполненный, забыл? Пойди к носатому, посоветуй, как Трою до заката взять!

— Тидид! Я... Ты... Ты не понимаешь! Я пытался тебе объяснить... Мы все — все! — воюем неправильно. Воюем, как герои, как Геракл с гидрой. Мы — люди, мы здесь защищаем себя, значит, нужно воевать по-человечески!..

— Э-э, друг Одиссей! Не получится по-человечески, понимаешь! Будем воевать по-микенски! По-пелопидовски! По-агамемнонски! Понял, да?

...В спину — хуже всего. Особенно если не ждешь.

Не бывает честной войны!

СТРОФА-II

...Ночью мне приснилась Амикла — в первый раз за эти три года. О чем мы говорили (да и говорили ли?), не запомнилось, вытекло из памяти. Другое осталось, испугав, заставив проснуться в холодном поту. Мы смотрели друг на друга, словно чужие. Амикла не узнавала меня...

— Боги, видишь ли! Стрелы Аполлона, видишь ли! Выгребные ямы чистить надо!..

Давно — никогда! — не приходилось лицезреть Подалирия Асклепиада в таком гневе. Будто бы не Целителя он сын, а самого Таната. А уж что родич моей прабабки Горгоны — так это точно.

— Мрут ведь, остолопы! Мрут, а вместо того, чтобы овощи мыть, богов молят. Представляешь, Тидид, до чего додумались? Будто бы Агамемнон у какого-то жреца дочку в наложницы забрал, а тот Аполлону Тюрайосу взмолился. Тюрайосу! Они еще с моей сестричкой Гигиеей[1] не знакомы!.. Я Атриду говорю, объясняю, а он мне: не геройское, мол, дело нужники да выгребные ямы чистить!

Мор начался три дня назад. Вначале животами маялись, а вчера запылали первые погребальные костры.

— Ладно, — вздохнул я. — Попытаюсь поговорить. А так все понятно. Зелье, что ты дал, добавлять в воду, овощи мыть, выгребные ямы чистить... Я воевал там, где было очень жарко, Асклепиад, знаю. У народа ибри даже в их священных гимнах есть такие слова: «Будешь воевать в пустыне, зарывай испражнение свое, ибо не угодно богам вдыхать зловоние».

Наконец-то улыбнулся добряк Подалирий. Улыбнулся, рукой махнул.

— Это уж точно!.. Слушай, Диомед, а ты нашего малыша-лавагета видел? Лигерона? Он вчера вечером вернулся.

Я покачал головой. То, что Лигерон уже в лагере, мне, конечно, доложили, но видеться было недосуг. И ему, и мне. Тем более он теперь лавагет, а я — просто вождь аргивян.

Малыша назначили лавагетом еще в Авлиде, чтобы меньше по Ифигении-невесте убивался. Тогда все только посмеялись. Посмеялись, посочувствовали. Ну что ж, пусть теперь воюет!

— По-моему, он болен, Диомед. Отец говорил, что есть такая редкая хворь — геронтия, быстрая старость. Человек старится годам к десяти, и ничего сделать нельзя. Дней восемь назад, когда Лигерон отплывал, ему на вид было лет пятнадцать. А теперь все тридцать будет. И виски седые, словно у Патрокла...

Я только кивнул — дядю Эвмела вспомнил. Малыш тоже рос — старился! — на глазах. И странное дело, с каждым днем все меньше напоминал то страшное чудовище, которое я встре-

[1] Гигиея — дочь Асклепия, богиня здоровья. От ее имени происходит слово «гигиена».

тил на Скиросе. Он становился человеком — и умирал. К тому же эти дни (месяцы? годы?) Лигерон был за стенками Кронова Котла. Для нас прошло восемь дней, для него, быть может, целая жизнь.

— На свете много тайн, друг Подалирий, что́ и не снились нашим мудрецам. Но что не снилось нашим мудрецам, то, верно, снится нашим мертвецам!

Неудачной вышла шутка — ни один из нас не улыбнулся.

Да и не шутил я...

— Хрисеида, Хрисеида, точно говорю! Папаша ейный давеча приезжал, Агамемнона-царя молил-упрашивал. Я-де выкуп заплачу, и все такое. Тот не захотел, Аполлона, значит, не уважили, а Волчий — стрелами нас. Невидимыми! Вот и мрем!

— Верно, верно! Сам видел, сам слышал. Хрис-жрец на коленях стоит, а Агамемнон его — жезлом, беднягу...

— У-у-у-у, нечестивец!

— Да байки все это! Сказано тебе: лазутчики троянские воду отравили. И в реке отравили, и в море. Чтобы, значит, наверняка.

— Ты больше глашатаев микенских слушай! Море... В ухо они Агамемнону отраву налили, вот он и спятил, носатый!

— Да не в ухо!..

— Лазутчики, и не спорь! Недаром за каждого награда назначена. Золотом — сколько его голова, лазутчикова, на весах потянет!

— Да не голова!..

— Хрисеида, точно говорю!

— Пень ты амбракийский!

— Сам ты пень!..

* * *

На этот раз мы победили быстро. Вчистую, можно сказать. Уже к полудню толпища всех этих каров и пафлагонцев отступили за Скамандр, даже не огрызаясь. Отступили, убитых бросили, раненых.

Лигерон по́способствовал, его мирмидонцы как раз в центре стояли. Разбегались перед малышом все эти усачи чубатые, словно его колесницей Фобос с Деймосом правили. Ну и мы чуток постарались...

Одного я боялся. Ударит Агамемнону ихор в голову, и попрет носатый прямо к Скейским воротам. Или по совету Одис-

сея-Алкима — к Идским скалам. А ведь Гектор Приамид только этого и ждет, главное толпище не здесь, за городом оно, спрятано. Постарались Фоасовы куреты, проползли змеями по горным тропинкам. Ждет толпище, изготовилось. Удобно: спуск с гор — и слева, и справа. Сунемся в ворота — и котел. Не Кронов, правда, но ничуть не лучше.

Жадность нас спасла. Агамемнонова жадность. Новый порядок ввел носатый — разрешил с врагов доспехи снимать прямо на поле боя. Сначала снять, после в лагерь отнести, а уж потом — снова вперед.

Ох, все и обрадовались! Особенно троянцы.

Над окровавленным полем — стон, над окровавленным полем — крик, ржание умирающих лошадей, вот и первые вороны прилетели — пировать...

Капанид остался у колесницы, гетайры занялись доспехами (попался им какой-то пафлагонец в панцире халибском), а я не спеша побрел к Скамандру. Жарко, хоть голым бегай! Воду из реки пить, конечно, нельзя (Асклепий с Подалирием не велят!), так хоть умоюсь...

За желтым Скамандром — невысокие холмы. За желтым Скамандром — серые приземистые башни. Совсем рядом Крепкостенная Троя, рукой подать. Моя б воля, завтра же послал бы половину войска в обход, за горы. Пора брать Приама за горло по-настоящему! Да только не моя пока воля — Агамемнона. А тот все больше добычу считает и делит. А с Лигерона-малыша, лавагета нашего, что возьмешь? Взвизгнет, коней в самую толпу вражью погонит... Хоть бы этого Алкима, Одиссеева дядю, лавагетом поставили! Все больше толку...

Опустился на колени, зачерпнул желтую теплую воду, там, где почище было, где крови меньше, поднес руку к потному лицу...

Расплескалась вода! Вовремя я заметил, как слева, совсем близко, золотом сверкнул на солнце чей-то панцирь. Хризосакос в шлеме рогатом забрел? Или?..

Вскочил, схватил с песка копье, повернулся.

Враг!

В золоченом панцире, в шлеме золоченом, забрало на лицо надвинуто, копье длиннотенное на плече... Вот как бывает! Все бежали — он не бежал. Тот еще вояка, значит!

— Ну, радуйся! Что, жить надоело?

— Радуйся! — засмеялись из-под забрала. — А чего бояться? Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков, слыхал?

— Листьям в дубравах древесных... — повторил я, опуская

копье. — Красиво... и страшно. И кто же ты, такой смелый? Какого роду-племени?

Он снял с плеча свое длиннотенное, подумал, осторожно положил на песок. Мне и самому расхотелось драться.

— Зачем спрашиваешь о роде, сын Тидея? — рассмеялся тот, который не бежал. — Начну предков перечислять, мы тут всю войну проскучаем!

Он говорил по-ахейски, красиво и чисто. Мне это понравилось еще больше.

Я огляделся. За рекой, у троянских стен, варвары собирались возле колесниц, из открытых Скейских ворот выбегали новые воины. Еще немного — и поползет толпище вниз, с холма... А наши все мертвецов из доспехов выковыривают. Ну, Агамемнон!

— Ладно, давай скучать, — решил я. — Полезут твои, тогда и начнем доспехи портить!

Я бухнулся прямо на песок, он присел напротив. Расстегнула рука ремешки золоченого шлема.

...Курносый, короткая бородка (точно как у меня, только светлая), яркие губы.

— Тогда отгадай загадку, Диомед Тидид, ванакт аргивянский. Пращур мой камень таскал, дед по небу летал — а я в Ликию попал.

От неожиданности я рассмеялся. Рассмеялся, думать стал. С камнем — неясно, с Ликией — тоже (мало ли здесь ликийцев?), а вот по небу...

...Ну точно мы с дядей Эвмелом в его горнице!

— По небу летали Персей и...

— Не попал! — хмыкнул курносый.

— ...и Беллерофонт, который на Пегасе Крылатом. Ты... Ты — родич Беллерофонта?!

От неожиданности я вскочил. Не может быть! Беллерофонт, победитель Химеры Огнезевной, деда Ойнея побратим!

«...К алтарю Телефа... Там... Там... Там мы поклялись в вечной дружбе... с Беллерофонтом. Он... Кубок, найдите кубок!.. Беллерофонт...»

— В цель, — кивнул парень, но уже серьезно. — Пращур мой Сизиф камень катал — говорят, и до сих пор тужится, дед Беллерофонт летал — долетался, а я — Главк, сын Гипполоха, наследник ликийский. Ну, со свиданьицем, внук Ойнея Бесстрашного!

Хорошо, когда можно забыть о войне, хотя бы на час. Хорошо, когда можно сидеть на горячем песке, разговаривать, вспоминать... Ойней Бесстрашный! А я деда все больше Живоглотом величал!..

— Они не сдадутся, — неторопливо рассказывал Главк Ликиец, — Троя не сдастся, Диомед, пока живы Гектор и Парис. Парис — он бешеный, болтают, будто он вообще не человек...

Я невольно вздрогнул. Не человек... Кто же?

— ...А Гектор твердо надеется на союзников. Войско Суппилулиумаса не так и далеко.

Я кивнул, соглашаясь. Агамемнон, кажется, напрочь забыл о хеттийцах. А зря!

— Общий у смертных Арей[1], Главк Гипполохид! Все может быть. Если мы ворвемся в Трою, пленных будет мало. Очень мало! И я не завидую этим пленным. К тому же я слыхал, что Суппилулиумас не прочь наказать Приама. Троя не слишком спешила платить дань в последние годы!

Он подумал, посуровел лицом.

— Ты прав, Диомед Аргивянский. Общий у смертных Арей... Но с Гектором говорить бесполезно. Поговорю с Геленом Прорицателем, его братом. Он никогда не хотел этой войны...

Крепкие пальцы взялись за застежки панциря. Золоченое чудо легло на песок, рядом со шлемом.

— Держи, Тидид! Обменяемся на память!

Хотел я ему сказать, что мой доспех, тот самый, который мне куреты-родичи подарили, старый, латанный вдоль и поперек, и десятой доли не стоит. Но не сказал. Еще обижу парня! Он, по всему видать, не дядюшка Терсит. И не Агамемнон.

— Расскажу, что самого Диомеда ободрал, — хмыкнул Главк, примеряя мое старье. — Так ведь все равно не поверят, побратим!

— Еще чего! — возмутился я. — А вот мне поверят. Снял я, скажу, с Главковых персей корысти, в золоте ярком оне!..

— Весь в дедушку Ойнея! — печально рассудил внук Беллерофонта.

— Слышали? Слышали? Дивное дело случилося нынче на поле у Трои. Чудное! Насмерть повержен был Главк Диомедом Тидидом. Пал Главк на землю, взгремели на павшем доспехи. Оные тут же герой Диомед у кровавого трупа исхитил. После ж,

[1] Пословица, смысл которой — непостоянство военной удачи.

напротив, упал Диомед, длиннотенным Главка копьем прободенный насквозь. И корысти тот с Диомеда-царя посрывал... Следом же оба воскресли.

Сквозь сон — шум непонятный. Сквозь сон — голоса. И даже не проснувшись, даже глаз не открыв, понял...

— Беда, Тидид!

Приподнялся, плащ откинул, сел.

— Что?.. Кто?

Возле костра — все трое. Сфенел, Эвриал, Фоас. На бледных лицах — красный отсвет, словно пламя Гадеса на миг прорвалось из-под земли.

— Паламед. Агамемнон и Одиссей убили Паламеда...

«...ОНИ будут воевать чужими руками, человеческими».

«...Агамемнон служит ИМ, даже не понимая этого. Мой родич Одиссей назвал цену, и его купили. Я думал, что с НИМИ можно иначе... на равных. Я был дураком, Тидид. Мы умрем. Я не вернусь...»

Вы оба были правы, Сияющие, мои братья по великому знанию, знанию о Номосах и Едином! ОНИ воюют чужими руками, Чужедушец! ОНИ не простили тебя, Эвбеец!

— Ты, понимаешь, Тидид, что сейчас начнется? Паламед был сыном Навплия, теперь Эвбея выйдет из союза, переметнется к Приаму, нас окружат с моря!..

Если бы только это, Смуглый, если бы только это! Когда ИМ надоест воевать чужими руками, Паламеду уже не стать рядом со мной плечом к плечу...

Рассказывали долго, перебивая друг друга, споря, а я только усмехался — горько, безнадежно. Все как в той байке с хитоном: то ли он хитон украл, то ли у него хитон украли, но что-то с хитоном точно было! Паламед, наследник всемогущего Навплия, предает нас за мешок золота? Да этим золотом на Эвбее улицы мостят! Видать, не поделили Лаэрт Итакиец и Навплий Эвбеец, старые пираты, наше винноцветное море. Это и есть твоя «война по-человечески», хитромудрый Одиссей?

...Или просто ОНИ приказ отдали?

— Кто предатель, зачем предатель, за сколько предатель — это теперь в Гадесе разберут, — наконец рассудил мрачный Фоас. — Ну, пусть Одиссей прав, трижды прав, семь раз прав. Пусть даже Паламед нас продал, родину продал, дедову могилу продал, да? Что делать нужно, родичи? Судить нужно, войско собрать, свидетелей пытать-допрашивать. Вдруг оговорили хорошего человека, а? А тут никого не позвали, накинулись, кам-

нями побили, понимаешь! Давай, Тидид, народ собирать, всех собирать, Агамемнона судить, за убийство судить...

...И встанут микенцы в рогатых шлемах вокруг своего вождя, и ударит медь о медь, и рассмеются троянцы за Скамандром, и расхохочутся ОНИ на Олимпе, запах свежей крови чуя. Нашей крови — крови Гекатомбы.

— Молчать! — решил я. — Не время сейчас. Потом, если выживем...

Дураки под предводительством дурака в Кроновом Котле...

* * *

Беда не приходит одна, а все с детишками. Пришла беда — отворяй ворота. То не беда, что возле дома — лебеда, вон храмы горят — и то боги не шумят...

— Я, Нестор Нелид, конник геренский, старейший меж вами, прошу сверх доли двудонный кубок из золота, посеребренный внутри, с пластинами и голубками!

— Да не будет тебе отказа, богоравный Нестор...

Век бы мне на это сонмище-эклессию не ходить! Но все-таки пошел. Думал, соберется войско на площади возле шатра Атридова, о деле заговорит, тут и самому словечко вставить можно. Да только где там! Вышел Зевс-Агамемнон, посохом Пелопсовым махнул, бородой козлиной тряхнул, добычу делить принялся.

Самое время нашел!

Кое-кто хмурится, кое-кто от радости прыгает (вон Терсит-дядюшка в первый ряд пробился!), а кое-кто просто лясы точит. О том, как Паламед-изменник в котлы с кашей яд подсыпал, о том, что пришлось-таки Агамемному Хрисову дочь отцу вернуть, дабы мор прекратить.

...Лучше бы ямы выгребные вычистил, богоравный!

Я уже повернулся, чтобы уйти (и без меня дядюшка Терсит обойдется!), так не дали. Эвриал Смуглый не дал. Сам же виноват, трезенец, сломал ось у моей колесницы, пока возле Скамандра геройствовал, Диомеда из себя строил. А теперь пристал: попросим новую, самую лучшую, адрамитской работы, ведь не откажут Аргосу!.. Махнул я рукой. Колесница так колесница, адрамитской так адрамитской...

— Доля симийцев! Трехкорабельный жребий!

— Я, Нирей Харопид, наследник басилевии Сима, прошу сверх доли сей дивный шлем с рогами бычьими...

Вот и стою, столб нетесаный изображаю, на дядюшку Терсита смотрю (ох, зря не удавил!), на остальных, все они тут...

...А ведь прав Подалирий, Асклепиев сын! Не узнать нашего Лигерона. Уехал мальчишка — муж зрелый вернулся. Седой... Только улыбка прежняя — детская, веселая. Меня заметил, рукой махнул, засмеялся. Видать, и вправду рад!

Сжалось сердце на миг, на капельку воды из клепсидры. Не пережить тебе Трои, малыш! Копье пощадит — старость догонит. Закроет десятилетний старец усталые глаза...

Что ВЫ делаете с нами, сволочи?!

— Доля Аргоса! Восьмидесятикорабельный жребий!

Ну, наконец-то!

— Я, Диомед Тидид, ванакт аргосский, сверх доли нашей законной прошу колесницу адрамитской работы...

Переглянулись богоравные, войско переглянулось. Кивнул Зевс-Агамемнон, этак незаметненько...

— Да не будет тебе отказа, славный воитель Диомед!.. Да не будет!..

Ну еще бы! Вон Асклепиады-затейники дюжину пленниц попросили — от запора лечить, не иначе. И то не отказали.

Щелкнул я Эвриала по носу его черному, рукой махнул. Пошли, губитель колесниц, все равно на новой сам ездить буду, тебя не пущу. Показал мне богоравный Менестид язык (черный!). Мол, сам возьму и спрашивать не стану.

Сомкнулась толпа за нашими спинами...

— Мое!

— Я вождь вождей, ванакт Микен!..

— Мое!

Что такое? Словно Дий громом грянул, да не просто, а на два голоса. Первый голос-гром — понятно кто («Я вождь вождей!»), второй...

— Мое-е-е!!!

Неужто малыш Лигерон? Ого, ну и голосина!

— Я повторяю!.. в последний раз!.. прошу сверх доли...

— Мое! не по правилам!

— Я повторяю...

— А я обещал! Честное слово!

— Мальчишка! Как ты смел раздавать обещания до дележа?!

— Мое!

Никак уже дерутся?

Да-а-а... Как говаривал бедный дядя Эвмел, муза, воспой...

Муза, воспой богоравного дурня, который с глупым мальчишкой повздорил, да так разругался, безумный, что помирить не смогло их и целое войско. Лаялись смертно, а после мальчишка,

обиду больше не в силах снести, перед богами поклялся: в бой не идти и в шатре пребывать, ожидая кары всевышней обидчику. Что же причиной тут стало? Некая дева задастая — уд у обоих чесался! Смейся и плачь — зад отвислый войны им важнее. Что же тут скажешь? Свершилась Зевесова воля!

Седой малыш плакал. Плакал, утирал слезы огромным кулачищем, размазывал по небритым щекам.

— Нет, нет, не хочу! Не пойду! Пусть без меня умирают. Все умирают! Все! Вы хитрые, вы долго проживете, вы домой вернетесь, да? Не выйдет, дядя Диомед, не вернетесь. Я умру — и вы умрете!

Плакал седой мальчишка, лавагет Великого Войска, непобедимый Лигерон Пелид, прозываемый также Ахиллом. И пусты были для него мои слова. Я уже понял: дело не в толстозадой пленнице, которую увел в свой шатер дурак Агамемнон. Точнее, не только в ней. Малыш понял, что смертен. И понял, КАК смертен.

— У вас у всех много жизней, дядя Диомед! Много! А у меня ничего больше не будет! Я что, много прошу, да? Я что — жадный? Один раз попросил...

У обреченного больного ребенка отобрали игрушку. И что теперь говорить о войне, о том, что без Лигерона нам придется туго, поскольку полюбила его Паника-дочка на страх троянцам, что всем остальным станет не по себе перед лицом Таната, что отказ лавагета идти в бой — это развал войска...

— Ты не должен меня уговаривать, дядя Диомед! Не должен! Вот дядя Одиссей...

— Кто?!

От неожиданности я вскочил. И тут Любимчик?

— Да! — шморгнул носом непобедимый герой. — Он меня любит, да! Он правильно говорит: не ходи в бой, не надо, злые они все, плохие... Ой, он же просил никому не рассказывать!

— Ничего, — вздохнул я. — Считай, что у меня уши заложило.

...А здорово у Любимчика получается! Паламед убит, Лигерон отказывается воевать, в лагере — смута. И это за пару дней! Так сколько там Атрид обещает за голову Приамова лазутчика?

— Ой, плох, плох, плох
Ты, Зевс Эгиох!
Ой-ей-ей-ей!
Ой, прислал ты к нам зря

Агамемнона-царя!
Ой-ей-ей-ей!
Ой, хил, хил, хил
Лигерон Ахилл!
Ой-ей-ей-ей!
Слишком слаб, слаб, слаб
Лигерон на баб!
Ой-ей-ей-ей!

— Посты удвоить, куретов отозвать сюда, в лагерь, спать по очереди, никакие приказы не выполнять, кроме моих!

— Да, ванакт!

Если сам себя не похвалишь, кто тебя похвалит? Как чуял я, когда приказал поставить аргивянские шатры в самом опасном месте — по обеим сторонам устья Скамандра. Если беда, если обнаглевшие троянцы (наверняка уже знают!) ударят по лагерю, хоть пополам нас разрезать не смогут — как червя лопатой.

— Что там?

— Мирмидонцы дерутся с микенцами. Пока без крови — кулаками...

Пока... Это пока...

Тихо тут, среди наших шатров. Словно в сердце бури. Рассказывал как-то Идоменей-критянин, что у каждого урагана есть свое «сердце», где все покойно, невозмутимо. А вокруг...

А вокруг наших шатров — буря. И слева, и справа. Вопят, ругаются, спорят, свару вождей обсуждают. И добро бы на трезвую голову обсуждали! Кулаки — еще ладно...

Ох, вовремя меня Атрид воеводской власти лишил! Моя бы воля, аргивяне с куретами давно бы порядок в лагере навели. А так, что мне осталось? На острове среди бури сидеть, посты удваивать... Вовремя! Иной вопрос, для кого — вовремя? Небось в Трое, на Пергаме-акрополе, уже жертвы приносят Мудрости Агамемноновой! А ведь это только вечер, что наутро будет? Вот спустится с небес розоперстая Эос...

Дураки под предводительством дурака в Кроновом Котле!

* * *

Только спустилась с небес розоперстая Эос...

— Ванакт! Ванакт! В лагере...

— Тревога! Строиться!

За пологом шатра — непрошеный туман. Серый, мерзкий, липкий. За пологом шатра — встревоженные гетайры. А чуть дальше, за туманом...

— Навоевались!

— По кораблям!

— Отплываем!

— Гори она, эта Троя!..

Не видать — зато слыхать. И очень хорошо слыхать!

— Предали, предали!

— Окружают!

— По кораблям!

— Троянские колесницы в лагере! Слоны!..

И — топот, будто и вправду слоны из Ливии прямиком к нам пожаловали. Все ясно...

Только спустилась с небес розоперстая Эос, Паника-дочка взлетела со криком зловестным...

Медный аргивянский клин рвался к площади собраний, к Агамемнонову шатру. Если смута, мятеж, если гуляет среди войска Паника-многоголосая, вождей режут первыми. А каким бы ни был Агамемнон-дурак, его смерть — конец. Всем нам.

Пока Танат только примеривался. Не резались. Просто бежали — без оружия и с оружием, с узлами награбленного и так. Одетыми. Голыми. Трещали подпорки дельфинов-кораблей, скрипели днища по мокрому песку.

— Домой! Навоевались! Домо-о-о-о-о-о-о-о-ой!

Не выдержал я, кивнул Мантосу-гетайру. Одного крикуна, самого голосистого (куда там Талфибию-глашатаю!), схватили, встряхнули как следует.

— И куда бежишь, человече?

Моргнул крикун удивленно, сглотнул, глаза вылупил:

— Так что... Так что по воле ванакта Агамемнона! Ванакт Агамемнон приказал, сам слышал. Домой всем, стало быть!..

Не поверил. Потом еще раз огляделся, подумал...

Поверил.

На площади собраний — толпа. То ли дерутся, то ли просто руками машут, сразу и не разберешь.

— ...Стойте, ахеяне! Неужели вы покинете этот берег, оставив вероломных троянцев злорадствовать над вами?! Я уже вижу, как они бахвалятся...

Ага, нашелся кто-то разумный! А голос-то знакомый!

— ...своими подвигами, называя вас не иначе, как трусливыми ахейскими собаками!..

Любимчик!

— ...Если сегодня мы откажемся продолжать битву — завтра троянцы сами явятся к нам! Кто сможет тогда поручиться за ваших жен, за ваше имущество?..

Странное дело — его слушали. Слушали, переглядывались. Просыпались...

Я облегченно вздохнул. Сотню-другую остановит, все польза. Но где Агамемнон, Гадес его побери?

Вождь вождей богоравный Агамемнон Атрид уныло бродил возле собственного шатра. И столь же унылым был лик Медузы на его щите. Бить я его все-таки не стал. Поглядел только — со значением.

— Да кто же его знал? — дернулся длинный нос. — Я же проверить их хотел, дух укрепить. Сказал, мол, хотите домой — плывите...

Ой, дурак!

— Я... Я Менелая послал с его спартанцами на берег, чтобы всех того... обратно. Ты бы помог...

Махнул я рукой. Что с этаким разговаривать?

Пару кораблей пришлось разворачивать чуть ли не у горизонта. Спасибо Идоменею — не сплоховал, вовремя дозорные кимбы наперерез послал. Да и спартанцы Менелая оказались молодцами — выставили древки копий, между шатров рванули. Суровые они ребята, похлебку из бычьей крови едят! У многих крикунов потом афедроны чесались.

А еще повезло нам — до одури, до невозможности. Не ударили троянцы, не успели. Видать, заспались в своей Крепкостенной!

Повезло — но не слишком. Очумелое стадо на бой не выгонишь — разбегутся. А пока стадо снова войском станет!..

— Я вот что сделаю, Тидид. Когда троянцы из ворот выйдут, на колеснице подскочу и крикну, что все они — не мужчины. А если мужчины — пусть сперва поединщика выставят. Париса! А пока мы с ним драться будем, ты войско привести в порядок успеешь.

— Молодец, Менелай! Только... У тебя же кровь...

— Гнилая? А что мне терять, Диомед? Считай, что я уже мертвый.

— Убьешь Париса?

— Убью!..

Уже пели трубы, уже отворялись Скейские ворота, уже запоздавшая Кера прочищала горло...

— Э-э, Диомед-родич! С нами иди, Диомед-родич...

Странным было лицо Мантоса-гетайра. Непонятным. Очень куретским каким-то.

...Дядюшка Терсит лежал прямо на земле. Пластом лежал.

Кулем — окровавленным, изуродованным кулем. Лежал, ртом разбитым хлюпал. Молча стояли вокруг куреты. И калидонцы стояли — так же молча. И недоброй была эта тишина.

— Избили твоего родича, брат Тидид, — наконец вздохнул мрачный, как ночь, Фоас. — Дядю избили. Этолийца избили! Не за дело избили, не за дело изуродовали, не в честной драке! Понимаешь?

Я понимал. Кем бы ни был дядюшка Терсит, как бы ни примеривался я к его горлу, сейчас он был этолийцем.

Родичем.

— Кто?

— Одиссей...

Почему-то я не удивился.

— Шум был, крик был, спор был. По обычаю спорили, как положено, как заведено. Одиссей жезлом его бил, сильно бил, старика бил. А мы этого Одиссея братом считали!..

Слова были лишними, пустыми. Все и так ясно. Ты все предусмотрел, Любимчик, муж, преисполненный козней и хитрых советов! Ты знал, что я никогда не подниму руку на товарища по оружию, кем бы он ни был. Одно ты забыл, хитромудрый, об одном запамятовал. Я этолиец. Ты пролил кровь моего рода.

Отныне ты мой кровник, Одиссей Лаэртид!

...А за желтым Скамандром, возле Ватиейского холма, белокурый мальчишка с седыми висками срывал голос, вызывая на бой того, кто лишил его счастья, лишил жизни.

Менелай Атрид бросал вызов Трое.

Надо было воевать дальше.

АНТИСТРОФА-II

Я гнался за Энеем.

Ныло пропоротое стрелой плечо, пот заливал глаза, исхлестанные бичом кони обиженно ржали, но я видел только одно — несущуюся по неровному полю золоченую колесницу и высокого широкоплечего здоровяка в огромном гривастом шлеме. Эней уходил, убегал, уносился к спасительным стенам. Дарданец не принимал боя, как и позавчера, вчера, сегодня утром...

Я положил руку на плечо Капанида. Сфенел понял, вздохнул, придержал измученных лошадей. Эней Анхизид, сын Пеннорожденной, сын ТОЙ, что убила мою Амиклу, ушел.

Война сходила с ума. Война корчилась, рвалась на клочья, распадаясь на мелкие схватки, на поединки, на драки, когда в ход шли не мечи — кулаки. Вожди гонялись за вождями, не об-

ращая внимания на козопасов в полотняных панцирях, строй превращался в месиво, в кровавое болото, в кровавую лужу.

Война сходила с ума. Я не удивлялся. Иначе и быть не могло.

— Да ты же ранен, Тидид! Поехали в лагерь, ты кровью истечешь!

— Не стоит. Перевяжи... чем-нибудь...

Меня подстрелил Пандар, лучший троянский лучник, в последние дни сопровождавший нас с Капанидом, словно тень. Не на своей колеснице — на Энеевой. Позаботился Анхизид, чтобы было кому спину его широкую прикрыть! Вчера стрела только скользнула по золоченому панцирю (спасибо Главку-побратиму!). Сегодня ему повезло больше — острый бронзовый наконечник пробил правое наплечие.

Будем чем гордиться его душе в Темном Аиде, когда какой-нибудь доброхот напоит ее жертвенной кровью, возвращая память! Забыл Пандар-стрелок, пытавшийся добить аргивянского ванакта, что в Аргосе копье учат кидать и левой рукой. Забыл — или не знал. Я вбил бронзовое жало прямо в разинутый от удивления рот. А вот Эней ушел. Скинул труп с колесницы, перехватил вожжи, заорал дурным голосом...

— Да не дергайся, не дергайся, Тидид! Понимаю, что больно! Слушай, этот Пандар... Тот самый, что в Менелая стрелял?

— Тот самый...

Белокурому не дали убить Париса. В самый разгар поединка, когда белый от ненависти Атрид уже дожимал врага, стрела Пандара пробила ему плечо — как и мне, только левое. Бежал Парис-Петушок[1] быстрее лани Керинейской, да так, что после болтали, будто его Афродита по воздуху в Трою унесла.

На темном облаке.

Я этого не видел — приводил в чувство ополоумевшее от глупости Атрида-старшего войско. Успел! Прикрыл нас Менелай узкими плечами, замазал глаза Керы своей больной кровью. Хорошо, что затянулась рана — не сразу, к вечеру...

...А еще болтали, что не один Пандар-клятвопреступник стрелу к тетиве прилаживал. Другой был, тоже целился, только троянец первым успел.

Другой.

Уж не из своего ли знаменитого лука целился ты, Любимчик? Из того, о котором ты мне в Калидоне все уши прожужжал? Ничего, с Пандаром я уже переведался...

---

[1] Петушок — Парис имел прозвище Александр, которое можно перевести как «Петух Мужей».

— Во! Готова повязка, не хуже Асклепиевой будет. Слушай, давай тебя все-таки в лагерь отправим! Мы тут с Эвриалом сами...

— Нет, нельзя. Ты же видишь, как они обнаглели!

Да, обнаглели! Вон снова собираются, впереди две колесницы, за ними толпа в широких белых плащах, покрытых медными бляхами. Пеласги? Пеоны? Да какая разница!

Быстро Ирида-вестница обернулась! Все узнали в Трое: и про нелепую ссору дурака с малышом, и про Паламеда, и про Панику-дочку. Узнали, спесью-наглостью до ноздрей налились. А у наших точно душу вынули. И теперь они давят, не мы. Они наступают, они заливают Скамандр нашей кровью. Уверен в себе Гектор-лавагет, даже на ночь войско за стены не уводит, того и гляди до кораблей наших доберется.

Что мы можем? Что и раньше — бить вождей, разгонять толпы варваров. Договорились меж собой: Аякс Большой Гектора на себя берет, Аякс Локриец — его брата Гелена, я — Энея.

...А кого же еще? Кто ЕЕ сын?

Держимся, деремся. Скверно деремся, ежели честно. А тут еще этот Рес...

— Капанид, колесницы видишь? Правь на левую! Ну чего скис? Мы — Аргос, басилей Сфенел! Ну!

— Арго-о-о-о-ос! Уноси тепленького-о-о-о!

Война сходила с ума.

— Да мы! Да мы тоже!.. Мы их!.. Гипенора-царя убили, Демакоона Приамида убили, Антифа Приамида убили, Ферекла-корабельщика убили, Пироса-фракийца, Гипсенора-долопа, Сарпедона-ликийца, Симоисия-дардана, этого... пеона, у которого колесницу ослы возили...

— Ослы! Ослов одолеть просто! Убить-то убили, да только сами... Считай: братья Доклесиды, Орсилох и Крефон, погибли, Менесф и Анхиал, дружки Аяксовы, погибли, Левк-итакиец погиб, Диора Амаринкида фракийцы проклятые пополам разрубили...

— Точно, точно! А кто жив, почитай, все переранены: и Агамемнон, и Диомед, и Одиссей, и Менелай...

— Вот мирмидонцам хорошо, трусам этим. Сиди в лагере, живот чеши...

— Да не живот они чешут!

— А еще этот Рес-фракиец. Слыхали? Бог он, вот кто! Не ху-

же Арея-Ярого бог! Стоит ему до Трои добраться, на Фимбрийскую равнину ногой стать...

— Да ну, и не таких Ресов резали!

— Не скажи! Рес не прочим чета. Чистый бог! Уже все знают: стоит ему коней, значит, своих волшебных в Скамандре напоить, то все! Никогда нам Трою эту проклятую не победить — даже если три Лигерона в бой пойдут.

— Бог... кони... Чего ты мелешь, пень амбракийский?

— Сам ты пень амбракийский!

Над Фимбрийской равниной — черное звездное небо. Отражается небо в земной тверди, рассыпается тысячью блесток-костров. Недобрый огонь на небе, недобрый огонь на земле...

Близко, совсем близко звездочки-костры. Они уже за желтым Скамандром, за могилой амазонки Мирины, где дрался с Парисом белокурый Менелай Атрид. Совсем рядом враг. Притаился у огня, не спит, ждет, старую желтую траву палит. А за блестками-кострами, за черной зыбкой тьмой — Троя.

Крепкостенная.

Неприступная.

Троя-Армагеддон.

* * *

Сквозь вязкое забытье. Сквозь безвидную бездну...

...Мама целует, мама гладит по щеке — как тогда, в невозможно далеком детстве, когда папа был жив и все были живы...

Зачем ты мне снишься, мама? Зачем?

— Я здесь, маленький...

Холодный пот на лбу, холодный пот на ладонях, холодные угли погасшего костра. Мама сидела рядом — незнакомая, чуть сгорбившаяся, в тяжелой темной хлене.

— Мама?!

И даже сквозь радость, сквозь растерянность и ужас — боль. Мама... С ней что-то... С ней что-то не так!

— Постарела, правда? — улыбнулась она. — Теперь уж точно Совой звать будут.

Постарела... Тонкая кожа-пергамент в сетке морщинок на костистом лице, чужие огромные глаза... совиные. Волосы... Неужели седина? Что за глупость? Это же мама!

— Неправда! Ты... Ты самая!..

Тонкие сухие пальцы, пальцы старухи, осторожно коснулись моего лица.

— Конечно, маленький! Ведь я твоя мама, а ты — мой сын. Но все рожденное старится. Даже МЫ. Всему есть свой предел. А здесь, в Кроновом Котле...

В Кроновом!..

И тут я проснулся окончательно. Проснулся, дернулся, рывком сел на расстеленный по траве плащ. Это не сон. Это — Троя. Моя мать, Афина Паллада, Афина Промахос, Афина Сальпинга Победоносная, пришла ко мне, своему сыну.

Своему врагу.

— В Кроновом Котле? — повторил я. — Ошибочка, значит, вышла? Хотели выморить нас, а попались сами?

Она кивнула — спокойно... обреченно.

— Да, сынок. Только не ошибка. МЫ знали, на что идем. Но выхода не было. Смерть следовало запереть, не дать ей вырваться. Время — лучшая стена, Диомед.

Смерть? Это мы — Смерть?! Мы — ИХ дети?! Кто же тогда ОНИ?

— Ты знаешь, сынок, я была против Гекатомбы. И многие из НАС были против. Родители убивают детей — что может быть страшнее? Можно было подождать несколько веков, ведь вы, увы, смертны. Ваши правнуки будут уже обычными людьми. Но Отец... Твой Дед узнал что-то. Говорят, это «что-то» сообщил ему Прометей в обмен на свободу. Медлить было нельзя...

— Вот даже как? — оскалился я. — Может, объяснишь мне... напоследок?

— Нет, — все так же спокойно ответила она. — Мы все поклялись водами Стикса. Ты знаешь, что это такое, мальчик!

Я отвернулся, чтобы не видеть ее лица. Отвернулся, до боли сжал пальцы. Лучше бы мама не приходила — никогда, никогда! Я бы запомнил ее... настоящую.

— Могу лишь намекнуть, Диомед. Ты же умный мальчик, ты — Сияющий. Твой дядя... Геракл не рассказывал тебе о Флеграх, о Гигантомахии?

— Да при чем тут Флегры? — не выдержал я. — Гигантомахия — скажешь еще!..

Не договорил. Замер. Гигантомахия... Армагеддон на Флеграх... ОНИ — против змееногих и змееруких чудовищ. А Щербатый в бреду вспомнил...

...Титаномахию!

— Все равно не понимаю! — вздохнул я. — Мы не гиганты, не титаны. Мы просто больные выродки. Нас убивают, мама! Каждый день, каждый час!

Она молчала — долго, невыносимо долго. Наконец послышался голос — незнакомый, чужой.

Страшный.

— Ты проклянешь меня, мальчик, ты никогда мне не простишь. Но я скажу. Тогда, под Фивами, не Меланипп-фиванец убил твоего отца. Тидея убила я — убила человека, которого любила больше жизни, больше бессмертия. Убила, потому что ТОТ, кем стал твой отец, не имел права жить.

— Неправда, — даже не думая, вздохнул я. — Этого не было, мама.

И снова молчание — долгое, тягучее. Темная мамина хлена словно оделась камнем.

— Зачем ты пришла, мама? Думаешь, мне стало легче? Ты убила отца, скоро убьют меня... Можно было просто сказать: «Прощай!»...

Безмолвствовал камень. Шумела где-то совсем рядом невидимая река.

Плещет, плещет...

— Завтра будет тяжелый день, Диомед. Страшный день. Ты ранен, сынок. Прошу... Нет! Приказываю... заклинаю... молю! НЕ ИДИ В БОЙ!

Ее тихий голос был еще тут, со мной, но мама уже исчезла. Никого!.. Измятая трава, угли погасшего костра, ледяной холод в сердце... Лучше бы ты убила меня, мама!

Лучше бы ТЫ убила меня...

* * *

Страшный день начинался совсем не страшно. Привычная суета, наскоро проглоченный кусок холодного мяса, серебряный голос трубы... Война торопила, подталкивала в спину. Враг уже строился, собирался возле колесниц, готовясь к броску.

Еще один день Армагеддона...

Менелай догнал меня в лагерных воротах, когда аргивяне быстро, привычно разворачивались фалангой.

— Тидид! Погоди...

«Годить» было некогда. Колесница (та самая, адрамитской работы) уже ждала, Капанид-возница нетерпеливо притоптывал, поглядывая на приближающегося врага.

— Диомед! Елена... Она ночью приходила! Я вначале поду-

мал, что это сон... Она запретила мне сегодня идти в бой! Понимаешь? Она запретила...

«...НЕ ИДИ В БОЙ!»

Отвечать было некогда, да и что тут ответишь? Бой уже начался, Кера прокричала, и страшный день вступил в свои права.

— Вы!.. Вы недостойны своих отцов! Да! Ваши отцы были героями, а вы!.. Они... под Фивами!.. А вы!..

Дий Подземный принес сегодня Агамемнона! Добро б еще молчал, щеки надувал (нарумяненные!), как и положено Зевсу — а заодно и верховному вождю. Так нет же, носится на колеснице, орет.:.

— Трусы!.. Вперед, на врага! Вперед! Вашим отцам стыдно за вас в Аиде!

Зарычал Сфенел, оскалился Аполлоном Волчьим. Я только отмахнулся. Пусть орет! Две атаки мы отбили, сейчас начнется третья, дарданское полчище разворачивалось, неуклюже пытаясь выстроиться «вепрем»... Вояки!

— Диомед! Ты недостоин называться...

Еще... Еще чуть-чуть, пусть смешают ряды, знаю вас, дарданы, строиться вы не умеете, и шаг держать не умеете, а за такие вещи полагается бить — и крепко бить!.. Сияющая золотом колесница, подпрыгивая на ухабах, выкатилась вперед.

Эней!

Я махнул рукой. Пора!

— Арго-о-о-ос!

— Эй, аргивяне, племя отважных!
Азия нас вызывает на битву.
Но от Олимпа до вод Океана
Всех аргивянский Арей побеждает!
Аргос — Победа!
Аргос — Победа!

Отдохнувшие за ночь кони рванули с места. Я иду к тебе, Эней!

На этот раз они не успели отступить. Эвриал оказался молодцом — бросил свои сотни вдоль берега Скамандра, отрезая путь к бегству. Дарданы попали в котел — надежный, не хуже Кронова. Им осталось одно — умирать. И они умирали.

Золоченая колесница Энея Анхизида досталась нам, и торжествующий Деипил-толстозадый (увязался за Сфенелом, паршивец!) повел под уздцы кровных дарданских коней. Слева и справа наши тоже дожимали — Гектора, раненного еще в самом

начале боя, увезли на колеснице к Скейским воротам, спартанцы Менелая погнали пеласгов, а ревущий от гнева и азарта Аякс Теламонид домолачивал воинство какого-то лидийского басилеишки. Самого басилея он уже домолотил — вбил в землю чуть ли не по плечи. То-то!

Оставалось одно — главное.

Эней!

Сын Пеннорожденной, ТОЙ, что убила мою Амиклу, не хотел умирать. Его уцелевшие гетайры стояли серебристой, ощетинившейся копьями стеной, их было еще много...

— Эней! Это я, Диомед! Эне-е-ей!!!

— Я здесь!

Серебристая стена расступилась. Высокий, широкоплечий детина в дорогом панцире, в гривастом шлеме выступил вперед.

— Я здесь, сын Тидея!

Он был не трус, наследник дарданский. Жаль, я не мог увидеть его лица — только глухую личину с прорезями для глаз.

Все стихло. Старый, древний обычай, все еще чтимый в земле Светлых Асов. Поединок вождей — последний, решающий. Остальные ждут, им нечего делать, когда скрещивают мечи владыки. У нас, в Ахайе, такого уже нет давно, еще с Персеевых времен. Война — не Истмийские игры! Но сейчас обычай оказался к месту. Незачем проливать аргивянскую кровь. Дарданы сдадутся сами — когда их вождь упадет на окровавленную траву.

Он ударил первым — умело, сильно. Копье пробило надежную бронзу щита, раскололо деревянную основу. Эней чуть пошатнулся, пытаясь вырвать застрявшее острие...

— Дарданы-ы-ы!

...Мое копье вошло ему в бок.

— Арго-о-о-ос!!!

Он был еще жив, еще пытался стать на колено, огромная ладонь хлопала по рукояти меча... Я поднял копье, даже не целясь, почти не глядя.

...Я ведь клялся, что попробую ТВОЕЙ крови, Пеннорожденная!

Вот и все! Бронзовое острие вонзилось...

...в пустоту.

Я вновь размахнулся, не веря, все еще не понимая...

Ветер ударил по глазам.

Вихрь.

Ураган.

Вместо окровавленной земли, вместо горячего белого неба — ничто. Клубящееся, сбивающее с ног НИЧТО.

— Назад! — заорал я, срывая горло. — Все назад! Отступать! Отступать!..

Поздно! Холодный мокрый шквал обрушился со всех сторон, вбивая людей в землю, раскатывая кровавыми пятнами по тверди...

— Наза-а-ад!!!

На какой-то миг я смог вырваться — к солнцу, к небу. Вырваться, оглянуться...

Темное облако клубилось там, где мы скрестили копья с Энеем. Тяжелое, наливающееся плотью с каждым мгновением. И вот из кипящего мрака медленно, неотвратимо выступила ОНА...

...Грузная, короткошеяя, многогрудая, косоглазая.

Афродита — Владычица Любви.

А слева, совсем близко, там, где только что бились саламинцы Аякса, крутился огненный смерч. И кто-то высокий, выше самого огромного дерева, хохотал, потрясая громадным копьем. Я узнал ЕГО, хотя и не видел ни разу. ЕГО нельзя было не узнать — Арея Эниалия, Арея-Ярого, Губителя Смертных.

Война кончилась. Началась бойня.

ОНИ пришли убивать нас.

«ОНИ нетерпеливы, ОНИ жаждут, ИХ Грибницы сохнут. Настанет день, когда ОНИ сами начнут убивать нас. И тогда начнется последний бой, последняя битва...»

«Завтра будет тяжелый день, Диомед. Страшный день...»

Странно, но страха не было. Ничего не было — только ледяное, надмирное спокойствие. Я знал, что делать. Первого же пленника — хотя бы того, что привязан к моей колеснице, — развернуть лицом к себе, взять за липкий от пота подбородок...

«Я приношу жертву богу Дамеду, великому Дамеду, Дамеду Дурная Собака!..»

ВЫ еще не встречались с богом Бешеный Пес, владыки Олимпийские?

Я выхватил меч — тяжелый, аласийской бронзы, поглядел на тянущиеся ко мне черные клочья тумана, на многогрудое чудовище, медленно поднимающее острый серп... Успею! До колесницы — два шага. Вот он, трясущийся от страха мальчишка, жертва богу Дамеду! Всего один удар...

«Тидея убила я — убила человека, которого любила больше жизни, больше бессмертия. Убила, потому что ТОТ, кем стал твой отец, не имел права жить».

Я понял.

Я все понял.

Тогда, под Фивами, раненый отец расколол череп врага, вцепился зубами в горячий мозг... Он не был безумен в этот миг, Тидей Непрощенный. Он перешагнул через огонь, как я — через невидимую реку. Отец выбрал — как и я. Успел ли он сказать: «Я приношу жертву богу Тидею...»? Кто знает? Наверное, только мама. Она была рядом, она поняла...

«ТОТ, кем стал твой отец...»

Я вновь поглядел на неторопливо ступающую ко мне грудастую Смерть, на сжигающий все огненный Смерч... Ты права, мама! Я — человек. Я не стану таким, как ВЫ!

Копье внезапно стало легким, невесомым. Камышинка — не копье. И все вокруг стало легким, простым, прозрачным.

Я рассмеялся. Смерть и Смерч шли ко мне.

Я шагнул навстречу.

Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Ярость вознес на Киприду, на дщерь Эгиоха.
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканный самими Харитами, кожу пронзило до длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых.
Громко богиня вскричав, удаляется с скорбью глубокой
Во мраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
Грозно вослед ей вскричал Диомед-воеватель:
«Скройся, Зевесова дочь! Удалися, да жива покуда!»
Смертных губитель Арей между тем усмотрел Диомеда-героя,
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.
Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть.
Но не возмог — и богам не все в мире подвластно.
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем, всею мощью своею ударив
В пах под живот, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахеян,

С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.
Тяжко стеная, вознесся он к сонму богов Олимпийских,
Молвив: «Беда! Будь на волос я меньше бессмертен,
То, прободенный, страдал бы меж страшными грудами трупов
Или живой изнемог под ударами гибельной меди!»
Так обуздал Диомед истребителя смертных Арея.

— Тидид! Тидид! Да чего ж это было? Да половина наших мертвыми лежат! Говорят, боги...

— Да брось, Капанид, какие там боги!..

Страшный день никак не хотел кончаться. Но мне было уже все равно. Почти все равно. И когда я перестраивал, приводил в чувство немых от ужаса аргивян, когда наскоро договаривался о малом перемирии (до первой звезды) с такими же неживыми от страха троянцами, когда мы уносили в лагерь окровавленные, изуродованные тела наших товарищей, одна мысль не отпускала, Стимфалийским птенцом стучала в висках...

Не все!

Это еще не все, Диомед. ОНИ больше не сунутся, ОНИ будут зализывать раны, ИМ тоже страшно, ИМ больно, но это не все, враг не только тот, кто ударяет в грудь копьем, враг — тот, кто бьет в спину сапожным шилом... Твои хозяева получили свое, Любимчик. Хозяев прогнали — пора высечь раба! Или они тебя на Олимп возьмут, Одиссей, сын Лаэрта?

А день все тянулся, снова орал Агамемнон («Почему?.. Ворота открыты!.. Трусы!.. Дождика испугались!»), снова хвалился бычок Аякс («Это я! Арея! Да не боялся ни!..»), снова резал Калхант-предатель очередную жертвенную овцу...

Я ждал. Знал — дождусь.

А вечером по лагерю пролетел-прошелестел слушок: Рес-фракиец уже возле Идских предгорий. И сам он, и воинство чубатое, и кони его волшебные.

Значит, тут нам всем и конец!

* * *

С моими гетайрами я бы никому не советовал спорить. Даже Агамемнону. То есть не так — в особенности Агамемнону. Любят его чернобородые!

— Э-э, ванакт Агамемнон! Не пропустим тебя, да! Отдыхает Диомед-ванакт, да! Ближе не подходи, плохо будет, понимаешь, да?

Слушать бульканье нашего Зевса я не стал. Но сон все равно не шел, а страшный день еще не кончился...

Встал, потер ноющее ухо (бронзовый щит, конечно, лучшее изголовье для настоящего воина, но...). Та-ак! Куреты плечи сомкнули, а за ними... Ого! Агамемнон, Менелай, Нестор Сивая Борода, оба Аякса!

— Значит, так, Диомед? Почиваешь, значит, беспечно? Забыл, что троянцы рядом, уже на холмах, уже у самого частокола?

Это не Агамемнон. Нестор это, конник Геренский, пешеходящий.

— Слишком заботлив ты, старец, — вздохнул я. — Трудов никогда ты не бросишь!

— Погодите, — поморщился Зевс-Агамемнон. — Тидид, не время ругаться...

...Да ну? И от кого я это слышу?

— ...В лагере... Паника в лагере, Диомед! Болтают, будто боги на нас сегодня напали, значит, Трои вовек не взять. А тут еще этот Рес...

— Рес действительно пришел, — перебил брата Менелай. — Войско у него небольшое, но дело не в войске. Все боятся, болтают, что завтра утром Рес напоит коней в реке...

Я кивнул. Дело, конечно, не в чубатом фракийском царьке. Все устали, всем страшно. Испуганный и усталый поверит даже в волшебных коней, пьющих на нашу погибель грязную желтую воду Скамандра.

...Помрут, бедняги! Ох и грязная вода! И трупы гниющие на дне...

— Кажется, дошло, — усмехнулся я. — Надо убить Реса? А может, еще и коней его увести? Чтобы все увидели?

— Ну-у-у-у... хорошо-о-о-о... бы-ы-ы-ы!.. И погляде-е-е-еть... бы-ы-ы-ы... где-е-е-е... враги-и-и-и... страшные-е-е-е!

Славно спели — хором!

— Возьми с собой кого хочешь! — заторопился (а вдруг передумаю?) старший Атрид. — Кого хочешь, сколько хочешь!..

Я понял — дождался. Есть!

— Одного, думаю, хватит, — пожал плечами. — Сами знаете, в таких делах надо парой работать. Товарища ранят — вытащи, а если побежит — зарежь... Есть у меня друг самый наилучший — Одиссей Лаэртид, любимец богов, басилей итакийский. Если сопутник мой он, из огня мы горящего оба к вам возвратимся!..

Вот и все, Любимчик!

От желтого Скамандра несло гнилью, земля выскальзывала из-под ног, словно кровь, пролитая за день, еще не успела впитаться. И трава пахла кровью — застывшей, спекшейся черной

коркой. Не скоро здесь смогут пастись кони... Я шел не спеша, постепенно замедляя шаг. До утра еще далеко, куда дальше, чем до смерти.

Тихий шелест травы, тихий шелест крыльев Таната...

Спешить было некуда. Пусть Любимчик спешит! Ишь, дергается, с шага сбивается.

Чует! И верно чует!

Наконец не выдержал Лаэртид — обогнал, нарочито хрустя стеблями, пошел впереди. Спина в легком полотняном панцире — не защищена, открыта — мишенью для верного удара. На что он надеется, умник? Что его дружок из Аргоса в очередной раз проявит дурацкое благородство? Поздно! Вот сейчас, не думая, выхватить короткий хеттийский меч...

Шаг.

Шаг-декат[1].

Шаг-гекатост[2].

Звезды путались в ледяной росе.

— Не могу...

Я остановился, подождал, пока рыжий обернется...

— Не могу бить в спину!..

Странным было его лицо. Будто не он, я изменник. Будто не он, я — гадюка в мокрой траве.

— Ты предатель!..

Это не я сказал, это он, Одиссей Лаэртид.

— Ты предатель, Диомед!

— ...Тише, троянцы услышат!..

Мы ругались шепотом, мы кричали шепотом, шепотом проклинали друг друга. Я припомнил ему все, и он тоже — мне. У Любимчика оказался свой счет.

И никто не взялся за меч.

Вернее, не так. За меч взялся я. За рукоять, не вынимая. Он не заметил. Или сделал вид.

— Диомед, вчера мы могли взять Трою. И опять не взяли. Надо говорить, почему?

Я лишь поморщился. Стратег-воевода нашелся! Лучший ученик дядюшки Алкима!..

Впрочем...

— Скажу! Потому что ОНИ, эти людоеды, которые купили тебя, Лаэртид, с потрохами, решили САМИ убивать нас. Обожглись, правда... И ты обжегся, Любимчик. Мы отдали долг

---

[1] Декат — десятый.

[2] Гекатост — сотый.

дружбе — высказались как хотели, от души. А теперь у тебя осталось ровно десять слов. Я буду загибать пальцы, а ты говори. На одиннадцатом я убью тебя — если не успеешь убедить, что подлец и предатель — это не ты!

Он кивнул, помолчал какой-то миг. Острые глаза блеснули вызовом:

— Жена, сын дороже всего мира. Если убьешь Олимпийцев — начнется Титаномахия!

Слов было ровно десять. Но хватило и одного.

«Титаномахия! Новая Титаномахия! Мы... Наш Номос... Мы все как тельхины с гелиадами... ЭТИ, на Олимпе, не ведают, что творят! Нельзя! Надо что-то...»

«Перед смертью Эвмел Адрастид велел передать: «...Они — часть Номоса, убивать нельзя...»

Не они! ОНИ — часть Номоса! Бестолковый у тебя ученик, дядя Эвмел! Как все просто! Просто — когда знаешь...

— Я тебя понял, Лаэртид. Мы, полубоги, становимся богами — быстро, незаметно, неотвратимо. ОНИ ошиблись, и Крон-мертвец ошибся со своим дурацким Котлом. Стоит нам сделать последний шажок, и тогда...

...Это уже случилось, когда Зевс восстал на Крона Всесильного, и погиб Номос Золотого Века. И это не случилось — совсем недавно, на Флеграх, где дядя Геракл помог остановить гигантов. А кто остановит нас, воинов Армагеддона?

Рыжий вновь кивнул, почесал нос, поморщился.

— Все-таки ты герой, Тидид! Тебе бы троянские стены лбом крушить!..

Вздохнул я, руками развел. Ну, герой. Ну, крушить...

ЭПОД

— ...Помер, — вздыхает седатый кентавр. — Помер Хирон. И Фол помер. И Несс помер. И все померли...

— А я говорю — Хирон, — не отстает козопас. — Хирон его, Лигерона, воспитывает. Геракла воспитывал — а теперь его, Лигерона. Потому что Лигерон — это Геракл сегодня! То есть, э-э-э, завтра!..

Даже во сне я не выдержал — улыбнулся. Редко так бывает, чтобы снилось все одно к одному, как и было. Хороший сон,

словно бы и не про меня. Да и про меня ли? Это сон про счастливого самоуверенного (ой-ей-ей!) молодого парня, у которого одна беда — кентавров не встречал. А вот сейчас — встретил!

...Амикла тогда была еще жива. Еще несколько дней...

— ...Помер Хирон, — вздыхает кентавр. — Пусто на Пелионе... Помер!

Вздыхает — даже хвост его гнедой подрагивает. Но козопаса не пронять.

— Не помер, говорю! Он это... прячется. По воле богов. Вот боги к нему Лигерона и привели, чтоб не хужей Геракла воспитал. Потому что мамаша ево... евойная сжечь его, Лигерона нашего, хотела! На жертвеннике! Насилу папаша отбил!

— Ик! — охотно подтвердил второй. — Отбил! Только (ик!) не сжечь хотела, а богом сделать...

Я знал, что сплю. Знал, что спать еще долго, что этим утром можно не спешить, спокойно строить ряды и даже позавтракать не на бегу. Троянцам не до нас. Рес убит, его коняги (неплохие, хоть и волшебные!) жуют сено прямо посреди площади для собраний, дабы все узрели, все убедились.

...Ох и хвалили нас с Любимчиком эти храбрецы!

— ...Помер Хирон! — вновь сообщил седатый. — Помер...

— А я говорю... — начал было первый козопас, но раздумал. — Ну и ладно! Значит, кто другой воспитывает. Потому как Лигерон должен к самой войне поспеть. Он полгода назад родился, а ему уже вроде как пять лет. А через полгода — десять будет. А еще через полгода... Это потому, что он Фетиды сын. А Фетида — богиня, из первых богиня! Она эта... титанида! Папаша — Пелей, человек, значит, а мамаша — строго богиня! Так что теперь он уже почти что бог! А может, и вообще — бог!

Смешно! Этот пьяница-козопас угадал. Вот уж верно, что с пьяными боги откровенны!

...Амикла тогда была еще жива. А если бы мне предложили, как и Любимчику, служить ИМ — за ее жизнь? А я еще ругал Одиссея!

— ...Эй, ты! Тебе говорят!

Думал — меня. Оказалось — нет, другого. Того, что нос в доски уткнул.

— Выпить хочешь? А-а, хочешь! Ну тогда спой! Спо-о-ой! Про баб! А мы нальем!

— О-о-о-ох!

Долго-долго голову поднимал, долго-долго лиру из сумы, что под столом стояла, вытаскивал...

— Про баб! Про баб! Как Зевс баб из свиней сотворил!

— О-о-о-о-ох-х!

— Про баб! — уже втроем, с кентавром вместе. — Про ба-а-а-аб!

— Тре-е-ень...

И вдруг что-то изменилось. Поначалу показалось — струна лопнула (да как ей не лопнуть-то было?). Или все струны сразу. Или крыша на нас свалилась.

Нет, не крыша! Тишина! Замерла толпа, застыла, словно кто-то всем пьяные их глотки запечатал.

А пьяница-аэд уже не сидит — стоит, и лира в руках, и пальцы не трясутся...

— К вам я пришел, о друзья, с достославной войны,
Что затеял дурак-рогоносец.
Да его братец свихнувшийся, хлыщ, для которого конь
Самых славных героев дороже.
С дюжину было еще там таких, как они, горлопанов...

Что такое? Ведь не о том была песня. Ведь он тогда пел...

— Грабили мы каждый день беззащитные Азии села!
Вдоволь там было жратвы, для разгула всего нам хватало.
Лучшие Лемноса вина и женщин, прекрасных, как Эос,
Нам корабли доставляли. Вот только иной раз
Стычки случались — тут нам не везло.
Так попался и я с перепою — враг меня глаза лишил[1].

И тут я увидел, что нет никакой харчевни, и кентавра нет, и пьяных мудрецов-козопасов. Одни мы с аэдом. Таким знакомым аэдом...

Поглядел на меня Лже-Эриний, подмигнул.

— Значит, снимся, дядя? — вздохнул я. — А песню я где-то уже слышал!

— Снюсь, — согласился тот, кто любил, когда ЕГО называли Пустышкой. — Ты у нас стал таким страшным, племянник, — прямо жуть! А песня... Ее сочинят не скоро, но кто знает, может, ее уже пели когда-то? Все идет по кругу в этом лучшем из миров! Впрочем, ежели не нравится, могу иным потешить. Как раз про тебя!

Опять подмигнул...

— Кто бы он ни был, могучий, погибели много нанес он
Ратям троянским; и многим, и сильным сломал он колена!
Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?[2]

---

[1] Стихи из романа Лайоша Мештерхази «Загадка Прометея».

[2] «Илиада», песнь пятая.

— Угу, — кивнул я. — Как есть раздраженный. Только на троянцев — во вторую очередь. Что ты там насчет коленей пел, Психопомп? Не чешутся?

— Я не захватил пальмовую ветвь, — озабоченно молвил ОН. — Кленовую тоже, даже дубовой нет[1]. Так что представь, будто я весь в ветвях, как дуб Додонский... Ну что, Тидид, — мир?

— Перемирие, дядя! — хмыкнул я. — А условия будут такие...

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МАЛАЯ ИЛИАДА[2]

СТРОФА-I

Земля исчезла, остались лишь люди. Никогда еще я не видел столько народу на Фимбрийской равнине. Толпа половодьем подступила к белым Идским скалам, заполнила истоптанные берега Скамандра, а из открытых Скейских ворот все лилась нескончаемая река. Воины в сверкающих панцирях, старики в пестрых хеттийских плащах, женщины в темных хленах, полуголые мальчишки. Река не шумела — люди шли молча, не поднимая головы. Даже птицы стихли, словно онемев. Странная, непривычная тишина повисла над Крепкостенной Троей.

Хоронили Гектора.

Третий день перемирия, третий день прощания. Все это время над городом стоял неумолчный крик, отчаянный, безнадежный, словно Троя оплакивала саму себя. Но в это утро все стихло, будто само Горе потеряло голос.

Мы были тут же — на другом берегу проклятого, залитого нашей кровью Скамандра, уже ставшего для очень многих Флегетоном. Никто не просил, не приказывал, пришли сами — все войско, все уцелевшие. Мы тоже молчали. Не было сил ни радоваться, ни проклинать. Слишком дорого стоили нам эти дни.

Скамандр-Флегетон разделял врагов, хотя неписаные, вечные законы перемирия не запрещали переходить реку. В первые

---

[1] Пальмовая ветвь — символ величия, кленовая — мира, дубовая — славы.

[2] «Малая Илиада» — греческая эпическая поэма, в которой излагались события, случившиеся после гибели Гектора.

дни так и было. Разговаривали, сидели у чужих костров, кое-кто (Любимчик!) умудрился побывать в самой Трое. Перемирие! Но эти времена кончились. Враги стали врагами, и теперь мы сходились с ними лицом к лицу только в бою.

Толпа-море за желтой рекой раздалась в стороны, образовав небольшой островок, посреди которого чернела неровная громада погребального костра. Где-то там — Приам, упрямый старый козел, где-то там его уцелевшие сыновья, вдовы и дети тех Приамидов, кто уже ушел дымом в троянское небо. Где-то там Елена. Мне даже показалось, что неподалеку от золоченого трона мелькнула знакомая синяя хлена.

Показалось...

Я оглянулся. Да все мы были здесь — выжившие в Армагеддоне. Пока еще выжившие...

Седой грузный старик, стоявший рядом со мной, внезапно по-детски всхлипнул, дернул носом, размазал слезу огромной ладонью по грязному лицу.

— Меня тоже так, дядя Диомед? Перемирие, все соберутся, да? И троянцы будут смотреть?..

— Что за мысли, лавагет Лигерон Пелид? — рявкнул я как можно бессердечнее. — Приказываю думать о победе!

Ничего не ответил мне старик. Опустил голову, вновь вытер слезу... Малыша уже никто не называл малышом. Его даже не узнавали — огромного, страшного... старого. А после гибели Патрокла к Лигерону даже боялись подходить — и после боя, и в бою. Особенно в бою. Обезумевший Ахилл убивал всех, кто оказывался рядом. Убивал, а потом, опомнившись, хватался за седую голову, падал на землю, выл...

...Как тогда, над трупом Патрокла. Дорого обошлась малышу его обида. А нам всем — еще дороже!

Война сходила с ума — и мы сходили с ума. Никто уже ничему не удивлялся — даже когда озверевший Аякс бросал во врага глыбу, которую потом не могла оттащить дюжина быков, когда горели белым огнем мои латы (Капанид-бедняга только головой покачал), когда голос Любимчика заставлял бросать оружие целые толпы. Недобоги сходили с ума. И мы, и троянцы. Резня шла на равных, но после того, как Лигерон все-таки убил Гектора...

— Как думаешь, Тидид, теперь сдадутся?

Я вздрогнул. Уж слишком незаметно подобрался ко мне муж, преисполненный козней и мудрых советов.

— Сдадутся? — Одиссей нетерпеливо кивнул на противопо-

ложный берег, где на острове-костре уже резали обреченных овец. Гекатомба на Гекатомбе...

— Парис, — вздохнул я. — Парис и... еще НЕЧТО. Так сказал Гелен.

— Ну, с Парисом просто будет... — наивно моргнул Одиссей-лучник. — А вот НЕЧТО...

С Геленом Прорицателем, младшим братом Гектора, меня свел во время очередного короткого перемирия Главк-ликиец. Познакомил — а на следующий день погиб сам, в страшной резне над трупом Патрокла.

Вот и все, побратим! Ты прав, листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков.

Хайре, Главк!

— А что это за НЕЧТО, Тидид? — задышал в ухо Любимчик. — Как думаешь?

Я поглядел вперед, за реку, на море-толпу, замершую в страшном ожидании.

— Приам ждет подмогу. Очень сильную — и не от хеттийцев. Главк намекнул...

— Разобьем! — усмехнулся неунывающий Лаэртид. — Теперь уже скоро!

Я лишь пожал плечами. Не только Главк понимал, что город обречен. Не он один был согласен сдать Трою, чтобы уцелевшие уцелели. Кое-кто из его братьев, Анхиз-дарданец, даже Эней (Эней!). Но был еще безумец Парис, был старый упрямый козел Приам...

НЕЧТО!.. Ведь мы уже почти перемололи всех, кого троянский ванакт собрал тут, на Фимбрийской равнине. Что же еще? Кто?

— А-а-а-а-а-а-а-ах!!!

Единым вздохом отозвалось прежде безмолвное море — и тут же над громадой костра вспыхнуло невысокое тяжелое пламя. И чем выше оно поднималось к темнеющему закатному небу, тем страшнее становился крик, тем страшнее голосили люди. Не крик — вой...

Отозвались и мы. Сперва неуверенно, потом все громче и громче, до хрипа, до звона в ушах:

— Хайре! Хайре! Хайре-е-е!!!

Прощай, лавагет Гектор, наш упрямый враг! Ты погиб напрасно.

Хайре!

* * *

— Ходют! — мрачно заметил Мантос-старшой. — Ходют, понимаешь, да? Днем не ходют, ночью ходют. Зачем ходют, а?

— Да какая разница? — отмахнулся я. Ох, и зря отмахнулся!

— Э-э-э, что говоришь, ванакт Диомед? Понимаешь, что говоришь, да? Думай сначала, да!..

В нашем лагере был чужак. Каждую ночь. Его видели, его пытались задержать, но он возвращался, снова тенью скользил между шатров.

— Ведь где он ходит, проклятый? Около тебя ходит, проклятый! К тебе подбирается, проклятый! Мы тебя, Диомед-родич, защищать поклялись. Мы, родич, кровь свою с пеплом смешали. Ты нас слушать должен, да! В шатре ночевать теперь будешь, не мальчик ты, чтобы на земле спать, понимаешь!

И поди поспорь с таким! А ведь так душно в шатре!

В лагере все было в порядке (не считая чужака, само собой). В первые дни, особенно по вечерам, молодые ребята орали песни, кричали, хвалились подвигами. Теперь стихли. Посуровели. Вчерашние эфебы и мальчишки-козопасы становились воинами.

Проходя мимо костров, улыбаясь, отвечая на немудреные шутки, я уже в который раз отгонял непрошеную муху-мысль. Отгонял, да только вновь прилетала муха, жужжала, на нос садилась.

Что мы будем делать ПОСЛЕ Армагеддона?

Здесь, под Троей, на прокисшей от крови Фимбрийской равнине, наверное, только ко мне прилетала подобная муха. Безумцы на безумной войне жили от боя до боя...

Но ведь кто-то уцелеет? Теперь уже ясно, мы победим, значит, настанет день, когда безумцы очнутся, поглядят друг другу в глаза. А ведь у каждого за спиной — войско! Испытанное в боях, опытное, привыкшее к крови. Хорошо Любимчику! Всего-то и хочет — домой, доплыть до своей козьей Итаки, к Пенелопе-хлопотунье и рыжему малышу... Сколько же лет сейчас этому малышу? Здесь, под Троей, прошло чуть больше двух месяцев, а там, за стенками Кронова Котла...

Наивный Любимчик! Он думает, что самое трудное — взять Трою. Торопит, подгоняет, считает дни. Ему кажется, что это будет так легко — вернуться из-под Трои...

Я отогнал докучливую муху-мысль, огляделся. Потом разберемся с мухой! Завтра бой, надо обойти посты, надо заглянуть к раненым...

— Ванакт! Вана-а-а-акт!

Что такое? Кто это так плачет-рыдает?

— Вана-а-акт Диоме-е-ед! Поговори-и с богоравны-ым басилее-ем Сфенело-ом!

Толстозадый Деипил был безутешен. Даже если именно в этот миг Троя бы сдалась, он бы и не улыбнулся.

— Он меня-я не лю-ю-юби-и-ит!!!

Ну вот, еще и это! Рыдает Деипил, слезы по нарумяненным щекам размазывает. Текут румяна, стекает черная краска с длинных ресниц.

— Он меня сотником обещал сдела-а-ать! Он мне колесницу хотел подари-и-ить!..

...Вот даже как? Ай да Капанид!

— А теперь он женщину-у лю-юби-ит! Та-а-акую противну-у-ю-ю!

Высечь бы этого нарумяненного! Крепко высечь, до крови на блудливом афедроне. А после объяснить, кто из них — та-а-акой противны-ы-ый!

— Вана-акт Диоме-е-е-ед! Богоравны-ы-ый вана-а-акт!..

Рабыню-пленницу Сфенел получил по жребию, после очередного дележа добычи. Я ее даже не видел. И никто не видел. Не выпускает Капанид из шатра свою новую подружку. Не выпускает — а сам бродит довольный, цветущий. Хмыкает...

...Это еще ничего, у Смуглого в шатре целых три девицы гнездо свили!

— Вана-а-а-акт!..

— Брысь, чудище задастое! — рявкнул я. — А не то троянцам отдам. Они таких любят!

Еще не хватало мне с этим нарумяненным разбираться.

Хлопотное дело — война!

— Перемирие завтра кончается. Поэтому...

Я помедлил, поглядел на клюющего длинным носом Агамемнона. Спит? Или просто пьяный с утра?

Пьяный!

— Поэтому поступим так. Мирмидонян переводим на правое крыло, направление — Идские предгорья...

Послышалось совершенно неуместное на военном совете (в шатре самого вождя вождей!) хмыканье. Наглое такое. Ухмыльнулся мне нахал Любимчик. Ну как же, вспомнил зазнайка Диомед совет мудрого Алкима!

...Я и не забывал. Просто всему свое время, рыжий!

— Лавагет Лигерон?

— Я понял, дядя Диомед, — кивнул малыш. — Мы отрезаем Трою от гор...

Он научился воевать, наш Лигерон, седой грузный старик. Между приступами безумия ему вполне можно было доверить войско. Увы, все чаще безумие догоняло Ахилла Невскормленного.

— Менелай! Твои спартанцы наступают в центре — фалангой. Направление — Скейские ворота...

Я вновь покосился на сопящего Агамемнона. Совсем совесть потерял богоравный! После страшного боя у кораблей, когда он (снова!) приказал бросать все и уплывать, когда даже Любимчик не выдержал — вырвал из его трясущихся рук золотой жезл вождя, — запил Атрид. Безнадежно, беспросветно. Некому теперь громами греметь, брови супить, орать на нас, недостойных. Был Зевс — да весь вышел, остался лишь винопийца, человек псообразный...

— Фоас! Куретов — в горы. Перекрыть все тропинки, всех, кто еще прячется за городом, — вырезать!

Да, пора! После гибели Гектора троянцы скорее всего побоятся выйти из города. Битва кончилась, начинается осада. И не помогут Крепкостенной ни горы, ни белые Идские скалы.

Не помогут!

— А я?! Я тоже хочу на правое крыло! Я что, не заслужил? Почему на правое крыло Лигерона?

Ох, вечно ты всем недоволен, Аякс Теламонид!

— Саламинцев ставим правее всех. Задача — занять скалы у мыса Ройтейон, не дать троянцам прорваться к морю...

Ага, уже доволен, бычок!

— Идоменей! Твои корабли...

— Т-трою...

Что такое? Кто это заговорил? Неужто Агамемнон?

— Т-трою! — дернулся длинный нос. — Т-трою, спрашиваю, уже взяли?

Кто-то хмыкнул. Кто-то пискнул. Кто-то поспешил захлопнуть рот рукой.

— А п-почему не взяли? П-повелеваю: взять — и д-доложить!

Проснулся Зевс! Изрек — и громом грянул. То есть не он грянул — мы помогли. Ударил гром-хохот, в поясницах согнул, на хеттийский ковер кинул — кататься, повизгивая. Дрогнул шатер, подскочил, вот-вот в пляс пойдет!

— А п-почему смеетесь? — поразился Зевс. — Смеяться нельзя, я этот... в-вождь вождей!..

Ну что бы мы без тебя делали, богоравный Атрид?

— Дили-ладо! Дили-дили!
А мы Гектора убили!
Лигерон, ты наш отец!
Скоро Трое и конец!
Хей-я-я! Хей-я-я!

— Не расслабляться, ребята, не расслабляться! Ишь загуляли! Мальчики всякие, девочки... Вы что думаете, война кончилась?

— Ну и скучный же ты, Тидид! Слушай, лучше приходи вечером ко мне, я тебя одну девочку уступлю. Девочку-лидиечку! Она такое умеет, такое!.. Куда там дулькам нашим!

— Басилей Эвриал Мекистид! Еще раз такое услышу, всех твоих девок-дулек на костре испеку. А ты, Сфенел, тоже хорош!..

— А-а... А что я?

— Ребята, мы еще не победили, Гектор — еще не Троя!

— Ой, и скучный же ты, Тидид!

— Ну что, дядюшка Терсит, вижу, глаз уже заживает? Моргаешь помаленьку?

— Моргаю, хи-хи, моргаю, своего не упущу! Не любишь ты меня, племянничек, не любишь, хи-хи! Мог бы дружка своего заставить и побольше мне пеню выплатить! Жадный ты!

— Да ну? Все по обычаю было, родичи собрались, Одиссей, обидчик твой, извинился. Сколько ему велели, столько он и выплатил.

— Мало, хи-хи, мало!

— Ну и проглот же ты!

— Проглот, проглот. Курица, и та к себе гребет, хи-хи!

— Ха-ха, дядюшка!

— Мы у шатра станем, рядом станем, всю ночь смотреть будем, чужака этого выследим. Всех наших соберу, всех куретов...

— Не вздумай, Мантос! Пусть лучше на Трою смотрят.

— Э-э! А что Троя? Была Троя — нет Трои. Тихо они сидеть будут, тихо умирать! Все так думают, все это знают...

— Вот именно — думают. Победа еще лежит на коленях у богов, родич!

Да, победа все еще лежала на коленях у богов. На коленях у НИХ. ОНИ ушли после того, как мы заключили перемирие с дядей Психопомпом, наглым аэдом Лже-Эринием.

...Перемирие — не мир. Не на чем мне с НИМИ мириться!

Ушли — смотреть с меднокованого неба, как мы умираем. А вокруг неслышно, весенним треснутым льдом, таял Кронов

Котел. Отступал, освобождал проходы в Номос. Еще пара недель — и мы будем просто людьми, залитыми кровью людьми на залитой кровью земле.

Если выживем. Если не сделаем в последнем безумии последний шаг, отделяющий нас от НИХ. Бездна по-прежнему дышит рядом, у самых ног. И плещет совсем рядом невидимая река, такая добрая, привычная. Доброе, привычное безумие.

Плещет, плещет...

Все еще лежало на коленях у богов.

* * *

— Окружаю-ю-ю-ют! Враги-и-и-и!

Крик ударил по ушам, многоголосый, со всех сторон.

— Окружили-и-и! Бежи-и-и-им!

Я ткнулся спросонья в упругий теплый полог шатра, помянул Дия Подземного с Мантосом заодно (ищи теперь выход в темноте!), нащупал перевязь с мечом. А крики становились все громче, все отчаяннее.

— Враг в лагере! Бежи-и-им! К корабля-я-ям!!!

Вот вам и решившие тихо умереть троянцы! Чуяло сердце, чуяло!

— К бою! К бою! Стройся! Арго-о-ос!

За пологом шатра — очумелые полуголые люди. Полуголые, голые — но с оружием. Все-таки научил я их чему-то.

А крик уже рвался до самых темных небес. Крик, вопли, предсмертный хрип.

— Всадники, Диомед. Верховые!

Эвриал — без шлема, в панцире на голое тело.

— Дозорных, сонь проклятых, лично придушу! Проморгали!

Капанид — в шлеме и хитоне. Босой... Нет, в одной эмбате — левой.

— К бою-ю-ю-ю-ю!

Вот так! И дозорные хороши, и разведка. Хоть бы предупредили, что у Приама есть конница!

— Арго-о-о-о-ос!

А Смерть была уже рядом, совсем близко, между шатров, — серая, почти незаметная во тьме смерть на гривастых невысоких конях. Смерть с короткими копьями, с кривыми длинными мечами... Смерть шла прямо на меня. На мое копье.

Успел присесть — дротик просвистел возле самого уха. Присесть, выпрямиться, развернуться в прыжке... Спасибо тебе, дядя Эгиалей! Выучил!

Смерть кулем упала у моих ног. Дернул гривой конь, заржал гневно, ударили в землю копыта...

Уже убегая, уже выкрикивая запоздалые команды, я вдруг понял — не так. Что-то не так со Смертью! Не выдержал, оглянулся...

Не поверил своим глазам.

Женщина...

Думать было некогда, удивляться некогда, Смерть царила повсюду, и наскоро выстроенные аргивяне могли только отбиваться, отмахиваться копьями, не в силах помочь остальным.

В лагере шла резня. Шла, шествовала, катилась глиняным пифосом по муравейнику. Смерть была умна — главный удар пришелся по микенцам, которые в последние дни слишком рьяно подражали своему ванакту-винопийце. И теперь они умирали, даже не успев надеть на пьяные головы свои рогатые шлемы.

— Амазонки-и-и-и! Спасайся, кто може-е-е-е-ет!

Амазонки? Девы-воительницы из сказок? Говорили мне на Кипре, что будто бы и вправду живут какие-то амазонки возле моря Мрака. Неужто они? Да какая сейчас разница! Смерть не мужчина, не женщина. Она просто Смерть.

— Держаться! Держаться! Арго-о-ос! Этолия-я-я! Кур-р-р-р!

Невысокие гривастые кони раз за разом налетали на нас, выбивая из неровных рядов новые жертвы. В горячем воздухе свистели не только дротики и стрелы — волосяные арканы безошибочно падали, жадной змеей обвиваясь вокруг шеи, сбивая с ног, удавливая, утаскивая под конские копыта.

Мы умирали. И все-таки я приказал наступать. Наобум, в ночь, прямо на сваленные шатры. Где-то совсем рядом шум был особенно силен, значит, там тоже дерутся, там тоже не хотят пропадать зазря.

Я не ошибся. Прямо посреди разоренного лагеря мирмидонцев свирепствовал малыш. Голый, в съехавшем на левое ухо легком шлеме, с огромной кривой махайрой[1], он раненым медведем бросался прямо на копья, сбивал коней с ног, разрубал врагов одним ударом, наискось. Его кололи копьями, били булавами, но Лигерон был жив, был неутомим, был страшен.

---

[1] Махайра, иначе «лакедемонский серп», — кривой меч с заточкой по внутренней стороне изгиба клинка, который был удобен не только для колющих, но также для рубящих и режущих ударов.

Смерть встретилась со Смертью.

— Дядя Диомед! Я иду! Я иду!

Малыш понял все правильно. Мрачные аргивяне, воющие от злобы куреты и осмелевшие муравьи-мирмидонцы двинулись навстречу друг другу, сминая вражье толпище. Всадник (всадница?) на белом, украшенном драгоценным чепраком, коне рванулся навстречу Лигерону, взмахнул копьем...

Кривая махайра рассекла ночь.

— Хей-я-я! Аре-е-е-ей!

И Смерть дрогнула. Малыш хорошо выполнил мой приказ — бить по вождям. Даже Смерть без вождя теряет силу.

— Фтия-я-я! Агро-о-ос! Этолия-я-я! Победа-а! Победа-а-а!

Но до победы было еще далеко.

— Слушай, Тидид! Так они и вправду — женщины? Все? Во дела!

— Что, уважили тебя, Эвриал Мекистид? Сами пришли!

— Да катись ты!..

Мы отбились только под утро. Уцелевшие воительницы уходили за Скамандр, уволакивая на арканах пленных. Догонять не было ни сил, ни возможности. Только конники Фоаса рванули было вслед, потоптались по речному песку... вернулись.

Убитых было страшно даже считать. А смотреть на тех, кто попал в руки врагу, — и того подавно. А еще говорят, что женщины добрее мужчин! Мы хотя бы не выкалывали глаза, не отрезали носы...

Деипилу, зазевавшемуся и попавшему под аркан, вспороли живот. Лучше бы я и вправду отдал троянцам бедолагу толстозадого! Добряк Капанид долго стоял над страшным трупом, булькал горлом, сопел, смахивал слезы кулачищем.

...А у эхалийских шатров так же плакал, размазывая слезы по круглому лицу, великий лекарь Подалирий Асклепиад. Даже волшебные руки Целителя не смогли спасти Махаона, его брата...

Мы тоже не щадили. Пленниц насиловали до смерти, рвали на части, распинали на земле, прибивая ладони кинжалами, толпились вокруг, злобно гогоча, натужно смеясь. Амазонки умирали молча, без крика, без стона. Трупы насаживали на колья. Никто не вмешивался. На сей раз обычаи войны покинули Троаду.

Я не был ранен. Но в эту ночь, ночь Смерти, моя кровь все же пролилась. Моя — кровь моего рода...

Дядюшка Терсит лежал рядом с мертвой царицей — всадницей, сбитой с коня страшным ударом кривой махайры Лигеро-

на. И та же махайра разнесла незадачливому добытчику череп. Малыш только руками развел — то ли старый дурак случайно подвернулся (говорили, будто порывался в самой буче шлем драгоценный с амазонки убитой сорвать), то ли в боевом безумии Лигерон уже не различал ни своих, ни чужих.

Узнал Пелид, что дядю моего убил, — расплакался...

Переглянулись куреты, и калидонцы переглянулись. Даже помереть не смог дядюшка Терсит без того, чтобы не нагадить. Ведь, как ни крути, теперь по всем обычаям Лигерон Пелид — мой кровник! И это не затрещина, за которую можно заплатить пеню. Это — убийство...

Я должен мстить малышу из-за дядюшки Терсита? Ну, знаете!

Прощай, дядюшка Терсит! Найдется ли в каком-нибудь из миров тот, кто тебя оплачет?

Хайре!

А над Троей стоял крик. Но уже не печальный, не горестный. Ликовала Крепкостенная, справив кровавые поминки по шлемоблещущему Гектору. Дрогнули крылья у Ники-Победы, готовой вспорхнуть с ИХ колен...

* * *

— Как думаешь, Диомед, это и есть то самое НЕЧТО, о котором Гелен говорил?

— Не знаю, Лаэртид. Боюсь, это пока присказка — сказка еще впереди. Одно хорошо: теперь никого не надо будет уговаривать ставить дозорных.

— Да! Похмелили нас, Тидид! Ой, крепко похмелили!

— А еще амазонки эти левую грудь себе режут, чтобы, значит, из лука стрелять сподручнее...

— Да брось! Простелили мы тут одну — так обе груди на месте оказались. Самим резать пришлось. Ох, и воняла эта сучка!

— А еще они мужиков крадут. Повяжут арканом, поимеют толпой, чтоб, значит, детишками обзавестись, а потом, понятное дело, ножом по глотке. А детишек собакам выкидывают, которые мальчики...

— Собакам? Да чего ты мелешь? Ведь люди все-таки!

— Да Зевсом-Герой клянусь! А еще у них каждую девку сперва конь покрыть должен...

— Это тебя конь покрыл, пень ты амбракийский!

— Сам ты!..

— Ликомед, сын Арестея! Хайре!..
— Махаон, сын Асклепия! Хайре!..
— Олимпиад, сын Перебола! Хайре!..
— Плестарх, сын Агасикла! Хайре!..
— Селевк, сын Ориона!..
— Эврилох, сын...
— Терсит...

— Думали мы, Тидид. Крепко думали, да. Сильно думали, да. Думали — решили. Не виноват Лигерон-лавагет, не хотел он злыдня этого старого убивать. Боги так рассудили, боги так захотели, значит, не кровник он тебе, понимаешь? Пусть Лигерон-лавагет корабль на Лесбос пошлет, пусть дары принесет Аполлону Пифию. Пусть его кровью поросячьей обрызгают. Свинью зарезал — свинья очистит!

— Диди-ладо! Дили-дили!
Амазонки нас побили!
Если бабы лупят нас —
Пропадем в единый час!
Ой-ей-ей-ей!

А наутро вновь растворились Скейские ворота. Ошибся я, и все мы ошиблись. Не дрогнула Троя, не испугалась. И надо было вновь строить войска, выводить их из лагеря навстречу вражеским колесницам, и резать, резать, резать, резать...

Бой.

Бой-декат.

Бой-гекатост.

Война не хотела умирать. Умирали мы. Фимбрийская равнина жадно глотала кровь Гекатомбы, захлебывалась, причмокивала.

Троя-Армагеддон держалась.

* * *

А я еще никак понять не мог, отчего это богоравный Капанид решил мне испытание устроить? И добро бы еще по метанию копья или, к примеру, диска. Так нет же! Пристал, как лист лавровый: расскажи, мол, друг Тидид, какие такие праздники есть в нашем Аргосе Неприступном? И не главные — не День Геры Анфии или Матери-Реи. А чтобы все, а особенно те, что ко дню сегодняшнему поближе. А ежели совпадет праздник с

днем этим самым сегодняшним, то лучше и придумать нельзя будет.

А ведь не захотел у дяди Эвмела учиться, лодырь! Смеялся еще, что, мол, мухи от учения такого в голове заводятся.

Делать нечего — стал я вспоминать. День Меламподa Целителя не подходит, весной он, Аполлона Волчьего тем паче... А Сфенел все торопит, все носом-репкой подергивает. Недоволен богоравный, что никак праздник подходящий не находится.

Вспоминаю — и дурею потихоньку. Ничего себе занятие после боя! Или бедняга Капанид сам мух в голове развел?

...Да и глупость это, ежели подумать. Хоть и тает Кронов Котел, хоть и открываются из него стежки-дорожки, но мы еще внутри, и наш день — совсем не тот, что снаружи, да и не день он вовсе...

И все-таки вспомнил! Упарился, одурел до звона в ушах — но вспомнил.

Ох и обрадовался же Капанид-басилей! По плечу меня лапищей хлопнул (ой!), унесся куда-то южным Зефиром. А вечером...

— Слушайте, слушайте! Слушайте — и не говорите, что не слышали! Богоравный Сфенел, сын Капанея Исполина, басилей Аргоса, зовет всех на пир в честь славного Дня Миртовой Ветви, что вручил в давние годы владыке Бианту Амифаониду сам Зевс Трехглазый! Слушайте, слушайте!..

— Тидид! А кто такой этот Биант?

— Какая разница, Одиссей? Ты посмотри-ка!..

И действительно — есть на что. Золотом-серебром горит лагерная площадь, горит, пылает. Алые фаросы, шитые жемчугом кипрские плащи, старинные критские накидки. И венцы, венцы, венцы!

Приоделись мужи ахейские, перья встопоршили. Пир на весь мир задает богоравный басилей Аргоса! Все пришли, все поспешили — людей посмотреть, себя показать...

...И у каждого в глазах мысль мышью пойманной бьется: не в последний ли раз пируем? Так хоть погуляем на посошок, потешим душеньку, покричим-поорем, чтобы не в Трое — на Олимпе услыхали! Мы еще живы! Мы еще живы!! Мы еще живы!!!

МЫ ЖИВЫ!!!

— Гляди-ка, Аякс!..

— Ого!

И в самом деле — «ого!» Напялил бычок-Теламонид не венец — митру золотую, каменьями усаженную. Вознес нос до не-

бес — зрите, человеки, зрите, мужи ахейские, нет такой у вас, а у меня — есть!

С кого только снял, интересно?

Но и остальные не хуже. Кому гривна золотая шею тянет, кто серьги бесценные нацепил (до пояса серьги!), кто прямо в панцире, жаром горящем, пришел, кто...

А Зевс-Агамемнон где? Где вождь наш верховнопьяный? Все там же, видать, с амфорой самосского в обнимку. Он даже амазонок проспал. Зато все остальные здесь. Павлинами выхаживают, павлинами красуются.

Зрите! Зрите! Пируют богоравные!

— А молодец Сфенел, правда, Тидид? Самое время встряхнуться, а то такие поганые дни были...

— Не то слово!

Капанид, конечно, молодец, да только не для поднятия духа он все это затеял. Чую, ох, чую: иное у репконосого на душе...

А рабы проворные уже в чаши вино разливают — тяжелое, красное, от крови не отличить. Снимают с вертелов туши бараньи, заливают шипящим жиром ковры драгоценные, прямо на землю брошенные... Видишь, Танат, видишь, Жестокосердный? Мы здесь пьем-едим, пленниц обнимаем-тискаем — назло ТЕБЕ, проклятый!

— Жалко...

— Что жалко? Что перепьемся?

Не ответил Одиссей Лаэртид, отвернулся. Наконец дрогнули широкие плечи.

— Их жалко. Нас... Мы не вернемся, Тидид!

Холод Тартара был в его голосе.

— Мы или погибнем, как люди, или станем нелюдями. Станем — и тоже погибнем, Диомед! Мы даже не на шаг, даже не на волос — ближе...

Померкло золото венцов, подернулись серым туманом бесценные наряды. Пируют тени в Аиде...

— Ты видел, как сражается Лигерон? Люди так НЕ МОГУТ! Он убивает всех, кто рядом, — своих, чужих, а мы даже не удивляемся! Мы привыкли! А завтра он вознесется по воздуху на троянскую стену... Ты знаешь, что будет, когда бог-безумец Лигерон войдет в наш Номос?

— Брось!..

Я заставил себя не слушать, забыть. Лучше просто хлебнуть из чаши неразбавленного, вгрызться зубами в хрустящую мясную корочку.

Да, а где же богоравный Сфенел? Запаздывает что-то!

— Не брошу, Диомед! — Тяжелый шепот настигал, давил, лишал силы. — Не брошу! Ты не видишь себя со стороны, никто себя не видит, даже я. Хочешь, я подойду к Скейским воротам и прикажу им открыться? Знаешь, что будет?

— Не хочу знать, Лаэртид...

Не хочу — но знаю. Уже знаю. Бог Одиссей возьмет Трою — КАК БОГ. Наступит пятой, обернется, весело тряхнет золотом кудрей, протянет руку к Олимпу... Гекатомба кончится. Начнется Титаномахия.

Армагеддон Номоса — Последняя Битва нашего мира.

— Мы должны успеть, Тидид! Успеть взять Трою КАК ЛЮДИ! Или умереть — людьми!..

Закрыл я глаза... Хватит! Не хочу думать — хотя бы сегодня!.. Растянул губы в усмешке, пролил вино на хитон...

— А-а-а-а-ах!!!

Единым вздохом ахнули богоравные, узрев Сфенела Капанида. И не хеттийский чудо-плащ был тому причиной (из Хаттусы, из дворца Суппилулиумаса плащ!), не пурпурные тирские сандалии.

...Она шла рядом — высокая, статная, с надменной улыбкой на прекрасном лице. Золото горело на руках, золото пылало на шее, в волосах, на тонких пальцах...

Богиня!

Вот, значит, кого Сфенел в шатре прятал!

— Елена! Чистая Елена! — брякнул кто-то в упавшей с небес тишине.

Елена? Я усмехнулся. Нет, не похожа, ничуть! Прекрасная была... прекрасна. Как утро. Как солнце. Как жизнь. А рядом с моим другом шла золотая Астарта из аскалонского храма, драгоценный идол, сверкающий кумир. Мертвый красивый металл, безжизненная совершенная плоть... Или это я уже завидовать начал?

Огляделся друг Капанид, приосанился. Оценили, мол, богоравные?

Оценили!

Улыбнулся репконосый, руку поднял.

— Радуйтесь! В этот день, в вашем присутствии, перед ликом богов, я, Сфенел, сын Капанея, басилей Аргоса Неприступного, заявляю, что беру эту женщину в жены, дабы вошла она в дом мой, как хозяйка...

Вот тут-то я и одурел окончательно!

— Ты, понимаешь, ванакт, — ходют! Ищем, сторожим, глаз не смыкаем — ходют. И все у твоего шатра, Диомед-родич! Не чужак это, свой это, из наших! А если из наших, почему зверем крадется, почему к тебе подбирается, а?

АНТИСТРОФА-I

Амазонки вернулись.

Не ночью — среди белого дня, когда мы вновь прогнали троянцев за все тот же проклятый Скамандр. Гибель Гектора все-таки сослужила нам службу: многие союзники покинули Приама, разуверившись в победе. И теперь уже не бессчетные толпища шли нам навстречу каждое утро. Бить врага стало легче, а чернобородые куреты уже перекрыли-перерезали горные дороги, разгромив тех, кто прятался на Идских склонах. Еще чуть-чуть — и начнет задыхаться Крепкостенная, станет делить каждую лепешку, каждый кусок мяса. Еще совсем немного...

Амазонки не ушли.

Остались.

— Пентесилая-я-я! Месть! Месть! Ме-е-е-есть!

Многоголосый женский крик по всему полю. Коренастые широкоплечие всадницы, забыв обо всем, неслись на наши фаланги, на стену копий.

— Пентесилая-я-я-я-я!

Пентесилая — царица, убитая Лигероном в ночном бою. Та, чей шлем приглянулся дядюшке Терситу...

Они мстили. Не думая, не рассуждая, по-звериному. Пчела-матка погибла, и остальным осталось только одно: умереть, захлебнувшись кровью — вражеской и своей.

На какой-то миг мне даже стало их жалко.

Били копыта в истоптанную землю, тоскливо кричали кони, отчаянно выли женщины-пчелы, мчась навстречу смерти. Дрогнули копья, дернулись, вонзились в мясо...

Война сходила с ума. И мы сходили с ума.

* * *

В последние дни я совсем перестал бывать на берегу, у наших чернобоких дельфинов-кораблей. И не я один. Раньше, бывало, даже после боя, даже когда еле ноги волочишь (если, конечно, осталось что волочить), выползали мужи ахейские на

серый песок, смотрели, дыхание затаив, на равнодушную блистающую гладь Лилового моря. Плакали — вначале тайком, прячась, сморкаясь для виду. А после — и крыться перестали. Ведь там, за жемчужно-алой каймой морского заката, — Эллада! Некоторые даже корабли гладили. Сядут на песок, упрутся лбом в просмоленное дерево...

А вот теперь — отрезало. Только стража песок эмбатами ворошит. Ворошит, равнодушно по сторонам поглядывает. Не на закат, а так, службы ради.

...То ли поняли мы, что для большинства Троада и есть Последний Дом, то ли просто сил не осталось. Замкнулся наш маленький Номос, Номос Гекатомбы, Номос Армагеддона, покрепче всякого Кронова Котла. И действительно, к чему вспоминать, рвать душу, гадать, что будет ПОСЛЕ? Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков...

Все так, но в этот вечер я почему-то никак не мог покинуть Сигей. Уже и все наши корабли обошел, и с дядюшкой Антигеном всласть потолковал (ох и скучает коряга старая!), и тайком от прочих обсудил с кормчими Идоменеевых сторожевых кимб, насколько далеко можно уйти из нашей ловушки. Уйти — и вернуться.

...Пока только до Лемноса, дальше — стена. Тает Котел, но медленно, слишком медленно. Перестарался Крон-мертвец, слишком прочен оказался черный лед Времени! Когда мы с дядюшкой Психопомпом перемирие заключали, понял я: ОНИ тоже в ужасе. Легко вызвать тень из Тартара, а вот обратно загнать — поди попробуй!

А после и дело искать себе перестал. Сел прямо на песок, на горизонт уставился. Не уйду! Так и буду смотреть, чаек считать. Все привычно, все знакомо. Справа острые скалы Ройтейона, впереди — винноцветное море с черными пятнышками кораблей-сторожей. Слева три, справа три...

Нет, не три! Больше!

Дрогнуло сердце. Не зря ждал, не зря чуял!

Ветер (капризный Нот) дул прямо в лицо, от недальнего фракийского берега. Дул, раздувал паруса пентеконтер. Почему-то мне они показались черными — от бортов до «вороньих гнезд» на мачтах. Словно два корабля-ксена, мчавшиеся на всех парусах к нашему (нашему, ха!) берегу, и вправду плыли из Темного Эреба.

Бредовая, нелепая мысль белокрылой чайкой коснулась сердца. Эреб шел за мной. ТАМ устали ждать заблудившуюся Дурную Собаку.

И вот уже весла видать — лихо гребут, на полную выкладываются, и черные борта, и паруса (черные!)... Я встал, дернул ворот хитона, горько улыбнулся. Заждались, видать, там, в Эребе?

Пентеконтеры неслись, перегоняя друг друга. Вот левая впереди, вот правая обгоняет, теперь обе вровень. Увлеклись, того и гляди на песок выскочат, к самым троянским стенам погребут! Засуетились дозорные, прибежал кто-то из гекветов, на всякий случай ведя подмогу. Я не слушал, не оглядывался.

Смотрел.

Черные корабли, черные паруса. Эреб-Прошлое вспомнил обо мне...

Золотой лик Геры Анфии смотрел на меня с паруса левой пентеконтеры. Золото на черном... Я помнил эти цвета с детства, с первых шагов по Глубокой улице. Золотая Гера Анфия, покровительница Аргоса Неприступного, сияла на щите моего деда, ванакта Адраста, прозывавшегося среди людей Злосчастным. С этим щитом дед ушел на Фивы. Там и остался щит...

...И черным, без единого проблеска, был парус корабля, что темнел справа. Черным, как щит Амфиарая Вещего...

Прошлое шло ко мне. Мчалось. Разбрызгивало покорную воду. И вот уже резные корабельные носы видать, и воинов, что стоят на палубах. И двух высоких плечистых парней — тоже таких знакомых...

Ткнулись черные носы в серый песок — в единый миг, в единую каплю воды из клепсидры. Двое спрыгнули вниз, на меня поглядели, друг на друга.

Шагнули...

Да. Прошлое шло за мной. Прошлое в сером эфебском плаще, прошлое в плаще черном, траурном...

В сером эфебском плаще шел ко мне погибший под Фивами дядя Эгиалей — знакомыми широкими шагами шел. Молодой, моложе, чем даже я его помнил. Шел, улыбался.

И темен, под стать плащу, был лик сгинувшего невесть где Алкмеона Заячья Губа. Тоже молодого, чуть старше, чем мой вечный враг был в тот день, когда мы подрались с «пеласгами» на Глубокой. И не было больше у Алкмеона его губы заячьей. Исчезло уродство. Красивый сильный парень в траурном плаще...

Ударили в песок сандалии. Переглянулись те, что пришли за мной из черной пасти Эреба.

— Басилей Киантипп Эгиалид...

— Басилей Амфилох Алкмеонид...

— ...Радуйся, ванакт!

В один голос выдохнули. И улыбнулся я Прошлому.

— Радуйтесь, мальчики! Здесь нечему радоваться, но вы — радуйтесь!..

— Отец погиб, его убили в спину, — тихо рассказывал сын Алкмеона. — Перед смертью он велел передать тебе, ванакт: «Пусть наша вражда на этом кончится!» И еще он просил прощения за то, что сжег твой дом... Наша семья сейчас живет в Акарнании, у дальних родичей, на чужих хлебах. Что мне там было делать?.. Дядя Диомед, что вы не поделили с папой? Неужели этот проклятый венец?

И что тут ответишь? Мы стали с Алкмеоном врагами из-за того, что его стая пеласгийская играла в бабки на нашей Глубокой? Что он когда-то обзывал меня этолийской собакой?

Прощай, Алкмеон, мой родич, мой вечный враг! Жаль, не поговорили напоследок.

Хайре!

— А мне велел плыть сюда басилей Промах, — негромко добавил маленький Киантипп. — Велел спешить. В Аргосе... Не очень хорошо в Аргосе, дядя!

Это я уже понял. Как и многое другое — тоже плохое...

Заставил себя улыбнуться... рассмеяться.

— О делах потом, богоравные басилеи! Бой будет завтра, а пока... идемте-ка в гости. Сфенел Капанид, басилей Аргоса, нас, поди, заждался. У него для вас такие новости есть, такие интересные!..

И действительно: забился Капанид со своею Астартой в шатер, носу не кажет, повоюет — и обратно. Хоть бы разок пригласил!

...А мы и без спросу зайдем.

— Вот хорошо! — обрадовался наивный Киантипп. — Его жена как раз просила кланяться, привет передавать, письмо ему написала...

...В Аргосе плохо. Я решил не возвращаться, забыть, но для всех Диомед Тидид по-прежнему — аргивянский ванакт. Прав Алкмеонид — проклят этот венец!

Проклят!

— Э-э, ванакт Диомед! Какая радость, ванакт Диомед! Родичи приехали, пить будем, гулять будем, всю ночь радоваться будем, весь день радоваться будем! Твои родичи — наши родичи, твоя радость — наша радость! Ва-а-ах!

— Дому этому и хозяину с хозяйкой — всех богов Олимпийских благоволение! Зевс, Гера, Гестия, хай!

Пою я соловьем (не хуже Любимчика!), вино из чаши на пол проливаю — для НИХ! — по обычаю...

Была бы воля да желание, не смеялся бы я — хохотал. А так — только улыбаюсь. Ох и вид был у богоравного Капанида, когда мы всем войском в его шатер ввалились! А Киантипп и вправду первым делом принялся приветы-поклоны передавать. И даже письмо «дяде Сфенелу» поспешил сунуть — от его богоравной супружницы письмо. Старалась, бедная, два папирусных свитка надиктовала.

А теперь сидит Киантипп-басилей, челюсть до пояса свесил... И чему это мы молодежь учим?

В общем, похохотать бы, но я только улыбаюсь. И то через силу.

...Плохо в Аргосе, совсем плохо! Успел мне Эгиалид кое-что на ухо шепнуть. Похолодели у меня руки...

Но это потом. А пока нужно здравицы провозглашать, улыбаться... на Астарту поглядывать. Конечно, никакая она не Астарта. Иное у нее имя, да только я его даже запоминать не стал. Успеется! Другое интересно. Ни разу не взглянула на меня беззаконная Капанидова супруга. Ни на меня, ни на Эвриала, ни на остальных. Сидит возле Сфенела-репконосого, в полог шатра уставилась, даже ликом своим набеленным-нарумяненным не дрогнула. Словно и вправду идол золотой, не женщина. Но почудилось почему-то — уже знакомы мы с нею. Почудилось — перечудилось. Откуда?

А отчего это мой друг эту Астарту никуда не выпускает? Боится, что украдут, — как Елену?

— Аргосу нашему Неприступному, всему отечеству нашему — богов Олимпийских благоволение! Да стоит земля наша вечно-вековечно! Гера Анфия! Гера Анфия! Гера Анфия! Хай!

Молодец, Смуглый, выше чашу тяни! А сейчас Фоаса-родича очередь, пусть про братство этолийско-аргивянское завернет...

Даже не смотрит Астарта. Даже бровью не ведет. Где же я мог ее видеть?

...А в Аргосе плохо. Я догадывался, но только не знал — насколько...

— Радуйся, родина наша далекая!
Хей-я! Хей-я!
Радуйся, Аргос, богами хранимый!
Хей-я! Хей-я!
Днем о тебе вспоминается сладко!
Хей-я! Хей-я!
Ночью лишь ты нам, отечество, снишься!
Хей-я! Хей-я!

Ну и дивные вещи мне чудятся! Будто бы светильники в шатре кто-то нарочно так расставил, чтобы лицо Астарты все время в тени оставалось.

Что за мысли дурацкие?

— Пока никому, Киантипп! Понял — никому! Ни Сфенелу, ни Эвриалу... Как погиб Эматион?

— Лавагет Эматион... Дядя Эматион поехал на охоту. А потом сказали — кабан задрал. Кто поверил, кто нет. Это дядю-то Эматиона? Кабан?! А как его похоронили, Комет, сын дяди Сфенела, Лариссу захватил. Тихо так, ночью. У него ведь своя стая есть, немаленькая. А ванактиса Айгиала родичей собрала — всех Амифаонидов... Тогда дядя Промах вызвал меня и велел уезжать — немедленно.

— Ясно!.. Но ведь Комет — мальчишка совсем!

— Ему шестнадцать, дядя. Уже шестнадцать — как и тебе было, когда ты стал ванактом. Вы слишком долго не возвращались...

— Ты прав, Эгиалид. Слишком долго...

Прощай, друг Эматион, мой верный лавагет. Был ты стеной каменной, нерушимой. А теперь нет больше стены, и Аргоса у меня больше нет...

Хайре!

— Ну а что тут, под Троей, дядя? Если бы ты знал, сколько раз вас уже хоронили! Двенадцать лет...

— Двенадцать?!!

— Ну... Ты был три года на Востоке, потом девять лет в Троаде. Двенадцать, без чуть-чуть...

— Дий Подземный!.. А под Троей... По-всякому, Киантипп. На войне как на войне. Завтра расскажу. И покажу. Даже руками пощупаешь.

— Знаешь, дядя Диомед, не хотел говорить... Увидел тебя — испугался даже. Я ведь тебя таким молодым помню!..

...А на чем это Комет Сфенелид с моей богоравной столковались? Усыновила она его, что ли?

— Ну, Тидид, ну, извини, ну, не обижайся! Она, басилиса моя, привыкнуть должна, она ведь пленницей была! Ты бы знал, чего ей пережить довелось! А я... А я без нее...

— Да ладно, Капанид! Потом познакомишь с... басилисой.

* * *

— ...Слушайте, мужи ахейские! Слушайте — и не говорите, что не слышали! По повелению вождя вождей богоравного ванакта Агамемнона, сына Атрея! Дабы не забылись подвиги наши под Троей, дабы увековечены были, дабы потомки ведали и чтили нас, богоравный Агамемнон, сын Атрея, ванакт микенский и всей Ахайи, всемилостивейше повелеть соизволил. Всякий, троянца либо союзника троянского в честном бою поразивший, особливо же в поединке славном, о том нам сообщить должен и представить свидетелей верных, числом не менее трех, дабы клятвой пред алтарем священным сие подтвердили. А без свидетелей верных тот поединок считаться не будет, чтобы бахвальство непотребное не поощрять, дабы истинные герои от прочих отделены были!..

— А старик-то наш совсем плохой стал!

— Чего, и вправду записывают?

— Точно! Сам видел. Сидит в шатре даматишка, гадкий такой, на поганку похож, нос в папирус уткнул, а вокруг, значит, толпа — героев. Я даже в папирус заглянул. Первым, понятное дело, Лигерон, он семь десятков с хвостом укокошил...

— Сам ты, дурень, с хвостом, не о том болтаешь! Значит, так, парни, договорились: вы про меня, я про вас. Только, чур, я первый! Значит, убил я Сарпедона-ликийца и Агенора-троянца...

— Эй-эй, так Агенор этот до сих пор живой, ранен только!

— Пень ты амбракийский! Да кого это колышет? Запишут, что мертвый, — будет мертвый, ясно?

— Сам ты пень! Хотя...

— Скажешь ты, что я — герой,
Я скажу — ты вдвое!
Честь и слава нам с тобой,
Оба мы — герои!
Хей-я! Хей-я!

— Итак, ребята, запоминайте. Это — Идские предгорья. Прямо — склон, выше, за деревьями, — стена. Она высокая, в три роста, но там есть место, где камни разобраны...

— Это что... Троя?

— Она самая, басилей Киантипп! А ты что думал, мы тут только в Скейские ворота лбом бьемся? Вечером я пойду наверх, вы будете внизу ждать. И чтобы тихо!

— Так мы сами... Ночью... Отряд небольшой... к воротам!

— Да мы к утру эту Трою!..

— Басилей Киантипп Эгиалид! Басилей Амфилох Алкмеонид! Ишь, герои-разгерои нашлись, без вас не додумались бы!..

— Ну хоть бы шумнуть!..

— Я вам шумну! И не переглядываться. И зубы не скалить. Без меня полезете — уши оборву!

— Ну что-о ты-ы, дядя-я! Мы-ы послушны-ые-е-е! Мы-ы хоро-о-ошие-е-е!

— Я... Ладно, скажу, Тидид. Накаркал я, дурак!.. Сегодня малыш поднялся на стену, возле Скейских ворот...

— Удивил, Одиссей! Я тоже ночью поднимусь — только возле Хеттийских.

— Ты что, не понимаешь, Диомед? Он просто взлетел — как птица. А стена там — лестницы не достают! И никто даже не удивился! Это — все...

— Не все, Лаэртид. Бог родится, если кто-то из нас сперва попробует крови человеческой. Если ему принесут жертву — или он сам сделает это. И уж потом...

— Ты... Ты и это знаешь, Диомед? Ты знаешь об ЭТОМ?!

— Убьешь меня, Любимчик?

— Нет... Не смогу. Пока...

Закат над Троадой, закат... Красный, словно упившийся нашей кровью лик Гелиоса медленно опускается в потемневшее море. Вот сейчас коснется горизонта, замрет на миг, сольется с пылающим отсветом на воде...

И я вновь, в который, бессчетный раз, понимаю — это и

есть дом. Мой дом. Мне некуда возвращаться. И нам всем — некуда. Тешит себя Любимчик мечтою о козьей Итаке, не спит по ночам, вспоминает. Счастлив он, Одиссей Лаэртид. У него осталась хотя бы мечта!

...Двенадцать лет, о боги!

Нас не ждут. Нас забыли, мы призраки, выходцы из Тартара. Там, за морем, не родина, не Эллада — там Поле Камней. И только здесь, на залитой кровью земле, — Дом.

И даже если призраки захотят вернуться, их не узнают, не пустят на хранимый богами порог отчего пристанища. Вернемся уже не мы. Вернусь не я...

После Армагеддона не будет ничего.

НИЧЕГО...

Хайре, Гелиос Гиперионид, приходи завтра, только молчи, не говори, что там за морем, в нашем покинутом доме. Нам, теням в Аиде, незачем знать это!

Хайре!

— Горек глоток из чужого колодца!
Хей-я! Хей-я!
Тленом разит запах хлеба чужого!
Хей-я! Хей-я!
Солнце чужое огнем обжигает!
Хей-я! Хей-я!
Небо чужое — могильные плиты!
Хей-я! Хей-я!

* * *

Клятвы нужно соблюдать. И соблюдать точно: от слова до слова — и слово в слово. Вот, например, поклялся я на алтаре Зевса Листия, что и глядеть на соседскую жену не стану. Завязываем мы с нею, значит, глаза...

— Садись, Диомед, тут скамейка.

А можно и глаз не завязывать. Черная тьма вокруг, недвижная, глухая. Все окна завешены тканью тяжелой, все двери. А как иначе? Повелел Приам, козел старый, чтобы никто из мужей троянских с врагами без его дозволения не виделся.

Делать нечего — поклялись: НЕ ВИДЕТЬСЯ.

— Только имей в виду, Тидид: ты этим путем прошел, но ваше войско мы не пустим. Мы — не предатели!

Соблюдает Гелен Прорицатель клятву — слово в слово соблюдает. Не видит он меня — одна тьма вокруг.

Мы — тьма. И я — тьма.

Дышит темень, покашливает. Да не на один голос.

— Кто с тобою, Гелен?

...А вообще-то неплохо! Кто где, а я — уже в Трое. И не просто в Трое — на самом Пергаме-акрополе. Протяни руку — Приама-ванакта за бороду его козлиную уцепишь!

— Я буду говорить только с тобою, Прорицатель!

И снова дышит черная темень. Напряженно, трудно.

— Это... это я, Диомед!

Голос знакомый, да только...

— И кто же ты, о муж троянский по имени Я?

— Эней... Эней Анхизид...

Нет! ЕЕ сын?!

Вскочил, подумал... снова сел.

— Эней будет говорить от имени дарданов, — голосом Гелена отчеканила тьма. — Если мы начнем считаться кровью...

Не стал я спорить. Прав он, Гелен Прорицатель, все мы тут в крови по уши.

— Хорошо! Условия такие: пощада и свобода тем, о ком мы с вами договоримся. Приаму пощады нет, Парису пощады нет, семье Гектора пощады нет. Город будет сожжен!

Камнем стала тьма, гранитом. Наконец выдохнула в два голоса:

— Нет! Лучше умрем!

— Умрете! — согласился я. — Все! Дети, женщины — и ваши семьи тоже. Сдаваться на милость следовало раньше. А чем ты думал прежде, Прорицатель? Когда мы высадились, достаточно было просто отдать нам Елену...

...Наверное, нет. И тогда бы Крепкостенная не отделалась так дешево. Но сейчас, когда Фимбрийская равнина покрылась нашими могилами...

— Согласен!.. — Эней, с тяжелым вздохом. — Мои дарданы... Их осталось так мало!

Неужели плачет? Кажется, да. Слезлив он, наследник дарданский!

— Я тоже согласен, — Гелен, сквозь зубы. — Иначе мой отец погубит всех... Но я не все решаю, Тидид! Парис... Пока он жив...

Ясно! Парис... и еще НЕЧТО. Спросить? Нет, не скажет. Он — не предатель.

— Завтра, до заката, я должен услышать ваш ответ. И не шепотом — в полный голос. Тогда поговорим о тех, кто будет жить...

И снова молчит тьма, каменно, страшно. Что бы я делал, что бы решил на их месте? И представлять не хочется!

— Ты сжег Хаттусу, Диомед? Это правда? Там погибли все, даже дети?

Вопрос — как удар в лицо. Как сполох рыжего пламени над обреченными крышами.

«...И ты, Дамед, владыка жестокий!»

— Они открыли ворота, — выдохнул я. — Поэтому погибли не все...

Черная темень вокруг, черная тьма над обреченной Троей.

Мы — тьма. И я — тьма.

...Агамемнон обнимается с Приамом, Менелай жмет руку Парису, мы вместе с Энеем плачем над погибшими, а Калхант и Гелен дружно пророчат многие лета брано носным ахеянам и конеборцам-троянам.

И все будут живы...

Неужели и вправду Ты, Ахве-Единый, создал нас по Своему образу и подобию? Неужели Ты таков, как мы? Почему Ты не повелишь стать нам иными, не повелишь возлюбить врагов своих? Или мы просто рабы — рабы пустых клятв, ненависти, злобы?

...И ответил Господь Противоречащему, сказав: «Поведай Мне, слуга лукавый...»

— Осторожнее, Диомед, грязно тут!..

Поздно! Я уже от души ударился плечом о какой-то выступающий из стены камень. Большой, острогранный. Грязный. А уж какие благовония были разлиты здесь!

— Там сейчас поворот...

Заботлив Эней Анхизид, ну прямо нянька. Чуть ли не под локоток поддерживает.

Подземный ход. А может, и подскальный. Осторожный Гелен велел вывести меня из Пергама-акрополя именно им. Оно бы и полезно было (подземный ход! прямиком к Приаму-козлу!), да только что разберешь в темноте? Разве что Энеево сопение. И если бы только сопел дарданец! Он еще и говорить пытается. Вот только у меня нет охоты язык чесать — с ЕЕ сыном.

...Верно, Гелен Прорицатель, поздно нам считаться кровью. Но Амикла погибла не у Скейских ворот.

— Ты, кажется, был ранен, Диомед? В ногу?

Фу ты, заботливый нашелся! Постой-ка...

— Точно! Неделю назад, у лагерного частокола...

Замер я, застыл, забыв на миг даже, где я — и с кем. Троянская стрела перебила мне кость, когда Гектор прорывался к нашим кораблям... А я даже не хромаю!

— Эней, а... а ты?

Ведь я знаю, что такое удар копья в бок!

— Зажило, — равнодушно бросил он. — Давно уже...

То ли сырость, то ли холодный пот на лбу... У людей такого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

...И снова никто даже не удивился.

Тьма внезапно пахнула жаром, кипящая чернота забила горло.

— Пойдем, Диомед, рассвет скоро... Тут еще один поворот. А потом...

Не успел договорить Анхизид. Сгинула тьма. Расступилась. Неровный желтый огонек...

— Тс-с-с-с...

Мы прижались к стене, превратились в мокрый осклизлый камень. Я привычно потянулся к рукояти меча... Пусто! Ах ты, Гадес, внизу, у стен, оставил!..

...Неровный желтый огонек был уже совсем рядом. Из дрогнувшей темноты медленно проступило лицо.

Старое.

Страшное.

Знакомое...

Худая сгорбившаяся старуха медленно прошла мимо нас, даже не заметив. Бронзовый светильник дрожал в узловатых пальцах, желтые огоньки плясали в пустых, подслеповатых глазах. Призрак Елены исчез во тьме...

...И это все — ЭТО ВСЕ! — из-за НЕЕ?!!

— Хворает бедняжка, — сочувственно вздохнул Эней. — И ночами не спит...

...Маленькая женщина в легком голубом гиматии стояла на ступенях. Ветер играл золотистыми волосами...

Раскрылись рты, выстрелили жарким потом ладони, звякнул о камень чей-то венец, с головы соскользнувший.

...Маленькая женщина улыбнулась, кивнула, чуть поправила золотые пряди...

На пустой улице я долго глотал свежий ночной воздух. Как хорошо выйти из Аида... Если бы еще не этот заботливый рядом! И если бы этот заботливый хотя бы помалкивал!..

— Мама не понимает, Диомед, — за что? Почему ты...

Я только отмахнулся. Да при чем здесь наши мамы?.. И тут только дошло... Его МАТЬ не понимает. ОНА не понимает!

— За что ты ЕЕ так ненавидишь? ОНА мне все рассказала, Тидид. Та девушка, твоя девушка, умоляла МАМУ забрать ее. Умоляла! Жребий бросали трижды, и каждый раз...

Захотелось схватить его — ЕЕ сына — за горло. Захотелось завыть, заорать...

— Ты... Ты ее очень любил, да? Я... Я так сочувствую тебе, Диомед! Это.. это ужасно!

Эней Анхизид плакал... Разжались пальцы, стиснутые в кулак.

...В эту ночь небо над Троей было самым обычным. Терлись о Гиперборейскую звезду наивные Медведицы, грели друг другу бока эфиоп Кефей и Кассиопея-царица, грозно вздымал палицу дядя Геракл, с неслышным лаем гонялись друг за другом Псы... Белое око Афродиты горело над самым горизонтом. Туманился взгляд Пеннорожденной, словно и ОНА вытирала слезы.

Не понимала...

А долго ли плакала мама — моя Мама! — над теми, чья кровь окропляла ЕЕ алтари? А долго ли плакал я над Уастис, царевной ливийской? Да вспомнил бы я о ней, если б остался... стал Дамедом-давусом?

МЫ не понимали...

— Чего такие веселые, а?

Серый рассвет, еще неуверенный, робкий. Над предгорьями Иды — серое пустое небо. На серой лесной дороге — сонные гетайры (всю ночь меня прождали у тайной тропы)... и два ухмыляющихся орла.

Екнуло сердце.

— Басилей Киантипп Эгиалид! Басилей Амфилох Алкмеонид!

— Здесь, ванакт!

Руки на бедрах, ноги на ширине плеч. В глазах даймоны пляшут, радостные... наглые.

Пора было возвращаться в лагерь. Троянским дозорным незачем видеть нас здесь, у Хеттийских ворот, но... Ох, чуял я! Чуял!

— А вопрос можно, дядя?

Хотел рыкнуть (нашли время!)...

— Какой?

— Дядя Диомед, а что в Аргосе пропало, когда ты летнее испытание сдавал?

Скалит зубы негодник Киантипп. Весело смеется Амфилох-младший.

— Вы что?!.

Расступились. Все еще не веря, я шагнул вперед...

...Темное старое дерево, равнодушный спокойный лик, отполированное острие короткого копья. Палладий — сердце Крепкостенной Трои.

— Шумнули, значит? — все еще сдерживаясь, вопросил я.

— А что, назад отнести?

— Да вы чего, обалдуи?!! — заорал я, распугивая всех троянцев в округе. — Вы понимаете, что натворили?!!

Переглянулись.

— А как же, дядя! Теперь им всем и конец!

Выдохнул я, снова вздохнул. А ведь правда!

* * *

Только спустилась с небес розоперстая Эос...

Только спустилась с небес розоперстая Эос, так чуть подале не скрылась — в безвидную глубь Океана. Страшно бедняжке — давно уж подобного ора слыхивать не приходилось. Выли от горя трояне, стены градские и башни рыданьями все сотрясая. Радости крик над ахейскими реял шатрами. Прочь убирайся, Морфей! До тебя ль, коли чудо случилось? Боги великие Трою хранить не желают. Мощные! Все им по силам, и диво они сотворили. Дланью своею Палладий, что город Приамов верно хранил, дар Афины, ступающей твердо, Градохранительной Девы, из Трои сей ночью исхищен. Воля богов Олимпийских! Не сдюжить теперь Крепкостенной!

— По-о-бе-е-да-а-а-а-а-а-а!!!

— Так чего, Диомед, сдадутся?

— Знаешь, Капанид, уже и сам верить начинаю. Хотя...

— Эх, жаль! То есть здорово, конечно... А я уже башню осадную собрался строить. Большую, как под Аскалоном. Человечка одного нашел, мастера, Эпеем кличут. Там у нас «Бык» был, а здесь... м-м-м... «Конь»!

— А мы, Сфенел, башню все-таки построим. Сдадутся — мы твоего «Коня» тут оставим. На память.

— ...Слушайте, слушайте! Приам, ванакт Трои, просит мужей ахейских воздержаться от боя, ибо желает вопросить богов...

— Что, опять ходют, Мантос?

— Э-э, все шутишь, ванакт Диомед? А я тебе вот что скажу, родич. Почему мы этого чужака поймать не могли, а? А вот почему: три шатра рядом стоят, близко совсем. Твой шатер, Сфенела-басилея шатер и Эвриала-басилея шатер. Из шатра он выходит, понимаешь? Нас видит — и назад! Умный такой, да?

— Ну, тогда все ясно. Это богоравный Эвриал от своих девок прячется.

— По-о-о-о-обе-е-е-е-да-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

СТРОФА-II

На Фимбрийском поле, на поле Гекатомбы, тишина. Спряталась Кера, недоумевая, отчего это никто не услыхал ее зова. Даже вороны улетели, возмущенно помахав нам крыльями. Некому клевать, некому вырывать еще теплые глаза.

Не первый раз тихо. Не первый раз хрупкое молчание повисает над окровавленной землей. Но сегодня тишина какая-то особенная, странная. Словно толстая слюда легла поверх людских криков, заглушив их, спрятав. А где-то близко все равно идет бой, и эта пустая равнина ненастоящая, она — тоже обман.

Тихо на поле Армагеддона. Но это на поле...

— Ни за что! Хитрят, сволочи, время тянут!

— Ворота ломать! Скейские, Хеттийские!.. Тараном!

— Да я стену кулаком прошибу!..

— А я даже не кулаком!..

Давно так не ругались! А как тут не поругаться?

— Да сдадутся они, куда денутся? Все, жила у Трои лопнула!

— Хватит, навоевались, стольких положили!..

— Согласиться! Пусть своих баб... напоследок, пока мы сами до их баб не добрались!..

Шатер Агамемнона. Военный совет. Ругань.

— А почему Приам четыре дня попросил? Почему четыре? Не три, не семь, а? Нет, хитрит, козел старый!

— Против, против! Не давать перемирия!

Я и сам против. Троянцы предложили подождать — четыре дня и четыре ночи. Очень им нужно богов вопросить. Оно, конечно, дело полезное...

— Да за эти дни мы сами сопьемся!..

Вот именно. Победа была близка, она шелестела крыльями над самым ухом. Но — не ухватишь. И вправду, хитер ванакт Приам! Не осталось у него союзников, воинов, даже сыновей почти не осталось, теперь вот и Палладия боги (ух, боги!) Трою лишили.

...Но жив Парис. Но есть еще НЕЧТО. А ведь Приам получит четыре дня. Целых четыре дня! Не в первый и не в десятый раз приходится заключать перемирие с врагом. Куда деваться? Вначале многие (тот же Любимчик!) предлагали не давать врагу передышки, давить, переть напролом. Много бы они навоевали среди сотен неубранных трупов! Но сейчас — иное дело, и это ясно всем. Мы все-таки додавили их, мы их победили, мы разогнали полчища, мы подошли к стенам.

Битва кончилась. Впереди — осада, короткая, быстрая. Даже Капанидов «Конь» может не понадобиться. И тут — четыре дня. Неужели троянские боги — такие тугодумы?

Лигерон, Аяксы, Менелай, Тевкр — против. И мы с Любимчиком — против. Нестор с сыновьями, Подалирий Асклепиад, Идоменей — за. Нас больше, мы голосистее, но...

— Я, Агамемнон Атрид, вождь вождей, так рассудить изволю. Должно нам пожалеть ахейскую кровь. Многие, слишком многие, уже не вернутся домой. А посему повелеваю...

И угораздило тебя проспаться, носатый!

Вечер первого дня перемирия. Весь день мы проспорили, проорали, промахали кулаками. А капельки воды в невидимой клепсидре все капали, и этот тихий стук нравился мне все меньше и меньше. Время — тоже оружие. Приам решил построить свой Котел. Не захлебнуться бы нам в этом котле, и не водой — кровью!

— Дидо-ладо, дили-дили!
Мы троянцев победили!
Золотишко набирай,
Баб послаще выбирай!
Хей-я-я! Хей-я-я!

— Ну, в общем, так, парни! Тряхнул я тут одного троянца пленного, так он мне все как есть обсказал. Какие дома побогаче, в каких храмах идолы золотые...

— А про жен троянских прекрасноланитных и прекрасноволосых он тебе тоже рассказал?

— Пень ты амбракийский! На всех этой сладости хватит. Ох, и потешимся!

— Сам ты пень! А вот что потешимся — это точно. Я уж своего не упущу!

— По-о-обе-е-да-а-а-а! Наливай! Наливай! Хей-я-я!

— Ребята! Богоравные басилеи! Что-то здесь не так, совсем не так. Поэтому приказываю: дозорных проверять лично, посты удвоить...

— Да ну, Тидид!

— Я тебе покажу «ну», Смуглый! Сфенел — ночью не спать, потом с... басилисой намилуешься. Идоменей — море! Там не только дельфины плавают. Фоас — горы, Хеттийские ворота...

— Брось, Диомед! Все пьют, все гуляют...

— Ага! На поминках тоже гуляют.

Давно таким Любимчика не видел. Сидит на травке, жмурится.

Улыбается.

Я бухнулся рядом, травинку позеленее сорвал.

— Мечтаешь?

Покачал рыжей башкой, вздохнул.

— Вспоминаю, Диомед. Мечтать... рано еще мечтать.

— Рано...

Капала вода в невидимой клепсидре, незаметно, еле слышно. Кап... кап... кап...

— А я ведь себе дом построил. Перед самой войной. Сам построил — взял топор, пилу взял... Здорово там! Особенно ночью — море шумит, цикады...

Хотел я с Одиссеем о деле поговорить, о том, что все устали — смертельно, непоправимо, что за четыре дня от войска останется одна Авлида... Хотел, но промолчал. Уж больно хорошо рыжий улыбался!

Кто мы с ним сейчас? Друзья? Союзники? Бывшие враги? Кто скажет?

— У каждого человека есть свой Номос, Тидид. У кого большой, у кого — совсем маленький. Агамемнону-дураку целое Царство Великое понадобилось. А зачем?

Болью отозвалось сердце. И я бы тоже так хотел: море, цикады, Амикла рядом...

— А если нет дома, Лаэртид? А если его негде построить?

Открыл глаза, поглядел изумленно.

— То есть как негде? Это в Аиде дом не построишь.

В Аиде — нет. А на поле Армагеддона?

— А мне, знаешь, Диомед, сон приснился, странный такой. Будто домой вернулся, а никто меня не замечает. Мама по хозяйству хлопочет, Пенелопа сыну волосы расчесывает... Он ведь рыжий, рыжее, чем я! А меня никто не видит. Зову — не слышат. И папы нигде нет... Может, в море ушел? Ничего! Скоро уже, скоро...

Понял я — бесполезно с рыжим говорить. И о деле, и о жизни. Счастлив Одиссей Лаэртид! Травка, солнышко, над самым ухом Ника-Победа крыльями шелестит, а до Итаки плыть всего неделю. И я бы с ним рядом посидел, повспоминал за компанию. Если бы не капельки — совсем рядом, совсем близко.

Кап... кап... кап...

А перед закатом прилетели птицы. Не белокрылые чайки, не гарпии-вороны, жадные спутницы Таната, — другие. Огромные, серые, ширококрылые, они парили над лагерем — неслышно, неостановимо. Чужие птицы. Не наши.

Взмах широких крыльев — ленивый, полный гордой силы. Взмах — и снова недвижный полет в теплом вечернем воздухе... Мало кто их заметил. Мало — никто. Не глядели люди на небо.

Слыхал я от одного сирийца: где будет труп, там соберутся орлы...

* * *

— Э-э-э, ванакт! Э-э-э!

Я только вздохнул. Опять «ходют» небось? Делать моим гетайрам нечего — призраков у шатра ловить.

Полночь, пьяный орущий лагерь, кулаки зудят от зуботычин. Хорошо, хоть аргивяне с куретами не разбежались. Они — да еще спартанцы Менелая. А вот остальные...

Половину дозорных словно Ио-Корова языком слизнула. И спросить не с кого. Загуляли богоравные! Кто Бромия поминает, кто Киприду, а кто обоих сразу. И как поминают! Набромились, колесницы выкатили — и вперед меж шатров: разбегайся, народ! Кто просто нарядился — себя показать (Аякс все в той же митре, кто-то, уже и не упомню, в тех же серьгах, которые до пояса), а кто и девиц-пленниц с собой прихватил — тоже в злате-серебре. Кнуты хлещут, пленницы визжат... А вождь вождей в милости да в мудрости своей велел прямо на площадь лагерную пифосы с самосским да лемносским выкатить. И само собой, первым же к ним приложился.

— Э-э-э-э!

— Ну чего там, Мантос?

Поглядел на чернобородого — удивился. Давно его таким не видел веселым. Да и не его одного. Вон остальные рядышком стали, посмеиваются. А у Фремонида глаз его единственный так и подмигивает.

— Две вести, ванакт. Плохая — и непонятно какая, да. С какой начнем, а?

И с чего им веселиться? Нашли время!

— С плохой...

— Э-э-э, ванакт Диомед! Дамат от Агамемнона-ванакта приходил. Мерзкий такой, скверный совсем, отвратительный даже. С папирусом приходил, понимаешь, ученый сильно!

...Уж не тот ли, что подвигам счет ведет?

— Папирус тебе оставил, ванакт Диомед. Там все про тебя записано. Прочитал он нам — огорчились мы очень, понимаешь. Записал он, что ты только двух троянцев убил, остальных не ты убил, остальных другие убили. Ты не обижайся на этих ахейцев, ванакт Диомед, не умеют они даже до трех считать...

Сверкнули в темноте белозубые улыбки. Весело моим родичам. Я и сам не выдержал — усмехнулся. А потом и рукой махнул.

— Ясно! А вторая весть?

— Э-э-э-э!

На этот раз «э-э-э-э!» прозвучало хором. Дружным таким.

Расступились...

Ярко горели светильники в моем шатре. Цулияс, царевна хеттийская, дочь Великого Солнца Суппилулиумаса Тиллусия, ждала меня у входа.

— Радуйся, Курос, мой верховный дамат! — гаркнул я. — Хорошо ли служится?

Она ответила не сразу — смотрела, смотрела... Да и труднее сыскать более глупый вопрос. Не было уже худой губастой девчонки, которая в чужой одеже так-сяк, но могла сойти за мальчишку — такого же худого и губастого. Женщина моих лет, чуть полноватая... и губы самые обычные. Красивая? Да разве в этом дело!

— Радуйся, ванакт Диомед Тидид, — наконец вздохнула она. — Этому я тоже научилась у тебя. Чем хуже дела, тем нелепее нужно шутить... Странно, в первый миг мне показалось, что ты сильно постарел. Хвала богам, ошиблась!..

Мы расстались с Цулияс в Милаванде три месяца — и девять лет — назад...

— Ну что, поговорим, Курос-дамат?

— Поговорим...

На ней была скромная белая накидка, какую в Азии носят жены небогатых горожан, но на левом запястье огромными синими камнями сверкал кемийский браслет, — и яркий рисунок украшал каждый ухоженный ноготок на маленькой руке.

Царевна!

Сидеть в моем шатре было негде (зачем кресла на войне?), зато нашелся пузатый расписной ларь. Она присела — и ларь тут же показался троном.

— Спрашиваешь о службе, ванакт? — еле заметно улыбнулась ночная гостья. — Мы отстраиваем Хаттусу. Месяц назад я освятила главный храм... Но об этом потом. Я приготовила тебе подарок, Диомед.

Я невольно огляделся...

— Царский, — уже без улыбки добавила Цулияс. — Ты догадаешься.

Она не шутила. Царский подарок на войне... НЕЧТО!

— Я понял, царевна. Войска твоего отца не придут на выручку Трое.

— Да. Только не войска отца — мои. Отец тяжело болен, и теперь я — правительница Царства Хеттийского...

— ...Муж погиб три года назад в бою с каска. Моему сыну семь лет, мальчик очень похож на него. Братья погибли еще раньше, я — последняя в семье...

Негромко звучал ее голос. Я слушал — не верил. Целая жизнь прошла. Целая жизнь!..

— Приходится заниматься всем. Спасибо тебе, ванакт Диомед, ты многому меня научил. И не только глупо шутить. А сейчас я пришла заключить мир.

— А разве мы поссорились? — удивился я.

Покачала головой Цулияс, дочь Великого Солнца Суппилулиумаса. Словно младенец неразумный ей ответил.

— Тидид, Тидид! Вся Азия не понимает, что вы тут делаете под Троей. Теперь я вижу — спите. Мир между Царством Хеттийским и твоим царством, Дамед-ванака! Басилей Амфилох, что ныне им правит, — всего лишь твоя рука. Забыл?

Забыл... Словно и для меня прошла целая жизнь. А если подумать, то разве не так? И для меня, и для всех остальных, кто пришел сюда, на Фимбрийскую равнину...

— Басилей Амфилох мудр. За эти годы он потерял мало, а приобрел много. Он согласен на мир, но требуется твое слово...

— Даю, — тут же отозвался я. — Какую дань тебе заплатить?

В ее глазах блеснуло что-то странное. Гнев? Презрение?

— Я не шучу, ванакт Диомед!

Она не шутила, правительница Хеттийская, и на миг, на капельку воды из клепсидры (кап... кап... кап...) я увидел мир ее глазами. Великие царства ведут великую войну — по всей Азии, от моря Мрака до Кеми и Баб-Или. А Дамед-ванака спит себе у стен города, который в прежние годы он просто не стал бы осаждать — прошел бы мимо, не взглянул.

Для нас Троя — это Армагеддон, Последняя Битва. Наверное, еще сотни лет будут о ней помнить в Элладе, помнить, воспевать. А для всего мира наша война — просто драчка в глухом закутке. Брахиомиомахия...[1]

— Условия будут тяжелыми, ванакт. Твои союзники разбиты в Кеми, рассеяны по пескам Келесирии, мое войско уже в горах Киликии...

В ее тихом голосе внезапно послышался звон победоносного хеттийского железа.

— Ты извинишься передо мною и перед нашими богами за гибель Хаттусы, ты заплатишь дань и будешь платить ее каждый год. Но...

Не договорила. Медленно встала, улыбнулась... Сгинул трон!

...Рядом со мной присела — на цветастый ковер, коснулась меня рукой.

— Это ты, Тидид? Никто уже не верит, что ты жив. Даже те, кто любил тебя, кто боялся...

И что тут ответишь?

— Мои советники требуют, чтобы я побыстрее заключила мир с Дамедом-ванакой. Это разумно, но я хочу другого...

Не стало царевны, не стало правительницы Великого Царства. Усталая женщина склонила голову мне на плечо.

— Очень тяжело, Тидид! Ты меня поймешь, ты знаешь, что такое править царством. Но ты все-таки мужчина...

И вновь — что сказать? Впрочем, как это она говорила о глупых шутках?

---

[1] Брахиомиомахия — война лягушек с мышами *(греч.)*. Парадокс истории в том, что на Востоке не осталось никаких упоминаний о Троянской войне. А греки «не заметили» гибель государства хеттов и походы Народов Моря.

— Не падай духом, правительница! Я пошлю к твоим врагам Агамемнона. Он возглавит их войско...

Знакомый кулачок поцеловал меня между ребер. Не то чтобы очень сильно...

— Это тебе, Тидид! Давно хотелось... Но на Агамемнона я согласна. Пусть возглавит лидийское войско!

Теперь она смеялась. Помолодели глаза, совсем знакомым стало лицо. Губастым...

— Мы не станем воевать, Тидид. Но ты мне присягнешь, твое царство станет данником Хаттусы!

— Еще чего! — возмутился я. — Как говорят шардана, нахальство — второе счастье. Но не до такой же степени, Курос, верховный дамат!

— ...А я присягну тебе. Мы объединим наши войска и победим весь мир — если будет твоя воля. Ты станешь моим соправителем. А если захочешь, то... кем-нибудь еще. По согласию, да? По согласию?

Ее этолийский был бесподобен. Крепкие пальцы вцепились в мои плечи.

— Как может мужчина почувствовать власть над женщиной? А как женщина — над мужчиной? Так по согласию, да?

Я не двинулся с места, даже не улыбнулся. Все-таки бесчувственный я чурбан!

...Хуже! Валун на горной дороге!

— И не смей отталкивать меня, Диомед! — тихо сказала она. — Не смей, понял?

Белое покрывало скользнуло на ковер. Ее рука одним ударом перевернула бронзовый светильник. Запах горящего масла... запах ее губ...

— Не смей... не смей...

...Черная ночь над Троадой, мерные удары капель в невидимой клепсидре, легкий шелест крыльев Ники, легкий шелест крыльев Таната... И тихий порыв ночного ветра, еле заметный, едва уловимый. Ночной ветер, ночное зарево над лесом...

...лучится красота Ее... искать... всю жизнь... возжелай... льнущей к ладоням моим... искать Тебя! глаза Твои... искать... стройные бедра ведут спор... всю жизнь! всю мою жизнь! таинственно лоно... искать Тебя... та, что блистает... блистает...

Нет, только кажется. Гибкое женское тело, острый привычный запах пота, запах потревоженного лона, опытные умелые пальцы, опытные умелые губы...

...И бесчувственный чурбан на ковре. Валун при дороге. Или все-таки?..

— ...Не отвечай сейчас, Тидид. Пожалуйста! Ответишь потом, еще есть время!

Светильник она зажгла сама. Впрочем, покрывало накинула еще раньше. Азийский обычай — только муж имеет право видеть женскую наготу. Остальные женщины дарят любовь только во тьме — чтобы не видели боги, чтобы не видели глаза. Особенно если к тебе пришла не девка площадная — царица. Даже если только что губы впивались в губы...

Когда мне впервые рассказали об этом — я лишь посмеялся. Азия! Своим случайным женщинам я не позволял прикрываться темнотой. И лишь однажды подумалось, что с ними станется после...

— Я не могла забыть тебя! Даже когда носила ребенка, когда кормила его. Вначале мне казалось, что это — ненависть, потом — что уважение. А после поняла... Подумай, не спеши! Ты хотел править Великим Царством, Диомед. Мы построим с тобой державу, которой еще не бывало под солнцем!

Она оставалась правительницей, Цулияс, царевна Хеттийская, дочь Великого Солнца Суппилулиумаса. Даже когда впивалась зубами в собственную руку, убивая хриплый утробный крик.

...Неужели ей было со мной хорошо?

— Мы увидимся, скоро увидимся, и ты мне ответишь. А сейчас слушай, Тидид. Отец не стал помогать Приаму. Троя держалась слишком вызывающе, ее пепел убедит тех, кто усомнился в нашей власти...

А ведь знакомое что-то!

— К тому же под Троей сложили свои дурные головы самые буйные наши данники...

Я только вздохнул. Хорошо выучился Курос, мой верховный дамат!

— Но хеттийское войско — это не все, чего вы должны опасаться. НЕ ВСЕ! Больше ничего сказать не могу...

Стук капель в невидимой клепсидре внезапно стал раскатами грома. Близкого грома...

...НЕЧТО!

— Мне пора, ванакт. Надеюсь, ты запомнил все, что я тебе сказала? Твердо запомнил?

— Угу...

Я встал.

Лишними были эти слова, Цулияс, царевна хеттийская! Я еще не твой данник, и твои войска пока что не сильнее моих.

...И в самом деле! Ввалилась в шатер к великому ванакту, изнасиловала его, как какая-нибудь Айгиала, расхвасталась, понимаешь!

Взялся за край белого покрывала...

— Нет! — крикнула она. — Светильник, пожалуйста. Потуши!

Еще чего! Так как женщина может почувствовать власть над мужчиной? А мужчина над женщиной?

— Нет...

Покрывало лежало на ковре, еще теплом от наших тел.

— Не смотри! Стыдно...

Зажмурилась, прижала ладони к лицу. Сверкнули в неровном свете изукрашенные ногти на маленьких пальцах... На ней был золотой поясок — почти такой же, как тогда, в Хаттусе. Впрочем, не на поясок я глядел.

...В Хаттусе мои гетайры пялились на обычную девчонку, дочь какого-то неведомого жреца. Они не знали, их взгляды скользили мимо, не задевая гордости. Теперь я знал, кто она. Я смотрел на царицу.

— Зачем... так, Тудид? Зачем? Зачем унижать...

Хотелось сказать, что в этом тоже урок. Незачем указывать мне мое место. Опасно это! Но тут же понял — плохо дело.

Всхлипнула горлом, опустилась на ковер, так и не отрывая ладоней от лица. А потом заплакала — тихо, безнадежно.

— За что?.. За что... Нельзя... Как я теперь?..

И тут я понял, что случилось. Царица подарила мне свою любовь. Я превратил царицу в шлюху.

Собака я — и любовь у меня собачья! И нет ничего страшнее, чем вновь почувствовать дыхание ночного ветра, увидеть отблеск ночного зарева. Почувствовать, увидеть... потерять.

Валуны на горной дороге мертвы. Им не больно.

— Не плачь, не надо...

— Ты... Что же ты сделал со мной, ванакт? Тебе ведь известны обычаи Азии. Темнота смывает грех, а теперь я ничем не лучше жрицы Астарты или девки с базара!.. Знаешь, в Лидии когда-то правил царь Гиг. У него была красавица-жена, и Гиг любил хвастаться ею. Однажды он решил показать ее обнаженной — вопреки всем обычаям — своему воеводе. Тот спрятался в ее спальне... Когда царица поняла, что опозорена, то предложила воево-

де выбор: или он умрет, или убьет Гига и сам станет царем и ее мужем...

— И... и что он выбрал?

— То, что выберешь ты, Диомед...

— Э-э-э, ванакт Диомед! Зачем отпустил ее, зачем не оставил? Хорошая девушка, правильная девушка, хорошо на тебя смотрела. А уходила — совсем не так смотрела. И я смотрю на тебя, Диомед-родич, смотрю — понять не могу. Умный вроде, да? Смелый вроде, да? А если смелый, если умный — протяни руку, ее за руку возьми! Я вот что тебе скажу, только ты не обижайся: глупый ты, Тидид, совсем глупый!

* * *

Я ждал, что наутро в лагере будет плохо. Ошибся. Стало не плохо — стало хуже некуда. Над шатрами реял геройский храп вперемешку с похмельным чадом, Ио-Корова слизнула шершавым языком последних дозорных, а самые ретивые уже вовсю грузили корабли. Воины Гунея Кифийца, радостно подвывая, выбивали подпорки из-под черных дельфинов.

...А ударь, к примеру, даже не троянцы, не амазонки — какая-нибудь приблудная разбойничья шайка? Славный котел придумал ты, Приам! Два дня — и мы уже разбиты без всякой драки. Даже если это НЕЧТО — выдумка, разве сможет пьяндыга Атрид вновь поднять войско, вновь заставить идти на смерть?

Сорвана глотка от крика, ноют разбитые костяшки. К счастью, не все сдурели. Хмурый Аякс побрел на берег — разбираться с излишне резвым Гунеем, мы с Лигероном занялись дозорными, остальные разошлись по шатрам — устраивать побудку с последующим отливанием морской водой.

К полудню утихомирилось вроде. Да что толку? Будет еще завтра, будет и послезавтра.

А возле Крепкостенной — пусто. Заперты Скейские ворота, недвижны дозорные на высоких башнях. Замерла Троя. Словно и не перемирие, словно вот-вот бой начнется — решающий, главный... А почему, собственно, «словно»?

Ждет Крепкостенная... Дни считает, часы, каждый стук капли в клепсидре, каждый удар сердца.

Ждет!

— Агамемнон! Атрид! Проснись! Проснись немедленно!

Надо что-то делать... Войско — уже не войско, даже не толпа! Атрид — ты же верховный вождь, ты же воевода! Проснись, дурак козлобородый!

— Д-диомед, ты? А что случилось? Они уже с-сдались?

И снова серые ширококрылые птицы неслышно парят над лагерем. Взмах, взмах, взмах...

Там, где будет труп...

— И чьи это корабли, Идоменей?

— Не знаю, слишком далеко они были. Гнаться мы не стали, у меня только три кимбы на воде. По виду не наши и не троянские. И не финикийские, те не спутаешь. Знаешь, мне показалось, что это корабли из Кеми. Приметные очень, с красными бортами...

— Да брось, откуда тут кемийцы? А вот все остальные... Говорят, корабли Приама совсем рядом, в Геллеспонте...

Почему никто не смотрит на небо? Ведь птицы уже совсем низко, даже клекот слышен — торжествующий, победный. Говорят, мой Дед, мой НАСТОЯЩИЙ Дед, когда-то посылал орла, чтобы тот клевал печень Амирану-Прометею.

А кто прислал этих?

Их не видят — никто, кроме меня, даже Калхант... Но разве трупы могут видеть?

— Да брось, Тидид! Нет там никаких орлов. И троянцев нет, и хеттийцев. Я сам вместе с Фоасом все у Трои этой проклятой оглядел. Мы заставы к самой Ассуве послали — и ничего... Да почему ты такой грустный, Диомед?

— А ты что-то больно веселый, Капанид?

— Я?! Веселый?! Собака ты, вот что я тебе скажу. Она, василиса моя, всю ночь меня прождала, а я по твоей милости... Знаешь, она о тебе все время расспрашивает, что да как. Вот чуть обвыкнет — поговорите. Она... она хорошая очень!.. Тидид, а ты мне поможешь с моей, которая в Аргосе? Ты же ванакт! Шепни жрецу...

— Стрепсиаду?

— А хоть ему! Сделаем мою... бывшую... э-э-э... дулькой!

Никто не видит серую стаю, никто не слышит орлиный клекот. Так и должно быть, наверное. Не видим, не слышим... Гелен предупреждал не зря, и Цулияс предупреждала не зря.

НЕЧТО!

Почему я не упал к ней в ноги, почему не прижался лицом к ее коленям? Испугался? Проще было поставить ее на место — голую, униженную, оскорбленную. Не простит — она гордая,

хеттийская царевна. Она и так подарила мне все, что могла, даже саму себя, даже свой венец.

Что выбрал незадачливый воевода царя Гига?

— Менелай! Нужны твои спартанцы. Все! Надо выставить дополнительных дозорных, и на равнине, и у берега...

— Ты... Ты был в Трое, Тидид? Ты видел ее... Елену?

— Да...

— Какая она теперь? Нет, не говори, я сам... седой. Что с нами происходит, Диомед? Мы же старики! А мне только двадцать три... Знаешь, я не вернусь в Спарту. Даже когда... даже если победим, если Елена и я все-таки... Что мне делать дома? Я ведь там чужой, басилей-зять. Зятек... Раньше хоть немного уважали — из-за нее, из-за Елены. Выбрала меня все-таки! А теперь... Всякий... всякая сволочь будет показывать пальцем на меня... на нее... И я буду помнить — каждый день, каждый час. Лучше утонуть в Океане!..

— Есть такая земля — Азия. У тебя осталось войско, у тебя еще достаточно сил. Найди себе страну на кромке мира. Говорят, там есть край, где растут лотосы — цветы забвения...

— Азия... Значит, ты все-таки был там, Тидид? Расскажи!..

Птицы исчезли только на закате, когда сверкающий венец Солнцеликого утонул в Лиловом море. Исчезли, зато пришли ОНИ.

Пес — Дурная Собака Небес — пугливо прятался между лап Орионовой стаи, убежав к самому горизонту, за молчаливо плещущий звездным огнем Эридан, когда-то принявший в свои вечно сонные воды павшего с небес Фаэтона. А правее, точно на юге, под блеском Овна Золотое Руно, собрались все ОНИ. Красным огнем горел Арей, сине-белым переливалось знакомое око Афродиты, маленький, еле заметный зрачок дяди Гермия весело подмигивал, оранжево горел венец Деда-Зевса, не блекнущий даже рядом с серебристой Селеной-Артемидой.

Крон-мертвец разместился чуток в сторонке — неяркий, сонный, словно Прадеду были уже неинтересны дела земные. Он сделал своё дело, Крон-Время, и теперь просто дремал, прекрасно зная, что вскоре увидит.

Злой блеск ИХ взглядов впивался в глаза. И меркли испуганные звезды.

— Зачем волнуешься, родич Диомед? Что на небо смотришь, что там видишь? Все в порядке, Тидид. Дозорных я по-

ставил, всюду поставил, коней стреноживать не будем, спать по очереди будем...

— Не знаю, Фоас. Что-то... Не так что-то!

— Сам вижу, сам понимаю. Плохая земля! И люди тут плохие, и кони плохие, и собаки плохие. Ничего, скоро домой поплывем, да? Не смотри ты все время на небо, родич Диомед, небо тут тоже плохое!

АНТИСТРОФА-II

Добряк Морфей, лучший друг на войне, на этот раз не был милостив. Не торопился, медлил, заглядывал исподтишка, окружая себя бесформенными радужными призраками, — и снова исчезал, посмеиваясь. Сон не шел, ныли руки, закинутые за голову, духота шатра казалась особенно невыносимой.

...Ковер все еще пах ее телом.

И наконец, как всегда неожиданно, черная тьма сменилась неярким отсветом ночного костра. Знакомая поляна, тропинки крестом, брошенные на теплую землю серые эфебские плащи..

...И сам не заметил, как на краю поляны оказался. Обернулся, на малиновые угли поглядел. Назад?

Я сделал шаг и вдруг услышал...

Нет, не услышал! Словно ветер сзади подул. Легкий, почти незаметный. Только не ветер это. Листья не шелохнутся, травинки не дрожат...

— Янаанааа-а-а-а! Янаанааа-а-а-а!

Далеко? Нет, близко, только тихо!..

Спасибо, друг Морфей! Хоть и не спешил, но удружил. Из ночи — в ночь, из проклятой Троады — в аркадскую глушь, где мы когда-то ночевали с Капанидом по пути в Калидон. Сейчас я снова увижу Ее. Пусть во сне, пусть всего на миг!

...та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года... блистает... блистает...

— ...Янаанааа-а-а-а!!

По затылку вроде как муравьи пробежали. Пробежали — сгинули.

Испугался, герой?

Ну поют, ну и что? Тем более голос женский. Даже не женский. Вроде как девчонка пищит.

— Янаанааа-а-а-а! Янаанааа-а-а-а!

Нет, не девчонка. Девчонки!..

Давно мне не снилась эта ночь. Даже вспоминаться стала

редко. Словно кто-то другой совал любопытный нос в густые заросли, чтобы напугать своим сопением маленьких дриад, к кому-то другому в серебристом сиянии шагнула Она...

...Я ошибся. Пели не близко, а очень близко. Прямо за деревьями, и дюжины шагов не будет, — еще одна поляна. Тоже круглая, но побольше. На той стороне — дерево поваленное. Старое...

Да, так и было! Сейчас я увижу маленькие яркие огоньки — над самой травой, словно рой светляков. Увижу, упаду на землю, замру, чтобы не спугнуть, и огоньки закружатся в танце, будут петь про неуклюжую черепаху-хелехелину...

Но где же все? Где?

Пусто. Темно. Мертво.

Недвижная поляна, легкий, еле приметный запах гниющих старых веток...

— Янааааа-а-а-а... — в последний раз, неверным, исчезающим эхом.

Все...

Я оглянулся, пока еще не понимая, надеясь, что сон вернется и все будет, как было, как и должно быть...

Тщетно! С каждым мгновением все темнее на поляне, все страшнее. И уже не легкий запах тления — трупный смрад рвет ноздри. И я понимаю, что я уже не в Аркадии Счастливой, я на Поле Камней, на поле Армагеддона.

— Светлая! — отчаянно кричу я. — Светлая, где ты?!

Мертво! Даже эхо смолчало.

— Ты здесь, я знаю! Я виноват перед Тобой! Очень виноват! Но приходи, прошу Тебя!..

Уже нет голоса, не кричу — хриплю. А черная тьма сгущается, подступает, трупный смрад становится непереносимым...

— Светлая...

И вдруг я понимаю — Она мертва. Мертва, как и я сам. А мертвым не нужно ничего в этом мире — даже любви.

Диомед, сын Тидея, погиб под Троей...

* * *

Вначале я обрадовался. Не то чтобы слишком, но все-таки. Не зря мы вчера горло срывали и сбивали в кровь кулаки. Просыпается воинство, нехотя, медленно, почесываясь, но все же вылезает из шатров. Вот и вода в котлах булькает, и мясом, на углях печенным, тянет. И дозорные на месте, и пифосы с площади лагерной исчезли.

Красота! Не совсем, конечно...

— Ванакт! С берега сообщают: какие-то торговцы плывут...

Вначале я и внимания не обратил. Мало ли кто к нам жалует? Особенно в последние дни, когда истончились стенки черного Котла.

— Наши?

Просто так спросил, даже не подумав. Для порядка.

— Не наши, ванакт. Большие такие корабли, красные, сразу видно — торговцы...

Красные... Красные?!

Вчера решил было, что ошибся зоркий Идоменей. Откуда у наших берегов?..

— К бою-ю!

Кеми! Все-таки Кеми! Издалека их краснобокие суда и вправду можно принять за...

— К бо-о-ою-ю-ю-ю!!!

Еще ничего не понимая, но уже чуя беду, кинулся на берег. Если расставить лучников, если выстроиться фалангой прямо на сером песке...

Поздно!

...Горели сторожевые кимбы — маленькие, верткие, но бессильные против краснобоких чудищ, закрывших весь горизонт. Легкий ветер раздувал огромные желтые паруса с красным Оком Ра в центре. Ни криков, ни песен — молча мчались к берегу корабли ванакта Черной Земли.

Поздно думать — откуда? Поздно гадать — почему?

НЕЧТО! Вот оно — НЕЧТО!

С запасом попросил времени старый хитрец Приам. Четыре дня! Хватило и двух... Ох и дураки же мы все!

— Фтия! Саламин! К бою-ю! Микены! К бою-ю-ю! Спарта-а!..

Но я понимал — поздно. Не успеть. Они уже рядом, совсем близко...

— Дядя Диомед!.. Тидид!.. Ванакт!..

Нестройной толпой бежали ко мне воеводы, застегивая на ходу ремни сверкающих шлемов, стуча по песку неплотно надетыми эмбатами. Лигерон, Аякс Большой, Менелай, Одиссей...

— Кто это, Тидид?!

Объясняться нет времени. Его вообще нет. Первые стрелы уже свистят в воздухе — длинные, тяжелые, хищные...

— Лучники! Вперед! По кораблям! По палубам!..

Молодец, Любимчик, молодец, стрелок, да только ты еще не видел, как бьют кемийские луки!..

— Менелай! Отводи всех на равнину! Строиться в две фаланги, вторая — лицом к Скейским воротам. Лавагет Лигерон, Аякс!..

— Мы прикроем, дядя! Вы успеете!..

Малыш тоже понял, что в лагере не удержаться. Нас просто перережут у шатров, переколют копьями с широкими, как меч, наконечниками из сияющей бронзы.

А стрелы уже свистели, жужжали, впивались в тела. Кто-то, совсем рядом, близко, молча рухнул на песок. Стрела, пробившая панцирь, еще подрагивала, словно не в силах удержать злобу...

— Наза-а-ад! Отходим!

Неуверенно, робко запели трубы. Поздно, поздно! Краснобокие корабли уже тыкались высокими носами в песок, с бортов горохом сыпались невысокие крепкие парни в белых набедренных повязках. Смуглые лица, высокие, почти ростовые щиты с закруглением наверху...

— Отходи-и-и-им!!!

Последнее, что я успел заметить, — сброшенные вниз сходни, по которым уже сталкивали на песок сверкающую золотом колесницу.

...Задержать мы их смогли только у частокола. И то ненадолго. Муравьев-мирмидонцев и саламинцев Аякса спасала теснота. Луки тут были почти бесполезны, а против копий, секир и боевых булав еще можно было продержаться. Какое-то время, конечно... Смуглые копьеносцы дрались молча и так же молча умирали. Но чаще умирали мы.

Мой щит был пробит уже в двух местах, но я не отходил, высчитывая в уме мгновения. Еще одно, еще... Белокурый должен успеть, должен выстроить войско до того, как эти вырвутся на Фимбрийскую равнину, как откроются Скейские ворота (а ведь откроются!) и мы окажемся в капкане, в мешке, в котле...

Приамов котел! Котел из сверкающей кемийской бронзы!

...Мелькнула и сгинула мыслишка о нашем вожде вождей. Небось и на этот раз не проснулся? Ну и Гадес с ним, с носатым!

— Лигерон! Аякс! Уходим!..

Частокол уже подпирает лопатки. Пора к воротам, на прорыв, иначе никому не вырваться!

— Лигеро-о-о-он!

— Я... Я здесь, дядя...

Уже по голосу понял — плохо дело. Никогда еще у малыша не было такого голоса — слабого, растерянного.

— Я... здесь...

Лавагет Лигерон Пелид, непобедимый герой Ахилл, сидел на земле, вцепившись окровавленными пальцами в стрелу, пробившую плечо. Почему-то почудилось, что кровь, струившаяся из раны, — черная. Не красная, не серебристая...

Удивляться было некогда, некогда даже подумать, отчего малыша, не получившего за все эти месяцы и царапины, все-таки достали.

...Смыкалась морская плоть сына Фетиды Глубинной под ударами меди и бронзы. Но кемийская стрела оказалась сильнее. Зверобоги Номоса Черной Земли презирали волшебство наших богов.

Десяток уцелевших мирмидонян гибли под копьями, прикрывая раненого вождя. Окровавленного, растерянного...

— Меня... Меня ранили, дядя Диомед! Ранили!

Так изумляется ребенок, впервые оцарапавший до крови коленку.

— Братишка! — проревело рядом. — Держись, братишка!

Каменная гора с шумом и пыхтением проломилось через вражеские щиты. Аякс Теламонид, страшный, заляпанный кровью и грязью, бросился к Лигерону. Только сейчас я вспомнил, что они и вправду — двоюродные братья. И ведь похожи!

— Аякс! Ты же сам ранен!.. — крикнул я... охнул.

Стрела с жужжанием ударила в обнаженный локоть Теламонида. Ударила — отлетела прочь. Словно бычок и вправду был гранитной глыбой.

Чудится?

Аякс легко взвалил брата на плечо, обернулся ко мне.

Подмигнул.

— На меня еще стрелу не сработали, Тидид!

Мне бы удивиться — не удивился. Некогда. Берег мы потеряли, потеряли лагерь... Что осталось?

Осталась Фимбрийская равнина — та самая, трижды проклятая, пропитанная нашей кровью. Остался желтый, протухший от трупов Скамандр, за которым выстраивались остатки войска.

...Троянцы уже наступали — из Скейских ворот, из ворот Дарданских, отовсюду. Колесницы с острыми серпами, лучники, пращники, толпы легковооруженных в полотняных панцирях. Впереди бледным электром[1] сверкали круглые щиты — в бой

---

[1] Электр — естственный сплав золота и серебра.

шла личная охрана Приама. С бронзовым лязгом захлопывался капкан.

Но страх проходил. Все-таки мы воевали не первый день, к тому же ярко светило солнце, каждый видел своего товарища в строю, видел своего вождя...

...Не каждый, конечно. Даже на первый взгляд было ясно, скольких мы оставили в лагере. Тех, кто не успел даже схватиться за копье.

— Ряды ровнее. Ровнее! Строй «вепря»! Лучникам приготовиться...

А из лагерных ворот уже выезжали золоченые невысокие колесницы, впереди которых гордо вздымали головы белые кони-красавцы, выбегали смуглые копьеносцы в светлых головных повязках. Ни шлемов, ни панцирей, только высокие щиты. С такими драться можно, особенно если сойтись лицом к лицу, но...

Лучники! Еще в Сирии я узнал, что такой кемийский лук, что такое кемийская стрела, бьющая на сотни шагов, пробивающая любой наш доспех. Вот они, такие же невысокие, смуглые, плечистые. Рассыпались вдоль строя, стали на колено, деловито достали стрелы из огромных колчанов.

...Колчан его — как отверстый гроб.

Я понял — враг не будет спешить. Сначала ударят стрелы. А отступать некуда — троянцы уже строились у Ватиейского холма, совсем близко...

— Что... Что это?!

Дохнуло перегаром. Очумевший дурак с лохматой козлиной бородой, босой, в одном хитоне...

— Диомед! Откуда они взялись? Что нам теперь делать?!

Великий ванакт, вождь вождей Агамемнон Атрид изволил удивиться.

— Что делать?!!

— Умирать, дурак! — буркнул я, отворачиваясь. Сейчас лучники возьмутся за тетиву... Нет, еще не сейчас. Одна из колесниц — побольше, вся в яром золоте, не спеша выкатила вперед.

— Ахиява-а-а!

Почему-то голос мне показался знакомым. И не только голос. Тот, кто стоял на колеснице, сверкая роскошным панцирем...

— Ахиява-а-а! Бросай оружие, Ахиява!

Только на этот раз воеводе Ра не требовался толмач.

Глупая привычка — разговаривать перед боем. Да что делать? Не мы тут приказываем.

Я подошел ближе. Щит брать не стал, копье тоже. Черноликий Мемносе не станет убивать меня просто так.

— Дамед?!

Он заметил меня еще с десяти шагов. Узнал, радостно сверкнул белыми зубами, легко спрыгнул с колесницы — огромный, широкоплечий, гибкий. На груди сияло знакомое ожерелье — Гор-Сокол... А за его спиной над стройными рядами врагов медленно вознеслись страшные звериные морды на высоких шестах. Круглые черные глаза с презрением глядели на обреченных «ахиява».

Боги Кеми шли по земле Троады.

— Радуйся, ванакт Диомед! Кажется, мы оба с тобой немного постарели?

Он весело смеялся, эфиоп Мемносе, приемный сын ванакта Черной Земли. Пусты были его слова — уж он-то точно остался прежним, даже словно помолодел.

...Разве что ахейский выучил. А может, и раньше знал, только виду не показывал. Но теперь он не посол — воевода, скалящий зубы прямо в лицо попавшему в капкан врагу.

— Мой брат, Великий Дом, Владыка Двух Царств, Владыка Двух Венцов Государь-Бог Сети Уашхепрура Мериамон, жизнь, здоровье и сила, велит тебе, ванакт Диомед, и всему войску твоему умереть!..

Веселой улыбкой кривились темные губы, звонко, красиво звучали беспощадные слова.

...Сети Уашхепрура Мериамон? Выходит, Мернептах-собака уже на полях Иалу? Впрочем, что та собака, что эта...

— Твои союзники несколько лет назад посмели напасть на границу великого Кеми. Отец мой, Государь-Бог Мернептах, растоптал их кости. Настал теперь твой час, Диомед!..

Я кивнул. Самые буйные, самые неуемные из усатых-чубатых не послушались меня и все-таки попытались сокрушить неприступный Номос Кеми.

Прощайте, безумные смельчаки!

Хайре!

— Сейчас мои братья идут по Сирии, чтобы горячей бронзой выжечь вашу скверну по всей стране. Мне же брат мой, Великий Дом Государь-Бог Сети Уашхепрура Мериамон, жизнь, здоровье и сила, повелел ступить пятой на землю Троасы... как ты, ванакт Диомед, когда-то пришел в страну хеттийцев!..

То ли показалось... Нет, не показалось. Весело подмигнул мне Мемносе, воевода Ра. Мол, понял ли, Диомед?

Понял. Когда-то я сам ворвался прямо в сердце Царства Хеттийского. Ванакт Кеми решил повторить мою задумку. Лягут в землю Троады-Троасы наши кости, а главные силы кемийцев тем временем спокойно будут брать город за городом. Удержится ли Амфилох хотя бы на Кипре? Ведь совсем близко — хеттийцы!

— Если вы мужчины — умрите! Если женщины — бросайте оружие и склоните головы, чтобы вечно, в тяжком рабстве, служить Великому Кеми. Тебе же, ванакт Диомед, пощады не будет. Я убью тебя сам, в честном поединке, ибо так повелел мне брат мой, Государь-Бог Сети Уашхепрура Мериамон, жизнь, здоровье и сила!..

Упивался своими словами черный Мемносе. Не один год, поди, речь заучивал. Но и болтал неспроста — ждал, пока троянцы выровняют ряды.

...Да и нам лишние мгновения не помешают!

— Как получится, воевода, — пожал я плечами. — Поглядим, кого вечером вороны клевать станут... А где твой брат Месу, воевода Птаха?

Погасла усмешка, камнем подернулся черный лик:

— Человека с таким именем больше нет. Жалкий изгнанник Моше бродит с шайкой хабирру по пескам, и не будет ему построена гробница в священной земле, и вечно его Ка будет терзать его Ба...[1]

Когда раб становится свободным? Станут ли свободными жестоковыйные хабирру?

Первые стрелы ударили нерешительно, будто примериваясь. Но вот запело, зажужжало, засвистело. Словно ударил град из черной косматой тучи — беспощадный, смертоносный.

Не спасали щиты. И шлемы не спасали. И панцири. Сначала умирали, стоя на месте, молча. Затем начали пятиться, оставляя на окровавленной траве неподвижные тела. Потом первое, пока еще нерешительное, чуть ли не шепотом: «Бежим!..»

---

[1] Подробный рассказ о военной службе Моисея (Моше) в египетской армии содержится у Иосифа Флавия («Иудейские древности», книга II, глава 10). Ка и Ба — по египетским представлениям, две души человека, которые не найдут покоя, если погребение не состоится согласно определенным обрядам и обязательно в земле Египта.

Бежать было некуда. Сзади ждали троянцы. Шакалы были готовы урвать добычу у львов.

А стрелы все били, и не было им конца, и мы умирали, умирали, умирали...

Черные глаза зверобогов равнодушно глядели на нас. И так же равнодушно смуглые лучники опустошали колчаны. За ними молчаливыми рядами сгрудились копьеносцы, ожидая своего часа...

Гетайры стояли рядом со мной, выставив бесполезные кожаные щиты. Я не спорил — скоро придет и мой черед. Вот упал пронзенный насквозь Фремонид Одноглазый, улыбнулся на прощанье, оскалился...

Хайре, друг! Я — следующий.

И вот уже умер стоявший рядом со мною Антилох Несторид, храбрый сын трусливого отца, вот уже бросились обезумевшие люди вверх по склону, прямо на троянские копья, уже катилось по неровным, поредевшим рядам безнадежное: «Бежи-и-и-и-им!»

Еще можно было спастись — кинуться прямо на стрелы, прямо на жужжащую смерть, опрокинуть лучников, сцепиться с копьеносцами. Но как заставить гибнущих сделать первый шаг? Меня не слышали — и никого не слышали. Еще немного — и войско исчезнет, обратится в скопище, в толпу, в мясо для рубки...

— Диомед! Надо что-то... Надо...

Слюна текла по козлиной бороде ванакта микенского. Босые ноги уже успели испачкаться чьей-то кровью.

— Отец... Отец говорил... Если стрелы, нужна песня... Эмбатерия!.. Надо...

Я не стал слушать. Певун нашелся! Хоть бы умер достойно, вождь вождей!

— Да, да! Эмбатерия — песня, которая глушит пение стрел![1] Да! Да!

Я не стал отвечать. Кажется, и мне рассказывали о таком. Да что толку?

— Надо!..

Босая нога скользнула по мокрой от крови траве. Атрид неловко взмахнул руками, с трудом устоял и вдруг, оттолкнув ближайшего щитоносца, стал пробираться вперед.

В первый ряд — под стрелы.

— Воины! Ахейцы! Это я, Агамемнон! Слушайте!..

---

[1] Сведения об эмбатерии заимствованы автором из романа Льва Вершинина «Время царей».

Визгливый пропитой голос резанул по ушам. Резанул — стих. И снова засвистели стрелы.

— Песню!.. Эмбатерию! Запева-а-а...

Я отвернулся. Не люблю носатого, но смотреть, как он умирает, тоже не хотелось.

— Эмбатерию-ю! *«Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья-я!..»*

Закашлялся, умолк... Неужели все? Бедняга носатый!

— *«Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья!..»*

Что это? Эхо?

Неужели?..

— ...Родину-мать от врагов обороняя в бою!
Родичи, братья мы все необорного в битвах Геракла.
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!

Сперва негромко, недружно, растерянными слабыми голосами, затем все звонче, все сильнее:

— Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланцев кончины —
Милыми, как нам милы солнца златого лучи!

Равнялись ряды, светлели лица. А эмбатерия гремела уже во всю мощь, сгинул омерзительный голос стрел, затвердели взгляды, и первый раз мелькнула растерянность в черных глазах кемийских зверобогов.

— Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступать между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;
Труса презренного честь гибнет мгновенно навек!

Давний, страшный напев звучал над проклятой Фимбрийской равниной. Эмбатерия, песня смерти — песня победы. И вот слитно, дружно колыхнулись копья. Загремели медные щиты.

— Срамом покрыт и стыдом мертвец, во прахе лежащий,
Сзади пронзенный насквозь в спину копья острием!..

— Ахе-е-е-ейцы! Дети мои-и! Братья-я-я!

Тяжелый железный крик обрушился словно с самих небес. И похолодел я, узнав голос, который мне никогда не забыть, — голос Атрея Великого.

— Впере-е-е-е-е-ед!!!

Вздрогнула земля от первого шага. Вздрогнула, застонала.

— Впере-е-е-е-ед! Родные боги с нами-и-и!!!

Исчез нелепый человечишка в помятом, залитом вином хитоне. Атрей Великий вел Элладу в бой.

— Добрая слава ахейцев в веках никогда не померкнет,
В царстве Аида живя, будем бессмертными мы!..

В царстве Аида живя, будем бессмертными мы!

* * *

— Фоас, ты ранен, но... надо подсчитать наших, всех, кто...

— Нет, брат Диомед, мертвых считать не будем, будем живых считать. Меньше считать придется, брат Диомед...

— Эй, Смуглый, жив?

— Н-ничего, Диомед, по голове навернули... Болит... Полежать бы немножко...

— Холодную повязку, на ноши, в шатер!..

— Не надо ноши, сам дойду. Только спалили мой шатер...

— Тогда в мой. Там поспокойнее будет — без твоих девок!

— Тидид... Я... Я сегодня был хорошим Диомедом?

— Ты всегда был хорошим Диомедом, Эвриал Мекистид! Получше меня — это уж точно.

— Ну чего, Капанид, как твоя... басилиса? Не пропала?

— Хвала богам! Гетайры успели вынести... Давай завтра, как Эвриал очухается, пир устроим. Маленький, для наших только. Вот там я вас и познакомлю. Она такая... такая!..

— Диди-ладо! Дили-дили! Эфиопов мы побили...

— Заткнись, козел! Нашел время!..

На огромной ладони — приметная клювастая птица.

— Держи, Тидид! На память. Ты ведь знал этого Мемнона.

— Мемносе, — вздохнул я. — Впрочем, какая разница?.. Это Гор-Сокол, Лигерон, царский знак из Кеми. Ты его лучше домой отвези, в храме повесишь.

— Держи, держи... Кому он нужен... в храме...

Малыш грустно улыбнулся, покачал головой и ловко накинул мне на шею золотую цепочку. Одной рукой накинул. Вторая висела на повязке, из-под которой все еще сочилась кровь.

Черная. Теперь уже не спутаешь...

Он так и дрался — одной рукой, без щита. В самый решающий миг, когда капризная Ника-Победа все еще выбирала, Пелид все-таки сумел прорваться к золотой колеснице воеводы Ра. Он хорошо запомнил, что надо бить по вождям.

И все равно только к ночи мы скинули их в море. А потом еще пришлось добивать троянцев, не успевших скрыться за стенами.

И снова победа. Но радоваться нет сил. Ни у меня, ни у Пелида. И Аякс Теламонид грустен — сидит рядом, молчит. Сопит только.

— Антилоха Несторида жалко, — вздохнул Лигерон. — Они с Патроклом дружили. Я скажу, чтобы всех нас похоронили в одном толосе...

Что-то было не так. Совсем не так. И не только потому, что впервые малыша ранили по-настоящему. И тут я понял. Сегодня он назвал меня Тидидом — не «дядей». Тоже впервые. Малыш Лигерон — седой, грузный, широкоплечий, с грязной щетиной на грязном лице — стал взрослым.

— Толос — отставить, — как можно спокойнее проговорил я. — Что за мысли, лавагет? Да возьмем мы эту проклятую Трою! Я возьму! Ты возьмешь! Через неделю, обещаю!..

Покачал седой головой непобедимый Ахилл, не ответил. И Аякс промолчал, только засопел еще пуще.

— Будете тут Данаевых дочерей изображать — в бой не пущу. Вас обоих! — озлился я. — Ясно, герои?

— Калхант мне сказал, — тихо-тихо проговорил малыш. — Рану увидел — сказал... что это — знамение, следующая рана будет смертельной...

Я набрал в грудь побольше воздуха (ничего себе мыслишки!). Не успел.

— А от меня искры летели, Тидид, — прогудел Аякс, головы не поднимая. — Как от камня какого-то, представляешь? Я сперва и не сообразил даже, а после как вспомнил... Может, я уже... не человек?

Зашумела невидимая река, подступила к горлу. И что ответишь, если сам — не на шаг, на волос от пропасти?

.

...Плещет, плещет...

— И я вспомнил, — внезапно рассмеялся малыш (ох, невесело рассмеялся!). — Тогда на Скиросе — не забыл, Тидид? Представляешь, Аякс, Диомеда за мною прислали, он приехал, гля-

дит — перед ним чудище какое-то. Гидра! А я еще сдуру с его гетайрами сцепился. Тидид меня копьем — а копье как в воду!..

— В воду — это еще ничего, — пробурчал Аякс, — а вот в камень... Ребята, а если я и в самом деле?..

Вода и камень. Лучшие из лучших, герои из героев, двоюродные братья.

Вода и камень...

— Отставить! — выдохнул я. — После взятия Трои объявляю священную игру «телепин». Награда — венец Приама. Наша дружина против микенцев и спартанцев. Тебя, Аякс, ставлю в первую линию, тебя, лавагет, во вторую, с левого крыла. А поэтому приказываю: раны вылечить, новых не получать! Кто такой Телепин, помните?

Переглянулись.

Улыбнулись.

— *Телепин, сын Тару-Грома, из героев был герой!* — хмыкнул Аякс.

— *Побеждал врагов без счету — и опять стремился в бой!* — подхватил Лигерон.

— Точно! — кивнул я. — И глядите, проиграем — позор в веках. Аэды через тысячу лет петь про нас будут!

— *...Как-то с Цигу-великаном меч скрестил отважный дух. Завязался бой кровавый на границе царствий двух. Дрались долго исполины, говорят, что целый век. Победил герой злодея — вражью голову отсек!..*

— То-то! — хмыкнул я. — А то Калхант какой-то, толосы... Ну что, разделаем микенцев?

— Телепин! Те-ле-пин! «Го-ло-ва»! «Го-о-о-о-ол»!..

Не было сил даже укрыться. Спасибо гетайрам — сообразили. Закутался с головой в плащ, закутался с головой в ночь... Пылью пахла истоптанная трава. Кровью пах недвижный воздух.

Сна не было. Просто двигались черные тени в черной мгле, роились, подступали все ближе, пятились, снова приближались. Аид, царство Гадеса... Я все-таки туда попал. Черная ночь, черные тени — без лиц, без слов. Почему-то не страшно, почему-то не хочется бежать, не хочется проснуться...

Но я ведь не сплю? Разве души в Аиде спят?

...Тени, тени. Невидимая река наконец-то смолкла, я пережил свое безумие — или оно пережило меня.

Тени...

Тьма сгущается, становится плотной, липкой, и НЕЧТО

клубится во тьме... Но ведь мы победили это НЕЧТО? Победили! И теперь Троя — наша, мы держим Нику-Победу за крылья!..

В черной безвидной мгле — чей-то черный лик. Знакомый, страшный. Мемносе, воевода Ра, это ты? Нет, конечно, не он; сын Великого Дома, сын Мернептаха-собаки погиб в честном бою, ему незачем приходить ко мне!..

Почему тьма пахнет кровью? Или кровью пахнет НЕЧТО?

Тени... Чье это лицо? Чье? А я его знаю! Я его узнаю!..

— ...Вот! Вот он, собака!..

Собака? Но ведь собака — это я! Зачем кричать? Я ведь узнал...

— Вот о-о-он! Скоре-е-ей!..

Зачем?..

— ...Вот о-о-он! Скоре-е-ей!

Кровью пах воздух. И трава уже не пылью пахла — тоже кровью.

— Ах ты, негодяй проклятый! Бей! Бей!

Откинул плащ, помотал головой.

Сел.

Ночь, черные тени в ночи, черная громада шатра... Хорошо, что я спал под звездами. В шатре сейчас так душно! Но почему?..

— Ванакт Диомед! Диомед-родич! Здесь ты, да? Хвала всем богам, на тысячу веков — хвала!..

Уже не тени — просто встревоженные гетайры. Зачем-то подхватили, зачем-то поставили на ноги...

— Живой, живой родич! Хвала богам!

Вновь помотал головой, огляделся. Зачем богов хвалить? Зачем суетиться? Все в порядке, ночь, все спят...

...Нет, не спят! Гетайры с оружием, полог шатра почему-то откинут, а вот и Мантос — странный какой-то...

— Беда, родич! Ох, беда! Не устерегли, не успели, дураки мы слепые, собаки безголовые!..

И тут я наконец проснулся.

— Как ламия какая-то крался, понимаешь! У самого только шатра увидели... Ай, беда, родич!

...В неверном свете факелов кровь на цветастом хеттийском покрывале казалось черной — как та, что текла из раны малыша. Эвриал лежал ничком, уткнув лицо в ковер...

Ударили в бок — знакомым халибским кинжалом. Приметный кинжал, приметная рукоять. Два года назад я подарил его моему другу Сфенелу Капаниду...

Я присел рядом, осторожно наклонился.

Тихий стон.

— Лекаря! — шепнул я, боясь кричать. — Подалирия зовите, быстро!

Эвриал Мекистид, басилей трезенский, был еще жив.

Пока еще.

Встал, огляделся, не в силах поверить, осознать... За что Смуглого? За что?! Что он им сделал?! Им? Кому — им?

Оглянулся, сцепил зубы.

— Где?

— Вот, ванакт...

...Он лежал слева от входа, тоже ничком. Белый короткий хитон уже набухал кровью. Били без жалости...

— Переверните...

Ахнули гетайры. Рассыпались по окровавленному ковру золотистые волосы...

Астарта!

Без румян, без подведенных чернью бровей ее лицо казалось совсем другим, незнакомым. Или... Или, наоборот, знакомым? Губы дрогнули. Открылись плещущие последней ненавистью глаза.

— Фивы... польно...

Хотел переспросить, хотел крикнуть...

Поздно! Астарты, беззаконной Капанидовой басилисы, уже не было. Пальцы еще жили, цепляли воздух, словно пытаясь ухватить что-то невидимое, уходящее навсегда. Жили, но из пустых глазниц, равнодушных, холодных, на меня уже смотрел Танат Жестокосердный...

...Вот, значит, кого ловили по ночам мои куреты! Ловили — не поймали. Но что ей сделал Смуглый? Почему — Фивы?

Из темноты вынырнул встревоженный Подалирий Асклепиад, не глядя на меня, бросился к Эвриалу. Снова послышался тихий стон...

Я вышел в ночь, в царство Аида, в Эреб, где блуждают черные тени. Глупые вопросы задаешь, Диомед Дурная Собака! Задаешь — вместо того, чтобы отвечать. Может, потому, что отвечать слишком страшно. Верно сказал однажды Любимчик: ответы — убийцы вопросов.

Убийцы!

...Фивы... польно...

— За городом поймали, в лесу пряталась. Дриада, понимаешь!

— Покажите!

— Пожалейте... пожалуйста! Пожалуйста...

— Не смотри, что худая, койрат Диомед! Крепкая! За коровами ходить будет, шить будет, детей рожать будет...

— Пожалейте...

— Несколько лет назад его сестру, она была совсем еще ребенком, изнасиловал один молодой, опьяненный победой воин. Не знаешь, кто это был, Диомед?

— Она... С нею... что?

— Узнай сам, если хочешь...

Узнал. Почти догадался, еще там, на пиру. И потом, когда черная тень подступила ко мне во сне. «Польно...» Знакомый с детства беотийский говор, наречие маленького Ферсандра.

Больно...

Она не знала, что этой ночью меня не будет в шатре. Эвриал Мекистид в последний раз стал Диомедом Смуглым...

Но ведь и он брал Фивы!

— ...Он зовет тебя, Тидид.

Хотел я спросить Подалирия о главном — не стал. По голосу все понял. Черен был голос целителя, как эта ночь.

Теперь кровь, сочившаяся через повязку, была обычной — красной. Много было ее, красной крови.

Я боялся посмотреть Мекистиду в глаза. Я сам послал его на смерть. Сам!..

— Прости!..

Это не я сказал — это он. Запузырилась розовая пена на темных губах.

— Простить?! — выдохнул я. — За что?

Кончики губ еле заметно улыбнулись.

— Ты... Ты знаешь. Ты... все понял, Тидид. Ты ведь никуда не отпускал меня, помнишь?

— Что понял? Что?! — забывшись, заорал я. — Мне так посоветовал дядя Эвмел! Ты — басилей Трезен, ты — племянник ванакта Адраста, а значит, следующий в очереди на наследование!..

А я беру с собой не друга, ванакт ты недовенчанный! Я беру с собой Эвриала; трезенского басилея. Понял?

— Да... — вновь попытался улыбнуться Смуглый. — Я следующий, и я не хотел ждать. Прости, Тидид! Но когда я увидел мертвого Ферсандра, представил, что на костре лежишь ты... Мы — братья, Диомед. Я — очень плохой брат. Прости...

В этот миг я пожалел только об одном — что мой брат, мой друг Эвриал Смуглый сумел прожить несколько лишних мгновений. Кто сказал, что нам нужна правда? Кому нужна эта проклятая правда?

...Знакомая бронзовая рукоять, острое лезвие. Кинжал, хеттийский смертоносный кинжал, родной брат тех, что целили в мою печень. Но и на этот раз бронзовое жало не хлебнуло крови. Досталось папирусу — небольшому желтоватому обрывку, приколотому к земле прямо у входа в мой шатер.

Письмо. И кинжал — вместо печати. По желтому папирусу — неровные черные значки. Всего одно слово: «Прости!»

Прости!

— Ты бредишь, Смуглый! — выдохнул я. — Бредишь! Ничего этого не было, тебе показалось, тебе сон страшный приснился, ты ранен, но ты скоро поправишься, ведь ты мой друг, мы все друзья, мы все — братья... И не вздумай умирать! Ты слышишь? Не вздумай умирать!..

Знакомый страшный треск догорающих дров, знакомый страшный жар пепла на ладонях...

— Лисандр, сын Паракла! Хайре!..
— Симонид, сын Евтиха! Хайре!..
— Никострат, сын Эфора! Хайре!..
— Горгий, сын Тмола! Хайре!..
— Антилох, сын Нестора!..
— Фремонид, сын...
— Эвриал...

Мы убиты под Троей...

...А в своем шатре, забыв обо всем, раненным насмерть зверем выл Сфенел Капанид, басилей Аргоса, потомок царственного рода Анаксагоридов. Выл, ревел, катался по ковру, лупил кулачищами по белокурой голове, рвал крепкими зубами ковер. К нему боялись подходить.

Даже я...

ЭПОД

Нам не довелось погонять «телепина».

Лигерон Пелид, прозываемый также Ахиллом, погиб через два дня. А на следующую ночь покончил с собой его двоюродный брат Аякс, сын Теламона.

Одиссей убил Париса.

А еще через три дня мы взяли Трою.

Пощады не было почти никому. Энею с дарданами разрешили уйти, не тронули Гелена Прорицателя и одного из его братьев. И это — все.

Басилея Приама зарезали у алтаря, перебили сыновей, сбросили с башни на гулкие камни его внука — сына лавагета Гектора. Женщинам повезло меньше. Тех, кто не умер под насильниками, делили по жребию. Поликсену, младшую дочь басилея, зарезали на могильном кургане Ахилла.

Город горел целую неделю.

Добычи было много, хватило каждому. Агамемнон Атрид на этот раз превзошел самого себя, разделив по справедливости все, до последнего окровавленного хитона.

Могилу Гектора раскопали, и кости лавагета выбросили псам.

Любимчик до сих пор считает, что все кончилось не самым худшим образом. Трою мы все-таки взяли, выполнив клятву, когда-то данную нами на окровавленном конском трупе. Гекатомба сожрала не всех, и уцелевшие смогли вернуться домой, не боясь мести богов и новой Титаномахии.

А главное — мы остались людьми.

Последние слова Одиссей Лаэртид любит повторять особенно часто.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

МИНОС

СТРОФА-I

— Славную петь начинаю Сантиду-Афину,
С хитро-искусным умом, светлоокую, с сердцем немягким...

Жрец думает, что его слушают. А его никто не слушает. Даже разговаривают. И Промах Дылда Длинная разговаривает, и толстяк Полидор, и моя богоравная, и Комет Сфенелид, и Сфенел...

Нет, Капанид как раз помалкивает. Хмурится, в потолок черный, закопченный глядит. Можно не смотреть — до сих пор не починили, дыра в полкрыши!

— Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион...

Лерна. Храм Афины Сантиды. Знакомый жрец. Все как когда-то. Почти все... Можно закрыть глаза и представить, что рядом папа, рядом дядя Капаней, дядя Полиник, дядя Мекистий. Сейчас они заговорят о походе на Фивы, о том, как уговорить упрямого дядю Амфиарая...

— ...Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных...

Да, почти все так же. Лерна. Тут водятся гидры, страшные гидры...

Встретиться решили именно здесь, в храме. Я не возражал: что в храме, что в акрополе, что на Поле Камней. Кажется, храм выбрали оттого, что сюда приходят без оружия.

...И резаться на глазах у богини как-то неприлично.

Боятся! Фоас с куретами и калидонцами на полпути в Этолию, своих аргивян я оставил в Навплии, но все равно боятся. На меня не смотрят, переглядываются, перешептываются.

— ...Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула наземь она из главы его вечной,
Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
Заколебался великий Олимп, застонали ужасно...

А жрец-певун почти не постарел! Или это не он? Сын или даже внук?

С разговором можно не спешить, все равно я знаю, что мне скажут. Им тоже известно, что я знаю. Потому и тянут, жертвоприношение затеяли, хотя день Сантиды весной, а сейчас уже осень, пожелтела трава, и листья деревьев, что растут возле Алкионова болота, пожелтели, и платан Гидры пожелтел...

Все-таки я вернулся! Вернулся, хоть и не думал. Впрочем, вернулся ли? Ведь тот, кого так боятся родичи, от кого прикрываются деревянным ликом Сантиды, разве я-прежний? Кто-то другой покинул эту землю три с половиной года назад...

...Двенадцать с половиной лет назад!

Вернулся — не я.

— ...Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней...

Эх, нет здесь дяди Капанея! Сейчас бы грянул: «Р-р-радуйся мно-о-ого, о до-о-очерь эгидодержавного Зевса-а-а-а-а!!!» Не грянет! И Сфенела не уговоришь — мрачен Капанид. Черен. До сих

пор в себя не пришел. А тут еще это — то, что ожидало нас, вернувшихся, в богоспасаемом отечестве. И не только нас, аргивян. Всех нас — всех, кто погиб под Троей, но еще не знал этого.

Допели? Допели! Убежал жрец, не оглянувшись даже...

Пора!

Суетятся, переглядываются. Кто начнет? Промах старший, но не он тут верховодит... Неужели Айгиала?

Она! Богоравная ванактиса! Сейчас Комет Сфенелид ей что-то дошепчет...

...А ведь совсем не похож на отца, разве что ростом. Узкоплечий, мрачный какой-то, хмурый. Неужели ему только шестнадцать?

Дошептал.

Ну, реки, богоравная, не тяни. С обрыва — да в воду!

— Ванакт Диомед! Тидид...

Почти шепчет, но гулким эхом отдаются слова в тишине старого храма.

— ...Совет гиппетов решил просить тебя... просить...

Что, страшно? Клитемнестра, Агамемнонова супруга, посмелее оказалась. Р-раз секирой — и нет носатого! И никого просить не надо.

Не был ты мне другом, не был врагом, Агамемнон Атрид. Не холоден был ты, не горяч...

А все равно — жалко. Хайре, носатый!..

— ...Отказаться от власти в Аргосе и передать венец ванакта, дабы гиппеты сами рассудили, кому его носить должно...

Ну вот, прорекла! И чего боялась? А ведь прав был Атрей Великий: погубят гиппеты нашу землю!

— ...Доходы с владений твоих за эти годы тебе выплачены будут сполна, сможешь ты забрать из сокровищ все, что пожелаешь, однако в Аргосе тебе проживать отныне невместно, и во всех прочих городах аргивянских тоже...

Не мне одному (знаю! знаю!). Киантиппу Эгиалиду тоже. Хорошо, что я сразу отправил парня вместе с Амфилохом-младшим на Кипр. Нечего ребятам такое слушать!

— ...Понял ли ты, ванакт Диомед?..

А голос-то дрожит. Еще бы! Мое войско в Навплии, у кораблей. Вот сейчас свистну!..

— ...просьбу земли аргивянской?

Бросить бы проклятый венец прямо на каменный пол! Чтобы звон пошел. Подавитесь, богоравные!

— Я понял, ванактиса. Понял, но ведать желаю, кто вместо меня царством править будет, ибо поклялся я перед отчими богами землю аргивянскую блюсти...

Мог бы и не спрашивать! Вон как приосанился Комет Сфенелид!

...Вчера мне рассказали — на ушко. Именно они, Анаксагориды, Капанидовы родичи, открыли когда-то ворота Аргоса Агамемнону. А я еще голову ломал все эти годы!

— Городом покуда буду править я, законная ванактиса, вместе с басилеем Сфенелом Капанидом и сыном его, басилеем Кометом Сфенелидом. Ванактом же станет Орест, сын Агамемнона, дабы объединились наконец царства и закончилась вражда, столько бед принесшая нашей земле. Ведомо тебе, ванакт, сколь усилились дорийцы на севере, и пред угрозой этой должно нам, ахейцам, быть вместе...

Все! Можно и венец на пол бросать. А не так плохо и рассудили, гиппеты козлобородые! Может, и вправду получится?

— Я, Диомед, сын Тидея, ванакт Аргоса, Арголиды и всей Ахайи, повелитель Тиринфа, Трезен, Лерны, Гермионы, Азины, Эйона, Эпидавра, Масеты, Эгины Апийской и Калидона, с выбором вашим согласен и...

— Ну уж нет!!!

Дрогнули стены, затрещали доски потолочные, пошатнулся деревянный идол от Сфенелова рева.

— Микенцам Аргос отдаете?!! Ах вы, предатели! Ишь, дорийцев-раздорийцев испугались, хитоны обмочили! А ты, сопляк, что тут делаешь, а? Сыночек родимый! Вырос мне на позор!..

Словно ураган по храму пронесся. Побелела богоравная Айгиала, прижался к стене каменной Комет Сфенелид.

— А ты, Промах? А ты, Полидор? Тоже мне, друзья-эпигоны! Продали Аргос?!

— Погоди, Сфенел! — поморщился я. — Чего орать-то? Мы же все решили!

...Еще в море, у берегов Аттики, когда удалось узнать о делах домашних. И в самом деле, не резаться же аргивянам с аргивянами! Не пылать же нашему дому на Глубокой улице!

«Кур-р-р-р-р!» Мчится конница через Микенские ворота. И через Диркские, и через Трезенские. Стучат копыта — гореть проклятому Аргосу!..

И если случится такое, не я буду тому виной. Все-таки легче будет переплывать черную Лету...

— А ты молчи, Тидид! — ничуть не успокоенный, прорычал богоравный Сфенел. — Ты свое уже сказал! И ты, ванактиса, сказала. А теперь меня слушать будете, ясно?! А я, Сфенел Капанид, басилей Аргоса, вот чего повелеваю: все, что тут наговорено, — забыть. Я теперь главный!

Поглядел я на разъяренного Капанида, поглядел, головой покачал. Быть его супруге дулькой! Венец все же бросать не стал — на алтарь положил.

Вот и все!

— Ты слишком долго не возвращался, Диомед...

Кутается в хлену богоравная Айгиала, зябко плечами поводит. Холодная осень в этом году, ранняя...

Осень — время прощания.

— Слишком долго... Целая жизнь прошла.

Желтые холмы, серое море вдали, жухлая трава под ногами...

— Знаешь, может быть, я смогла бы тебя полюбить. Я уважала тебя, ванакт... каким бы ты ни был. Кто знает, если бы ты не ушел под Трою... Нельзя любить призрак!

Слыхал я уже похожие слова. Ты не виновата, моя богоравная ванактиса.

...И ты, Цулияс, не виновата.

— А теперь я полюбила этого мальчика — Комета. Но дело не в нем, мы могли бы просто расстаться с тобой, жить порознь... Но ты не нужен Аргосу. Ты — война! А мы так хотим мира, Диомед. Вся Эллада устала от этой проклятой войны!

И вновь она права. Мы, страшные призраки — призраки Войны, — не нужны Элладе. Нас не принимают люди, нас не принимает земля. Убит Агамемнон, на прибрежных камнях Тенедоса погиб Аякс Оилид; не добравшись до родной Беотии, умер Феникс, воспитатель Лигерона, говорят, и Калханта Предателя уже нет в живых. А сколько погибло у берегов Эвбеи, когда ложный маяк указал путь на скалы, не подсчитали до сих пор...

Меня тоже пытались потопить — в Аттике, когда на наши корабли напала (по ошибке! ха!) местная стража. Ночью, внезапно... Но Танат вновь промахнулся.

Царство Гадеса спешило забрать нас, последних.

— Прости, Диомед. Если сможешь...

Кутается в хлену Айгиала, дочь Амфиарая Вещего. Кутается, на меня не смотрит. Словно я уже — мертвец.

Молчу. Мертвецы не отвечают, не спорят. Да и о чем спорить?

Мы убиты под Троей.

Слышал как-то — то ли в Микенах, когда заезжал к носатому, то ли уже на Востоке, в Аласии. Бродяге-аэду (настоящему, не дядюшке Психопомпу) кинули от щедрот обрезок серебра, старик расчувствовался, взял трясущимися руками кифару...

Камень — изгнанника хлеб, и на камне — изгнанника ложе.
Камнем струится вода, камнем дорога бежит.
В камень зароют его, как закроет глаза на чужбине.
Сколько б ни ехал, куда — всюду лишь Поле Камней.
Страшно изгнаннику жить, но страшнее проклятой чужбины,
Если родная земля кажется камнем ему.

А я еще удивлялся, отчего — камень? Что та земля, что эта...

* * *

— Не плачь, Диомед! Не плач, родич! Куреты не плачут. Куреты — огорчаются...

Отплывали черной ночью, как и полагается изгнанникам. Тихо на палубе «Калидона», молчат мои гетайры, даже чернобородый Мантос погрустнел.

...Гетайры, друзья. Только трое вас осталось! Да я — четвертый.

Ванакт-наемник уходил. Служба исполнена, наемник уже не нужен. Ни в Аргосе, ни в Элладе, нигде. Да и кто даст кров Дурной Собаке, которая умеет лишь одно — воевать, драться, насмерть грызть врага? Черная ночь, черный корабль, черный парус. Пора! В черное осеннее море, за черный горизонт.

В никуда.

Когда-то мне-прежнему казалось, что это так легко — уходить в никуда!

Пора было отплывать, гребцы уже положили мозолистые ладони на черные весла, нетерпеливые волны отталкивали нас от берега, а я все медлил, медлил...

Даже Сфенел оставил меня! Прав, конечно, богоравный Анаксагорид: в Аргосе его место. Уж он наведет порядок, уж он

спустит с них жирок! Незачем Капаниду уходить со мною. Но... Но он даже не пытался уговорить меня остаться. Даже не пытался!..

Все! Пора! Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков. Мой листок уносит ночным ветром...

— Ванакт! Там!..

Где — там? В море? Ничего нет в море — даже гидры. Черно...

— Там! Там!..

Обернулся. Вздрогнул.

Исчезла ночь. Факелы! Десятки, сотни, по всему берегу, по всем холмам...

— Эй, аргивяне, племя отважных!
Азия нас вызывает на битву.
Но от Олимпа до вод Океана
Всех аргивянский Арей побеждает!
Аргос — Победа!
Аргос — Победа!

Не может быть! Откуда?

Вражеских полчищ не сосчитаем,
Все тут — от каров до эфиопов.
Но от Олимпа до вод Океана
Всех аргивянский Арей побеждает!
Аргос — Победа!
Аргос — Победа!

Не поверил своим глазам. Сколько их! Не сотня, не тысяча даже. Знакомые лица, незнакомые, с оружием, без... Мужчины, женщины... дети...

— Царь Диомед! Нас веди за собою!
Если прикажешь — в Аид мы прорвемся!
Ведь от Олимпа до вод Океана
Всех аргивянский Арей побеждает!
Аргос — Победа!
Царь наш — Победа!

И вот уже исчез прибрежный песок. Гривастые шлемы, лохматые пастущьи шапки, широкополые дорожные шляпы. За плечами — мешки, котомки...

— Радуйся, ванакт!

Незнакомый... знакомый... Нет, просто очень похожий на кого-то.

— Мы решили ехать с тобой. Те, что остались, — не Аргос. Мы — Аргос!

— Аргос!.. Аргос!.. Арго-о-ос!.. — по всему берегу, долгим ночным эхом.

— Арго-о-о-о-о-о-о-ос!..

— Мы пойдем с тобой. Ты — наш ванакт! Эти трусы думают, что изгнали тебя. Они ошибаются — они сами лишились родины. Мы взяли с собой семьи, мы взяли с собой нашу землю. Нам не хотели отдавать корабли... но мы их убедили. Веди нас, Тидид!

«Куда?» — хотел спросить я. Не спросил. Они правы: один человек — изгнанник, тень, гонимая ветром. Вместе мы — Аргос. А земля велика, всем найдется место под меднокованым небом.

— Ты не узнал меня, ванакт? — улыбнулся незнакомый знакомец. — Я — Ром, сын Эматиона, твоего лавагета. Я не успел под Трою...

— Ничего, — наконец-то улыбнулся я. — Это хорошо, что не успел. Радуйся, Ром Эматионид, мой лавагет! Радуйтесь, мои аргивяне!

Черная ночь стала светлей. И не факелы были тому причиной.

* * *

Дорогой Миносов... Древней вечной дорогой по Лиловому морю, но не винноцветному, летнему, а темному, рассеченному ударами вырвавшихся на волю ветров. «Калидон», тугой парус над головой. Я снова дома.

Мне приснился дождь.

Сквозь безвидное марево, сквозь темные разводы бесконечного мрака — легкий, едва уловимый шум. Теплые капли падали на щеки, на глаза, обволакивали, гладили.

Дождь во сне. Сон в дожде.

Время замерло, застыло, хотелось одного — не просыпаться, не уходить от нежданной ласки, от нежданного тепла...

— Диомед... Диомед... Диомед...

Я улыбнулся дождю, улыбнулся тихому женскому голосу. Незнакомому... знакомому... Голосу теплых капель, шептавшему мое имя.

— Нам надо поговорить, Диомед... нам надо...

Можно ли говорить с дождем? Даже во сне?

— Кто ты? — улыбнулся я. — Я тебя знаю?

— Знаешь... знаешь... знаешь... — шептали капли.

Я протянул ладонь — вода легко коснулась пальцев.

— Кто же ты, дождь?

— Твой враг... враг... враг...

Даже во сне я удивился. Разве теплые капли могут быть врагом? Что мне сделал этот дождь? Чем навредил я ему?

И вот сквозь черноту, сквозь негромкий стук капель начал медленно проступать кипящий холодным серебром Лик. Памятный, незабываемый, хотя виделись мы всего раз.

...И ледяным градом стали ласковые теплые капли!

— Ты поклялся быть моим врагом, Диомед Тидид. Ты напоил своей кровью мой алтарь — и попробовал мою кровь...

— У ТЕБЯ нет крови, Киприда Пеннорожденная, Владычица Любви, — оскалился я, — в ТВОИХ жилах — серебристый яд!..

— И в твоих... в твоих... в твоих...

Ненависть захлестнула, сдавила горло — до боли, до хрипа.

— ТЫ убила мою Амиклу, нелюдь!

— Нет... нет... нет...

Хотелось закричать, заорать, но теплый дождь обволакивал, лишал силы.

— Я подарила тебе чудо, Диомед. Я подарила тебе Амиклу — ту, что научила тебя любви. Она — и была Я. Что же ты сделал со МНОЮ? Что же ты сделал с МОИМ даром? Я стала тебе не нужна — и Я ушла... Я ушла... ушла...

Кровавые знаки на белом мраморе, кровавое имя на мертвом камне... Что я сделал с тобой, Амикла?

— Ты отталкиваешь все, что Я дарю тебе, Диомед. Иногда для счастья нужно так мало — просто протянуть руку. Поэтому мы враги... враги... враги...

— Уйди, — прошептал я. — Даже если ТЫ права — уйди! Что ТЕБЕ еще надо?

Странным светом горели ЕЕ глаза — будто бы ОНА глядела на умирающего.

— Тебя не простили, Диомед. МЫ не простили. Ни тебя, ни остальных. Вас убьют — всех до одного, всех, кто был под Троей. В спину, исподтишка, подло. И в нашем Номосе, и в Восточном. Теперь там тоже — МЫ...

Серебристый Лик был уже совсем близко — холодный, невообразимо прекрасный.

— МОЙ сын, Эней Анхизид, тоже обречен. Уходите — все! Уходите в другие Номосы, где еще нет НАС. Это трудно, очень трудно, но это лучше, чем смерть. Ты возьмешь МОЕГО сына,

возьмешь своих друзей и уйдешь в Западный Номос. Туда НАМ нет пути...

— А зачем мне ТВОЙ сын? — вздохнул я. — Спасай его сама.

— У него нет твоих сил, Диомед. Но у Энея есть другое. В чужом Номосе — чужая земля. Когда-то, пока наши Номосы не соединились, твои предки не могли даже ступить на землю Азии. Номос Запада — чужой, он вас не примет. Но МОЙ сын — не просто полубог. Он — Саженец. Он сможет укорениться, а вместе с ним — вы все...

— А чем он лучше всех нас? — удивился я.

В ответ — серебристый смех, легкий перезвон теплых капель.

— Эней — МОЙ сын, Диомед. Я сама — Саженец. Я родилась на Кипре, в Азии, в Номосе Востока, но смогла прижиться в Элладе. То, что построит МОЙ сын — и вы вместе с ним, — простоит века, тысячелетия. НАШИ корни не вырвать.

Я понял — это правда. ОНА не лжет.

— Значит, голову за голову, Пеннорожденная? Я спасаю ТВОЕГО сына и спасаюсь сам?

— Зачем ты так, Диомед? — вздохнули капли. — Неужели легче убить, чем спасти? Твоя мать не пришла к тебе, пришла Я... И не отталкивай МОИ дары, нельзя всю жизнь только проливать кровь. МОЯ любовь для всех — даже для тебя, Диомед, мой враг! Не отталкивай... не отталкивай... не отталкивай...

Шепот капель стал почти неслышен, медленно таял во тьме ЕЕ Лик... Иногда для счастья нужно так мало — просто протянуть руку!

Мне снится дождь...

...Я снова дома. «Калидон», тугой парус над головой. По Лиловому морю, древней вечной дорогой.

Дорогой Миносов.

* * *

— И ничего уже не сделать, Идоменей?

— Ничего...

Я оглянулся. Низкие красные колонны — треснутые, обезглавленные, остатки ярких фресок на облупившихся стенах, разбитые камни мраморного пола. А дальше — серые в желтизне невысокие горы, вымощенная громадными плитами дорога, вдоль которой навечно застыли громадные двурогие идолы.

Кносс. Руины дворца. Вечная дорога привела меня к своему истоку.

Царство Миносов.

Крит.

— И ты решил, Идоменей?

— Еще нет...

Мы встретились здесь, в развалинах Кносса, в двух шагах от страшного Лабиринта, где до сих пор бродит тень Астерия Минотавра, где в разрушенных залах слышен шелест давно истлевших одежд, где лики сгинувших в далеких веках царей смотрят со стен на чудом уцелевший каменный трон — тяжелый, высеченный из цельного мрамора. Трон Миносов... Мы здесь, потому что Идоменею, басилею Крита, больше негде встретить гостя. Бывшему басилею...

— У меня больше тысячи воинов, Идоменей. Мы могли бы отвоевать Фест, затем двинуть на восток, в Этеокрету...

Он не ответил, даже не обернулся. Потомок Миносов не смотрел на погибший город, на твердыню его великих предков. Вдаль глядел — на серое осеннее море, на неровное пятно у горизонта...

...Островок Дия — первая земля, куда ступил мой Дед, мой НАСТОЯЩИЙ Дед, когда пришел ЕГО час покинуть Крит и начать Титаномахию...

— Мы разрушим Фест, устроим резню... Что дальше, Тидид? Ты ведь сам не стал возвращаться в Аргос!..

Скучна наша судьба, судьба вернувшихся в родной... в чужой дом. Скучна, одинакова — как похожи истлевающие трупы на поле боя. Родич-предатель, захвативший престол, жена, уставшая ждать и греющая чужое ложе...

На Крите мятеж, на Крите война. И никому уже не нужен слишком поздно вернувшийся басилей.

— Я думал найти дочь, Тидид. Верил, что она еще жива, надеялся... А теперь мне уже не на что надеяться...

Что сказать, как утешить? Родич-предатель, захвативший престол, позаботился о том, чтобы наследница Миносов исчезла навсегда.

Дрогнули широкие плечи под черным плащом. Медленно, не спеша обернулся Идоменей. И пуст был взгляд его глаз.

— Уплывай, Тидид! На Востоке, на Кипре, сейчас собираются все уцелевшие. Там — твое царство.

— А ты?

Не спешил с ответом критянин, молчал. И почудилось, буд-

то над мертвым городом прошелестели железные крылья Таната Жестокосердного.

— Я хочу умереть Миносом...

— ...Ты Сияющий, Диомед, но Сияние — знание тех, кто живет сейчас, в наши дни. Оно лишь отсвет древней мудрости. На Крите помнят очень многое, особенно потомки тех, кто жил здесь еще до Зевса. Думаешь, я не смог бы отомстить, не смог бы сдвинуть с места горы и обрушить их на головы предателей? А что дальше? Люди не имеют права на такое. А мы — еще люди, Тидид, и я — человек... Не очень трудно завоевать царство, и править им не очень уж трудно. Но Миносом так не стать. Для этого мало власти, и знаний тоже мало. Нам с тобой известно о Номосах, о бесконечном мире, сотворенном Единым. Но что дает знание? Уверенность в себе — не больше. Минос — это тот, кто сам меняет мир, кто прокладывает дорогу в недоступные Номосы, соединяет миры воедино. Когда-то сын Дия, первый Минос, открыл дорогу на Восток. Я стану последним Миносом, Диомед. Путь на Запад закрыт уже многие годы — я открою его вновь. Попытаюсь... И если это удастся, мне не будет стыдно смотреть в глаза предкам, когда мы встретимся с ними у Белого Утеса. А тут мне уже нечего делать! Пусть Океан даст мне силы...

Над Кноссом, городом руин, — ранние осенние сумерки. Негромко звучит голос критянина. Серые тени с громадными рогатыми головами обступили нас со всех сторон.

Слушают.

Кивают...

...И снова — серое осеннее море, черный «Калидон», злой ветер, бьющий в лицо, холодные соленые брызги на щеках. Мы плывем на восток. Дамед-ванака возвращается в свое царство.

Но отчего так не хочется возвращаться?

* * *

На острове Халка — маленькой рыбешке, прижавшейся боком к каменной громаде рыбы-Родоса, — крик до небес. На острове Халка — пир мертвецов. Знакомые мертвые лица, знакомые мертвые голоса. Одна гордыня еще жива — она умирает последней, даже после надежды.

Крик, крик, крик...

— Я завоюю Кеми! Я... Я покажу этим эфиопам!.. Я покажу!..

...Менелай, белый от пьянства, с безумными круглыми глазами.

— А я... Я эту... Ливию! Я стану ванактом ливийским!..

...Гуней — тот, кто пытался первым бежать из-под Трои.

— А я Фракию покорю! Фракию! Фракия моя, слышите?!

...Демофонт, младший сын Тезея-афинянина. Приплыл под Трою за два дня до победы. Недовоевал!

— А я пеласгов! Нечего им было Приаму помогать! Я их всех огнем выжгу! Как крыс!

...Антиф — его я вообще не знал, тут познакомились.

— А я... А я не знаю чего, но все равно завоюю! За что боролись? За что кровь-сукровицу проливали?

...Филоктет Олизонец — прятался всю войну на каком-то островке. Теперь вынырнул.

— За-а-а-аво-о-о-о-ою-ю-ю-ю-ю-е-е-е-ем!!!

Бывшие басилеи, бывшие наследники, бывшие эллины.

Изгнанники.

Мертвецы.

— Все завоюем! Все-е-е! А потом вернемся в Ахайю — и всех резать станем! Резать! Жечь! Мстить!

— Ме-е-е-е-е-е-есть!!!

Крик над островом Халка, рев, ор нечеловечий. Гуляют мертвецы, давятся неразбавленным.

— Агамемнон убит — значит, я главный!

— А почему — ты?! Я — Менелай, третий воевода!

— Я буду воеводой! Я Гектора убил! Самого Гектора!

— Ты?!

— Ну... ранил. Все равно!..

Не навоевались мертвецы, не напились крови. Да и деваться им некуда — не пускает родная земля. Этим хоть повезло — они еще кричать могут. Только двое не орут, чаек не распугивают. Подалирий Асклепид — да я. Тихо сидим, тихо пьем. И разговариваем тихо.

— Я в Дельфах был, у пифии, — улыбается Асклепиад. — Спросил — вдруг подскажет. А она мне вопит: «Небо! На всех упадет небо! Поезжай туда, где небо тебя не задавит!»

— В Херсонес Карийский, — улыбаюсь я в ответ. — Он со всех сторон горами окружен. Если что — только накроет, как крышкой ларца...

Смеемся, хоть смеяться и не над чем. Стая мертвецов ищет

место среди Номосов. Призрак Великого Царства снова бродит среди нас, распадаясь на мелкие смешные обрывки. Великое Царство Гунея Кифийца, Великое Царство Филоктета Олизонца...

— Ты думал, Тидид, всех их собрать? — кивает Подалирий на разгулявшихся Царей Великих.

Пожал я плечами. Думал. Уже не думаю.

На Кипре нас немного, еще меньше в Азии, в Киликии, Сирии, Финикии. Те, кто пошел со мной, — Аргос Корабельный, уже высаживаются в Аласии и на побережье Кицувадны, но их все равно слишком мало. Эта пьяная орава очень помогла бы Амфилоху Щербатому против хеттийцев и воинов ванакта Кеми. Но я уже понял — бесполезно. Эти орущие — уже не войско...

...Не войско? Проснулся на миг во мне Дамед, владыка жестокий, оскалил зубы. Не войско — но польза будет. Накинутся эти недобитки на хеттийцев и кемийцев — найдется чем соседей пугать! А как помрут они, уже всеконечно, под копьями и булавами, так и мне спокойней станет. Вот только Менелая белокурого жалко.

Послушал я Дамеда-ванаку, послушал себя-прежнего — ох и стыдно стало. Стыдно, тоскливо...

— Ты им объяснишь? — словно услыхал мои мысли Асклепиад. — Завтра, как проспятся?

И вновь пришлось плечами пожимать. Объясню, конечно. На пальцах растолкую, что порознь нечего и пытаться Номос Востока покорить. Да вот послушают ли?

...Ой, не послушают!

— Ливия моя! Моя! Так и называйте меня: Гуней Ливийский!

— А я Пеласгийский!

— А я этот... кра... тра... Фракийский!

— Молчите все! Я Ме... Менелай! Я Т-трою завоевал!

— Рога ты завоевал, зятек! Утю-тю-тю, наш рогатенький!

Ну вот, уже кулаками машут. Переглянулись мы с Подалирием. Встали, прочь пошли — от мертвецов разбушевавшихся.

— Тебе будет нужен лекарь на Кипре, Диомед?

Теперь он уже не улыбался, сын Асклепия.

— Нужен, — кивнул я. — А еще нужнее мне будешь ты, Подалирий...

Дрожит рыба-остров от ора мертвячьего, плавниками-скалами дергает. Качается меднокованое небо, качается — вот-вот

рухнет. И хохочут ОНИ, невидимые всемогущие. Верным путем идете, герои-разгерои! Самые смелые под Троей погибли, самых упорных добивать пришлось. А вы и без НАС в Гадес приползете!

Остров Халка.

Пир мертвецов.

А чем я лучше их? Чем? Тем, что все-таки выгрыз зубами кусок Номоса и теперь смогу душу потешить — на троне сидеть, щеки надувать, казнить, миловать, города жечь? Снова возьмет меня в плен Дамед-ванака, владыка жестокий?

«...И ответил Господь Противоречащему, сказав: «Поведай Мне, слуга лукавый, когда раб становится свободным?»

* * *

— Э-э, куда смотришь, Диомед-родич? Туда смотри, вперед! Там Кипр, там земля наша. Там твой Аргос теперь будет, там свой город построишь!

Улыбаюсь я чернобородому Мантосу, верному другу-гетайру. Улыбаюсь, головой качаю.

— Там? Еще не знаю...

Серое осеннее море вокруг, бескрайнее, бездонное. Впереди Аласия, Кипр, Медный остров. Но я не гляжу вперед, на восток, чужой Восток, так и не ставший мне родным. Я смотрю назад, на уходящее от меня царство Эреба, отныне тоже мне чужое, где никому не нужен Диомед-изгнанник. Забывшая меня земля не спрашивает, обойдусь ли я без нее, не околею ли от тоски, как собака под стеной чужого города...

Чужой Восток, чужой Запад. Что теперь искать?

Но вот почудилось — на миг, на одно биение сердца, что за серыми волнами, за отторгнувшим меня миром, нежданной серебристой зарей блеснула вечная плоть Седого Океана.

Идоменей-критянин хочет умереть Миносом.

А чего хочу я?

АНТИСТРОФА-I

— Горе! Ибо пришли дни последние, и станут они первых хуже, ежели не покаетесь вы, аласийцы, народ жестоковыйный!..

Я протиснулся поближе. Все такой же пророк — голосистый, истовый. Разве что седины в бороде прибавилось.

— Покайтесь! Ибо настал час, явился в наш мир Ахве-Единый, ступил пятой Своей на землю грешную нашу. Ведет Он народ Свой по пустыне Синайской, и столп огненный путь народу Его указует!..

Пророк все такой же, да вот народец на базаре славного города Аласии иным стал. Уже не вяжут крикуна, не тащат воду в кожаных ведрах.

Слушают.

— И построит в дни недальние народ Господа державу Его, и поставит Скинию Его в Храме, и разнесется слово Ахве-Господа по всем мирам, так что и мертвые услышат слово Его в своих гробах!

Кивают аласийцы, переглядываются. Видать, обломал их пророк за эти годы. Обтесал! Да только недоволен седобородый. Крутнулся волчком, палец худой вперед выставил:

— А вы, аласийцы, народ жестоковыйный! Слышите вы — но не внемлете. Обступили меня тельцы тучные во множестве своем, годные лишь для заклания! Простелите пути Господу! Покайтесь! Отвернитесь от богов своих, ибо они лишь камень и дерево. Ибо Он — Господь ревнивый, немилосердный! Пошлет Он на вас, грешников закоренелых, и мор, и голод, и земли трясения, и страшного Дамеда-ванаку, о котором вы напрасно забыли!..

В Аласию мы тихо пробрались, без шума. Да и к чему шуметь, в трубы дуть, в щиты медные бить? Был Дамед-ванака — да весь вышел.

И надо же, еще помнят!

— Отцов ваших Дамед наказывал плетьми, вас же станет карать «скорпионами»!..

— Эй-эй, почтенный! — не выдержал я, про «скорпионы» услыхав. — Зачем людей пугать-то?

Дернулась седая борода. Темным огнем загорелись безумные глаза.

— Ты?!

Вздохнул я, руками развел. Я и есть.

Тряхнул косматой гривой пророк, шагнул ближе.

— Почему ты здесь, Дамед, владыка жестокий? Разве было тебе повеление губить людей этих? Разве не дано им время покаяться? Уйди в ад, откуда ты вышел, уйди!..

Терпеливей стали аласийцы, добрей. Но тут уж и они не выдержали. Охнул пророк, за руки схваченный. А вот и веревку несут! Вот и ведро с водой...

— Не обижайся, уважаемый гость. Вечно этому бедняге Дамед-ванака мерещится!..

Это уже мне. Не узнали, видать! И хорошо, что не узнали!

Повернулся, начал сквозь толпу пробираться.

— Дамед! Дамед! Слушай меня, владыка жестокий!

Даже оборачиваться не стал. Что взять с безумца?

— Слушай, что говорит тебе Элохи-пастырь!..

Замер. Не поверил. Почудилось!..

...Пастушье царство Ездралеон, камень Гилгал, лепешка, переломленная над ночным костром...

— Элохи-пастырь велит тебе основать город великий возле желтой реки, и в том городе расцветет слава Ахве-Господа, и вырастет вокруг него новый мир — мир Божий, и прогремит имя Его по всем иным мирам...

Вздохнул я, головой покачал. Все-таки бредит! Донесся до безумца слух о хранителе Гилгала, в уши влез, из уст выкатился.

...Желтая река — проклятый Скамандр. Трою мне, что ли, отстраивать? Бред! Но почему-то вспомнилось: «Оракул сказал, что ты сокрушишь один мир, спасешь другой и построишь третий».

Сговорились они, что ли?

* * *

Подслушивать нехорошо. А уж подглядывать — тем паче. Но что делать?

— Чего они там, дядя Диомед? — в левое ухо, шепотом.

— Уже начали? — в правое, тоже шепотом.

Тайная дверца, хитрая, с маленьким незаметным окошком. Сиди на скамеечке резной, подглядывай, подслушивай вволю...

— Ну, дядя-я-я!!!

Это мне окошко досталось. А Киантиппу с Алкмеонидом приходится лишь догадки строить да меня спрашивать.

— Начали, начали! — смилостивился я. — Вон стоят, глядите! Да только лбами не толкайтесь, орлы!

Аласия. Палаты богоравного басилея Амфилоха Амфиараида, прозываемого среди людей Щербатым. Тронный зал. И мы за дверцей — вроде как в засаде.

Прямо с порога сюда и попал. Вначале меня даже не хотели к Амфилоху пускать. Мол, не до тебя, гость почтенный, занят басилей, да не просто занят — всеконечно. Потом присмотрелись. Потом на колени брякнулись...

...А вот это уже не я. Не ползали на коленях перед Даме-

дом-ванакой, хоть и был он владыкой жестоким. Ох, Амфилох, Амфилох!

Увидел меня Щербатый — только головой покрутил. Мол, погоди, Диомед-призрак, дела у меня, вечером крови жертвенной тебе плесну. Потом глаза протер, ручищи свои огромные раскинул...

Ой!!!

А затем прямо сюда и потащил — в зал тронный, в тайник за стеной. Отбивался я, за косяки дверные цеплялся. Да только не отпустил Амфилох, дотащил-таки. А как поведал, в чем закавыка, отчего во дворце все вверх дном, так я и сам принялся затылок чесать. Вовремя Диомеда-изгнанника ветром на Медный остров занесло!

Ну и орлы за мной увязались — в засаду.

— А чего они в одних хитонах, дядя? — вопросил любопытный Киантипп, оттесняя от дверцы не менее любознательного Амфилоха-младшего. — Фаросы, что ли, не могли надеть?

— Да это не хитоны! — вздохнул я. — Это и есть фаросы, только хеттийские. Видишь, серебром шиты?

— Ага... А мы их что, резать будем?

Хотел я дать подзатыльник басилею Киантиппу Эгиалиду — пожалел. Взял за ухо, от дверцы отодвинул.

— Цыть!

Да, вовремя я приехал! Вовремя — и не зря. Иногда, как угадаешь, — и колесницы в нужный миг выкатятся, и стрелки точно за вражьи спины зайдут.

Хеттийское посольство. Да непростое!

— ...тому рада, и всяческого здравия тебе, басилей Амфилох, сын Амфиарая желает. А еще царевна Цулияс, дочь Великого Солнца Суппилулиумаса, правительница Царства Хеттийского, велит сказать тебе, басилей, что ждать она более не станет, и желает, чтобы мир между державами нашими был в сей же час заключен...

Старается посол, ахейские слова из пуза толстого выдавливает. Да только не на него я смотрю (было бы на что!). На того, что рядом стоит, гляжу. Такой же фарос, серебром тканный, повязка цветастая на голове...

...И не узнать тебя, Курос, верховный дамат!

— ...Знай также и то, басилей, что войска наши уже заняли землю Киццувадна, называемую вами Киликией, и в землю Мукиш вступили...

Да, плохи дела Щербатого! Хотя и не так, как хотелось бы этому толстопузому...

...И тебе, Курос, верховный дамат!

Рядом обиженно сопят мои орлы. Сопят — не понимают. Чего ждет дядя Диомед? Взять наглеца-посла за ворот его фароса да в море искупать, чтобы болтал меньше!

— А условия мира такими будут. Приедешь ты, басилей Амфилох, в город Хаттусу, в логовище Золотых Львиц, и склонишься перед государыней нашей царевной Цулияс, дочерью Великого Солнца Суппилулиумаса, и жертвы искупительные принесешь за гибель столицы нашей, сожженной нечестивым Диомедом-ванактом, и станешь платить дань тяжкую...

Усмехнулся Курос, верховный дамат. Знай, мол, наших, «ахиява»! Вот тебе, Диомед, враг мой! Сокрушу царство твое, как сосуд горшечника!

Губастая решила мстить по-царски. Цари не посылают убийц, они посылают воинов.

А рядом уже не шепот — рычание. Не орлы — волчата!

Не хотел я в это во все вмешиваться. Но понял — надо. Много долгов у нечестивого Дамеда-ванаки, и незачем их на чужие плечи перекладывать. Ведь не с Амфилохом решила посчитаться дочь Великого Солнца Суппилулиумаса — со мною. Значит, мне и платить.

По-царски!

И не в войне даже дело, мало ли мне воевать приходилось? Цулияс здесь, совсем рядом... Видать, ТЫ и вправду решила со мной помириться, Пеннорожденная?

— Остров же Аласия, называемый вами Кипром, останется в пожизненном владении твоем, басилей Амфилох Амфиараид, но не получат его потомки твои без воли Великого Солнца, ванакта Царства Хеттийского...

И вновь кривит пухлые губы Курос-дамат. Доволен! Сладка царская месть!

Поглядел я на орлов, перья распушивших...

— Пошли?

Хорошо двѐрь подвесили — и не скрипнула!

— И условия эти должен принять ты, басилей, пока стоим мы в зале этом и пока солнце еще не зашло...

Осекся толстяк — меня увидел. Да только не стал я его рожей любоваться...

Узнал меня, Курос-дамат?

А в зале тишь могильная, словно не дворец — толос. Но вот охнуло, зашумело прибоем морским:

— Дамед... Дамед... Дамед-ванака... Вернулся...

Хабирру уверяют, что гордыня — смертный грех. Не знаю, не знаю... Прошелся я по залу, ни на кого не глядя, словно вокруг не люди, колонны каменные, к трону подошел...

...Привстал Щербатый, да только подмигнул я ему: сиди, не ерзай, мол. И сам присел — прямо на ступеньки.

Молча.

Пристукнули эмбатами Киантипп с Алкмеонидом (знай наших!), по бокам стали. А руки уже на поясе, поближе к мечам. Стих прибой, заглох. Но вот грюкнуло — бухнулся на колени один из даматов, самый догадливый, видать. А после со всех сторон стук пошел.

То-то!

Застыли послы, глаза выпучили. А я на них даже смотреть не стал — пока что. Даже на Куроса губастого. Мстить мне решила, Цулияс, царевна Хеттийская? Чтобы Дамед-ванака не в свое царство — на пепелище вернулся? Войной грозить?

А что сейчас скажешь?

Поглядел я поверх спин склоненных, вновь подмигнул Щербатому:

— Кто?

И на послов головой мотнул — не оборачиваясь даже. Пожал Амфилох плечами широкими, венец золотой поправил. Вздохнул:

— Заброды хеттийские, ванакт. Грозятся!

Кивнул я, по сторонам поглядел, на орлов моих, тоже вздохнул:

— Басилей Киантипп Эгиалид! Басилей Амфилох Алкмеонид! Велю вам сокрушить Царство Хеттийское, Хаттусу же, Логовище Львиц, — сжечь. А заброд, что нам грозить смели, — в темницу!

— Диомед! Диомед!

Даже не обернулся я на ее крик. Ты хотела мести, царевна? А теперь чего хочешь?

— Да ты чего делаешь, Тидид? Какая Хаттуса? Какая темница?

— Ничего, Щербатый. Мои аргивяне уже в Киликии, оттуда в Хаттусу дорога прямая. Да и не будет войны. Сейчас один из послов, губастый такой, будет ко мне на встречу проситься...

— Уже просится! Я ее сразу узнал... Ну и напугал ты всех, богоравный!

— Сам ты богоравный!

Маленькие кулачки молотили по груди, дробь выбивали. Больно!

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!..

Хеттийской львицей кинулась ко мне Цулияс, слова сказать не дала.

— Ненавижу тебя, Диомед! Всю жизнь ненавидела, всю жизнь! Ненавижу!

И — кулаками что есть силы!

— Да погоди, царевна! — начал было я, да не тут-то было.

— Ненавижу! Веди свои войска, веди своих головорезов! Я разобью их всех, я растопчу их, я разорву тебя в клочья...

Львица!

Поймал одну руку, затем другую. Дернулась. Заплакала...

— Ненавижу...

— Погоди, — вздохнул я. — Что ты задумала? Войну начать? Ты же правительница, подумай! Что ты делаешь?

Мотнула головой, застонала.

— Если бы ты знал, Тидид! Если бы ты знал... Но поздно, пусть боги войны нас рассудят!

Отпустил я ее руки, отвернулся. Нет, не львица. Не царевна. Просто женщина...

...И я — бесчувственный пень при дороге!

— Из-за чего ты мне мстишь? Из-за чего войну начинаешь? Из-за того, что я, дурак, сорвал с тебя покрывало? Из-за того, что не захотел...

— Будь ты проклят! Проклят!..

Снова кинулась, вцепилась пальцами в плечи.

— Не прощу! Никогда! Никогда!

Осеклась. Только сейчас заметила — не одни мы. Видать, громкую беседу вели Дамед-ванака с хеттийским послом!

...У моих орлов — глаза на лбу. Один Амфилох спокоен — и не такое он видел, Щербатый! Переглянулись орлы, почесали затылки.

— Это царевна Цулияс, ребята, — сообщил я как ни в чем не бывало. — А это мои родичи, Амфилох-младший и...

— А может, вам с ней лучше пожениться, дядя? — сочувственно вздохнул добрая душа Киантипп.

* * *

Ночь, темень за слюдяным окошком, умирающий светильник в углу. Покрывало пахнет ее телом. И моя кожа пахнет. И мои пальцы...

...И серебристый свет перед глазами. И легкое дуновение ночного ветра...

— Если бы ты знал, Диомед, как я тебя ненавижу... как люблю...

Ее голова у меня на груди. Сплелись руки...

— А ты снова уходишь! Куда? Мы могли бы править вместе...

— Я не хочу править...

Ее ладонь скользнула по моему лицу, скользнула, легла на губы.

— Ты меня всю искусал! Искусанная царица — какой ужас!.. Почему ты не можешь остановиться, Тидид? Где твой дом? Где твоя жизнь?

Что тут ответишь? Права была ТА, что пришла ко мне вместе с теплым дождем: иногда надо просто не отталкивать то, что само падает в руки. Просто не отталкивать...

— Куда ты хочешь плыть? В никуда? Тебе уже мало нашего мира?

Я осторожно отвел ее пальцы от лица, повернулся, прижался к ее плечу.

— Нет. Но этот мир... эти миры — чужие. Если хочешь... Если хочешь, мы уплывем вместе...

Привстала, поглядела мне прямо в глаза.

— Вместе? А ты? Ты этого в самом деле хочешь, Диомед?

— Да!

— Спасибо...

За слюдяным окошком темень, осенняя ночь навалилась на Аласию, умирает бронзовый светильник. В эту ночь она не стала его гасить...

— Помнишь, я рассказывала тебе о лидийце Гиге? Тот воевода был неглуп — выбрал жизнь и царство. Его потомки до сих пор правят в Лидии. А ты решил бежать...

— Вместе с тобою, — улыбаюсь я.

Сплелись наши руки, острым потом пахнет ее тело...

— Тидид, глупый Тидид! Ты не царь, ты просто наемник, перекати-поле, тебе все равно, по какой земле вести войска. А я — правительница. Я и есть Царство, понимаешь? Пока я жива, пока не вырос мой сын...

— Значит, я искусал все Царство Хеттийское? — смеюсь в ответ.

...Ее кулачок снова впивается в ребра.

— Это тебе, ванакт! Да, я и есть — Хеттийская держава. Венец снимают только вместе с головой...

...Или бросают на каменные плиты. Или просто кладут на алтарь. Но я не стал спорить. Цулияс, царевна Хеттийская, дочь Великого Солнца Суппилулиумаса, права. Не все рождены быть царями.

И не надо!

Я прижался губами к ее груди, скользнул ладонью к влажному лону...

— Погоди! — застонала она. — Погоди, Диомед...

Выпрямилась, снова взглянула в глаза.

— Если... Если когда-нибудь я найду тебя? За Океаном, в Эребе, в Тартаре, в царстве Телепина, на полях Иалу? Мы... Мы будем вместе, Тидид?

«...Иногда для счастья нужно так мало — просто протянуть руку... Не отталкивай... не отталкивай... не отталкивай...»

— У этого алтаря, пред ликом богов, я, Диомед, сын Тидея, клянусь...

— У этого алтаря, пред ликом богов, я, Цулияс, дочь Суппилулиумаса Тиллусия, клянусь...

* * *

— И что скажешь, дядюшка Антиген?

— Ишь на что размахнулся, маленький ванакт! Да только Океан — это тебе не наше Лиловое море. Тут мы ползаем от острова к острову, от берега к берегу, ровно лягушки какие. А там лягушкам делать нечего, в Океане этом. Кто же с тобой пойдет?

— Ты пойдешь, дядюшка. И все, кто захочет. Я спрашивал — соглашаются.

— Ну-у, ежели так... Тогда послушай, маленький ванакт, чего тебе коряга старая скажет. Другие корабли нам нужны, не эти, побольше чтобы были, повместительней. И припас нужен, и кормчие, посмелее которые. И сам смелостью запасись — да не на день, не на неделю. Это раньше на Запад вольно ходили, а теперь там небо с морем сомкнулось, ни островов, ни камней — один Океан. А сколько по нему плыть — и сам не знаю.

И что там увидим, кого встретим — тоже не знаю. Каждый раз — новое что-то.

— Это ты про Сирен, дядюшка Корягиос?

— Смейся, смейся, маленький ванакт! Это только в сказках глупых Сирены вроде баб с хвостами рыбьими. Видел бы ты тех Сирен! А уж слышать-то их!..

— Увидим, дядюшка. Услышим!

— Ну, когда же такое бывало? Ванакт аргивянский Сирен слушать собрался!.. А корабли, какие нужны нам, я тебе сам обрисую. Первое дело — мачты...

— Э-э, ванакт Диомед! Зачем обижаешь, ванакт Диомед, зачем спрашиваешь? В Азию ходили, под Трою ходили, теперь в Океан пойдем, да! Только знаешь, родич, дед мне рассказывал, давно уже рассказывал. Будто решил один царь со своим войском до края света дойти...

— Ну и как? Дошел?

— Ва-а-ах! Год шел, десять лет шел — дошел. Смотрит — а на краю света ничего — одно болото грязное. В то болото Гелиос-Солнце ныряет, понимаешь? Как тины болотной коснется — шипит, горячее потому что...

— А что было за тем болотом, Мантос?

— Ох, Тидид! Ох ты, Собака Дурная!

— Да не охай, Щербатый. Закис ты тут, на Аласии, жирком порос! Что, венец уже ото лба не отдирается?

— Венец-то отдирается... А люди? Нам присягнули, Тидид, нам верят. И что — все бросить?

— Зачем бросать? Ты же Сияющий, Амфилох, ты знаешь, что, если Номосы соединятся, дорога будет открыта. Раз в неделю в гости к тебе плавать стану!

— Это — если... Океан — подумать страшно. Ведь там даже времени нет![1]

— А мне этот Крон уже в печенках сидит! Ничего, войско у тебя есть, мои орлы тебе подсобят. С правительницей хеттийской я вроде как... м-м-м... договорился, а Кеми в одиночку с нами не справится.

---

[1] Титаны Океан-Ограничитель и Крон-Временщик — родные братья, сыновья Урана-Неба и Геи-Земли — были разделены изначально. Поэтому для Времени нет ограничений, а в Океане царит безвременье.

— Ты знаешь, вчера сюда приплыли Гелен Прорицатель с Энеем. И Калхант с ними...

— Не помер, значит, боговидец? Вот Эней — это хорошо! А где наши?

— Менелай разбит. Кемийцы потопили его корабли, сам он в плену, на Фаросе. Одиссей пропал где-то в Финикии. Гуней Кифиец тоже в плену — в Ливии...

— Довоевались, бродяги!.. Жалко белокурого! И рыжего жалко!

— И Гунея Кифийца жалко?

— Кого-о?!

— Станем Миносами, курет Идоменей?

— Миносе то этаной, курет Диомед!

— Подалирий?

— Ну вы и спятили, ребята! Без лекаря вам точно не обойтись. Так что я с вами.

— Гелен? Эней?

— У нас больше нет дома, ванакт. Лучше уж в Океан!

— Калхант?

— Боги-и! Вели-и-икие-е боги-и-и мои-и-ми-и-и уста-а-а-м-и-и глася-я-ят, что-о-о...

— Короче, боговидец!

— Да!

* * *

...Лучшая древесина — клен или сосна. Борта высокие, в два раза выше обычных, реи должны поворачиваться, чтобы паруса наискось к ветру ставить, скамейки для гребцов — на сто человек, по два на скамье, а еще лучше гребцов в два ряда усадить, один над другим...

Н-да... Никогда не думал, что корабельщиком стану! Но взялся за копье — не говори, что не мое...

Паруса... Обычно мы только гистон ставим да еще маленький — долон — на самом верху. А тут паруса должны в два ряда идти, как и гребцы... Не перепутать бы: гистон, долон и еще этот, средний, никак название не запомню...

А я-то думал, что Миносом просто стать! Взобрался на палубу, скорчил рожу героическую: «В Океа-а-а-а-ан!!!» И — уже Минос. А тут — форма киля, весло рулевое (одно или два, кста-

ти?), а еще борта красить надо, чтобы гниль не взяла, да еще пифосы для воды, и сама вода — протухнет ведь, если не добавить чего надо. А чего надо?

Болтались тут какие-то юркие, с бородами крашеными. Мол, сами все построим, Дамед-ванака, за милую душу построим! Как же, построят! Как в той байке, что мне Идоменей рассказывал: пришел какой-то оборванец на корабль наниматься. Его в шею, а он и говорит: «Вот повезло вам! А то бы я наработал!»

...А еще хорошо бы кедра достать — хотя бы для обшивки. Ох, и дорогой же этот кедр! Разве что малоизвестного Исин-Мардука за бороду тряхнуть, пусть пособит...

Якоря, «вороньи гнезда», канаты... А из чего канаты? Пеньковые, пальмовые? Финикийцы пальмовые предлагают, а вот Идоменей... Ох и тяжко! Да что делать? Лишь того, кто любит труд, люди Миносом зовут...

Так все-таки какие канаты?..

Стучат топоры, пилы визжат, летит во все стороны пахучая стружка. А вот и смола — в глиняном котле булькает, наружу просится. Хорошо!

В последний раз так весело было, когда богоравный Сфенел своего «Коня» мастерил (эх, Капанид, басилей репконосый, как ты там?). А еще говорят, что я только войну люблю!

— Эй, дядюшка Антиген, правильно строим?

— Правильно-то правильно... Да только глаз нужен. А то вон «Арго» построили, умники, только на одну ходку и хватило!..

Желтые ребра уже торчат из оснований-килей. Толпятся вокруг аласийцы, и финикийцы толпятся, бороды на пальцы наматывают. И чего это «ахиява» такое задумали? Столько по морю ходим, а подобного еще не бывало!

— Что это, Подалирий?

— Сок дерева хумбабы, у митанийцев купил. Будем в воду добавлять. Попробуй, какой кислый!

Труднее всего решиться. И на войне, и не на войне. А если решился, то все просто. Вот войско вражеское, вот Океан. Вперед — и пусть сомнения дымом прочь уносит!

— Ну как там боги, Калахант? Одобряют?

— Бо-о-о-о-оги-и-и-и с на-а-а-ами!..

А хоть и не с нами! Не боялся я ИХ под Троей, не побоюсь и сейчас. Пусть ОНИ нас боятся!

— Эй, Гелен! А где наш богоравный Плакса?

— Слезы утирает. Во-он в той харчевне, что у пристани!

Ну вот, все работают, а он прохлаждается!

...Эней Анхизид действительно оказался в харчевне. Это же каким мизантропом надо быть, чтобы в этакую грязную дыру сунуться! Что-то пить много стал наш дарданец! Эге, да он не один!

...Красный колпак, какой моряки носят, рыжая прядь к уху прилипла... Не может быть!

— Любимчик! Ну даешь!

Даже и не думал, что так рад буду. Врезал его, паршивца, по спине, аж гул по харчевне пошел.

— Рыжий, еж морской! А болтали — сгинул, болтали, будто финикийцы тебя Баал-Зевулу подарили!

Обернулся Одиссей Лаэртид, поглядел странно. Тут вся моя веселость и пропала.

— Диомед... ты?..

Что-то не так с Любимчиком, ох, не так! Постарел вроде? Да с чего ему стареть? Ведь, хвала Деметре Теплой, не в Кроновой мы ловушке! И глаза...

— Ты чего, Лаэртид, мухоморов наелся?

— Лотоса... — То ли шутит, то ли нет. Не разберешь даже.

— А почему ты не на Итаке, Одиссей? Чего тебя сюда занесло? Дома бы сидел, приплод овечий считал...

Не договорил даже — осекся. Обжегся я о его взгляд...

— Итака...

Не проговорил — прошептал. И тут я только понимать начал...

...А Эней уже в три ручья ревет! Да что с него взять?

— Вы... Вы куда-то собрались, Тидид? Далеко? В Океан?

Плохи, видать, дела на Итаке, если рыжий об Океане заговорил!

— Я... Наверное, тоже с вами. Только они... пустят ли?

Они? Но тут же дошло — ОНИ!

— Кружение птиц подсказывает мне, что наша встреча неслучайна. Как неслучайно все, творящееся под медным куполом небес... Бо-о-о-оги-и-и!..

Ага, Калхант! Вовремя, пусть он рыжему все про НИХ и растолкует! Тем более они с Лаэртидом под Троей вроде как сдружились...

— Вечером поговорим, Одиссей. А мне пора, а то построят мне еще один «Арго»!..

Да, плохи дела у Любимчика! Что ему, домоседу, сыну домоседа, в Океане делать? Ты куда, Одиссей, от жены, от детей?..

Тяжелая ладонь на плече, тяжелый взгляд упирается в затылок. Тяжелый, чужой.

— Не узнал, Тидид?

— Узнал...

Обернулся... на шаг отступил, не выдержав взгляда его глаз.

— И как там в Гадесе, Чужедушец?

Пожал плечами Протесилай Филакский, Иолай Первый, Иолай-Копейщик.

— Скучно! Шляешься у Белого Утеса, асфодели топчешь — и свое имя орешь, чтобы не забыть...

Помолчал, улыбнулся. Даже глаза другими стали — старыми, добрыми.

— Не спеши туда, мальчик! Здесь интереснее. А за Океаном — тем более. Ты, кстати, какие канаты ставить собираешься?

...А канаты надо ставить все-таки пеньковые! И кедра бы побольше, настоящего, из Антиливана!..

Значит, и Чужедушец с нами собрался. Прав он, скучно в этом Гадесе!

...А за Критом, неподалеку от негостеприимной Малеи, нас будут ждать давние знакомые — чубатые да усатые. Многим из них не нашлось земли на Востоке после того, как колесницы ванакта Кеми ворвались в Сирию. Сильное Эхо в этих краях! И недели не прошло, а уже пришли ко мне грозные шардана, косицами тряхнули, усы огладили: с тобой плывем, Дамед-ванака! Не нашли мы родины тут, за Океаном сыщем! И как откажешь? Да я и не стал. Лихие они ребята, эти шардана. Встретятся, к примеру, нам Скилла с Харибдой, о которых в сказках сказывается, так усачи их вмиг в секиры возьмут.

А после туски бритоголовые пожаловали. И чубатые фракийцы в боевом раскрасе. Но те еще думать будут.

Правда, кораблики у них так себе — камарры низкобортные. Для боя — в самый раз, а вот для Океана...

...А еще якоря. Дядюшка Антиген говорит, что наши якоря не годятся, нужны какие-то особенные, на корягу похожие. Это на него самого, значит... И еще нужны периплы[1] и зарисовки берегов — все, какие достать можно. В Океане они без надобности, но туда еще добраться надо. А ведь плывем мы скопищем превеликим, значит, где-то надо будет воду набирать, припас на серебришко выменивать...

---

[1] Периплы — подробное описание берегов, прообраз лоции.

* * *

— Хеттийцы выводят войска из Киликии, Тидид. Мой племянник, Амфилох, уже там, занял город Адану...

— Ну вот видишь, Щербатый, даже воевать не пришлось... Слушай, у меня к тебе просьба. Прореки мне чего-нибудь!

— Как?!

— Ну... Ты же Вещий! Отец твой, Амфиарай, перед тем, как на Фивы уйти, мне такое предсказал — до сих пор помню.

— Нашел пророка, Диомед! Ладно... Увидишь волчицу у сросшихся деревьев — оглянись.

— Шутишь, родич?

— Шучу.

Разговорить Любимчика я так и не смог, даже после третьей чаши самосского. На меня не смотрит, слова еле цедит. Впрочем, главное я понял, после первых же слов понял.

— На Итаке... Плохо на Итаке, Тидид! Мне сказали, что отец объявил меня умершим. Как он мог? Жена... Пенелопа не стала больше ждать. Сейчас к ней соседи понаехали, сватаются, шакалы. Говорят, мой сын называет отцом одного из женихов... Антиноя Эвпейтида... Я этого Антиноя еще мальчишкой на коленях держал. Знал бы — придушил!..

И как ответить Любимчику? Что никому из нас не повезло? Разве что Агамемнону — тот и огорчиться, говорят, не успел. Ну, разве слегка, пока голова с плеч слетала...

Вот и еще один из нас уходит в Океан!

— Ну что, ребята, завтра?

— Завтра, Тидид!

* * *

Почему-то в это утро я перестал слышать. Слова скользили не задевая, мимо, как стрелы у неумелого лучника.

Мимо, мимо, мимо...

Огромная толпа на аласийской пристани. Весь город нас проводить пришел да еще в придачу с окрестных сел понабежали. Шумит толпа, да только я не слышу. И Амфилоха не слышу. А ведь рядом стоит, у жертвенника. Священнодействует Щербатый, старается, дабы ОНИ нам ветер попутный послали...

...А ветерок и впрямь хорош. Эвр-восточник, словно и впрямь

ОНИ нас поскорее выпроводить решили. Барашки на серых волнах, чайки крикливые над кораблями носятся...

Орут чайки, а я их не слышу.

Мимо, мимо, мимо.

У кораблей — все мы. Оружие у ног, на головах венки лавровые. Тут тихо.

Молчим...

Каменно-спокойный Идоменей, хмурый Любимчик, невозмутимый Гелен, улыбающийся Подалирий, плачущий Эней. А вот Калхант, поближе к жертвеннику пристроился!..

Говорить не о чем.

Уходим.

И уже не так важно, как взовьется к серому осеннему небу жертвенный дым, что скажет печень белорунной овцы. Не повернуть, не изменить...

Уходим.

Что-то говорит Щербатый, я отвечаю, мы оба пытаемся улыбаться... Не слышу. Мимо скользят слова.

Мимо, мимо, мимо...

И вот словно туманом окуталась Аласия, исчез причал, сгинули зубчатые стены крепости. Остались лишь мы, уходящие, — и те, кого мы оставляем. Живые, мертвые...

Сколько их! И не сосчитать даже!

Папа — молодой, растерянный немного. Вот он стоит совсем рядом вместе с дядей Полиником и дядей Капанеем. Ничего, папа, не бойся за меня, ты ведь сам хотел когда-то выйти в море!

А вот и мы, эпигоны. Все, и кто погиб, и кто еще нет. Улыбается мне Эвриал, улыбается дядя Эгиалей, даже Алкмеон Губа Заячья улыбается. Мол, и надумал же ты, Дурная Этолийская Собака, спятить можно! А Капанид мрачен, на меня не смотрит. Неужели мы с тобой все-таки поссорились?

Амикла — в том самом хитоне, из Сфенеловых сундуков, в котором она когда-то пришла ко мне. Я не забуду тебя, Амикла, даже там, за Океаном!

А вот и те, кто дрался под Троей. Спокойные, уже перешагнувшие страшный порог. Мы встретимся, малыш, мы еще увидимся, Аякс. И ты, Носатый, жди встречи. Только не будем спешить, ладно?

Мама! ТЫ, наверное, тоже здесь, мама, жаль, я ТЕБЯ не вижу...

Эллада провожала нас.

Хайре, Эллада! И вот уже все позади, шея болит от лапищи Амфилоха (ох и врезал напоследок!), маленький Киантипп вцепился мне в плечи, отпускать не хочет, а чайки словно обезумели, крыльями мачты задевают, а я все не слышу, не слышу...

И только шепот вдали. Плеск. Не ты ли, река безумия, напоследок подступила ко мне? Я тебя уже не боюсь, река. Что может быть безумнее моей жизни? Шепчи, подступай к самым ногам — не страшно!

Но — нет. Плеск совсем иной — мерный, ровный, он все ближе, все сильнее. И вот уже гремит вокруг, до самого медного неба, до самого черного Гадеса.

Седой Океан приветствует нас, решившихся.

— ...По местам стоять, якоря выбрать, гистоны и долоны поднять, весла на воду!..

Встречай нас, даль океанская,
Туманом серым встречай!
Найдем страну мы счастливую,
Там, за кромкой земли!
В стране той небо безоблачно,
Царит там Век Золотой,
Там горя нет, даже смерти нет,
Там мы счастье найдем.
Несите нас, паруса, вперед!
Плещись, вода, за кормой!
Мы — смертные, но бессмертных путь
Предстоит нам пройти.
Так пенься, хлябь океанская!
Стучитесь, волны, в борта!
Нас ждет страна, что лежит вдали,
Мы назад не свернем!..

Станем Миносами!

СТРОФА-II

Вначале не понравилась дорога. Еле нашли, хоть и камнем выложена. Да только оброс землей камень, травой желтой покрылся. Забились грязью колеи глубокие, по которым повозки ходили.

Значит, не ходят уже. Не ездят.

А потом мы увидели город. Вернее, то, что когда-то было городом...

Эоловы острова. Жил когда-то здесь Эол, повелитель ветров. И Липар-авзониец жил, потому их еще Липарами зовут.

Недаром все моряки Малеи боятся! Вроде обычный мыс, каменный, не очень и приметный. Но вот только стерегут этот мыс ветры — все разом, словно сговорившись. А уж как накинутся!.. И на нас накинулись. Первый день еще вместе держались, а потом как раскидало нас, как расшвыряло... Кто где, а мы тут, на Эоловых островах. А как подумать, куда еще ветры нас пригнать могли, как не к собственному папаше?

Что прибило нас сюда (меня, Подалирия да еще Идоменея) — не горе. На этот случай твердо уговорились: отстанет кто, с пути собьется — на Тринаркии ждать его будут. Только вот не встретил нас никто на пустом берегу. А ведь Идоменей был тут, на этих самых Эоловых Липарах, всего десять лет назад. И город здесь стоял, и люди жили...

— ...Напали? — предположил я, поддевая ногой что-то зеленое, трухлявое. Щит — и дерево сгнило, и медь рассыпалась.

— Когда? — вздохнул Идоменей. — Сто лет назад?

Ответить было нечего. Искать — тоже. Нечего и некого. Заросшие травой улицы, провалившиеся черепичные крыши, сухая повилика, обвившаяся вокруг серых храмовых колонн. Тихо, пусто, мертво... А ведь критянин был тут всего десять лет назад. Даже если напали враги, даже если всех вырезали, даже если сожгли дома...

Идоменей и привел нас сюда. Он еще на пристани головой крутил. А как увидел деревья — огромные, в два обхвата, что выросли прямо у жертвенника Поседайону...

Вначале думали мы с Подалирием — ошибся критянин, перепутал, забыл просто. Мало ли где деревья растут? И что людей нет, сгинули, тоже, увы, бывает...

...Но ведь гари нигде не видать! И ворота никто не разбивал, не вышибал тараном — сами рухнули, когда петли бронзовые в пыль обратились... Умер город. Не убили, не сожгли.

Сам умер.

— Эй, сюда! Сюда!

Ага, Подалирий! Ну что ты там нашел, Целитель?

...Они лежали в одном из разрушенных домов, прямо на полу. Ни оружия, ни клочьев одежды. Просто желтые кости. Да и костей осталось совсем чуток.

— Дети, — присмотрелся я. — Лет десяти, не старше. Значит, действительно напали, всех перебили...

— Нет...

Присел Подалирий возле желтых костей, задумался. Затем осторожно коснулся рукой, головой помотал. Никогда я еще не видал таким нашего Целителя! Даже под Троей. Хмурый, губы поджаты, в глазах что-то непонятное...

...Вроде как гидру увидел.

— Это не детские кости, ребята. Это взрослые.

— Тут не жили пигмеи, Асклепиад! — вздохнул Идоменей.

— Они не пигмеи, — нетерпеливо бросил Подалирий. — Вы что, форму черепов не видите? Это ахейцы, взрослые мужчины, только...

— Не выросли? — понял я.

Холодок по спине. Я видел мертвые города. И желтых костей среди руин насмотрелся. Но тут что-то иное...

— Отец говорил, — Целитель медленно встал, отряхнул руки, — что если люди женятся на родственницах, смешивают родную кровь, то через несколько поколений они становятся такими...

Мы поняли. Но ведь Идоменей был тут десять лет назад, всего десять! И вновь — холодом повеяло. Десять лет... А мы брали Трою неполные три месяца, всего только три месяца! А ведь граница Номоса рядом, совсем близко!..

— Я знаю, куда нужно пойти, — негромко проговорил критянин. — Тут близко, за стенами...

...Поле — огромное, бескрайнее, до дальних холмов. Желтая мокрая трава, серые камни — сотни, тысячи. Выбитые, выщербленные ветром и дождем, осевшие, рухнувшие на землю.

Поле Камней.

Некрополь.

Город мертвых под серым, затянутым облаками небом.

Мы стояли молча, боясь заговорить. Наконец Идоменей вздохнул:

— Этого не было, ребята. Десять лет назад мы похоронили тут двух наших моряков, они лежат у подножия холма. Этих могил я не видел...

Сколько же поколений навеки ушло под серые камни? Старые камни с уже неразличимыми надписями?

...А эту еще и разобрать можно. Не иначе, всего полвека назад выбили. Полвека?

Неровные критские значки, неровные углубления в сером камне...

Здесь предпоследние спят. Мы, последние, счастливы меньше.
Кто нас оплачет, последних? Проводит в бездонный Аид?
Времени много создал Уранид, только много не значит —
бессчетно.
Жизни положен предел. И Время подходит к концу.

— Уходим, — решил я. — Быстро!

Мы не шли, бежали, а старая дряхлая Смерть скалилась нам в спину, шелестела пожухлой травой на могилах. И никто из нас не оглянулся...

Жизни положен предел. И Время подходит к концу!

— Что это было, Идоменей? Кронов Котел, как у нас, под Троей? ОНИ закрыли проходы на Запад, наш Номос как бы... захлопнулся...

— ...И его граница прошла через этот город. Не знаю, Тидид. Может быть, и так...

— А что будет дальше, на Тринакрии, на Сицилии, то есть?[1] Ведь именно там начинается Океан?

— Не знаю, Диомед, не знаю...

— Э-э, Диомед-родич! Э-э-э! Что мрачный такой пришел? Кого увидел? Что увидел? Кербер там был, да? Гидра была?

— Если бы, Мантос! Если бы...

Здесь предпоследние спят. Мы, последние, счастливы меньше...

...Напились мы в последний вечер на Аласии, перед отплытием самым. Да как не напиться — положено! Песни орали, хохотали, вспоминали все байки, что про Океан да про земли дальние сложены. Один Любимчик молчал, носом сопел только. Да у нас не помолчишь! Влили ему чашу неразбавленного, встряхнули. Порозовел Одиссей, заговорил. И как пошел, и как поехал: киклопы моряков живьем едят, Сирены на камни корабли кличут, быки Гелиоса Солнцеликого, даже на вертелах поджаренные, мычат. Ну и, понятно, Скилла с Харибдой, страшные листригоны, Тритон, в раковину трубящий, Нереи с Протеями. И вся эта жуть в море плещется, границы Океана охраняет... Хохотали же мы тогда!

Листригоны... Если бы! Не они стерегут пути в Океан!..

Желтая трава, желтые кости, серый обветрившийся камень. Ревнив Крон-Время, Крон-мертвец, когда-то поделивший

---

[1] Тринакрия («Трехгранная», «Трехконечная») — греческое название острова Сицилия, находящегося на западном краю света, в непосредственной близости к Океану.

миры с братом-Океаном. Простерлась над нами его костлявая рука...

Не повернуть назад. Не остановиться.

Вперед!

— Встречай нас, даль океанская,
Туманом серым встречай!
Найдем страну мы счастливую,
Там, за кромкой земли!..

* * *

Хорошо, когда солнце! Пусть неяркое, осеннее, робкое. Заиграло зеленью море, расхрабрились белокрылые чайки, даже трава у берега уже не казалась мертвой.

Радуйся, Гелиос Гиперионид!

Страх остался позади, там, за серыми волнами. Хорошо, когда ясный день, когда мы снова вместе, а вокруг не Поле Камней, а оживленная пристань, полная черными дельфинами-кораблями.

— Телепин! Телепин! Те-ле-пин! «Голова-а-а-а»!

Ну вот и мои аргивяне повеселели — башку Цигу-великана гоняют!

Остров Тринакрия — Сицилия. Темная громада крепости на высоком холме.

Полдень.

— Это Камик, — усмехается Идоменей-критянин, на черную крепость кивает. — Его сам Дедал строил. Хитро строил! К воротам узкий проход ведет, двоим не пройти.

— Камик? — поражаюсь я, уроки дяди Эвмела вспоминая. — Так здесь же... Минос погиб. Последний!

— Деда не один раз хоронили, — качает головой Идоменей. — Много чести для народца здешнего — Миноса погубить! Дед останавливался в Камике, прежде чем уйти в Океан. Навсегда, как и подобает Миносу... А люди тут смирные, болтливые только.

Это я уже понял. Лишь сошли мы с корабля — понабежали бородатые в плащах пестрых, окружили, залопотали все сразу. Жаль, я сикульского[1] не знаю!

...А вот Любимчик освоился. Всего два дня здесь (прямо от Малеи вместе с остальными пришел), а уже с басилеем местным

---

[1] Сикульский — язык сикулов, древнейшего населения Сицилии.

чуть ли не обнимается. И дочка басилеева с рыжего глаз не сводит. Не пропадет парень!

...И Протесилай с ними! И вправду интереснее тут, чем в Темном Аиде.

Даже троянцы Геленовы повеселели. А уж Эней тут совсем за своего. Завернул сюда Плакса еще летом, прежде чем на Кипр плыть, успел со всеми перезнакомиться. В общем, почти как дома. Шумит пристань, лопочут что-то свое бородатые сикулы, улыбается Любимчик...

Тринакрия — Трехгранная. Остров на границе Океана.

Полдень.

— Идоменей?

— Все корабли уже здесь, Тидид, никто не отстал. Кое-что надо починить, но к вечеру управимся. Припасу бы побольше набрать...

— Гелен? Эней?

— Кое-кто из наших желает здесь остаться. Если ты не против...

— Подалирий?

— Одна сломанная рука, одна вывихнутая, несколько зубов — вчера двое подрались... А так — жить можно.

— Калхант?

— Бо-о-о-оги-и-и!..

— Одиссей?

— Да ну его, этого басилея здешнего! Не продам, говорит, припаса — и все тут. Я и так, и этак, а он — неурожай, мол, да еще все овцы передохли вместе с козами. Я уже двойную цену предлагал — жмется. Дочку, говорит, отдать могу. Так видел бы ты, Диомед, эту дочку!..

— Ясно! Что делать будем?

— Солониной обойдемся, ванакт. Ведь всего загрузили — и копченого, и сушеного.

— Копченое мясо вредно для здоровья. А сушеное — тем паче. Не верите — у моего папы спросите.

— Правильно, Асклепиад!

— У этих сикулов воды соленой в море не выпросишь, Тидид. Мы, как сюда заходили, обычно охотились. Тут места дикие, особенно чуть дальше, возле Этны. Народа мало, зверья много. Быки, олени...

— Так и сделаем, Идоменей. Протесилай?

— А что? Места знакомые... Да и ребятам надо будет размяться перед дальней дорожкой.

— Так и сделаем. Лаэртид, лук не забыл?

Ясный день вокруг, весело сияет в бледном осеннем небе Солнцеликий, нагрелись старые камни, успокоилось море...

Почти как дома!

Но почему знакомый холод кусает пальцы? Почему кажется, что все это — неправда, обман, видение? Вот-вот утренним туманом сгинет город на холме, исчезнет пристань, деревья в желтой листве...

...И черное хрустальное колесо Крона — Крона-Времени — неслышно заскользит под нами. Сперва медленно, потом все быстрее, быстрее...

* * *

В конце концов даже быстроногий Любимчик не выдержал. Остановился, махнул рукой, бухнулся на серо-желтый ковер старых листьев, устилавших поляну.

— Пе... ре... дох!..

Передохнем, в смысле. Другие послабее оказались — отстали. Я пожал плечами, прислонил копье к черной коре огромного граба, рядом присел. Прислушался.

Тихо. Только где-то вдали — лай собачий. Дружный такой, не иначе надыбали кого-то. Да что толку? Собаки там, мы тут, остальные неведомо где...

Дичи для нашей оравы нужно немало, даже на один перекус. Но и Тринакрия — остров солидный, чуть ли не с три наши Апии размером. Разбежались наши отряды во все стороны, по всем лесам да предгорьям. Кому-нибудь да повезет.

...А главное — лес! Ведь чего я эту охоту затеял? Не только ради свежатины или для того, чтобы парни перед плаваньем долгим побегали. Лес! Как давно я в лесу не был! И когда еще буду? Что там, за Океаном, неведомо, но среди волн деревья точно не растут!

Прелый теплый воздух, солнечные лучи через желтые кроны пробиваются... Ух, хорошо!

— Это все собаки, — отдышавшись, сообщил Одиссей. — Собаки здешние плохи. Пустолайки!..

...Ну конечно! Плохому охотнику всегда что-то мешает: то хитон узкий, то собаки плохие... А в лесу-то как хорошо!

— Вот у меня на Итаке пес есть! Всем псам пес! Хоть и без ушей, хоть и не лает...

— А у меня уши есть! — заметил я с самым серьезным видом. — Хоть и не лаю.

Открыл рот Любимчик... Неужто ему до сих пор не сказали, кто такая Дурная Этолийская Собака?

— Ладно, — рассудил я. — И без собак обойдемся! Следы видел? Тут кабанов выводок целый, матерые...

— Ка-а-аба-ан! — тихонько пропел Лаэртид. Пропел, поглядел странно.

— Именно, — согласился я. — В общем, так, я левой тропой, ты — правой. На рожон не лезь, если что, услышим, тут все близко. Пошли!

— Ка-а-а-аба-ан! — послушно отозвался Лаэртид, вставая.

Дразнится он, что ли?

Следы были на загляденье — ясные, глубокие, свежие. Недавно прошел дождь, и в воздухе до сих пор плавал густой дух грязной щетины. Теперь я уже не бежал — крался. Кабан (Ка-а-а-аба-ан!) — это вам не косуля! Вон дядя мой покойный Мелеагр пообщался как-то с Калидонским вепрем...

Просвет впереди... Поляна... Уж не там ли?..

Почему-то стало жарко. Да так, что пот градом полил. Что значит давно не охотился!

...И не просто жарко. Словно изменилось что-то. То ли солнце ярче светить стало...

Копье в руке, нос — по ветру. Вперед! Расступились деревья, отвалилась челюсть...

Ну надо же!

...Огромный, чернорогий, с золотистой шерстью на крутых боках... А где же кабан? Ведь это же!..

Я присел, изготовившись к броску. Потом разберемся, отчего на поляне не кабан — бык. Да огромный какой, ни разу этакого чудища не видел!

...И он меня не видит. Щиплет травку зеленую, хвостом помахивает...

Ну!!!

Не успел. Только вперед шагнул, только копье возле уха дрогнуло.

— Стоять!!!

Что за притча? Здесь и быки разговаривают? Но делать нечего — стою.

— Быка не трогать! Это наш бык, ясно?

Широкоплечий темнобородый здоровяк, плечи хитон рвут, в руке дубина с меня ростом. Незнакомый, не из наших, хоть и по-ахейски говорит...

Вытер я пот со лба, плечами пожал. Ваш так ваш...

— Эй, ты! А ну пошли!

Это уже не мне — быку. Да только тому хоть бы хны. Хвостом помахивает, траву жует... Траву? А почему трава зеленая? Ведь сейчас осень, желтая всюду трава!

Оглянулся — обмер. Зеленые листья на ветках, яркое солнце над головой... Никак в лето попал?

— Пошли, говорю!..

Махнул я рукой, опустился на травку. Спятил, видать! Не бык, не парень этот — я спятил. Уже лето мерещится...

— Эй, где ты там?

Такой же точно голос — хоть и другой. И парень, что из-за деревьев (зеленых!) вышел, — точно такой же, но другой. Так же крепкие плечи хитон раздирают, и борода похожа, и таким же черным волосом ручищи поросли. И лицо...

— Ага, нашелся? Что, не идет?

Надо бы глаза протереть! Как две капли воды, как две стреды из одной мастерской. Братья? Братья, конечно! Моих лет, чуть помладше даже... А ведь видел уже я их, этих здоровяков!

— У-у, скотина Герионова!

Тот, что подошел позже, покачал головой, схватил чернорогого за холку...

Ой!

...На плечо взвалил, чуток встряхнул...

Я закрыл глаза. Будь что будет!

— Ладно, Алкид! Остальных позже разыщем. Тут они где-то...

— Я еще посмотрю, Ификл...

Открыл глаза — нет быка. И парня, что вторым пришел, тоже нет. Да только не о быке сейчас подумалось. Алкид и Ификл — знакомые имена! Да не просто знакомые!..

— Эй, парень, ты быков не видел? Таких точно, с шерстью золотистой? Разбежались, приблуды, от самого Регнума за ними гонимся!

Это мне. Здоровяк по имени Алкид подошел ближе, наклонился, поглядел глазами знакомыми...

— Да чего с тобой? Голодный?

— Нет, дядя Геракл, — прошептал я одними губами. — Я не голоден...

...Сгинула неверная зелень, погасло солнце-призрак, заскользил черный лед Крона-Времени под ногами. Что ВЫ делаете со мною, сволочи? Убейте, разорвите на части — но зачем же так? Зачем так?!

— Эй, Ификл, сюда! Тут парню плохо!

— ...А мы, понимаешь, быков этих от самого Океана гоним. Ну, работенка! То разбегутся, то басилей какой-нибудь лапы протянет...

— А все Эврисфей! Ну, оторвем мы ему уши, когда служба кончится!

— Да не уши, брат, не уши!

Горячее летнее небо перед глазами, запах свежей травы, вкус кислого вина на губах...

— Эй, парень, оклемался?

— Да...

Сел, огляделся. Все та же поляна, все те же два веселых молодых здоровяка. Сколько же им сейчас лет?

...А может, и нет тут ИХ вины? Мы на краю Номоса, на самом краю. Сгустилось Время, в единый ком сбилось. Быки Гериона — я тогда еще даже не родился! Все еще были живы, и дед Адраст, и дед Ойней, и папа...

— А если голодный, то мы сейчас обедать будем, присоединяйся, парень!

Ификл... А может, и Алкид. Я и не знал, что они были так похожи.

— И кто из вас Геракл? — наконец-то улыбнулся я.

— Мы! — хором, в два голоса. — Да ты, видать, нас знаешь?

Я только плечами пожал. Как ответить?

— Погоди, погоди, парень... А я тебя тоже знаю!

Алкид? Да, кажется, он.

— Ты часом Мелеагру, друзяке нашему, не родич? Мелеагру, сыну Ойнея Бесстрашного?

— Родич, — легко согласился я. — И тому, и другому.

...Кто из нас призрак? Они? Я? Да так ли это важно? Пусть это только сон среди осеннего леса.

— Я — Диомед. Только не тот, у которого кони...

Захохотали бородачи, за животы схватились.

— Не тот? Ой, проверим, ой, сейчас Лихаса кликнем, он тебя сразу узнает! Он того Диомеда сердцем почует!..

Отсмеялись, переглянулись.

— Погоди, погоди, так ты действительно Диомед?

...Мясо оказалось чуть-чуть недожаренным, с кровью. Такое и едят на охоте. Косуля на вертеле, терпкое вино из бурдюка, славные ребята рядом, у костра...

Хороший сон! Или все-таки... не сон?

— А теперь и потолковать можно, — удовлетворенно заметил Ификл (Ификл?), вытирая лапищи о траву. — Тут такое дело, Диомед...

— Мы чего здесь оказались, на Тринакрии? — подхватил Алкид (Алкид?). — По Гесперии мы этих красавцев гнали, а потом то ли даймон местный, то ли Лихас, обормот, проспал...

— В общем, разбежалось стадо. Кого поймали, а кто сюда, на Тринакрию, приплыл. Не быки — нереиды какие-то. А ведь твари эти особые, штучные, говорят, самого Гелиоса подарок. И что делать? Ну, оставили тех, что поймали, на родича нашего, Иолая, и на...

— ...Одного приятеля, — подсказал, хмыкнув, Алкид. — Назовем его... Пустышкой.

Вот даже как? И я с этим Пустышкой знаком. Правда, в приятелях не хожу.

...А если бы Чужедущец со мной да с Одиссеем увязался? Ему-то каково бы сейчас было? Интересно, тот Иолай, что в Гесперии стадо стережет, уже... такой?

— А он, Пустышка, нам и говорит...

Дернул Ификл носом, щеки втянул, губы поджал... А ведь похож!

— Будет ва-а-ам, друзья мои-и-и, встреча-а-а. Да не-е простая-я-я...

— Ладно тебе, — махнул лапищей Алкид. — Не так он сказал.

Подумал, нахмурился слегка... Боги! Как на дядю Геракла похож!

— Он сказал, что вы встретите на Тринакрии одного парня. Ваших лет, может, чуть старше.

— Зовут Диомедом, — вставил Ификл.

— Да... И что парень этот непростой, его боги выбрали...

Знакомый холодок по спине. Выбрали... ОНИ меня выбрали! Значит, не сон? Значит, не просто так заблудился я на Кроновой тропе?

— ...Сказал, что через пару лет, когда наша служба у Эврис-

фея кончится, этот парень, то есть ты, Диомед, нам очень поможет. И не только нам одним. А почему, он, то есть ты, сам знаешь...

Кто это говорит? Алкид? Его брат? Дядя Геракл? Проснуться бы... Или нет, лучше не просыпаться! Ведь я действительно ЗНАЮ!

...Ификл погибнет в битве с войском Гиппокоонта, его брат сгорит заживо в предгорьях Оэты, папа и дядя Капаней сгинут под Фивами. Амикла...

— В общем, говорит, берите его с собой да слушайтесь во всем, он дурного не посоветует. А чтобы он, в смысле ты, Диомед, согласился, Пустышка велел тебе передать...

Помолчали, переглянулись.

— «Это подарок, племянничек!»

В два голоса выдохнули. Но показалось, что я слышу иной, знакомый — голос Лже-Эриния, когда-то воспевшего буйную дурь ветров.

«Это подарок, племянничек!»

...Мудрый герой Диомед, махнув рукой на неверную седую ширь Океана (и вправду, что там искать?), уходит по кромке Номоса, по Кроновой тропе, в сказочную страну — Элладу прошлых лет, Элладу героев. Мудрый Диомед легко сможет подружиться со славными парнями Алкидом и Ификлом. Втроем — да еще с Иолаем-Чужедушцем в придачу — они играючи вытаскивают за хвост из Гадеса трехголового Кербера, выкапывают саженцы Гесперидовых яблонь (что еще там осталось?). А потом... А потом мудрый герой Диомед берет за шкирку дедулю Адраста, вытряхивает из него дурные мысли о походе на Фивы, договаривается с Атреем Великим, мирит Тидея Непрощенного с чернобородыми куретами...

...Сидит у колыбели маленькой девочки Амиклы, которую теперь никто — никогда! — не посмеет продать в рабство! Войны с Гиппокоонтом не будет — а если и будет, то я разнесу этих козопасов, как сирийцев под Аскалоном! И никакая богоравная и прочая сволочь не подсунет дяде Гераклу отравленный хитон! И упокоятся братья в царских толосах под пурпурными покрывалами — пресыщенные годами, властью, славой. И закроет мудрый старец Диомед усталые глаза среди друзей и родичей. И будут плакать у его костра маленький Диомед и маленькая Амикла...

...И уйдет выросший под моей дланью Диомед-новый под Трою. Уйдет беззащитный, ибо не надо будет ему клясться у кровавого алтаря в ненависти к НИМ. И не выйдет Диомед-но-

вый на бой с НИМИ, ибо крепка, как аласийская бронза, моя клятва, моя ненависть, а без нее...

...Душный, рвущий горло дым Гекатомбы. Честные наивные мальчишки, верящие в добрых богов, умирают на Фимбрийской равнине. И пуст Океан, так и не дождавшийся наших кораблей. И не вырастет в неведомой земле город, построенный по воле Элохи-пастыря, город, откуда разойдется Его слово по всем мирам...

Яркие звезды над тихо шумящими кронами, умирающие угли костра...

— Скажи, Алкид, скажи, Ификл, хорошо ли знать завтрашний день? И послезавтрашний? И последний?

— Нет...

— Хорошо ли иметь няньку, добрую, заботливую, которая не даст в обиду, проведет мимо беды за руку?

— Нет.

— Хорошо ли прожить жизнь, не свою, а ту, которую придумал для вас кто-то другой, хорошую, замечательную жизнь, — но не свою?

— Нет!

Я смотрю на горячие летние звезды, вдыхаю свежий ночной воздух... Разве я их убеждаю? Разве я их, этих наивных славных ребят, пытаюсь отговорить? Страшен твой подарок, дядюшка Психопомп!

— Да о чем ты, Диомед? — удивляется Алкид (Алкид! уже не спутаю!). — Да никому из нас не нужна нянька — ни нам, ни тебе. Просто мы подумали, что вместе веселее будет!

Привстал я, протянул ладони к умирающим углям. Веселее? Еще бы! Весело обмануть судьбу!

Судьбу — или себя самого?

«...Слабого судьба тащит на веревке, того, кто сильнее, — за руку ведет, а самый сильный сам судьбой становится. Иди, не бойся!»

Великий Геракл прошел... пройдет свой путь до конца. Сам! У Диомеда Дурной Собаки свой путь, и по нему мне тоже идти самому. Вам ни к чему веревка на шее, сыновья великого Амфитриона! Вам ни к чему царские толосы!

А все-таки здорово, что мы встретились здесь, на Кроновой тропе!

— Я... Мы плывем в Океан, ребята. Там, за Океаном, есть земля...

— Ух ты-ы-ы! Океа-а-ан!

Надвинулись, рядом сели.

— Вот здорово! А мы тут быков гоняем, ровно пастухи какие! Так о чем говорить-то, парень? Океан! Да если бы не Эврисфей-дурак, мы бы сами!..

— Эй, да чего мы грустим? — удивляется Ификл (точно Ификл!). — Слушай, Диомед, у нас тут еще полбурдюка осталось. Хлебнем, споем!..

— Спляшем! — басит голос дяди Геракла. — Вашу, Диомед, этолийскую. Трихонида, слыхал, быть может?

— Что значит «быть может»? — возмущаюсь я. — Это кто из нас тут этолиец?

Трихонида — это танец такой.

Его очень легко танцевать. Главное — голову вверх, руки в стороны (и тоже чуть вверх)...

— Косса-косса-косса-хай! Косса-косса-косса-хай!

...И еще сандалии снять надо. Трихониду только босыми танцуют. Пятками — в траву, да посильнее, посильнее!

— Косса-косса-косса-хай!

...Дядя Геракл — Алкид! — слева, дядя Геракл — Ификл! — справа (топнут — лес качается). Круг протанцевали — меняемся. Теперь справа Алкид, слева — Ификл. А может, и наоборот все. Кружатся звезды, кружатся черные деревья вокруг.

— Косса-косса-косса-хай! Косса-косса-косса-хай!

У гаснущего костра, на перекрестке Прошлого и Грядущего, по скользкому черному льду Крона-Времени — бесшабашно, бесстрашно, ни о чем не жалея...

— Косса! Хай!

— Тидид! Где ты был? Кабан же!.. Из-под носа ушел кабан!

Неяркое осеннее солнце над поляной, запах прелых листьев, у Любимчика в рыжих волосах — желтая хвоя...

— Кабан! Скорее, Тидид, побежали! Ка-а-а-аба-ан!

Я сжал ладонью еще теплое древко копья, улыбнулся. Счастливого пути, дядя Геракл!

— Ка-а-а-а-а-аба-а-а-а-ан!

— Обидно, родич Диомед, да! Никто не верит, никто не слушает! Хоть ты послушай, а? Я впереди всех бежал, далеко бежал, быстро бежал. Гляжу — бык! Большой такой, шерсть красивая,

золотая шерсть, понимаешь. Стоит — мычит. Я быка завалил, свежевать стал — мычит! Мясо на огонь положил — мычит! Пока глаза протирал, пока Артемиде-охотнице молился — ушел. И шкура ушла, и мясо ушло. Обидно даже, я тебе скажу! Ну почему мне никто не верит, ванакт Диомед, а? Ну когда это Мантос людей обманывал? Хоть ты мне поверь, родич!

* * *

— Ну вот чего, господа хорошие, басилеи богоравные! Как Трою или там чего еще брать, это вам, понятное дело, виднее. А вот как в Океан попасть — это уже моя, Антигена Коряги, забота. Так что слушайте, ежели жить покуда не надоело. И ты, ванакт маленький, слушай. А вы, мелюзга желторотая, что кормчими себя вообразили, — и подавно. Так вот, первое дело — завсегда паруса. Завсегда — да не сейчас. Так что сверните-ка все паруса и засуньте их...

— Нет, Диомед, сюда я не попал. Я тогда у Регия был, быков Герионовых стерег. А мои мальчи... Мои отец и дядя здесь, на Тринакрии, стадо собирали. Вернулись веселые такие, помню, Алкид мне говорит, мол, хочешь, Иолай, в Океан сплаваем? А то другие уже собрались, а мы чем хуже? А что?

Не бейся, сердце! Не бейся! Каждый толчок, каждый удар — тараном по непрочным черным доскам. Тем, которые отделяют нас от Аида... Страшный зев бурунов справа, неровная стена тумана слева — белая, склизкая...

— Не замай вправо, дурень, не замай!..

И Антигену, старой коряге, не по себе. Замер, в бородищу седую пальцами корявыми вцепился...

— Да куда ж ты! Пропадешь!..

Черная скорлупка, едва видная за водяной пылью, дернулась, выпрямилась, рванулась вперед...

— Хвала богам! Маленький ванакт, когда ты своих парней в бой посылаешь, тоже небось страшно?

— Еще как!

Узкий проход между бурунами и туманом. Сгрудились корабли-дельфины в маленькой бухте, своего часа ждут. Только по одному проскользнуть и можно. Ни влево, ни вправо — точно между двумя Смертями... В бою все-таки легче. Если рвется сер-

дце, из груди выскакивает, прыгай в колесницу, пристраивай в руке копье...

Здесь не поможет.

— Прошел! Ну, давай следующий!..

Шесть дельфинов проскользнули. Один не смог — затянуло в буруны, разбросало черные ошметья по узкому проливу...

— Во! Так и гребите! Да не влево, не влево!..

Негромко шепчет Антиген, старый кормчий, но словно слышат его голос там, на черной палубе. Успел проворный дельфин, отвернул от жадных щупальцев тумана... А что там, в тумане, даже мне старая коряга не сказала. Вздохнула только.

Не бейся, сердце! Не бейся!..

— Ну, иди, иди! Да чего у вас там, руки поотсыхали?..

Сопит коряга, головой мотает. Так и в бою, если со стороны смотришь: всюду хочется быть, и с лучниками, и с конницей, и на правом крыле, и на левом...

— Да куда же они гребут, ванакт?! Куда гребут, безголовые? Фу ты, хвала Черногривому!

Еще один дельфин проскользнул между Смертей туда, за водяную пыль, где нестойким неверным серебром светит вечная плоть седого Океана.

Еще один, еще...

— Ну чего, маленький ванакт? И нам пора!

Дрогнуло сердце, дернулась черная палуба под ногами, ударили весла в белую пену.

— Пора, дядюшка Антиген!

Позади — жизнь. Впереди — Смерть. Смерть — и Океан.

— В стране той небо безоблачно,
Царит там Век Золотой,
Там горя нет, даже смерти нет,
Там мы счастье найдем.

Станем Миносами!

АНТИСТРОФА-II

Человек человеку — призрак.

И корабль — кораблю.

Он мчался прямо на нас — длинный, низкобортный, с острым носом-клювом. Черный дым клубился над невысокими уродливыми мачтами, над серой палубой, над тонкими осины-

ми жалами, торчавшими во все стороны. Нос-клюв, весь в белой пене, рассекал седую океанскую плоть.

Кто он? Откуда? Видит ли нас?

Не видит! Скользнул серый борт прямо по нашим веслам — беззвучно, неслышно. Скользнул, дохнул гарью и дымом...

Исчез.

— Видел такие, — почесал бороду Антиген Коряга. — Дымят шибко, но ходят быстро, на сотне весел не угнаться. Это что, маленький ванакт! Тут даже целые города плавают!

Тут — в Океане. Первые дни я удивлялся...

Не дни! Нет дней в Океане. И ночей нет. Только неяркий сумрак висит над седой водой, неизменный, вечный. Врезаются весла в воду, летят холодные брызги, но все кажется, будто и вода, и легкий туман над волнами — тоже призраки. Нет ничего — только тени. Тени-волны, тени-корабли, тени-люди.

Нам кажется, что мы живы. Мы даже ловим Время, считаем его по капелькам, падающим в клепсидрах, отмеряя часы и дни, мы разговариваем, улыбаемся, ходим друг к другу в гости, перебрасывая сходни между черных бортов. Но ведь и тем, кто тенями скользит мимо наших кораблей, мнится, будто живы они, а мы — лишь видение в сером тумане.

Человек человеку — призрак.

И корабль — кораблю.

— А что там впереди, дядюшка?

— Все то же, маленький ванакт, — Океан!

Поначалу я — да разве только я? — ждал чудес. Чего только не приходилось слышать, чего только аэды не напели. Девы-океаниды, волшебные острова... Сирены. Дождался! Только странные чудеса в Океане! Нет зеленовласых красавиц, нет мудрых тритонов, трубящих в раковины. Зато есть корабли — невиданные, странные, есть ледяные горы, закрывающие весь горизонт.

Корабли-призраки, горы-призраки.

Привыкаешь быстро. И я уже не удивляюсь, что над палубами призраков клубится черный дым, что не на всех есть паруса и почти ни у кого не увидишь весел. И даже когда черная железная туша всплывает из-под воды, когда с палуб срываются прямо в серый туман серебристые железные птицы, я лишь пожимаю плечами. Океан!

Идоменей как-то сказал, что Океан-Ограничитель гигантской губкой впитывает все, что ускользнуло от Крона-Времени. Может, и так...

— А тот остров, о котором ты говорил, дядюшка? Он ведь должен быть? Нам же воды набрать надо!

— Должен, маленький ванакт. А вот будет ли? Сам видишь... Вижу... Призрак-небо, призраки-волны, призраки-корабли. Океан!

— Нет, Мантос, всем поровну.

— Э-э, ванакт! Что говоришь, Диомед-ванакт? Вода есть, вино есть, мясо еще есть, да. Немного, конечно...

— Поровну. Я такой же, как и все.

— А знаешь, чего ночью ребята видели? Ну, не ночью, понятно... Когда ты спал, видели. Корабль такой большой, понимаешь, как Калидон-город, большой. И с корабля этого стрела в небо взлетела. Огненная стрела, понимаешь! Тоже большая, огромная даже. Я не видел — другие видели. Так я вот чего подумал, Диомед-родич. Нам бы такую стрелу под Троей! Мы бы такой стрелой всю Трою разнесли, да?

— Да что ты, Мантос! Мы разве звери какие?

— Эй, на «Пенелопе-е-е»! Одиссе-е-ей! Радуйся-я-я!
— Радуйся-я-я, Тиди-и-ид! Сире-е-ен не виде-е-ел?
— Еще не-е-ет! Увиди-и-ишь — посигна-а-аль!
— Хорошо-о-о-о!
— Эй, на «Фесте-е-е-е»! Идомене-е-ей!
— У нас воды на четыре дня-я-я! Держимся-я-я!
— Шардана-а-а! Не скучаете-е-е?
— Кей Кавад! Кей Кава-а-ад! Кей Кава-а-ад!
— Эй, на «Тиресии-и-и»! Как дела, Калха-а-ант?
— Бо-о-о-о-оги-и-и-и!..

— Так что это за остров, дядюшка Антиген? Большой? Настоящий?

— И все тебе скажи, маленький ванакт! Большой он, как вся наша Ахайя. А вот настоящий ли? Один раз туда пристали — только камень да трава жухлая. А другой раз... Да сам узнаешь.

— А как узнаю, дядюшка?

— А вот Трезубец покажется — тогда и узнаешь.

* * *

Тревогу подняли перед самой полуночью, когда последние капли падали из опустевшей клепсидры. Вначале вспыхнул огонь на корабле Подалирия, затем красный сигнал задрожал на мачте «Феста».

Красный — беда!

— Слева по борту, ванакт!

Протер ладонью глаза, всмотрелся в серый сумрак. Остров! Остров?

Нет, не остров! Корабль — невероятный, громадный, больше целого города, выше стен Аскалона. Черный, сверкающий неведомым ярким металлом надстроек.

— Тонет, ванакт! Люди...

— Вижу...

Нос уже почти скрылся под водой, вода рвалась на палубу, сбивая с ног, утаскивая в серую пучину людей-муравьев. Дий Подземный! Да их же там сотни! Тысячи!

...И крик — отчаянный, несмолкаемый. До самых серых небес, до самой кромки исчезнувшей за горизонтом земли...

Это видел — слышал! — не один я. Врезались весла в океанскую плоть, разворачивались чернобокие дельфины, спеша к погибающим. Пентеконтера Энея уже совсем рядом, чуть ли не вплотную к гигантскому черному борту, и горячие усачи-шардана уже там...

— Не поможем, маленький ванакт! — тяжко дышит над ухом дядюшка Антиген. — Не увидят они нас. Не поможем, а сами пропадем. Уйдет такая громадища под воду, закрутит нас водоворотом!..

Я на миг прикрыл глаза. Наверное, он прав, мудрый кормчий. Но мы — люди. И там, на гибнущем корабле-городе, — тоже люди...

— Вперед!

Вытертое до блеска весло впилось в руки...

...Крик, крик, крик. Люди не хотели умирать, они еще надеялись, они еще ждали...

Крик...

Мы опоздали. Дышащий теплом борт был уже совсем близко, когда громада корабля дрогнула, задрожала, покрылась белым шипящим паром. Грохот, железный оглушающий гром... Невиданной страшной башней вознеслась к серому небу корма, посыпались вниз муравьи-люди...

— Волна! Осторожно, волна!

Повезло — ударило точно в нос. Не перевернуло — только захлестнуло брызгами. Океанская плоть на миг разверзлась, жадный черный зев надвинулся... сомкнулся, не успев заглотить нас.

Живы! Мы — живы! А те, другие, что горохом сыпались в воду? Крик еще слышен, значит, еще можно что-то сделать...

— Люди за бортом! Вперед! Вперед!

Вначале мы увидели лодку. Даже не лодку — лодчонку малую, без весел, без кормила. Ни одного мужчины — женщины, полуголые, белые от ужаса и холода. Молодые, старые... Они уже не кричали — сил не было.

— Багры! Подтянуть к борту!

— Ванакт! Не получается, ванакт! Что делать?

Багор-призрак не цеплял призрак-лодку. В пустоту глядели глаза обреченных. Нас не видели...

— Эй, на лодке! Сюда, мы здесь, мы рядом!

Не слышали...

Кто-то, не выдержав, прыгнул в воду, схватился рукой за низкий борт. Ушла рука в пустоту, в холодную бездну...

А вокруг уже были люди — такие же полуголые, испуганные, гибнущие. Какой-то парень пытался удержать над водой потерявшую сознание девушку, отчаянно бился седобородый старик, цепляясь за обломок дерева, мать обнимала младенца — в последний раз, перед тем как над ними сомкнутся волны... Крик распадался на десятки, на сотни голосов, хриплых, звонких, еле слышных. Неведомые, незнакомые слова... понятные, слишком понятные.

...Мы живы! Мы еще живы! Люди, боги, демоны, мы — живы, мы не хотим умирать!

— Ванакт! Что же делать, ванакт?! Они же погибают! Они же погибают!!!

Я поглядел на небо, в серую безвидную пустоту. ТЫ не добрее своего брата, Океан! Мы, люди, для ТЕБЯ — только призраки.

— Диомед, что же делать, Диомед?

— Кричать! — выдохнул я. — Звать, искать! Может, кто-то все же откликнется!..

Голоса еще слышны, руки еще тянутся к равнодушному небу...

В эту ночь Время покинуло нас. Кто-то забыл перевернуть клепсидру...

— Ты уже видел такое, Антиген?

— Видел, ванакт.

— И ничего нельзя было сделать?

— Ничего...

Серый сумрак над волнами, серый сумрак над мачтами, соленая холодная пыль застыла в воздухе. Спокоен Океан, великий титан, брат Крона-Времени. Здесь некуда спешить, в этом царст-

ве теней. Все, что могло случиться, — уже случилось. Вчера. Сто веков назад. Завтра. Через тысячу лет. И ничего уже не изменить, никому не помочь, никого не спасти. Мудр Океан нелюдской, нечеловеческой мудростью. Призраки не нужны призракам.

— Выходит... Мы все — мертвые? Как тени в Аиде?

— Зачем думать об этом, маленький ванакт?

— А может, ОНИ, эти, с Олимпа, правы, что не пускают нас в Океан? Зачем людям второй Аид?

— Из Аида нельзя вернуться, маленький ванакт. Из Океана — можно. Иногда...

— Эй, по корабля-я-ям! Как с водо-о-ой?

— На два дня-я, Диоме-е-ед!

— На три-и-и!..

— На день хвати-и-и-ит!..

— Шардана-а-а?

— Воды нет, вино е-есть! Плыви к на-а-ам, Да-а-аме-е-ед!

— Эй, Калха-а-ант! Что боги-и вещаю-ю-ют? Земля ско-ро-о-о?

— Бо-о-о-оги-и-и!..

— Несите нас, паруса, вперед!
Плещись, вода, за кормой!
Мы — смертные, но бессмертных путь
Предстоит нам пройти.

* * *

Первым Трезубец увидели на «Пенелопе». Как чувствовал Любимчик — вперед вырвался, вспенил веслами седую воду...

— Земля-я!

Туман над Океаном, такой знакомый, такой привычный. Разве что впереди, над почти невидимым горизонтом, чуть светлее стало...

— Земля-я-я!

Нет, не земля — скалы! Еле заметные, темные, острые, словно наконечники стрел. И туча над ними — тоже черная.

— Трезубец, дядя Антиген?

— Он и есть, маленький ванакт. Да только не спеши, далеко еще...

Легко сказать — не спеши! Завопили вокруг, заорали. Взлетели весла выше мачт.

— Земля-я-я-я!!!

Не выдержал я, к черному изогнутому носу бросился, в смоленое дерево вцепился. Земля! Пусть это только остров, пусть нам еще плыть и плыть...

Земля!

Не торопились скалы — не спеша, медленно-медленно вырастали из серого тумана. Огромные, невероятной высоты. Что Оса, что Пелион, что Снежный Олимп по сравнению с этими черными громадами, увенчанными неровной шапкой дыма?

— Огненные горы, дядюшка?

— Огненные. Гефестовы...

И вот уже буруны видать, у подножий Трезубца кипящие, и другие скалы — чуть дальше, чуть пониже. Но это уже не так важно, и даже белый парус — такой родной, знакомый, — мелькнувший в узком проливе между скал, даже чайки — все это пустяки, мелочи...

Солнце!

Настоящее, живое, горящее ярым огнем, разгоняющее ненавистный сумрак! Радуйся, Гелиос Гиперионид!

А потом мы увидели радугу...

— ...Этот остров по-всякому кличут, маленький ванакт. Да только не в назывании сила... Ну, смотри, смотри, впервой тебе еще, не нагляделся!..

Не нагляделся — век бы смотрел! Огромная бухта, окруженная отвесными горами, водопады, рушащиеся с невероятной выси прямо в море... Потому и радуга. Радуйся, Ирида Многоцветная!

...И паруса над черными кораблями. И город на холме. И золотое сияние колонн гигантского храма на самой вершине.

— А ты говорил, что пусто тут, один камень!

— Повезло нам, маленький ванакт. Только непростое это место, ох, непростое! Слушай да запоминай...

— Вот чего я вам, парни, скажу: это, стало быть, остров Кирки...

— Да не Кирки, пень ты амбракийский! Калипсо-нимфы это остров. Она, Калипсо, каждого, значит, во дворец свой кличет, а кто ее не ублажит до визга поросячьего, того она камнем делает!..

— Сам ты пень амбракийский! Ишь, приап свой расчесал! Это земля Атланта, ясно? Ее Поседайон Черногривый со дна поднял. Трезубец видел?

— Да какая разница, парни? Бабы и вино там есть?

— Е-е-е-е-есть!!!

— Земля! Земля-я-я! Земля-я-я-я! Земля-я-я-я-я-я!!!

Земля! Настоящая! И пыль скрипит под подошвами сандалий!..

— Внимание, богоравные!..

Да какое там внимание, если под ногами — каменная пристань, если на сходнях одурелый народ только что не давится, только что по головам не ходит!..

...А город хорош! Всем городам город, куда там Аласии! Шумит толпа на пристани, разноязыкая, пестрая. Живые люди — не призраки! Из харчевен мясом, на углях жаренным, тянет, торговцы по всем углам товар выхваляют...

...И каменные стены на холме. И блеск золотых зубцов. И многоцветные крыши огромных зданий...

— Повторяю! Всем — всем! — надо вернуться на корабли до захода солнца. Ясно? Никого ждать не будем! Идоменей?

— Диомед верно говорит, парни. Только до заката!..

— Да ладно! Да понятно! Да о чем вы? Тут бы часок единый землю твердую потоптать!..

— Одиссей, ты бы насчет провизии...

— Ну, это как водится!..

— ...Всем вернуться до заката! Ясно? Всем ясно? Ну, чего стали, мужи ахейские, вперед!

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

— Был здесь, Идоменей?

— Не был. Дядя Астерий рассказывал. Там, на холме, где колонны золотые, главный храм. В нем здешние басилеи собираются, суд вершат. А рядом деревья, видишь, какие высокие? Возле них, говорят, звери дивные бродят, вроде слонов ливийских, но побольше. Только туда нас не пустят...

— И не надо. А кто здесь живет-то?

— Да кто угодно, Тидид. И наши, критяне, и ахейцы, и пеласги. Только ты с ними поосторожнее.

— Да в чем дело, Идоменей? Кормчий мой, Антиген, меня пугает, ты пугаешь...

— Я-то не пугаю. Скоро сам, Диомед, поймешь. Только не забудь — до заката...

* * *

— Да, уважаемый гость, ахеец я. Из самих Афин я, из города славного, который основал великий Тезей... Да, этот город тоже хорош, слов нет. Сколько я здесь живу? Гм-м-м... Так вроде всегда тут и жил...

Хорошо быть живым среди живых! Толкаться на улицах, пробираться через шумящую толпу, глотать кислое вино в дымной харчевне, приценяться к дивным бронзовым кинжалам с двумя лезвиями...

Хорошо!

Оглушил город-муравейник, потянул в глубь узких улочек, через вымощенные цветным камнем площади, через мраморные мосты, висящие над гладью каналов.

Ну и город! За месяц не осмотришь!

За вторые стены, туда, где храм-великан золотом горит, я идти не решился. Во-первых, Мантосу-гетайру обещал, иначе бы не отпустил меня одного чернобородый. А во-вторых, и в муравейнике своя опаска есть. Хорошо нас встретили, даже расспрашивать ни о чем не стали. Но...

Но все-таки странно как-то. Со всех сторон шум, со всех сторон разноязыкая молвь. Кое-что мимо ушей пролетает, а кое-что очень даже понятно. Первого же встреченного ахейца — того самого оружейника, что кинжалы предлагал, — я чуть ли не в допрос пыточный взял. Кто, да откуда, да здесь отчего?

...И в самом деле! Торгует народ, винишко попивает, девицы полуголые из-за дверей подмигивают, воины в шлемах с хвостами по улицам топают. И где? Посреди Океана?

Да только не помог мне оружейник. И другие, с кем я уже по-хеттийски да по-финикийски беседы вел. Живут здесь — и живут. А потому живут, что город больно хорош.

И все!

Рассказывал мне Одиссей про лотофагов с глазами на затылке (ой, врет, поди, рыжий!). Так те лотос каждый день жуют, оттого в полном помрачении пребывают.

А эти?

Кипит жизнь на людных улицах, сияют золотом храмы, от рощ миртовых, что у каналов зеленеют, дух свежий, радостный. А все-таки не так что-то!

Несколько раз я поглядывал на акрополь, что над городом навис. Не там ли, за стенами с золотыми зубцами, разгадка? Не в том ли храме-великане, что от самого Трезубца виден?

Поглядывал — но все-таки пойти не решился. Слыхал я как-

то сказку хеттийскую про путника, что во дворец посреди пустыни попал. И поят его там, и кормят, и ублажают. Да только мало этого ему, дурню. Сунул нос в дверцу некую, печать со шнурка сорвал...

— О, сколь красиво ты говоришь на благородном хеттийском, гость! Сразу видно, что любишь ты мой народ! Да-да, я родом из Хаттусы, да стоит она вечно-вековечно! Да, гость, я приплыл сюда... Вчера! Или сегодня... Дивно, отчего-то и вспомнить не могу!..

Солнцеликий Гелиос не спешил, словно жалея нас, по его лучам соскучившихся. И я не торопился. Хоть и странный город, непонятный, а все-таки здорово просто так бродить да по сторонам глядеть. Не лазутчик, не владыка — обычный гость.

...Ой, и трудолюбивый же здесь народ! Акрополь да храм — еще ладно, а вот каналы! Пять колец город прорезают, и все камнем выложены, да еще всюду мосты — тоже каменные. Говорят, только в Баб-Или, где у всех бороды колечками (чтоб у тебя борода вылезла, почтенный Исин-Мардук!), такое увидеть можно.

Каналы, а возле каждого — рощи. Вокруг голубого кольца — зеленое.

В одной из этих рощиц я и остановился. Тихо тут, хорошо, деревья (ох, высоченные!) от шума-гама укрывают. Поглядел я на кроны, на листья резные, сквозь которые солнце играет-пробивается, зажмурился...

— Янаанаа-а-а!

Что такое? А голоса-то женские!

— Янаанаа-а-а-а! Янаанаа-а-а!

Нет, не женщины, не девушки — девчонки. Босые, в коротких хитончиках, с ветками зелеными в руках...

— Янаана-а-а-а!

Мимо пробежали целой стайкой, за деревьями скрылись.

А ведь знакомо!

Дрогнуло сердце, сон давний вспомнился, поляна в лесу аркадском, дерево поваленное. Не иначе, поклоняются здесь Светлой богине — той, что когда-то шагнула ко мне в серебристом огне.

— Янаанаа-а-а-а-а!

Уже далеко, за деревьями. Наверное, храм там — или алтарь.

Не заметил даже, как ноги сами вслед понесли.

...Девчонок я быстро нашел — на полянке. Маленькой, в цветах ярких. А за поляной не храм, не алтарь — просто камни,

в землю врытые. Кругом идут, а внутри — тоже трава да цветы. И не ночь — день ясный.

— Яна-а-а-а-а! Светлая! Светлая! Мы пришли! Мы пришли!

Я улыбнулся. Все, конечно, не так. И девчонки самые обычные, не огоньки пляшущие, и та, что их встречает, на камешке сидя, — совсем иная...

— Светлая! Светлая! Мы здесь! Скажи, что тебе нужно!..

Старуха... Гиматий темный на голову накинут, худые костлявые пальцы девочек по волосам гладят, улыбаются белые губы. И глаза...

Слепая?

Слепая... Старая слепая женщина на пороге неведомого святилища. Жрица, конечно. А ведь любят ее девчонки! Вон, окружили, руки худые тянут...

Шагнул я ближе. Хрустнула ветка под ногой.

— Ой, чужой! Чужой! Светлая! Светлая! Защити!

И — врассыпную. Замелькали босые пятки. Усмехнулся я, остановился. К чему мешать?

— Подойди!

И вздрогнул я от Ее голоса...

Смотрели на меня слепые глаза. Смотрели, не видя. Замер я, вздохнуть не решаясь.

Не узнать! Только голос прежний. Почти прежний...

— Ты напугал моих девочек, гость!..

— Девчонок, — прошептал я. — Радуйся, Светлая!

Что-то изменилось на недвижном, покрытом морщинами лице. Дрогнули бесцветные губы.

— Ты... Твой голос... Ты знаешь меня?

— Знаю...

Я прикрыл глаза, до боли сжал костяшки пальцев...

— Одна несравненная дева желаннее всех для меня, — та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года. Лучится ее красота, и светится кожа ее...

Она молчала. Только губы еле заметно шевелились, словно пытаясь повторить.

— Горделивая шея у нее над сверкающей грудью. Кудри ее — лазурит неподдельный. Золота лучше — округлые руки ее. С венчиком лотоса могут сравниться пальцы...

— Скворец... — еле слышно прошептала Она. — Наглый, самоуверенный мальчишка с серебристой кровью...

Я упал на колени, прижался лицом к Ее ладоням.

— Я искал тебя, Светлая! Я искал... Я нашел...

— Это Я нашла тебя, Диомед, наглый мальчишка! — улыбнулась Она. — Когда твой корабль причалил, Я уже знала. И когда ты шел сюда — слышала. Это Я еще могу... Встань, мальчик, незачем стоять на коленях перед старухой!

— Ты не старуха! — выдохнул я. — Ты самая... самая...

— *«Поступь ее благородна,* — вздохнула Она, — *глубоко и таинственно лоно, и стройные бедра словно ведут на ходу спор о ее красоте...»* Я не забыла, маленький наглец! И все-таки встань, мне надо вернуться. День слишком яркий...

Я поддержал Ее под локоть, и мы шагнули к ближайшему камню. Она искала темноты, но ведь там, в каменном круге, такое же горячее солнце!..

Внезапно Она остановилась — прикоснулась худой рукой к теплому камню.

— Значит, ты искал Меня, Диомед? Нашел?

В слепых глазах словно проснулось что-то живое.

Я улыбнулся.

...та, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года...

— Нашел, Светлая. Нашел — и потерял. И, кажется, снова нашел.

— Меня, старуху? — внезапно рассмеялась она. — Уходи, Диомед, наглый седой мальчишка, уходи, пока не поздно!

Седой? Я поднес руку к виску. Несколько белых волос — разве это седина? Обидно даже!.. Но ведь Она не видит!

— Я не уйду, Светлая! Не уйду!

— Ну, тогда...

Ее рука сжала мои пальцы. Мы шагнули за камень...

....Плеснул в лицо нежданный ветер — свежий, прохладный. Ночной.

Исчезло солнце, черным пологом задернулось безоблачное небо... Поляна, огромное поваленное дерево вдали, острый свет полуночных звезд, огоньки над сонной травой.

И Ее серебристый смех — легкий, такой знакомый.

— Узнаешь, наглый скворец?

Отвечать не было сил. Все как в моем сне. Только Она жива...

— Обернись!

Живые темные глаза смеялись. Исчезла немощная старуха. Передо мною стояла Она, и серебряным огнем светилось Ее тело.

...Горделивая шея у нее над сверкающей грудью. Кудри ее — лазурит неподдельный. Золота лучше — округлые руки ее. С венчиком лотоса могут сравниться пальцы...

— И не вздумай падать на колени, глупый мальчишка! — вновь рассмеялась Она. — Сядь!

Я бухнулся на траву — как когда-то.

— ...Ты прав, Диомед, там, в Аркадии, Я уже мертва. Все, чем была Я, — лес, поляна, трава на ней — этого уже нет. Твой сон не солгал...

Ее пальцы — живые, теплые, гладят меня по волосам. Не хочется открывать глаза, не хочется ни о чем думать.

— Но здесь есть убежище даже для тех, кто умер. За этими камнями Я — по-прежнему Я. Но только полуживая старуха может выйти за их кольцо. И то очень ненадолго...

Я обнял Ее за плечи. Она покачала головой, вздохнула.

— Чего ты хочешь, мальчик?

Я вдохнул запах Ее кожи, осторожно коснулся губами...

— Остаться с Тобой! Ты была права, Светлая, я искал Тебя в других, искал всю жизнь, я воевал, брал города, плыл через Океан...

— Чтобы остаться тут со Мною? — вздохнула Она.

— Да...

— Оглядись еще раз.

Я улыбнулся. Все и так ясно. Поляна, огоньки над травой, седой мох на старом дереве...

— Ты мог бы провести здесь всю жизнь, Диомед? Ты уже не мальчишка, ты взрослый.

— А что там хорошего снаружи? — упрямо возразил я. — Война, предательство, ложь, кровь!..

— Там жизнь, Диомед.

Она встала, и вновь ахнул я, не в силах отвести глаз от Ее красоты.

— Ничто не дается просто так. Я могу жить только здесь, но дело не во мне. Неужели ты не понял? В этом городе все такие, как Я! Города давно нет, и людей в нем тоже нет...

— О чем Ты? — поразился я. — Нет?!

Но память уже подсказала, напомнила, холодом скользнула по коже.

— Так что это за остров, дядюшка Антиген? Большой? Настоящий?

— И все тебе скажи, маленький ванакт! Большой он, как вся наша Ахайя. А вот настоящий ли? Один раз туда пристали — только камень да трава жухлая. А другой раз... Да сам узнаешь.

— Этот город погиб в давние века, Диомед. Но Тот, Кто властен в Океане, сохранил один день из его жизни. Всего один день. И этот день вечно повторяется здесь. Поэтому никто не помнит, что было вчера. Здесь нет «вчера». И «завтра» тоже нет. Тот, кто не уплывет отсюда до заката, навсегда останется тенью, пленником этого единственного дня...

Исчезла поляна, звезды, деревья. Закружились серые тени, беззвучные, безликие...

— Даже таким, как Я, с серебром в крови, не дано большего. Я не знаю, встречались ли мы уже с тобой тут, в этом городе, остался ли ты здесь навечно...

— Нет! — Я помотал головой, все еще не веря. — Быть не может! Нет!..

— За все приходится платить, Диомед. И за бессмертие тоже — за бессмертие одного дня. Если ты еще можешь — уходи. Не ищи Меня больше, мальчик, Я ведь всегда с тобой. Мы еще встретимся... А сейчас — уходи! Скорее!

— Нет, нет, нет, — шептал я, не в силах оторвать губы от Ее кожи.

Вздрогнули огоньки над тихой травой. Вздрогнули, закружились. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее...

— Тидид! Тидид! Я все понял! Надо быстрее уплывать!

— Знаю, Одиссей...

— Все это вокруг — обман, неправда. Город давно погиб, здесь только его тень, надо скорее!..

— Знаю...

— ...По местам стоять, якоря выбрать, гистоны и долоны поднять, весла на воду!..

Красный, словно налившийся кровью лик Гелиоса вот-вот коснется золотых зубцов. Ярым золотом горят колонны гигантского храма.

Пора!

Я отвернулся от обреченного города, и в глазах засеребрилась вечная ширь Океана...

Прощай, Светлая! Ты права — мы никогда с Тобой не расставались.

Хайре!

— Так пенься, хлябь океанская!
Стучитесь, волны, в борта!
Нас ждет страна, что лежит вдали,
Мы назад не свернем!..

* * *

Почему-то думалось, что хуже не будет. Что может быть страшнее безвидного серого неба, бесконечных волн, сырого тумана?

Страшнее — лед.

Сперва тонкие льдинки, с легким треском ломавшиеся под ударами весел, затем белые поля, белые острова...

— Ты уже видел такое, дядюшка Антиген?

— Видел, ох, видел, маленький ванакт!

Плыть было еще можно — проскальзывая по узким проходам между пористыми льдинами, перетаскивая черные дельфиньи туши волоком по скользкой тверди...

— Ай, какое плохое море, ванакт Диомед! Совсем плохое, да! Знаешь, я еще совсем маленький был, так у нас в Этолии тоже такая зима случилась. Реки замерзли, море замерзло, небо тоже замерзло. Ай, какая плохая зима!

Не согревали плащи. Даже неразбавленное вино не грело...

— Эй, по корабля-я-ям! Живы-ы-ы?

— Хол-л-л-лод-д-д-дно-о-о-о!

— На «Фесте-е»! Идомене-е-ей!

— Порядок, Тиди-ид! Если лед — значит, скоро земля-я-я!

— Шардана-а-а?

— То не черная туча вставала-а-а! Туча-а!.. Давай к на-а-ам, Да-а-аме-е-ед! Налье-е-ем!

— Эй, Калха-а-ант! Жи-и-ив?

— Б-б-б-б-бо-о-о-оги-и-и!..

Взбунтовались на третий день — на третий поворот клепсидры. Всю ночь мы перетаскивали заледенелые дельфины через ледяное поле, пытаясь найти выход в лабиринте узких промоин.

К счастью, чернобородый Мантос ошибся. Здесь, посреди седого Океана, не бывает зимы. Воздух был не ледяным — промозглым, и вода капала с покрасневших пальцев. Просто белое поле — до самого горизонта.

Задубели, покрылись волдырями руки, лед прожигал до костей даже через толстые подошвы эмбат.

А наутро...

— Беда, ванакт! Ай, беда! Совсем беда, понимаешь!..

Мои аргивяне, критяне Идоменея, итакийцы Любимчика, троянцы, дарданы — все. Высыпали на лед, загустели слитной толпой...

...Кроме усатых шардана. Этим и холод нипочем!

— Назад! Назад! Заблудились! Домо-о-ой!

Думал вначале: выкричатся да и успокоятся. Напрасно думал...

— ...Куда ты нас завел, Диомед? Куда?! Надо было на том острове остаться! От добра добра не ищут!.. Назад! В Аргос! На Крит! В Трою!..

Даже забыли бедняги, что сейчас осталось от Крепко-стенной...

— Не хочешь — сами уйдем! Сами! Здесь близко! На восток! Через лед — и дома!..

И что сказать? Как убедить?

— Слушайте меня! Это я, Диомед Тидид, ваш ванакт...

— Ахейцы! Троянцы! Поверьте мне, Одиссею, сыну Лаэрта!..

— Бо-о-о-о-оги-и-и-и-и!..

Бесполезно...

— Домо-о-о-о-о-о-ой!!!

Безумные лица, безумные глаза. Не слышат, не понимают...

— Уйдем! Уйдем! Оставайся сам, если хочешь!..

Ледяное поле до горизонта. Неровное, в узких трещинах, в серых промоинах. Но безумие сильнее страха... И вот уже кто-то заскользил по льду, упал, встал на четвереньки, снова уткнулся носом в белую твердь. За ним еще, еще...

— Надо что-то делать! Что-то делать! — бормотал серый от ужаса Подалирий. — Они же погибнут, ребята! Все погибнут!..

Молча пожал плечами Идоменей. Вздохнул Любимчик. Нахмурился Гелен Прорицатель. Вытер слезу Эней-плакса...

— Надо что-то делать!..

Колыхнулась толпа, распалась. Немногие на месте остались, остальные побрели прочь, навстречу безумию, навстречу Смерти... Страшной смерти, дурной. Стоило переплывать Океан, стоило выжить под Троей...

...Троя. Жужжание стрел, неровный, распадающийся строй, отчаянное «Бежи-и-им!».

— Эмбатерия! — прошептал я одними губами. — Эмбатерия...

Опомнился. Глубоко вдохнул ледяной промозглый воздух:

— Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья,
Родину-мать от врагов обороняя в бою!

Тишина в ответ — мертвая, страшная. Но вот чей-то голос, неуверенный, хриплый:

— Родичи, братья мы все необорного в битвах Геракла.
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!

Откликнулись! Сперва негромко, недружно, растерянными слабыми голосами, затем все звонче, все сильнее:

— Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланцев кончины —
Милыми, как нам милы солнца златого лучи!

Равнялись ряды, светлели лица. А эмбатерия гремела уже во всю мощь — над белой пустыней, над ненавистным серым туманом. Замер Океан, затаился, даже ветер стих. И уже не безумная толпа — войско стояло ровными шеренгами у заледенелых кораблей.

— Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступать между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;
Труса презренного честь гибнет мгновенно навек!

Давний, страшный напев звучал над седым Океаном. Эмбатерия, песня Смерти — песня победы. И в первый раз я по-настоящему поверил, что выжившие — выживут.

— Срамом покрыт и стыдом мертвец, во прахе лежащий,
Сзади пронзенный насквозь в спину копья острием!..

— По корабля-я-ям! Земля уже близко! По корабля-я-я-ям!

Ударили в лед эмбаты — с треском, с грохотом. И кинулось прочь, в ледяную даль, не нашедшее поживы Безумие.

— Добрая слава ахейцев в веках никогда не померкнет,
В царстве Аида живя, будем бессмертными мы!..

В царстве Аида живя, будем бессмертными мы!

* * *

К вечеру лед остался позади. А еще через два поворота клепсидры впередсмотрящий на «Фесте» увидел вдали серое неровное пятнышко...

— Встречай нас, даль океанская,
Туманом серым встречай!
Найдем страну мы счастливую,
Там, за кромкой земли!
В стране той небо безоблачно,
Царит там Век Золотой,
Там горя нет, даже смерти нет,
Там мы счастье найдем!

На этот раз никто не кричал «Земля!», никто не прыгал в воду с черных бортов, не спешил прижаться лицом к зеленой свежей траве. Медленно, грузно, один за другим, мы шли по сходням, неуверенно пробовали ногами серый песок и только затем, словно все еще не веря, трогали пальцами долгожданную твердь, смотрели на солнце, даже не щурясь, не прикрывая глаза ладонью.

...Безлюдный пустой берег, опушка зеленого леса — и мы, слишком усталые, чтобы радоваться.

Я присел на теплую землю, сорвал травинку, вонзился в стебель зубами. Сейчас бы закричать, завыть, завопить от восторга... Но только шепот из горла.

— Ну что, Минос Идоменей, курет критский? Дошли?

Минос, наследник Миносов, сидит рядом — и тоже травинка в руке. Улыбается.

— Посмотри, Диомед! Туда, в море!

Меньше всего хочется оборачиваться. Будь ты проклят, серый туман!..

...Нет больше тумана. Знакомая винноцветная гладь, белокрылые чайки в голубом прозрачном небе, маленький островок вдали.

— Там Эллада! — смешно морщит нос критянин. — Всего полдня пути, Тидид! Понимаешь?

Понимаю. Мы прорвали плоть Номоса. Прогрызли. Пробили лбами. Нет больше Океана, только знакомое, такое родное море, только белокрылые чайки...

— А я как чувствовал! — смеется Любимчик, падая рядом с нами на траву. — Вчера воды океанской набрал...

— Зачем? — поражаюсь я.

— Ну... не знаю даже, — Одиссей моргает, недоуменно чешет затылок. — А вдруг это... пригодится?

Рухнул хохот с небес. Рухнул, бросил нас на землю, протащил по пахучей траве.

— П-пригодится! Ты слышал, да? Пригодится, а? Ну, Любимчик, ну, учудил!..

И вот уже хохочет весь берег, и оживают лица, живыми становятся глаза, тает лед, сковавший сердца. Серый песок, зелень близких крон, голубое чистое небо...

...Нас встречали. Из-за ближайшего дерева выглядывал черный нос.

— Радуйся! — сказал я носу.

Дернулся нос, вперед подался. Улыбнулась мне серая волчья морда. Улыбнулась, зубы оскалила.

— Р-р-р-ра!..

Я присел рядом, поглядел в лукавые веселые глаза.

...Никогда не думал, что звери могут подмигивать!

— Меня зовут Диомед. А тебя?

— Гр-р-рес! — ответил волк.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

ЗОЛОТОЙ ВЕК

СТРОФА-I

Наперегонки с волками — дело, считай, безнадежное. Особенно в лесу. Впрочем, я и не пытался.

Серые тени неслышно скользили рядом, то приближаясь, то вновь исчезая в вечернем сумраке. Время от времени кто-нибудь из самых молодых нарочно оказывался рядом, легко касаясь жесткой шерстью колена и затем вновь устремляясь вперед. В веселом оскале так и слышалось: бежим, человек! Но я лишь качал головой на безмолвное приглашение. Лес мы любим одинаково, но я все-таки не волк.

Пока еще.

Вожак — постарше и посерьезней — уверенно шел впереди, выбирая удобную тропу. К моему шагу он давно уже приноровился и теперь даже не оборачивался, зная, что я не отстану. Хотя и ему явно хотелось кинуться вдаль на всех четырех, не разбирая дороги, прямо в самую чащу.

— *...Да это же так просто, регус! Мы тебе покажем, это каждый сумеет. Смотри: руки расставляем, упираемся в землю...*

Они очень удивлялись, что я не хочу стать волком. А в то, что не могу, — не верили. Ведь волком в этих краях мог стать каждый.

Ветка-предательница хлестнула по щеке, заставив остановиться и поглядеть наверх, на почти исчезнувшее за густыми кронами вечернее небо. Кажется, Солнцеликий уже ушел на покой. Пора и нам. Все равно раньше завтрашнего полудня до цели нам не добраться.

— Привал!

Волк-старшой поднял левое ухо, замер, затем согласно кивнул.

— Гр-р-р-р!..

Тени метнулись во все стороны. Миг — и двое серых уже нетерпеливо пританцовывали, тыкая мордами куда-то в сторону. Все ясно — поляна. Остальные веером унеслись в темноту, и я заранее не позавидовал косуле, которая решила погулять этим вечером.

Хорошо в лесу одному. А с волками — еще лучше!

— *...Нет, ты видел, ванакт Диомед, видел? Бежит, понимаешь, волк, большой такой, серый. Бежит, значит, да? Потом лапами в землю упирается, да? Через голову переворачивается, да? А встает — человек! Ва-а-ах!*

— *Ну, волк, ну, переворачивается. После того, что мы уже видели, Мантос!..*

— *Э-э нет! Все равно — ва-а-а-ах!*

* * *

— Нет, регус, тут спокойно. Здесь певкеты живут, но они лес не любят. Землю они ковыряют...

Дружный смех покрыл слова Греса, старшого гетайра. И действительно, что может быть смешнее, чем ковыряться в земле? Кроты — не волки.

Костер, косуля на вертеле (та самая, что погулять вышла), крепкие плечистые ребята у огня, ночной разговор. Прямо как у нас в Арголиде, где-нибудь возле Эгины Апийской, разве что на моих гетайрах — ни клочка одежды. Волки холода не боятся, даже когда они люди. И оружия нет. Зачем оружие, если человек в любой миг может стать волком?

— Мы, давны, их сильнее! Мы каждый год осенью на их села набегаем. Они, регус, сами девушек к нам выводят. Ох и весело!

— Расхвастались! — хмыкнул я. — А кого это от мессапов пришлось спасать?

— Ну-у-у-у!.. — совершенно по-волчьи протянули парни. — Так то мессапы, регус. У них оружие из звонкого камня!

«Звонкий камень» — бронза. Волки-давны боялись всего «звонкого» — меди, бронзы, даже золота. Их девушки носили ожерелья из полированных камней. Впрочем, это не было самым странным в волчьем краю. Но я привык — к чему только не привыкаешь? Три года — не один день.

С давнами мы подружились сразу, в первый же вечер, когда

к нашим кострам на берегу вышли веселые улыбающиеся парни, волоча за собой свежую дичину. Для давнов все было совершенно ясно: из-за моря приплыли «деусы», а с «деусами» всегда лучше ладить. Тем более мессапы-злодеи как раз собирались в очередной поход, бряцая страшным «звонким камнем».

«Деусы» — боги. Я уже не удивлялся — не впервой.

Мессапов мы распугали одним видом нашей фаланги, наложили на них дань тяжкую (по две коровы да по дюжине овец с каждого села), после чего можно было устраиваться в земле давнов хоть до конца времен. Я так и поступил. Волчий край — не худшее место в этом Номосе. А может быть, и лучшее. Особенно когда вокруг — Золотой Век. Настоящий, не тот, Позолоченный, что радовал Элладу между спартанским сватовством и троянской бойней.

Золотой Век...

— Регус, тут я лесную встретил. Молоденькая такая! В кусты побежала. Догнать?

— Я тебе догоню! — нахмурился я. — За девками бегаем, гетайр?

Парень обиженно засопел. За «лесными», «речными» и «озерными» он был не прочь бегать целый день. В этом давны ничуть не уступали моим куретам. Иногда приходилось оттаскивать наиболее горячих за уши — когда за человечьи, а когда и за волчьи. «Лесные» и все прочие убегали с громким визгом — чтобы преследователи ни в коем случае не сбились со следа.

Волк — первый парень в лесу!

— Регус Диомед! Диомед Маурус! Расскажи что-нибудь! Расскажи! Расскажи! Сказку! Сказку!

Для этих парней сказкой было все: и близкая Эллада, и далекая земля хеттийцев. А уж когда я начинал про Трою!..

— Расскажи нам про волка Ахилла! И про волка Аякса! Как они с волком Гектором дрались!

Люди — волки. И волки — люди.

Золотой Век.

— *...Ну что, богоравные, приплыли? Или дальше поплывем?*

— *Я на север отправлюсь, Диомед. Там, говорят, места очень на Троаду похожи.*

— *Ясно, Гелен. Эней?*

— *Я на запад. Меня латины зовут, просят помочь против рутулов.*

— *Протесилай?*

— *Я с Энеем.*

— *Мужи-шардана?*

— Хе! Тут остров есть рядом. Большой! Говорят, там виноград хорошо растет. Вино будет — в гости приезжай!

— Идоменей?

— Пока останусь. Построю новые корабли, а там видно будет.

— Подалирий?

— Я тоже тут поживу. Повальная ликантропия[1] *— о таком даже мой отец не рассказывал. Надо будет изучить!*

— Калхант?

— Бо-о-о-оги-и-и! Вели-и-икие-е-е бо-о-о-оги-и-и!..

— Понял. Одиссей?

— Мне все равно, Тидид. Все равно...

Мы заселяли новую землю. Землю, не имевшую даже имени.

* * *

Храм оказался обыкновенной хижиной, только круглой. Тростниковая крыша, кое-как слепленные из кирпича-сырца стены. Того и гляди завалится!

— Здесь?

Волки переглянулись. Грес-старшой кивнул, покосившись на хижину с некоторой опаской. Короткий, словно обрубленный, хвост, до этого уверенно торчавший вверх, дрогнул. Да и остальные не спешили приближаться к покрытым белой известкой стенам. Кажется, здешнего «деуса» побаивались.

Волки не боятся волков. И людей не боятся. Вот боги — дело другое.

— Привели?

В ответ — жалобное блеяние. Двое серых подтащили за шкирку насмерть перепуганную овцу. Спрашивать, у кого они ее купили (купили! ха!) посреди леса, я не стал. Не поймут!

— Ждать здесь. Внутрь не заходить.

Волчьи морды согласно закивали. Все-таки страшновато моим давнам. «Деусов» в здешних краях много, за каждым кустом, но Тот, Кто живет в этой хижине, — особый. Так что лучше в сторонке постоять!

Из полутьмы тянуло сыростью. Хижина явно нуждалась в очаге...

— Радуйся! — негромко сказал я сырому сумраку и тут же поправился: — Будь силен!

---

[1] Ликантропия — по представлениям древних греков, болезнь, из-за которой люди превращаются в волков.

В Элладе желали встречным радости. Тут предпочитали силу.

В ответ — жалобный стон. Несчастная овца, кажется, уже догадалась, зачем ее притащили сюда.

Пусто!

Иного я, признаться, и не ожидал, потому и не спешил идти в этакую даль (этакую — по здешним понятиям, само собой). Но делать нечего! Раз пригласили...

— Деус Патер, Отец Молний, к тебе пришел я, Диомед, сын Тидея, прозываемый в этих местах Маурусом Великое Копье. Прими же то, что я даю!

В этот миг я сам себе казался Калхантом.

(Бо-о-о-о-о-оги-и-и-и!)

Кремневый нож лежал тут же, на неровном грязноватом камне. Как и дрова. Все-таки очаг здесь имелся. Овцу было жаль, но что делать? Раз Диомеда, регуса давнов, позвал сам Отец Молний, отказываться не стоит. Даже если хижина пуста.

Хоть пообедаю!

...Дрова оказались сырыми, растопки, даже клочка коры, я взять не догадался. Оставалось помянуть Дия Подземного...

— Сейчас! Сейчас!

Что-то белое скользнуло между моих пальцев. Белое, горячее. Я едва успел отдернуть руку.

Ай!

Дрова уже пылали — дружно, с веселым треском.

— Не топят! И прошу их, и пугаю. Все равно не топят! Ну что стоит раз в день очаг зажечь?

Невысокий седобородый старичок в длинном хитоне (в «тунике» — по-здешнему) присел к огню, протянул ладони. Я оглянулся. Спрятаться тут, конечно, можно (хоть бы за тем истуканом у входа), но вот дрова!.. Ловко получилось!

— Ну, чего стал? Пришел жертву приносить — так приноси! Жарь! Жарь!

Старичок облизнулся. Кажется, местные не только с очагом промашку давали.

— Только смотри, чтобы не подгорело! — Жрец (а кто же еще?) недовольно засопел. — А то придут, языком молотят, а мясо-то горит! Жалко!

И — снова облизнулся.

Священнодействовали — обедали тож — все на том же камне. Точнее, обедал он — я благоразумно решил подождать. Старичок чавкал, давился, вытирал жирные руки о бороду...

— Лепешка есть? А вино? Ну так давай, давай!

Я раскрыл мешок...

— Все давай!

Полупустой бурдюк шлепнулся о камень.

— Гло-гло-гло-гло!..

Я постарался не улыбнуться.

Отца Молний здесь уважали — и даже побаивались, хотя, как по мне, Он, Деус Патер-Юпитер, ничуть не напоминал моего Деда — Настоящего Деда. Титанов не сражал, нимф не выкрадывал, в быка не превращался. Просто гремел да сверкал. Но молния — сила, а тут уважали силу.

Будь силен!

Видать, проголодались здешние жрецы, потому и позвали к себе правителя волков-давнов. Лишняя овца желудок не тянет. А ежели умело дело повести (Бо-о-о-о-оги-и-и-и-и!), так и целым стадом можно разжиться!

— Уф! Хорошо! Уважил!

Само собой, это сказал не я. На мою долю остались лишь кости. А ведь овца была немаленькой, побольше любого волка! Старичок внимательно осмотрел залитые жиром ладони, неуверенно поднес их к бороде. Подумал. Потом вздохнул и вытер о тунику.

— Ну ладно, Маурус, давай проси. То есть, это... Во, моли!

Падать на колени я не стал. Вставать — тоже.

— Я хотел просить... молить Отца Молний...

— Величайшего! — сварливо поправил он.

— Величайшего Отца Молний о... м-м-м... великой милости...

— Милости! — вновь буркнул старикашка. — Всем милость подавай! Тебе чего, дождя или наоборот?

Все-таки я не выдержал — улыбнулся.

— Я прибыл с моим народом из страны, которую вы зовете Краика, а мы — Эллада. Я хотел бы просить... молить Величайшего о разрешении поселиться здесь, на этой земле...

В ответ — возмущенное сопение.

— Молить! Сами живут уже, почитай, три года, а хоть бы ягненка прислали! Ладно, чего уж там, живите. Это самое, как его... благословляю!

Старичок вновь внимательно оглядел ладони, поднял их вверх. Громыхнуло. Не очень сильно, но чувствительно. Умеет!

...А все-таки странно! Хоть бы для порядка спросил у своего Величайшего. Наши жрецы все время на НИХ кивают. Видать, овца больно вкусная попалась!

Простая жизнь здесь, в Золотом Веке!

— Это не болезнь, Подалирий. Они просто — волки. Люди-волки.

— Ну да! Типичная ликантропия. Пандемия![1] Источник заразы, думаю, где-нибудь в болоте. Комарья тут! А вообще, места любопытные, не зря я сюда подался. Редкие формы жизни, идеально приспособленные к условиям леса...

— А тебе не кажется, Асклепиад, что это не редкие формы — это просто боги. Наяды, дриады...

— ...Сатиры и еще эти... фавны! Ну-ну! Скажи лучше — Золотой Век! Боги еще не ушли на небо, живут вместе с людьми, за одним столом обедают... Сказка!

— А тебе не хочется поверить в сказку, Целитель?

...Один глоток вина мне все-таки достался — вместе с клочком лепешки.

— Величайший Отец Молний Деус Патер разрешает мне удалиться?

— Ты куда? — Старичок даже подскочил от негодования. — Ишь, выдумал! Я тебя, понимаешь, это... благословил, а чего взамен?

Ну вот, сейчас стадо попросит!

— И сколько Величайший желает получать голов?..

— Овечьих! — быстро добавил он.

И вновь я усмехнулся. В этой земле договор свят — от слова до слова. Но ведь я мог бы прислать этому обжоре и головки чеснока...

— Овечьих! — повторил он. — Много! И вина — побольше, побольше!.. Но только ты, Диомед Маурус, овцами да вином не отделаешься. Это люди овец присылают. А ты не человек — бог, с богов особый спрос.

Ну конечно! Маурус Произрастатель, Маурус Охранитель Стад, Маурус Великое Копье. Наслушался! Вначале отругивался, потом рукой махнул. Пусть себе! Но ведь этот, с бородой в жире, не лесовик в шкуре звериной — жрец!

— Я не бог, я такой же человек...

— Это у тебя в твоем Ординарии ты человек. А здесь — строго бог!

В Орди... где?

— Потому и служба тебе будет как деусу. А то что выходит? Попал в наш Ординарий, поселился без спросу...

И тут до меня только дошло. Ординарий — Упорядоченный, Связанный Законом.

---

[1] Пандемия — массовая эпидемия.

Номос!

— ...Ну что тебе здесь не нравится, Лаэртид? Город строим, поле вспахали, «телепина» гоняем. Где ты такую землю еще найдешь? Здесь же не воюют почти. Тут людей в жертву не приносят!..

— Этого мало, Тидид!

— Ну... Море рядом, строй корабли...

— Легкий ты человек, Диомед. Для тебя любой Номос — родной.

— А для тебя, Одиссей?

— Мой Номос — Итака...

— ...Значит, Маурус, тебе такая служба будет. Надо Ординарий наш не хужее прочих сделать. Понял?

Я все еще не верил. Этот, с грязными ладонями, знает о Номосах? Обжора-жрец из глиняной хижины? Откуда?

— А то чего получается? В других Ординариях и города есть, и эти... храмы из камня, и дороги. Там люди по законам живут, богов почитают, овец каждый день несут!..

Ну конечно! Овцы — первое дело.

— А у нас знаешь чего говорят? Жизнь и кровь за богов и отчизну — но не зерно. И не овец, понятно. Да не смейся ты, Маурус, вот оголодаешь, сам поймешь!..

— Города мы строим, — едва не подавившись воздухом (грешно, конечно, в храме смеяться!), вздохнул я. — И дороги строим. А вот законы, храмы... Люди сами должны прийти к этому.

— Ага! Как же! Сами! — Седая борода возмущенно задергалась. — Когда ты, Маурус, Ординарий Востока завоевал, когда тамошним регусом сделался, так небось людей не спрашивал!

И об этом знает! Откуда? Но стало ясно — шутки кончились.

— Так чего же хочет Величайший? Чтобы я огнем и бронзой покорил всю эту землю? Создал царство, поставил всюду своих воинов, согнал всех строить храмы...

Не договорил. Уж больно вид у старичка жалким сделался.

— Ты... Ты чего пугаешь, а? Огнем, бронзой... Тут человека в драке убьют — уже горе. Наши-то тоже хороши — воевать друг с другом принялись. Еще пару веков назад тут никто и не воевал. А теперь село захватят, скот порежут, девушек обидят... А самих побьют — плакать начинают, куда, мол, Ты, Юпитер, такой-этакий, глядел!..

— Можно по-другому, — не возражал я. — Нужен общий враг. Тогда люди сами объединятся...

— Ни-ни! — Вновь дернулась седая борода. — Не надо врагов! Ты, Маурус, так сделай, чтобы воевали поменьше и ссори-

лись поменьше. А храмы чтобы строили. И города. И чтобы эти.... корабли были. И чтобы на камнях значками рисовать умели — на память. Чтобы, значит, не хужее всех прочих мы стали. Понял?

— Понял, — кивнул я уже без улыбки. — Тяжкую службу поручил мне Величайший! А если не смогу?

— А ты постарайся! — Грязный палец величественно поднялся вверх. — Очень постарайся! За то тебя, Маурус, всюду чтить будут. Станешь ты великим богом, после Отца Молний — вторым. Обещаю!..

И вновь громыхнуло — уже посильнее. Белая молния ударила совсем близко — прямо у отворенной двери. С кем же я все-таки говорю?

— Вторым — это понятно, — согласился я. — Мне это уже когда-то обещали... А может, Величайший кого-нибудь другого найдет?

Новая молния вонзилась в землю у самых моих ног.

— ...Что за вопрос, Диомед? В Гесперии мы живем!

— Э нет, Одиссей! Тидид прав. Гесперия — это просто Западная Земля. А для нас теперь она — родина. Эллада! Давайте так и решим: Великая Эллада.

— Размахнулся, Подалирий! Скромнее надо. Новую землю называют по какой-нибудь примете. Вот здесь, например, быки здоровенные, прямо как у нас, на Крите. Так и назовем: Бычья Земля.

— Кому что, а Миносу быки! Еще скажи: Минотаврова! А по-моему, тут на Этолию очень похоже. Пусть будет Новая...

— Ну конечно, Диомед! Город ты уже Аргосом назвал, теперь, значит, Этолию тебе подавай. А почему не Новая Итака?

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

— Чего смеетесь? Чем Итака хуже? Ну... пусть хоть с «И» начинается!

— Ха-ха-ха-ха-ха! Иллада? Исперия?

— Италия.

— А-а... А почему Италия, Тидид?

— Начинается с «И», на «Этолию» похоже, а все вместе: Земля Телят. Маленьких быков, значит.

— Италия? Да кто же такое запомнит, Диомед?

* * *

Волки проводили меня до опушки. Дальше начиналась дорога — ровная, вымощенная тесаным камнем. Я шагнул вперед, оглянулся. Отворачиваются серые, к деревьям жмутся. Даже Грес, самый смелый, куда-то в сторону глядит.

— Ну, чего вы боитесь? — вздохнул я. — Там город, там мы живем. Ничего там страшного нет!

— У-у-у-у-у-у!

Один из давнов нерешительно выбежал на дорогу. Лапы ступали так, словно камень раскалили докрасна. Выбежал — назад отошел. Боятся! Каменные улицы, каменные башни, каменные дома. Место, где живут «деусы», где полным полно всего «звонкого», где не спрячешься в чаще, не умчишься в глубь родного леса.

...Не скоро давны начнут храмы строить!

— Пошли! Пошли! — махнул я рукой. — Тоже мне гетайры. Вот позову певкетов, они не боятся!..

— У-у-у-у-у-у!

Подействовало! Сначала на дорогу ступил Грес-старшой (с поджатым хвостом), затем остальные. А ведь копьями (деревянными, с обожженными наконечниками) давны работают неплохо — когда не волки, само собой. И лучники сносные, сам Любимчик подтвердил. Но вот бронзовый меч в руку не возьмут.

— Пошли!

Камень ударил в подошвы. Я поглядел вперед, где на высоком холме белели высокие круглые башни.

Улыбнулся.

Аргос!

Мы все-таки построили тебя, Аргос Гиппион — Аргос Конеславный! Вон и Ларисса на самой вершине, и стены будущего храма Зевса Трехглазого...

...А еще лучше — Юпитера Трехглазого. Нечего моему Деду сюда пятою ступать!

Невелик, конечно, Аргос Конеславный. И домов мало, и улицы только камешками по земле выложены. Строить еще и строить. Но все-таки!..

А на севере, в земле генетов, растет Новая Троя Гелена Приамида, а на западе Эней-Саженец недавно освятил первые камни Лавиния. Может быть, и вправду родится Италия — новая страна?

Я оглянулся. Волки исчезли. Дюжина крепких парней — грустных, с опущенными головами — брела по дороге.

Привыкайте, ребята!

* * *

— Э-э-э, Диомед-родич! Обида у меня, Диомед-родич! Нас, куретов, с собой не берешь, других берешь, да? Понимаю, конечно, все понимаю, да только обидно очень! Ладно, ванакт, как скажешь, ванакт, учить их буду, волков этих, но все равно — обидно!

— Чего такой веселый, Подалирий?

— Мы тут фавна сетью поймали, сейчас я его изучать буду. Ну, забавная зверюга! Налил я ему в миску вина...

— Да ты что, Асклепиад? Отпусти его немедленно! Он же... бог!

— Скажешь еще! Это форма жизни, идеально приспособленная...

— У нас только пятьсот воинов, ванакт, две колесницы, сорок лошадей....

— И еще волки, лавагет Ром Эматионид!

— Волки — это хорошо, дядя Диомед. Да только море открыто. Приплывут, скажем, финикийцы... Я все-таки попытаюсь уговорить давнов, чтобы в наше войско вступали...

— У-у-у-у-у-у!

— Ты чего, дядя?

— Ничего, Ром. Я просто представил себе фалангу волков. С копьями в зубах...

— Волки слева, волки справа —
Волчья тут у нас держава!
Нет троянцев ни души,
Зато девки хороши!
Хей-я-я-я-я! Хей-я-я-я!

* * *

Я разгладил ладонью хрустящий папирус, придавил края камешками. Медный Номос удобнее, да где его здесь взять — медный? Хорошо хоть папирус нашелся.

Неровные берега, извилистые линии рек, редкие кружочки городов. А все вместе — на эмбату-сапог похоже.

Италия!

Дворцом я и тут, в Конеславном Аргосе, пока не обзавелся. Успеется! А вот Палата Свитков у меня уже есть. Точнее, не Палата — Башня. Недостроенная, правда. И свитков мало. Вон на полке полторы дюжины, это если с табличками считать. Никто не пишет регусу Дамеду. Редко-редко от Энея послание придет, да Гелен иногда приветы посылает. Ну, еще шардана со своего острова.

Волки писем не пишут. Все прочие... м-м-м... италийцы? итальянцы? — тоже.

...Вот они, разбежались по Италии-эмбате! Лигуры и генеты на севере, южнее — тиррены и пицены (ох и разбойники!), а вот и Энеев Лавиний в земле упрямых латинов. Ну, а здесь, на юге, там, где носок с каблуком, со счету сбиться можно: брутии, луканы, усмиренные нами мессапы (вздрогнули все соседи, про тяжкую дань услыхав — две коровы в год, шутка ли?) — и мои давны, конечно.

...И все друг с другом грызутся! Хорошо хоть, оружия настоящего почти ни у кого нет!

Когда мне дядя Эвмел про Золотой Век рассказывал, про то, как боги с людьми за одним столом сидели, почему-то не думалось, с каких корыстей все эти тельхины с гелиадами жили-поживали. Да чего тут думать? С деревьев плоды свисают, пшеница сама собой колосится, в реках молоко с медом течет... А как города в Золотом Веке строить, если тут, на юге, только и умеют, что глинобитные хижины лепить? Здесь даже календаря не знают!

...Ну, с календарем пусть Калхант-боговидец разбирается, его это дело, а вот все остальное...

Камешек отлетел в сторону, упругий папирус подпрыгнул, упал на пол... Не давалась в руки Италия-эмбата. Тяжкую службу поручил Маурусу Великое Копье Отец Молний!

* * *

Почему-то за эти годы мне почти не снилась Ахайя. Снился Кипр — Медная Рыба, Сирия снилась, даже Кеми, где я никогда не бывал. А вот Аргос не снился — как отрезало. Может, так оно и лучше. Меня-прежнего, мальчишки с Глубокой улицы, давно уже нет. Не я-прежний плыл через Океан, не я-прежний строю Новый Аргос среди волчьего леса.

Но в эту ночь...

— Капанид! Ты чего молчишь, богоравный?

Мы идем с моим другом по нашей улице — давней привычной дорогой. От Трезенских ворот до храма Афины. Мимо могилы Арга, мимо маленького храмика Елены, мимо Царского дома — пустого, заколоченного старыми трухлявыми досками, мимо черного провала Палат Данаи, мимо дома, где жили мы с папой, мимо соседнего, где жил дядя Полиник, — и дальше, к дому дяди Капанея, к старым колоннам храма Сальпинги Победоносной...

Вечер, пуста Глубокая, закрыты деревянные ставни.

— Сфенел! Да чего ты молчишь?

Не отвечает мой друг репконосый, богоравный басилей, потомок царственного рода Анаксагоридов. Даже на меня не смотрит. Странный такой. Чужой...

— Постой, Капанид! Погоди! Из-за чего мы поссорились? Из-за венца царского? Ну дурак я, конечно, надо было сразу понять, что нечего мне на троне делать, что не я — ты законный ванакт. Неужели ты все эти годы обиду копил?

Молчит Сфенел, сын Капанея Исполина, мой лучший друг. Беззвучно ступают сандалии по пыльному камню.

— Будь он проклят, это венец! — кричу я. — Проклят! Я не хочу больше править, не хочу, чтобы золото голову пекло! Я ведь сам ушел из Аргоса, сам!..

Глохнет крик в вечерних сумерках. И тут я понимаю — что-то не так. Совсем не так. Глубокий старец идет рядом со мною. Беззвучно упирается в камень мостовой деревянная клюка, в никуда глядят незрячие, навек погасшие глаза.

— Сфенел!..

Остановился, медленно-медленно повернул голову.

— Ты прав, Тидид... Проклят!.. И все без толку. Помнишь, дядя Амфиарай говорил...

Сгущается тьма, и уже не мы — тени в Аиде скользят мимо Белого Утеса.

— Капанид... — шепчу я. — Не надо, не надо...

Не откликается тень.

* * *

Хорошо, когда много забот. Хорошо, когда не надо сидеть лицом к югу, а надо метаться ткацким челноком, надо поспевать всюду, думать обо всем сразу.

...И не вспоминать.

— Значит, так, Калхант. С сегодняшней ночи — не спать, на звезды смотреть. Нужен календарь, но не наш, а такой, чтоб к этим местам подходил. Чтобы лето — летом было, весна — весной...

— Бо-о-о-оги-и-и-и! Великие-е бо-о... Гм-м-м... Да я уже думал, Тидид, даже со жрецами здешними толковал. Есть у них

календарь, только очень неточный. А сколько месяцев в году будет? У нас — двенадцать, а у них восемь.

— А почему — восемь?

— Грес! Поговори со своими, особенно с теми, кто помоложе. Хватит нам раздельно жить, поселяйтесь в городе.

— Ау-у-у-у-у-у!

— И не «ау-у-у-у-у»! Мессапы, слыхал, тоже город строят, уже частокол поставили. И певкеты потихоньку город свой лепят. Больше вам за девицами осенью не бегать! Вот пошлют они корабль за море, накупят бронзовых мечей...

— Ау-у-у-у-у! Ну почему ты не хочешь волком стать, регус Диомед? Волком жить так хорошо!.. А у меня свой дом в городе будет?

— Посольство от брутиев, ванакт. Они начали войну с луканами, просят помочь...

— Посольство от луканов, ванакт. Они начали войну с брутиями, просят помочь...

— Нет, ванакт Диомед, стену цельную, из камня, строить не будем. Сам знаешь, всякую стену тараном пробить можно. Поэтому мы с двух сторон каменный панцирь сделаем, а между ними камни поменьше положим со щебенкой вместе да известкой зальем. И к башням стены впритык идти не должны. Сотрясет Посейдон землю, все вместе и рухнет. Поэтому оставляем зазор...

— Ты бы, Тидид, к Одиссею зашел. Не то что-то с ним. Заперся, никого не пускает...

Хорошо, когда много забот! Хорошо, если нужно думать обо всем сразу, когда можно не вспоминать, не вспоминать, не вспоминать... Но Прошлое уже шло ко мне, ступало широкими шагами, оно было уже совсем рядом, совсем близко!..

— ...Ну что ж, это когда-нибудь должно было случиться, Идоменей. Значит, Западный Номос теперь открыт не только для нас, но и с востока, из Эллады?

— Еще не знаю. Мы эти корабли в море встретили, на полпути... Думаю, об этом лучше пока не говорить.

— Ты прав, Минос. Есть у Пана одна очень вредная дочка... Так откуда, говоришь, корабли? Из Пилоса? И что они везли?

— Везли, Тидид... вести. Из Аргоса вести...

— Не надо... Не хочу слышать!

— Эту придется выслушать, Диомед. В Аргосе ты объявлен узурпатором... тираном, захватчиком престола. Надписи с твоим именем уничтожены, твой дом...

— Идоменей!

— Это не все. К сожалению. Ванактиса Айгиала, дочь Амфиарая Вещего, твоя жена...

— Идоменей...

— ...казнена по повелению Сфенела Капанида, басилея Аргоса. Мне... побыть с тобой, Диомед?

— Нет, я... я лучше один... Лучше сам...

«Ты... мой супруг! Богами... богами данный!.. Понял? Ты будешь сеять только в меня! Я — твоя жена. Твое семя — мое!..»

«Ты слишком долго не возвращался, Диомед... Слишком долго... Знаешь, может быть, я смогла бы тебя полюбить...»

Мы никогда не ладили с тобой, ванактиса. Но ты была моей женой. Увы, это помнил не только я...

* * *

— Уеду! — бормочет Любимчик, пустую амфору критскую ногой по полу катая. — Уеду, уеду... Уеду!

Камнем из катапульты врезалась в стену ни в чем не повинная амфора.

Вдребезги!

— Здесь... Здесь мне кажется, все время кажется, будто Итака совсем близко, я даже на море смотреть не могу, Диомед, все боюсь, что дом увижу...

Зря я к Одиссею зашел! Свое у него на душе — неподъемное. Да вот только идти было некуда.

— Я трус, Тидид, понимаешь? Трус! Надо было плыть на Итаку, надо было всех их перерезать, передушить, передавить...

— ...На воротах повесить, — вздохнул я.

Десять дней висел в воротах Лариссы Неприступной труп Айгиалы. А потом почерневшее тело ванактисы выбросили псам. За что ты мстишь мне, Сфенел? За венец ванакта? За свою Астарту? Или ты просто завидовал мне, Дурной Собаке?

Не услышал меня Одиссей. Не до того ему.

— Тебе хорошо, Тидид! Ты всюду свой, тебе любая земля

родной становится, ты не понимаешь, что такое дом, жена, семья!..

— Не понимаю, — вновь соглашаюсь я.

Уткнулся Любимчик лицом в ладони, головой рыжей мотнул.

— Уеду! На запад, к Энею и Протесилаю, буду на Океан смотреть! Лучше Океан, чем... чем...

Вино, густое, лучшего местного винограда, почему-то отдавало гнилью...

Прощай, Айгиала!

Хайре!

И ты, Сфенел, прощай...

...И не было сил даже поставить чашу, даже уронить ее на пол. Почему я не остался на Фимбрийской равнине — вместе с малышом, с Аяксом, с Фремонидом Одноглазым? Прав Любимчик, все мы — трусы!..

И мама тоже права — нужно умирать вовремя!

— Эге, Диомед! Да чего с тобой такое?

Отвернулся я от его протрезвевшего взгляда.

— Ничего... Заживет!..

АНТИСТРОФА-I

Мы пришли слишком рано. Гелиос Солнцеликий еще не успел на своей золотой колеснице к полудню.

— Вольно-о-о!.. Щиты к ноге-е-е!

Обе сотни выстроились у опушки. Густой, подернутый осенней желтизной лес покрывал крутой склон, расползаясь влево и вправо, по всей горной гряде. Такое я уже видел — в Этолии и позже — в горах Антиливана.

— Лучники! — поморщился лавагет Ром, кивая на молчаливый лес. — Отойти бы подальше, ванакт!

Я пожал плечами. Беречься всегда надо, но здесь мы не враги — гости. Да и не пробьет стрела с кремневым наконечником панцирь — даже с полусотни шагов.

— А хороши, Тидид! — усмехнулся Идоменей, глядя на замершую фалангу. — Не зря учили!

Я тоже улыбнулся. Не зря! И пусть шлемы съезжают набок, пусть копья торчат, как пшеница после бури... Впервые я взял с собой в поход давнов. Уже не волков — людей. А ведь еще полгода назад они даже меч боялись взять в руки!

...А вот море давны до сих пор не любят — как я когда-то.

Зато певкеты и мессапы охотно топают по черным палубам. Недавно первая пентеконтера с моряками из вчерашних охотников и собирателей кореньев лихо прошлась вдоль всего побережья.

— Бронза! — уже без улыбки проговорил Минос Идоменей. — Понимаешь, Диомед?

Бронза?

— Олово хрупкое, медь — мягкая. Нас, ахейцев, мало, горстка всего. А они пока еще дикари. А вот вместе!..

Я поглядел на застывший у дороги строй, на молодые, слишком уж серьезные лица...

«Звонкий камень» на плечах таскать — не шутка!

— Еще не бронза, Идоменей. Но станут. И бронзой, и железом...

— Они пришли, ванакт!

Я кивнул. Солнцеликий в зените. Ожил желтый лес.

— Бар-р-р-р-р-ра-а-а-а-а-а!

Размахивали копьями, рассекали воздух деревянными палицами, трясли кремневыми топорами. Высокие, широкоплечие, в звериных шкурах, босые.

— Бар-р-р-р-р-ра-а-а-а! Бр-р-р-р-рути-и-и-и! Бар-р-р-р-р-р-р-ра-а-а-а!

Не строй — толпа. Но с такой толпой даже Золотые Щиты не спешили бы скрестить копья. Рядом негромко хмыкнул Ром Эматионид. Я понял его, моего лавагета. Почти половина тех, что нас встречали, — женщины. В таких же шкурах, с такими же кремневыми топорами.

Брутии — гроза здешних гор. Непобедимые, страшные, жестокие.

— Бар-р-р-р-р-ра-а-а-а-а-а!

Я оглянулся, поднял руку. Серебристым криком грянула труба. Глухо загремели бронзовые щиты.

— Ар-гос! Ар-гос! Дав-ны! Дав-ны! Дав-ны!

Знай наших!

Толпа замерла. Кто-то высокий, не в шкуре — в цветном, шитом золотом плаще, закосолапил ко мне.

Пора! Поправил фибулу на плече, шагнул навстречу.

— Будь силен!

— Бар-р-ра! Будь силен и ты, Маур-р-рус!

Плащ сидел на этом парне, как на быке, — женская хлена. Медвежья шкура была бы ему более к лицу.

— Пр-р-рисоединяйся к нам, непобедимым бр-р-рутиям, деус Маур-р-рус! Вместе мы р-р-расщелкаем этих тр-р-русов

луканов! Мы поделимся с тобой добычей, мы постр-р-роим тебе жер-р-ртвенник из камня, ты выбер-р-решь себе самую кр-р-расивую девушку!..

Ну конечно! За тем сюда и шел.

— Луканы недостойны называться людьми, называться мужчинами. Мы — не р-р-разбойники, деус Маур-р-рус! Те из луканов, кто достоин дер-р-ржать в р-р-руке копье, сами пр-р-риходят к нам!..

Брутии и луканы — извечные враги. Лесные охотники, живущие в шатрах из звериных шкур, — и пахари, умеющие строить большие села за густыми частоколами. От их постоянных войн содрогалась земля.

— Слыхал ли ты, деус Маур-р-рус, что подлые луканы дер-р-ржат в р-р-рабстве своих же сор-р-родичей, пр-р-родают их за долги в чужие кр-р-рая? А мы — вольные люди, мы — непобедимые бр-р-рутии!..

Распелся! А вот в последней войне эти самые подлые все-таки расколошматили непобедимых. Потому-то меня и позвали — для того, чтобы деус Маурус Великое Копье подсобил. Или...

— Если же ты пр-р-редложишь нам заключить мир-р-р, то этот мир-р-р должен быть поистине спр-р-раведливым — и в нашу пользу, ибо нет такой обиды, котор-р-рую бы не нанесли нам подлые луканы!..

Я будто бы случайно оглянулся, еще раз полюбовавшись ровным строем моих давнов. Детина в плаще тут осекся, принялся чесать пятерней свою буйную гриву.

Задумался.

Воевать я, конечно, не собирался — ни с теми, ни с другими. Но мирить давних врагов следовало только так — с войском за спиной.

Будь силен!

— Вот я и говорю, деус Маурус, что мир...

Ага, уже не рычит! Только вот беда — мирились брутии с луканами постоянно — и тут же вновь принимались за старое. Тут бы чего понадежней придумать!

...С этого я и начал — с соглашения о мире. К чему Великое Царство? Пусть каждый живет особо, но не режет соседа. Ссоры разбирал я лично — или посылал Идоменея. Все окрестные племена уже год как отложили копья в сторону — кроме этих.

— Так вот я и говор-р-рю, деус Маур-р-рус, что мир-р-р должен быть спр-р-раведливым!

Все-таки рыкнул напоследок! Но это ничего, а вот что луканы скажут?

— Луканы говорят, ванакт, что мир должен быть поистине справедливым — и в их пользу, ибо нет такой обиды, которую бы не нанесли им подлые брутии.

— Ясно, Ром!

— Тут такое дело, ванакт. Это два союза. Живут не очень дружно, давно бы, поди, разбежались, но война сплачивает и тех, и тех. Каждую осень брутии нападают на села луканов, чтобы захватить урожай. А зимой луканские вожди собирают молодежь и идут в лес — брутиев гонять. Кстати, луканы часто убегают к брутиям — если подати платить надоедает, а брутии...

— Да-а... А что, у луканов действительно продают людей за долги?

— Продают, ванакт. Но брутии тоже хороши!

— Вот и мири таких! Скажешь им, Ром, что где-то через месяц я вернусь и рассужу всех по справедливости.

— Они не знают, что такое «месяц», ванакт. Я им лучше на пальцах покажу.

Тяжкую службу ты задал мне, Отец Молний!

* * *

— Песню-ю запе-е-евай!

— Мы, давны, всех сильнее!
Мы, давны, всех храбрее!
У-у-у-у-у! У-у-у-у-у-у!

Горы кончились — вместе со звериными шкурами. Теперь слева от дороги негромко шумело море — то самое, винноцветное. Здесь, на западе Италии-эмбаты, уже строили города. Неказистые, за частоколом, с домами под камышовыми крышами, не города даже — городишки. Но все-таки!

— И днем, и темной ночью
Мы рвем врагов на клочья!
У-у-у-у-у! У-у-у-у-у-у!

Мы спешили — Эней Анхизид звал на помощь. Гонец рассказал, что владыка дарданский в последнее время начал прихварывать — да так, что даже плакать почти перестал. Видать, плохи у бедняги дела! На Одиссея надежды мало, говорят, все тоскует, все на море смотрит. А одному Чужедушцу не справиться.

— Мы — бравые ребята!
Мы — вольные волчата!
У-у-у-у-у! У-у-у-у-у-у!

И все-таки большое войско я брать не стал. Война — дело дурное. И безнадежное. Сегодня победишь, завалишь трупами поле, а завтра (послезавтра, через десять лет) сыновья тех, кого ты убил, соберутся, чтобы отомстить за отцов. Да и не хотелось воевать, когда вокруг Золотой Век! Много ли чести бросить сверкающую бронзой фалангу на тех, кто даже медь плавить не умеет? Все равно что детей бить!

— Пусть ждут враги нас в гости!
Обгложем мы их кости!
У-у-у-у-у! У-у-у-у-у-у!

Я вновь поглядел на близкое море, усмехнулся. Надо бы вспенить веслами воду! Давно хотелось вокруг Италии-сапога сходить, к шардана на их остров (его мы так и зовем — Шардания) заглянуть. Звали! А если Номос и вправду открыт с двух сторон, то самое время посылать вдоль всего побережья сторожевые кимбы. Береженого и Отец Молний бережет!

...Все эти годы никто из нас не пытался вернуться в Элладу. Большинство просто боялось, ведь за винноцветным морем мог снова начаться Океан! А мы, те, кто знал о Номосах, помалкивали. Но теперь, кажется, наш покой подходит к концу...

— Не выходить из строя-я! Ровнее, ровнее, идти в ногу-у!

— У-у-у-у-у-у!

* * *

— Освоился ты здесь! — хмыкнул я, поудобнее устраиваясь в огромном цельносрубленном кресле.

— Ага! — вяло откликнулся Любимчик. — Хороший дом, хоть и деревянный. И вино тут хорошее, лучше нашего. Попробуй!

Вставать он, впрочем, не стал — бурдюк босой пяткой ко мне пододвинул.

«Тут» — это в Лации, в Лавинии-городе, где правит великий регус (и деус!) Эней Основатель. Плаксой себя именовать дарданец строго воспретил.

— И чего ты здесь делаешь, Одиссей? — поинтересовался я, прикладываясь к бурдюку.

...Неплохое винцо!

— А ничего не делаю, — сообщил рыжий и потянулся. — Ежели спросят — совет дам...

Все ясно! Эней правит, Протесилай ему помогает, а Любимчик советует. Каждый при своем!

— Меня тут, Диомед, Янусом Двуликим называют, — в голосе Лаэртида промелькнуло что-то напоминающее гордость. — На воротах мою рожу гвоздями приколотили — деревянную!

— Если деревянную — это еще ничего, — рассудил я. — Могли бы и по-другому. Так чего там с Энеем? Меня к нему даже не пустили...

— Плохо с Энеем, — вздохнул Любимчик. — Расхворался совсем. А тут еще война эта...

Да, война. С соседями-рутулами договориться так и не удалось.

— Надо было Подалирия с собою взять...

Поглядел на меня Одиссей — равнодушно этак.

— Не поможет Подалирий. Кровью Эней харкает. Болтают, будто отравили...

Вот Гадес!

— Сделаем так, Протесилай. Я со своими ребятами пробегусь вдоль этой реки...

— Тибра, Диомед.

— Да какая разница? Хоть Тибра, хоть Тигра... Погляжу, что к чему, намечу подходящее место, если придется разворачивать войско. Как зовут басилея рутулов?

— Регуса, Тидид. Его зовут Турн, у него наш Плакса невесту чуть ли не с брачного ложа увел, оттого все и...

— Ясно!

— Старейшины рутулов против войны, но он как с цепи...

— Я думаю! Если невесту, да с брачного ложа!

— Только ты, Тидид, воду из Тибра не пей и другим не разрешай. Гадкая она, желтая...

— Желтая?

* * *

— Регус Диомед! Регус Маурус! Разреши, мы доспехи снимем, туники снимем...

Окружили меня давны. Глаза горят, языки от волнения подрагивают... Как хочется снова волком стать!

— Мы быстро пробежимся, все увидим, все узнаем! Регус Маурус, разреши!

Чуть ли не подпрыгивают. Так сейчас на четыре лапы и бухнутся!

— Отставить! — вздохнул я. — В этих местах оборот... таких, как вы, боятся. Что о нас скажут, а?

— У-у-у-у-у!

— Все! Строиться! Вперед — и с песней!

Песню, впрочем, так и не запели — от огорчения, видать.

Тибр действительно оказался желтым — желтее Скамандра. И несло от него болотом. Хорошо еще, по пути попадались ручьи, из которых не страшно было пить.

Шли третий день. Войско Турна пряталось где-то здесь, среди камышей и прибрежного леса. Но я не спешил искать врага — пусть найдет меня сам. На привалах мои давны хором (У-у-у-у-у!) орали, вызывая рутулов на переговоры. Может, еще удастся обойтись без крови...

— У-у-у-у-у-у-у-у-у-у!

Опять?

— Что такое, Грес? Чего орете?

— Сестричка, регус! Здороваемся!

Сестричка?

Волчица сидела под деревом. Старая, облезлая. Какая уж тут сестричка — бабушка скорее! Напугал ее вой — подпрыгнула, в чащу кинулась.

Вот обормоты!

Хотел уже объяснить моим голосистым, как с бабушками здороваться следует... Не успел. Не успел, потому что на дерево еще раз поглядел, возле которого волчица на солнышке грелась. Точнее — на деревья.

Сросшиеся.

А ведь знакомое что-то!

«...Увидишь волчицу у сросшихся деревьев — оглянись».

Но ведь ты шутил, Амфилох Щербатый!

Оглянулся...

Глядела из кустов бородатая рожа. Не волчья, понятно.

— Сто-о-о-о-ой!

— Они не рутулы, ванакт. Это сабины, у них тут на холме село.

— Ясно, Ром. Растолкуй им, если сможешь, что я...

— Они о тебе слыхали, ванакт. Слыхали и просят, чтобы ты их рассудил. С соседями никак разобраться не могут, у тех тоже село на холме стоит, но с другой стороны. Очень просят!

— У, Дий Подземный, еще и это! Вот что, Ром, возьми десяток парней, сбегай к ним и придумай что-нибудь. Скажи, что тебя послал Диомед Маурус Великое Копье и что твои слова — его слова. Потом нас догонишь.

— Да как их рассудить, дядя Диомед? Они говорят, что уже сто лет холм поделить не могут.

— Ну... Помнишь, в Аттике такое же было, пока Тезей не пришел. Собрал он всех спорщиков...

— ...И в одном городе поселил. Помню, дядя. Так что, город им построить?

— Еще чего! Борозду в земле пропашешь и копье воткнешь. Держи мое — страшнее будет. А строятся пусть сами. Все, Ром! Одна нога здесь, другая там...

Рутулов мы встретили к вечеру. Турну надоело прятаться, и пара сотен мрачных парней заступила нам дорогу. В воздухе уже зажужжала первая стрела, но до боя не дошло.

Турну был не нужен я. И никто не нужен — ни Любимчик, ни Протесилай. Только Эней. Плаксу он был готов разорвать на части — зубами, не хуже, чем мои давны.

И угораздило Анхизида жениться! Хоть бы нашел себе невесту без жениха! Особенно такого.

Турн кричал. Турн орал. Турн вопил. Турн лупил кулачищем в грудь. Эней — или война! Он соберет родичей, он позовет соседей, он зальет весь Лаций кровью.

Энея!!!

В конце концов владыка рутульский до того разгорячился, что пустился в пляс — прямо с копьем. Свистело в воздухе копье, топали в сырую прибрежную землю босые ножищи...

Энея!!!

А почему бы и нет? Старейшины рутулов войны не хотят, не у них невесту украли...

Договорились о поединке — насмерть.

Оно бы и ничего, да вот сдюжит ли Плакса? Такие поединки проигрывать нельзя.

— Ну чего, Ром, основал? А мое копье где?

— Основал. А копье пришлось оставить — возле жертвенника. Ты теперь, ванакт, у них бог-покровитель — Маурус Копьеносный. «Квирин», если по-сабински.

— У-у-у-у-у-у!

* * *

— Мама! Мама, мама, не уходи! Не уходи, мама...

Эней Анхизид бредил. Слепо смотрели глаза, тонкая струйка крови сочилась изо рта.

— Мамочка! Мне больно, мамочка! Не уходи, пожалуйста!..

Он звал ЕЕ — ту, что убила мою Амиклу.

Я осторожно вытер кровь с его подбородка, поправил мокрую повязку на лбу. Эней умирал. Я напрасно договорился о поединке.

— Мама! Мамочка...

Я отвернулся. Под Троей, на страшной Фимбрийской равнине, мы были врагами. Но врагов уже нет. Храбрый, честный парень, Эней Плакса, наш товарищ, уходит к черному порогу Гадеса.

Плакса! Он плакал, когда говорил об Амикле...

— Диомед...

Окровавленные губы попытались улыбнуться. Ата-Безумие смилостивилась над владыкой дарданов.

— Диомед! Она... Мама обещала взять меня к себе, туда... туда...

— Конечно, — заторопился я. — Только не спеши, Анхизид, ты скоро поправишься!..

— Нет, Тидид, она приходила, чтобы забрать меня с собой!..

Эней попытался приподняться, застонал.

...Я снова поднес окровавленную тряпицу к его губам.

— Мы привезли Палладий — тот самый, из Трои. Пусть он будет у тебя, Анхизид.

— У моих детей[1], — чуть слышно поправил он. — Спасибо... Мама... Она сказала, что мой род создаст великую державу, эта держава покорит мир...

— Ну, это ясно! — улыбнулся я. — Ты же Саженец!

— Саженец... — Эней попытался улыбнуться в ответ, дернул непослушными губами. — Мы ведь что-то сделали, Диомед, ведь так?

— Так, — кивнул я. — Мы переплыли Океан, мы основали новую страну. И мы стали друзьями, Эней. А это дороже всего, правда?

— Правда...

Я встал. За дверью ждали его сыновья, ждали родичи. Пора было прощаться.

Навсегда...

— Погоди, Диомед...

Огромная ладонь бессильно дрогнула, скользнула по покрывалу.

— Мама... Ты помирился с НЕЮ?

---

[1] В дальнейшем Палладий Трои хранился в Риме, в семье Навтов.

...Красная надпись на белом мраморе, красная кровь на алтаре...

— Я... Да, Эней, мы уже не враги.

Пусть я солгал. Сейчас — можно.

— ОНА велела тебе передать, чтобы ты не отталкивал... не отталкивал...

Закрылись глаза, еле заметно дрогнули губы...

Прощай, Эней, храбрая душа и доброе сердце! Твои потомки будут править этой землей!

Хайре!

— Не плакать! Не плакать! Эней Анхизид, регус латинов, жив — и будет жив, пока не победит в поединке, ясно? Завтра он убьет Турна и остановит войну. И никаких слез! Эней победит — тогда заплачем!..

* * *

— Он скончался, рыжий...

— Жаль...

И даже головы не повернул!

Любимчика я нашел там же, где и оставил, на той же позиции. Даже полупустой бурдюк валялся как раз под его босой пяткой.

— Эней умер, понимаешь? — повторил я.

— А я и говорю: жаль.

Об умершем щенке обычно горюют больше.

— Он скончался, — проговорил я сквозь зубы.

— Да слышу, Тидид!

Босая пятка неуверенно потянулась к бурдюку.

— А завтра Эней должен выйти на поединок с вождем рутулов. Если он не выйдет, нас захотят вытеснить с этих земель. По праву победителя.

— Ну и что?

На этот раз Лаэртид соизволил обернуться. И даже плечами пожать.

— Ничего, — все еще сдерживаясь, проговорил я. — Латины присягнули роду Анхиза, значит, начнется война. Настоящая, как под Троей. Я позову шардана, приведу своих аргивян. Для начала сожжем город рутулов, чтобы устрашить весь край, по-

том начнем уничтожать посевы... Ты никогда не думал, Одиссей, ПОЧЕМУ кончился Золотой Век?

И снова шевельнулись широкие плечи лучника.

— Тебе это очень важно?

Отвечать я не стал, просто кивнул.

Я бы и не приходил сюда, к Любимчику-лотофагу, но меня Турн уже видел, и Протесилая видел. А Идоменея, как назло, в море унесло.

Медленно-медленно вставал, долго-долго копался в куче хлама, завалившей угол. Но вот блеснуло ярое золото. Шлем — глухой, с прочной личиной и нащечниками. Знакомый, памятный — шлем лавагета Лигерона Пелида, прозывавшегося также Ахиллом.

— Сойдет?

На меня смотрела золотая личина с узкими прорезями для глаз. Одиссей Лаэртид, муж, преисполненный козней и хитрых советов, понял меня правильно.

— Я Эней Основатель!

Страшный крик потряс поле. Даже Турн, нетерпеливо приплясывавший в ожидании поединка, замер, застыл на месте.

Одетый в золоченую бронзу человек медленно, чуть косолапо, шагнул навстречу вождю рутулов. Золотая личина равнодушно улыбалась врагу. На миг даже я поверил. Голосом Энея Анхизида кричал Любимчик. Его походкой он шел на бой. Под Троей воевали живые. Теперь настал час мертвецов.

Дальше можно было не смотреть. Наконечник рутульского копья из мягкой меди, на доспехах из кипрской бронзы не останется даже царапины... Мне было жалко этого обезумевшего от гнева дурака.

...Но все-таки войны не будет. Золотой Век не услышит крик Керы.

— Спасибо, Одиссей. Ты выручил всех.

— Мы все погибли под Троей, Тидид...

.

— Левой! Лево-ой! Ножку тяни-и! На двух ногах — не на четырех! Идти бодро-весело-хорошо! Песню-ю!..

— Мы, давны, всех сильнее!
Мы, давны, всех храбрее!
У-у-у-у-у! У-у-у-у-у-у!

* * *

Каменный истукан хмурился. Наверное, оттого, что косо вкопали. А может, и потому, что пуст был алтарный камень, никто не озаботился об очередной овечке, не взял позабытый кремневый нож в руку. Но до этого ли страшилы люду окрестному, ежели сам Диомед Маурус Великое Копье суд вершить собрался? Дрожи, каменная башка!

Я оглянулся. Пока все идет как задумано. Холм, где мы собрались, окружен моими давнами — в два кольца, чтобы надежнее было.

Будь силен!

— Готовы ли выслушать мое слово брутии?

— Говор-р-ри, деус Маур-р-рус!

— Готовы ли выслушать мое слово луканы?

— Говори-и, деус Мауру-ус!

Рычащего я уже знал, а вот подвывающего (не хуже самого Калханта!) лукана видел впервые. Смотреть, впрочем, было не на что — грузный толстяк с редкой, словно выщипанной, бороденкой и хитрющими глазами. Ну, точно меняла на рынке в Аласии!

Мы собрались здесь втроем, если, конечно, моих давнов не считать. Втроем не поорешь, не станешь лупить кулаком в грудь под рев сородичей. Придется слушать!

— Я, Маурус Великое Копье, обдумал все, мне сказанное, и решил...

Недоверчиво усмехнулся рычащий, подался всей тушей вперед подвывающий.

— ...Не давать вам мира! И будете воевать вы вечно-вековечно, пока стоит эта земля!

Я полюбовался отвисшими челюстями, помедлил немного. Не ожидали? Думали, сейчас о дани спорить станем, кому корову, а кому овцу? Ну уж нет!

— Я не дам вам мира, брутии и луканы, оттого что не нужен он вам. Каждый раз вы обманываете богов, когда обещаете больше не воевать. Но меня, Мауруса Великое Копье, обмануть нельзя!..

Челюсти уже были на месте. Они слушали. В глазах у каждого плескалось что-то странное — вроде бы я к их женам под подол заглянул.

— Если настанет мир, оба ваши союза распадутся. Племена не станут жить вместе, когда исчезнет враг. Вы, луканы, не сможете властвовать над своими должниками и своими рабами, по-

тому что никто не захочет кормить стражу. Очень скоро у вас начнется смута. Ведь сейчас все горячие головы убегают в лес, к брутиям. Прав ли я?

Толстяк потупился. Рычащий, напротив, оскалил крепкие зубы.

— Но и вам, брутиям, придется плохо. Вы не умеете возделывать землю, значит, зерно придется обменивать. А на что? Будет голодно, и скоро половина из вас уйдет к луканам. Прав ли я?

На этот раз потупился рычащий.

— А посему я, Маурус Великое Копье, повелеваю: войну между вами объявить вечной. Готовиться к войне постоянно, ежедневно, ежечасно! А воевать будете два раза в год: неделю осенью, после сбора урожая, и неделю зимой. О начале войны предупреждать друг друга и всех соседей...

Скрестились на мне удивленные взгляды.

— ...тайно!

Облегченный вздох.

— Посевы не уничтожать, лес не поджигать. Тела погибших хоронить с честью. Платить друг другу дань тяжкую... по очереди. На войну посылать самых горячих, беспокойных и дурных. Таких брать в плен, сечь до крови и забивать в колодки — пока не остынут и не поумнеют. А кто посмеет нарушить мои заповеди, на того гнев лютый падет, гнев божий!

Поглядел я вниз, где стояли ровным кольцом мои давны...

Будь силен!

Кивнул редкой бороденкой толстяк. Мотнул буйной гривой рычащий. То-то!

— Ясна ли вам моя воля, луканы?

— О, сколь вели-и-ик, мудр и справедли-и-ив ты, деус Мауру-ус Великое-е Копье-е!

— Ясна ли вам моя воля, брутии?

— О, сколь велик, мудр-р-р и спр-р-раведлив ты, деус Маур-р-рус Великое Копье!

Я отвернулся, чтобы эти хитрованы не увидели моей улыбки. Тяжкую службу поручил мне ТЫ, Отец Молний!

Трудно быть богом!

* * *

Утро... Раннее утро...

— А потом мы здесь прорвем канал, Идоменей.

Критянин оценивающе взглянул на тихое осеннее море, на подернутый желтой травой лес.

— Понимаю, Тидид. Корабли смогут подходить к самому городу, там можно устроить небольшую пристань...

— Не только, — подхватил я. — Здесь много болот, Подалирий, бедняга, с ног сбился, от лихорадки моих волков пользуя. Мы отведем воду, сможем расширить посевы... Чему улыбаешься, Минос?

— Тебе, — наморщил нос критянин. — Только теперь Минос не я — ты. Так ведь все начиналось и у нас, когда Крит даже не имел имени. Мой предок, сын Дия, построил первый город, пристань... канал вырыл. А его брат записал законы на каменных табличках и помирил соседние племена. И отлилась критская бронза...

— Бронза, — повторил я памятное словечко. — Это будет еще не скоро, Идоменей. Когда эта земля... Когда Италия будет великой, от нас не останется даже сказок. Но... это не важно, правда?

— Правда...

Теплый ветер, ветер Золотого Века, подул от ближнего холма — чистый, свежий. Утро... Здесь еще — раннее утро.

— Я не останусь в Италии, Диомед. Ты вместе с остальными сделаешь все правильно, уверен. Побуду с тобою еще годик, подсоблю, чем смогу, а потом... Меня ждет Океан. Там находили покой мои предки...

Негромок был его голос, голос последнего Миноса. Я понял: спорить бесполезно, он уже все решил...

...И почудилось на малый миг, на каплю воды из клепсидры, будто упала на серый песок тень огромной головы с бычьими рогами.

— Так как назвали этот город, Ром?

— Какой город, ванакт? А-а! Да в честь меня и назвали. Ты же велел сказать, что я посланец этого... Мауруса. Так и решили: город Рома. Правда, те, другие, не сабины, произносят иначе — Рим[1].

---

[1] «От кого и по какой причине получил город Рим свое великое имя — суждения писателей различны... Есть и такое мнение, что город основал Ром, сын Эматиона, присланный Диомедом» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ромул,1).

Римский патриотизм отвергал предания о греческом происхождении основателей Великого Города. При императоре Августе Юл Антоний написал поэму «Диомед», где этот миф был подробно изложен. По приказу Августа поэт был казнен, а его творение уничтожено. После этого Вергилий Марон получил правительственный заказ на написание «Энеиды», в которой должна быть обнародована официальная версия о троянских корнях римлян.

— Да в чем дело, ребята? — возопил Подалирий. — Некогда мне, у меня фавн сбежал. Клетку прогрыз и...

Никто даже не улыбнулся. Асклепиад огляделся, все еще не понимая, недоуменно моргнул.

— А что случилось?

— Сядь, пожалуйста, — негромко попросил я.

Башня Свитков, синие весенние сумерки за узкими бойницами. Теперь мы все в сборе: Идоменей, Ром-лавагет, Подалирий, Грес-волчонок.

И я.

Только Калханта-боговидца нет. В Лавинии Калхант, календарь для латинов выдумывает.

— Продолжай, Идоменей...

Критянин кивнул, дернул широкими плечами.

— Итак, напоминаю... для любителей фавнов. Полгода назад мы встретили в море пилосский корабль. Уже тогда мы были уверены... почти уверены, что граница между Номосами, между Италией и Элладой, проходима с двух сторон...

— Ау-у?

— Потом, Грес! — шепнул я растерянному давну. — Потом объясню...

...Если смогу, конечно. Для давнов за морем земли нет.

— Сегодня мы узнали это точно. Тридцативесельная эперетма[1] из Кефалении с грузом зерна... и с несколькими письмами. Поэтому Тидид и попросил вас всех собраться...

— Просил? — возмутился Асклепиад. — Ну, корабль, ну, с письмами. Завтра нельзя было сказать, что ли? У меня фавн...

Осекся — наши лица разглядел.

— То, что сейчас узнаете, — тайна, — я медленно встал. — Полная тайна... Как я ненавижу такие тайны, ребята!

Таблички лежали тут же — на одной из полок. Я протянул руку — холодный алебастр внезапно показался раскаленной медью.

— Итак...

Слушали молча, даже дыхание затаив. Потом упала тишина. Долгая, безнадежная. И каждый боялся ее спугнуть.

— Сколько нам нужно времени... чтобы не опоздать? — наконец еле слышно проговорил критянин.

---

[1] Эперетма — гребное судно без парусов.

— Мы уже опоздали, — вздохнул я. — Лавагет?

— Три дня на сбор войск и погрузку, — чуть подумав, ответил Ром Эматионид. — Но если мы будем ждать шардана и всех остальных, то еще две недели.

— Да куда там ждать! — воскликнул Подалирий, напрочь забыв о шкоднике-фавне. — Они уже на Истме! Вы понимаете, что это такое?

— Нас здесь чуть больше тысячи, — пожал плечами Ром, — шардана и латины смогут прислать еще столько же, а если поможет и Гелен...

— Не все так просто, — перебил я. — Помните, что написано в последнем письме? Здесь, в Италии, уже есть чужие глаза. А если они заранее узнают...

...Если ОНИ узнают.

— Так придумай что-нибудь, Тидид!

Легко сказать! Несколько лет назад мы сбили с толку хеттийцев, размахнувшись на Трою и ударив по Хаттусе. А еще до этого бедняга Алкмеон ждал моих куретов в зимней промерзшей Аркадии...

— Но мы можем объявить, Диомед, что собираем войска против... э-э-э... Ливии!

Великий ты стратег, Подалирий. Прямо Любимчик какой-то!

Любимчик?

— А ну-ка, Идоменей, еще раз. Что эти... торговцы зерном рассказали об Итаке?

— Ничего особенного, — удивился критянин. — Басилиса Пенелопа никак не может выбрать жениха. Последних баранов на пирах доедают. Весь остров хохочет...

Так-так! Соломенная вдовушка харчами перебирает. Но это если с одной стороны поглядеть. А вот ежели с другой...

— Над чем тут хохотать? — рыкнул я. — Нашему другу, законному басилею Итаки, богоравному Одиссею Лаэртиду нанесено страшное оскорбление. Его семья, его власть, его царство в опасности! Объявить об этом всюду, на всех углах. Собрать войска. Корабли на воду! К Одиссею — гонца!

— А пусть эти... торговцы зерном сами в Лаций сплавают! — прищурился Асклепиад. — Пусть скажут, что их туда... э-э-э... бурей занесло. Если Одиссей все узнает от них, то это будет убедительней... с точки зрения психологии. А мы пока войска соберем!

Что такое «психология», я даже и не пытался понять. А вот насчет войск — верно. Несколько дней не помешают.

— Все ясно! Итак, объявляю план...
— ...«Итака», — подсказал кто-то.
— Точно! План «Итака»!

— Что, Грес, бегать давны еще не разучились?
— Ау-у-у-у-у!
— Самых быстрых, самых лучших — ко всем нашим. На всех четырех, хвосты вверх! К брутиям, к луканам, к певкетам, в Новую Трою. И в Лавиний, а оттуда — кораблем к шардана...
— Ау-у! Вода мокрая, вода холодная...
— Старший гетайр Грес! Волк ты или не волк?
— А меня с собой возьмешь, регус Маурус?
— Возьму... если сам к шардана поплывешь.
— У-у-у-у-у!

* * *

Ночью налетел шторм. Ветер нес холодную соленую пену, рычащие волны ползли по песку, остро пахли выброшенные на берег водоросли.

Шторм... шторм... шторм...

— Э-э, ванакт Диомед! Зачем тут стоишь, зачем на море смотришь? Холодно, да? Сыро, да? Зачем так долго в море смотреть, понимаешь?

— Там Эллада, Мантос.

— Эх, Диомед-родич! Прав ты, конечно, Диомед-родич! Сам бы так и стоял, сам бы так и смотрел. Домой поплывем, да? Домой вернемся, да?

— Это будем уже не мы, друг Мантос. Нас нет, мы все убиты под Троей...

Волны крепчали, ветер бил в лицо, не давал вздохнуть, затыкал ноздри упругой солью...

Шторм шел от берегов Эллады. Родина звала своих мертвецов.

— Я, Диомед, сын Тидея, я, Маурус Великое Копье, регус давнов, покровитель брутиев, луканов, мессапов и певкетов, ванакт Аргоса Конеславного, призываю к оружию моих верноподданных и моих союзников, дабы рукою сильной помочь другу нашему Одиссею Лаэртиду, басилею Итаки, чья семья и чья власть находятся под угрозой великой. А посему повелеваю и прошу...

— Кораблей мало, Тидид. Но здесь близко, можно попытаться перебрасывать войска отдельными отрядами. Вдруг там и вправду поверят, что мы на Итаку собрались? Предлагаю высадиться на побережье Элиды, а оттуда двигаться...

— Нет, Идоменей. В Элиде у нас нет союзников. В Элиде уже враги. Мы высадимся в Акарнании, там до Калидона рукой подать.

— У-у-у! Регус Диоме-е-е-ед! У-у-у-у-у-у-у!

— Ну, хорошо, ребята. Беру обе сотни!

— Ау-у-у-у! Регус Маурус! Регус Мауру-у-у-ус!

— Только помните: там за морем — Эллада! Не посрамите нашу Италию!

— Твои волки не подведут тебя, деус!

— Ну, чего я вам говорил, парни? Таки вернемся!

— Да как же мы вернемся? Это через Океан-то?

— Был Океан — да весь высох! Вернемся! По земле родимой потопаем, понюхаем ее...

— Винца выпьем!..

— Не-е, винцо здешнее получше будет. А вот девочку прижать, чтобы запищала по-нашему, по-ахейски!..

— Какие девочки, пень ты амбракийский? Сказано же: на Итаку плывем, басилису Пенелопу выручать. Будешь там коз прижимать до полного писка!

— От пня амбракийского слышу! Ты чего, Диомеда Собаку не знаешь? Нужна ему эта Пенелопа! Он просто хочет Итаку захватить, чтобы всем морем-Океаном править. А потом и до Аргоса доберется...

— Аргос! Да какой к ламии Аргос, пень ты!..

— Сам ты пень!

— Радуйся, родина наша далекая!
Хей-я! Хей-я!
Радуйся, Аргос, богами хранимый!
Хей-я! Хей-я!
Днем о тебе вспоминается сладко!
Хей-я! Хей-я!
Ночью лишь ты нам, отечество, снишься!
Хей-я! Хей-я!

— Слышишь, как они радуются, Тидид? Они еще не знают...

— Узнают. Скоро...

* * *

Стыдно признаться, но об Одиссее, коему всей душой помогать решил, я через пару дней успел подзабыть. Не до рыжего мне было. Да и нам всем тоже. Даже Итака, в честь которой мы назвали наш план, стала существовать как-то отдельно от Лаэртида. И без того хорош остров. Например, в узком проливе между Итакой и Кефалением можно спрятать десяток пентеконтер — до поры до времени. В общем, подзабыли мы о Любимчике. А напрасно!

Вначале не увидели — услышали.

— Держи! Держи дурака! Уйдет!

Давно уже Калхант-боговидец так не орал!

— Уйдет! Утонет! Бо-о-о-о!..

Кричали у самой пристани. К счастью, мы с Идоменеем были как раз поблизости — все у тех же пентеконтер, которые мы прятать собрались.

— Лови-и-и!

Одиссей Лаэртид был бос и наг. Одиссей Лаэртид нас не слышал. Одиссей Лаэртид нас не видел. Всех остальных, впрочем, тоже. Скрутить мы его смогли, только когда подоспел Протесилай.

...Я так и не понял, откуда они все тут появились. Болтали потом, будто Любимчик из-под земли выскочил — с Калхантом и Протесилаем под мышкой. Из-под земли — или из облачка туманного. Я бы не удивился. И даже если бы узнал, что Лаэртид так через всю Италию босым пробежал, тоже бы не удивился.

— Убью! Убью!

Ну, скрутили. Ну, водичкой побрызгали.

— Убью! Всех убью!

Поглядел я на это горе рыжее...

— Кого убьешь, Лаэртид?

— Вас всех! Пустите! Мне плыть надо! На Итаку!..

И тут только я понял. Для Одиссея все это было всерьез: и женихи, и его соломенная вдовушка. Перестарался Подалирий со своей «психологией». Услыхал новости Любимчик — и на Итаку побежал — босым. Оно бы и посочувствовать парню стоило, да только, как по мне, странно это. Где ж ты раньше был? Целовался с кем?

Ничего мы рыжему не рассказали — не до того ему теперь. Пообещали только, что назавтра всем войском пойдем Пенелопу выручать. Моргнул Лаэртид, удивиться изволил:

— Вы чего, ребята? Вернуться решили?

— Нет, рыжий, — вздохнул я. — Это ты возвращаешься. А мы так, за компанию. С тобой.

Родина звала своих мертвецов.

— ...Мои аргивяне! Мои товарищи и союзники! Гробница доблестных — вся земля. Но сейчас пришла пора нам встать из гробниц. Наша родина, наша Эллада, в смертельной опасности. Несколько дней назад мы получили весть, что дорийцы, северные варвары, захватили Афины, сжигают Беотию и Фокиду, прорвали укрепления на Истме и сейчас уже подходят к Микенам. Войска ванакта микенского разбиты. Вождь дорийцев, Гилл Гераклид, поклялся, что не пощадит ни одного города, ни одного эллина...

— А почему дорийцы?

— За ними будущее, дядя Диомед! Ахейцы — закат, они — восход. Красиво говорит Гилл, сын Геракла. Заслушаешься!

— Да ты, дядя, на города наши посмотри! Ну, Калидон ладно, маленький он. А Микены, а Спарта, да и Аргос? Басилеи и даматы с теретами в сидонских фаросах и критских накидках разгуливают, благовониями натираются, а люди в землянках живут, как звери!

— А мы все возьмем, а мы все поделим, — смеюсь я. — Тебе полфароса, мне полнакидки.

— Да не делить надо! — горячится Гилл. — Просто люди не должны голодать, потому что тогда страна слабеет, ее кто угодно голыми руками возьмет! Кто такую страну защищать станет? Басилей на колеснице один, а у пастухов только палки и топоры каменные! У дорийцев добычу поровну делят. У дорийцев голодных нет, у них соплеменников не обращают в рабство, не продают за море. И еще у них — железо. Представляешь, дядя Диомед, железные мечи! А их дикарями считают!

Горячится Гилл, сын великого Геракла, стучит-скрипит старая колесница. Далеко стук слышен!

— Меня отец с детства к ним посылал, к дорийцам. Говорит, учись у них, своим там стань. Меня уже и во фратрию приняли, и в святилище пускают. Они отца очень любят!

Нет мира в Ахайе! Аргос против Фив, Микены против Аргоса, Мегары против Афин...

...А на севере дорийцы с железными мечами. Да не сами — с сыном Геракла Амфитриона. Вот возьмут и выберут через пару лет Гераклида вождем. И что тогда? Тут уже не о микенском престоле речь пойдет!

Ты был прав, Гилл, сын дяди Геракла, мой бывший брат. Мы, ахейцы, — закат. Но за нами, последними, не восход, за нами — безвидная тьма, черная ночь.

Ты — ночь, Гилл Дориец!

— ...Аргивяне! Друзья! Мы будем воевать не за добычу, не за власть. Если дорийцы победят, никому уже не будет нужна добыча. Эллада сама станет добычей — под варварской пятой, под чужой властью!..

— ...Веди нас, Диомед! Веди нас, ванакт! Эллада! Эллада! Эллада!..

— ...По местам стоять, якоря выбрать, гистоны и долоны поднять, весла на воду!..

— Вспомним Скамандра желтые воды!
Желтые воды — красные воды.
Меди троянской блеск нестерпимый.
Мы не вернулись!
Мы не вернулись!
У Ройтейона нас убивали.
В травах Фимбрийских нас хоронили.
Пепел наш смешан с пылью Троады.
Только мы встанем!
Только мы встанем!
Жди нас, Ахайя, жди нас, Эллада!
Мертвых детей, о тебе не забывших.
Ты позови — мы придем из Аида!
Вместе мы живы!
Вместе мы живы!

Мертвецы возвращались из-под Трои. И сладкой была для нас первая горсть родной земли.

* * *

— Э-э, Диомед, сынок! Радуйся, Диомед, сынок!

— Дядя Андремон! Дядя Андремон!

Плевронское поле, сотни костров, знакомое ржание невысоких гривастых коней, знакомый бронзовый клич:

— Кур-р-р-р-р! Кур-р-р-р-р!

— Дай хоть посмотрю на тебя, дядя!

...Эх! Постарел ты, Андремон, басилей Куретии Заречной. Седой уже весь!

— Брат Диомед! Ты что, из Океана вынырнул, брат Диомед? Ну, радуйся, брат!

А вот Фоасу — хоть бы хны. Лишь борода еще длиннее стала. И чернее. Да вот только...

— А это кто?

Хмурый, неулыбчивый, с первым мальчишеским пушком над губой. Поглядел на меня, насупился:

— Я Агелай, сын Фоаса, басилея Этолии Калидонской. А тебя я знаю! Ты Диомед Тидид, наш бывший кровник!

Покосился я на родичей-куретов. Ну и воспитали же орла! Развели они руками: сам воспитался, мол.

А на поле Плевронское со всех сторон народ валом валит. Уже и места не осталось, возле реки шатры ставят.

— Вся Этолия собралась, Диомед-родич. Теперь ты снова койрат!

А над огромным полем, над конскими спинами, над бронзовыми шлемами, над остриями копий, над дымом костров:

— Кур-р-р-р-р-р-р!

Веди нас, койрат! Веди!

— Фивы еще держатся, Тидид. Ты будешь там через три дня, молнией прилетишь, ветром прилетишь.

— Нет, Фоас...

— Э-э, брат Диомед! Что говоришь, Диомед-родич? Там же братья Ферсандра! Твой род, твоя кровь!..

— Нет, Фоас. Под Фивы пойду не я — ты пойдешь. Дорийцы уверены, что уже победили, сейчас они разбежались по Беотии, грабят, жгут...

— Всех зарежем, всех передушим! А ты, брат Диомед?

— Ну, ты же меня знаешь, Фоас!

— Ай, знаю! Хитрый ты, брат! Настоящий курет! Всех обманул, всех вокруг пальца обвел. Говорили, ты на Итаку собрался, на свадьбу Пенелопы-басилисы...

— Невелика хитрость, брат Фоас. Выиграли дня три — не больше. По крайней мере, смогли переправить войско. А сейчас мне нужны гиппагоги. Знаешь, такие большие корабли, чтобы лошадей перевозить.

— Э-э-э-э-э-э!..

«Диомеду Тидиду от Менелая Атрида, басилея Спарты.

Я болен. Мои спартанцы здоровы. Куда им идти, Диомед?»

«Диомеду, сыну Тидея, от Промаха Партенопида, басилея тиринфского.

Сфенел Капанид договорился с дорийцами. Могу пропустить твои войска через Тиринф. Больше ничего сделать нельзя».

«От Эхея, басилея Тегеи, — великому воителю Диомеду, сыну Тидея.

Богоравный Диомед! Враги у моего города. Скажи, что ты придешь на выручку, и мы будем сражаться сто лет».

«Нестор, сын Нелея, басилей Пилоса, — Диомеду, сыну Тидея, воеводе Великого Войска.

У меня осталось мало сыновей и мало воинов. Гиппагог нет ни одной. Если дорийцы подойдут к Пилосу, город откроет ворота. Поспеши!»

«Гилл, сын великого Геракла, вождь непобедимых дорийцев, — Диомеду, сыну Тидея.

Убирайся откуда пришел, заморский заброда!»

«От Теламона, сына Аякса, басилея Саламина, — богоравному герою Диомеду, сыну Тидея.

Мои корабли не поспеют к сроку...»

* * *

Из мегарона все еще уносили трупы. Там пахло кровью и мясом. А здесь, на темной террасе, дышал прохладой ночной ветер. Даже не верилось, что Смерть так близко.

— У меня вино осталось, — заговорила тьма. — Кислое, правда. Хочешь?

— Хочу, — вздохнул я. — Не спишь, Лаэртид?

На Итаку все-таки пришлось заглянуть. Благо, совсем близко — час на кимбе от Астака Акарнанского. Война не ждет, да только совесть замучила. Ведь у рыжего — своя война. Что ему дорийцы?

...И корабли! Мне так нужны корабли — здесь, на западном побережье! Сейчас!

В мою руку мягко ткнулся кувшин. Я отхлебнул прямо из горла.

— Всех победил?

— Да вот... — глухо откликается тьма.

— Ну и ладно. Бывает.

Помощь Любимчику не понадобилась. Искаженные последней мукой рты убитых мальчишек беззвучно славили героя Одиссея. Кровавое вышло сватовство у Пенелопы, дочери Икария! За все отомстил женихам Лучник. А я-то думал, что все кончится извинениями и пеней за съеденных баранов! Выкупом, ползанием на коленях, на брюхе. Дракой — в худшем случае.

...Хоть бы он им морды набил, что ли? Афедроны до крови надрал? Ведь сопляки же они еще, меч в руках держать не умеют! Не умели то есть...

Не понимаю!

Надо было спешить, надо было говорить о кораблях, о десяти гиппагогах, которые следовало срочно перебросить в Калидонский залив. Иначе моим аргивянам не успеть и куретам не успеть, дорийцы уже возле Тегеи, в самом сердце Пелопоннеса.

Да только услышит ли меня Любимчик? Плохо хлебать неразбавленное вино. А неразбавленную кровь — еще хуже. Захлебнуться недолго.

— У тебя хорошо, рыжий. Виноград, оливы. Тихо. Только море шумит. Хорошая жена, хороший дом — что еще нужно, чтобы мирно встретить старость?

— Ага... — равнодушно отозвалась тьма. — Только я еще... еще не вернулся.

...Мертвецы, наскоро укрытые старой дерюгой, кажется, другого мнения на этот счет!

— Мне нужны корабли, Лаэртид. Гиппагоги. Все, которые есть.

— Ага... Завтра скажу — будут.

Даже не спросил, зачем. Не до того рыжему — возвращается он. Сколько же еще мальчишек ему требуется перерезать? Родичей, соседей? Рано я забыл Паламеда Эвбейца! И все остальное — тоже рано. Поистине богоравен ты, Одиссей, сын Лаэрта. Тебе тоже была нужна твоя Гекатомба!

Я — не лучше рыжего. Не добрее, не честнее. Я тоже в крови по уши, по самую макушку!..

...Но если бы на пороге Новых Палат Аргоса лежал труп Комета Сфенелида, мальчика, полюбившего Айгиалу, смог бы я вот так сидеть и винцо прихлебывать?

Ну, у этого мальчиков кровавых в глазах точно нет!

— Что, снова мы вдвоем, Любимчик? Ночью, с глазу на глаз, как тогда, под Троей? Может быть, мне опять попробовать убить тебя?..

— Давай! — все так же равнодушно отозвался он. — Я и так себе построю гробницу... кенотаф. Тебе нужны корабли? Что-то случилось?

Отвечать я не стал. Еще несколько слов — и кенотафом бы не обошлось. Тогда, под Троей, я не смог ударить в спину. Но теперь мы сидели лицом к лицу.

Тьма — к тьме.

— Корабли отправишь в Калидонский залив, там, где переправа в Аркадию... Все, мне пора.

Я встал — в ноздри ударил запах крови. Даже здесь уже слышно... Возвращайся, Любимчик! Дома тебе рады будут!

— Тидид! Погоди, Тидид!..

Дернулась черная тень, приподнялась...

— Они... Они хотели убить сына! Моего Телемаха!.. Понимаешь? Они хотели... Я никого не желал убивать! Никого! Понимаешь? Никого!..

Он кричал, зная, что не убедит, не оправдается. Но я вдруг понял — не мне судить Лучника. Я прошел много миров и нигде не был чужим. У Одиссея Лаэртида оставался только его Номос — Номос Итака. Маленький беззащитный Номос: дом, жена, сын...

Не мне прощать — и не мне осуждать.

— Не хотел!..

Я вышел, не ответив, не оглянувшись. Меня ждала война.

...С Пенелопой знакомиться не стал. Почему-то не захотелось.

* * *

— К переправе!.. Первая сотня пошла!..

— Аргос! Аргос! Аргос!..

— Вторая сотня!..

— Кур-р-р-р! Кур-р-р-р!

— Третья сотня!..

— Кей Кавад! Кей Кавад!

— Четвертая сотня!..

— У-у-у-у-у!

— Ну что, Мантос? Все как раньше?

— Э-э, Диомед-родич! Все как раньше, все как прежде!

— А может, тебе в Куретии остаться, дома? Ведь навоевался ты уже, брат Мантос?!

— Что говоришь, ванакт Диомед? Не слышу! Уши совсем заложило, понимаешь, да?

— Жди нас, Ахайя, жди нас, Эллада!
Мертвых детей, о тебе не забывших.
Ты позови — мы придем из Аида!
Вместе мы живы!
Вместе мы живы!

* * *

— Храм светится! Чудо! Чудо!

Я даже не оглянулся — слышал уже. Слышал и видел. По всей Ахайе, по всей Элладе, желтым тревожным огнем горели алтари, переливались холодным пламенем деревянные и каменные истуканы. Не хотелось даже думать — почему.

— Чудо! Родные боги — за нас!..

— Чудо! Миру конец пришел!..

Тегея — маленький пыльный городишко посреди Пелопоннеса. Не городишко даже — полтора дома на холме. Когда-то сюда примчался гонец, чтобы поведать мне о мятеже в Калидоне. Теперь же Тегею было не узнать. Исчез город среди шатров, среди сотен костров, горевших по всей долине, до самых гор. И трудно было даже понять в ранних весенних сумерках, где кончаются наши и начинаются вражьи.

Гилл Гераклид отказался от переговоров. Он ничего не хотел, сын дяди Геракла, мой двоюродный брат. Только нашей земли — и нашей крови.

Пришли не все. Уже покорились Афины и Платеи, из последних сил держались Фивы, отбивался от чужих кораблей Саламин, отсиживался за стенами Пилоса мудрый Нестор, откупился от врага (надолго ли?) Аргос. А тех, кто все же пришел, кто не побоялся выйти на последний бой, я совсем не знал. Они были слишком молоды, дети тех, кто уплыл под Трою. Значит, снова мальчишкам идти на смерть!..

Нужны ли мы здесь?

— И что ты п-предлагаешь, б-богоравный Диомед?

Знакомый блеск золотых щитов, знакомый красный полог огромного шатра, знакомый Пелопсов жезл...

...И худой безусый паренек, так похожий на Менелая — того, кто подбежал ко мне когда-то у Львиных ворот. Только у белокурого не дергалась щека, не кривились судорогой губы, не сбивалась речь.

— Нас м-меньше... м-меньше, нас могут легко ок-кружить, богоравный Диомед! У д-дорийцев — железные мечи.

Кривит узкий рот Орест, сын Агамемнона, ванакт микенский. Убийца матери. Убийца дяди. Мститель за отца. Не по себе ему — и не только из-за близкого боя.

— Их больше, — соглашаюсь я. — И нас могут окружить. И железных мечей у нас мало. Но дорийцы — все-таки не войско. Пока не войско. Они идут в бой семьями, фратриями, племенами, они не смогут выстроить фалангу...

— Как п-под Троей? — попытался улыбнуться он. — М-мне рассказывали...

— Как под Троей, — вновь киваю я. — Мертвецы очень хорошо научились воевать, ванакт Орест. Мы теперь с Танатом не разлей вода!

Дергается щека у богоравного Ореста, недоверчиво глядят темные испуганные глаза. Не верит заморскому заброде микен-

ский ванакт, полубезумный мститель, проливший кровь той, что его когда-то вскормила.

Кого он больше боится? Дорийцев — или нас?

— Гилл Г-гераклид — твой б-брат, богоравный Д-диомед!

— Да, — опять соглашаюсь я. — Мы были двоюродными братьями. Мы все были братьями, Орест...

...Худой узкоплечий мальчишка с горящим наивным взглядом. «Куда ты спрятал войско, дядя? Я никому не скажу!..» И теперь я буду убивать сына дяди Геракла ради сына Агамемнона! А я еще смел осуждать Любимчика!..

— Б-богоравный Диомед! Если... к-когда мы победим, обещаешь ли ты увести свои в-войска, не т-требовать себе венец Арг-госа? П-пойми, вы все здесь чужие, в-вы словно выходцы из Г-гадеса!..

Наши взгляды встретились, и он замолчал.

Страшно изгнаннику жить, но страшнее проклятой чужбины,
Если родная земля кажется камнем ему...

— Внимание, богоравные! Войско выстраиваем спиной к северным воротам Тегеи в три линии. Первая линия: тегейцы, спартанцы...

— Но, богоравный Диомед! Три линии? Так никто не воюет!..

— Бар-р-р-р-ра! Да что говор-р-рит этот гр-р-речишка?[1] Р-р-регус, пер-р-ретолкуй ему, что так только и ср-р-ражаются!

— ...Ясно?

— Ясно, богоравный Диомед. Сначала погибнет первая линия, затем вторая. А что будет потом?

— А потом погибнет третья. Или победит.

— Э-э, Диомед-родич! Все хорошо, Диомед-родич. Ворона только я увидел, понимаешь, да? Слева этот ворон взлетел, проклятый! Ты не волнуйся, ванакт Диомед. Ворон, коршун, гидра — Мантос не подведет тебя, родич!..

Весенняя ночь — холодная, муторная — никак не кончалась. Тянулась, тянулась, тянулась... На востоке даже не начало белеть, словно Земля Светлых Асов за Лиловым морем жалела солнечного огня для обреченных — тех, кому осталось жить всего несколько часов. Неровным щитом низких туч заслонились испуганные звезды.

---

[1] Древние итальянцы (италийцы), а затем и римляне называли эллинов «graeculi» — «гречишки». Слово имело пренебрежительный оттенок.

Черное небо, черная земля.

— Регус Маурус! Регус Маурус! Тебя спрашивает какой-то... аэдус.

— Аэд, Грес...

Почему-то я не удивился...

ОН сидел прямо на невысоких ступенях храма — сгорбившийся, постаревший. Неверный желтоватый свет, скользивший из отворенных дверей, казалось, боялся коснуться ЕГО лица. Я так и не решился сказать «Радуйся». Чему радоваться в такую ночь?

— Светится! — наконец вздохнул ОН, кивая на храм. — Заметил, племянник? Это по всей Элладе. И никто из НАС не поймет, почему. Говорят, так было, когда Крон начал убивать своих детей...

Я не стал отвечать — просто присел рядом. Да ОН и не ждал ответа.

— Зачем я ТЕБЕ понадобился, Психопомп?

Теперь не стал отвечать ОН. Негромко застонали струны знакомой кифары:

— Тяжко вставать похороненным в толосе старом,
Кости и пепел собрать и ногтями скрестись из могилы.
Солнце зовет, и забытая родина кличет,
Сладок тот зов! Но не рады потомки пришедшим
Из безымянных могил. И не в радость им будет свиданье...

— Замолчи! — не выдержал я. — Как ТЫ смеешь?

Дрогнули поникшие плечи.

— Я и не смел бы, племянник. Вы сами посмели, сами решили вернуться. Видишь, теперь МЫ с тобой на равных. Твой дружок Одиссей так ничего и не понял. Можно убить лучших друзей, можно засыпать пеплом всю землю, но Судьбу не изменить. Ты прав, вы погибли под Троей, Тидид. Оттуда вернулись уже не вы — другие. Ты ненавидел богов, Диомед. А кем ты сейчас стал? Только не говори МНЕ, что твои наивные подданные по ошибке называют тебя деусом! Но и НАМ с тобой не все подвластно. Ты что, решил спасти нашу Ахайю, нашу Элладу?

Тяжко вставать похороненным где-то под Троей!
Нет, не цветами, не песнями встретит Эллада
Мертвых своих. Поспешили вы зову поверить,
Те, кто погиб возле желтой теснины Скамандра!
Кончился век, и чужие теперь вы в отчизне.
Поздно пришли! Уж в разгаре Последняя Битва...

— Вот ТЫ о чем? — вздохнул я, когда кифара умокла. — Под Троей мы думали... Я думал, что именно там идет наша Последняя Битва, наш Армагеддон...

— А на самом деле все только начинается, племянник. Начинается — и кончается. Увы... И на этот раз никто из НАС не вмешивается. Бесполезно... Знаешь, твой ДЕД считает, что вы все ошиблись — и не только в этом. И ты ошибся, Тидид. Там, под Троей, вам надо было решиться — и выходить на Титаномахию. Номос все равно погиб бы — но не так. Лучше сгореть в огненной буре, чем веками гнить в забытых могилах. И вам — и НАМ...

Я встал, поглядел вдаль, на равнину, где догорали дорийские костры.

— Это не МЫ, Диомед, — понял ОН. — Это Время. Номос умирает, и мертвецы Трои смогут лишь ненамного задержать его смерть. Ты разве не заметил, племянник, как это все похоже на Крепкостенную? Только теперь Эллада — не вы, Эллада — это Гилл и его дикари. Вы, чужаки, будете убивать эллинов!

— Не эллинов — врагов! — сквозь зубы проговорил я.

— Нет! Настоящих эллинов, Будущее нашей земли. Время не обманешь, племянник! Сейчас ты смог привести из-за моря варваров... мертвецов. Вы победите, наверное. Но через полвека некому будет прийти на помощь. И позвать на помощь — тоже некому.

Страшно было слушать ЕГО голос — негромкий... безнадежный.

— «Времени много создал Уранид, только много не значит — бессчетно. Жизни положен предел. И Время подходит к концу», — вспомнил я. — Это так, аэд?

— Это так, — ОН тоже встал, подошел ближе. — Вы — последнее поколение, за вами ночь. Волки будут выть на развалинах Микен и Аргоса, и никто не придет на ваши могилы. МЫ все боялись таких, как Персей, Беллерофонт, Геракл. Таких, как ты, Диомед. Боялись, но понимали, что без вас Эллада умрет. А то, что придет на смену, будет лишь призраком, тенью в Аиде. Потомки станут рассказывать о вас сказки — глупые, нелепые, прекрасные. И о вас, и о НАС.

— Зачем ТЫ пришел, Психопомп? — не выдержал я.

— Попрощаться, племянник. Попрощаться. С тобой — и с нашей Элладой...

Мы стояли рядом, и черная ночь плескалась вокруг нас.

— Я могу, — ОН нерешительно повернулся. — Могу попробовать... могу позвать ЕЕ...

— Не смей! — выдохнул я. — Моя мать — Аргея, дочь Адраста, лежит на Поле Камней в Аргосе. И хватит об этом!

Кифара нерешительно застонала. Умолкла...

Никто не сказал больше ни слова.

* * *

— Братья! Мертвецы Трои с нами! И пусть этот бой станет последним, самым последним для всех нас — и живых, и мертвых! Троя!..

— Троя! Троя! Троя!..

— Антилох, сын Нестора!

— Здесь!

— Махаон, сын Асклепия!

— Здесь!..

— Аякс, сын Оилея!

— Здесь!

— Аякс, сын Теламона! Агамемнон, сын Атрея! Лигерон, сын Пелея!

— Здесь! Здесь! Здесь!..

— Диомед, сын Тидея!

— Здесь!

— Одиссей, сын Лаэрта...

...Что такое победа? Это много трупов. Что такое великая победа? Это очень много трупов. Что такое величайшая победа?..

— Не плачь, Диомед-родич! Твой друг Мантос погиб, как мужчина, как этолиец. Он будет лежать в родной земле. Не плачь, он не хотел бы, чтобы ты плакал. Куреты не плачут. Куреты — огорчаются...

— Мы уходим, Орест, сын Агамемнона. Считай, что Элладе приснился страшный сон. Мы похоронены где-то под Троей...

— Что с тобой, Грес? Ты не ранен?

— Ау-у!.. Нет-нет, регус Диомед Маурус, я не ранен. Мне страшно, страшно!

— Волки ничего не боятся, Грес! Вы все сегодня сражались как герои.

— Регус Диомед Маурус! Вы, боги, всегда так беспощадны? Всегда так безжалостны?

— Всегда...

— Значит... Ау-у! Значит, такое будет и у нас дома, в Италии?

— Нет, волчонок. Не будет. Пока я жив. Пока все мы еще живы...

...Волки будут выть на развалинах Микен и Аргоса[1].

АНТИСТРОФА-II

— Может, еще подумаешь, Идоменей?

— Нет, Тидид. Я все решил...

Ветер раздувал белые паруса. Черные весла готовы были врезаться в теплую спокойную воду. Последний Минос уходил в Океан.

Навсегда.

— Но почему? — вздохнул я. — Здесь так много дел, Идоменей! Мы основали еще четыре города, строим канал, к нам приезжают сотни, тысячи — из Эллады, из Фракии, из Азии...

Тяжелая, как просмоленная доска, ладонь легла на мое плечо.

— Каждому — свое. Ты, Диомед, построишь новую страну — Италию, построишь свой Золотой Век. Но ведь кто-то должен идти дальше! Там, за Иберией, за Эфиопским морем, тоже есть земля. Я хочу увидеть ее, Тидид!

Он улыбался, Идоменей-критянин, последний из рода Миносов, — спокойно, чуть грустно. Я понял — уговаривать бесполезно. Он уже все решил.

Теперь мы оба смотрели на море, на винноцветную гладь, такую привычную, такую безмятежную в это летнее утро.

— К тому же ты прав, Тидид. Ахайя, наша Эллада, умирает. Ты же видишь, даже смерть Гилла, даже победа над дорийцами ничего не изменили. Режутся, предают друг друга, зовут на помощь врагов. А дорийцы вновь копят силы. Я... Я не хочу видеть, как на нашу родину опустится ночь!

---

[1] «Запоздалое возвращение эллинов из-под Трои вызвало много перемен и междоусобных распрей... На восьмидесятом году после взятия Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес» (Фукидид. История). Последствия дорийского нашествия могут быть вполне сравнимыми с приходом монголо-татар на Русь. Эллинская цивилизация смогла возродиться только через шесть веков.

Словно черная тень пронеслась над морем. Словно крылья Таната...

— Но ведь есть Италия! — вздохнул я. — Мы сохраним все, что можно еще сохранить, мы выплавим новую бронзу. Это будет действительно Золотой Век!..

— Конечно! — Его рука сжала мое плечо. — И через несколько столетий ваши потомки тоже захотят узнать, что там, за Океаном. Так будет всегда, Тидид. Бесконечен мир, бесконечны Номосы. Ты как-то сказал, что мы, люди, подобны листьям в дубравах древесных. Пусть так! Но ведь деревья стоят сотни лет и становятся только крепче!..

Я заставил себя улыбнуться.

— Может, ты и прав... Миносе то этаной, курет Идоменей?

— Станем Миносами, курет Диомед! — рассмеялся он. — А еще лучше — останемся друзьями. Навсегда!

— Навсегда...

Торопился ветер, раздувал белые паруса, тревожным криком отзывались беспокойные чайки, горчило прощальное вино на губах... А у самого горизонта, медленно, незаметно, уже проступал серый сумрак седого Океана. Мы останемся с тобою друзьями, Минос!

Навсегда...

— Так пенься, хлябь океанская!
Стучитесь, волны, в борта!
Нас ждет страна, что лежит вдали,
Мы назад не свернем!..

* * *

«От Амфилоха Амфиараида, басилея Кипра, — Диомеду Тидиду, прозываемому также Маурусом, регусу давнов и всей Италии.

Богоравный, ты не прав. И даже не лев. Мои подданные любят говорить: лучше быть живой — Дурной! — собакой, чем мертвым львом. А по мне, еще лучше быть живым львом. Оно и веселее как-то. Так что забудь всю ту ерунду, о которой ты мне писал. Мы — живые. Хорошо ли, плохо это — но живые. Или ты думаешь, что наши друзья у Белого Утеса порадуются за нас, если мы даже здесь, под солнцем, станем унывать?

Но довольно о стонах и вздохах, достойных разве что юных дев.

Я не смог выполнить твое поручение и оттаскать за уши басилея Киантиппа, так как он сейчас в Киликии, заключает мир с лувийцами. А вот с ушами моего племянника все в порядке — Амфилох-младший только что вернулся из страны Мукиш, именуе-

мой также Сирией, и я воспользовался случаем. Выросли орлы, скоро меня с трона скинут, и тогда я приеду к тебе — «телепина» гонять. Кстати, осенью жди наше войско — забьем тебе не меньше дюжины «голов».

С Домом Мурашу все не так просто. Этот проглот Исин-Мардук не прочь начать торговлю с Италией, но предлагает такие условия, что даже идолы краснеют. А именно...»

«От Диомеда, сына Тидея, — Амфилоху, сыну Амфиарая Вещего, басилею Кипра.

Сам ты — богоравный! А Исин-Мардуку, гидре ненасытной, передай...»

Создали прежде всего поколенье людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ Олимпийских.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою...

— Давай дальше, Калхант!

— «Если вызывают кого-нибудь на суд, пусть вызванный идет. Если он не идет, пусть тот, кто вызвал, подтвердит свой вызов при свидетелях и ведет его сам». Годится, ванакт?

— Читай, читай!

— «Пусть будут даны должнику тридцать льготных дней после признания им долга, а затем пусть истец наложит руку на должника...»

— Чего-то мне это не нравится. Тридцать дней, а потом?

— Здесь так принято, Диомед. А если не нравится, пиши законы сам!

— Э-э нет, Калхант! Сам напишешь — и сам проследишь, чтобы в каждом городе эти законы поместили на таблицах где-нибудь на акрополе...

— Так они же читать не умеют, Тидид!

— Вот ты и научишь, боговидец. Сначала значки, потом слова...

— Бо-о-о-о-оги-и-и-и!..

— Мы, доблестные пицены, просим справедливости у тебя, деус Маурус Великое Копье, ибо наши соседи самниты желают забрать себе наш город Корфиний, которым владели мы вечно-вековечно!..

— Мы, доблестные самниты, просим справедливости у тебя, деус Маурус Великое Копье, ибо наши соседи пицены не желают отдавать нам наш город Корфиний, которым владели мы вечно-вековечно!..

— Нет, Эпей, не подходит. Это храм, а не «Конь» Троянский. Тут храмы строят круглые, значит, и мы такие ставить будем. Стены из камня, крыша черепичная. Походи по селам, погляди...

— Ванакт! Да к чему это все? Храм и есть храм...

— Я тебя, Эпей, с одним моим знакомцем сведу, Юпитером Его кличут. Так вот Он тебе все как есть растолкует. Только смотри, чтобы молнией не зашибил!

— Ванакт! Приплыли фракийцы, просят выделить землю для поселения, самую лучшую.

— Ванакт! Приплыли туски, просят выделить землю для поселения, самую лучшую.

— Ванакт! Приплыли родичи Лигерона Пелида, просят...

— И что же делать, Подалирий?

— От лихорадки будем лечить этой корой, надо будет сегодня же отправить давнов в лес — пусть принесут по охапке. А всех приезжих придется окуривать серным дымом. И овощи! Овощи пусть не забывают мыть!

— Ясно. А как там твой фавн?

— Значит, так, волки! Это называется «плуг»...

— У-у-у-у-у!

— И не «у-у-у-у-у»! Лепешки жевать любите? Так вот, это плуг, сюда мы впрягаем быка. Впрягаем, а не сжираем!

— У-у-у-у-у-у-у-у!

— Мужи-аргивяне! Свободные волки! Слушайте и не говорите, что не слышали! Спешите на великий праздник героя Телепина, посвященный проводам нашей дружины в Лаций, где быть великому сражению за Чашу Италии! Слушайте и не говорите, что не слышали!..

Создали прежде всего поколенье людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ Олимпийских.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем не известен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотели, трудились, спокойно сбирая богатства.

Шутник же ты был, неведомый аэд!

* * *

Дорогу проложили совсем недавно. Не дорога даже — просека лесная, но все равно лучше, чем петлять по тропинкам да цепляться за корни. Ничего, дойдет дело и до камня!

— Шаго-о-о-ом!..

— Это кто шагает тут? Это давны в бой идут! Нам с дороги не свернуть! Уступайте давнам путь!..

Шлепают эмбаты по рыжей земле, улыбаются молодые лица, блестят под солнцем наконечники коротких копий. Подросли волчата!

Люблю ходить лесными дорогами. И полевыми тоже. И горными. Поглядишь в небо, вдохнешь горячий сосновый воздух — ну, точно дома, где-нибудь в Аркадии!

...Странно, Аргос почти перестал мне сниться. Словно бы отпустила Дурную Собаку родная земля. Родные тени отпустили...

— В Лаций нам спешить сейчас! Диомед отдал приказ! Вместе с нами он идет! Впереди победа ждет!..

Не выдержал — усмехнулся. Молодцы! Вперед, Италия!

Еще на Востоке полюбил я такие долгие переходы — от рассвета до заката, с полной выкладкой. Но там я шел дорогами войны — и сам был войной. А здесь и врагов не встретишь. Всяких дураков-забияк, ошалелых лесных оборотней, впервые выползших на дорогу замшелых царьков из глуши — этих хватает. А вот врагов — нет тут у меня врагов!

Хорошо не быть владыкой жестоким! Здорово даже!

А дорогу надо все же камнем замостить. Ширина в десять шагов, влево и вправо — скос...

— Регус Маурус! Регус Маурус! Встречают!..

Ах да! Замечтался! Действительно, встречают. Но на этот раз не у горного склона — у перекрестка.

— Бар-р-р-р-ра-а-а-а!

Знакомая толпища в шкурах (но и в туниках тоже!), все те же копья и дубины... А где же рычащий?

Ого!

Из-за деревьев медленно, не торопясь, колыхаясь на ухабах, вываливала... Колесница? Ну, не колесница, конечно... Но чем-то похожа. Огромная, о четырех вырубленных из цельного пня колесах, полдюжины лохматых конячек еле тянут, бедолаги...

Щелкнул сыромятный кнут.

— Бар-р-р-р-р-ра-а-а! Будь силен, деус Маур-р-р-рус!

На этот раз, правда, на деуса больше походил именно он,

брутийский вождь. На гордого до небес лесного божка, впервые взобравшегося на повозку. Этакий Пан!

— Пр-р-р-рошу! Пр-р-рокатимся!

Залезать на такое одоробло было страшновато, но не обижать же парня!

— Кр-р-р-р-р-расиво, а? Весь Лаций от зависти помр-р-рет!

— Ладно, — улыбнулся я Пану. — Пристраивайтесь — и левой-правой!

Толпища уже вываливала на дорогу. Вздохнул Пан, почесал затылок. Зашептал.

— Маур-рус! Я их никак... Объясняю, понимаешь, где эти самые лево и право, а они... Обор-р-рмоты!

И что тут придумать?

— А ты прикажи каждому к ноге два клочка шкуры примотать. На левой — кабанью, на правой — оленью. И говори: кабан-олень! кабан-олень!

Расцвел Пан!

— Мудр-р-р ты, деус Маур-р-рус! А в Лации мы все р-р-равно всех р-р-раскатаем!..

Спорить я не стал. Пора и в путь, до Лавиния еще шагать и шагать. Поглядел на дорогу...

...Обомлел.

В самом хвосте толпища пристраивалась дюжина лохматых, рогатых, кривоногих...

— А это кто такие?

Удивился рычащий. Поразился.

— Фавны! Др-р-рузья!..

Золотой Век!

* * *

В этом доме всегда было темно. Плотно закрыты ставни, тяжелый полог на двери...

— Заходи, Тидид. Вино будешь?

Каждый раз меня спрашивали об одном и том же.

— Буду. Радуйся, Одиссей!

— Ага...

Он сидел прямо на полу — сгорбленный, понурый, безразличный ко всему. И как всегда — тяжелый кувшин под рукой.

Полный до краев.

...Да только не пьет он, муж преисполненный! Только губы пачкает. Словно этот кувшин — друг его последний.

Сюда мало кто забегает, а хозяин почти ни разу не выгля-

нул, чтобы увидеть солнце. Только по ночам иногда шел к морю — стоял, смотрел. Молчал...

Его не узнавали. Даже я с трудом поверил, что тот, кто вернулся с Итаки, — мой давний друг-недруг. Исчез бойкий парень, парень-стрела, неугомонный рыжий. Незнакомый, грузный, давно разменявший пятый десяток человек переступил порог этого маленького дома на окраине Лавиния. Седина на лысеющей голове, морщины, исказившие лицо, обрубки давно потерянных пальцев на левой руке... Страшное чудо случилось с тем, кого я называл Любимчиком. И я даже боялся задуматься — отчего.

...Простые парни латины теперь уже считали Лаэртида не Двуликим Янусом — демоном, ларом с дурным глазом.

— Идоменей уплыл в Океан. Навсегда.

— Ага...

Сказано было так, словно критянин решил на полчаса прокатиться на кимбе в гавани Аргоса Конеславного.

Я уже не удивлялся.

— Мы «телепина» гонять станем. Вся Италия собралась. Протесилай судьей быть вызвался. Придешь?

— Не-а...

Я отхлебнул из кувшина, откинулся назад, прижавшись затылком к деревянной стене. Говорить было не о чем.

— Знаешь, Диомед, чем ты меня всегда удивлял?

— Тем, что из лука стрелять так и не научился, — попытался пошутить я.

— Нет... Тем, что ты очень быстро хоронишь своих мертвецов, Тидид! У тебя Прошлое — всегда за спиной.

— А где ему быть? — поразился я. — Прошлое и есть...

Из темноты донесся грустный смешок.

— Для тебя. Для тебя, Диомед! И ты очень хорошо научился себя прощать! А я вот не умею...

Он говорил негромко, спокойно, словно жалея.

— Тебе никогда не снятся те, кого ты убил? Под Фивами, на Востоке, под Троей? И те, кого ты убил сейчас, под Тегеей?

«А тебе?» — хотел было огрызнуться я. Не решился.

— Знаю, кем ты меня считаешь, Тидид. Кем вы все меня считаете. Самовлюбленный хитрец, которому дорога лишь семья и собственная шкура. И еще амбар на Итаке. Так?

Я пожал плечами. Кажется, он заметил, несмотря на темноту.

— Не спорь, Диомед! Я помню, как ты разговаривал со мной там, у меня дома. Я не хотел убивать этих мальчишек... Не хотел!

А теперь вижу их каждую ночь — не отпускают. А тебе снится Гилл, твой брат?

Я стиснул зубы. Вот, значит, как? Пока Любимчик тосковал на Итаке...

— Гилл привел дорийцев, чтобы уничтожить нашу Ахайю! У него больше не было имени и родичей. Мне не снятся враги, Одиссей!

— Ну конечно! — вздохнул он. — Враги! Враги были под Фивами, враги были в Хаттусе. И в Трое были враги... Легко тебе жить, Диомед! Когда Прошлое за спиной, можно строить города, дороги прокладывать, учить дикарей, как вытирать нос... вооружать варваров, чтобы спасти Элладу от эллинов...

— А как лучше? — не выдержал я. — Гнить за ставнями и хлебать неразбавленное? Это лучше? Знаешь, почему я сплю спокойно? У меня всегда есть друзья, всегда есть дело, всегда есть цель. И я никогда не предавал друзей ради варенья, печенья и... амбара на Итаке! И где же твоя Итака, Любимчик? Где? Помогли тебе твои боги?

Думал — вспылит, заорет. Смолчал. Передал мне кувшин.

— Да, я ошибся, Тидид. Мне казалось, что мой Номос — очень маленький, меньше не бывает. Тот самый... амбар. И еще несколько человек, которых я люблю. Я ошибся — твой Номос еще меньше, Диомед. Это ты сам! Ты хоронишь друзей — и тут же заводишь новых, ты бросаешь родину — и быстро становишься своим на чужбине. Удобно!

На этот раз удалось смолчать мне. Смолчать, передать кувшин обратно — дабы Любимчик губы омочил. Ошибается рыжий! Врет! Разве я не вспоминаю папу, дядю Эгиалея, дядю Эвмела, Смуглого?..

...Девочку под Фивами, юную жрицу из храма Ма, сожженную Хаттусу, убитых троянцев, Гилла Гераклида, поле под Тегеей, заваленное трупами таких же эллинов, как я...

— Люди тоже ошибаются, Тидид! Не я — ты настоящий Одиссей, муж, преисполненный козней и хитрых советов. Удачливый Одиссей! Счастливчик! Ты проживешь сто лет — и будешь крепко спать...

— А ты, Лаэртид? — выдохнул я. — Знаешь, мне рассказывали сказку — про то, как к Богу Единому пришли Его вестники. И одного из них Единый спросил: «Скажи мне, слуга лукавый, когда раб становится свободным?» А ты раб, Одиссей! Раб своей Итаки, своего маленького пиратского мирка, своего козьего Эдема. Понимаешь?

Еле заметно колыхнулась его тень.

— Нет, Тидид. Я не умею понимать. Но и ты ошибся. Я погиб под Троей — вместе с тобой, со всеми остальными. Мертвые свободны. Просто я почувствовал это, а ты нет...

Горчило густое вино в кувшине. Тихо звучал надтреснутый слабый голос — голос старца.

Мы были оба не правы.

Мы были оба правы...

* * *

— Слушай, Италия! Слуша-а-а-ай! По велению богов наших, по благословению Величайшего Отца Молний, по приглашению деуса Мауруса Великое Копье начинаем священную игру «телепин», дабы боги наши смогли выявить лучших из лучших...

— Телепин! Те-ле-пин! Ар-гос! Ла-ви-ний! Брути-и-и! Лу-ка-ны! Ри-и-им! Телепин! Телепи-и-ин!!!

Телепин, сын Тару-Грома, был немало удивлен — почитают его сильно среди варварских племен! За морями, за горами собирается народ, чтоб с башкою Цигу-злыдня смело в бой идти вперед. По Италии зеленой, сквозь леса, во все концы, звать на битву самых храбрых устремляются гонцы.

Не моя это задумка — Амфилох Щербатый подсказал. Намаялся он там, на Востоке, с подданными и соседями. А как начал в Аласии голову Цигу-великана гонять, как стал приглашать туда всех, с кем переговоры шли особо туго, так и полегчало. Вот и я попробовать решил...

— По воле богов и по общему избранию судьей в этой священной игре станет друг наш и деус Протесилаус, ведомый своей непреклонной честностью и справедливостью!..

— Бар-р-р-ра-а-а! Слава-а-а! Судью в Тарта-а-ар! К Плуто-ну-у-у! Протесилай! Протесилай! Про-те-силай!

Копья в стороны отложим: скучно, право, воевать. То ли дело в поле выйти, чтобы ноги поразмять. Дураки с дубиной пляшут, мы же «голову» возьмем да в ворота ее вкатим — «го-о-ол» сопернику забьем! Только битва непростая, каждый в ней боец — герой. Ну, довольно наболтали! Рев трубы! Скорее в бой!

А ведь, почитай, все собрались! Никого гнать не пришлось, некоторых не позвали — так обиделись, сами прибежали. Выходит, прав оказался старикашка из храма с тростниковой крышей, ни к чему людей в Великое Царство бронзой и огнем загонять, ни к чему на врага натравливать. Вот они, все тут, без всякого трупа конского, без всякой Трои!

Ты ведь этого хотел, Отец Молний?

...И почему-то представляется всякий раз: Фимбрийская равнина, две дружины, наша и троянская, кожаная «голова» — и Елена вместо Чаши победной. Иногда такая тоска берет!

— А-а-а-а-а-а-а-а! Вперед! Впе-е-е-еред! Гони! Гони! По «крепости» бей, по ворота-а-ам! А-а-а-а-а-ах! Мазила! Мазила! Ма-зи-ла!

Войско Лация в атаке. Все красавцы, как один! Впереди — детина ражий — это Юл, Энеев сын. Обведет в бою любого, ветром мчится Юл-юла. Разбегайтесь все с дороги! Плохи их врагов дела. Но противник не сдается. Не привыкли отступать парни города Турино. Молодежь — «Ювентус»[1] *звать.*

Может быть, ты и прав, Любимчик. Я крепко сплю, я научился хоронить своих мертвых. Почти научился... Диомед Дурная Собака ничем не лучше Одиссея Хитромудрого. Но когда на весах в Аиде (есть такие! верю!) станут взвешивать все нами сделанное, я знаю, что́ будет на моей второй чаше — той, что уравновесит кровь и пепел. Может, и репа найдется, за которую меня вытащат из преисподней. Или это мне только кажется?

— Нечестно! Нечестно! Не было «головы»! Рука! Рука-а-а! Не было-о-о-о! Судью к Плутону-у-у! Протесилая на солонину-у-у-у!

Гонят брутии луканов — вся истоптана трава. Но ловки луканы в схватке — и в воротах «голова». Рев над полем, рык над полем. «Телепин» вам — не война! Это вам — не лбом о стену, тренировка тут нужна. Плачут брутии от горя. Может, ну ее, войну? Ведь еще раз проиграем — быть позор на всю страну!

Но ведь Италия останется? Останется бронза — бронза Золотого Века. Эти парни, гоняющие «голову», еще много столетий не будут знать, что такое настоящая война, настоящая Смерть. А тем временем вырастут города, поплывут по винноцветному морю корабли, взрослыми станут козопасы и охотники. И когда Золотой Век кончится, они без страха шагнут в Будущее. И грядущим итальянцам уже никогда не стать мясом для Гекатомбы. Облизнитесь, Олимпийцы! Будете с голодухи дохнуть, вспомните меня — Дурную Собаку!

— Гони! Гони! Давай! Дава-а-ай! Нечестно! Нечестно-о-о! Подсечка-а! Э-э-э-э-эх! А-а-а-а-а-а-ах! «Голова»! «Го-ло-ва»! «Го-о-о-о-ол»!..

Но сильнее всех волчата — войско давнов в бой идет. «Голова»

---

[1] «Ювентус» — «Молодость» *(лат.)*.

так и летает. Три подряд — немалый счет. Бородатый и лохматый, вдрызг разгромлен город Рим. Только римляне не стонут: дайте срок — и победим! Рома-Рим не просто город, сам Квирин отец ему. И клянутся все квириты: сдюжим! dixi[1] *! быть сему!*

Ох и хлопот же с этим городишкой, что Ром-лавагет основал! Еще и стены не достроили, а уже требуют, чтобы их главными в союзе латинов сделали. Орут, что, мол, наш город сам Квирин-Маурус благословил, а посему мы самые лучшие, самые сильные, наш Рим скоро главным городом мира станет!

Смеются над этими лохматыми. И я поначалу смеялся. А вот недавно перестал...

— Жребий! Жреби-и-ий, кому первыми по воротам бить! Боги, помогите-е-е! Бо-ги! Бо-ги! Бо-ги! А-а-ах! Э-э-эх! «Го-о-о-о-ол»!..

Но внезапно стихло поле, улетело воронье. Это Аргос Конеславный войско выставил свое. Страшно прочим — боги вышли, боги в бой пойдут сейчас. Тут бы «голову» закинуть за весь год единый раз! Только разве кто сумеет, если вестником побед впереди шагает страшный Марс-Воитель Диомед?

Ну, пора! Эх, жаль, не поставишь Лигерона во вторую линию, не отправишь Аякса с «головой» к вражьим воротам. Ничего, парни, в Гадесе «телепина» погоняем. Обещаю! У Белого Утеса поле расчистим! Мало не покажется этим Аидам с Психопомпами! Говоришь, Любимчик, все мы погибли? Врешь!

— Диомед, забивай! Диомед, за-би-вай! Э-э-э-э-э-э-эх! Кто у нас на поле главный? Это Аргос Конеславный! А-а-а-а-а-а-ах! Диомед, лупии-и-и-и! У-у-у-у-у-у-х! «Го-о-о-о-ол»!.. Диомед — Телепин! Диомед — Телепин! Ди-о-мед!..

А все-таки первую «голову» зря не засчитали!..

* * *

— Ванакт! Тидид!.. Бросай все! Скорее! Там! Там!..

Плеснуло в глаза горячее солнце. Замерло сердце. Я знал. Я ждал. Я так ждал!..

...Огромный крутобокий корабль — финикийский «торговец» — неуклюже пытался пристать к берегу. Такие громады сюда, в желтое устье Тибра, еще не заглядывали. Но вот кто-то изловчился, сумел поймать брошенный с борта канат...

— Кто это, регус? Чего привезли?

---

[1] Dixi — «сказано» *(лат.)*.

Я не отвечал.

Смотрел.

Наконец с грохотом упали сходни. Смуглые матросы начали сбегать вниз, на долгожданный берег.

Я шагнул вперед.

Она стояла у самого борта, глядя куда-то вверх, на легкие летние облака. Наконец медленно обернулась, прошла к черным доскам сходней. Не выдержал — бросился к ней.

Мы встретились как раз посередине.

— Радуйся! — выдохнул я. — Радуйся, Цулияс, царевна хеттийская!

Она улыбнулась, покачала головой.

— Нет, Тидид! Бывшая правительница Цулияс ушла в дальний горный храм, чтобы молить богов за царство Хеттийское и не мешать своему сыну, Великому Солнцу. Только не смей меня называть больше Куросом!

— Хорошо, — легко согласился я. — Ты будешь... Корой![1]

Она рассмеялась, и мы сошли вниз, на теплую землю.

— Тидид! — Ее голос внезапно дрогнул. — Ты хоть... рад мне? Я постарела, ванакт! Не смотри на меня... пока.

— Неправда!

Я поглядел в лицо той, что блистает под стать Новогодней звезде в начале счастливого года. Лучится ее красота, и светится кожа ее...

...Упал на колени, прижался лицом к ее ногам.

— Тидид! Что ты делаешь, глупый Тидид? Встань!

— Ни за что! — прошептал я. — Ни за что, Светлая!..

ЭПОД

Над желтым Тибром, над близким спокойным морем — красный Лик уходящего Гелиоса. Даже ветер устал — не тревожит верхушки золотистых сосен.

Тихо...

— Рад за тебя, мальчик! За тебя, за вас...

Улыбается Протесилай Филакский. Даже глаза иными стали — добрыми... своими. Словно бы сгинул Чужедушец в темном Аиде. Сгинул, человеком вернулся. Обычным, много пожившим.

Добрым.

---

[1] Кора — девушка, молодая женщина *(греч.)*.

— Спасибо, Иолай Первый. Порадуйся и за других. Все-таки поклялись эти лохматые да бородатые до следующего «телепина» не воевать! К миру тоже можно привыкнуть, как и к войне. Помнишь, мы когда-то говорили с тобой об этом? За год, конечно, не получится, и за десять лет тоже. Но потом... Все-таки мы что-то сделали тут, в Италии?

— Все-таки...

Мы оба смотрим на уходящее Солнце, на безмятежный винноцветный простор, вдыхаем теплый смолистый воздух... Ты прекрасен, Золотой Век! Если бы не тень над морем...

— У нас дома... в Ахайе, в Элладе... уже ничего не изменить, Протесилай?

Не отвечает Чужедушец. Сжимает губы.

— Может, нам стоило остаться, собрать всех уцелевших, выгнать безумца Ореста из Микен, объединить землю?..

Умолкаю. Мне и самому ясен ответ.

— Но ведь мы ушли, бежали! Мы просто бежали, Протесилай!

Еле заметно дрогнули губы:

— Бежали, Диомед. Но бывают времена, когда побег — единственное средство, чтобы выжить, спасти друзей... и по-прежнему мечтать!..

Легкий вечерний ветер зашумел в соснах, прикоснулся к щеке, помчался дальше, к винноцветному морю. Хайре, Гелиос Гипе́рионид, Золотой Феб. Возвращайся! Свети вечно!

— Закат... — словно читает мои мысли Иолай, племянник великого Геракла. — А я видел восход, раннее утро. Я помню Персея, Тидид! Он был чем-то похож на нашего малыша, только немного счастливее. Совсем немного...

Не удивляюсь. Чужедушец, выходец из Аида, видел все — даже когда из Бездны Вихрей творился первый Номос.

— Тогда был рассвет. Раннее утро над Элладой. Теперь я вижу закат. Впереди ночь...

Холодом Кронового черного льда веет от его слов. Волки будут выть на руинах Микен и Аргоса...

— Уходит! — Протесилай протянул руку к исчезающему в морских волнах Солнцу. — Но все имеет конец. Даже Смерть. Даже Ночь! За Ночью — снова Рассвет, Тидид! Правда?

— Правда!

И я улыбнулся наступающей тьме.

За Ночью — Рассвет!

ГИССАРЛЫК[1]

(КРУТОЙ РЭП)[2]

— ...А ну-ка вжарим песенку одну — про то, как в Трое начали войну. Козел Парис чужую бабу сгреб — пошел тогда по всей Элладе треп. Сошлись крутые парни — зуб дают, что в подлеца Париса нож воткнут!..

Динамик хрипел, урчал мотор катера, летели во все стороны соленые брызги. Яро светил Гелиос Солнцеликий, заливая горячим огнем винноцветное море. Вездесущие чайки летели рядом, совсем близко. Протяни руку — и схватишься за белое крыло!

— ...Да только эту Трою не согнуть! У них там самый главный — Гектор-круть. Стероиды он колет от души. И все козлы-троянцы хороши! Под «дурью», отморозки, ходят в бой. Мальчонка перед ними «коп» любой!..

Я глядел на море, на привычную бесконечную ширь, на черное пятнышко маленького островка у самого горизонта. Радуйся, море! Радуйся, Гиперионид! Как здорово снова встретиться!

На близкий берег можно и не смотреть. Стоило лишь закрыть глаза — и все вставало, как будто было только вчера. Серый песок Сигейской бухты, угрюмые скалы Ройтейона, острые зубцы Иды, высокие башни на холме.:.

— ...Но вот нашлась уздечка и на них! От ступора троянский берег стих. Канает на уродов сам Ахилл. Скажу вам точно — этот мэн не хил! Он пырою положит хоть кого, и «черный пояс» тоже у него!..

Улыбнулся, головой покачал. Нет, все не так! Это лишь память. На фотографиях все по-другому — исчез Сигей, уцелевшие камни Ройтейона выглядывают из воды, а вместо Крепкостенной Трои — просто изрытый траншеями холм да дюжина турецких мазанок на склоне. Беспощаден ты, Крон-мертвец!

Но я все-таки здесь!

— ...А с ним идет парнишка Диомед. С двух рук в ворота стрельнет — и привет! У всех козлов-троянцев — искры с глаз. А вот сейчас пошлют Коня на вас! Неслабый Конь попался — прямо танк.

---

[1] Гиссарлык — холм и одноименный турецкий поселок на месте Трои, где вел раскопки Генрих Шлиман.

[2] Крутой — непереводимое выражение. Рэп — музыка черных людей, живущих за Океаном.

Он Трою раскурочит, словно банк! И хоть с тех пор прошло три тыщи лет, парней, кто там сражался, круче нет! Не-е-е-ет!

Я поглядел на черный зев динамика и подмигнул невидимому аэду.

...Все-таки повеселее, чем зануда Гомер!

Легкий толчок. Мотор, в последний раз фыркнув, затих. Я обернулся. Бетонная пристань, за ней что-то блестящее из стекла и алюминия, огромная надпись «Гиссарлык—Троя»...

Кажется, я вернулся!

Первым, что я увидел на берегу, был плакат. По белому ватману косо ползли красные значки. Я всмотрелся:

«Это не Троя!!! Троянской войны не было!»

Значки помельче, чуть ниже, уточняли:

«И не будет!»

Возле плаката лениво топтались парень и девушка в шортах и майках. Парень, чернобородый, словно настоящий курет, дымил трубкой.

— Простите, вы на конференцию, сеньор? Регистрация налево...

Суровая матрона средних дет, поблескивая стеклышками очков, требовательно глядела на меня. Я оглянулся. Слева от билетных касс действительно обнаружилось выкатанное на принтере объявление:

«Пятая научная конференция памяти Леопольда Курциуса. Регистрация участников».

— Ясно, — улыбнулся я. — А что обсуждать станем? И Трои не было, и войны тоже!

— Фи!..

Ледяное презрение окатило меня с ног до головы.

— Вот уж не думала, сеньор, что вы из этих... научных хулиганов. А еще такой солидный человек!..

...Кажется, у моих потомков принято в таких случаях уточнять: «А еще шляпу надел!»

Оставленный негодующей дамой, я прошел ближе к плакату. Он меня, признаться, не интересовал, по крайней мере сейчас. А вот некто в широкополой шляпе, сидевший на скамеечке слева от бородатого...

— Подлинный антик, сеньоры! Самый свежий антик, эфенди! Теплый антик, товарищи! Настоящие находки из раскопок Трои! Сувениры на память о городе Приама!..

Вопил он громко — не хуже аэда в динамике. Стайка туристов уже тянула руки к груде черепков, разложенных прямо на асфальте.

— Портрет Ахилла на краснолаковой вазе с сертификатом подлинности! Наконечник лидийской стрелы! Навершие ножен пеласгийского меча! Чеканка по бронзе — герой Диомед сражается с богами!..

Я понял — не подступиться. С только что прибывшего катера подходили новые жаждущие «антика» — самого свежего.

— Чернолаковое рыбное блюдо с изображением Одиссея, поражающего женихов!.. Древности из Трои — лучший подарок, украшение Сотби, гордость Эрмитажа!

Разошелся — заслушаться можно. Открыли рты доверчивые туристы. Только один не обращал внимания на весь этот шум. Пес — огромный, безухий, равнодушно дремал, уронив тяжелую голову прямо на какую-то миску с яркой росписью.

Кербер!

Я поглядел направо. Кажется, то, что нужно. Кафе под зонтиками, турок в красной феске за стойкой, густой дух настоящего кофе... Подожду! Больше ждать пришлось!

Свободный столик нашелся, но остальное пространство густо заполнила шумная компания. До драки пока не дошло, но все прочее...

— Безобразие! Какое право они имеют нас не регистрировать? Мракобесы! Шлиманы!..

Огромный детина, чем-то похожий на Аякса Теломонида, грозно вздымал вверх банку пепси-колы.

— Ретрограды! Неучи! Шлиманы! — дружно откликнулся хор.

— А мы сами придем! Сами скажем! Пишут диссертации по Троянской войне, понимаешь!..

— Мра-ко-бесы! Не-у-чи!

Ну вот, а говорят, что войны не будет!

— Простите, мистер... сеньор, мы вам не очень мешаем?

Девушка в джинсах и красной майке, решительным жестом утихомирив разбушевавшихся борцов с мракобесием, подошла к моему столику.

— Совсем нет, — улыбнулся я. — Вы, наверное, на конференцию приехали?

— А нас регистрировать не хотят! — взревел Аякс. — А мы с ребятами, между прочим, тут десять лет копали! Вы представля-

ете, мсье, эти ученики Шлимана и Фюрюмарка до сих пор датируют слои по керамике!..

Истинно гомерический хохот покрыл его слова.

— По керамике, мсье! А ведь еще Блеген доказал, что вся эта, пардон, троянская керамика моложе Трои веков на пять, а то и на шесть! Клейн из Петербурга правильно пишет, что никакая это не Троя, это Илион, а Троя была где-то севернее...

— И Троянской войны не было? — подлил я оливкового масла в огонь.

— Не было! Восточные источники... География местности... Стратиграфия... Не было! Не было! Не! Бы! Ло!

Я покачал головой. С этакими молодцами мы бы вынесли Скейские ворота в первый же день!

Допил кофе, поставил на столик невесомую чашечку.

— Удачи вам, парни! Троянской войны не было. А главное — не будет![1]

Знакомый ветер нес пыль с Фимбрийской равнины. Исчез желтый Скамандр, серая лента шоссе рассекала невысокие холмы. Найду ли я твой курган, малыш Лигерон? Найду ли я ваши могилы, ребята? Беспощаден Крон-Время, неостановимо черное колесо.

Но все-таки я здесь. Пусть не я-прежний, пусть кто-то совсем другой пришел сюда, на поле-призрак, к стенам города-призрака.

Я здесь. Я снова нужен. И мы все — нужны!

Хотелось, не оглядываясь, идти к почти исчезнувшему среди желтой травы Ватиейскому холму. Наши могилы чуть правее, может, все-таки удастся отыскать...

...Мы похоронены где-то под Троей.

Но я знал — еще успею. Я все успею!

— Антик, сеньоры, эфенди, товарищи, мсье. Самый свежий антик!..

Толпа схлынула. Только пожилая пара в кожаных шортах и рубашках навыпуск тыкала пальцами в старые черепки. Торговец не смотрел на них. Огромная шляпа налезла на нос, ворот-

---

[1] Самые последние раскопки на холме Гиссарлык подтверждают, что Шлиман нашел именно Трою, погибшую в XII веке до Р. Х. в результате разрушительной войны (так называемый слой «Троя VIIa»). Но сомневающихся очень много.

ник длинного, не по погоде, плаща закрывал уши. Только рыжая прядь с блестками седины предательски свисала на щеку.

— Безобразие! — буркнул тот, что в шортах. — Обман! Сплошные новоделы!

— Фаль-си-фика-ция! — поддержала его спутница. — По-зор!

Торговец с рыжей прядью даже не пошевелился. Зато безухий пес медленно поднял морду... оскалился неслышно...

...Ветром сдуло умников!

Я оглянулся. Пусто! Мы вдвоем — если Кербера безухого не считать. Мы вдвоем — и Троя.

Далекий чужой мир. Чужой — но все-таки наш. Номос, в котором мы нужны.

— Радуйся! — усмехнулся я шляпе.

— Ага!..

Из-под широких полей блеснул знакомый взгляд.

— Свежий антик, сеньор! Чеканка по бронзе — Диомед сражается с богами!

— Ты вернулся, рыжий! — рассмеялся я.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРЫЙ КОРШУН. *Роман* 5

I. ПОВЕСТЬ О ЦАРСКОМ МУШКЕТУМЕ 7

Алеф 8
Бет 19
Гимель 33
Далет 37
Хе 47
Вав 68
Зайн 74
Хет 85

II. ПОВЕСТЬ О РЫЖЕЙ КОЛДУНЬЕ 89

Тет 89
Йод 100
Каф 113
Ламед 121
Мем 132
Нун 143
Самех 155
Айн 165

III. ПОВЕСТЬ О ШАРДАНА 173

Пе 173
Реш 198
Каф 206
Шаде 222
Шин 243
Тав 259

ДИОМЕД, СЫН ТИДЕЯ. *Роман* 265

Книга I
Я НЕ ВЕРНУСЬ

НАВПЛИЯ 267

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ. Элевсинский огонь 281
ПЕСНЬ ВТОРАЯ. Стрижка волос 332
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ. Эпигония 381
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Ванакт 434
ПЕСНЬ ПЯТАЯ. Игра Атрея 487
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ. Полемодицея 543

Книга II
ВЕРНУСЬ НЕ Я

ДИОМЕДОВЫ ОСТРОВА 603

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ. Собачья звезда 607
ПЕСНЬ ВТОРАЯ. Великое царство 661
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ. Кинотеомахия 716
ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Малая Илиада 771
ПЕСНЬ ПЯТАЯ. Песнь Минос 830
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ. Золотой век 893

Литературно-художественное издание

Андрей Валентинов
МИКЕНСКИЙ ЦИКЛ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *Е. Гондик*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Захарова*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.2004
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Бум. тип.
Усл. печ. л. 50,40. Уч.-изд. л. 49,8.
Тираж 6 000 экз. Заказ 2381

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

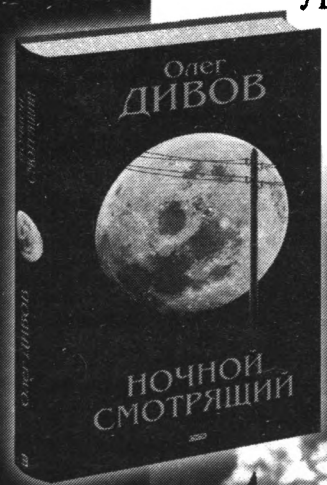
ТАКЖЕ В СЕРИИ:

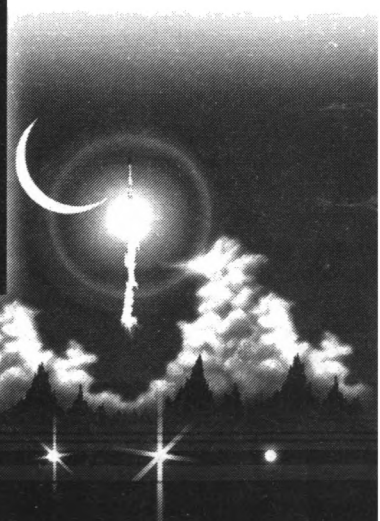
В. Звягинцев
«Андреевское братство»,
«Бои местного значения»
В. Бурцев «Алмазный дождь»
А. Орлов «База 24»
А. Селецкий «Древняя кровь»

ЛИДЕР НОВОЙ ВОЛНЫ

ОЛЕГ ДИВОВ

Один из самых ярких современных писателей-фантастов, лауреат многочисленных литературных премий.





Читайте книги Олега Дивова:

«К-10», «Выбраковка», «След зомби», «Саботажник»

Трудно ли быть царем? Самозванцу из далекого Вавилона приходится нелегко на престоле Златообильных Микен. Порою легче договориться с богами, чем с людьми; а есть еще кентавры, киклопы и многое другое, во что просвещенный вавилонянин отказывается верить. Трудно ли быть богом? Диомед, сын Тидея, великий воитель, рад бы статься человеком, но... Троя взята, бушует в крови небесное серебро, а значит, победителям нет места на родной земле.